

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

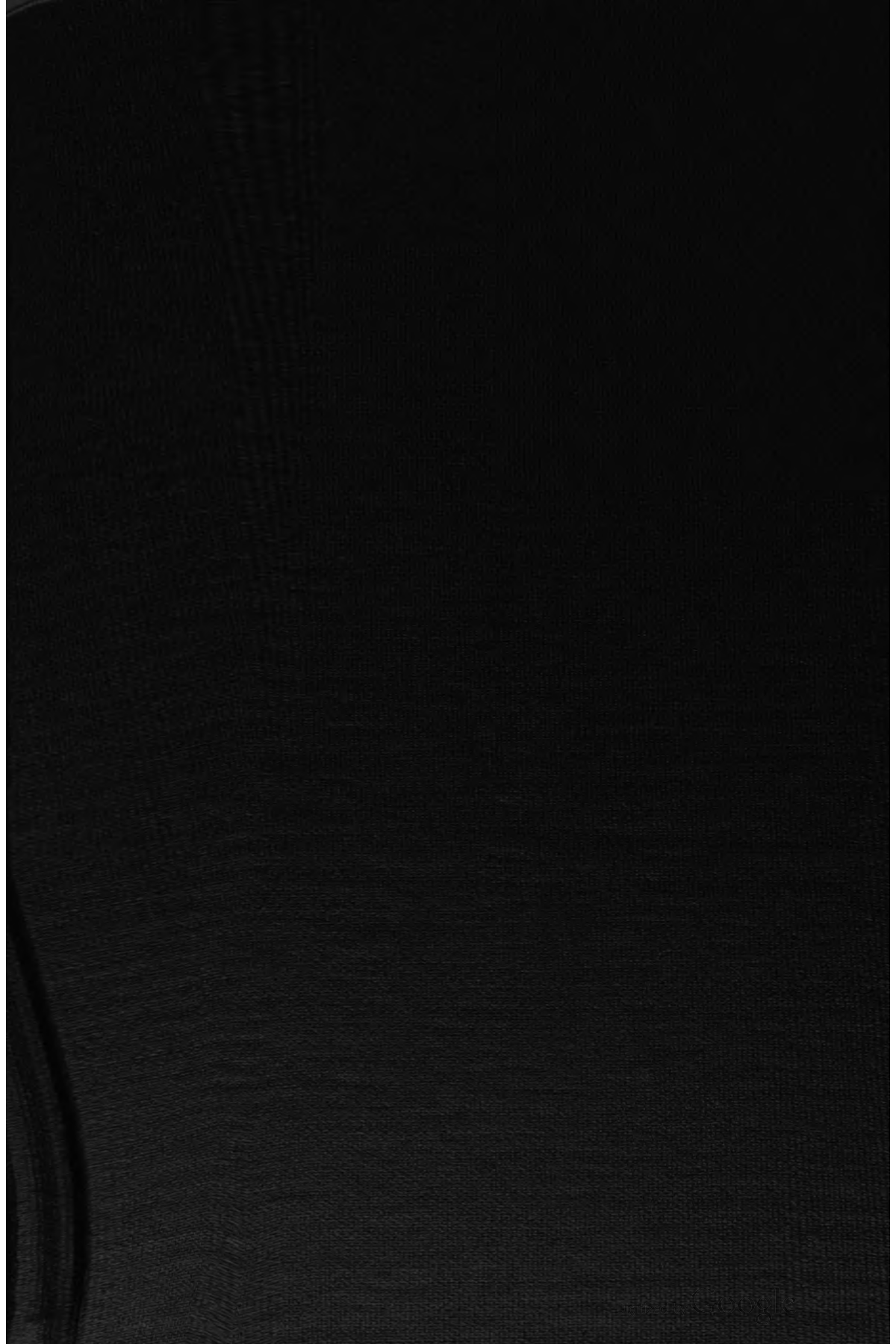
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

James C. Spackman
Class of 1962

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІІІ.

1894.

М А Й.

293
1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашки и К°, Екатерининскій каналъ, № 80.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. И. Манадопуло-Керамевъ. Теофанъ Барнеъ, патриархъ константинопольскій	1
А. Н. Веселовскій. Изъ введенія въ историческую поэтику	21
В. О. Миллеръ. Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ	43
Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе)	78
В. П. Модестовъ. Записки по Тациту (слончаніе)	122
Э. Л. Радловъ. Принципы философіи Гюйо	163
И. Я. Спирогисъ. По поводу статьи „Народный судъ въ Западной Русѣ“	181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. М. Г. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. Одесса. 1894	200
А. А. Кочубинскій. М. Г. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. Одесса. 1894	203
А. И. Соболевскій. С. Буличъ. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ языкѣ. Часть I. С.-Пб. 1893.	215
В. М. Владиславлевъ. И. Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Москва. 1891	221
В. Г. Аниельротъ. По поводу рецензій проф. Цвѣтасва	239
— Книжныя новости	250
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1892 году	1
В. И. Вузескулъ. В. К. Надлеръ (некрологъ)	40

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Н. Ланге. „Первая Аналитика“ Аристотеля (продолженіе)	33
И. И. Холоднякъ. Эпиграфическія замѣтки	70
С. К. Буличъ. Къ вопросу о новонайденныхъ памятникахъ древнегреческой музыки	73

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	129
--	-----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-го мая).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІІІ.

1894.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Екатеринин. кан., № 80

1894.

PSlav 318.10

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го января 1894 года). *Объ утвержденіи дополнительнаго штата клиникъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о дополнительномъ штатѣ клиникъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополнительномъ штатѣ клиникъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, мнѣніемъ положилъ:

І. Проектъ дополнительнаго штата клиникъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

ІІ. Исчисленный по сему штату расходъ въ восемь тысячъ девятьсотъ девяносто рублей относить на счетъ сбора за леченіе больныхъ въ названныхъ клиникахъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ С.-Петербургѣ. *„Быть по сему“.*

26-го января 1894 года.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТАТЪ

клиникъ при императорскомъ московскомъ университетѣ.

НАЗВАНІЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у.				По должно- сти.	По штыю на мундирѣ.	По пенсін.
		Жало- ванья.	Столо- выхъ.	Квартир- ныхъ.	Всего.			
Р У Б Л И.								
Инженеръ, завѣдывающій техни- ческими устройствами кли- никъ	1	3.000	—	Натур.	3.000	} По вольному на яму.	VIII	
Помощники его	2	1.200	—	—	2.400			
Помощникъ эконома	1	500	100	} Натуром.	600	XII X	VIII	
Помощница надзирательницы при прачешной	1	240	—		240			
Фельдшеры и фельдшерницы	3	300	—		900			
Надзирательница	1	300	—	—	300		По мед. службѣ.	
Сидѣлки	9	150	—	—	1.350			
На добавочное вознагражде- ніе надзирателю и надзиратель- ницамъ при психіатрической клиникѣ	—	—	—	—	200			
Итого	—	—	—	—	8.990			

Подписалъ: предѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

2. (27-го декабря 1893 года). *О распространеніи дѣятельности комисіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургъ и ея окрестностяхъ на всю территорію С.-Петербургскаго учебнаго округа.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день декабря 1893 года, Высочайше соизволилъ на распространеніе дѣятельности постоянной комисіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ на всю территорію С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ видахъ устройства помянутыхъ чтеній въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это будетъ признано удобнымъ по соглашенію съ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереемъ и губернаторомъ и съ тѣмъ, чтобы надзоръ за веденіемъ чтеній былъ довѣренъ извѣстнымъ по своей благонадежности лицамъ, по назначенію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

3. (28-го января 1894 года). *Объ учрежденіи при Харьковскомъ обществѣ физико-химическихъ наукъ преміи имени академика Н. Н. Бекетова и объ утвержденіи положенія о сей преміи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 28-й день января 1894 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ обществѣ физико-химическихъ наукъ преміи Н. Н. Бекетова за научныя изслѣдованія, съ предоставленіемъ ему, министру народнаго просвѣщенія, права утвердить положеніе для этой преміи ¹⁾.

4. (10-го марта 1894 года). *Объ установленіи форменной одежды для студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день марта 1894 года, Высочайше соизволилъ на установленіе форменной одежды для студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета общаго съ другими университетами образца, съ предоставленіемъ ему, министру народнаго просвѣщенія, опредѣлить сроки и порядокъ введенія оной.

---

¹⁾ Положеніе о сей преміи напечатано въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ, ч. ССХСІІ, стр. 22—23.

5. (10-го марта 1894 года). *Объ учрежденіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ денежной премии имени заслуженнаго профессора Ю. Э. Янсона.*

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики, статскій совѣтникъ Георгіевскій внесъ въ правленіе университета 840 руб. 48 коп. на учрежденіе въ университетѣ фонда имени бывшаго заслуженнаго профессора сего университета, нынѣ покойнаго, Ю. Э. Янсона, для выдачи, изъ процентовъ съ этого фонда, чрезъ каждые три года, единовременной денежной премии въ сто рублей студентамъ университета за сочиненія по статистикѣ Россіи на тему по избранію юридическаго факультета университета.

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на разрѣшеніе правленію Императорскаго С.-Петербургскаго университета принять вышеназванный капиталъ и на предоставленіе ему, министру народнаго просвѣщенія, права утвердить положеніе о преміи изъ процентовъ съ этого капитала, съ наименованіемъ его фондомъ имени заслуженнаго профессора Юлія Эдуардовича Янсона.

Государь Императоръ, въ 10-й день марта 1894 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, 4-го сего марта, Высочайше соизволилъ на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія; *медалями, съ надписью «за усердіе»:* для ношенія на шеѣ: *золотыми:* на *Андреевской лентѣ*—церковнаго старосты Николаевской при Воронежской мужской гимназіи церкви, воронежскаго 2-й гильдіи купца Михаила *Воищева*; на *Александровской лентѣ*—члена-соревнователя попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, потомственнаго почетнаго гражданина Константина *Осипова*; на *Владимірской лентѣ*: попечителя Талицкаго начальнаго училища, Шуйскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Федора *Зубкова*, почетнаго смотрителя Дмитровскаго городскаго приходскаго

училища, почетнаго гражданина города Дмитрова Филиппа *Бордмана* и почетнаго блюстителя Иваново-Вознесенскаго городского приходскаго училища, 1-й гильдіи купца Никона *Фокина*; на *Аннинской лентѣ*: попечителя Одоевского городского приходскаго училища, провизора Рудольфа *Герке*, почетнаго блюстителя Тюменскихъ уѣзднаго и Знаменскаго приходскаго училищъ, тюменскаго 1-й гильдіи купца Прохора *Андреева*, комиссіонера Императорской Публичной библиотеки, С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Антона *Кнаана*, предѣдателя попечительнаго совѣта Саратовскаго Александровскаго городского ремесленнаго училища, саратовскаго 2-й гильдіи купца Александра *Етубанова*, почетныхъ смотрителей городскихъ училищъ: Петрозаводскаго, мѣстнаго 2-й гильдіи купца Ивана *Тихонова*, Орловскаго, мѣстнаго 2-й гильдіи купца Савелія *Булакова*, Покровскаго, мѣстнаго 2-й гильдіи купца Ивана *Савинова* и Майконскаго Александровскаго, купца Дмитрія *Зинковецкаго*, почетнаго блюстителя Дугненскаго образцоваго училища министерства народнаго просвѣщенія, Калужскаго уѣзда, купца Герасима *Баранова* и старосту Александро-Невской домовоі церкви при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ, Ярославскаго купца Александра *Вѣлова*, и на *Станиславской лентѣ*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: предѣдателя попечительнаго совѣта Одесскаго еврейскаго женскаго профессиональнаго училища, инженеръ-технолога Григорія *Вейнштейна*, почетнаго блюстителя устюжскаго женскаго приходскаго училища Николая *Поздьева* и попечителя Николаевского мужскаго городского начальнаго въ Москвѣ училища Александра *Шилова*, личныхъ почетныхъ гражданъ: Василія *Ольсова* и курьера департамента народнаго просвѣщенія Павла *Теплухина*, учителя пѣнія въ новгородскомъ реальномъ училищѣ, сына священника Якова *Преображенскаго*, 1-й гильдіи купцовъ, попечителей Иваново-Вознесенскихъ земскихъ училищъ: мужскаго—Дмитрія *Бурылина* и образцоваго—Ивана *Генералова*, предѣдателя попечительнаго совѣта Иваново-Вознесенской женской гимназіи, 2-й гильдіи купца Ѳедора *Витова*, почетнаго смотрителя Николаевского, Самарской губерніи, уѣзднаго училища, 2-й гильдіи купца Владиміра *Волковойнова*, попечителя Аграфеновскаго Донской области начальнаго народнаго училища, ростовскаго 2-й гильдіи купца Григорія *Стиценко*, старость церквей при реальныхъ училищахъ: Александровскомъ Тюменскомъ, тюменскаго 2-й гильдіи купца Александра *Рассошнихъ* и Мелитопольскомъ, мелитопольскаго 2-й гильдіи купца Василя *Картушова*, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Петра *Кудрявцева*, почетныхъ блю-

стителѣй сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Бадожскаго, Вытегорскаго уѣзда, вытегорскаго купца Василя *Семанова* и Вознесенскаго. Лодейнопольскаго уѣзда, лодейнопольскаго купца Александра *Зитина*. попечителей начальныхъ училищъ: Воскресенско-тороповскаго, Даниловскаго уѣзда, с.-петербургскаго купца Егора *Павлова* и Елизаровскаго, Волоколамскаго уѣзда, волоколамскаго купца Василя *Петрова* и почетнаго смотрителя Брянскаго городского училища, купеческаго сына Ѳедора *Смирнова*, и *серебрянниками: на Александровской лентѣ: владѣльца суконной фабрики при селѣ Нижней Липовкѣ, Кузнецкаго уѣзда, пензенскаго купца Луки Казѣева* и попечителя Ивановскаго сельскаго начальнаго училища, ивановскаго волостнаго старшину, Краснинскаго уѣзда, Ѳедора *Ефимова; на Владимірской лентѣ—*почетнаго блюстителя завода Тюменскаго сельскаго приходскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, крестьянина Кузьму *Фузаева; на Аннинской лентѣ: завѣдывающаго вторымъ Одесскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ, личнаго почетнаго гражданина Исаака Шафира, вахтера и гардеробщика перваго С.-Петербургскаго реальнаго училища, отставнаго барабанщика лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Алексѣя Васильева* и попечителя Никулкинскаго и Филипповскаго сельскихъ начальныхъ училищъ, Покровскаго уѣзда, крестьянина Якова *Евдокимова* и на *Станиславской лентѣ: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: Генриха Тицнера* и учителя Васильевскаго начальнаго училища. Рыбинскаго уѣзда, Василя *Бѣлорусова*, личныхъ почетныхъ гражданъ: Луки *Кононова*, попечителя училища села Крюкова, Чернскаго уѣзда, Егора *Никольскаго* и учителя Федоровскаго сельскаго училища, Александровскаго уѣзда. Василя *Кольчуненко*. учителей училищъ: Великосельскаго. министерства народнаго просвѣщенія, Ярославскаго уѣзда. Николая *Кутузова*, Старинскаго начальнаго, Владимірскаго уѣзда, Петра *Наумова*, Примковскаго начальнаго, Ростовскаго уѣзда, Василя *Флоридова*, Воротынцевскаго, начальнаго, Повосильскаго уѣзда, Герасима *Гльбова* и городскихъ начальныхъ мужскихъ и воскресно-ремесленныхъ. Плоцкой губерніи, Праснышскаго, Игнатія *Гротовскаго* и Цѣхановскаго, Владислава *Скорупскаго*, почетнаго блюстителя Мало-Вишерскаго Александровскаго женскаго училища, мало-вишерскаго 2-й гильдіи купца Якова *Дмитріева*, попечителя Чечкино-Богородскаго училища, Шуйскаго уѣзда, 2-й гильдіи купца Алексѣя *Тюрина*, почетнаго блюстителя Устюжскаго приходскаго училища, устюжскаго купца Ивана *Дьякова*, попечителей учи-

лицъ: Мятлевскаго сельскаго начальнаго, Медынскаго уѣзда, медынскаго купца Егора *Богданова*, Дуденевскаго сельскаго начальнаго, народнаго, Горбатовскаго уѣзда, астраханскаго купца Александра *Власова*, Устюгскаго перваго мужскаго приходскаго, устюгскаго 2-й гильдіи купца Фёдора *Охлопкова*, Никольскаго, въ гор. Повгородѣ, начальнаго народнаго, повгородскаго купца Ивана *Доррера* и Ново-Троицкаго сельскаго начальнаго, Оренбургскаго уѣзда, германскаго подданнаго, купца Рудольфа *Оберлендера*, почетнаго смотрителя С.-Петербургскаго Андреевскаго городскаго училища, временнаго с.-петербургскаго купца Ивана *Козлихина*, почетнаго блюстителя Курганскаго Богородице-Рождественскаго городскаго приходскаго училища, купческаго сына Ивана *Бакинова*, служителя при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ, отставнаго фельдфебеля Михаила *Иванова*, вахтера департамента народнаго просвѣщенія, отставнаго старшаго унтеръ-офицера Степана *Прокушева*, нижняго служителя Ефремовской прогимназіи, отставнаго старшаго унтеръ-офицера 116-го пѣхотнаго Малоярославецкаго полка Сергѣя *Вепринцева*, педелей Императорскаго университета св. Владиміра, унтеръ-офицеровъ: Фёдора *Шубина* и Тимоея *Леонтьева*, исправляющаго обязанности журналиста канцеляріи попечителя оренбургскаго учебнаго округа, по найму, отставнаго писаря унтеръ-офицерскаго званія Ильи *Щиченкова*, писца канцеляріи попечителя оренбургскаго учебнаго округа, отставнаго писаря 1-го класса унтеръ-офицерскаго званія Ивана *Заикина*, служителя Императорскаго Харьковскаго университета, отставнаго унтеръ-офицера Дмитрія *Пшеникова*, нижняго служителя при казначействѣ и бухгалтеріи Императорскаго Московскаго университета, отставнаго старшаго унтеръ-офицера Демида *Феоктистова*, разсыльнаго при канцеляріи С.-Петербургской первой гимназіи, запаснаго старшаго унтеръ-офицера 4-го резервнаго пѣхотнаго кадраваго батальона Василя *Феофанова*, нижняго служителя Нарвской мужской гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Кристопа-Алпа *Гульбе*, дядьку при пансіонѣ С.-Петербургской второй гимназіи, отставнаго баталіоннаго барабанщика унтеръ-офицерскаго званія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Ивана *Николаева*, служителя при Уральскомъ реальномъ училищѣ, отставнаго унтеръ-офицера Поліевкта *Картова*, служителя при Императорскомъ Московскомъ обществѣ испытателей природы, отставнаго младшаго вахмистра маршеваго эскадрона 8-го Уланскаго Вознесенскаго Его Высочества Принца Александра Гессенскаго полка Ермолая *Лыськова*, швейцара при

С.-Петербургской второй гимназіи, отставнаго боцмана 8-го Флотскаго экипажа Ивана *Чистякова*, разсылнаго редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, отставнаго рядоваго, изъ дворянъ, Мечислава *Мицкевича*, попечителя Богоявленскаго брыковскаго земскаго училища, крестьянина Звенигородскаго уѣзда Алексѣя *Михайлова*, крестьянина села Липовки, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи Василя *Богатырева*, торгующихъ по свидѣтельству 2-й гильдіи крестьянъ Олоонецкой губерніи, Олонецкаго уѣзда, Василя *Мирохина* и Якова *Мирохина* и Лодейнопольскаго уѣзда Гавріила *Торкачева*, и для ношенія на груди: золотою, на *Станиславской лентѣ* попечителя Мосальскаго сельскаго начальнаго училища Грязовецкаго уѣзда, грязовецкаго 2-й гильдіи купца Евгенія *Фаддѣева*, почетнаго блюстителя Измаильскаго 5-го приходскаго училища, измаильскаго купца Іоакима *Аврамова*, писца канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, отставнаго писаря 2-го класса унтеръ-офицерскаго званія Якова *Степанова* и служащаго при механическихъ мастерскихъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института слесарнымъ подмастерьемъ, крестьянина Александра *Четверухина*: *серебряными*: на *Аннинской лентѣ*; попечителя Заборьевскаго сельскаго начальнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, серпуховскаго купца Евграфъ *Семеновъ*, служителя при библиотекѣ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, изъ хоровыхъ музыкантовъ унтеръ-офицерскаго званія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Томаса *Караско*, почетнаго смотрителя армивирскаго Александровскаго училища, крестьянина Семена *Аксентова*, почетнаго блюстителя Государевскаго приходскаго училища, казака Матвѣя *Нефедова*, попечителей училищъ: села Мокраго Края, Каширскаго уѣзда, крестьянина Ивана *Мамина*, едневскаго начальнаго, крестьянина деревни Чащи, Клинскаго уѣзда, Ивана *Сосновикова* и ильинскаго начальнаго народнаго, того же уѣзда, крестьянина Фрола *Анастасьева*, помощника учителя маловишерскаго городского училища, крестьянина Петра *Цыткова*, буфетчика С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища, отставнаго рядоваго морскаго кадетскаго корпуса, Ганса *Вилъ* и швейцара того же училища, кронштадтскаго мѣщанина Михаила *Галкина*, и на *Станиславской лентѣ*: учителя рисованія и черченія Басманнаго городского училища, потомственнаго почетнаго гражданина Василя *Ачусви*, попечителей училищъ: екатериновскаго женскаго, Самарскаго уѣзда, земско-общественнаго, лич-

наго почетнаго гражданина Семена *Лаконцева* и весело-ивановскаго начальнаго народнаго, Верхнедѣпровскаго уѣзда, купца 2-й гильдіи Ивана *Тищенко*, учителя военной гимнастики при болгарскихъ городскомъ первомъ и второмъ приходскихъ училищахъ, отставнаго вахмистра Лукіана *Ткалина*, попечителей народныхъ училищъ: Семеновскаго начальнаго, Верхнедѣпровскаго уѣзда, екатеринославскаго мѣщанина Ивана *Савина*, мѣщанскаго перваго въ Ростовѣ-на-Дону, мѣщанина гор. Ростова Петра *Болдырева* и колонтаевского начальнаго, Богодуховскаго уѣзда, мѣщанина Антона *Касаткина*, швейцара при церковной лѣстницѣ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, С.-Петербургскаго мѣщанина Бориса *Козлова*, швейцара при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ, кронштадтскаго мѣщанина Иларіона *Кузьмина*, ельнинскаго мѣщанина Ивана *Северюкова*, почетныхъ блюстителей училищъ: импущетскаго, министерства народнаго просвѣщенія, Измаильскаго уѣзда, жителя села Импущеты Николая *Сануаря*, кагальницкаго приходскаго, Донской области, казака Андрея *Грекови*, калачевскаго сельскаго, Богучарскаго уѣзда, крестьянина Ивана *Бражнникова*, устьмошскаго образцоваго, министерства народнаго просвѣщенія, крестьянина Олонецкой губерніи Мирона *Поздякова*, дивненскаго сельскаго, Новогоргеіевскаго уѣзда, крестьянина Гавріила *Година*, камбулатскаго сельскаго, того же уѣзда, крестьянина Кирилла *Рябчикова*, новоселицкаго сельскаго, Александровскаго уѣзда, крестьянина Дмитрія *Нѣмова* и Московскаго сельскаго, Ставропольскаго уѣзда, крестьянина Семена *Кудрина*, попечителей училищъ: Анадольскаго начальнаго народнаго, Маріупольскаго уѣзда, поселянина Федора *Варельджи*, ниже-сызранско-хуторскаго, Самарскаго уѣзда, земско-общественнаго начальнаго народнаго, крестьянина Михаила *Поткова*, Воскресенскаго, Новоузенскаго уѣзда, земскаго начальнаго народнаго, крестьянина Михаила *Миракина*. Семеновскаго сельскаго, Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, крестьянина Василя *Сакова*. Увятскаго сельскаго, Дорогобужскаго уѣзда крестьянина Никифора *Захарова*, богатищевскаго сельскаго Каширскаго уѣзда, крестьянина Василя *Руповскаго*, больше-халанскихъ мужскаго и женскаго народныхъ сельскихъ, Новооскольскаго уѣзда, крестьянина Луку *Косилова*, бутурлинскаго, Юхновскаго уѣзда, сельскаго начальнаго, крестьянина Дмитрія *Федорова*, Песковскаго перваго начальнаго народнаго, Новохоперскаго уѣзда, крестьянина Максима *Воронкова*, хлѣвенскаго начальнаго народнаго, Задонскаго

уѣзда, крестьянина Степана *Пополитова*, Мазунинскаго начальнаго народнаго, Осинскаго уѣзда, крестьянина Ивана *Мальцева*, Теряевскаго начальнаго народнаго, Клинскаго уѣзда; крестьянина Ѳедора *Сосновикова*, Дроздовскаго начальнаго, Шуйскаго уѣзда, крестьянина Петра *Важнова*, кутуковскаго сельскаго, Каширскаго уѣзда, крестьянина Семена *Шопина*, Головковскаго начальнаго, Клинскаго уѣзда, крестьянина Алексѣя *Антипова*, Алферьевскаго начальнаго, того же уѣзда, крестьянина Ивана *Кашаева*, и починковскихъ мужскаго и женскаго, Лукояновскаго уѣзда, крестьянина Петра *Родионова*, волостнаго старшины Клякинской волости, Юхновскаго уѣзда, крестьянина Козьму *Иванова*, крестьянина деревни Давыдова, Луневской волости, Мосальскаго уѣзда, Филиппа *Комочкина*, педагога Императорскаго университета Св. Владимира, крестьянина Григорія *Колесникова*, нижнихъ служителей: при канцеляріи попечителя оренбургскаго учебнаго округа, отставнаго рядоваго 14-го Гренадерскаго грузинскаго полка Ѳедора *Ганецкаго*. при кабинетѣ изящныхъ искусствъ и древностей Императорскаго Московскаго университета, отставнаго рядоваго Гордѣя *Воронова* и при библиотекѣ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, отставнаго рядоваго лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Александра *Викторова* (онъ же Мазевскій), класнаго служителя С.-Петербургской первой гимназіи, отставнаго рядоваго Константина *Иванова*, старшаго служителя Сумскаго реальнаго училища, отставнаго бомбардира Кондрата *Мельнива*, нижнихъ служителей: канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, отставнаго матроса Ермила *Закускина*, Ржевской прогимназіи, отставнаго рядоваго Гавріила *Байкова*, городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, отставнаго рядоваго Лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона Егора *Трусова*, Севастопольскаго реальнаго училища, отставнаго рядоваго 57-го пѣхотнаго литовскаго полка Никифора *Цибы* и при С.-Петербургской первой гимназіи, крестьянина Исаака *Иванова*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 4-го текущаго марта, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряными медалями съ надписью „за усердіе“ на Александровской лентѣ, для ношенія на груди:* учителей городскихъ приходскихъ училищъ: Томскаго Юрточнаго, губернскаго секретаря Дмитрія *Безсонова* и Бобровскаго, губернскаго секретаря Якова *Слан-*

скаю и неимѣющихъ чиновъ: учителей: городскихъ приходскихъ училищъ: Новохоперскаго Степапа *Архитова*, Курскаго 4-го Венедикта *Суханова*, Сапожковскаго Ильи *Шварева*, Каинскаго Александра *Мамкина* и Туринскаго Андрея *Демидова*, завѣдывающаго Тверскимъ двухкласснымъ желѣзнодорожнымъ училищемъ Василя *Арсеньева*, учителей двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: образцовыхъ: Истобенскаго, Раненбургскаго уѣзда, Андрея *Денисова* и при станціи Ряжскъ, общества рязанско-уральской желѣзной дороги: Павла *Шведова* и Василя *Приклонскаго*, Курскихъ: Семеновскаго—Александра *Божикистова* и Александровскаго—Андрея *Осоукаю*, сельскихъ: Выдропужскаго, Новоторжскаго уѣзда, Григорія *Разыраева*, Мячковскаго, Бронницкаго уѣзда, Василя *Богословскаго*, Великосельскаго, Ярославскаго уѣзда, Дмитрія *Соколова*, Гостинопольскаго, Новоладожскаго уѣзда, Алексѣя *Тихомирова*, Левенгскаго, Тотемскаго уѣзда, Василя *Пономарева*, Любанскаго, Новгородскаго уѣзда, Федора *Андрееви* (онъ же Евсютинъ) и Волокославинскаго, Кирилловскаго уѣзда, Константина *Гуричева*, Алексѣевскаго, Бирюченскаго уѣзда, Николая *Дудченко* и Разказовскаго. Тамбовскаго уѣзда, Ивана *Михейкина*, старшихъ учителей двухклассныхъ училищъ: Люблинскаго городского еврейскаго, Лаврентія *Теодоровича* и Тышовецкаго гминнаго начальнаго, Люблинской губерніи, Ивана *Кириловича*, учителя Лапскаго двухкласснаго начальнаго сельскаго училища, той-же губерніи, Адольфа *Бернхардelli*, учителей сельскихъ одноклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: Бечевинскаго, Бѣлозерскаго уѣзда, Григорія *Панова* и Ведлозерскаго, Олонецкаго уѣзда, Андрея *Захарова*, учителей начальныхъ училищъ: Ямскаго въ гор. Торжкѣ, Евдокима *Хряцова*, Дальне-Константиновскаго, Нижегородскаго уѣзда, Ивана *Звѣздина*, Миасскаго 1-го мужскаго, Троицкаго уѣзда, Ильи *Рятисова*, Верхнеуральскаго уѣзда: русско-башкирскихъ: Оскаровскаго—Леонида *Парменіонова* и Учалинскаго—Андрея *Гусева*, Ломжинской губерніи: Краснобродскаго—Михаила *Бойковскаго*, Вроповскаго — Викентія *Бернася*, Рогатскаго — Елеазара *Радзевича*, Гонятинскаго—Луки *Гилецкаго*, Быковскаго—Викентія *Гарбовскаго*, Михаловинскаго—Ивана *Главинскаго*, Вищанскаго—Владимира *Донельберга*, Ростокскаго—Павла *Збыковскаго*, Ходыванецкаго—Василя *Зеленко*, Влостовицкаго—Вячеслава *Купеца*, Туробинскаго—Василя *Костинскаго*, Могильницкаго—Михаила *Козачука*, Стрижевскаго—Матвѣя *Модринскаго*, Паньковскаго—Павла *Пащинскаго*, Парипскаго—Дани-

ила *Пашица*, Замховскаго—*Михаила Патроновича*, Ржечицкаго—*Феофила Романовскаго*, Горышовъ - Польскаго — *Михаила Сломинскаго*, Ощовскаго — *Карла Скибинскаго*, Рожанецкаго — *Андрея Семетюка*, Шевненскаго—*Михаила Соколовскаго*, Клятвскаго—*Емельяна Сайкевича*, Витковскаго—*Ивана Чехевича*, Спасскаго—*Зиновія Шубскаго*, Голубскаго—*Василія Щукина*, Антоновскаго—*Александра Шумскаго* и Савинскаго—*Викентія Яниковскаго*, старшаго учителя Згержскаго однокласснаго городского мужскаго № 1-й начальнаго училища, Петроковской губерніи, Людовича-Романа (2-хъ именъ) *Вышковскаго*, учителей одноклассныхъ училищъ: городскихъ начальныхъ: Петроковской губерніи: Равскаго мужскаго — *Поликарпа Щуцкаго*, общихъ: Петроковскаго № 1-й—*Іосифа Маковскаго*, Новорадомскаго—*Богумила Антона* (2-хъ именъ) *Вольскаго*, Ченстоховскаго № 2-й—*Ивана Жубровскаго*, младшихъ учителей: Лодзинскаго № 6-й — *Павла Козака*, Лодзинскаго № 12-й—*Вильгельма-Августа* (2-хъ именъ) *Ферстера*, Лодзинскаго № 3-й—*Августа Фрея*, Пабяницкаго № 3-й—*Іосифа Анжерштейна* и Пабяницкаго № 1-й—*Игнатія Шимановича*, начальныхъ общихъ: Ломжинской губерніи: Красносельскаго—*Болеслава Вороновича*, Анджеевскаго—*Константина Гриляшевскаго*, Едвабновскаго—*Эдуарда-Фридриха* (2-хъ именъ) *Глуговскаго*, Бѣлашвскаго—*Ивана Годлевскаго*, Вознавесьскаго—*Антоня Гонкайтиса*, Сокольскаго—*Апастасія-Марека* (2-хъ именъ) *Квсселевича*, Богутскаго—*Іосифа Крапивскаго*, Зузельскаго—*Альбина Крушевскаго*, Радлиловскаго—*Павла Ладъжинскаго*, Ляховскаго—*Станислава Ляковскаго*, Кобылинскаго—*Войцеха Маковскаго*, Шельковскаго — *Мартина Миланча*, Червинскаго—*Доминика Миланча*, Марынинскаго—*Матвѣя Микулиса*, Грабовскаго—*Іосифа Пржепесца*, Болдскаго — *Станислава Пухальскаго*, Пржеводовскаго—*Антоня Сухоцкаго*, Длугоседловскаго—*Александра Седзевскаго*, Чяжевскаго — *Лаврентія Томашевскаго*, Сероцкаго—*Адама Юркуна*, Граевскаго еврейскаго — *Абрама Шицкаго*, Зегржинскаго—*Станислава Бучкевича*: Петроковской губерніи: Вольборжскаго посадскаго—*Эдуарда Гульчинскаго* и Дружбицкаго сельскаго—*Станислава Рыбицкаго*, гминныхъ начальныхъ: Сувалкской губерніи: Бѣлобрегскаго—*Христофора Лаукайтиса*, Покойненскаго—*Антоня Гилиса*, Поезіорскаго—*Георгія Куровскаго*, Бартникскаго—*Іосифа Витковскаго*, Гижевскаго — *Іосифа Новяка*, Сударгскаго — *Владислава Витковскаго*, Гришкабудскаго—*Матвѣя Гилиса*, Лукшанскаго—*Вячеслава Нивинскаго*, гминныхъ начальныхъ общихъ: Щепанковскаго,

Ломжинской губерніи, Франца *Бобинскаго*; Петроковской губерніи: Тушинскаго—Игнатія-Ипполита (2-хъ именъ) *Бялковскаго*, Белхатовскаго № 2-й — Фридриха-Вильгельма (2-хъ именъ) *Кепте*, Роспржскаго—Станислава *Монкошевскаго*, Длутовскаго—Мартина *Цыхоуцкаго*, Петрикозскаго—Людовика *Рыкальскаго*, Лазновско-Вольскаго — Кристіяна *Пащера*, Крженчовскаго—Тита-Марцелія (2-хъ именъ) *Брыльскаго*, Ольвитскаго, Сувалкской губерніи, Матвѣя *Кравчелюнаса*, учителя Симновскаго однокласснаго гминнаго общаго училища, той же губерніи, Іосифа *Бутовскаго*, учителей начальныхъ народныхъ училищъ: Воскресенско-Маткомскаго, Пошехонскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Флегонта *Смирнова*, Миасскаго 2-го мужскаго, Троицкаго уѣзда, Григорія *Харитоновъ*, Волчанскаго уѣзда: Мартовскаго—Германа *Долякова*, Заводянскаго 1-го—Ивана *Шитковскаго*, Рѣзниковскаго—Георгія *Жилина*; Сумскаго уѣзда: Журавскаго—Ефима *Шерстокови* и Низовскаго—Василія *Бибки*, Старобѣльскаго уѣзда: Шпотинскаго—Келестина *Ермакови*, Марковскаго 2-го—Михаила *Неурובה* и Закотянскаго — Михаила *Рудневи*, Хрѣвовско-Высельскаго, Воронежскаго уѣзда, Якова *Бяльева*; Богучарскаго уѣзда: Красногоровскаго—Гавріила *Михайлова* и 3-го Колачевскаго—Владимира *Титиренкова*, 1-го Троицкаго, Новохоперскаго уѣзда, Михаила *Боброва*, Бирюченскаго уѣзда: Алексѣевскаго—Семена *Дудченко*, Верхососетскаго — Ивана *Мерзленкова* и Верхнемозовскаго — Ивана *Анохина*, Камонскаго, Моршанскаго уѣзда, Ѳедора *Котельникови*, Большешальскаго сельскаго земскаго, Каргопольскаго уѣзда, Ивана *Савичева*; Пудожскаго уѣзда: Бережнодубровскаго сельскаго земскаго—Петра *Охотина* и Шальскаго сельскаго земскаго — Максима *Стритонникова*, Ребронскаго сельскаго, Поволодожскаго уѣзда, Григорія *Лебединскаго*, Slutскаго сельскаго земскаго, Новгородскаго уѣзда, Ивана *Буксѣва*, Бабинскаго сельскаго земскаго, того же уѣзда, Василія *Кожевникова*, учителя Абоской русской народиой школы В. Семенова, учителей сельскихъ училищъ: Старо-Ризанскаго, Спасскаго уѣзда, Семена *Сильвина*, Старо-Пластниковскаго, Сапожковскаго уѣзда, Андрея *Володина*, Старо-Келецкаго, Скопинскаго уѣзда, Ефима *Дмитріева*, Раченбургскаго уѣзда: Лапотскаго—Алексѣя *Полкова*, Тишевскаго—Михаила *Воронкова* и Комаревскаго—Давида *Дубинина*, Плебниковскаго, Касимовскаго уѣзда, Ѳедора *Щербакова*, Ботовскаго начальнаго, Осташковскаго уѣзда, Ивана *Хритова*, Шаудынскаго начальнаго, Сувалкской губерніи, Викентія *Мазурайтиса*, Тигодскаго

начальнаго, Новолодожскаго уѣзда, Николая *Панкратьева*, Псковскаго уѣзда: Хотицкаго начальнаго—Петра *Эксельсова* и Чирскаго начальнаго—Василія *Петрова*, Тотемскаго уѣзда: Бережнослободскаго начальнаго—Михаила *Ляпкина* и Кулойскаго начальнаго — Николая *Попова*, Никольскаго уѣзда: Утмановскаго начальнаго—Петра *Тюрмина* и Красносельскаго начальнаго—Александра *Рутышева*, Сычевскаго начальнаго, Вологодскаго уѣзда, Петра *Петрова* и Ведерковскаго начальнаго, Грязовецкаго уѣзда, Василія *Шаранова*, Теткинскаго начальнаго, Рыльскаго уѣзда, Андрея *Смирнова* и бывшаго учителя Ревельскаго 1-го городского начальнаго мужскаго училища, губернскаго секретаря Давида *Витина*, учительницъ училищъ: городскихъ приходскихъ мужскихъ: томскихъ: Владимірскаго—Валентины *Дикюфъ* и Подгороднаго—Лидіи *Орловой*, женскихъ: томскихъ: Владимірскаго—Натальи *Смирновой*, Юрточнаго—Анны *Ицфельцманной* и Воскресненскаго—Манюфы *Подюрбунской*, Псковскаго земскаго—Маріи *Верхбицкой* и Клавдіи *Васильевой* и оренбургскихъ: перваго—Екатерины *Зориной* и втораго—Маріи *Горбуновой*; Поляковскаго начальнаго, Троицкаго уѣзда, Анны *Горловой*, Сыростанскаго, того же уѣзда, начальнаго народнаго, Александры *Носковой*, Шелтозерскобережскаго сельскаго земскаго начальнаго народнаго, Петрозаводскаго уѣзда, Екатерины *Шунской*, Горицкаго начальнаго, Великолуцкаго уѣзда, Маріи *Непенной* и Татьяны *Квятковской* и бывшихъ учительницъ городскихъ приходскихъ училищъ: Псковскаго мужскаго—Маріи *Затеплинской* и Петрозаводскаго женскаго—Маріи *Андроновой*.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Нижепоименованныя лица, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, 10-го сего марта, орденами:

Св. Владиміра третьей степени: дѣйствительный членъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай *Барсовъ* и почетный попечитель Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища и членъ попечительнаго совѣта Тюменской женской прогимназіи, потомственный почетный гражданинъ Прокопій *Подаруевъ*; *св. Анны второй степени*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища въ

Москвѣ, инженеръ-механикъ Ѳеодоръ *Фоссъ* и потомственные почетные граждане: почетный блюститель училища при Кренгольмской мануфактурѣ, коммерція совѣтникъ Иванъ *Прове* и почетный смотритель Одесскаго городского училища „Ефрусси“ Игнатій *Ефрусси*; *того же ордена третьей степени*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго технического училища въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ Митрофанъ *Перепелкинъ*, почетный членъ сего совѣта, коллежскій ассессоръ Александръ *Рубановскій*, почетный блюститель Врадѣвскаго образцоваго училища, Херсонской губерніи, инженеръ-архитекторъ, титулярный совѣтникъ Юрій *Писаревскій* и почетный блюститель Одесскаго перваго еврейскаго училища, потомственный почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Осій *Хаисъ*; *св. Станислава второй степени*: содержатель частной мужской гимназіи въ Москвѣ, отставной коллежскій совѣтникъ Левъ *Поливановъ*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго технического училища въ Москвѣ, надворный совѣтникъ Максимилианъ *Геттнеръ* и отставной надворный совѣтникъ Иванъ *Чефрановъ*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго технического училища въ Москвѣ, инженеръ-технологъ Иванъ *Оссовецкій*, потомственные почетные граждане: почетный попечитель Владимірскаго Нижегородскаго реальнаго училища, нижегородскій первой гильдіи купецъ Михаилъ *Каменскій*, смотритель Лодзинскихъ еврейскихъ начальныхъ мужскаго и женскаго городскихъ училищъ, первой гильдіи купецъ Германъ *Копитадтъ*, содержатель частнаго учебнаго заведенія въ С.-Петербургѣ Ѳеодоръ *Штурмеръ*, попечитель Покровскаго сельскаго начальнаго училища, Клинскаго уѣзда, московскій второй гильдіи купецъ Василій *Бакастовъ* и церковный староста домовоіи церкви при Московской первой гимназіи, московскій первой гильдіи купецъ Иванъ *Григорьевъ*, и дѣйствительный членъ и членъ хозяйственнаго комитета Охтенскаго ремесленнаго училища, с.-петербургскій второй гильдіи купецъ Генрихъ *Феннебергъ*, и *того же ордена третьей степени*: членъ попечительнаго совѣта Ставропольской Ольгинской женской гимназіи и староста церкви при сей гимназіи, отставной коллежскій ассессоръ Александръ *Цытинъ*, попечитель Тейковскаго женскаго училища, Шуйскаго уѣзда, Владимірскаго губерніи кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Степанъ *Каретниковъ*, почетный блюститель Терсинскаго, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи, училища министерства народнаго просвѣщенія, баронъ Андрей *Беръ*, дворяне Павелъ *Савельевъ* и попечитель Вырнаевскаго сель-

скаго начальнаго народнаго училища, Аткарскаго уѣзда, Дмитрій *Быллевъ* и управляющій оркестромъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, отставной артистъ Императорскихъ театровъ Войтъхъ *Главачъ*.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-ю марта 1894 года. Назначены: председатель комиссіи С.-Петербургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ, тайный совѣтникъ *Бекманъ* и заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лабзинъ*—членами совѣта министра народнаго просвѣщенія: первый—съ 20-го и второй—съ 28-го марта 1894 г., оба съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Утверждены почетными попечителями на три года: Кіевской четвертой гимназіи—въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ *Мацневъ*; реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маринскаго—саратовскій губернскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Голицынъ*, Кишиневскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кристи*, Полтавскаго Александровскаго—полтавскій городской голова, статскій совѣтникъ *Третьбовъ*, Тульскаго—тульскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ мѣстный второй гильдіи купецъ *Постниковъ*.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью: приватъ-доцентамъ Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, доктору медицины *Свѣтухину*—по 1-е августа 1894 г. и Московскаго, *Антельроту*—по 1-е іюля 1895 года.

Командированы съ ученою цѣлью: а) въ Россіи и за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Горбъ-Ромашиевичъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; исправляющій должность адъюнкты-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, коллежскій секретарь *Колмійцовъ*—съ 1-го іюня по 20-е августа 1894 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Мсеріанецъ*—съ 22-го мая по 1-е сентября 1894 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, заслуженный ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Якобій*—на одинъ годъ; исправляющій должность

экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Капустинъ*, съ 1-го іюня 1894 г. по 20-е августа 1895 г., и б) за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Толмачевъ*—по 10-е апрѣля 1894 г., съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на 28 дней; адъютантъ Императорской академіи наукъ князь *Голицынъ*, съ 6-го апрѣля по 6-е мая 1894 г.; профессора Императорскаго Московскаго университета: ординарный, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эрисманъ* и экстраординарный, статскій совѣтникъ *Филатовъ*, съ 1-го августа по 1-е сентября 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Капустинъ*, съ 10-го августа по 10-е сентября 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*, съ 10-го апрѣля по 15-е мая 1894 г.; профессора Императорскаго Юрьевскаго университета: ординарный, надворный совѣтникъ *Тимманъ*, съ 25-го мая по 10-е августа, и экстраординарный, коллежскій совѣтникъ *Левинсонъ-Лессинъ*, съ 15-го іюля по 15-е сентября 1894 г.; директоръ главной физической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вильдъ*, съ 1-го августа по 1-е октября 1894 г.; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники *Чериновъ* и *Эрисманъ* и статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Азаревичъ*, Новороссійскаго—статскій совѣтникъ *фонъ-Штернъ* и Юрьевскаго—надворный совѣтникъ *Губаревъ*, экстраординарные профессора Императорскаго Московскаго университета: статскіе совѣтники: *Степуревъ*, *Мороховецъ* и *Колоколовъ* и надворный совѣтникъ *Корсаковъ*, на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію *Александровъ*, на время лѣтнихъ вакацій 1894 г. въ университетѣ; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ *Бубновъ*, съ 20-го мая по 1-е сентября 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Позднѣвъ*, съ 1-го іюня по 15-е сентября 1894 г.; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Красносельцевъ*, на лѣтнее вакаціонное время 1894 г. и 10 дней; ординарные профессора Император-

скихъ университетовъ: Юрьевскаго, статскій совѣтникъ *Кобертъ* и Томскаго, статскій совѣтникъ *Малиевъ*, на лѣтнее вакаціонное время 1894 г. и 28 дней; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тауберъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Омевъ*, съ 1-го мая по 20-е августа 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Янукулъ* и сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета *Писскъ*, съ 1-го іюня по 20-е сентября 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета *Квачала* и приват-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—*Мартъ* и Московскаго—титулярный совѣтникъ *Коноваловъ*, съ 15-го мая по 15-го сентября 1894 г.; ординарные профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, статскіе совѣтники: *фонъ-Кеншель*, съ 10-го апрѣля по 20-е августа и *Гаусманъ*, съ 1-го мая по 20-е сентября и исправляющій должность доцента сего университета *Грбаръ*, съ 1-го іюня по 1-е октября 1894 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета коллежскій ассессоръ *Есиновъ*, на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е октября 1894 г.; штатный ординаторъ при гинекологической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета *Благоволитъ*, съ 1-го апрѣля по 1-е сентября и сверхштатный доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института, надворный совѣтникъ *Вальдманъ*, съ 1-го мая по 1-е октября 1894 г.; кандидатъ Императорскаго Варшавскаго университета *Францевъ*, съ 1-го іюня по 1-е декабря 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Меликовъ*, на шесть мѣсяцевъ съ 1-го сентября 1894 г.; прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета *Геберъ*, съ 1-го апрѣля 1894 г. по 15-е января 1895 г.; окончившій курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ первой степени *Кудряскій*, на одинъ годъ; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Архателъскій*, на 1894—95 академическій годъ и лѣтнее вакаціонное время. *Уволенъ* въ отпускъ за границу, врачъ Николаевскаго двухкласснаго еврейскаго училища, *Файнштейнъ*, съ 1-го апрѣля по 1-е ноября 1894 года.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го января 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Александра Михайловича Егорьева, при Ревельской гимназій Императора Николая I.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованнаго коллежскимъ ассессоромъ Александромъ Михайловичемъ Егорьевымъ, учреждается при Ревельской гимназій Императора Николая I одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ 4% внутренняго займа 1887 года, одной въ 1.000 руб. и другой въ 500 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Ревельской гимназій Императора Николая I и хранится въ числѣ ея специальныхъ средствъ въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ облигацій, хозяйственный комитетъ гимназій пріобрѣтаетъ вмѣсто нихъ немедленно новыя соотвѣтствующей цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіату директоромъ гимназій на руки.

§ 5. Стипендіатъ избирается Ревельской городской училищной коллегіей изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ Ревельской гимназій Императора Николая I. Означенные кандидаты избираются совѣтомъ изъ учениковъ гимназій христіанскаго вѣроисповѣданія, родившихся въ Эстляндской губерши и происходящихъ преимущественно изъ среды небогатыхъ чиновниковъ, при чемъ предпочтеніе отдается ученикамъ недостаточнымъ въ матеріальномъ отношеніи и отличающимся хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами.

§ 6. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время пребыванія своего въ гимназій и лишается ея только въ случаѣ недобрытельнаго поведенія или малоуспѣшности.

§ 7. Могущій образоваться остатокъ отъ стипендіи выдается стипендіату по окончаніи полнаго курса въ гимназій, а въ случаѣ неокончанія имъ курса, причисляется къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (23-го января 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Фердинандовича Кельха при Московской 2-й мужской гимназии.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *десять тысячъ* рублей, пожертвованнаго вдовою дворянина Варварою Петровною Кельхою, учреждается при пансіонѣ Московской второй мужской гимназіи одна стипендія имени Николая Фердинандовича Кельха.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% облигаціяхъ Московско-Казанской желѣзной дороги, составляетъ неотъемлемую собственность Московской второй гимназіи, и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ ея въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Педагогическому совѣту предоставляется право обмѣнять эти облигаціи на другія правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, составляютъ ежегодную сумму въ 380 рублей, которые и поступаютъ на содержаніе въ пансіонѣ одного ученика гимназіи. Ежегодные же остатки отъ процентовъ съ капитала сберегаются до окончанія курса стипендіата и выдаются ему на руки въ видѣ пособія, если онъ по окончаніи курса гимназіи поступитъ для продолженія образованія въ Московскій университетъ. Если же стипендіатъ оставитъ гимназію до окончанія курса, или по окончаніи его, поступитъ не въ Московскій университетъ, то не имѣетъ права на полученіе остатковъ изъ процентовъ со стипендіи.

§ 4. Могушіе образоваться остатки отъ временнаго замѣщенія стипендіи, или по какимъ либо другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи по соглашенію съ учредительницею стипендіи изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ христіанскихъ исповѣданій, преимущественно младшихъ классовъ, заслуживающихъ стипендіи по отличному поведенію и удовлетворительнымъ успѣхамъ въ наукахъ.

Примѣчаніе. Со смертью учредительницы выборъ стипендіата вполне предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

§ 6. Стипендія сохраняется за стипендіатомъ въ теченіе всего гимназическаго курса, если педагогическій совѣтъ не найдетъ къ тому препятствій.

§ 7. Педагогическому совѣту предоставляется право прекратить выдачу стипендіи, если онъ найдетъ къ тому уважительныя причины (какъ, напримѣръ, дурное поведеніе стипендіата, неудовлетворительныя успѣхи безъ уважительныхъ причинъ и т. п.).

§ 8. Если съ теченіемъ времени плата за ученіе и содержаніе воспитанниковъ пансіона будетъ увеличена на столько, что процентовъ съ капитала не будетъ доставать для покрытія этой платы, то педагогическому совѣту предоставляется поступить по его усмотрѣнію: или прекратить выдачу стипендіи до тѣхъ поръ, пока капиталъ не пополнится въ достаточной степени, или доплачивать недостающую сумму изъ специальныхъ средствъ гимназій, или же, наконецъ, предложить стипендіату доплачивать эту сумму самому.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (25-го февраля 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Карла Давыдовича Гейнце при Нижегородской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго вдовою коллежскаго совѣтника Марією Александровной Гейнце, учреждается при Нижегородской мужской гимназій одна стипендія имени умершаго мужа ея коллежскаго совѣтника Карла Давыдовича Гейнце.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одной облигаціи восточнаго займа въ одну тысячу рублей, хранится въ Нижегородскомъ Губернскомъ Казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за право ученія въ продолженіе гимназическаго курса одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Нижегородской гимназій, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, преимущественно изъ дѣтей недостаточныхъ лицъ, служащихъ или слу-

жившихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ; остающіеся же за взносомъ платы за ученіе проценты выдаются стипендіату въ пособіе по окончаніи курса гимназіи.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи, которая ежегодно сообщаетъ жертвовательницѣ объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могуціе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи, а также назначаются на расходы по покупкѣ новыхъ $\%$ бумагъ, взамѣнъ вышедшихъ въ тиражъ, или по конверсіи сихъ послѣднихъ.

4. (11 марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Николая Сергѣевича Мазурина при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *восемь тысячъ триста* рублей, завѣщаннаго умершимъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Николаемъ Сергѣевичемъ Мазуринымъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ Государственныхъ четырехпроцентныхъ облигаціяхъ втораго внутренняго займа: одинъ листъ въ 50 облигацій съ № 245.651 по № 245.700 на 5000 руб.; три листа облигацій съ № 184.781 по № 184.790, съ № 184.791 по № 184.800 и съ № 184.901 по № 184.910, по 1000 рублей каждый, на 3000 руб., и три облигаціи за №№ 13.656, 10.535 и 10.536 по 100 руб. каждая, на 300 руб., хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ специальными средствами Императорскаго Московскаго техническаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ составляющихъ капиталъ облигацій, таковыя замѣняются новыми того же займа или другими правительственными бумагами.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала съ удержаніемъ изъ нихъ въ казну Государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на стипендію, при чемъ одна часть стипендіи

идеть на покрытіе платы за ученіе, а другая выдается на учебныя пособія и содержаніе. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи проценты причисляются къ капиталу и впоследствии могутъ быть употреблены для образованія новой стипендіи.

§ 4. Стипендія должна быть предоставляема преимущественно дѣтямъ лицъ торговаго и промышленнаго класса, православнаго вѣроисповѣданія. Выборъ стипендіата принадлежитъ душеприказчикамъ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Сергѣевича Мазурина: коммерціи совѣтнику Дмитрію Петровичу Боткину и потомственнымъ почетнымъ гражданамъ Константину Сергѣевичу Мазурину и Григорію Сергѣевичу Герасимову, по ихъ взаимному соглашенію, а послѣ ихъ смерти—педагогическому совѣту Императорскаго Московскаго техническаго училища.

§ 5. Стипендія предоставляется лицу удовлетворяющему требованію § 4 и выдержавшему пріемное испытаніе въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ на общемъ основаніи.

§ 6. Стипендіатъ, уволенный изъ училища по опредѣленію педагогическаго совѣта за неодобрительное поведеніе, лишается стипендіи, о чемъ немедленно доводится до свѣдѣнія лицъ, комъ принадлежитъ выборъ стипендіата, для избранія другаго лица. Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ одномъ и томъ же курсѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, тяжкой продолжительной болѣзни, и при томъ во время всего курса лишь одинъ разъ.

§ 7. Начальство Императорскаго Московскаго техническаго училища два раза въ годъ, по истеченіи каждаго полугодія, увѣдомляетъ лицъ, поименованныхъ въ § 4 сего положенія, объ усѣхахъ и поведеніи стипендіата.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Императорскаго Московскаго техническаго училища въ другое однородное учебное заведеніе стипендія остается при этомъ послѣднемъ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (11-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи при Уржумской женской прогимназіи имени законоучителя сей прогимназіи, протоіерея Ипполита Мышкина.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованнаго за-

коноучителемъ Уржумской женской прогимназіи, протоіереемъ Ипполитомъ Мышкинымъ, учреждается при означенной прогимназіи стипендія имени протоіерея Мышкина.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, долженъ храниться въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Уржумской прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года отчисленію въ казну, выдаются одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ прогимназіи, отличающейся прилежаніемъ и поведеніемъ.

§ 4. Выборъ стипендіатки предоставляется попечительному совѣту прогимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ и выданныя стипендіаткѣ деньги не возвращаются.

§ 6. Проценты, могущіе оказаться свободными въ случаѣ незамящонія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ неприкосновенному капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ закрытія или преобразования Уржумской женской прогимназіи, стипендіальный капиталъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ зачисляется въ пользу того заведенія, которое будетъ учреждено въ Уржумѣ, взаимнѣ сего учебнаго заведенія.

6. (19-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени Ломоносова при С.-Петербургской шестой гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 1.700 рублей, пожертвованнаго преподавателями и бывшими учениками С.-Петербургской шестой гимназіи, учреждается при ней одна стипендія имени перваго русскаго поэта и ученаго Михаила Васильевича Ломоносова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя неотъемлемую собственность ея и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала семьдесятъ рублей вносятся въ кассу гимназіи въ видѣ платы за ученіе избраннаго сти-

пендіата, а остальная сумма, за удержаніемъ изъ нея государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 г., вносится для обращенія изъ процентовъ, въ сберегательную кассу государственнаго банка и выдается, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, стипендіату, по окончаніи имъ курса ученія въ шестой гимназій.

§ 4. Стипендіатъ имени Ломоносова избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій въ началѣ учебнаго года изъ недостаточныхъ учениковъ русскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, безъ различія сословія, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Выборъ стипендіата производится на основаніи свидѣтельства, выданнаго ученику по окончаніи испытаній предшествующаго учебнаго года.

§ 6. Ученикъ пользуется стипендіею цѣлый годъ и можетъ лишиться ея только вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія. Въ такомъ случаѣ на второе полугодіе избирается другой стипендіатъ на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 7. Оставшійся на другой годъ по малоуспѣшности (если только она произошла не отъ продолжительной болѣзни) лишается стипендіи.

§ 8. Если окажется нѣсколько кандидатовъ преимущество отдается ученикамъ старшихъ классовъ предъ младшими.

§ 9. Выборъ стипендіата производится каждый годъ снова на общихъ основаніяхъ.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ никакихъ обязанностей на стипендіата.

§ 11. Въ случаѣ возвышенія платы за ученіе или въ случаѣ конверсіи процентныхъ бумагъ стипендія не выдается, пока основной капиталъ не увеличится до надлежащей суммы получаемыми съ него процентами.

7. (21-го марта 1894 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. А. Вышнеградскаго при Вятской Маріинской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Вятской Маріинской женской гимназій учреждаются двѣ стипендіи имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. А. Вышнеградскаго на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., собран-

наго съ этою цѣлью чиновниками Вятской казенной палаты, податными инспекторами и чиновниками казначействъ Вятской губерніи.

§ 2. Означенный капиталъ долженъ быть обращенъ въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаться навсегда неприкосновеннымъ и храниться въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Вятской Маріинской женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за право ученія въ Вятской Маріинской женской гимназіи 2-хъ стипендіатокъ.

§ 4. Право избранія стипендіатокъ, изъ отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ недостаточныхъ ученицъ Вятской Маріинской женской гимназіи, дочерей податныхъ инспекторовъ или чиновниковъ казенной палаты и казначействъ Вятской губерніи, принадлежитъ педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 5. Въ случаѣ, если въ гимназіи не окажется ученицъ изъ числа дочерей указанныхъ должностныхъ лицъ, то означенныя стипендіи могутъ быть предоставлены, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, и другимъ бѣднѣйшимъ ученицамъ гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Если вполнѣдствіи, по причинѣ увеличенія платы за ученіе въ Вятской Маріинской женской гимназіи или по какимъ либо инымъ причинамъ, процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для оплаты стипендій, то недостающая часть можетъ быть вносима родителями или воспитателями стипендіатокъ, въ противномъ же случаѣ стипендіи остаются временно незамѣщенными, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока годовой доходъ съ него не будетъ достаточенъ для полной оплаты двухъ стипендій.

8. (31-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи при Омской женской гимназіи имени бывшей классной надзирательницы сей гимназіи Еваліи Михайловны Киселевой.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ четыреста руб., собраннаго родными и знакомыми умершей классной надзирательницы Омской женской гим-

назін Евлаліи Михайловны Киселевой, учреждается при сей гимназій стипендія имени покойной.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ 5% государственныхъ банковыхъ билетахъ, по сто пятидесяти руб. каждый, и въ одномъ 5% билетѣ государственнаго же банка въ сто руб., составляя собственность Омской женской гимназій, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ этой гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на выдачу пособія одной или нѣсколькимъ ученицамъ Омской женской гимназій, изъ дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, по избранію педагогическаго совѣта гимназій.

§ 4. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ съ капитала, равно какъ деньги, возвращенныя лицами, пользовавшимися пособиями, а также и новыя пожертвованія обращаются, по мѣрѣ накопленія, въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Въ случаѣ выхода поименованныхъ въ § 2 процентныхъ билетовъ въ тиражъ, начальствомъ гимназій своевременно приобрѣтаются новыя государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, какія будутъ признаны болѣе выгодными.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Омской женской гимназій, стипендіальный капиталъ, на вышензложенныхъ основаніяхъ, передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ г. Омскѣ взаимѣнъ существующей женской гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ. Но ученицы, воспользовавшіяся пособиями, могутъ впослѣдствіи, если пожелаютъ, по мѣрѣ возможности, возвращать таковыя гимназій для причисленія ихъ къ стипендіальному капиталу.

9. (31-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени барона Николая Васильевича Корфа при Валуйской Маріинской женской прогимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Валуйской Маріинской женской прогимназій учреждается одна стипендія имени барона Николая Васильевича Корфа на счетъ процен-

товъ съ капитала въ шестьсотъ руб., пожертвованнаго слѣдующими лицами: княгинею Марією Николаевною Сумбатовою, Вѣрою Николаевною Тарновскою, Лидією Николаевною Ленскою и баронами Михаиломъ, Юріемъ и Германомъ Николаевичами Корфъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ шести 5% билетахъ государственнаго банка II выпуска, долженъ храниться въ Валуйскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ названнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года отчисленію въ казну, выдаются одной бѣдной ученицѣ прогимназіи, безъ различія сословій, если она отличается успѣхами въ наукахъ и благопріеміемъ.

§ 4. Выборъ стипендіатки принадлежитъ пожизненно барону Николаю Васильевичу Корфу, а послѣ его смерти предоставляется попечительному совѣту, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи.

§ 5. Проценты, могущіе оказаться свободными въ случаѣ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 6. При преобразованіи Валуйской Маріинской женской прогимназіи въ другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее, для прежняго назначенія.

§ 7. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „Городъ Владиміръ, Волинской губерніи. Историческій очеркъ *Н. И. Теодоровича*. Почаевъ 1893“. 2) „Историко-статистическое описаніе церквей и приходоѡ Волинской епархіи. Составилъ преподаватель Волинской духовной семинаріи *Н. И. Теодоровичъ*. Томъ I: Уѣзды Житомирскій, Новоградъ-Волинскій и Овручскій. Почаевъ. 1888. Стр. 1—430 + IV.—Томъ II: Уѣзды Ровенскій, Острожскій и Дубельскій. Почаевъ. 1890. Стр. 435—1120 + VII.

Томъ III: Уѣзды Кременецкій и Заславскій. Почасень. 1893. Стр. 1—687+IX. Цѣна: I тома 1 р. 25 к. (съ пересылкою 1 р. 50 к.), II тома 2 р. 75 к. (съ пересылкою 3 р.) и III тома 2 р. 75 к. (съ пересылкою 3 р. 25 к.),—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ.

— Книги: 1) „Новая скрижаль, или объясненіе о Церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ — *Веніамина*, архіепископа Нижегородскаго. С.-Пб. 1891.“—2) „Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи—*Дмитревскаю*. С.-Пб. 1884“.—3) „Жизнь Іисуса Христа *Ф. В. Фаррари*. Новый переводъ *Допухина*. С.-Пб. 1890“.—4) „Жизнь и труды св. Апостола Павла *Фаррари*, переводъ *Допухина*. С.-Пб. 1887“.—5) „Первые дни христіанства *Фаррари*, переводъ *Допухина*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1892“—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: протопресвитера *Бажанова*. 1) „Объ обязанностяхъ христіанина. Изданіе 6-е. 1871“.—2) „О религіи. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1892“.—3) „Примѣры благочестія изъ житій святыхъ. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1889“.—4) „Сокровище духовное отъ міра собираемое. Изъ твореній *Тихона* Воронежскаго. Изд. 4-е. С.-Пб. 1889“.—5) „Нравоучительныя повѣсти для дѣтей. Изд. 13-е. С.-Пб. 1889“.—6) „Притчи избранныя изъ *Круммахера*. С.-Пб. 1889“.—7) „Училище благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житій святыхъ. Съ рисунками *Солнцева*. Изд. 16-е. С.-Пб. 1893“.—8) „О говѣніи по уставу православной церкви — прот. *Деболскино*. Изд. 3-е. С.-Пб. 1892“.—9) „Необходимость и важность христіанскаго поведенія и послушанія православной церкви — *его-же*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1886“.—10) „Собраніе церковныхъ поученій для простаго народа—святц. *К. Стратилатоши*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1890“.—11) „Полное сочиненіе—прот. *Родіона Путятина*. Изд. 22-е. 1893“.—12) „Уроки Закона Божія по Катехизису — прот. *Романови*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1883“.—13) „Житія святыхъ, ежедневное чтеніе для народа и церковно-приходскихъ школъ. Сост. *Соф. Дестунисъ*. С.-Пб. 1891“.—14) „Земная жизнь Пресвятыя Богородицы и описаніе слятыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ православною церковію, на основаніи Св. Писанія и народныхъ преданій. Сост. *Соф. Снегсорева*. С.-Пб. 1892“.—15) „Какъ въ простотѣ живутъ люди. Соч. прот. *Наумоича*. С.-Пб. 1891“.—16) „Христіанскія добродѣтели. Соч. *его-же*.

С.-Пб. 1890^а. — 17) „Бесѣды *Ев. Берсе*. Изд. 2-е, два тома. 1886 и 1890 г., — 18) „Катихизическія поученія. Прот. *В. Нордова*. Изд. 5-е. С.-Пб. 1891^а. — 19) „Сѣятель благочестія, или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ — *ею-же*“. — 20) „Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ—свящ. *К. Стратилатова*. Изд. 5-е. 1893^а. — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Палаты бояръ Романовыхъ, или дворецъ царя Михаила Ѳеодоровича въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ. Съ видомъ Ипатіевскаго монастыря, съ портретами царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, патріарха Филарета Никитича и великой старицы Марѣы Іоанновны, съ тремя фасадами и планами палатъ Романовыхъ 1832, 1856 и 1863 гг. и монументомъ Сусалину въ Костромѣ. Составилъ *В. А. Самаряновъ*. Рязань. 1892. Стр. IV + 87. Цѣна 1 р. 25 к.“—одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотeki среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „*К. Ельницкій*. Янъ-Амосъ-Коменскій. Публичная лекція, прочитанная въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея Я. А. Коменскаго, для увеличенія средствъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ Омскѣ. С.-Пб. 1893. Стр. 30. Цѣна 20 коп.“—одобрить для старшихъ классовъ ученическихъ библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для библиотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „Краткій систематическій курсъ латинскаго синтаксиса. Примѣнительно къ гимназическимъ программамъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 20-го іюля 1890 г. составилъ *И. Черняевъ*, преподаватель Императорской Казанской 1-й гимназій. Казань. 1894, въ 16-ю д. л. Стр. II + 114 + 34. Цѣна въ папкѣ 50 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи латинскаго синтаксиса въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства.

— Книгу: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. *Горацій*. Избранныя стихотворенія. Выпускъ 1. Оды и эподы, съ введеніями, примѣчаніями и 20-ю рисунками. Объяснилъ *О. А. Шеборъ*, проф. Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института. Ч. I. Текстъ. Ч. II. Комментарій. С.-Пб. 1894. Стр. III+48+141. Цѣна за обѣ части 60 к.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ министерства.

— Книги: „Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ *Павелъ Виноградовъ*, профессоръ Московскаго университета. Часть I. Древній міръ. Второе исправленное изданіе. Москва, 1894. Стр. V+187. Цѣна 60 коп.—Часть II. Средніе вѣка. Москва. 1894. Цѣна 90 коп.“—первую одобрить какъ руководство преимущественно для VIII класса гимназій и рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій; а вторую рекомендовать въ видѣ учебнаго руководства по средней исторіи для V класса гимназій.

— Книги: 1) „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, (1086 — 1796) *Е. Лихачевой*. С.-Пб. 1890. Стр. V+296.— 2) Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). *Е. Лихачевой*. С.-Пб. 1893. Стр. 308. Цѣна за обѣ книги 3 рубля“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Добрые люди древней Руси. *В. Ключевскаго*. Сергіевъ посадъ. 1892. Цѣна 25 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „*Виндельбандъ*. Исторія древней философіи. Переводъ подъ редакціею проф. *А. И. Введенскаго*. С.-Пб. 1893“. — 2) „*Фалькенбергъ*. Исторія новой философіи. Переводъ подъ редакціею *А. И. Введенскаго*. С.-Пб. 1894“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Общія начала законовѣдѣнія. Составилъ *А. Мушниковъ*, профессоръ военно-юридической академіи. С.-Пб. 1894. Стр. 48. Цѣна 50 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Чтеніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика, 1-я часть: Начальный курсъ. Составилъ *Бернардъ Кленце*, преподаватель новыхъ языковъ Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища. Москва. 1893. Стр. 189+XVI. Цѣна 75 коп.“—одобрить какъ руководство для гимназій и особенно для реальныхъ училищъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Избрашныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. *Xavier de Maistre*. Prascovite ou la jeune Sibérienne. Местръ.

Параша-Ойбирячка. Объяснила *А. М. Пилыцъ*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1893. Стр. 92+32 въ 12-ю д. л. Цѣна съ отдѣльнымъ словаремъ 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“ — одобрить какъ учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Избранныя сочиненія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Изданіе *С. А. Манштейна*. Германъ и Доротея *Гёте*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1893. Стр. 97. Цѣна съ словаремъ 40 коп.“ — рекомендовать какъ весьма полезное пособие при преподаваніи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также для приобрѣтенія въ ученическія бібліотеки, старшаго возраста, сихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Путешествіе *В. В. Юнкера* по Африкѣ. Изложено *Э. Ю. Петри*, профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Съ 114 рисунками въ текстѣ, 44 отдѣльными гравюрами, 2 картами и портретомъ *В. В. Юнкера*. С.-Пб. 1893. Стр. 324. Цѣна 3 р. 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и для ученическихъ старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*А. Павловъ*. Городская школа. Русская хрестоматія, съ матеріаломъ для письменныхъ упражненій, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ. Часть третья. 3-й и 4-й годъ обученія. Изд. 3-е, исправленное. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 239 стр. Цѣна 75 коп. — То же. Часть четвертая. 5-й и 6-й годъ обученія. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 240 стр. Цѣна 75 коп.“ — допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Издаваемый въ С.-Петербургѣ ежемѣсячный иллюстрированный журналъ „*Дѣтское чтеніе*“ (безъ доставки 5 руб., съ доставкой и

пересылкою 6 руб. въ годъ), за 1892 и 1893 годы — одобрить для ученическихъ библиотекъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: „С. Бобровскій. Разказы моимъ дѣтямъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 81 стр. Цѣна 80 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданную Московскимъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюру: „Великій князь Ярославъ I. 1893. Въ 12-ю д. л., 52 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была исправлена согласно указаніямъ Комитета.

— Изданія того же Общества: 1) „Жизнь, убіеніе и чудеса святыхъ благовѣрныхъ князей стратотерлицевъ Бориса и Глѣба. Изд. 5-е. Составилъ С. Бухаревъ. 1892. Въ 12-ю д. д., 32 стр. Цѣна 5 коп.“, 2) „Св. Михаилъ, великій князь Кіево-Черниговскій и бояринъ его Феодоръ. 1893. Въ 12-ю д. л., 16 стр. Цѣна 5 коп.“, 3) „Невская битва и Ледовое побоище. Составилъ С. Кротковъ. 1893. Въ 12-ю д. л., 40 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Русская грамматика въ примѣрахъ, или какъ научиться толково и грамотно писать по русски. Правила правописанія, матеріалъ для списыванія, диктовокъ, заучиванья наизусть и письменныхъ самостоятельныхъ упражненій. Въ трехъ отдѣлахъ. Составилъ Я. Еуровъ. Отдѣлъ первый. Звукъ. М. 1893. Въ 8-ку, 29 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Брошюру: „Первоначальные уроки по церковно-славянскому языку для народныхъ школъ. Составилъ М. В. Кузинъ. Харьковъ. 1894. Въ 8-ку, 14 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя С. Житковымъ книги: 1) „Сборникъ ариметическихъ упражненій съ учителемъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1891. Въ 8-ку, 151 стр. Цѣна 40 коп.“ и 2) „Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариметикѣ для начальныхъ школъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 131 стр. Цѣна 25 коп.“ — одобрить для употребленія въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Покореніе Казани московскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Разказъ изъ Русской исторіи Е. Тихомирови. М. 1893. Въ 7-ку, 133 стр. Цѣна 15 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, но съ

тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи было указано, что разказъ этотъ „извлеченъ“ изъ исторій Карамзина и Соловьева.

— Книгу: „Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Составилъ *Н. Пономаревъ*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1893. Въ 8-ку, 144 стр., съ рисунками. Цѣна 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

ΘΕΟΦΑΝΉ ΚΑΡΙΚΉ, ΠΑΤΡΙΑΡΧΉ ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΠΟΛΉΣΚΗ.

(1597 г.).

Къ предлагаемому историческому изслѣдованію побудила насъ скудость и неточность изданныхъ до сихъ поръ историческихъ свѣдѣній о личности и дѣятельности одного изъ относительно недавнихъ константинопольскихъ патриарховъ. Доказательствомъ этого можетъ служить между прочимъ изслѣдованіе о константинопольскихъ патриархахъ *М. Гедеопа* (Πατριάρχικοι πίνακες, 1885—1890), гдѣ (стр. 538—539) Θεοφάνης Καρικός ложно представляется узурпаторомъ патриаршаго престола и властителемъ его въ течение семи мѣсяцевъ, между 1596 и 1597 годами, и гдѣ не говорится ничего относительно участія его въ церковныхъ дѣлахъ предшествующаго времени.

Θεοφάνης Καρικός былъ по своему происхожденію аонинянинъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лично знавшій его лютеранскій пасторъ Стефанъ Gerlach ¹⁾ и сигиллій патриарха Тимофея 1-го ²⁾. Маргуний же, другой современникъ Θεοφάνη, въ письмѣ своемъ къ аонискому іеремонаху Самуилу Примпету знакомитъ насъ также съ однимъ изъ родственниковъ „высокопочтеннаго“ Михаила Карика, можетъ быть отцемъ или братомъ ³⁾. Но время рожденія и постриженія въ монашество патриарха Θεοφάνη Καρικού до сихъ поръ совершенно не извѣстно.

Изъ характеристики Θεοφάνη, данной Маргуниемъ и называющей патриарха „ученѣйшимъ“ ⁴⁾, можно заключать, что Καρικός былъ дѣй-

¹⁾ *Stephan Gerlachs des Aelteren Tage-Buch*. Frankfurt am Mayn, 1674, 389 p.

²⁾ Δ. Καμπούρογλου, *Μνημεία τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων*, 1891 г., т. II, 49—50.

³⁾ Ἐπιστολῶν Μαρκουνίου № 8. *Μνημεία*, 1891, т. II, 219—220.

⁴⁾ Ἐπιστολῶν № 3, *ibid.*, 214—215.

ствительно очень образованнымъ человѣкомъ того времени и однимъ изъ самыхъ славныхъ и знаменитыхъ мужей Константинопольской патріархіи. Но гдѣ учился патріархъ Оеофанъ? Пѣкоторый свѣтъ на это обстоятельство проливаютъ письма къ нему того же Маргуниа, гдѣ послѣдній воспоминаетъ о старой дружбѣ, существовавшей между ними въ молодыхъ лѣтахъ ¹⁾. Между тѣмъ о Маргуниѣ мы знаемъ, что девятнадцати или двадцати лѣтъ отъ роду онъ оставилъ свою родину, островъ Критъ, и прибылъ въ городъ Падуя, гдѣ довершилъ свое образованіе и прожилъ много лѣтъ подъ радъ ²⁾. Падуя вообще служила въ то время сборнымъ пунктомъ для многихъ греческихъ юношей, жаждавшихъ просвѣщенія, и нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что патріархъ Оеофанъ также получилъ свое образованіе въ этомъ городѣ и здѣсь же подружился съ Маргуниемъ, тѣмъ болѣе, что другой пріятель его, врачъ Франческо, съ острова Хиоса, учился медицинѣ также въ Падуѣ ³⁾.

Оеофанъ Карикъ, обладая весьма пріятнымъ голосомъ, съ особенною любовью занимался церковнымъ пѣніемъ и такъ отличился въ этой области, что былъ назначенъ первымъ пѣвцомъ, протопсалтомъ, Константинопольской патріаршей церкви. Сколько времени занималъ онъ эту должность, мы не знаемъ, а извѣстно только то, что къ мѣсяцу марту 1578 года онъ уже не былъ протопсалтомъ ⁴⁾. Состоя въ этой должности, Карикъ сложилъ нѣсколько церковныхъ пѣсней, которыя ученики его переписывали и, посылая пѣвцамъ провинціальнымъ, распространяли. Множество изъ этихъ композицій Оеофана уцѣлѣли и до настоящаго времени, но большинство изъ нихъ переписаны уже сравнительно въ позднѣйшее время, такъ какъ посылъ имя Карика патріарха,—титულъ, котораго Оеофанъ удостоенъ былъ спустя много времени послѣ составленія своихъ пѣснопѣній. О тѣхъ изъ нихъ, которыя намъ до сихъ поръ встрѣчались, мы дѣлали замѣчанія своевременно ⁵⁾. Извѣстно затѣмъ, что одно изъ подобныхъ пѣснопѣній Оеофана, подъ заглавіемъ „Наі“, было написано имъ по персидскому образцу ⁶⁾ и что Карикъ „воспѣлъ однажды

¹⁾ Ἐπιστολῶν № 3 и 5, *ibid.*, 214—217.

²⁾ *E. Legrand, Bibliogr. Hellen.*, т. II, XXIII.

³⁾ *Gerlach, Tage-Buch*, 389 p.

⁴⁾ *Ibid.* 462.

⁵⁾ А. П. Кераміѡс, *Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθ.* I, 27, 113, 115, 117, 118, 119 pp.

⁶⁾ *Ibid.* 119 p., ἀρ.θ. 251.

славу Божию на мечети, взойдя на нее ночью, при чемъ отъ этой мелодіи его проснулся султанъ и искалъ пѣвца, но не нашель¹⁾. Обстоятельство это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, потому что мелодіи Θεοφана дѣйствительно превосходны и очень могло быть, что онъ, шутя, взошелъ на минаретъ какой-нибудь мечети и отсюда плѣнилъ султана своимъ пріятнымъ голосомъ и искусствомъ. И мы знаемъ, что другой султанъ пригласилъ къ себѣ разъ пѣвцовъ патріархіи и, когда они исполнили передъ нимъ одну персидскую пѣснь, такъ наградилъ ихъ, что возбудилъ къ нимъ зависть придворнаго пѣвца перса²⁾.

Когда Θεοφанъ былъ еще въ должности протопсалта патріархіи, то 1-го октября 1577 года его посѣтилъ вышеупомянутый Стефанъ Gerlach, пасторъ германскаго посольства въ Константинополь, написавшій въ своемъ дневникѣ по этому поводу слѣдующую замѣтку: „1го (октября) я ходилъ въ патріархію и говорилъ съ находящимся тамъ первопѣвцемъ, Карикомъ изъ Аѳинъ (Καρίκος von Athene), о тѣхъ мѣстахъ догматическаго ученія, гдѣ являются существенныя разногласія, о свойствахъ обѣихъ природъ во Христѣ, о свободной волѣ, о будущемъ судѣ, о добрыхъ дѣлахъ, о призваніи святыхъ и о мѣстѣ упокоенія душъ“³⁾. Карикъ отдалъ этотъ визитъ 19-го октября того же года⁴⁾, а 3-го марта 1578 г. Gerlach, сопровождая путешественника Соломона Schweiggger'a, вновь зашелъ въ патріархію, но здѣсь старикъ Іоаннъ Зигомала разказалъ ему, что монахъ Θεοφанъ, бывшій протопсалтомъ патріархіи, послѣ изложенія аѳинскаго митрополита, взялъ рекомендательное письмо къ патріарху и его намѣстнику у турка, кассира государственнаго казначейства, и хочеть самъ сдѣлаться митрополитомъ; что намѣстникъ патріарха, не одобрявъ поведенія Карика, просилъ турецкаго пашу, чтобы тотъ полицейскимъ порядкомъ заставилъ Карика, пять дней ходившаго по городу съ письмомъ кассира съ цѣлью занять освободившееся мѣсто митрополита, возвратиться въ патріархію⁵⁾. Хотя въ этомъ разказѣ Зигомалы есть, кажется, нѣкоторая неправда, но даже и въ противномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нельзя бросать Карика строгаго упрека

¹⁾ Νεοφύτου Μαυροματίη κατάλογος κτλ. ἐκδ. ὑπὸ Σαχκελίωνος въ Εὐαγγ. Κήρυξ, т. VI, 446 p.

²⁾ Δωροθέου Βιβλίον ἱστορικόν. Ἐνατίσιον 1781, 428 p.

³⁾ Gerlach, Tage-Buch; 389 p.

⁴⁾ Ibid. 393 p.

⁵⁾ Ibid. 462 p.

за то, что онъ старался возвысить свое общественное положеніе и получить санъ митрополита на своей родинѣ, такъ какъ въ теченіе прошедшихъ столѣтій не только многіе архіереи, но даже и патриархи достигали своихъ каеедръ такими же, а иногда еще и худшими способами.

Какъ бы то ни было однако, по желаніе Карика не исполнилось, и патриархъ, чтобы удовлетворить все таки его честолюбіе, далъ ему такое мѣсто, откуда Оеофанъ, при успѣшномъ прохожденіи службы, легко могъ вступить и въ ряды архіереевъ: въ 1579 г. мы встрѣчаемъ Карика іеромонахомъ въ должности логовста Константинопольской церкви; извѣстіе объ этомъ даетъ намъ лично знавшій его Соломонъ Schweigger, получившій отъ Оеофана, при своемъ отъѣздѣ изъ Константинополя, въ апрѣлѣ 1579 г., на память о дружбѣ письмо, которое извѣстно намъ только въ нѣмецкомъ переводѣ, и въ которомъ Карикъ излагаетъ философскую идею о Богѣ. Титуль Оеофана Schweigger передаетъ словами „первый секретарь Великой Церкви“¹⁾, откуда мы имѣемъ право заключить, что Карикъ занималъ тогда должность нынѣшняго секретаря при синодѣ, находящагося въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ патриархомъ.

Что въ этой новой должности своей Оеофанъ пользовался силой и значеніемъ, можно видѣть изъ одного его письма отъ августа 1580 г., гдѣ онъ подписывается лишь „іеромонахомъ Оеофаномъ“²⁾. Въ письмѣ этомъ Карикъ извѣщаетъ тогдашняго митрополита г. Іоаннишу о смерти патриарха Митрофана III и о вступленіи на патриаршій престолъ Іереміи II. Послѣ этого увѣдомленія Оеофанъ съ угрозою побуждаетъ митрополита прислать ему деньги, которыя тотъ долженъ, не доводя его до необходимости самому ѣхать въ Іоаннину съ султанскимъ указомъ. Вѣроятно, деньги эти митрополитъ долженъ былъ патриарху, а угроза Карика внушена была поэтому Іеремію; послѣдній при своемъ восшествіи на патриаршій престолъ неминуемо долженъ былъ впасть въ долги и обязательства къ различнымъ вліятельнымъ туркамъ и чиновникамъ, помогавшимъ ему въ этомъ дѣлѣ, и вслѣдствіе того съ особенной настойчивостью взыскивать ту извѣстную и опредѣленную сумму денегъ, какую каждый архіерей обязанъ былъ пред-

¹⁾ *Salomon Schweigger, Reiseb. nach Konstantinopel und Jerusalem. Nürnberg, 1616, 335—336 pp. Eine neue Reisebeschreibung aus Teutschland nach Constantinopel. Nürnberg, 1619, 235 p.*

²⁾ *Crusii, Turcograec. 335 p.*

ставляетъ патриарху. Въ концѣ письма Карикъ проситъ митрополита передать его поклонъ протопсалму митрополитъ, вѣроятно, своему старому ученику, а также принять съ честью діакона Неофита, который ѣдетъ въ митрополию, и которому Оеофанъ устно передавалъ содержаніе своего письма. Объ этомъ Неофитѣ извѣстно, что онъ служилъ при патриархѣ, а послѣ того, какъ Іеремія былъ изгнанъ на островъ Родосъ, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола.

О силѣ же и вліяніи въ то время въ патриархѣ Оеофана, къ которому всѣ нуждавшіеся въ услугахъ его должны были относиться съ должнымъ почтеніемъ, можно судить также по письму domestica и врача о. Хіоса, Франческо, къ всемогущему протонотарию патриархѣ, Оеодосію Загомагѣ, отъ мѣсяца августа того же года, гдѣ читается между прочимъ слѣдующее: „и съ Божіей помощію благополучно прибылъ на родину и исполнилъ свой долгъ и то, что приказалъ миѣ нашъ вселенскій господинъ. Всѣ архонты (о. Хіоса) прославляютъ Бога и благодарятъ васъ за хорошее расположеніе, обнаруженное по отношенію къ нимъ, а также благодарятъ мудрѣйшаго и ученѣйшаго іеромонаха господина Оеофана и, какъ и думаю, одновременно съ этимъ посылаютъ отвѣтъ патриарху“. Далѣе Франческо пишетъ: „при случаѣ благовременно поклонитесь нашему господину и учителю Оеофану, великому архимандриту, а также и прочимъ друзьямъ“¹⁾. Подобнымъ образомъ и Гавриилъ Севиръ, митрополитъ Филадельфій, имѣвшій свое мѣстопребываніе въ Венеціи, пишетъ тому же самому Оеодосію отъ 15-го февраля 1579 года слѣдующее: „привѣтствую нашихъ друзей, великаго логовета, достопочтеннаго Карика, а также и отца твоего“. О послѣднемъ извѣстно, что онъ носилъ въ это время титулъ „великаго ритора“²⁾. Наконецъ, Оеодосію же пишетъ экономя Калліуполиса такимъ образомъ: „пиши миѣ и о вашихъ дѣлахъ, о томъ, что у васъ происходитъ, такъ какъ слышию намъ о соблазнахъ въ великой церкви. Обстоятельно напиши миѣ и объ Ираклійскомъ митрополитѣ, что говоритъ касательно его. Кланяюсь святому учителю и архимандриту Карику и всѣмъ остальнымъ друзьямъ и знакомымъ“³⁾.

Послѣ многолѣтняго служенія церкви Оеофанъ достигъ, наконецъ,

¹⁾ *Crusii, Turcograec.* 308 p.

²⁾ *E. Legrand, Notice biographique sur Jean et Theodose Zygomalas, Paris* 1889, 156 p.

³⁾ *Ibid.* 160 p.

архіерейскаго сана: мы встрѣчаемъ его прежде всего митрополитомъ Филиппопольскимъ, преемникомъ Теолипта, избраннаго въ 1585 году 27-го февраля на каедру вселенскаго патріарха ¹⁾, и можно поэтому съ вѣроятностью полагать, что хиротонія Теофана совершена была въ томъ же году. Въ 1590 г. Теофанъ является уже въ Константинополѣ на постоянномъ жительствѣ и принимаетъ дѣятельное и серьезное участіе въ церковныхъ дѣлахъ патріархіи. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ того-же 1590 года мы видимъ его членомъ великаго собора, учредившаго патріаршество въ русской церкви, при чемъ актъ соборный подписанъ Ософаномъ въ качествѣ Филиппопольскаго митрополита ²⁾. Затѣмъ, въ августѣ 1590 года Ософанъ одобряетъ возведеніе въ санъ митленскаго митрополита Палеолога, переименованнаго Паисіемъ ³⁾, и въ томъ же, наконецъ, году Маргуній, противъ котораго въ патріархіи интриговали, принужденъ былъ просить заступничества могущественнаго члена синода Ософана, напоминая ему объ ихъ тѣсной дружбѣ съ дѣтскаго возраста и тонко, но вмѣстѣ съ достоинствомъ, лести ему въ своихъ письмахъ. Покойный Софокль Икономъ (Σοφοκλῆς Οἰκονόμος) сообщалъ, что въ принадлежавшей ему рукописи находится шесть такихъ писемъ Маргунія къ Ософану, но, какъ извѣстно намъ, въ другихъ рукописяхъ такихъ писемъ имѣется больше; изъ нихъ одно письмо издаю этимъ самымъ Икономомъ, одно Василіемъ Мистакидисемъ ⁴⁾, два проф. Матоеемъ Параникомъ, и шесть ⁵⁾—пишущимъ эти строки, изъ коихъ пять по рукописи, принадлежавшей многоуважаемому проф. И. В. Помяловскому.

Какъ видно изъ неизданнаго письма Пиги, Ософанъ былъ филиппопольскимъ митрополитомъ и въ 1591 году. Упомянутое объ этомъ письмѣ находится также у Иконома, но полное его содержаніе доселѣ еще неизвѣстно. Намъ кажется, что Ософанъ, въ качествѣ аонискаго митрополита, былъ непосредственнымъ преемникомъ Никагора, хотя уважаемый Енстаоій Вулизма и замѣчаетъ, что вступленіе Ософана на аонискую митрополию случилось уже послѣ 1593 года, какъ это нужно, будто-бы, заключить изъ упоминанія въ этомъ году имени

¹⁾ К. Σάθα, Βιογραφικὸν σχέδιασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β'. Ἐν Ἀθῆναις, 1870, 144—146 pp.

²⁾ W. Regel, *Analecta byzantino-russica*. С.-Пб. 1890, 89 p.

³⁾ А. П. Κεραμέως, Μαυρογορδ. Βιβλιοθ. I, 178 p., ἀριθ. 15.

⁴⁾ В. А. Μοστακίδου, ὁ ἱερός κληρὸς κατὰ τὸν XVI αἰῶνα. Ἐν Ἀθῆναις 1892, σ. 50.

⁵⁾ Καμπούρογτου, Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων, т. II, 1891, σ. 212—219

αοινσкаго митрополита Митрофана въ актахъ великаго помѣстнаго собора ¹⁾). На самомъ же дѣлѣ имя Митрофана произошло отъ ошибочнаго чтенія этихъ актовъ ²⁾, и Θεοφάνη въ 1593 году, хотя и неизвѣстно въ точности, съ какого именно времени, несомнѣнно былъ уже аοинскимъ митрополитомъ, превосходя своею ученостію и безпристрастнымъ характеромъ другихъ архіереевъ греческой церкви. Въ этомъ году и былъ созванъ въ Константинополь великій помѣстный соборъ, который въ одномъ памятникѣ патріархіи слишкомъ преувеличено называется „совершеннѣйшимъ и вселенскимъ синодомъ“ (ὀκταεταλῆ καὶ οἰκουμενικὴν σύνοδον) ³⁾. Первое засѣданіе собора было 12-го февраля 1593 года. На немъ Александрійскій патріархъ Мелетій Пига произнесъ вступительную рѣчь, послѣ которой Іеремія, патріархъ константинопольскій, формулировалъ предложеніе объ утвержденіи недавно основанной въ Россіи патріархіи, на что соборъ единогласно постановилъ свое „ἀρέσκει“. На соборѣ присутствовали между прочимъ и представитель Россіи. Когда рѣшено было дѣло о русскомъ патріаршествѣ, соборъ приступилъ къ составленію восьми правилъ (канонѣвъ), первое изъ которыхъ было предложено митрополитомъ Карикомъ, о чемъ актъ соборнаго засѣданія говоритъ такими словами: „Κανὼν πρῶτος. Ποσλὲ ρῆσενια ἐτιχῶν πρὸς τὸν ἄλλον δῆλον, πο πρῶτα καὶ νόμοις, βογολοβιμῆτῆσι αοινσκήσῃ митрополитῆσῃ сказаль: пусть соборъ постановитъ, чтобы монахи, живущіе въ каждой изъ вашихъ епархій, подлежали вѣдѣнію епископовъ епархій. Синодъ постановилъ прочитатъ для этого четвертый канонъ святаго и вселенскаго Халкидонскаго собора... И сказаль свитої синодῆ: правильно держатъся его, потому что онῆ постановленῆ отцами“. Такимъ образомъ, по предложенію именно Карика, возобновлено было дѣйствіе четвертаго канона Халкидонскаго вселенскаго собора.

¹⁾ См. Μνημεῖα 53—54 р., 1891 г.

²⁾ Первый актъ этого синода былъ напечатанъ Іерусалимскимъ патріархомъ Досмоесомъ въ Τόμος Ἀγάπης, 538—547 р., и, очевидно, по ошибкѣ переписчика здѣсь упомянутъ былъ Аοинскимъ митрополитомъ Митрофанῆ. Въ такомъ же видѣ актъ этотъ былъ перепечатанъ и Саваосомъ (Βιογρ. σχεδίασμα κτλ. 89 р.), помѣстившимъ поэтому имя Митрофана въ списокъ архіереевъ (стр. сγ'). Но въ древней официальной перепискѣ Каирской патріаршеской библиотеки (№ 80 лист. 748—768), которую я видѣлъ въ 1888 г., читается имя не Митрофана, а Θεοφана, это подтверждается также вторымъ актомъ собора, изданнымъ мною въ моемъ сборникѣ „Ἑλληνικά Ἀνέκδοτα“ р. 73—75.

³⁾ Κ. Σάθα, Βιογρ. σχεδίασμα περί Ἱερρεῖου Β', 197 р.

Константинопольскій помѣстный соборъ продолжалъ свои дѣйствія долгое время, и мы имѣемъ актъ еще другаго его засѣданія, найденный нами въ 1884 г. и въ первый разъ изданный въ сборникѣ нашемъ „Ελληνικά ἀνέκδοτα“ (73—75 стр.). Актъ этотъ содержитъ въ себѣ двѣнадцать правилъ и составленъ въ маѣ 1593 г. въ присутствіи двухъ патріарховъ и сорока одного архіерея, въ числѣ коихъ былъ также и аѳонскій митрополитъ Теофанъ ¹⁾, а патріархъ александрійскій служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ антиохійскаго и іерусалимскаго патріархатовъ. Другія дѣянія собора неизвѣстны теперь, но объ одномъ изъ постановленій его мы знаемъ, что оно было обязано своимъ появленіемъ тому же Теофану Каріку и служить такимъ образомъ новымъ доказательствомъ дѣятельности и личнаго достоинства этого митрополита. Именно, на одномъ изъ соборныхъ засѣданій, дата котораго неизвѣстна намъ, Теофанъ предложилъ, чтобы „въ числѣ другихъ правилъ былъ постановленъ законъ, который бы канонически запрещалъ проживающимъ въ окрестностяхъ Константинополя епископамъ при вдовствѣ патріаршаго престола избирать новаго патріарха, прежде чѣмъ соберутся все архіереи епархій, или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ“. Соборъ принялъ этотъ совѣтъ Теофана, вызванный тѣмъ обстоятельствомъ, что епископы ближайшихъ къ Константинополю окрестностей влѣдствіе незначительнаго разстоянія ихъ епархій отъ столицы очень скоро являлись сюда, когда патріаршій престолъ становился свободнымъ, и здѣсь, тайно, съ помощью взаимныхъ своекорыстныхъ обѣщаній, сами, и только одни они, возводили въ этотъ высокій санъ подходящее для нихъ лицо, безъ согласія другихъ архіереевъ. Такой порядокъ причинялъ, конечно, неисчислимый вредъ какъ всей вообще церкви греческой, такъ, особенно, патріархіи константинопольской, входившей влѣдствіе такого незаконнаго избранія патріарха въ большіе долги. Очевидно поэтому, что новый законъ, предложенный Теофаномъ, былъ необходимъ и спасителенъ въ это время и долженъ былъ принести церкви не малую пользу, если только подписавшіеся подъ нимъ члены синода намѣрены были воздавать ему подобающее уваженіе.

Въ иномъ еще засѣданіи соборномъ, дата котораго также неизвѣстна намъ, постановлено было, чтобы „каждый архіерей епархіяльный для улучшенія церковныхъ дѣлъ и возстановленія ихъ въ древнемъ порядкѣ, представилъ въ теченіи года въ патріархію опредѣ-

¹⁾ А. Π. Κεραμέως, 'Ανέκδοτα 'Ελληνικά κтλ., Константинополь 1874, р. 75.

ленно количество денегъ для погашенія ея долговъ, а тотъ епископъ, который нарушитъ это соборное опредѣленіе, долженъ былъ подвергнуться низложенію съ своего престола и лишенію чести⁴. Вскорѣ же постановленіемъ этимъ пренебрегъ „одинъ изъ первенствующихъ архіереевъ Пелопонеса“ и, когда было сдѣлано все, что слѣдовало сдѣлать по правиламъ церкви, для вразумленія непослушнаго епископа, и онъ на это не обратилъ своего вниманія, то соборъ, при своемъ окончаніи, послалъ въ Пелопонесъ Оеофана, чтобы онъ, по праву экзарха, склонилъ непокорнаго къ послушанію соборному опредѣленію. Такъ какъ, однако, мирная мѣра противъ непослушнаго архіерея не удалась, то церковь лишила его престола и наложила запрещеніе. Это опять-таки не имѣло надлежащаго дѣйствія, потому что епископъ, низложенный и запрещенный уже, не только не посылалъ никакихъ денегъ въ патриархію, но даже безбоязненно продолжалъ и служеніе свое¹⁾, такъ что дѣло оставалось въ такомъ положеніи болѣе двухъ лѣтъ, то-есть, отъ 1593 до 1596 года, „текущаго“, какъ выражается одинъ памятникъ.

Исполнивъ свое порученіе въ Пелопонесѣ и написавъ патриарху Іеремію II о непокорномъ архіереѣ, что слѣдовало, Оеофанъ рѣшился возвратиться въ свою митрополию. Аѳины, для продолженія пастырскихъ обязанностей своихъ. Въ это время патриархъ Іеремія умеръ и Оеофанъ принужденъ былъ смотрѣть издали, какъ нарушались существенныя постановленія Константинопольскаго собора. То, чѣмъ, по справедливому мнѣнію Оеофана, уничтожалось обаяніе патриаршей власти въ случаѣ нарушенія соборнаго правила объ избраніи патриарха, и случилось въ Константинополѣ въ его отсутствіе: десять архіереевъ, явившись въ столицу, выбрали, вопреки закону и церковнымъ правиламъ, патриархомъ вселенскимъ Матоея II, митрополита города Іоаннины. Оеофанъ сильно печалился, по его собственному выраженію, о томъ, что „остальные архіереи не прилагаютъ никакой заботы“ объ изгнаніи Матоея и что „никто изъ нихъ не сочувствуетъ скор-

¹⁾ Все это, касающееся судьбы Пелопонесскаго архіерея, имѣетъ своимъ источникомъ одинъ безымянный патриаршій документъ, изданный Саваомъ въ качествѣ письма Іеремію II (Вюур. счѣд., 197—198 р.). Датой этого письма служить 7104 отъ сотворенія міра, то-есть, 1595 или 1596 годъ отъ Р. Х. Вѣроятнѣе относить ее къ послѣднему времени, такъ какъ здѣсь находится фраза „и текущаго уже третьяго года“, то-есть, отъ созванія великаго собора, въ 1593 г., почему разбираемый документъ относится ко времени патриарха Гавріила I, а не Іеремію II.

блямъ церкви, хотя всѣ знаютъ, что издержки, произведенныя для нарушенія канонѡвъ, требуются отъ насъ¹⁾, епархіальныхъ архіереевъ¹⁾. Когда Матоей, пропатріаршествовалъ нѣсколько дней, самъ удался съ престола, ему наследовалъ избранный уже по канонамъ церкви Гавріиль I, митрополитъ Солунскій.

Новый патріархъ однако сильно беспокоился продолжавшимися еще разнаго рода притязаніями на патріаршій престолъ и потому Ософанъ, желая воспрепятствовать всякому противозаконію, счелъ своимъ долгомъ лично явиться въ Константинополь, гдѣ одною изъ первыхъ заботъ его стало примѣненіе въ жизни церковной постановленій великаго собора²⁾. Поэтому, по его именно впушенію, вышеупомянутый непокорный Пелопонесскій епископъ былъ провозглашенъ лишеннымъ всякаго священства, престола и чести, въ силу постановленія, принятаго на соборѣ по предложенію того же самого Теофапа³⁾. Когда затѣмъ патріархъ Гавріиль умеръ, Ософанъ провозглашается мѣстооблюстителемъ вселенской патріархіи; спокойствіе церкви зависѣло теперь отъ его благоразумія и образа управленія. Во все время своего мѣстооблюстителства онъ дѣйствительно поступаетъ очень разумно, и когда архіерей, тѣ же, которые незаконно поставили на патріаршество Матоея, опять стали готовиться похитить патріаршій престолъ, то Ософанъ созвалъ соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и такимъ образомъ остановилъ незаконное стремленіе ихъ. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ своемъ окружномъ посланіи къ нѣкоторымъ епископамъ: „всеобщимъ мнѣніемъ присутствовавшихъ преосвященныхъ митрополитовъ, нашихъ братьевъ, и съ помощію другихъ честнѣйшихъ духовныхъ лицъ и благороднѣйшихъ архонтовъ мы,—нишеть онъ,—воспрепятствовали исполненію подготовлявшихся неумѣстныхъ дѣлъ и расторгли ихъ, какъ паутину наука, убѣдивъ властителей,

¹⁾ Это благородное и умное разсужденіе Ософана заключается въ циркулярномъ посланіи мѣстооблюститоля Константинопольской патріархіи, которое онъ издалъ и послалъ нѣкоторымъ архіереямъ. Документъ этотъ см. Вюгр. счѣд. 202—204 и Μνημεία т. II, 64—66 р.

²⁾ Мнѣніе многихъ писателей о 1594 годѣ, какъ времени патріаршества Гавріила, оказывается теперь лишеннымъ всякаго основанія, послѣ того какъ нами открытъ сигиллій Гавріила, относящійся къ апрѣлю 1596 года (См. Мауро-роуд. Вѣствов. т. I, 120—121 р.). Изъ подписей этого документа видно также, что Теофанъ прибылъ въ Константинополь уже послѣ апрѣля 1596 года.

³⁾ См. документъ у Σάβα, Вюгр. счѣд., 197—198 р. Мы думаемъ, что документъ этотъ былъ составленъ тогда, когда Теофанъ былъ уже въ Константинополѣ.

представляя имъ для большаго основанія имя блаженнѣйшаго Александрійскаго патріарха, дать намъ свободу соблюсти по духу канонъ существующія относительно этого церковныя распоряженія и рѣшенія, и позволить вашъ прїѣздъ“.

Документъ этотъ, въ которомъ Оеофанъ Карикъ, мѣстоблюститель вселенскаго патріаршаго престола, говоритъ приведенныя выше слова, приглашая енархіальныхъ архіереевъ въ Константинополь, уцѣлѣлъ до нашего времени въ неполномъ видѣ и безъ даты. Изъ него мы можемъ заключить однако, что Оеофанъ дѣйствовалъ тогда въ строгомъ согласіи съ тѣми постановленіями, которыя были приняты по его предложенію на великомъ соборѣ и опредѣляли порядокъ избранія патріарха. Предъ избраніемъ Гавріила, патріаршество котораго продолжалось такъ мало времени, духовные лица и архонты Константинополя приглашали сначала на патріаршество Александрійскаго патріарха Мелетія Пигу, но онъ отказался тогда и отказъ этотъ изложилъ въ особомъ письмѣ, которое послалъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ апрѣля 1596 года, когда уже Гавріиль былъ избранъ и патріаршествовалъ, о чемъ Мелетій не зналъ еще, такъ какъ до Александрии, гдѣ онъ жилъ, на одинъ прѣздъ вѣстника нужно было употребить болѣе мѣсяца ¹⁾). Получивъ затѣмъ извѣстіе объ избраніи Гавріила, Мелетій не только призналъ его, какъ поставленнаго по закону, но и поздравлялъ особымъ письмомъ, написаннымъ 12-го мая 1596 года ²⁾). Теперь, послѣ смерти Гавріила, въ концѣ августа, когда мѣстоблюстителемъ патріаршества былъ назначенъ Оеофанъ, приглашеніе Мелетія на вселенскую каедру повторилось, и Карикъ усердно заботился объ этомъ, желая обезоружить лицъ, имѣвшихъ виды на опустѣвшій престолъ.

13-го сентября 1596 года созванъ былъ, наконецъ, для избранія новаго патріарха соборъ подѣ председательствомъ Оеофана Карика, состоявшій изъ шести архіереевъ и шестнадцати духовныхъ и свѣтскихихъ чиновъ патріархіи. Къ Мелетію послано было отъ имени собора письмо, въ которомъ мѣстоблюститель и члены засѣданія горячо просятъ патріарха тотчасъ же поснѣшить въ Константинополь и принять

¹⁾ Этотъ отрицательный отвѣтъ Александрійскаго патріарха, такъ же какъ и два другія его письма, адресованныя архонтамъ Георгію Каптакузену и Антониану Властону, относительно того же дѣла, изданы нами въ 1886 году въ XVII т. 'Ελλην. Φιλ. Σέλλ., Констант., 72—73 р.

²⁾ Письмо это издано *Гавріиломъ Софоломъ* въ 1804 г. въ I т. 'Ελλην. Φιλ. Σέλλ., 222—223 р.

на себя временное управление церковью. Послание заканчивалось слѣдующими словами: „если ты не сдѣлаешь этого и не позаботишься объ исправленіи церковныхъ дѣлъ, то произойдетъ отъ этого много такого, чему не слѣдуетъ быть и въ чемъ мы не будемъ виноваты“. Письмо это было доставлено Мелетію въ Александрію нарочными посланцами Карика и собора, протосингломъ Гавріиломъ и свѣтскимъ стратигіемъ ¹⁾). По особому рѣшенію собора мѣстоблюститель написалъ также циркулярное послание нѣкоторымъ архіереямъ, а ритору Георгію, который долженъ былъ отвезти его по назначенію, приказано было собрать съ епископовъ тѣ „*ῥαχία τῆς ζήτησ*“, которыя они обязаны были представить еще покойному Іереміи II, а также взыскать и всѣ остальные подати сполна, по особо составленнымъ для этого въ патриархіи епискамъ. „Но и вы поспѣшите прибыть сюда къ намъ,—писалъ при этомъ архіерсеюмъ Теофанъ, сопровождая свое приглашеніе надлежащей угрозой,—чтобы подтвердить наши распоряженія и поддержать церковный порядокъ“.

Неизвѣстно, когда именно послы константинопольскіе прибыли въ Александрію, гдѣ Мелетій жилъ, по крайней мѣрѣ, до 18-го октября 1596 года, какъ это слѣдуетъ изъ собственноручной его замѣтки, видѣнной нами въ патриаршескомъ кодексѣ Каира (№ 80, 115 стр.). Патриархъ тотчасъ же, согласно съ желаніемъ Карика и собора и согласно со свѣдѣніями относительно состоянія церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ, отправился туда. Будучи однако еще въ Александріи, онъ сдѣлалъ ошибку, обѣщавъ письменно константинопольскій престолъ Филадельфійскому митрополиту Гавріилу Севиру и епископу Кионирскому Максиму Маргунію. Между тѣмъ, въ самомъ Константинополѣ было много претендентовъ, желавшихъ захватить каедрю съ помощью одаренныхъ ими турокъ, а также сильныхъ архіереевъ и свѣтскихъ лицъ. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ далъ поводъ къ надеждѣ и самъ Мелетій, потому что только этимъ предположе-

¹⁾ Чрезвычайно важный документъ этотъ въ первый разъ изданъ ученымъ Г. Г. Мазаракисомъ съ пропускомъ большинства подписей и съ приложеніемъ особой статьи, въ которой Мазаракисъ старался доказать, что мѣстоблюститель патриархіи, Теофанъ, Аѳинскій митрополитъ, и Теофанъ Карикъ—патриархъ, не одно и то же лицо. Статья эта была напечатана въ газетѣ „Καίρον“ №№ 606 и 609, 1864 г. май. Документъ этотъ существуетъ и въ брачномъ кодексѣ Каирской патриархіи, 116—117 стр., откуда, снявъ точную его копию въ 1888 г., помѣстилъ въ *Μυῦσεια τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηνῶν*, т. II, стр. 221—223. Кодексъ этотъ имѣетъ теперь номеръ 80.

ніемъ и можно объяснить слова Карика, что онъ „съ удовольствіемъ уступаетъ“ только ему Мелетію, если онъ захочетъ быть избраннымъ на вселенскую кафедру. Такъ какъ Оеофанъ, конечно, въ совершенствѣ зналъ ходъ избирательныхъ происковъ и тѣхъ лицъ, которыя имѣли подкупные голоса, то и самъ онъ теперь счелъ нужнымъ уклониться отъ прямого и законнаго пути, которымъ шелъ до сихъ поръ: въ такую эпоху, когда архіереи, превосходившіе другихъ справедливостію и всякими добродѣтелями, были унижаемы, преслѣдуемы и презираемы, репутація человѣка перъшительнаго и слабаго, которую Оеофанъ могъ бы заслужить своимъ воздержаніемъ, была даже не безопасна; считая также для себя недостойнымъ стоять ниже другихъ, изъявлявшихъ свое притязаніе на патріаршій престолъ, Оеофанъ, располагавшій тогда уже въ достаточномъ количествѣ деньгами, рѣшилъ противодѣйствовать стремленіямъ своихъ противниковъ такими же средствами, какія употребляли бывшіе прежде и послѣ него патріархи, почему и былъ канонически провозглашенъ вселенскимъ патріархомъ, по нашему предположенію—въ февралѣ 1597 года.

Къ несчастію, Оеофану не пришлось долго патріаршествовать. Изъ письма Александрійскаго патріарха къ Гавріилу Севиру и Максиму Маргунію, написаннаго изъ Константинополя 19-го декабря 1597 года ¹⁾, мы узнаемъ о Карикѣ нѣкоторыя подробности, относительно которыхъ считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Очевидно, патріархъ Александрійскій, человѣкъ высоко образованный, пропикнутый честными убѣжденіями и обладавшій твердымъ характеромъ, желалъ, чтобы церковныя дѣла въ Константинополѣ нисколько не уклонялись отъ идеальнаго порядка, то-есть, чтобы все основывалось бы на нравственныхъ началахъ, забывалъ, что начала эти въ то время всеобщаго развращенія не могли быть примѣняемы. Какъ увидимъ далѣе, это понималъ онъ и самъ немного позже, когда Оеофанъ палъ уже жертвою не честолюбія или неразумія своего, но развитія страстей у другихъ претендентовъ на престолъ, также обстоятельство времени, съ которыми совпало его избраніе и, наконецъ, послѣдствіе недовѣрія къ нему александрійскаго патріарха. По словамъ указаннаго нами письма послѣдняго, Карикъ овладѣлъ своимъ престоломъ недостойно: „когда я его въ алтарѣ порицалъ,—говоритъ Мелетій,—за то, что я зналъ изъ его исповѣди, и увѣщевалъ его отка-

¹⁾ Отрывокъ этого письма, касающійся Карика, изданъ Икономомъ, безъ обозначенія даты. См. *Μνημεία*, т. II, 56 стр.

заться отъ того, чего онъ былъ недостойнъ, онъ не слушалъ“. Этотъ откровенный образъ дѣйствій Мелетія, конечно, похваленъ, но избраніе Карика было песомѣнно каноническимъ, потому что синодъ дѣйствовалъ тогда въ согласіи съ церковными законами о подачѣ голосовъ и провозгласилъ избраніе патріарха въ церкви, призывая Духа Святаго;—чѣмъ же поэтому виноватъ Теофанъ, если поступали такимъ образомъ архіереи, окружавшіе его и составлявшіе синодъ? Мелетій прибавляетъ далѣе: „и потомъ, когда весь народъ порицалъ и изгналъ его, я старался, о чемъ можетъ свидѣтельствовать преосвященный митрополитъ Ираклійскій (Діонисій) и преосвященный (Паисій) родосскій, чтобы онъ былъ приглашенъ въ городъ и съ честію сложилъ съ себя санъ, такъ какъ невозможно было иначе успокоить его честолюбіе и утишить соблазны, но онъ не послушалъ... и я судію его увидѣлъ Господа Саввова, Которымъ онъ былъ пораженъ внезапною смертію, потому что въ Великую Субботу, когда онъ надѣвалъ бѣлыя священныя одежды, онъ такъ сильно почувствовалъ этотъ гнѣвъ Божій, что умеръ прежде, чѣмъ могъ сообщить о своей болѣзни“.

Такъ писалъ Мелетій отъ 19-го декабря 1597 года къ тѣмъ двумъ архіереямъ, которымъ онъ во время своего мѣстооблукительства, полагая, что всѣ дѣла Константинопольской патріархіи зависятъ отъ него, обѣщалъ вселенскую каедрю. Объ этомъ самоувѣренномъ убѣжденіи Мелетія свидѣтельствуотъ также и другое его письмо къ Гавріилу Филадельфійскому, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „мое дѣло было заботиться объ этомъ и отъ меня все зависѣло“¹⁾). Между тѣмъ Ософанъ, зная какъ это все, такъ и честолюбивые хитрые замыслы другихъ архіереевъ, воспрепятствовалъ имъ дѣйствіемъ, носившимъ всѣ формы законности, и очевидно, что Мелетій, какова бы ни была причина неожиданной смерти Теофана, такъ рѣзко говоритъ о немъ въ вышеупомянутомъ письмѣ своемъ только для удовольствіенія честолюбія своихъ друзей. Въ другихъ же своихъ письмахъ тотъ-же Мелетій характеризуетъ Ософана гораздо уже благосклоннѣе. Такъ, 7-го апрѣля 1597 г. онъ писалъ къ солунскому митрополиту: „послѣ смерти Ософана, который умеръ скорою смертію, по суду, о которомъ Богъ знаетъ...“²⁾), а 16-го іюня того-же года, въ письмѣ Дмитрію Палеологу онъ выражается еще благосклоннѣе: „весь народъ,—

¹⁾ Письмо это издано нами въ XVII т. 'Ελλην. Φιλολογ. Σολ., № 89, стр. 77.

²⁾ Это письмо также издано нами. Ibid., № 34, стр. 74.

говорить онъ,—архонты, духовные и архіереи, даже наши и императоръ, да живетъ онъ много лѣтъ, задержали насъ противъ нашего желанія, потому что вслѣдствіе преждевременной кончины Карика церковь нуждалась въ пастырѣ“¹⁾. Ясно отсюда, что Оеофанъ, не смотря на то, что благодаря своимъ противникамъ, былъ преслѣдуемъ народнымъ возмущеніемъ, до самой смерти своей считался законнымъ патріархомъ, хотя, впрочемъ, Мелетій держался относительно этого противоположнаго мнѣнія: „Карикъ былъ челоѣкъ незаконный“, писалъ онъ своему другу, филadelphійскому митрополиту, и одновременно съ этимъ говорилъ: „вкрался несчастный Карикъ“, внутренно признавая, кажется, его преждевременною жертвою. Можно было бы спросить Мелетія, явился-ли бы законнымъ патріархомъ, приготавливаемый имъ самимъ, противно канонамъ, другъ его, филadelphійскій митрополитъ, или Маргуній?

Не смотря однако на противодѣйствіе и страстные преслѣдованія Оеофана, послѣдній, сознавая по совѣсти, что его избраніе совершенно было въ законной формѣ, мужественно сохранялъ свой санъ и отказался отъ внушаемаго ему отроченія. Мелетій былъ этимъ очень недоволенъ и потому писалъ: „вкрался несчастный Карикъ, который въ непродолжительное время надѣлалъ много бѣдъ церкви и самому себѣ, х я я сопротивлялся ему и наставлялъ его, по по многимъ причинамъ не въ присутствіи другихъ“.

Спрашивается теперь, какъ могло случиться, что Мелетій, явившійся въ Константинополь съ великою властью, по письменному приглашенію Карика и царскому указу, боялся противодѣйствовать открытымъ путемъ избранію Оеофана на патріаршество, а предпочиталъ дѣйствовать неофициально? Не означаетъ-ли это того, что тотчасъ же по прибытіи въ столицу, Мелетій показалъ себя приверженцемъ одной партіи и что другія, въ отищеніе за это, присоединились къ Карикѣ? Что значить также, что по многимъ причинамъ Мелетій не сопротивлялся Оеофану открыто! Не ясно-ли это свидѣтельство того, что партія Оеофана имѣла въ дѣлѣ его избранія болѣе вѣса, чѣмъ остальные, и состояла даже въ согласіи съ правительствомъ? Оеофанъ же, хотя и зналъ о противодѣйствіи александрійскаго патріарха и видѣлъ себя остающимся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе одинокимъ, относился все-таки къ Мелетію благородно и, когда тотъ побуждалъ его выйти въ отставку, говорилъ ему: „тебѣ, блаженнѣйшій отецъ, съ

¹⁾ И это письмо издано нами. Ibid. № 35, стр. 74.

удопольствіемъ уступлю и прошу тебя принять вселенскій престолъ; что же касается другихъ, то я никого не меньше". Объ этомъ свидѣтельствуесть также и самъ Мелетій. по причинѣ измѣнчивости обстоятельствъ времени не считавшій себя способнымъ управлять константинопольскою патриархією, о чемъ онъ пишетъ родосскому митрополиту Пансію послѣ вынужденнаго отъѣзда своего изъ Константинополя: „ты хорошо знаешь. говоритъ онъ, какъ я въ твоемъ присутствіи боролся тогда, когда всѣ, и даже самъ Карикъ, съ настойчивостью припуждали меня взять на себя управленіе вселенскимъ престоломъ, и какъ я отклонилъ отъ себя такую великую честь, или вѣрнѣе сказать. такую массу дѣлъ, трудовъ, страданій, печалей и опасностей“¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, что Теофанъ былъ дѣйствительно законнымъ патриархомъ и что его нужно считать такимъ наряду со всѣми другими константинопольскими патриархами. Объ этомъ, какъ видѣли мы. свидѣлствуютъ посредственно вышеупомянутыя письма Мелетія, а непосредственно сигиллій Тимофея I, гдѣ Карикъ упоминается съ честью, какъ бывший константинопольскій патриархъ. Но патриаршество Теофана было трудное, вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ получилъ свой пастырскій жезлъ. Что же, спрашивается, было особенною причиною преслѣдованія его, кромѣ естественнаго негодованія лицъ, также имѣвшихъ притязанія на константинопольскій престолъ? Намъ кажется, что это былъ недостатокъ въ деньгахъ. Во время своего мѣстооблудительства Теофанъ, сколько было можно, собиралъ съ епархій деньги, слѣдовавшія въ патриархію, и употреблялъ ихъ, конечно, на самыя первыя и настоятельныя нужды церкви. Между тѣмъ архіереи, побуждавшіе его занять патриаршій престолъ, склонили его къ займу шести тысячъ золотомъ у одного еврея, каковую сумму онъ и употребилъ на раздачу туркамъ и грекамъ, помогавшимъ ему въ дѣлѣ восшествія на тронъ константинопольской патриархіи²⁾. Во время патриаршества Теофанъ получилъ также отъ архіереевъ дань „Χαράτσιον“, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ правительства и. какъ свидѣлствуесть о немъ Мелетій³⁾, не отдѣлилъ изъ нея послѣднему ничего. Если это

¹⁾ Письмо это см. въ нашихъ Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς νεοελλ. φιλολογίας (Ἑλλην. Φιλ. Σόλλ., т. XVII, 76 стр. № 37).

²⁾ Объ этомъ займѣ упоминаетъ Александрійскій патриархъ Мелетій въ письмѣ, которое помѣщено нами въ XVII т. Ἑλλην. Φιλ. Σόλλ., стр. 76, № 38.

³⁾ См. письмо къ архонту Димитрію Палеологу, которое издано нами въ XVII т. Ἑλλην. Φιλ. Σόλλ., 74—75 стр.

свидѣтельство справедливо, то, по нашему мнѣнію, такой поступокъ Карика можно объяснить какою-нибудь неотложною нуждою патріархіи, напримѣръ, необходимостью уплатить ея чиновникамъ содержаніе, или же погасить какіе-нибудь предъявленные уже ко взысканію долги патріархіи, такъ что Θεοφάνη надѣялся уплатить дань правительству вполнѣдствіи, рассчитывая на продолжительность своего патріаршества или на поступленіе другихъ доходовъ. Если такъ было и на самомъ дѣлѣ, то не вѣроятно-ли, что противники патріарха воспользовались этими обстоятельствами и добились указа о низложеніи его? Намъ представляется дѣло именно такимъ образомъ, особенно принимая во вниманіе неоднократные примѣры такого рода въ прошлыхъ столѣтіяхъ. О томъ же, самъ-ли Θεοφάνη въ отчаяніи ускорилъ свою смерть, или ее произвела какая либо другая, естественная или неестественная причина, извѣстно одному Богу.

Θεοφάνη Карикъ умеръ 26-го марта 1597 года въ великую субботу, и опредѣлить въ точности, сколько времени продолжалось его патріаршество, мы не имѣемъ возможности: объ этомъ можно дѣлать только нѣкоторыя, болѣе или менѣе вѣроятныя, догадки. Такъ, письмо Θεοφάνη къ александрійскому патріарху, которымъ онъ во время своего мѣстоблюстительства приглашалъ послѣдняго въ Константинополь, написано 13-го сентября 1596 года и, по всей вѣроятности, дошло до Александріи 18-го октября того же года или нѣсколькими днями позже этого времени. Принимая во вниманіе, что 18-го октября Мелетій былъ еще въ Александріи, и полагая, что на приготовленія его къ отъѣзду, на отвѣтное посланіе въ Константинополь и на письма къ разнымъ лицамъ употреблено было около двухъ или трехъ недѣль, можно думать, что онъ отплылъ изъ Александріи въ срединѣ ноября, прибывъ въ Константинополь около послѣднихъ чиселъ декабря того же 1596 года, когда Θεοφάνη былъ еще каполическимъ мѣстоблюстителемъ патріаршества. По пріѣздѣ Мелетія мѣстоблюстительство перешло къ александрійскому патріарху и тогда же начались приготовленія къ избранію новаго вселенскаго владыки, хотя праздники, сосредоточенные между декабремъ 1596 г. и январемъ 1597 г., должны были препятствовать всякимъ официальнымъ дѣйствіямъ. Въ качествѣ мѣстоблюстителя константинопольскаго престола Мелетій подписалъ сигиліей 19-го января 1597 г. и другой 3-го февраля того же года ¹⁾, а въ одномъ письмѣ своемъ отъ 16-го іюня

¹⁾ Acta et diplomata, т. VI, 282—288 р.

1597 года онъ пишетъ, что управляетъ церковію „уже три мѣсяца“¹⁾, то-есть, отъ 16-го марта 1597 года, если понимать это выраженіе буквально. Между тѣмъ одно замѣчаніе анонима говоритъ: „1597 г. 2-го апрѣля мѣсяца я купилъ эту книгу... въ то время, когда садился г. Мелетій патріархъ въ Константинополѣ“²⁾; значитъ, упомянутое свидѣтельство александрійскаго патріарха нужно принимать не въ точномъ и буквальномъ смыслѣ, что подтверждается также однимъ неизданнымъ еще сигилліемъ, находящемся въ монастырѣ св. Анастасіи цѣлительницы на Великой Горѣ. Сигилліи этотъ Мелетій составлялъ въ Галатѣ 12-го марта 1597 г. въ качествѣ александрійскаго патріарха, а не вселенскаго мѣстоблюстителя, что видно и изъ самаго характера сигиллія и изъ упоминанія въ немъ о сигилліѣ другаго патріарха Александрии, какъ о причинѣ изданія этого. „Во время пребывания нашей мѣрности въ Константинополѣ“, такъ поэтому начинаеть свой сигилліи Мелетій, объясняя далѣе, что монахи монастыря „просили и насъ дать имъ какое-нибудь утвердительное письмо“.

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно, кажется, заключить, что избраніе Теофана совершилось въ февралѣ 1597 года, что мѣстоблюститель Мелетій, исполнивъ свой долгъ, удалился въ Галату довольнымъ, и что, наконецъ, Теофанъ, не смотря на возмущеніе и противодѣйствіе своихъ противниковъ, оставался на престолѣ до 26-го марта того же года. Итакъ, патріаршество его продолжалось болѣе полутора мѣсяца, въ каковое время Теофанъ, по мнѣнію Мелетія, „причинилъ однако же много вреда и себѣ и церкви Божіей“³⁾. Отсюда очевидно, что дошедшее до насъ извѣстіе, будто Теофанъ патріаршествовалъ семь мѣсяцевъ, ошибочно, если, впрочемъ, не включать въ это число время его мѣстоблюстительства. Какъ бы то ни было, однако, послѣ смерти Карика Мелетій былъ вновь приглашенъ синодомъ архіереевъ и турецкимъ правительствомъ принять на себя въ качествѣ мѣстнаго блюстителя управленіе дѣлами Константинопольской церкви. Здѣсь въ числѣ первыхъ безпокойствъ его было требованіе уплаты долга, предъявленное вышеупомянутымъ иудеемъ къ патріаршей кассѣ. Жестокимъ кади Константинополя Мелетій былъ присужденъ заплатить долгъ⁴⁾ и такимъ образомъ теперь,

1) Ἑλλην. Φιλ. Σύλλ. т. XVII, 75 р.

2) E. Legrand, Annuaire de l'Association... 8-e année, 334 р.

3) Ἑλλην. Φιλ. Σύλλ. XVII, стр. 77, № 39.

4) Ibid., 76.

управляя вновь вселенскимъ престоломъ, патриархъ Александрійскій, недовольный Карикомъ, имѣлъ возможность понять, что его философскіе принципы въ дѣлѣ управленія церковью были тогда непримѣнны. Поэтому, можетъ быть, послѣднія письма Мелетія и представляютъ его намъ уже примирившимся съ памятью несчастнаго Карика, который хорошо сознавалъ свое личное достоинство и вслѣдствіе того не уступилъ вселенской кафедре другимъ ея претендентамъ.

Во время втораго своего мѣстооблустительства Мелетій также допустилъ крупную ошибку, такъ какъ отложилъ выборы патриарха и думалъ, что Константинопольскій престолъ можетъ занять человѣкъ хотя и мудрый, но очень плохо знакомый съ порядками Константинопольскими, съ обычаями епархіальныхъ архіереевъ и желаніями могущественныхъ турецкихъ чиновниковъ. Поэтому онъ опять писалъ Гаврилу Филадельфійскому, имѣвшему тогда свое мѣстопробываніе въ Венеци: „это твое дѣло, послать какъ можно скорѣе оттуда того, кто управить Христово судно“ ¹⁾. Но неужели, спрашивается, окружавшіе Мелетія архіерей не знали такого односторонняго взгляда вселенскаго мѣстооблустителя, стоявшаго во главѣ ихъ? Разумѣется, они знали объ этомъ, и потому не только оставили его одного, безъ своей помощи, а даже скрытно дѣйствовали въ пользу его изгнанія. Поэтому самъ Мелетій, по истеченіи нѣкотораго времени мѣстооблустительства признаетъ ненадежность своего положенія и пишетъ, что „находится въ большой печали вслѣдствіе многихъ долговъ патриархіи“ и что въ продолженіе трехмѣсячнаго управленія дѣлами церкви онъ пока еще не видѣлъ себѣ надлежащей помощи изъ какого бы то ни было источника, и архіерей относятся къ нему холодно и небрежно, такъ какъ знаютъ, что онъ никого не заключить въ тюрьму. „Вслѣдствіе всего этого,—прибавляетъ Мелетій,—я хочу уѣхать“ ²⁾. Такъ писалъ Александрійскій патриархъ 16-го іюня 1597 г. и именно въ это время называлъ Карика „несчастливымъ“, а его смерть преждевременною. Еще большія доказательства унынія Мелетія находятся въ письмѣ его къ Родосскому митрополиту, посланномъ имъ уже по отъѣздѣ изъ Константинополя, изъ Каира ³⁾; изъ Александрии же патриархъ писалъ Ираклійскому митрополиту Діонисію слѣдующее: „кто могъ бы излѣчить дневныя и ночныя боли, стѣсненіе, печали-

¹⁾ Ibid., стр. 77, № 39.

²⁾ Ibid., стр. 75, № 35.

³⁾ Ibid., стр. 75—76, № 37.

искушенія отъ внѣшнихъ и отъ нашихъ, опасныя болѣе всего и хуже всего раздражающія?« Гоненіе Мелетія было такъ сильно, что онъ даже приготовился къ смерти, не желая предпринимать что либо противозаконное и въ то же время желая воспрепятствовать незаконнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ лицъ ¹⁾). Такого высоконравственнаго образа дѣйствій мѣстоблюстителя не понимали однако окружавшіе его архіереи, въ рукахъ которыхъ находилось дѣло избранія новаго вселенскаго патріарха. Когда въ іюлѣ 1597 г. Мелетій уѣхалъ изъ Константинополя, то новоизбранный патріархъ, Матеей Іоаннинскій, управлявшій церковью только три мѣсяца, тотчасъ же доказалъ Александрійскому патріарху, что его благородныя дѣйствія въ Константинополѣ остались безслѣдными: онъ выслалъ изъ столицы всѣхъ дружелюбно относившихся къ Александрійскому патріарху архіереевъ, задержалъ оставшіяся въ патріархіи его вещи, обезчестилъ посланнаго Мелетіемъ въ Константинополь іеромонаха Аеанасія, запретивъ ему служеніе, и въ концѣ концовъ грозилъ самому патріарху, считая его претендентомъ на вселенскую кафедру ²⁾). Все это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Карикъ лучше Александрійскаго патріарха зналъ положеніе дѣлъ въ Константинополѣ и видѣлъ, какіе люди устремляли свои взоры на патріаршій престолъ. Поэтому никоимъ образомъ нельзя упрекать Теофана за то, что при подобныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Константинопольская церковь, онъ хлопоталъ о возведеніи своемъ на ея кафедру. Напротивъ, намъ кажется, что онъ достоинъ всякой похвалы за твердость своего характера и за тѣ истинно христіанскія и вполне благородныя убѣжденія, по которымъ онъ соглашался уступить безпрекословно свой престолъ тому, кто, какъ самъ Карикъ сказалъ александрійскому Мелетію Пигасу, на самомъ дѣлѣ былъ бы мудрымъ и добродѣтельнымъ, но и не худшимъ его человѣкомъ.

А. Шападопуло-Керамевсъ.

¹⁾ Ibid., стр. 76, № 98.

²⁾ Мы извлекли это изъ неизданнаго письма Александрійскаго патріарха къ новому вселенскому, Матеею.

ИЗЪ ВВЕДЕНІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПОЭТИКУ ¹⁾.

(Вопросы и отвѣты).

Исторія литературы напоминаетъ географическую полосу, которую международное право осватило какъ *res nullius*, куда заходятъ охотиться историкъ культуры и эстетикъ, эрудитъ и изслѣдователь общественныхъ идей. Каждый выноситъ изъ нея то, что можетъ, по способностямъ и воззрѣніямъ, съ той же этикеткой на товарѣ или добычѣ, далеко не одинаковой по содержанію. Относительно нормы не стоворились, иначе не возвращались бы такъ настоятельно къ вопросу: что такое исторія литературы? Одно изъ наиболѣе симпатичныхъ на нее воззрѣній можетъ быть сведено къ такому приблизительно опредѣленію: исторія общественной мысли въ образно-поэтическомъ переживаніи и выражающихъ его формахъ. Исторія мысли болѣе широкое понятіе, литература ея частичное проявленіе; ея обособленіе предполагаетъ ясное пониманіе того, что такое поэзія, что такое эволюція поэтического сознанія и его формъ, иначе мы не стали бы говорить объ исторіи. Но такое опредѣленіе требуетъ и анализа, который отвѣтилъ бы поставленнымъ цѣлямъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мои лекціи въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ, посвященные эпосу и лирикѣ, драмѣ, и роману въ связи съ развитіемъ поэтического стиля, имѣли въ виду собрать матеріалъ для методики исторіи литературы, для индуктивной поэтики, которая устранила бы ея умозрительныя построенія, для выясненія сущности поэзіи—изъ ея исторіи. Мои слушательницы узнаютъ въ обобщеніяхъ, которыя я предложу, много стараго, хотя

---

¹⁾ Лекція, читанная 6-го февраля 1893 года въ пользу общества вспоможенія окончившимъ курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

менѣе рѣшительно формулированнаго, болѣе сомнѣній, чѣмъ утвержденій, еще болѣе исканій, потому что спросъ не бѣда, бѣда въ положеніяхъ, подъ которыми слаба основа фактовъ.

Съ тѣхъ поръ явилась поэтика Шерера, безформенный отрывокъ чего-то, затѣяннаго широко и талантливо и въ тѣхъ же цѣляхъ; направленіе нѣкоторыхъ, между прочимъ, нѣмецкихъ работъ по частнымъ вопросамъ поэтики указываетъ на живой интересъ къ тому же дѣлу. На него, очевидно, явился спросъ, а съ нимъ вмѣстѣ и попытка систематизации въ книгѣ Брюнетьера, классика по вкусамъ, неопита эволюціонизма, завятаго, какъ всякій новообращенный, у котораго гдѣ-то въ уголкѣ сознанія въ тишинѣ царятъ старыя боги,—книга, напоминающая тѣхъ дантовскихъ грѣшниковъ, которые шествуютъ впередъ съ лицомъ, обращеннымъ назадъ.

Такова литература предмета: исканій больше, чѣмъ аксіомъ; развѣ договорились мы, напимѣрь, хотя бы относительно пониманія поэзіи? Кого удовлетворить туманная формула, недавно предложенная Брюнетьеромъ: поэзія—это метафизика, проявляемая въ образахъ и такимъ путемъ внятная сердцу (*une métaphysique manifestée par des images et rendue sensible au coeur*)?

Оставимъ этотъ общій вопросъ открытымъ для будущаго; его рѣшеніе зависить отъ цѣлаго ряда систематическихъ работъ и рѣшеній по частнымъ задачамъ, входящимъ въ ту-же область. На нѣкоторыя изъ нихъ я желалъ бы обратить вниманіе.

Въ французскихъ журналахъ по народной поэзіи и старинѣ есть привлекательная рубрика: *Les Pourquoi?* Почему? Съ такими вопросами пристають къ вамъ дѣти, ихъ ставилъ себѣ человекъ на простѣйшихъ стадіяхъ развитія, ставилъ и давалъ на нихъ внѣшній, иногда фантастическій отвѣтъ, успокоивавшій его своей опредѣленностью: почему черенъ воронъ? отчего багровѣетъ солнце передъ закатомъ и куда оно уходитъ на ночь? или почему у медвѣдя короткій хвостъ? Такого рода отвѣты лежатъ въ основѣ древнихъ мифовъ, историческое развитіе привело ихъ въ систему, въ родословную связь, и получила мифологія. Переживаніе такихъ отвѣтовъ въ современномъ суевѣрїи показываетъ, что они были когда-то предметомъ вѣры и воображаемаго знанія.

Въ исторіи литературы есть цѣлый рядъ такихъ *Les pourquoi*, которые когда-то ставили, на которые отвѣчали, и отвѣты еще существуютъ въ переживаніи, какъ основа нѣкоторыхъ историко-литературныхъ взглядовъ. Было-бы полезно ихъ пересмотрѣть, чтобы не

очутиться въ положеніи простолюдина, увѣреннаго, что солнце вертится и играетъ на Ивановъ день. Полезно выставить и новыя „les rouquoi“, потому что не извѣданныя много, и оно часто идетъ за рѣшенное, понятное само собою, какъ будто всѣ мы условились хотя бы относительно, напримѣръ, того, что такое романтизмъ и классицизмъ, натурализмъ и реализмъ, что такое возрожденіе и т. п.

Таковыми вопросами я хотѣлъ бы заняться. Примѣры я возьму не изъ современности, хотя все къ ней сводится. Старина отложила для насъ въ перспективу, гдѣ многія подробности затушеваны, преобладаютъ прямыя линіи, и мы склонны принять ихъ за выводы, за простѣйшія очертанія эволюціи. И отчасти мы правы: историческая память минуетъ мелочныя факты, удерживая лишь вѣскіе, чреватые дальнѣйшимъ развитіемъ. Но историческая память можетъ и ошибаться; въ такихъ случаяхъ новое, подлежащее наблюденію, является мѣриломъ старому, пережитому внѣ нашего опыта. Прочныя результаты изслѣдованія въ области общественныхъ, стало быть, и историко-литературныхъ явленій, получаются такимъ именно путемъ. Современность слишкомъ спутана, слишкомъ насъ волнуетъ, чтобы мы могли разобратся въ ней цѣльно и спокойно, отыскивая ея законы; къ старинѣ мы хладнокровнѣе и невольно ищемъ въ ней уроковъ, которымъ не слѣдуемъ, обобщеній, къ которымъ манитъ ея видимая законченность, хотя сами мы живемъ въ ней наполовину. Это и даетъ намъ право голоса и провѣрки. Еще недалеко то время, когда вопросы о развитіи религіознаго сознанія и языка рѣшались на основаніи однихъ лишь древнихъ документовъ. Мы увлеклись Ведами и санскритомъ и создали зданіе сравнительной мѣологии и лингвистики, относительно стройныя системы, въ которыхъ все было на мѣстѣ и многое условно; не будь этихъ системъ, не явилась бы критика, повѣрка прошлаго настоящимъ. Мы конструировали религіозное міросозерцаніе первобытнаго человѣка, не спросившись близкаго къ намъ опыта, объектомъ котораго служить наше простонародіе, служимъ мы сами; строили фонетическіе законы для языковъ, звуки которыхъ никогда до насъ не доносились, а рядомъ съ нами бойко живутъ и развиваются діалекты, развиваются по тѣмъ же законамъ физиологій и психологій, какъ и у нашихъ прародителей арійцевъ. Прогрессъ въ области мѣологической и лингвистической наукъ зависитъ отъ повѣрки системъ, построенныхъ на фактахъ историческаго прошлаго, наблюденіями надъ жизнью современныхъ суевѣрій и говоровъ. То же въ исторіи литературы: наши воззрѣнія на ея эволюцію создались

на исторической перспективѣ, въ которую каждое поколѣніе вносятъ поправки своего опыта и накапливающихъ сравненій. Мы отказались отъ личнаго, въ нашемъ смыслѣ слова, автора гомеровскихъ поэмъ, потому что наблюденія надъ жизнью народной поэзіи, которую внѣшнимъ образомъ приравнивали къ условіямъ ея древнѣйшаго проявленія, раскрыли невѣдомые дотолѣ процессы массоваго безличнаго творчества. Затѣмъ мы отказались и отъ крайностей этихъ воззрѣній, навѣянныхъ романтизмомъ, отъ несбыточнаго народа-поэта, потому что въ народной поэзіи личный моментъ объявился въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ вѣрили прежде; гомеровская критика поступила съ своей стороны, и личный авторъ или авторы гомеровскихъ поэмъ снова выступаютъ передъ нами, хотя и не въ той постановкѣ, какъ прежде.

Я заговорилъ о романтизмѣ, и мнѣ хочется показать на немъ, какъ часто старыя формулы исправляются и освѣщаются новыми, и наоборотъ. Определеній романтизма множество, начиная съ Гёте, для котораго классическое было равносильно здоровому, романтическое—болѣзненному; романтики находили опредѣленія романтизма въ безграничномъ субъективизмѣ, въ „реализаціи прекраснаго изображеніемъ характера“ (*la réalisation de la beauté par l'expression du caractère*); для Брюнетьера романтизмъ, индивидуализмъ и лиризмъ существенно одно и то же: начнешь съ одного, кончишь другимъ и т. д. Но одну общую черту можно подчеркнуть какъ въ явленіи, такъ и въ опредѣленіяхъ сѣверно-европейскаго романтизма: стремленіе личности сбросить съ себя оковы гнетущихъ общественныхъ и литературныхъ условій и формъ, порывъ къ другимъ, болѣе свободнымъ, и желаніе обосновать ихъ на преданіи. Отсюда идеализація народной старины, или того, что казалось народностью: увлеченіе средними вѣками, съ включеніемъ католичества, разцвѣченнаго фантастически, и рыцарства: *moeurs chevaleresques* (M-me de Staël); любовь къ народной поэзіи, въ которой оказывается такъ много не своего, къ природѣ, въ которой личность могла развиваться эгоистично, довлѣя себѣ въ наосѣ и наивномъ самообожаніи, въ забвеніи общественныхъ интересовъ, иногда въ реакціи съ ними. Эти общія теченія не бросаютъ ли свѣтъ на нѣкоторыя стороны италіанскаго гуманизма? Основы латинской культуры и міросозерцанія долго покоились въ Италіи подъ наноснымъ грунтомъ средневѣковыхъ церковныхъ идей и учреждений, вымогаясь наружу, пока не сказались открыто, сознательно, отвѣчая такому же требованію обновленія на почвѣ народныхъ основъ, на этотъ разъ не фиктивныхъ и не фантастиче-

скихъ? Гуманизмъ—это романтизмъ самой чистой латинской расы; отсюда опредѣленность и прозрачность его формулъ, въ сравненіи съ туманностью романтическихъ; но тамъ и здѣсь сходныя образованія въ области индивидуализма и та-же ретроспективность въ литературѣ и мировоззрѣніи.

Вотъ какого рода параллели я буду имѣть въ виду при слѣдующемъ изложеніи.

Начнемъ съ эпоса. На извѣстной стадіи народнаго развитія поэтическая продукція выражается пѣснями полулирическаго, полуповѣствовательнаго характера, либо чисто эпическими. Онѣ вызваны яркими событіями дня, боевыми подвигами племени, клана, воспѣваютъ героевъ, носителей его славы, группируются вокругъ нѣсколькихъ именъ. Въ иныхъ случаяхъ творчество пошло и далѣе, и сохранились эпосы, за которыми чувствуются групповыя народныя пѣсни, поэмы, обличающія цѣльность личнаго замысла и композиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не личныя по стилю, не носящія имени автора, либо носящія его фиктивно. Мы имѣемъ въ виду гомеровскія поэмы и французскія *chansons de geste* древней поры, представителемъ которыхъ является *chanson de Roland*; тѣ и другія съ содержаніемъ историческихъ преданій. Что вызвало эту особую поэтическую эволюцію и почему иныя народности обошлись однѣми былевыми пѣснями? Прежде всего личный починъ, при отсутствіи заявленія о немъ, указываетъ на такую стадію развитія, когда личный поэтический актъ уже возможенъ, но еще не ощущается, какъ таковой, по скольку личный, еще не объектировался въ сознаніи, какъ индивидуальный процессъ, отдѣляющій поэта отъ толпы. Даръ пѣсенъ не отъ него, а извнѣ: къ нему приобщаются, отвѣдавъ чудеснаго напитка, или это наважденіе нимфъ-музъ: съ точки зрѣнія греческаго *пупрholeptos*—поэтъ и бѣсноватый, схваченный пимфами, одно и то же.—Это періодъ великихъ анонимныхъ начинаній въ области поэзіи и образовательныхъ искусствъ. Народныя эпосы анонимны, какъ средне-вѣковые соборы.

Къ этому присоединяется и другой народно-психологическій моментъ. Въ основѣ французскихъ *chansons de geste* лежатъ старыя былевыя пѣсни о Карлѣ Великомъ и его сверстникахъ, заслонившія и поглотившія болѣе древнія пѣсенныя преданія меровингской поры. Онѣ жили, можетъ быть, группировались, какъ наши былины, забывались и обобщались: это обычный механический процессъ народной идеализаціи. Черезъ два столѣтія *chansons de geste* обновятъ эти

сюжеты; тѣ же имена и сходные подвиги, но настроеніе новое: мы въ разгарѣ феодальной эпохи, полной звука мечей и героически-народнаго, жизнерадостнаго самосознанія, поддержаннаго чувствомъ единой политической силы; *douce France* раздается повсюду. Личный поэтъ выбралъ бы для выраженія этого національнаго самосознанія вымышленные типы, либо современныхъ историческихъ дѣятелей съ поправками подѣ стиль типа. Для полу-личнаго пѣвца старой эпохи, какъ мы характеризовали его выше, это было бы психически невысказуемо, да его бы и не поняли, и онъ бессознательно беретъ за матеріалъ старыхъ преданій и пѣсенныхъ типовъ, которые поколѣнія пѣвцовъ и слушателей постепенно приближали къ своему пониманію, къ уровню времени. Императоръ Карлъ сдѣлается народнымъ властителемъ Франціи тѣмъ же путемъ, какимъ Илья Муромецъ богатыремъ-крестьяниномъ; сарацины, саксы стали врагами Франціи вообще, поэту оставалось только овладѣть этой совершившейся безъ него, но и въ немъ самою, идеализаціей—и явился французскій историческій эпосъ; историческій не въ томъ смыслѣ, что въ немъ выведены дѣйствительныя историческія лица, а въ томъ, что въ формахъ прошлаго онъ выразилъ народное настроеніе настоящаго.

Такимъ образомъ условія появленія большихъ народныхъ эпопей были бы слѣдующія: личный поэтический актъ безъ сознанія личнаго творчества, поднятіе народно-политическаго самосознанія, требовавшаго выраженія въ поэзіи; непрерывность предыдущаго пѣсеннаго преданія, съ типами, способными измѣняться содержательно, согласно съ требованіями общественнаго роста. Тамъ, гдѣ почему бы то ни было, эти условія не совпали, продукція народной эпопеи кажется невысказуемой. Представимъ себѣ, что личность развилась прежде, чѣмъ созрѣли національное самосознаніе и чувство исторической родины и народной гордости. Въ такомъ случаѣ оцѣнка настоящаго будетъ, смотря по личностямъ, различная, различно и ихъ отношеніе къ воспоминаніямъ прошлаго, не будетъ той общей почвы энтузіазмовъ и идеальностей, на которой чуть поэта сходилось съ симпатіями массы. Исторія нѣмецкой литературы указываетъ на подобное явленіе. У германцевъ и романизованныхъ франковъ одинаково существовала эпика историческихъ воспоминаній; тамъ и здѣсь Карлъ Великій оставилъ отзвуки въ легендѣ и пѣснѣ, но въ то время, какъ Франція слагалась государственно, и опредѣлялись ея національныя цѣли и литература на народномъ языкѣ,—политика Оттоновъ еще разъ повернула Германію къ пенаціональнымъ цѣлямъ всемірной имперіи, и

первые всходы нѣмецкой литературы были забыты въ новомъ подъемѣ оттоновскаго „латинскаго“ возрожденія. Имперіей съ ея отвлеченными идеалами мира и культуры могли увлекаться застольные поэты Карла Великаго, какъ позднѣе увлекались теоретики: народу они ничего не подсказывали. Имперія была для него такой же абстракціей, какъ вначалѣ церковь, но послѣдняя овладѣла народнымъ сознаніемъ, встрѣчными формами его вѣрованій, тогда какъ первая всегда оставалась формулой. Имперія, а не германскій народъ, предпринимала итальянскіе походы, и они не отложились въ эпической памяти; борьба съ венграми, казалось, была народнымъ фактомъ, но она выразилась лишь въ исторической пѣснѣ, не поднимая чувства на высоту эпической идеализаціи, потому что чувство политической самоопредѣленной національности не развито, въ сравненіи съ сосредоточенной энергіей французскаго королевства нѣмецкая имперія—отягченный сномъ великанъ (Schultheiss); у миннезингеровъ есть патриотическіе мотивы, слышится лирическій кликъ: Deutschland über Alles! но личное сознаніе не отражается въ настроеніи эпоса. Его носители—шпильманы, бродячіе клерика, vagi, въ родѣ Лампрехта, Конрада и др.; ихъ темы заимствованы отовсюду: и французскіе романы, и восточныя легенды, проникнутыя фантастической поэзіей апокрифа, и старыя преданія франкскія, лангобардскія, готскія. Ихъ географія шире политической Германіи: Италия и Бари, Константинополь и Палестина съ Іерусалимомъ; это не географія крестовыхъ походовъ, фактически объединившихъ востокъ и западъ, а теоретическій кругозоръ Имперіи, въ которомъ исчезали отдѣльныя національности, исчезала на дѣлѣ нѣмецкая. Въ такой яркой поэмѣ, какъ Нибелунги, историческія воспоминанія о бургундахъ и гуннахъ, обновившіяся съ появленіемъ новыхъ гунновъ-мадьяръ, и мифологическая сказка о Сигфридѣ не приводятъ къ тому боевому сознанію, которое отвѣтило бы „милой Франціи“ въ пѣснѣ о Роландѣ. Нѣмецкій эпосъ — романтическій, не народно-историческій.

У насъ не было ни того, ни другаго, хотя эпическія пѣсни существовали и даже успѣли группироваться вокругъ личности князя Владиміра. Почему? На это отвѣтитъ предыдущее сравненіе. Не было, стало быть, сознанія народно-политической цѣльности, которую сознаніе религіозной цѣльности не восполняло. Слово о Полю Игоревѣ не народно-эпическая поэма, а превосходный лирическій плачъ о судьбахъ православной Руси. Когда миновала татарская эпоха и политическое объединеніе явилось поддержкой національному само-

сознанію, время эпоса было пропущено, потому что личное сознание вступило въ свои права, если и не въ области поэтического творчества, какъ было на Западѣ.

Сложенеіе народныхъ эпоей съ сюжетами изъ народной исторіи и какъ выраженіе національнаго самосознанія освѣщаетъ и другой вопросъ: почему животная эпоея объявилась именно въ феодальной Франціи, ибо нѣмецкій Reinhart лишь обработка французскаго оригинала. Въ основѣ этой эпоеи лежатъ распространенныя повсюду животныя сказки съ типическими лицами—звѣрями; латинскіе апологи и басни и чудеса Физиолога, проникая въ средне-вѣковую монастырскую келью. познакомили сѣверныхъ людей съ неслыханными звѣрями и царемъ-львомъ; они же дали, быть можетъ, и первый поводъ—пересказать и обработать туземныя и заходія сказки, дотѣхъ поръ не прикосновенныя къ литературѣ. Эти животныя сказки циклизуются, какъ былевые пѣсни, вокругъ своихъ героевъ; одна досказываетъ, имѣетъ въ виду другую; не получается цѣльной поэмы въ родѣ старыхъ карловингскихъ, но нѣчто связанное единствомъ содержанія и освѣщенія. Такъ называемый *romans du Renart*—героическій эпосъ наизнанку. съ тѣми же типами, по схваченнымъ съ отрицательной стороны, съ феодальнымъ сюзереномъ, царемъ львомъ, съ дикимъ и глупымъ феодаломъ волкомъ и веселымъ и злостнымъ проходивцемъ Ренаромъ, буржуа и логистомъ, разлагающимъ цѣльность героическаго міросозерцанія. Именно такую цѣльность, уже нашедшую пѣсенное выраженіе, и предполагаетъ животный эпосъ: сказки—его матеріалъ, литературная басня была ему поводомъ, героическая поэма дала схему; лишь позже явятся цѣлы сатиры.

И вотъ, между прочимъ, почему у насъ не могло быть животной эпоеи, хотя животными сказками мы не бѣднѣе, если не богаче другихъ народовъ, и новѣйшіе европейскіе изслѣдователи этого вопроса обращаются къ намъ за матеріаломъ и освѣщеніемъ. Животной эпоеѣ надо было прислониться къ героической, а она не успѣла сложиться. Сатирическія сказки съ звѣрями, какъ дѣйствующими лицами, въ родѣ сказки о Ершѣ Ершовичѣ, уже стоятъ внѣ полосы развитія эпоса.

Я сказалъ, что литературная басня могла быть однимъ изъ первыхъ поводовъ записать и народную животную сказку. Это положеніе можно обобщить, чтобы отвѣтить на цѣлый рядъ вопросовъ, вызываемыхъ развитіемъ ново-европейскихъ литературъ.

Трудно представить себѣ теоретически, какъ и при какихъ условіяхъ совершился тотъ процессъ, который можно обозначить прояв-

леніемъ въ сознаніи поэтическаго акта, какъ личнаго. Древнія литературы здѣсь ничего не освѣщаютъ, мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ онѣ зарождались, какіе посторонніе элементы участвовали въ ихъ созданіи, и мы сами слишкомъ мало знакомы съ процессами народной психики, чтобы въ данномъ случаѣ дѣлать заключенія къ прошлому отъ явленій современной народной пѣсни. Древнѣйшія пѣсни обрядоваго и эпическаго характера принадлежали общему культу и преданію, изъ нихъ не выкидывали ни слова; мы можемъ представить себѣ, что умственная и образовательная эволюція оставила ихъ позади, что ихъ повторяютъ, полупонимая, искажая и претворяя, но и то и другое безсознательно, не вмѣняя того въ личный починъ или заслугу, не ощущая зарождающагося я. А въ этомъ весь вопросъ.

На почвѣ европейской культуры съ характерною для нея двойственностью образовательныхъ началъ онѣ рѣшается легче и осязательнѣе. Когда сѣверный викингъ видѣлъ въ какой-нибудь ирландской церкви вычурное романское изображеніе креста, символическіе атрибуты, раскрывавшіе за собою фонъ легенды, онѣ становился лицомъ къ лицу съ незнакомымъ ему преданіемъ, которое не обязывало вѣрой, какъ его собственное, и невольно увлекался къ свободному упражненію фантазіи. Онѣ толковалъ и объяснял, онѣ по своему творилъ. Такъ русскій духовный стихъ представляетъ себѣ Егорія Храбраго живемъ, по локти руки въ золотѣ, какъ на иконѣ.

Европейская поэзія развилась такимъ именно путемъ: поэтическое чутье возбудилось къ сознанію личнаго творчества не внутренней эволюціей народно-поэтическихъ основъ, а посторонними ему литературными образцами.

Въ XII вѣкѣ Вильгельмъ Мальмсберійскій разказалъ поэтически-мрачную легенду, случайно вспомнившуюся Гейне: какой-то знатный молодой римлянинъ позвалъ къ себѣ на свадьбу друзей и знакомыхъ; послѣ пѣра, когда всѣ были навеселѣ, вышли на лугъ, чтобы поплясать и поиграть въ мячъ. Молодой былъ мастеромъ этого дѣла; снаряжаясь къ игрѣ, онѣ снялъ обручальный перстень и надѣлъ его на палецъ бронзовой античной статуи, которая тамъ стояла. То была статуя Венеры. Когда по окончаніи игры, онѣ подошелъ, чтобы взять свой перстень, палецъ статуи, на который онѣ былъ надѣтъ, оказался пригнутымъ къ ладони. Послѣ напрасныхъ усилій освободить кольцо, молодой человекъ удался, не сказавъ ни слова никому, чтобы его не осмѣяли и не похитили кольца въ его отсутствіи. Ночью

онъ вернулся въ сопровожденіи слугъ; каково же было его изумленіе, когда палецъ статуи оказался выпрямленнымъ и безъ кольца. Съ тѣхъ поръ между молодымъ и его женой всегда являлось какое-то призрачное существо, невидимое, но ощущаемое: „ты обручился со мной, слышался голосъ, я богиня Венера, твой перстень у меня, и я никогда не отдамъ его“. Долгое время длились эти муки; пришлось прибѣгнуть къ заклинаніямъ священника Палумбо, чтобы удалить дьявольское наважденіе.

Западная церковь также отрещивалась отъ чаръ классической поэзіи, манившихъ средневѣковаго человѣка, но заговоры не помогли, и союзъ совершился. Западная литература вышла изъ этого сочетанія; такъ называемый лже-классицизмъ не что иное, какъ одностороннее развитіе одного изъ присущихъ ему элементовъ, противурѣчивыхъ, но объединенныхъ на первыхъ порахъ потребностью грамотности.

Народъ пѣлъ свои древнія пѣсни, обрядовыя съ остатками язычества, любовныя (*winilod*), женскія (*puellagum saltica*), которыя наввно переносилъ и въ храмы. Онъ или унаслѣдовалъ ихъ, либо творилъ бессознательно по типу прежнихъ, не соединяя съ ними идеи творчества, личной цѣнности, а церковь обезцѣнивала ихъ въ его глазахъ, говоря объ ихъ языческомъ содержаніи и грѣховномъ соблазнѣ. И та же церковь обучала грамотности по латинскимъ книгамъ, заглядывала, въ цѣляхъ риторическаго упражненія, въ немногихъ классическихъ поэтовъ, дозволенныхъ къ чтенію, пріучала любоваться ихъ красотами, обходить соблазны аллегорическимъ толкованіемъ; любопытство было возбуждено, читались втихомолку и поэты, не патентованные школьнымъ обиходомъ, и на чужихъ образцахъ воспитывались къ сознанію того, что было еще невыяснено на путяхъ народно-психическаго развитія. Стали творить, подражая; для этого надо было научиться языку, овладѣть поэтическимъ словаремъ, проникнуться стилемъ, если не духомъ писателя—это ли не личный подвигъ? Въ духовной школѣ развилось понятіе *dictare* въ значеніи упражненія, сочиненія вообще, лишь впоследствии сѣузившагося къ значенію поэтическаго вымысла: *dichten*. Отъ понятія труда, къ которому способны были немногіе, переходили къ понятію творчества, сначала и естественно на языкѣ образцовъ, въ робкомъ подражаніи ихъ манерѣ, съ постепеннымъ вторженіемъ личныхъ и современныхъ мотивовъ. Когда народная рѣчь окрѣпла и оказалась годной для поэтическаго выраженія, не безъ воздѣйствія латинской школы, когда развитіе

личнаго сознанія искало этого выраженія, импульсъ былъ уже данъ. Рыцарская лирика съ ея личными поэтами и тенденціями явилась лишь новымъ выраженіемъ скрещиванія своего, народнаго, съ пришлымъ и культурнымъ, что ускорило народно-поэтическую эволюцію, поставивъ ей серьезныя задачи.

Такъ было на Западѣ, съ его латинской школой, незамѣтно разсѣвавшей лучи классической культуры, съ священнымъ писаніемъ, которое упорно берегли отъ вторженія народной рѣчи. Христіанская мысль, можетъ быть, оттого не выигрывала, народъ обходился катехизаціей духовника, проповѣдью, легендой и толковой библіей, но въ то время, какъ онъ коснѣлъ въ двоевѣрїи, вокругъ латинской библіи создавалась и поддерживалась латинская школа, съ слабыми, а затѣмъ яркими откровеніями древней поэзіи. Когда въ XIII — XIV вѣкахъ появились переводы священнаго писанія на народныхъ языкахъ, латинская школа уже сдѣлала свое дѣло.

Почему славянскій востокъ не произвелъ въ сроднїе вѣка своей изящной литературы, своей личной поэзіи, не создалъ литературной традиціи? Многое можно объяснить болѣе позднимъ выступленіемъ славянства на почву культурной исторїи, географическимъ положеніемъ, обязывавшимъ къ борьбѣ съ иноплеменнымъ востокомъ и т. п. Остановимся лишь на школѣ, на двойственности образовательныхъ элементовъ, которые и здѣсь, какъ на Западѣ, опредѣлили характеръ новаго развитія — въ отличіе отъ (видимой, по крайней мѣрѣ) цѣльности древняго. И здѣсь, съ одной стороны, народная, языческая, обрядовая или былевая поэзія, богатству которой мы до сихъ поръ дивуемся въ ея сербскихъ и русскихъ образцахъ, оригинальная по колориту и метру, которой не забыть въ общемъ аккордѣ европейскихъ пѣсенъ; съ другой, церковь, за которой стояло образовательное греческое преданіе, поэтическое и философское. Имъ она поступилась на славянской почвѣ; цѣлямъ и успѣху проповѣди отвѣтилъ принципъ народныхъ церквей, народныхъ и по языку поученій и по церковно-славянскому переводу Св. Писанія, болѣе внятному вѣрующимъ, чѣмъ латинская библія. Это былъ шагъ впередъ въ смыслѣ усвоенія и преемственія христіанскаго ученія, хотя двоевѣрїе народно-славянской поэзіи ничѣмъ не отличается отъ сходныхъ явленій на Западѣ и, пожалуй, еще откровеннѣе. Славянская библія опредѣлила, въ извѣстной мѣрѣ, и характеръ школьнаго дѣла: не было того импульса, который заставилъ западнаго человѣка учиться по Донату языку, который былъ языкомъ библіи и мессы, но и языкомъ Вергилія; не было образ-

цовъ, чужаго примѣра, который заманилъ бы къ подражанію, къ попыткѣ поднять и свой собственный народно-поэтический кладъ. Если западную литературу можно представить себѣ, какъ результатъ скрещиванія народнаго съ классическимъ латинскимъ, то на славянскомъ Востокѣ такое скрещиваніе произошло въ болѣе узкомъ смыслѣ, опредѣленномъ цѣлями грамотности и церковнаго просвѣщенія. Вотъ почему не было и поэзіи.

Какъ бы пошло европейское литературное развитіе, представленное эволюціи своихъ собственныхъ народныхъ основъ — вопросу, по-видимому, бесплодный, но вызывающій нѣкоторыя теоретическія соображенія, которымъ дѣйствительные факты идутъ навстрѣчу. Очевидно, органическая эволюція совершилась бы медленно, не минуя очередныхъ стадій, какъ часто бываетъ подъ вліяніемъ чуждой культуры, заставляющей, иногда не во время, дозрѣвать не зрѣлое, не къ выгодѣ внутренняго прогресса. Въ основѣ греческой драмы лежатъ обрядовыя хоровыя пѣсни, вродѣ нашихъ весеннихъ хороводовъ; ихъ простѣйшее религиозное содержаніе обобщилось и раскрылось для болѣе широкихъ, человѣчныхъ идей въ культѣ Діониса; художественная драма примкнула къ этой метаморфозѣ народнаго аграрнаго игрища. Обратимся на Западъ. И здѣсь существовали народные хороводы, простѣйшія основы драматическихъ дѣйствъ, но дальнѣйшаго развитія на этой почвѣ мы не видимъ; если были зародыши соответствующаго, обобщающаго культа, то они заглохли, не принесли плода. Явилась церковь и создала изъ обихода мессы родъ духовной сцены — мистерію; но она лишена была народной основы, которая питала бы ее и претворяла, развиваясь вмѣстѣ съ догматомъ и выходи изъ него: церковная основа явилась со стороны, перушимая, не подлежащая развитію. Площадная сцена, куда переселился впоследствии этотъ религиозный театръ, могла внести въ него нѣсколько бытовыхъ сценъ и комическихъ типовъ, не психологическій анализъ и не понятіе внутренняго конфликта; и здѣсь школа дала лишекъ прогресса, приучивъ къ иносказанію, къ аллегоризаціи Вергилія, къ обобщеніямъ, которыми она орудывала, какъ живыми лицами: къ фигурамъ Пороковъ и Добродѣтелей, Филологини и Человѣка, Every man. Сліяніе этихъ обобщеній съ эпически-неподвижными лицами мистеріи указывало на возможность дальнѣйшаго развитія, на задатки драматической жизни. А между тѣмъ уже въ средневѣковомъ, даже женскомъ монастырѣ читали комедіи Теренція, помнили Сенеку; съ нимъ снова входитъ въ оборотъ преданіе древней драмы. Въ XIV вѣкѣ

является и первое гласное ему подражаніе. Съ XVI вѣка драма во-
дворилась, какъ признанный литературный жанръ, завоевавшій общія
симпатіи: за Шекспиромъ стоитъ англійская драма Сенековскаго тина.

Откуда это поднятiе, популярность драмы? Если литература отра-
жаетъ спросы жизни, то между ними и извѣстными поэтическими
формами позволено предположить нѣкоторое соответствіе, еслибъ даже
тѣ и другія не развились совмѣстно; усвоивается лишь то, къ чему
есть посылка въ сознаніи, во внутреннихъ требованіяхъ духа.

Драма, стало быть, внутренній конфликтъ личности, не только
самоопредѣлившейся, но и разлагающей себя анализомъ. Конфликтъ
этотъ можетъ выражаться во внѣшнихъ формахъ, объективирующихъ
психическія силы и вѣровапія въ живыхъ лицахъ мнѳологіи, въ бо-
жествахъ, опредѣляющихъ долю, враждебную самоопредѣленію лич-
ности; но онъ можетъ представляться и совершающимся внутри че-
ловѣка, когда ослабнетъ или видоизмѣнится вѣра во внѣшнія преде-
ржащія силы. Такова суть греческой драмы отъ Эсхила до Еврипида.

Повѣримъ эти положенія на судьбахъ европейской драмы въ пе-
ріодъ ея художественнаго возникновенія.

Развитіе личности: въ Италіи, увлеченной въ народныя стези
гуманизма, она выразилась раньше и ярче, чѣмъ гдѣ либо, сказала
и въ особяхъ, и въ новыхъ формахъ политическаго быта, въ подъемѣ
литературы и искусства, а между тѣмъ именно итальянская драма
ограничилась внѣшнимъ подражаніемъ классическимъ образцамъ и не
произвела ничего самостоятельнаго, свидѣтельствующаго о высотѣ
личнаго подъема.

Почему это? Мы обращаемся за справками къ Греціи, къ условіямъ
аѳинской политикѣ, соединяемъ развитіе личности съ требованіями сво-
боднаго общественнаго строя и переносимъ эти выводы на блестящій
періодъ Елизаветинской драмы, гдѣ оба условія, казалось, соединились
къ одной цѣли. Но мы не въ состояніи помирить этотъ выводъ съ
параллельнымъ поднятiемъ испанской драмы, въ душевной политической
атмосферѣ, подъ религиознымъ гнетомъ, связывавшимъ свободу лич-
ности, вогнавшимъ ее въ узкую стезю энтузіазмовъ и паденій. Ясно,
что не качества общественной среды вызвали драму, а внезапный
подъемъ народнаго самосознанія, воспитаннаго недавними побѣдами
къ увѣренности въ грядущихъ, широкіе историческіе и географиче-
скіе горизонты, поставившіе національному развитію новыя обще-
человѣческія цѣли, новыя задачи для энергіи личности. За греческой,
англійской и испанской драмой стоятъ: побѣда эллинизма надъ пер-

сидскимъ востокомъ, торжество народно-протестантскаго сознанія, наполняющее такую жизнерадостностью англійское общество эпохи Елизаветы, и грѣза всемірной испанской монархіи, въ которой не заходитъ солнце. Въ средѣ, гдѣ личность уходила безъ остатка въ безразличіе массы, ликованія побѣды выразились бы народной эпической пѣсней, въ которой общее настроеніе, общая оцѣнка пережитаго скажется прославленіемъ типическаго героя; въ личности обособившейся яркій историческій моментъ, самая громоздкость обступившихъ ее событій вызоветъ потребность анализа, счетовъ съ собою и съ руководящими началами жизни, въ виду требованія дѣйствія, обостритъ этотъ внутренній конфликтъ, который явится и условіемъ и продуктомъ индивидуализаціи. Драматическая форма, какъ внѣшнее дѣйство, какъ сцена, уже существовала; теперь она объявится драмой, отвѣчая спросу времени; условіями ея художественнаго обособленія, ея популярности представляются мнѣ: развитіе личности и громкія событія народно-историческаго характера, открывающія народу новые пути и далекія перспективы.

Если Италия не произвела драмы, то потому, что такихъ именно событій она не пережила. Явленіе гуманизма, которымъ она подарила Европу, не событіе, не переворотъ или внезапное откровеніе, а медленное движеніе впередъ забытыхъ народныхъ началъ. Оно воспитало въ интеллигентной части общества сознаніе культурнаго единства, не пришедшее къ народно-политическому разцвѣту. Италия, какъ цѣлое, была абстрактномъ; существовала масса мелкихъ республикъ и тираній, съ мѣстными интересами и борьбою, съ трагическими дворцовыми анекдотами, человѣчными и вмѣстѣ съ тѣмъ мелкопомѣстными; имъ не доставало широкаго народнаго фона. Идеализація безотносительно-человѣческаго стала возможной лишь въ нашу буржуазную пору, не въ пору зарожденія художественной европейской драмы. Но можно спросить себя: возможно ли ея развитіе вообще въ условіяхъ мелкой народности, стоящей внѣ широкихъ общечеловѣческихъ задачъ, ограниченной интересами колокольни? Это не исключаетъ, разумѣется, книжную, кабинетную драму.

Говоря объ ея зарожденіи я отличилъ драму, какъ сценическое дѣйствіе, отъ драмы, какъ извѣстное міросозерцаніе, какъ требованіе дѣйствія и конфликта, Это положеніе ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ рядомъ другихъ вопросовъ, непорѣшенныхъ и, можетъ быть, непорѣшимыхъ.

Исторія греческаго литературнаго развитія даетъ намъ, прибли-

зительно, картину послѣдовательнаго выдѣленія литературныхъ родовъ, которую мы невольно склонны обобщить, усматривая въ каждомъ родѣ, являющемся на сцену исторіи, отраженіе извѣстныхъ общественныхъ и художественныхъ требованій, искавшихъ и находившихъ себѣ соответствующее выраженіе въ эпосѣ, лирикѣ, драмѣ и романѣ. Литературы новой Европы даютъ видимо такую же послѣдовательность, но органическую или нѣтъ, вотъ вопросъ. Мы уже знаемъ, что наши литературы сложились подѣ воздѣйствіемъ пришлыхъ, классическихкихъ, что, напримѣръ, ново-европейская драма вышла изъ не народныхъ основъ и доразвилась подѣ вліяніемъ древней. Прочныхъ выводовъ здѣсь быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что изученіе народной поэзіи открываетъ намъ новыя точки зрѣнія, колеблющія возможные выводы. Оказывается, что въ поэзіи обряда, древнѣйшемъ показателѣ поэтическаго развитія вообще, соединены, въ наивномъ синкретизмѣ, все роды поэзіи, на сколько они опредѣляются внѣшними признаками формы: и драма въ дѣйствіи, и діалогъ хора, и эпическій сказъ, и лирическая пѣсня; болѣе того: все это въ соединеніи съ музыкой, которая долгое время будетъ сопровождать продукцію той или другой поэтической формы, послѣдовательно выдѣляющейся изъ безразличія обрядовой поэзіи: будутъ пѣть и эпосъ, лирику, и въ драмѣ будетъ присутствовать музыкальный элементъ; обособленіе музыки отъ лирическаго текста и одностороннее развитіе послѣдняго совершилось въ Греціи въ по-Александровскую пору. По какому принципу совершилось это выдѣленіе, мы рѣшать не станемъ; вопросы генезиса, всегда темные, лучше предоставить поэтикѣ будущаго, поставленной на рационально-исторической почвѣ. Обратимся къ новой Европѣ, съ двойственностью ея образовательныхъ и поэтическихъ элементовъ: здѣсь эпосъ и лирика даны издавна, съ среднихъ вѣковъ; развилась и драма, испытавшая съ XIV вѣка и вліяніе драмы классической; съ XIV вѣка водворяется и художественная новелла, прототипъ нашего романа. Съ тѣхъ поръ мы владѣемъ всеми главными формами поэзіи, а историческій опытъ продолжаетъ убѣждать насъ, что между ними есть какое-то чередованіе, какъ бы естественный подборъ въ уровень съ содержаніемъ сознанія. Это, быть можетъ, ложное впечатлѣніе, но оно само собою напрашивается. *Почему* драма является преобладающей поэтической формой въ XVI—XVII вѣкахъ? *Почему* новелла-романъ надвигается начиная съ конца XIV вѣка, чтобы стать господствующимъ литературнымъ выраженіемъ нашего времени? Послѣдній вопросъ не разъ ставили въ ожиданіи отвѣта, который и мы

не въ состояніи дать. Ограничусь параллелью, которая, быть можетъ, объяснитъ намъ не происхожденіе романа, а качества общественной среды, способной его воздѣлывать. Въ Греціи драма стоитъ еще въ полосѣ національно историческаго развитія, романъ принадлежитъ той порѣ, когда завоеванія Александра Великаго его нарушили, когда самостоятельная Греція исчезла во всемірной монархіи, смѣшавшей востокъ и западъ, преданія политической свободы поблекли вмѣстѣ съ идеаломъ гражданина, и личность, почувствовавъ себя одинокой въ широкихъ сферахъ космополитизма, ушла въ самое себя, интересуясь вопросами внутренней жизни за отсутствіемъ общественныхъ, строя утопіи за отсутствіемъ преданія. Таковы главные темы греческаго романа: въ нихъ нѣтъ ничего традиціоннаго, все интимно буржуазное; это драма, перенесенная къ очагу, со сцены—въ условія домашняго обихода; она остается, тѣмъ не менѣе, драмой, дѣйствіемъ: таково на самомъ дѣлѣ названіе греческаго романа. Древніе греки жили общественной жизнью, на агорѣ, болѣе чѣмъ дома, и тогда какъ дома жилось просто, храмы были чудомъ искусства, театръ народнымъ учрежденіемъ. Средневѣковые флорентійцы любили роскошь общественныхъ празднествъ, и съ торжествомъ носили по улицамъ мадонну Чимабуэ, потому что видѣли въ ней идеалъ красоты, а дома царили родовые нравы, воспѣтые Данте: мужчины умывались рѣдко и за столомъ не знали вилки. Мы замѣнили художественную пестроту старицкой одежды—чернымъ скюртукомъ, великолѣпіе нашихъ публичныхъ здаій отличается ремесленнымъ колоритомъ, за то искусство и поэзія въ миниатюрѣ спустились до домашняго употребленія, и драму мы переживаемъ въ формахъ романа для чтенія въ обстановкѣ домашняго комфорта.

Это, быть можетъ, не отвѣтъ на вопросъ, поставленный выше: о соотвѣтствіи между данной литературной формой и спросомъ общественныхъ идеаловъ. Соотвѣтствіе это, вѣроятно, существуетъ, хотя мы и не въ состояніи опредѣлить законности соотношеній. Несомнѣнно одно подтверждается наблюденіемъ, что извѣстныя литературныя формы падаютъ, когда возникаютъ другія, чтобы иногда снова уступить мѣсто прежнимъ.

Падаютъ и возникаютъ не одиѣ формы, но и поэтическіе сюжеты и типы. Германскія пѣсни о Карлѣ Великомъ возстали еще разъ въ формахъ феодалной эпопеи; въ періоды народныхъ бѣдствій или возбужденій, демократическихъ или мистическихъ, видѣли одни и тѣ же страхи, и надежды одѣвались въ тѣ же или сходные образы: ждали

послѣдняго часа, или послѣдней битвы, когда явится избавитель, кто бы онъ ни былъ, византійскій ли императоръ или Дантовскій Вельтро, Фридрихъ Барбаросса или Наполеонъ III. Въ 1686 году лѣто сулило богатую жатву и довольство, а жители Граубюндена еще помнили живо ужасы 30-ти лѣтней войны и религіозная политика Людовика XIV настраивала ихъ къ серьезнымъ опасеніямъ: что то будетъ? И вотъ два путника ѣхали однажды по дорогѣ въ Куръ, видятъ, въ кустѣ лежитъ ребенокъ, закутанный въ пеленки. Они жалелись надъ нимъ, велѣли слугѣ взять его съ собой, но какъ ни силлся онъ, одинъ и вдвоемъ, поднять его не смогли. „Не трогай меня, слышался голосъ дитяти, меня вамъ не поднять (вспомнимъ неподъемную сумочку въ нашей былинѣ), а я вотъ что скажу вамъ: быть въ этомъ году великому урожаю и благорастворенію, но не многіе доживутъ до него“. — 1832 годъ переносятъ насъ къ іюльской революціи, „юной Германіи“ и временамъ Bundestag'a; свирѣпствуетъ холера и въ народѣ тѣ же тревожныя ожиданія; въ Гартвальдѣ подѣ Карльсруэ охотникъ встрѣтилъ вечеромъ послѣ захода солнца три бѣлыя женскія фигуры. „Кому будетъ ѣсть хлѣбъ, который уродится въ этомъ году? сказала одна изъ нихъ; кому пить вино, котораго будетъ вдоволь? спросила другая; кому будетъ хоронить всѣхъ тѣхъ покойниковъ, которыхъ унесетъ смерть?“ кончила третья. — Въ 1848 году то же настроеніе и сходная легенда въ Ангальтѣ: въ теченіе нѣсколькихъ ночей сторожъ въ Klein-Köthen'ѣ видѣлъ на полѣ, гдѣ вообще никакихъ строеній не было, домъ съ тремя освѣщенными окнами; встревоженный видѣніемъ, онъ сообщилъ о немъ священнику, и они вмѣстѣ пошли посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Въ домѣ за столомъ сидѣлъ маленькій человѣчекъ и писалъ; онъ кивнулъ въ окно священнику, и когда тотъ вошелъ, молча подвелъ его поочередно къ каждому изъ трехъ оконъ. Выглянулъ священникъ въ одно: роскошное поле, густая пшеница стоитъ въ ростъ человѣка, отягченная колосьями; изъ другого иной видъ: поле битвы, усѣянное трупами и море крови; въ третьемъ открылась прежняя нива, на полювицу сжатая, но на всей полосѣ всего одинъ человѣкъ.

Я полагаю, никакія теоретическія соображенія не мѣшаютъ намъ перенести эту повторяемость народной легенды къ явленіямъ сознательно художественной литературы. Сознательность не исключаетъ законности, какъ статистическія кривыя—сознанія самоопредѣленія. Намѣчу лишь нѣсколько фактовъ. Старая титаническая легенда о познаніи добра и зла отразилась въ средне-вѣковыхъ разказахъ, и мы

встрѣчаемъ ея поэтическій апофеозъ въ XVI—XVII вѣкахъ: въ Фаустѣ Марло и *El magico prodigioso* Кальдерона. Въ нихъ выразилось настроеніе эпохи, передъ которой открылись невиданные умственные кругозоры, и она хочетъ овладѣть ими въ юношески самоувѣренномъ сознаніи своихъ силъ. Фаустъ—это типъ мыслящаго человѣка поры гуманизма, вступившій въ борьбу съ старымъ міросозерцаніемъ, удѣлявшимъ личности лишь скромную роль исполнителя, идущаго назначенной чередой. Такіе люди были, они или достигали или гибли, не уступая; ихъ побѣды не въ достиженіи, а въ цѣляхъ борьбы, во внутренней потребности освобожденія (*Wer immer strebend sich bemüht, den können wir erlösen*). Другіе пошли было навстрѣчу новымъ вѣніямъ, увлеклись до паденія, до чувства своего безсилія и несбыточности надеждъ, и возвращались вспять къ прежней вѣрѣ, къ ея простодушно буржуазному покою. И вотъ почему обновляется въ литературѣ именно XVI вѣка, отражая нерѣдко факты личной жизни, евангельская легенда о блудномъ сынѣ, искавшемъ чего-то лучшаго и снова вернувшемся подъ отеческій кровъ. Всѣ искали чего-то: лучшаго общественнаго устройства, болѣе свободныхъ условій для прусиѣнія личности, новыхъ идеаловъ. Изстари (уже Діону Хризостому) знакома потѣшная сказка о какой-то необычалои странѣ, гдѣ всѣ счастливы, никому ни въ чемъ нѣтъ недостатка, рѣки текутъ молокомъ, берега кисельные, и жареная дичь сама летитъ въ ротъ. Эта реалистическая грёза служить теперь выраженію идеальныхъ потребностей духа: возникаютъ социальныя утопіи, начиная съ телемской обители Рабле и утопіи Томаса Мора до *Cyrano de Bergerac*. Робинзонадъ XVIII вѣка и благонамѣренныхъ сновидѣній, что будетъ за столько то тысячъ лѣтъ впередъ. Настаютъ эпохи общественной усталости, и обновляются сюжеты пасторали, когда человѣка тянетъ къ непосредственной природѣ, къ опрощенію—хотя бы въ стилѣ барышни крестьянки, къ народной пѣснѣ и народной старинѣ: это эпохи повѣстей изъ крестьянскаго быта и археологическихъ вкусовъ.

Это очередное обновленіе сюжетовъ, повидимому, и не всегда является отвѣтомъ на органическія требованія общественно-поэтического развитія. Талантливый поэтъ можетъ напасть на тотъ или другой мотивъ случайно, увлечь къ подражанію, создать школу, которая будетъ идти въ его колеѣ, не отвѣчая тѣмъ требованіямъ, иногда имъ наперекорь. Такъ пережилъ свое время феодальный эпосъ, Петраркизмъ; такъ были отсталые классики и романтики. Но если взглянуть на эти явленія издали, въ исторической перспективѣ, всѣ

мелкіе штрихи, мода и школа и личныя теченія ступаютъ въ широкое чередованіе общественно-поэтическихъ споровъ и предложеній.

Сюжеты обновляются, но подъ условіемъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя отличаютъ напримѣръ *Донъ Жуана* А. Толстаго отъ его многочисленныхъ предшественниковъ, аскетическую легенду о гордомъ царѣ отъ ея передѣлки у Гаршина; тему объ отцахъ и дѣтяхъ въ ея различныхъ выраженіяхъ до Тургеневского романа.

Возьмемъ примѣръ изъ далекаго прошлаго: Апулей подслушалъ какую-то милезійскую сказку и пересказалъ намъ ее въ прелестной повѣсти объ *Амурѣ* и *Психеѣ*, гдѣ реальное опозтизировано и одухотворено на столько, что въ раннюю христіанскую пору *Психея* стала символомъ души, разобщившейся съ своимъ божественнымъ началомъ и тревожно ищущей соединенія съ нимъ. Что это была за милезійская сказка, — мы не знаемъ, но сюжетъ ея распространенъ у разныхъ народовъ съ подробностями, указывающими, въ какихъ простѣйшихъ бытовыхъ отношеніяхъ она сложилась. Есть еще и существовали экзогамическія расы, возводившія свое происхожденіе къ какому нибудь природному объекту: растенію или животному; этого родоначальника каждое такое племя почитало, какъ святыню, какъ свой *totem*, и существовалъ запретъ браковъ между лицами, почитателями одного и того же *totem*'а, носившими одинъ и тотъ же выражающій его символическій признакъ. Такіе браки обставлялись препятствіями, стѣснительными условіями, отраженіе которыхъ мы видимъ въ условіи, которое *Амуръ* ставитъ *Психеѣ*; ихъ нарушеніе вело къ перипетіямъ.

Таково содержаніе экзогамической сказки; у Апулея не узнать ея бытовой подкладки. — Или припомнимъ мотивы: объ увозѣ жены, о похищеніи невѣсты, о спознаніи или встрѣчѣ, нерѣдко враждебной или преступной, между близкими родственниками, отцемъ и сыномъ, братомъ и сестрой. Они встрѣчаются въ средневѣковомъ романѣ, какъ интересныя формулы, какъ данныя для поэтическаго развитія, тогда какъ въ основѣ они отражали реальные факты: брака умыкаемъ, либо эпохи грандіозныхъ народныхъ смѣшеній и переселеній, разлучавшихъ родичей на далекія пространства; оттуда элементъ спознаній въ греческомъ романѣ въ широкихъ перспективахъ Александровой монархіи и знакомыя всѣмъ легенды о боѣ отца съ сыномъ.

Между этими реальными формулами и ихъ позднѣйшими поэтическими воспроизведеніями, между милезійской сказкой и повѣстью Апулея прошли вѣка развитія, обогатившіе содержаніе общественныхъ

и личныхъ идеаловъ; отсюда такая разница въ освѣщеніи. Именно эволюція этихъ идеаловъ не обусловливаетъ-ли повтореніе споровъ на тотъ или другой литературный сюжетъ, обновленіе старыхъ?...

Мы ощущаетъ эту эволюцію, какъ нѣчто органическое, цѣльное, довлѣющее цѣлямъ человѣческаго развитія, хотя не надо забывать, что она переработала цѣлый рядъ вліяній и международныхъ смѣшеній, которыми такъ богата, напимѣръ, наша европейская культура. Въ нашихъ понятіяхъ нравственности и семьи, красоты и долга, чести и героизма есть масса моментовъ, привзошедшихъ со стороны: въ нашемъ взглядѣ на любовь надъ туземными бытовыми условіями наслонился христіанскій спиритуализмъ, въ него проникли классическія вѣянія и получилось то своеобразное сочетаніе понятій, нормирующихъ не одну только жизнь чувства, но и цѣлыя области нравственности, которое мы въ состояніи прослѣдить отъ рыцарской лирики и романа до Амадисовъ и салона XVII вѣка. Наши представленія о красотѣ человѣка и природы такія-же сводныя и, можетъ быть, ихъ развитію расовыя и культурныя скрещиванія способствовали не менѣе, чѣмъ развитію литературы. Когда типъ непосредственнаго народнаго героизма съ его реальной силой и лукавой сноровкой, не знающей счетовъ съ совѣстью, какъ у Улисса, встрѣтился впервые съ типомъ христіанскаго самоотреченно-страдательнаго героизма, это была такая же противоположность, какъ Дантовскій „духъ любви“ и наивное представленіе некультурныхъ народовъ, источникъ любви—въ печени. А между тѣмъ оба пониманія сжились, прониклись взаимно, а развитіе общественнаго сознанія поставило и новыя цѣли самоотреченному подвигу въ служеніи идеѣ, народу, обществу

Но оставимъ періодъ начинаній и смѣшеній. Вообразимъ себѣ, что эволюція общественныхъ и личныхъ идеаловъ совершается ровно, что въ ней есть моменты перехода отъ стараго къ новому, когда это новое требуетъ выраженія въ формахъ научной рефлексіи или поэтическаго обобщенія,—что насъ и интересуеетъ. Въ памяти народа отложились образы, сюжеты и типы, когда-то живые, вызванные дѣятельностью извѣстнаго лица, какимъ-нибудь событіемъ, анекдотомъ, возбуждившимъ интересъ, овладѣвшимъ чувствомъ и фантазіей. Эти сюжеты и типы обобщались, представленіе о лицахъ и фактахъ могло заглухнуть, остались общія схемы и очертанія. Онѣ гдѣ-то въ глухой темной области нашего сознанія, какъ многое испытанное и пережитое, видимо забытое и вдругъ поражающее насъ, какъ непонятное откровеніе, какъ новизна и вмѣстѣ старина, въ которой мы не даемъ

себѣ отчета, потому что часто не въ состояніи опредѣлить сущности того психическаго акта, который нежданно обновилъ въ насъ старыя воспоминанія. То же самое въ жизни литературы, народной и художественно-сознательной: старыя образы, отголоски образовъ, вдругъ возникаютъ, когда на нихъ явится народно-поэтическій спросъ, требованіе времени. Такъ повторяются народныя легенды, такъ объясняется въ литературѣ обновленіе нѣкоторыхъ сюжетовъ, тогда какъ другіе видимо забыты.

Чѣмъ объяснить и этотъ спросъ и это забвеніе? Можетъ быть, не забвеніе только, а и вымираніе. Отвѣтомъ могли бы послужить аналогическія явленія въ исторіи нашего поэтическаго стиля, еслибы эта исторія была написана. Въ нашемъ поэтическомъ языкѣ, и не только въ оборотахъ, но и въ образахъ, совершается постепенный рядъ вымираній, тогда какъ многое воскресаетъ для новаго употребленія; увлеченіе народной и средне-вѣковой поэзіей со времени Гердера и романтиковъ свидѣтельствуетъ о такомъ перебоѣ вкусовъ. Не говорю о болѣе или менѣе близкой къ намъ современности, которую мы уже начинаемъ ощущать, какъ архаическую, но мы не сочтемъ поэтичнымъ гомеровское сравненіе героя съ осломъ, враговъ, нападающихъ на него съ досадливыми мухами, тогда какъ иныя образы и сравненія до сихъ поръ остаются въ оборотѣ, избитые, но внятныя, видимо связывающіе насъ, какъ обрывки музыкальныхъ фразъ, усвоенныхъ памятью, какъ знакомая рѣзма, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающіе вѣчно новыя подсказыванія и работу мысли съ нашей стороны. Какой-то нѣмецкій эрудитъ посвятилъ особую монографію одной поэтической формулѣ, прослѣдивъ ея отъ народнѣйшей пѣсни до новыхъ проявленій въ изящной литературѣ: *Wenn ich ein Vöglein wär!* Такихъ формулъ много.

Подсказываніе—это то, что англійская, если не ошибаюсь, эстетика окрестила названіемъ суггестивности. Вымираютъ или забываются, до очереди, тѣ формулы, образы, сюжеты, которые въ данное время ничего намъ не подсказываютъ, не отвѣчаютъ на наше требованіе образной идеализаціи; удерживаются въ памяти и обновляются тѣ, которыхъ суггестивность полнѣе и разнообразнѣе и держится долѣе; соответствіе нашихъ нарастающихъ требованій съ полнотою суггестивности создаетъ привычку, увѣренность въ томъ, что то, а не другое, служить дѣйствительнымъ выраженіемъ нашихъ вкусовъ, нашихъ поэтическихъ вожелѣній, и мы называемъ эти сюжеты и образы поэтическими. Метафизикъ отвѣтитъ на это историко-сравнительное опре-

дѣленіе отвлеченнымъ понятіемъ прекраснаго и даже постарается обобщить его, сравнивъ съ впечатлѣніемъ, которое мы выносимъ изъ другихъ искусствъ. И онъ убѣдитъ насъ, если и для нихъ онъ поставитъ тѣ же вопросы устойчивости и суггестивности, которые опредѣляютъ и нормы изящнаго и ихъ внутреннее обогащеніе на пути къ той science des rythmes supérieurs, которыя отличаютъ наши вкусы отъ вкусовъ дикарей (Jean Lahor). Пока эта работа не сдѣлана, правы будутъ тѣ, которые постараются извлечь понятіе специально поэтическаго не только изъ процессовъ его воспріятія и воспроизведенія, но и изъ изученія тѣхъ особыхъ средствъ, которыми располагаетъ поэзія и которыя, накопляясь въ исторіи, обязываютъ насъ, указывая нормы личному символизму и импрессионизму. Процессовъ воспріятія и воспроизведенія, сказали мы, потому что то и другое существенно одно и то же, разница въ интенсивности, производящей впечатлѣніе творчества. Всѣ мы болѣе или менѣе открыты суггестивности образовъ и впечатлѣній; поэтъ болѣе чутокъ къ ихъ мелкимъ оттѣнкамъ и сочетаніямъ, апперцепируетъ ихъ полнѣе; такъ онъ дополняетъ, раскрываетъ намъ насъ самихъ, обновляя старые сюжеты нашимъ пониманіемъ, обогащая новой интенсивностью знакомые слова и образы, увлекаая насъ на время въ такое же единеніе съ собою, въ какомъ жилъ безличный поэтъ бессознательно-поэтической эпохи. Но мы слишкомъ многое пережили врознь, наши требованія суггестивности выросли и стали личнѣе, разнообразнѣе; моменты объединенія наступаютъ лишь съ эпохами успокоеннаго, отложившагося въ общемъ сознаніи жизненнаго синтеза. Если большіе поэты становятся рѣже, мы тѣмъ самымъ отвѣтили на одинъ изъ вопросовъ, который ставили себѣ не разъ: *почему?*

Александръ Веселовскій.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ РАСПРОСТРАНЕНІЕМЪ БЫЛИНЪ.

Если сравнительный методъ, уже давно прилагаемый къ изученію русскаго богатырскаго эпоса, уяснилъ, что къ именамъ богатырей во многихъ случаяхъ прикрѣплены такъ называемые странствующие сказочные сюжеты; если взгляды современныхъ изслѣдователей на процессъ народнаго творчества и его предѣлы значительно отличаются отъ возрѣній, навѣянныхъ ученіемъ Якова Гримма; если, благодаря историко-сравнительному изученію былинь, изслѣдователи перестали искать національныхъ мифическихъ основъ въ типахъ богатырей,—то все же, историко-сравнительный методъ самъ по себѣ не въ состояніи уяснить многихъ вопросовъ, возникающихъ при внимательномъ изученіи дошедшихъ до насъ былинь. Таковы вопросы: въ какихъ частяхъ Россіи складывались тѣ эпическія пѣсни, которымъ усвоено названіе былинь? Къ какому времени относится выработка типа „былины?“ Въ какой средѣ населенія и кѣмъ слагались былины? Какія стадіи развитія прошли дошедшіе до насъ былинные сюжеты? Всѣ подобныя вопросы настоятельно требуютъ детальнаго изслѣдованія текстовъ былинь, которое значительно отстало сравнительно съ теоретическими построеніями и гипотезами, изобилующими въ научной литературѣ по русскому эпосу. У насъ нѣтъ даже подготовительныхъ работъ, которыя должны были бы предшествовать детальному изученію *бытовой* стороны былинь; нѣтъ подробныхъ именныхъ и предметныхъ указателей при главныхъ сборникахъ былинь. Опытъ такого указателя былъ сдѣланъ только П. А. Безсоновымъ для 5-ти выпусковъ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ. Но оба другіе сборника, Рыбникова и Гильфердинга, содержащіе главное богатство нашихъ

былевыхъ пѣсень, не снабжены никакими спеціальными вспомогательными средствами для пользованія, и доселѣ изслѣдователь эпоса поставленъ въ необходимость изъ-за какой нибудь интересной для него бытовой черты или имени перелистывать сотни страницъ этихъ обширныхъ изданій.

Въ нижеслѣдующемъ я имѣю въ виду обратить вниманіе на одинъ, такъ сказать, „домашній“ вопросъ, вызываемый нашими былинами — вопросъ объ ихъ географическомъ распространеніи. Въ какихъ областяхъ Россіи были записаны доселѣ напечатанныя былины? Какіе сюжеты пользовались бѣльшимъ, какіе меньшимъ распространеніемъ? Думаю, что отвѣтъ на подобные вопросы можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на скрытое отъ насъ прошлое нашего былевого эпоса, документы о которомъ, какъ извѣстно, крайне скудны.

Но прежде всего можетъ возникнуть сомнѣніе въ цѣлесообразности самого вопроса о географическомъ распространеніи былинь. Могутъ указать на то, что записываніе былинь въ той или другой губерніи Россіи—дѣло чисто случайное. Въ одной губерніи нашелся любознательный собиратель, и нашлись былины; въ другой — такого собирателя не было, и въ сборникѣ Кирѣвскаго былинь изъ нея не оказывается. Особенно посчастливилось Олоонецкой губерніи, благодаря неутомимымъ изслѣдователямъ Рыбникову и Гильфердингу — и ренертуаръ Олонецкихъ сказителей далъ сотни былинь. Такого рода соображенія о случайности былинныхъ записей могутъ казаться убѣдительными лишь до тѣхъ поръ, пока мы пристальнѣе не присмотримся къ дѣлу записыванія былинь. Конечно, и въ дѣлѣ записыванія былинь нужно признать нѣкоторую долю случайности, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ; но значеніе этой доли придется весьма и весьма умалить въ виду нѣкоторыхъ соображеній.

Можно положительно сказать, что начиная съ 60-хъ годовъ, когда появляются первые выпуски сборниковъ Кирѣвскаго и Рыбникова, когда знакомство съ народными былинами входитъ въ программу преподаванія средне-учебныхъ заведеній, когда о русскомъ богатырскомъ эпосѣ появляются журнальныя статьи, высокое значеніе и научный интересъ былинь достаточно проникли въ сознаніе всякаго любителя-этнографа, имѣвшаго случай записывать произведенія народнаго творчества изъ народныхъ устъ. Объ обиліи записей, производившихся въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія въ разныхъ уголкахъ Россіи и Сибири, свидѣтельствуютъ многочисленныя сборники „бытовыхъ“ пѣсень, появившіяся за это время, и значительное число сотрудниковъ,

приславших свои записи пѣсенъ извѣстнымъ собирателямъ: Кирѣевскому (Даль, Языковъ, Якушкинъ), Шейну и друг. Несомнѣнно, что всякому любителю-этнографу было бы особенно лестно записать какую нибудь новую былину, открыть какого нибудь новаго богатыря. Однако результаты тридцатилѣтнихъ поисковъ былинь въ разныхъ областяхъ Россіи, за вычетомъ губерній Олонецкой и Архангельской и нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири, оказываются крайне скудны. Архивъ этнографическаго отдѣленія Императорскаго географическаго общества, можно сказать, ломится отъ обилія присылаемыхъ этнографическихъ матеріаловъ,—однако среди множества записей бытовыхъ пѣсенъ былинь не оказывается. Въ архивѣ этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія въ Москвѣ также въ теченіе тридцатилѣтія доставлено не мало пѣсенныхъ записей изъ разныхъ губерній Россіи, но былины оказались только въ сборникѣ Ефименка, составленномъ въ Архангельской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ же уважаемый этнографъ въ бытность свою въ разныхъ другихъ областяхъ Россіи всюду наводилъ справки о былинахъ и не замедлил бы обнаружить свои находки, еслибъ онѣ были сдѣланы. Другой ревностный собиратель, почтенный П. В. Шейнъ, записавшій въ числѣ другихъ обильныхъ матеріаловъ нѣсколько былинь въ Симбирской губерніи, собиралъ не менѣе энергично пѣсни въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Смоленской, Минской, Витебской, но ни одна былина въ этихъ губерніяхъ не попала въ его тетради. Наконецъ, покойный П. Н. Рыбниковъ, прежде чѣмъ водвориться въ Олонецкой губерніи, собиралъ пѣсни въ Черниговской, но по части былинь эта губернія оказалась вполне безплодной.

Принимая во вниманіе приведенные факты, мы можемъ придать извѣстное значеніе мѣстамъ былинныхъ записей и подвергнуть ихъ внимательному просмотру, который, быть можетъ, приведетъ насъ къ какимъ нибудь выводамъ, не лишеннымъ научной цѣнности.

Матеріалъ для наблюденія географическаго распространенія былинь дадутъ оба синкретическіе сборника—Кирѣевскаго и Тихонравова и Миллера (Былины старой и новой записи). Оба другіе сборника (Рыбникова и Гильфердинга) содержатъ, какъ извѣстно, исключительно былинный репертуаръ Олонецкой губерніи.

Вполнѣ установленнымъ должно признать тотъ фактъ, что былины были доселѣ записываемы исключительно въ великорусскихъ губерніяхъ. Ни въ малорусскихъ, ни въ бѣлорусскихъ губерніяхъ онѣ не встрѣчались, хотя въ поискахъ не было недостатка. Вспомнимъ, ка-

кое вниманіе было обращено на собраніе и изданіе памятниковъ малорусскаго народнаго творчества Цертелевымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ, Бодянскимъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, Кулишемъ въ 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ годахъ, далѣе съ 60-хъ годовъ Кіевскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, извѣстной этнографическо-статистической экспедиціей въ Западно-Русскій край (съ Чубинскимъ во главѣ), затѣмъ Антоновичемъ, Драгомановымъ, Рудченкомъ, Житецкимъ и многими другими этнографами,—но всё поиски былинь въ предѣлахъ малорусскаго племени остаются до сихъ поръ безплодными. Были, правда, кое-гдѣ записываемы сказки объ Ильѣ Муромцѣ, которыя не свободны отъ подозрѣнія въ великорусскомъ или, быть можетъ, лубочномъ происхожденіи; встрѣчаются думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, не имѣющемъ ничего общаго (кромѣ имени) съ былиннымъ богатыремъ, попадаютъ колядки съ именами Журилы (Чурилы), князя Романа, легенды о Михайликѣ, представляющія нѣкоторое отношеніе къ великорусской былинь о Михайлѣ Даниловичѣ, но настоящихъ былинь доселѣ не удалось записать ни одному этнографу, и даже имена былинныхъ богатырей неизвѣстны малорусскому простонародью.

Точно также, не смотря на сохранность старины въ быту, понятіяхъ, обрядахъ и поэтическомъ творествѣ бѣлоруссовъ, мы не знаемъ ни одной былины, записанной въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ обширныхъ сборникахъ Шейна, Безсонова, Романова, Добровольскаго, Никифоровскаго, В. Богданова, въ числѣ сказокъ встрѣчаются изрѣдка сказки съ именами богатырей (особенно Ильи Муромца), но эти сказки такъ же мало свидѣтельствуютъ о существованіи былинь у бѣлоруссовъ, какъ подобныя же сказки съ именемъ Ильи, перешедшія отъ русскихъ къ латышамъ, финнамъ, кореламъ, якутамъ и многимъ другимъ инородцамъ.

Но и въ обширной территоріи, населенной великорусскою вѣтвью, былины распространены далеко не равномерно. Въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ великорусскихъ былины либо вовсе не встрѣчались этнографамъ, либо въ скудныхъ остаткахъ. Такъ, совсѣмъ неизвѣстны былины въ великорусскихъ частяхъ губерній—Курской, Воронежской, а также въ губерніяхъ: Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской. Въ Рязанской губерніи была записана только одна былина, при томъ наиболѣе распространенная въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: Илья и разбойники¹⁾. Изъ Тульской губерніи (Але-

¹⁾ См. *Куртескій*, I, стр. 15.

кенскаго уѣзда) дошла до насъ сильно скомканная былина (въ 30 стиховъ) о Добрынѣ, разказывающая сначала о его рожденіи и выѣздомъ на Нѣпру-рѣку звѣрѣ Скиперѣ (то-есть, Скименѣ), а далѣе объ отъѣздѣ Добрыни изъ дому и о наказѣ, данномъ имъ женѣ не выходить замужъ за Алешу Поповича.

Нѣсколько обильнѣе остатки былевого эпоса въ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерніяхъ, при чемъ число ихъ, повидимому, возрастаетъ по теченію Волги: такъ въ *Нижнегородской* губерніи было записано 7 былинъ: Илья и Соловей разбойникъ ¹⁾, Добрыня и Алеша ²⁾, Вавилій Казнѣровичъ и Батыга въ двухъ вариантахъ ³⁾, Данило Ловчанинъ ⁴⁾, Чурило (отрывокъ) ⁵⁾ и Сурога-богатырь ⁶⁾. Слѣдующая *Казанская* губернія съ ея многочисленнымъ инородческимъ населеніемъ не дала ни одной быliny; но далѣе въ *Симбирской* ихъ записано уже болѣе двухъ десятковъ (21 №№), при чемъ *одиннадцать* №№ объ отдѣльныхъ похожденияхъ Ильи Муромца ⁷⁾, шесть о Добрынѣ Никитичѣ ⁸⁾, одинъ № о Данилѣ Ловчанинѣ ⁹⁾, одинъ о Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ ¹⁰⁾, одинъ о Суровцѣ ¹¹⁾, одинъ о Саурѣ ¹²⁾. Ниже по Волгѣ, изъ Самарской губерніи, извѣстна намъ лишь одна былина объ Ильѣ Муромцѣ (выѣздъ его изъ дому ¹³⁾, но Саратовская дала около десятка №№, объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ и Суровцѣ ¹⁴⁾.

Переходя съ Волги въ область Уральскаго казачьяго войска, мы найдемъ въ сборникахъ казачьихъ пѣсенъ съ десятокъ былинъ, обыкновенно сильно вывѣтрившихся и скомканныхъ. Большинство при-

¹⁾ *Киртесскій*, I, стр. 34.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 14.

³⁾ Тамъ же, II, стр. 90 и 93.

⁴⁾ Тамъ же, III, 32.

⁵⁾ Тамъ же, IV, 86.

⁶⁾ Быliny старой и новой записи № 65.

⁷⁾ *Киртесскій*, I, стр. 1, 3, 4, 17, 19, 20, 25, 31, 40, 91, 92.

⁸⁾ Тамъ же, II, 3, 4, 40, 43, 48, 61.

⁹⁾ Тамъ же, III, стр. 28.

¹⁰⁾ Тамъ же, III, стр. 39.

¹¹⁾ Тамъ же, III, стр. 107.

¹²⁾ Тамъ же, III, стр. 113.

¹³⁾ Быliny *Тихонравова* и *Миллера*, № 2.

¹⁴⁾ См. *Киртесскій*, I, 22; II, 17. Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губ. *Мордочевымъ* и *Костомаровымъ* (Лѣтопись русской литературы, т. IV, отд. II, стр. 7—14).

крѣплено къ именамъ Ильи Муромца и Добрыни ¹⁾, но встрѣчаются и былины о Дюкѣ Степановичѣ ²⁾. Наконецъ, южнѣе, на Кавказѣ, въ Терской области въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ были недавно записаны три-четыре былины объ Ильѣ и разбойникахъ и объ Алешѣ и Тугаринѣ.

Выше Нижняго по Волгѣ въ губерніяхъ Московскаго промышленнаго района былины почти неизвѣстны: въ губерніяхъ Ярославской (не смотря на поиски Е. И. Якушкина и Дерунова), Костромской и Тверской до сихъ поръ не записано ни одной былины. Во Владимирской, въ предполагаемой родинѣ главнаго богатыря (въ Муромскомъ уѣздѣ), также былинь не встрѣтилось. Наконецъ, въ самой Москвѣ въ мѣщанской средѣ были недавно записаны три сильно скомканныя былины ³⁾ (Илья и разбойники, Добрыня и Марина, Василій Буслаевичъ), при чемъ первая встрѣтилась также въ Московскомъ уѣздѣ ⁴⁾, а искаженный вариантъ объ Ильѣ и Соловѣ былъ записанъ въ Коломенскомъ уѣздѣ ⁵⁾.

Такимъ образомъ просмотръ мѣстъ записи былинь показываетъ, что во всемъ огромномъ районѣ—отъ Смоленска на западѣ до Урала на востокѣ, отъ Костромы на сѣверѣ до Терека на югѣ, былевой эпосъ сохранился лишь въ скудныхъ остаткахъ. Общее число былинь, записанныхъ на этомъ пространствѣ, не переходитъ за 60 №№, представляющихъ въ общемъ не болѣе 15 сюжетовъ, при чемъ нѣкоторыя губерніи, какъ мы видѣли, *западныя, южныя и центральныя* почти совсѣмъ не знаютъ былинь и лишь низовыя приволжскія сохранили нѣкоторые былевые сюжеты преимущественно разбойничьяго и казацкаго характера. Сравнительно съ одиночными большей частью сильно искаженными былинами, записанными въ разсмотрѣнной области, какое внушительное впечатлѣніе производятъ сотни былинь Олопецкой губерніи и десятки Архангельской и сибирскихъ. Чѣмъ объяснить это обиліе былинь, эту живучесть эпической традиціи преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ территоріи великоруссовъ, говоря діалектически, въ предѣлахъ окающаго поднарѣчія великорусскаго нарѣчія? Прежде,

¹⁾ Былины *Тихомирова* и *Миллера*, №№ 4, 17, 19, 22, прилож. стр. 273.

²⁾ Тамъ же, № 53, и *Кирьевскій*, III, стр. 100.

³⁾ Былины старой и новой записи, №№ 3, 23, 64.

⁴⁾ *Кирьевскій*, I, 16.

⁵⁾ *Кирьевскій*, I, 30. Нельзя отнести къ былинамъ пѣсню съ именемъ Алеши Поповича (*Кирьевскій*, II, 64), известную также въ губерніяхъ Орловской и Тульской.

чѣмъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ не соображеніями общаго характера, вродѣ отдаленности этихъ губерній отъ центра, консервативности въ быту населенія и т. п., просмотримъ внимательно былинный репертуаръ олоонецко-архангельскій и сибирскій.

При просмотрѣ сборниковъ Рыбникова, Барсова и Гильфердинга мы можемъ составить слѣдующій инвентарь былинъ, извѣстныхъ въ Олоонецкой губерніи. Расположимъ ихъ по богатствамъ.

Эпическія похождения Ильи Муромца составляютъ сюжетъ 8 былинъ, записанныхъ въ значительномъ количествѣ вариантовъ: 1) Первая поѣздка Ильи изъ дому и встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ, 2) Бой Ильи съ сыномъ, 3) Илья и Идолище, 4) Илья и Калинцарь, 5) Илья и голи кабацкіе, 6) Илья въ Цареградѣ, 7) Три поѣздки Ильи, 8) Илья и Ермакъ.

О Добрынѣ Никитичѣ извѣстны 5 былинъ: 1) Добрыня и змѣй, 2) Добрыня и Алеша Поповичъ, 3) Добрыня и Марица, 4) Добрыня и Василий Казимировичъ, 5) Бой Добрыни съ поленицей и женитьба.

Сюжетъ одной былины объ Алешѣ—его бой съ Тугариномъ.

По одной былинѣ извѣстно о слѣдующихъ эпическихъ лицахъ: Дунаѣ Ивановичѣ, Василиѣ Казимировичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Потыкѣ Ивановичѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Святогорѣ, Кольванѣ, Соловѣ Будимировичѣ, Ставрѣ, Иванѣ гостиномъ сынѣ, Сухманѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Василиѣ Окульевичѣ и Соломонѣ. По двѣ былинны о Вольгѣ Сеславьевичѣ (Вольга въ Индіи, встрѣча съ Микулой Селянниковичемъ), Садкѣ, Василиѣ Буслевичѣ и о Чурилѣ (молодость Чурилы и пріѣздъ въ Кіевъ, смерть Чурилы). Если къ этимъ былиннымъ сюжетамъ мы прибавимъ еще былинны: Сорокъ каликъ со каликою, Шѣпра и Донъ, Рахта Рагнозерскій, Терентьище, то увидимъ, что весь репертуаръ олонецкихъ сказителей обнимаетъ около 40 сюжетовъ. Общее же число былинъ, записанныхъ въ губерніи, достигаетъ значительной цифры—400 №№. Чѣмъ объяснить это обиліе былинныхъ сюжетовъ въ одной и при томъ недалекой отъ Петербурга губерніи, эту сохранность эпической традиціи?

Оба изслѣдователя—Рыбниковъ и Гильфердингъ, записывавшіе былинны изъ устъ сказителей, сообщаютъ нѣкоторыя свои наблюденія и приводятъ условія, способствовавшія, по ихъ мнѣнію, живучести былеваго эпоса среди олончанъ. Эти условія таковы: суровая природа, трудность путей сообщенія, примитивность въ быту и понятіяхъ населенія, отсутствіе грамотности. Къ этимъ условіямъ Гиль-

фердингъ прибавляетъ еще слѣдующее: вдали отъ крѣпостнаго рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ ощущалъ себя сравнительно свободнымъ и „не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ“ ¹⁾. Въ свою очередь Рыбниковъ обращаетъ вниманіе на „поэтическую природу“ жителей и на ихъ поселенія на украинѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ Киевскомъ и Новгородскомъ прошедшемъ ²⁾. Далѣе въ ряду условій, конечно, второстепенныхъ, содѣйствовавшихъ распространенію былинъ въ Заонежѣ, Гильфердингъ указываетъ на нѣкоторыя ремесла. Многіе изъ хорошихъ сказителей либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ, переходя изъ деревни въ деревню, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли наслѣдователю, что, „сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть „старинны“, и онѣ тогда легко усваиваются“ ³⁾.

Можно допустить, что примитивность въ матеріальномъ и духовномъ быту населенія Олонецкой губерніи была благоприятнымъ условіемъ для сохраненія былеваго эпоса, такъ же какъ и другихъ произведеній народнаго творчества. Но тѣ же условія можно найдти во многихъ другихъ полосахъ Россіи, въ которыхъ, однако, былины неизвѣстны населенію. Близость къ инородцамъ, будто бы побуждавшая русское населеніе къ сохраненію памяти объ эпической національной старинѣ, однако, не вызвала такихъ же послѣдствій во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ русское населеніе сталкивается съ инородцами (Казанской, Оренбургской, Вятской и др.). Скучныя и однообразныя механическія работы всюду на Руси сопровождаются пѣніемъ пѣсенъ, и былевая пѣсня, конечно, въ этомъ отношеніи нисколько не предпочтительнѣе другихъ. Наибольшее значеніе изъ перечисленныхъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ условій нужно, повидимому, придать поэтической воспримчивости олонецкаго простонародья, о которой, помимо „старинъ“, ярко свидѣтельствуютъ прекрасныя лирическія причитанія (свадебныя, рекрутскія, похоронныя), также записанныя въ огромномъ количествѣ среди нихъ Рыбниковымъ и Барсовымъ.

¹⁾ Гильфердингъ, Онежск. былины, стр. XI.

²⁾ Рыбниковъ, III, стр. IX.

³⁾ Гильфердингъ, стр. XVIII.

По наблюдениямъ обоихъ изслѣдователей среди женщинъ встрѣчаются нерѣдко положительно высокоодаренныя натуры, способныя изливать свое горе въ длинныхъ, складныхъ и часто художественныхъ импровизаціяхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ женщинъ пользуются извѣстностью далеко за предѣлами родной деревни и приглашаются специально на свадьбы и похороны. Но и это условіе не принадлежитъ, какъ извѣстно, одной Олонецкой губерніи: огромное количество лирическихъ пѣсней, записанныхъ въ разныхъ полосахъ Россіи, доказываетъ, что способность къ пѣснотворчеству, поэтическая жилка составляетъ явленіе довольно обычное среди массы великорусскаго крестьянства. Поэтическая воспримчивость олончанъ могла бы только объяснить ихъ вкусъ къ воспринятію былинь, къ ихъ разучиванію и распространенію. Но все же остается необъясненнымъ самое главное: какимъ образомъ такой значительный запасъ былевыхъ сюжетовъ вошелъ въ обращеніе преимущественно въ среду олонецкихъ крестьянъ? Поэтический даръ олончанъ, однако, не возвысился до того, чтобы они создавали новые былевые сюжеты. Сказители были только хранителями и искажателями былеваго репертуара, усвоеннаго ихъ предками. Просматривая оглавленія сборниковъ Рыбникова и Гильфердинга, можно убѣдиться въ томъ, что всѣ былины и историческія пѣсни суть произведенія запосныя, а не возникшія на олонецкой почвѣ. Тутъ мы находимъ былины, прикрѣпленныя къ имени Владимира, былины, связанныя съ историческимъ прошлымъ Новгорода, пѣсни съ именемъ Грознаго и другихъ московскихъ царей. Все это „старинны“, которыя говорятъ о лицахъ и событіяхъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Онежскому краю. Онежскіе сказители не прикрѣпили ни одного богатыря къ родной почвѣ, не создали новыхъ былевыхъ сюжетовъ; они лишь повторяютъ, что слышали отъ предковъ, что когда-то до нихъ дошло въ видѣ былевой пѣсни. Въ обширномъ сборникѣ Гильфердинга мы найдемъ только одну *старинушку*, связанную съ Олонецкой мѣстностью. Это старина о Рахтѣ Рагнозерскомъ (№ 11), записанная отъ Калинина. Здѣсь идетъ разказъ о мѣстномъ Рагнозерскомъ ¹⁾, мужикѣ-силачѣ, слава о которомъ дошла до одного князя въ Москвѣ. Князь вызываетъ его изъ его деревни, чтобы выставить его противникомъ одному *невѣрному* (не названному по имени) борцу, и Рахта „сбилъ его въ кучку“, за что получилъ отъ князя право на исклю-

¹⁾ Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревня къ юго-востоку отъ Лудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера.

чительное пользованіе рыбой въ родномъ озерѣ. Внимательное чтеніе былины убѣдитъ насъ въ томъ, что она представляетъ одиночную и неудачную попытку какого нибудь сказителя представить въ формѣ нѣсни мѣстное преданіе о силачѣ. Обычный эпическій складъ лишь нѣкоторыми чертами подслужился автору, но вообще былина и въ этомъ отношеніи плохо выдержана.

Итакъ олонецкіе крестьяне, благодаря перечисленнымъ благоприятнымъ условіямъ, сохранили запасъ былинь, бывший въ обращеніи у ихъ предковъ въ XVIII и XVII вѣкахъ, но сами не создавали новыхъ былинныхъ сюжетовъ. Спрашивается, откуда же, изъ какихъ мѣстностей Россіи, предки современныхъ сказителей могли получить этотъ заносный эпосъ? Гдѣ нужно искать метрополию олонецкой клоніи нашего эпоса? Думаемъ, что тамъ же, откуда была колонизована Олонецкая губернія, или древняя Обонежская пятина Новгородская. Эта губернія, какъ сосѣдняя Архангельская, какъ весь сѣверъ Россіи до Урала, входила въ составъ земель Великаго Новгорода, жила нѣкогда его интересами, подчинялась его культурному влиянію и доселѣ говоритъ тѣмъ діалектомъ, предокъ котораго звучалъ въ устахъ новгородцевъ. Послѣ покоренія Новгорода Иваномъ III этнографическій составъ города и его области значительно измѣнился. Чтобы предупредить возможность возстаній Иванъ III-й, какъ извѣстно, выводилъ тысячами семейства купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Новгорода и разсылалъ ихъ по Низовымъ городамъ. На мѣсто же выселенцевъ присылались дѣти боярскіе и купцы изъ московскихъ городовъ. Подобные выводы и перемѣщенія повторялись и впослѣдствіи (напримѣръ, въ 1484 и 1488 гг.). „Отъ такихъ перемѣщеній, — говоритъ Д. И. Иловайскій, — измѣнился самый составъ новгородскаго землевладѣльческаго и торговаго классовъ... Многочисленные московскіе колонисты въ Новгородѣ и его областяхъ принесли сюда свои понятія и обычаи; они способствовали здѣсь забвенію старыхъ новгородскихъ порядковъ, служили важною опорой властямъ для водворенія московскаго самодержавія и помогли постепенному внутреннему объединенію Новгородской земли съ Московскою“¹⁾). Но если землевладѣльческій и городской классы населенія измѣнили такимъ образомъ свой этнографическій составъ, то сельское населеніе, особенно въ отдаленныхъ отъ Новгорода мѣстахъ, какова Олонецкая губернія, осталось нетронутымъ и явилось естественнымъ хранителемъ новго-

¹⁾ Исторія Россіи, т. II, стр. 465.

родскаго наслѣдія въ области духовнаго творчества. Такимъ образомъ колонія, не испытывая на себѣ московскихъ погромовъ и перетасовокъ населенія, сохранила многое изъ того, что давно забыто въ метрополи. Дѣйствительно въ нынѣшней Новгородской губерніи былины почти неизвѣстны; въ сборникъ Кирѣевского отсюда попали только 2 былины: одна объ отъѣздѣ Добрыни, другая объ Иванѣ, Гостиномъ сынѣ ¹⁾. Не встрѣчались даже былины, специально прикрѣпленныя къ городу и несомнѣнно когда-то сложенныя въ немъ — о Садкѣ и о Василіѣ Буслаевѣ, сохранившіяся въ значительномъ числѣ пересказовъ у олонецкихъ сказителей.

Итакъ, мы исходимъ изъ предположенія, что былинный репертуаръ, записанный въ наше время въ Олонецкой губерніи, есть въ значительной степени потомокъ того репертуара, который былъ когда-то извѣстенъ въ Новгородской области и въ земляхъ, подчинявшихся культурному ея вліянію. Чтобы провѣрить это предположеніе, мы должны ближе разсмотрѣть отношеніе олонецкаго репертуара былинь къ былинамъ, записаннымъ въ другихъ областяхъ, входившихъ въ число земель новгородскихъ и принявшихъ въ себя новгородскую колонизацію. Просмотримъ прежде всего былины, собранныя въ Архангельской губерніи, древнемъ Заволочѣ.

Въ этой губерніи изслѣдователи не нашли той живучести эпической традиціи, какую Рыбниковъ, Гильфердингъ, Барсовъ, Истомина и др. застали въ Олонецкой. Но былины, особенно въ прежнее время, были здѣсь не рѣдкостью не только въ селахъ, но и въ городахъ. По сообщенію калики Латышева Рыбникову, онъ пѣвалъ былины въ Архангельской губерніи, гдѣ, по его словамъ, по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники, любятъ слушать разказы о богатыряхъ ²⁾. Число былинь изъ Архангельской губерніи, напечатанныхъ доселѣ, доходитъ до 25. Просмотръ ихъ сюжетовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Архангельскій репертуаръ восходитъ къ тому же источнику, какъ и Олонецкій или, быть можетъ, занесенъ на Двину олонецкими каликами. Можно отмѣтить ту особенность архангельскихъ былинь, записанныхъ священникомъ Вл. Розоновымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря и А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени, что большинство изъ нихъ представляютъ сводныя редакціи двухъ-трехъ сюжетовъ. Но такое сведеніе отдѣльныхъ

¹⁾ *Кирѣевскій*, II, 2, и III, 1.

²⁾ *Рыбниковъ*, III, стр. XXXIV.

былинь въ одну показываетъ въ сказителяхъ вообще хорошее знакомство съ эпическими типами и сюжетами. Всего полнѣе въ архангельскихъ былинахъ разработана эпическая біографія Ильи Муромца. Здѣсь мы имѣемъ: первый выѣздъ Ильи изъ дому, освобожденіе города Чиженца (Кидоша) и встрѣчу съ Соловьемъ разбойникомъ ¹⁾; бой Ильи съ Идолицемъ ²⁾, съ Батыгой ³⁾, съ нахвальщикомъ ⁴⁾, съ сыномъ ⁵⁾, съ Мамаемъ ⁶⁾, съ Жидовиномъ ⁷⁾; далѣе бой Ильи Муромца съ Добрыней, кончающійся братаньемъ богатырей ⁸⁾ (былина, не встрѣчавшаяся въ олонецкомъ репертуарѣ и представляющая вариантъ боя Ильи съ сыномъ), три поѣздки ⁹⁾ и обширную сводную былинку, въ которой сведены въ одинъ разказъ похождение Алеши и Ильи Муромца ¹⁰⁾. Изъ сюжетовъ, прикрѣпленныхъ къ имени Добрыни, встрѣтились два: Добрыня и Марина и Добрыня и Алеша Поповичъ ¹¹⁾. Объ Алешѣ, кромѣ его подвиговъ, разказанныхъ въ названной выше сводной былинѣ, известно его похождение съ сестрой Збродовичей, не оказавшееся въ олонецкомъ репертуарѣ ¹²⁾. Изъ былинь о другихъ богатыряхъ въ Архангельской губерніи известны: былины о Дунаѣ Ивановичѣ ¹³⁾, Василиѣ Казимировичѣ ¹⁴⁾, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ ¹⁵⁾, Иванѣ Годиновичѣ ¹⁶⁾, Хотенѣ Блудовичѣ ¹⁷⁾, Дюкѣ Степановичѣ ¹⁸⁾, Никитѣ Зоолъшанинѣ ¹⁹⁾, Соломонѣ и Василиѣ Окульевичѣ ²⁰⁾, о Сорока Каликахъ. По сравненію съ инвентаремъ олонец-

¹⁾ Былины старой и новой записи, № 5, и *Киреевскій*, I, 77, IV, 1.

²⁾ *Киреевскій*, IV, 18 и 22.

³⁾ *Киреевскій*, IV, 38.

⁴⁾ *Киреевскій*, I, 52, IV, 6.

⁵⁾ *Киреевскій*, IV, 12.

⁶⁾ Былины старой и новой записи, № 8.

⁷⁾ *Киреевскій*, I, 46.

⁸⁾ Былины старой и новой записи, № 15.

⁹⁾ *Киреевскій*, I, 86.

¹⁰⁾ Тамъ же, № 31.

¹¹⁾ *Киреевскій*, II, 45, и II, 11.

¹²⁾ *Киреевскій*, II, 67.

¹³⁾ *Киреевскій*, III, 52, III, 58; Былины старой и новой записи № 82.

¹⁴⁾ *Киреевскій*, II, 83.

¹⁵⁾ *Киреевскій*, III, 41.

¹⁶⁾ *Киреевскій*, III, 9; Былины старой и новой записи, № 44.

¹⁷⁾ *Киреевскій*, IV, 72.

¹⁸⁾ Былины старой и новой записи, №№ 51 и 67.

¹⁹⁾ *Киреевскій*, IV, 46, и IV, 49.

²⁰⁾ Былины старой и новой записи, № 68.

ныхъ былинъ оказывается, что въ Архангельской губерніи до сихъ поръ не встрѣчались слѣдующіе сюжеты: Михайлъ Потыкъ, Соловей Будиміровичъ, Ставръ, Иванъ Гостиный сынъ, Сухманъ, Вольга и Микула, Святогоръ-Самсонъ, Чурило и оба новгородскіе типа Садко и Василій Буслаевъ. Какъ объяснить отсутствіе этихъ былинныхъ сюжетовъ въ Архангельской губерніи, мы не знаемъ. Можетъ быть, они и окажутся впоследствии, такъ какъ губернія далеко не такъ обстоятельно изслѣдована по части народной поэзіи, какъ Олонецкая. Отвѣтимъ только, что на знакомство сказителей съ нѣкоторыми изъ названныхъ былинныхъ лицъ указываетъ, напримѣръ, такое зачало былины о Дюкѣ Степановичѣ:

Нѣту на силу *Самсонову*,
 Что того же Самсона *Колыбанова*,
 Нѣтъ на счастье осударя *Ильи Муромца*,
 На вѣжество *Добрынюшки Никитича*,
 На ярость *Олешеньки Поповича*,
 На имѣнье *Садка*, купца богатаго,
 На злату казну *Дюка сына Степанова* ¹⁾.

Или перечисленіе богатырскихъ именъ въ былинѣ объ *Ильѣ и Мамаѣ*, гдѣ говорится, что *Илья*

Пошелъ по *Кіеву граду*,
 Нашелъ дружинишку хорошую,
 Того ли *Лотанюшку* хроменькаго ²⁾;
 Писалъ ярлыкы скорописчатые
 Ко своимъ ко братьяцямъ ко названнымъ:
 Впервыхъ-то, къ *Самсону Колувану*,
 Ввторыхъ-то, къ *Дунаю Ивановичу*,
 Вотретьихъ-то, къ *Василію Касимерову*,
 Вчетвертыхъ-то, къ *Михайлушкѣ Игнатьеву* съ племянникомъ,
 Впятыхъ-то, къ *Потоку Ивановичу*,
 Вошестыхъ-то, къ *Добрынюшкѣ Никитичу*,
 Восемыхъ-то, къ *Алешѣ Поповичу*,
 Восьмыхъ-то, къ двумъ братьямъ *Иванамъ*,
 Да еще къ двумъ братьямъ двумъ *Суздальцамъ* ³⁾.

Въ виду этого дозволено предположить, что въ Архангельской губерніи были извѣстны (а, можетъ быть, извѣстны и теперь) былины

¹⁾ Былины старой и новой записи, № 49.

²⁾ Извѣстенъ изъ былины о *Василіѣ Буслаевѣ*, не записанной въ Архангельской губерніи.

³⁾ Былины старой и новой записи, № 8, стихи 117—129.

о Садкѣ, Василю Буслаевѣ, Потокѣ Ивановичѣ, Самсоновѣ и о нѣкоторыхъ другихъ эпическихъ лицахъ, воспѣваемыхъ олоонецкими сказителями. Во всякомъ случаѣ архангельскій былинный репертуаръ, уступая по богатству олонецкому, стоитъ къ послѣднему въ ближайшемъ отношеніи и восходить къ тому же источнику.

На сколько были распространены былины въ Вологодской губерніи, мы не можемъ судить за отсутствіемъ записей. Даже въ богатыхъ матеріалахъ по этнографіи этой губерніи, собранныхъ Н. Иванецкимъ и М. Куклинымъ ¹⁾ и содержащихъ не мало пѣсень и сказокъ, былинъ не оказывается. Въ одной замѣткѣ, помѣщенной еще въ 1841 году П. Саввантовымъ въ *Москвитянинѣ*, мы находимъ слѣдующее крайне неопредѣленное указаніе на существованіе былинъ въ Вельскомъ уѣздѣ: „Изъ всѣхъ, слышанныхъ мною разказовъ (какихъ?), самые занимательные и оригинальные нашель я въ Вельскомъ уѣздѣ. Здѣсь всѣ они безъ исключенія называются былинами и разказываются на распѣвъ“ ²⁾. Къ сожалѣнію, П. Саввантовъ не записалъ ни одного изъ разказовъ, которые будто бы называются „былинами“. Двѣ былины—Илья на Соколѣ кораблѣ и Добрыня и Марина—нашлись въ рукописномъ сборникѣ, доставленномъ въ Императорскую Публичную Библиотеку изъ Вологодской губерніи ³⁾. Но записаны ли онѣ въ той же губерніи, неизвѣстно. Можно надѣяться, что при болѣе внимательныхъ поискахъ особенно въ частяхъ губерніи, прилегающихъ къ Архангельской, былины найдутся въ народномъ обращеніи. По крайней мѣрѣ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, смежномъ съ Вельскимъ Вологодской, былины не безызвѣстны.

Переходя изъ Вологодской губерніи въ сосѣднюю Пермскую и переваливъ за „Камень“ (Уральскій хребетъ), мы опять вступаемъ въ область, которая нѣкогда была богата былинами, какъ можно судить по сборнику, приписываемому Киришѣ Данилову. Припомнимъ то немногое, что извѣстно о происхожденіи этого драгоценнаго сборника, положившаго основаніе знакомству русскаго образованнаго общества съ народными былинами. По словамъ втораго издателя Калайдовича, сборникъ былъ „списанъ“ дѣть за 70 передъ тѣмъ (то-есть, въ половинѣ XVIII вѣка) для извѣстнаго богача, владѣтеля Ураль-

¹⁾ См. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, подъ редакціей Н. Харузина, в. II.

²⁾ *Москвитянинъ*, 1841 г., ч. 2, № 3, стр. 271.

³⁾ *Живая Старина*, вып. 1, 1890 г.

скихъ заводовъ Прокопія Акинфіевича Демидова, у котораго и хранился до его смерти. Затѣмъ рукопись была въ рукахъ московскаго почтъ-директора Ключарева и по его порученію была издана (не вполне) его чиновникомъ А. Ѳ. Якубовичемъ въ 1804 г. По напечатаніи рукопись осталась собственностью Ключарева. Въ 1816 г. государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, получивъ рукопись въ собственность, приказалъ ее издать Калайдовичу, что и было имъ исполнено въ 1818 г. Дальнѣйшая судьба рукописи точно не извѣстна: послѣ изданія она пропала безслѣдно, и это прискорбное обстоятельство лишаетъ насъ возможности судить, на сколько рука редактора прошла по текстамъ былинъ. Въ виду того, что, по словамъ Калайдовича, рукопись была написана „безъ наблюденія ороографіи и безъ раздѣленія стиховъ“¹⁾, а въ изданіи 1818 г. вполне соблюдена ороографія и стихотворная форма, можно думать, что редакторъ стеръ въ своемъ изданіи многія интересныя черты оригинала, которыя, быть можетъ, содержали діалектическія отбѣтки, важныя для опредѣленія мѣстности записи былинъ.

Составленіе сборника приписывается Калайдовичемъ иѣкому Киришѣ (Кириллу) Данилову на томъ основаніи, что, „по увѣренію“ перваго издателя Якубовича, имя Кириши Данилова стояло на первомъ, потерявшемся листѣ сборника, и что имя Кирилла Даниловича упоминается въ небольшой пѣснѣ (№ 36). Кто былъ Кириша Даниловъ—неизвѣстно, и гаданія Калайдовича, который считаетъ его казакомъ и даже старается опредѣлить его мѣсторожденіе и мѣстопребываніе, не имѣютъ никакого основанія. Высказывая предположеніе, что пѣсни для П. А. Демидова были *списаны* (то-есть, съ готоваго рукописнаго оригинала), а не записаны со словъ, Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, что „сборитель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка“²⁾. Однако доказательства, почерпаемыя Калайдовичемъ для этого предположенія изъ текста пѣсенъ, не имѣютъ значенія, а письмо Прокопія Демидова къ историку Гергарду-Фридриху Миллеру, относящееся къ 22 октября 1768 года и изданное по подлиннику Шевыревымъ въ *Москвитянинѣ*³⁾, положительно свидѣтельствуетъ, что пѣсни были записаны съ голоса

¹⁾ Предисловіе, стр. II.

²⁾ Тамъ же, стр. VIII.

³⁾ *Москвитянинъ*, 1854, № 1, и 2, отд. IV, стр. 9; см. также статью Н. С. Тихомирова „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“ въ *Этнографическомъ Обзорникѣ*, кн. VIII, стр. 13.

сибирскихъ людей, а не переписаны съ готовой записи. Вотъ слова Демидова: „Въ присутствіе Ваше у меня благоволили мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ* людей, которые прошедшую исторію поютъ по голосу, которую при семь къ Вашему Высокородію посылаю“. Посланная Миллеру пѣсня напечатана въ „Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ“ подъ заглавіемъ: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенское“ (№ 43), слѣдовательно, входила въ число пѣсенъ сборника.

На основаніи этого важнаго показанія мы должны признать, что во владѣніяхъ Демидова въ половинѣ XVIII вѣка „сибирскіе люди“ пѣли былины и историческія пѣсни, изъ которыхъ былъ составленъ дошедшій до насъ сборникъ. Если мы припомнимъ, что во владѣніи семьи Демидовыхъ были Верхотурскіе желѣзные заводы на рѣкѣ Невѣ, къ которымъ еще при Петрѣ въ 1703 году были приписаны двѣ волости въ Верхотурскомъ уѣздѣ (Пермской губ.), что основателю богатства этой семьи Никитѣ Демидовичу принадлежали также заводы на Уралѣ, что его сыномъ Акинфіемъ Никитичемъ былъ возстановленъ судоходный путь по Чусовой, проведены дороги между заводами, основано нѣсколько поселеній по глухимъ мѣстамъ вплоть до Колывани (Томской губ.) и открыты знаменитые алтайскіе серебряные рудники,—то и не зная точно, отъ какихъ именно „сибирскихъ“ людей были записаны былины для Прокопія Акинфіевича, мы можемъ райономъ ихъ распространенія въ XVIII вѣкѣ считать сѣверо-восточныя части Пермской губерніи, южную Тобольской и Томской. Въ послѣдней губерніи, въ Алтайскомъ горномъ округѣ, записаны были еще въ 60—70-хъ годахъ нашего столѣтія превосходныя былины С. И. Гуляевымъ на заводахъ Сузунскомъ, Локтевскомъ и въ окрестностяхъ Барнаула.

Разсмотримъ теперь *западно-сибирскій* репертуаръ былинныхъ сюжетовъ и сравнимъ его съ олонецкимъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и въ сибирскомъ эпическая біографія Ильи Муромца представлена значительнымъ количествомъ былинь. Извѣстны слѣдующіе сюжеты: 1) Первая поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ ¹⁾, 2) Илья и Тугаринъ ²⁾, 3) Илья и Калинь-царь ³⁾, 4) Илья и сынъ ⁴⁾, 5) Илья, Добрыня и

¹⁾ *Кириша Даниловъ*, № 46; *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 1.

²⁾ *Киртеевскій*, I, 56.

³⁾ *Киртеевскій*, I, 66; *Кириша Даниловъ*, № 24; *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 9 и № 12.

⁴⁾ *Киртеевскій*, I, 7; *Кириша Даниловъ*, № 47.

баба Горынянка ¹⁾). О Добрынь Никитичъ встрѣтились четыре былины: 1) Добрыня и Скименъ ²⁾. 2) Купанье и бой со змѣемъ ³⁾, 3) Добрыня и Марина ⁴⁾ 4) Добрыня и Алеша ⁵⁾. На извѣстность обоихъ послѣднихъ сюжетовъ въ Сибири указываетъ большая сводная былина, содержащая оба сюжета, записанная княземъ Костровымъ въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи ⁶⁾. Алеша Поповичъ является дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ былинахъ, изъ коихъ одна пространно разказываетъ о его боѣ съ Тугариномъ ⁷⁾, другая—неизвѣстная въ олонецкомъ репертуарѣ—объ освобожденіи имъ родной сестры отъ татаръ ⁸⁾ (сюжетъ Михаила Казаринова).

Далѣе, какъ въ Олонецкой губерніи, по одной былинѣ извѣстно въ Сибири о слѣдующихъ лицахъ: Дунаѣ Ивановичѣ ⁹⁾, Василиѣ Казимировичѣ ¹⁰⁾, Михайлѣ Потыкѣ ¹¹⁾, Иванѣ Годиновицѣ ¹²⁾, Соловьѣ Будимировичѣ ¹³⁾, Ставрѣ Годиновицѣ ¹⁴⁾, Иванѣ Гостиномъ сынѣ ¹⁵⁾, Суханьшѣ (Сухманѣ) ¹⁶⁾, Гордеѣ (Хотенѣ) Блудовичѣ ¹⁷⁾, Василю Буслаевичѣ (2 былины) ¹⁸⁾, Василю пьяницѣ ¹⁹⁾, Садкѣ купцѣ ²⁰⁾, Дюкѣ Степановичѣ ²¹⁾, Чурилѣ Пленковичѣ ²²⁾, гостѣ Терентѣ ²³⁾, Волхѣ Всеславичѣ ²⁴⁾, Сорока каликахъ съ кали-

¹⁾ *Кирша Даниловъ*, № 47.

²⁾ *Киртесскій*, II, 9; *Тихомировъ и Миллеръ*, № 18.

³⁾ *Кирша Даниловъ*, № 45; *Тихомировъ и Миллеръ*, № 21.

⁴⁾ *Кирша Даниловъ*, № VIII.

⁵⁾ *Кирша Даниловъ*, № XX.

⁶⁾ Напечатана *Шейномъ* въ *Ученіяхъ съ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, 1877, кн. III, отд. 2, стр. 9—16, и въ *нашемъ Сборникѣ*, № 27.

⁷⁾ *Тихомировъ и Миллеръ*, № 28; *Кирша Даниловъ*, № 19.

⁸⁾ *Киртесскій*, II, стр. 80.

⁹⁾ *Киртесскій*, III, 56; *Кирша Даниловъ*, № 10.

¹⁰⁾ *Наши*, № 37.

¹¹⁾ *Кирша Даниловъ*, № 22.

¹²⁾ *Кирша Даниловъ*, № 15; *наши*, № 42.

¹³⁾ *Кирша Даниловъ*, № 1.

¹⁴⁾ *Наши*, № 56 (ср. Енисейскую, № 57). *Кирша Даниловъ*, № 14.

¹⁵⁾ *Кирша Даниловъ*, № 7; *наши*, № 55.

¹⁶⁾ *Наши*, № 54.

¹⁷⁾ *Кирша Даниловъ*, № 16.

¹⁸⁾ *Кирша Даниловъ*, № 9, № 18.

¹⁹⁾ *Наши*, № 39.

²⁰⁾ *Кирша Даниловъ*, № 26.

²¹⁾ *Кирша Даниловъ*, № 3.

²²⁾ *Кирша Даниловъ*, № 17; *Киртесскій*, IV, 87; *наши*, № 45.

²³⁾ *Кирша Даниловъ*, № 2.

²⁴⁾ *Кирша Даниловъ*, № 6.

кою ¹⁾). При тщательномъ сличеніи этого былиннаго инвентаря съ олоонецкимъ оказывается, что въ Западной Сибири до сихъ поръ не встрѣчались только слѣдующіе 4 сюжета, извѣстные онежскимъ сказителямъ: Встрѣча Ильи со Святогоромъ, Вольга и Микула Селяниновичъ, Данило Игнатьевичъ съ сыномъ и Василій Окулевичъ съ Соломономъ. Такъ же, какъ олоонецко-архангельскому эпосу, Сибири извѣстна далѣ былина о кончинѣ богатырей ²⁾). Какъ бы взаимнѣ недостающихъ 4-хъ былинныхъ сюжетовъ, которые, быть можетъ, еще найдутся гдѣ нибудь въ Сибири, западно-сибирскій репертуаръ съ своей стороны содержитъ три былины, неизвѣстныя олоонецкимъ сказителямъ. Таковы: Саулъ Леванидовичъ ³⁾, Суровецъ ⁴⁾ и Михайло Казариновъ (Казарятинъ) ⁵⁾. Такимъ образомъ, относя на долю случайности отсутствіе четырехъ былинныхъ сюжетовъ олонецкаго репертуара и наличность трехъ неизвѣстныхъ послѣднему, мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что тотъ же инвентаръ былицъ, который въ 1860—1870 годахъ и позже былъ собранъ въ Олонецкой губерніи, былъ въ XVIII вѣкѣ извѣстенъ въ губерніяхъ Пермской и Томской и еще не вполне былъ забытъ въ этихъ мѣстахъ въ 1860—1870 годахъ текущаго столѣтія.

Фактъ, установленный этимъ сличеніемъ обоихъ былинныхъ репертуаровъ, даетъ намъ возможность пойти къ дальнѣйшимъ выводамъ, имѣющимъ значеніе для исторіи распространенія былинныхъ сюжетовъ. Мы видимъ, на сколько прочно и постоянно повторяются въ народѣ одни и тѣ же былевые сюжеты на такомъ огромномъ разстояніи, каковы на западѣ Заонежье, на востокѣ Алтайскій горный округъ Томской губерніи. Какъ сказители олонецкіе не создали ни одного новаго сюжета (за исключеніемъ пѣсни о Рахтѣ Рагнозерскомъ, о которой была рѣчь выше), такъ и въ числѣ сибирскихъ былицъ мы не нашли ни одного специально созданнаго въ Сибири сюжета. Очевидно, слѣдовательно, что тѣ и другія былины существовали почти въ томъ же видѣ и въ прошломъ и въ XVII вѣкѣ, и вмѣстѣ съ колонизаціей Западной Сибири перешли сюда изъ сѣверныхъ частей Европейской Россіи. Имѣемъ ли мы право, въ виду этого совпаденія сибирскаго репертуара съ олоонецкимъ, говорить, что нашъ былевой

¹⁾ *Кириша Даниловъ*, № 23.

²⁾ *Киришевскій*, VI, 108.

³⁾ *Кириша Даниловъ*, № 25.

⁴⁾ *Киришевскій*, IV, прил., стр. XXVII, зап. въ Минус. округѣ Енисейской губ.

⁵⁾ *Кириша Даниловъ*, № 21; наши былины, № 41.

эпосъ понесъ значительныя утраты въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ послѣднихъ столѣтій своего существованія? Едва ли. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что современныя записи былинь и сборникъ Кирши Данилова сохранили намъ приблизительно въ полномъ видѣ тотъ инвентарь былинь, который былъ извѣстенъ въ сѣверныхъ великорусскихъ областяхъ въ XVIII и даже въ XVII столѣтіяхъ. Мы говоримъ *приблизительно* потому, что утрату нѣсколькихъ, вѣроятно, малопопулярныхъ и неважныхъ по содержанию былинь мы должны допустить. На это существуютъ нѣкоторыя указанія, изъ которыхъ приведу слѣдующія. Историкъ Татищевъ въ одномъ примѣчаніи по поводу воеводы Владимира Путята говоритъ: „О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упомянулъ, но есть Путять, токмо иной; въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владимира тако поютъ: „Противъ двора Путятина, противъ терема Зыбатина, стараго Путята темный лѣсъ“, изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ“¹⁾. Итакъ, если вѣрять Татищеву, то въ его время пѣлась скоморохами какаятто пѣсня, въ которой поминался Путята, неизвѣстный дошедшимъ до насъ былинамъ. Ближе къ нашему времени находимъ такое же указаніе на утрату одного или двухъ сюжетовъ въ замѣчаніяхъ Рыбникова. Извѣстный сказитель Трофимъ Рябининъ сообщилъ собирателю, что онъ научился нѣкоторымъ былинамъ отъ какого-то петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, на примѣръ, было записано, какъ Добрынюшкѣ пѣкруть (нарядъ) понадобился для князя Владимира, и какъ Добрыня бадилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями (въ былинахъ этотъ эпизодъ (?) не встрѣчается). Отъ того же Кокотина Рябининъ слышалъ о Гальякѣ Невѣрномъ, Ѳедорѣ Ивановѣ и *сими* Владимировѣ и могъ только вкратцѣ передать Рыбникову сюжетъ этой не дошедшей до насъ былины²⁾.

Точно также сказитель былинь изъ Новоладожскаго уѣзда Петербургской губерніи Иванъ Яковлевъ Гусевъ говорилъ Гильфердингу въ 1871 году, что онъ въ прежніе годы зналъ былинну про Мирошку богатыря, который побѣдилъ бабу-ягу. Имя этого богатыря въ былинахъ неизвѣстно³⁾.

¹⁾ Исторія Россійская, ч. I, стр. 50.

²⁾ См. *Рыбниковъ*, III, стр. XXI.

³⁾ *Русская Старина*, 1871 г., т. IV, стр. 451 — 452, въ ст. *Гильфердинга*: „Пѣвецъ былинь въ Петербургской губерніи“.

Но эти примѣры утратъ одиночныхъ былинь едва ли могутъ оправдывать слишкомъ преувеличенное понятіе о прежнемъ богатствѣ нашего эпоса по числу сюжетовъ. Еслибы былинныхъ сюжетовъ, на примѣръ, въ XVIII вѣкѣ, существовало значительно больше, чѣмъ въ настоящее время, то съ одной стороны мы должны были бы найти въ Сибири многу такихъ былинь, которыя неизвѣстны въ Олонецкой губерніи, чего не оказывается при сличеніи обоихъ репертуаровъ, съ другой—должны были бы въ „Исландіи“ нашего эпоса, въ самой Олонецкой губерніи, гдѣ эпическая традиція дожила до нашихъ дней, гдѣ Гильфердингъ выслушалъ до 70 сказителей и сказительницъ, ожидать гораздо большаго числа сюжетовъ, чѣмъ то (отъ 35—40), которое дошло до насъ въ слишкомъ 400 записяхъ. Поэтому нужно думать, что уже въ XVII вѣкѣ, вѣроятно, во второй его половинѣ, окончился періодъ созданія новыхъ былинь, пресѣклось пополненіе раньше извѣстнаго былиннаго репертуара, и его дальнѣйшая исторія сводится къ двумъ процессамъ: распространенію на востокъ, въ Сибирь, виѣстѣ съ усиленною колонизаціей этого края и къ постепенному искаженію былинь, вслѣдствіе отсутствія прочной традиціи, которая еще, повидимому, существовала въ началѣ прошлаго столѣтія въ средѣ странствующихъ „веселыхъ людей“ скомороховъ.

Отношеніе западно-сибирскаго былиннаго инвентаря къ тому, который въ XVII вѣкѣ былъ распространенъ въ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ (Олонецкой, Архангельской, Вологодской), находится въ непосредственной связи съ колонизаціоннымъ движеніемъ русскаго населенія въ Сибирь. Историческія справки доказываютъ, что главный контингентъ великоруссовъ, колонизовавшихъ западныя области Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, получался преимущественно изъ сосѣднихъ губерній Европейской Россіи. Извѣстно, что первое знакомство русскаго населенія съ богатствами Пермскаго края, нѣкогда сплошь заселеннаго финскимъ племенемъ, было положено предприимчивыми новгородскими промышленниками. „Для новгородцевъ страна эта была настоящей находкой; богатство мягкой рухляди давало имъ неистощимую и чрезвычайно прибыльную статью для торговли“¹⁾. Уже съ половины XIII вѣка, когда въ грамотахъ новгородскихъ появляется названіе Перемь, началась постепенная колонизація края, непрерывно продолжавшаяся до завоеванія и утвержденія русскаго

¹⁾ См. Пермскій Сборникъ, 1859, кн. I, статья А. Крулевица: Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края, стр. 7.

господства въ Сибири. Когда съ паденіемъ Новгородской независимости, дѣло управленія краемъ переходитъ къ Москвѣ, населеніе, двигавшееся для заселенія Перми, шло туда главнымъ образомъ изъ прежнихъ новгородскихъ вотчинъ. Такъ по сохранившимся преданіямъ и нѣкоторымъ отрывочнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, говоритъ г. Крупенинъ, можемъ безошибочно заключить, что оба древнѣйшіе города Пермской губерніи Чердынь и Соликамскъ происхожденіемъ своимъ обязаны выходцамъ новгородскимъ, вологодскимъ и другимъ. Преданіе мѣстныхъ жителей Чердыни прямо приписываетъ основаніе этого города выходцамъ новгородскимъ ¹⁾. Первоначальное населеніе Соликамска, пришедшее, какъ думаютъ, изъ Вологодской губерніи, было во 2-й половинѣ XVI вѣка дополнено множествомъ выходцевъ изъ Балахны, Вологды, Устюга, Вятки, Чебоксарь, Бѣлоозера, Холмогорь, изъ Чердыни, Москвы, Новгорода, Пскова, Нижняго Новгорода, съ Вычегды, Двины и Пинеги, какъ можно судить по писцовымъ книгамъ Кайсарова 1624 г., гдѣ многіе изъ жителей Соликамска обозначены одними именами съ придачей, вмѣсто фамиліи, слова *пришлецъ* такой-то: Вологжанинъ и пр. ²⁾. Выходцы изъ сосѣдней Вологодской области влеклись въ Пермскую страну главнымъ образомъ возможностью съ большою выгодною продолжать здѣсь свой наследственный промыселъ—солевареніе, которое въ Вологодской области привилось изъстаріи ³⁾. Именитые люди Строгановы, такъ много сдѣлавшіе для колонизаціи и цивилизаціи Пермскаго края, были родомъ изъ Сольвычегодска. Послѣ покоренія Сибири московское правительство направляетъ всѣ усилія для заселенія края русскимъ элементомъ, огражденія его отъ нападеній инородцевъ, отысканія лучшаго пути черезъ Уральскія горы и эксплуатаціи естественныхъ богатствъ. При Оеодорѣ Ивановичѣ (въ 1595 г.) пролагается дорога отъ Соликамска до Верхотурья, при Борисѣ Годуновѣ основывается городъ Верхотурье и образовано Верхотурское воеводство. Для скорѣйшаго заселенія края правительство неоднократно вызываетъ *охочихъ* людей изъ Перми, Вятки и другихъ мѣстъ ⁴⁾, вслѣдствіе чего уже въ 1-й половинѣ XVII вѣка за Ураломъ появляются многія русскія слободы, заселенныя выходцами изъ Вологды, Тотмы, Устюга, Вятки, Кайго-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 37, примѣч. 27.

³⁾ Тамъ же, стр. 18.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 21.

рода, Чердыни, Соликамска ¹⁾). Кромѣ сравнительнаго приволья новыхъ мѣстъ, дѣятельности почвы, богатства промысловъ, побужденіемъ для значительной части населенія сѣверной Россіи къ переселенію въ Сибирь служило религиозное преслѣдованіе. Обширные перискіе и сибирскіе лѣса представляли раскольникамъ и сектантамъ всѣ средства, чтобъ укрыться отъ преслѣдованія. Знатокъ заселенія Томской губерніи, покойный этнографъ С. И. Гуляевъ, записавшій не мало превосходныхъ былии въ Алтайскомъ горномъ округѣ, занимающемъ самую большую часть этой губерніи, утверждаетъ, что первоначальное русское населеніе тамошняго края образовалось преимущественно изъ жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерній. Эти выходцы стали переселяться въ южную Сибирь въ началѣ XVIII вѣка, привлеченные столько же выгодами жизни, сколько и возможностью отправлять, по правиламъ разныхъ раскольничьихъ сектъ, религиозные обряды въ такъ называемыхъ *пустыняхъ*, устраиваемыхъ въ дремучихъ лѣсахъ... Переселяясь туда, они уносили съ собою преданія старины о Владимирѣ и богатыряхъ его, которыя и передавались изъ рода въ родъ, сохранившись донинѣ, точно такъ же, какъ и многіе, забытые уже въ другихъ мѣстахъ, обряды и обычаи, чему способствовали прежде и способствуютъ въ настоящее время ²⁾ отдаленность этого края, недостатокъ торговыхъ путей, совершенное несуществованіе мануфактурной промышленности и крайняя неохота, кромѣ нѣкоторыхъ весьма ограниченныхъ случаевъ, оставлять родину ³⁾).

Помимо историческихъ указаній на этнографическій составъ населенія юго-западной Сибири, такія указанія можно было бы ожидать отъ русской діалектологіи. Къ сожалѣнію, по заявленію проф. А. И. Соболевскаго, Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти неизвѣстна ⁴⁾. Извѣстно только, что сибирскіе діалекты принадлежатъ къ сѣверно-великорусскому или окающему поднарѣчью русскаго языка. Такъ какъ главная часть русскаго населенія Сибири состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего окающаго и цокающаго сѣвера, то ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Пермской губ., и разница между ними состоитъ по преим-

¹⁾ Тамъ же, стр. 24.

²⁾ Свѣдѣніе относится къ половинѣ 50-хъ годовъ.

³⁾ См. Памятники великорусскаго нарѣчія, 1865 г., стр. 74.

⁴⁾ См. его Очеркъ русской діалектологіи. Сѣверно-великорусское или окающее поднарѣчіе: *Живая Старина*, 1892 г., вып. II, отд. I, стр. 24.

шеству въ словарномъ матеріалѣ ¹⁾). Мы уже упомянули, что сибирскій сборникъ, приписываемый Киришѣ Данилову, въ изданіи Калайдовича не даетъ никакого, кромѣ словарнаго, матеріала для діалектологическихъ заключеній. Къ сожалѣнію, и покойный С. И. Гуляевъ, повидимому, не особенно тщателенъ въ сохраненіи діалектическихъ особенностей текстовъ записанныхъ имъ былинъ. Въ своей замѣткѣ, напечатанной въ приложеніи къ былинамъ, доставленнымъ имъ въ Академію Наукъ въ 50-хъ годахъ, онъ дѣлаетъ только слѣдующую весьма краткую характеристику говора русскаго населенія Алтайскаго округа: „Говоръ народа есть тотъ же, что и въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Европейской Россіи, грубый для непривычнаго къ нему уха—по выбрасыванію изъ окончательнаго слога глаголовъ во второмъ и третьемъ лицѣ единственнаго числа и въ первомъ множ. настоящаго времени звука *e*, напримѣръ: вмѣсто: знаешь, знаетъ, знаемъ—*знаишь, знать, знамъ*, — по буквѣ *o*, вездѣ удерживающей присвоенный ей звукъ, наконецъ по самой интонаціи, похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ. Употребленіе вмѣсто *o* буквы *a* тамъ называется *ръчью свысока*“ ²⁾). Въ текстѣ же записанныхъ Гуляевымъ былинъ мы находимъ только немногіе діалектическіе отбѣнки, какъ, напримѣръ: формы глагольныя съ вынужденіемъ *e* послѣ *a*: *поднимать, отворять, отягивать, оставлятъ* и друг.; исходъ род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательныхъ—*ова: зеленова, молодова, широкова, пѣннови* и проч. (хотя обычны и формы на *-аю, -аю*); группу *иш* вмѣсто *щ*: *ишио* (еще), *змпишио, шиока* (щека), *пожишио, вѣишая* (вѣщан); переходъ *ч* въ *ш* передъ и въ суффиксѣ: *пешной* (печной), *Митревшина* и др.: сохраненіе древняго *ь* передъ группой *ск* въ суффиксѣ: *руська*. Въ синтаксическомъ отношеніи можно отмѣтить употребленіе именит. пад. при неопредѣленномъ наклоненіи, бытующее доселѣ въ говорѣ олонецкой и друг. сѣверныхъ губерній, напримѣръ: „потерять тебѣ будетъ буйна голова; потерять то намъ будетъ слава добрая“ и друг. Перечисленныя выше *фонетическія* черты входятъ въ число особенностей говоровъ губерній: Вятской, Вологодской, Олонецкой, Петербургской, Архангельской и др., но болѣе рѣзкихъ чертъ цокающихъ говоровъ, напримѣръ, мѣны *ц* и *ч* (цоканья), *ч* и *ц* (чаканья), употребленія *и* вмѣсто *ъ*, мы въ записяхъ Гуляева не находимъ, точно такъ же, какъ употребленія формъ род. ед. ж. р. на *ы* вмѣсто формъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

²⁾ Памятники великорусскаго нарѣчія, стр. 74.

дат.-мѣстн. (къ жоны) и формъ дат. множ. вмѣсто формы твор. (ходить ногамъ) и нѣкоторыхъ другихъ особенностей, свойственныхъ цокающимъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ.

Какъ бы то ни было, діалектическія данныя, хотя и скудныя, наблюденныя въ Сибири, подтверждаютъ факты, извѣстные намъ изъ исторіи ея заселенія. Южная Сибирь и по говору населенія, и по былинному репертуару является непосредственнымъ продолженіемъ сѣверо-восточной полосы Европейской Россіи, края, колонизованнаго нѣкогда главнымъ образомъ Новгородскими славянами, и сохранила доселѣ, какъ колонія, то духовное достояніе эпической старины, которымъ обладало населеніе европейской родины въ XVII столѣтіи.

Если по числу былинныхъ сюжетовъ западно-сибирскій репертуаръ почти не уступаетъ олонецкому, то по живучести былинной традиціи оба края не могутъ быть поставлены на одинъ уровень. Мы не знаемъ, много ли было во времена П. Демидова такихъ сибирскихъ людей, которые „прошедшую исторію пѣли по голосу“, но въ XIX столѣтіи сибирскимъ этнографамъ встрѣчались лишь отдѣльныя лица, знавшія по двѣ, по три былины. Какъ рѣдкое для Сибири явленіе можно отмѣтить, что С. И. Гуляеву удалось въ окрестностяхъ Барнаула (въ Алтайскомъ горномъ округѣ) встрѣтить крестьянина Леонтія Тупицына, нѣвнаго значительное количество былинъ¹⁾. Пѣвецъ наслѣдовалъ свой репертуаръ отъ отца, который въ свою очередь перенялъ его отъ дѣда. Прадѣдъ Тупицына вышелъ откуда-то изъ Россіи на р. Ишимъ, а потомъ, по основаніи А. И. Демидовымъ Барнаульскаго завода, поселился въ тѣхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ другими выходцами. Такимъ образомъ въ семьѣ Тупицына хранились былины въ теченіе трехъ поколѣній, переходя отъ отца къ сыну. Другихъ примѣровъ такой прочности традиціи въ Сибири намъ неизвѣстно. Въ совершенно иномъ положеніи застали, какъ извѣстно, былинную традицію Рыбниковъ и Гильфердингъ въ тѣхъ же 60—70 годахъ въ Олонецкой губерніи. По словамъ Рыбникова, здѣсь былины сохранились между русскимъ населеніемъ уѣздовъ Пестрозаводскаго, Пудожскаго, Каргопольскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнецкаго, Вытегорскаго и Лодейнопольскаго... Въ первыхъ трехъ уѣздахъ и

¹⁾ Тупицынъ зналъ нѣсколько былинъ про Илью Муромца (2), Добрыню Никитича, Ивана Годеновича, Ставра Годеновича, Михаила Казарятина, Василія Калимировича, и пѣсни про Ивана Грознаго, Михайла Скоина, князя Волковскаго. О Тупицынѣ см. Былины старой и новой записи, отд. II, приложение, стр. 269—271.

той части Повѣнецкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью, старины *очень* распространены. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинь и именами нѣкоторыхъ богатырей. Въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго смышленнаго пожилаго человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и, хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ, однако, при случаѣ, вдругъ припомнить какую нибудь былевую пѣсню ¹⁾. Предириная поѣздку въ Заонежье по слѣдамъ Рыбникова, Гильфердингъ нисколько не рассчитывалъ значительно дополнить былинный инвентарь своего предшественника и тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ записалъ 318 пѣсень и прослушалъ 70 пѣвцовъ и пѣвицъ. По его наблюденіямъ, былинная традиція, ослабѣвая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣлаетъ завоеванія въ другихъ, напримѣръ, на сѣверо-востокъ отъ Онежскаго озера (на Водлозерѣ), гдѣ эпическая поэзія только начинается водворяться, записывая съ разныхъ сторонъ ²⁾. Отсюда Гильфердингъ дѣлаетъ такое заключеніе: „пѣть никакого сомнѣнія, что на Кепозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа“ ³⁾. Исслѣдователи, ѣздившіе послѣ Гильфердинга въ Олонецкую губернію, О. М. Истоминъ, В. Н. Харузина, Г. И. Куликовскій, также указываютъ на живучесть былинной традиціи среди крестьянъ, на глубокій интересъ ихъ къ „старинушкамъ“, на уваженіе, которымъ пользуются хорошіе сказители, и т. п.

Для объясненія необычайной распространенности знакомства олонецкихъ крестьянъ со всѣмъ содержаніемъ нашего былеваго эпоса мы уже высказали въ видѣ предположенія, что предки ихъ сохранили старинное достояніе новгородской духовной культуры, которой мы склонны приписать важную роль въ созданіи и распространеніи былинь. Чтобы провѣрить и подтвердить это предположеніе, считаемъ нужнымъ еще разъ вернуться къ обзору былиннаго репертуара олонецкихъ сказителей, разобраться среди перечисленныхъ выше 35—40 сюжетовъ, подраздѣлить ихъ на группы и рассмотреть, какіе изъ нихъ исключительно извѣстны въ сѣверной половинѣ Россіи и какіе пользовались болѣе широкимъ распространеніемъ.

¹⁾ *Рыбниковъ*, III, стр. LI—LII.

²⁾ *Онежскія былины*, стр. XXXI.

³⁾ Тамъ же, стр. XXI.

Общепринятое дѣленіе былинь на два цикла—Кіевскій съ именемъ князя Владимира и Новгородскій—не даетъ никакихъ ни хронологическихъ, ни географическихъ показаній относительно сложенія былинь. Давно уже уяснено, что присутствіе имени Владимира и прикрѣпленіе мѣста дѣйствія былины къ Кіеву не говоритъ ничего въ пользу давности ся сложенія, такъ какъ Кіевъ и Владимиръ вставлялись по готовому шаблону, и былина съ этими именами могла быть слагаема и въ XV, и въ XVI, и даже въ XVII столѣтіяхъ, сказителями, не издавшими Кіева, а проживавшими гдѣ нибудь въ сѣверныхъ городахъ. Точно также, говоря о новгородскомъ эпосѣ, его ограничиваютъ двумя-тремя былинами о Садкѣ, Василии Буслаевѣ, въ которыхъ дѣйствіе совершается въ Новгородѣ. Но ничто не препятствуетъ намъ допустить, что въ Новгородской области, или въ новгородскомъ культурномъ районѣ, могли быть слагаемы былины, не прикрѣпленныя содержаніемъ къ Новгороду или прикрѣпленныя къ Кіеву и его эпическому князю. Въ виду этихъ соображеній я считаю болѣе цѣлесообразнымъ различать былины не по присутствію въ нихъ именъ Кіева и Новгорода, а по характеру ихъ содержанія. Съ этой точки зрѣнія намѣчаются въ нашемъ былинномъ репертуарѣ два крупные отдѣла: а) былины *богатырскию* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами—Змѣемъ Горыничемъ, Тугариномъ, Идолицемъ и т. п.; б) былины не воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фаблю, такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напри- мѣръ, случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри городскихъ партій, ссоры городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невѣсты и т. п. Конечно, есть былины смѣшаннаго содержанія, которыя можно отнести и къ той и другой рубрикѣ, но подчинить строгой регламентаціи человѣческое творчество нельзя, и съ насъ достаточно и того, что вообще обѣ названныя рубрики намѣчаются довольно прочно въ нашемъ былевомъ репертуарѣ. Впрочемъ, въ виду того, что былины поются и каліками вмѣстѣ съ духовными стихами, существуютъ и такія „старинны“, которыя стоятъ на границѣ былинь и духовныхъ стиховъ. Какъ имя князя Владимира введено въ нѣкоторые пересказы „Голубиной книги“, такъ Владимиръ и Апраксія являются дѣйствующими лицами въ старинѣ „Сорокъ калікъ со калікою“. Точно такъ же апокрифическія сказанія о Соломонѣ и Соломонидѣ получили былинную обработку.

Къ черному „богатырскому“ отдѣлу былинь могутъ быть отне-

сены слѣдующіе сюжеты: 8 былинь объ Ильѣ Муромцѣ, бой Добрыни со змѣемъ и освобожденіе Запавы Путятичны, поѣздка Добрыни съ Василиемъ Казимировичемъ за данью; далѣе—бой Алеши съ Тугариномъ, Данилъ Игнатьевичъ съ сыномъ, бой Сухмана съ татарами и трагическая смерть его, походъ Вольги въ царство Индѣйское, Василий Пьяница и Батыга.

Ко второму отдѣлу мы относимъ: объ былины о новгородскихъ лицахъ—Садкѣ и Василиѣ Буслаевѣ, Добрыня и Марина, Добрыня и Алеша, Алеша и сестра Сбродовичей, Ставръ Годиновичъ, Иванъ гостинный сынъ, Соловей Будимировичъ, Дюкъ Степановичъ, объ былины о Чурилѣ Пленковичѣ, встрѣча Вольги съ Микулой Селишиновичемъ, гость Терентьице, Михайло Потыкъ Ивановичъ, Хотещъ Блудовичъ. Колебаться при отнесеніи былины въ тотъ или другой отдѣлъ возможно въ такихъ сюжетахъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщины, сопровождающемся боемъ; таковы былины: Дунай Ивановичъ, Иванъ Годиновичъ, бой Добрыни съ полоницей и его женитьба на ней. Наконецъ, въ былинахъ и побывальщинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Святогора-Самсона, сквозятъ черты то апокрифовъ (смерть Святогора за похвальбу, Святогоръ и гробъ), то сказокъ о судьбѣ (женитьба Святогора) и о невѣрныхъ женахъ (Илья и жена Святогора).

Посмотримъ теперь, сообразуясь съ мѣстами записей, какіе лица и сюжеты нашего эпоса пользовались болѣе, какіе меньше извѣстностью въ разныхъ областяхъ Россіи.

Изъ извѣстныхъ олонецкому и сибирскому репертуару былинь объ Ильѣ Муромцѣ далеко не всѣ нашлись у южныхъ великорусовъ. Весьма популярно похождение Ильи съ Соловьемъ разбойникомъ: былины этого содержанія были записываемы въ губерніяхъ Московской, Нижегородской и Симбирской, и рано перешли въ лубочную „Исторію“. Встрѣча Ильи съ разбойниками, происходящая по нѣкоторымъ версіямъ при первомъ выѣздѣ Ильи въ Кіевъ, составляетъ нерѣдко содержаніе отдѣльной небольшой пѣсни, которая, войдя въ репертуаръ пѣсенъ разбойничьихъ и казацкихъ, распространилась далеко по Волгѣ, Яику и Тереку. Пѣсни объ этомъ были записаны въ губерніяхъ: Московской, Рязанской, Симбирской, на Уралѣ и въ станицахъ Терской области. Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ, записанная въ губерніи Саратовской, на Уралѣ и въ Сибири, но неизвѣстная олонецкимъ сказителямъ, также продуктъ творчества волжскихъ разбойниковъ. Имя Ильи внесено въ нее лишь

въ нѣкоторыхъ версіяхъ, какъ въ другихъ — имя Стеньки Разина. Бой Ильи съ сыномъ записанъ только въ Уфимской губерніи. Что же касается прочихъ подвиговъ популярнѣйшаго русскаго богатыря, каковы: бой съ Идолицемъ, съ Жидовиномъ, съ Калиномъ (Мамаемъ, Батыгой), три поѣздки,—то былины этого содержанія извѣстны исключительно на сѣверѣ въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской и отчасти въ Сибири.

Былины о другомъ популярнѣйшемъ богатырѣ Добрынѣ пользуются не меньшимъ распространеніемъ, чѣмъ былины объ Ильѣ Муромцѣ. Всего чаще встрѣчаются былины о любовномъ походе Добрыни съ Мариной (есть записи изъ губерній: Московской, Сибирской, Уфимской, и изъ области Уральскаго казачьяго войска) и о неудачной попыткѣ Алеши жениться на жепѣ Добрыни (записи въ губерніяхъ Нижегородской, Сибирской, Саратовской, на Уралѣ).

Былина о змѣборствѣ Добрыни была записана только въ Сибирской губерніи, гдѣ, замѣтимъ кстати, имя Добрыни вставлено въ безымянную пѣсню о молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ ¹⁾, такой же случай, какъ вставка имени Ильи въ пѣсню о Соколѣ-кораблѣ. Любопытно также, что обособившійся въ небольшую пѣсню *затѣвъ* былины о рожденіи Добрыни съ чуднымъ звѣремъ Скименомъ, выбѣгающимъ на Днѣпръ, пользовался довольно значительною популярностью. Пѣсня о Скименѣ была записана въ губерніяхъ: Тульской, Уфимской, области Уральскихъ казаковъ, а въ Томской губерніи, по свидѣтельству Г. Н. Потанина, подъ эту пѣсню казаки маршируютъ.

Алеша Поповичъ, какъ *богатырь*, неизвѣстенъ за предѣлами сѣверной полосы Россіи. Былина о его боѣ съ Тугариномъ была записана въ Архангельской и Томской губерніяхъ, зашла на крайній востокъ Сибири въ Якутскую область ²⁾, попала вмѣстѣ съ казаками на Терекъ, но ни разу не встрѣчалась въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ великорусскихъ. Здѣсь иногда, какъ мы выше указали, встрѣчалась только былина о попыткѣ Алеши жениться на жепѣ Добрыни. Въ губерніяхъ Московской, Орловской, Тульской извѣстна пѣсня, въ которой братья (не названные) хвастаются своей сестрой, а Алеша Поповичъ объявляетъ, что онъ ея любовникъ, вслѣдствіе чего братья убиваютъ сестру ³⁾. Достаточно сравнить эту пѣсню съ

¹⁾ *Кирьескій*, II, 61.

²⁾ *Нашъ сборникъ*, № 29.

³⁾ См. *Кирьескій*, II, стр. 64—67.

пересказомъ того же содержанія, записаннымъ въ Архангельской губерніи (въ Шенкурскѣ) ¹⁾, чтобъ убѣдиться, до какой степени характеръ „былины“ и стихъ стерты въ пѣснѣ, записанной въ центральныхъ губерніяхъ. Тотъ же сюжетъ, обработанный въ Архангельской губерніи въ былинѣ Кіевскаго цикла, то-есть, съ прикрѣпленіемъ событія къ пиру Владимира въ Кіевѣ. является въ центральныхъ губерніяхъ безъ былинной обстановки, безъ прикрѣпленія къ извѣстному мѣсту и времени. Видно, что въ этихъ полосахъ Россіи былины были мало извѣстны населенію.

Если уже о главныхъ богатыряхъ нашего эпоса сохранилось лишь незначительное число былинъ внѣ предѣловъ Олонецкой, Архангельской губерній и Западной Сибири, то остальные эпические лица почти неизвѣстны южной половинѣ великоруссовъ. Среди нихъ до сихъ поръ не встрѣчались былины о Дунаѣ Ивановичѣ, Михаилѣ Казариновѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Сухманѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Хотенѣ Блаудовичѣ, Садкѣ богатыремъ гостѣ, Василиѣ Буслаевѣ, Волхѣ Всеславичѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, Святогорѣ-Самсонѣ, и, кажется, нѣтъ надежды, чтобы былины объ этихъ лицахъ когда нибудь попали въ записъ этнографа. Скудные остатки былинъ о нѣкоторыхъ другихъ эпическихъ лицахъ, правда, попадались изрѣдка, но, замѣтимъ, только въ приволжскихъ губерніяхъ, какъ этаны, свидѣтельствующіе о пути, которымъ расходились пѣсни, въ средѣ шумной и пѣснелюбивой вольницы, кормившейся Волгою. Такъ, въ Нижегородской губерніи встрѣтился одинъ пикапный эпизодъ изъ былины о Чурилѣ, который въ пѣснѣ названъ Чуривой ²⁾, и въ этой мѣстности были записаны двѣ былины о Василиѣ Казимировичѣ ³⁾. Отрывокъ одной былины о Василиѣ Буслаевичѣ оказался недавно въ Москвѣ, въ мѣщанской средѣ; но происхождение его крайне сомнительно: быть можетъ, онъ восходитъ уже къ книжкѣ ⁴⁾.

Спрашивается: чѣмъ объяснить эту скудость былинъ въ центральныхъ и южныхъ великорусскихъ губерніяхъ? Жило ли населеніе этихъ областей Россіи болѣе подвижной духовной жизнью, чѣмъ населеніе сѣвера, испытало ли оно въ своемъ быту много существенныхъ и глубокихъ перемѣнъ, отвлекшихъ его симпатіи отъ древнихъ

¹⁾ *Киреевскій*, II, стр. 67.

²⁾ *Киреевскій*, IV, 86.

³⁾ *Киреевскій*, IV, стр. 90 и 98.

⁴⁾ *Нашъ сборникъ*, № 64.

сказаній о богатыряхъ и направившихъ его мысли къ новымъ пѣсеннымъ сюжетамъ? Заглушилъ ли гнетъ крѣпостнаго права, царившаго во всей силѣ въ этихъ полосахъ Россіи, въ народѣ память о нѣкогда созданныхъ имъ идеалахъ свободной народной силы? Или, быть можетъ, былевой эпосъ и раньше, въ прежнія столѣтія, напирѣвъ, въ XV, XVI вѣкахъ, былъ менѣе распространенъ въ предѣлахъ Московскихъ, Суздальскихъ, Рязанскихъ, не говоря уже объ областяхъ, гдѣ южные великоруссы сосѣднили съ малоруссами, чѣмъ среди сѣверныхъ великоруссовъ?

Нѣкоторую утрату въ области стариннаго пѣсеннаго репертуара вообще, конечно, слѣдуетъ приписать переменамъ, происшедшимъ въ быту населенія въ XVIII и особенно въ XIX вѣкахъ вслѣдствіе развитія фабричной промышленности, постройки желѣзныхъ дорогъ, введенія земскихъ учреждений, распространенія грамотности, а также нѣкоторымъ другимъ факторамъ, повліявшимъ на измѣненія въ матеріальномъ и духовномъ быту простонародья. Но едва ли однимъ этимъ объясненіемъ можно удовлетвориться. Трудно было бы понять, почему въ тѣхъ губерніяхъ, изъ которыхъ у насъ почти нѣтъ записей былицъ, были однако записываемы, и въ немаломъ количествѣ, такъ называемыя историческія пѣсни московскаго цикла (объ Иванѣ Грозномъ, Скопинѣ Шуйскомъ, Лжедмитріѣ и проч.), какъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ сборники пѣсенъ Кирѣевскаго, Шейна, Костомарова и др. Почему бы, спрашивается, тому населенію, которое пѣло пѣсни о Грозномъ, не сохранить интереснѣйшихъ по содержанию былицъ о Садкѣ, о Василіѣ Буслаевѣ, о Дюкѣ Степановичѣ и другихъ эпическихъ лицахъ, еслибы такія пѣсни дѣйствительно были когда-то среди него распространены? Но въ этомъ-то и можно сомнѣваться. Полное незнакомство крестьянъ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ губерній не только съ былинами о перечисленныхъ выше богатыряхъ, но даже съ именами послѣднихъ скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что былинный репертуаръ въ этихъ областяхъ былъ, съ одной стороны, ископн бѣднѣ сѣвернаго, съ другой—отличался отъ послѣдняго нѣкоторыми сюжетами и лицами.

На основаніи наличныхъ записей мы можемъ утверждать, что только *три* главные богатыря нашего эпоса — Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ—пользовались популярностью у южныхъ великоруссовъ: большинство же другихъ лицъ сѣвернаго былиннаго репертуара либо осталось имъ неизвѣстнымъ, либо былины о нихъ были такъ рѣдки, что не оставили никакихъ слѣдовъ въ ихъ

памяти. Что многія былины, возникшія на сѣверѣ, не заходили далеко на югъ, подтверждается и обратнымъ явленіемъ: въ столь богатомъ Олонецкомъ былинномъ репертуарѣ, совмѣстившемъ въ себѣ и новгородскія былины, и такъ называемыя былины Владимірова цикла, также слагавшіяся какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Суздальщинѣ, и историческія пѣсни Московскаго царскаго періода, мы однако не находимъ нѣкоторыхъ былинь, извѣстныхъ южнымъ великоруссамъ.

Лучшіе олонецкіе сказители ничего не знаютъ о Данилѣ Ловчанинѣ, богатырѣ Суровцѣ-Суздальцѣ и о Саулѣ Левашидовичѣ. Оба извѣстные намъ пересказа первой былины записаны въ предѣлахъ прежней Московской Руси—одинъ въ губерніи Нижегородской, другой—въ Сибирской¹⁾. Если подтвердится высказанная мною догадка, что былина о Данилѣ Ловчанинѣ находится въ связи съ суздальско-московскими сказаніями объ убіеніи князя Данилы Александровича, на имя котораго были перенесены черты убіенія Андрея Боголюбскаго²⁾, то и былинь слѣдуетъ приписать сложенію въ Суздальщинѣ, для которой преданіе о князѣ Данилѣ представляло мѣстный интересъ. Этимъ бы объяснялось, почему былина не вышла далеко за предѣлы области сложенія, не проникла въ сѣверный былинный репертуаръ. Что касается былинь о Саурѣ Вашидовичѣ и Суровцѣ, тѣсно связанныхъ между собою, то, какъ я старался уяснить въ моей статьѣ о нихъ³⁾, мнѣ представляется вѣроятнымъ восточное происхожденіе сюжета, положеннаго въ ихъ основу. Особою ярки заносныя черты въ былины о Саурѣ: напомнимъ, что Сауръ носитъ татарское имя, является княземъ царства Астраханскаго, и сюжетъ ничѣмъ не прикрѣпленъ къ Киеву и Владимиру. Нельзя при этомъ не отмѣтить и того обстоятельства, что былины о Саурѣ и Суровцѣ, неизвѣстныя олонецкому репертуару, занесены однако въ Сибирь: Саулъ Левашидовичъ попалъ въ сборникъ Кириши Данилова, одинъ пересказъ былины о Суровцѣ встрѣтился въ Енисейской губерніи⁴⁾. Точно также, какъ мы уже указали, былина о Михаилѣ Казариновѣ, принадлежащая сибирскому репертуару, неизвѣстна въ Олонецкой губерніи. Отсюда, кажется, слѣдуетъ заключить, что названныя былины были занесены

¹⁾ *Киртесскій*, III, стр. 28 и 32.

²⁾ См. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, XII: *Этнографическое обозрѣніе*, кн. XV.

³⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1893 г., октябрь.

⁴⁾ *Киртесскій*, IV, стр. XXVII.

въ Сибирь не изъ сѣверныхъ частей Европейской Россіи, а изъ центральныхъ или приволжскихъ. Если главный русскій элементъ населенія, колонизовавшій Западную Сибирь, и принадлежалъ сѣвернымъ великоруссамъ, то немало вольныхъ и невольныхъ поселенцевъ водворялось въ Сибири изъ другихъ частей Россіи.

Итакъ на основаніи извѣстныхъ доселѣ записей былины мы приходимъ къ предположенію, что уже въ XV, XVI столѣтіи не всѣ области, населенныя великорусскимъ племенемъ, были равно богаты былевыми пѣснями и не всѣ сюжеты и эпическія лица сѣверной полосы Россіи были извѣстны въ южныхъ, центральныхъ и приволжскихъ областяхъ. Главнымъ очагомъ былиннаго творчества намъ представляются сѣверно-западныя части сѣверной половины Россіи, мѣста, наиболѣе подчиненныя древне-новгородскому культурному вліянію. Полнота сюжетовъ и живучесть эпической традиціи въ Олонецкой губерніи показываютъ, что этотъ край Россіи воспринялъ вслѣдствіе своей близости къ Новгороду всего полнѣе старинный былинный репертуаръ. Обиліе эпическихъ пѣсенъ поддерживало въ населеніи интересъ къ нимъ и стремленіе къ дальнѣйшему приумноженію наслѣдованнаго богатства. Сказители, знавшіе старинныя былины, при случаѣ разучивали и пускали въ оборотъ новые, доходившіе до нихъ. Историческіе сюжеты, запоминая ихъ тѣмъ легче, что были хорошо знакомы съ обычными приемами эпическаго склада. Мы видѣли, что среди олонецкихъ сказителей дѣлались попытки обрабатывать въ форму былины мѣстныя преданія (Рахта Рагнозерскій). На сколько быстро въ XVII вѣкѣ пѣсни историческія, слагавшіяся въ Москвѣ, приходили на сѣверъ, можно судить изъ любопытнаго показанія Олеарія. Онъ рассказываетъ въ своемъ дневникѣ, что во время его пребыванія въ Ладогѣ (на пути въ Москву) 23-го іюля 1633 г. на поклонъ къ голштинскимъ посламъ пришли двое русскихъ съ лютней и гудкомъ (очевидно, скоморохи), „начали играть и пѣть пѣсни въ честь великаго государя и царя Михаила Ѳеодоровича“ ¹⁾. Изъ сожалѣнію, по незнанію языка, Олеарій не могъ сообщить точнѣе содержаніе этихъ пѣсенъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но мы все же можемъ сдѣлать хоть то заключеніе, что ладожскіе скоморохи усвоили московскую пѣсню, сложенную, вѣроятно, за немного лѣтъ передъ 1633 годомъ и, какъ патріотическую и новую, исполнили ее передъ голш-

¹⁾ Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства и пр., переводъ П. Барсова, Москва, 1870, стр. 26.

тинскимъ посольствомъ. Есть еще другое не менѣе любопытное указаніе на богатство былиннаго репертуара Олонецкой губерніи въ XVII столѣтіи, которое приводитъ Е. В. Барсовъ. Рукопись *начала XVII вѣка*, въ которой среди другихъ статей найдено имъ „Сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ“, принадлежала, судя по записямъ на ней, жителямъ Турчасовской волости Каргопольскаго уѣзда Каменевымъ—сыну, отцу и дѣду, и была написана въ тѣхъ же мѣстахъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Барсова, которое намъ кажется весьма правдоподобнымъ, „исторія русской литературы первую древнѣйшую записанную былинку получаетъ изъ того же сѣвернаго края, гдѣ собраны богатства живого былевого творчества Рыбниковымъ, Гильфердингомъ и друг.“¹⁾ Естественно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было обиліе „старинъ“, могла какому нибудь грамотному человѣку придти мысль рядомъ съ „Путникомъ Коробейникова на востокъ“ записать извѣстную въ его мѣстахъ народную былинку о томъ, какъ кіевскіе богатыри ходили въ Царьградъ, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ записавшаго былина имѣла такую же историческую достовѣрность, какъ хожденіе Коробейникова.

Выше мы указали, что значительное большинство былинъ, извѣстныхъ олонецкому репертуару, не было знакомо населенію коренныхъ Суздальско-Владимирскихъ областей. Примѣняясь къ предложенному выше дѣленію былинныхъ сюжетовъ на двѣ группы, мы увидимъ, что главнымъ образомъ именно былинны *небогатырскаго* содержанія не выходили за предѣлы сѣверныхъ частей Россіи, то-есть, района своего происхожденія. Отсюда возможно обратное заключеніе: былинны *богатырскаго* содержанія, изображающія преимущественно борьбу русскихъ богатырей съ татарами, представляя общее достояніе сѣверныхъ и южныхъ великоруссовъ, зашли къ первымъ отъ послѣднихъ, въ районъ которыхъ онѣ были сложены. Проверимъ это заключеніе данными изъ самыхъ былинъ. Мы видѣли, что общевеликорусскими можно назвать трехъ богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича. Если въ настоящее время и для походовъ этихъ богатырей главный матеріалъ представляютъ олонецкія былинны, а не скудные фрагменты былинъ, записанные у южныхъ великоруссовъ, то все же въ самыхъ былинахъ есть ясныя указанія на прикрѣпленіе этихъ богатырей къ Суздальщинѣ. Илья Му-

¹⁾ Богатырское слово въ смыслѣ начала XVII вѣка (ирм. къ XL тому *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*, № 5, стр. 6).

ромецъ прикрѣпленъ старинной традиціей къ Мурому, Алеша Поповичъ къ Ростову, Добрыня, о которомъ я предполагаю, что онъ въ древности столько же былъ близокъ новгородцамъ, сколько кіевлянамъ и затѣмъ суздальцамъ, называется иногда сыномъ гостя торговаго или Никиты Романовича изъ Рязани ¹⁾. Извѣстно, что въ Никоновскомъ сводѣ упоминается Добрыня Рязаничъ-Золотой поясъ, а въ Тверской, повидимому, та же личность названа Тимоня-Золотой поясъ. Можно предположить, вмѣстѣ съ профессоромъ Халанскимъ, что имя рязанскаго богатыря Тимони было вытѣснено именемъ болѣе широко извѣстнаго и древняго богатыря Добрыни ²⁾. Какъ бы то ни было, замѣнилъ ли въ рязанскихъ преданіяхъ Добрыня другаго богатыря, онъ, повидимому, прочно присталъ къ рязанскимъ сказаніямъ уже очень давно. Подобно тому, какъ въ Муромскихъ мѣстахъ показывали *скоки* коня Ильи Муромца, какъ въ Ростовскихъ—великія могилы (курганы), насыпанныя надъ врагами, избитыми Александромъ Поповичемъ, такъ можно, кажется, отмѣтить мѣстное урочище, связанное съ именемъ Добрыни, не далеко отъ Рязани. Олеарій въ описаніи своего путешествія 1636 года сообщаетъ (подъ 7-мъ іюля), что, плывя по Окѣ изъ Рязани, онъ видѣлъ въ 30-ти верстахъ отъ Копанова островокъ „Добриинъ островъ“ (Dobrinin Ostrow) ³⁾. Можно предположить, что островъ получилъ свое имя въ связи съ какими нибудь сказаніями о рязанскомъ богатырѣ, носившемъ это имя.

Къ южно-великорусскимъ богатырямъ, какъ мы видѣли выше, могутъ быть отнесены далѣ Данила Ловчаинъ, Сауръ Ванидовичъ, Суровець-Суздалецъ, а также какіе-то братья Суздальцы, упоминаемые кое-гдѣ въ былинахъ. Похожденія этихъ личностей, главнымъ образомъ битвы съ татарами, по всей вѣроятности, составляли содержаніе былевыхъ пѣсенъ, когда-то сложенныхъ въ Суздальщинѣ, или въ коренныхъ южно-великорусскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ великаго княжества и потомъ царства Московскаго. Нѣкоторыя наиболѣе популярныя былины перешли изъ этихъ мѣстъ въ Новгородскій культурный районъ и обогатили и безъ того богатый мѣстный репертуаръ; другія остались въ своихъ исконныхъ предѣлахъ и дошли до насъ въ современныхъ намъ записяхъ, частью перешли въ Сибирь.

¹⁾ Нашъ сборникъ, № 15 и 21.

²⁾ Великорусскія былины Кіевского цикла, стр. 42.

³⁾ *Олеарій*: Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію, переводъ П. Барсова, Москва, 1870, стр. 394.

Вѣроятно, существовали въ прежнія времена и другіе сюжеты этого *богатырскаго* эпоса, но погибли въ волнахъ исторической жизни, замѣняясь новыми пѣснями, шедшими изъ культурнаго и государственнаго центра — Москвы, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Далѣе, подобно тому, какъ *городскія* новгородскія былины вслѣдъ за паденіемъ новгородской независимости и измѣненіемъ этнографическаго состава народности въ Новгородской области сохранились на окраинахъ новгородской территории въ Обонежской пятинѣ (Олопецкой губерніи), въ Двинской землѣ (Архангельской губерніи) и въ дальней Пермской землѣ (Сибири), такъ былины суздальскаго или „богатырскаго“ эпоса разносились населеніемъ, бѣжавшимъ отъ московскаго гнета, на окраины царства — на нижнюю Волгу, Донъ, Яикъ и въ ту же Сибирь.

Имена главныхъ богатырей Ильи, Добрыни, Алеши стали популярны среди казаковъ и всякихъ вольныхъ людей, искавшихъ новыхъ мѣстъ подалеже отъ бдительнаго московскаго ока; пѣсни о нихъ раздались и на Терекѣ, и на Оби, пробрались даже къ отдаленнымъ якутамъ, достигнувъ такимъ образомъ крайнихъ предѣловъ Восточной Сибири.

Всес. Миллеръ.

ИСТОРИЯ ФИЗИКИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛОГИКИ ОТКРЫТІЙ ВЪ ИХЪ ИСТОРИИ ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Рожеръ Беконъ и его значеніе въ исторіи науки.

1. *Биографическія свѣдѣнія о Рожерѣ Беконѣ.* Биографическія свѣдѣнія о Рожерѣ Беконѣ весьма скудны. Первый издатель его главнаго сочиненія *Opus majus*—появившагося въ печати лишь въ 1733 году—Самуилъ Джеббъ (Samuel Jebb) свелъ въ предисловіи то, что сохранилось отъ предшествовавшихъ биографовъ ²⁾.

Вышелъ очеркъ, далеко не разъясняющій главнѣйшія изъ событій въ жизни Бекона. Нѣкоторый свѣтъ бросаютъ отрывочныя упоминанія, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ самого Бекона. Наиболѣе темной остается исторія многолѣтнихъ преслѣдованій, какія Беконъ испытывалъ въ средѣ монашескаго ордена францисканцевъ, къ которому принадлежалъ. Преслѣдованія эти отравляли его жизнь.

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую кн. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Между ними: Леландъ, изъ котораго приведенъ длинный списокъ сочиненій Бекона, разбѣянныхъ въ рукописяхъ по британскимъ библиотекамъ; Ваддингъ (*Wadding: Annal. Frat. Minor.*); Вудъ (*Wood: Antiquitates Univ. Oxon., 1628*); Вале (*Valé: Script. Illustr. Brit.*); Питсъ (*de Pits: Rel. de reb. Ang. 1619*). Биографія, написанная Вудомъ, помѣщена въ англійскомъ изданіи *Opus tertium* и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Бекона, вышедшемъ въ 1859 году (*Life of R. Bacon, XCV*).

Рожеръ Беконъ родился въ Англии въ графствѣ Сомерсетъ близъ Илъчестера, среди родовитой семьи, пользовавшейся значеніемъ и достаткомъ. Вѣроятный годъ его рожденія 1214.

Согласно біографіи Вуда (Wood), Беконъ умеръ 78 лѣтъ въ 1292 году, слѣдовательно, родился въ 1214 году. Въ 1267 году Беконъ писалъ папѣ Клименту IV и припоминалъ, что сорокъ лѣтъ не перестаетъ работать съ тѣхъ поръ, какъ выучился грамотѣ, а объ ученикѣ своемъ Іоаннѣ говорилъ: „*hic juvenis me senem transcendit*“ (этотъ юноша превосходитъ меня старика). Если предположить,—замѣчаетъ новѣйшій французскій біографъ Бекона, Эмиль Шарль (*Roger Bacon*, Paris 1861 г.),—что Беконъ, начавъ заниматься лѣтъ съ двѣнадцати или тринадцати, въ пятьдесятъ три года называлъ себя старикомъ сравнительно съ юношею, то показаніе это можно согласить съ указываемымъ біографомъ годомъ рожденія 1214.

Рожеръ Беконъ съ юности былъ предназначенъ къ духовному званію. Учился въ Оксфордѣ, а затѣмъ, чтобы довершить свое богословское образованіе, отправился, по обычаю многихъ молодыхъ англичанъ того времени, въ Парижскій университетъ. „Почтенный степенью доктора богословія, возвратился въ отечество и, какъ говоритъ, по совѣту епископа Линкольнскаго Роберта Большоголоваго (*suadente Roberto Grosstete*), съ которымъ былъ въ тѣсной дружбѣ, поступилъ въ Оксфордѣ въ монашескій орденъ св. Франциска“. Такъ сообщаетъ Джеббъ въ предисловіи къ „*Opus majus*“, добавляя въ своемъ примѣчаніи, что ему вѣроятнѣйшимъ кажется вступленіе Бекона во францисканскій орденъ еще въ Парижѣ.

По соображеніямъ Шарля, это первое пребываніе Бекона въ Парижѣ надлежитъ помѣстить между 1233 и 1250 годами. На пребываніе въ Парижѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ вѣка есть указаніе въ сочиненіяхъ Бекона. Слѣдующіе годы отъ 1250 до 1257 онъ провелъ въ Оксфордѣ. Съ 1257 до 1267 г. онъ опять въ Парижѣ. Это годы его перваго сравнительно мягкаго преслѣдованія и эпоха составленія его главнѣйшихъ сочиненій. Главенствующія въ орденѣ лица и монашеская толпа стали къ нему во враждебныя отношенія. Неблагорасположенъ къ нему былъ даже признанный за добродѣтели свои святымъ Бенавентуръ. Проходитъ еще десятокъ лѣтъ—Беконъ снова въ Парижѣ. Генераломъ ордена сталъ Іеронимъ д'Аскола, сдѣлавшійся въ 1288 году папою подъ именемъ Николая IV. Преслѣдованіе приняло суровый характеръ. Беконъ былъ осужденъ на за-

ключеніе, длившееся почти четырнадцать лѣтъ, когда, наконецъ, онъ получилъ свободу и вернулся умереть въ Оксфордъ.

Наиболѣе счастливое время жизни Бекона было, когда на папскомъ престолѣ сидѣлъ Климентъ IV (Гюи Фулькъ—Guy Foulque—французъ происхожденіемъ). Въ шестидесятыхъ годахъ XIII вѣка онъ былъ папскимъ легатомъ въ Англіи въ эпоху смутъ между королемъ и баронами (братъ Бекона былъ на сторонѣ короля и не мало потерпѣлъ въ столкновеніи). Онъ былъ въ сношеніяхъ съ Бекономъ, котораго репутація была уже значительна: его звали „*doctor mirabilis*“. Чтобы сношенія были личныя—нѣтъ указанія. Когда бывший легатъ сдѣлался напою, Бекону удалось тайкомъ чрезъ кавалера Вонпесог довести до него письма и объясненія. Климентъ IV принялъ благосклонно обращеніе Бекона и отвѣтилъ ему любопытнымъ письмомъ, свидѣтельствующимъ между прочимъ о томъ, какую силу имѣли въ ту эпоху монашескіе ордена. Съ ними приходилось считаться самому главѣ католической церкви. „Нашему любезному брату Рожеру, именуемому Бекономъ, изъ ордена меньшихъ братій (*Frères Mineurs*). Съ признательностью получилъ письма ваши и внимательно выслушалъ слова, которыя присоединилъ къ нему съ такою вѣрностью и благоразуміемъ любезный сынъ нашъ, кавалеръ Боннекоръ. Дабы лучше ознакомиться со стремленіями вашими, мы желаемъ и повелѣваемъ вамъ именемъ апостольской власти нашей, чтобы вы, не взирая ни на какія воспрещенія со стороны какого бы то ни было прелата и всего учрежденія вашего ордена, прислали намъ по возможности скорѣе четко переписанное сочиненіе ваше, которое въ бытность нашу легатомъ мы просили васъ сообщить нашему любезному сыну Ремонъ де Ландюпо (*Rémond de Landuno*). Желасимъ также, чтобы въ письмѣ нашемъ вы высказались о средствахъ противъ ала, которое почитаете столь опаснымъ, и чтобы вы, въ великомъ секретѣ, безъ замедленія приступили къ дѣлу“. Сочиненіе, о которомъ говорилъ папа, есть, полагать надо, „*Opus majus*“. Беконъ составилъ кромѣ того прямо обращенное къ папѣ сочиненіе „*Opus tertium*“.

Что могло вызвать суровыя преслѣдованія, какимъ такъ несправедливо подвергался Беконъ? Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ католической церкви, рѣшительнымъ противникомъ магіи, и хотя невѣжественная часть монашествующихъ, видя его занятія опытами, могла подозрѣвать его въ сношеніи съ нечистою силою, болѣе образованные начальники ордена не имѣли основанія обвинять его ни въ ере-

тичествѣ, ни въ магіи. Историкъ францисканскаго ордена Ваддингъ ¹⁾ кратко отмѣчаетъ, что Беконъ въ 1278 г. былъ осужденъ за нѣкоторыя подозрѣваемые новшества „propter quasdam novitates suspectas“. „Это былъ,—прибавляетъ онъ о Беконѣ,—умъ болѣе тонкій, чѣмъ похвальный. Нельзя позволять такую свободу учить и мыслить. Есть люди, которые считаютъ, что они ничему еще не научились, если не подвинули науку дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и не выводили новыхъ идей за предѣлы общепринятаго ученія“. Джеббъ указываетъ, что нѣкоторые биографы объясняютъ осужденіе Бекона его астрологическими сочиненіями „De Prognosticis et stellis“ и „De vera Astronomia“, составляющими отрывки изъ „Opus majus“. Какъ увидимъ, Беконъ считалъ астрологію серьезнѣйшею наукою и былъ убѣжденъ въ ближайшей связи звѣзднаго съ земнымъ, въ возможности предсказаній на основаніи наблюденія свѣтилъ. Это увлеченіе могло подать поводъ къ преслѣдованію, особенно въ эпоху строгостей, когда епископъ парижскій (въ 1277 году) осудилъ торжественно болѣе двухъ сотъ философскихъ положеній, обнаруженныхъ въ университетскомъ преподаваніи. Арабскій астрономъ Албумазаръ въ „Книгѣ великихъ соединеній“ (Liber magnarum conjunctionum; напечатана впоследствии въ Венеціи въ 1515 г.) утверждалъ, что появленіе пророковъ и религій зависитъ отъ соединеній планетъ; что христіанскій законъ появился въ зависимости отъ соединенія Юпитера и Меркурія, а что соединеніе луны съ Юпитеромъ будетъ знаменіемъ уничтоженія всѣхъ религій. Беконъ принялъ это странное ученіе и въ „Opus majus“ серьезно трактуетъ о гороскопахъ іудейскаго, христіанскаго и магометанскаго законовъ. Въ „Opus tertium“ (глава LXVI) говоритъ: „астрономы выводятъ (изъ соображенія небесныхъ наблюденій) шесть главныхъ сектъ, именно: секту Сатурна іудейскую, Марса халдейскую, Солнца египетскую, Венеры сарацинскую и секту Меркурія, исполненную мудрости, ученія и краснорѣчія. Выше всѣхъ поставляется Меркурій, именуемый господиномъ мудрости и краснорѣчія, который лишь Дѣвою покоряется (non dominatur nisi in Virgine). И это, какъ говорятъ они, есть законъ христіанскій, исполненный мудрости и краснорѣчія, законъ Пророка, рожденнаго Дѣвой. Секта луны—секта мерзости и зла, секта антихриста. Вижу въ семь великую силу астро-

¹⁾ „Ann. Frat. Min.“ II, 449. 1682 г.

номин, дѣлающей заключенія по соединеніямъ планетъ, и примѣняя ихъ къ сектамъ, какъ дѣлаютъ астрономы“.

Э. Шарль полагаетъ однако, что астрологическія заблужденія Бекона были лишь однимъ изъ поводовъ къ его преслѣдованію и что главною ихъ причиною были рѣзкія обличенія, какія позволялъ себѣ беспокойный францисканецъ, тотъ духъ протеста, какой подчасъ обнаруживается въ его сочиненіяхъ и противъ приемовъ схоластической науки, и противъ ея представителей, и противъ главенствующихъ монашескихъ лицъ (*capita utriusque ordinis*, то-есть, и противъ доминиканцевъ, противниковъ францисканскаго ордена, и противъ самихъ францисканцевъ), и, наконецъ, противъ прелатовъ, законниковъ, противъ самой римской куріи.

Указывая на невѣжество вѣка, на то, что и учащимъ и учащимся „остаются невѣдомыми тайны и великія вещи науки“, онъ говоритъ („*Compend. stud.*“, 397):

„Учители разсѣяны повсюду, особенно богословы, въ каждомъ городѣ, каждомъ лагерѣ, каждомъ поселкѣ; преимущественно изъ двухъ орденовъ, чего не было за сорокъ лѣтъ назадъ. А въ то же время никогда не было такого невѣжества, такихъ заблужденій. Великія прегрѣшенія царствуютъ, какъ никогда прежде; а грѣхъ не совмѣстимъ съ мудростью. Поглядимъ ли на всѣ классы общества. Всюду найдемъ безконечную испорченность, начиная съ головы. Римская курія управлялась прежде, какъ и быть надлежитъ, мудростью Божіей; нынѣ управляется постановленіями свѣтскихъ императоровъ, сдѣланными для свѣтскаго правленія, сообразно заключающемуся въ гражданскомъ правѣ. Святое сѣдалище становится добычею лжи и преступленія. Гибнетъ справедливость; всякій миръ нарушается; возбуждаются безконечные скандалы (*infinita scandala suscitantur*). Нравы развращаются; царствуетъ гордость, воспламеняется жадность, гнѣздится ненависть въ сердцахъ, роскошь позоритъ всю курію, обжорство всѣми повелѣваетъ (*gule in omnibus dominatur*). И этого не довольно: намѣстникъ Божій отвергается небреженіемъ его церкви; миръ оставленъ его пастыремъ; вотъ уже нѣсколько лѣтъ святой престолъ стоитъ пустъ, благодаря усиліямъ зависти, ненависти и честолюбія. Если такъ во главѣ, что же въ членахъ. Прелаты жадно собираютъ богатство, не заботятся о ввѣренныхъ имъ душахъ, предлагаютъ своихъ племянниковъ и другихъ друзей по тѣлу (*amicos carnales*), а также этихъ коварныхъ законниковъ (*dolosos legistas*), все

разрушающихъ своими совѣтами, а занимающихся философіею и богословіемъ презирають. Взглянемъ на монаховъ, не исключая никакого ордена. На сколько удалились они отъ должнаго состоянія; даже новыя ордена страшно утратили первоначальное достоинство. Весь клиръ (totus clegus) преданъ гордости, роскоши, жадности. И гдѣ только соберутся клирики, въ Парижѣ или Оксфордѣ, скандализуютъ весь свѣтскій людъ своими побоищами, шумными беспорядками и прочими пороками (bellis et turbationibus et coeteris vitis)“.

Высказывая великое уваженіе къ философамъ древности, ихъ мудрости и нравамъ, Беконъ прибавляетъ: „а мы христіане ничего достойнаго не изобрѣли; не можемъ даже понимать мудрости древнихъ. Причина въ томъ, что не имѣемъ ихъ нравовъ. Невозможно, чтобы мудрость соединялась съ дурными дѣлами (cum peccato); она требуетъ добродѣтели. („Comp. stud. phil.“, 401)“.

II. *Перечень главныхъ сочиненій Бекона.* Хронологическій порядокъ главныхъ сочиненій Рожера Бекона таковъ. До 1263 года: „Посланіе о тайныхъ дѣйствіяхъ искусства и природы и о ничтожествѣ магіи“ (Epistola de secretis operibus artis et naturae et de nullitate magiae). Пять послѣднихъ главъ, можетъ быть, апокрифичны. Въ печати появилось въ 1542 г. въ Парижѣ. Есть переводъ англійскій (1597 г., потомъ 1659 г.) и французскій 1629: „Roger Bacon. De l'admirable pouvoir et puissance de l'art et de nature, ou est traicté de la pierre philosophale, trad. par Jacques Girard de Tournus“. (Съ плохой рукописи и потому со множествомъ ошибокъ. Мы имѣли подъ рукою экземпляръ изъ Императорской Публичной Библіотеки).

Въ 1267 „Opus majus“ ad Clementem Papam. Въ печати появилось лишь въ 1733, перепечатано въ 1750 въ Венеціи. Послѣдній отдѣлъ, о нравственности, остается въ рукописи и нынѣ.

Въ 1267 „Opus minus“ (практическая и специальная алхимія, изложеніе Opus majus; семь недостатковъ въ изученіи богословія; De coelestibus).

Въ 1267—1268 „Opus tertium“.

Въ 1272 „Compendium studii philosophiae“.

Три послѣднія сочиненія вошли въ англійское изданіе 1859 года, такъ же какъ и Epistola de secretis operibus (наши цитаты по этому изданію).

Есть сочиненія менѣе важныя, остающіяся въ рукописяхъ по различнымъ бібліотекамъ.

Такимъ образомъ труды Бекона, бывшіе подъ спудомъ съ XIII до половины XVII вѣка, въ значительной части появились въ печати лишь въ срединѣ нынѣшняго вѣка, чрезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ того, какъ написаны. Кузенъ излагалъ въ 1848 году „Opus tertium“ по рукописи; преимущественно по рукописямъ работалъ и Эмиль Шарль, сочиненію котораго *Roger Bacon* (par Emile Charles. Paris 1861 г.) *Encyclopaedia Britannica* справедливо отводитъ первое мѣсто между трактатами о Беконѣ.

III. *Значеніе Рожера Бекона въ исторіи науки.* Исторія науки донынѣ въ долгу предъ этимъ удивительнымъ монахомъ XIII вѣка.

„Въ то время какъ современники его—Альбертъ Великій, святой Тома, Бенавентуръ,—говорить Эмиль Шарль,—славилась при жизни, достигли высокаго положенія въ церкви и шумныхъ почестей на преподавательскихъ кафедрахъ, завѣщали будущему значительныя сочиненія, оставили учениковъ и противниковъ, Рожеръ Беконъ, ихъ соперникъ по широтѣ и оригинальности трудовъ и еще болѣе по глубинѣ своего знанія, испытываетъ многолѣтнюю немилость, осуждается на молчаніе, изгоняется изъ школы, оставляетъ по себѣ подозрительныя воспоминанія и сочиненія искаженныя, лежація въ безвѣстности, о которыхъ послѣдующіе вѣка хранятъ упорное молчаніе“.

Нельзя отрицать справедливости этихъ словъ. Чѣмъ объясняется явленіе? Продолжительная несправедливость исторіи къ Бекону объясняется тѣмъ, что этотъ монахъ XIII вѣка былъ человекъ будущаго, на нѣсколько вѣковъ стоявшій выше уровня современниковъ, которые и не въ состояніи были—какъ много и послѣдующихъ поколѣній—оцѣнить его значеніе. Говоря въ XI главѣ своего сочиненія „Opus tertium“ объ оптикѣ и перспективѣ (въ обширномъ смыслѣ науки о лучеобразномъ распространеніи), самъ Беконъ замѣчаетъ: „наука эта не преподается въ Парижѣ, ни у латинянъ и лишь дважды преподавалась въ Оксфордѣ въ Англіи. Нѣтъ трехъ человекъ, которые бы создавали ея значеніе и силу“. Объ „экспериментальной наукѣ“ (*scientia experimentalis*), провозвѣстникомъ которой онъ выступилъ, Беконъ говоритъ: „покажу величайшее значеніе, какое имѣетъ эта наука для достиженія достовѣрныхъ знаній. Полагаю корни опытныхъ изслѣдованій, чего никто изъ латинянъ не можетъ понять кромѣ одного, а именно магистра Петра (*Petrus de Mahanicuria*)“. Эти явленія одиночества не были какою-либо хвастливостью со стороны Бекона. Онъ стоялъ дѣйствительно одиноко, непонятый современ-

никами, не оцѣненный потомками, не довольно оцѣненный нынѣ, даже въ своей странѣ: лучшее сочиненіе о Беконѣ принадлежитъ, какъ мы упомянули, французу.

Между англійскими учеными Юэлль въ своей „Исторіи“ и особенно въ своей „Философіи индуктивныхъ наукъ“ отдаеть дань удивленія Бекону. Онъ видитъ въ немъ нѣкоторый оазисъ въ средневѣковой пустынѣ. „Произведенія Рожера Бекона,—говоритъ онъ,— не только стояли далеко выше своего вѣка по тѣмъ знаніямъ, какія въ нихъ обнаруживаются, но и такъ не похожи на господствующее настроеніе тѣхъ временъ по тому высокому значенію, какое онъ даетъ опыту, и по взглядамъ его на будущій прогрессъ знанія, что трудно понять, какимъ образомъ подобный характеръ могъ явиться въ то время?... Существованіе такого произведенія, какъ „Opus majus“ въ томъ періодѣ, я считаю загадкою и нынѣ“. Юэлль видитъ въ Рожерѣ Беконѣ предшественника знаменитаго соотечественника его, Франциска Бекона, и указываетъ родство этихъ двухъ великихъ сочиненій.

О Рожерѣ Беконѣ можно сказать, что онъ былъ человѣкомъ науки и человѣкомъ будущаго. Человѣкомъ науки являлся онъ во всемъ кругѣ знанія со включеніемъ области религій. Онъ былъ человѣкомъ будущаго, въ XIII вѣкѣ высказывая мысли, которыя въ XVII вѣкѣ породили научную эпоху, захватывающую и насъ еще собою.

Беконъ первый провозгласилъ великое значеніе научнаго опыта и этимъ на нѣсколько вѣковъ опередилъ свое время. Въ „Compendium studii philosophiae“ (изд. 1859 года, 397) Беконъ указываетъ, что есть три источника знанія (per tres sciamus), а именно: „авторитетъ, разумъ и опытъ. И однако авторитетъ не полонъ (non sapit), если не дается его разумнаго основанія; онъ даетъ не пониманіе, а принятіе на вѣру (nec dat intellectum sed credulitatem): вѣримъ авторитету, но не черезъ авторитетъ понимаемъ. И разумъ не можетъ узнать, софизмъ ли предъ нимъ или доказательство, если не умѣетъ оправдать заключенія опытомъ, какъ покажу ниже, когда буду говорить объ экспериментальной наукѣ. (Nec ratio potest scire an sophisma vel demonstratio, nisi conclusionem sciamus experire per opera, ut interius in scientiis experimentalibus demonstrabo). А между тѣмъ ничѣмъ,—какъ увидимъ ниже,—такъ мало и такъ неумѣло не пользуются, какъ именно этимъ способомъ въ изученіи наукъ. Оттого толпа изучающихъ остается въ крайнемъ невѣжествѣ относительно скры-

тыхъ сокровищъ и великихъ тайнъ науки (*secreta et magna scientiae*)⁴.

Мало того, Бекона можно назвать человѣкомъ будущаго даже по отношенію къ нашему времени. Та экспериментальная наука, о которой онъ такъ много говоритъ и которой приписывалъ величайшую важность, не осуществлена еще въ полной силѣ и нынѣ. Опытъ въ послѣдніе три вѣка приобрѣлъ великое значеніе въ дѣлѣ изученія природы, но „экспериментальной науки“, поднятой на степень такого же основнаго элемента общаго образованія, какъ языки и математика, разработанной въ особую самостоятельную науку въ смыслѣ универсальной методы изслѣдованія, нѣтъ еще и нынѣ. Поколѣнія еще не воспитываются въ духѣ „экспериментальной науки“. Размышленіе, наименованное нами размышленіемъ съ открытыми окнами чувствъ, еще не стало общимъ достояніемъ. Впереди еще время, когда человѣкъ, имѣющій общее образованіе, будетъ на столько приготовленъ къ правильному чувственному наблюденію, чтобы явиться въ какихъ угодно новыхъ условіяхъ Робинзеномъ, снабженнымъ средствами науки. Впереди еще время, когда изощреніе чувственнаго наблюденія, соединенное съ знаніемъ основныхъ фактовъ, добытыхъ наукою, сдѣлаетъ отношенія человѣка къ природѣ, и внѣшней и собственной, иными, чѣмъ нынѣ, когда примѣненію научныхъ положеній къ практикѣ жизни сдѣлается еще и безконечно плодovitѣе, чѣмъ нынѣ; когда каждая улица будетъ переполнена физическими аппаратами, каждый домъ сдѣлается кабинетомъ съ разнообразными силами природы подъ рукою; когда открытія пойдутъ быстрѣе. Сократъ ставилъ высшею задачею человѣка познаніе самого себя; но не есть-ли для большинства изъ насъ собственное тѣло, съ его процессами, отъ которыхъ столько зависитъ въ нашемъ существованіи, страна менѣе извѣстная, чѣмъ Африка или луна? Нѣтъ, „экспериментальная наука“ есть еще наука будущаго, хотя и возвращена пятьсотъ лѣтъ тому назадъ францисканскимъ монахомъ, которому его духовное начальство запрещало писать и учить и за нарушеніе запрещеній заключало въ келью на хлѣбъ и на воду.

Будущій девизъ соименника Бекона въ XVII вѣкѣ, девизъ будущей науки: „впередъ“, былъ уже девизомъ этого удивительнаго францисканскаго монаха XIII вѣка. Необходимость прогресса, вѣра въ прогрессъ—одна изъ отличительныхъ чертъ Рожера Бекона. „Знаніе и мудрость,—говоритъ онъ („*Opus maj.*“, 28).—могутъ постоянно

возрастать въ сей жизни, ибо ничто не совершенно въ человѣческихъ изобрѣтеніяхъ. Мы, потомки, должны дополнить, чего недоставало древнимъ. Входя въ ихъ трудъ, мы должны, если мы не ослы, побуждаться къ улучшеніямъ (*intravimus in labores eorum, per quos, nisi simus asini, possumus ad meliora excitari*)⁴. Беконъ указываетъ и на то сопротивленіе, какое обыкновенно встрѣчаютъ новыя идеи. „Всегда новыя идеи („*Op. tert.*“, 28) встрѣчаютъ возраженія даже со стороны святыхъ и хорошихъ людей, мудрыхъ въ другихъ отношеніяхъ. Ааронъ и Маріамъ (*María*) противились Моисею, какъ писано въ книгѣ Числъ, и однако Ааронъ святой и Маріамъ также. Святые осудили переводы изъ Библии блаженнаго Иеронима и звали его изказителемъ и фальсификаторомъ писанія. Блаженный Августинъ осыпаетъ его порицаніями, и другіе святые осмѣиваютъ его. Но по смерти Иеронима переводъ его превозмогъ, и нынѣ имъ пользуется все латинское христіанство. По смерти блаженнаго Григорія хотѣли сжечь его книги, превосходныя и святѣйшія. Сорокъ лѣтъ тому назадъ богословы, парижскій епископъ и всѣ тогдашніе ученые осудили и предали отлученію физику и метафизику Аристотеля (*libros Naturalis et Metaphysicae Aristotelis*), нынѣ всѣми признаваемыя, какъ здравое и полезное ученіе. Конечно, много было святыхъ и добрыхъ между іудеями, когда распять былъ Господь, и однако всѣ оставили его, кромѣ Матери, св. Іоанна и Маріи (*Marías*), да и одна Мать Божія имѣла, какъ говорятъ, прямую вѣру (*et dicitur adhuc, quod sola Mater Dei fidem rectam habuit*)⁴.

Толпу, отплатившую ему забвеніемъ многихъ вѣковъ, Беконъ презиралъ („*Op. maj.*“, 5). „Толпа,—говоритъ онъ,—не восходила съ Моисеемъ на гору и въ Преображеніи Христовомъ участвовало не множество учениковъ, но три особо избранныя. Два года слѣдовала толпа за учителемъ совершенствъ Христомъ и слушала его проповѣди, а потомъ оставила его и кричала: „распи его“!

IV. *Корни знанія по Бекону: языки, математика, перспектива и экспериментальная наука.* Важнѣйшее изъ сочиненій Бекона „*Opus majus*“ посвящено главнымъ образомъ разясненію корней знанія, пренебрегаемыхъ, по словамъ его, школьною наукою и невѣдомыхъ школьнымъ ученымъ. Корни эти—грамматика въ смыслѣ языковѣдѣнія, математика и перспектива, наконецъ, экспериментальная наука. Въ третьей части „*Opus majus*“, озаглавленной „О пользѣ грамматики“, Беконъ высказываетъ свои мысли о важности изученія языковъ не

только латинскаго, но и другихъ. „Латиняне (Latini),—говоритъ онъ (32 стр.),—не могутъ достигъ того, что необходимо и въ божественномъ и въ человѣческомъ, если не знаютъ другихъ языковъ кромѣ латинскаго... Весь текстъ священнаго писанія переведенъ съ греческаго и еврейскаго, философія идетъ оттуда же и кромѣ того отъ арабовъ“. Вслѣдствіе неправильности переводовъ Аристотеля, къ которому сводится все школьное философское обученіе, философія изучается въ самомъ искаженномъ видѣ. Въ книгахъ Аристотеля замѣчается, по словамъ Бекона, такое перевираніе (*perversitas*) и такія страшныя трудности, что книгъ этихъ никто понять не можетъ (*nullus potest eos intelligere*). „Еслибы я имѣлъ волю (такъ цитуетъ Джеббъ въ своемъ предисловіи слова Бекона) надъ книгами Аристотеля, я бы ихъ всѣ сжегъ, такъ какъ изученіе ихъ одна потеря времени, источникъ ошибокъ и умноженіе невѣжества“. Подразумѣвается школьное искаженіе Аристотеля, такъ какъ къ подлиннымъ сочиненіямъ греческаго философа Беконъ относится съ великимъ уваженіемъ.

Переводчикъ долженъ знать и языкъ—тотъ, съ котораго переводить, и тотъ, на который дѣлаетъ переводъ—и науку. „Лишь Боецій зналъ языки, лишь Робертъ Большоголовый (*Robertus dictus Grassum Caput*) знаетъ науки. Другіе перевирающіе переводчики (*mendici translatores*) не знаютъ ни науки, ни языковъ“.

Переходя отъ языковъ къ математикѣ, Беконъ жалуется, что, въ послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ ею пренебрегали въ школахъ. „Это небреженіе и разорило все ученіе латининъ (*negligentia... destruxit totum studium Latinorum*). Между тѣмъ безъ знанія математики нельзя знать вещей этого міра ни небесныхъ, ни земныхъ. Относительно небесныхъ—это всѣмъ вѣдомо, ибо имѣются двѣ великія математическія науки: астрологія теоретическая (*speculativa*) и астрологія практическая (*practica*). Первая специально разсматриваетъ все количественное касательно небесныхъ явленій: число небесъ, число звѣздъ, наблюдаемыхъ при помощи инструментовъ; фигуры, широты, высоты, восхожденіе и захожденіе знаковъ зодіака и звѣздъ, движеніе небесъ и свѣтилъ, затменія; и далѣе на землѣ—обитаемая части, климаты, различіе горизонтовъ, длина дней и ночей“.

О практической астрологіи, по понятіямъ Бекона, а также объ отношеніи Бекона къ алхиміи скажемъ въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить объ этихъ вѣшкольныхъ наукахъ, имѣвшихъ такое значеніе въ средніе вѣка.

Что касается практической геометрии, то она обнимает, для Бекона, землемѣрие, инженерное искусство въ обширномъ видѣ и, наконецъ, строеніе машинъ и инструментовъ.

Важность математическихъ наукъ для богословія Беконъ подтверждаетъ тѣмъ, что на нихъ основывается хронологія. Въ XIII вѣкѣ онъ предлагаетъ реформу календаря, совершенную тремя вѣками позже, папою Григоріемъ XIII, въ 1582 году. Удивительный францисканецъ и въ этомъ предупредилъ свой вѣкъ.

„Философію („Op. maj.“, 81) нельзя знать безъ математики; а всѣмъ извѣстно, что теологію нельзя знать безъ философіи. Слѣдовательно, необходимо, чтобы теологи знали математику“.

Пятая часть „Opus majus“ посвящена особой наукѣ—перспективѣ, находящейся въ ближайшей связи съ математикою и которой Беконъ приписывалъ особое значеніе въ смыслѣ приложенія математики къ изученію природы. Беконъ понимаетъ слово перспектива въ смыслѣ несравненно болѣе широкомъ, чѣмъ тотъ, какой терминъ этотъ приобрѣлъ впослѣдствіи. Для него перспектива обнимаетъ собою не только оптику, какъ ученіе о распространеніи лучей свѣта, но и вообще всѣ лучисто-распространяющіяся явленія, и запахи и звуки и всѣ истеченія, дѣйствующія на тѣла, воспринимаемая нервами. Чтеніе перспективы затруднительно для читателя новаго времени, особенно вслѣдствіе употребленія многихъ словъ въ смыслѣ необычномъ нынѣ. Такъ непрерывно встрѣчаются два термина, трудно переводимые и имѣющіе смыслъ, не легко поддающійся опредѣленію. Термины эти—*species* и *multiplicatio*. Что такое *species* Бекона? И лучи свѣта *species*, и распространяющіе запахи, и впечатлѣнія, нервами воспринимаемая—*species*. Это есть, какъ опредѣляетъ Беконъ („Op. maj.“, 270) „первой дѣйствіе какого-либо естественнаго дѣятеля“ (*nomen ad designandum primum effectum cujuslibet agentis naturaliter*). Лучи солнечнаго свѣта въ воздухѣ—суть *species* свѣта, идущаго отъ тѣла солнца (*dicimus lumen solis in aere esse speciem lucis solaris, quae est in corpore suo*). Широкое, въ свою очередь, имѣетъ значеніе терминъ *multiplicatio*, обозначающій вообще распространеніе явленій, имѣющихъ лучистый характеръ. Отраженіе, преломленіе пучковъ лучей есть ихъ *multiplicatio*. Беконъ зналъ увеличительное дѣйствіе выпуклаго стекла, зналъ положеніе фокуса вогнутаго зеркала (которое предшественники его обыкновенно относили къ центру зеркала). Свѣтъ требуетъ, согласно Бекону, времени для своего распростране-

нія. Любопытнѣйшая часть перспективы Бекона есть его ученіе о глазѣ. Описавъ съ подробностью строеніе глаза, онъ слѣдитъ распространеніе лучистаго дѣйствія до мозга, гдѣ сѣдалище ощущеній. Беконъ допускаетъ и матеріальное распространеніе лучей отъ свѣтящагося предмета къ глазу и распространеніе зрительнаго акта отъ глаза къ предмету, близко подходя къ мысли, что второй актъ иной, чѣмъ первый—онъ психическій, какъ бы мы сказали теперь.

Такъ двумя глазами мы видимъ одинъ предметъ. Беконъ объясняетъ это соединеніемъ въ мозгу нервовъ праваго и лѣваго глаза (*species vententes ab oculis concurrunt ad unum locum in nervo communi et una fiet ex eis intensior et plenior quam altera illarum; Op. maj., 207*). Рисующейся на ретинѣ, картинки предметовъ Беконъ не знаетъ, и потому вопросъ о видѣніи предмета въ прямомъ видѣ, хотя картинка рисуется вверхъ ногами, для него не возникалъ. По отношенію къ ученію о зрѣніи, — а также по отношенію къ теоріи радуги — истиннаго продолжателя Бекона мы должны искать лишь черезъ четыре вѣка, въ Декартѣ.

V. *Экспериментальная наука по Бекону.* Начиная шестую часть „*Opus majus*“, озаглавленную „Объ экспериментальной наукѣ“, Беконъ такъ объясняетъ значеніе этой новой, указываемой имъ, науки (стр. 336). „Положивъ корни мудрости латинянъ въ языкахъ и математикѣ съ перспективую, обращаюсь теперь къ корнямъ, лежащимъ въ экспериментальной наукѣ, ибо безъ опыта ничего нельзя знать удовлетворительно. Два есть способа познанія: чрезъ аргументы и чрезъ опытъ. Аргументъ приводитъ къ заключенію и насъ заставляетъ заключать о вопросѣ, но онъ не даетъ удостовѣренія, не устраняетъ сомнѣнія—дабы душа успокоилась въ созерцаніи истины—пока истина эта не будетъ найдена путемъ опыта. Многіе имѣютъ аргументы относительно того, что подлежитъ знанію, но, не имѣя опыта, пренебрегаютъ этими аргументами, не избѣгаютъ вреднаго, не ищутъ благаго. Если человекъ, никогда не видавшій огня, чрезъ слышанные достаточные аргументы узнать, что огонь сжеть, портитъ и разрушаетъ вещи, то духъ его все-таки не успокоится, и онъ не будетъ избѣгать огня, пока не положитъ въ огонь руку или какой горючій предметъ и не убѣдится чрезъ опытъ въ томъ, чему учили аргументы. Но послѣ опыта сожиганія, духъ приобрѣтетъ удостовѣреніе и успокоится въ сіяніи (*in fulgore*) истины. Для сего недостаточно аргументовъ, требуется опытъ. Это ясно и въ математикѣ, гдѣ доказательства имѣютъ на-

и болѣе силы. Имѣющій, безъ опыта, хотя бы наилучшее доказательство теоремы о равнобедренномъ треугольникѣ, все-таки не успокоится и не убѣдится, пока не будетъ сдѣланъ ему опытъ чрезъ пересѣченіе двухъ круговъ и проведеніе отъ него линіи къ концамъ данной линіи. Тогда приметъ доказательство съ полнымъ удовлетвореніемъ. Когда Аристотель говоритъ, что доказательство даетъ знаніе, то понимать нужно: если сопровождается опытомъ, не есть голое доказательство. А когда въ „Метафизикѣ“ именуется знающаго причину и разумъ вещи болѣе мудрымъ, чѣмъ тотъ, кто пользуется только опытомъ, то разумѣеть тѣхъ пользующихся опытомъ, которые познаютъ голую истину, не доходя до причинъ. Я же говорю о тѣхъ, кои путемъ опыта познаютъ разумъ и причину вещей. Таковы совершенны въ мудрости, согласно шестой главѣ „Этики“ Аристотеля; ихъ простымъ утвержденіямъ слѣдуетъ вѣрить, какъ еслибы приводили доказательства,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Кто же въ исканіи истины хочетъ обойтись безъ доказательствъ (то-есть, ограничиться голымъ опытомъ, безъ теоріи), тотъ пускай лучше откажется отъ опыта“.

„Много такого пишутъ авторы—а толпа считаетъ за доказанное—что вымышлено безъ опыта и совершенно ложно. У всѣхъ распространено мнѣніе, будто алмазъ нельзя разломить иначе, какъ помощью козлиной крови (*adamas non potest frangi nisi sanguine hircino*). Богословы, философы повторяютъ это. Но никогда не былъ удосто- вѣренъ такой разломъ помощью крови, а легко можетъ быть произведенъ безъ всякой крови. Я видѣлъ своими глазами. Да это и необходимо, такъ какъ драгоцѣнные камни не могутъ быть обдѣлываемы иначе, какъ помощью кусочковъ алмаза. Подобнымъ образомъ распространено мнѣніе, будто бобровая струя (*castorea*), употребляемая въ медицинѣ, доставляется яичками самца. Но это не такъ, ибо вещество это находится подъ грудью бобра—самца и самки (*castor habet ea sub pectore*), а самецъ яички имѣетъ на своемъ мѣстѣ: и страшный вздоръ, будто бобръ, когда охотникъ преслѣдуетъ его, самъ отгрызаетъ яички, зная, чего отъ него ищутъ. Далѣе, распространено также мнѣніе, будто теплая вода быстрѣе замерзаетъ въ сосудѣ, чѣмъ холодная. При этомъ аргументируютъ, что противное возбуждается противнымъ, подобно встрѣчающимся врагамъ. Но на опытѣ досто- вѣрно, что холодная вода замерзаетъ скорѣе. Мнѣніе приписываютъ Аристотелю. Но онъ—вторая книга „Метафизики“—того не утвер-

ждаеть, а говорить—отсюда и вышло заблужденіе—что если холодной и теплой воды влить въ холодное мѣсто, на примѣръ, поверхъ льда, то теплая скорѣе замерзаетъ; и это вѣрно ¹⁾. Но если въ два сосуда налить, въ одинъ холодной, въ другой теплой воды, то холодная замерзнетъ скорѣе. Такъ во всемъ надо удостовѣряться путемъ опыта“.

„Но два есть рода опытовъ. Одинъ чрезъ виѣшнія чувства. Таковы тѣ опыты, которые производимъ, наблюдая инструментами, къ тому приспособленными, то, что происходитъ въ небѣ. Таковы тѣ, кои дѣлаемъ надъ видимыми земными предметами или о коиъ узнаемъ отъ другихъ ученыхъ, ихъ производившихъ, подобно тому, какъ о томъ свидѣтельствуеть Плиніи въ „Натуральной исторіи“. И такой рядъ опытовъ—человѣческой, философскій. Ихъ производитъ человекъ, на сколько можетъ, въ силу благодати, ему данной. Но такихъ опытовъ человекъ недостаточно, ибо, по трудности своей, они не обо всемъ удостовѣряютъ относительно тѣлесныхъ вещей, а духовныхъ вовсе не касаются. Потому необходимо, чтобы умъ человѣческой получилъ помощь отъ нудѣ. Такимъ образомъ святые патріархи и пророки, первые давшіе науки міру, имѣли внутреннее освѣщеніе, а не оставались при чувствахъ. Также многіе вѣрные и послѣ Христа. Благодать вѣры многое освѣщаетъ, и божественное вдохновеніе дѣйствуетъ не только въ духовныхъ, но и въ тѣлесныхъ вещахъ, и въ философскихъ наукахъ, согласно тому, какъ Птоломей говоритъ (in Sentilogio), что есть два пути достигъ познанія вещей: одинъ чрезъ опытъ философин, другой чрезъ божественное вдохновеніе, что, какъ прибавляетъ, „много выше“.

Беконъ перечисляетъ далѣе семь ступеней внутренняго познанія. Затѣмъ, возвращаясь къ научному опыту, останавливается на примѣрахъ опытныхъ изысканій, какія желательны бы произвести; съ подробностями говорить о радугѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ, подлежащихъ опытному изученію; мечтаетъ о возможности новаго удивительнаго инструмента. Математики,—говоритъ онъ,—дѣлають сферы (astrolabium sphaericum) съ распредѣленіемъ свѣтилъ такъ, какъ они размѣщены на небесной сферѣ. Но не откроеть ли опытъ возможности такой сферы, которая бы отъ физическихъ причинъ двигалась, какъ движется сводъ небесный, слѣдуя суточному движе-

¹⁾ Трудно представить себѣ такой опытъ. Не хочетъ ли Беконъ сказать, что теплая вода, какъ болѣе легкая, похѣтитя выше, и замерзаніе начнется сверху.

нію. Есть, — замѣчаетъ онъ, — растенія, открывающіяся и закрывающіяся, слѣдя движенію солнца. Можетъ быть, найдутся явленія, свершающіяся соотвѣтственно суточному движенію. Такой снарядъ, естественно вращающійся самъ собою, какъ небесная сфера, упразднилъ бы и астрономическіе инструменты, и часы; стоилъ бы цѣлаго царства и далъ бы собою прекраснѣйшее свидѣтельство мудрости.

VI. *Дѣлалъ ли Беконъ самъ опыты?* Возвѣщая новую экспериментальную науку, дѣлалъ ли Рожеръ Беконъ самъ опыты? Условія монашеской жизни, особенно въ долгіе годы преслѣдованія и заключенія, не позволяютъ допустить, чтобы Беконъ могъ предаваться много экспериментальнымъ занятіямъ.

Первыя главы „*Opus tertium*“ упоминаютъ о тѣхъ трудностяхъ, съ коими приходилось бороться Бекону при составленіи своихъ сочиненій и въ своихъ научныхъ занятіяхъ. „Чтобы имѣть деньги для моихъ опытовъ, — говоритъ онъ (16), — я обратился въ мою страну къ брату, который богатъ; но братъ, принявшій сторону короля, долженъ былъ съ матерью, другими братьями и всей семьей бѣжать, былъ не разъ захваченъ врагами, долженъ былъ платить выкупъ, такъ что разоренный не могъ мнѣ помочь. Я до сего дня даже не получалъ отъ него отвѣта“.

„Сколько разъ, — продолжаетъ Беконъ, — былъ ославленъ нечестнымъ, былъ отвергаемъ, обманутъ въ надеждахъ, смущенъ, — и сказать того не могу. Друзья даже мнѣ не вѣрили, такъ какъ не могъ объяснить имъ дѣла. Поэтому этимъ путемъ не могъ дѣйствовать. Въ затруднительномъ положеніи моемъ вынудилъ близкихъ людей, бѣдныхъ (*familiares homines et pauperes*) собрать что-либо, многое продать, иное заложить даже ростовщикамъ. Обѣщалъ, что буду вамъ писать, не разъ бросалъ дѣло и отчаявался“.

Беконъ писалъ это папѣ Клименту IV по поводу порученія папы доставить ему сочиненія философа. Беконъ указываетъ также на затрудненія имѣть въ Парижѣ переписчиковъ, особенно въ его положеніи, когда необходимо скрывать свой трудъ.

Лишь въ немногіе годы жизни могъ Беконъ имѣть средства и удобства для производства наблюдений и опытовъ. Трудно допустить, чтобы онъ когда-либо имѣлъ лабораторію, необходимую для алхимическихъ испытаній. Астрономическія наблюденія, повидимому, были ему болѣе доступны, и ими, во время пребыванія въ Англіи, онъ, вѣроятно, занимался. Изъ оптическихъ описаній Бекона не замѣтно, чтобы оптическія стекла были у него подъ руками: объ увеличительномъ

стеклѣ упоминается, какъ о лежащемъ на увеличиваемомъ предметѣ. Съ оптическими опытами, особенно надъ зеркалами, онъ знакомился, повидимому, у одного богатаго парижанина, занимавшагося опытами, и о которомъ онъ говоритъ съ величайшимъ восторгомъ. Беконъ неоднократно упоминаетъ объ этомъ замѣчательномъ челѣвкѣ, котораго зоветъ магистръ Петръ, „Magister Petrus, dominus experimentatorum“, а въ главѣ XI „Opus tert.“ (35) называетъ Petrus de Maharn-curia Picardus. Онъ одинъ изъ „трехъ латинянъ, знающихъ спекулятивную алхимию“. (Въ противоположность практической алхиміи, занимающейся исключительно практикою приготовления металловъ, красокъ и т. п., спекулятивная преслѣдуетъ научныя цѣли по отношенію къ натуральной философіи и медицинѣ и есть то, что теперь называется химіей). Въ глазахъ Бекона, этотъ магистръ Петръ есть первый осуществитель экспериментальной науки, признаваемой Бекономъ „госпожею всего естествознанія, вѣнцомъ всего научнаго размышленія, идущею не путемъ аргументовъ, какъ чисто умозрительныя науки, и не путемъ ничтожныхъ и несовершенныхъ опытовъ, какъ науки чисто практическія“ („non per argumenta ut scientiae pure speculativae, nec per debiles et imperfectas experientias ut scientiae operativae. Et ideo haec est domina omnium scientiarum precedentium et finis totius speculationis“).

Экспериментальная наука Бекона, какъ видимъ, близко подходитъ къ тому, что мы назвали научнымъ размышленіемъ съ открытыми окнами чувствъ.

Магистръ Петръ не занимается (46) рѣчами и словопреніями, а погруженъ въ научныя изслѣдованія и въ нихъ находитъ удовлетвореніе; „что другіе видятъ въ сумракѣ, для него движется въ сіяніи. Въ скромности своей не довольно оцѣняетъ себя. Еслибы захотѣлъ, его чествовали бы короли и властители; покажи онъ въ Парижѣ все, что извѣстно ему, благодаря его научнымъ изслѣдованіямъ, весь міръ послѣдовалъ бы ему. Но онъ избѣгаетъ почестей и богатства“.

Кто былъ этотъ удивительный учитель Бекона? Къ сожалѣнію, кромѣ отзывовъ Бекона, о немъ ничего не извѣстно. Эмиль Шарль (18) высказываетъ догадку, не есть ли онъ авторъ сочиненія Epistola Petri de Maricourt ad Sygerium de Fontancourt militem de magnetis, находящагося въ рукописи, въ Национальной бібліотекѣ, въ Парижѣ. Нѣкоторыя указываемыя Шарлемъ мѣста рукописи дѣлаютъ это вѣроятнымъ.

Отъ зажигательныхъ зеркалъ Беконъ ждалъ великихъ чудесъ.

Ему представлялось, что ими можно произвести сжиганіе и разрушеніе на какомъ угодно разстояніи. „Такія зеркала стояли бы цѣлаго войска противъ татаръ и сарацинъ. Искусный экспериментаторъ могъ бы такого рода сжиганіемъ уничтожить лагерь и войско непріятельскіе дѣйствіемъ лишь солнечныхъ лучей безъ инаго огня“ (46). Затрудненія Беконъ видитъ лишь въ издержкахъ и трудности приготовления зеркалъ. Магистръ Петръ истратилъ болѣе тысячи марокъ (*plus quam mille marcas*) на приобрѣтеніе подходящаго зеркала и три года трудился, чтобы сдѣлать изъ него зажигательное на извѣстномъ разстояніи. Беконъ надѣется, что скоро придетъ къ концу, съ Божіею помощію. (47).

VII. *Чудеса, какихъ Беконъ ждалъ отъ экспериментальной науки.* Какія вообще будущія чудеса науки предвидѣлъ Беконъ? „Расскажу,—пишетъ онъ (Ер., 532 и слѣд.),—о дивныхъ дѣлахъ природы и искусства, въ коихъ ничего нѣтъ магическаго. Увидимъ, что все могущество магіи ниже этихъ дѣлъ и недостойно ихъ. Можно сдѣлать орудія плаванія, идущія безъ гребцовъ, суда рѣчныя и морскія, плывущія при управленіи однимъ человѣкомъ скорѣе, чѣмъ еслибы наполнены были людьми. Также могутъ быть сдѣланы колесницы безъ коней, движущіяся съ необычайною скоростью... Можно сдѣлать летательные аппараты: человѣкъ, сидящій въ срединѣ аппарата, помощію нѣкоторой машины двигаетъ крыльями на подобіе птицъихъ. А также инструментъ очень малаго размѣра, способный подымать большую тяжесть. Машина въ три пальца вышины и ширины подыметъ человѣка и его спутниковъ, освободитъ изъ темницы, позволитъ подняться и спуститься... Можно сдѣлать аппаратъ, чтобы ходить безопасно подъ водою по дну моря или рѣкъ. Александръ Великій пользовался такимъ, чтобы узнать тайны моря, какъ повѣствуетъ астрономъ Этикъ (*Ethicus narrat astronomus*). Такіе аппараты были въ древности и въ наше время дѣлались, какъ извѣстно. Аппарата для летанія я не видалъ, но зналъ человѣка, который видѣлъ“.

Беконъ говоритъ далѣе объ удивительныхъ зеркалахъ, въ которыхъ „одинъ предметъ можетъ показаться, какъ многіе, и одинъ человѣкъ, какъ цѣлое войско. Могутъ также быть показаны многія солнца и луны“. „Такимъ способомъ,—полагалъ Беконъ,—можно навести страхъ на непріятелей чрезъ умноженіе явленія свѣтилъ или людей (*propter multiplicationem stellarum aut hominum*)“. „Прозрачныя тѣла могутъ быть такъ обдѣланы (*possunt figurari perspicua*), что отдаленные предметы покажутъ приближенными и наоборотъ,

такъ что на невѣроятномъ разстояніи будемъ читать малѣйшія буквы и различать мельчайшія вещи, а также будемъ въ состояніи усматривать звѣзды, какъ пожелаемъ (*stellas faciemus appagere quo velle-mus*). Полагаютъ, что Цезарь, помощью большихъ зеркалъ, съ галльскаго берега могъ усматривать расположеніе лагерей и городовъ Британіи (*Britanniae majoris*). Можно дать такую форму тѣламъ (*possunt sic figurari corpora*), что большое покажется малымъ и, наоборотъ; высокое покажется низкимъ, скрытое станетъ видимымъ. Такимъ способомъ Сократъ усмотрѣлъ между ущелиями горъ дракона, отравляющаго городъ и войско своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Можно такъ оформить прозрачныя тѣла (*possunt figurari perspicua*), что смотрящій увидитъ золото, серебро и драгоцѣнные камни и что угодно; а когда придетъ на мѣсто, гдѣ это кажется, ничего не найдетъ. И такъ, не надо прибѣгать къ магическимъ иллюзіямъ (*utī magicis Illusionibus*), когда силы науки достаточно, чтобы произвести дѣйствія (*potestas philosophiae doceat operiri quod sufficit*)“.

Беконъ говоритъ далѣе о греческомъ огнѣ, способномъ производить опустошительное сожиганіе, и о составѣ, производящемъ взрывъ съ блистаніемъ и трескомъ, подобнымъ грому. Рѣчь идетъ, повидимому, о порохѣ, котораго Беконъ не былъ изобрѣтателемъ, но о которомъ, очевидно, зналъ. Составъ, въ главѣ XI „Посланія“ (551) приведенъ загадочно: „*sal petrae luru vopo vir can utriet sulphuris*“. То-есть: селитра, что-то неизвѣстное (вѣроятно, уголь) и сѣра. „Если знаешь искусство приготовления, произведешь громъ и блескъ (*sic facies tonitruum conuscationem, si scias artificium*)“.

Беконъ указываетъ далѣе на магнитъ. „Кто повѣрилъ бы, что желѣзо притягивается магнитомъ, еслибы не увидѣлъ того своими глазами? Великое чудо природы въ этомъ притяженіи желѣза“. Блаженный Августинъ — замѣтимъ по этому поводу — писалъ, что когда онъ въ первый разъ увидѣлъ притягательное дѣйствіе магнита, то „пришелъ въ ужасъ“ при видѣ такого воочію совершающагося чуда.

Беконъ утверждаетъ, что есть притяженіе къ магниту золота, серебра и вообще металловъ, есть взаимное стремленіе укуса и камня, частей растений и животныхъ.

Большое вниманіе Бекона останавливаетъ вопросъ о продленіи человѣческой жизни. Такое продленіе, — говоритъ онъ, — есть высшая ступень, какой можетъ достигнуть наука. Беконъ приводитъ многочисленныя ссылки, свидѣтельствующія, по убѣжденію его, о возможности сдѣлать жизнь человѣческую значительно болѣе продол-

жительною, чѣмъ нынѣ. Ссылки не взвѣшены критически. Беконъ, какъ о фактѣ, говоритъ о томъ, что въ Британіи, нѣкая „domina de Nemore“, пользуясь какою-то растительною мазью, прожила триста лѣтъ, не испытавъ другаго недуга, кромѣ слабости ногъ (539).

Въ заключеніе указаній на осуществленныя и ожидаемыя чудеса науки, Беконъ высказываетъ, что не надо всѣмъ открывать секреты природы; ссылается на Геллія въ его „Аттическихъ ночахъ“ (Gellius in Libro Noctium Atticarum), выразившагося, что „глупо давать ослу салатъ, когда съ него довольно волчца“. Толпа заблуждается, когда осмѣиваетъ мудрыхъ. Потому ученые облачаютъ свои секреты въ темныя рѣчи, Беконъ прибавляетъ, что и самъ иногда прибѣгаетъ къ этому способу, вслѣдствіе важности предлагаемыхъ тайнъ.

VIII. *Беконъ противникъ магіи.* Беконъ былъ рѣшительнымъ противникомъ магіи. Указаніямъ на ничтожество магіи посвящена значительная часть его „Посланія о тайныхъ дѣйствіяхъ искусства и природы“ („Epistola de secretis operibus artis et naturae et de nullitate magiae“, въ приложеніи къ англійскому изданію 1859 года „Op. tert.“ и пр.). „Быть могущественною и удивительною (Ер., 523) причествуешь природѣ, но и искусство, пользующееся природою, какъ орудіемъ, еще могущественнѣе природныхъ силъ, какъ видимъ во многомъ. Все, что свершается внѣ дѣйствій природы и искусства—или не есть человѣческое, или есть выдумка и обманъ (quidquid autem est praeter operationem naturae vel artis aut non est humanum aut est fictum et fraudibus occupatum). Не мало есть предлагающихъ людямъ разныя чудеса, никакой истинности не имѣющихъ—производя иллюзіи (apparentia fingentes) помощью быстрого движенія членовъ, разнообразія голосовъ, тонкости инструментовъ, темноты, помощью, наконецъ, внушенія (consensus). Міръ, какъ вѣдомо, наполненъ такими. Чего не продѣлываютъ забавники (joculatores) быстротою рукъ, а чревоушители (Phytonissae), показывая видъ, будто производятъ разные звуки въ животѣ, пищенпріемникъ (in ventre et gutture), во рту, по произволу образуя человѣческія голоса, вдали или вблизи, какъ будто духи говорятъ съ человѣкомъ—или подражая крикамъ дикихъ животныхъ. Когда на зарѣ утренней или вечерней неодушевленные вещи показываются быстро движущимися—это фальшь и обманъ, а не истина. Люди чрезъ внушеніе могутъ что угодно вообразить, когда взаимно себя къ тому располагаютъ (consensus vero omnia fingit quae volunt homines prout ad invicem disponunt)“. Замѣчательныя слова, идущія изъ мрака XIII вѣка! Мы перевели слово

consensus „внушеніе“, такъ какъ оно, кажется намъ, соответствуетъ кругу явленій, о которомъ говоритъ Беконъ... „Во всемъ этомъ нѣтъ ни философскихъ соображеній, ни искусства или могущества природы. А еще худшее занятіе, когда люди, вопреки всѣхъ законовъ философіи и вопреки разуму, вызываютъ злыхъ духовъ (*contra leges philosophiae et contra omnem rationem*), чтобы чрезъ нихъ исполнить свои желанія. Но тутъ ошибаются, думая, что духи имъ подчиняются и можно духовъ принудить человѣческою волею. Это невозможно, ибо могущество человѣка много ниже могущества духовъ. Люди эти крайше ошибаются, полагая, что могутъ чрезъ нѣкоторыя натуральныя вещи призывать или прогонять духовъ и рассчитываютъ призываніями, прошеніями и жертвами умиловить духовъ и привлечь ихъ на пользу смертныхъ. Безъ сравненія легче было бы молить Бога и добрыхъ духовъ о томъ, что полезно человѣку... Что касается заклинаній, заговоровъ и тому подобнаго (*quid de carminibus et hujusmodi aliis sit tenendum*), то, безъ сомнѣнія, все это ложно и сомнительно. Не мало есть представляющагося непостижимымъ, что найдено философами въ дѣйствіяхъ природы и искусства и что скрыто отъ недостойныхъ. Еслибы предъ незнающими того, что магнитъ притягиваетъ желѣзо, произнести, прежде чѣмъ сдѣлать опытъ, заклинанія и заговоры, то они никакъ не приписали бы явленіе естественному притяженію... Когда толкуютъ, будто Соломонъ и другіе мудрые написали то или другое, то не слѣдуетъ этому вѣрить. Приписываемыя имъ книги не признаны авторитетомъ церкви и учеными людьми; а утверждаютъ это смутьяны, желающіе обманывать людей“.

Интересно, что въ области медицины Беконъ признавалъ пользу заклинаній, заговоровъ, но въ смыслѣ психическаго воздѣйствія на больного. „Не потому, чтобы эти заклинанія и заговоры (*characteres et carmina*) могли сами по себѣ что-нибудь сдѣлать, но затѣмъ, чтобы лѣкарство принималось больными съ большимъ довѣріемъ и охотою (*devotius et avidius*), возбуждался духъ пациента: онъ вѣрилъ бы и надѣялся. Возбужденный духъ многое можетъ обновить въ тѣлѣ, и оно чрезъ радость и довѣріе можетъ отъ недуга перейти къ выздоровленію“. При этомъ Беконъ ссылается на какого-то медика Константина.

Все, что Беконъ говоритъ о магіи, представляетъ собою замѣчательный протестъ здраваго смысла и свободнаго ума (какъ, впрочемъ, все, въ чемъ Беконъ выступаетъ, какъ противникъ и обличитель) противъ заблужденій вѣка, да и его ли только вѣка!

Но и Беконъ былъ сынъ своего вѣка. Онъ вѣрилъ въ астрологию и считалъ ее одною изъ важнѣйшихъ наукъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ, что истолкованіе звѣздныхъ указаній и знаменій есть дѣло трудное. Потому множество ошибокъ бываетъ, по словамъ его, въ этой области, и лишь немногіе могутъ разобраться въ этихъ указаніяхъ съ пользою и вѣрностью (*pauci sunt qui aliquid utiliter et vagaciter sciunt ordinari*).

Отдавая дань своему времени, Беконъ признавалъ достовѣрность множества явленій, занесенныхъ потомъ, при свѣтѣ научной критики, въ длинный рядъ человѣческихъ заблужденій или оставленныхъ въ разрядъ явленій проблематическихъ. Но и принимая явленія такого рода, Беконъ тщательно устранялъ отъ объясненія ихъ все сверхъестественное и чудесное, и искалъ естественныхъ причинъ. Такъ для объясненія многихъ изъ такихъ явленій онъ допускалъ, что изъ растений, животныхъ и изъ человѣка выходятъ постоянно тонкія истеченія, способныя, кромѣ явленій запаха, производить различныя дѣйствія. Такими истеченіями для Бекона объясняется смертоносное дѣйствіе взгляда василиска, опыленіе женскихъ пальмъ чрезъ запахъ мужскихъ, оплодотвореніе кобылицы въ нѣкоторыхъ странахъ чрезъ запахъ жеребцовъ (*palmarum faeminearum fructus maturescere per odorem masculinarum et equae impreguantur in aliquibus regionibus per odorem equorum*). „Человѣкъ дурной комплекціи, страдающій заразительнымъ недугомъ: проказой, падучею болѣзнію, острой лихорадкой и т. п., заражаетъ окружающихъ. И, наоборотъ, люди хорошаго сложенія, особенно юноши, придаютъ крѣпость другимъ, и люди радуются ихъ присутствію. И все это отъ свѣжаго дыханія и здоровыхъ испареній, естественной теплоты и истеченій, выходящихъ изъ нихъ, какъ учитъ Галенъ. Зло увеличивается, если при слабости тѣла и душа испорчена великими и многими грѣхами: тогда и мысль и желаніе повредить бывають сильнѣе. Ибо тогда тѣло съ его недугомъ повинуется мыслямъ и желаніямъ души. Шелудивый (*leprosus*), сильно желающій повредить кому-либо изъ окружающихъ его, скорѣе и сильнѣе повредитъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда не имѣетъ такого желанія и не думаетъ о томъ... Многое можетъ быть произведено словами и дѣйствіями. Слова исходятъ изнутри, вслѣдствіе мысли и желаній души, — помощью движенія тонкой матеріи (*spirituum*) и внутренняго тепла, чрезъ голосовой каналъ. Они имѣють открытые пути для своего рожденія; чрезъ пути эти совершается истеченіе тонкой матеріи, теплоты, испареній, а также силъ и проявленій души и

сердца (*virtutum et specierum, quae possunt fieri ab anima et a corde*).

IX. *Отношеніе Бекона къ религіи.* Поучительно прослѣдить отношеніе Бекона къ религіи и священному писанію. Беконъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ и вѣрнымъ сыномъ католической церкви. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкомъ науки и свободной мысли даже въ области религіозныхъ вопросовъ. Ни мнѣніе толпы — хотя бы толпа состояла изъ милліоновъ, — ни указанія авторитета для него не имѣли силы, если не проверены разумомъ. И однако въ этомъ гордомъ духѣ между разумомъ и вѣрою не было никакого противорѣчія. Это не было примиреніемъ вѣры и разума, какъ въ умахъ позднѣйшаго времени; это было состояніе, предшествовавшее раздѣлсію вѣры и разума. Нечего было примирять то, что было въ полномъ еще согласіи. Для Бекона все содержаніе божественнаго откровенія, какъ оно повѣдано человѣку въ священномъ писаніи, такая же фактическая истина, не подлежащая сомнѣнію, какъ существованіе земной почвы, по которой мы ходимъ, воздуха, въ которомъ движемся, луны, которую видимъ. Двухъ истинъ нѣтъ: истина одна и различеніе истины по разуму отъ истины по откровенію приводило Бекона въ негодованіе. *Mentuntur tanquam vilissimi heretici*, лгутъ какъ мерзвѣйшіе еретики, говорилъ онъ о проводившихъ такое ученіе. Міръ откровенія есть также міръ природы, но природы высшей, столь же естественный, какъ и окружающій насъ міръ. По свойствамъ его ума — яснаго и бодрого — Бекону были далеки понятія сверхъестественнаго и сверхъчувственнаго. Если существо высшее, чѣмъ человѣкъ, производитъ дѣйствіе, которое человѣкъ, какъ существо низшее, произвести не можетъ, то это такъ же естественно, какъ полетъ птицы и паденіе камня.

Философія, наука, мудрость древнихъ, ихъ создавшая, не только не противны откровенной религіи, но сами суть дѣло высшаго откровенія.

„Разумъ („*Op. tert.*“, 10) есть путеводитель (*praevia*) правой воли и направляетъ ее ко спасенію. Чтобы творить добро, надо его знать; чтобы избѣгать зла, надо его различать. Пока длится невѣжество, человѣкъ не находитъ средствъ противъ зла; человѣкъ, окруженный тьмою, впадаетъ въ зло (*in peccatum*), какъ свинной борозь. Нѣтъ опасности большей невѣжества. Знающій истину, если иногда и небрежетъ долгомъ, имѣетъ прибѣжище въ совѣсти, побуждающей его скорбѣть о случавшемся и остерегаться въ будущемъ. Нѣтъ ничего

достоинѣе изученія мудрости, прогоняющей мракъ невѣжества. Всего міра польза зависить отъ этого изученія. Каковъ человекъ въ изученіи мудрости, таковъ и въ жизни“.

„Невѣрные отвергаютъ авторитетъ Христа, евангелій и святыхъ. Потому нельзя обратить ихъ этими средствами. Дѣлать чудеса нынѣ, полагаю, никто не претендуетъ. Остается одинъ путь—могущество философіи, относительно которой и мы и они согласны, ибо они не могутъ отрицать началъ человѣческой мудрости и отвергать авторитетъ великихъ философовъ. Этимъ оружіемъ должны мы побѣждать ихъ и склонять къ истинамъ вѣры“ (Цитата у Э. Шарля, стр. 349; Ср. „Op. maj.“, 31). Замѣчательно, что ту же мысль чрезъ четыре столѣтія высказалъ Декартъ, не знавшій, конечно, рукописей Бекона. „Тогда какъ для насъ, христіанъ, достаточно вѣры, чтобы быть убѣжденными, что есть Богъ и душа не умираетъ съ тѣломъ,—невѣрныхъ нельзя, конечно, убѣдить ни въ истинахъ религіи, ни даже въ какой-либо нравственной доблести, если прежде всего не докажемъ имъ этихъ вещей помощію естественнаго разума... Что касается аргументовъ, заимствованныхъ изъ Писанія, ихъ нельзя предлагать невѣрнымъ; они могли бы вообразить, что мы тутъ дѣлаемъ логическую ошибку, именуемую кругомъ“. („Посвященіе“ къ „Размышленіямъ“).

Вся мудрость древности для Бекона имѣетъ, хотя и не прямо, тотъ же источникъ, какъ и откровенное ученіе. Начиная вторую часть „Opus majus“, Беконъ говоритъ: „въ ней покажу, что одна есть совершенная мудрость и она заключается въ Священномъ Писаніи. Отъ ея корней исходитъ вся истина. И одна есть наука, господствующая надъ другими—теологія. Но для теологіи другія науки необходимы: безъ нихъ она не можетъ возымѣть дѣйствія. Добродѣтель въ ея обладаніи; другія науки подчиняются ея мановенію и власти. Одна есть совершенная мудрость; она въ писаніи, долженствующемъ быть истолкованнымъ чрезъ церковное право и философію. Чрезъ эти науки получается истолкованіе божественной истины. Съ ними она вся какъ на ладони; безъ нихъ все собираетъ въ кулакъ. Мудрость дана единымъ Богомъ, единому міру для единаго конца... Путь спасенія одинъ, хотя много ступеней, а мудрость есть путь спасенія. Всякое соображеніе внѣ этого пути исполнено слѣпоты и ведетъ къ мраку и аду. Оттого многіе славные мудрецы осуждены, ибо истинной мудрости не имѣли, а кажущуюся и ложную; мни себя мудрыми, сдѣлались глупыми по писанію“.

Беконъ происхожденіе всей древней мудрости ведетъ отъ патри-

арховъ и пророковъ, получившихъ все отъ божественнаго откровенія. Отъ Бога и то освѣщеніе, какое доставляется естественнымъ разумомъ. „Сила философіи дана Богомъ („*Op. maj.*“, 23) тѣмъ же, кому и Священное Писаніе, а именно святымъ отъ начала, да явится единая мудрость, полная и всеѣмъ необходимая. Патріархи и пророки были истинными философами, кои все знали и не только законъ Божій, но и все части философіи. Изъ писанія знаешь, что Іосифъ училъ начальниковъ Фараона и старцевъ египетскихъ. Моисей былъ искусенъ во всей египетской мудрости... Медицина необходима людямъ болѣе многихъ другихъ наукъ: несомнѣнно, что ее изобрѣли дѣти Ады и Ноя. Имъ дана была полнота мудрости и чрезъ нее столь долгая жизнь“.

Разнообразнымъ путемъ историческаго преемства сокровища древней мудрости перешли къ философамъ древности. Мысль, что мудрость древнихъ имѣетъ своимъ источникомъ Священное Писаніе и преданіе, идущее отъ патріарховъ и пророковъ, была довольно распространена въ средніе вѣка. Но у Бекона есть важная особенность. Для него, независимо отъ предполагаемаго историческаго преемства, которое онъ слѣдитъ съ большою по своему времени учюстью, естественный свѣтъ разума самъ по себѣ имѣетъ божественное происхожденіе. Для раскрытія истины требуется божественный свѣтъ (*lux divina*), „освѣщающій каждаго человѣка, грядущаго въ міръ (*illuminent enim omnes homines venientem in hunc mundum*). Философская мудрость приводится къ божественной мудрости. Богъ освѣщаетъ умъ къ познанію истины и открываетъ намъ ее. Аристотель (*in libro segetorum*) явно утверждаетъ, что вся философія дана и открыта Богомъ. Одинъ изъ величайшихъ философовъ, Туллій Цицеронъ, въ тускуланскихъ вопросахъ спрашиваетъ: что есть философія, какъ не даръ Богомъ изобрѣтенный? (*Philosophia quid est nisi donum, ut esse credo, inventum Dei?*“ („*Op. maj.*“, 21).

Беконъ разъясняетъ, почему церковь бывала противъ философіи. „До пришествія Спасителя философія давала законы, за исключеніемъ народа еврейскаго. Законы эти давались въ предѣлахъ силъ разума... Водители міра (*principes mundi*) не хотѣли принять закона Христова, который былъ выше человѣческаго разума, и направлялись согласно указаніямъ философовъ. Философія потому препятствовала успѣху вѣры... Философы хотѣли состязаться съ проповѣдниками вѣры въ знаніи и чудесахъ... И не безъ совѣта философовъ властители выдавали законы для преслѣдованія и смертнаго осужденія вѣрующихъ“.

Потому философія не только пренебрегалась, но и преслѣдовалась церковью, нерѣдко смѣшивалась съ магіей. Но такая борьба могла быть только временною и должна отойти въ прошедшее. Пренебреженіе мудрости и науки древнихъ ведетъ къ невѣжеству.

„Мы, христіане („*Op. maj.*“, 28), должны пользоваться философіею въ священномъ, а въ философскомъ многое принимать отъ богословія, да сдѣлается видимымъ, что истина сіяетъ и здѣсь и тамъ“. Особенно высоко ставилъ Беконъ нравственныя ученія и примѣры древнихъ философовъ. „Философы (стр. 29) были преданы истинѣ и добродѣтели; презирали богатства, удовольствія и почести, стремясь къ будущему блаженству, на сколько позволяла человѣческая хрупкость. И являлись побѣдителями человѣческой природы, какъ Іеронимъ пишетъ о Діогенѣ. Не удивительно, что Богъ, просвѣтивъ ихъ въ этомъ маломъ, далъ имъ свѣтъ великихъ истинъ. И не для нихъ главнымъ образомъ, а для насъ; да подготовятъ міръ убѣжденіями своими къ принятію вѣры“.

Взглядъ Бекона на отношеніе Священнаго Писанія къ естествознанію ясно высказывается въ томъ, что говоритъ онъ о радугѣ, во второй части „*Opus majus*“ (22). Замѣтитъ, что „ходъ (*decursus*) всей философіи состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ познаніе творенія познать Творца“, и упомянувъ о затрудненіяхъ, какія встрѣтили Аристотель и Авиценна при объясненіи радуги, Беконъ говоритъ: „но конечная причина радуги есть разсѣяніе водяной влаги (*dissipatio humilitatis aquae*), какъ то явствуетъ изъ книги Бытія. Потому при явленіи радуги всегда бываетъ разрѣшеніе облаковъ въ безчисленныя капельки (*resolutio in stillicidia infinita*), такъ что водяная влажность потребляется и въ воздухѣ, и въ морѣ, и на землѣ. Но потребленіе воды при радугѣ можетъ происходить не иначе, какъ чрезъ лучи солнца. Чрезъ разныя отраженія и преломленія собирается (*congegantur*) множество лучей, и ихъ собраніе есть причина разрѣшенія и потребленія воды. И такимъ образомъ радуга рождается чрезъ многократныя отраженія. Ибо лучи не могутъ собираться иначе, какъ чрезъ преломленіе и отраженіе: это покажемъ ниже. А изъ писанія, гдѣ сказано: „положу радугу въ облакахъ, да не будетъ болѣе потона на землѣ“, явствуетъ конечная причина радуги. Отсюда можно прослѣдить ближайшую, дѣйствующую причину (*causa efficiens*) радуги и образъ ея рожденія. Это не было достаточно извѣстно философамъ, какъ то явствуетъ изъ ихъ книгъ. Такъ и относительно всего сотвореннаго. Невозможно, чтобы человѣкъ — если только не будетъ къ

тому особо просвѣщенъ Богомъ—постигъ конечную истину творенія (*veritatem creaturae ultimam*), каковая находится въ писаніи. Тамъ твореніе берется по отношенію къ истинамъ благодати и славы, коихъ философы не знали и не могли потому овладѣть полнотою мудрости, какъ она заключается въ нѣдрахъ Писанія. Тамъ лежитъ вся философія (*tota philosophia jacet*) въ словесномъ выраженіи (*in sensu literali*), украшенномъ святыми тайнами благодати и славы, какъ нѣкими благороднѣйшими живописаніями и красками*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Средневѣковая наука внѣ школы: астрологія, алхимія, магія.

I. Внѣ области школьной науки три отрасли знанія и заблужденій, именуемыя тайными науками, имѣли огромное значеніе въ средневѣковой жизни: астрологія, алхимія и магія. Церковь и школа отвергали тайныя знанія, на сколько усматривали въ нихъ связь съ духомъ тьмы и зла. Суевѣріе толпы, шарлатанство мнимыхъ обладателей тайныхъ знаній, пылливость смѣлыхъ умовъ, направленная не на то, чтобы изучать естественныя явленія и силы въ природѣ, а на то, чтобы овладѣть сверхъестественными средствами покорять природу—вѣра въ которыя была всеобщее—мугущественно влекли людей къ запретной области тайныхъ знаній. Научное значеніе знаній этого рода не отрицалось и ихъ противниками: осуждалось при мѣненіе.

Астрологія.

II. *Происхожденіе астрологіи.* Какимъ путемъ сложились знанія, приведшія къ астрологическому искусству? Какое происхожденіе астрологіи? Безъ сомнѣнія, наблюденіе зависимости дня, ночи и временъ года отъ періодическаго дѣйствія солнечныхъ лучей, связанное съ видимымъ движеніемъ этихъ свѣтилъ, могло породить и укрѣплять мысль о дѣйствіи вообще небесныхъ свѣтилъ на земныя явленія, а знакомство съ дѣйствительными или мнимыми примѣтами атмосферныхъ переменъ могло вести къ мысли искать предсказанія будущихъ явленій,—связанныхъ съ благосостояніемъ человѣка,—въ знаменіяхъ неба, какъ въ звѣздахъ, такъ и въ облачной ея сферѣ, рѣзко еще не различавшихся между собою. Но было бы ошибочно думать, что астрологія сложилась такимъ путемъ чрезъ соображенія болѣе или ме-

нѣе научнаго характера. Еще менѣе можно думать, вмѣстѣ съ Діодоромъ Сицилійскимъ, что наблюденія небесныхъ свѣтилъ въ теченіе громаднаго ряда вѣковъ могло доставить данныя для эмпирическихъ примѣтъ, предвѣщающихъ событія не въ атмосферномъ только кругѣ, но и въ жизни отдѣльныхъ людей и обществъ. Въ тѣсной области ученія о погодѣ и тамъ миллионы накопленныхъ наблюденіями цифръ донныѣ не привели къ какимъ-либо дѣйствительно серьезнымъ результатамъ. Что же могли бы сдѣлать даже безчисленные ряды наблюденій для открытія связи—еслибы связь эта дѣйствительно была причинною,—между явленіями небснаго круга и событіями жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, для статистики которыхъ не хватило бы средствъ и силъ египетскихъ жрецовъ и вавилонскихъ халдеевъ.

Происхожденіе астрологіи связано съ происхожденіемъ гаданій и предсказаній вообще. Такъ Цицеронъ и разсматриваетъ ее въ своемъ трактатѣ. Онъ различаетъ (I, гл. 18) два рода гаданія и предвѣдѣнія: одинъ искусственный, *artificialis*—какъ онъ его называетъ, а другой естественный, основанный на явленіяхъ, обнаруживающихся въ самомъ человѣкѣ и дающихъ, при надлежащемъ истолкованіи, предсказанія будущаго независимо отъ сознанія и воли этого человѣка. Къ первому роду относятся предсказанія на основаніи полета птицъ, изученія внутренностей жертвенныхъ животныхъ, наблюденія грома и молніи, наконецъ, наблюденія свѣтилъ—собственно астрологія. Ко второму разряду (II, гл. 48) относятся сны и прорицанія (*vaticinationes*) въ возбужденномъ духовномъ состояніи—вѣщанія Пнеи, оракуловъ.

Вѣрованіе въ возможность предсказанія будущаго имѣеть, съ колыбели человѣчества, источникъ въ допущеніи, сознаваемомъ болѣе или менѣе ясно, что будущее предназначено: міръ не есть игра случайностей, а управляется. Начало, которое предопредѣляетъ будущее, представлялось людямъ отчасти въ образѣ судьбы съ ея неотразимыми предопредѣленіями; отчасти въ образѣ божественныхъ силъ, сознательно направляющихъ событія, склонимыхъ къ молбѣ и аргументамъ. Книга судебъ написана, а въ томъ, что подлежитъ измѣненію—постоянно пишется. Начертаніе ея присутствуетъ и является въ природѣ въ знакахъ и символахъ, которые надо умѣть прочесть. Отчасти они отмѣчены въ предметахъ и явленіяхъ силами природы; отчасти приносятся въ снахъ, вызываются въ прорицаніяхъ. Черезъ ихъ истолкованія вѣрящій въ неотразимость судьбы думалъ узнать ея предопредѣленія; усматривавшій вмѣшательство боговъ—

ихъ намѣренія и вѣдѣнія; надѣявшійся на провидѣніе, въ смыслѣ разумнаго и благаго направленія событій—его извѣщенія. Всегда являлись истолкователи. Толпа считала ихъ обладателями тайны. Сами они руководились прісмами, переданными по преданію и перѣдко намѣренно преувеличивали свои знанія. Чтеніе знаковъ и символовъ, представляемыхъ явленіями небеснаго и воздушнаго круга, вліяющаго на все свершающееся на землѣ, представлялось наиболѣе богатымъ указаніями. Явилась астрологія какъ искусство такого чтенія.

III. *Астрологія въ древности.* Начало астрологіи идетъ изъ глубочайшей древности. Писатели греческіе, римскіе говорятъ о ней, какъ о знаніи древнѣйшаго происхожденія, выводя ее изъ Египта и Вавилона. Цицеронъ въ своемъ превосходномъ трактатѣ „О предугадываніи“ (*De divinatione*“; I, cap. 1) говоритъ такъ: „Восходя къ древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, видимъ, что прежде всего ассиріане, благодаря ихъ широко раскинутымъ равнинамъ, открывавшимъ во всѣ стороны зрѣлище неба, наблюдали пути и движенія звѣздъ, отмѣчали и сохраняли на память потомства то, что ими знаменовалось (*quid cuique significaretur temporiae prodiderunt*). Среди народа этого халдеи, такъ наименованные не по искусству и занятіямъ ихъ, а по происхожденію (*non ex artis sed ex gentis vocabulo nominati*), ежедневными наблюденіями звѣздъ достигли такого знанія, что могли предсказывать, что съ кѣмъ случится и подъ какою судьбою кто родился. Думаютъ также, что подобнаго знанія достигли и египтяне чрезъ наблюденія въ теченіе неисчислимыхъ вѣковъ“.

„Быть можетъ,—говоритъ въ свою очередь Діодоръ Сицилійскій (греческій историкъ, современникъ эпохѣ императора Августа: „Историческая бібліотека“ I, глава 81),—нѣтъ страны, гдѣ расположеніе и движеніе звѣздъ были бы наблюдаемы съ такою точностью, какъ въ Египтѣ. Здѣсь на протяженіи невѣроятнаго числа лѣтъ сохраняются таблицы, въ которыхъ записаны эти наблюденія. Въ нихъ находятся свѣдѣнія о движеніи планетъ, ихъ стояніяхъ и возвращеніяхъ, о соотношеніи каждой планеты съ рожденіемъ животныхъ, о звѣздахъ благополучныхъ и неблагополучныхъ. Предсказывая людямъ будущее, астрологи часто попадали вѣрно. Предсказываютъ также урожаи и недороды, повальные болѣзни и болѣзни скота. На основаніи наблюденій, сдѣланныхъ въ теченіе продолжительнаго времени, они предугадываютъ землетрясенія, наводненія, появленіе кометъ и другія явленія, предвидѣть которыя считается невозможнымъ для обыкновенныхъ людей. Полагаютъ даже, что вавилонскіе халдеи были

колоніей египтянъ и получили свои знанія отъ египетскихъ жрецовъ“.

О халдеяхъ Діодоръ Сицилійскій въ другомъ мѣстѣ (II, гл.) сообщаетъ такія свѣдѣнія. „Халдеи древнѣйшіе изъ вавилонянъ. Они образуютъ въ государствѣ классъ, подобный жрецамъ въ Египтѣ. Определенные на служеніе богамъ, халдеи проводятъ жизнь въ размышленіяхъ о философскихъ вопросахъ и приобрѣли великую славу по части астрологіи. Въ особенности занимаются они наукою предвѣдѣнія и дѣлаютъ предсказанія о будущемъ. Помощью очищеній, жертвоприношеній, заклятій стараются отклонять грозящее зло, направляютъ къ благополучному исходу. Искусны угадывать будущее по полету птицъ, истолковывать сны и чудесныя знаменія; опытны въ наблюденіяхъ внутренностей жертвенныхъ животныхъ и узнаютъ правду. Но всѣ знанія эти преподаются у нихъ не такъ, какъ у грековъ. Философія халдеевъ есть семейное преданіе. Сынъ наследуетъ отцу, освобождается отъ всякихъ общественныхъ обязанностей. Имѣть родителей учителями имъ выгодно въ двойномъ отношеніи: знаніе передается имъ безъ всякаго сокрытія и слова учителя внушаютъ къ себѣ болѣе довѣрія, чѣмъ еслибы онъ былъ посторонній. Съ дѣтства привыкши къ ученію, они дѣлаютъ большіе успѣхи въ астрологіи, какъ по причинѣ легкости, съ какою дается ученіе въ юные годы, такъ и потому, что ученіе это продолжается значительное время. У грековъ, напротивъ, въ научную область входятъ безъ предварительной подготовки, поздно приступаютъ къ изученію философіи и, поработавъ нѣкоторое время, оставляютъ ее, чтобы въ другомъ родѣ занятій найти средства существованія. А что касается малаго числа вполне предающихся изученію философіи и занимающихся преподаваніемъ, чтобы добывать хлѣбъ, то они стараются строить новыя системы, чтобы не слѣдовать ученіямъ предшественниковъ. Халдеи, пребывая постоянно на той же ступени знанія, принимаютъ преданія безъ измѣненій; тогда какъ греки, думая лишь о выгодѣ, создаютъ новыя секты, противорѣчатъ одни другимъ въ наиболѣе важныхъ вопросахъ и вносятъ смуту въ умы учениковъ, которые, колеблемые постоянными сомнѣніями, кончаютъ тѣмъ, что ничему не вѣрятъ. Дѣйствительно, если кто захочетъ поближе присмотрѣться къ наиболѣе славнымъ сектамъ нашихъ философовъ, тотъ можетъ убѣдиться, что секты эти не согласимы между собою и исповѣдуютъ противорѣчащія между собою мнѣнія по самымъ существеннымъ пунктамъ науки“.

„Халдеи (II, гл. 30) учатъ, что міръ вѣченъ, не имѣетъ начала, не будетъ имѣть и конца. По ихъ философіи строй и расположеніе матеріи опредѣляется божественнымъ провидѣніемъ. Наблюдаемое въ небѣ не есть дѣло случая; все свершается по неизмѣнной высшей волѣ боговъ; наблюдая звѣзды съ отдаленнѣйшихъ временъ, они точно знаютъ ихъ бѣгъ и вліяніе на людей и предугадываютъ будущее. Важнѣйшая часть ученія касается движенія пяти звѣздъ, которыя мы зовемъ планетами, а они называютъ истолкователями. Между этими звѣздами важнѣйшею и вліятельнѣйшею почитаютъ они ту, которой греки дали имя Кроноса (Сатурнъ) и которая у халдеевъ извѣстна подъ именемъ Гела (Helus). Другія планеты зовутся какъ у нашихъ астрономовъ (Марсъ, Венера, Меркурій и Юпитеръ). Халдеи называютъ планеты истолкователями, потому что онѣ, имѣя собственное движеніе,—какого не имѣютъ другія звѣзды, сохраняющія неизмѣнныя положенія въ общемъ правильномъ движеніи,—предвѣщаютъ будущія событія и истолковываютъ людямъ благія намѣренія божествъ. Искусные наблюдатели, говорятъ они, умѣютъ извлекать предсказанія изъ наблюденій восхода, заката, цвѣта этихъ звѣздъ; предугадываютъ бури, дожди, грозы. Положеніе кометъ, солнечныя и лунныя затменія, трясенія земли, перемѣны въ атмосферѣ суть знаменія благополучія и бѣдъ для странъ и народовъ, царей и частныхъ лицъ. Ниже бѣга пяти планетъ помѣщены, продолжаютъ халдеи, тридцать звѣздъ, именуемыхъ божественными совѣтниками. Одна ихъ половина глядитъ на поверхность земли, другая на мѣста, которыя подъ землею. Совѣтники наблюдаютъ за разъ и то, что происходитъ между людьми и что совершается въ небѣ. Каждый десять дней одинъ изъ нихъ посылается какъ вѣстникъ звѣздъ изъ верхнихъ областей въ нижній, тогда какъ другой изъ нихъ восходитъ въ верхнія. Между божественными совѣтниками двѣнадцать пождей, изъ коихъ каждый правитъ однимъ мѣсяцемъ года и однимъ изъ двѣнадцати знаковъ зодіака. Солнце, луна, пять планетъ проходятъ чрезъ эти знаки... Луна движется ниже всѣхъ другихъ звѣздъ; она ближайшая къ землѣ по причинѣ своей тяжести, свершаетъ обращеніе въ наиболѣе короткій срокъ, не по скорости движенія, а потому, что описываемый ею кругъ очень малъ. Свѣтъ луны заимствованный, и затменія ея происходятъ отъ тѣни земли, какъ учатъ и греки. Что касается затменій солнца, то для нихъ халдеи даютъ очень неопредѣленные объясненія. Не осмѣливаются ни предсказывать ихъ, ни опредѣлять ихъ эпохи. О землѣ имѣютъ совѣтъ осо-

быя представленія. Утверждаютъ, что она имѣеть форму чаши или челнока и приводятъ многія вѣскія доказательства, какъ во всемъ, что говорятъ о вселенной“. Халдеи, по словамъ Діодора Сицилійскаго, считаютъ отъ первыхъ астрономическихъ наблюденій до эпохи вторженія Александра Македонскаго 473 тысячи лѣтъ.

Халдеи играли не малую роль въ Римѣ въ первые вѣка нашей эры. Тацитъ нерѣдко упоминаетъ о нихъ въ „Анналахъ“. Тиверій издавъ эдиктъ, изгонявшій изъ Итали маговъ и математиковъ. Были строгости при Вителіи и Клавдіи, хотя и не достигали цѣли. „Этотъ родъ людей, возбуждающій обманчивыя надежды, всѣми изгоняется и всѣми ищется“. „Genus hominum petentibus infidum, sperantibus fallax quod in civitate nostra et vetabitur semper et retinebitur“. (Histor. I, 22).

„Когда Тиверій совѣтывался съ халдеями,—пишетъ Тацитъ (Ann. VI, 21, 21),—онъ помѣщался въ верхней части двора, имѣя при себѣ единственнымъ свидѣтелемъ отпущенника невѣжественнаго, но крѣпкаго тѣломъ. Отпущенникъ по труднымъ тропинкамъ, граничившимъ съ пропастью, приводилъ къ Тиверію человѣка, знанія котораго онъ хотѣлъ испытать. При возвращеніи, если Тиверій заподозрилъ его въ наглости (vanitas) или обманѣ, отпущенникъ сталкивалъ его въ пропасть, чтобы исчезъ слѣдъ тайны“. Такая участь грозила Тразиллу (Thrasyllus). Послѣ разговора цезарь спросилъ его, имѣеть ли онъ собственный гороскопъ, и что предвѣщаетъ ему этотъ день и часъ. Тразиллъ, опредѣливъ соотвѣтственное расположеніе свѣтилъ, задрожалъ, медлилъ отвѣтомъ и сказалъ наконецъ: минута опасная наступаетъ, быть можетъ, послѣдній мой часъ. Тиверій поздравилъ, что онъ ускользнулъ отъ великой опасности. И съ тѣхъ поръ вѣрилъ ему, какъ оракулу, и имѣлъ его въ числѣ ближайшихъ друзей.

Самъ Тацитъ прибавляетъ по этому случаю. „Со своей стороны, когда слышу подобные разказы, нахожусь въ сомнѣніи, управляются ли дѣла человѣческія судьбою и неизмѣнною необходимостію, или катить ихъ случайность. Мнѣнія мудрѣйшихъ изъ древнихъ и ихъ послѣдователей раздѣлены. Многіе держатся мысли, что начинація и концы наши нисколько не заботятъ боговъ, отчего нанчаще люди добродѣтельные страдаютъ, а злые блаженствуютъ. Другіе, напротивъ, думаютъ, что судьба правитъ вещами, но не чрезъ скитанія звѣздъ, а по началамъ и по связи естественныхъ причинъ. При этомъ однако онѣ оставляютъ намъ выборъ жизни (vitae electionem). Какую выберемъ—она идетъ необходимымъ порядкомъ. Зло и добро не то, что

толпа за таковыя почитаетъ. Часто кажущіеся бѣдствующими счастливы; другіе при всякихъ благахъ несчастны; ибо первые стойко переносятъ неудачи, а эти безмысленно потребляютъ свои блага. Большинство людей не могутъ однако отказаться отъ мысли, что будущность ихъ рѣшена при ихъ появленіи на свѣтъ; что если предсказанія не сбываются, то это отъ обмана несвѣдущихъ предсказателей: такъ подрывается вѣра въ искусство, ясныя свидѣтельства котораго представляютъ намъ и древность, и наше время. Упомяну, чтобы не отклоняться болѣе отъ нити разказа, какъ тотъ же Тразиаллъ предсказалъ Нерону, что онъ будетъ императоромъ”.

Въ Египтѣ александрійской эпохи — эпохи процвѣтанія всякаго рода мистическихъ знаній—происхожденіе наукъ и искусствъ относилось къ мифологическому Гермесу Тримегисту, именуемому также Тотомъ. Амблихій приписываетъ ему 20.000 книгъ, Манетопъ—36.525. Климента Александрійскій говоритъ о болѣе скромномъ числѣ 42 книгъ, надо полагать, дѣйствительно существовавшихъ, имъ видѣнныхъ и озаглавленныхъ общимъ именемъ Гермеса. Ихъ носили въ церемоніяхъ. „Шествіе открываетъ, — описываетъ Климентъ, — пѣвецъ, несущій нѣкоторые атрибуты музыки. Онъ долженъ, говорятъ, знать наизусть двѣ книги Гермеса: одну, содержащую гимны богамъ, и другую — правила царской жизни. За пѣвцомъ идетъ гороскопъ, держащій въ рукѣ часы и пальму, символы астрономіи. Онъ долженъ знать и всегда имѣть на устахъ книги Гермеса, трактующія объ этой наукѣ. Книгъ сихъ четыре: одна говоритъ о системѣ звѣздъ, кажущихся неподвижными; другая о встрѣчѣ и свѣтѣ солнца и луны; двѣ послѣднихъ—объ ихъ восходѣ. Третьимъ идетъ священный писецъ съ перьями на головѣ, съ книгою въ рукахъ и линейкою, на которой находятся чернильница и палочка, служащая для письма. Онъ въ свою очередь обязанъ знать, что касается гіероглифовъ, космографіи, географіи, теченія солнца, луны, пяти планетъ, хорографію Египта и описаніе Пила. Онъ долженъ умѣть описать инструменты, священныя украшенія, мѣста для нихъ опредѣленные, и вообще все касающееся церемоній. За упомянутыми тремя лицами идетъ распорядитель, несущій локоть (мѣру длины), какъ атрибутъ справедливости, и чашу для возліаній. Онъ долженъ знать все, что касается богослуженія и жертвоприношеній. Десять вещей обнимаютъ служеніе богамъ и всю египетскую религію: это—жертвоприношенія, дары, гимны, молитвы, празднества и проч. Шествіе заключаетъ пророкъ, несущій кувшинъ. За нимъ несутъ присланные хлѣбы. Ибо на

пророкъ лежитъ распредѣленіе питательныхъ припасовъ. Пророкъ въ качествѣ перваго жреца долженъ знать десять книгъ, именуемыхъ жреческими. Эти книги трактуютъ о законахъ, богахъ и обо всемъ относящемся къ жреческому ученію. Такимъ образомъ, имѣется сорокъ двѣ книги Гермеса, крайне необходимыя. Тридцать шесть, заключающихъ въ себѣ всю египетскую мудрость, тщательно изучаются упомянутыми лицами. Шесть послѣднихъ относятся къ медицинѣ и трактуютъ о сложеніи тѣла, болѣзняхъ, инструментахъ, цѣлебныхъ средствахъ, глазахъ, женщинахъ. Онѣ составляютъ предметъ изученія носящихъ мантія, то-есть, врачей". (Clem. Alex. „Stromates"; L. VI, 4. *Бертело*: „Les origines de l'alchimie, 40. Paris. 1885).

IV. *Астрологія въ христіанскомъ мірѣ*. Въ христіанскій міръ астрологія перешла отчасти чрезъ посредство ученыхъ александрійской школы, отчасти чрезъ арабовъ. Есть астрологическія сочиненія, приписываемыя Птоломею. (Ptolomaei liber quadripartitus, 1. e. de futuris contingentibus, cum Centiloquio ejusd. Напечатано въ Венеціи 1484 г.). Арабскіе ученые усердно занимались астрологіей.

Церковь всегда высказывалась противъ астрологій, какъ искусства предсказанія. Василій Великій въ *Шестодневѣ* нѣсколько страницъ посвящаетъ заблужденіямъ астрологій. Допуская знаменія свѣтилъ въ области атмосферныхъ явленій и признавая пользу изученія этихъ знаменій, особенно вида луны въ ея разныхъ фазахъ для мореплавателей, путешественниковъ, землевладѣльцевъ; напоминая, наконецъ, то, что померкнувшія солнце и луны будутъ знаменіемъ кончины міра, онъ продолжаетъ: „Но преступаютъ границы разума тѣ, кои говорятъ, что жизнь наша зависитъ отъ движеній небесныхъ. Халдеи утверждаютъ, что все случающееся съ нами происходитъ отъ звѣздъ... Каково будетъ стеченіе звѣздъ со звѣздами, въ зодіакѣ находящимися, таково и рожденіе... Сей, говорятъ, кудреватъ будетъ власами и весель взоромъ, ибо въ знакѣ Овна родился, а сіе животное таковымъ быть кажется. О родившемся въ знакѣ тельца—будетъ трудолюбивъ и услужливъ, ибо и телець подверженъ ярму... Рожденный въ знакѣ Вѣсовъ будетъ правосуденъ, по причинѣ справедливости, вѣсами у насъ обозначаемой. Что сего посмѣятельнѣе быть можетъ?“

Въ сочиненіи Питойса (Pitthoys), богослова и профессора философіи въ Седанѣ, изданномъ въ 1661 году, съ посвященіемъ губернатору города Мاستрихта, графу Рейнграфу (Rheingraff), приведена,

во французскомъ переводѣ, булла папы Сикста V противъ астрологовъ. „Никакого,—сказано въ буллѣ,—неложнаго искусства предвидѣть будущее нѣтъ. То, что выдается за таковое, ложь и тщета, порожденныя лукавствомъ злыхъ людей и кознями дьяволовъ. Неостерегающіеся, какъ бы должны, сей пагубы увлекаются исканіемъ любопытныхъ вещей, оскорбляютъ Бога, впадаютъ въ заблужденіе и другихъ въ заблужденіе ввергаютъ. Таковы, прежде всего, астрологи, звавшіеся въ прежнее время математиками, генетликами, планетчиками. Дѣлая ремесломъ своимъ мнимую и посябіянію достойную науку звѣздъ и дерзновенно беря на себя разгадать порядокъ божественнаго предопредѣленія, имѣющій обнаружиться въ свое время, они по движенію и бѣгу свѣтилъ вычисляютъ ихъ расположеніе при рожденіи человѣка и съ дерзостію рѣшаются предсказывать, присуждать, давать указанія и завѣренія относительно будущаго хода жизни, почестей, богатства, дѣтей, здоровья, смерти, препятствій, битвы, вражды, темницъ, убійствъ и другихъ событій, какъ счастливыхъ, такъ и несчастливыхъ, хотя и св. Августинъ, свѣтильникъ церкви, предупреждаетъ, что занимающійся такимъ дѣломъ и всякій, кто такового слушаетъ, таковому вѣрять, принимаетъ такового въ домъ и бесѣдуетъ съ нимъ, есть вѣроломный нарушитель крещенія и вѣры христіанской. А посему, въ силу апостольской власти, повелѣваемъ епископамъ, прелатамъ, настоятелямъ, инквизиторамъ, внимательно освѣдомляясь, возбуждать слѣдствія противъ астрологовъ, математиковъ и иныхъ, занимающихся предсказательной астрологіей съ иными цѣлями, кромѣ земледѣлія, мореплаванія и медицины; также противъ тѣхъ, кои составляютъ гороскопы, въ копѣхъ, якобы, предугадываютъ случайныя событія и дѣянія, отъ воли зависящія, хотя и оговариваютъ, что не выдаютъ указаній за неизбѣжныя. Надлежитъ таковыхъ строго наказывать по каноническимъ правиламъ и по усмотрѣнію. Воспрещаемъ всѣмъ вѣрнымъ, подъ страхомъ внушеній и наказаній, содержащихся въ указателѣ запрещенныхъ книгъ, читать или держать у себя трактаты о такой астрологіи. Предписываемъ передавать ихъ въ руки епископовъ, мѣстныхъ духовно-начальствующихъ или инквизиторовъ“¹⁾).

¹⁾ *Traité curieux de l'astrologie judiciaire ou préservatif contre l'astromantie des Genethliques par Pitheois, théologien et professeur en philosophie et en droit et avocat consultant a Sedan. 1661.* (Мы пользовались экземпляромъ Имп. Публ. бібліотеки).

Въ исторіи не мало случаевъ, что предсказанія астрологовъ производили общественное смущеніе.

„Въ 1179 году всѣ астрологи восточные, христіанскіе, еврейскіе, арабскіе, возвѣстили (на 1186 годъ) великое соединеніе планетъ верхнихъ и нижнихъ и разрушеніе всѣхъ вещей стремительною вѣтровъ и бурь“. Предсказаніе породило всеобщій страхъ. 1186 годъ прошелъ, однако, благополучно.

„Все пошло по прежнему, даже вѣра въ предсказанія астрологовъ“ (*Bailly*: „*Hist. de l'Astr. mod.*“, I, 245. *Bayle* „*Dictionn.*“ art. *Stoßer*).

Штофлеръ въ Германіи предсказывалъ потопъ въ 1524 году, когда три верхнія планеты соединятся подъ знакомъ Рыбъ. Годъ прошелъ благополучно. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Байля, опасенія были огромныя. Живущіе при рѣкахъ продавали дома за безцѣнокъ (покупщики, остроумно замѣчаетъ Байль, были, повидимому, менѣе суевѣрны, чѣмъ продавцы). Въ Тулузѣ президентъ Ориоль (*Auriol*) построилъ даже родъ ковчега въ ожиданіи наводненія.

Даже при Людовикѣ XIV знатные люди вѣрили въ астрологию. Шавишъ (*Chavigny, secrétaire d'état*) слѣдовалъ всѣмъ совѣтамъ астролога Морена (*Bayle, art. Morin*), пускался въ путь лишь въ день и часъ, когда тотъ совѣтовалъ. Вотъ, врачъ Людовика XIV, предлагалъ сдѣлать Морена королевскимъ астрологомъ и присоединить его къ придворнымъ врачамъ. Предположеніе, впрочемъ, не состоялось.

V. *Астрологія и Рожеръ Беконъ*. О состояніи астрологіи въ эпоху схоластической науки, а именно въ XIII вѣкѣ, можно получить понятіе изъ сочиненій Рожера Бекона, раздѣлявшаго заблужденія астрологовъ, но стремившагося дать имъ научное основаніе.

Говоря („*Opus majus*“, 112) о важности математики не только для философовъ, но и для богослововъ, Беконъ замѣчаетъ: „наиболѣе нападаютъ на математику за астрологическіе приговоры (*propter judicia astronomiae*)... Богословы, заимствуя отъ святыхъ отцовъ, многое выставляютъ противъ математиковъ и нѣкоторые, не зная ни истинной математики, ни ложной, не умѣютъ отличить истинную отъ ложной и осуждаютъ, якобы въ силу авторитета святыхъ отцовъ, истинную вмѣстѣ съ ложной“. Беконъ напоминаетъ, что и грамматически двѣ математики эти отличны между собою: истинная пишется чрезъ *th*, тогда какъ наименованіе ложной происходитъ отъ „*mantia*“ (а *mantos vel mantia quae sunt idem quod divinatio*), что

обозначаетъ то же что гаданіе. Ложная математика есть магическое искусство. „Такая математика осуждается не только святыми, но и философами. Философы осуждаютъ ее не только какъ заблужденіе по отношенію къ небеснымъ явленіямъ (*propter errorem quem habent de coelestibus*), но и потому, что математики этого рода вызываютъ демоновъ на помощь къ небеснымъ расположеніямъ, посредствомъ заклинаній, жертвоприношеній, что совсѣмъ нечестиво; пачкаютъ астрономическія соображенія своими кругами, фигурами, пустѣйшими знаками, глупѣйшими стихами. Присоединяютъ обманъ. При помощи внушенія, чрезъ тьму, разные обманные инструменты (*instrumenta sophistica*), ловкія движенія рукъ заставляютъ глупыхъ людей дивиться явленіямъ, о которыхъ сами знаютъ, что это иллюзія, и что небесныя вліянія тутъ не при чемъ“.

Отвергая связь астрологій съ магіей, Рожеръ Беконъ былъ однако увлеченнымъ защитникомъ астрологій, какъ науки. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдовательнымъ выразителемъ общаго средневѣковаго міровоззрѣнія. Существенно различая матеріальное строеніе земнаго и небеснаго и противопоставляя одно другому, міровоззрѣніе это вмѣстѣ съ тѣмъ признавало непосредственное воздѣйствіе небеснаго на земное не только со стороны такихъ тѣлъ, какъ солнце, луна, вліяніе которыхъ, особенно солнца, рѣзко обнаруживается, но и со стороны планетъ и всего звѣзднаго неба. „Тѣло небесъ (*corpus coeleste*) есть первое начало всѣхъ измѣненій (*primum alterans*) и всемірный двигатель матеріи ко всякому дѣйствію согласно мнѣнію философовъ, не расходящемуся съ истинами вѣры“ (*Werner, „Nachscotische Scolastik“*. Wien, 1883, стр. 159). Движеніе неба есть необходимое условіе всякой жизни и дѣятельности. „Еслибы, — учили нѣкоторые, — прекратилось движеніе неба, огонь, приложенный къ палкѣ, не зажегъ бы ее“ (Это было одно изъ мнѣній, осужденныхъ парижскимъ епископомъ Тампье въ 1276 году).

Основное положеніе своей „перспективы“, науки о всякаго рода лучистыхъ истеченіяхъ и вліяніяхъ, Беконъ выражаетъ терминомъ *multiplicatio speculorum*—распространеніе дѣйствій, которому приписываетъ особенную важность. Не облакая такое распространеніе въ какуюлибо матеріальную форму (летащихъ, напримѣръ, частицъ, или бѣгущихъ волнъ, какъ стали дѣлать со времени механической философіи), Беконъ трактуетъ однако о дѣйствіяхъ этихъ, какъ о способныхъ производить матеріальныя перемѣны въ тѣлахъ и чрезъ то въ живыхъ существахъ породить фізіологическія и психическія явлені-

нія (выражаемся по современной терминологіи), обусловливающая их темпераментъ, характеръ, дѣйствія. „Мы знаемъ,—говоритъ Беконъ („Op. maj.“, 117),—что и дѣйствія на насъ земныхъ предметовъ—напримѣръ, дѣйствія зрительныя, слуховыя—вліяя на чувства и производя слабыя перемѣны въ нашемъ тѣлѣ, могутъ однако такъ сильно возбуждать людей къ желаніямъ, какихъ прежде не имѣли, что люди эти иногда удовлетворяютъ своему страстному хотѣнію, презирая страхъ, смерть, безчестіе. Такъ увидѣвъ и услышавъ враговъ, бѣшено бросаются для отмщенія; такъ, вопреки разуму, увлекаются сладострастіемъ, подобно грубымъ животнымъ бросаясь къ видимымъ и слышимымъ предметамъ возбужденія. Но много могущественнѣйшія измѣненія могутъ произвести въ тѣлахъ и органахъ дѣйствія небесъ и вліянія звѣздъ. А отъ такихъ измѣненій человекъ можетъ возбуждаться къ дѣйствіямъ, на какихъ не останавливался прежде—безъ нарушенія, впрочемъ, свободы воли. Силы небесъ могущественнѣе силъ земныхъ предметовъ, видимыхъ, слышимыхъ и другими чувственными способами на насъ дѣйствующихъ, и могутъ измѣнять самую субстанцію, а не только принадлежности (*substantiam, non solum accidentes*) земныхъ предметовъ“. Возбужденія эти имѣютъ значеніе не судьбы предопредѣляющей, а влеченій и силъ, потокъ которыхъ можетъ быть измѣняемъ и направляемъ. Астрологія потому—Беконъ ссылается при этомъ на астрологическое сочиненіе, приписываемое Птоломею,—не даетъ достовѣрныхъ указаній въ частностяхъ, но указываетъ лишь общее направленіе дѣлъ¹⁾. „Изъ человѣческихъ дѣлахъ истинныя математики не берутъ на себя удостовѣрять въ томъ что будетъ, но разсматриваютъ, какъ небесныя вліянія измѣняютъ тѣло, и чрезъ измѣненія эти возбуждается душа къ дѣланіямъ частнымъ и общественнымъ, безъ нарушенія однако свободы воли“. (*In rebus humanis veri mathematici non presumunt certificare, sed considerant quomodo per coelum alteratur corpus et alterato corpore excitatur anima nunc ad actus privatos nunc publicos, salva tamen in omnibus arbitrii libertate*).

Небесныя вліянія, по ученію Бекона, имѣютъ лучистое распространеніе. „Къ каждому пункту земли падаетъ конусъ нѣкоторой пирамиды силъ отъ всего неба (*ad omne punctum terrae incidit conus unius pyramidis virtuosae a toto coelo*). И конусы эти различны

¹⁾ Звѣзды вліяютъ, но не предопредѣляютъ необходимымъ образомъ. *Influunt, non necessitant.*

по натурѣ, ибо разныя имѣютъ основанія сообразно различію горизонтовъ (*diversas habent bases propter diversitatem horisontum*)... Отсюда величайшее разнообразіе вещей“. Два близнеца могутъ быть не подѣ одинаковыми вліяніями.

Такова астрологическая теорія Бекона. Ей нельзя во всякомъ случаѣ отказать въ научномъ характерѣ. Для него вліяніе звѣздныхъ лучей на организмъ есть научный фактъ. Онъ высказываетъ потому чрезвычайное сожалѣніе о томъ, что современные ему врачи пренебрегаютъ астрономіей, этою „лучшею частью медицины“.

Беконъ не только не осуждаетъ примѣненія астрологіи къ опредѣленію гороскопа эпохи, когда родился Спаситель, но видитъ въ этомъ примѣненіи одинъ изъ важныхъ аргументовъ, долженствующихъ имѣть силу въ умахъ невѣрныхъ. „Великое,—говоритъ онъ (стр. 119),—утѣшеніе вѣры нашей можемъ имѣть въ томъ, что философы, ведомые единственно указаніемъ разума, единомыслятъ съ нами, подтверждаютъ исповѣданіе христіанской вѣры и согласны относительно ея непоколебимости. И не потому, что мы вопрошали разумъ прежде вѣры, но послѣ вѣры, да восхвалимъ, удостовѣренные двойнымъ подтвержденіемъ. Бога за спасеніе наше и да несомнительно его держимся. И такимъ путемъ математики удостовѣряемся не только о исповѣданіи нашемъ, но и предостерегаемся отъ секты антихриста, о коей, какъ и о сектѣ Христовой, имѣемъ указаніе въ математикѣ“.

VI. *Какъ составлялись гороскопы?* „Астрологи,—говоритъ Беконъ (стр. 120),—раздѣляютъ небо на двѣнадцать частей, которыя именуютъ обителями (*domus*). Раздѣленіе дѣлается помощью круговъ меридіана и горизонта и четырехъ другихъ круговъ плоскости, которые всѣ пересѣкаются между собою по той же линіи, по какой пересѣкаются горизонтъ и меридіанъ“. Такимъ образомъ всѣ шесть плоскостей: горизонтъ, меридіанъ и четыре подраздѣляющихъ круга имѣютъ общее пересѣченіе по полуденной линіи и дѣлятъ все небесное пространство на двѣнадцать частей или обителей. По своду небесному первая обитель „начинается при горизонтѣ и идетъ подѣ нимъ; затѣмъ вторая, третья подѣ горизонтомъ до пункта на небѣ подѣ горизонтомъ противоположнаго зениту надѣ горизонтомъ (то-есть, надира: *usque ad angulum terrae qui est punctus in coelo sub terra oppositus puncto meridie super terram*). Затѣмъ три другія расположены отъ надира до западной части горизонта. Надѣ горизонтомъ начинаются обители VII, VIII, IX до зенита. Далѣе X, XI, XII до горизонта“. Первая обитель опредѣлялась Сатурну, вторая Юпитеру,

трегья и слѣдующія, по порядку свѣтилъ (III Марсу, IV Солнцу, V Венерѣ, VI Меркурию, VII Лунѣ, VIII опять Сатурну, IX Юпитеру, X Марсу, XI Солнцу, XII Венерѣ). Обитатели неподвижны на небесномъ сводѣ; свѣтила переходятъ изъ одной въ другую. Чтобы составить гороскопъ, надо знать, какія планеты, созвѣздія, знаки зодіака находятся въ какой обители въ моментъ рожденія человѣка, когда появившееся на свѣтъ существо начинаетъ подчиняться влиянію свѣтилъ.

Плоскость меридіана, пересѣкаясь съ плоскостью горизонта, раздѣляетъ небесный сводъ на четыре равныя части. Подрѣзленіе каждой изъ четырехъ на три обители дѣлалось разными способами. Въ „Трактатѣ астрологій“ Ранцау ¹⁾ (въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка) находимъ указаніе пяти способовъ такого подрѣзленія. Первый употребительнѣйшій, именуемый рациональнымъ, принадлежитъ Аврааму Авенестру и Монъ-Рояль. Дѣлящіе круги проводятся такъ, что кругъ экватора на небесномъ сводѣ раздѣляется ими на двѣнадцать равныхъ частей по тридцати градусовъ каждая. Зодіакъ при этомъ оказывается раздѣленнымъ на двѣнадцать неравныхъ частей. Другіе, согласно Птоломею, Кардану, Шонеру, Формику, проводятъ круги такъ, что зодіакъ раздѣляется на двѣнадцать равныхъ частей. Каждая планета имѣетъ свои свойства и производитъ разнообразныя дѣйствія, смотря по тому, гдѣ находится и въ какихъ стоитъ отношеніяхъ къ положенію другой планеты. Сатурнъ вообще дѣйствуетъ неблагоприятно, принося болѣзни, несчастія; Юпитеръ, напротивъ того, всегда благоприятно. Мужество, но также гнѣвъ, возмущеніе, возбужденіе желчи, измѣну приносятъ Марсъ. Любовь, блескъ, бракъ, сладострастіе зависятъ отъ Венеры. Меркурій приноситъ тонкость ума и расположеніе къ искусствамъ. Дѣйствіе Луны чрезвычайно различно въ разныхъ условіяхъ. Солнце, глазъ міра, источникъ жизни и свѣта, доставляетъ величіе, славу, возбуждаетъ великодушіе, сираведливость, гордость и т. д.

Различныя части тѣла находятся въ соотвѣтствіи съ разными зна-

¹⁾ *Traité astrologique des jugemens de thèmes genetliques pour tous les accidents qui arrivent à l'homme après la naissance. Pour connaître des tempéramens et inclinations, selon tous les meilleurs et plus anciens auteurs. Colligé par industrie de Henri Rantsau, vi-duc cimbrique, fait françois par Jacques Alaume, Ingenieur du Roy. A Paris. 1637.* Книга есть въ Императорской публичной библиотекѣ.

ками зодіака и подѣ ихъ вліяніемъ. Отсюда необходимость астрологическихъ соображеній при лѣченіи болѣзней.

„Когда Луна находится въ Близнецахъ, — говоритъ Беконъ (Op. m. 180), — знакъ зодіака, соотвѣтствующій рукамъ и плечамъ — опасно касаться желѣзомъ къ этимъ членамъ и дѣлать какія-либо надъ ними хирургическія операциі... Въ прошломъ году одинъ знаменитый во Франціи врачъ подвергъ хирургическому явленію берцовую кость своего брата, хотя искусство астролога предупредило его, чтобы не дѣлалъ, такъ какъ Луна была въ знакъ Водолея, соотвѣтствующемъ этой части тѣла. Случилось, что болѣзнь затянулась и довела пациента до смерти“.

VII. *Астрологія и Тихо Браге*. Въ 1574 году Тихо Браге, знаменитый датскій астрономъ, оказавшій великія услуги практической астрономіи, доставившій Кеплеру драгоцѣнный запасъ наблюденій, ученый противникъ Коперника, говорилъ въ университетѣ въ Коненгагеи рѣчь о значеніи математики, „*Oratio de disciplina Mathematica*“. Тихо вѣрилъ въ астрологію и отводилъ ей важное мѣсто въ кругу математическихъ наукъ. Балъи въ „Исторіи новой астрономіи“ въ главѣ „Объ астрологіи во время Тихо“ („*Discours sur l'astrologie du temps de Tycho*“, *Hist.* I, 426), приводитъ аргументы Тихо Браге. „Отрицать силу и вліяніе звѣздъ, указывалъ датскій астрономъ, значитъ разрушать мудрость и провидѣніе Бога. Это противорѣчитъ опыту. Богъ ничего не произвелъ безцѣльно (*en vain*). Творенія Его столь же полезны, какъ и великолѣпны. Человѣкъ въ мелкихъ и ограниченныхъ дѣяніяхъ своихъ и тотъ всегда имѣетъ цѣль. Гдѣ была бы верховная мудрость, еслибы Богъ, безъ необходимости и плана, разсыялъ звѣзды въ пространствѣ вселенной? Небо — постоянныя и вѣчныя часы... Какая польза, какое употребленіе были бы изъ этого множества звѣздъ, которыя такъ роскошно украшаютъ небо, еслибы намѣреніе Божіе уже было исполнено двумя главными свѣтилами, освѣщающими наши дни и ночи и опредѣляющими время своими обращеніями? Какъ! Камни, металлы имѣютъ свои свойства; насѣкомыя, гады обладаютъ и дѣйствіями; ни одна былинка не растетъ бесполезно; все взаимно связано, все идетъ къ исполненію единого великаго плана, за исключеніемъ этихъ огромныхъ тѣлъ, катящихся надъ нашими головами! Растенія, животныя состоятъ изъ разрушимыхъ элементовъ, лишь небесныя тѣла неизмѣнны и прочны, — и они то безцѣльны и непродвигательны!“

Тихо не видѣлъ однако въ свѣтилахъ знаменій тайныхъ божественныхъ намѣреній, отищеній и каръ. Свѣтила, указываетъ онъ,

имѣютъ правильныя движенія, отъ начала установленныя. Богъ могъ бы дѣйствовать непосредственно: освѣщать землю безъ солнца, увлажнять растенія безъ дождя, но Онъ всегда дѣйствуетъ чрезъ вторичныя причины. Въ чемъ же основаніе отвергать, что земля управляется небомъ? Почему небо не можетъ быть книгой, гдѣ отмѣчена полная исторія міра? Отсюда, понятно, одинъ шагъ къ признанію вліянія свѣтила на человѣка и его дѣянія и къ допущенію возможности астрологическихъ предсказаній. Идея о человѣкѣ, какъ микрокосмѣ, носящемъ въ себѣ полное соотвѣтствіе со вселенной, какъ макрокосмъ, имѣла въ Тихо своего приверженца. Сердце соотвѣтствуетъ Солнцу, мозгъ Лунѣ, печень Юпитеру, чресла Венерѣ, селезенка Сатурну, желчь Марсу, легкія Меркурію. Чтобы составить гороскопъ, надо знать точно моментъ рожденія. Это часто очень затруднительно. Тихо указываетъ интересный астрологическій приемъ. Астрологъ соображаетъ протекшія уже событія жизни лица, желающаго имѣть свой гороскопъ; сообразно событіямъ этимъ опредѣляетъ вѣроятнѣйшій моментъ рожденія и, исходя отъ него, дѣлаетъ уже заключеніе о будущемъ. Тихо прибавляетъ однако, что человѣкъ заключаетъ въ себѣ силу, которая болѣе силы звѣздъ.

VIII. *Астрологія и Кеплеръ.* Слѣдующее письмо Кеплера къ какому-то лицу, приближенному къ императору Рудольфу, знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ относился къ астрологіи великій астрономъ, вынужденный условіями времени и нуждою самъ иногда составлять гороскопы.

„Въ 1611 году, въ праздникъ Пасхи. Прочь церемоніи и титулы, хоть должныя, но выдающіе чужія тайны. Надѣюсь, что ты признаешь во мнѣ человѣка нѣмецкой честности. Я служу цезарю (императору Рудольфу) и не подкупленъ богемцами и австрійцами; сошедшись съ ними раза два, я нарочно прекратилъ съ ними сношенія. Къ тебѣ я пишу нѣсколько свободно, потому что ты на сторонѣ цезаря, не только слова, но мои глаза и уши говорятъ мнѣ въ твою пользу.

„Во вчерашнемъ разговорѣ я сказалъ между прочимъ, что астрологія сильно вредитъ монархамъ, если какой-нибудь хитрый астрологъ захочетъ посмѣяться надъ человѣческимъ легковѣріемъ. Я вмѣняю себѣ въ обязанность постараться, чтобы это не случилось съ нашимъ цезаремъ. Цезарь легковѣренъ. Если онъ узнаетъ о гороскопѣ того француза, онъ почтетъ гороскопъ этотъ за нѣчто важное. Такъ какъ ты заботишься о цезарѣ, то ты долженъ знать, полезно ли это це-

зарю. Ты, я думаю, и самъ понимаешь, что, если нѣтъ причины для благоприятныхъ обстоятельствъ, то надежда пуста и опасна. Я почти увѣренъ, что слухъ о французскомъ гороскопѣ уже дошелъ до ушей цезаря. Повѣрь мнѣ, обыкновенная астрологія есть комедія, и ее легко можно заставить обѣимъ сторонамъ говорить пріятное. По моему мнѣнію, не только обыкновенную астрологію, но и ту, которая согласна съ явленіями природы, слѣдуетъ отдалять отъ такихъ трудныхъ разсужденій. Я упоминаю объ этомъ не потому, чтобы это тебѣ было нужно въ торжественныхъ собраніяхъ: я знаю, что въ нихъ не разсуждаютъ на этомъ основаніи. Но эта лисица подстерегаетъ добычу гораздо осторожнѣе, дома—въ спальнѣ, на постели, въ насъ самихъ—въ душѣ; иногда кто нибудь, оболъщенный ею, вноситъ ее внушенія въ сенатъ, скрывъ имя совѣтника.

„Когда партія, враждебная цезарю, спросила меня о рѣшеніи свѣтлѣ, я далъ отвѣтъ, по моему мнѣнію, незначительный, но который можетъ озадачить легковѣрныхъ, а именно, что цезарю опредѣлена долготѣнная жизнь, что зловѣщихъ показаній нѣтъ, что есть правда, зловѣщія перевороты и затмѣнія, но они уже прошли годъ, два или три тому назадъ; напротивъ того, Матеію угрожаютъ бѣдствія, потому что Сатурнъ приближается къ его Солнцу, и потому что будетъ великое противоположеніе Сатурна и Юпитера въ самомъ мѣстѣ его Солнца. И говорю это врагамъ цезаря потому, что, если это не устрашаетъ ихъ, то и не придаетъ храбрости. Мнѣ хотѣлось бы говорить объ этомъ самому цезарю, потому что это не на столько серьезно, чтобы этому слѣдовало вѣрить. При томъ же я боюсь, что это безо всякой причины обнадежитъ цезаря, такъ что онъ будетъ пренебрегать небольшими средствами, которыя ему, можетъ быть, доставить внимательство вѣрныхъ ему князей; такимъ образомъ астрологія подвергнетъ его большому бѣдствію, чѣмъ теперь.

„Такъ какъ ты вѣренъ цезарю, то я тебѣ откровенно скажу, что я никогда не скажу Матеію и богемцамъ, а именно, что я въ самомъ дѣлѣ думаю по болѣе здоровой астрологіи о взаимномъ дѣйствіи звѣздъ во время этихъ беспорядковъ; хотя мнѣ вовсе не хочется, чтобы кто бы то ни было занимался этимъ и пренебрегъ бы вслѣдствіе этого ближайшими обстоятельствами и настоящими земными вліяніями. Матеій пережилъ нѣсколько очень опасныхъ положеній: въ 1566 году положеніе Луны къ ☽; въ 1595 г. Солнца къ Сатурну: предзнаменованія исполнились. Именно въ 1594 г. (это довольно опредѣленно; большаго ждать отъ звѣздъ нельзя) ему не посчастливилось на островѣ

при Стригонии и Юринѣ (ad Strigontium Jurinumque—при Санктъ-Гранѣ и Санктъ-Раби). Такъ въ 1589 году середина неба (астрологическая десятая обитель при меридианѣ) была въ противоположеніи съ Сатурномъ; такъ въ 1605 и 1606 году Солнце было въ противоположеніи съ Марсомъ, когда происходили беспорядки въ Венгрии и когда эрцгерцоги, пришедшіе въ Прагу, предпочли Матею цезарю и такимъ образомъ еще болѣе возстановили противъ него Цезаря⁴. Съ того времени, указываетъ Кеплеръ, астрологическія показанія были благоприятны Матею и нынѣ могутъ давать ему большія надежды. Цезарь же, напротивъ, имѣетъ многія неблагоприятныя дѣйствія астрологическихъ указаній. „Еслибы какой-нибудь астрологъ, — заключаетъ Кеплеръ, — разобралъ эти указанія и могъ бы давать совѣтъ той и другой сторонѣ, то онъ бы Матею внушилъ храбрость, а цезарю страхъ. Но какъ сказано, полагаться на это, по мнѣнію моему, нельзя. Писалъ я обо всемъ этомъ и разбиралъ затѣмъ, чтобы ты понялъ, какую слѣдуетъ важность придавать французскому гороскопу, то-есть, ровно никакой. Короче сказать, я того мнѣнія, что астрологию надо изгонять не только изъ сената, но и изъ головъ тѣхъ, которые теперь хотятъ давать цезарю хорошіе совѣты; и такимъ образомъ совершенно удалить ее отъ взоровъ цезаря“¹⁾.

И. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Это письмо изъ коллекціи Пулковской обсерваторіи въ 1860 году было напечатано О. В. Струве въ его „Beitrag des Verhältnisses von Kepler zu Wallenstein“ и затѣмъ вошло въ превосходное изданіе твореній Кеплера, сдѣланное докторомъ Фришемъ (т. VIII, I, стр. 349).

ЗАМѢТКИ ПО ТАЦИТУ¹⁾.

III.

Источники для Исторій и Лѣтописи.

Сличеніе Плутарха съ Тацитомъ въ повѣствованіи ихъ о Гальбѣ и Отонѣ убѣдило насъ не въ томъ, что Тацитъ въ *Исторіяхъ* слѣдовалъ одному главному или „почти единственному“ источнику, которымъ, по Петеру и Момизену, былъ Клувій Руфъ, по Ниссену и г. Фабіа—Плиній Старшій, а скорѣе въ томъ, что у Тацита была подъ руками значительная литература, чѣмъ преимущественно и объясняется постоянная разниа въ подробностяхъ между сообщеніями его и Плутарховыми. При видѣ этой разниа, иногда очень значительной и сообщавшей разказу обоихъ историковъ разное освѣщеніе, для насъ частыя ссылки историка на „нѣкоторыхъ“, „другихъ“, „многихъ“, „знаменитѣйшихъ“ писателей не были и не могли быть пустыми словами. Насъ не смущало при этомъ то обстоятельство, что на всемъ протяженіи дошедшей до насъ части *Исторій*, Тацитъ называетъ по именамъ только двухъ писателей: Випстана Мессалу и Плинія. Мы считали себя въ правѣ вѣрить историкъ въ его ссылкахъ на *многихъ* повѣствователей, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло касалось современной для большинства его читателей исторіи, относительно разработки которой и менѣе добросовѣстному и осторожному писателю, чѣмъ каковъ былъ Тацитъ, нельзя было бы дѣлать пустыхъ или ложныхъ заявленій. Свои *Исторіи* Тацитъ писалъ для публики, среди которой было не мало компетентныхъ судей какъ по отношенію къ вѣрности содержанія, такъ и по отношенію къ добросовѣстному пользо-

¹⁾ *Окончаніе*. См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

ванію матеріалами и пособіями, какими могъ располагать повѣствователь.

Съ переходомъ къ *Лѣтописи* положеніе тѣхъ, кто не находитъ основаній слѣдовать теоріи главнаго или „почти единственнаго“ источника для Тацита, становится значительно лучше. Въ *Лѣтописи* Тацитъ, кромѣ многочисленныхъ общихъ и неопредѣленныхъ ссылокъ на писателей, которыми онъ пользовался ¹⁾, дѣлаетъ ссылки и на основные, раньше нами упомянутые ²⁾ матеріалы: на сенатскіе протоколы ³⁾, на римскую ежедневную газету ⁴⁾, на официальные документы, заключавшіеся въ публичныхъ надписяхъ ⁵⁾, на сборники рѣчей и писемъ императоровъ ⁶⁾, на мемуары ⁷⁾ лицъ императорскаго дома и полководцевъ, равно какъ и на историковъ въ собственномъ смыслѣ слова. Правда, эти опредѣленные ссылки очень не многочисленны, такъ что сенатскіе протоколы цитуются имъ всего одинъ

¹⁾ Ann. I, 29: tradunt plerique—alii; I, 80: alii—quidam—sunt qui existiment; II, 70: addunt plerique; II, 88: reperio apud scriptores senatoresque eorundem temporum; III, 30: non apud auctores rerum... invenio; IV, 10: quae plurimis maximaeque fidei auctoribus memorata rettuli, IV, 38: alii... multi... quidam... interpretabantur; IV, 57: Secutus plurimos auctorum.. rettuli; V, 9: tradunt temporis ejus auctores; XII, 67: ut temporum illorum scriptores prodiderint; XIII, 17: tradunt plerique eorum temporum scriptores; XIV, 9: sunt qui tradiderint, sunt qui abnuant; XIV, 51: plures... adaeverabant; XV, 38: utrumque auctores prodiderit; XV, 45: tradidere quidam; XVI, 8: quidam... tradidere; XVI, 6: quamvis quidam scriptores tradant.

²⁾ См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, отд. 2, стр. 275.

³⁾ Ann. XV, 74: reperio in commentariis senatus.

⁴⁾ Ann. III, 3: non apud auctores rerum, non *diurna actorum* scriptura reperio; XIII, 81: res illustres annalibus, talia *diurnis urbis actis* mandare. XVI, 22: *diurna populi Romani*... leguntur.

⁵⁾ Ann. XI, 14: quae (litterae)... *aspiciuntur etiam nunc in aere* publicandis plebi senatus consultis *per fora ac templa fixo*; XII, 24: et quos tum Claudius terminos posuerit, facile cognitu et *publicis actis* perscriptum. По основательному толкованію Ниппердеа подъ publicis acta здѣсь разумѣются именно надписи. XII, 58: et fixum est aere publico senatus consultum, quo libertinus sestertii ter miliens possessor antiquae parsimonii laudibus cumulabatur.

⁶⁾ Ann. I, 81: adeo diversa non modo apud auctores, sed *in ipsius orationibus* reperuntur; II, 63: *exstat oratio*; VI, 6: Insigne visum est earum *Caesaris litterarum* initium, nam his verbis exorsus est...

⁷⁾ Ann. IV, 58: Id ego a scriptoribus annalium non traditum, repperi *in Commentariis Agrippinae filiae*, quae... vitam suam et casus suorum posteris memoravit; XV, 16: contraque prodiderit Corbulo.

разъ, *Acta (diurna) populi* всего три раза, надписи три раза, сборники рѣчей одинъ разъ, сборники писемъ два раза, изъ мемуаровъ лишь одинъ разъ записки Младшей Агриппины и одинъ разъ Корбулона, а изъ историковъ указывается только дважды Клувій Руфъ ¹⁾, трижды Фабій Рустикъ ²⁾ и три раза Плиній ³⁾; но все-таки эти указанія для насъ драгоцѣнны. Они раскрываютъ передъ нами, хотя отчасти, завѣсу, отдѣляющую читателя отъ той исторической лабораторіи, въ которой вырабатывалось и изъ которой вышло это блистательнѣйшее произведеніе всей римской, если не вообще всей древней, исторической литературы, — *Лѣтопись* Тацита. Мы видимъ изъ этихъ, правда, очень скупо дѣлаемыхъ, ссылокъ, что не смотря на то, что тутъ историкъ нашъ имѣлъ дѣло съ очень разработанной эпохой, онъ не увольнялъ себя отъ обязанности знакомиться съ документами и производить работу настоящаго изслѣдователя. Этотъ характеръ тщательно и осторожно собираемыхъ данныхъ, впечатлѣніе котораго производитъ чтеніе *Лѣтописи*, какъ бы усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что, желая ставить читателя въ возможно близкое соприкосновеніе съ описываемою эпохой, Тацитъ существенную часть своего сочиненія, почти половину первыхъ шести книгъ *Лѣтописи* ⁴⁾, посвящаетъ засѣданіямъ сената, въ которыхъ дѣйствительно какъ въ зеркалѣ отражалось политическое состояніе Рима того времени. Подробности, съ какими у нашего историка даются отчеты объ этихъ засѣданіяхъ, могли быть, конечно, и были заимствованы до извѣстной степени и у историковъ того времени, но онѣ дышуть, при своей обстоятельности, такою свѣжестью и непосредственностью, какую только можетъ сообщать автору ближайшее обращеніе съ источниками. Наконецъ, не ограничиваясь ни документальными данными, ни мемуарами, ни историческими сочиненіями въ собственномъ смыслѣ, Тацитъ обращался еще въ иныхъ случаяхъ къ свидѣтельствамъ очевидцевъ и сообщалъ иногда даже ходившіе въ его время слухи, впрочемъ не для того, чтобы на основаніи ихъ составлять себѣ сужденіе о собы-

¹⁾ *Ann.* XIII, 20: Fabius auctor est... Plinius et Cluvius... referunt; sane Fabius... XIV, 2: Tradit Cluvius... Sed quae Cluvius, eadem ceteri quoque auctores prodidere.

²⁾ *Ann.* XIII, 20: (см. выше), XIV, 2: Fabius Rusticus... Sed quae Cluvius...; XV, 61: Tradit Fabius Rusticus.

³⁾ Tradit C. Plinius, Germanicorum bellorum scriptor; XIII, 20 (см. выше); XV, 53: quod C. Plinius memorat.

⁴⁾ См. *Клавия*, Tacitus und Sueton, p. 76.

тіяхъ ¹⁾. Такимъ образомъ, все, повидимому, говоритъ въ пользу того, что Тацитъ въ *Лѣтописи* является историкомъ, располагавшимъ разностороннимъ матеріаломъ, которымъ онъ несомнѣнно пользовался на столько, чтобы не быть въ тѣсной зависимости отъ предшествовавшихъ историковъ.

Такъ однако не думаетъ г. Фабіа. Онъ полагаетъ, что и въ *Лѣтописи*, какъ и въ сохранившейся части *Исторій*, Тацитъ слѣдовалъ тому-же методу передѣлки своихъ предшественниковъ, то-есть, пользовался ихъ изслѣдованіями, сопоставляя главный источникъ, посредствомъ сравненія его, да и то непостояннаго, съ другими историками и совсѣмъ мало заботясь въ то же время объ обращеніи къ такъ называемымъ первоисточникамъ. Къ такому выводу онъ приходитъ не только а priori, полагая, что Тациту, имѣвшему въ *Лѣтописи* дѣло съ эпохой, уже разработанной историками, приходилось и тутъ, какъ въ *Исторіяхъ*, лишь слѣдовать установившемуся обычаю пользоваться готовыми изслѣдованіями, обычаю, который г. Фабіа, съ легкой руки Ниссена, считаетъ какъ-бы обязательнымъ, но и а posteriori, на основаніи тщательнаго разбора ссылокъ Тацита на свои источники.

Такъ какъ въ виду положительной ссылки Тацита на сенатскіе протоколы (XV, 74),—изъ которыхъ историкъ извлекъ чудовищный фактъ предложенія въ сенатъ со стороны назначеннаго на будущій срокъ консуломъ Аниція Церіала о скорѣйшемъ сооруженіи на государственннй счетъ храма *божественному* Нерону, еще живому, по поводу удачнаго истребленія имъ участниковъ Пизонова заговора,—нѣтъ возможности отрицать полное игнорированіе историкомъ этого первостепеннаго источника, то г. Фабіа (р. 312) заявляетъ, что Тацитъ не дѣлалъ изъ этого источника сколько-нибудь значительнаго употребленія, а что онъ „только перелистывалъ“ его, останавливаясь на особенно интересныхъ засѣданіяхъ, или на такихъ засѣданіяхъ, относительно которыхъ онъ не находилъ въ своемъ источникѣ (то-есть, въ писателѣ) удовлетворительныхъ подробностей. Но откуда мы можемъ знать, что Тацитъ только *перелистывалъ Acta senatus* и останавливался внимательно лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ? Самъ онъ объ

---

¹⁾ Ann. IV, 11:... mihi tradendi arguendique rumoris causa fuit, ut claro sub exemplo *falsas audiciones depellerem peteremque ab iis, quorum in manus cura nostra venerit, ne divulgata atque incredibilia avidè accepta* veris neque in miraculum corruptis antehabeant.

этомъ нигдѣ не говорить, другіе писатели не даютъ намъ на этотъ счетъ никакихъ свѣдѣній, характеръ историка, человѣка строгаго, серьезнаго, въ высшей степени осмотрительнаго, тоже не наводитъ насъ на такія мысли. Откуда же г. Фабіа почерпнулъ право на такое неосторожное заявленіе? Ему дали въ этомъ случаѣ тонъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ объ источникахъ *Лѣтописи*. Такъ, на примѣръ, г. Вильгельмъ Горстманъ (Horstmann) въ своей докторской диссертациі „Ueber die Quellen des Tacitus in den ersten sechs Büchern der Annalen“ (Marburg, 1877), заявляя (р. 52), что Тацитъ по отношенію къ сенатскимъ засѣданіямъ слѣдовалъ избранному имъ въ главные руководители историку, прибавляетъ: „этимъ не исключается, что для дополненія и для сравненія своего источника онъ тамъ и сямъ справлялся (nachschrug) съ Acta senatus“¹⁾. Не правильнѣе ли было бы сказать, что, говоря о сенатскихъ засѣданіяхъ, Тацитъ, рядомъ съ сенатскими протоколами, пользовался и тѣмъ, что объ нихъ говорили историки? Что онъ пользовался этими послѣдними въ сообщеніяхъ о засѣданіи сената, видно изъ того, что онъ отмѣчаетъ не только высказываемыя мнѣнія, но иногда и жесты, выраженіе или игру фізіономіи говорившаго, чего, конечно, не было въ сенатскихъ протоколахъ, но что могло находиться въ сочиненіяхъ историковъ, принимавшихъ въ свое время участіе въ этихъ засѣданіяхъ, историковъ, на которыхъ Тацитъ ссылается въ II, 88 (reperio apud scriptores senatoresque eorundem temporum). Таковы его замѣчанія, относящіяся къ одному изъ первыхъ засѣданій сената при Тибериѣ (I, 12), гдѣ онъ выражается объ озадаченномъ вопросомъ Азнія Галла Тибериѣ: *percussus improvida interrogatione paulum reticuit; dein collecto animo respondit*; и затѣмъ о Галлѣ: *rursum Gallus (et enim vultu offensionem conjectaverat)*... Нельзя допустить, чтобы Тацитъ эти, столь опредѣленныя, подробности дополнял своимъ воображеніемъ, какъ это склоненъ приписывать вообще древнимъ историкамъ, особенно римскимъ, Бернгарди²⁾, и въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ мнѣніе г. Фабіа (р. 218), что допустить это „значило бы безпричинно подвергнуть сомнѣнію историческую правди-

¹⁾ Въ такомъ же родѣ высказался вслѣдъ за г. Горстманомъ и г. Густавъ Гофманъ (Hoffmann) въ своей диссертациі „De Taciti annalibus historiisque capita duo“ (Берлинъ, 1888): probare studuimus recte ita judicari, ut Taciti descriptioni ad res in senatu actas pertinenti patrum commentarios subesse quidem contendatur, sed eum illos ipsos copiose fuseque evoluisse atque inspicuisse negetur.

²⁾ Grundriss der Röm. Litteratur. 5-е Bearb. (Braunschweig, 1872), p. 748.

вость" Тацита. Не допускаетъ такого предположенія и г. Гофманъ ¹⁾, подсказавшій г. Фабіа это возраженіе противъ непосредственнаго заимствованія Тацитомъ свѣдѣній о сенатскихъ засѣданіяхъ изъ *Acta senatus*. Но напрасно отнимать у Тацита пользование этимъ источникомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этого рѣшительно требуетъ уваженіе къ никѣмъ не оспариваемой добросовѣстности историка. По поводу одного изъ сенатскихъ засѣданій времени Тиберія (III, 64), въ которомъ шла рѣчь объ опредѣленіи молебствій за выздоровленіе матери Тиберія, Тацитъ (65) говоритъ: „Я положилъ себѣ за правило приводить лишь мнѣнія, выдающіяся по честиности или замѣчательныи по безобразію, такъ какъ главною обязанностью *Литотиси* считаю то, чтобы не замалчивались добродѣтели и чтобы дурныя слова и дѣла боялись потомства и позора“. Не естественнѣе ли было для Тацита дѣлать выборъ такого рода мнѣній сенаторовъ изъ сборника сенатскихъ протоколовъ, чѣмъ изъ какого-нибудь историческаго сочиненія, которое, какъ бы оно ни было обширно, не вмѣщало въ себѣ всего того, что происходило въ сенатѣ, и, слѣдовательно, не представляло свободы для этого выбора? Вполнѣ основательно рассуждаетъ Вейдеманъ ²⁾, когда говоритъ, что такого рода „историческое сочиненіе должно было бы преслѣдовать такую-же тенденцію, какъ и Тацитъ“, и что „самъ великій историкъ былъ бы однимъ изъ самыхъ дурныхъ плагиаторовъ, еслибъ такое сочиненіе дѣйствительно существовало“. Между тѣмъ для г. Фабіа (р. 313) пользование здѣсь непосредственно сенатскими протоколами не больше вѣроятно, чѣмъ пользованіе какимъ-либо „очень подробнымъ историческимъ сочиненіемъ“. Но вѣдь нужно прежде доказать, что такое „очень подробное“ историческое сочиненіе, которое могло бы замѣнить собой матеріалъ самихъ *Acta senatus*, дѣйствительно существовало, чего доказать нѣтъ возможности. Да и къ чему прибѣгать къ столь натянутому средству, когда никто не отрицаетъ, что Тацитъ пользовался самими протоколами сенатскихъ засѣданій, „заглядывалъ“ въ нихъ, какъ нравится выражаться нѣкоторымъ, и „перелистывалъ“, какъ это извѣстно откуда-то г. Фабіа? Но здѣсь французскій ученый, видимо,

¹⁾ Указанная диссертація, р. 37.

²⁾ *A. Weidemann, Die Quellen der ersten sechs Bücher von Tacitus Annalen.* Сочиненіе это, защищающее самостоятельность Тацита и состоящее изъ трехъ „программъ“ Клевесской гимназіи 1868, 1869 и 1870 гг., къ сожалѣнію, не нашлось ни въ одной изъ большихъ петербургскихъ библиотекъ. Приводимое здѣсь мѣсто мнѣ извѣстно по ссылкѣ Гофмана (р. 35 указанной диссертаціи).

стоитъ подъ гнетомъ усвоенной имъ отъ Ниссена теоріи, и только этотъ гнетъ теоріи заставляетъ его говорить слѣдующее (р. 319): „Нѣтъ надобности удивляться тому, что Тацитъ не взялъ въ частяхъ *Лѣтописи*, относящихся къ засѣданіямъ сената, главнымъ источникомъ официальныхъ документовъ. Матеріалы эти были уже эксплуатированы его предшественниками. Изысканія сдѣланы, и было излишне, по ученію (?) древнихъ, ихъ передѣлывать: нужно было только повѣрять одинъ другому, — если ихъ было нѣсколько, — разказы о сенатскихъ преніяхъ, составленные на основаніи первоисточника“. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Фабіа, выходитъ, что для историка было удобнѣе повѣрять взаимно повѣствованія историковъ о сенатскихъ преніяхъ, чѣмъ прямо знакомиться съ этими преніями по самому источнику, или обращаться къ этому послѣднему, какъ къ средству контроля, а не къ другому историкъ. Впрочемъ, нѣсколько дальше тотъ-же ученый приводитъ уже совсѣмъ другое соображеніе для объясненія, почему-де Тацитъ мало пользовался сборниками сенатскихъ протоколовъ. „Его поведеніе, — говорятъ г. Фабіа, — объясняется недостаткомъ довѣрія (par le peu de confiance), какое внушалъ ему этотъ сборникъ, который имѣлъ официальный характеръ и редакторъ котораго, избираемый императоромъ, старался приноровить вещи ко вкусу повелителя“. Одинъ доводъ искусственнѣе другаго. А между тѣмъ, какая смѣлость въ заключеніи изъ этихъ доводовъ ¹⁾!

Изъ трехъ выше отмѣченныхъ ссылокъ Тацита на другой первоисточникъ своихъ историческихъ свѣдѣній, на *Acta (diurna) populi*, то-есть, на ежедневную римскую газету, видно, что историкъ нашъ былъ хорошо знакомъ съ этимъ источникомъ, какъ иначе и быть не могло въ виду важной роли, которую газета играла въ общественной жизни города Рима. Она сообщала правительственныя дѣйствія и распоряженія, знакомила съ событіями, касавшимися императорскаго дома и сообщала всевозможныя новости городской жизни, какъ то: извѣстія о рожденіяхъ, кончинахъ, бракахъ, разводахъ, общественныхъ постройкахъ, постановкѣ памятниковъ, о новыхъ книгахъ и т. п. Въ эту газету переходило многое и изъ сенатскихъ протоколовъ, которые, со времени Августа, не обнародывались для публички, и между прочимъ промзноснвилися въ сенатѣ рѣчи, что дѣлало для людей, слѣдившихъ за политикой, чтеніе газеты особенно интерес-

¹⁾ „En somme, directement les *Annales* ne doivent à peu près rien aux *Acta senatus*“ (р. 319).

нымъ, какъ это видно и изъ обвиненія Пета Фразен между прочимъ въ томъ, что, благодаря его оппозиціоннымъ выходкамъ, газета эта читается съ особеннымъ стараніемъ по провинціямъ и по войскамъ „для того, чтобы знать, чего Фрасея не сдѣлалъ“ (*Ann. XVI, 22*)¹⁾. Что Тацитъ, когда ему нужно было, обращался къ этому источнику за справками, это показываетъ его прямое указаніе (III, 3) на то, что онъ „ни у историковъ, ни въ извѣстіяхъ ежедневной газеты“ не нашелъ сообщенія о роли, то-есть, объ участіи матери Германника, Антонины, при похоронахъ своего сына, тогда какъ другіе родственники покойнаго обозначены въ этихъ извѣстіяхъ по имени. Правда, такъ положительно указанная историкомъ справка съ этимъ источникомъ есть единственная въ *Литотиси*, но это не значитъ, что онъ развертывалъ такой обильный свѣдѣніями сборникъ только по указанному случаю. Для г. Фабія, конечно, непосредственное пользованіе Тацита и этимъ, столь доступнымъ, источникомъ мало вѣроятно, такъ что онъ считаетъ „une valeur conjecture“ (р. 322) даже предположеніе г. Горстмана²⁾, не менѣе его самого увлекающагося теоріей главнаго и „почти единственнаго“ источника, о томъ, что сообщенія Тацита въ главахъ 41 и 49 II книги объ общественныхъ сооруженіяхъ и посвященіяхъ ихъ заимствованы историкомъ именно изъ римской газеты.

Въ виду трехъ положительныхъ ссылокъ на публичныя надписи, которыя въ одномъ мѣстѣ (XII, 24) Тацитъ называетъ *acta publica*, г. Фабія не отвергаетъ пользованія до известной степени этими документами, но, прямо отрицая пользованіе императорскимъ архивомъ, на трудность доступа къ которому мы указывали еще въ статьѣ объ изданіи *Литотиси*, сдѣлашомъ Фюрно³⁾, ставитъ въ число источниковъ Тацита сборникъ рѣчей и писемъ высшихъ государственныхъ дѣятелей, изданіемъ которыхъ занимался при Веспасіанѣ, по словамъ *Разговори объ ораторахъ* (гл. 17), Муціанъ,

¹⁾ Отноительно содержанія *Acta (diurna) populi Romani*, какъ и относительно того, что касается сенатскихъ протоколовъ, см. изслѣдованіе Эм. Гюбнера: *De senatus populi Romani actis*, напечатанное въ III дополнительномъ томѣ къ *Jahrbücher für classische Philologie*, р. 559 слѣд. и вышедшее также отдѣльнымъ оттискомъ (Лейпцигъ, 1860).

²⁾ *Ueber die Quellen des Tacitus in den ersten sechs Büchern der Annalen*. Inaug. Diss. (Marburg, 1877), р. 49.

³⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, декабрь, отд. 2, стр. 380 (прим.).

главный полководецъ въ войнѣ Веспасіана съ Вителліемъ. И дѣйствительно, среди ссылокъ на эти документы одна (II, 63) прямо указываетъ на существованіе рѣчи Тиберія, въ которой восхваляется германскій царь Марободуй, извѣстный противникъ Арминія (*extat oratio etc.*). другая (VI, 6) приводитъ начальныя слова письма Тиберія къ Сенату. Впрочемъ, эту единственную, которая сопровождается приведеніемъ подлинныхъ словъ документа, ссылку на письма Тиберія. г. Фабіа (р. 329) предпочитаетъ отнести на счетъ общаго источника, такъ какъ то же самое мѣсто изъ письма Тиберія приводится и Светоніемъ (*Tib.*, 67). Очень можетъ быть, что начало этого письма, въ которомъ Тиберій говоритъ о своихъ нравственныхъ мукахъ, было приведено и предшествовавшими историками, что и обратило на него особенное вниманіе какъ Тацита, такъ и Светонія и заставило ихъ привести его въ подлинномъ видѣ. Но это не исключаетъ и непосредственнаго знакомства Тацита съ даннымъ письмомъ, какъ и съ другими письмами Тиберія, которыми, какъ и рѣчами этого императора, онъ обыкновенно пользовался не для текстуальнаго ихъ воспроизведенія, а для ознакомленія съ фактами или для передачи приблизительнаго ихъ смысла. какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ это г. Фабіа ¹⁾. Примѣромъ такой своеобразной передачи документа можетъ служить письмо Тиберія, составившее 53-ю и 54-ю главы III книги *Литотиси* съ предварительнымъ замѣчаніемъ (гл. 52): *postremo litteras ad senatum composuit, quorum sententia in hunc modum fuit.* Но составленіе такого рода писемъ и рѣчей требовало не только знакомства, но и внимательнаго изученія подлинныхъ памятниковъ, дававшихъ имъ содержаніе.

Ссылаясь на рѣчи и на письма Тиберія, Тацитъ никогда не ссылается на его мемуары или на записки, о которыхъ говоритъ Светоній ²⁾. Г. Фабіа объясняетъ это тѣмъ, что Тацитъ не могъ смотрѣть, какъ на историческій источникъ, на сочиненіе, „въ которомъ ложь такъ безстыдно выставляла себя на показъ и которое такъ

¹⁾ Его безпристрастіе къ Тациту въ данномъ случаѣ на столько выдается, что мы позволяемъ себѣ привести его слова въ подлинникѣ: „*Tacite a sans doute lu les discours et lettres de Tibère; tantôt il y a cherché des renseignements sur les faits eux-mêmes, tantôt, ayant à faire parler l'empereur, il s'en est inspiré* (р. 328).

²⁾ *Tib.*, 61. Записки Тиберія были, по словамъ Светонія (*Dom.* 20), особенно любимымъ чтеніемъ Доміціана: *Praetor commentarios et acta Tiberii Caesaris nihil lectabat.*

высоко цѣнилъ Домиціанъ". Сужденіе это, пожалуй, нѣсколько субъективно; но, съ одной стороны, опорой ему служить фактъ грубаго извращенія авторомъ записокъ поводовъ къ казни Сеяна, на который именно указываетъ Светоній, съ другой—дѣйствительно явная ненависть Тацита къ почитателю ихъ, Домиціану, съ такою силою засвидѣтельствованная въ его жизнеописаніи Агриколы (особенно въ главахъ 42—45). Нѣтъ у Тацита ни одной ссылки и на мемуары Клавдія, который, по словамъ Светонія ¹⁾, написалъ *о своей жизни* восемь книгъ. Причиной невниманія къ такому обильному источнику свѣдѣній послужило, конечно, неуваженіе Тацита къ умственнымъ качествамъ этого императора, записки котораго, какъ выражается Светоній, были написаны *magis inepte, quam ineleganter*. Впрочемъ, мы должны оговориться: быть можетъ, Тацитъ и ссылался на записки Тиберія въ потерянной части *пятой* книги *Литоники*, гдѣ шелъ разказъ о низверженіи и казни Сеяна, и приводилъ изъ нихъ даже то самое мѣсто, которое приводитъ Светоній, что, разумѣется, дало бы поводъ г. Фабіа сказать, что мѣсто это взято Тацитомъ изъ „общаго источника“; очень можетъ быть также, что были ссылки и на мемуары Клавдія, первыя шесть лѣтъ правленія котораго не дошли до насъ въ повѣствованіи Тацита. Подозрительность записокъ того и другаго императора, какъ историческаго источника, на которую главнымъ образомъ нападаетъ г. Фабіа, указывая на отсутствіе ссылокъ на нихъ у Тацита, сама по себѣ не могла быть тому причиною: ссылки дѣлаются не только въ подтвержденіе истины, но и въ опроверженіе лжи, или въ ея обличеніе. Едва-ли у Тацита было больше довѣрія къ безпристрастію мемуаровъ Агриппины Младшей, дочери Германника, матери Нерона, второй жены Клавдія, которая рисуется у Тацита самыми несимпатичными красками; однако онъ цитуетъ эти мемуары (IV, 53), когда въ этомъ явилась надобность ²⁾. Въ доказа-

¹⁾ *Claud.* 41.

²⁾ Ссылка Тацита на мемуары Агриппины относительно факта, касающагося ея матери, и относящаяся къ правленію Тиберія, можетъ служить примѣромъ, какъ внимательно изучалъ историкъ нашъ источники свѣдѣній для описываемаго имъ времени, и какъ онъ старался быть независимымъ отъ предшествовавшихъ историковъ. Никто изъ этихъ послѣднихъ не указалъ на такой интересный фактъ, какъ настойчивое желаніе вдовы Германника, этой типически-строгой римской матроны, вступить во вторичный бракъ, желаніе, къ которому съ такою грубою нечувствительностью отнесся Тиберій. Навлекши этотъ фактъ изъ мемуаровъ Агриппины Младшей, Тацитъ замѣчаетъ: *id ego, a scriptoribus annalium non tradidit, геррегі etc.* Замѣчаніе это можетъ, въ свою очередь, служить доказатель-

тельство того, что Тацитъ вообще изучалъ мемуарную литературу и пользовался ею, служитъ ссылка его на записки Корбулона (XV, 16), извѣстнаго своими подвигами полководца въ войнѣ съ парянами и цитуемаго, какъ авторитетъ, также и Плиніемъ Старшимъ въ II (70, 180) и V (24, 83) кн. его „Естественной Исторіи“. Что г. Фабіа ограничиваетъ роль этихъ мемуаровъ въ историческихъ данныхъ, сообщаемыхъ Тацитомъ, до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ или, точнѣе, до одного факта, ради котораго и то, и другое сочиненіе цитуются, это объясняется единственно его желаніемъ не ослаблять своей теоріи строгой зависимости Тацита отъ предшествующихъ историковъ, такъ какъ приводимыя имъ основанія отличаются больше изысканностью, чѣмъ естественностью. Таково его увѣреніе (р. 331), что Тацитъ не пользовался Корбулономъ потому, что не вполнѣ довѣрялъ его правдивости, и рядомъ съ этимъ заявленіе, что главною причиною ничтожности заимствованій изъ записокъ Корбулона для Тацита было то, что записками этими уже воспользовался Плиній Старшій, а также Клувій Руфъ и Фабій Рустикъ, историки, которые служили Тациту источниками для времени Нерона. Но записки Корбулона для исторіи войнъ римлянъ съ парянами изъ-за Арменіи при Неронѣ составляли такой капитальный источникъ, что кто бы ни касался этого предмета, не могъ безъ нихъ обходиться. Если послѣ Клувія, который ими пользовался, пользовались ими Фабій Рустикъ и Плиній, не смотря на то, что это были „des matériaux déjà exploités“, то какъ же было не обращаться къ нимъ непосредственно, то-есть, нарочно лишать себя полноты столь важнаго источника, и Тациту, историку, въ такой степени внимательному къ достоверности сообщаемыхъ имъ данныхъ и осторожному? И неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, развертывалъ эти записки только для того, чтобы сообщить по нимъ фактъ постыдной капитуляціи Пета и его, похожаго на бѣгство, отступленія изъ Арменіи, и затѣмъ слова отложилъ ихъ въ сторону, чтобы излагать дальнѣйшій ходъ дѣла по Плинію, Клувію или Фабію? Подобное разсужденіе—не въ обиду будь сказано г. Фабіа—намъ просто кажется несерьезнымъ.

ствомъ слабой привязанности историка къ какому-нибудь одному источнику. Г. Фабіа (стр. 333), понятно, старается присѣять доказательства въ подтвержденіе его мысли, что указанный фактъ былъ только вставкой, une simple intercalation de quelques lignes, въ канву разказа, заимствованнаго Тацитомъ у историковъ, и что дальшее этого пользованіе записками Агриппины не шло. Интересно, впрочемъ, что онъ говоритъ объ историкахъ, а не объ историкѣ.

Оставляя въ сторонѣ разные другіе памятники письменности современнои разказываемымъ въ *Литотиси* событіямъ эпохи, каковы не дошедшіе до насъ и не упоминаемые Тацитомъ спеціальныя географическія и этнографическія сочиненія (Светонія Павлина, о Британіи и объ Африкѣ, Л. Антистія Ветера о Германіи), рѣчи разныхъ государственныхъ дѣятелей въ правленія Тиберія, Калигулы, Клавдія и Нерона, памфлеты, въ которыхъ не было недостатка въ эту эпоху, и о которыхъ Тацитъ по временамъ упоминаетъ ¹⁾, нельзя не упомянуть о двухъ немаловажныхъ источникахъ независимыхъ отъ историковъ свѣдѣній для Тацита: объ его личномъ знакомствѣ со многими мѣстами, гдѣ происходили описываемыя событія, и о свидѣтельствахъ очевидцевъ, переданныхъ ему непосредственно или лицами, слышавшими то или другое отъ очевидцевъ.

Кромѣ Рима и его памятниковъ, Тацитъ безъ сомнѣнія былъ близко знакомъ и со многими мѣстами Италіи. Такъ, и г. Фабіа (р. 342) отмѣчаетъ его подробное описаніе острова Капрей (IV, 67), какъ доказательство его „очень вѣроятнаго“ знакомства съ этимъ островомъ, на которомъ Тиберій проводилъ послѣдніе, самыя жестокіе, годы своего правленія. Положимъ, что описаніе этого острова, какъ и всей мѣстности, прилегающей къ Неаполитанскому заливу, Тацитъ могъ найдти у предшествующихъ историковъ; но всякій знаетъ, какъ важно, пользуясь даже готовыми описаніями, имѣть наглядное представленіе о мѣстности, чтобы живѣе изобразить ее передъ читателемъ. И за предѣлами Италіи были мѣста, въ которыхъ Тацитъ проводилъ продолжительное время, и знакомство съ которыми давало ему точку опоры въ его сообщеніяхъ какъ о самыхъ мѣстахъ, такъ и о связанныхъ съ ними событіяхъ. Мы не знаемъ, гдѣ историкъ провелъ четыре года вмѣстѣ съ женой по сложеніи съ себя въ 89 г. по Р. Хр. преторской должности, такъ что не могъ даже присутствовать на похоронахъ своего тестя Агриколы, умершаго въ Римѣ 23-го августа 93 года (846 г. Рима). Но недавно открыта въ Каріи французскими археологами гг. Дубле (G. Doublet) и Дешаномъ (G. Deschamps) греческая надпись, изъ которой мы узнаемъ, что Тацитъ былъ проконсуломъ Азіи ²⁾, каковое событіе, въ виду того, что онъ

¹⁾ Ann. I, 72; IV, 21; XIV, 48, 50.

²⁾ Надана надпись въ *Bulletin de correspondance hellénique*, 1890, p. 621—622. Благодаря ей, мы знаемъ теперь положительно, что личное имя Тацита (праепонен) было не *Gajus*, какъ его даетъ Анолинарій Сидоній (Ep. IV, 14,

былъ консуломъ въ 98 году, могло относиться приблизительно къ 110—111 г. ¹⁾.

Что касается до свидѣтельствъ очевидцевъ, то, какъ это вѣрно замѣчаетъ г. Фабіа (р. 343), ко времени, когда Тацитъ приступилъ къ составленію *Лѣтописи*, современниковъ Тиберія было уже мало; но не мѣшаетъ замѣтить, что разказы очевидцевъ о времени Тиберія могли быть выслушиваемы Тацитомъ еще за сорокъ лѣтъ раньше. чѣмъ онъ описывалъ это время въ *Лѣтописи*, ко времени составленія которой у него могъ набраться значительный запасъ устныхъ свѣдѣній о правленіи преемника Августа. И дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ (III, 16), приводимомъ и г. Фабіа, онъ прямо ссылается на слышанное имъ въ прежнее время: *audire me tetrici ex senioribus*, поясняя далѣе, что это разказывали люди, дожившіе до времени его юности (*qui nostram ad juventam duraverunt*). Г. Фабіа (р. 345) полагаетъ, что это свидѣтельство (рѣчь идетъ о причинахъ смерти Германика или, лучше, объ отношеніи къ этому печальному для современниковъ событію Гн. Кальпурнія Пизона, считавшагося виновникомъ этой смерти, и самого Тиберія) составляетъ все, что Тацитъ внесъ въ первыя шесть книгъ *Лѣтописи* изъ источниковъ этого рода. Мы оставляемъ такое заявленіе на его отвѣтственности. Но не многимъ больше онъ приписываетъ этому источнику и относительно свѣдѣній, касающихся времени Нерона, свидѣтелей котораго Тацитъ имѣлъ въ изобиліи предъ глазами не только въ періодъ своей юности, но и въ позднѣйшую пору своей жизни, ограничивая эти свѣдѣнія свидѣтельствами, относящимися ко времени Пизонова заговора (XV, 73 и XV, 67). Такъ или иначе, свидѣтельства современниковъ должны быть внесены въ списокъ тѣхъ источниковъ, пользованіе которыми ставило Тацита въ болѣе или менѣе независимое положеніе относительно предшествовавшихъ ему историковъ.

Мы уже не разъ замѣчали, что Тацитъ не придавалъ значенія, какъ серьезному историческому источнику, слухамъ или народной молвѣ,—что у г. Фабіа называется „*la tradition anonyme*“,—какъ бы она ни была распространена, и старался даже предостеречь своихъ читате-

22), а *Publius*, какъ онъ значится въ разныхъ мѣстахъ медичейской (*Medic. prior*) рукописи (См. въ моей книгѣ „Тацитъ и его сочиненія“ С.-Пб. 1864, стр. 4). Вторая строка надписи даетъ: [Ἀνθ.] Πο. Κορυλίφ Τακίτφ.

¹⁾ Послѣ Тиберія промежутокъ между годомъ консульства и годомъ проконсульства, какъ это доказано *Ваддингтономъ* (*Fastes des provinces asiatiques etc. Paris. 1872, p. 13*) въ среднемъ равнялся 12—13 годамъ.

лей отъ довѣрчивости къ такого рода извѣстіямъ (IV, 11). Обыкновенно даже историкъ проходитъ всякіе анекдоты, которымъ публика тѣмъ охотнѣе вѣритъ, чѣмъ они невѣроятнѣе (*incredibilia avide asserpta*), безъ вниманія. Но случается, что и народная молва бываетъ не лишена своего значенія, и потому нашъ историкъ чувствовалъ необходимость иногда опираться, между прочимъ, и на нее, чтобы при разпогласіи источниковъ дать перевѣсъ тому, сообщеніе котораго представляется ему болѣе вѣроятнымъ. Такъ именно онъ и поступилъ (XIV, 2) въ спорномъ вопросѣ о томъ, отъ кого,—отъ Нерона, или отъ Агриппины,—исходилъ соблазнъ чудовищнаго кровосмѣшенія, которое едва не произошло между сыномъ и матерью. Клувій обвинялъ въ этомъ случаѣ Агриппину, а Фабій Рустикъ Нерона; другіе историки говорили то же, что Клувій. Тацитъ, склоняясь также къ этому мнѣнію, прибавляетъ: *et fama hic inclinat*. Г. Фабія, съ которымъ мы въ разъясненіи значенія, какое въ глазахъ Тацита имѣла молва, вполнѣ соглашаемся, наираетъ въ послѣднемъ случаѣ на то обстоятельство, что Тацитъ отдаетъ тутъ предпочтеніе не одному письменному источнику, поддерживаемому молвой, передъ другимъ письменнымъ источникомъ, а одному письменному источнику, съ которымъ согласны всѣ остальные, кромѣ одного, и за который, въ добавокъ, стоитъ еще устное преданіе. Такимъ образомъ значеніе этого источника для Тацита все-таки сводится почти къ нулю, чѣмъ хотя и отнимается у него лишнее орудіе его повѣствовательной независимости отъ предшественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признается необыкновенная разборчивость въ извѣстіяхъ и тщательная критическая оцѣнка за нашимъ историкомъ, что, въ свою очередь, мало согласна съ теоріей подчиненія его повѣствованію того или другаго „главнаго“ или „почти единственнаго“ источника.

Итакъ у Тацита былъ цѣлый рядъ источниковъ первой руки, къ которымъ онъ обращался, вовсе не довольствуясь тѣми свѣдѣніями, какія онъ получилъ отъ раньше его писавшихъ историковъ. Ссылки его на эти источники не многочисленны, но тверды и положительны. Онъ показываетъ, что, вопервыхъ, источники эти ему были хорошо знакомы и что, вовторыхъ, онъ, при ихъ помощи, ограждалъ, на сколько то было возможно, свою независимость отъ предшественниковъ, отъ извѣстной степени вліянія которыхъ не могъ быть свободенъ ни одинъ историкъ ни въ древнее, ни въ среднее, ни въ новое время. Если Ниссенъ, усердно выставя на показъ свой „Grundgesetz“,

которому будто бы слѣдовала вся древняя историографія ¹⁾, ставить Тацита на одну доску не только съ Ливіемъ, для котораго не было никакой возможности лично овладѣть всѣмъ матеріаломъ семисотъ пятидесяти-лѣтней исторіи и потому поневолѣ приходилось пользоваться щедрою рукой трудами римскихъ анналистовъ и Поливія, но и нѣкоторымъ образомъ съ средневѣковыми компиляторами, то онъ забываетъ съ одной стороны необыкновенно могучую индивидуальность Тацита, а съ другой—то, что онъ писалъ о времени, которое, не будучи особенно продолжительнымъ ²⁾, въ значительной своей части проходило у него на глазахъ, а въ остальной продолжало еще жить въ живомъ преданіи. Слѣдовать „основному закону“ пользованія почти исключительно чужими трудами, если труды эти уже занимались заработкою историческаго матеріала, Тациту нельзя было уже потому, что труды его предшественниковъ частію не успѣли еще утратить своей свѣжести и обращались въ публикъ, а само, описываемое имъ, время, какъ не потерявшее еще почти на всемъ своемъ протяженіи современныхъ свидѣтелей, не совсѣмъ, такъ сказать, вошло въ исторію. Какое тутъ можетъ быть сравненіе съ работой Ливія, напримѣръ, о пуническихъ войнахъ и съ средневѣковыми хроникерами, повторявшими своихъ предшественниковъ относительно предыдущаго времени и продолжавшими ихъ работу лишь описаніемъ событій своего времени! Разныя лица, разное положеніе, разныя потребности. Наконецъ, для составленія восьмидесяти-двухлѣтней исторіи, обнимаю-

¹⁾ Мы уже упоминали (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, апрѣль, отд. 2, стр. 318) о трудѣ Ниссена подъ заглавіемъ „*Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius*“ (Berl., 1863). Въ этомъ очень потемномъ въ своей наследовательной части трудѣ авторъ высказываетъ (р. 77—73) такіе смѣлые взгляды: „*Livius ist kein Plagiator, aber noch weniger ein Tasclenspieler unter den Historiker, sondern er steht unter dem Einfluss desselben Grundgesetzes, welches die ganze Historiographie bis auf die Entwicklung der modernen Wissenschaft beherrscht.* Es hat sich aus der vorhergehenden Untersuchung für uns ergeben, dass Livius einen grossen Theil der vierten und fünften Dekad. ohne wesentliche Modificationen aus Polybios herübergenommen hat. Diese Thatsache involvirt ohne Weiteres den Schluss, dass er seine übrigen Quellen grade ebens benutzte, d. h., weil sie lateinisch abgefasst waren, von der stilistischen Behandlung abgesehen, *einfach ausschrieb. Vor Erfindung der Buchdruckerkunst ist dies die natürlichste Art und Weise nach den Werken der Vorgänger Geschichte zu schreiben*“. Эту, крайне обобщенную, теорію Ниссенъ нашелъ возможнымъ приложить во всей строгости и къ *Исторіямъ* Тацита, въ своей не разъ упоминавшейся нами статьѣ „*Historien des Tacitus*“ въ *Rhein. Mus. für. Phil.*, XXVI, 497 слд.

²⁾ Отъ 14—96 по Р. Хр.

щей время отъ правленія Тиберія до смерти Домиціана, Тациту во все не требовалось полуторыхъ или даже цѣлыхъ двухъ десятковъ лѣтъ ¹⁾, коль скоро работа его должна была состоять въ слѣдованіи избраннымъ имъ руководителямъ и въ сличеніи одного съ другимъ писавшихъ до него объ этомъ времени историковъ. Ясное дѣло, что для такой работы не требовалось и десятой доли столь продолжительнаго времени. Если же Тацитъ, издавшій *Исторіи* приблизительно въ 107—108 гг., писалъ между 115 и 117 гг. лишь вторую книгу *Лѣтописи*, то, значить, его работа состояла не въ воспроизведеніи, по „основному закону“ Ниссена, трудовъ своихъ предшественниковъ, а въ тщательномъ собраніи матеріала и въ строгой повѣркѣ того, что было написано другими. На эту сторону дѣла, то-есть, на продолжительность составленія Тацитомъ своихъ историческихъ трудовъ, какъ на доказательство самостоятельнаго знакомства историка съ матеріалами и внимательной критики предшественниковъ, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, никѣмъ еще не указывалось, а между тѣмъ здѣсь несомнѣнно лежитъ огромный камень преткновенія для теоріи слѣдованія главному или почти единственному источнику. Еслибы г. Фабіа обратилъ свое вниманіе на то, какъ трудно нашему историку доставался результатъ его работы, стижавшей ему почти никѣмъ неоспариваемый титулъ великаго историка, то онъ, вѣроятно, не заключилъ бы своей главы „*Tacite et les sources premières*“ во второй части своей книги, то-есть, касающейся *Лѣтописи*, заявленіемъ, что источники первой ружіи играли въ *Лѣтописи* „роль незначительную“ и что онъ будто бы доказалъ, что „Тацитъ не держался метода работы по первоисточникамъ“. На это заявленіе мы считаемъ себя вправѣ замѣтить, что какъ измѣрить роль первоисточниковъ по скуднымъ ссылкамъ на нихъ историка—дѣло трудное, такъ легко убѣдить себя въ томъ, что сказанное нами есть вещь дока-

¹⁾ Когда именно Тацитъ принялся за работу надъ *Исторіями*, сказать трудно, но по всей вѣроятности не долгое время спустя послѣ изданія *Германи* (98 г.). Во всякомъ случаѣ значительная часть *Исторій* уже вышла въ свѣтъ въ 107 г., какъ это можно видѣть изъ письма къ нему Плинію Младшаго (VII, 33), въ которомъ онъ, восхищаясь произведеніемъ своего друга, заявляетъ, что „*Исторіи* ея будутъ безсмертны“. Письма VII книги Плинія Момизенъ (*Hermes*, III, 1868) относятся къ 107 году. *Лѣтопись* же, если взять во вниманіе, что вгоряч ея книга была писана, какъ это видно изъ указанія (II, 61) на восточныя границы, установленныя въ 115 году Траяномъ и потеряныя въ 117 Адріаномъ, между 115 и 117 гг., могла быть окончена лишь къ концу втораго десятилѣтія II вѣка нашей эры.

занная. И Ниссенъ не сомнѣвался въ томъ, что его доводы въ подтвержденіе его взгляда, будто Плиніи былъ единственнымъ источникомъ дошедшей до насъ части *Исторій* Тацита, убѣдительно для всѣхъ и cadaго. Это однако не помѣшало такому знатоку Тацита, каковъ былъ Ниппердей, не замѣтить даже и тѣни доказательности въ его аргументаціи ¹⁾. Вообще смѣлость заключеній въ подобнаго рода вопросахъ, гдѣ открыто столь большое поприще для догадокъ, представляетъ не малую опасность.

Историческая литература, съ какою пришлось Тациту имѣть дѣло, когда онъ приступилъ къ *Лѣтописи*, была велика. Особенно много было написано сочиненій, разсматривавшихъ правленіе Тиберія. Тацитъ ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ, не разъ употребляя объ относящихся къ этому времени историкахъ выраженіе *plurimi*. Такъ, разказавъ объ обстоятельствахъ смерти Друза, сына Тиберія, онъ замѣчаетъ (IV, 10), что воспроизвелъ *quae plurimis maximaeque fidei auctoribus memorata sunt*. Такъ же точно, говоря объ удаленіи Тиберія изъ Рима, онъ выражается (IV, 57): *secutus plurimos auctorum*. Слѣдовательно, передъ нашимъ историкомъ лежалъ цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ въ указанныхъ случаяхъ онъ слѣдовалъ *наибольшему* ихъ числу. Въ виду столь положительныхъ указаній на множественность историковъ для этого времени г. Фабіа (р. 354) заявляетъ, что историческихъ сочиненій, которыми пользовался Тацитъ по отношенію ко времени Тиберія, было не менѣе четырехъ, не считая такихъ литературныхъ источниковъ, которые представляли матеріалъ лишь для извѣстной части событій этого времени, каковы цитуемая историкомъ (I, 69) *Германскія войны* Плинія Старшаго и (IV, 53) записки Агриппины, дочери Германика. Почему г. Фабіа, на основаніи приведенныхъ мѣстъ, даетъ Тациту для времени Тиберія *au moins quatre sources*, четыре, а не пять, семь или десять,

¹⁾ Указавъ въ Введеніи къ своему изданію *Лѣтописи* (прям. къ стр. 30-й 8-го изд., сдѣланнаго Андреаеномъ) на несостоятельность мнѣнія Моммзена и замѣтивъ, что онъ, упрекая Тацита въ окраскѣ и извращеніи фактовъ, самъ надѣлалъ не мало ошибокъ (*vielmehr hat sich hierbei mehrfach Ungenauigkeiten und Irrtümer zu schulden kommen lassen*), Ниппердей между прочимъ говоритъ: „Ebenso wenig Anspruch auf Billigung hat die von Nissen (Rh. Mus. XXVI, 497) *ohne etwas, was man einen Beweis nennen könnte*, vorgetragene Ansicht, dass Plinius die einzige Quelle des Tacitus gewesen sei“.

это его филологическая тайна ¹⁾, которая нѣсколько разъясняется тѣмъ, что подъ выраженіемъ *plerique scriptores* (XIII, 17), относящимся къ историкамъ времени Нерона, онъ разумѣетъ только *трехъ*. Трехъ онъ тутъ разумѣетъ потому, что Тацитъ называетъ по именамъ, разказывая о временахъ Нерона, только трехъ историковъ: Клувія Руфа, Фабія Рустика и Плинія Старшаго. Еслибы у Тацита ихъ было больше, рассуждаетъ г. Фабія (р. 352), то въ сообщеніи, касающемся Бурра (XIII, 20), онъ не преминулъ бы назвать кромѣ указанныхъ трехъ историковъ, разошедшихся по вопросу о вѣрности Бурра Нерону, и другихъ въ поддержку того или другаго мнѣнія. Соображеніе это, конечно, очень остроумно, но 'что подъ *plerique* Тацитъ разумѣетъ въ исторіи времени Нерона не трехъ, а больше историковъ, это видно изъ того, что въ XIV, 2, разбирая вопросъ о томъ, кто,—Неронъ, или Агриппина,—подалъ поводъ къ слухамъ о возникновеніи скандальныхъ между ними отношеній, онъ, противопоставивъ мнѣнію Фабія Рустика мнѣніе Клувія, говоритъ: *sed quae Cluvius, eadem ceteri quoque auctores prodidere*. Если было только три историка, которыхъ имѣетъ въ виду Тацитъ для эпохи Нерона (Фабій Рустикъ, Клувій Руфъ и Плиій), то подъ *ceteri* послѣ поименованія Фабія и Клувія никакъ уже нельзя разумѣть *одного* Плинія, чтб было бы противно грамматикѣ. Но г. Фабія, когда это ему нужно, не останавливается и передъ этимъ обстоятельствомъ и прямо заявляетъ (р. 353), что раньше высказанныя имъ соображенія заставляютъ его видѣть „позади этого множественнаго числа единственное“, именно третьяго автора, Плинія. При такой растяжимости филологическихъ требованій, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что французскій ученый подъ *plurimi* писавшихъ исторію времени Тиберія видитъ только „по меньшей мѣрѣ четыре источника“. Если *plerique*, употребляемое Тацитомъ, какъ г. Фабія и самъ замѣчаетъ (р. 354), въ смыслѣ *multi*, *многие* ²⁾, можетъ, по его толкованію, означать

¹⁾ Кстати замѣтить, что г. Фабія не совсѣмъ правильно прицаетъ слову *plurimi* значеніе усмленной степени множества по отношенію къ *plerique*, говоря (р. 354): „*plurimi* estant dans son vocabulaire plus fort que *plerique*. Подъ *plurimi auctores* или *auctores*, Тацитъ разумѣетъ *наибольшую* часть писателей, независимо отъ ихъ числа, большаго или малаго.

²⁾ По Ниппердею (примѣч. къ III, 1), *plerique* у Тацита значитъ даже *очень многие* (*sehr viele*), съ чѣмъ согласенъ и Клазонъ (*Tacitus und Sueton*, р. 61). Фюрно, съ своей стороны, какъ и раньше его Дрэгерь, въ примѣчаніи къ тому же мѣсту говоритъ: *plerique*==*permulti*.

только трехъ, то подъ *plurimi*, что значитъ самое большое, наибольшее число, и по объясненію г. Фабіа является „plus fort que *plerique*“, по его мнѣнію, достаточно разумѣть четырехъ, хотя можно и больше. Но нашимъ обыкновеннымъ представленіямъ нельзя не только о трехъ, но и о четырехъ употребить выраженіе *multi*, еще менѣе того *очень multi*; но, оказывается, что эти понятія теряютъ свой обыкновенный смыслъ, какъ только дѣло касается источниковъ Тацита. Самъ Тацитъ, однако, видимо имѣлъ не тѣ филологическія представленія, какія ему навязываетъ г. Фабіа. Употребляя, напримѣръ, въ IV, 38 одно за другимъ *alii—multi—quidam* ¹⁾, онъ даетъ намъ понять, что умѣлъ хорошо различать слова, не смѣшивая понятія о *многихъ*, *multi*, съ понятіемъ о *нѣсколькихъ*, которое можетъ заключаться въ выраженіяхъ *одни* и *нѣкоторые*, въ выраженіяхъ, умѣстныхъ, когда дѣло идетъ о двухъ, трехъ, четырехъ и даже о большемъ количествѣ лицъ. Что Тацитъ употреблялъ подобныя выраженія не безразлично, это видно и изъ того, что онъ иногда (*Hist.* IV, 84) рѣзко отбѣиваетъ, по видимому, близкія выраженія, ставя одно за другимъ: *multi*, *plerique*, *plurimi*. Очень жаль, что авторъ книги объ источникахъ Тацита такъ произвольно считаетъ число этихъ источниковъ, упорствуя въ утвержденіи, что число историковъ для времени Нерона, которыми пользовался Тацитъ, было *только* три, и полагая, что, когда Тацитъ объ историкахъ времени Тиберія употребляетъ выраженіе *plurimi*, это *plurimi* обозначаетъ лишь *четыре* историковъ.

Изъ собственно историковъ, описывавшихъ время Тиберія, Тацитъ не поименовываетъ никого. Онъ указываетъ только, какъ выше было упомянуто, на сочиненіе Плинія о Германскихъ войнахъ и на записки Младшей Агриппины. Онъ дѣлаетъ ссылки (см. выше, стр. 123) на *scriptores*, *auctores rerum*, на *maximae fidel auctores*, *temporis ejus auctores*, характеризую ихъ количественно *multi*, *plerique*, *plurimi*, а также прилагая къ меньшимъ частямъ ихъ выраженія: *alii*, *quidam*. Во всякомъ случаѣ ясно, что для времени Тиберія было *много* литературно-историческихъ источниковъ. Знаемъ же мы объ нихъ очень не много. Дошелъ до насъ только одинъ Веллей Патер-

¹⁾ Quod *alii* modestiam, *multi*, quia diffideret *quidam* ut degeneris animi interpretabantur — такъ выражается Тацитъ по поводу рѣчи Тиберія въ сенатѣ, въ которой тотъ отказывался отъ божескаго культа, задуманнаго по отношенію къ нему испанцами.

куль, котораго мы еще на первой страницѣ предыдущей статьи прямо исключили изъ числа историковъ, какіе могли служить источникомъ или пособіемъ для *Лѣтописи*. Того же мнѣнія, въ сущности, и г. Фабіа, который (р. 317), основательно принимая, что ни духъ, ни форма сочиненія этого льстиваго и бездарнаго писателя не могли правиться Тациту, сначала замѣчаетъ, что если Тацитъ и справлялся съ нимъ, то „рѣдко и осмотрительно“, затѣмъ сомнѣвается и въ этомъ, а въ заключеніе прямо говоритъ: „Tacite avait lu Vellejus, il l'avait jugé; il ne songea pas à s'en servir, quand il se mit à raconter le règne de Tibère“. Быть можетъ, авторъ позволяетъ себѣ нѣсколько свободнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, раскрывать передъ нами психологическій процессъ, который совершился съ Тацитомъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился отбросить въ сторону невзрачную и неприятную книгу военнаго сослуживца Тиберія, посвященную консулу М. Виницію (въ 30 г. до Р. X.); быть можетъ, на самомъ дѣлѣ—и это весьма вѣроятно—Тацитъ и вовсе не думалъ возиться съ книгой, до такой степени лишеной серьезнаго содержанія и переполненной, не говоря о самой непристойной лести, пристрастными и произвольными сужденіями и всякаго рода ошибками ¹⁾, но вѣрно то, что въ *Лѣтописи* нѣтъ ни малѣйшаго, прямаго или косвеннаго, слѣда, пользованія столь сомнительнымъ и ничтожнымъ во всѣхъ отношеніяхъ источникомъ. Единственное, чтó можетъ у Тацита относиться къ этому сочиненію, это—отнесеніе его къ разряду сочиненій, которыя, будучи написаны при жизни Тиберія, Калигулы, Клавдія и Нерона, *florētibus ipsis*, представляли много живаго, были *ob metum falsae* (I, 1).

Изъ не дошедшихъ до насъ историковъ, писавшихъ о времени Тиберія намъ извѣстны: риторъ Сенека, отецъ знаменитаго философа, императоръ Клавдій, Ауфидій Бассъ и Сервилій Ноніанъ. Ритора Сенеку мы ставимъ впереди не по большей важности его сочиненія сравнительно съ другими, а потому, что онъ былъ ранній изъ четырехъ поименованныхъ историковъ. Онъ умеръ при Калигулѣ, оставивъ кромѣ своихъ риторическихъ сочиненій (*Свазорій* и *Контроверсій*) исторію, въ которой онъ, по словамъ его знаменитаго

---

¹⁾ Характеръ „Римской исторіи“ Веллея Патеркула съ достаточною подробностью очерченъ мною въ „Лекціяхъ по исторіи римской литературы“, изд. 1888 г., стр. 570—575.

сына ¹⁾). описалъ время отъ начала междоусобныхъ войнъ до послѣднихъ дней своей жизни. Тацитъ, безъ сомнѣнія, зналъ хорошо это сочиненіе, которое, принадлежа умному и опытному писателю, не могло не интересовать историка правленія Тиберія. Мы не можемъ сказать, въ какой степени оно отразилось въ *Лѣтописи* Тацита, но нѣтъ данныхъ для того, чтобы приписывать труду Сенеки большое значеніе среди источниковъ Тацита. По крайней мѣрѣ, единственное мѣсто, которое мы можемъ сравнить съ *Лѣтописью*, именно приводимое Светоніемъ (*Tib.*, 73) изъ Сенеки мѣсто о кончинѣ Тиберія, не имѣетъ ничего общаго съ разказомъ Тацита (VI, 50). На этомъ основаніи Клазонъ ²⁾ готовъ былъ признать, что Тацитъ вовсе не пользовался сочиненіемъ Сенеки, съ чѣмъ однако не соглашается г. Фабіа (р. 368 примѣч.), утверждая, какъ и Клазонъ, что Сенека во всякомъ случаѣ не служилъ главнымъ источникомъ Тацита для времени Тиберія. Разсужденіе это имѣетъ значеніе, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если вообще нужно признать, что Тацитъ въ первыхъ шести книгахъ *Лѣтописи* шелъ на буксирѣ у кого-либо изъ римскихъ историковъ. А развѣ это доказано? Развѣ единство языка, тона и духа всей *Лѣтописи* можетъ поддерживать теорію такой зависимости великаго историка въ одномъ отдѣлѣ *Лѣтописи* отъ одного, въ другомъ отъ другаго „главнаго источника“?

Гораздо меньше, чѣмъ Сенека, могъ служить руководителемъ Тацита въ исторіи Тиберія императоръ Клавдій, который послѣ себя оставилъ не одно историческое сочиненіе. Светоній, сообщая намъ (*Claud.* 41), что Клавдій, по совѣту Т. Ливія, еще въ юности занялся съ помощію Сульпиція Флава писаніемъ исторіи, говоритъ, что онъ много писалъ, и сдѣлавшись государемъ. Началъ онъ свою исторію со времени, слѣдовавшаго за убіеніемъ Юлія Кесаря; но, встрѣтивъ неудобства, между прочимъ семейныя, въ толкованіи о междоусобныхъ войнахъ, долженъ былъ пропустить это время и начать уже а расе civili, то-есть, отъ возстановленія мира между гражданами Августомъ. Отъ первой попытки у него остались двѣ книги; второй же трудъ его составилъ сорокъ одну книгу. Написалъ онъ также, прибавляетъ Светоній, и свою біографію (*de vita sua*) въ восьми книгахъ. Писалъ и многое другое, что къ настоящей задачѣ не от-

¹⁾ Отрывокъ *De vita patris* ed. Haase, III, p. 436. На историческое сочиненіе ритора Сенеки ссылаются Светоній (*Tib.*, 73) и Лактанцій (*Inst. div.*, VII, 15).

²⁾ Tacitus und Sueton, p. 73.

носится. Нельзя однако не пожалѣть, что до насъ не дошли писанныя имъ по-гречески и подаренныя Александрійской библиотекѣ двадцать книгъ объ этрускахъ и восемь о кареагенянахъ. Особенно жаль, что потерялись книги объ этрускахъ, продолжающихъ составлять для науки истинную загадку. Среди современниковъ ученаго императора и вообще въ римской литературѣ его сочиненія не пользовались значеніемъ. Светоній объ его автобіографіи презрительно отзывается, что она написана *magis inepte, quam ineleganter*. Тацитъ нигдѣ не высказываетъ уваженія къ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ этого автора и нигдѣ не дѣлаетъ указанія на его литературные труды, кромѣ не лишеннаго насмѣлки указанія (XI, 13) на введеніе имъ въ латинскій алфавитъ трехъ новыхъ буквъ, сообщая объ этомъ мимоходомъ по поводу безпечности императора въ то время, какъ открытое распутство Мессалины съ Силіемъ приняло уже опасныя для него размѣры. Тацитъ, разумѣется, былъ хорошо знакомъ съ относившимся къ его предмету трудами Клавдія и, конечно, пользовался, гдѣ это было нужно, сообщаемыми имъ историческими и автобіографическими данными, какъ онъ пользовался и записками его жены Агриппины; но, вообще говоря, трудно думать, чтобы онъ много былъ обязанъ историку, о которомъ имѣлъ такое невысокое мнѣніе. Больше этого мы сказать ничего не можемъ объ отношеніи Тацита къ сочиненіямъ Клавдія и напрасно ищемъ наставленія у г. Фабіа, которому такъ хорошо извѣстно все, что касается состава *Литписи* Тацита... Болѣе неопредѣленнаго мнѣнія, какое онъ на этотъ счетъ высказываетъ, и быть не можетъ. „Son ouvrage (Исторія Клавдія) n'aurait certainement guère plu à Tacite, si Tacite l'avait consulté. Mais l'a-t-il consulté?“ Много-ли сказано этими словами?

Несравненно болѣе мы имѣемъ права говорить о значеніи для Тацита двухъ другихъ историковъ: Ауфидія Басса и Сервилія Нониана. Тотъ и другой были крупные историки, отмѣченные Квинтилианомъ ¹⁾ рядомъ съ Саллустіемъ и Ливіемъ, единственными историками, которыхъ кромѣ нихъ отмѣчаетъ римскій критикъ въ своемъ обзорѣ римскихъ писателей, полезныхъ для образованія современнаго оратора. Оба они пережили въ зрѣломъ возрастѣ время Тиберія и оба умерли при Неронѣ, оставивъ историческія сочиненія, обнижавшія, какъ слѣдуетъ предполагать, почти одну и ту же эпоху.

Объ Ауфидіѣ Бассѣ, который былъ нѣсколько старше Сервилія

¹⁾ *Inst. orat. X, I, 102—103.*

(*paulum aetate praecedens eum*, какъ выражается Квинтиліанъ) и который былъ еще живъ въ послѣдніе годы жизни Сенеки-философа (ум. въ 65 по Р. Хр.), съ почетомъ упоминающаго о немъ въ своихъ письмахъ къ Луцілію ¹⁾, положительно извѣстно, что его сочиненіе, *Исторіи* или *Литписи*, восходило къ междоусобнымъ войнамъ конца республики (риторъ Сенека ²⁾ цитуетъ изъ него отрывокъ, касающійся смерти Цицерона), относительно же времени, которымъ оно оканчивалось, нѣтъ указаній; но все заставляетъ думать, что оно оканчивалось на какомъ-либо пунктѣ времени Клавдія. Дѣло въ томъ, что Плиніи старшій исторію, о которой мы раньше говорили, началъ, какъ онъ самъ заявляетъ ³⁾, съ того мѣста, гдѣ окончилъ свою Ауфидій Бассъ, а *fine Aufidii Bassi*. Сочиненіе свое Плиніи называетъ современной себѣ исторіей, *temporum nostrorum historiam*. Эта же современная ему исторія началась для него не раньше Клавдія, при вступленіи котораго въ управленіе ему было всего 18 лѣтъ отъ роду. Но нѣтъ никакихъ основаній думать, что Плиніи началъ свою исторію съ начала правленія Клавдія. Еслибы дѣло было такъ, то, при такомъ опредѣленномъ началѣ, ему нечего было бы характеризовать свое начало неопредѣленнымъ а *fine Aufidii Bassi*. Слѣдовательно, Плиніи началъ свою исторію тамъ, гдѣ исторія его предшественника какъ бы обрывалась. Г. Фабіа, много занимавшійся этимъ вопросомъ въ первой части своего труда, доводитъ исторію Ауфидія Басса до послѣднихъ лѣтъ правленія Клавдія (р. 189 и 360). Рядомъ съ этимъ обще-историческимъ сочиненіемъ, начипавшимся междоусобными войнами конца республики (Ниппердей думаетъ, ⁴⁾ что со смерти Кесаря) и кончавшейся, по однимъ ⁵⁾, временемъ Тиберія, по другимъ ⁶⁾, смертью Калигулы, а всего вѣролнѣе, какъ думаютъ Нип-

¹⁾ См. *Epist. ad Lucilium*, 30: *Bassum Aufidium, virum optimum, vidi quassum, aetati oblectantem*. Письма къ Луцілію относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни Сенеки. См. мой этюдъ „Философъ Сенека и его письма къ Луцілію“ Киевъ, 1872, стр. 16 (оттискъ изъ *Кіевскихъ Унив. Извѣстій*, декабрь, 1871).

²⁾ *Suas.* VI, 18 и 24.

³⁾ *Nat. Hist. praef.*, 20.

⁴⁾ Введеніе къ изданію *Литписи*, стр. 25 раньше указанного наданія.

⁵⁾ Такъ думаетъ Г. Христensenъ, авторъ диссертаціи „*Dé fontibus a Cassio Dione in vita Neronis enarranda adhibitis*“. Berl. 1871, р. 60 слд.

⁶⁾ Д. Дотлефсенъ въ статьѣ „*Ueber des älteren Plinius Geschichte seiner Zeit und ihr Verhältniss zum Tacitus*“, помѣщенной въ *Philologus.*, XXXIV, р. 40 слд.

пердей ¹⁾ и Фабіа, однимъ изъ событій времени Клавдія, у Ауфидія было еще другое сочиненіе, также имѣвшее значеніе историческаго источника для послѣдующихъ историковъ и трактовавшее о войнахъ римлянъ съ германцами. Квинтилианъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ называетъ его *libri belli Germanici*. Оканчивалось это сочиненіе о войнѣ съ германцами, какъ думаетъ Ниппердей ²⁾, отозваніемъ съ театра этой войны Германика (въ 16 г. по Р. Хр.). По мнѣнію Моммзена ³⁾, сочиненіе о *Германской войнѣ* или, правильнѣе, о Германскихъ войнахъ не было отдѣльнымъ сочиненіемъ, а составляло часть того большаго сочиненія, о которомъ мы только что говорили. Но несомнѣтельность этого мнѣнія, на которую авторъ этихъ строкъ давно уже указывалъ ⁴⁾, и которая бросается въ глаза въ виду цитаты Квинтилиана съ отдѣльнымъ заглавіемъ, выясняется между прочимъ и изъ указываемой г. Фабіа (р. 357) аналогіи съ отдѣльнымъ сочиненіемъ о Германіи, написаннымъ Плиніемъ, независимо отъ Исторіи его времени, равно какъ, прибавимъ мы отъ себя, и изъ аналогіи съ *Германіей* Тацита, предшествовавшей его *Исторіямъ*. Еще важнѣе то соображеніе г. Фабіа, что анналистическая форма исторіи Ауфидія (какъ вообще писали римляне исторію) не дала мѣста для отдѣльныхъ книгъ, которыя были бы посвящены войнамъ съ германцами.

И то и другое сочиненіе Ауфидія, могло доставить Тациту много матеріала для первой части или, быть можетъ, правильнѣе сказать, для двухъ безъ малаго частей, то-есть, по крайней мѣрѣ, для одиннадцати книгъ его *Лѣтописи*. Что онъ имѣлъ здѣсь дѣло съ серьезными трудами, за это ручается не только отзывъ Квинтилиана ⁵⁾, но и то обстоятельство, что знаменитый ученый, каковъ былъ Плиній Старшій, рѣшился быть продолжателемъ главнаго историческаго труда Ауфидія. Г. Фабіа (р. 361) придаетъ этому факту большое значеніе въ вопросѣ о достоинствѣ труда Ауфидія, и мы вполне раздѣляемъ его

¹⁾ Въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ *Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft*, III (1861), р. 558.

⁴⁾ См. Лекціи по исторіи римской литературы, стр. 568 изданія 1888 г. (въ одномъ томѣ).

⁵⁾ Вотъ этотъ отзывъ волилъ: *Quam paulum aetate praecedens eum (то-есть, Servilium Nonianum) Bassus Aufidius egregie, utique in libris belli Germanici, praestitit, genere ipso probabilis in omnibus, sed in quibusdam suis ipse viribus minor. X, 1, 108 ed. Bonnell (Lips. 1844).*

мнѣніе. Дѣйствительно, похвала Квинтилиана, какъ она ни высока, относилась собственно къ формѣ сочиненія, какъ на это внѣшнее достоинство указывалъ и Тацитъ въ своей молодости, когда въ *Разговоръ объ ораторахъ* (гл. 23) противопоставляетъ устами Апра краснорѣчіе Ауфидія Басса и Сервилія Ноніана краснорѣчію прѣжнихъ историковъ—Сизенны и Варрона. Но то, что добросовѣстнѣйшій и ревностнѣйшій собиратель фактовъ Плиній примкнулъ съ своимъ трудомъ къ сочиненію своего предшественника, даже давъ своему труду и заглавіе съ его именемъ (a fine Aufidii Bassi), прямо свидѣтельствуесть о его внутреннемъ достоинствѣ, какъ сочиненія добросовѣстнаго и заслуживающаго довѣрія. Такой писатель могъ вполне быть руководителемъ для послѣдующихъ историковъ относительно описанной имъ эпохи: г. Фабіа, дѣлая далѣе классификацію источникамъ Тацита, считаетъ (р. 399) Плинія, какъ писателя „далеко ниже“ Ауфидія, говоря, что первый не выходилъ изъ посредственности и, изобилуя подробностями, впадалъ въ мелочность, въ чемъ нельзя упрекнуть историка, которому онъ служилъ продолжателемъ.

Ауфидій Бассъ, какъ видно по всему, былъ дѣйствительно крупный историкъ, которымъ пользовались римскіе писатели и по исчезновеніи древней римской исторіи, какъ это видно изъ заключительныхъ словъ хроники Кассіодора ¹⁾. Но рядомъ съ нимъ мы назвали раньше другаго историка для той же эпохи, Сервилія Ноніана. О немъ также съ почетомъ отзывается Квинтилианъ, который зналъ его лично и даже слушалъ его рѣчи (quin et ipse a nobis auditus est), при чемъ характеризуетъ его такими словами: *clari vir ingenii et sententiarum creber, sed minus pressus, quam historiae auctoritas postulat*. Съ почетомъ отзывается о немъ и Тацитъ, независимо отъ упоминанія о немъ рядомъ съ Ауфидіемъ въ *Dialogus de oratoribus* (гл. 23), о чемъ мы недавно упоминали. Историкъ нашъ вспомнилъ о своемъ предшественникѣ по поводу его кончины, отмѣтивъ ее въ XIV, 19, вмѣстѣ съ смертію извѣстнаго въ свое время оратора Домитія Афры, падавшей, какъ и смерть Сервилія, на 812 (59 годъ по Р. Хр.). Вотъ что говоритъ въ этомъ мѣстѣ Тацитъ: „Слѣдуютъ кончины знаменитыхъ мужей, Домитія Афры и М. Сервилія, которые прославились высшими

¹⁾ Sicut ex T. Livio et Aufidio Basso... collegimus. Издатель этой хроники Моммзенъ въ раньше указанной статьѣ въ *Abhandl. der Säch. Gesell.* etc., III, 568 слѣд. говоритъ, что Кассіодоръ пользовался Ауфидіемъ именно относительно 746—784 гг. (8—до Р. Хр.—31 по Р. Хр.).

почестями и большимъ краснорѣчіемъ. Первый велъ процессы, а Сервилій, будучи долгое время адвокатомъ, впоследствии прославился повѣствованіями изъ римской исторіи (*diu foro, mox tradendis rebus Romanis celebris*) и какъ человѣкъ изящнаго образа жизни, которую онъ сдѣлалъ славіе жизни Домитія, будучи равенъ ему по таланту, но различаясь отъ него правами (*ut par ingenio, ita morum diversus*). Тацитъ, ни разу неупоминающій въ *Литотиси* объ Ауфидіѣ Бассѣ, упоминаетъ о Сервиліѣ (VI, 31), какъ консулѣ вмѣстѣ съ Г. Цестіемъ (788 г.—35 г. по Р. Хр.), равно какъ и объ отцѣ его, М. Сервиліѣ (II, 48; III, 22), бывшемъ консуломъ въ 756 г. (3 по Р. Хр.). Мы отмѣчаемъ эти факты не даромъ, а какъ такіе, которые въ вопросѣ объ источникахъ Тацита могутъ дать свои выводы. Къ нимъ можно прибавить еще выраженіе Плинія Старшаго о немъ, какъ о *principes civitatis* (N. H. XXVIII, 2, 29), и, пожалуй, еще сообщеніе біографа Персія¹⁾, въ которомъ о рано умершемъ римскомъ сатирикѣ говорится: *coluit ut patrem Servilium Nonianum*. Последнее обстоятельство служитъ подтвержденіемъ, что Сервилій былъ не только знатная персона, не только большой писатель, но и человѣкъ, пользовавшійся нравственнымъ авторитетомъ въ обществѣ.

Рѣшая вопросъ о томъ, кто былъ главнымъ источникомъ Тацита для времени Тиберія, Калигулы и для большей части правленія Клавдія,—Ауфидій Бассъ, или Сервилій Ноніанъ,—г. Фабіа, который безъ главнаго источника обойтись не можетъ, послѣ долгихъ колебаній склоняется на сторону Ауфидія (р. 394). Интересно, какимъ путемъ онъ приходитъ къ этому выводу. Тацитъ не дѣлаетъ ссылки ни на того, ни на другаго историка. Но Сервилія онъ упоминаетъ и какъ государственнаго человѣка, и какъ историка, при томъ же какъ историка, приобрѣвшаго своими трудами въ этой области такую же славу, какая имъ раньше была приобрѣтена въ качествѣ оратора (XIV, 19). Упоминаетъ Тацитъ и о смерти Сервилія, чего онъ не дѣлаетъ по отношенію къ Ауфидію. Это, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что Сервилій былъ знатный человѣкъ, *vir illustris*, по выраженію Тацита, *principes civitatis*, по выраженію Плинія, а Ауфидій былъ только писатель. Во всякомъ случаѣ приведенными доводами вопросъ еще не рѣшается въ томъ смыслѣ, что Тацитъ отдалъ предпочтеніе Сервилію и его, а не Ауфидія, избравъ своимъ „главнымъ источникомъ“. И

¹⁾ См. *Vita Persii* въ изданіи отрывковъ Светонія (*praeter Caesarem libros reliquias*) *Рейфершейда* (Leipzig. 1880), p. 72.

тотъ и другой были писатели, пользовавшіеся большою извѣстностью и описывавшіе приблизительно одно и то же время. Но вотъ важное обстоятельство. Въ *Лѣтониси* большое мѣсто занимаютъ отчеты о засѣданіяхъ сената, въ которыхъ сообщаются такія подробности (жесты, игра фізіономіи говорившихъ и т. д.), которыя предполагаютъ въ авторѣ ихъ очевиднаго свидѣтеля этихъ засѣданій, сенатора. О *cursus honoꝛum* Ауфидія Басса ничего не извѣстно, а Сервилій Ноніанъ былъ консуломъ при Тиберіѣ въ 35 г. по Р. Хр. и, значить, давно уже засѣдалъ въ сенатѣ. Стало бытъ, дѣло склоняется въ пользу Сервилія. Но г. Фабіа не дѣлаетъ такого заключенія. Дѣло для него въ томъ, что Квинтилианъ въ своемъ отзывѣ объ обояхъ историкахъ отдаетъ предпочтеніе Ауфидію, находя, что Сервилій не имѣетъ достаточной сжатости, какая требуется для историка, *minus pressus, quam historiae auctoritas postulat* ¹⁾). Если авторъ „Разговора объ ораторахъ“ и смотритъ, повидимому, на обояхъ историковъ, какъ на равныхъ, то авторъ этотъ, если онъ былъ Тацитъ (г. Фабіа считаетъ еще нужнымъ сдѣлать такую оговорку), былъ человѣкъ молодой, а Квинтилианъ указываетъ на разницу, которая замѣтна для человѣка зрѣлаго. Тацитъ во время писанія *Лѣтониси* тоже не могъ не замѣтить этой разницы и естественно долженъ былъ предпочесть писателя, съ которымъ у него было болѣе сходства. Къ тому же, пространное сообщеніе Тацита о походахъ Германика заставляетъ предполагать, что Тацитъ пользовался здѣсь спеціальнымъ сочиненіемъ Ауфидія о Германіи. Наконецъ, и Кассіодоръ для этой эпохи взялъ себѣ источникомъ не Сервилія, а Ауфидія. Такимъ образомъ, выходитъ, что всего вѣроятнѣе главнымъ источникомъ для времени Тиберія, Калигулы и Клавдія Тацитъ взялъ себѣ Ауфидія Басса, которымъ онъ и пользовался до тѣхъ поръ, пока этотъ источникъ не прекратился, не смотря на то, что въ исторіи времени Клавдія Тацитъ встрѣтился съ исторіей Клувія, который былъ главнымъ источникомъ для послѣдующаго времени *Лѣтониси*. Но теперь рождается вопросъ: какъ же рѣшается дѣло съ отчетами о засѣданіяхъ сената, очевидно, принадлежащими исторіку сенатору? Какъ ни важенъ этотъ вопросъ, такъ какъ отчеты объ этихъ засѣданіяхъ занимаютъ въ первыхъ шести книгахъ *Лѣтониси* около половины мѣста, г. Фабіа

¹⁾ Да будетъ мнѣ позволено здѣсь замѣтить, что недостаткомъ, который Квинтилианъ замѣтилъ у Сервилія Ноніана, всего болѣе страдаютъ русскіе исторіки, обыкновенно *minus pressi, quam historiae auctoritas postulat*.

оставляетъ его безъ рѣшенія и явно путается. когда такъ или иначе приходится возвращаться къ этому вопросу, какъ, напримѣръ, на страницѣ 409, по поводу фразы Тацита (III, 88): *Reperio apud scriptores senatoresque...* Если отчеты эти Тацитъ заимствовалъ у Сервилія, имѣя главнымъ источникомъ Ауфидія, то на какомъ основаніи г. Фабія (р. 404—405) высказываетъ, какъ заключеніе своихъ изысканій о главныхъ источникахъ для *Льтописи*, что Тацитъ постоянно слѣдовалъ одному главному источнику и что какъ изъ первоисточниковъ, такъ и изъ второстепенныхъ (по отношенію къ главному) источниковъ литературныхъ онъ дѣлалъ очень не значительное употребленіе, *un usage très peu considérable?*

Переходя ко времени Нерона, мы встрѣчаемся съ тремя описывавшими это время историками, цитуемыми Тацитомъ: Плиніемъ Старшимъ (XIII, 20; XV, 53), Клувіемъ Руфомъ (XIII, 20; XIV, 2) и Фабіемъ Рустикомъ (XIII, 20, XIV, 2 и XV, 61). Такъ какъ Тацитъ никакихъ другихъ историковъ въ послѣднихъ четырехъ книгахъ *Льтописи* не цитуетъ, то для г. Фабія этого достаточно, чтобы сказать, что ихъ и было только трое. „Pour le règne de Néron, il n'y en a pas eu plus de trois“, говоритъ онъ (р. 352)¹⁾, не смотря на то, что въ XIII, 17 Тацитъ заявляетъ о *plerique eorum temporum scriptores*, а въ XIV, 2 онъ, противопоставляя Фабію Клувія, говоритъ: *sed quae Cluvius, eadem ceteri quoque auctores prodidere*, что мы уже приводили раньше, какъ явное доказательство ошибочности мнѣнія французскаго ученаго, изворачивающагося тѣмъ, что будто Тацитъ употребилъ здѣсь множественное число вмѣсто единственнаго, то-есть, *ceteri* вм. *Plinius* (?!). Но важно то, что всѣ три поименованныхъ историка приводятся Тацитомъ какъ авторитеты, изъ которыхъ онъ отдастъ предпочтеніе то одному, то другому, иногда ссылаясь на того или другаго отдѣльно, какъ въ XV, 53 (на Плинія), или въ XV, 61 (на Фабія), иногда сопоставляя ихъ другъ съ другомъ, какъ въ XIII, 20 (всѣхъ трехъ) или въ XIV, 2 (Фабія съ Клувіемъ, съ которымъ согласны и *прочіе*). Какого-нибудь особеннаго предпочтенія тому или другому изъ нихъ Тацитъ не оказываетъ, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ этого предпочтенія не обнаруживаетъ. Но теорія г. Фабія требуетъ, чтобы Тацитъ непременно избралъ кого-либо изъ нихъ глав-

¹⁾ На стр. 382 онъ говоритъ, если можно, еще положительнѣе въ этомъ смыслѣ: „Nous connaissons toutes les sources, dont Tacite s'est servi pour le règne de Néron: Fabius, Pline, Cluvius“.

нымъ источникомъ, и вотъ онъ всячески старается дознаться, кто изъ нихъ былъ руководителемъ нашего историка.

Кто же, по мнѣнію г. Фабіа, оказывается этимъ руководителемъ или главнымъ источникомъ?

Не Плиній, какъ можно бы было предполагать по роли, которую г. Фабіа приписалъ труду Плинія въ *Исторіяхъ* Тацита. Для этой роли знаменитый римскій ученый, — разсуждаетъ, г. Фабіа, — не годился въ *Лѣтописи* уже потому, что онъ, какъ писатель „не выходилъ изъ посредственности“ (р. 399) и стоялъ гораздо ниже Ауфидія Басса, котораго былъ продолжателемъ. Если Тацитъ взялъ его за главный источникъ въ *Исторіяхъ*, то „по необходимости“, такъ какъ его исторія была единственнымъ общимъ сочиненіемъ о той эпохѣ; теперь же этой необходимости не было, такъ какъ для Нероновой эпохи были два другихъ видныхъ писателя: Фабій и Клувій. Впрочемъ, Плинія устраняетъ г. Фабіа отъ главной роли, не только на основаніи своего мнѣнія о его литературной посредственности, но и на основаніи разницы въ историческихъ данныхъ объ одномъ и томъ же предметѣ, даваемыхъ въ *Исторіяхъ* и въ *Лѣтописи*. Дѣло касается отношеній между Нерономъ, Поппеей и Отономъ. Въ *Исторіяхъ* (I. 13) Неронъ помѣщаетъ свою любовницу, Поппею Сабину, у своего товарища по распутству, Отона (который долженъ былъ на ней жениться, отнявши ее у прежняго мужа, Криспина), пока онъ, Неронъ, не отдѣляется отъ своей жены, Октавіи, а потомъ, приревновавъ Поппею къ Отону, удалилъ его изъ Рима, давши ему намѣстничество въ Лузитаніи. Въ *Лѣтописи*, гдѣ объ этихъ отношеніяхъ разсказывается гораздо подробнѣе (XIII, 45—46), дѣло представляется иначе. Женщина легкаго поведенія, „не дѣлавшая различія между мужьями и любовниками“, красавица Понпея, будучи замужемъ за римскимъ всадникомъ Руфіемъ Криспиномъ, влюбилась въ Отона, человѣка молодого, жившаго роскошно и извѣстнаго, кромѣ того, друга Нерона, развелась съ мужемъ и вышла замужъ за любовника. Отошъ, по любовному ли увлеченію, или по желанію возбудить въ Неронѣ страсть къ Поппеѣ, чтобъ допущеніемъ его къ своей женѣ усилить свое на него вліяніе, часто восхищался въ его присутствіи прелестями Понпеи. Неронъ не устоялъ. Понпея стала приходить во дворецъ, очаровала Нерона, притворялась и сама въ него страстно влюбленною, но какъ только замѣтила, что страсть его къ ней сдѣлалась жгучею, стала переходить къ непреклонности и „если онъ удерживалъ дольше одной или двухъ ночей“, заявляла, что вѣдь она замужняя женщина и что

она привязана къ Отону, который живетъ и держитъ себя не такъ, какъ онъ, Неронъ, привязавшійся къ служанкѣ Акте и ничего не вынесшій изъ сожительства съ нею, „кромя мерзости и грязи“. Послѣ этого Отонъ лишается близкихъ отношеній къ императору, затѣмъ и вовсе права посѣщать его и, наконецъ, назначается правителемъ Лузитаніи. Разница въ двухъ разказахъ, дѣйствительно, очевидна, и если разказъ въ *Исторіяхъ*, сходный съ разказами у Плутарха (*Galba*, 19) и у Светонія (*Otho*, 3), взять изъ Плинія, то ясно, что разказъ *Лѣтописи* взять изъ другаго источника. Наконецъ, Тацитъ, хотя и не разъ ссылается на Плинія, но въ XV, 53, приводитъ разказываемое имъ обстоятельство, выражается такимъ образомъ: quod C. Plinius memorat; nobis quoque modo traditum non occultare in animo fuit, quamvis absurdum videretur... Понятно, что такъ никто не выражается о сообщеніяхъ историка, избраннаго главнымъ источникомъ. Такимъ образомъ Плиній совершенно устраняется по отношенію ко времени Нерона отъ роли, которую онъ, по теоріи Ниссена и г. Фабія, игралъ для *Исторіи* Тацита.

Остаются Фабій Рустикъ и Клувій Руфъ.

О Клувій Руфъ Тацитъ говорилъ еще не разъ въ *Исторіяхъ*: въ *Hist.*, I, 8, гдѣ, обозрѣвая положеніе римскихъ провинцій передъ началомъ междоусобной войны 69 г. по Р. Хр., говоритъ, что тогда Испаніей управлялъ Клувій Руфъ, vir facundus et pacis artibus, bellis inexpertus; въ I, 76, гдѣ онъ является сторонникомъ Отона, за что получаетъ официальную похвалу отъ императора (laudatusque per edictum Cluvius Rufus); въ II, 58, гдѣ онъ принимаетъ военныя мѣры противъ покушенія на Испанію со стороны прокуратора Африки Лукція Альбина; въ II, 65, гдѣ онъ пристаеъ уже къ Вителлію, сопровождаетъ его въ походѣ и разстраиваетъ навѣты Вителліева вольноотпущенника Гиларія, при чемъ за нимъ было сохранено намѣстничество въ Испаніи; въ III, 65, гдѣ онъ является вмѣстѣ съ Силіемъ Италикомъ свидѣтелемъ заключенія между братомъ Веспасіана Флавіемъ Сабиномъ и Вителліемъ договора; въ IV, 39, гдѣ очищенная имъ провинція Hispania Citerior представляется Веспасіанову полководцу Антонію Приму; наконецъ, въ IV, 43, гдѣ говорится о похвалѣ, возданной ему въ сенатѣ извѣстнымъ стоическимъ философомъ Гельвидіемъ Прискомъ за то, что онъ, будучи богатъ и знаменитъ краснорѣчіемъ (dives et eloquentia clarus), не причинилъ своимъ краснорѣчіемъ никому политической опасности при Неронѣ. Видно, что Тацитъ благопріятно относился къ Клувію еще во время писанія *Исто-*

рив. по ничего не говоритъ о немъ, какъ объ историкѣ, хотя и замѣчаетъ, что это человѣкъ не воинственный, а обладавшій краспорѣчіемъ и способностями мирнаго времени, чѣмъ указываетъ на его литературныя занятія. Его историческимъ сочиненіемъ, которое, какъ показываетъ ссылка на него у Плутарха (*Otho*, 3), простиралось своимъ содержаніемъ за Нероново время, Тацитъ начинаетъ усиленно пользоваться только тогда, когда онъ приступилъ къ правленію Нерона, хотя, по раньше сообщенному нами мнѣнію Моммзена, ничѣмъ, впрочемъ, не доказанному, онъ служилъ „почти исключительнымъ руководителемъ“ Тацита въ *Исторіяхъ*. Что онъ былъ историкъ добросовѣстный, это ясно и изъ того, что Тацитъ, который возражаетъ противъ Плинія и Фабія, не споритъ съ Клувіемъ, и изъ собственныхъ словъ Клувія, приводимыхъ Плиніемъ Младшимъ (*Epist.* IX, 19) и обращенныхъ къ Вергинію Руфу: *Scis, Vergini, quae historiae fides debeatur; proinde si quid in historicis meis legis aliter ac velles, rogo ignoscas*. Но чтобы онъ былъ историкъ съ громкимъ именемъ, этого не видно: о немъ, не смотря на его, дважды указываемое Тацитомъ, краспорѣчіе, вовсе не упоминаетъ Квинтилианъ. Правда, его, кромѣ Тацита, дважды цитуетъ Плутархъ ¹⁾, но это, свидѣтельствуя о его солидности, о добросовѣстности, все-таки не въ состояніи замѣнить того отличія, какое онъ имѣлъ бы, еслибъ былъ поименованъ вслѣдъ за Ауфидіемъ и Ноніаномъ въ X книгѣ знаменитаго автора сочиненія объ „Ораторскомъ образованіи“.

Фабій—другое дѣло. Еще въ *Азриколь* (10) Тацитъ, упоминая его рядомъ съ Ливіемъ, выражается такимъ образомъ: *Livius veterum, Fabius Rusticus recentium eloquentissimi auctores*, что указываетъ на большую репутацію этого историка еще въ I столѣтіи, вѣроятно, еще при его жизни ²⁾. Что эта репутація историка Фабія при жизни была выдающаяся, на это указываютъ всего лучше относящіяся къ нему, по общему мнѣнію, слова Квинтилиана (X, 1, 104), когда онъ говоритъ о первокласснѣйшемъ живомъ историкѣ, не называя его по

¹⁾ *Quaest. Rom.* 107; *Otho*, 3.

²⁾ Если только *Fabius Rusticus*, упоминаемый вмѣстѣ съ Тацитомъ и Плиніемъ въ извѣстномъ завѣщаніи Дадузія (*C. I. L.* VI, 10229, 28) есть одно лицо съ этимъ источникомъ Тацита, то онъ былъ живъ еще въ 109 г. по Р. Хр. Но это, не смотря на увѣренія Ниппердеа (р. 27 Введенія къ изд. *Литомисис*), очень сомнительно по отношенію къ человѣку, который находился еще въ дружбѣ съ философомъ Сенекой (*Tac. Ann.* XIII, 20). Достаточно, если онъ дожилъ до конца перваго столѣтія.

имени: *superest adhuc et exornat aetatis nostrae gloriam vir saeculorum memoria dignus, qui olim nominabitur, nunc intelligitur.* Вотъ какъ былъ третій историкъ, писавшій о времени Нерона и служившій однимъ изъ источниковъ Тацита! Тацитъ ссылается на него, какъ мы видѣли раньше, три раза; одинъ разъ (XIII, 20) по вопросу объ оставкѣ Бурра отъ должности префекта, будто-бы вызванной его защитой Агриппины, противопоставляя ему Плинія и Клувія и отмѣчая его пристрастіе къ Сенекѣ (*sane Fabius inclinatus ad laudes Senecae, cujus amicitia floruit*), другой разъ (XIV, 2) по вопросу о виновникѣ покушенія на кровосмѣшеніе между Агриппиной и Нерономъ, противопоставляя ему, защитнику Агриппины, Клувія и прочимъ историковъ, стоявшихъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и народная молва, на сторонѣ Нерона, а третій разъ (XV, 69) по поводу одной подробности изъ исторіи смерти Сенеки, уже безъ всякаго возраженія.

Какъ ни трудно было выбрать Тациту руководителя для времени Нерона, г. Фабіа (р. 402—403) рѣшительно заявляетъ, что главнымъ источникомъ Тацита для конца правленія Клавдія и всего правленія Нерона былъ Клувій. Для него это ясно, такъ какъ Тацитъ, видимо, подозрѣвалъ Фабіа въ пристрастїи къ Сенекѣ и Агриппинѣ и въ стремленіи чернить Нерона; да къ тому же, послѣ смерти Сенеки, или даже послѣ удаленія его отъ двора, Фабійъ лишенъ былъ главнаго источника своихъ извѣстій о придворныхъ событіяхъ, тогда какъ Клувій жилъ при этомъ дворѣ и умѣлъ прожить тамъ до конца, не вредя никому. Особенно же въ пользу Клувія, по мнѣнію г. Фабіа (р. 403), говоритъ то, что Тацитъ Плинія и Фабіа цитуетъ лишь по поводу той или другой подробности, чего онъ не дѣлаетъ по отношенію къ Клувію и не дѣлаетъ потому, что „*son récit est la base du récit de Tacite*“¹⁾, которому г. Фабіа многимъ обязанъ въ своей аргументаціи относительно этихъ историковъ, считаетъ Клувія лишь „*primus inter pares*“, но г. Фабіа, слѣдуя упорно своей теорїи, приписываетъ двумъ другимъ роль историковъ, къ которымъ Тацитъ лишь иногда обращался за дополненіемъ главнаго источника тою или другою подробностью²⁾.

¹⁾ Tacitus und Sueton, p. 14.

²⁾ Тутъ будетъ умѣстно напомнить, какими, во всякомъ случаѣ, солидными пособіями Тацитъ располагалъ, сообщая исторію преслѣдованій христіанъ при Неронѣ, о чемъ мы говорили въ первой статьѣ своихъ „Замѣтокъ по Тациту“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, декабрь, 1898, отд. 2, стр. 338 слд.). Въ этомъ вопросѣ

Приписывая, такимъ образомъ, ничтожную роль въ *Лѣтописи* первоисточникамъ и совершенно незначительную „второстепеннымъ источникамъ“, а все руководство возлагая на тѣхъ историковъ, которыхъ Тацитъ будто бы избиралъ своими главными и почти единственными источниками, именно на Ауфидія Басса по отношенію къ одной части *Лѣтописи*, на Клувія Руфа по отношенію къ другой, что же французскій ученый оставляетъ на долю самого Тацита въ *Лѣтописи*?

Оставляетъ въ сущности то же самое, что оставилъ и въ *Исторіяхъ*:

1) Рѣчи.

2) Отступленія, да и то далеко не всѣ, а такія, которыя сопровождаются формулой, ясно указывающей на принадлежность именно ему того или другаго разказа, какова, напримѣръ, формула „asseritum“ въ II, 59, или такія, о которыхъ источники ничего не могли ему сказать, каковы отступленія, относящіяся къ временамъ Тита, Домиціана и Траяна, или о памятникахъ, сохранившихся до его времени, и т. п. Къ принадлежащимъ Тациту отступленіямъ г. Фабіа (р. 419) причисляетъ и значительную часть отступленій, касающихся времени Августа, предполагая, что историки, какъ Ауфидій Бассъ и Сервилій Ноціанъ, разказавъ о событіяхъ времени Августа въ свое время, не возвращались къ нимъ безъ нужды впоследствии. Какъ отступленія, о которыхъ нельзя сказать, чтобы они принадлежали Тациту, г. Фабіа (р. 420) считаетъ въ большинствѣ случаевъ біографическія данныя, которыми Тацитъ сопровождаетъ упоминанія о кончинахъ важныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, въ XIV, 19 нѣсколько строкъ, посвященныхъ Сервилію Ноціану и Домитію Афру; далѣе въ VI, 16 историческія подробности о ростовщичествѣ въ Римѣ, въ XI, 14 объ алфавитѣ, въ XI, 22 о квестурѣ, въ XIII, 3 о краспорѣчій предшественниковъ Нерона, въ XIII, 29 объ управленіи государственнымъ казначействомъ (aerarium) отъ Августа до Нерона. Такъ думаетъ г. Фабіа потому, что эти отступленія не сопровождаются никакой формулой. А есть отступленія, хотя и сопро-

---

великіи историкъ, по всей вѣроятности, держался сообщенія Клувія, а не Плинія, который въ *Nat. Hist.* XVII, 1, 5 прямо обвиняетъ Нерона въ поджогѣ Рима (cremavit urbem). Такъ какъ Тацитъ по этому вопросу не высказывается рѣшительно, а говоритъ (XV, 38): forte an dolo principis, incertum, nam utrumque auctores prodidere, и, стало быть, не слѣдуетъ Плинію, то естественно предполагать, что и разказъ о гоненіяхъ на христіанъ взятъ не изъ него, а изъ другаго историка (Клувія или Фабія), если не думать при этомъ объ *Acta diurna* и другихъ, напримѣръ, мемуарныхъ источникахъ.

вождаемая формулой, но формула эта недостаточно опредѣлена. чтобъ видѣть въ нихъ инициативу Тацита, напримѣръ, въ IV, 65 отступленіе на счетъ горы Целія по случаю пожара на этой горѣ, съ такою формулой: *Naud fuerit absurdum tradere*, или въ XVI, 18 о Петроніѣ, въ XI, 21 о Куртіѣ Руфѣ. О такого рода отступленіяхъ нельзя положительно сказать, принадлежатъ ли они Тациту, или нѣтъ.

3) Опушенія или сокращенія. Тацитъ самъ иногда признается, что онъ не воспроизводитъ всего содержанія своихъ источниковъ, какъ въ XIII, 31; XV, 37, III, 65. Но иногда онъ извиняется, что не можетъ опустить то или другое, хотя само по себѣ и не стоящее вниманія, какъ, напримѣръ, процессъ Фаланія и Рубрія, простыхъ римскихъ всадниковъ, на томъ основаніи, что это былъ первый процессъ при Тиберіѣ объ оскорбленіи величества. Обыкновенно же онъ опускаетъ, какъ и въ *Исторіяхъ*, вздорныя подробности, все вульгарное, неприличное и отталкивающее, понимая задачу исторіи въ возвышенномъ и облагораживающемъ смыслѣ. Впрочемъ, въ одной части *Летописи*, именно въ процессахъ, онъ старается быть подробнѣе главнаго источника, заявляя въ VI, 7 слѣдующее: „*Neque sum ignavus a plerisque scriptoribus omissa multorum pericula et poenas... Nobis pleraque digna cognitu obvenere, quamquam ab aliis incelebrata*“.

4) Небольшя небрежности, замѣченныя и въ *Исторіяхъ* и стоящія будто бы въ связи „съ ораторскими и не научными привычками ума Тацита“, хотя, прибавляетъ г. Фабіа (р. 427), и возможно, что многія изъ нихъ принадлежатъ его источнику. Таково, напримѣръ, невѣрное описаніе германскихъ береговъ въ II, 23, принадлежащее, вѣроятно, Ауфидію, или указаніе мѣста рожденія Калигулы въ лагерѣ (I, 41), опровергаемое свидѣтельствомъ Светонія (*Cal.* 8), опирающимся на *Acta*, по которымъ Калигула родился въ Антиѣ (*Antium*). Впрочемъ, какъ видно изъ того же Светонія, мнѣніе о рожденіи Калигулы въ германскомъ лагерѣ было ходячимъ и поддерживалось даже Плиніемъ Старшимъ. Но есть неточности, будто бы прямо принадлежащія Тациту, каково, напримѣръ, въ I, 13 сообщеніе, будто Ман. Лепидъ, Азиній Галль, Л. Аррунтій, вмѣсто котораго нѣкоторые историки называютъ Гнея Пизона, лица, говорившія въ томъ достапамятномъ засѣданіи сената, когда Тиберій церемонился принять власть. *omnes praeter Lepidum variis mox criminibus struente Tiberio circumventi sunt*. Неточность здѣсь такова, что, строго говоря, только Азиній Галль (VI, 23) можетъ подойти подъ это *omnes*. Сюда же относится *забычивость*, въ силу которой Тацитъ не исполняетъ иногда

обѣщанія разказать о чемъ-либо въ свое время (*in tempore memogabo, in tempore memogabitur* и т. п.), какъ, напримѣръ, въ VI, 22 онъ дѣлаетъ обѣщаніе разказать о предсказаніи сына Фрасилла о томъ, что Неронъ будетъ императоромъ, а въ XIV, 19, гдѣ было мѣсто исполнить обѣщаніе, говоритъ вообще о предсказаніи халдеевъ. Болѣе или менѣе основательно г. Фабіа указываетъ на стр. 429 нѣсколько и другихъ случаевъ забывчивости. Наконецъ, къ невольнымъ погрѣшностямъ относится и довольно частая неточности выраженія, напримѣръ, въ VI, 24 *tot per annos*, когда дѣло идетъ всего о трехъ годахъ, въ XIII, 6 *saepe*, когда нужно было сказать *два раза*, какъ и въ XV, 47; въ VI, 10 говорится: *ne feminae quidem exsortes periculi* и представляется въ примѣръ умерщвленіе одной Витіи, *quod filii pessem flevisset*. Но Тацитъ выбираетъ особенно рельефный примѣръ, да и вообще въ послѣднемъ случаѣ употребленіе множественнаго числа даже и при одномъ примѣрѣ едва ли можетъ составлять неточность выраженія. Явная придирка со стороны г. Фабіа (р. 429) къ Тациту—упрекъ за вложеніе въ уста британцу Каратаку въ XII, 34, обращавшемуся къ своимъ воинамъ, названія Кесаря диктаторомъ (*qui dictatorem Caesarem repulissent*), тогда какъ Кесарь при вторженіи въ Британію былъ только проконсуломъ Галліи: странно требовать такого точнаго знанія римской исторіи отъ британца, для котораго, какъ и для насъ всѣхъ, Юлій Кесарь рельефнѣе всего выдѣляется изъ числа другихъ римскихъ дѣятелей съ именемъ диктатора. Наконецъ, совершенно неосновательно дѣлается упрекъ Тациту за употребленіе въ XVI, 21 такихъ выраженій: *Trucidatis tot insignibus viris ad postremum Nero virtutem ipsam excindere concupivit interfecto Thrasea Paeto et Borea Sorano*. Дѣйствительно, по дѣлу о Пизоновомъ заговорѣ погибла масса людей, между которыми былъ и консулъ, и преторіанскій префектъ; затѣмъ умерщвленіе Л. Силана, Л. Антистія Ветера, Л. Антея, М. Осторія Скапулы, Аниція Церіала, Руфія Криспина и др. давало Тациту полное право на употребленіе фразы *trucidatis tot insignibus viris*, которую г. Фабіа (р. 430) подчеркиваетъ, какъ не точную, а выраженіе *virtutem ipsam*, не оспариваемое имъ по отношенію къ Фразеи, такъ же законно и по отношенію къ Сорану, противъ чего именно и возстаетъ г. Фабіа, указывая на льстивое предложеніе, сдѣланное Сораномъ въ сенатѣ при Клавдіѣ, за четырнадцать лѣтъ до этого времени. Послѣ указываемаго инцидента Соранъ превосходно управлялъ въ качествѣ проконсула провинціей Азіей (XVI. 23) и репутація его (онъ же былъ и фило-

софъ стонической секты) стояла такъ высоко, что за обвиненіе его пришлось тяжело вносить въ лжесвидѣтелю Публию Целеру (Hist. IV, 40), а по поводу поднятаго стойкомъ Музоніемъ Руфомъ обвиненія въ сенатѣ противъ Целера Тацитъ (Hist., IV, 10) замѣчаетъ: *quippe Sogani sancta memoria*. Неосновательность упрека Тациту со стороны г. Фабіа въ данномъ случаѣ очевидна.

5) Какъ и по отношенію къ *Исторіямъ*, г. Фабіа (р. 430) представляетъ Тациту самостоятельность въ расположеніи матеріала, выставляя на видъ его приверженность къ строгомъ анналистическому методу („*Tacite est toujours annaliste*“), что доказывается и его выраженіями: *in tempore trademus* (IV, 71), *in tempore memorabo* (I, 58; XI, 5), *in loco reddemus* (II, 4), *in tempore memorabitur* (VI, 22). Но г. Фабіа такъ строгъ къ Тациту, что находитъ возможность здѣсь указать нарушеніе имъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ своего метода (р. 431—434), хотя допускаетъ, что это иногда происходило и въ зависимости отъ источника. Приписываетъ г. Фабіа (р. 437) Тациту и умѣнье соединить съ анналистическимъ методомъ артистическое расположеніе матеріала. Раздѣленіе на книги, уступаемое строгимъ критикомъ самому Тациту, сдѣлано такъ, что каждая книга образуетъ особое и хорошо построенное цѣлое, гдѣ господствуетъ непременно одинъ главный фактъ, при чемъ первыя и послѣднія главы посвящаются событіямъ, оставляющимъ ясное и сильное впечатлѣніе въ читателѣ. Къ этому г. Фабіа (р. 440) присовокупляетъ указанную Вѣльфлиномъ *гексадическую* композицію, то-есть, группировку книгъ по шести, такъ что во всей *Литотисси* должно было быть 18 книгъ. Все это подсказывалось Тациту чувствомъ симметріи, которое простирается и на подраздѣленіе гексады на триады. Та и другая группировка, впрочемъ, была обычна въ римской литературѣ, на что указываютъ дважды шесть книгъ Энеиды и Оиваиды, четыре гексады (съ прибавкой одной книги введенія) въ *Antiquitates rerum humanarum* и *De lingua Latina* Варрона и т. д., составленныя въ триадахъ *Annales* Эвнія, *Antiquitates rerum divinarum* Варрона, *De oratore* и *De natura deorum* Цицерона и т. п.

Это все, что молодой французскій ученый оставляетъ великому историку въ дѣлѣ самостоятельной обработки его историческихъ сюжетовъ. При этомъ онъ, впрочемъ, оставляетъ ему историческую честность, говоря (р. 442): „*La probité historique de Tacite est au dessus de tout soupçon*“. Но исполнѣ ли умѣстно говорить объ исторической честности историка, который самъ не изслѣдывалъ, не раз-

работывалъ предмета, а шель на буксирѣ у другаго историка, избраннаго имъ себѣ въ руководители? Если Тацитъ самъ не разыскивалъ, не изслѣдовалъ событій по источникамъ первой руки, не справлялся съ основными матеріалами, которые одни могли ему доставить твердую почву для вѣрнаго изложенія фактовъ и для возможной для человѣка безошибочности сужденій, то много ли открывалось поля для проявленія его исторической честности?

Поднятіе вопроса объ исторической честности Тацита привело г. Фабіа къ значительному ослабленію своихъ аргументовъ относительно несамостоятельности нашего историка. Признавая за Тацитомъ стремленіе всячески добиваться истины, французскій ученый признаетъ, что онъ обращался къ источникамъ, которые казались наиболѣе способными гарантировать эту истину. Такимъ образомъ, по сознанію г. Фабіа (р. 443 слд.), Тацитъ обнаруживалъ недовѣріе къ анонимному преданію, отдавалъ себѣ отчетъ въ мотивахъ, руководившихъ историками разныхъ направленій въ окраскѣ событій и личностей¹⁾, не рѣдко не довѣрялъ и своему главному источнику, исправляя его факты и сужденія, и много разъ признается, что онъ не могъ узнать истины. Чтѣ же все это показываетъ?

Это показываетъ, что Тацитъ не подчинялся разказу того или другаго изъ своихъ предшественниковъ, а тщательно изслѣдовалъ все, имѣвшіяся на лицо, данныя и только послѣ зрѣлаго и всесторонняго обсуждения ихъ рѣшался высказываться такъ или иначе, очень часто оставляя вопросъ нерѣшеннымъ по недостатку матеріаловъ или убѣдительныхъ свидѣтельствъ. Развѣ это приемы компилятора? Развѣ это приемы историка съ *habitudes d'esprit oratoires et nullement scientifiques*, какъ г. Фабіа (р. 427) развязно выражается о Тацитѣ? Развѣ это не настоящіе научные приемы, которыхъ мы требуемъ и отъ современныхъ намъ повѣствователей? Если, наконецъ, допустить, что вся работа Тацита заключалась только въ томъ, что онъ, почти совершенно оставляя въ сторонѣ основные матеріалы, выбиралъ себѣ руководящій источникъ, время отъ времени сличая его съ другими историками и при помощи ихъ дѣлая кое-какія добавки и исправленія, какъ это хочетъ намъ навязать французскій

¹⁾ Въ самомъ началѣ своей *Литерисы* (I, 1) онъ заявляетъ: *Tiberii Gaique et Claudii ac Neronis res florentibus ipsis ob metum falsae, postquam occiderant, recentibus odiis compositae sunt.*

ученый ¹⁾, то развѣ это была серьезная работа, требовавшая многих лѣтъ для своего исполненія? Если Тацитъ не изучалъ основныхъ матеріаловъ, если онъ ограничивался готовыми трудами, только по временамъ сличая главный источникъ съ побочными, то на что же пошли, какъ мы это замѣтили раньше, приблизительно два десятка лѣтъ его трудовъ надъ *Исторіями* и *Лѣтописью*? Правда, г. Фабіа самъ говоритъ, что въ той части *Исторіи*, которая заходила за предѣлы труда Плинія, то-есть, которая не дошла до насъ и обнимала большую часть правленія Веспасіана, правленія Тита и Домиціана, Тацитъ долженъ былъ самъ собирать матеріалы и разрабатывать ихъ какъ первый историкъ. И дѣйствительно, только при этомъ условіи самостоятельной работы понятно, что между *Германіей* и *Исторіями* прошло *десять* лѣтъ времени (98—108). Мы знаемъ, что въ 116 или въ промежутокъ 115—117 гг. (см. стр. 137) Тацитъ писалъ только вторую книгу *Лѣтописи*. Неужели великому историку потребовалось около десяти лѣтъ только на то, чтобы разработать по указываемому г. Фабіа компиляторскому методу какихъ-нибудь пять лѣтъ правленія Тиберія, то-есть, написать, слѣдуя „главному источнику“, менѣе 67 страницъ изданія Ивана Мюллера? Все это въ высокой степени не сообразно съ здравыми представленіями о дѣлѣ и требуетъ другаго его пониманія. Если у Тацита ушло приблизительно десять лѣтъ на *Исторіи*, гдѣ ему, и по увѣренію самого г. Фабіа, предстояло въ не дошедшихъ до насъ книгахъ заниматься разработкой основнаго матеріала, то ясно, что прежде чѣмъ написать 18 книгъ *Лѣтописи*, историку потребовалось около десяти лѣтъ предварительной работы, предъ совокупностью которой даже „*onerosa collatio*“ Плинія Младшаго могла показаться бездѣлицей, не говоря уже о *collatio „d'une façon tout-à-fait intermittente“*, приписываемой Тациту

¹⁾ Заявленія этого рода разсѣяны въ немаломъ количествѣ въ его книгѣ, но достаточно указать на слѣдующія строки, которыми онъ (р. 404—405) заключаетъ свою главу „*Classement des sources de Tacite*“: *Nous avons déjà vu, quel emploi insignifiant Tacite a fait des sources premières dans la composition des Annales... Nous venons maintenant de voir, que, parmi ses devanciers, il en a toujours eu un pour source principale. Les autres ont joué un rôle semblable à celui des sources premières: avec leur aide, au fond fourni seulement par la source principale il a fait des additions et des corrections. Ce contrôle n'a pas été continu: Tacite ne s'est pas astreint à comparer point par point les récits secondaires au récit principal. Il ne s'est livré à cette besogne fastidieuse, à cette „collatio onerosa“ comme dit Pline le Jeune, que d'une façon tout à fait intermittente.*

г. Фабіа. У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній насчетъ того, когда историкъ кончилъ свою *Лѣтопись*; но для того, чтобы понять тяжесть и отчасти свойство работы Тацита, достаточно знать, что ему понадобилось около десяти лѣтъ возни съ матеріалами и источниками главными и не главными, чтобы приступить только къ началу изложенія своихъ изысканій. И нужно замѣтить, что историку мало приходилось отдыхать среди этой работы, такъ какъ ему предстояло еще заняться исторіей времени Нервы и Траяна, работой, которую онъ оставилъ для своей старости, какъ онъ объ этомъ заявляетъ въ предисловіи къ *Исторіямъ* (Hist. I, 1: senectuti seposui), между тѣмъ какъ и во время писанія второй книги *Лѣтописи* ему было уже за 60 лѣтъ отъ роду.

Итакъ мы теорію г. Фабіа о способѣ составленія Тацитомъ своихъ историческихъ трудовъ отвергаемъ, какъ не только слишкомъ смѣлую, но и какъ прямо несостоятельную. Она несостоятельна не только по внѣшнимъ основаніямъ, но и по внутреннимъ. Сочиненія Тацита носятъ такой могучій отпечатокъ его личности, производятъ впечатлѣніе такой сильной индивидуальной внутренней работы историка, дышатъ чувствомъ такой авторской независимости, что можно только удивляться, какъ находятся люди, которые съ такою легкостью увлекаются модною теперь, особенно у занимающихся среднсю исторіей, теоріей сплошнаго заимствованія однимъ писателемъ у другаго. Какъ можно забывать, что если что приложимо къ одному историку, положимъ къ Ливію, писавшему римскую исторію за время ея семисотъ-пятидесяти-лѣтняго существованія, то это не значитъ, что то же самое приложимо и ко всякому другому, хотя бы писавшему въ совершенно другихъ условіяхъ? Г. Фабіа постоянно забываетъ, кого онъ ставитъ на одну доску съ заурядными компиляторами. Scis, quem virginum?—такъ и хочется его спросить словами Плинія, сказанными въ письмѣ къ Фундану (IV, 15) о великомъ историкѣ.

Но хорошо и то, что французскій ученый не оспариваетъ исторической честности автора *Исторій* и *Лѣтописи*. Правда, онъ замѣчаетъ, что Тацитъ, который желалъ и старался говорить истину¹⁾.

¹⁾ Hist. I, 1: Sed incorruptam fidem professis neque amore quisquam et sine odio dicendus est. Ann. I, 1: Inde consilium mihi pauca de Augusto et extrema tradere, mox Tiberii principatum et cetera, sine ira et studio, quorum causas procul habeo.

не всегда достигалъ этого (*Tacite n'a par toujours dit vrai et jugé sainement*), допуская ошибки и неточности, въ которыхъ виноваты и его источники, и самъ онъ; но было бы чудомъ, еслибы Тацитъ, какъ онъ ни высокъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, былъ безошибоченъ. Чего нельзя требовать ни отъ кого, того нельзя требовать и отъ Тацита. Г. Фабіа отмѣчаетъ недостатокъ полнаго безпристрастія историка къ Тиберію, но въ то же время замѣчаетъ, что было бы несправедливо самому Тациту приписывать всю ту ненавистную окраску, въ какой является Тиберій въ *Литтониси*, а надо кое-что отдѣлить на долю и его источниковъ. Снимая такимъ образомъ съ Тацита долю отвѣтственности за отсутствіе безпристрастія къ Тиберію, г. Фабіа вдругъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ, что Тацитъ *и не могъ* быть безпристрастнымъ къ Тиберію. Онъ, какъ аристократъ ¹⁾, „ненавидѣлъ государя, поработившаго сенатъ, опустошившаго ряды знати, облекшаго всѣмъ своимъ довѣріемъ выскочку, Сеяна“; да къ тому же, онъ былъ одержимъ пессимизмомъ, который, проявившись въ *Исторіяхъ*, не могъ смягчиться при описаніи правленій Тиберія и Нерона. Въ этомъ сужденіи г. Фабіа есть, конечно, своя доля правды; но какая не высокая точка зрѣнія — объяснять нелюбовь Тацита къ Тиберію аристократизмомъ (да еще, вдобавокъ, мнимымъ) историка! Какъ будто суровое и часто жестокое правленіе Тиберія, при которомъ совершился окончательный переходъ Рима подъ власть организованнаго деспотизма, могло внушить какому бы то ни было историку и политическому мыслителю, понимающему цѣну политической свободы въ государственной жизни, расположеніе къ себѣ? Тацитъ перѣдко отдаетъ справедливость его административнымъ способностямъ ²⁾, и этого достаточно, чтобы его не считать систематическимъ врагомъ такого угрюмаго, подозрительнаго и, безспорно, жестокаго человѣка, каковъ былъ Тиберій. Въ наше время стали обѣлять насчетъ Тацита даже Нерона; быть можетъ, мы доживемъ до того, что найдутся защитники

¹⁾ Развѣ Тацитъ былъ аристократическаго происхожденія? Упрекъ въ аристократизмъ перѣдко раздается въ сторону Тацита: но на чемъ онъ основывается? По происхожденію Тацитъ былъ простой римскій всадникъ и вполне homo novus въ римской магистратурѣ.

²⁾ См. объ этомъ мою книгу: „Тацитъ и его сочиненія“, стр. 125—129. Особенно классическое мѣсто у Тацита о Тиберіѣ см. Ann. IV, 67.

и Домиціана: но всѣ подобныя попытки, сколько бы ихъ ни было, не въ состояніи снять ореолъ съ высокой фигуры строгаго и неподкупнаго историка кесарскаго Рима.

Г. Фабіа въ концѣ концовъ считаетъ Тацита только первокласснымъ мыслителемъ и первокласснымъ писателемъ. Мы будемъ продолжать считать его и великимъ историкомъ. Scis, quæ viam...

В. Медстевъ.

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ ГЮЙО.

Сочувствіе публики къ философскимъ сочиненіямъ слишкомъ рано умершаго Гюйо подтверждаетъ, повидимому, мнѣніе, которое недавно было высказано однимъ русскимъ философомъ: онъ находитъ, что въ настоящее время упадка философской мысли именно во Франціи можно подмѣтить признаки лучшаго будущаго. Самъ Гюйо былъ увѣренъ, что онъ нашелъ принципъ, примѣненіе коего разрѣшаетъ многія трудныя проблемы. Въ виду этого не лишнее разсмотрѣть Гюйо, какъ философа, чтобы выяснитъ, дѣйствительно-ли найденный имъ принципъ столь плодотворенъ, какъ думаетъ самъ авторъ. На послѣдующихъ страницахъ мы, вопервыхъ, разсмотримъ тѣ философскія теченія, подъ вліяніемъ коихъ возросъ талантъ Гюйо, вовторыхъ, постараемся выяснитъ степень пригодности принципа Гюйо, въ примѣненіи къ тремъ сферамъ жизни: къ эстетикѣ, этикѣ и религіи.

I.

Различныя націи спорятъ о томъ, за кѣмъ слѣдуетъ признать славу родоначальника новой философіи: англичане выставляютъ Бэкона, нѣмцы—Николая Кузанскаго, италіанцы—Джордано Бруно, французы—Декарта. Въ пользу правъ cadaго изъ названныхъ лицъ можно привести вѣскіе доводы, но ни въ комъ, какъ мнѣ кажется, не соединились всѣ черты новой философіи съ такой отчетливостію, какъ въ лицѣ Декарта; у него же менѣе всего типическихъ чертъ схоластической средневѣковой философіи, отъ которой не свободны ни Бруно, ни Бэконъ, ни Кузанскій. Сомнѣніе, какъ методологическій принципъ, достовѣрность субъективныхъ состояній и, отсюда, необходимость идеалистическаго направленія философіи, вѣра въ ра-

зумъ, какъ полноправный принципъ познанія—вотъ главныя черты, характерныя для философіи Декарта и вмѣстѣ съ тѣмъ для всей новой философіи. Ежели французамъ и принадлежитъ слава обоснованія новой философіи, то нельзя того же сказать относительно продолженія и завершения выставленныхъ началъ. Французская философія весьма скоро сбилась съ истиннаго пути и, можно сказать, до настоящаго времени не пошла далѣе Декарта. Этого, конечно, не слѣдуетъ ставить въ вину французамъ: талантливѣйшіе изъ нихъ были увлечены задачами иного рода, требовавшими рѣшенія; конечно, XVIII-й вѣкъ, съ точки зрѣнія философской, не представляетъ большаго интереса и, въ сравненіи съ эпохой Декарта, долженъ быть названъ періодомъ упадка. Писатели XVIII вѣка заимствовали принципы у англичанъ и рѣшали практическіе вопросы на почвѣ сенсуалистической философіи. Но и XIX-й вѣкъ во Франціи въ философскомъ отношеніи не можетъ считаться блестящимъ. Правда, интересъ къ теоретическимъ вопросамъ возросъ, замѣтно большее богатство философскихъ направленій, при томъ не заимствованныхъ, а выросшихъ хотя отчасти на французской почвѣ¹⁾, но эти направленія оказываются или мертворожденными, или знаменуютъ собой лишь возвращеніе къ принципамъ Декарта, или же служатъ лишь отраженіемъ тѣхъ идей, которыми было увлечено общее теченіе культурной жизни XIX вѣка. Поэтому когда намъ говорятъ о лучшемъ положеніи философіи во Франціи сравнительно съ таковымъ въ другихъ странахъ, то это нужно понимать *сuis generis*. Паденіе нѣмецкой философіи по смерти Гегеля было гораздо болѣе внезапнымъ и совершилось съ большей высоты, въ то время какъ паденіе философской мысли во Франціи шло съ Декарта постепенно и посему не столь замѣтно.

Главныя направленія философіи XIX вѣка, которыя могли оказать вліяніе на развитіе Гюйо, можно свести къ четыремъ группамъ: католическая реакція противъ свободомыслія и сенсуалистической философіи XVIII вѣка; направленіе, видящее главную опору философіи въ психологіи; позитивизмъ и, наконецъ, эволюціонизмъ. Первое изъ этихъ четырехъ направленій не имѣло никакого вліянія

¹⁾ О философіи во Франціи въ XIX вѣкѣ см. сочиненія: *Taine. Les philosophes classiques du XIX s. en France. Paris 1868, 8°.*—*Ravaisson. La philosophie en France au XIX s. Paris 1868, 8°.*—*Janet. La philosophie française contemporaine. Paris 1879.*—*Ferraz. Histoire de la philosophie en France au XIX s. 3 vol. Paris 1877—1887.*—*Adam. La philosophie en France au XIX s. Paris 1894.*

на Гюйо, и поэтому мы оставимъ его въ сторонѣ. Не очень значительно вліяніе и втораго направленія, хотя все же оно кое гдѣ видно, Психологическое направленіе XIX вѣка началось борьбою противъ сенсуализма Кондильяка и его послѣдователей, который совершенно извратилъ пониманіе духа. Нужно было возстановить права духа, усмотрѣть сущность его въ дѣятельномъ сознаніи, и это пытались сдѣлать Мэпъ де Биранъ, Ларомигьеръ и др. Эклектическая школа Кузена въ сущности является лишь продолженіемъ психологическаго направленія: это явствуется изъ того, что самый талантливый изъ эклектиковъ, Жюффрау, про котораго Кузенъ говорилъ: „J'ai fait quelques ouvrages, mais ce que j'ai peut être fait de meilleur, c'est encore Jouffroy, qui est presque un homme“, всецѣло стоитъ на почвѣ психологическаго анализа; наконецъ, и современное развитіе психологіи, даже такъ называемая эмпирическая психологія, родоначальникомъ которой во Франціи является Рибо, есть не что иное, какъ продолженіе того же самаго теченія мысли, начавшагося въ нашемъ столѣтіи, видоизмѣненнаго всеильнымъ вліяніемъ естественныхъ наукъ. Вліяніе психологіи умѣряло ту односторонность и рѣзкость, въ которую бы впалъ Гюйо, еслибъ онъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ контизма и эволюціонизма; первый не признаетъ психологіи, второй, сглаживая всѣ особенности и низводя ихъ до различія въ степени, тоже не можетъ видѣть въ психологическомъ принципѣ, сознаніи, самостоятельнаго начала. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что вліяніе Конта на Гюйо было весьма значительнымъ; вліяло, конечно, не столько положительное содержаніе контизма ¹⁾, сколько его отрицательная сторона и его методологическій характеръ, то-есть, разграниченіе области познанія отъ непознаваемаго и отрицаніе такъ называемой метафизики. Гюйо также стремится къ тому, чтобы удержаться на почвѣ дѣйствительности и не прибѣгать къ трансцендентнымъ понятіямъ.

Между положительной философіей и эволюціонизмомъ (напримѣръ, Спенсера) есть, конечно, много общихъ чертъ (напримѣръ, въ теоріи познанія, въ матеріалистическомъ характерѣ обѣихъ теорій и т. д.), но эволюціонизмъ XIX вѣка развился совершенно независимо отъ позитивизма и развился первоначально въ сферѣ духовной, а потомъ уже былъ перенесенъ и на сферу природную. Гегелевская философія

¹⁾ Сужденіе Ренана о Контѣ, что онъ высказалъ на плохомъ французскомъ языкѣ то, что всѣмъ было извѣстно, врядъ ли справедливо.

представила блистательный примѣръ эволюціонной теоріи, и натуралистическій эволюціонизмъ являет собою лишь ту-же самую мысль, лишешнюю однако своего значенія и смысла, ибо натуралистическій эволюціонизмъ описываетъ лишь фактъ, не давая ему объясненія; да онъ и не можетъ дать объясненія, такъ какъ не знаетъ ни начала, ни конца эволюціи и не можетъ указать причины, почему одно явленіе должно переходить въ другое, постепенно осложняясь. Такая эволюціонная теорія есть наматываніе въ клубокъ запутавшихся нитей, при чемъ начало нити не найдено, конецъ не можетъ быть найденъ, а самое наматываніе производится чисто внѣшнимъ, механическимъ способомъ. Усиленіе и развитіе идеи эволюціи въ XIX вѣкѣ частью вызвано явленіемъ, а частью способствовало появленію такъ называемой исторической точки зрѣнія, благодаря коей всякое явленіе какъ будто бы становится понятнымъ, когда указаны причины его; но такъ какъ все и всегда имѣетъ свои причины, то эта точка зрѣнія поглощаетъ всѣ остальные и не даетъ возможности примѣненія другихъ категорій. Въ связи съ этимъ стоитъ и то значеніе, которое историческія науки приобрѣли въ ущербъ объективнымъ, на примѣръ, исторіи философіи въ ущербъ самой философіи. Эволюціонисты— вотъ боги, которымъ болѣе всего поклонялся Гюйо; онъ отдалъ дань и увлеченію исторіей—первые его труды были посвящены исторіи философіи ¹⁾,—но къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ на исторіи не остановился, а перешелъ къ философіи.

II.

Современная философія видитъ главную задачу въ проблемѣ знанія, и эта постановка вопроса принадлежитъ Декарту, отъ котораго ее переняла критическая философія XIX вѣка. Прежде чѣмъ строить систему знанія, нужно дать себѣ отчетъ въ средствахъ человѣческаго познанія. Что въ человѣческомъ знаніи достовѣрнаго? Гдѣ источники познанія? Гдѣ его границы? Кто не разсматриваетъ этихъ вопросовъ, тотъ догматикъ, то-есть, держится отсталой точки зрѣнія и не можетъ играть видной роли въ современной философіи. Гюйо слѣдуетъ назвать догматикомъ. У него нѣтъ разсужденія, касающагося теоріи познанія; онъ, по всей вѣроятности, придерживается воззрѣній Спен-

¹⁾ См. *La morale d'Épicure*. Paris. 1878. 8°. и *La morale anglaise contemporaine*. Paris. 1879 8°.

сера, мыслителя, который тщетно старается прикрыть свой догматизмъ теоріей объ относительности человѣческаго познанія. Всякій, конечно, воленъ избирать себѣ какой угодно предметъ изслѣдованія, но философъ долженъ его связать съ общими принципами, то-есть, поставить въ связь съ рѣшеніемъ существеннѣйшей задачи философіи. Отсутствие анализа знанія и ложность самого принципа, выставленнаго Гюйо, не должны заслонить намъ дѣйствительныхъ достоинствъ Гюйо: благородной манеры писать, большого критическаго таланта, позволяющаго ему видѣть недостаточность школъ, которымъ онъ симпатизируетъ; если къ этому прибавить полную искренность, съ которой онъ высказываетъ мнѣнія, на сочувствіе къ коимъ онъ рачитывать не можетъ, и тонкое чувство, которое позволяетъ ему разобраться въ разныхъ детальныхъ вопросахъ, то указанія на это достаточно, чтобы объяснить успѣхъ, которымъ онъ пользовался.

Принципъ Гюйо, коимъ онъ думаетъ объяснить эстетическую, этическую и религіозную задачи, есть жизнь, на которой все зиждется, изъ которой все проистекаетъ и которой все объясняется. Подъ словомъ „принципъ“ мы разумѣемъ высшее понятіе, изъ котораго проистекаетъ рядъ другихъ, понятіе первоначальное, не могущее быть выведеннымъ ни изъ какого инаго. Обыкновенно признаютъ троякаго рода принципы: а именно принципы бытія, дѣятельности и познанія. Только третій принципъ имѣетъ отличительную черту самоочевидности, почему ему и приписываютъ названіе принципа по преимуществу. Въ этомъ смыслѣ сознаніе есть принципъ. Самоочевидно не самое сознаніе, конечно. Но ежели сознаніе дано какъ фактъ, то условія дѣятельности его самоочевидны. Принципы бытія (*principia essendi*, на примѣръ, атомы) лишены этого характера самоочевидности, лишено его, конечно, и понятіе жизни. Но подъ словомъ принципъ мы разумѣемъ еще и нѣчто иное, а именно высшее понятіе каждой науки, на примѣръ, величина — математики, жизнь принципъ физиологіи, сознаніе — принципъ психологіи и т. д. Ни въ какомъ смыслѣ жизнь не можетъ быть общимъ философскимъ принципомъ, ибо жизнь лишена самоочевидности, а, какъ основное понятіе физиологіи, оно можетъ быть примѣняемо лишь въ физиологіи, примѣненіе же къ другимъ сферамъ составляетъ ошибку, называемую *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*. Впрочемъ, мотивы Гюйо, коими онъ руководствовался, довольно прозрачны: онъ полагалъ, что понятіе жизни обще, чѣмъ понятіе сознанія. Сознаніе, по его мнѣнію, вырастаетъ на почвѣ безсознательнаго. Понятіе безсознательнаго чрезвычайно

удобно и завлекательно: оно, повидному, заключаетъ въ себѣ возможность примиренія двухъ міровъ, находимыхъ нами въ опытѣ, матеріальнаго и психическаго; возвышаясь надъ голымъ матеріализмомъ, оно въ то же время избѣгаетъ опасностей эгоистическаго идеализма. Въ этомъ смыслѣ понятіе безсознательнаго можно назвать натуралистическимъ принципомъ. Но эти выгоды понятія безсознательнаго исчезаютъ при ближайшемъ его разсмотрѣніи: оно лишено положительнаго содержанія, отрицательное же понятіе не можетъ быть принципомъ философіи или науки. Оно не можетъ быть и познано, ибо единственнымъ средствомъ познанія является сознаніе, безсознательное же недоступно сознанію; наконецъ, и это можетъ быть самое важное, всѣ такъ называемыя явленія безсознательной душевной жизни могутъ быть объяснены и съ точки зрѣнія сознанія, а въ такомъ случаѣ мы должны слѣдовать логическому правилу *principia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*¹⁾.

§ 1.

Посмотримъ теперь, какъ проводить Гюйо свой принципъ въ эстетикѣ. Принципъ эстетики — красота. Всѣ люди отличаютъ красивое отъ безобразнаго, хотя не всѣ считаютъ одно и то же красивымъ или безобразнымъ. Гдѣ найти критерій красоты? Въ объективныхъ-ли признакахъ предмета, или въ субъективныхъ состояніяхъ человѣка? Начиная отъ Платона и до настоящаго время мы видимъ непрерывную смѣну критеріевъ красоты и ея опредѣленій; объективные смѣнились субъективными, абсолютные — относительными (историческими), идейные замѣнены — формальными; можетъ быть, эти критеріи не столь различны и противорѣчащи, какъ это казалось; во всякомъ случаѣ различіе критеріевъ и опредѣленій принесло свою долю пользы и привело къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ. Хотя и до настоящаго времени нѣтъ области, которая бы возбуждала столько споровъ, какъ эстетика, но эти споры касаются лишь самыхъ общихъ вопросовъ; цѣлый рядъ психологическихъ и фізіологическихъ фактовъ можно считать твердо установленными, и пригодность ихъ въ эстетикѣ внѣ спора. Однако составляютъ ли они всю эстетику?

¹⁾ Превосходная критика понятія безсознательнаго находится у *Бреитано*: *Empirische Psychologie*. Wien. 1876. Вообще говоря, въ послѣднее время замѣчаемъ у психологовъ поворотъ къ сознанію и отрицаніе безсознательнаго. Давно бы пора (См., напримѣръ, „Психологию“ *Джемса*).

Гюйо въ своемъ сочиненіи объ эстетикѣ ¹⁾ разсматриваетъ вопросъ съ двухъ сторонъ: онъ, во-первыхъ, критикуетъ англійскую психо-физиологическую эстетику, во-вторыхъ, предлагаетъ взамѣну свою положительную теорію. Англійская эстетика ²⁾ въ ея главныхъ представителяхъ, Спенсера, Грентъ Олена и др. сводитъ понятіе прекраснаго къ пріятному и къ игрѣ, изъ которыхъ путемъ эволюціи развивается красота и искусство. Накопившаяся энергія въ организмѣ выражается частью въ полезныхъ движеніяхъ, частью же въ игрѣ, въ бесполезныхъ движеніяхъ. Такъ какъ игра оказывается источникомъ искусства, то вполне послѣдовательно различать полезное отъ искусства, и сближать красоту съ пріятнымъ.

Гюйо дѣлаетъ весьма справедливыя замѣчанія противъ англійской эстетики и раскрываетъ вполне ея недостаточность. Его возраженія могутъ быть сведены къ четыремъ пунктамъ. Онъ показываетъ, что искусство не есть игра, а нѣчто весьма серьезное. Съ этимъ нельзя не согласиться, хотя и изъ другихъ мотивовъ, чѣмъ тѣ, которые приводитъ Гюйо: англійская эстетика вѣдь покоится на психологіи; психологическое же объясненіе есть объясненіе изъ причинъ, то-есть, генетическое, а съ этой точки зрѣнія нельзя различать полезнаго отъ бесполезнаго, поэтому нельзя найти различія между работой и игрой.

Второе замѣчаніе Гюйо состоитъ въ томъ, что между прекраснымъ и полезнымъ нѣтъ той противоположности, которую утверждаютъ англичане. Въ противоположность мысли Спенсера и Грентъ Олена, „что ощущеніе, которое связано съ жизнью непосредственно и служитъ ей, не можетъ быть источникомъ эстетическаго наслажденія“, Гюйо утверждаетъ, что всякое пріятное ощущеніе (напримѣръ, вкусовое, температуры и т. д.) можетъ стать эстетичнымъ. Прикосновеніе льда къ головѣ во время горячки, испытанной Гюйо, вызвало въ немъ ощущеніе, подобное полной гармоніи, уловленной ухомъ, послѣ ряда диссонансовъ. Холодное молоко, выпитое нашимъ авторомъ въ Пиринеяхъ во время прогулки въ жаркій день, вызываетъ въ немъ ощущеніе, которое онъ называетъ не только пріятнымъ, но „c'était comme une Symphonie pastorale saisie par le goût au lieu de l'être par l'oreille“. Мы привели эти мысли Гюйо, чтобы показать, какъ

¹⁾ Les problèmes de l'esthétique contemporaine. Paris. 1884.

²⁾ Принципы англійской эстетики защищаетъ проф. Смирновъ въ недавно вышедшемъ трудѣ „Эстетика“. Казань. I вып. 1894.

вѣрное по существу критическое замѣчаніе незамѣтно разрастается у нашего автора и принимаетъ формы весьма рискованной теоріи. Не вѣроятно, чтобы осязаніе, вкусъ, обоняніе когда либо заняли прочное мѣсто въ эстетикѣ; дѣло въ томъ, что эстетическое наслажденіе объективно, оно связано съ воспріятіемъ предмета, съ содержаніемъ ощущенія, а пріятный тонъ ощущенія является уже результатомъ содержанія. Въ низшихъ ощущеніяхъ содержаніе на столько неопредѣленно, на столько поглощено тономъ, что объективация возможна лишь въ весьма малой мѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ мѣста и для красоты.

Встрѣяхъ, англичане ошибаются въ томъ, что придаютъ эстетическому наслажденію слишкомъ отвлеченный, интеллектуальный характеръ, въ то время какъ всѣ три стороны сознанія, чувство, воля и интеллектъ, участвуютъ въ эстетическомъ наслажденіи. Наконецъ, вчетвертыхъ, говоря о томъ, что эстетическое чувство возникаетъ изъ пріятныхъ ощущеній, англичане смѣшиваютъ тонъ ощущенія съ чувствомъ, то-есть, состояніе психофизическое съ состояніемъ чисто физическимъ. Изъ выше приведенныхъ замѣчаній явствуетъ, что Гюйо, воспитанный на англійской философіи, не былъ однако ею ослѣпленъ.

Положительное ученіе Гюйо не развито имъ подробно, а изложено лишь въ общихъ чертахъ. Основа всякаго искусства — это усиліе создать нѣчто, *poiesis*, творчество; потому все реальное и живое есть цѣль искусства. Все реальное, живое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сдѣлаться прекраснымъ. Прекрасное въ зародышѣ содержится въ пріятномъ; пріятное же состоитъ въ сознаніи безпрепятственнаго осуществленія жизни, поэтому-то жизнь и является истиннымъ принципомъ красоты; всякое наслажденіе стремится къ эстетичности: красота есть своего рода внутреннее плодородіе (*fécondité intérieure*). Красота проявляется въ трехъ сферахъ: ощущенія, воли и ума. Всякое произведеніе искусства есть не что иное, какъ выраженіе наиболѣе высокой идеи наиболѣе образнымъ языкомъ. Такъ какъ чувство пріятнаго и прекраснаго раздѣляются только степенью, то всѣ ощущенія, связанныя съ различными функциями организма, способны доставить эстетическое наслажденіе, на-примѣръ, питаніе (см. ст. 21).

Таковъ смыслъ ученія Гюйо, и нужно пожалѣть, что Гюйо не разработалъ своей теоріи съ большей подробностью; можетъ быть, тогда она оказалась бы болѣе состоятельной. Самое существенное возраженіе, которое слѣдуетъ сдѣлать Гюйо, состоитъ въ томъ, что въ

принципъ жизни не заключается нормы; жизнь совершенно равнодушна какъ къ красотѣ, такъ и къ безобразію, то и другое находятъ себѣ въ одинаковой мѣрѣ мѣсто въ жизни. Ежели бы состояніе „аномин“ было бы дѣйствительно идеальнымъ, какъ это полагаетъ Гюйо, то мы должны бы были обойтись безъ всякихъ нормъ, но этого мы не можемъ и ежеминутно примѣняемъ ко всему встрѣчающемуся категоріи красоты и безобразія; обобщивъ частные случаи, въ которыхъ мы примѣняемъ указанныя категоріи, мы должны получить идею нормы.

Такимъ образомъ принципъ жизни уничтожаетъ самую возможность эстетики, какъ нормативной науки, въ то время какъ самъ авторъ принципа никакимъ образомъ отказаться отъ нормативности не можетъ. Мы не говоримъ уже о противорѣчии, въ которое впадаетъ Гюйо, когда утверждаетъ, что произведеніе искусства тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ выше идея, имъ выраженная. Откуда взялъ Гюйо степени различія идей? Въ природѣ идеи выражены всѣ совершенно равноправно, и нельзя сказать, чтобы одна была выше другой.

Успѣхъ, которымъ пользуется эстетика Гюйо, можетъ быть, покоится на недоразумѣніи. Изъ его принципа вытекаетъ, повидимому, реализмъ, требованіе жизненности въ искусствѣ; однако требованіе это можетъ быть поставлено независимо отъ принципа эстетики и въ дѣйствительности ставилось всѣми эстетическими направленьями.

§ 2.

Характернѣе результаты, къ которымъ приходитъ Гюйо, благодаря примѣненію своего принципа, жизни, къ этикѣ ¹⁾. Въ обработкѣ этики Гюйо много общихъ чертъ съ тѣмъ, что нами изложено въ предшествующемъ. И тамъ, и тутъ—то же натуралистическое направленіе, то же стремленіе удержаться на почвѣ дѣйствительности, не прибѣгая къ трансцендентнымъ понятіямъ.

Основной фактъ нравственной жизни—это различеніе добра и зла. Всѣ люди различаютъ доброе отъ злаго, хотя въ опредѣленіяхъ того и другаго они далеко расходятся. Какъ въ эстетикѣ, такъ и въ этикѣ требуется найти критерій добра и зла, и точно такъ же, какъ и въ эстетикѣ, мы находимъ цѣлый рядъ критеріевъ, защищаемыхъ

¹⁾ См. *Guyau. Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction. Paris. 1885. 8°.*

съ болышимъ или меньшимъ успѣхомъ: объективныя критеріи замѣняются субъективными, абсолютныя — относительными, идейныя — формальными. Понятіе долженствованія, лежащее въ основѣ различенія добра и зла, связано съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе или менѣе сложныхъ понятій. Добро и зло встрѣчаются только въ нравственномъ мірѣ, нравственность осуществляется въ дѣятельности, дѣятельность же есть переходъ отъ извѣстной возможности къ осуществленію ея въ цѣли. Поэтому то обыкновенно въ системѣ нравственности мы встрѣчаемся съ анализомъ трехъ понятій: свободы воли, какъ возможности нравственности, высшаго блага, какъ цѣли жизни, и добродѣтели, какъ формы осуществленія извѣстной цѣли. Каждое изъ указанныхъ понятій, особенно понятія свободы и высшаго блага, чрезвычайно трудны и было бы, конечно, весьма пріятно обойтись безъ нихъ, какъ это дѣлаетъ Гюйо, еслибъ это было возможно.

Этика Гюйо не имѣетъ ни начала, ни конца. Начало, то-есть, свободу воли, онъ отбросилъ, ибо натурализмъ не можетъ вмѣстить въ себя свободы и думаетъ, что можетъ обойтись безъ нея; конецъ, то-есть, понятіе высшаго блага, дающее санкцію долженствованія, Гюйо тоже вычеркнулъ; вотъ почему Гюйо свою оригинальную попытку построения называетъ этикой безъ долженствованія и санкціи.

Мы опять должны различать въ трудѣ Гюйо двѣ части: отрицательную и положительную. Критика его, частью весьма остроумная, направлена противъ ученія утилитаристовъ, эволюціонной морали, гедонистовъ и апріористовъ, то-есть, главнымъ образомъ противъ той школы, которой онъ первоначально поклонялся и къ которой стоялъ до конца жизни ближе всего. Гюйо дѣлаетъ очень мѣткія замѣчанія относительно этики оптимизма и пессимизма, результатъ которой можно свести къ необходимости отвергнуть трансцендентныя критеріи. Противъ гедонизма Гюйо справедливо выдвигаетъ мысль, что онъ смѣшиваетъ слѣдствіе съ сущностью; наслажденіе не есть цѣль жизни, а слѣдствіе ея.

Но обратимся къ положительному ученію Гюйо. Отвергнувъ „высшій законъ, предшествующій явленіямъ“ и видя въ аноміи, то-есть, въ отсутствіи нравственнаго закона, идеальное состояніе, Гюйо старается придерживаться только фактовъ, чтобы изъ нихъ вывести законъ, реальности, чтобы изъ нея вывести идеаль, природы, чтобы изъ нея вывести нравственность. Самый основной фактъ — тотъ,

что мы организмы ощущающие, мыслящие; итакъ фактъ — жизнь; жизнь же и должна быть одновременно причиною и цѣлью нравственности. Но жизнь является въ двоякой формѣ; она сознательна и бессознательна. Бессознательная жизнь и есть истинная основа всякой дѣятельности. Сознание, напротивъ, представляетъ собой скорѣе силу разлагающую. Нужно найти связь между сознаниемъ и бессознательной жизнью, найти принципъ дѣятельности, общій обѣимъ сферамъ. Такимъ принципомъ является жизнь въ ея наибольшемъ распространеніи и наибольшей интенсивности (*la vie la plus intensive et la plus extensive possible*); такая жизнь должна быть нормой для менѣе развитой жизни; это и есть единственное правило истинно научной нравственности. Этотъ идеалъ жизни даетъ возможность соединенія въ одно эгоизма и альтруизма. Необходимо, чтобы индивидуальная жизнь распространялась на другихъ и для другихъ, и это не есть противоположное требованіе, а напротивъ, условіе самой жизни. Это законъ нравственного плодородія (*fécondité morale*). Жизнь, подобно огню, сохраняется только распространяясь. Жить не значитъ только приобретать, но и расходовать. Итакъ жизнь и наслажденіе сами по себѣ альтруистичны. „Подобно тому какъ современная психологія признаетъ въ нашемъ „я“—иллюзію, и нѣтъ отдѣльной личности, а существуютъ лишь *des petites consciences*, такъ и эгоистическое наслажденіе есть иллюзія“.

Выяснивъ свой принципъ жизни въ примѣненіи къ этикѣ, Гюйо долженъ показать, какимъ образомъ онъ, пользуясь этимъ принципомъ, можетъ обойтись безъ обычныхъ понятій долга и санкции его.

Такъ какъ натуралистическій принципъ не даетъ возможности долженствованію, то Гюйо ищетъ суррогатовъ долга, то-есть, того, что на почвѣ натурализма можетъ служить замѣною долга, и очевидно, что всѣ эти суррогаты нужно найти въ самой жизни, а не въ категорическомъ императивѣ или виѣшнемъ велѣніи абсолютнаго разума. Гюйо указываетъ съ большимъ остроуміемъ на четыре возможныхъ суррогата. Вопервыхъ, онъ превращаетъ знаменитую формулу Канта „я долженъ, слѣдовательно я могу“ въ формулу „я могу, слѣдовательно я долженъ“. Накопленіе жизненной энергіи само по себѣ влечетъ за собой дѣйствіе, и чѣмъ большимъ количествомъ энергіи челоуѣкъ обладаетъ, чѣмъ интенсивнѣе его дѣятельность, тѣмъ большія ставятся ему требованія. Вовторыхъ, Гюйо останавливается на ученіи объ „идеяхъ-силахъ“ (*idées forces*), защищаемомъ Фулье, состоящемъ въ старомъ рационалистическомъ воззрѣніи на отношенія

разума къ чувству и волѣ, которое обосновано современными психологическими взглядами. Идеи сами по себѣ суть силы, стремящіяся къ реализаціи. Втретьихъ, Гюйо останавливается на психической эволюціи, въ силу коей наши чувствованія и наслажденія принимаютъ все болѣе и болѣе социальный характеръ и становятся альтруистическими. Такимъ образомъ развитіе воли, интеллекта и чувствъ составляетъ перейти постепенно физическую мощь въ нравственный долгъ. Наконецъ, вчетвертыхъ, Гюйо останавливается на психологическомъ анализѣ риска физическаго и моральнаго, и показываетъ, что въ рискѣ заключенъ стимулъ къ дѣйствию какъ въ сферѣ теоретической, такъ и практической. Всѣ эти замѣчанія должны показать, какъ развитіе жизни, ея мощи, само по себѣ создаетъ извѣстныя понятія, которыя люди ошибочно объективируютъ и считаютъ внѣшнимъ принужденіемъ.

Само собой разумѣется, что Гюйо не можетъ допустить и идеи санкціи въ обычномъ ея значеніи. Сама жизнь и дѣятельность и создаютъ санкцію. Дѣйствуя, жизнь наслаждается собой; чѣмъ интенсивнѣе дѣятельность, тѣмъ сильнѣе и наслажденіе и наоборотъ. „*Même en se donnant, la vie se retrouve, même en mourant elle a conscience de sa plénitude, qui reparaitra ailleurs indestructible sous d'autres formes, puisque dans le monde rien ne se perd*“.

Это оригинальное построеніе этики заканчивается призывомъ къ работѣ, долженствующей замѣнить молитву: работа и есть истинная молитва, увѣряетъ Гюйо.

Отдавая справедливость таланту Гюйо, оригинальности нѣкоторыхъ его мыслей, симпатичной вѣрѣ его въ безграничный прогрессъ человѣческаго знанія и могущества, позволительно спросить, на сколько попытка нашего автора удалась. Намъ кажется, что приходится сказать то же самое, что и объ его эстетикѣ; самый принципъ Гюйо исключаетъ возможность всякой этики; авторъ не разрѣшаетъ проблемы, а перетолковываетъ фактъ, благодаря чему и можетъ показаться, что онъ справился со своей задачей.

Вопервыхъ, къ чему примѣшалъ онъ понятіе безсознательнаго, столь неясное само по себѣ. Очевидно, въ угоду своему принципу, ибо жизнь бываетъ безсознательной и сознательной. Но нравственности безсознательной нѣтъ; гдѣ начинается сфера безсознательнаго (то-есть, слабой степени сознанія), тамъ прекращается нравственность (напримѣръ, въ привычкахъ), и нѣтъ возможности найти принципа для безсознательнаго и сознательнаго въ одно и то же время.

Вовторыхъ, Гюйо хвалить аномію, но можетъ ли онъ самъ обойтись безъ идеи нормы. Развѣ онъ не видитъ въ жизни наиболѣе распространившейся и наиболѣе интенсивной—норму для всякой другой жизни. Но по какому же праву? Жизнь сама по себѣ совершенно равнодушна какъ къ прекрасному, такъ къ добру и злу. Въ жизни одинаково, бокъ о бокъ, встрѣчается и то и другое, и нѣтъ возможности различить высшее отъ низшаго, добро отъ зла. Гюйо только постулируетъ, а не доказываетъ. Изъ этого кореннаго противорѣчія, отрицанія нормы и невозможности обойтись безъ нея, протистекають и всѣ остальные недоразумѣнія, выраженные въ формѣ недоказанныхъ постулатовъ:

Жизнь оказывается сама по себѣ альтруистичной, точно такъ же какъ и наслажденіе. И это вполне понятно. Гюйо не удовлетворяется эгоистичной моралью натурализма, но изъ принципа жизни другой вывести нельзя; остается только путемъ *salto mortale* выйдти изъ невозможнаго положенія и смѣло утверждать, что жизнь альтруистична; эгоизмъ не опровергнуть, онъ попросту выброшенъ за бортъ. Точно также Гюйо поступаетъ и съ наслажденіемъ, оно будто бы все болѣе и болѣе становится социальнымъ и альтруистичнымъ. Но вѣдь это нужно доказать! Эволюція дѣлаетъ наслажденіе разнообразнѣе и утонченнѣе, но вовсе не лишаетъ его эгоистическаго характера, который вполне обоснованъ самосознаніемъ человѣка. Сколько бы человѣкъ ни нуждался въ другихъ для своего наслажденія, все таки его наслажденіе остается вполне отдѣльнымъ, количественно и качественно отличнымъ отъ всякаго другаго, то-есть, вполне эгоистичнымъ.

Втретьихъ, Гюйо утверждаетъ, что исходить изъ фактовъ, въ дѣйствительности же онъ перетолковываетъ ихъ. Въ нравственной жизни фактически дано понятіе долга, Гюйо же отрицаетъ его и такъ какъ обойтись безъ этого понятія не можетъ, то долженъ искать суррогатовъ тому, чего онъ не хочетъ видѣть въ дѣйствительности. Суррогаты же долга, указываемые нашимъ авторомъ, вовсе не могутъ быть суррогатами. Всякая накопившаяся энергія стремится перейти въ дѣйствіе, слѣдовательно, на этой почвѣ нѣтъ возможности различенія добра и зла, и убійца могъ бы оправдываться накопившеюся энергіей. Такъ какъ эволюція ума, чувства и воли сама собой созидаетъ нравственность, то самое характерное понятіе нравственнаго міра, усиліе лица, оказывается упраздненнымъ. Весьма пріятно было бы, конечно, чтобы правила нравственности оказались простыми требованіями приличія, какъ это утверждаетъ Гюйо, но когда это еще

будеть. Наконецъ, перечисляя суррогаты долга, Гюйо не замѣчаетъ страннаго противорѣчія, въ которое онъ впадаетъ: онъ считаетъ природу нравственной, а рефлекцію началомъ разложенія; какъ это вяжется съ его вѣрой въ прогрессъ чловѣка? Или же и прогрессъ тоже совершается безсознательно?

Наконецъ, вчетвертыхъ, санкціей долга, по мнѣнію Гюйо, служитъ количество наслажденія; но вѣдь это гедонизмъ, противъ котораго нашъ авторъ направлялъ свои критическія замѣчанія; вѣдь наслажденіе должно быть слѣдствіемъ жизни, слѣдовательно санкціей быть не можетъ. При такихъ условіяхъ призывъ Гюйо, которымъ онъ заканчиваетъ свою этику, призывъ къ работѣ совершенно непонятенъ. Работа сама по себѣ неприятна (Гюйо, конечно, утверждаетъ противное), но она и нелѣпа, если мы не знаемъ, ради чего мы работаемъ, къ тому же она и бесполезна, ибо природа и безъ насъ, сама собой, путемъ эволюціи, сдѣлаетъ все, что нужно.

§ 3.

L'irreligion de l'avenir (Paris. 1887) обыкновенно считается лучшимъ трудомъ Гюйо ¹⁾, и несомнѣнно, что онъ положилъ въ эту книгу много знаній и много старанія. „Грядущее невѣріе“, какъ можно перевести это заглавіе, написано вполне искренне, и, нѣтъ никакого сомнѣнія, выражаетъ собой мнѣніе весьма большаго количества интеллигентныхъ людей касательно религіи. Эти свойства книги Гюйо принуждаютъ насъ внимательнѣе познакомиться съ ея содержаніемъ; тѣмъ болѣе, что Гюйо не принадлежитъ къ числу худшихъ и опаснѣйшихъ противниковъ религіи, изъ коихъ худшій несомнѣнно индифферентизмъ, прикрытый уваженіемъ къ традиціямъ прошлаго. Кто дѣйствительно интересуется положеніемъ религіи въ настоящее время и задумывается надъ ея будущимъ, тотъ обязанъ ознакомиться съ книгами въ родѣ той, къ разсмотрѣнію которой мы тотчасъ приступимъ, хотя бы онъ и былъ убѣжденъ, что писатели, подобные Гюйо, во всемъ глубоко заблуждаются ²⁾. Наконецъ, это сочиненіе весьма

¹⁾ Самъ Гюйо такъ полагаетъ; этого же мнѣнія держится и Фуллеръ въ книгѣ, въ которой разсматриваетъ философію Гюйо.

²⁾ Упадокъ религіознаго чувства и вѣры въ догматы церкви вызвалъ цѣлый рядъ попытокъ опредѣленія религіи будущаго. Нѣкоторыя изъ нихъ наложены въ книжкѣ *Druskowitz: Moderne Versuche eines Religionsersatzes*. Heidelberg. 1886. 8°.

важно и по отношенію къ самому Гюйо, ибо въ немъ Гюйо отказывается отъ нѣкоторыхъ воззрѣній, которыхъ держался въ предшествующихъ сочиненіяхъ, (напримѣръ, понятіе безсознательнаго въ *l'irreligion de l'avenir* не играетъ роли), и, вовторыхъ, это сочиненіе даетъ возможность уяснить себѣ вопросъ о томъ, какихъ общепило-софскихъ воззрѣній держался Гюйо.

„Грядущее центріе“ дѣлится на три части. Въ первой разсматривается процессъ образованія религій; во второй—разложеніе ихъ въ современномъ обществѣ; въ третьей разсматривается безвѣріе будущаго. Мы сначала изложимъ коротко содержаніе этихъ трехъ частей, а потомъ сдѣлаемъ нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Въ воззрѣніяхъ Гюйо на сущность и возникновеніе религій особенно замѣтно вліяніе Канта. Религія заключаетъ въ себѣ три элемента: историческій фактъ, могущій сдѣлаться міеомъ, догматы и культъ. Религія, подобно наукѣ, возникаетъ изъ удивленія передъ величественными явленіями природы; поэтому религія есть не что иное, какъ наука: въ ея зародышѣ; въ составъ религій входятъ идея одушевленія явленій, идея промысла и творенія. Попытки классификаціи религій (напримѣръ, Кантовская—фетишизмъ, политеизмъ, монотеизмъ) не столь важны, какъ характеръ развитія религій, состоящій въ томъ, что человечество постепенно уменьшало число явленій, въ которыхъ проявляется Божество, и увеличивало сферу вліянія естественныхъ законовъ. Религіозная нравственность возникаетъ изъ представленія общенія божествъ съ людьми, при чемъ отношенія людей между собой переносятся въ сферу божественную, подобно тому, какъ нравственность, основанная на религій, есть не что иное, какъ абстракція людскихъ отношеній, а культъ точно также возникаетъ изъ идеи взаимности и пропорціональности услугъ между богами и людьми.

Разложеніе религій идетъ путемъ обратнымъ ихъ сложенію; разлагаются догматы, религіозная нравственность и культъ. Первоначально догматы понимаются буквально, но вскорѣ узкое пониманіе ихъ уступаетъ мѣсто широкому толкованію. Вѣра въ букву догмата во всѣхъ религіяхъ замѣняется вѣрою въ символъ, а догматическій символизмъ замѣняется нравственнымъ символизмомъ (напримѣръ, въ сочиненіяхъ Канта и Мечью Арнольда). Рай является символомъ цѣлостности, адъ—символомъ нравственной испорченности и т. д. На такой ступени разложенія христіанство, напримѣръ, перестаетъ быть христіанствомъ, ибо оно немислимо безъ ученія о Божественности Христа, и ежели Арнольдъ называетъ свое ученіе христіанствомъ и прикрываетъ би-

блей, то это и не логично и не искренне. Точкѣ зрѣнія нравственнаго символизма слѣдуетъ сдѣлать упрекъ, что она приписываетъ времени образованія религій ту высоту нравственнаго чувства, которая замѣчается теперь, но которой тогда быть не могло.—Не только догматы, но и нравственность религии подверглась разложенію. Въ религиозной морали два существенныхъ понятія: уваженія и любви; первое должно было видоизмѣниться, ибо сопряжено со страхомъ мщенія со стороны Божества; второе, любовь, въ христіанствѣ было ограничено ученіемъ о благодати, то-есть, любви не всеобщей и понятной, а произвольной и исключительной и потому непонятной, и въ силу этого христіанское ученіе о любви не могло удержаться. Но такое же разложеніе замѣчается и въ культѣ, основа котораго молитва. Молитва ради личной просьбы мало по малу становится внутреннимъ осуществленіемъ любви (*un acte d'amour intérieur*). Истинный смыслъ и вѣчное значеніе молитвы заключается въ милосердіи, но въ такомъ случаѣ недостаточно однихъ словъ и молитва постепенно переходитъ въ дѣятельность, въ осуществленіе милосердія.—Къ этимъ разсужденіямъ чисто теоретическаго характера Гюйо добавляетъ рядъ соціологическихъ этюдовъ.

Религиозное чувство, говорить онъ, не врождено; когда говорить о его врожденности, то смѣшиваютъ религиозное чувство съ философской любознательностью и нравственнымъ чувствомъ, которыя не искоренимы. Исчезновеніе религиознаго чувства въ народѣ слѣдуетъ предвидѣть, но отсюда нельзя заключить объ исчезновеніи нравственности. Нравственность можетъ существовать и безъ религии, и наиболѣе религиозные народы вовсе не отличаются особенно развитой нравственностью.

Въ дѣтяхъ и женщинахъ, особенно наклонныхъ къ религиозному чувству, по ихъ психическому складу, слѣдуетъ выработать сознательное отношеніе къ религии, чтобы дать возможность каждому создать собственныя разумныя убѣжденія.

Несомнѣнно, что положительныя религии гибнутъ; но можно ли надѣяться на появленіе новой религии? Новая религія могла бы возникнуть двоякимъ путемъ, или поглощеніемъ всѣхъ религій одною какой либо формой, или же путемъ образованія новаго вѣрованія. Первое противорѣчитъ фактамъ (замѣтимъ отъ себя, что этотъ путь не далъ бы новой религии, и поглощеніе всѣхъ религій одною не увеличило бы интенсивности религиознаго чувства), которые показываютъ, что только исламъ замѣтно распространяется, но не вѣроятно, чтобы

исламъ сталъ универсальной религіей; на второй путь тоже не слѣдуетъ рассчитывать, ибо нѣтъ необходимыхъ элементовъ для новообразования. Нѣтъ вѣры въ чудеса и чудесъ мало, нѣтъ религиозной поэзіи, нѣтъ гениальныхъ людей, которые могли бы создать религію, навязавъ собственную иллюзію другимъ. Гениальный человѣкъ въ настоящее время сдѣлался миеомъ, но, еслибы онъ появился, ему не было-бы возможности стать миеомъ. Наконецъ, самая плодотворная для религіи идея, безсмертіе, уже вполне исчерпана. Итакъ, мы идемъ въ сферѣ религиозной къ той же анонии, которую Гюйо рекомендовалъ уже въ области эстетики и нравственности; но это не поведетъ ни къ скепсису, ни къ индифферентизму. Отсутствие положительной религіи пробудитъ метафизическую мысль; сомнѣніе, конечно, усилится, но сомнѣніе вовсе не противоположно религиозному чувству, а родственно ему. Религія первоначально была наукою, потомъ религія стала во враждебныя отношенія къ наукѣ,—она должна вновь слиться съ наукою. Церковь будетъ замѣнена свободными ассоціаціями, имѣющими цѣлью жизнь интеллекта, воли и чувства. Научныя общества, распространяя свѣтъ, объединять людей; цѣлый рядъ ассоціацій, стремящихся облегчить по возможности страданія ближнихъ, въ то же время будутъ служить цѣлямъ развитія индивидуальной нравственности; наконецъ, общества, соединяющія въ себѣ представителей искусствъ и эстетиковъ, послужатъ къ развитію чувства.

Нельзя, конечно, съ точностью сказать, какая философская теорія замѣнитъ собой религію, но эволюція философскихъ системъ представляетъ нѣкоторую правильность и постепенность развитія, которыя позволяютъ съ нѣкоторой вѣроятностью предвидѣть, что система монизма примиритъ въ концѣ концовъ людей между собой.

Таково содержаніе книги *L'irreligion de l'avenir*. Нельзя отрицать того, что взгляды Гюйо проведены имъ послѣдовательно, и слѣдуетъ только сказать, что страшное заглавіе обозначаетъ въ сущности, съ точки зрѣнія Гюйо, вовсе не страшную вещь. Если сущность религіи состоитъ въ знаніи, то система монизма, долженствующая замѣнить собой религію, въ дѣйствительности оказывается лишь раскрытіемъ сущности религіи. Весь ходъ религиозной жизни окажется правильнымъ прогрессированіемъ и устраненіемъ лишь того, что составляетъ случайный элементъ въ религіи. Но дѣло въ томъ, что это Конттовское воззрѣніе на религію, какъ на первоначальную науку, не вѣрно. Гюйо и здѣсь поступаетъ такъ же, какъ въ этикѣ: вмѣсто того чтобы брать факты въ ихъ полнотѣ и на нихъ строить свои теоріи, онъ съ са-

маго начала перетолковывает факты. Въ религіи есть элементъ знанія, но онъ не исчерпываетъ сущности религіи. Въ связи съ этимъ очевидна и ложность отрицанія прирожденности религіознаго чувства. Если Гюйо признаетъ прирожденность нравственности и стремленія къ истинѣ, то онъ не имѣетъ никакого основанія отрицать прирожденность религіознаго чувства. Отрицаніе это у Гюйо вытекаетъ изъ отождествленія религіи съ наукой. Такъ какъ основное положеніе Гюйо не вѣрно, то не вѣрны и всѣ его выводы и предсказанія. Философская система никогда не замѣнитъ собой религіи, такъ какъ онѣ различны по существу, хотя, конечно, и имѣютъ между собой болѣе общихъ чертъ, чѣмъ съ наукою. Особенно слабой намъ кажется та часть изслѣдованія Гюйо, гдѣ онъ хочетъ доказать невозможность новой религіи: смѣшеніе фактическаго момента съ идейнымъ слишкомъ очевидно; изъ отсутствія элементовъ для религіознаго образованія въ настоящее время никакъ нельзя заключать къ невозможности появленія ихъ въ будущемъ. Это отрицаніе въ устахъ Гюйо должно отчасти казаться комичнымъ, ибо онъ самъ строитъ новую религію, отрицая возможность ея появленія. Наконецъ, развѣ Гюйо доказываетъ гдѣ-либо свои утвержденія? Развѣ правда, что вѣра въ чудеса исчезла etc. etc...

Вся дѣятельность Гюйо заключается въ исканіи суррогатовъ, вмѣсто того, чтобы брать прекрасное, благо и Бога въ той формѣ, въ которой они намъ извѣстны изъ дѣйствительности. Гюйо отрицаетъ эту дѣйствительность и ищетъ замѣны имъ. Руководящимъ началомъ при этомъ для него является жизнь, въ первыхъ сочиненіяхъ жизнь безсознательная, въ послѣднихъ—сознательная.

Гюйо оставилъ намъ сборничекъ стихотвореній *Vers d'un philosophe*, въ которомъ встрѣчаются очень милыя стихотворенія; Гюйо несомнѣнно талантливъ, но онъ лишенъ истиннаго поэтическаго дарованія, точно такъ же какъ и истинной философской глубины; поэтому то онъ въ стихахъ замѣняетъ поэзію абстрактными идеями, а въ философіи блещетъ фантастическими, конкретными образами.

Э. Радловъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ „НАРОДНЫЙ СУДЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ“.

Подъ такимъ заглавіемъ въ журналѣ *Русская Мысль* за 1893 годъ, въ августовской и сентябрьской книжкахъ, напечатана статья о древнемъ народномъ судѣ, извѣстномъ подъ именемъ „копа“. Первая половина этой статьи (въ августовской книжкѣ), въ видѣ реферата, авторомъ ея была читана въ Вильнѣ на послѣднемъ, IX-мъ археологическомъ съѣздѣ. Матеріалъ для этой статьи взятъ авторомъ изъ XVIII тома Актовъ Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, вышедшаго изъ печати въ 1891 году и состоящаго цѣликомъ изъ копныхъ документовъ, числомъ до 448 номеровъ. Противъ одного изъ главныхъ оснований, принятыхъ авторомъ, госпожею Ефименко, въ ея изслѣдованіи, а именно, что *три собранія народнаго копнаго суда, по ея мнѣнію, являются тремя органически между собою связанными, одна другую вызывающими, юридическими инстанціями*, мы тотчасъ возразили, на томъ же съѣздѣ, именно, что положеніе это не вѣрно и не согласуется съ истиною, съ тѣми данными, которыя даютъ намъ разсматриваемые копные документы. На это референтъ замѣтилъ намъ, что „только документами можно доказать точность вывода“ (Извѣстія IX Археологическаго Съѣзда, протоколъ 5-й). Мы тогда же крѣпко приняли это замѣчаніе къ свѣдѣнію. Хотя содержаніе документовъ XVIII тома Актовъ намъ и прежде было хорошо извѣстно, такъ какъ на насъ выпала задача составленія для него предисловія, но мы рѣшились теперь еще разъ пересмотрѣть его со всею возможною внимательностію. И вотъ нашъ положительный выводъ. (Мы не станемъ разбирать здѣсь всей статьи г-жи Ефименко; она написана весьма талантливо и во многихъ случаяхъ вполне согласуется съ нашимъ собственнымъ убѣжденіемъ; мы остановимся здѣсь

только на тѣхъ мѣстахъ ея, которыя не согласуются съ нашими взглядами).

Касаясь причины возникновенія и сохраненія изъ XVI вѣка цѣлой массы дошедшихъ до насъ копныхъ документовъ, г-жа Ефименко находитъ ее въ томъ, что этотъ именно „XVI вѣкъ былъ то, что называютъ критическою эпохою въ исторіи Литовско-Русскаго государства“; что „въ теченіе этого вѣка произошелъ коренной переворотъ въ устояхъ общественнаго строя“; что „въ эпохи спокойнаго органическаго развитія не возникало бы обстоятельствъ, побуждавшихъ къ оформленію рѣшеній (копнаго суда), къ внесенію ихъ въ городскія книги, гдѣ они и сохранились“. Объ этомъ внутреннемъ потрясеніи общественныхъ государственныхъ основъ авторъ продолжаетъ такъ: „Общественные устои въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI вѣка потрясались съ такою силою и измѣнялись съ такою быстротою, съ какою это возможно только при одномъ условіи: при сильномъ подавляющемъ вліяніи на извѣстный социальный организмъ другого, болѣе могучаго социальнаго организма. Таковымъ былъ по отношенію къ Литовской Руси организмъ Польскаго государства. Высшая культурность, болѣшая опредѣленность и законченность формъ и, наконецъ, чисто внѣшнія, политическія условія—все сошлось къ тому, чтобы подчинить Литовскую Русь, и подчинить всецѣло, не одною лишь политическою подчиненностью“ (стр. 3—4). „Тѣ вѣковыя узы копныхъ обстоятельствъ, какими земляне (дворяне, помѣщики) были связаны со всѣми людьми и мужами своего сосѣдства, не могли быть разорваны такъ легко и свободно. И вотъ начинается броженіе, которое тянется цѣлое столѣтіе. Только благодаря этому броженію, мы имѣемъ томъ копныхъ документовъ“. Мы съ такимъ взглядомъ на причину возникновенія и сохраненія копныхъ документовъ изъ XVI вѣка не согласны и считаемъ его несостоятельнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ основанія и доказательства для подобнаго вывода? Авторъ говоритъ, что въ эпохи спокойнаго органическаго развитія общества появленіе копныхъ документовъ, какъ оформленныхъ рѣшеній копнаго суда, и занесеніе ихъ въ судебныя книги было немислимо. На чемъ же основано это заключеніе, и гдѣ опять его доказательства? Мы думаемъ объ этомъ иначе. Копные суды существовали въ Юго-Западной Руси, въ непосредственной связи, со временемъ „Русской Правды“ Ярослава Мудраго. Существовали суды, слѣдовательно были и его рѣшенія, приговоры. Но эти рѣшенія и приговоры не заносились на скрижали писаннаго закона, потому что

его еще не было. Когда же возникъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ первый писанный законъ—*Литовскій Статутъ 1529 года*, тогда, безъ всякаго сомнѣнія, эти рѣшенія стали заноситься въ книги тѣхъ судовъ, которые были имъ установлены. А что это не простое предположеніе, а фактъ, которому мы можемъ вполне довѣрять, доказательствомъ этого служить весь XVII томъ Актовъ Виленской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе русскіе юридическіе акты 1539—1541 годовъ, а именно акты *Гродненскаго земскаго суда*. Тому, кто внимательно просматривалъ этотъ томъ, не можетъ не бросаться въ глаза, между прочимъ, одно чрезвычайно важное обстоятельство, состоящее въ томъ, что здѣсь даже самыя малыя юридическія сдѣлки, какъ, напримѣръ, закладъ ничтожнаго клочка земли, его продажа, замѣна, даръ и проч., займы, духовныя завѣщанія (духовницы) и проч. и проч., состоявшіяся между такими малыми личностями, какъ крестьяне, мѣщане, евреи и др., *всѣ подобныя сдѣлки обставлены письменными документами*. Видно, что въ это уже время въ народной массѣ вошла во всеобщій обычай, чувствовалась настоятельная потребность обставлять каждый важнѣйшій шагъ своей жизни *письменными доводами*, иначе не могло совершаться надежное, спокойное и мирное ея теченіе. Отсюда логически становится неотразимымъ тотъ выводъ, что такіе важные акты, какъ рѣшенія народнаго копнаго суда по тѣмъ или другимъ преступленіямъ, само собою, не могли оставаться въ безызвѣстности, безъ того, чтобы объ нихъ не заявлялось *письменному закону*, то-есть, не заносились объ нихъ свѣдѣнія въ судебныя книги. И мы дѣйствительно видимъ въ тѣхъ же древнихъ актахъ Гродненскаго земскаго суда ясныя слѣды не только существованія въ древнемъ Гродненскомъ (Городенскомъ) повѣтѣ копнаго суда, но и дѣйствія его въ связи съ судебными учрежденіями на основаніи статута 1529 г. И, наконецъ, не пора ли намъ сойти съ этой избитой, старой, не имѣющей подъ собою твердой почвы колени о *сильномъ подавляющемъ вліяніи могучаго соціальнаго организма Польши на Литовскую Русь*? Не пора ли измѣнить свой взглядъ на то, что *вышшая культурность, большая опредѣленность и законченность формъ первой* способствовали къ *подчиненію послѣдней, и подчиненію всецѣло*? Гдѣ всему этому наглядныя историческія доказательства?

Обращаясь отсюда къ XVI вѣку на Литвѣ и оцѣнивая его по отношенію къ копному суду, мы думаемъ и положительно убѣждены въ томъ, что въ эту пору появилось много копныхъ документовъ не

потому, что теперь, по словамъ г-жи Ефименко, происходило сильное социальное броженіе въ обществѣ, а потому главнымъ образомъ, что этотъ пѣкъ представлялъ еще *благопріятное время*, когда русская народная жизнь въ своихъ искони древнихъ основахъ еще не совсѣмъ была потрясена; когда въ народныхъ массахъ сохранялось общее сознание, что русскій народъ еще крѣпко стоитъ на избранномъ имъ историческомъ пути юридическаго права; народъ съ убѣжденіемъ, сопровождаемымъ крѣпкою настойчивостью, смотрѣлъ еще на дѣло такъ, что никѣмъ не можетъ и не должно быть нарушено и попорано принадлежащее ему съ поконъ вѣка право всеобщаго самосуда. Этимъ только можно объяснить то явленіе, что копные судьи, весьма часто принижаемые, стѣсняемые, даже избиваемые новонарожденными въ польскомъ духѣ дворянами земли, не падаютъ духомъ, не разбѣгаются вдругъ, а продолжаютъ свое дѣло, какъ наслѣдіе и священную обязанность народа, борются съ враждебными обстоятельствами до послѣдней крайности... Мы не отрицаемъ совсѣмъ въ данномъ случаѣ и социальнаго броженія общества; но мы смотримъ на него, лишь какъ на побочное обстоятельство. Время это дѣйствительно стало смутнымъ; довѣренность къ человѣческому слову поуменишилась, — пужно было закрѣплять его письмомъ, документомъ, чтобы нельзя было отъ него отказаться или исказить его смыслъ. Не могъ въ данномъ случаѣ копный судъ занять исключительнаго положенія, и онъ долженъ былъ дорожить точностью своихъ приговоровъ и поэтому, какъ для сохраненія факта своего дѣйствія, такъ и въ виду этого смутнаго обстоятельства, долженъ былъ поспѣшить занести ихъ въ судебныя книги. Впрочемъ, тутъ была причина еще особенная: рѣшенія копнаго суда, не занесенныя на страницы судебныхъ книгъ, какъ видно изъ практики, нерѣдко оспаривались заинтересованными въ дѣлѣ частными лицами и признавались неимѣющими силы самымъ писаннымъ закономъ (городскимъ судомъ).

Приступаемъ теперь къ разсмотрѣнію самаго важнаго пункта въ статьѣ г-жи Ефименко, противъ котораго нами было сдѣлано возраженіе на Виленскомъ археологическомъ асъздѣ и который остался здѣсь безъ всякаго измѣненія. Пунктъ этотъ гласитъ такъ: (стр. 11) „Если обиженный (истецъ) открывалъ преступленіе тотчасъ же по его совершеніи, „на горячемъ учинку“, онъ сзываетъ ближайшихъ околичныхъ сосѣдей, и, такимъ образомъ, составлялась на мѣстѣ преступленія небольшая „горячая“ копа; ея дѣломъ было произвести разслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но это *разслѣдованіе лишь да-*

вало материалъ для настоящей большой копы (великая, вальная, генеральная). На такую копу необходимо было скликать *всѣхъ* полноправныхъ обывателей копнаго округа, и собираться она должна была непременно на коповищу. Обыкновенно, дѣло не кончалось одною этою копою; для окончательнаго постановленія рѣшенія и приведенія его въ исполненіе собиралась еще третья копа, такъ называемая „завитая“. Иногда случалось, что и на трехъ копахъ дѣло не могло быть закончено, и тогда въ качествѣ завитой собиралась четвертая копа“. Какъ на археологическомъ слѣздѣ, такъ и здѣсь мы повторяемъ, что разбиваемое въ этомъ пунктѣ положеніе не вѣрно, что оно не согласуется съ истиною, съ тѣми данными, что намъ даютъ конные документы XVIII тома Актовъ. По самому точному смыслу разсматриваемыхъ документовъ, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ быть сдѣланъ относительно этого пункта только слѣдующій выводъ. Вѣроятно, съ той самой поры, какъ начала свое существованіе копа, какъ народный судъ, ея обычаемъ былъ установленъ крайній предѣлъ или срокъ, чтобы всякое подлежащее ея разсмотрѣнію дѣло закончить не болѣе, какъ въ три собранія. Такой крайній, самую копою созданный и условленный предѣлъ или срокъ нуженъ былъ, очевидно, для того, чтобы разбираемое дѣло не растянулось на безконечно долгое время, и чтобы такимъ образомъ оно не связалось и не перепуталось съ другимъ дѣломъ, такъ какъ дѣлъ вообще для копнаго рѣшенія возникало много. Но это отнюдь не значитъ, что всякое дѣло, по которому была созвана копа, непременно должно было сдѣлаться предметомъ разсмотрѣнія *на всѣхъ трехъ ея собраніяхъ*. Эти три собранія копы не имѣли ничего общаго съ тѣми, *органически между собою связанными юридическими инстанціями современнаго намъ суда, на примѣръ, присяжнаго*, которыя г-жа Ефименко, очевидно, хочетъ видѣть въ древнемъ копномъ судѣ. Въ томъ или другомъ дѣлѣ копнаго судопроизводства всѣ эти три собранія могли *быть и не быть*, смотря по тому, какъ складывались обстоятельства, и на сколько для копы выяснялось самое дѣло. Если для копы разбираемое дѣло сразу становилось яснымъ, всѣ улики и доказательства противъ уличаемаго преступника — „шкодника, злодѣя“ — были на виду и производили въ головахъ конныхъ судей неотразимое убѣжденіе въ его виновности, то дѣло рѣшалось сразу, тутъ же *ни первомъ и единственномъ собраніи*. Если же на первомъ собраніи копники приходили къ убѣжденію, что разсматриваемое ими дѣло еще не совсѣмъ ясно, недостаетъ многихъ или лишь нѣкоторыхъ доводовъ,

самое число ихъ, копныхъ судей, еще мало, ограничено, и т. под., тогда дѣло это откладывалось до *другой, большей копы*, то-есть, до слѣдующаго, *другаго ея собранія*, когда всѣ отсутствующія условія должны были быть восполнены и находиться на лицо. Если же дѣло оказывалось такое серьезное, трудное, замутанное и проч., что и на этомъ, второмъ, собраніи копные судьи не могли рѣшить его по совѣсти, тогда оно еще разъ отсрочивалось и откладывалось до послѣдняго, крайняго срока, до *третьяго собранія*, до „завитой (окончательной) копы“, когда всѣ стороны, какъ истцы, такъ отвѣтчики, такъ равно и сами копные судьи, всѣ совмѣстно должны были приложить всевозможное стараніе, чтобы представить всѣ доводы за и противъ, чтобы на этомъ собраніи непременно рѣшить дѣло окончательно. Такой порядокъ дѣла въ копномъ судопроизводствѣ, по нашему убѣжденію, самъ по себѣ представляется и весьма натуральнымъ и весьма цѣлесообразнымъ. Человѣку, смотрящему всегда на вещи прямо, и при томъ занятому, стоящему то у сохи, то за бороною, то съ косою на покосѣ, то съ топоромъ въ лѣсу и т. под., некогда было терять времени и разводить различныя, по нашему понятію, юридическія тонкости; онъ приглашенъ копнымъ судьей, передъ нимъ излагается жалоба на извѣстное преступленіе; если представляемые ему доводы противъ указываемаго преступника убѣдительно и не могутъ быть послѣднимъ опровергнуты, и особенно, если ко всему присоединяется собственное личное сознаніе преступника и представляется „лицо“ (вещественная улика),—онъ рѣшаетъ дѣло заразъ скоро и безповоротно, хотя бы виновному пришлось идти на „шибеницу“ (висѣлицу). А что всѣ дѣла копнаго судопроизводства рѣшались именно въ такомъ порядкѣ, свидѣтелемъ тому служить весь XVIII томъ копныхъ документовъ. Къ первому разряду, то-есть, къ дѣламъ, рѣшаемымъ на одномъ—*первомъ и единственномъ—собраніи копы*, относятся, впервыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ дѣла о такъ называемой въ актахъ „испаша“, о *потравахъ*. Всякому извѣстно, что такое потрава: сосѣдъ—помѣщикъ, бояринъ, крестьянинъ или иной подобный, намѣренно или ненамѣренно, выпустилъ свой скотъ—коровъ, свиней, птицъ—гусей, или лошадей на засѣянное поле, на поднимающійся хлѣбъ, на загороженный сѣнокосъ своего сосѣда, и причинилъ ему большіе убытки и неприятели. Послѣдній, усмотрѣвъ на своихъ поляхъ чужую скотину, обыкновенно забиралъ ее на свой дворъ и тотчасъ приглашалъ должностное лице—вижа, вознаго, и созывалъ, въ помощь себѣ, копу изъ ближайшихъ своихъ

сосѣдей, людей постороннихъ, для „окопованія испаша“. для оцѣнки причиненныхъ ему потравомъ убытковъ. Собранная тотчасъ, и не да-
лѣе, какъ на другой день, копа немедленно приступала къ испол-
ненію лежащей на ней обязанности, то-есть, звала на свое собраніе
виновника потравы, обходила опустошенное поле, сѣнокосъ, внима-
тельно все осматривала, оцѣнивала и, наконецъ, тутъ же постановляла
свой приговоръ о величинѣ убытковъ, которые долженъ уплатить
тотъ, чей скотъ произвелъ потраву. Тутъ у конныхъ судей, оче-
видно, не могло быть и мысли, чтобы дѣло это относительно оцѣнки
убытковъ отъ потравы отложить еще до *другаго и третьяго собранія
копы*. Дѣлать подобное было бы совершеннымъ безмысліемъ по той
причинѣ и по тому здравому соображенію, что до другаго и особенно
третьяго собранія копы, которыя слѣдовали всегда черезъ значитель-
ные промежутки времени (допустимъ даже—черезъ два, четыре дня,
черезъ недѣлю), видъ потравы, опустошеннаго поля, сѣнокоса, могъ
совершенно измѣниться; трава и хлѣбъ, особенно молодые, хотя по-
ѣденные, потоптанные, вѣдь не стоятъ на мѣстѣ; они тотчасъ начи-
наютъ поправляться и расти, хотя и не попрежнему... Рѣшить во-
просъ о потравѣ, объ ея величинѣ, о количествѣ причиненныхъ ей
хозяину убытковъ, повторимъ, нужно было копѣ рѣшить тутъ же
быстро и безповоротно. Такъ копа дѣйствительно поступала во всѣхъ
случаяхъ, касающихся вопроса о потравѣ. Сюда именно относятся
слѣдующіе документы: ЖЖ 38, 49, 126, 131, 133, 134, 136, 146,
150, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 161, 168, 172, 192, 200,
207, 208, 263 и 337.

Вовторыхъ, къ дѣламъ, рѣшаемымъ *на одномъ* (первомъ) *собраніи*
копнаго суда, необходимо отвести большинство тѣхъ изъ нихъ, по
которымъ составлялась такъ называемая „горячая копа“ и наступала
преступника по „горячему слѣду“. Горячую копу мы встрѣчаемъ во
всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда совершена, напримѣръ, кража и, потер-
пѣвшимъ усмотрѣнъ отъ нея какой-нибудь слѣдъ. Чтобы слѣдъ этотъ
не утерялся, потерпѣвшій, истецъ, съ величайшею поспѣшностью
старался собрать копу изъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, кого только
могъ найти. Собранная такимъ образомъ копа, хотя иногда далеко
не полная, выслушавъ жалобу истца и осмотрѣвъ указываемый ей
отъ воровства слѣдъ и, какъ говорится въ актахъ, „взвѣсивъ“ его,
тотчасъ шла по тому направленію, куда онъ велъ. Дошедши до того
мѣста, напримѣръ, села, гдѣ слѣдъ оставаивался, прерывался, коп-
ные судьи посылали туда выборныхъ отъ себя, вмѣстѣ съ вознымъ,

и требовали, чтобы, на основаніи древняго копнаго обычая, жители этого мѣста вышли на копу, взяли слѣдъ и отвели его отъ своихъ домовъ. Если приглашенные выходили на этотъ зовъ и, принявъ слѣдъ, отводили его до другаго мѣста, то копа продолжала идти по нему до указаннаго мѣста; если и здѣсь былъ принятъ слѣдъ, то копа доходила до третьяго мѣста, и такъ далѣе. Въ томъ мѣстѣ, будь это первое, второе, третье или дальнѣйшее, гдѣ копа встрѣчала отказъ, она, на основаніи древняго копнаго обычая, постановляла свое рѣшеніе, что „невыходъ платить шкodu“, и это рѣшеніе ея было *первое и послѣднее*, ограничивавшееся только однимъ собраніемъ. Сюда относятся документы, напримѣръ, подъ №№ 8, 12, 13, 18, 26, 50, 181, 187, 423. Особенно замѣчательно рѣшеніе „горячей копы“ по поводу кражи сѣна, приведенное въ послѣднемъ № 423, гдѣ категорически сказано, что это была копа „*первая и послѣдняя*“, потому что дѣло выяснилось до очевидности („*у тѣ копа paszą pierwszą u ostatnią*“... „*ropieważ się jawnie pokazało*“...). Уличенный панъ воръ не становится на эту копу, почему она постановила: схватить злочынца и карать его безъ всякаго суда! Но не во всѣхъ случаяхъ, когда слѣдъ отъ преступленія былъ приведенъ къ послѣднему мѣсту, копа прибѣгала къ категорическому постановленію своего рѣшенія. Если здѣсь, въ концѣ слѣда, встрѣчались нѣкоторыя затрудненія и осложненія, требовавшія, для ясности дѣла, дальнѣйшихъ разъясненій, то копа откладывала свое рѣшеніе до втораго и третьяго своего собранія. Такіе именно случаи представляютъ слѣдующіе документы. № 39: Украденъ конь. „Копа горячая“ по горячему слѣду; отъ перваго села слѣдъ отвели; на второмъ мѣстѣ человекъ съ своею клячею не могъ оправдаться. Слѣдуетъ второе и третье собранія копы, которая наконецъ „сказали онаго коня платить“. Судъ утверждаетъ это рѣшеніе. № 86: Выкрадена кляча. Была первая *юрчая* копа: не вышелъ на нее заподозрѣнный. Вторая копа: заподозрѣнный отрицается. Истець ставитъ шапку. Копа винить его. № 84: Кража изъ спижарни. Копа *юрчая*: заподозрѣнный не выходитъ и слѣду не отводитъ; на слѣдующій день снова копа—большая. Копа за невыходъ кладетъ вину на заподозрѣннаго. № 201: Выкраденъ свирень. Копа ведетъ слѣдъ *злodyйскій* и приводитъ его къ сосѣднему селу, которое не вывело его и не хотѣло; однакожь, какъ на первую копу (горячую), такъ и на вторую люди его вышли; но на третью „завитую“ не становились; поэтому копа (третья) даетъ вину всему селу. № 213: Украденъ конь; первая копа „горячая“ изъ множества лицъ; не вы-

ходятъ три заподозрѣнныхъ лица; копа кладетъ на нихъ вину и требуетъ ихъ личной явки на *вторую копу*; тѣ снова не выходятъ; тогда копа окончательно утверждаетъ силу своего перваго постановленія.

№ 218: Кража. Истецъ съ копою ведетъ слѣдъ до дома Зосимовича, у котораго былъ „гость Божій человекъ, Матѳей“, и опредѣляетъ свой убытокъ къ 5 копѣ грошей литовскихъ; Зосимовичъ доказываетъ неповинность своего гостя. Тогда дѣло откладывается до слѣдующей— другой копы. № 243: Украдена корова. На первой копѣ истецъ гналъ *слѣдъ* и у заподозрѣннаго нашель лицо (шкуру убитой яловицы), которое выставляется на нынѣшней — второй копѣ; уличенный признается въ преступленіи; копа осуждаетъ его на горло. Опъ проситъ у истца милосердія и получаетъ его; ему оставляется жизнь; онъ оплачиваетъ убытки. Истецъ проситъ, подѣ порукою пана его, выселить обвиненнаго изъ своего имѣнія. № 389: Кража яловицы; первая копа идетъ по слѣду; село слѣда не отводитъ и на копу не выходитъ. Дѣло откладывается на другую копу; но и на нее не выходитъ село. Истецъ кладетъ на него вину. № 400: Убить тивунъ (управляющій); копа первая (горячая); виновникъ указанъ и отданъ на поруки, до дальнѣйшаго разъясненія дѣла; № 401 (то же дѣло); № 402 (то же дѣло; были *два копы*, и отложено на третью копу); № 409 (по тому же дѣлу *три копы*). Помимо сказаннаго здѣсь, въ концѣ слѣда копѣ часто приходилось встрѣчаться съ такими обстоятельствами и затрудненіями, гдѣ она или прямо отказывается произнести свой приговоръ, какъ, на примѣръ, въ документахъ, № 114: Украдена клѣтъ; копа ведетъ *юрый слѣдъ* до третьяго села, которое отказывается его принять и вести дальше; истецъ требуетъ отъ урядника вознагражденія, и тотъ обѣщаетъ; копа своего рѣшенія не даетъ, и № 116: Кража вола; „горячимъ слѣдомъ“ копа пришла до грунта крестьянъ, но крестьяне не хотѣли принять слѣда и отводить, а „заложились паномъ своимъ“ (то-есть, сослались на своего господина-помѣщика); „копа всказать на томъ горячемъ слѣду не хотѣли“ и взяла памятное, или же просто *молчитъ, расходится*, давая тѣмъ какъ бы явно знать, что ея роль тутъ окончена, и далѣе наступаютъ *права писаннаго закона* (замковаго или гродскаго суда), какъ, на примѣръ, въ рядѣ слѣдующихъ документовъ: а) №№ 160, 166, 189, 202, 216, самъ потерпѣвшій истецъ даетъ вину за неотведеніе слѣда; б) въ №№ 43, 280, 325, 345, 404 и 420 въ концѣ слѣда копу встрѣчаютъ съ угрозой; в) въ №№ 73, 110, 112, 143,

203, 332, 367, 423 просто отказываются отводить слѣдъ; г) въ №№ 206 и 212 приведшимъ слѣдъ отвѣчаютъ, что злодѣй тутъ; д) въ №№ 215 и 254 на слѣду вызываемые позволяютъ дѣлать обыскъ, и е) № 13, отвѣтчицу, отказавшуюся выводить слѣдъ, истецъ зоветъ въ судъ, который приговариваетъ виновную къ уплатѣ убытковъ.

Ко второму разряду копныхъ документовъ, представляющихъ, по нашему убѣжденію, неопровержимое свидѣтельство того, что дѣйствіе копнаго судопроизводства, въ извѣстныхъ случаяхъ, ограничилось и заканчивалось только *вторымъ собраніемъ конь*. Документы эти, кромѣ показанныхъ выше, слѣдующіе. № 24: убить землянинъ Троицкаго повѣта, „о што дей чинечи опытъ, *две копе збирали*“ (больше не видно); № 28: Изрубленъ конь. „У селе Плотницы *друзю, остаточную копу*—одно село Плотницу збиралъ... И копа 50 грошей указали“; истецъ остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, утверждая, что конь его стоилъ 3 копы грошей; тогда копа отдала дѣло на заключеніе „влада замка Пинского“, который присудилъ ему 3 копы грошей. № 40: Срублены двѣ бортныя сосны; зовутъ на копу заподозрѣнныхъ сосѣдей крестьянъ; войтъ села объявляетъ, что на копу крестьяне не могутъ теперь становиться „за часомъ пашнымъ“; отложена копа до другаго раза („року“), но и теперь никто не выходитъ; истецъ заявляетъ и о другихъ своихъ убыткахъ; обо всемъ этомъ возный дѣлаетъ заявленіе въ судъ. (Послѣдующей третьей копы не видно). № 45: Подраны пчеды, порубано бортное дерево, „о которые дей на первой копе, ижъ се люди *не все были вышли*, ничего не кончечи, *друзю копу назначили*“. Когда на эту вторую копу „люди всѣ вышли“, тогда противная сторона копниковъ объявила, что спорное бортное мѣсто — ея, и кіями прогнала прочихъ копниковъ и истца. Заявленіе объ этомъ копы и вознаго записано въ городскія книги. № 83: Выкрадена комора. Копя. Впослѣдствіи случайно усмотрѣна краденая вещь. Другая копа. (Третьей копы не видно). №№ 84 и 86 (см. выше). № 113: Убить человѣкъ. Двѣ копы; но слѣда убійцы нѣтъ. (Дальнѣйшаго дѣйствія копы не видно). №№ 125, 126, 127 и 128: одна сторона копниковъ избиваетъ кіями другую—*на другой копе*“. № 139: Кража двухъ коней. На первой копѣ заявлено бездоказательное подозрѣніе на перевозчика; назначена новая копа (вторая), подѣ угрозою, но истецъ самъ не является; предлагаютъ копѣ отложить дѣло еще на „иншую копу“. Копя разгнѣвана, отказываетъ въ этомъ и присуждаетъ съ самаго истца 5 копъ гро-

шей въ пользу несправедливо обвиняемаго ¹⁾). № 147: Выкрадена кова. Первая копа: заподозрѣнный уклоняется; вторая копа: онъ не представляетъ оправданія. Кова хочетъ взять его на *муку*, но урядникъ не выдаетъ его. Повѣренный истца отдаетъ его на поруку уряднику въ 100 копахъ грошей. № 163: Убить 16-ти-лѣтній пареня въ лѣсу. Кова („людей не мало сторонъ *обатольныхъ*“ ²⁾). Слабо заявлено подозрѣніе, и потому копа. „завивши копу на иншій часъ, розышлася“ (то-есть, отложила дѣло до *второго своего собранія*); было ли еще 3-е собраніе, не видно. № 181: Украденъ конь. Кова, повидимому, только *вторая*, за невыходъ кладетъ на заподозрѣннаго вину. Панъ осужденнаго не признаетъ копнаго рѣшенія и уводитъ съ копы своихъ подданныхъ. Объ этомъ возный дѣлаетъ свое заявленіе въ судъ. № 191: Кража коней. *Вторая копа*. Заподозрѣнный неохотно выходитъ; копа признаетъ на немъ вину. № 195: Подраны пчелы. Кова,—опредѣляетъ истцу присягу, что пчелы его; на третій день (значить на *второй* уже копѣ) заподозрѣнное село не ведетъ истца къ присягѣ. № 213 (см. выше). № 217: Украдена кляча. Первая и вторая копа. Заподозрѣнный и обвиняемый обѣщаетъ представить *доводъ* на будущей (третьей) „завитой копѣ“. Истецъ даетъ копѣ намятное, не дожидаясь третьяго ея собранія; и копа беретъ его ³⁾). Объ этомъ вознымъ дѣлается заявленіе въ судъ. № 232: Чародѣйство. Первая копа: пойманный чаровникъ сознался, и его признали виновнымъ. Однако копа „отложили до *другое копы* и большаго згромаженья людей околичныхъ“. „А кгда се копа *великая*... абы его на *другой* копѣ, *большей* поставилъ... на копѣ другой, яко на *юловной*... на той копѣ *великой*“... Вторая копа осуждаетъ виновнаго, согласно съ рѣшеніемъ на первомъ своемъ собраніи: „огнемъ сналить“; но панъ его не становится. Гродскій судъ утверждаетъ этотъ конный приговоръ и приказываетъ пану становить виновнаго на третьей копѣ—для выполненія этого приговора. № 243 (см. выше). №№ 246 и 247. Подраніе пчелъ въ Бѣловѣжской пушчѣ. Кова „вальная велика“ изъ

¹⁾ № 140: Тотъ же истецъ о тѣхъ же двухъ коняхъ заказываетъ „заграничную копу“ и на ней хватаетъ обвиняемаго невиннаго старца и другаго крестьянина, бьетъ ихъ, наноситъ имъ раны и сажаетъ въ тюрьму. Которая это копа?—Презняя—*третья*, или же совершенно *новая*?

²⁾ Истцовъ и отвѣтчиковъ.

³⁾ Выходитъ отсюда, что копа отказала отвѣтчику въ третьей копѣ, какъ *неужной*.

осочниковъ. На первой копѣ два заподозрѣнные не становились. На слѣдующей (*второй*) они стали, но село ихъ отказывается за нихъ присягать и дать поручительство. Копя признаетъ ихъ виновными и хочетъ брать на мѹку; отправляетъ ихъ къ лѣсническому въ тюрьму. № 258: Убить и утоплень челоувѣкъ. Копы—первая и вторая. Последняя даетъ вину всему селу, возлѣ котораго оказалось тѣло убитаго. № 303: Поджогъ гумна. *Дѣнь* копы. Уличенный злодѣй бѣжитъ изъ тюрьмы. №№ 354 и 371: Святотатство. *Дѣнь* копы. Виновные осуждаются на сожженіе, но панъ ихъ не выдаетъ. № 357: Кража гречихи съ поля. *Дѣнь* копы (больше не видно). При обыскѣ землянишъ отвѣтчикъ бьетъ землянища истца. № 365: Святотатство въ церкви. *Дѣнь* копы. На вторую не является самъ истецъ, и копя освобождаетъ заподозрѣннаго. № 368: Кража палуба (шкатулки). *Дѣнь* копы. Отказъ въ выдачѣ виновныхъ и въ уплатѣ убытковъ. № 386: Кража. Первая и вторая копя. Заподозрѣнный протестуетъ предъ городскимъ судомъ о несправедливо возводимомъ на него обвиненіи. № 387: Кража. Первая копя, не смотря на очевидность доказаннаго преступленія, уступая просьбѣ обвиненнаго, откладываетъ дѣло еще до другаго своего собранія—„на другую копу“. № 389: Кража яловицы (см. выше). № 416: Пропажя вола. Первая и вторая громада (копя). Протестъ заподозрѣннаго въ бездоказательности взведеннаго противъ него истцомъ обвиненія. № 428: Чаровница. *Дѣнь* копы. На вторую панъ чаровницы не ставитъ и грозитъ копѣ. Копя постановляетъ: подвергнуть колдунью мѹкѣ, признается—сжечь, не признается—вознаградить. Наконецъ, копя все дѣло отдаетъ на „вышій судъ“ (городскій). № 431: Поджогъ съ грабежемъ. На второй копѣ, изъ 12-ти сель, „изъ мужей старыхъ, вѣры годныхъ“, пять челоувѣкъ злодѣевъ осуждаются на четвертонапіе. Панъ не выдаетъ одного злодѣя „Лотыша“; другіе же четверо находятся въ везеньи. № 433: Тѣло невѣстки Рыбачевской. На второй копѣ состоялся копный декретъ, обвиняющій Рыбачевскую въ насильственной смерти своей невѣстки. Декретъ этотъ направляется копою въ „вышіе суды“.

Къ третьему разряду копныхъ документовъ относятся, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, которыми заканчиваются дѣйствія и постановленія третьей копы. Копя эта, въ силу древняго копнаго обычая, названа „завитою“, то-есть, окончательною, предѣльною, какъ такую, дальше которой, вообще, не должно идти. Сюда именно принадлежатъ слѣдующіе №№ актовъ: 6, 9 (копя „присяжная“), 10, 14, 15, 20, 21,

23, 29, 30, 36, 39, 41, 44, 52, 53, 54, 61, 62, 63, 67, 68, 69, 71, 72, 78, 91, 111, 112, 115, 137, 162, 165, 167, 170, 173, 176, 180, 199, 201, 204, 214, 229, 230, 232, 252, 253, 259, 270, 271, 273, 274, 281, 291, 293, 294, 301, 306, 308, 309, 313, 318, 319, 327, 329, 332, 340, 350, 352, 355, 356, 360, 370, 372, 379, 383, 385, 391, 394, 396, 404, 405, 412, 417, 421, 424, 425, 427, 429, 430, 434, 439, 440 и 443.

Хотя, въ силу древняго коннаго обычая, крайнимъ предѣломъ при разсмотрѣннн и рѣшенн дѣла по тому или другому преступленн было назначено *третье копное собранн*, подѣ именемъ „третьей завитой копы“, тѣмъ не менѣе практика довольно часто вызывала такіе случаи, такое осложненн при самомъ разбирательствѣ дѣла, что нельзя было по совѣсти рѣшить его въ установленный обычаемъ третій срокъ, а приходилось отложить его еще на одно, чрезвычайное, *четвертое собранн копы*, или, какъ говорится въ самыхъ актахъ, „на четвертую копу“, также завитую. Приводимъ здѣсь изъ XVIII тома рядъ тѣхъ именно документовъ, въ которыхъ прямо, съ точностью дѣлается указанн на четвертую копу, или же изъ которыхъ можно сдѣлать только заключенн объ ея существованн. Документы эти усматриваются подѣ слѣдующими №№: 15 (копный декретъ на третьей копѣ: ставить „за чотыри недѣли“,—на четвертую копу?), 35 (пропала воль, „чотыри кроть“ копу збирали“), 36 (четвертая копа при уплатѣ истцу убытковъ согласно постановленн на третьемъ копномъ собранн), 61 (кража лошадей, „абы на *четвертой копе* того гостя своего поставилъ“), 62 (копный декретъ по тому же дѣлу), 72 (четвертая копа, или особый „судъ пріятелей“), 138 (кража пчель, „бо дей то вже была *четвертан копа* зложона завитая“), 151 (пропажа скота; на третьей копѣ назначена чрезъ 4 недѣли присяга на томъ же коповицѣ,—значить на *четвертой копѣ*), 173—174 (кража коней, третья копа опредѣляетъ: заподозрѣнный долженъ поставить своего гостя „за недель чотыры, яко на року завитомъ“, очевидно, на *четвертой копѣ*), 194 (кража пчель. Уже *три копы*: виновнаго нѣтъ. Истець, по предложенн копы, выбираетъ копниковъ для присяги. На присягу (*ни четвертой копѣ*?) не является одинъ присяжникъ, и другіе отказываются отъ нея), 190 (обокраденъ млынъ. *Три копы*. Такъ какъ на послѣдней копѣ не всѣ собрались (разошлись, недосугъ), то дѣло откладывается на присягу (*ни четвертой копѣ*?); виновные обнаружены), 228 (кража ярицы. Три копы. На послѣдней

вина *приложена* Кореню за невыходъ. Корень самъ собираетъ копу— „головную“ (*четвертую?*), на которой открываетъ дѣйствительнаго вора), 244 (кража изъ клѣтей. *Четыре копы*), 245 (кражи. *Три копы*. На послѣдней копѣ злодѣя не выдаютъ на мѹку. Истецъ жалуется въ судъ, который приказываетъ пану выдать злодѣя на слѣдующей (*четвертой*) копѣ на мѹку; опять не выдаютъ), 268 (подраніе пчель. *Четыре копы*), 269 (кража изъ клѣтей. *Четыре копы*), 279 (выкраденъ шпихлеръ. *Четыре копы*), 293 (подраніе пчель. *Три копы*. Виночника нѣтъ; дѣло пущено на „переслухъ“ (значить до слѣдующей *четвертой копы*), 294 (кража коня. *Три копы*. Зарука поставитъ заподозрѣннаго на слѣдующую *четвертую* копу), 300 (подраніе пчель, четыре копы — „*na szwartą gromadę*“), 302 (подраніе пчель. *Четыре копы*), 379 (убійство челядника. *Три копы*. Не выходятъ два чело-вѣка. Истецъ-панъ поручаетъ заподозрѣнныхъ ихъ пану, который обѣщаетъ ставить ихъ на слѣдующей (*четвертой*) копѣ, если она еще будетъ), 393 (мертвое тѣло челядника. „Вальная генеральная *четвертая завитая копа*“) и 436 (трупъ выростка. *Четыре копы*).

Но есть основанія думать, что на практикѣ и *четвертая копа* не составляла крайняго, послѣдняго предѣла при рѣшеніи извѣстнаго копнаго дѣла, и что собранія ея могли простираться еще значительно дальше. По крайней мѣрѣ, такое предположеніе можно вывести изъ слѣдующихъ актовъ. Въ № 441 идетъ дѣло о кражѣ въ свирѣ, въ с. Сѣрникахъ. Громада (копа); ея копный декретъ. Въ жалобѣ по поводу этой кражи мы встрѣчаемъ такое выраженіе: „w ktorej takowej krzywdzie y szkodzie—wielka turbacia y gromad sześć we wsi Serńnikach“, то-есть, по этому поводу было *шесть громадъ*, или *копъ*. Въ актѣ же № 428 панъ Гаврилъ Вишневскій отказываетъ копѣ въ выдачѣ ей на мѹку своей крестьянки, удиченной *чаровницѣ*, при чемъ, нанося побои копникамъ саблею и обухомъ, правда, подъ пльщую руку, заявляетъ: „nie wydam do garła, by u dziesięć kop zbierał rap Bułgabal“ Можно подумать, что въ этой фразѣ „dziesięć kop“ неволью проскальзываетъ именно та мысль, что число копныхъ собраній или копъ, на практикѣ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, могло быть *неопредѣленно большое*...

Пойдемъ дальше за г-жею Ефименко, по ея статьѣ въ августовской книжкѣ. Здѣсь, на 13 стр., говоря о *слѣдѣ* отъ преступленія и веденіи его копою, мы читаемъ: „Но, къ сожалѣнію, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходится копѣ гнать слѣдъ, онъ кончается, *не переходя*

тремя границъ“. Это не вѣрно. Въ томъ же XVIII томѣ актовъ мы находимъ документъ, которымъ прямо опровергается это положеніе. Именно въ № 160, по поводу обнаруженной кражи двухъ лошадей (свирѣпъ), слѣдъ ведется копою, по счету, *до четвертаго мѣста*; здѣсь истецъ, за неотведеніе слѣда, даетъ вину всему селу. Можно обратить вниманіе и на №№ 114 и 203. Здѣсь слѣдъ приведенъ *до третьяго мѣста*. Копя требуетъ *дальнѣйшаго его отвода*. Въ первомъ случаѣ просто отказываются и не могутъ его отвести, а во второмъ—затапываютъ приведенный слѣдъ скотомъ. Если копа здѣсь *на третьемъ мѣстѣ* настоятельно требуетъ дальнѣйшаго отвода слѣда, то необходимо заключить, что онъ могъ пойти дальше и, при другихъ обстоятельствахъ, могъ быть отведенъ *до четвертаго мѣста*, или еще далѣе. Тамъ же, на 13 стр., говорится, что если „село или личный хозяинъ земли“ отказывались отъ принятія и отвода приведеннаго къ нимъ копою *слѣда*, „тогда истецъ давалъ вину тому селу, а себѣ оставлялъ право на „вольное правовое мовенье—на слѣдующей копѣ, гдѣ село это уже должно было явиться въ качествѣ отвѣтчика“. Мы не знаемъ, гдѣ г-жа Ефименко въ XVIII томѣ нашла подобное толкованіе и примѣненіе словъ „вольное правовое мовенье“? Мы, по крайней мѣрѣ, нигдѣ его не нашли и думаемъ, что его нѣтъ, и что оно совершенно неправильно. Это выраженіе „вольное правовое мовенье“ относится не къ копному суду, а къ *суду писанному*. замковому, гродскому. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему истцу на копѣ было дѣлать заявленіе о томъ, что онъ сохраняетъ за собой законную свободу ограждать и защищать свои интересы, свое дѣло на слѣдующей копѣ, когда копа никогда не думала ставить препятствія и противодѣйствовать этимъ его интересамъ и дѣлу, намѣренно ихъ задерживать, затушевывать, игнорировать; напротивъ, когда только можно было и не представлялось къ тому постороннихъ препятствій, копа сама назначала послѣдующія свои собранія—второе, третье, даже четвертое; въ актахъ мы постоянно встрѣчаемъ выраженія копы: „и мы, копа, отложили есьмо тое дѣло до другое, третее—„завитое“ или четвертое копы“. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣятельность копы приостанавливалась по причинамъ, отъ нея не зависящимъ, гдѣ идти ей дальше было нельзя потому ли, что надъ нею чинилось прямое физическое насиліе—паны земляне и ихъ урядники разгоняли ее палками, били конниковъ, или же заподозрѣнныя лица, села, помѣщичьи дворы и т. п. упорно отказывались предстать предъ ей

судъ или покориться ея декрѣтамъ и проч., въ такихъ именно случаяхъ для потерпѣвшаго, для истца, не оставалось никакого другаго исхода и способа, для вознагражденія своихъ убытковъ или для удовлетворенія себя въ другомъ отношеніи, какъ обратиться къ содѣйствию другой, болѣе крѣпкой въ государствѣ власти, къ „праву“—*закону писанному*. Объ этомъ-то именно правѣ и идетъ дѣло, когда мы встрѣчаемъ въ копныхъ документахъ послѣ пріостановленія копнаго дѣйствія частыя выраженія истца, что онъ сохраняетъ за собой „вольное *правное* мовенье“, каковы, напримѣръ, слѣдующія: № 53— „надъ то зоставилъ собѣ *право вольное* о то винного искать“ (обвиненный копою Андрей Радюкъ обѣщаетъ заплатить по копному рѣшенію, но самъ, сознавая свою невинность, хочетъ искать дѣйствительнаго виновника; это выраженіе *единственное*, которое можетъ имѣть отношеніе и къ созванію новой копы по этому дѣлу); № 375— „o to wszystko chcąc z ieumscią panią Lubelską prawnie mówić“; № 384— „przeto chcąc prawnie mówić y czynić“; № 389— „zaczum iegomość chcąc sprawiedliwości dowodzić“; № 397— „a chcąc w sądzie należnym... y tam, gdzie prawo drogę pokaże... prawnie czynić“; № 399— „zaczum żalujący chcący prawnie czynić“... № 420— „chcąc prawem czynić“ ..; № 443, такъ какъ заподозрѣнные не идутъ на третью копу и злочинца не поставили, то истецъ говоритъ: „chcąc— prawnie czynić y tego wszystkiego dochodzić“; № 446, во время обыска копою въ домѣ отвѣтчиковъ землянь, послѣдніе высказываютъ похвалки на здоровье и жизнь истца, о чемъ „chcąc żalujący (истецъ) z obżalowanemi prawem czynić“, просилъ записать свою жалобу въ книги, и № 448, въ виду того, что отвѣтчикъ, сознавшись на копѣ, пошелъ на угоду, но послѣ отказался отъ нея, истецъ, желая искать себѣ справедливости и „prawnym terminem na obżalowanypych dowieść“, далъ свою жалобу занести въ книги. На той же 13 страницѣ, разсматривая отказъ даншаго села отвести приведенный къ нему горячую копою слѣдъ, г-жа Ефименко старается разбить его на три фазиса: оно де, впервыхъ, могло дѣйствительно отказать отъ требуемаго отъ него отвода, но на слѣдующей копѣ, на которую имѣлъ его позвать истецъ, оно должно было выдать настоящаго виновника преступленія, который не могъ быть ему неизвѣстенъ; вовторыхъ, оно де могло и не выдавать подобнаго виновника, но „дать о немъ только *справу*“, и, втретьихъ, для него де оставалась „возможность *правнаго очищенія*—предоставить копѣ трясти

дома“. „Трясенье это, то-есть, обыскъ, было *вторымъ правовымъ отправленіемъ* горячей копы“. По системѣ толкованія г-жи Ефименко все это гладко и хорошо. Но бѣда въ томъ, что основанія этой системы шатки и невѣрны, не согласуются съ истиною и не подтверждаются рассматриваемыми документами XVIII тома. На основаніи этихъ документовъ дѣло выходитъ лишь такимъ образомъ. Если данное село, къ которому горячею копою былъ приведенъ слѣдъ, отказывалось его принять и отвести, то отказывалось отъ этого сознательно, или потому, что, не зная о виновникѣ, не могло его отвести, или же, быть можетъ, зная о немъ, не хотѣло его открывать и выдавать; но при этомъ было не мало случаевъ, когда оно, отказываясь отъ дальнѣйшаго отвода, какъ излишняго, прямо само указывало копѣ на виновника среди себя; и наконецъ, для очищенія себя, позволяло копѣ прямо производить обыскъ или трясти заподозрѣнные дома. И во всякомъ случаѣ, на село, которое не хотѣло или не могло отвести слѣда, падала отвѣтственность: или копа „за невыходъ и неотведеніе слѣда“ давала ему „вину“, или же самъ истецъ давалъ ему такую вину, обѣщая взыскивать съ него свои убытки путемъ „права“, то-есть, писаннаго закона. Вотъ и все дѣло! О какомъ-то „*правномъ* очищеніи“, о „*второмъ правомъ* отправленіи горячей копы“ ровно ничего въ актахъ не говорится!... Стр. 14: „Бывали случаи, что *юрочей копъ* не нужно было ни *идти слѣду*, ни трясти; тогда она собиралась, чтобы сдѣлать *опытъ*, то-есть, опросъ лицъ, которыя могли что нибудь знать или слышать о случившемся. Все это—и слѣдъ, и трясенье, и опытъ, и осмотръ (напримѣръ, потравы) давали матеріалъ для *судебнаго слѣдствія*, которому была посвящена уже великая, генеральная, вальная копа (2-я)“. Все это построено на невѣрныхъ основаніяхъ. Мы не знаемъ, гдѣ г-жа Ефименко встрѣтилась съ такими документами, что именно „*юрочей копъ*“, въ иныхъ случаяхъ, не нужно было ни *идти слѣду*, ни *трясти* и проч.? По смыслу копныхъ документовъ, копа потому и называется *юрочей*, что она собиралась поспѣшно, немедленно, для того, чтобы тутъ же, на мѣстѣ преступленія, удостовѣрить *слѣдъ преступленія*, чтобы онъ не затерялся и проч. Для тѣхъ же случаевъ, когда извѣстное преступленіе, отъ котораго не осталось явнаго слѣда, предстояло рассматривать болѣе спокойнымъ образомъ на коповищѣ, напримѣръ, чрезъ недѣлю-двѣ и далѣе, собираемую копу никоимъ образомъ нельзя было назвать *юрочей*; для этого нѣтъ никакихъ до-

казательствъ. Выраженія же „давали матеріалъ для *судебнаго слѣдствія*“ рѣшительно не оправдываются сущностью того порядка, на которомъ былъ построенъ копный судъ. На той же 14 стр. у г-жи Ефименко идетъ особое разсужденіе о второй „великой копѣ“ къ чему въ копной дѣятельности служила *великая, большая копа*, читатель видѣлъ уже изъ выше сказаннаго нами о второмъ копномъ собраніи или второй копѣ. Стр. 18: „*Лицо* (поличное) не играетъ можно сказать, *почти никакой роли въ числѣ судебныхъ доказательствъ на большой (второй) копѣ*“ и пр. Странный выводъ! Тогда какъ по, точному смыслу всѣхъ копныхъ документовъ „лицу“ (поличному) вездѣ придается сила и значеніе самаго неотразимаго доказательства, которымъ уличается преступникъ; будь это на первомъ, второмъ, третьемъ и т. д., какъ истцомъ, такъ и самою копою принимались всѣ мѣры, чтобы прежде всего разыскать „лицо“ и заручиться этимъ неотразимымъ доводомъ. Да и что можно было сказать противъ доказательной силы лица въ старину, и что можно сказать противъ силы поличнаго въ настоящее время?..

Въ „Трудахъ“ Виленскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ въ 1893 г., въ статьѣ нашей „Древніе народныя копныя суды въ Сѣверо-Западной окраинѣ Россіи“ (стр. 235—274), представляющей собственно предисловіе къ XVIII тому актовъ, съ нѣкоторыми лишь новыми подробностями и дополненіями, въ заключеніе мы сказали, что „не принимаемъ на себя смѣлости придавать этому изслѣдованію характеръ *учености*“, что „это правдивое начертаніе *лишь картины* того, что даетъ намъ содержаніе копныхъ документовъ XVIII тома“; и при этомъ мы высказали искреннее пожеланіе, „чтобы этотъ богатый по объему и многоцѣнный по содержанію матеріалъ (о копныхъ судахъ) скорѣе нашелъ между учеными, по преимуществу специалистами по юридической наукѣ, такихъ лицъ, которыя съумѣютъ воплотить его въ дѣйствительно ученое изслѣдованіе и воспроизвести въ яркой картинѣ одну изъ знаменательныхъ сторонъ древней русской народной жизни, именно въ формѣ *копныхъ судовъ*“. Закончимъ нынѣшнее наше возраженіе г-жѣ Ефименко тѣмъ же, что мы и нынѣ остаемся при томъ же скромномъ взглядѣ на наши личныя силы и при сильной надеждѣ, что найдутся дѣйствительно ученые мужи и, повторимъ, „по преимуществу *специалисты по юридической наукѣ*“, которые сдѣлаютъ много больше, лучше, совершеннѣе насъ... На статью

уважаемаго автора А. Я. Ефименко мы написали настоящее возраженіе лишь потому, что чувствовали нравственную потребность, во имя истины, близкой къ нашей работѣ, возразить тамъ, гдѣ не сходятся наши убѣжденія и взгляды... Еще одно искреннее и серьезное наше пожеланіе: тому, кто возьмется за серьезное и основательное изученіе копныхъ документовъ, не слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, впервыхъ, браться за это дѣло крайне поспѣшно и, вовторыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду ни одной черточкы, ни одного, хотя бы и самаго маленькаго факта, ибо *изъ капель составляется море...*

И. Спрэгмъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Г. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. „Книги Царствъ“ въ собраніи рукописей библіотеки Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса, 1894.

I.

Библиотека Новороссійскаго университета владѣеть замѣчательною сербскою рукописью 1418 года, изъ собранія В. И. Григоровича, которая заключаетъ въ себѣ переводъ текста Книгъ Царствъ, сдѣланный въ 1416 году, при деспотѣ сербскомъ Стефанѣ Лазаревичѣ, вмѣстѣ съ находившимися въ греческомъ оригиналѣ вставками въ текстѣ и приписками на поляхъ. Послѣднія не что иное, какъ толкованія разныхъ мѣстъ Книгъ Царствъ на основаніи древнихъ переводовъ этихъ книгъ съ еврейскаго на греческій Акилы, Симмаха и Θεодотіона и твореній святыхъ отцовъ. Авторъ выписываетъ изъ этой рукописи нѣсколько отрывковъ, сравниваетъ ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами текста Геннадіевой библіи (представляющаго, по мнѣнію автора, другой переводъ) и текста библіи Острожской (по мнѣнію автора, очень близкаго къ тексту одесской рукописи), приводитъ и изслѣдуетъ вставки и приписки, указываетъ, какъ переводчикъ передалъ по-славянски тотъ или другой оборотъ греческаго оригинала, и, наконецъ, приводитъ рядъ словарныхъ данныхъ. Это—главная часть сочиненія. Сверхъ того, онъ разыскиваетъ, кто былъ переводчикъ, и рѣшаетъ, что это былъ не иной кто, какъ біографъ деспота Стефана Константинъ Костенчскій, и что одесская рукопись принадлежитъ къ числу тѣхъ текстовъ, въ которыхъ проведена установленная Константиномъ орео-

графія и которые были въ старой Сербіи извѣстны подъ именемъ *ресавскихъ*.

Но самаго важнаго авторъ не даетъ. Мы не найдемъ у него сколько-нибудь полнаго лингвистическо-ореографическаго описанія рукописи и не узнаемъ, что такое передъ нами, списокъ съ среднеболгарскаго оригинала, или нѣтъ (отрывки, приведенные авторомъ, слишкомъ незначительны, чтобы можно было судить по нимъ; впрочемъ, мы въ нихъ отмѣтили кое-какіе болгаризмы: ищеть, 3-е лицо множественнаго числа, кровію, любовію, возвѣщю, дверемъ, праведно, посамо=посѣмо, ею=ѣ, винит. пад. женскаго рода). Мы также не найдемъ у него изслѣдованія языка, орографіи и изложенія Книгъ Царствъ сравнительно съ языкомъ, орографіей и изложеніемъ несомнѣнно принадлежащихъ Константину Костенческому произведеній (изъ отрывковъ у автора можно видѣть, что переводчикъ Книгъ Царствъ не былъ такъ пристрастенъ къ риторическому изложенію, какъ Константинъ). Мы равнымъ образомъ не найдемъ у него указаній на отношенія этого текста съ одной стороны къ старому, дошедшему въ Геннадіевой библии: есть ли онъ—новый переводъ, вполне независимый отъ стараго, или онъ представляетъ лишь исправленный старый текстъ, съ другой стороны—къ тексту Острожской библии: одинъ ли онъ лежитъ въ основаніи всѣхъ Книгъ Царствъ этой библии, или же одни мѣста этой библии болѣе близки къ тексту Геннадіевой библии, а другія—къ одесской рукописи (сравни въ „Описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной библиотеки“, I, 41: „Острожскіе издатели библии пользовались симъ (Геннадіевымъ) спискомъ Книгъ Царствъ, исправляя его, но не вездѣ“). Такимъ образомъ г. Попруженко ставитъ вопросы, не давая матеріала для ихъ рѣшенія.

Мы незнакомы съ одесскою рукописью и, конечно, за разрѣшеніе какихъ-либо вопросовъ, возбуждаемыхъ ею, не беремся; но думаемъ, что нижеслѣдующія немногія данныя будутъ не бесполезны для будущаго ея изслѣдователя.

Прежде всего, одесская рукопись не есть что-нибудь въ своемъ родѣ единственное. Стоило бы автору заглянуть въ сербскую (съ среднеболгаризмами) рукопись Московскаго Публичнаго музея № 1684, изъ собранія В. И. Григоровича, написанную архіепископомъ Охридскимъ Прохоромъ (1523—1543 гг.) и представляющую тексты книгъ Моисѣевыхъ, Иисуса Навина, Судей, Руоѣ и Царствъ, и онъ нашель бы тотъ же текстъ, что въ одесской рукописи. По описанію А. Е.

Викторова, въ Книгахъ Царствъ рукописи № 1684, „на поляхъ и въ самомъ текстѣ, на оставленныхъ для этого бѣлыхъ мѣстахъ, изрѣдка *притисаны*, большею частью киноварью, краткіе *комментаріи* къ *тексту* и *варианты* съ *ссылками* на *известныхъ переводчиковъ священнаго писанія Акилы, Симмаха и Θεοδοτiона*“ (Собраніе рукописей В. И. Григоровича, стр. 4).

Затѣмъ, существуетъ другая рукопись, сходная съ одесской, предлагающая не лишеныя важности указанія. Это сербская рукопись Московской Синодальной бібліотеки № 202. Она заключаетъ въ себѣ толкованія на книгу Іова и, повидимому, представляетъ автографъ переводчика. Ея записъ говоритъ слѣдующее: „Написасе и прѣложи сія книга праведнаго и многострадалнааго Іова *при велицѣй лаврѣ Хиландарсцѣй*, от извода грѣчьскаго обитѣли Есфугмена, въ лѣто 6920 (=1412).... Поминай же смѣренаго *Гаррилла некли инока трудившагося*“. По описанію Горскаго и Невоструева, „на поляхъ рукописи, какъ переводчикъ замѣчаетъ и въ предисловіи, *показываются переводы Акилы, Симмаха и Θεοδοτiона* подѣ буквами *ā. ċ. ſ.* Иногда разности ихъ перевода вносятся и въ строку... Сверхъ того, разсѣяны на поляхъ собственныя замѣчанія переводчика“ (Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки, II, I, 52—59). Кажется, мы имѣемъ въ синодальной рукописи трудъ того же самаго лица, которое потрудилося надѣ Книгами Царствъ,—монаха Хиландарскаго монастыря Гаврилла, извѣстнаго еще по переводу съ греческаго аеонскаго устава о погребеніи иноковъ на свѣтлой недѣлѣ (*Строевъ*, Библиологическій словарь, 46).

Такимъ образомъ передѣ нами, повидимому, одинъ изъ аеонскихъ, точнѣ хиландарскихъ сербскихъ трудовъ, которые были безъ сомнѣнія многочисленны въ XIV вѣкѣ и началѣ XV-го и которыхъ остатки еще сохраняются въ бібліотекѣ Хиландаря и въ другихъ мѣстахъ; они начинаются (по дошедшимъ до насъ даннымъ) съ половины XIII вѣка и тянутся чрезъ все XIV столѣтіе до тридцатыхъ годовъ XV-го; вѣроятно, ихъ продолженіемъ въ серединѣ и концѣ XV вѣка, до распространенія печатныхъ книгъ, были тексты ресавскіе. Особенности языка и орфографіи ¹⁾ этихъ аеонскихъ сербскихъ текстовъ могутъ быть нами до нѣкоторой степени опредѣлены на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній о Типикѣ, писанномъ Романоу въ 1331 году (*Sta-*

¹⁾ Къ сожалѣнію, у насъ очень мало снимковъ съ рукописей, чтобы мы имѣли право говорить объ аеонской сербской школѣ письма.

rine, V, статья И. В. Лгича), объ хронографѣ Амартола, писанномъ Романомъ и Василюмъ въ 1386 году (изданномъ Обществомъ древней письменности), о Шестодневѣ Іоанна Златоустаго, переведенномъ Венедиктомъ и Іаковомъ въ 1426 году (Описание рукописей Московской Синодальной бібліотеки, II, I, 45 слѣд.) и другихъ; объ нихъ мы можемъ говорить рѣшительно. Но особенности *ресавскихъ* текстовъ, къ числу которыхъ г. Попруженко относитъ одесскую рукопись (отличающуюся, замѣтимъ кстати, по орфографіи отъ вышеупомянутаго толкованія на книгу Іова), намъ пока совершенно неизвѣстны, такъ какъ мы не знаемъ ни одной рукописи, которую, хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностью, можно было бы признать за ресавскую, и такъ какъ тѣ два списка Апостола XVII вѣка, которые списаны съ „старыхъ прѣводниковъ ресавскихъ“ и которые находятся на Афонѣ, нѣкъмъ еще не описаны; и потому мы должны пользоваться съ большою осторожностью этимъ названіемъ.

Наконецъ, есть одно свидѣтельство о любви къ книжному дѣлу не разъ упомянутаго авторомъ деспота Стефана. До сихъ поръ мы знали лишь о перелискѣ для него книгъ монахами Хиландаря; г. Попруженко указалъ на посвященіе ему въ 1416 году списка части священнаго писанія; но онъ не упомянулъ о сборникѣ Стефана (изъ словъ Григорія Синаита, Симеона Новаго Богослова, Фаласія, вопросо-отвѣтовъ Аванасія Александрійскаго къ Антиоху и другихъ), собственноручно написанномъ имъ въ 1421 году и довольно подробно описанномъ Макушевымъ (*Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1881 года № 2).

А. Соболевскій.

II.

Только что вышедшій въ Одессѣ трудъ молодаго мѣстнаго ученаго имѣетъ своимъ предметомъ не описаніе, а литературное изслѣдованіе того памятника сербской письменности начала XV вѣка, который былъ вывезенъ знаменитымъ Григоровичемъ изъ Турціи, во время его историческаго путешествія по Балкану, и составляетъ одну изъ драгоценностей въ рукописномъ собраніи мѣстнаго университета.

На эту рукопись давно было обращено вниманіе славянской науки и прежде всего самимъ Григоровичемъ (она пожертвована была Новороссійскому университету при его открытіи, то-есть, только въ 1865

году), который прилежно изучалъ ее и еще въ казанскій періодъ своей дѣятельности. Объ этомъ изученіи свидѣлствуютъ собственноручныя помѣтки Григоровича на поляхъ рукописи, даже цѣлыя греческія тирады изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ Ветхаго Завѣта—очевидно, для начатой критической оцѣнки славянскаго текста, наконецъ, самая перенумеровка листовъ, сдѣланная дѣйствительно собственноручно Григоровичемъ, а не повидимому, какъ думаетъ авторъ изслѣдованія.

Изъ этихъ греческихъ помѣтокъ Григоровича отмѣтимъ одну на листѣ 307а, какъ болѣе крупную, и она своего рода матеріалъ для біографіи знаменитаго слависта.

Она касается 35-й главы четвертой книги Царствъ, то-есть, XVII-й, по шлѣбшному счету, какъ это и указано Григоровичемъ, именно, перечисленія поставленныхъ идоловъ. Изслѣдователя остановила форма именъ ихъ въ славянскомъ текстѣ (сокхооъ, рипігедь, агенаоъ—всѣ эти имена не указаны въ книгѣ г. Попруженка), и онъ отмѣтилъ греческую параллель: „καὶ οἱ ἄνδρες Βαβυλωνος ἐποίησαν τὴν Σωκῶθ βεβίθει καὶ οἱ ἄνδρες Χουθ ἐποίησαν τὴν Ἐργέλ καὶ οἱ ἄνδρες Αἰμάθ ἐποίησαν τὴν Ἀσμάθ καὶ οἱ Εβᾶιοι ἐποίησαν τὴν Ἐβλαζέρ καὶ τὴν Θαρθᾶκ“.

Такимъ образомъ, уже самъ Григоровичъ указалъ и самый приемъ изученія рукописи, который естественно сталъ обязательнымъ для каждаго изслѣдователя сербскаго памятника. Позволимъ себѣ къ слову припомнить, спустя четверть вѣка, что и намъ лично этотъ памятникъ былъ препоручаемъ Григоровичемъ, припомнить для того, чтобы констатировать, съ какимъ живымъ интересомъ относился незабвенный славистъ къ своей драгоцѣнной находкѣ, къ сербской Паллѣ, какъ онъ иногда для краткости называлъ рукопись, въ виду, вѣроятно, первыхъ словъ переписчика на первой страницѣ перваго, оставленнаго чистымъ, листа: „въ всей палей и въ настоящей книгѣ“..., то-есть, какъ составляющей часть Ветхаго Завѣта.

Работа, открытая Григоровичемъ, доведена до благополучнаго конца авторомъ настоящей книги: она—*изслѣдованіе* правописанія, языка и состава для характеристики „перевода“ и опредѣленія происхожденія частей—есть выполнение старой задачи. Авторъ имѣлъ право посвятить свой трудъ памяти стараго хозяина рукописи.

Почему же, спросятъ насъ, былъ такъ неравнодушенъ къ сербскому памятнику Григоровичъ?

Не самое, общезвѣстное, содержаніе памятника, не его славянский языкъ, какъ языкъ, занимали Григоровича, а его историко-ли-

тературное значеніе, его литературная личная судьба. Этотъ памятникъ—единственный въ исторіи церковно-славянской письменности, такъ какъ заключающійся въ немъ текстъ Книгъ Царствъ названъ въ немъ же *новымъ переводомъ*—„отъ грѣчьскихъ книгъ на сръбскыя“, и сдѣланъ былъ въ 1416 году для сръбскаго мецената того времени, деспота Стефана Лазаровича, собственноручная подпись котораго въ концѣ рукописи („сіа книга благочестиваго господина деспота Стефана“—случайной припиской это не могло быть) свидѣтельствуеетъ о принадлежности ея къ его личной библіотекѣ.

Такимъ образомъ, вполне опредѣлительныя указанія объ обстоятельствахъ „перевода“ (въ подлинникѣ они предлагаются въ многословной риторической формѣ) устраниютъ, повидимому, напередъ всякія сомнѣнія и недоумѣнія. А между тѣмъ намъ извѣстно, что весь кругъ Священнаго Писанія „развѣ Маккавей“ былъ переведенъ съ греческаго на славянскій еще въ IX вѣкѣ, еще при св. Меодіѣ, въ Панноно-Моравіи. Исторія въ тысячелѣтней судьбѣ Славянской Библии знаетъ эпохи поправокъ, очищеній, случайно-допереводовъ (въ Новгородѣ, при митр. Геннадіѣ, неискусныхъ, грубыхъ, чтобы не сказать больше), но не новыхъ переводовъ на мѣсто старыхъ, распространенныхъ, освященныхъ жизнью, преданіемъ. Не говоря уже о томъ, что отрывки Книгъ Царствъ имѣются въ такой старинной рукописи, какъ Паремейникъ Григоровича въ рѣдкой болгарской редакціи (издается теперь проф. Брандтомъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи*) XII вѣка, что полные тексты ихъ предлагаются двумя рукописями XV вѣка въ Синодальной Библіотекѣ, бывшей Соловецкаго монастыря, исконное существованіе этихъ текстовъ давно признано въ исторіи литературы X вѣка Българіи. Такъ, славянскій переводъ хроники Малалы мпиха Григорія при царѣ Симеонѣ снабженъ былъ многими дополненіями, и между прочимъ послѣ 5-й главы Малалы шли четыре Книги Царствъ, только въ 4-й книгѣ вставлено нѣсколько главъ изъ Исаи и Іереміи (*Арх. Филаретъ*, Обзоръ русской литературы, 1-е изд., стр. 6). Наконецъ, не обходилась безъ Книгъ Царствъ и такъ называемая историческая Палея—изложеніе событій ветхозавѣтной исторіи съ „толками“ и даже изъ извѣстнаго Юсипа Флавія. Укажемъ на харатейный списокъ Троицкой Лавры 1406 года, разсмотрѣнный академикомъ Сухомлиновымъ еще въ его изслѣдованіи о русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ. Правда, были и заново переводы, но оригинальные, какъ переводъ митрополита Алексія Новаго Завѣта....

Что же это за загадочное явление—исполнение перевода Книгъ Царствъ на „сербскій“ языкъ въ 1416 году?

Да, или нѣтъ? Вотъ вопросъ.

Авторъ нашего изслѣдованія не сомнѣвается, что текстъ, названный въ рукописи Книгъ Царствъ переводомъ, есть дѣйствительный переводъ съ греческаго оригинала, отнюдь не корректура, исправленіе стараго текста—убѣжденіе, которое мы лично еще раздѣлять не можемъ. Но обратимся къ самому изслѣдованію, познакомимся съ приемами автора, характеромъ доказательствъ своего положенія.

Прежде всего авторъ вводитъ читателя въ кругъ литературныхъ интересовъ Сербіи начала XV вѣка, въ условія происхожденія пользовавшихся долго извѣстностью „добрыхъ ресавскихъ изводовъ“ (рецензій) церковно-славянскихъ текстовъ.

Послѣ не вполне корректной, сдѣланной торопливою рукою картины умственнаго состоянія Сербіи при деспотѣ Стефанѣ, сынѣ косовскаго Лазаря, г. Попруженко остапавливается на главномъ литературномъ дѣятелѣ этого времени—литературномъ другѣ деспота, бѣглому ученому даскалѣ изъ Болгаріи, Константинѣ изъ Кюстендила (Кюстенджи, у румынъ Constantia), любопытномъ, но до сихъ поръ еще недостаточно опредѣленномъ историческомъ дѣятелѣ, на оцѣнкѣ его филолого-педагогическихъ трудовъ, которые и установили приемы церковно-славянскаго письма, его технику, съ XV вѣка на югѣ за Дунаемъ, а позже и у насъ. Болгаринъ Константинъ (обыкновенно титулуемый Костенчскимъ) и былъ виновникомъ современной литературной реформы въ Сербіи, создателемъ тѣхъ „добрыхъ изводовъ“, которые надолго сдѣлались извѣстнаго рода академическимъ руководствомъ письма или „закопнравилкомъ“: „да, говоря словами Константина, не растлѣваются божественная писанія“ (см. загребскія *Starine*, 1 кн., 8). Очевидно, православный славянскій югъ опередилъ насъ. Москву, на полтора столѣтія, и мѣры, принятыя Стоглавымъ Соборомъ, противъ неряшливости невѣжественныхъ писцовъ, на сербскомъ югѣ начали свою практику именно отъ дѣятельности Константина, требовавшего даже „и грѣцкая писанія вѣдѣти, паче же и езикъ“, о чемъ у насъ заговорили много позже—въ XVII столѣтіи. Константинъ въ своей дѣятельности среди сербовъ добивался того, чего достигъ было уже раньше между своихъ болгаръ патріархъ Евѣимій Тырновскій—обязательныхъ правилъ для всѣхъ, желающихъ заниматься списываніемъ церковно-славянскихъ книгъ, о чемъ обстоятельнѣе читатель освѣдомится въ изданіи г. проф.

Сырку: „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ“ (т. 2, 1). Конечно, сторонники славянскаго разьединенія могутъ иронизировать надъ педантической скрупулезностью Евѣимія, Константина, при требованіи единообразнаго письма, какъ это дѣлаетъ издатель академическаго руководства болгарскаго профессора изъ Кюстендила, покойный Ю. Даничичъ; но эти пуристы были десять разъ правы, и въ основѣ ихъ требовательности лежала здоровая политическая мысль: да не раздѣлятся славяне по приходамъ. Они, правда, иногда черезчуръ претензіозны, создали намъ наше историческое правописаніе, которое объединяетъ столѣтія, поколѣнія и поколѣшя, во время приняли мѣры противъ заповнившаго православную славянскую письменность направленія къ филолетизму, а грѣхъ этотъ такъ съѣдалъ славянъ.

Мы упрекнули г. Попруженка въ торопливости уже въ вводной главѣ. Какъ мы увидимъ, эта нежеланная черта не оставляетъ нашего автора на пространствѣ цѣлаго изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ориентироваться читателю въ вопросѣ объ отношеніяхъ Константина къ Евѣимію Тырновскому? Авторъ называетъ его ученикомъ Евѣимія, чтобы сейчасъ же опровергнуть себя съ документомъ въ рукахъ. Онъ былъ не ученикъ, а жаркій послѣдователь.

Авторъ, далѣе, не далъ себѣ труда вдуматься въ исторію южныхъ славянъ XIV вѣка, почему и повторяетъ традиціонныя черты въ обрисовкѣ турокъ, этихъ новыхъ хозяевъ Балканскаго полуострова въ разсматриваемую эпоху, и нѣсколько даже противорѣчитъ себѣ. Если Константинъ, послѣ покоренія турками Болгаріи, спасается бѣгствомъ въ Сербію, которая была покорена ими раньше на цѣлую четверть вѣка, то, очевидно, турки не были исчадіями зла, а были людьми, съ которыми жить было можно, а считаться должно. Конечно, нашъ авторъ можетъ сослаться на современника Цамвлака (его онъ титуруетъ неточно Цамблокъ, ибо, если во второй части читать *блокъ*, то въ первой надо—*Сам*, какъ это мы имѣемъ въ Минеѣ митрополита Макарія подь 31-мъ іюля). Но его перуны противъ „исмаилитъ“, что позже — „наслѣдственный врагъ имени христіанскаго“, имѣли субъективный источникъ. Вдумавшись во взаимное, крайне скверное, отношеніе различныхъ народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, другъ къ другу, авторъ не могъ бы не прійти къ убѣжденію, что появленіе турокъ съ рѣшающимъ голосомъ: „я васъ!“—справедливо разсматривать, какъ появленіе желанныхъ миротворцевъ,

которые, погасивъ отъ разу международныя страсти, напомнили народамъ поневолю объ ихъ единствѣ во Христѣ. Историческая роль „агарянъ“ въ судьбахъ народовъ задунайскаго юга—это роль того масла, которое вливается съ корабля въ волны, чтобы унять разъяренную стихію. Въ результатѣ—миръ, покой, возрожденіе. Нашему автору достаточно было остановиться на томъ одномъ обстоятельствѣ, что тѣ центры литературной продуктивности Сербіи начала XV вѣка, которыми справедливо можно гордиться: монастыри Рессава (или Манассія) и поэтическая Любостынь (здѣсь была написана наша рукопись въ 1418 году), были основаны именно послѣ 1369 года, послѣ разгрома Сербіи турками. Фанатизмъ въ началѣ былъ чуждъ „агарянамъ“.

Сколько тщательный, столько же точный анализъ приемовъ письма нашей рукописи сравнительно съ теоретическими положеніями Константина изъ Кюстендила въ его трактатѣ о правописаніи (стр. 14—28) приводитъ автора къ справедливому заключенію, что эта рукопись—одинъ изъ хорошихъ образцовъ рессавской школы, то-есть, Константина. Авторъ усматриваетъ слѣды той же школы, слѣды вообще довольно несуразныхъ требованій Константина „о тоносу“, а они въ значительной степени цѣликомъ взяты изъ греческой грамматики—въ размѣщеніи знаковъ надбуквенныхъ (стр. 30—37). Отсюда исключаются знаки ударенія, разставленные, несомнѣнно, подъ влияніемъ роднаго языка серба-переписчика, Дослѣея. Намъ думается, что насчетъ новой науки Константина должно быть отнесено и введеніе въ нашу рукопись техническихъ терминовъ: *лежеще* (это буквально-рабскій переводъ греческаго *καίματος*) и *суше* (*τὸ ὄν?*), не разграниченныхъ въ ихъ употребленіи авторомъ нашей книги: первый терминъ при указаніи текста въ выноскѣ, второй—просто продолженіе текста; „сіе лежеще“, то-есть, это текстъ.

Теперь авторъ переходитъ къ еще болѣе обстоятельному анализу самаго памятника, къ характеристикѣ „перевода“ Книгъ Царствъ, на сколько она опредѣляется сравнительнымъ обзорѣмъ формъ (именныхъ и глагольныхъ), оборотовъ (въ области управленія и сочетанія) и словаря языка—оригинала и его славянской передачи (стр. 60—122).

Эти главы, по массѣ матеріала, по относительной тщательности работы—существенная часть въ трудѣ молодого слависта. Безспорно, языкъ „перевода“ обзорѣнъ внимательно и разносторонне. Этой части предшествуетъ небольшая глава—общая сравнительная оцѣнка сла-

вянскаго текста по отношенію къ его греческому оригиналу—въ доказательство прежде всего „отсутствія соотвѣтствія какому либо греческому списку“—выводъ вѣрный, но не новый, послѣ классическихъ изысканій по низшей критикѣ славянскихъ текстовъ Горекаго и Непоструева, рекомендующей потому осторожность въ частныхъ заключеніяхъ объ отношеніяхъ чтеній. Что же касается до вывода втораго—въ области сравненія самыхъ текстовъ между собою, что по своей *исправности* текстъ рукописи 1418 года стоитъ выше текста Книгъ Царствъ по другимъ, доступнымъ автору, рукописямъ (стр. 59), то намъ этотъ вопросъ представляется въ иномъ свѣтѣ, а самый выводъ—поспѣшнымъ, еще преждевременнымъ.

Предложенный сравнительный анализъ языка приводитъ автора къ убѣжденію, что „переводъ“ Книгъ Царствъ 1416 года отличается близостью къ оригиналу и въ то же время сдѣланъ языкомъ чистымъ, правильнымъ и точнымъ, то-есть, авторъ усваиваетъ и ему тѣ черты, которыми опредѣляется вообще славянской переводъ священнаго писанія эпохи паннонской—выводъ, который для насъ лично является обоснованіемъ мысли, что въ сербской рукописи 1418 года мы и не имѣемъ дѣла съ *новымъ* славянскимъ переводомъ Книгъ Царствъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому главному пункту нашего взаимнаго разногласія, мы обязаны, къ сожалѣнію, отмѣтить, что, при всѣхъ достоинствахъ разсматриваемой части изслѣдованія г. Попруженка, составляющей неотъемлемую заслугу автора: онъ далъ намъ точный образъ языка памятника (съ справедливымъ пропускомъ звуковыхъ и морфологическихъ явленій) — отдѣльныя мѣста носятъ отпечатокъ нежеланной торопливости. Этотъ упрекъ относится къ расположенію матеріала въ отдѣльныхъ параграфахъ, къ неточности опредѣленій, къ излишеству въ предложеніи лексическаго матеріала и даже въ непостижимой формѣ.

Уже раньше, отъ первыхъ страницъ, авторъ излюбилъ суммарный, механический приѣмъ—располагать примѣры по страницамъ рукописи, вмѣсто того чтобы разбивать ихъ на необходимыя логическія группы. Сошлемся хоть на стр. 19, объ употребленіи буквы *ъ* въ приставкахъ, суффиксахъ и флексіяхъ: примѣры идутъ огуломъ. То же и въ анализѣ языка. Авторъ говоритъ о передачѣ греческихъ формъ настоящаго времени и отмѣчаетъ подъ диктовку страницъ рукописи примѣры и настоящаго времени, и неопредѣленнаго наклоненія, и повелительнаго, словно въ славянскомъ языкѣ есть категоріи греческаго языка. Говоритъ ли авторъ о соотношеніи славянскихъ глаголовъ со-

вершеннаго вида, онъ въ порядкѣ страницъ предлагаетъ и формы неопредѣленнаго склоненія, и причастія, и повелительнаго, и все это въ перемежку.

Къ неточностямъ выраженія мы отнесемъ, на примѣръ, утверженіе, что, въ „поидоше путемъ“ и подобныхъ—*путемъ* творительный орудія, что въ славянскомъ есть „перфектъ“, „предложенія времени“ (стр. 94), что въ выраженіи: „глуше да не вьидетъ“, прямая рѣчь (стр. 97) и пр.

Но наибольшее недоумѣніе возбуждаютъ нѣкоторые данныя изъ словаря къ рукописи.

При составленіи своего словаря авторъ останавливается на словахъ, которыя „или не встрѣчаются, на примѣръ, въ словарь Миклошича, или помѣщены тамъ съ соответствіемъ иныхъ, чѣмъ у насъ, греческихъ значеній или совсѣмъ безъ нихъ“ (стр. 100). Разсмотримъ каждую изъ обѣихъ группъ и разсмотримъ, на сколько строго авторъ держится своихъ отправныхъ точекъ.

1. Слова неизвѣстныя.

Еккастримиѡв—сътвори егк—ѡы, ἐποίησε θαλητήν IV, 21, 6. Совсѣмъ не понимаемъ, какъ авторъ могъ внести это слово въ число славянскихъ словъ (словарикъ оставленныхъ безъ перевода греческихъ словъ предложенъ отдѣльно) и какъ могъ онъ такъ невпопадъ указать греческое соответствіе. Въ виду несомнѣннаго равенства: *сътвори*—ἐποίησε, выходитъ, что якобы славянское *еккастримиѡв* передаетъ греческое θαλητή... Но, увы! чисто греческое слово ἐγγαστήριμοςъ въ значеніи ничего общаго не имѣетъ съ θαλητή, и означаетъ чревоушца, колдуна. Очевидно, авторъ выбралъ не соответствующій греческій текстъ, а выбрать было не трудно, ибо говорится тутъ же дѣйствительно о колдунахъ. Въ нынѣшнемъ чтеніи: „сътвори капища и *волиѡбники* умножи“...

Ласно—форма непостижимая. Авторъ ставитъ знакъ вопроса, онъ самъ сомнѣвается. Но стоило только со вниманіемъ обратиться къ словарю Востокова, и тамъ онъ нашелъ бы это дѣйствительно въ данной формѣ неизвѣстное слово, но въ формѣ настоящей и единственно возможной: *лайно*, *stercus*. Слѣдов., слово давно извѣстное.

Пораміо—также форма непостижимая и съ тѣмъ же вопросомъ. Очевидно, надо читать *пораміе*, собирательная форма отъ *рамо* плечо, въ греч. ὄρια.

Нарѣчія *посамо*, *потамо* паннонскимъ памятникамъ неизвѣстны только съ предлогомъ.

Пчелильникъ, думаемъ, кроется описка вмѣсто *пчельникъ*. У Миклошича *бчельникъ*, именно *բալիսն* и съ ссылкой именно на данное мѣсто Книгъ Царствъ.

Спреждица въ значеніи пряжка. Здѣсь форма сербскаго письма, почему слѣдовало бы въ корнѣ помѣстить носовой звукъ вмѣсто *e*.

Но если большая часть этихъ словъ по той или другой причинѣ обогатить словаря не могутъ, то есть слова, которыя могли бы попасть въ новое изданіе словаря Миклошича, но авторомъ не указаны, какъ таковыя. Такъ, у Миклошича нѣтъ: *сукеръ*—*սւկար* I, 1, 11, *тимпаньствоваше*—*տիմպանիզան* I, 21, 13. По недоразумѣнію послѣднее слово попало въ списокъ непереведенныхъ: оно стоитъ въ славянской глагольной формѣ, слѣдовательно, освоено языкомъ. Что же касается слова *сукеръ*, то не въ связи ли оно съ сербскимъ *теѣер*, сахаръ? Нѣтъ у Миклошича—*кромитисе*, что не отмѣчено.

II. Слова съ иными значеніями.

Мы того мнѣнія, что и эта группа составлена безъ удовлетворительной критики, почему масса ихъ могла бы безъ всякаго уцѣрба быть выпущена. Къ чему приводить *братіа*? Развѣ уже въ Остромировомъ Евангеліи греч. *οἱ ἀδελφοί* не переводится такъ? Къ чему всѣ эти: *гласъ*, *истънिति* (*λεπτόναι*), *како*, *ключици*, *ковати*, *кросно* и др.? Все это у Миклошича съ тѣмъ же значеніемъ и достаточно обоснованнымъ. Къ чему также и сербская одежда словъ: *клети*, *ледвге*, *лецца*? Если у Миклошича подъ словомъ *лецца* нѣтъ примѣровъ, то только потому, что это не церковно-славянская форма; настоящая форма *лицца*, отчего въ мадьярскомъ *lencse* чечевница. При словѣ *ревеникъ* авторъ, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, имѣлъ бы сослаться на служебникъ патріарха Евѣимія Тырновскаго (по изд. г. Сырку), на „молитву на ископаніе *рвенику*“ (стр. XV), изъ чего ясно, что *ревеникъ*—*ὁ λάχκος*, углубленіе, цистерна.

Но возвращаемся къ главному пункту книги.

Авторъ изслѣдованія только въ началѣ колеблется, говоря только объ „исправленіи, изученіи, приведеніи въ порядокъ книгъ священныхъ“ (ср. стр. 10). Но затѣмъ—крутой поворотъ мыслей: предъ авторомъ уже одинъ *переводъ*, чтобы въ концѣ говорить уже о цѣлыхъ переводахъ и уже прямо на „сербскій“ языкъ (стр. 151).

Но гдѣ же основанія для этого утвержденія?

Г. Попруженко базируетъ на загадочномъ не то свидѣтельствѣ, не то признаніи автора рукописи 1418 года: „преведохъ“, и дѣлаетъ попытку оправдать это чрезъ сличеніе, очную ставку славянскихъ

текстовъ Книгъ Царствъ въ данной рукописи и въ другихъ съ греческимъ оригиналомъ. Въ текстѣ рукописей Синодальной Библиотеки, извѣстныхъ автору по описанію Горскаго, г. Попруженко видитъ одну какъ бы сумятицу: неправильный, путающійся, своевольно отступающій отъ греческаго оригинала переводъ; въ чтеніи же рукописи 1418 года—одно художество (не исключая невозможно выкованныхъ словъ для передачи сложныхъ греческихъ, въ родѣ *матероградникъ* $\mu\eta\rho\tau\omicron\rho\omicron\lambda\iota\kappa\omicron$): переводъ и близкій, и мастерской, свидѣтельствующій, что переводчикъ владѣлъ свободно обоими языками, а этотъ переводчикъ и былъ даскалъ Константинъ изъ Кюнстендила, полагаетъ авторъ.

Въ несогласіе съ утвержденіемъ г. Попруженка мы позволимъ себѣ отмѣтить слѣдующія обстоятельства:

1) Недостаточность отрывковъ изъ синодальныхъ рукописей у Горскаго для произнесенія послѣдняго суда въ настоящемъ спорѣ.

2) Но при всей этой количественной недостаточности, спокойно, безъ предвзятой мысли проанализированные эти отрывки отнюдь не приводятъ къ тому заключенію, что въ нихъ дурной переводъ, работа человѣка, вообще довольно слабо владѣвшаго греческимъ языкомъ: ибо, отнесись авторъ нашего изслѣдованія текста Книгъ Царствъ къ рукописи 1418 года безъ увлеченія, онъ увидѣлъ бы, что разница въ славянскихъ текстахъ можетъ имѣть своимъ источникомъ разницу греческихъ вариантовъ.

Изъ самое дѣлѣ, что выходитъ изъ того, что въ Синодальныхъ спискахъ читается *оправдаю*, а въ рукописи 1418 года *отмщу*, въ соотвѣтствіе греческому $\epsilon\chi\delta\iota\chi\epsilon\omega$? Дѣйствительно ли это — одно изъ свидѣтельствъ того, что въ первыхъ мѣста и не очень трудныя переведены темно или превратно, какъ утверждаетъ г. Попруженко на стр. 56? Отнюдь нѣтъ. Совершенно вѣрно, что $\epsilon\chi\delta\iota\chi\epsilon\omega$ значитъ мщу, наказываю. и вовсе не оправдываю. Но стоитъ только предположить вариантъ $\epsilon\chi\delta\iota\alpha\zeta\epsilon\omega$, чтобы получить желаемый славянскій переводъ—*оправдаю*. При массѣ грескихъ вариантовъ, при легкости мѣны η и α —случай самый ординарный.

Далѣе, г. Попруженко ссылается на якобы чудовищный переводъ греч. $\epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\nu\ \delta\iota\phi\rho\varsigma$ „надвое мысля“ въ Синодальныхъ спискахъ и на правильную передачу этого въ рукописи 1418 года: *на сѣдалищи*. Но не трудно видѣть, что старый переводчикъ смѣшалъ (если не вина варианта) существительное $\delta\iota\phi\rho\varsigma$ и глаголь $\delta\iota\phi\rho\rho\epsilon\omega$ надвое мысля, сомнѣваюсь, при произношеніи о какъ с.

Далѣе. не думаемъ, что въ другомъ мѣстѣ; „ $\mu\omicron\nu\acute{o}\zeta\omega\nu\omicron\iota$ “ не понято,

а переведено по произвольной формации“, именно: „еще живу суцу“. Въмѣсто $\mu\omicron\nu\acute{o}\zeta\omega\nu\omicron\varsigma$ стоялъ, вѣроятно, вариантъ $\mu\omicron\nu\acute{o}\zeta\phi\omicron\varsigma$, *одиноко живущій*, а флексія α принята за флексію дательнаго падежа—ф.

3). Въ текстѣ рукописи 1418 года, помимо традиціонныхъ пріемовъ сербскаго письма (*e, ou* вмѣсто носовыхъ, кое-гдѣ смѣшенія *m* и *n*) и немногихъ отдѣльныхъ реченій (*оузрокъ* вина, *властель ѓ ѓрхун*), *итѣ чертъ сербскаго языка*, то-есть, языка ея автора, переписчика, такихъ, какими богато отмѣчаются иные современные сербскіе памятники, какъ Никольское Евангеліе, рукопись Хвала и др. Въ самомъ дѣлѣ, издатель рукописи Хвала, покойный Даничичъ, на цѣлыхъ 12 страницахъ помѣстилъ указатель случаевъ замѣны α и ϵ сербскимъ *a* (*Starine* Загребской Академіи Наукъ, III, 28 — 40). Припомнимъ и замѣчаніе г. академика Ягича при изданіи только открытаго сербскаго глагольскаго отрывка Гершковича, а отрывокъ, по мнѣнію г. ученаго издателя, относится къ концу XII или къ первой половинѣ XIII вѣка: что въ формахъ имѣется нѣсколько замѣчательныхъ *народныхъ* особенностей или такихъ, которыя, если и не народныя, могутъ легко всего быть объяснены съ точки зрѣнія народнаго языка (*Starine*, XXIV, 1893, *Glagolitica*, II). Какой же послѣ этого это „сербскій“ переводъ, и можно ли такъ крѣпко прилѣпляться къ свидѣтельству автора рукописи, что это переводъ „отъ греческихъ книгъ на сербскіе“?..

4) Въ пользу мнѣнія, что въ рукописи Книгъ Царствъ 1418 года не новый „сербскій“ переводъ, а новая рецензія стараго, при внимательномъ изученіи извѣстнаго греческаго текста, сдѣланная, быть можетъ, и самимъ болгарскимъ даскаломъ Константиномъ изъ Кюстендила, говорятъ и изрѣдка сохранившіеся паннонимы:

а) въ реченіяхъ: *сокачій*, поварь.

б) въ управленіи: *лвъ пристояше тѣлеси*. Впрочемъ, изученіе переводныхъ трудовъ Евенія Тырновскаго, главы школы нашего даскала Константина, напимѣръ, издавнаго г. Сырку служебника, показываетъ, что болгарскій патріархъ былъ изрядный знатокъ языка св. Кирилла: помимо реченія *оустити*, правильно употребляющагося, мы находимъ суффиксъ повелительнаго наклоненія *n* (*изидите*, *примѣте* и пр.). Эти же черты и въ рукописи 1418 года. Та же общность даже въ формѣ предложнаго падежа множественнаго числа на *охъ*.

Но какъ бы то ни было, послѣднее слово можетъ быть произнесено только послѣ столь же тщательнаго совмѣстнаго изученія всѣхъ сохранившихся славянскихъ текстовъ Книгъ Царствъ въ рукописяхъ

старины. До тѣхъ же поръ памятникъ сербской письменности 1418 года все будетъ въ нашихъ глазахъ памятникомъ темной судьбы, пожалуй, загадочнымъ. Г. Попруженко увлекся писательствомъ эпохи деспота Стефана, фигурой доминировавшаго тогда болгарскаго ученаго изъ школы Евѳимія, для нашего автора едва ли не *кирилло-разнаю* (хотя общаго только въ имени), и далъ себя увлечь спутанному показанію виновника рукописи 1418 года, монаха Доскеея изъ Любостыни. Неясности, сомнѣнія онъ не устранилъ. Еслибы не было указанія „прѣведохъ“, едва ли могла быть какая либо рѣчь о *сербскомъ* переводѣ, и едва ли г. Попруженко отнесся бы къ нашей рукописи иначе, чѣмъ какъ относится каждый къ каждой недатированной рукописи. то-есть, судилъ бы о ней только на основаніи внутреннихъ признаковъ—какого языка она, какого времени и мѣста.

Наконецъ, столь же обстоятельно и точно разработана и послѣдняя часть изслѣдованія г. Попруженка—о „тлькахъ“, то-есть, толкованіяхъ, въ самомъ текстѣ и на поляхъ.

Автору предстояла къ разрѣшенію не легкая задача—опредѣлить для толкованій ихъ греческій источникъ среди трудовъ отцовъ церкви и иныхъ, и задача эта выполнена съ успѣхомъ; только немногимъ не указанъ источникъ. Изъ сравнительнаго анализа текстовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что анонимъ 1416 года переводилъ толкованія самъ. Мы лично готовы допустить въ области толкованій новизну работы, но только переводъ скорѣе всего былъ сдѣланъ изъ готоваго греческаго собранія, безъ самостоятельности.

Въ пользу этого допущенія говоритъ рабская, буквальная передача греческаго оригинала, съ полнымъ соблюденіемъ самаго расположенія словъ (ср. стр. 113), отчего перѣдко „толкъ“ выходитъ мало толковымъ, и работу эту могъ вести именно болгарскій ученый Константинъ: ибо именно таковъ стиль самостоятельныхъ его работъ. Но едва ли можно утверждать, что анонимъ (Константинъ) „близко изучилъ трудъ Феодорита“ и выбиралъ свободно: вѣдь для нѣкоторыхъ толкованій изъ Феодорита г. Попруженко не нашелъ греческаго соответствія. Думаемъ, что и различеніе толкованій на черныя и красныя едва ли справедливо: на нашъ взглядъ одна и та же рука дѣлала все, та самая рука, что выводила и термины: *лежеше, сущце*.

Суммируемъ наши замѣчанія.

Еслибы авторъ настоящаго изслѣдованія безъ увлеченія далъ себѣ трудъ еще и еще провѣрить свой текстъ, провѣрить себя и сгруппированный громаднѣйшій матеріалъ, онъ избѣгъ бы утвержде-

нія объ одномъ разнаго, и обратно, былъ бы болѣе интересенъ въ общихъ разсужденіяхъ, не отдалъ бы предпочтенія суммарному приему тамъ, гдѣ требовалось разграниченіе, не былъ бы подавляемъ тамъ, гдѣ могъ бы быть властнымъ хозяиномъ, изъ словаря отбросилъ бы излишнюю и неудачную роскошь, въ области главныхъ положеній былъ бы менѣе рѣшителенъ, но болѣе вѣренъ.

Авторъ положилъ массу серьезнаго труда, но ему какъ будто недостало времени на отдѣлку.

Но недостатки изслѣдованія загадочной рукописи 1418 года восполняются сочувственными сторонами работы: знаніемъ дѣла, вездѣ обнаруживаемою любовью къ серьезному научному труду, умѣньемъ ориентироваться въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ, тщательностью и точностью наблюденій, при чемъ самое изложеніе не страдаетъ монотонностью формы. Авторъ пустилъ въ оборотъ науки памятникъ, который давно ждалъ выхода къ свѣтъ, и при его критическомъ освѣщеніи. Желалось бы, чтобы авторъ, въ довершеніе своей заслуги, принялся и за изданіе самихъ Книгъ Царствъ. Не можемъ, наконецъ, не отмѣтить съ сочувствіемъ и попытки автора—установить связь между дѣятельностью Константина Острожскаго и исправленіемъ текстовъ нашей славянской Библии на Югѣ, вопросъ, который давно заслуживаетъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

Ал. Кочубинскій.

С. Буличъ. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ языкѣ. Часть I. С.-Пб. 1893.

Судьбы церковно-славянскаго языка въ Россіи и церковно-славянскіе элементы въ современномъ русскомъ языкѣ заслуживаютъ вниманія ученаго изслѣдователя въ разныхъ отношеніяхъ. Древне-русскіе переводы съ греческаго, въ родѣ Александріи, хронографа Георгія Амартола, Христіанской Топографіи Козмы Индикоплова, имѣютъ рядъ мнимыхъ церковно-славянизмовъ, въ родѣ *влатъ*, *клаколъ*, представляющихъ такія же передѣлки русскихъ *волотъ*, *колоколъ*, какъ русскія *сорочининъ*, *мороморъ*, *скоротія*—церковно-славянскихъ *срацининъ*, *мраморъ*, *скратія*,—выдѣленіе которыхъ изъ массы дѣйствительныхъ церковно-славянизмовъ необходимо и для лингвистики, и для археологіи. Русскіе тексты средняго періода (XV—XVI вѣковъ) богаты мнимыми церковно-славянизмами другаго рода: прѣвую стражду,

Апостолъ 1495 года; погруждаемъ, Учительное Евангеліе 1514 года; служедаху, Козма Индикопловъ XVI вѣка (по изданію Общества древней письменности); посетется=посѣчется, посещение, Сборникъ XV вѣка (Типографская Библіотека № 1321—439); гръко, мѣза, пѣза, Георгій Амартоль XV вѣка (Публичная Библіотека Q. IV. 35); самовльно, сѣврѣскихъ, Козма Индикопловъ XVI вѣка; грѣши, Евангеліе XVI вѣка (Румянцевскій Музей № 131); клѣко, Сборникъ конца XVI вѣка (Синодальная Библіотека № 937); подобные которымъ, впрочемъ, очень рѣдко, встрѣчаются и раньше: дръждаливый владыка, Святославовъ Сборникъ 1073 года, рядомъ съ неудачными или неполными руссизмами, въ родѣ отпучати, Архангельское Евангеліе 1092 года, л. 117; съ плечьемъ. Житіе Саввы Освященнаго XIII вѣка, л. 31 об.; на сковродѣ, Кормчая XII вѣка (Синодальная Библіотека № 227); злотыникъ, предѣ вроты, плониша, Синайскій Патерикъ XII вѣка; плонъ, плониша, Чудеса Николая Чудотворца XIII—XIV вѣка (Хлудова). И въ тѣхъ, и въ другихъ также необходимо разобраться. Современный русскій языкъ владѣетъ рядомъ словъ, которыхъ принадлежность къ числу церковно-славянизмовъ, не смотря на ихъ церковно-славянскую окраску, кажется сомнительною и которыя нужно привести въ извѣстность и тщательно рассмотреть. Это — широко распространенныя въ русскомъ языкѣ слова: *благой* (капризный, плачущій), *блажить*, *древо* (въ сѣверно-великорусскихъ, бѣлорусскихъ, отчасти малорусскихъ говорахъ при *дерево*, въ нѣкоторыхъ сильно акающихъ южно-великорусскихъ—безъ *дерево*), прилагательныя на *щій*, въ родѣ *работящій*, *гулящій*, *непутящій*, *немудрящій*, *завалящій*, *завалющій*, *плодущій*, встрѣчающіяся въ актахъ московской Руси съ XVI вѣка (гдѣ причастія на *щій* совершенно неизвѣстны). Наконецъ, исторія наполненія церковно-славянизмами великорусскаго живаго языка, прослѣженная по актамъ, и опредѣленіе отношенія числа церковно-славянизмовъ въ однихъ русскихъ говорахъ къ числу ихъ въ другихъ, сдѣланное, конечно, приблизительно, представляютъ большой интересъ и значеніе для исторіи культуры.

Въ виду этого можно лишь радоваться, что г. Буличъ посвятилъ свой трудъ церковно-славянизмамъ русскаго языка. Впрочемъ, онъ отложилъ всѣ вопросы до слѣдующихъ частей своей работы, а въ лежащей передъ нами первой части далъ лишь нѣчто въ родѣ введенія, въ однихъ главахъ слишкомъ обстоятельнаго, въ другихъ, напротивъ, нѣсколько короткаго и неполнаго.

Первая глава настоящей книги говорит о процессѣ заимствованія словъ и отличается общимъ характеромъ; приведенные въ ней примѣры разнаго рода взяты въ огромномъ большинствѣ случаевъ изъ не-славянскихъ языковъ. Она—не что иное, какъ старая статья автора: „Заимствованныя слова и ихъ значеніе для развитія языка“ (въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* 1886 года), перепечатанная безъ существенныхъ измѣненій и дополненій.

Вторая глава посвящена авторомъ обзору литературы предмета. Не смотря на 70 страницъ, ею занимаемыхъ, она лишена всякаго значенія, такъ какъ, по словамъ самого автора, почти все, указанное имъ въ этомъ обзорѣ, „могло остаться безъ вниманія“ (стр. 129).

Значительная часть третьей главы занята обзоромъ морфологическихъ особенностей церковно-славянскаго языка по печатнымъ изданіямъ библіи—острожскому, московскому первопечатному и новѣйшему. Она составляетъ большую половину книги, около 250 страницъ, но не даетъ цѣннаго матеріала, такъ какъ церковно-славянизмы современнаго русскаго языка, почти безъ исключенія, не принадлежатъ морфологій.

Лишь 25 страницъ этой главы, посвященныя фонетическимъ особенностямъ церковно-славянскаго языка, могли бы имѣть значеніе, но эта часть книги г. Булича должна быть признана слабою.

Авторъ положилъ въ основаніе своего ученія объ церковно-славянскомъ языкѣ—языкъ Остромирова Евангелія. При этомъ онъ оставилъ безъ вниманія особенности позднѣйшихъ церковно-славянскихъ текстовъ, явившихся въ Россіи во второй половинѣ XIV вѣка и въ XV вѣкѣ съ славянскаго юга въ очень большомъ количествѣ и отчасти вытѣснившихъ раньше обращавшіеся у насъ сильно обрусѣвшіе церковно-славянскіе тексты. Между тѣмъ особенности этихъ текстовъ имѣютъ огромное значеніе.

Многое изъ того, что авторомъ отмѣчено въ Острожской библіи: *ъ* въ *сѣвѣдѣй*, *сѣвршеніе* и т. п., *рѣ* вмѣсто *ер* въ *срѣпѣ*, *сѣвршенѣ* и т. п., *ей* въ формахъ родительнаго падежа множественнаго числа и именительнаго единственнаго: *дѣтей*, *свиней*, *мужей*, *рождѣйся* и т. п., равно какъ *овомъ* въ формахъ дательнаго падежа множественнаго числа: *сыновомъ*, *боговомъ* и т. п., и *овохъ*, *овтѣхъ* въ формахъ мѣстнаго падежа того же числа: *сыновохъ*, *боговохъ* и т. п.,—объясняется при помощи именно позднихъ текстовъ. Тексты, обращавшіеся у насъ предъ ихъ появленіемъ въ XIV вѣкѣ, обыкновенно имѣютъ *сѣвѣдѣй*, *серпѣ*, *дѣтми*, *сыномъ*, *сынѣхъ* и т. п. (формы дательнаго на *овомъ*

и т. п. никогда не существовали въ живомъ русскомъ языкѣ, и единственное, что мы можемъ отмѣтить въ богатыхъ живымъ элементомъ русскихъ текстахъ, на нихъ похожее, это—форма двойственного числа на *плечеву*, Ипатскій списокъ лѣтописи, стр. 480).

Не мало изъ того, что авторомъ не отмѣчено, можетъ получить объясненіе лишь изъ данныхъ позднихъ текстовъ. Такъ, мы имѣемъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ слово *стога* (оно—также у писателей XVIII и начала XIX вѣковъ, между прочимъ у Гнѣдича), ведущее свое начало отъ *стыгна* позднихъ текстовъ (въ нихъ *ъ* и *о* употребляются смѣшанно, *ъ* по преимуществу въ серединѣ, *о* въ концѣ словъ (сравни: *тоща* Симонова, Евангеліе XVI вѣка Публичной Библиотеки, Q. I. 31). Тексты, написанные у насъ до конца XIV вѣка, но знаютъ *ъ* въ этомъ словѣ, и оно является въ нихъ постоянно съ древнимъ гласнымъ: *стыгна*, *стегпа*; сравни: *стызя*, *стезя*, *до-стигати* и т. п.; старо-польское *ściegna* распутъе (Prace Filologiczne IV, 585). Или, мы имѣемъ слово *зодчий*. Оно также ведетъ свое *о* отъ *ъ* позднихъ текстовъ, замѣнившего собою болѣе древнее *ъ*, *е*, и древнѣйшій видъ этого слова—*зѣдчий*¹⁾ (данныя смотри въ словаряхъ Миклошича и Срезневскаго); сравни *зѣдати*, *зидати*, *зѣдъ*. Или, мы имѣемъ слово *мескъ* (мулъ). Въ нашихъ текстахъ до конца XIV вѣка оно и производныя являются постоянно съ *ъ*, *о* (даже: *мѣцата*, Злато-струй XII вѣка; еще данныя смотри въ словарѣ Миклошича). Или, у насъ есть слова *брение*, *бранный*, *юдоль*, *породивый*, *союзъ*. Наши тексты до конца XIV вѣка знаютъ лишь *бѣрникъ*, *бѣрние*, *бѣрньнѣ*, *бѣрньнѣ*, *удоль*, *уродивый*, *сѣвузь*, *свузь*.

Авторъ выставилъ предположеніе о возможности малорусскаго вліянія на традиціонное церковно-славянское произношеніе и припомнилъ колыбель русской церкви въ Кіевѣ и переселеніе въ XVII вѣкѣ въ Москву кіевскихъ ученыхъ. По его мнѣнію, церковное произношеніе *е* всегда какъ *е*, никогда какъ *ѣ* (тѣнль, не тѣнль), можетъ

¹⁾ Это слово—спеціально церковно-славянское, одно изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ словъ, которыя образованы отъ славянскихъ корней посредствомъ тюркскаго суффикса *чи* и къ которымъ принадлежитъ также перешедшее въ нашъ языкъ *кѣрмичи*. Оно, какъ и *зѣдчий*, въ церковно-славянскомъ языкѣ склонялось одинаково съ *сѣдни*, а у насъ послѣдовало сначала за существительными мужескаго рода: глаголаху *кѣрмичю* (дат. пад.), Козма Индиколовъ XVI вѣка, по изданію Общества древней письменности, л. 15, потомъ за членными прилагательными мужескаго рода. Впрочемъ, у насъ сохранилось еще выраженіе *кѣрмчя* книга (гдѣ *кѣрмчя*—также членное прилагательное); сравни заглавіе Кѣрмчей около 1282 года: книги глаголемья *кѣрмчя*.

быть поставлено въ зависимость отъ малорусскаго произношенія (стр. 144); точно также—церковное произношеніе *ѣ* какъ спиранта (стр. 155). Но Кіевъ XI—XIII вѣковъ, вліявшій на сѣверную Русь.—въ отношеніи своего говора, какъ извѣстно, нѣчто спорное; во всякомъ случаѣ тѣ данныя, которыми мы теперь располагаемъ относительно древне-кіевскаго говора XII—XIII вѣковъ, не обязываютъ насъ думать, что въ немъ не было *ѣ* или что въ немъ было *ѣ* = *h* (сравни наши „Лекціи по исторіи русскаго языка“², стр. 59). А относительно кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ должно прямо сказать, что они вліянія на московскій церковно-славянскій языкъ имѣть не могли по своей малочисленности; да сверхъ того, опущеніе *ѣ* въ *юсподѣ*, *юсподарѣ*, *Боушѣ* (собственное имя) въ сѣверно-русскихъ памятникахъ начинается еще съ XIV вѣка (наши „Лекціи“, стр. 211). Не вѣрнѣе ли относить отсутствіе *ѣ* въ нашемъ церковномъ произношеніи (какъ и сохраненіе неударяемаго *о*) на счетъ вліянія буквы и связывать его съ рѣдкостью *ѣ* въ исходѣ стиховъ у писателей XVIII и начала XIX вѣковъ (напримѣръ, у Карамзина, въ одѣ къ Волгѣ, принимаются осетръ и вѣтръ, ревомъ и гнѣвомъ)? Не слѣдуетъ ли встрѣчающееся церковное произношеніе *ѣ* какъ спиранта считать происходящимъ отъ того, что пѣвцы при пѣніи вообще предпочитаютъ придумное *h* взрывному *g*?

Наконецъ, у г. Булича есть нѣкоторое количество мелочей, о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

„Церковное чтеніе на распѣвъ, читаемъ мы на страницѣ 135. съ яснымъ отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ, производитъ вліяніе на обычное произношеніе лицъ, читающихъ такимъ образомъ, такъ что у весьма многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовнаго званія можно встрѣтить произношеніе гласныхъ, отличное отъ общепринятаго (московскаго) и называемое въ просторѣчій разговоръ на *о*. Въ числѣ прочихъ отличительныхъ признаковъ типа *семинариста*, извѣстнаго изъ жизни и литературы, непремѣнно присутствуетъ и это произношеніе“ Мы никогда ни сами, ни отъ другихъ не слышали объ оканьѣ какъ „семинарской манерѣ“; сверхъ того, какъ извѣстно, лица духовнаго происхожденія, но не духовнаго званія, употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы отстать отъ „семинарскихъ манеръ“ и скрыть слѣды своего происхожденія.

„Спирантное произношеніе церковно-славянскаго *ѣ*, перешедшее въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ русскій языкъ,—говоритъ авторъ (стр. 154),—отражается и въ языкѣ многихъ лицъ духовнаго званія

или происходящихъ изъ духовенства. Такое произношеніе встрѣчается довольно часто у означенныхъ лицъ". Мы никогда не примѣчали ничего подобнаго, и потому *h* въ нѣсколькихъ словахъ московскаго говора не можемъ объяснять такъ, какъ объясняетъ авторъ.

Наше *ш*, по автору (стр. 152), имѣетъ звуковое значеніе *š'č'*, а сочетаніе буквъ *жд* (дожди) и *жж* (ѣзжать)—звуковое значеніе *ž'dž*, (*dž*—дифтонгъ). Мы у лицъ вполне владѣющихъ литературнымъ языкомъ, русскихъ по происхожденію, не замѣчали такого произношенія *ш* и *жд*, *жж*; мы знаемъ лишь произношеніе *ш* какъ двойнаго мягкаго *ш*, *жд*, *жж*—какъ двойнаго мягкаго *ж*. Равнымъ образомъ намъ не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь изъ образованныхъ людей произносилъ *подожди*, *ждешь*, *рождество* съ *ž'dž'* (о чемъ говоритъ авторъ на стр. 152).

Звукъ *ч* въ словѣ *чепь* авторъ считаетъ однимъ изъ слѣдовъ русскаго діалектическаго вліянія на церковно-славянскую фонетику (стр. 156). Но *ч* въ этомъ словѣ и родственныхъ, какъ и въ словѣ *чапля*, принадлежитъ не только всему русскому языку, то-есть, находится въ разныхъ русскихъ говорахъ, не знающихъ мѣны *ц* и *ч*,—но и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Конечно, *ц* въ *цѣнь*, *цѣпкій* и т. п. можетъ быть объясняемо различію (сравни съ одной стороны бѣлорусскія *зачѣпа*, *зачѣпка* съ *е*, не *ѣ*, съ другой употребленіе въ *чепь* буквы *ч* въ *московскихъ* текстахъ XVI, XVII, даже начала XVIII вѣковъ, рядомъ съ средне-болгарскимъ *прицѣпнѣти*, Слѣпченскій Апостолъ XII вѣка Публичной Библіотеки, лл. 16, 16 об.); но *ч* въ нашемъ литературномъ *цапля* несомнѣнно заимствовано изъ какого-то цокающаго говора (сравни наши „Лекціи“, стр. 129).

Г. Буличъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ лингвистовъ, которые не употребляютъ названія *двойные* согласные и говорятъ о согласныхъ *долгихъ*, даже тогда, когда передъ ними согласные взрывные (мгновенные). Нѣтъ сомнѣнія, что придумныя (длительныя) *ш* въ *роща*, *ж* въ *вожжи*, *с* въ *боисса* (2-е лицо) должны быть названы скорѣе долгими, чѣмъ двойными, но неужели взрывныя *т* въ *оттуда* и *д* въ *поддакивать* заслуживаютъ названія долгихъ согласныхъ? Вѣдь при произношеніи ихъ мы дѣлаемъ два взрыва, сильный и слабый, и оно можетъ быть сравнено съ произношеніемъ двойнаго *а*, а не долгаго *а*? Вѣдь въ *мяжкій* и т. п., въ *пѣсельникъ*, *свящельникъ* и т. п. мы имѣемъ дѣло съ диссимиляціей согласныхъ?

А. Соболевскій

И. Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в. Москва. 1894.

Настоящее изслѣдованіе г. Миклашевскаго распадается по своему содержанію на двѣ части. Въ первой (состоящей изъ одной главы) авторъ считается съ установившимися въ литературѣ взглядами на древнія земельныя мѣры и на достовѣрность, какъ источника, писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Во второй (состоящей изъ четырехъ главъ) онъ даетъ тѣ картины изъ сельско-хозяйственнаго быта южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ, которыя и были прямой цѣлью его настоящаго труда. Придерживаясь принятаго имъ порядка, мы и рассмотримъ послѣдовательно обѣ половины его изслѣдованія, а на изложеніи второй изъ нихъ, какъ представляющей собой именно то, что авторъ хотѣлъ повѣдать ученому міру, мы остановимся подробнѣе, при чемъ будемъ тщательно извлекать изъ контекста всѣ мало-мальски цѣнныя и новыя въ нашей литературѣ мысли и обобщенія автора.

I.

Изложивъ въ предисловіи (стр. 1—20) нѣкоторыя общія свѣдѣнія о заселеніи и значеніи для Московскаго государства его южной окраины, авторъ затѣмъ переходитъ къ нѣкоторымъ подробностямъ въ строительной дѣятельности правительства на этой окраинѣ (стр. 20—28). Эти подробности, весьма интересныя, не отличаются однако большою новизной, такъ какъ почти цѣликомъ почерпнуты изъ извѣстныхъ работъ по этому предмету Бѣляева и г. Багалѣя. Затѣмъ авторъ считаетъ необходимымъ перейти къ общимъ вопросамъ о свойствахъ матеріала, которымъ онъ пользовался, но при этомъ почему-то только одной части его, именно писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Характеристику столбцовъ Бѣлогородскаго стола, не менѣе часто фигурирующихъ въ его примѣчаніяхъ и почти не встрѣтившихъ еще себѣ оцѣнки на страницахъ русско-исторической литературы, авторъ совершенно опустилъ, оставивъ въ читателѣ недоумѣніе, почему книги кадастра, пачиная съ 1869 года ¹⁾ постоянно служація предметомъ толковъ въ ученой литературѣ, заставили г. Миклашевскаго посвя-

¹⁾ См. въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1869, апрѣль, стр. 825—837, выдержки изъ одного доклада Н. В. Калачова.

тить имъ около 35 страницъ предпочтительнаго вниманія. Это отступленіе, будучи слишкомъ велико сравнительно съ объемомъ всей книжки ¹⁾, чрезчуръ мало сравнительно съ важною и сложностью тѣхъ вопросовъ, которые въ немъ затрогиваются. Для того, чтобы успѣшно полемизировать съ сочиненіемъ, твердо и глубоко стоящимъ на исторической дѣйствительности, приходится обыкновенно самому производить новое самостоятельное изслѣдованіе, какимъ и оказалась, напримѣръ, рецензія извѣстнаго изслѣдованія А. С. Лаппо-Данилевскаго, написанная П. Н. Милюковымъ. Между тѣмъ, чтобы оспаривать положенія г. Миклашевскаго, относящіяся къ общимъ вопросамъ социально-экономической исторіи Московскаго государства, достаточно, по нашему мнѣнію, тѣхъ матеріаловъ, которые уже опубликованы и выдвинуты его предшественниками. Мало того, самъ г. Миклашевскій иногда не вполне владѣлъ даже своимъ собственнымъ матеріаломъ, такъ что приходится имъ же пользоваться, чтобы придти къ почтенному автору на помощь для поддержки его справедливаго мнѣнія. Таково положеніе рецензента, напримѣръ, относительно предположенія г. Миклашевскаго, что изъ выраженія „а въ дву по тому жъ“ нельзя еще заключать о трехпольности хозяйства въ описываемой мѣстности. Съ теоретической точки зрѣнія, дѣйствительно трудно себѣ представить, чтобы хозяйства тѣхъ полувойновъ-полуземледѣльцевъ, которыми населена была южная окраина Московскаго государства, при постоянныхъ военныхъ тревогахъ, а также при обилии цѣлны, велись по трехпольной, а не переложной, системѣ. Въ подтвержденіе своего предположенія г. Миклашевскій приводитъ случаи описанія „въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ“ дикаго поля (иногда поросшаго лѣсомъ „въ колъ и въ жердь“) и сѣнныхъ покосовъ. Эти примѣры однако не достаточно убѣдительны, такъ какъ они, можетъ быть, показываютъ только то, что тутъ дикое поле и сѣнные покосы прежде входили въ составъ пашни и, быть можетъ, будучи означены по системѣ трехпольнаго описанія въ старыхъ писцовыхъ книгахъ, въ такомъ же видѣ залесены ради удобства и однообразія со счетомъ пашни и въ новыя. Въ этомъ случаѣ выраженіе „а въ дву по тому жъ“ является уже не простымъ метрическимъ приемомъ, какимъ оно представляется г. Миклашевскому, а косвеннымъ показателемъ существованія трехпольнаго сѣвооборота

¹⁾ Вместе съ предисловіемъ (20 стр.), но безъ приложений, въ ней 236 страницъ.

въ прошломъ этого дикаго поля и въ настоящемъ положеніи того хозяйства, къ составу котораго это поле принадлежитъ. Для болѣе полнаго доказательства своей гипотезы г. Миклашевскому слѣдовало привести такой примѣръ, который показывалъ бы, что именно *пашня*, описанная „въ одномъ полѣ, а въ дву по тому жъ“, на самомъ дѣлѣ не входила въ кругъ трехпольнаго сѣвооборота. И такой примѣръ, по нашему мнѣнію, есть въ книгѣ г. Миклашевскаго, но только въ другомъ мѣстѣ. Мы имѣемъ въ виду именно ту цитату изъ писцовой книги по Ливнамъ (Арх. мин. юст.), которая приведена въ прим. 2-мъ на стр. 15-й и въ которой говорится, что писецъ Иванъ Мамечкинъ да подъячій Тимофей Семеновъ отняли у нѣкоторыхъ пушкарей *третье поле и стѣнные покосы* и дали одному казаку, Кондрашкѣ Петрову. Изъ этого мѣста видно, что третье поле не было существенной принадлежностью полеваго сѣвооборота, если его можно было отдѣлить отъ двухъ ислей и дать совершенно постороннему человѣку. Конечно, будучи взято отдѣльно, и оно допускаетъ возможность другаго толкованія: не лишено было бы правдоподобія предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло просто на просто съ чиновничьимъ произволомъ, который не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ никакими жизненными рамками. Но это же мѣсто, взятое вмѣстѣ съ приведенными г. Миклашевскимъ примѣрами дикаго поля и сѣнокосовъ, уже становится во главѣ оппозиціи установившемуся, съ легкой руки составителей писцовыхъ книгъ, взгляду на распространенность трехпольнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ это показаніе памятника отброшено г. Миклашевскимъ въ примѣчаніе къ другому мѣсту, а тамъ, гдѣ оно болѣе всего нужно, даже не упомянуто.

Я не беру на себя обязанности пересмотрѣть все затронутые авторомъ и неправильно истолкованные имъ вопросы. Ограничусь указаніемъ лишь нѣкоторыхъ замѣченныхъ мной промаховъ.

На стр. 28—29 г. Миклашевскій старается доказать, что соха и обжа были даже въ первоначальномъ своемъ значеніи единицы пространственныя. Главною опорой ему въ этомъ мнѣніи служить слѣдующее выраженіе одной грамоты изъ „Актовъ Юридическихъ“ отъ 1503 года: „Се азъ князь пожаловалъ есми Злобу Васильева сына, освободилъ есми ему на Вологдѣ купити земли *на соху*“. Между тѣмъ примѣненное тутъ выраженіе „на соху“ опредѣляетъ или цѣль (отвѣтъ на вопросъ „на что?“), или, если размѣры покупки, то въ такомъ неопредѣленномъ видѣ, какой не имѣетъ ничего общаго съ

понятіемъ о *мѣрѣ*. Это видно изъ дальнѣйшаго содержанія купчей, совершенной вслѣдствіе даннаго Леонтію Злобѣ княжескаго разрѣшенія: „Се азъ Левонтей Злоба Васильевъ сынъ купилъ есми у Онтипки у Васильева сына пустошь Минѣевскую, со всѣмъ, что къ той пустоши потягло изъ старины, *куда плугъ ходилъ, куда топоръ ходилъ*; а отнюдь пустоши *по старымъ междамъ*; а даль есми на ней пятьдесятъ алтынъ да пополюшка овцу. А на то послуси“ и т. д. ¹⁾. Если соха уже въ то время была пространственною мѣрой, то странно, что въ купчей ее не упомянули, а предпочли ей разныя неопредѣленныя выраженія; кромѣ того, она включала бы тогда въ свой составъ не только пашню, но и лѣсъ и воды и вообще все угодыя „что потягло изъ старины“, между тѣмъ какъ такое представленіе о сохѣ противорѣчитъ даже тѣмъ ея опредѣленіямъ, которыя даны самимъ г. Миклашевскимъ и которыхъ мы коснемся ниже. При томъ величина этой мѣры колебалась бы въ разныхъ случаяхъ въ зависимости отъ такихъ случайныхъ житейскихъ явленій, какъ работа плуга, топора и косы, чѣмъ, конечно, уничтожалось бы за ней значеніе опредѣленной пространственной единицы или мѣры. Такимъ образомъ, и приведенный г. Миклашевскимъ въ пользу своей гипотезы примѣръ присоединяется къ тѣмъ изслѣдованіямъ объ обжѣ и сохѣ, въ которыхъ констатировано съ достаточной убѣдительною, на массѣ примѣровъ, не допускающихъ двоякаго толкованія, что обѣ вышеназванныя единицы обложенія характеризовались сначала количествомъ находящейся при нихъ рабочей силы и лишь впоследствии пространственными размѣрами распашки. Установленіе связи между понятіемъ сохи или обжи и опредѣленными земельными размѣрами произошло уже, какъ послѣдняя стадія развитія этого понятія. Въ самомъ началѣ, соха, плугъ и пр., какъ пространства, соотвѣтствующія работѣ орудій давшихъ имъ имя, не могли быть, по природѣ своей, одинаковы въ разныхъ случаяхъ. Они видоизмѣнялись въ зависимости отъ сопротивляемости почвы рабочему орудію, количества работающихъ людей и животныхъ, количества дней въ году, способствующихъ или мѣшающихъ работѣ, словомъ—многихъ разнообразныхъ условий. А въ такомъ случаѣ гдѣ же тутъ мѣсто значенію пространственной мѣры?

Г. Миклашевскій высказываетъ дальше догадку, что соха и обжа, какъ пространственныя мѣры, соотвѣтствовали „известному количе-

¹⁾ А. Ю. № 9.

ству труда, которое затрачивалось въ извѣстный промежутокъ времени (*надо думать — въ одинъ день*) однимъ или нѣсколькими рабочими для обработки пашни“ (стр. 30). Сужденіе объ одномъ днѣ, поставленное нѣсколько нерѣшительно въ скобки, представляетъ собою довольно крупное недоразумѣніе и смѣло могло бы быть вовсе исключено изъ состава приведенной фразы. Уже выраженіе „на соху“, которое мы выше разобрали, показываетъ, что первоначальное пространство „сохи“ есть совокупность всей земли, распаханной этимъ орудіемъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и та значительная величина, съ которой мы застаемъ соху и обжу на историческомъ горизонтѣ. Въ своей статьѣ объ обжѣ ¹⁾ я подвелъ итоги количеству обожъ и дворовъ въ нѣсколькихъ, на удачу взятыхъ, погостахъ Вотской пятины по переписной книгѣ, напечатанной въ XI книгѣ „Временника Московскаго Общества Исторіи и Древностей“. Вотъ сколько оказалось ихъ въ четырехъ погостахъ, Городскомъ, Ильинскомъ, Пѣсотскомъ и Теребожьскомъ: дворовъ — 524, обожъ—584. Изъ этихъ двухъ цифръ видно совпаденіе подворнаго начала съ обожнымъ и обозначеніе обжею совокупности всей пашни вспаханной силами одного двора черезъ посредство одного земледѣльческаго орудія. Такъ какъ по той же переписной книгѣ среднимъ числомъ приходится по $3\frac{1}{2}$ коробей ржи посѣва на обжу ²⁾, то, считая коробью равной двумъ четвертямъ, найдемъ, что ржаное поле въ обжѣ равнялось въ среднемъ $3\frac{1}{2}$ десятинамъ. Если же предположить, что въ началѣ XVI вѣка въ Новгородской области господствовало уже трехпольное хозяйство ³⁾, то размѣры посѣва слѣдуетъ опредѣлить въ 7 десятинъ. Между тѣмъ самъ же г. Миклашевскій на стр. 233-й своего сочиненія говоритъ, что „подготовка десятины земли къ посѣву ржи требовала 4,3 рабочихъ дни нахарей“. Принимая во вниманіе, что двукратная вснашка подъ рожь требуетъ приблизительно вдвое болѣе труда нежели весенняя подъ ярь, мы получимъ слѣдующее число рабочихъ дней для вснашки обоихъ полей обжи $(4,3 + 2,15) \times 3\frac{1}{2} = 22\frac{3}{4}$ раб. дни, или около 23 дней. Еще болѣе рабочихъ дней приходится, значить, на соху, которая обыкновенно равнялась тремъ обжамъ. Такимъ образомъ, предположеніе г. Миклашевскаго о соответствіи упомянутыхъ мѣръ труда одному или нѣ-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1892, августъ, стр. 232.

²⁾ Тамъ же, стр. 237.

³⁾ Тамъ же, стр. 234—236.

сколькимъ рабочимъ днямъ оказывается, при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло, не вѣрнымъ.

Особенно ярко и полно отразились недостатки первой части работы г. Миклашевскаго на томъ ея отдѣлѣ, который посвященъ обзору недостатковъ писцовыхъ книгъ, какъ историческаго матеріала. Г. Лаппо-Данилевскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи объ организаціи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ высказываетъ по этому предмету, что „писцовыя книги не могутъ служить вполне удовлетворительнымъ источникомъ; сообщаемыя ими свѣдѣнія почти всегда слѣдуетъ считать за минимумъ того, что должно было быть“ (стр. 214). Г. Миклашевскій, сознавая, что ничего не можетъ прибавить къ этому выводу своего предшественника, вноситъ однако свою лепту въ его аргументацію, но неудачно, такъ что вся эта прибавка служитъ скорѣе къ ослабленію, чѣмъ къ укрѣпленію вывода. Вотъ соображенія, которыя почтенный авторъ приводитъ въ видѣ доказательствъ:

„Сказка“ (говоритъ онъ), надо думать, господствовала въ этой области, и писцы должны были встрѣчаться съ массой лжи при опросѣ населенія, прямо заинтересованнаго показывать меньшее количество пашни, чѣмъ то, какое имѣлось въ дѣйствительности, чтобы не подвергаться еще большому обложенію“ (стр. 62). Въ служилыхъ людяхъ г. Миклашевскій усматриваетъ „естественное стремленіе показывать, что у даннаго лица находится во владѣніи гораздо меньше земли, чѣмъ то слѣдуетъ, „противъ окладу“, ибо, обманувъ писца, можно было уже съ документомъ въ рукахъ просить о дополненіи земельного надѣла“ (тамъ же). Наконецъ, авторъ напираетъ на ошибки московскихъ землеѣровъ въ вычисленіи площадей; онъ приводитъ случаи измѣренія треугольниковъ, трапецій, четырехугольниковъ вообще, случаи дѣйствительно рѣзкаго уклоненія отъ истины, но г. Миклашевскій не прослѣдилъ — въ какую именно сторону. А между тѣмъ въ заключеніи онъ и изъ геометрическихъ промаховъ выводитъ, что „цифры, выражающія величину поземельныхъ владѣній XVII вѣка скорѣе преуменьшены, чѣмъ преувеличены въ писцовыхъ книгахъ“ (стр. 63).

Вотъ все, что онъ приводитъ въ пользу своего положенія. Разберемъ эти доводы по существу.

Свой примѣръ „служилаго человѣка“ самъ же авторъ опровергаетъ на той-же страницѣ, на которой на него опирается. Именно, онъ указываетъ, что, по его наблюденіямъ, въ большинствѣ случаевъ

„дача“ была гораздо меньше оклада слѣдующаго по службѣ. Между тѣмъ, разъ будетъ считаться фактъ недодачи земли до законнаго оклада повсемѣстнымъ явленіемъ, то повсемѣстнымъ же придется признать и отсутствіе того эгонистическаго импульса давать ложныя показанія, который приписываетъ авторъ служилымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ: повсемѣстность явленія недодачи говоритъ о какой-то общей причинѣ этого явленія. Тутъ, можетъ быть, играло роль отсутствіе земельного матеріала, хотя вѣрнѣе предположить, напротивъ незаинтересованность служилыхъ людей въ додачѣ, напримѣръ, на южной окраинѣ: всѣ эти стрѣльцы и затишники распахивали сами очень мало; людей же не военныхъ, истыхъ землепашцевъ, окраина привлечь не могла и не привлекала, какъ это видно изъ стр. 203 — 207 разсматриваемаго труда. Въ такомъ случаѣ, когда даже прямое право служилыхъ людей обыкновенно не было удовлетворено, какую пользу могли имъ принести и какую приманку имѣть невѣрныя показанія?

Мотивы для дачи невѣрныхъ показаній г. Миклашевскій привелъ только относительно служилыхъ людей, тогда какъ послѣдствія этихъ невѣрныхъ показаній онъ распространилъ на свойства вообще всѣхъ писцовыхъ книгъ. Такъ какъ при этомъ онъ ни на что не ссылается, то это распространеніе вывода является ничѣмъ не обоснованнымъ логическимъ скачкомъ. Владѣльцы другаго рода земель заинтересованы были скорѣе въ противоположномъ. Напримѣръ, въ случаѣ спора съ сосѣдомъ о границахъ имѣній, неправильныя свѣдѣнія, данныя вотчинникомъ, обращались бы на его голову. „Писцамъ вообще—какъ справедливо замѣчаетъ г. Миклашевскій на стр. 57-й—писать приходилось очень много, меньше жежевать и еще меньше мѣрить“. Но въ случаѣ распри о границахъ жежеваніе и измѣреніе несомнѣнно выступали на первый планъ и тогда вотчиннику были бы отведены тѣ границы, которыя вытекалы бы изъ его показаній въ писцовыхъ книгахъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вотчинники были заинтересованы скорѣй въ преувеличеніи на словахъ своихъ надѣловъ, чѣмъ въ преуменьшеніи ихъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ соображеній, обобщеніе г. Миклашевскаго должно наткнуться на тотъ размножившійся къ концу XVI вѣка типъ писцовыхъ книгъ, въ которыхъ свѣдѣнія о количествѣ земли сопровождаются ссылками на какіе-нибудь документы, купчія, данныя и пр. грамоты. Нѣкоторыя книги представляютъ собою совершенство въ этомъ родѣ, состоя почти исключительно изъ свѣдѣ-

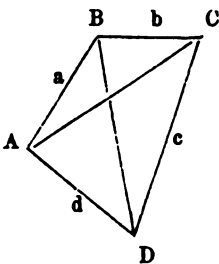
ній основанныхъ на документахъ ¹⁾. Въ этихъ случаяхъ сказка почти вовсе теряла то господствующее значеніе, которое приписываетъ ей г. Миклашевскій. Но больше всего подтачивается обобщеніе г. Миклашевскаго—последнимъ приведеннымъ имъ доводомъ—именно объ ошибкахъ при измѣреніи земель.

Геометрическія познанія землемѣровъ XVI и XVII вѣковъ представляютъ собою смѣшеніе вѣрныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній. Вѣрныя сосредоточивались исключительно въ небольшой области простѣйшихъ и наиболѣе правильныхъ фигуръ, невѣрныя — въ огромной сравнительно области неправильныхъ фигуръ съ непрямыми углами и неравными другъ другу сторонами. Площадь треугольника книги сошнаго письма опредѣляли полупроизведеніемъ меньшихъ сторонъ. Это вѣрно для прямоугольнаго треугольника, у котораго обѣ меньшія

¹⁾ Какъ на образчикъ такого типа книгъ я могу указать на списокъ съ писцовой и межевой книги (времени Фед. Ин.) землямъ Троицы Сергіева монастыря въ станахъ: Горетовѣ, Сурожскомъ, Манатынѣ, Быковѣ, Коровинѣ и др., напечатанную въ изданіи Географическаго общества, отд. I, ч. I, стр. 53 и слѣд. Въ этой книгѣ при разсмотрѣніи права владѣнія появляются уже такія разсужденія: „а въ приправочныхъ книгахъ не написано, а владѣютъ троицкіе старцы, а данныя на нее не положили, а положили купчую княгини Олены Мещерскіе, что она купила себѣ тое вотчинную пустошь у княгини у Марьи Оболенсково въ 48 г., а на купчей въ монастырь дача не подписана жъ“ (тамъ же, стр. 59). Изъ этого мѣста видна въ писцахъ система спрашиванія и разсматриванія документовъ по вопросу о правѣ владѣнія. Но эта же книга обнаруживаетъ въ писцахъ приемъ опроса свидѣтелей, когда описъ переходятъ къ вопросу о состояніи полеваго хозяйства и когда въ *предыдущей приправочной* книгѣ нѣтъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній: „а порознь—говорится на той же страницѣ упомянутаго изданія—про село, и про деревню, и про пустоши, про нашу и про сѣно и про всякія угодыя спросити было некого, старожилцовъ и знатниковъ тутошнихъ и стороннихъ людей нѣтъ. А въ приправочныхъ книгахъ наша въ сельцѣ и по пустошамъ порознь не росписано жъ“. Особенно подробное разсужденіе о владѣльныхъ документахъ см. въ той же кн. на стр. 65 (изданія) при описаніи сельца Власьева. Въ упомянутомъ мной изданіи не мало книгъ такого типа; см., напримѣръ, списокъ съ писцовой кн. 7093 и 7094 гг. помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ Сурожскомъ, Горетовѣ и др. письма и мѣры Тимоея Андреевича Хлопова съ товарищи (стр. 96 и слѣд.). Разсмотрѣніе этихъ книгъ убѣждаетъ, что *общіе размыры* земельного участка, того, что „потягло“ къ деревнѣ или къ пустоши, опредѣлялись въ нихъ и съ помощью тщательнаго разбора владѣльныхъ документовъ; состояніе полеваго хозяйства и число населенія опредѣлялось въ подробностяхъ по предыдущимъ описямъ и по опросу „старожилцовъ и знатниковъ тутошнихъ и околныхъ людей“. Въ послѣднемъ случаѣ сказка уже лишилась того сомнительнаго характера, который былъ бы ей присущъ, еслибы она исходила изъ устъ заинтересованныхъ людей.

стороны, катеты, составляют основаніе и высоту. Но если въ неправильномъ треугольникѣ можно одну меньшую сторону принять за основаніе, то другая никакъ ужъ не составитъ высоты. Она будетъ *болѣе* высоты, а такъ какъ площадь неправильнаго треугольника равняется полупроизведенію основанія на высоту, то, слѣдовательно, истинное выраженіе площади этой фигуры будетъ менѣе выставяемаго писцами. Площадь трапеціи выражается писцами въ видѣ произведенія полусуммы параллельныхъ сторонъ на одну изъ непараллельныхъ. Эта формула не вѣрна ни въ какомъ случаѣ, ни для правильной, ни для неправильной трапеціи. Чтобы получить истинное выраженіе площади, въ него должна быть принята въ качествѣ множителя высота трапеціи вмѣсто непараллельной стороны, иначе: перпендикуляръ вмѣсто наклонной; слѣдовательно, площадь и трапеціи тоже выражена писцами въ преувеличенномъ видѣ. Третій и послѣдній примѣръ геометрическаго невѣжества писцовъ, приведенный г. Миклашевскимъ, касается площади четырехугольника вообще. Книги сошнаго писца измѣряли эту фигуру произведеніемъ полусуммы противоположныхъ сторонъ. Такою формулой дѣйствительно выражается площадь простѣйшихъ видовъ этого рода фигуръ, напримѣръ, квадрата и прямоугольнаго четырехугольника. Всякое осложненіе ведетъ за собой уже неправильности. Такъ, параллелограммъ выражается уже произведеніемъ одной какой-нибудь стороны (или, что то же, одной полусуммы противоположныхъ сторонъ) на высоту, которая менѣе другой стороны параллелограмма (или, что то же, другой полусуммы противоположныхъ сторонъ). Такимъ образомъ выраженіе площади параллелограмма, даваемое сошными книгами, опять болѣе истиннаго. Точно также оно болѣе истиннаго въ примѣненіи ко всякому неправильному четырехугольнику ¹⁾.

¹⁾ Чтобы не быть голословнымъ приведу тригонометрическое доказательство этому.

Площадь изображеннаго здѣсь неправильнаго четырехугольника книги сошнаго писца выражаютъ формулой:

$$\frac{(a+c)(b+d)}{4}$$

Раздѣливъ четырехугольникъ ABCD діагоналями и назвавъ площадь его буквой S, мы получимъ, по известной тригонометрической формулѣ площадей треугольниковъ, два равенства:

- 1) $S = \frac{1}{2} ad \sin A + \frac{1}{2} bc \sin C$
- 2) $S = \frac{1}{2} ab \sin B + \frac{1}{2} cd \sin D.$

Не будучи знакомы съ системой Евклидовской геометріи и съ тригонометріей, землемеры XVI вѣка не могли установить размѣры площадей неправильныхъ фигуръ. Зная эмпирически площади правильныхъ фигуръ, они распространили формулы этихъ площадей на всѣ однородныя неправильныя фигуры. Площадь неправильнаго треугольника они стали измѣрять какъ площадь прямоугольнаго, то-есть, полупроизведеніемъ меньшихъ сторонъ; площадь неправильнаго четырехугольника — произведеніемъ полусуммъ противоположныхъ сторонъ, то-есть, какъ площадь прямоугольнаго. Между тѣмъ отношеніе площади къ периферіи достигаетъ высшихъ размѣровъ именно въ прямоугольныхъ фигурахъ ¹⁾ и, слѣдовательно, общій приемъ въ измѣреніи неправильныхъ фигуръ, принятый книгами сошнаго письма, влечетъ за собой непремѣнно преувеличеніе дѣйствительныхъ размѣровъ площадей неправильныхъ фигуръ.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ неосторожно сдѣлано заключеніе г. Миклашевскаго о послѣдствіяхъ геометрическаго невѣжества составителей сошныхъ книгъ. Вообще недостатки всей первой части изслѣдованія г. Миклашевскаго простираются, главнымъ образомъ,

Сложивъ оба равенства, освободивъ отъ скобокъ и раздѣливъ на 2 получившееся выраженіе, мы получимъ:

$$S = \frac{ad \sin A}{4} + \frac{bc \sin C}{4} + \frac{ab \sin B}{4} + \frac{cd \sin D}{4}$$

Обозначивъ площадь получаемую книгами сошнаго письма буквой S' и освободивъ отъ скобокъ ихъ формулу, мы получимъ:

$$S_1 = \frac{ad}{4} + \frac{bc}{4} + \frac{ab}{4} + \frac{cd}{4}$$

Сравнивая вторя часть только что полученныхъ нами равенствъ, мы замѣтимъ, что каждый членъ перваго четырехчлена отличается отъ соотвѣтственнаго члена втораго только синусомъ угла. Между тѣмъ, по условію, нашъ четырехугольникъ неправильный, то-есть, углы его не равны прямымъ, слѣдовательно, синусы ихъ менѣе единицы, а отсюда вытекаетъ, что каждый членъ перваго четырехчлена будетъ меньше соотвѣтственнаго члена втораго, а слѣдовательно, и S (истинное выраженіе площади четырехугольника) будетъ меньше S₁ (выраженія длаемого сошными книгами). Это общее положеніе, очевидно, не измѣнится и въ томъ частномъ случаѣ неправильнаго четырехугольника, когда одинъ или два угла окажутся въ немъ прямыми и синусы ихъ равными единицѣ.

¹⁾ Въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что площади всѣхъ однородныхъ фигуръ (правильныхъ и неправильныхъ) могутъ быть выражены въ видѣ дѣльныхъ или дробныхъ произведеній сторонъ на синусы угловъ. Если при равныхъ сторонахъ будутъ измѣняться только углы, то, разумѣется, тригонометрическое выраженіе площади достигнетъ максимума въ томъ случаѣ, когда углы, входящіе въ составъ этого выраженія, будутъ прямые.

отъ нѣсколько поверхностнаго прикосновенія къ тѣмъ важнымъ „спорнымъ вопросамъ русской финансовой исторіи“, которые имѣютъ уже свою собственную исторію въ русской исторической литературѣ и по которымъ успѣшно полемизировать можно не иначе, какъ на почвѣ новыхъ извлеченныхъ изъ архивовъ фактовъ.

II.

Со второй главы своего сочиненія г. Миклашевскій вступаетъ уже на „свою“ почву, въ сферу бытоваго устройства южной окраины. По замѣчанію П. Н. Милокова ¹⁾, на сколько первая часть разсматриваемаго сочиненія черезчуръ ужъ богата выводами, на столько вторая черезчуръ ужъ бѣдна ими. Это совершенно вѣрно отмѣченное обстоятельство даетъ намъ возможность, при ознакомленіи читателя со второй частью, коснуться почти всѣхъ сдѣланныхъ въ ней авторомъ обобщеній, безъ боязни чрезмѣрно увеличить размѣръ настоящей замѣтки.

Сначала, на стр. 65—78, авторъ описываетъ устройство г. Бѣлгорода, обязанности по сторожевой и разъѣздной службѣ поселенныхъ въ немъ служилыхъ людей, а также способы ихъ земельнаго испомѣщенія. Точно такія же картины послѣдовательно даются г. Миклашевскимъ относительно другихъ центровъ южной окраины: Воронежа (стр. 78—84), Оскола (стр. 84—86), Валукъ (86—94) и Путивля (94—101). Какъ уже можно замѣтить изъ приѣма поочереднаго описанія отдѣльныхъ городовъ и какъ это подтверждается при ближайшемъ изученіи текста сочиненія,—эти картины представляютъ собой конкретный матеріалъ, исполненный частностей всякаго рода и лишь изрѣдка оживляемый замѣчаніями общаго характера. Исслѣдователь, желающій возвыситься до знанія общихъ чертъ городского быта южной окраины, постарался бы составить изъ этихъ отдѣльныхъ картинъ одну общую, откинувъ частности, не характерныя для общей картины, но неизбѣжныя при отдѣльныхъ монографіяхъ. При такомъ приѣмѣ его изслѣдованіе выиграло бы въ идейной содержательности и краткости. Если послѣднее обстоятельство представляеть собою, главнымъ образомъ, литературное достоинство, то первое нельзя не признать необходимымъ свойствомъ всякаго научнаго изслѣдованія,

¹⁾ На диспутѣ г. Миклашевскаго 30-го января текущаго года въ Петровской сельско-хозяйственной академіи.

имѣющаго цѣлью дать не только матеріалъ, но и освѣщеніе его съ научной точки зрѣнія. Это освѣщеніе весьма блѣдно въ монографіяхъ южныхъ городовъ и оказывается по большей части не обобщеніемъ предыдущаго, а отступленіемъ въ сторону какой нибудь частности. Познакомимся съ этою стороною труда г. Миклашевскаго.

При описаніи г. Бѣлгорода г. Миклашевскій дѣлаетъ любопытное наблюденіе, что почти всѣ служилые люди имѣли по небольшому клочку земли подъ самымъ городомъ и сравнительно большія земельныя пространства далеко отъ города, распахиваемые „наѣздомъ“. Такая череполосица, по мнѣнію г. Миклашевскаго, была примѣнена правительствомъ изъ стратегическихъ соображеній ради удержанія служилыхъ людей плотными группами въ городахъ. Что она была не случайностью, а цѣлой системой, достаточно ясно видно изъ приведенной г. Миклашевскимъ выписки изъ столбцовъ Бѣлгородскаго стола ¹⁾. Только справедливость догадки автора о тѣхъ стратегическихъ мотивахъ, которые будто бы руководили правительствомъ при этомъ мѣропріятіи, ничѣмъ не доказана и представляется совершенно неправдоподобною, потому что уже одно чувство самосохраненія должно было само, безъ всякихъ внѣшнихъ поощреній, скучивать служилыхъ людей за частоколомъ городковъ. Вѣрнѣе предположить, что правительство являлось въ этомъ дѣлѣ череполосицы уступающей стороною, регулирующей, а инициатива шла отъ мѣстныхъ служилыхъ людей, тѣснившихся, вѣроятно, на перебой поближе къ городу. Что на первомъ планѣ были дѣйствительно мѣстные интересы, а не правительственные, нѣсколько ниже—совершенно неожиданно—указываетъ и самъ г. Миклашевскій ²⁾.

Характеристику испомѣщенія земель Валуйскихъ служилыхъ людей авторъ заканчиваетъ заключеніемъ, что „при передѣлѣ земель на Валуйкѣ... фактическое распредѣленіе земель зависѣло въ весьма большой степени отъ произвола и усмотрѣнія всеяльныхъ въ подобнаго рода дѣлахъ писцовъ, которые... имѣли право, не спосаясь ни съ какою выс-

¹⁾ „и ты (воевода) учинилъ бы еси за ними столько-то чети земли въ полѣ, а въ дву потомужъ, изъ порожнихъ земель, половину подъ городомъ, а другую въ отъѣздѣ и сѣнными покосами и всякими угоды устроилъ ихъ по нашему указу“ (стр. 71, прим. 1).

²⁾ „... выселяющіеся въ силу самыхъ вещей должны тяготѣть къ своимъ боуге обширнымъ владѣніямъ „въ отъѣздѣ“ по мѣрѣ того, какъ безопасность въ краѣ увеличивалась“ (см. стр. 71). А пока ея не было?

шею властью, удовлетворять челобитчиковъ въ просьбахъ о поземельномъ надѣлѣ“ (стр. 93—94). Это заключеніе отсутствіемъ новизны нѣсколько не соотвѣтствуетъ обилію приведенныхъ авторомъ для его доказательства детальныхъ данныхъ.

При описаніи Путивля авторъ распространяется о значеніи дворничества. Оставивъ въ сторонѣ юридическую сторону ихъ отношеній къ дворовладѣльцамъ, затронутую г. Ланно-Данилевскимъ ¹⁾, г. Миклашевскій останавливается на разсмотрѣніи ихъ юридическаго и экономическаго положенія вообще. Дворничество, по заключенію г. Миклашевскаго, весьма сходному съ мнѣніемъ Костомарова, ничѣмъ не выдѣляется отъ массы гулящихъ вольныхъ людей, про которыхъ одинъ писецъ выразился такъ: „въ Рылъскѣ, на посадѣ живутъ пришельцы изъ разныхъ городовъ, сошли послѣ литовскаго разоренія, оброкомъ никакимъ не обложены и съ посадскими людьми тягла не тянутъ и съ служилыми людьми службы не служатъ, а торгуютъ разными торги и въ отъѣздѣ“ (стр. 101).

Третья глава содержитъ въ себѣ описаніе уѣздовъ Бѣлгородскаго (101—109), Оскольскаго (109—119) и Путивльскаго (119—132) и нѣсколькихъ монастырей (132—137). Какъ видите, и тутъ рядъ отдѣльныхъ картинъ одинаковаго характера вмѣсто одной общей, типической! Кромѣ того, если въ предыдущей главѣ еще можно было замѣтить въ авторѣ нѣкоторые порывы къ обобщеніямъ, то эта глава представляетъ собою уже сплошную груду цифръ и названій мѣстечекъ. При этомъ цифры оказываются, главнымъ образомъ, не сводкой другихъ цифръ, не итогами, слѣдовательно, опять-таки не чѣмъ-нибудь типическимъ, общимъ и цѣльнымъ, а сырыми отдѣльными цифрами, какими авторъ нашелъ ихъ въ писцовыхъ книгахъ. Заключеній вслѣдъ за этими картинами никакихъ нѣтъ, да, конечно, и трудно было бы ихъ найти при томъ способѣ изложенія, который принялъ г. Миклашевскій. Будущему историку эти главы дадутъ нѣкоторый матеріалъ по географіи и статистикѣ, но и только: ни идей, ни критики онъ тутъ не найдетъ. Краткое заключеніе, заканчивающее всю главу, даетъ не сводъ, не обобщенія предыдущаго, а еще нѣкоторыя новыя частности, потребовавшія новыхъ неоднократныхъ ссылокъ на источники (стр. 137—140). Такимъ образомъ, и въ заключеніи авторъ не поднимается надъ матеріаломъ.

Четвертая глава посвящена обзору способовъ матеріальнаго обез-

¹⁾ Организ. прам. облож., стр. 147—148.

печенія новопоселенцевъ окраины. Сообщаются сначала свѣдѣнія о хлѣбномъ и денежномъ жалованьѣ, выдававшемся „прибылымъ“ служащимъ людямъ, еще не успѣвшимъ устроиться (140—147), затѣмъ изъ „строельныхъ книгъ“ черпается нѣсколько послѣдовательныхъ (все по тому же шаблону) картинъ о земельномъ устройствѣ служащихъ людей въ самый моментъ возникновенія тѣхъ городовъ, въ которыхъ они поселены (городовъ Карпова, Усерда и др., стр. 147—152). Картина земельного испомѣщенія прибылыхъ людей отличается отъ испомѣщенія старожиловъ, кажется, только жалованьемъ, которое въ видѣ подмоги на обустройство давалось первымъ. На стр. 152—158 авторъ указываетъ на то сопротивленіе, которое оказывали мѣстные элементы въ отвѣтъ на старанія правительства размножить по южной окраинѣ военныя поселенія. Цифры въ этой главѣ получаютъ характеръ нѣсколько болѣе общій и сводный, чѣмъ сырой и не разбитый по рубрикамъ матеріалъ второй и третьей главъ, но обобщеній и выводовъ въ ней такъ же мало, какъ и въ прежнихъ. Покончивъ съ вопросами обустройства, авторъ обращается къ изображенію сельско-хозяйственнаго быта поселенцевъ. Авторъ сводитъ въ статистическія таблички матеріалы писцовыхъ книгъ о составѣ сельца, о хозяйственномъ инвентарѣ поселенцевъ и о размѣрахъ распахекъ сравнительно съ величиной надѣловъ (158—167). Затѣмъ авторъ довольно подробно останавливается на разсмотрѣніи значенія, обстановки и условій переселенія черкасъ (167—177) и приводитъ нѣсколько параллелей между ними и русскими поселенцами. Его наблюденія такъ формулированы имъ самимъ: „переведенцы изъ Великороссіи имѣли гораздо большія семьи и имѣли больше рабочаго и пользовательнаго скота, чѣмъ черкасы, переселявшіеся въ Великороссію добровольно. Во всякомъ случаѣ, и тѣ и другіе были обезпечены рабочимъ и пользовательнымъ скотомъ, при чемъ распредѣленіе его у обѣихъ интересующихъ насъ группъ было достаточно равномерно: преобладали переселенцы средней состоятельности; ни особенно богатыхъ, ни особенно бѣдныхъ среди нихъ не было“ (стр. 179). При описаніи хозяйства на государевой „посошной“¹⁾ землѣ (179—186), г. Миклашевскій изъ знакомства съ одной писцовой книгой выводитъ заключеніе, что „благосостояніе крестьянъ государевой посошной волости XVII вѣка было во много разъ выше, чѣмъ благосостояніе крестьянъ лю-

¹⁾ То-есть, такой, плата за наемъ которой выражалась, главнымъ образомъ, въ платежѣ хлѣбомъ... „посномъ“.

бой полосы современной Россіи“ (стр. 185). Коснувшись затѣмъ матеріала, заключающагося въ „отписныхъ книгахъ дворамъ и пожиткамъ за укрывательство отъ разбору“ (стр. 185—186), авторъ переходитъ къ интересному общинному (сябринному) землевладѣнію приборныхъ служилыхъ людей (188—195), но къ сожалѣнію ни фактовъ новыхъ, ни тѣмъ болѣе новыхъ мыслей не приводитъ и въ общемъ выводѣ просто-на-просто присоединяется ко взглядамъ на сябринное землевладѣніе профессора И. В. Лучицкаго: „На южной окраинѣ, — говоритъ нашъ авторъ, — складывались порядки землевладѣнія очень похожіе, если не совершенно тождественныя съ тѣми, которые описаны профессоромъ Лучицкимъ для старой Малороссіи“ (стр. 195). На страницахъ 195—208 авторъ снова возвращается къ уже затронутымъ имъ (стр. 78—102 и 147 — 152) формамъ землевладѣнія, но теперь излагаетъ уже факты, касающіеся смѣны одной формы другою. Изъ свѣдѣній о пяти станахъ Оскольскаго уѣзда, почерпнутыхъ послѣдовательно изъ писцовыхъ книгъ 1617, 1643 и 1646 гг. (стр. 203), особенно ярко видно, какъ крестьянское землепользованіе, будучи менѣе приспособлено къ условіямъ военной жизни окраины, постепенно уступало мѣсто помѣщичьему однодворчеству. „Число крестьянъ и бобылей въ перечисленныхъ выше уѣздахъ постоянно уменьшалось, тогда какъ число поселеній и число служилыхъ людей постоянно возрастало. Помѣщики превращались въ однодворцевъ и все болѣе смѣшивались съ нисшими разрядами служилыхъ людей, и все чаще и чаще принимались за плугъ лично“ (стр. 207—208).

Пятая, и послѣдняя, глава начинается свѣдѣніями о разныхъ бѣдствіяхъ, посѣщавшихъ южныхъ поселенцевъ, и о тѣхъ наивныхъ подчасъ мѣропріятіяхъ, къ которымъ правительство прибѣгало въ своихъ заботахъ объ окраинѣ. Оно слѣдило за всякой мелочью въ ходѣ хозяйства, особенно на государевой десятинной пашнѣ. Подъ десятинной пашней мы привыкли подразумѣвать пашню, отпахиваемую арендаторомъ на владѣльца въ видѣ наемной платы за обработку другой земли для себя („собинны“). На югѣ же названіе десятинной установилось и за дворцовою землей, обрабатываемой съ помощью наемныхъ работниковъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, приводимыя г. Миклашевскимъ о способѣ веденія десятиннаго хозяйства, страдаютъ отрывочностью и несистематичностью, такъ что, напримѣръ, приводятся отдѣльные факты, но на сколько они типичны, на сколько часто встрѣчаются и, слѣдовательно, какое значеніе должно придавать имъ при обсужденіи состоянія тогдашняго сельскаго хозяйства, — этого нельзя вывести изъ собраннаго

авторомъ матеріала. Тутъ особенно ярко сказались постоянно чувствуемая при чтеніи сочиненія г. Миклашевскаго невыгоды добровольно наложенныхъ имъ на себя путь—ограниченія въ выборѣ источниковъ тѣмъ лишь, что имѣется по интересующему его предмету въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Вслѣдствіе такого самоограниченія автору приходится почти постоянно говорить, какъ объ отдѣльныхъ случаяхъ, о томъ, что могло бы имѣть общее значеніе. Еслибы только авторъ кромѣ архива юстиціи ознакомился и съ другими главными хранилищами источниковъ (напримѣръ, Публичной бібліотекой, Румянцевскимъ музеемъ). Какъ бы въ искупленіе неполноты собраннаго имъ матеріала, г. Миклашевскій нѣсколько ниже вдругъ даетъ нѣсколько интересныхъ соображеній, именно, перейдя къ разсмотрѣнію казенныхъ мѣръ четверти. „Разнообразіе отношеній отдаточной и примочной мѣры (какъ 3 : 4 и 4 : 5), — говоритъ онъ, — можетъ быть, какъ кажется, съ достаточной вѣроятностью объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что четверикъ (посуда), которымъ производилось измѣреніе хлѣба, насыпался или „сверху“, то-есть съ тѣмъ конусомъ, который получается при насыпкѣ зерна въ сосудъ до тѣхъ поръ, пока это возможно, или „вровно“, или подъ гребло, то-есть безъ этого конуса“ (стр. 229). Затѣмъ авторъ приводитъ не лишенный интереса тотъ фактъ, что четверть въ 8 четвериковъ употреблялась еще въ 1620 г. и что въ томъ же году отношеніе примочной и отдаточной мѣръ другъ къ другу было приблизительно такое же, какъ во второй половинѣ XVII вѣка, именно какъ 1 : 1,19 или, проще, какъ 5 : 6 (стр. 229). Собравъ рядъ свѣдѣній объ урожаяхъ на Елецкой десятинной пашнѣ съ 1616 по 1698 г. и подводя имъ итоги, г. Миклашевскій говоритъ: „Откинувъ годы совершенно неурожайные, каковы были для ржи 1689 г., а для овса 1679, 1680, 1681, 1689, 1690, 1691 и 1698 гг., и вычисливъ средній урожай, выраженный въ „самъ“, мы получимъ, что рожь родилась на Ельцѣ въ XVII столѣтіи среднимъ числомъ самъ—2,2, а опесь самъ 1,5“. Такие низкіе урожаи авторъ объясняетъ отчасти небрежностью, съ какой обрабатывалась казенная пашня, но главнымъ образомъ—сравнительнымъ несовершенствомъ приѣмовъ обработки земли. „Наши черноземныя почвы,—говоритъ онъ,—даютъ, какъ извѣстно, въ среднемъ урожаи болѣе низкіе, чѣмъ нечерноземныя, хотя по своимъ естественнымъ свойствамъ онѣ гораздо богаче вторыхъ. Весь секретъ болѣе высокихъ урожаевъ ржи въ нечерноземной полосѣ Россіи заключается, какъ кажется, въ болѣе усовер-

шенствованныхъ приемахъ обработки ихъ и, главнымъ образомъ, удобреніи навозомъ... Никакихъ указаній на то, чтобы государева пашня, или какая иная на южной окраинѣ удобрялась, мы не нашли; а при непримѣненіи удобренія и трехпольномъ сѣвооборотѣ, въ какомъ несомнѣнно находилась десятинная пашня на Ельцѣ—низкіе урожаи не представляютъ изъ себя чего-либо непонятнаго⁴⁾ (стр. 233). Сопоставивъ нѣкоторыя отдѣльныя данныя о платѣ за рабочій день со стоимостью вспашки и бороньбы одной десятины подъ рожь, жнитва и мотыльбы конны ржи, и выведя отсюда продолжительность всѣхъ вышеупомянутыхъ работъ, г. Миклашевскій находитъ, что „производительность сельско-хозяйственнаго труда за 200 лѣтъ почти совершенно не измѣнилась“ (стр. 234). „Подготовка десятины земли къ посѣву ржи требовала 4, 3 рабочихъ дня пахарей и 2, 3 дня бороноваловъ. Эти цифры даютъ указаніе на то, что въ XVII вѣкѣ пашня подъ рожь пахалась два раза и также два раза бороновалась“ (стр. 233). Это заключеніе представляется чрезчуръ поспѣшнымъ, такъ какъ изъ того, что происходило однажды на одной Елецкой десятинной пашнѣ, нельзя выводить заключенія вообще обо всемъ краѣ и за весь XVII вѣкъ, тѣмъ болѣе, что самъ же г. Миклашевскій считаетъ трехпольное хозяйство на Елецкой десятинной пашнѣ исключеніемъ изъ общаго порядка¹⁾). Последнее обстоятельство, на которое г. Миклашевскій обращаетъ вниманіе въ V-й главѣ, составляютъ виноградные и арбузные сады государя (стр. 235—236). Ими заканчивается пятая глава и вся книга. Заключенія никакого ни для главы, ни тѣмъ болѣе для всей книги—нѣтъ.

Это отсутствіе заключенія является очень характернымъ и далеко не случайнымъ свойствомъ изслѣдованія г. Миклашевскаго. Все его сочиненіе представляетъ собою рядъ мелкихъ отдѣльныхъ картинъ, не связанныхъ между собою единствомъ общей мысли и представляющихъ собою каждая въ отдѣльности не что-либо разработанное, общее и характерное, а разныя случайности и частности, изъ которыхъ, какъ вообще изъ случайностей, очень трудно извлечь цѣнный въ логическомъ отношеніи матеріалъ. Нетипичность полученныхъ г. Миклашевскимъ картинъ, повторю опять, создана не кѣмъ-либо другимъ, какъ имъ же самимъ. Тотъ, кто заранѣе отказался отъ изученія по возможности всего матеріала, предоставляемаго въ распоряженіе изслѣдователя архивами и книгохранилищами, тотъ

¹⁾ Сравни прим. 8 на стр. 89 и стр. 233.

долженъ уже воздерживаться въ своемъ изслѣдованіи отъ сѣтованій на неполноту источниковъ, какъ, напримѣръ, это дѣлаетъ г. Миклашевскій на стр. 94, 219 и 227 своего труда. Бѣглое знакомство съ виднѣйшими работами его предшественниковъ показываетъ, что, напримѣръ, въ Императорской Публичной библіотекѣ имѣется нѣсколько памятниковъ, посвященныхъ предмету его изслѣдованія. Такъ, г. Лаппо-Данилевскій, касаясь устройства однопалатныхъ южной окраины, неоднократно ссылается на хранящіеся въ упомянутой Публичной библіотекѣ писцовыя книги Орловскаго уѣзда (7133 — 7134), Елецкаго (7135 — 7136 гг.), также на одну „книгу Пронскому городскому дѣлу“ 7152 г., хранящуюся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ¹⁾. Не мало указовъ и отписокъ Бѣлгородскихъ и иныхъ южно-городскихъ воеводъ хранится въ столбцахъ Церковно-археологическаго музея Кіевской духовной академіи, не мало грамотъ есть и во многихъ другихъ южныхъ архивахъ, напримѣръ, въ архивѣ Харьковскаго губернскаго правленія, какъ все это видно изъ выписокъ, напечатанныхъ въ „Матеріалахъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ“, Д. И. Багалѣя. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что изслѣдованіе г. Миклашевскаго составляетъ нѣкоторое исключеніе въ томъ смыслѣ, что матеріалъ для него авторомъ былъ заранѣе ограниченъ данными одного архива. За послѣднее время въ магистерскихъ диссертаціяхъ по русской исторіи можно было отмѣтить какъ разъ противоположное теченіе, выражавшееся въ стремленіи какъ можно глубже и шире исчерпать какой только и гдѣ только есть матеріалъ. Для г. Миклашевскаго характерно отсутствіе этого стремленія.

Кромѣ преднамѣренной неполноты матеріала поражаетъ еще, какъ выше уже было упомянуто, его малая разработанность не только въ идейномъ отношеніи, но и въ техническомъ. Цифры, большей частью, оказываются не сводными, а взятыми въ сыромъ видѣ. Онѣ не вызвали краснорѣчія въ г. Миклашевскомъ, но въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, онѣ врядъ ли послужатъ матеріаломъ для выводовъ и другаго изслѣдователя. Малая разработка частей сочиненія, конечно, не могла пройти безъ ущерба для его общаго плана, иногда заставляя автора по нѣскольку разъ возвращаться къ одному и тому же вопросу, какъ это уже было нами отмѣчено выше. Отсутствіе строго выдержаннаго плана между прочимъ отразилось на одномъ внѣшнемъ

¹⁾ Орг. прим. облож., стр. 52, прим. 1 и 2; стр. 53, прим. 1; стр. 512—513.

признакъ—на отсутствіи оглавленія книжки. Она состоитъ изъ пяти главъ, которымъ авторъ въ разрѣзъ съ общепринятыми обычаями не предпослалъ ни заглавія, ни изложенія содержанія. Это отсутствіе путеводныхъ нитей въ сочиненіи г. Миклашевскаго, быть можетъ, и скроетъ отъ глазъ инаго читателя внутреннюю разрозненность отдѣльныхъ частей сочиненія, но отъ самого автора недостатки его работы, кажется, не укрылись, и онъ приводитъ себѣ нѣкоторое извиненіе: „Обстоятельства, совершенно не зависящія отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу раньше, чѣмъ онъ предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными... Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для 2-го тома этого сочиненія ему удастся работать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнитъ въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика“ (стр. 19). Остается только пожелать въ интересахъ науки, чтобы на труды будущихъ изслѣдователей внѣшнія „обстоятельства“ не имѣли такого вліянія, какое они имѣли на только что рассмотрѣнное нами изслѣдованіе г. Миклашевскаго.

В. Владиславлевъ.

По поводу рецензіи проф. Цвѣтаева.

Я искренно благодаренъ И.В. Цвѣтаеву за его вниманіе къ моей работѣ и за тотъ трудъ, который онъ взялъ на себя при составленіи обширной рецензіи на нее (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894, № 1),— хотя рецензія эта и не можетъ считаться для меня особенно благоприятной. Скажу болѣе: изъ отзыва проф. Цвѣтаева читатель выноситъ такое впечатлѣніе, что кромѣ ошибокъ и всякаго рода вольныхъ и невольныхъ промаховъ, какъ съ фактической, такъ и съ методической стороны, въ сочиненіи моемъ ничего нельзя найти, что всѣ достоинства его исчерпываются количествомъ литературнаго матеріала, въ немъ собраннаго. Не мнѣ самому, конечно, судить объ этомъ, но во всякомъ случаѣ полное молчаніе моего почтеннаго рецензента о тѣхъ частяхъ моего труда, въ которыхъ онъ не находитъ выставленныхъ имъ погрѣшностей, представляется мнѣ не совсѣмъ справедливымъ, тѣмъ болѣе, что молчаніемъ обойдены именно суще-

ственные части моей работы, имѣющія непосредственное отношеніе къ темѣ и иногда представляющія самостоятельную переработку раньше извѣстнаго матеріала. Нападки же моего критика направлены или на мелочи, стоящія чаще всего въ сторонѣ отъ темы, на которыя я, поэтому, и обратилъ меньше вниманія, или на тѣ мѣста моей диссертации, гдѣ я просто излагаю результаты, добытые западными учеными (таковы большей частью вопросы хронологическіе въ біографіи Праксителя), или же онѣ имѣютъ предметомъ своимъ не совсѣмъ, можетъ быть, удачныя мои выраженія, которымъ въ рецензіи приданъ иногда совершенно превратный смыслъ, не имѣвшійся мною въ виду.

Оставляя почти въ сторонѣ тѣ 34 главы моей диссертации, въ которыхъ я рассматриваю отдѣльныя произведенія Праксителя, разбираю дошедшія до насъ на ихъ счетъ свидѣтельства древности, привожу и подвергаю разбору мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ, стараюсь всюду, гдѣ возможно, придти къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ, — почти игнорируя всѣ эти главы моей книги, рецензентъ мой обрушивается всею тяжестью своихъ обвиненій, далеко, какъ увидитъ читатель, не безупречныхъ и не всегда основательныхъ, всего на двѣ главы ея, составляющія лишь незначительную часть сочиненія. Желая, поэтому, возстановить, на сколько возможно, истину и избавить себя отъ значительной доли этихъ тяжелыхъ и несправедливыхъ обвиненій и ослабить значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, я и счелъ себя вынужденнымъ отвѣтить на эту рецензію и указать на пристрастіе ея автора къ гиперболамъ и неосновательнымъ обобщеніямъ.

„Многочисленные недостатки этой книги своею чрезмѣрною рѣзкостью заслоняютъ ея достоинства“, — говоритъ проф. Цвѣтаевъ (стр. 154) и затѣмъ въ доказательство этого приводитъ слѣдующее: „недостовѣрность и недостаточность показаній относительно многихъ памятниковъ древняго искусства“ (стр. 154), „упущеніе изъ вида многихъ первостепенныхъ и для всякаго археолога и историка классическаго искусства обязательныхъ изданій“ (стр. 160), плохое качество и дурной выборъ рисунковъ на таблицахъ (стр. 163), нѣкоторые недостатки въ каталогѣ пособій (стр. 164), „сомнительность ученыхъ приемовъ“, сказавшюся въ генеалогическихъ, хронологическихъ и топографическихъ изслѣдованіяхъ (стр. 168 слл.), противорѣчія, въ которыя я, будто бы, впадаю самъ съ собою (стр. 179), и недостатки въ стилѣ (стр. 182 слл.).

Посмотримъ, на сколько и одинаково-ли справедливы всѣ эти порицанія.

1) Въ разсужденіи моемъ о такъ называемомъ Kalbträger'ѣ я не могу признать никакого недоразумѣнія: оно было бы, еслибы я счелъ его за Кріофора Каламиса; но я именно этого и не дѣлаю; указать же это изображеніе, если не вполне, то въ значительной степени совпадающее съ типомъ Кріофора, въ данномъ мѣстѣ казалось мнѣ наиболѣе удобнымъ, въ виду того, что вся страница 60 посвящена этому типу.

Что касается неточности въ показаніи моемъ объ Афродитѣ Ватиканской, то она возникла изъ того простаго обстоятельства, что для моей задачи не важно было, гдѣ находится эта статуя безъ одежды, а важенъ былъ лишь самый фактъ существованія такого изображенія; и напрасно мой рецензентъ объясняетъ это тѣмъ, что я „не ознакомился въ должной степени съ исторіей появленія въ продажѣ *фотографій* занимающей насъ статуи *безъ этихъ жесткихъ покрововъ*“: уже изъ одной, неоднократно цитированной мною, статьи С. Рейнаха (въ *Gazette d. beaux-arts*, 1888, livraison 368), гдѣ на стр. 98 излагается эта „исторія“, я могъ бы почерпнуть и, несомнѣнно, почерпнулъ то свѣдѣніе, что статуя въ своемъ первоначальномъ видѣ составляетъ достояніе Кенсингтонскаго музея (слѣпокъ).

Равнымъ образомъ неумѣстна и фраза: „еслибы г. А. ознакомился съ превосходнымъ изданіемъ памятника“ въ *The journal of hellenic studies* VIII (pl. LXXX), такъ какъ оба изображенія Афродиты, данныя въ этомъ журналѣ, то-есть, и en face и въ профиль, мнѣ были извѣстны; спорить же о достоинствахъ копій, восхищавшей многихъ, я не нахожу возможнымъ въ виду крайней субъективности этого вопроса. Своимъ отзывомъ я лишь хотѣлъ указать на то, что считаю Ватиканскую статую лучшею копіей съ Книдской. Если я здѣсь заблуждаюсь, то утѣшаюсь тѣмъ, что со мною точно такъ же заблуждались многіе археологи Запада.

Ссылаясь на стр. 81, 82 и 93 моей диссертациі (стр. 81 попала сюда, вѣроятно, по недосмотру), проф. Цвѣтаевъ высказываетъ сожалѣніе, что мнѣ „осталось неизвѣстнымъ главное обстоятельство, что эта голова (то-есть, Ватиканской статуи Афродиты) сдѣлана изъ *другаго* мрамора и что она этой статуѣ не принадлежитъ, а наставлена сюда новѣйшимъ реставраторомъ“ (стр. 158). Но вотъ что сказано мною на вышеуказанной стр. 93: „Положеніе головы въ статуѣ Ватиканской не можетъ быть признано первоначальнымъ, въ виду того, что шея ея сдѣлана изъ другаго мрамора и не антична....: правда, что его нельзя и опровергнуть, но во всякомъ случаѣ эта статуя въ данномъ вопросѣ не является надежнымъ критеріемъ“. Во всякомъ

случаѣ голова эта принадлежитъ Афродитѣ, и поэтому я считалъ себя въ правѣ разсуждать объ ея чертахъ (хотя и очень кратко) независимо отъ того, приставная она или нѣтъ. Указывать же, что она изъ другаго мрамора, я бы не счелъ нужнымъ для себя, такъ какъ прямаго отношенія къ дѣлу это не имѣло, и разсмотрѣніе копій было для меня важно лишь по столько, по сколько онѣ объясняли или дополняли показанія литературныя ¹⁾.

На Луврскомъ торсе Сатира я не могъ и *не долженъ былъ* останавливаться долго, такъ какъ разборъ намятниковъ и оцѣнка ихъ въ стилистическомъ и техническомъ отношеніи не входили въ задачу моего труда, ясно выраженную въ предисловіи (стр. III).

Наконецъ, слова мои о Діадуменѣ, что „это цвѣтущій юноша, стягивающій волосы свои повязкой передъ тѣмъ, какъ пуститься въ танецъ“ (стр. 163), относятся не къ Поликлетовской, а къ Пракселевой статуѣ и основываются на показаніи Каллистрата, 'Εκφρ. XI: ἀκίνητος δὲ ὦν οὗτος ὁ ἔφηβος ἔδοξεν ἄν σοι κινήσεως μάτευεν καὶ εἰς χορείαν εὐτρεπίζεσθαι.

2) „Коренной, методологическій недостатокъ“ моего сочиненія рецензентъ мой видитъ въ игнорированіи мною пяти указанныхъ имъ изданій, большею частью атласовъ и при томъ очень дорогихъ и потому составляющихъ принадлежность лишь университетскихъ библіотекъ. Изъ этихъ пяти слѣдовало бы вычеркнуть № 3, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги я какъ разъ ссылаюсь на таблицы, прилагаемыя къ *The journal of hellenic studies*; см., напримѣръ, стр. 45, прим. 3 или стр. 164, прим. 2,—такъ что слова моего почтеннаго критика, будто „первый, второй и третій изъ указанныхъ здѣсь органовъ не нашли въ трудѣ г. А. даже простаго упоминанія“ (стр. 161) не сошлись точно.

И не стану спорить, что, можетъ быть, ссылки на указанные проф. Цвѣтаевымъ изданія были бы не лишними, но обязательными онѣ для меня никоимъ образомъ не были, такъ какъ весь центръ тяжести въ моей диссертации лежитъ въ разборѣ литературныхъ источниковъ ²⁾. Поэтому я и удовольствовался во многихъ случаяхъ,

¹⁾ Къ тому же указаніе на разницу въ матеріалѣ дано въ оставшейся мнѣ неизвѣстной книгѣ Гельбига: *Führer durch die öffentl. Sammlungen klassisch. Alterth. in Rom*, I B., № 316.

²⁾ Правда, что рецензентъ мой и этотъ выборъ темы склоненъ, повидимому, считать неправильнымъ (ср. стр. 164), но оправданіемъ мнѣ служитъ трудъ такого ученаго какъ Г. Бруншъ (его *Geschichte der griech. Künstler*), а равно и тѣ

не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ темѣ, указаніемъ на легко всѣмъ доступные атласы Мюллера-Визелера и Баумейстера ¹⁾, указывая спеціальныя изданія, въ коихъ, кромѣ рисунка, важенъ и текстъ, всякій разъ, какъ вопросъ касается памятника, принадлежащаго Праксителю прямо или косвенно. Выборъ „ученаго матеріала“, такимъ образомъ, не является у меня случайнымъ, какъ это хочетъ видѣть мой рецензентъ, но вполне опредѣленнымъ; нельзя доказать этой „случайности“ и указаніемъ на то, будто я „довольствуюсь книгою Сісегоне Буркгардта“. такъ какъ я нигдѣ не довольствуюсь только ей и, если ссылаюсь на нее, то лишь для полноты, въ виду, при томъ, большой популярности этой книги, а также и потому, что Буркгардтъ далеко не дюжинный и часто самостоятельный цѣнитель художественныхъ произведеній, и его критическія замѣчанія, быть можетъ, важнѣе иногда, чѣмъ повторяемая съ чужихъ словъ мнѣнія иныхъ археологовъ. Его Сісегоне считаетъ нужнымъ указать („besonders“) и Зиттль въ *Klassische Kunstarchäologie*, стр. 39 (§ 17). Съ книгой же Гельбига, вышедшей (въ 2 ч.) лишь въ 1891 г., я могъ ознакомиться только по окончаніи моей работы. Наконецъ, изданіе Романдеса указано и мною на стр. XV и 298 прим. 5: это изданіе Гермеса вполне замѣнялось для меня большими фотографіями Олимпійской группы.

3) По той же причинѣ я не придавалъ особеннаго значенія и таблицамъ: онѣ должны были дать лишь общее представленіе о томъ или другомъ памятникѣ ²⁾; я не претендовалъ на „изданіе“ этихъ

условія, въ которыя я былъ поставленъ при исполненіи работы въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ накопленіе литературныхъ данныхъ должно было повести къ ихъ пересмотру.

¹⁾ Не могу не замѣтить тутъ, что пренебреженіе, оказываемое проф. Цвѣтаевымъ къ *Denkmäler* Баумейстера, кажется довольно страннымъ: въ ученой археологической литературѣ ссылки на этотъ сборникъ — дѣло весьма обычное; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ просмотрѣть любое изслѣдованіе по классической археологии, вышедшее за послѣдніе годы, хотя бы даже 1-й томъ *Histoire de la sculpture grecque* М. Колинсона (напримѣръ, стр. 427 пр.). Зиттль въ недавно вышедшей своей *Klassische Kunstarchäologie* (въ *Handbuch* Нв. Мюллера, 18 *Halbband*) упоминаетъ атласъ Баумейстера на ряду съ словаремъ Daremberg et Saglio (стр. 13).

²⁾ Подобно Г. Брунну, я могу сказать, что дакъ рисунки, denen nicht der Werth eines förmlichen Bilderatlasses beizumessen ist, die aber dem Zwecke den Text in anschaulicher Weise zu erläutern, in vollstem Maasse entsprechen dürften (см. его *Griechische Kunstgeschichte*, I Buch: Vorrede, p. X).

памятниковъ, уже и безъ меня изданныхъ раньше. Я лишь собралъ эти рисунки вмѣстѣ для удобства читателей. Изъ всѣхъ этихъ рисунковъ я и самъ признаю неудачными изображенія книдскихъ монетъ, но они всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстны; прочіе же рисунки монетъ взяты мною изъ *The journal of hellenic studies*, который и моимъ строгимъ рецензентомъ признается за достаточно авторитетный, когда рѣчь идетъ объ Афродитѣ (стр. 157), или когда онъ указываетъ на упущеніе мною изъ вида этого журнала (стр. 160 сл.); въ данномъ же случаѣ онъ рѣшительно отрицаетъ за нимъ всякую авторитетность (стр. 163). Почему рисунки, напримѣръ, въ *Griechische Münzen* Имгофа-Блумера должны считаться лучшими, нежели выбранные мною, я, по совѣсти, рѣшить не берусь. *De gustibus non disputandum*.

4) Указавъ на нѣкоторые пропуски въ данномъ мною перечнѣ пособій, которыми я пользовался при своей работѣ, проф. Цвѣтаевъ указываетъ и на нецѣлесообразность принятаго мной хронологическаго распредѣленія литературы, вм. обычнаго алфавитнаго: но это сдѣлано для того, чтобы показать постепенное развитіе литературы по избранному нами вопросу. Изъ пропусковъ же существенно важными должны быть признаны 2 (Heydemann и Winter); прочія указанія на общія руководства по исторіи пластики не должны были входить въ мое обзорѣніе, такъ какъ не составляли пособія при исполненіи моей работы; если я и упоминаю нѣкоторые труды подобнаго рода (напримѣръ, *Grundriss* Любке), то только потому, что мнѣ пришлось гдѣ-либо въ моемъ сочиненіи сдѣлать на нихъ ссылку.

Проф. Цвѣтаевъ указываетъ, между прочимъ, на „множество“ „слухихъ и нѣмыхъ указаній“ въ этомъ моемъ перечнѣ литературы, то-есть, обозначеній только именъ авторовъ безъ указанія темы ихъ статей или замѣтокъ. Указанія такого рода относятся къ статьямъ безъ названій (лишь названіе статьи Роберта въ *Hermes* 1879 г. пропущено по недосмотру) и при томъ большею частью къ статьямъ Л. Стефани въ Отчетахъ Императорской Археологической Комиссіи за разные года и къ нѣкоторымъ рефератамъ въ Берлинскомъ Археологическомъ Обществѣ, опубликованнымъ лишь въ краткихъ изложеніяхъ въ *Berliner philologische Wochenschrift* или въ *Archäolog. Anzeiger*. Кромѣ шести, приведенныхъ моимъ рецензентомъ, примѣровъ такого рода, можно найти ихъ еще столько же; но развѣ это множество, при перечнѣ почти 200 сочиненій?

5) Не стану входить въ подробности обсужденія вопроса о томъ, на сколько правильны и основательны мои генеалогическія и хроноло-

ическія разсужденія, но не могу здѣсь обойти молчаніемъ одного: біографическіе вопросы по отношенію къ древнимъ писателямъ, художникамъ и даже политическимъ дѣятелямъ всѣ рѣшаются болѣе или менѣе гипотетически; безъ гипотезъ въ данномъ случаѣ обойтись невозможно въ виду скудости положительныхъ данныхъ. Эти гипотезы по отношенію къ Праксителю уже давно сдѣланы были западными археологами, которые, дѣйствительно, въ вопросахъ особенно хронологическихъ, всѣ расходятся между собою и при томъ иногда весьма значительно (напримѣръ, одни считаютъ Геру Телейю раннимъ, а другіе—позднимъ произведеніемъ художника); поэтому, если проф. Цвѣтаевъ за построеніе подобныхъ гипотезъ приписываетъ мнѣ „сомнительность ученыхъ пріемовъ“, то онъ вмѣстѣ со мною долженъ обвинить въ этомъ и такихъ археологовъ, какъ Г. Бруннъ, Овербекъ ¹⁾, С. Рейнахъ, Фридериксъ и другіе, также увлекавшіеся этими хронологическими построениями. Вся часть моей диссертациі, къ которой относятся эта „сомнительность пріемовъ“, опирается какъ разъ на предшествовавшія изслѣдованія этихъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ я стараюсь привести читателю и разобрать, чтобы примкнуть въ концѣ концовъ къ тому или другому. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ я опредѣляю самостоятельно время возникновенія того или другаго произведенія Праксителя: но этихъ, лично мнѣ принадлежащихъ опредѣленій мой рецензентъ совсѣмъ не касается, скрывая свое сужденіе подъ „глухой“, но слишкомъ краснорѣчивой фразой: „вызываютъ справедливое сомнѣніе и другія хронологическія опредѣленія, разсѣянные въ книгѣ г. А“ (стр. 176). А между тѣмъ подробнаго разбора, какъ мнѣ кажется, скорѣе бы заслуживали оригинальныя изысканія, нежели тѣ страницы, въ которыхъ только приводятся чужія мнѣнія. Это, конечно, потребовало бы отъ рецензента ббльшаго и болѣе самостоятельнаго труда, но за то такая рецензія была бы для начинающаго автора болѣе поучительна.

6) Но особенно удивленъ я IX-й главой рецензіи, начинающейся словами: „Здѣсь (то-есть, въ топографическихъ показаніяхъ) мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ утвержденій г. А. совершенно произвольныхъ, справедливость которыхъ доказать нельзя ни историческими

¹⁾ Проф. Цвѣтаеву не лишне было бы ознакомиться съ новѣйшимъ обсужденіемъ гипотезъ С. Рейнаха, сдѣланнымъ Овербекомъ въ *Berichte über die Verhandl. d. K. Sächsisch. Gesellschaft d. Wissensch. in Leipzig*, 1893, I; онъ увидѣлъ бы, что еще и теперь даже знаменитые археологи не гнушаются вдумываться въ эти гипотезы и относятся къ нимъ совершенно серьезно.

свидѣтельствами, ни даже путемъ *логическимъ*“ (стр. 176), то-есть, проф. Цвѣтаевъ явно обвиняетъ меня въ безсмыслицѣ. Однако, всѣ эти обвиненія—рядъ печальныхъ недоразумѣній: рецензентъ мой возражаетъ не мнѣ, а самому себѣ, возражаетъ на то невѣрное толкованіе, которое онъ придалъ моимъ словамъ на стр. 19-й моей книги. Ссылаясь на эту страницу, мой почтенный рецензентъ *замыкаетъ многоточіемъ* какъ разъ тѣ мои слова, которыя должны нарушить стройность его толкованія,—приемъ, который едва-ли не заслуживаетъ названія „*сомнительнаго*“, особенно въ научной критикѣ. Онъ даетъ такую выписку: „Кромѣ Аѳинъ... *источники наши*—говоритъ г. А.—указываютъ, какъ *мѣста дѣятельности* Праксителя, Мегару“ и пр. и, сравнивъ эти слова съ двумя другими мѣстами моей диссертациі (стр. 25,—объ ольвійской надписи,—и стр. 243 сл.), онъ дѣлаетъ выводъ, будто бы я утверждаю, что великій ваятель только и зналъ, что разъѣзжалъ изъ города въ городъ, исполняя различные заказы. Эту мысль проф. Цвѣтаевъ успѣшно опровергаетъ на нѣсколькихъ страницахъ; но это не моя, а его собственная мысль! Уже одно то, что послѣ словъ „Кромѣ Аѳинъ“ вмѣсто многоточія у меня читается: „и Рима, куда позднѣе попали многіе *chefs d'oeuvre* греческаго искусства, источники наши“ и т. д., должно бы навести читателя на вѣрное пониманіе дальнѣйшаго. Неужели же проф. Цвѣтаевъ серьезно полагаетъ, что я заставилъ Праксителя путешествовать въ Римъ? А однако все заблужденіе моего рецензента происходитъ изъ того обстоятельства, что онъ придалъ словамъ „*мѣста дѣятельности*“ не то значеніе, которое имѣлось мною въ виду и которое, какъ мнѣ кажется, совершенно ясно изъ полнаго текста моего сочиненія на стр. 19. И глаголъ „доходилъ“ на стр. 244 не употребленъ у меня въ его первоначальномъ значеніи (въ этомъ смыслѣ я выбралъ бы, несомнѣнно, другое слово), но, въ виду сдѣланнаго мною предположенія о поѣздкѣ художника за предѣлы Греціи (на стр. 268), критикъ мой имѣлъ право понять его по своему. Только эту поѣздку и предположилъ я для Праксителя ¹⁾, не дѣлая, однако, изъ этого предположенія никакихъ выводовъ; такъ что указанія проф. Цвѣтаева, что Пракситель могъ и не ѣздить въ Дельфы, Феспіи, Коринѣ, Книдъ и о. Косъ—совершенно неумѣстны, тѣмъ болѣе, что объ Афродитахъ Книдской и Косской, объ Эротѣ Феспій и портретахъ Фрины у меня ясно сказано, что они сдѣланы и первоначально находились въ Аѳи-

¹⁾ Кромѣ всѣми признанныхъ, съ которыми соглашается и мой рецензентъ.

нахъ (см. стр. 208: „мы знаемъ о цѣломъ рядѣ работъ, выполненныхъ Праксителемъ хотя и не для Аѳинъ, но въ Аѳинахъ, и въ этомъ рядѣ стоятъ самыя блестящія изъ его созданій: Эроть Теспійскій, портреты Фрины и обѣ Афродиты—Книдская и Косская, выставленныя художникомъ въ мастерской и тутъ, судя по словамъ Плинія, проданныя“) ¹⁾).

7) Точно въ такой же мѣрѣ справедливы и указанія профессора Цвѣтаева въ главѣ X его „этюда“, гдѣ онъ перечисляетъ случаи *противорѣчій*, въ которое я будто-бы впадаю самъ съ собою въ своей диссертаціи. Разберемъ всѣ приведенныя имъ случаи.

Этотъ перечень открывается указаніемъ на явный корректурный недосмотръ, такъ какъ на стр. 4-й моей книги читается: „На основаніи указаннаго выше замѣчанія о *наслѣдованіи старшимъ сыномъ ремесла и имени отца*, онъ (то-есть, Кекуле) построилъ схему семейства Праксителя: Пракситель, Кефисодоть, Пракситель, Кефисодоть“. Стоятъ сравнить эту схему съ общимъ положеніемъ, чтобы увидѣть, въ чемъ дѣло. На этой страницѣ я даю такую-же генеалогическую линію, какъ и на предыдущей, и, слѣдовательно, въ противорѣчіе съ собою не впадаю.

Второе указаніе критика для меня совершенно не понятно: вѣдь именно потому, что несообразность, отмѣченная проф. Цвѣтаевымъ, поразила меня, я и сдѣлалъ подъ строкой примѣчаніе, что „у меня въ рукахъ изданіе 1889 года“ ²⁾ (стр. 28); все-же, сказанное мною

¹⁾ Въ прим. 1 къ стр. 77 проф. Цвѣтаевъ замѣчаетъ: „Въ другихъ случаяхъ г. А. пользуется древними писателями, не ознакомившись въ должной степени съ наиболее вѣрной редакціей текста ихъ. Проф. А. Н. Шварцъ, указаніемъ на новѣйшую и исключительно авторитетную редакцію Павсанія I, 20, 1, сдѣлалъ невозможными разсужденія нашего автора на стр. 130—137“. Съ удивленіемъ узнаю о такой „новѣйшей и исключительно авторитетной редакціи“ даннаго мѣста изъ Періегесы Павсанія и былъ бы очень благодаренъ моему критику, еслибы онъ указалъ мнѣ ее. Проф. же А. Н. Шварцъ указалъ именно на старѣйшую редакцію,—на чтеніе рукописи *La* (*Lugdunensis a*), гдѣ нѣкоторыя, особенно подозрительныя выраженія въ данномъ мѣстѣ пропущены, о чемъ и замѣчено въ примѣчаніяхъ къ латинскому изданію Павсанія, сдѣланному Шубартомъ и Вальцемъ еще въ 1838 г. Но „авторитетнымъ“ чтеніемъ для насъ все-таки остается то, которое принято Шубартомъ въ новѣйшихъ изданіяхъ и дано въ моей книгѣ. Чѣмъ же можетъ доказать проф. Цвѣтаевъ свое положеніе, что я „не ознакомился въ должной степени съ наиболее вѣрной редакціей текста“ древнихъ авторовъ?

²⁾ Рѣчь идетъ о каталогѣ *W. Fröhner, Sculpture Antique du Louvre, 1 vol., безъ всякаго указанія на то, что это nouvelle édition.*

на этой страницѣ, совершенно вѣрно, какъ признаеть и самъ критикъ. И такъ, на что-же возражаетъ онъ, и въ чемъ тутъ заключается „недосмотръ“?

Какое затѣмъ противорѣчіе въ стр. 147-й и 152-й? Если даже Марціалъ писалъ свое двустипіе и не на оригиналь, а на копію Савроктона, то, такъ какъ общій характеръ произведенія и въ копіи долженъ былъ сохраниться,—его слова могутъ служить и при этомъ условіи для опредѣленія возраста Аполлона, называемаго имъ „*puer insidiosus*“.

По отношенію къ тому же Савроктону строгій критикъ мой усматриваетъ и еще одно противорѣчіе,—что на стр. 151-й я толкую *Corinthius*, какъ обозначеніе „*мѣста*“ первоначальнаго нахожденія памятника, а не *материала*“, а на стр. 152-й пишу: „Поэтому я и въ данномъ случаѣ вижу не только обозначеніе *материала*, но и опредѣленіе *мѣста*“ и т. д. Но я попросилъ бы и моего критика, и читателя внимательнѣе прочесть конецъ стр. 151-й, гдѣ сказано: „Если *O. Rayet* видитъ въ словѣ *Corinthius* только указаніе на *материалъ*,... то съ этими его словами едва-ли можно согласиться“... И на стр. 152-й: „Не только обозначеніе *материала*, но и опредѣленіе *мѣста*“. Полагаю, что изъ сопоставленія этихъ словъ каждому ясно, въ чемъ дѣло: я съ перваго раза признавалъ двойное значеніе прил. *Corinthius* и ни въ какое противорѣчіе съ собою не впадалъ.

Такимъ образомъ, если не считать „стыднаго“ примѣчанія объ Аякетѣ, то оказывается, что всѣ, приводимыя критикомъ, мѣста изъ моей диссертациі вполнѣ благополучны и не заключаютъ въ себѣ никакихъ рѣшительно противорѣчій.

8) Едва-ли не самый строгій и суровый приговоръ, и въ то-же время самый несправедливый, высказанъ проф. Цвѣтаевымъ о стилѣ моей диссертациі. Онъ говоритъ: „Языкъ сочиненія г. А. составляетъ самую слабую сторону его труда, которая заслоняетъ собою какъ другіе недостатки, такъ и положительныя достоинства его книги“ (стр. 182). Она на столько заслонила для проф. Цвѣтаева эти „положительныя достоинства“, что онъ и совсѣмъ не призналъ ихъ и не обмолвился о нихъ ни словомъ въ своей рецензіи. „Языкъ его“—продолжаетъ онъ—„нерѣдко темень и неправиленъ синтаксически и весьма часто не обработанъ со стороны самыхъ элементарныхъ требованій литературнаго стиля“. Предоставляя убѣдиться въ этомъ самому читателю, рецензентъ мой приводитъ 6 мѣстъ изъ книги въ 304 стран., думая, что это что-либо доказываетъ. Но это ровно ни-

чего не доказываетъ: еслибы даже критикъ выписалъ 20 страницъ моей книги, неудачно, по его мнѣнію, изложенныхъ, то и тогда приговоръ его оставался бы недоказаннымъ и произвольнымъ, такъ какъ за вычетомъ этихъ 20-ти (хотя бы и сплошь плохихъ) страницъ остается еще около 300, не заслужившихъ порицанія. Соглашаясь, что приведенные примѣры не совсѣмъ удачны въ стилистическомъ отношеніи, я долженъ, однако, замѣтить, что на указанной критикомъ стр. 54 союзъ „но“ возникъ вмѣсто „именно“ по корректурному недосмотру.

Не могу согласиться и съ послѣднимъ заявленіемъ о рѣзкости тона, которой я всячески старался избѣжать, такъ что, гдѣ она и проскользнула, то противъ моей воли и не можетъ быть возведена въ общій недостатокъ моей работы.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго, въ критикѣ проф. Цвѣтаева, выражаясь его-же собственными словами, иное бездоказательно, иное совершенно излишне, иное преувеличено, многое свидѣтельствуетъ о нѣкоторой горячности, помѣшавшей критику видѣть недостатки нѣкоторыхъ его доводовъ. Въ заключеніе не лишнимъ будетъ отмѣтить еще разъ тотъ фактъ, что рецензентъ мой критикуетъ почти исключительно первую и предпослѣднюю главу моей диссертации, удѣляя лишь ничтожныя замѣчанія на долю остальныхъ 34 главъ: въ нихъ, кромѣ отсутствія ссылокъ на новѣйшіе атласы, онъ отмѣчаетъ лишь нѣсколько мелкихъ промаховъ и неудачныхъ выраженій, подразумевая, вѣроятно, подъ ними тѣ недостатки, которые „заслоняютъ“ собой достоинства книги. О существованіи послѣднихъ въ рецензіи проф. Цвѣтаева разсѣяны лишь „глухія и нѣмыя“ фразы, изъ которыхъ совершенно не ясно, въ чемъ они заключаются: доброжелательному критику слѣдовало бы указать и на эту сторону сочиненія нѣсколько подробнѣе. Въ виду же отмѣченной нами выше склонности критика къ преувеличеніямъ, естественно не довѣрять и словамъ его, что „указываемые случаи не исчерпываютъ здѣсь, равно какъ и ниже, подъ другими рубриками, *всего матеріала, подлежащаго исправленію*“ и т. д. (стр. 154). Во всякомъ случаѣ отзывъ, сдѣланный на основаніи разбора почти только двухъ главъ сочиненія, включающаго въ себя 36 главъ, при томъ подробно касающійся вопросовъ преимущественно второстепенной важности и почти игнорирующій все существенное, врядъ-ли представится кому-либо заслуживающимъ полнаго довѣрія, не смотря на свои грандіозные размѣры. Думается, что для того, чтобы имѣть

право на произнесеніе едва-ли не уничтожающаго книгу приговора, критикъ обязанъ былъ обратить болѣе вниманіе на всю книгу, въ полномъ объемѣ, и представить доказательства болѣе вѣскія и убѣдительныя въ пользу своихъ замѣчаній, а такъ какъ онъ поступилъ иначе, то и общій отзывъ его долженъ считаться излишне рѣзкимъ и недоказаннымъ.

Вл. Анисельротъ.

Книжныя новости.

Ворникъ Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 5. М. 1893. Стр. 314 + 47 + LXXXI + 16.—Выпускъ этотъ открывается двумя статьями, уже извѣстными въ печати: „Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ ризы Господней царю Михаилу Θεодоровичу“ (1—48) было отдѣльно выпущено въ свѣтъ еще въ 1891 г., а статья Н. В. Чарыкова „Путешествіе въ Узбекистанъ въ 1671 г.“ (49—62) представляетъ перепечатку изъ перваго тома „Трудовъ III-го международнаго сѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ“, на французскомъ языкѣ, какъ докладъ этотъ былъ читанъ на сѣздѣ и напечатанъ въ его трудахъ. Далѣе слѣдуетъ статья барона О. А. Бюлора „Статутъ и знаки ордена Подвязки въ Московской оружейной палатѣ“ (63—88), въ которой авторъ обстоятельно доказываетъ, что эти знаки не были пожалованы ни Іоанну Грозному, ни царю Алексѣю Михайловичу, ни боярину Матвѣеву, хотя изъ многихъ, приведенныхъ имъ доказательствъ достаточно было бы уже одного того, что лица эти не находятся въ официальныхъ англійскихъ спискахъ ордена Подвязки; къ статьѣ этой приложены свѣдѣнія объ учрежденіи ордена Подвязки и о церемоніи принятія ордена русскими государями, начиная съ императора Александра I. По документамъ архива составилъ: г. Шуваловъ „Очеркъ жизни ориенталиста Кера“ (89—110), служившаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ при графѣ А. И. Остерманѣ переводчикомъ и замѣчательнаго своимъ проектомъ Восточной академіи для Россіи, и г. Лопухинъ „Очеркъ Ясскаго конгресса“ (111 — 153); послѣдняя статья излагаетъ только ходъ переговоровъ въ Яссахъ, и не даетъ ничего поваго, тѣмъ болѣе, что самые протоколы конгресса уже напечатаны въ XXIX т. „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ (548—630). Болѣе интересною является статья г. Алябьева „Сношенія Россіи съ Мальтійскимъ орденомъ“ (173—218), представляющая часть задуманнаго авторомъ труда и доводящая разказъ до 1789 г.; въ статьѣ этой находимъ подробности, очень любопытныя для исторіи дѣятвій русскаго флота въ Средиземномъ морѣ въ теченіе первой турецкой войны; нѣкоторые факты уже извѣстны по вышедшимъ томамъ „Политической переписки Екатерины II“, но многое изложено на основаніи бумагъ еще не изданныхъ. Наиболѣе крупною по объему и цѣнной является работа С. А. Бѣлокурова: „Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ за границей и иностранныхъ при русскомъ дворѣ“

(съ начала сношеній по 1800 г.). Выпускъ I^а (219—314). Въ настоящемъ выпускѣ Сборника напечатаны списки лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ Россіи съ Австріей и Венгріей, при чемъ указаны не только послы и посланники, но и всѣ лица, вѣдшія между этими двумя дворами съ какими-нибудь временными порученіями; г. Бѣлокуровъ указываетъ источники, на основаніи которыхъ составилъ онъ свои списки; ему удалось внести нѣсколько новыхъ или исправленныхъ датъ въ свѣдѣнія наши о дипломатическихъ сношеніяхъ за XV—XVII вв.; будемъ надѣяться, что авторъ доведетъ до конца свою любопытную и полезную работу. Въ приложеніи помѣщено далеко еще не оконченное изслѣдованіе В. А. Уляницкаго „Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей“, съ присоединеніемъ многихъ любопытныхъ выдержекъ изъ документовъ начала XVIII вѣка, касающихся торговыхъ отношеній; оно обѣщаетъ быть очень интереснымъ; до сихъ поръ этому вопросу не было посвящено особаго изслѣдованія и уже одно сравненіе съ работою г. Уляницкаго небольшой статьи В. Н. Александренка, посвященной тому же вопросу и напечатанной въ мартовской книжкѣ *Журнала Юридическаго общества* за 1894 г. (111—128), доказываетъ, какъ мало еще извѣстно въ нашей ученой литературѣ свѣдѣній о консулахъ въ Россіи и о русскихъ консулахъ за границей, помимо того уже, что г. Уляницкій ставитъ, повидимому, своею главною задачею изученіе культурно-экономическаго значенія для Россіи тѣхъ сношеній, которыхъ органами были консулы.

Сэръ Томасъ Смита путешествовалъ и пребывалъ въ Россіи. Со снимками съ заглавной страницы англійскаго подлинника 1605 года и съ трехъ писемъ Т. Смита. Переводъ, введеніе и примѣчанія *И. М. Болдыкова*, Библиотека Императорской Публичной Библиотеки. Изданіе графа *С. Д. Шереметева*. С.-Пб. 1893.—Англійское правительство, пытаясь со времени Іоанна Грознаго завязать и укрѣпить торговые сношенія съ Московскимъ государствомъ, неоднократно посылало въ Москву посольства. Къ числу такихъ посольствъ принадлежало и посольство Томаса Смита, отправленное въ Москву послѣ смерти Елизаветы англійской, когда на престолъ вступилъ Іаковъ. Томасъ Смитъ долженъ былъ извѣстить царя о совершившихся въ Англии событіяхъ и увѣрить его, что новый англійскій король „наслѣдовалъ престолъ тетки, желаетъ наслѣдовать и твою (царя) къ ней дружбу“. Кромѣ того Смигу поручено было домогаться новаго подтвержденія всѣхъ торговыхъ правъ и преимуществъ англичанъ и, въ особенности, права ѣздить черезъ Россію въ Персію, Индію и Китай. Разказъ объ этомъ посольствѣ и составляетъ содержаніе „Путешествія сэра Томаса Смита въ Россію“. Подлинникъ этого „Путешествія“ существуетъ всего въ двухъ изданіяхъ—editio princeps, London, 1605 (по которому и выполненъ настоящій переводъ) и перепечаткѣ съ него, вышедшей въ 1607 году. Хотя разказъ въ этомъ сочиненіи ведется въ первомъ лицѣ, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ краткаго предисловія къ „Путешествію“, въ составленіи его не принималъ участія самъ посланникъ, и написано оно было лицомъ, совѣтъ не входившимъ въ составъ посольской свиты. Изъ этого же предисловія мы узнаемъ, что авторъ „Путешествія“ пользовался при составленіи своей книги сообщенными ему писанными замѣтками нѣкоторыхъ соучастниковъ въ посольствѣ сэра Томаса

Смита о ихъ пребываніи въ Россіи, при чемъ, какъ можно думать, влючалъ извлеченіи изъ нихъ цѣлкомъ въ свой текстъ. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, объяснять манеру автора вести изложеніе въ первомъ лицѣ. Указаніе на вышеупомянутые рукописные матеріалы, а также то обстоятельство, что „Путешествіе“ появилось почти непосредственно вслѣдъ за возвращеніемъ посла изъ Россіи въ Англію, до известной степени служатъ ручательствомъ за большую или меньшую достоверность содержащихся въ ней свѣдѣній. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ, „Путешествіе“ не такъ важно для исторіи дипломатическихъ сношеній, какъ для бытовой стороны жизни въ Московскомъ государствѣ: въ немъ довольно живо отражается настроеніе тогдашняго русскаго общества, слышатся современные вѣянія. Въ этомъ отношеніи интересны сообщаемые авторомъ слухи о личности и о дѣйствіяхъ Самозванца и цѣлкомъ приводимое въ „Путешествіи“, несомнѣнно апокрифическое, предсмертное письмо царевича Ѳедора Борисовича Годунова къ Лжедмитрію. Въ своемъ введеніи къ переводу „Путешествія“ переводчикъ сообщаетъ краткую біографію Томаса Смита, а также догадки относительно личности автора „Путешествія“. Къ переводу „Путешествія“ приложенъ переводъ одного письма Томаса Смита къ Лжедмитрію, двухъ — къ дяку Аванасію Ивановичу Власеву и одного письма къ Лжедмитрію Джона Мерика, англійскаго агента, завѣдывавшаго дѣлами компаніи англійскихъ купцовъ въ Москвѣ.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Русскія вышны отарой и новой записи. Подъ редакціей академика *Н. С. Тихоградова* и проф. *В. Ѳ. Миллера*. Этнографическій отдѣлъ Общества любителей естествознанія. Москва.

— *Е. Шмурло*. П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи. Юрьевъ

— *И. А. Линиченко*. Черты изъ исторіи сословія въ юго-западной Руси. Москва.

— *А. Дмитриевскій*. Патмосскіе очерки. Кіевъ.

— *А. Дмитриевскій*. Евхологіонъ IV вѣка. Сараніона, епископа Тмултскаго. Кіевъ.

— Новгородскія кавальныя книги 7108 (1599—1600) года. Изданіе Археологической Комиссіи. С.-Пб.

— *И. И. Лаппо*. Тверской уездъ въ XVI вѣкѣ. Москва.

— *Е. В. Карскій*. О языкѣ такъ-называемыхъ литовскихъ лѣтописей. Варшава.

— Собраніе сочиненій Михаила Семеновича Куторги. Издано подъ редакціей *Мих. Степ. Куторги*. Изданіе *Л. Ф. Пантелеева*. Томъ I. С.-Пб.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ извлеченныхъ изъ архива Сов-

СТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ. Выпускъ шестой.
Изданъ подъ редакцію *И. Дубровина*. С.-Пб. 1893.

— УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ. *Ө. Козловскаго*. Двѣ части. Кіевъ.

— О РИГИЕННИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ СТАНКА КНИГОДЕРЖАТЕЛЯ. Д-ра *М. Рейха*.
Москва.

— ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА за 1892 г. Иркутскъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

MOSAÏQUE FRANÇAISE ou lectures littéraires et scientifiques tirées principalement des meilleurs auteurs du XIX siècle. [Французская Хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ преимущественно изъ французскихъ писателей XIX вѣка]. Составилъ *И. Г. Мижуевъ*, преподаватель 6-й и 9-й С.-Петербургскихъ гимназій. Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*. С.-Петербургъ. 1894 г. Стран. 216+68+VIII.

Сборникъ г. Мижуева составленъ изъ статей и отрывковъ, заимствованныхъ изъ сочиненій французскихъ путешественниковъ, какъ *Rousselet, Du Chaillu, Bombonnel, I. Gérard, Fr. Garnier, Mouhot*, а также изъ трудовъ первоклассныхъ французскихъ ученыхъ или популяризаторовъ науки, какъ *Buffon, Cuvier, Saussure, Hubert, P. Bert, Figuiet, Tissandier, Varigny*, и потому заключаетъ много полезныхъ свѣдѣній по исторіи, географіи, естествознанію и другимъ наукамъ. Кромѣ того, въ этомъ сборникѣ помѣщено значительное число отрывковъ изъ писателей, сочиненія которыхъ частью или всецѣло относятся къ области изящной литературы; въ этой группѣ статей встрѣчаются имена *Balzac, V. Hugo, Lamartine, G. Sand, H. Taine, D. Nisard, I. Michelet, Th. Gautier, Guizot, O. Feuillet, A. Duvallet, A. Dumus père, Ohnet, Fr. Sarcey, Bernadille, G. Duruy, Ir. Lcyové*. Между статьями г. Мижуевъ поставилъ не мало общеупотребительныхъ французскихъ пословицъ, съ объясненіемъ ихъ значенія, множество *énigmes, devinettes, amusettes*, заимствованныхъ изъ собранія пословицъ и загадокъ *E. Rolland'a*, а также пѣсенъ, предназначен-

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ныхъ для дѣтскаго возраста, нѣсколько басенъ и стихотвореній. Какъ по содержанію своему, такъ и по составу сборникъ г. Мижуева представляетъ собою нѣчто новое: изъ числа 296 статей, въ немъ помѣщенныхъ, только нѣсколько басенъ и отрывковъ встрѣчаются въ существующихъ хрестоматіяхъ, остальное все въ первый разъ появляется въ сборникѣ, назначенномъ для класснаго чтенія, и не заключаетъ въ себѣ ничего неудобнаго. Алфавитный словарь, приложенный къ тексту, составленъ старательно: многочисленныя справки дали вполне удовлетворительные результаты.

Вообще сборникъ г. Мижуева составленъ разумно и умѣло, напечатанъ отличнымъ, четкимъ, хотя нѣсколько мелкимъ шрифтомъ, съ надлежащей корректурной исправностью.

AVRÉCÉ DE LA LITTÉRATURE FRANÇAISE POUR LES CLASSES SUPÉRIEURES DES GYMNASIUMS ET ÉCOLES RÉALES, par Victor Métyer, maître de français au gymnase de Poltawa. Poltawa. 1893. Стран. 44.

Исторія французской литературы въ изложеніи г. Метее доведена до такой краткости, что вся она помѣщается на 8-ми страничкахъ довольно разгонистой печати. О средневѣковомъ періодѣ литературы авторъ не говоритъ рѣшительно ничего; только въ выноскѣ на первой страницѣ онъ приводитъ, какъ обращикъ языка романскаго, текстъ клятвеннаго обязательства въ Страсбургѣ между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ. Объяснивъ, что древне-французскій языкъ дѣлился на двѣ вѣтви, сѣверную—*langue d'oïl* и южную—*langue d'oc*, обнимающія множество діалектовъ, и что къ XIV-му вѣку *la langue d'oc* или провансальскій языкъ пересталъ быть литературнымъ, уступивъ мѣсто языку провинціи Иль-де-Франса, сдѣлавшемуся вслѣдствіе благоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ обще-государственнымъ, г. Метее переходитъ прямо къ XVI-му вѣку, къ эпохѣ „Возрожденія“. Вся исторія литературы этой эпохи разказана на одной третьей страницѣ, гдѣ упоминаются два поэта—*Clément Marot* и *Ronsard*—и два прозаика—*Babelais* и *Montaigne*—съ ихъ характеристикой въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Нѣсколько подробнѣе изложена исторія литературы классической эпохи, то-есть, XVII-го столѣтія, вѣка Людовика XIV; здѣсь названы Корнель, Декартъ, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Бурдалу, Боссюэ, Фенелонъ, Лабрюеръ, *Madame de Sévigné* и *Madame de Maintenon*. Въ XVIII вѣкѣ упоминаются *Montesquieu*, *Voltaire*, *Jean Jacques Rousseau*, *Diderot* и *Buifon*, а въ XIX—*Chateaubriand*, *Xavier de Maistre*, *Lamartine*, *Vic-*

tor Hugo, Béranger, Alfred de Musset и историки *Thierry, de Béranger, Guizot, Michelet, Mignet* и *Thiers*; о писателяхъ намъ современныхъ авторъ предоставляетъ судить потомству. Такимъ образомъ сокращенная исторія французской литературы г. Метее есть собственно перечень именъ главнѣйшихъ писателей съ указаніемъ заглавій нѣкоторыхъ изъ ихъ сочиненій; кромѣ этой номенклатуры ничего другого въ сочиненіи его пріобрѣсти нельзя, такъ какъ отзывы его о заслугахъ писателей и о достоинствахъ ихъ сочиненій имѣютъ слишкомъ общій характеръ.

За сокращенной исторіей литературы слѣдуютъ краткія біографіи всѣхъ вышепоименованныхъ писателей, съ большимъ числомъ названій ихъ сочиненій, и, слѣдовательно, съ большимъ количествомъ общихъ мѣстъ, не дающихъ ничего опредѣленнаго.

Книжка г. Метее заканчивается небольшимъ собраніемъ французскихъ пословицъ, съ переводомъ по-русски, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ этомъ отдѣлѣ подлежатъ исправленію слѣдующія мѣста: На стран. 34 подъ словомъ *farine*: „царь жалуется, да писарь не жалуется“. На стран. 37 подъ словомъ *langue*: „семь разъ обмърь, а потомъ обръньс“ (?). На стран. 40 въ послѣдней строкѣ французская пословица, по неприличію, должна бы быть выброшена. На стран. 42 подъ словомъ *saint*: „ищи милости скорѣе у царя, чѣмъ у писаря“.

Г. Метее назначаетъ свой трудъ для старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, но такъ какъ онъ написанъ на французскомъ языкѣ, то едва ли онъ можетъ быть удобенъ для учащихся поименованныхъ заведеній. Кромѣ того, исторія французской литературы, какъ самостоятельный предметъ, не преподается въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану и примѣрнымъ программамъ по французскому языку выражено только пожеланіе, чтобы, при чтеніи цѣльныхъ сочиненій, рекомендованныхъ для старшихъ классовъ, сообщались учащимся біографическія свѣдѣнія объ авторѣ и историко-литературныя данныя, относящіяся къ читаемому произведенію. Для удовлетворенія такому указанію, во всѣхъ изданіяхъ означеннаго рода, появившихся въ последнее время, приложены на русскомъ языкѣ вполне достаточныя объясненія и потому въ особомъ пособіи, названномъ 1-мъ Метее почти до одной лишь номенклатуры, не представляется никакой надобности.

Собрание французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія. Изданіе А. А. Алексеева. I. Выпускъ девятый. Le passage de la Bérézina, par le général comte de Ségur, или XI книга изъ сочиненія графа Сегюра: Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812, съ введениемъ, историческими и грамматическими примѣчаніями, алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ, картою и словаремъ, составилъ Александръ Алексеевъ, преподаватель Царницкой Александровской гимназіи. С.-Пб. 1893. Стр. 188. въ 12-ю долю. Цѣна 45 коп.

II. Выпускъ десятый. Biographies d'hommes célèbres de l'antiquité, par Charles Rollin. (Сократъ. — Крезъ. — Мильтиадъ. — Демосфенъ. — Порсенна. — Югурта). Съ примѣчаніями и словаремъ, составилъ Фридрихъ Крейсбергъ, преподаватель 3-й Тифлисской гимназіи. С.-Пб. Стр. 136, въ 12-ю д. Цѣна 40 коп.

I. Предпринятое г. Алексѣевымъ изданіе французскихъ авторовъ, для школьнаго употребленія, пополнилось двумя вышеназванными сочиненіями, указанными въ перечнѣ произведеній, рекомендованныхъ для чтенія въ среднихъ и старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Девятый выпускъ этого изданія, заключающій одинъ изъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ войны 1812 года—именно переправу черезъ р. Березину при обратномъ движеніи великой французской арміи изъ Москвы, обработанъ самимъ издателемъ А. Алексѣевымъ. Эпизодъ этотъ заимствованъ изъ замѣчательнаго сочиненія графа Сегюра, разсказывающаго исторію нашествія Наполеона на Россію въ 1812 году. Сочиненіе это, при занимательности и привлекательности разказа, способно содержаніемъ своимъ возвышать въ юношествѣ свойственныя великому народу чувства самоуваженія и вѣры въ славное будущее, но, къ сожалѣнію, оно такъ обширно, что изъ 12-ти его томовъ можно лишь незначительную частицу предложить для класснаго чтенія на урокахъ французскаго языка. Въ нашей учебной литературѣ уже ранѣе существовало извлеченіе изъ этого же сочиненія въ изданіи покойнаго Павла Носовича подъ заглавіемъ „Bataille de la Moskova“, какъ названъ въ исторіи Сегюра Бородинскій бой. Г. Алексѣевъ избралъ эпизодъ „Le Passage de la Bérézina“, разказанный въ XI книгѣ этой исторіи и состоящій изъ XIII главъ. Давъ краткую біографію автора, участника и очевидца описываемыхъ событій, имѣвшаго возможность, по должности квартирмейстера главной императорской квартиры (maréchal des logis du palais) слѣдить за всѣми военными дѣйствіями и

знать всё распоряженіе Наполеона, г. Алексѣевъ, для сохраненія послѣдовательности разказа, предпосылаетъ тексту, въ краткомъ изложеніи отступленіе Наполеона отъ Москвы къ Оршѣ, движеніе его отъ Орши къ Борисову, переправу черезъ Березину, прибытіе въ Сморгонь и отъѣздъ изъ арміи во Францію (5-го декабря). Издатель даетъ обильные комментаріи къ тексту, поясняющіе его въ историческомъ, географическомъ и военно-тактическомъ отношеніяхъ, пользуясь главнымъ образомъ „Исторіею Отечества въ войну 1812 года“ генерала Богдановича, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя цитаты изъ этого труда; кромѣ того г. Алексѣевъ ссылается еще на сочиненія *Thiers'a*, *Gourgaud*, *Chambray* и на нѣмецкія изданія Бейцке, Швальбаха, Шмица и Лямбека. Среди множества объясненій по содержанію текста, г. Алексѣевъ даетъ не мало дѣльных замѣтокъ по языку, облегчающихъ надлежащее пониманіе и правильный переводъ особенныхъ выраженій и затрудняющихъ фразъ; лишняго въ этомъ отношеніи ничего не замѣчается. Къ книжкѣ приложены—алфавитный перечень упоминаемыхъ въ текстѣ собственныхъ именъ, съ объясненіемъ ихъ, и карта театра войны 1812 г.: оба эти приложенія служатъ хорошимъ пособіемъ при чтеніи. Алфавитный словарь, судя по многочисленнымъ провѣркамъ, кажется составленнымъ тщательно.

Желательно было бы однако, чтобы при новомъ воспроизведеніи г. Алексѣевъ сдѣлалъ слѣдующія поправки: на стр. 36 въ текстѣ и на стр. 144 въ словарь лучше было бы удалить, какъ неупотребляемое, слово *остервенять*, и ограничиться словомъ *ожесточать*, для перевода глагола *achurner*, на стр. 42 и 53 замѣнить терминъ *инверсія*, какъ неупотребляемый въ русской грамматикѣ, словомъ *перестановка* или *перемѣщеніе*, или, наконецъ, *обращенная конструкция*; на стр. 45 въ выноскѣ подъ цифрой 20 поставить *en conséquence de* вмѣсто поставленнаго *en conséquent de* и на стр. 56 въ выноскѣ подъ цифрой 18 обратить вниманіе на то, что въ выраженіи *quand il le fallait* форма *le* есть мѣстоименіе, а не членъ, какъ тамъ сказано.

II. Десятый выпускъ изданія г. Алексѣева заключаетъ заимствованныя изъ сочиненія Роллена (Charles Rollin) „*Biographies d'hommes célèbres de l'antiquité*“ біографіи Сократа, Крезса, Мильтиада, Демосоена, Порсенны и Югурты въ обработкѣ г. Фридриха Крейсберга. Историческіе труды Роллена пользовались въ свое время большимъ

уваженіемъ во Франціи, а его „Histoire ancienne“ въ 13-ти томахъ и „Histoire romaine“ въ 9-ти томахъ были даже переведены почти на всѣ европейскіе языки. Біографіи этого писателя указаны въ перечнѣ сочиненій, рекомендованныхъ программами для чтенія въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій. Комментаръ снабдилъ обильными поясненіями текстъ, требующій довольно обширныхъ, для его полнаго пониманія, свѣдѣній по древней исторіи и географіи и знакомства съ бытовою стороною жизни древнихъ. Г. Крейсбергъ не поскупился также и на грамматическія замѣчанія и правила, которыхъ оказывается множество въ выноскахъ между переводами выраженій и фразъ, представляющихъ какія либо затрудненія. Это, конечно, лучше недостатка подобныхъ указаній, однако въ этомъ отношеніи есть извѣстная мѣра, за которую не слѣдуетъ переходить. Всѣ грамматическія объясненія и указанія г. Крейсберга сдѣланы хорошо и не вызываютъ никакихъ возраженій, кромѣ только того, что многія изъ нихъ даютъ совершенно готовымъ ученику то, надъ чѣмъ бы ему было полезно нѣсколько подумать самому: по нашему мнѣнію, во многихъ случаяхъ достаточно было указать только первоначальное значеніе выраженій и фразъ, оставляя учащемуся трудъ приспособить ихъ къ данному мѣсту. Затѣмъ мы находимъ, что многія слова и выраженія въ выноскахъ, не имѣющія исключительности значенія въ данномъ мѣстѣ, должны бы быть вынесены въ алфавитный словарь; такъ, напримѣръ, слова и выраженія: *instruit, vous avez raison* (стр. 20), *inspirent, prévaloir* (стр. 24), *tant que* (стр. 29), *est composée, avec soin, en son honneur, une infinité* (стр. 49), *il y arriva* (стр. 55), *de là* (стр. 57), *se rendre, sur-le-champ, tant, jusque-là* (стр. 59) и весьма многія подобныя могли бы не увеличивать напрасно числа выносокъ.

COURS PROGRESSIF DE LANGUE FRANÇAISE, divisé en cinq années, sur un plan entièrement nouveau, approprié à l'usage des Instituts et des gymnases, par N. Kowchikine. Première année. С.-Петербургъ, 1893. Стран. 148+IV. Цѣна 70 коп.

Классная надзирательница Александровской женской гимназій, г-жа Кошкина, задумала составить учебникъ французскаго языка для женскихъ институтовъ и гимназій. Учебникъ этотъ, по плану составительницы, долженъ состоять изъ пяти послѣдовательныхъ курсовъ, изъ которыхъ покамѣстъ появился въ печати только первый.

Первая книжка учебника г-жи Кошкиной включает упражнения въ механическомъ чтеніи, для ознакомленія учащихся съ главнѣйшими особенностями французскаго произношенія, двадцать пять параграфовъ французскаго и русскаго текстовъ, состоящихъ частью изъ отдѣльныхъ фразъ и частью изъ разказовъ и бесѣдъ, касающихся игръ и любимыхъ занятій дѣтей, четырнадцать связныхъ прозаическихъ статей для чтенія и перевода на русскій языкъ и тринадцать дѣтскихъ небольшихъ стихотвореній, для заучиванія наизусть. Вокабулы и объясненія по грамматикѣ помѣщены отдѣльно, вслѣдъ за параграфами упражненій, назначенными для изученія формъ разговорнаго дѣтскаго языка, а вокабулы для связныхъ статей и стихотвореній вынесены въ конецъ книжки. Такимъ образомъ первый курсъ г-жи Кошкиной естественно дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ первая должна быть обязательно изучена во всей ея цѣлости, изъ второй же можетъ быть переведено столько статей и выучено столько стихотвореній, сколько дозволитъ время и усидчивость преподаванія.

Упражненія въ правильномъ произношеніи и чтеніи по-французски ведутся на отдѣльныхъ словахъ, значеніе которыхъ по-русски дано тутъ-же: это приемъ хорошій, какъ потому, что дѣти, понимая значеніе прочитанныхъ словъ, менѣе утомляются и сослуживаются отъ этой работы, такъ и потому, что отъ частыхъ повтореній нѣкоторое количество словъ удержится въ ихъ памяти. Къ похвалѣ г-жѣ Кошкиной нужно сказать, что въ упражненіяхъ этихъ она соблюла надлежащую мѣру, они не особенно растянуты и не потребуютъ лишней траты времени для этого все-таки до извѣстной степени механическаго чтенія.

Двадцать пять параграфовъ упражненій по изученію грамматическихъ формъ занимають 29 страницъ, что составляетъ количество матеріала вполне возможное для годичнаго курса. Какъ отдѣльныя фразы, такъ и разказы и бесѣды составлены хорошо, вполне соответственно дѣтскому возрасту учащихся и грамматической задачѣ курса. Задача эта не велика: изъ глагольныхъ формъ—*présent*, *passé indéfini*, *futur simple* и *impératif* вспомогательныхъ и правильныхъ глаголовъ 1-го, 2-го и 4-го спряженій во всѣхъ оборотахъ рѣчи; глаголовъ 3-го спряженія г-жа Кошкина не затрогиваетъ въ этомъ курсѣ, и это также хорошо; въ существительныхъ и прилагательныхъ—главнѣйшія правила образованія формы женскаго рода и множественнаго числа, затѣмъ формы трехъ членовъ полныя и сокращен-

ныя, числительныя количественныя до двадцати, прилагательныя притяжательныя и указательныя. Эта грамматическая задача заключаетъ матеріалъ совершенно необходимый для самаго небольшого круга дѣтскаго языка; а тѣ немногія правила, которыя къ нему относятся, изложены вполне доступно для начинающихъ учащихся и не заключаютъ въ себѣ ничего лишняго.

Связныя статьи подобраны очень хорошо, съ соблюденіемъ возможной послѣдовательности и съ устраненіемъ глагольныхъ формъ неизвѣстныхъ еще учащимся; только въ послѣдней 14-ой статьѣ „*Les Présents des gnomes*“, назначенной для механическаго чтенія, глаголы встрѣчаются въ разныхъ временахъ и наклоненіяхъ. Стихотворенія подобраны также вполне цѣлесообразно.

Вообще книжка г-жи Кошкиной производитъ хорошее впечатлѣніе, какъ характеромъ своего лексическаго и грамматическаго матеріала, такъ объемомъ его и умѣlostью составительницы цѣлесообразно расположить этотъ матеріалъ; однимъ словомъ, эта книжка обличаетъ въ г-жѣ Кошкиной надлежащій тактъ и чувство мѣры опытной преподавательницы. Трудъ этотъ напечатанъ очень хорошо, крупнымъ и четкимъ шрифтомъ, съ полной корректурной исправностью и можетъ служить очень хорошимъ пособіемъ для начальнаго обученія французскому языку.

Въ виду возможнаго и желательнаго воспроизведенія этой книжки въ послѣдующихъ изданіяхъ считаемъ не лишнимъ указать составительницѣ: ся на нѣкоторыя мелочныя поправки, которыя не мѣшало бы сдѣлать. Въ отдѣлѣ о произношеніи почти всѣ исключенія слѣдовало бы удалить, такъ какъ они совершенно лишни для начинающихъ: такъ на страницѣ 6-й указаніе о произношеніи *eu* въ *passé défini* глагола *avoir* представляетъ далекое забѣганіе впередъ, потому что во всемъ первомъ курсѣ эта форма не встрѣчается; также нигдѣ не встрѣчаются помѣщенные въ исключенія слова *broc*-кувшинъ *croc*-крюкъ (стр. 8), *cassis*, *lis*, *os*, *ours* (стр. 12) *bastion*, *dot' net*, *bat* (стр. 13). *joug* (стр. 14); если такія слова съ особеннымъ произношеніемъ встрѣтятся въ текстѣ послѣдующихъ частей учебника то тогда и нужно будетъ въ вокабуларіѣ указать въ скобкахъ ихъ надлежащій выговоръ, какъ это обыкновенно дѣлается въ алфавитныхъ словаряхъ. На страницѣ 8-й указаніе о произношеніи окончанія *thie* какъ *sie* въ словѣ *chrestomathie* слѣдуетъ уничтожить: въ словарѣ *Littré* (стр. 615) такой вариантъ въ произношеніи этого слова не по-

казанъ, и нѣтъ никакого основанія сложную согласную *th* произносить какъ *s*. На страницѣ 10-й слѣдуетъ удалить указаніе о неправильномъ произношеніи смягченнаго *l* въ звукахъ *ail, aille, eille* и проч.: Littgé и другіе авторитеты осуждаютъ такое произношеніе этихъ звуковъ, какое рекомендуетъ г-жа Кошкина; во всякомъ случаѣ причуды произношенія лишни для начинающихъ. На страницѣ 135 въ вокабулярѣ къ статьѣ 14-й слѣдуетъ указать, что слово *gnome* читается не со смягченнымъ *gn*, а каждая согласная со своимъ обыкновеннымъ звукомъ *gh-gnome*: это единственно пужное исключеніе для текста упущено г-жей Кошкиной изъ виду.

Въ отдѣлѣ объясненій по грамматикѣ слѣдуетъ на страницѣ 48-й предлогъ *ex-ives* исключить изъ рубрики союзовъ, куда онъ попалъ, конечно, по недосмотру. На страницѣ 79 въ § 24 не слѣдовало бы форму *des* выдавать за форму множественнаго числа частичнаго члена: этотъ послѣдній, по сущности своего значенія, множественнаго числа имѣть не можетъ.

Всѣ указанные недостатки однако такъ незначительны, что не могутъ уменьшить достоинства труда г-жи Кошкиной.

Филиппики Демосоевна. Объяснилъ П. Юпатовъ, преподаватель Перновской гимназіи. Томъ I. Олиносскія рѣчи и первая рѣчь противъ Филиппа. Лейпцигъ. 1893. Стр. 83. Цѣна 80 коп.

Книга г. Юпатова, напечатанная въ Лейпцигѣ въ типографіи В. Другулина, заключаетъ въ себѣ греческій текстъ и комментарий, помѣщенный въ видѣ приложенія. Текстъ отличается изяществомъ шрифта и тщательностью корректуры; лишь мелкія погрѣшности, и то въ небольшомъ числѣ, ускользнули отъ вниманія составителя.

Комментарій составленъ по хорошимъ пособіямъ, между которыми особенно выдаются изданія А. Вестерманна: „Ausgewählte Reden des Demosthenes“ и В. В. Латышева: „Очерки греческихъ древностей“. Объяснительныя примѣчанія, какъ по формѣ, такъ и по содержанию, весьма удовлетворительны и доказываютъ, что составитель обладаетъ опытомъ, талантомъ и знакомствомъ съ потребностями нашей школы; ссылки грамматическія взяты изъ „Греческаго синтаксиса“ Э. Чернаго. Замѣтки по исторіи Демосоеновскихъ временъ хорошо разъясняютъ намеки и упреки оратора, а матеріалъ, заимствованный изъ труда г. Латышева, объясняетъ внутреннюю обстановку Аеицъ. Указанія въ отношеніи русскаго перевода слѣдуетъ признать, по большей части, удачными и мѣткими; въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ предлагаемые составителемъ обороты и слова въ точности не передаютъ смысла греческаго текста, какъ наприимѣръ:

Стран.	67	строка	3	снизу	ἀτοχῆς	недальновиденъ	вм.	несчастливецъ.	
"	71	"	36	сверху	μέμφονται	унижаю	вм.	порицаю.	
"	75	"	12	"	πάντ' ἄλλωτῳ εἶναι τοῦ δέοντος	все недоста-			
						точно	важнымъ	вм.	все меньше того, что нужно.
"	81	"	17	снизу	οὐδὲν ἀπολείπετε	(πολεμεῖν τῷ Φιλίππῳ)	=		
						вы ведете	войну	съ Филиппомъ	точно
						такъ, какъ	и т. д.—вм.	вы ничего не упу-	
						скаете,	чтобы	вести	войну
						съ Филиппомъ			
						такъ, какъ	и т. д.		

Введение, предпосланное греческому тексту подъ заглавиемъ „Десять ораторовъ“, равно какъ и краткіе историческіе экскурсы, предшествующіе комментарию каждой отдѣльной рѣчи, вполне соответствують цѣли и не могутъ не облегчить труда учащагося, который, впрочемъ, комментариемъ г. Юпатова не освобождается отъ необходимости пользоваться грамматикою и полнымъ словаремъ, что мы ставимъ составителю въ особую заслугу.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1892 ГОДУ.

На испытаніяхъ зрѣлости 1891 года новыя правила объ испытаніяхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденныя г. министромъ 12-го марта этого года, еще не могли быть примѣнены во всемъ своемъ объемѣ и повсемѣстно и, слѣдовательно, не могли оказать на эти испытанія того благотворнаго вліянія, котораго министерство въ правѣ было ожидать отъ нихъ, такъ же какъ и отъ новыхъ учебныхъ плановъ и программъ, изданныхъ имъ почти за годъ передъ тѣмъ. Напротивъ, неопредѣленность и неувѣренность въ направленіи и ходѣ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, особенно древнихъ языковъ, въ выпускномъ классѣ, обусловленная преждевременно распространившимися слухами о предполагавшихся измѣненіяхъ въ экзаменскихъ требованіяхъ, при полной неизвѣстности того, будутъ ли предстоящія испытанія производиться по прежнимъ правиламъ, или уже по новымъ, внушали серьезное опасеніе, что въ 1891 году результаты испытаній зрѣлости окажутся менѣе благоприятными, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. И если такое опасеніе оправдалось лишь въ весьма незначительной мѣрѣ (процентъ выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ 1891 году понизился сравнительно съ 1890 годомъ только на 0,5), то это обстоятельство объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что реформа нашего средняго образованія, одна изъ важнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія, поставившая Россію въ равныя воспитательныя и образовательныя условія съ прочими цивилизованными странами и тѣмъ

открывшая ей новые широкіе пути къ нравственному и умственному преуспѣванію, пустила уже глубокіе корни.

Итакъ, по результатамъ выпускныхъ испытаній 1891 года еще нельзя было сдѣлать никакихъ заключеній о томъ, какъ отразились на дѣятельности гимназій недавнія мѣропріятія министерства, направленные къ улучшенію и облегченію гимназическаго преподаванія. Но въ 1892 году испытанія зрѣлости происходили уже при иныхъ условіяхъ: приступившіе къ этимъ испытаніямъ ученики прошли курсъ двухъ старшихъ классовъ по новымъ учебнымъ планамъ и программамъ, и преподаваніе въ VIII классѣ велось въ соотвѣтствіи съ требованіями, предъявляемыми новыми правилами объ испытаніяхъ. Такимъ образомъ результаты испытаній зрѣлости 1892 года даютъ уже нѣкоторую возможность судить о цѣлесообразности сдѣланныхъ министерствомъ преобразованій въ гимназическомъ курсѣ, хотя при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ полной мѣрѣ значеніе этихъ мѣропріятій министерства можетъ выясниться не ранѣе 1898 г., когда послѣдуетъ первый выпускъ учениковъ, которые пройдутъ уже полный гимназическій курсъ въ его преобразованномъ видѣ.

Переходи къ разсмотрѣнію результатовъ выпускныхъ испытаній за отчетный годъ, нельзя не остановиться прежде всего на томъ отрадномъ фактѣ, что эти результаты, какъ видно изъ приложенной къ настоящему отчету вѣдомости № 1, не только сами по себѣ воцѣлн благопріятны (удостоены аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости приблизительно 93% общаго числа подвергавшихся испытаніямъ), но и благопріятнѣе результатовъ трехъ предшествующихъ лѣтъ, отчеты за которые были помѣщены въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*. А именно:

въ 1889 году	выдержали	испытанія	87,9%
" 1890 "	"	"	90,7%
" 1891 "	"	"	90,2%
" 1892 "	"	"	93%

Испытанія зрѣлости производились въ 1892 году въ 180 учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ: въ 170 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5 училищахъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и въ 5 частныхъ гимназіяхъ въ тѣхъ же городахъ. По сравненію съ 1891 годомъ, число правительственныхъ гимназій увеличилось на 2, а именно былъ первый выпускъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ Кіевонечерской и Бѣлоцерковской, завершившихъ въ 1891 году свое развитіе открытіемъ VIII класса.

Изъявили желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году 3685 учениковъ правительственныхъ гимназій (на 286 человѣкъ болѣе, чѣмъ въ 1891 году), 60 учениковъ церковныхъ училищъ (въ 1891 году ихъ было 53, то-есть, на 7 учениковъ менѣе), 86 воспитанниковъ частныхъ гимназій (на 7 воспитанниковъ болѣе, чѣмъ въ 1891 году) и 187 постороннихъ лицъ (которыхъ въ предшествовавшемъ году было на 77 человѣкъ болѣе), а всего 4018 лицъ, то-есть, на 223 болѣе, чѣмъ въ 1891 году.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, увеличеніе числа абитуриентовъ надаетъ на учениковъ правительственныхъ и частныхъ гимназій и церковныхъ училищъ, а уменьшеніе, и при томъ значительное, на постороннихъ лицъ. Замѣчательно, что какъ фактъ увеличенія числа абитуриентовъ-гимназистовъ, такъ и фактъ уменьшенія числа постороннихъ лицъ, желающихъ держать испытанія зрѣлости, повторяются изъ года въ годъ. За послѣдніе четыре года это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	Въ 1891 г.	Въ 1892 г.
учениковъ VIII кл. было	3289	3342	3531	3831
постороннихъ лицъ „	346	256	243 ¹⁾	187

Приведенныя цифры не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что мальчики школьнаго возраста съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе уклоняются безъ уважительныхъ причинъ отъ поступленія въ гимназіи и отъ окончанія въ нихъ курса, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ намъ, повидимому, основаніе заключить, что какъ въ родителяхъ молодыхъ людей, такъ и въ нихъ самихъ все болѣе и болѣе развивается и крѣпнеть сознаніе, что только правильное и систематическое прохожденіе общеобразовательнаго курса, какое совершается въ гимназіяхъ, подъ непрерывнымъ нравственнымъ воздѣйствіемъ воспитателей и наставниковъ, подъ вліяніемъ ихъ живаго слова и примѣра, въ постоянномъ общеніи и соревнованіи съ товарищами, столь важнымъ для выработки характера, при ежедневной совмѣстной работѣ съ постоянными повтореніями и упражненіями, даетъ молодымъ людямъ вѣрные и надежные способы и средства къ достиженію нравственной и умственной зрѣлости. Какъ бы то ни было, указанный фактъ уменьшенія числа постороннихъ лицъ на испытаніяхъ зрѣлости

¹⁾ Первоначально изъявили желаніе подвергнуться испытаніямъ 264 постороннихъ лица, но изъ нихъ 21 не явился на испытанія.

нельзя не признать отраднымъ, такъ какъ эти лица, являющіяся на испытанія большею частью съ весьма слабою подготовкою, нерѣдко тормозятъ ходъ испытаній или же вліяютъ на него неблагоприятнымъ образомъ, возбуждая въ экзаменаторахъ чувство жалости и тѣмъ иногда склоняя ихъ къ излишней снисходительности.

По отдѣльнымъ учебнымъ округамъ лица, изъявившія желаніе держать испытанія зрѣлости въ 1892 году, распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

Въ учебныхъ округахъ:	Учебныхъ заведеній.	Учащихся.	Среднее число на одно заведеніе.	Постороннихъ лицъ.	Среднее число на одно заведеніе.	Всего.	Среднее число на одно заведеніе.
С.-Петербургскомъ.	28	560	20	20	0,7	580	20,7
Московскомъ . . .	26	591	22,7	17	0,6	601	23,4
Казанскомъ . . .	9	241	26,8	18	2	259	28,8
Оренбургскомъ . .	6	86	14,3	2	0,3	88	14,7
Харьковскомъ . .	17	336	19,8	8	0,5	344	20,2
Одесскомъ	16	330	20,6	19	1,2	349	21,8
Кіевскомъ	18	578	32,1	29	1,6	607	33,7
Вилонскомъ . . .	9	197	21,9	5	0,5	202	22,4
Варшавскомъ . . .	21	321	15,3	16	0,7	337	16
Рижскомъ	14	308	22	39	2,8	347	24,8
Кавказскомъ . . .	8	177	22,1	6	0,7	183	22,9
Западной Сибири .	4	41	10,2	8	2	49	12,2
Восточной Сибири .	3	57	19	—	—	57	19
Туркестанскомъ краѣ	1	8	8	—	—	8	8

Такимъ образомъ, относительно наибольшее число гимназистовъ, желавшихъ подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1892 году, было въ Кіевскомъ и Казанскомъ округахъ (среднимъ числомъ 32,1 и 26,8 на каждую гимназію), а относительно наименьшее—въ Западной Сибири и Туркестанскомъ краѣ (среднимъ числомъ 10,2 и 8 на одну гимназію); вообще же по относительному числу гимназистовъ, бывшихъ въ концѣ 1891—1892 учебнаго года въ VIII классѣ, учебные округа идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Кіевскій (32,1), Казанскій (26,8), Московскій (22,7), Кавказскій (22,1), Рижскій (21,9), Одесскій (20,6), С.-Петербургскій (20), Харьковский (19,8), Восточная Сибирь (19), Варшавскій (15,3), Оренбургскій (14,3), Западная Сибирь (10,2) и Туркестанскій край (8).

Наибольшее число постороннихъ лицъ, желавшихъ получить въ

1892 году свидѣтельство зрѣлости, приходится, по отношенію къ числу учебныхъ заведеній, на Рижскій округъ (2,8 на каждую гимназію), а наименьшее—на Оренбургскій (0,3), если не считать Восточной Сибири и Туркестанскаго края, въ которыхъ въ отчетномъ году постороннихъ лицъ на испытаніяхъ зрѣлости совсѣмъ не было. Остальные округа, по среднему числу постороннихъ лицъ на каждое учебное заведеніе, располагаются между Рижскимъ и Оренбургскимъ округами въ такомъ порядкѣ: Казанскій и Западно-Сибирскій (по 2 постороннихъ лица), Кіевскій (1,6), Одесскій (1,2), С.-Петербургскій, Варшавскій и Кавказскій (по 0,7), Московскій (0,6). Харьковскій и Виленскій (по 0,5).

Наконецъ, по отношенію къ общему числу лицъ, желавшихъ держать испытанія зрѣлости, сравнительно съ числомъ учебныхъ заведеній, первое мѣсто занимаетъ въ отчетномъ году Кіевскій учебный округъ, а послѣднее, если не принимать въ расчетъ единственной въ Туркестанскомъ краѣ Ташкентской гимназіи, принадлежитъ Западной Сибири.

Изъ числа 3685 учениковъ правительственныхъ гимназій, изъявившихъ желаніе приступить къ испытаніямъ зрѣлости, не были допущены къ нимъ 113 (то-есть, 3,07%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время ихъ пребыванія въ гимназіи, 21 отказались отъ продолженія испытаній по болѣзни и 2 (по 1-му въ Харьковскомъ и Кавказскомъ округахъ) были устранены отъ нихъ на основаніи п. к. § 63-го правилъ объ испытаніяхъ (за упорное несоблюденіе законныхъ требованій наблюдателей или за попытки къ обману).

Въ церковныхъ училищахъ недопущенныхъ къ испытаніямъ въ отчетномъ году не было; что же касается частныхъ гимназій, то въ гимназіи г. Мая въ С.-Петербургѣ изъ 15-ти учениковъ VIII класса 2 не были допущены къ испытаніямъ по безуспѣшности, 2—по нравственной незрѣлости, выразившейся въ болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ, и 2 ученикамъ испытанія были отсрочены на годъ по болѣзни.

Изъ числа 187 постороннихъ лицъ, желавшихъ получить въ отчетномъ году свидѣтельства зрѣлости, не были допущены къ испытаніямъ 7 человекъ въ Рижскомъ округѣ, какъ бывшіе ученики гимназій, которые, при условіи продолженія въ нихъ своего ученія, хотя бы и съ полнымъ усиліемъ, все-таки не могли бы окончить курса въ этомъ году (§ 51 правилъ объ испытаніяхъ, п. а), и 13 человекъ (по 1-му въ Оренбургскомъ и Виленскомъ округахъ, 5 въ Рижскомъ

и 6 въ Западной Сибири), какъ обнаружившіе въ представленныхъ ими прошеніяхъ или собственныхъ жизнеописаніяхъ несомнѣнные признаки незрѣлости (п. 1. § 51 упомянутыхъ правилъ); кромѣ того, одинъ изъ постороннихъ (въ Рижскомъ округѣ) не явился на испытанія по неизвѣстной причинѣ.

Всего добровольно отказались отъ испытаній зрѣлости или были устранены отъ нихъ:

изъ 3685 учениковъ правительств. гимназій	136 (3,7%)
" 60 " церковныхъ училищъ	—
" 86 " частныхъ гимназій	6 (около 7%)
" 187 постороннихъ лицъ	21 (11,2%)

Итого 4018

163 (4%)

Оставляя въ сторонѣ постороннихъ лицъ, степень подготовки которыхъ при допущеніи ихъ къ испытаніямъ почти не поддается опредѣленію, а равно и учащихся, добровольно отказавшихся отъ продолженія испытаній по болѣзни, остановимся лишь на тѣхъ цифрахъ, которыми опредѣляется число учениковъ, не допущенныхъ къ испытаніямъ по неуспѣшности: эти цифры особенно интересны и важны потому, что по нимъ можно до извѣстной степени судить о ходѣ преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ. Сопоставляя данныя такого рода за послѣдніе четыре года, мы получимъ слѣдующую таблицу:

	Число учебныхъ заведеній.	Число учениковъ VIII класса.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Число недопущенныхъ къ испытаніямъ по неуспѣшности.
Въ 1889 г.	173	3289	19	129 (3,9%)
" 1890 г.	175	3342	19,1	118 (3,5%)
" 1891 г.	178	3541	19,9	106 (3%)
" 1892 г.	180	3831	21,3	115 (3%)

Одного взгляда на приведенную таблицу достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣло нашего гимназическаго образованія съ каждымъ годомъ развивается и крѣпнѣетъ: число гимназій растетъ; количество молодыхъ людей, достигающихъ VIII класса, изъ года въ годъ увеличивается; наконецъ, преподаваніе въ гимназіяхъ, и въ частности въ VIII классѣ, улучшается съ каждымъ годомъ, въ чемъ не оставляетъ сомнѣнія, хотя и не очень значительное, но тѣмъ не менше изъ года въ годъ (за исключеніемъ послѣдняго года), повто-

ряющееся уменьшеніе числа учениковъ VIII класса, не допускаемыхъ къ окончательнымъ испытаніямъ по неуспѣшности.

Такимъ результатамъ нельзя не порадоваться, какъ нельзя при этомъ и не пожелать, чтобы успѣшность гимназическаго преподаванія продолжала возрастать и чтобы наступило, наконецъ, такое время, когда если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, почти всѣ ученики VIII класса будутъ допускаться къ испытаніямъ и успѣшно окончивать курсъ въ первый же годъ ихъ пребыванія въ выпускномъ классѣ. Само собою разумѣется, что для достиженія такихъ результатовъ потребуются еще много усилій, какъ со стороны министерства и начальства учебныхъ округовъ, такъ въ особенности со стороны директоровъ и преподавателей гимназій. Отъ послѣднихъ потребуется еще много энергичной работы не только надъ ихъ воспитанниками, но и надъ собою, много безкорыстной преданности святому дѣлу, которому они служатъ, много любви къ дѣтямъ и молодымъ людямъ, невѣрнымъ ихъ попеченію. Любовь къ питомцамъ есть необходимое условіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный залогъ успѣха въ педагогическомъ дѣлѣ: этимъ чувствомъ должны быть проникнуты всѣ отношенія учащихся къ учащимся, и это чувство должно постоянно напоминать директорамъ и преподавателямъ, что, доводя молодыхъ людей до VIII класса, они тѣмъ самымъ какъ бы принимаютъ на себя въ извѣстной мѣрѣ нравственное обязательство не задерживать ихъ, безъ особо серьезныхъ причинъ, у самаго преддверія окончанія курса. Но чтобы имѣть полное право и полную возможность оправдывать возлагаемая на нихъ въ этомъ смыслѣ надежды, начальники и преподаватели гимназій должны быть въ высшей степени осмотрительны, разборчивы и строги при переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ въ младшихъ и среднихъ классахъ, памятуя, что чрезмѣрная и слѣпая снисходительность къ дѣтямъ оказывается для нихъ впоследствии перѣдко пагубною и, слѣдовательно, является по отношенію къ нимъ величайшею жестокостью, между тѣмъ какъ разумно-строгая требовательность въ соединеніи съ полнымъ безпристрастіемъ, примѣняемая къ дѣтямъ младшаго и средняго возраста, очень часто помогаетъ имъ своевременно вступить на вѣрный и исполнѣ соразмѣрный съ ихъ силами путь и тѣмъ предохраняетъ ихъ отъ горькаго разочарованія, перѣдко ожидающаго ихъ въ старшихъ классахъ. Отъ твердаго и неуклоннаго примѣненія вышеуказаннаго принципа, который теперь, къ сожалѣнію, иногда опускается изъ виду какъ преподавателями, такъ и директорами гимназій, много выиграютъ не только молодые люди,

но и гимназія, и высшія училища, и, наконецъ, всѣ сферы государственной и общественной жизни, въ которыхъ со временемъ будутъ вращаться и дѣйствовать питомцы гимназій, потому что только при полномъ торжествѣ этого принципа могутъ выходить изъ школы молодые люди вполнѣ сильные духомъ и разумомъ.

Возвращаясь къ испытаніямъ зрѣлости за послѣдніе четыре года, мы должны оговориться, что хотя процентъ учениковъ VIII класса, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, въ общемъ итогѣ за эти годы, какъ было замѣчено выше, прогрессивно понижался (за исключеніемъ послѣдняго года), свидѣтельствуя объ общемъ улучшеніи дѣятельности нашихъ гимназій, тѣмъ не менѣе по отдѣльнымъ учебнымъ округамъ онъ подвергался довольно сильнымъ колебаніямъ, въ зависимости, какъ надо полагать, отъ болѣе серьезнаго или менѣе серьезнаго отношенія педагогическаго персонала къ переводу учениковъ изъ класса въ классъ въ предшествующіе годы. Наглядное представленіе объ этихъ колебаніяхъ даетъ нижеслѣдующая таблица, показывающая для каждаго округа процентное отношеніе числа учениковъ, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, къ числу учениковъ VIII класса за послѣдніе четыре года, а также мѣсто, занимаемое каждымъ округомъ въ ряду другихъ по большей или меньшей успѣшности учениковъ, на сколько она можетъ быть выражена числомъ недопущенныхъ къ окончательнымъ испытаніямъ.

Въ учебныхъ округахъ:	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	Въ 1891 г.	Въ 1892 г.	Въ среднемъ, выподѣ за всѣ 4 года.
С.-Петербургскомъ	4,2 (№ 6)	1,4 (№ 2)	2,7 (№ 7)	3 (№ 7)	2,8 (№ 7)
Московскомъ	5,7 (№ 7)	5 (№ 11)	2,8 (№ 8)	3,4 (№ 8)	4,2 (№ 9)
Казанскомъ	— (№ 1)	3,1 (№ 6)	2,4 (№ 6)	2,9 (№ 6)	2,1 (№ 5)
Оренбургскомъ	7,6 (№ 10)	4,8 (№ 10)	4,2 (№ 10)	4,6 (№ 11)	5,3 (№ 10)
Харьковскомъ	3,1 (№ 3)	2,5 (№ 4)	1,9 (№ 5)	3,6 (№ 10)	2,7 (№ 6)
Одесскомъ	0,7 (№ 2)	2,7 (№ 5)	0,6 (№ 2)	0,9 (№ 3)	1,2 (№ 2)
Кіевскомъ	4 (№ 5)	2,3 (№ 3)	4,5 (№ 11)	2,1 (№ 4)	3,2 (№ 8)
Виленскомъ	— (№ 1)	3,9 (№ 9)	1,7 (№ 4)	0,5 (№ 2)	1,5 (№ 3)
Варшавскомъ	7 (№ 9)	8,2 (№ 12)	4,8 (№ 12)	2,8 (№ 5)	5,7 (№ 11)
Рижскомъ	3,8 (№ 4)	3,7 (№ 8)	1,6 (№ 3)	3,6 (№ 10)	3,2 (№ 8)
Кавказскомъ	6,8 (№ 8)	3,6 (№ 7)	7,9 (№ 13)	10,2 (№ 12)	7,1 (№ 12)
Туркестанскомъ краѣ	— (№ 1)	— (№ 1)	11,1 (№ 14)	— (№ 1)	2,8 (№ 7)
Западной Сибири	— (№ 1)	— (№ 1)	— (№ 1)	— (№ 1)	— (№ 1)
Восточной Сибири	— (№ 1)	— (№ 1)	3,1 (№ 9)	3,5 (№ 9)	1,6 (№ 4)
Въ общей сложности по всѣмъ округамъ	3,9	3,5	3	3	3,3

Въ этой таблицѣ заслуживаетъ особаго вниманія средній выводъ изъ процентныхъ отношеній по отдѣльнымъ округамъ, дающій возможность судить о томъ, на сколько успѣшно велось преподаваніе въ гимназіяхъ того или другаго округа въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Такъ, на примѣръ, мы въ правѣ заключить по этимъ даннымъ, что въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ находился въ это время Западно-Сибирскій округъ, затѣмъ Одесскій, потомъ Виленскій и т. д., а въ менѣе благопріятныхъ—Кавказскій и Варшавскій.

Что касается, въ частности, отчетнаго года, то наилучшіе результаты достигнуты въ этомъ отношеніи въ Западной Сибири и Туркестанскомъ краѣ, гдѣ были допущены къ испытаніямъ зрѣлости *все* ученики VIII класса. Второе и третье мѣсто по успѣшности годовыхъ занятій въ VIII классѣ принадлежитъ округамъ Виленскому и Одесскому: въ первомъ не были допущены къ испытаніямъ только 0,5%, а во второмъ—0,9%. Остальные округа, по процентному отношенію числа недопущенныхъ къ испытаніямъ къ числу учениковъ VIII класса, идутъ въ такомъ порядкѣ: Кіевскій—(2,1%), Варшавскій—(2,8%), Казанскій—(2,9%), С.-Петербургскій—(3%), Московскій—(3,4%), Восточная Сибирь—(3,5%), Харьковскій и Рижскій—(по 3,6%), Оренбургскій—(4,6%) и Кавказскій—(10,2%). Слѣдовательно, въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно допущенія къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году, какъ и въ 1891, оказались ученики гимназій Кавказскаго округа.

Продолжая обзоръ приложенной къ этому отчету вѣдомости № 1-й, мы видимъ, что, по исключеніи лицъ, устраненныхъ отъ испытаній зрѣлости или добровольно отказавшихся отъ нихъ, въ дѣйствительности подвергались испытаніямъ:

учениковъ правительственныхъ гимназій	3549
„ церковныхъ училищъ	60
„ частныхъ гимназій	80
постороннихъ лицъ	166

Итого 3855

Изъ нихъ успѣшно выдержали испытанія и удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій	3365 (94,8%)
„ церковныхъ училищъ	59 (98,3%)

„ частныхъ гимназій	74 (92,5%)
постороннихъ лицъ	86 (51,8%)

Всего 3584 (93%)

Не выдержали испытаній, какъ показано въ вѣдомости № 2-й:

учениковъ правительственныхъ гимназій	184 (5,2%)
„ церковныхъ училищъ	1 (1,7%)
„ частныхъ гимназій	6 (7,5%)
постороннихъ лицъ	80 (48,2%)

Всего 271 (7%)

Сравнительная успѣшность испытаній зрѣлости за послѣдніе четыре года, какъ въ общемъ, такъ и по отдѣльнымъ учебнымъ округамъ, видна изъ нижеслѣдующаго сопоставленія данныхъ, выражающихъ процентное отношеніе числа учениковъ правительственныхъ и частныхъ гимназій и церковныхъ училищъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, къ числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, а равно и мѣсто, занимаемое каждымъ округомъ въ ряду другихъ округовъ по числу учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія.

Въ учебныхъ округахъ:	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	Въ 1891 г.	Въ 1892 г.	Въ среднемъ выходѣ за всѣ 4 года.
С.-Петербургскомъ	97,9 (№ 2)	98,1 (№ 3)	95,8 (№ 5)	97,8 (№ 2)	97,4 (№ 2)
Московскомъ	91,9 (№ 9)	96,2 (№ 5)	93,3 (№ 9)	95,9 (№ 6)	94,3 (№ 6)
Казанскомъ	94,6 (№ 5)	96,1 (№ 6)	98,1 (№ 1)	99,1 (№ 1)	97 (№ 4)
Орелбургскомъ	95,8 (№ 4)	100 (№ 1)	96,6 (№ 4)	97,5 (№ 3)	97,5 (№ 1)
Харьковскомъ	92,4 (№ 7)	98,5 (№ 2)	94,7 (№ 6)	91,6 (№ 8)	94,3 (№ 6)
Одесскомъ	97,2 (№ 3)	97,1 (№ 4)	96,7 (№ 3)	97,5 (№ 3)	97,1 (№ 3)
Кіевскомъ	92,3 (№ 8)	93,8 (№ 9)	93,9 (№ 7)	90,9 (№ 9)	92,7 (№ 9)
Віленскомъ	91,1 (№ 10)	95,2 (№ 7)	91,8 (№ 10)	95,9 (№ 6)	93,5 (№ 8)
Варшавскомъ	94,3 (№ 6)	92,5 (№ 10)	93,3 (№ 9)	97,1 (№ 4)	94,3 (№ 6)
Рижскомъ	84,5 (№ 13)	80,9 (№ 12)	84 (№ 13)	86,8 (№ 11)	84 (№ 12)
Кавказскомъ	94,6 (№ 5)	89,6 (№ 11)	89,3 (№ 11)	96,8 (№ 5)	92,6 (№ 10)
Туркестанскомъ краѣ	100 (№ 1)	100 (№ 1)	87,5 (№ 12)	87,5 (№ 10)	93,7 (№ 7)
Западной Сибири	88,5 (№ 12)	100 (№ 1)	97,2 (№ 2)	100 (№ 1)	96,4 (№ 5)
Восточной Сибири	89,4 (№ 11)	93,9 (№ 8)	93,5 (№ 8)	92,6 (№ 7)	92,3 (№ 11)
Въ общей сложности по всѣмъ округамъ	92,5	94,5	93,3	94,8	93,8

Изъ сдѣланнаго выше сопоставленія можно вывести слѣдующія заключенія:

1) результаты испытаній зрѣлости 1892 года въ общемъ итогѣ лучше результатовъ трехъ предшествующихъ лѣтъ;

2) процентъ успѣшно выдержавшихъ испытанія повысился въ отчетномъ году, сравнительно съ 1891 годомъ, по всеѣмъ округамъ за исключеніемъ Туркестанскаго края, гдѣ онъ остался безъ измѣненія, и округовъ Харьковскаго, Кіевскаго и Восточной Сибири, гдѣ онъ, по сравненію съ 1891 годомъ, нѣсколько понизился;

3) по относительному числу успѣшно выдержавшихъ испытанія въ отчетномъ году первое мѣсто принадлежитъ Казанскому округу, послѣднее— не только въ отчетномъ году, но и въ каждомъ изъ предшествующихъ годовъ—Рижскому, что можетъ быть объяснено, между прочимъ, недостаточнымъ знакомствомъ гимназистовъ сего округа съ русскимъ языкомъ;

4) по успѣшности испытаній въ среднемъ выводѣ за все четыре года учебные округа должны быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Оренбургскій (97,5⁰/₁₀₀), С.-Петербургскій (97,4⁰/₁₀₀), Одесскій (97,1⁰/₁₀₀), Казанскій (97⁰/₁₀₀), Западная Сибирь (96,4⁰/₁₀₀), Московскій, Харьковскій и Варшавскій (по 94,3⁰/₁₀₀), Туркестанскій край (93,7⁰/₁₀₀), Виленскій (93,5⁰/₁₀₀), Кіевскій (92,7⁰/₁₀₀), Кавказскій (92,6⁰/₁₀₀), Восточная Сибирь (92,3⁰/₁₀₀) и Рижскій округъ (84⁰/₁₀₀).

Такимъ образомъ, наиболѣе благоприятными оказываются результаты испытаній зрѣлости за послѣдніе четыре года въ Оренбургскомъ округѣ, а наименѣе благоприятными въ Рижскомъ. Впрочемъ хороши также эти результаты въ округахъ С.-Петербургскомъ, Одесскомъ, Казанскомъ и Западно-Сибирскомъ, затѣмъ въ Московскомъ, Харьковскомъ и Варшавскомъ; нѣсколько ниже процентъ гимназистовъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, въ Ташкентской гимназій, что, впрочемъ, вполне объясняется малочисленностью учениковъ въ VIII классѣ этой гимназій, и въ Виленскомъ округѣ; еще ниже этотъ процентъ, если не принимать въ расчетъ сравнительно немногочисленныхъ гимназій Восточной Сибири, въ округахъ Кіевскомъ и Кавказскомъ.

Чтобы лучше оцѣнить дѣятельность нашихъ гимназій, интересно сравнить ея результаты, на сколько они выражаются данными объ испытаніяхъ зрѣлости, съ результатами дѣятельности прусскихъ гимназій, послужившихъ, какъ извѣстно, главнымъ образцомъ при самомъ основаніи нашей классической школы. Данныя объ испытаніяхъ

зрѣлости въ гимназіяхъ Пруссіи за 1891—1892 учебный годъ мы заимствуемъ изъ статистическаго приложенія къ официальному изданію, выходящему въ Берлинѣ подъ заглавіемъ *Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen* (Ergänzungsheft: Statistische Mittheilungen über das höhere Unterrichtswesen im Königreich Preussen, 9 Heft, 1892). Сопоставляя эти данныя съ данными объ испытаніяхъ за 1891—1892 учебный годъ въ нашихъ гимназіяхъ, мы получимъ слѣдующую таблицу:

	Въ Россіи:	Въ Пруссіи:
Число учениковъ выпускнаго класса, изъявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ	3831	4192
Изъ нихъ: отказались отъ испытаній	23(0,6%)	227(5,4%)
были устралены отъ испытаній	119(3,1%)	74(1,5%)
подвергались испытаніямъ	3689(96,3%)	3891(92,8%)
Процентное отношеніе числа выдержавшихъ испытанія къ числу подвергавшихся имъ	94,8	97
Процентное отношеніе числа выдержавшихъ испытанія къ числу бывшихъ въ выпускномъ классѣ	91,3	90,1

Итакъ, если при сравненія результатовъ дѣятельности русскихъ и прусскихъ гимназій не имѣть въ виду ни количества преподаваемыхъ въ тѣхъ и другихъ гимназіяхъ предметовъ, ни объема ихъ курса, ни степени предъявляемыхъ къ ученикамъ требованій, ни качества выносимыхъ абитуриентами изъ школы познаній, а руководствоваться только вышеприведенными числовыми данными, то нельзя не заключить, что дѣятельность нашихъ гимназій, на сколько выраженіемъ ея успѣшности служить процентъ приступившихъ къ испытаніямъ и выдержавшихъ ихъ учениковъ выпускнаго класса, успѣшнѣе, чѣмъ дѣятельность прусскихъ гимназій, хотя, съ другой стороны, сопоставленіе процентнаго отношенія числа выдержавшихъ испытанія зрѣлости къ числу подвергавшихся имъ въ тѣхъ и другихъ гимназіяхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Пруссіи молодые люди приступаютъ къ окончательнымъ испытаніямъ съ лучшею подготовкою, чѣмъ у насъ.

Для постороннихъ лицъ, подвергавшихся въ 1892 году испытаніямъ зрѣлости, наиболѣе удачными оказались ихъ результаты,—если не считать Западной Сибири, гдѣ оба постороннихъ лица (то-есть, 100%) были удостоены свидѣтельствъ зрѣлости,—въ округахъ Виленскомъ (75%), Одесскомъ (73,7%), С.-Петербургскомъ (70%) и

Варшавскомъ (62,5^o/_o); нѣсколько хуже были результаты въ округахъ Казанскомъ (55,6^o/_o) и Харьковскомъ (50°/_o); еще неудачнѣе оказались они въ Московскомъ и Кіевскомъ округахъ (47°/_o и 41,4^o/_o) и всего неудачнѣе въ Кавказскомъ (33,3^o/_o) и особенно Рижскомъ округѣ (26,9^o/_o). Въ Туркестанскомъ краѣ и Восточной Сибири постороннихъ на испытаніяхъ зрѣлости въ 1892 году совсѣмъ не было.

Хотя успѣшность испытаній для постороннихъ лицъ находится въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ условій, въ которыя поставлена ихъ подготовка, тѣмъ не менѣе въ общемъ итогѣ по всѣмъ округамъ за послѣдніе четыре года процентъ постороннихъ лицъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія зрѣлости, постоянно повышается, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго сопоставленія:

въ 1889 г. изъ постороннихъ лицъ удостоены свидѣтельства	зрѣлости	40,8 ^o / _o
„ 1890 „ „ „ „ „ „ „ „	„ „	43,2 ^o / _o
„ 1891 „ „ „ „ „ „ „ „	„ „	43,8 ^o / _o
„ 1892 „ „ „ „ „ „ „ „	„ „	51,8 ^o / _o

Въ среднемъ выводѣ за 4 года 44,9^o/_o

Сравнивая среднюю успѣшность испытаній зрѣлости для постороннихъ лицъ съ исчисленною выше среднею успѣшностью этихъ испытаній для учениковъ гимназій, мы находимъ, что первая ниже послѣдней на 93,8^o/_o—44,9^o/_o = 48,9^o/_o. Слѣдовательно, хотя подготовка постороннихъ лицъ, приступающихъ къ испытаніямъ зрѣлости, и улучшается съ каждымъ годомъ, однако въ общемъ выводѣ за четыре года она оказывается, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, болѣе чѣмъ въ два раза слабѣе подготовки, получаемой учениками въ гимназіяхъ.

Въ 1892 году на каждое изъ 180 учебныхъ заведеній приходилось среднимъ числомъ около 20 (собств. 19,9) лицъ, удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, между тѣмъ какъ въ 1889 г. на каждое заведеніе такихъ лицъ приходилось 17,5, въ 1890 г. — 17,8 и въ 1891 г. — 18,3. При этомъ въ 1892 году наибольшее число аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости было выдано гимназіями Кіевскаго округа, а именно каждую гимназію среднимъ числомъ 29 дипломовъ; наименьшее число дипломовъ, если не считать 7 аттеста-

товъ, выданныхъ Ташкентскою гимназіей, приходится на гимназін Западной Сибири, а именно среднимъ числомъ около 11 (собств. 10,7) на каждую гимназію.

На основаніи § 76 правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 года, лучшіе изъ числа учениковъ, окончившихъ полный гимназическій курсъ, награждаются золотыми и серебряными медалями, причѣмъ принимаются во вниманіе не только успѣхи этихъ молодыхъ людей въ наукахъ, но и ихъ поведеніе, прилежаніе и любознательность. Въ 1892 году было роздано 196 золотыхъ медалей и 188 серебряныхъ, а въ общей сложности 384 медали, что составляетъ 11% по отношенію къ общему числу учениковъ, выдержавшихъ испытанія зрѣлости.

Если предшествующія данныя служили къ освѣщенію результатовъ испытаній зрѣлости преимущественно съ количественной стороны, то данныя о числѣ медалей характеризуютъ до извѣстной степени качественную сторону самаго хода испытаній, показывая, съ отличіемъ ли и съ какимъ отличіемъ окончили курсъ молодые люди, удостоенные аттестатовъ зрѣлости. Въ виду этого мы считаемъ полезнымъ и интереснымъ разсмотрѣть эти данныя нѣсколько подробнѣе, съ помощію нижеслѣдующей таблицы, въ которой обозначено процентное отношеніе числа учениковъ, награжденныхъ медалями, къ числу учениковъ, окончившихъ гимназическій курсъ, съ распредѣленіемъ этихъ данныхъ по отдѣльнымъ округамъ и по отдѣльнымъ годамъ, начиная съ 1889 года, и съ обозначеніемъ въ скобкахъ мѣста, занимаемаго каждымъ округомъ по относительно-наибольшему числу роздаваемыхъ медалей.

Въ учебн. округахъ:	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	Въ 1891 г.	Въ 1892 г.	Въ средн. выводѣ за 4 года.
С.-Петербургскомъ	8,1 (№ 9)	10,4 (№ 8)	10,1 (№ 8)	11,7 (№ 6)	10,1 (№ 8)
Московскомъ	11,6 (№ 5)	6,9 (№ 10)	8,5 (№ 10)	11 (№ 7)	9,5 (№ 9)
Казанскомъ	18,4 (№ 1)	12,1 (№ 4)	19,2 (№ 1)	19 (№ 1)	17,2 (№ 1)
Оренбургскомъ	11,4 (№ 6)	15,7 (№ 1)	11,4 (№ 5)	13,9 (№ 3)	13,1 (№ 2)
Харьковскомъ	9 (№ 8)	12 (№ 5)	11,3 (№ 6)	10,5 (№ 8)	10,7 (№ 7)
Одесскомъ	10,7 (№ 7)	14,8 (№ 2)	12 (№ 4)	13,8 (№ 4)	12,8 (№ 3)
Кіевскомъ	12,6 (№ 4)	11,3 (№ 7)	11,1 (№ 7)	11,9 (№ 5)	11,7 (№ 5)
Вилонскомъ	5,4 (№ 11)	11,6 (№ 6)	9,4 (№ 9)	8,6 (№ 10)	8,7 (№ 10)
Варшавскомъ	7,8 (№ 10)	6,3 (№ 12)	5,3 (№ 13)	5,3 (№ 11)	6,2 (№ 11)

Рижскомъ	1 (№ 12)	— (№ 14)	3,1 (№ 14)	4,3 (№ 12)	2,1 (№ 14)
Кавказскомъ	15,6 (№ 3)	12,3 (№ 3)	7,4 (№ 11)	10,5 (№ 8)	11,4 (№ 6)
Туркестанскомъ краѣ	— (№ 13)	9,4 (№ 9)	14,2 (№ 2)	— (№ 13)	5,9 (№ 12)
Западной Сибири	16,1 (№ 2)	3,6 (№ 13)	13,8 (№ 3)	17,1 (№ 2)	12,6 (№ 4)
Восточной Сибири	— (№ 13)	6,4 (№ 11)	6,4 (№ 12)	10 (№ 9)	5,7 (№ 13)

Въ общемъ выводѣ по всѣмъ округамъ	9,7	9,4	9,6	11	9,9
---	-----	-----	-----	----	-----

Изъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ вывести слѣдующія заключенія:

1) Не смотря на довольно значительныя колебанія, которыми подвергался въ различные годы процентъ награжденныхъ медалями по отдѣльнымъ округамъ, въ общемъ выводѣ по всѣмъ округамъ за каждый годъ, а равно и въ среднемъ общемъ выводѣ за всѣ четыре года этотъ процентъ остается почти безъ измѣненія (9 съ дробью), и лишь въ отчетномъ году онъ оказывается выше, чѣмъ въ предшествующіе годы. Такимъ образомъ, и въ отношеніи къ числу розданныхъ медалей, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, отчетный годъ далъ лучшіе результаты, чѣмъ предыдущіе три года.

2) По относительно-наибольшому числу розданныхъ медалей, въ среднемъ выводѣ за четыре года, первое мѣсто принадлежитъ Казанскому учебному округу, послѣднее—Рижскому. Остальные округа располагаются между двумя названными въ слѣдующемъ порядкѣ: Оренбургскій, Одесскій, Западно-Сибирскій, Кіевскій, Кавказскій, Харьковскій, С.-Петербургскій, Московскій, Виленскій, Варшавскій, Туркестанскій край и Восточная Сибирь.

3) Что касается въ частности отчетнаго года, то процентъ награжденныхъ медалями въ этомъ году, сравнительно съ предшествующимъ 1891 годомъ, повысился, какъ видно изъ приведенной таблицы, по всѣмъ округамъ, исключая Варшавскаго, гдѣ онъ остался безъ измѣненія, и округовъ Казанскаго, Харьковскаго, Виленскаго и Туркестанскаго края, гдѣ онъ понизился; впрочемъ, въ Казанскомъ округѣ это пониженіе очень незначительно (всего на 0,2%), особенно если принять во вниманіе, что въ 1891 году процентъ окончившихъ курсъ съ медалями былъ въ этомъ округѣ чрезвычайно высокъ (19,2).

Переходя къ обзорѣнью вѣдомости № 2, мы видимъ, что большинство молодыхъ людей, не выдержавшихъ въ 1892 году испытаній

зрѣлости, оказали слабыя успѣхи въ языкахъ русскомъ, латинскомъ и греческомъ, а также и въ математикѣ.

Изъ 184 учениковъ правительственныхъ гимназій, не удостоенныхъ аттестата зрѣлости, получили неудовлетворительныя отмѣтки:

	На испытаніяхъ:		
	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По русскому языку	95	2	97
„ латинскому „	104	11	115
„ греческому „	77	13	90
„ математикѣ	60	11	71
„ исторіи	—	5	5
„ новымъ иностр. яз.	—	1	1
Всего	336	43	379

Изъ 80 постороннихъ лицъ, оказавшихся неподготовленными къ испытаніямъ зрѣлости, неудовлетворительныя отмѣтки получили:

	На испытаніяхъ:		
	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По Закону Божію	—	3	3
„ русскому языку	45	3	48
„ латинскому „	36	4	40
„ греческому „	38	3	41
„ математикѣ	35	8	43
„ исторіи, ...	—	7	7
„ географіи	—	3	3
„ физикѣ и мат. географіи	—	2	2
„ логикѣ	—	1	1
„ новымъ иностр. языкамъ	—	1	1
Всего	154	35	189

Изъ сравненія приведенныхъ двухъ таблицъ оказывается, что въ отчетномъ году на каждого изъ невыдержавшихъ испытаній зрѣлости, какъ гимназистовъ, такъ и постороннихъ лицъ, приходится въ среднемъ выводѣ почти одинаковое количество неудовлетворительныхъ отмѣтокъ (на каждого изъ гимназистовъ 2,1, а на каждого изъ постороннихъ 2,4).

Одинъ ученикъ училища при церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, не удостоенный аттестата зрѣлости, оказался слабымъ лишь въ математикѣ, не выдержавъ по этому предмету письменнаго испытанія.

Изъ 80 учениковъ частныхъ гимназій на испытаніяхъ въ 1892 году обнаружили недостаточную подготовку 6 учениковъ, получившихъ въ совокупности 10 неудовлетворительныхъ отиѣтокъ.

Въ общей сложности въ 1892 году не были допущены къ испытаніямъ зрѣлости или добровольно отказались отъ нихъ, или же не выдержали ихъ 320 учениковъ правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 12 учениковъ частныхъ гимназій, а всего 333. Изъ нихъ 279 лицъ выбыли изъ заведеній со свидѣтельствами, выданными имъ на основаніи § 80-го правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 года, а 54 ученика пожелали остаться на второй годъ въ VIII классѣ; изъ числа послѣднихъ двумъ ученикамъ частной гимназій г. Гуревича, не выдержавшимъ испытанія зрѣлости по математикѣ, г. товарищъ министра, управлявшій министерствомъ въ отсутствіе г. министра, разрѣшилъ, по особо-уважительнымъ причинамъ, держать дополнительное испытаніе по этому предмету послѣ каникулъ.

По возрастамъ получившіе въ 1892 году аттестаты или свидѣтельства зрѣлости распредѣляются, какъ видно изъ вѣдомости № 3, слѣдующимъ образомъ:

Возрастъ.	Правительственные гимназій.		Церковныя училища.		Частныя гимназій.		Постороннія лица.		Всего.	
	Число.	%.	Число.	%.	Число.	%.	Число.	%.	Число.	%.
17 лѣтъ . . .	211	6,3	4	6,3	6	8,1	2	2,3	223	6,3
18 „ . . .	760	22,3	15	25,4	17	23	1	1,3	793	22,3
19 „ . . .	922	27,3	19	32,3	18	24,3	13	15,3	972	27,3
20 „ . . .	784	23,3	15	25,3	15	20,3	12	13,3	826	23,3
21 года и болѣе.	688	20,3	6	10,3	18	24,3	58	67,3	770	21,3
Всего	3365	—	59	—	74	—	86	—	3584	—

Изъ этой таблицы видно, что какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ лицъ, удостоенныхъ въ отчетномъ году аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, такъ и въ частности между учениками правительственныхъ гимназій и церковныхъ училищъ, окончившими гимназическій курсъ, преобладали молодые люди отъ 18-ти до 20-тилѣтняго возраста, при

чемъ наибольшій процентъ въ каждой изъ трехъ названныхъ группъ приходится на 19-тилѣтнихъ. Въ частныхъ гимназіяхъ большинство молодыхъ людей, выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ 1892 году, имѣли или 19 лѣтъ, или 21 годъ и болѣе; въ числѣ же постороннихъ лицъ, получившихъ свидѣтельства зрѣлости, большинство, а именно 58 человекъ, или 67,4%, имѣли не менѣе 21-го года.

Распредѣленіе молодыхъ людей, выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ 1892 году, по избраннымъ ими специальностямъ, показано въ вѣдомости № 4.

Изъ общаго числа лицъ, признанныхъ зрѣлыми, 3123 (87,1%) изъявили желаніе поступить въ университеты или соотвѣтствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1077 (30%)—на медицинскій факультетъ или въ Военно-Медицинскую академію; 1008 (28,1%)—на юридическій факультетъ (изъ нихъ 2 въ Александровскій лицей и 1 въ Училище правовѣдѣнія); 743 (20,7%)—на физико-математическій факультетъ; 219 (6,1%)—на историко-филологическій факультетъ и въ историко-филологическіе институты; 46 (1,3%)—на факультетъ восточныхъ языковъ и 30 (0,8%)—на богословскій факультетъ Юрьевского университета.

Въ высшія спеціальныя учебныя заведенія направились 373 лица, или 10,4% общаго числа. Изъ нихъ 123 (3,4%) предполагали поступить въ технологическіе институты или другія высшія техническія учебныя заведенія, 107 (3%)—въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, 45 (1,2%)—въ Земледѣльческую академію и сельско-хозяйственныя институты, а также въ Лѣсной институтъ (28 человекъ, или 0,8%) и 40 (1,1%) въ Горный институтъ; 20 (0,5%) выразили желаніе поступить въ Академію художествъ или Консерваторію, 16 (0,4%)—въ военныя училища, 11 (0,3%)—въ Духовную академію, 6 (0,2%)—въ Институтъ гражданскихъ инженеровъ и 5 (0,1%)—въ Электротехнической институтъ.

На поприще практической дѣятельности предполагали поступить 88 (2,4%), въ томъ числѣ 56 (1,6%) въ военную службу и 9 (0,2%)—въ гражданскую; 21 избрали частную дѣятельность, а именно 10 (0,3%)—сельско-хозяйственную, 10 (0,3%)—коммерческую и 1 (0,03%)—мануфактурную. Наконецъ, двое не дали свѣдѣній о родѣ избранной ими специальности.

Распредѣленіе лицъ, получившихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, по избираемымъ ими занятіямъ подвергалось въ теченіе.

послѣднихъ четырехъ лѣтъ, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы, не особенно значительнымъ измѣненіямъ.

	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	Въ 1891 г.	Въ 1892 г.
Выдержали испытанія зрѣлости	3042	3126	3272	3584
Предполагали поступить въ университеты	2785(91,5%)	2850(91,1%)	2911(88,9%)	3123(87,1%)
Предполагали поступить въ высш. спец. училища . .	186(6,1%)	206(6,5%)	275(8,4%)	373(10,4%)
на госуд. службу или заняться частною дѣятельностью. .	71(2,3%)	70(2,2%)	86(2,6%)	83(2,4%)

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, что по всѣмъ тремъ категоріямъ занятій число абитуриентовъ, избравшихъ ихъ, въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ съ каждымъ годомъ увеличивалось соотвѣтственно увеличенію общаго числа лицъ, выдержавшихъ испытанія зрѣлости; исключеніе составляетъ только 1890 годъ по отношенію къ лицамъ, желавшимъ поступить на государственную службу или заняться частною дѣятельностью: число этихъ лицъ въ 1890 году уменьшилось въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ на 1. Но если мы обратимъ вниманіе на процентное отношеніе числа лицъ каждой категоріи къ общему числу абитуриентовъ, то увидимъ, что въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія стремленіе молодыхъ людей, получившихъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, въ университеты съ каждымъ годомъ ослабѣвало, хотя и въ незначительной степени, и напротивъ стремленіе ихъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія постоянно усиливалось, при чемъ разница между 1889 и 1892 годами выражается 4-мя % съ дробью.

Въ отчетномъ году на испытаніяхъ зрѣлости въ нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ гимназіяхъ и училищахъ присутствовали члены управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа и были приглашены для присутствованія на этихъ испытаніяхъ профессора и привать-доценты С.-Петербургскаго университета; кромѣ того, росписанія экзаменовъ по Закону Божію были сообщены главному наблюдателю за преподаваніемъ этого предмета въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, пресвященному Николаю, епископу Ладожскому, и помощнику его по наблюденію за преподаваніемъ того же предмета, протоіерею церкви при глазной лѣчебницѣ о. Леониду Петрову, которыми и были по-

сѣщены нѣкоторыя изъ гимназій во время производства въ нихъ окончательныхъ испытаній по Закону Вожію.

Въ частной гимназій Поливанова въ Москвѣ на письменныхъ испытаніяхъ присутствовалъ, въ качествѣ депутата отъ окружнаго управленія, преподаватель Московской 2-й прогимназій Сперанскій, на устныхъ—окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа Исаенковъ.

Въ частной гимназій Креймана въ Москвѣ письменныя испытанія происходили въ присутствіи преподавателя Московской 2-й прогимназій Владимірскаго, а устныя—въ присутствіи окружнаго инспектора Исаенкова.

Въ Нижегородской гимназій и Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II на нѣкоторыхъ испытаніяхъ присутствовалъ помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Садоковъ.

Кромѣ того, письменныя и устныя испытанія въ Московскихъ правительственныхъ гимназіяхъ посѣщались попечителемъ учебнаго округа и его помощникомъ, а также окружнымъ инспекторомъ Исаенковымъ.

Въ Оренбургской гимназій испытанія зрѣлости производились подъ личнымъ наблюденіемъ попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ VIII классѣ Уральскаго реальнаго училища—подъ наблюденіемъ окружнаго инспектора Чеховича и въ Уфимской гимназій—въ присутствіи окружнаго инспектора Адрианова.

Нѣкоторыя испытанія въ Харьковскихъ гимназіяхъ были посѣщены окружнымъ инспекторомъ Харьковскаго учебнаго округа Лукьяновымъ. Въ Старобѣльской гимназій на окончательныхъ испытаніяхъ присутствовалъ окружной инспекторъ Архангельскій; въ Тамбовской гимназій—окружной инспекторъ Раевскій. Въ Курскую гимназію былъ командированъ для присутствованія на испытаніяхъ зрѣлости, въ качествѣ депутата отъ управленія Харьковскаго округа, экстраординарный профессоръ Харьковскаго университета Пильчиковъ.

Въ Одесскихъ гимназіяхъ на испытаніяхъ присутствовали профессора Новороссійскаго университета фонъ-Штернь (по латинскому языку), Воеводскій (по греческому языку), Преображенскій (по математикѣ) и Надлеръ (по исторіи). Кромѣ того, въ гимназіяхъ Екатеринославской, Маріупольской и Николаевской нѣкоторыя испытанія происходили въ присутствіи командированнаго въ эти гимназій

управленіемъ Одесскаго учебнаго округа приватъ-доцента названнаго университета Базинера.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ устныя испытанія зрѣлости по латинскому языку въ гимназіяхъ Виленскихъ 1-й и 2-й, Шавельской, Слуцкой и Витебской происходили въ присутствіи окружнаго инспектора Яхонтова. На испытаніяхъ по Закону Божію православнаго исповѣданія присутствовали: въ Виленской 1-й гимназіи—высокопреосвященный Донатъ, архіепископъ литовскій и виленскій, и виленскій, ковенскій и гродненскій генераль-губернаторъ, генераль-отъ-артиллеріи Кахановъ; въ Виленской 2-й гимназіи—высокопреосвященный Донатъ; въ Могилевской гимназіи—преосвященный Сергій, епископъ могилевскій и мстиславскій; въ Гродненской гимназіи—преосвященный Іосифъ, епископъ брестскій; въ Минской гимназіи—начальникъ губерніи, генераль-лейтенантъ князь Трубецкой. На испытаніяхъ зрѣлости по Закону Божію учениковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ Виленскихъ гимназіяхъ присутствовалъ, въ качествѣ депутата отъ епархіальнаго управления, вице-офиціалъ консисторіи, каѳоникъ Гиттеръ. Кроме того, на нѣкоторыхъ испытаніяхъ въ Виленскихъ гимназіяхъ присутствовали попечитель Виленскаго учебнаго округа и его помощникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлецкій.

Въ Варшавскія гимназіи были командированы попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа для присутствованія на окончательныхъ испытаніяхъ профессора мѣстнаго университета Востоковъ, Кулаковскій, Анисимовъ, Смирновъ, Дьячанъ, Зининъ, Новосадскій, Сазоновичъ и Вѣховъ.

Въ Томской гимназіи испытанія производились въ присутствіи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа и окружнаго инспектора Гаазе, а на испытаніяхъ въ Омской гимназіи присутствовалъ окружной инспекторъ Вахрушевъ.

Въ Ташкентской гимназіи на выпускномъ испытаніи по Закону Божію присутствовалъ, въ качествѣ депутата отъ епархіальнаго начальства, протоіерей Невоструевъ.

Въ отчетномъ году на испытаніяхъ зрѣлости было два случая разногласія между испытательными комиссіями и депутатами отъ окружныхъ управленій въ оцѣнкѣ экзаменаціонныхъ работъ. Одинъ изъ этихъ случаевъ произошелъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ между испытательной комиссіей по русскому языку Старобѣльской

гимназій и окружнымъ инспекторомъ Архангельскимъ по поводу одного русскаго сочиненія (ученика Жебенева), которое испытательная коммиссія признавала удовлетворительнымъ, а депутатъ отъ округа—неудовлетворительнымъ; по разсмотрѣннн этого сочиненія въ попечительскомъ совѣтѣ, послѣдній вполне согласился съ мнѣніемъ г. Архангельскаго. Другой случай разногласія имѣлъ мѣсто въ Варшавскомъ учебномъ округѣ между депутатомъ окружнаго управленія профессоромъ Анисимовымъ и членами испытательной коммиссіи Прагкой гимназій относительно оцѣнки семи письменныхъ работъ по математикѣ; по разсмотрѣннн этихъ работъ въ попечительскомъ совѣтѣ, послѣдній опредѣлялъ: на шести работахъ выставить тѣ отмѣтки, которыя были предложены депутатомъ, а по отношенію къ одной работѣ сохранить оцѣнку испытательной коммиссіи.

Въ заключеніе настоящаго отчета необходимо отмѣтить слѣдующіе два не вполне нормальные факта, обратившіе на себя особое вниманіе г. министра народнаго просвѣщенія и вызвавшіе съ его стороны соотвѣтственныя распоряженія, направленные къ упорядоченію производства испытаній.

1) Начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ были разосланы по гимназіямъ листки съ темами для перевода съ древнихъ языковъ на русскій не въ соотвѣтствующемъ числу абитуриентовъ количествѣ экземпляровъ, а въ одномъ экземплярѣ; вслѣдствіе этого абитуриентамъ тѣхъ гимназій, въ бібліотекахъ которыхъ не нашлось необходимаго количества печатныхъ экземпляровъ того сочиненія, изъ котораго былъ взятъ отрывокъ для перевода, пришлось предварительно переписывать съ доски написанные на ней преподавателемъ греческій и латинскій тексты, что потребовало не мало времени и могло утомить испытуемыхъ прежде, чѣмъ они приступили къ переводу предложенныхъ отрывковъ. Во избѣжаніе повторенія такого нежелательнаго явленія, министерство предписало, чтобы впредь листки съ текстами для перевода съ древнихъ языковъ на русскій размалались въ гимназіи въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ по числу абитуриентовъ.

2) Въ гимназіяхъ одного изъ учебныхъ округовъ большинство абитуриентовъ (54,5%) оказались не въ силахъ рѣшить предложенную имъ геометрическую задачу на построеніе. Возбужденный педагогическимъ совѣтомъ одной изъ гимназій этого округа вопросъ, не слѣдовало ли бы вовсе отказаться на испытаніяхъ зрѣлости отъ

геометрическихъ задачъ на построеніе, былъ переданъ, по приказанію г. министра, на разсмотрѣніе ученаго комитета, который, принимая во вниманіе, что умѣніе рѣшать задачи на построеніе приобретаетъ лишь сопряженнымъ съ большою затратою времени теоретическимъ изученіемъ методовъ и долговременною практикою въ приложеніи этихъ методовъ къ рѣшенію задачъ, пришелъ къ тому заключенію, что предложеніе на испытаніяхъ зрѣлости геометрическихъ задачъ на построеніе не оправдывается ни учебными планами и программами преподаванія математики съ объяснительною къ нимъ запискою, ни правилами объ испытаніяхъ. Вслѣдствіе такого заключенія ученаго комитета г. министръ счелъ необходимымъ сдѣлать циркулярное распоряженіе о томъ, чтобы впредь на испытаніяхъ зрѣлости не были предлагаемы задачи на построеніе.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Изявляли желаніе подвергнуться испытанію.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	В с е г о.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 51, пунктъ			Итого (и процентное отношеніе къ изъяснившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. К. § 63 правилъ.
				По малолѣтности.	По нравственной неурядицѣ.	а.	б.	г.			
<i>С.-Петербургскій:</i>											
21 правительств. гимназій.	461	20	481	15	—	—	—	—	15 (3,1%)	—	—
4 церковныя училища.	—	—	51	—	—	—	—	—	—	—	—
3 частныя гимназій.	—	—	48	2	2	—	—	—	4 (8,3%)	2	—
Во всѣхъ 28 учебн. завед.	—	—	580	17	2	—	—	—	19 (3,3%)	2	—
<i>Московскій:</i>											
23 правительств. гимназій.	544	17	561	20	—	—	—	—	20 (3,6%)	6	—
1 церковное училище.	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназій.	—	—	38	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 26 учебн. завед.	—	—	608	20	—	—	—	—	20 (3,3%)	6	—
<i>Казанскій:</i>											
9 правительств. гимназій.	241	18	259	7	—	—	—	—	7 (2,7%)	1	—
<i>Оренбургскій:</i>											
6 правительств. гимназій.	86	2	88	4	—	—	—	1	5 (5,7%)	1	—
<i>Харьковскій:</i>											
17 правительств. гимназій.	336	8	344	11	—	—	—	—	11 (3,2%)	1	1
<i>Одесскій:</i>											
16 правительств. гимназій.	330	19	349	3	—	—	—	—	3 (0,8%)	—	—
<i>Кіевскій:</i>											
18 правительств. гимназій.	578	29	607	12	—	—	—	—	12 (2%)	4	—

УДОСТОЕННЫХЪ АТТЕСТАТА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1892 ГОДУ.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
446	20	466	439 (98,4%)	14 (70%)	453 (97,2%)	21 ⁴ / ₇	35	24	59 (13,2%)
—	—	51	—	—	50 (98%)	12 ¹ / ₂	—	—	—
—	—	42	—	—	38 (90,5%)	12 ² / ₃	2	1	3 (7,9%)
—	—	559	—	—	541 (96,8%)	19 ⁹ / ₂₈	37	25	62 (11,7%)
518	17	535	497 (96%)	8 (47%)	505 (94,4%)	21 ²² / ₂₃	31	28	59 (11,9%)
—	—	9	—	—	9 (100%)	9	—	1	1 (11,1%)
—	—	38	—	—	36 (94,7%)	18	—	—	—
—	—	582	—	—	550 (94,5%)	21 ² / ₁₈	31	29	60 (11%)
233	18	251	231 (99,1%)	10 (55,6%)	241 (96%)	26 ⁷ / ₉	24	20	44 (19%)
81	1	82	79 (97,5%)	—	79 (96,3%)	13 ¹ / ₆	3	8	11 (13,9%)
323	8	331	296 (91,6%)	4 (50%)	300 (90,6%)	17 ¹¹ / ₁₇	9	22	31 (10,5%)
327	19	346	319 (97,5%)	14 (73,7%)	333 (96,2%)	20 ¹⁸ / ₁₀	26	18	44 (13,8%)
562	29	591	511 (90,9%)	12 (41,4%)	523 (88,5%)	29 ¹ / ₁₈	29	32	61 (11,9%)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Изъявили желание под- вергнуться испытанію.			Не были допущены къ ис- пытанію.						Отсрочено испы- таніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимна- зисты.		Посторон- ніе на основаніи 51, пунк- товъ			Итого (и процент- ное отношеніе къ изъявившимъ же- ланию).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. К. § 63 правилъ.
				По малолѣт- ности.	По нравственной неурядости.	а.	б.	г.			
<i>Виленскій:</i>											
9 правительств. гимназій.	197	5	202	1	—	—	—	1	2 (1%)	2	—
<i>Варшавскій:</i>											
21 правительств. гимназій.	321	16	337	9	—	—	—	—	9 (2,7%)	2	—
<i>Рижскій:</i>											
14 правительств. гимназій.	308	39 ¹⁾	347	11	—	7	—	5	23 (6,6%)	2	—
<i>Кавказскій:</i>											
8 правительств. гимназій.	177	6	183	18	—	—	—	—	18 (9,8%)	1	1
<i>Западная Сибирь:</i>											
4 правительств. гимназій.	41	8	49	—	—	—	—	6	6 (12,2%)	—	—
<i>Восточная Сибирь:</i>											
3 правительств. гимназій.	57	—	57	2	—	—	—	—	2 (3,6%)	1	—
<i>Туркестанскій край:</i>											
1 правительств. гимназія.	8	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:											
Въ 170 прав. гимназіяхъ.	3685	187 ¹⁾	3872	113	—	7	—	13	133(3,4%)	21	2
„ 5 церкви. училищахъ.	—	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 5 части. гимназіяхъ.	—	—	86	2	2	—	—	—	4 (4,6%)	2	—
А всего:											
въ 180 учебн. заведеніяхъ.	—	—	4018	115	2	7	—	13	137(3,4%)	23	2

¹⁾ Изъ нихъ одинъ не явился на испытанія.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	В с е г о.	Гимназисты.	Посторонніе.	В с е г о.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (в процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
194	4	198	186 (95,9%)	3 (75%)	189 (95,4%)	21	7	9	16 (8,6%)
310	16	326	301 (97,1%)	10 (62,5%)	311 (95,4%)	14 ^{7/11}	8	8	16 (5,3%)
295	26	321	256 (86,8%)	7 (26,9%)	263 (81,9%)	18 ^{11/11}	8	3	11 (4,3%)
157	6	163	152 (96,8%)	2 (33,3%)	154 (94,5%)	19 ^{1/1}	8	8	16 (10,5%)
41	2	43	41 (100%)	2 (100%)	43 (100%)	10 ^{0/1}	4	3	7 (17,1%)
54	—	54	50 (92,6%)	—	50 (92,6%)	16 ^{2/1}	2	3	5 (10%)
8	—	8	7 (87,5%)	—	7 (87,5%)	7	—	—	—
3549	166	3715	3365 (94,8%)	86 (51,8%)	3451 (92,9%)	20,3	194	186	380 (11,3%)
—	—	60	—	—	59 (98,3%)	11,8	—	1	1 (1,7%)
—	—	80	—	—	74 (92,5%)	14,8	2	1	3 (4%)
—	—	3855	—	—	3584 (93%)	19,9	196	186	384 (11%)

№ 2. Вѣдомость о невыдержавших

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закоу Божію.	Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
<i>С.-Петербургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	446	7	1,6	—	1	—	3	—	2	1
„ церковныхъ училищъ	51	1	2	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	42	4	9,5	—	1	—	2	—	—	—
Постороннія лица	20	6	30	1	4	—	5	—	4	—
Всего	559	18	3,2	1	6	—	10	—	6	1
<i>Московскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	518	21	4	—	10	—	15	2	8	2
„ церковнаго училища	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	38	2	5,3	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	17	9	53	—	2	2	3	—	4	—
Всего	582	32	5,5	—	12	2	18	2	12	2
<i>Казанскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	233	2	0,9	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	18	8	44,4	2	3	1	1	3	2	1
Всего	251	10	4	2	3	1	1	3	2	1
<i>Оренбургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	81	2	2,5	—	3	1	7	—	2	—
Постороннія лица	1	1	100	—	1	—	1	—	1	—
Всего	82	3	3,7	—	4	1	8	—	3	—
<i>Харьковскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	323	27	8,4	—	18	—	22	1	18	1
Постороннія лица	8	4	50	—	3	—	2	—	3	—
Всего	331	31	9,4	—	21	—	24	1	21	1
<i>Одесскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	327	8	2,5	—	2	—	3	—	5	—
Постороннія лица	19	5	26,3	—	3	—	1	—	1	1
Всего	346	13	3,8	—	5	—	4	—	6	1
<i>Кіевскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	562	51	9,1	—	20	—	25	3	25	1
Постороннія лица	29	17	58,6	—	6	—	4	—	5	1
Всего	591	68	11,5	—	26	—	29	3	30	2

1) Изъ нихъ одному разрѣшено дополнительное испытаніе по французскому языку послѣ ваникулъ.

Испытанія зрѣлости въ 1892 году.

Испытанія по слѣдующимъ предметамъ:

Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностран-нымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со сдѣлательствами на основаніи § 80 правилъ.
Письмен-наго.	Устного.								
4	4	—	2	—	—	1	18 на 7	21 ¹⁾	1
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1	1	—
3	2	—	—	—	—	—	8 на 4	8 ²⁾	2
5	1	2	1	1	—	—	24 на 6	—	—
13	7	2	3	1	—	1	51 на 18	30	8
7	—	—	—	—	—	—	44 на 21	38	9
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	1	—	—	—	—	—	2 на 2	2	—
3	2	—	—	—	1	1	18 на 9	—	—
11	8	—	—	—	1	1	64 на 32	40	9
2	—	—	—	—	—	—	2 на 2	10	—
1	1	—	1	1	—	—	17 на 8	—	—
3	1	—	1	1	—	—	19 на 10	10	—
—	—	—	—	—	—	—	13 на 2	7	—
—	—	—	—	—	—	—	8 на 1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	16 на 3	7	—
15	—	—	1	—	—	—	76 на 27	31	9
2	—	—	—	—	—	—	10 на 4	—	—
17	—	—	1	—	—	—	86 на 31	31	9
2	—	—	—	—	—	—	12 на 8	9	2
2	—	—	1	—	—	—	9 на 5	—	—
4	—	—	1	—	—	—	21 на 13	9	2
14	5	—	—	—	—	—	98 на 51	53	14
6	8	—	1	1	—	—	27 на 17	—	—
20	8	—	1	1	—	—	120 на 68	53	14

аннуль.—³⁾ Изъ нихъ 2 ученикамъ разрѣшено дополнительное испытаніе по математикѣ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закону Божию.	Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
<i>Виленскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	194	8	4,1	—	2	—	4	1	1	2
Постороннія лица	4	1	25	—	—	—	—	—	—	—
Всего	198	9	4,5	—	2	—	4	1	1	2
<i>Варшавскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	310	9	2,9	—	6	—	4	—	2	—
Постороннія лица	16	6	37,5	—	5	—	4	1	4	—
Всего	326	15	4,6	—	11	—	8	1	6	—
<i>Рижскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	295	39 ²⁾	13,2	—	28	1	13	3	10	6
Постороннія лица	26	19	73,1	—	14	—	14	—	13	—
Всего	321	58	18,1	—	42	1	27	3	23	6
<i>Кавказскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	157	5	3,2	—	4	—	5	1	3	—
Постороннія лица	6	4	66,7	—	4	—	1	—	1	—
Всего	163	9	5,5	—	8	—	6	1	4	—
<i>Западная Сибирь.</i>										
Ученики правительств. гимназій	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>										
Ученики правительств. гимназій	54	4	7,4	—	1	—	3	—	1	—
<i>Туркестанскій край.</i>										
Ученики правительств. гимназій	8	1	12,5	—	—	—	—	—	—	—
И Т О Г О :										
Ученики правительств. гимназій	3549	184	5,2	—	95	2	104	11	77	13
„ церковныхъ училищъ	60	1	1,7	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	80	6	7,5	—	1	—	2	—	—	—
Постороннія лица	166	80	48,2	3	45	3	36	4	38	3
В С Е Г О	3855	271	7	3	141	5	142	15	115	16

¹⁾ Изъ нихъ одинъ умеръ, а восьми ученикамъ назначена переэкзаменовка по рус-

спытанія по слѣдующимъ предметамъ:								Общее число неудовлетворительныхъ отѣтоковъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свѣдѣтельствомъ на основаніи § 80 правилъ.
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.				
Письменнаго.	Устнаго.									
4	1	—	—	—	—	—	15 на 7	10	1	
1	1	—	—	—	—	—	2 на 1	—	—	
5	2	—	—	—	—	—	17 на 8	10	1	
2	1	—	—	—	—	—	15 на 9	16	4	
4	—	—	—	—	—	—	18 на 6	—	—	
6	1	—	—	—	—	—	33 на 15	16	4	
7	—	—	—	—	—	—	68 на 39	44 ^{*)}	8	
10	—	—	3	—	—	—	54 на 19	—	—	
17	—	—	3	—	—	—	122 на 58	44 ^{*)}	8	
—	—	—	—	—	—	—	13 на 5	25	1	
1	—	—	—	—	—	—	7 — 4	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	20 на 9	25	1	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
2	—	—	1	—	—	—	8 на 4	4	3	
1	—	—	1	—	—	—	2 на 1	1	—	
60	11	—	5	—	—	1	379 на 184	269 ^{*)}	52	
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1	1	—	
4	3	—	—	—	—	—	10 на 6	10	2	
85	8	2	7	3	1	1	189 на 80	—	—	
100	22	2	12	3	1	2	579 на 271	280 ^{*)}	54	

кому языку послѣ канцелярѣ.

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыхъ по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	489	31	7,1	102	28,2	105	23,9	107	24,4	94	21,4
” церковн. училищъ.	50	4	8	15	30	14	28	12	24	5	10
” частныхъ гимназій.	38	8	7,9	10	26,3	5	18,2	7	18,4	18	84,2
Постороннія лица .	14	—	—	—	—	1	7,1	2	14,3	11	78,6
Всего . .	541	38	7	127	23,5	125	23,1	128	23,7	123	22,7
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	497	21	4,2	128	25,7	129	25,9	123	24,7	96	19,3
” церковн. училища.	9	—	—	—	—	5	55,6	3	33,3	1	11,1
” частныхъ гимназій.	36	3	8,3	7	19,4	13	36,1	8	22,2	5	18,9
Постороннія лица .	8	1	12,5	—	—	—	—	3	37,5	4	50
Всего . .	550	25	4,5	135	24,5	147	26,7	137	24,9	106	19,3
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	281	23	9,9	60	26	70	30,3	54	23,4	24	10,4
Постороннія лица .	10	—	—	1	10	1	10	3	30	5	50
Всего . .	241	23	9,5	61	25,3	71	29,5	57	23,6	29	12

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Виленскій.											
Ученики правит. гимназій.	186	6	3,2	38	20,4	58	31,2	42	22,6	42	22,6
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	1	33,3	—	—	2	66,7
Всего . .	189	6	3,2	38	20,1	59	31,2	42	22,2	44	23,3
Варшавскій.											
Ученики правит. гимназій.	301	12	4	63	20,9	82	27,2	81	26,9	63	20,9
Постороннія лица.	10	—	—	—	—	1	10	3	30	6	60
Всего . .	311	12	3,8	63	20,2	83	26,7	84	27	69	22,2
Рижскій.											
Ученики правит. гимназій.	256	29	11,3	61	23,8	80	31,2	48	18,7	38	14,8
Постороннія лица.	7	1	14,3	—	—	—	—	—	—	6	85,7
Всего . .	263	30	11,4	61	23,1	80	30,4	48	18,2	44	16,7
Кавказскій.											
Ученики правит. гимназій.	152	4	2,6	22	14,5	45	29,6	36	23,7	45	29,6
Постороннія лица.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	100
Всего . .	154	4	2,6	22	14,3	45	29,2	36	23,4	47	30,5

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.		Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
			17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Оренбургскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	79	2	2,5	16	20,2	21	26,6	26	32,9	14	17,7	
Постороннія лица.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Всего . . .	79	2	2,5	16	20,2	21	26,6	26	32,9	14	17,7	
<i>Харьковскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	206	22	7,4	67	22,6	87	29,4	58	19,6	62	20,9	
Постороннія лица.	4	—	—	—	—	—	—	1	25	3	75	
Всего . . .	210	22	7,3	67	22,3	87	29	59	19,7	65	21,7	
<i>Одесскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	819	28	8,8	71	22,2	74	23,2	72	22,6	74	23,2	
Постороннія лица.	14	—	—	—	—	5	35,7	—	—	9	64,3	
Всего . . .	833	28	8,4	71	21,3	79	23,7	72	21,6	83	24,9	
<i>Кіевскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	511	28	5,5	118	23,1	138	27	120	23,5	107	20,9	
Постороннія лица.	12	—	—	—	—	3	25	—	—	9	75	
Всего . . .	523	28	5,3	118	22,6	141	26,9	120	22,9	116	22,2	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процен.лаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Западная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	41	3	7,3	5	12,2	15	36,6	6	14,6	12	29,3
Постороннія лица	2	—	—	—	—	1	50	—	—	1	50
Всего . .	43	3	7	5	11,6	16	37,2	6	13,9	13	30,2
<i>Восточная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	50	2	4	8	16	17	34	7	14	16	32
<i>Туркестанск. край.</i>											
г. гимназій.	7	—	—	1	14,3	1	14,3	4	57,1	1	14,3
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій.	9365	211	6,3	760	22,6	922	27,4	784	23,3	688	20,4
" церкви. училищъ.	59	4	6,8	15	25,4	19	32,2	15	25,4	6	10,2
" частныхъ гимназій.	74	6	8,1	17	23	18	24,3	15	20,3	18	24,3
Постороннія лица	86	2	2,3	1	1,2	13	15,1	12	13,9	58	67,4
Всего . .	9584	223	6,2	798	22,1	972	27,2	826	23	770	21,5

№ 4. Распределение признанных зрѣлши по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе		
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военныя училища.	Иститутъ путей сообщенія.	Горныя институты.
<i>С.-Петербургскій.</i>										
21 правительств. гимназія	—	38	72	121 ¹⁾	122	11	364	8	25	12
4 церковныя училища	8	5	10	16	6	—	40	1	1	2
3 частныя гимназіи	—	3	3	18 ²⁾	8	3	30	1	1	2
Изъ всѣхъ 28 учебн. заведеній.	8	46	85	150	136	14	434	10	27	16
<i>Московскій.</i>										
23 правительств. гимназіи	—	51	100	160	159	4	474	—	7	5
1 церковное училище	—	2	1	1	5	—	9	—	—	—
2 частныя гимназіи	—	3	12	16	4	—	35	—	1	—
Изъ всѣхъ 26 учебн. заведеній.	—	56	113	177	168	4	518	—	8	5
<i>Казанскій.</i>										
9 правительств. гимназій	—	17	38	82	83	1	201	2	4	1
<i>Оренбургскій.</i>										
6 правительств. гимназій	—	3	18	15	25	5	66	—	2	2
<i>Харьковскій.</i>										
17 правительств. гимназій	—	10	74	88	104	—	271	3	8	1
<i>Одесскій.</i>										
16 правительств. гимназій	—	13	97	98	98	4	305	1	7	2
<i>Кіевскій.</i>										
18 правительств. гимназій	—	32	119	175	143	4	473	—	14	2

¹⁾ Въ томъ числѣ 2 въ Императорскій Александровскій лицей.—²⁾ Въ томъ числѣ 1 нми специальности.

занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали.

въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
Технологическія.	Земледѣльч. акад., Лѣсной и Сельско-хоз. инст.	Инстит. гражданск. инженер.	Электро-технич. инстит.	Академію художествъ и консерватор.	Духовную академію.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				Всего.
							Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзно-дорожн.	
10	9	3	2	6	6	81	—	7	—	—	1	—	8
1	—	1	—	—	—	6	1	2	—	—	1	1	4
—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	1	1	2
11	9	6	2	6	6	93	1	9	—	1	3	—	14
14	—	—	—	—	1	27	1	3	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
14	—	—	—	—	1	28	1	3	—	—	—	—	4
4	2	—	—	—	1	14	1	3	—	—	—	—	6 ^{*)}
4	—	—	—	—	—	8	—	5	—	—	—	—	5
9	6	—	—	1	—	28	1	—	—	—	—	—	1
11	2	—	—	—	1	24	—	3	—	—	1	—	4
15	6	—	—	3	—	40	—	8	—	2	—	—	10

въ Императорское училище правовѣдѣнія. — *) Двое не дали свѣдѣній о родѣ избранной

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе		
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военная училища.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.
<i>Виленскій.</i>										
9 правительств. гимназій . . .	—	4	27	41	76	8	156	—	11	3
<i>Варшавскій.</i>										
21 правительств. гимназій . . .	2	5	55	78	99	2	241	—	11	3
<i>Рижскій.</i>										
14 правительств. гимназій . . .	25	18	46	47	82	2	220	—	7	1
<i>Кавказскій.</i>										
8 правительств. гимназій . . .	—	13	46	34	38	1	132	—	4	2
<i>Западная Сибирь.</i>										
4 правительств. гимназій . . .	—	1	8	17	7	1	34	—	4	1
<i>Восточная Сибирь.</i>										
3 правительств. гимназій . . .	—	—	16	14	17	—	47	—	—	1
<i>Туркестанскій край.</i>										
1 правительств. гимназій . . .	—	1	1	2	1	—	5	—	—	—
Всего въ 180 учебн. заведеніяхъ.	30	219	743	1008	1077	46	3123	16	107	40
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ	0,8	6,1	20,7	28,1	30	1,3	87,1	0,4	3	1,1

¹⁾ Двое не дали свидѣній о родѣ избранной ими специальности.

в высших специальных училищах:							Поступающие на поприще практической деятельности:						
Технологи- ческия.	Земледельч. акад., Дис- паной и Сель- ско-хоз. инст.	Иметт. Гра- жданск. инженер.	Электро-тех- нич. инстит.	Академию Художеств и консерватор.	Духовную академию.	В с е г о .	Въ гос. службу.		Частной деятельности.				В с е г о .
							Граждан- скую.	Военную.	Учебной.	Сельско- хозяйств.	Коммер- ческой.	Мануфакт. и фабрич.- дорожн.	
7	4	—	—	—	—	25	—	7	—	1	—	—	8
83	5	—	2	8	2	64	—	5	—	—	1	—	6
10	5	—	—	2	—	25	3	4	—	6	4	1	18
5	5	—	—	—	—	16	—	6	—	—	—	—	6
—	1	—	1	—	—	7	—	1	—	—	1	—	2
—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
123	45	6	5	20	11	373	9	56	—	10	10	1	88 1)
3,4	1,2	0,2	0,1	0,5	0,3	10,4	0,2	1,6	—	0,3	0,3	0,03	2,4

В. К. НАДЛЕРЪ.

(некрологъ).

31-го марта въ Одессѣ скончался заслуженный профессоръ всеобщей исторіи и деканъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета, Василій Карловичъ Надлеръ.

В. К. Надлеръ родился въ 1841 г. въ Харьковѣ, воспитывался сначала въ частномъ учебномъ заведеніи и затѣмъ поступилъ въ Харьковский университетъ на историко-филологическій факультетъ. По окончаніи курса со степенью кандидата въ 1862 г., В. К. Надлеръ уже черезъ два года держитъ при Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи и тамъ же защищаетъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Западной Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка“ (Харьковъ. 1864). Двадцати трехъ лѣтъ В. К. Надлеръ былъ уже доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ. Вообще онъ очень скоро прошелъ обычные ступени: такъ, въ 1867 г. онъ получаетъ степень доктора всеобщей исторіи послѣ защитенія обширной диссертации: „Адальбертъ Бременскій, правитель Германіи въ молодые годы Генриха IV“ (Харьковъ. 1867); двадцати семи лѣтъ онъ уже былъ экстраординарнымъ профессоромъ (съ 1868 г.), двадцати восьми — ординарнымъ (съ 1869 г.) а сорока восьми — получилъ званіе заслуженнаго профессора. Съ 1869 г. по 1875 г. В. К. Надлеръ состоялъ секретаремъ, а затѣмъ непрерывно съ сентября 1875 г. и до самой смерти, то-есть, въ теченіе почти 19-ти лѣтъ, — деканомъ историко-филологическаго факультета въ Харьковскомъ, а затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ, куда онъ перешелъ въ январѣ 1891 года. — Такимъ образомъ, большая часть

жизни Василя Карловича протекла въ Харьковѣ и лучшіе годы его ученой и профессорской дѣятельности принадлежатъ Харьковскому университету.

Учено-литературную дѣятельность покойнаго можно раздѣлить на два періода. До начала 80-хъ годовъ спеціальностью Василя Карловича была преимущественно средняя исторія, и за немногими исключеніями, въ родѣ, напримѣръ, статьи „Русскія историческія руководства и ихъ отношеніе къ наукѣ всеобщей исторіи“ (1865 г.) и обширной рецензіи на книгу проф. Воеводскаго: „Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ“, всѣ его труды, относящіяся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, посвящены исторіи среднихъ вѣковъ. Таковы: 1) обѣ его диссертации, изъ коихъ докторская — „Адальбертъ Бременскій“ — представляетъ обширный (VIII+422 стр.) и выдающійся по своимъ ученымъ достоинствамъ и легкому, прекрасному изложенію трудъ (см. о немъ подробную рецензію проф. М. Н. Петрова въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1867 г., ч. CXXXVI, стр. 204—221); 2) актовая рѣчь „Юстиніанъ и партія цирка въ Византіи“ (Харьковъ 1876 г.), разросшаяся потомъ въ цѣлую книгу, въ которой, кромѣ характеристики Византіи, партій цирка, Юстиніана и Оеодоры и описанія самаго мятежа „Ники“, читатель найдетъ спеціальныя экскурсы, въ видѣ приложенія, о Проконіѣ, какъ историкѣ Юстиніана, и о принадлежности ему *Anecdota*, и 3) цѣлый рядъ статей: „Базельскій соборъ и его значеніе“, „Состояніе Западной Европы въ концѣ IX и началѣ X столѣтія“, „Императоръ Оттонъ III и его время“, „Культура арабовъ и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ“, „Османскіе турки и Балканскіе славяне во второй половинѣ XIV вѣка“. Съ началомъ же 80-хъ годовъ занятія Василя Карловича сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на исторіи новѣйшей, какъ на всеобщей, такъ и на русской. Къ этому второму періоду относятся: „Двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра II“ (очеркъ, написанный къ 19 февраля 1880 г. и впоследствии напечатанный въ приложеніи къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1885 г.); „Меттернихъ и Европейская реакція“ (Харьковъ. 1882), — книга, основаніемъ для которой послужили вышедшіе около того времени мемуары Меттерниха и которая даетъ живую и мѣткую характеристику этого дѣятеля, какъ главнаго представителя эпохи реакціи; „Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза“, огромный, 5-томный трудъ, увлекательный по темѣ и изложенію, но, къ сожалѣнію, тенденціозный и съ тою философіею, исторіи, которая въ немъ проглядываетъ, едва

ли можетъ согласиться безпристрастный историкъ (срв. рецензіи, помѣщенныя въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1887 г., май; 1889 г., сентябрь); рядъ работъ по исторіи Одессы и юга Россіи („Одесса въ первыя эпохи ея существованія“. Одесса. 1893 г.; „Нашествіе и чума. Эпизодъ изъ Одесской старины“. Одесса. 1892 г.; „Дюкъ де-Ришелье на Кавказѣ. Основаніе Новороссійска“. Одесса. 1893 г.), и цѣлая масса газетныхъ статей какъ по исторіи, такъ и по внѣшней политикѣ. Но перенеся центръ тяжести своихъ занятій на исторію новѣйшую, В. К. Надлеръ не оставлялъ и своей прежней специальности—средней исторіи; между прочимъ онъ обработалъ и дополнилъ II-й томъ „Лекцій по всемірной исторіи“ М. Н. Петрова, при чемъ прибавилъ цѣлую главу: „Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ“ (1888 г.)¹⁾; кромѣ того, къ этому періоду относится его статья: „Папство и его отношеніе къ свѣтской власти до эпохи Григорія VII“. Наконецъ, болѣе общимъ содержаніемъ отличается публичная лекція: „Міоническій элементъ въ исторіи“ (Харьковъ, 1887 г.).

Представленный перечень достаточно показываетъ, какъ многочисленны работы покойнаго Василя Карловича и какихъ различныхъ историческихъ эпохъ и отдѣловъ онъ касается. Эта многочисленность тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что В. К. Надлеръ, помимо чтенія разныхъ университетскихъ курсовъ по всеобщей и русской исторіи и даже географіи, несъ еще нелегкія обязанности декана и не разъ исправлялъ должность ректора. Но обладая замѣчательнымъ даромъ изложенія и рѣдкою памятью, Василий Карловичъ умѣлъ работать чрезвычайно быстро: онъ писалъ обыкновенно сразу, не передѣлывая написаннаго, не подбиралъ выраженій: то легкое и прекрасное изложеніе, которое такъ отличаетъ всѣ работы покойнаго, не исключая даже и специальныхъ, въ родѣ докторской диссертации, давалось ему безъ труда. При томъ Василий Карловичъ никогда не дѣлалъ заранѣе выписокъ или какихъ-нибудь замѣтокъ: подготовительная работа, такъ называемое „собираніе матеріала“ у него состояло въ томъ, что онъ обкладывалъ себя книгами, внимательно читалъ относящіяся къ темѣ источники и пособія и затѣмъ принимался писать; его громадная память удерживала все необходимое и существенное; въ случаѣ-же надобности онъ дѣлалъ справки

¹⁾ В. К. Надлеромъ начато было и продолженіе IV-го тома „Лекцій“ М. Н. Петрова (начиная отъ законодательнаго собранія), но работа эта на смертью издателя „Лекцій“ (Д. П. Полуехтова) была приостановлена.

въ лежавшихъ предъ нимъ книгахъ и всегда помнилъ, гдѣ найдти ту или другую справку, то или другое свидѣтельство. Поэтому-то и труды его отличались такимъ свободнымъ и увлекательнымъ изложе-ніемъ: Василя Карловича не подавлялъ матеріалъ; онъ былъ пол-нымъ хозяиномъ послѣдняго.

Но еще разнообразіе и важіе была дѣятельность покойнаго, какъ профессора, лектора.

Въ Харьковѣ, до самаго перехода въ Одессу, В. К. Падлеръ по-стоянно читалъ среднюю исторію, но, кромѣ того, во второй поло-винѣ 70-хъ годовъ—и русскую, такъ какъ въ то время каеодра по-слѣдней въ Харьковскомъ университетѣ не имѣла особаго представи-теля, затѣмъ въ 80-хъ годахъ—новѣйшую и одно время—римскую. А въ Одессѣ Василю Карловичу пришлось взять на себя чтеніе лекцій по новой исторіи. Такимъ образомъ въ кругъ его занятій и преподаванія входили почти всѣ отдѣлы исторіи. Прибавимъ къ этому, что время отъ времени онъ открывалъ еще и курсы географіи. Въ первый періодъ своей профессорской дѣятельности В. К. Падлеръ читалъ преимущественно курсы спеціальные. Таковы были и тѣ, ко-торые пришлось мнѣ слушать въ 1878—1880 гг.: одинъ годъ Василий Карловичъ излагалъ исторію Византіи до эпохи Комненовъ, а другой годъ онъ посвятилъ еще болѣе подробному и спеціальному изложе-нію исторіи Крестовыхъ походовъ. Лишь въ 80-хъ годахъ онъ пере-шелъ къ курсамъ общимъ, на ряду съ которыми, для ближайшаго озна-комленія съ эпохой и съ методами разработки источниковъ, имъ ве-лись со студентами практическія занятія по Monumenta Germaniae. В. К. Падлеръ выступалъ нерѣдко и съ публичными лекціями, даже съ цѣлыми серіями ихъ, составившими своего рода публичный курсъ, охватывавшій цѣлый болѣе или менѣе обширный періодъ. Въ Харь-ковѣ особенно памятенъ, на примѣръ, его лекціи по исторіи XIX сто-лѣтія; онѣ то отчасти и легли въ основу изданной имъ книги: „Мет-тернихъ и европейская реакція“.

Лекторомъ В. К. Падлеръ былъ превосходнымъ. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, и его плавная, эпически-спокойная рѣчь лилась легко, свободно и гладко. Человѣкъ простой, чуждый погони за эффектомъ, не придававшій значенія внѣшности, В. К. Падлеръ такимъ-же являлся и въ своихъ лекціяхъ. Онъ не приду-мывалъ красныхъ и эффектныхъ фразъ, не отдѣлывалъ заранѣе каж-даго слова, не услаждался собственной рѣчью: его краснорѣчіе было просто и естественно, и его лекціи, какъ университетскія, такъ и

публичныя, являлись своего рода импровизациями. Владѣя такимъ даромъ слова и громадною памятью, В. К. Надлеръ никогда не записывалъ своихъ лекцій (единственное исключеніе, по собственнымъ его словамъ, составляла его первая пробная лекція, которую онъ записалъ дословно, и это очень стѣсняло его при произнесеніи ея) и читалъ всегда безъ всякаго, даже самаго краткаго конспекта. Помню, какъ насъ новичковъ-первокурсниковъ, поразили легкость, свобода и плавность рѣчи первыя лекціи Василя Карловича, читавшаго намъ русскую исторію; и не одинъ изъ насъ подумалъ: „Какъ хорошо подготовился профессоръ Надлеръ къ своимъ первымъ лекціямъ; посмотримъ, какъ потомъ онъ будетъ читать: вѣроятно, ужъ не такъ, а съ тетрадкой или хотя конспектомъ“. Мы тогда еще не знали, что удивлявшій насъ свобода и плавность изложенія была не результатомъ предварительной, тщательной отдѣлки и подготовки, а постояннымъ, характернымъ, *природнымъ* свойствомъ покойнаго.

В. К. Надлеръ не былъ поклонникомъ ни „экономическаго направленія“ въ исторіи, ни такъ называемой исторіи культурной: онъ интересовался преимущественно исторіей внѣшней, политической (въ тѣсномъ смыслѣ слова) и военною, и нужно сознаться, что въ этомъ отношеніи онъ часто впадалъ въ крайность и нѣкоторую односторонность, что составляло главный недостатокъ его лекцій, въ остальныхъ отношеніяхъ столь образцовыхъ. Онъ былъ по преимуществу историкъ-повѣствователь. Но это не мѣшало ему обращать, особенно въ курсахъ специальныхъ, самое серьезное вниманіе на литературу вопроса, на разборъ спорныхъ мнѣній и свидѣтельствъ историковъ. Какъ на специальныхъ лекціяхъ, такъ и на практическихъ занятіяхъ онъ знакомилъ слушателей съ методами и приемами исторической критики, и лично о себѣ я могу сказать, что чрезвычайно многими въ этомъ отношеніи обязанъ покойному: первыи же слышанныя мною его лекціи по русской исторіи, посвященныя такимъ запутаннымъ и спорнымъ вопросамъ, какъ на примѣръ вопросъ о началѣ русскаго государства и призваніи князей, произвели на меня впечатлѣніе: онѣ будили критическую мысль, знакомили съ тѣмъ, каковы должны быть приемы критическаго изслѣдованія и т. д.

Мы уже говорили, что, какъ человѣкъ, Василій Карловичъ отличался простотою и не придавалъ значенія внѣшности или мелочамъ. Онъ обращалъ вниманіе лишь на суть дѣла. Педантизмъ и сухой формализмъ были ему совершенно чужды, равно какъ и мелочное самолюбіе, и мстительность. По внѣшности на первый взглядъ или

тому, кто мало его зналъ, онъ могъ. пожалуй, показаться нѣсколько суровымъ и непривѣтливymъ; но на самомъ дѣлѣ подъ этою внѣшностью скрывалось отзывчивое, доброе и мягкое сердце. Лучшія его качества проглядывали въ особенности въ отношеніяхъ его къ студентамъ: тутъ онъ являлся тѣмъ простымъ и доступнымъ, добрымъ, отзывчивымъ и снисходительнымъ человѣкомъ, какимъ его знали лица, близко къ нему стоявшія. Конечно, были у покойнаго и свои недостатки, но не мѣсто и не время теперь вспоминать о нихъ.

Василій Карловичъ умеръ еще въ цвѣтѣ силъ и способностей, всего 53-хъ лѣтъ отъ роду. Въ послѣдніе годы жизнь его сложилась тяжело. Онъ перенесъ не мало горя и это сломило его, повидимому, столь крѣпкую натуру. Тяжелъ былъ и конецъ его: болѣе полгода, начиная съ сентября, боролся Василій Карловичъ съ мучительнымъ недугомъ—болѣзнию легкихъ и сердца. Онъ предполагалъ воспользоваться разрѣшеннымъ ему заграничнымъ отпускомъ и отправиться если не за границу, то хотя въ Крымъ; онъ рвался выѣхать изъ Одессы. Но силы его падали положеніе ухудшалось; за недѣлю до смерти онъ ужъ не въ состояніи былъ подняться съ постели безъ посторонней помощи. Долго врачи находили невозможнымъ для него въ такомъ состояніи предпринять путешествіе. Но, наконецъ, рѣшено было примѣнить лѣченіе сжатымъ воздухомъ и съ этою цѣлью отправить больнаго поскорѣе въ Ялту. Утромъ 31-го марта—въ назначенный для отъѣзда день—больной казался довольно бодрымъ. Его вынесли въ качалкѣ и усадили въ карету. Дорогой ему сдѣлалось дурно. Въ такомъ состояніи онъ былъ привезенъ на пристань и внесенъ въ каюту. Тотчасъ призваны были врачи; но Василій Карловичъ былъ уже мертвъ: оказалось, что его везли ужъ въ состояніи агоніи....

Вѣчная память тебѣ, дорогой учитель!

В. Буассуль.

ПОПРАВКА.

Въ некрологѣ д-ра Франца Рачкаго, помѣщенномъ въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и написанномъ П. А. Кулаковскимъ, вкралась ошибка, которую авторъ проситъ исправить: именно, на стр. 92-й сказано, что Рачкій „принадлежалъ къ ордену францисканцевъ“, — между тѣмъ какъ Рачкій не принадлежалъ ни къ одному изъ орденовъ.

становится заключеніемъ, а круговое доказательство и состоитъ въ томъ, что черезъ заключеніе и одну обращенную посылку доказывається другая посылка.

Въ частныхъ силлогизмахъ ¹⁾ общую посылку невозможно доказать черезъ прочія положенія, а частную—можно. Что общая посылка недоказуема, это ясно: общее положеніе доказуемо лишь черезъ общія же, и заключеніе было не общимъ, доказывать же [общую посылку] придется именно черезъ заключеніе и другую посылку; и черезъ обращеніе посылки не получится вообще никакого силлогизма ²⁾. Частная же посылка доказуема; пусть доказано черезъ *B* [какъ средній терминъ], что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*; если принять, что *B* присуще всякому *A*, и сохранить заключеніе, то *B* будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *C*; получается именно первая фигура, и *A* будетъ среднимъ терминомъ.—Если же силлогизмъ отрицательный ³⁾, общая посылка недоказуема, на томъ же основаніи, какъ выше; частная же доказуема, если мы обратимъ посылку *AB* такъ же, какъ то дѣлали при общемъ [отрицательномъ] заключеніи, то-есть, примемъ, что тому, чему не присуще *A*, присуще *B*; иначе же не получается никакого вывода, такъ какъ и [другая, то-есть] частная посылка отрицательна ⁴⁾.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О круговомъ доказательствѣ во второй фигурѣ.

Во второй фигурѣ утвердительная посылка не можетъ быть доказана такимъ [круговымъ] способомъ, а отрицательная—можетъ. Утвердительная не доказуема, ибо не обѣ посылки будутъ утвердительны: именно [прежнее] заключеніе отрицательно ⁵⁾, а утвердительное положеніе доказуемо только черезъ обѣ посылки утвердительныя. Отрицательная же посылка доказуема слѣдующимъ обра-

¹⁾ Модусы *AJJ* и *EJO*.

²⁾ Ибо образуется модусъ съ двумя частными посылками, что вообще не даетъ никакого заключенія.

³⁾ Модусъ *EJO*.

⁴⁾ Пусть первое умозаключеніе было: ни одно *B* не есть *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* не *A*. Силлогизмъ же доказывающій частную посылку приметъ такую форму: все, что не есть *A*, есть *B* (обращенная большая посылка), нѣкоторыя *C* суть то, что не есть *A*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* суть *B*.

⁵⁾ Вторая фигура даетъ только отрицательные выводы.

зомъ: пусть A присуще всякому B , но не присуще ни одному C ; заключение будетъ: B не присуще ни одному C ; если же принять, что B присуще всякому A ¹⁾, необходимо A не будетъ присуще ни одному C : получается именно вторая фигура со среднимъ терминомъ B ²⁾. Если же посылка AB взята отрицательной, а другая—утвердительная ³⁾, получится первая фигура; именно C присуще всѣмъ A , и B не присуще ни одному C , следовательно, B не присуще ни одному A , а потому и A не присуще ни одному B ; то-есть черезъ заключение и одну изъ посылокъ [искомое] заключение не получается, но оно получается послѣ прибавленія другаго положенія ⁴⁾. Если же умозаключение не всеобщее, общая посылка не доказуема, по той же причинѣ, которая указана выше ⁵⁾, а частная—доказуема, именно когда общая посылка утвердительная ⁶⁾; пусть именно A присуще всѣмъ B , но не всѣмъ C ; заключение будетъ BC ; принявъ же, что B присуще всѣмъ A , но не всѣмъ C , A не будетъ присуще инымъ изъ C ; здѣсь средній терминъ B . Если же общая посылка отрицательная, нельзя доказать посылку AC черезъ AB ⁷⁾, ибо обѣ, или одна изъ посылокъ ⁸⁾ оказываются отрицательными, такъ что [искомаго] заключенія не получится; однако это можно доказать тѣмъ способомъ, какой мы примѣнили въ общихъ силлогизмахъ, принявъ именно, что тому, чему не присуще B , присуще A ⁹⁾.

¹⁾ То-есть взявъ большую посылку обращенной, какъ въ предыдущемъ, здѣсь предполагается, что всѣ сужденія *слово* обратимы.

²⁾ Всѣ A суть B , ни одно C не есть B , следовательно ни одно C не есть A .

³⁾ Дѣло идетъ о второмъ изъ двухъ общихъ модусовъ второй фигуры, именно объ $EAЕ$.

⁴⁾ Черезъ заключение (ни одно C не есть B) и одну изъ посылокъ (всѣ C суть A) не получается никакого заключенія (ибо модусъ AE въ третьей фигурѣ не даетъ вывода). Поэтому Аристотель беретъ прежнюю посылку (всѣ C суть B) *слово* обращенной (всѣ B суть C); это онъ и называетъ прибавленіемъ другаго кромѣ даннаго) положенія, такъ какъ въ обмененныхъ условіяхъ обращенія изъ положенія „всѣ C суть B “ было-бы получено только „нѣкоторые B суть C .“

⁵⁾ Въ предыдущей главѣ. Общая посылка не можетъ быть здѣсь доказана, потому что прежнее заключеніе, становящееся теперь посылкой, частное, а общее заключеніе выводимо лишь изъ общихъ общихъ посылокъ.

⁶⁾ И следовательно, частная посылка—утвердительная: модусъ AOO .

⁷⁾ Модусъ EJO .

⁸⁾ Аристотель намекаетъ на то, что часто отрицательное заключеніе (перваго силлогизма) мы могли бы принять за равное частно утвердительному; тогда только одна изъ посылокъ остается отрицательной.

⁹⁾ То-есть взявъ большую посылку въ утвердительной формѣ, о чемъ смотри

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О круговомъ доказательствѣ въ третьей фигурѣ.

Въ третьей фигурѣ, если обѣ посылки взяты всеобщими ¹⁾, круговое доказательство [по третьей же фигурѣ] не возможно: всеобщія положенія доказываются черезъ всеобщія-же, а въ этой фигурѣ заключеніе всегда бываетъ частнымъ, такъ что по этой фигурѣ невозможно доказать общей [прежней] посылки. Если же одна изъ посылокъ общая, а другая—частная, [частная] посылка иногда доказуема, иногда-же нѣтъ; она именно доказуема, когда обѣ посылки взяты утвердительными и меньшая посылка—общая; если же другая [большая] общая, то не доказуема ²⁾. Пусть ³⁾ *A* присуще всякому *C*, а *B* только нѣкоторымъ изъ *C*; заключеніе будетъ *AB*; принявъ же, что *C* присуще всякому *A* ⁴⁾, доказано, что *C* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, но что *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C* ⁵⁾, это [еще] не доказано; хотя и необходимо *B* будетъ присуще инымъ изъ *C*, если *C* присуще нѣкоторымъ изъ *B*; но [все-таки] это не одно и то же, если первое присуще второму, и если второе присуще первому; должно именно [для искомаго вывода] прибавить указаніе, что если одно присуще другому, то и другое—первому; а принявъ это указаніе, умозаключеніе мы получаемъ уже не изъ вывода и одной изъ посылокъ ⁶⁾. Если же ⁷⁾ *B* присуще всякому *C*, и *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, можно доказать посылку *AC*, принявъ, что *C* присуще всякому *B* ⁸⁾ и *A* нѣкоторымъ изъ *B*; ибо если *C* присуще

въ предыдущей главѣ. Примѣръ: 1) ни одинъ человѣкъ не лошадь, нима изъ животныхъ—лошади, слѣдовательно, нима изъ животныхъ не люди; 2) лошадь есть то, что не есть человѣкъ, нима изъ животныхъ суть лошади, слѣдовательно, нима изъ животныхъ суть то, что не есть человѣкъ.

¹⁾ Модусы ААJ и ЕАО.

²⁾ То-есть въ модусахъ JAJ и AJJ.

³⁾ Доказательство второй половины утвержденія, то-есть, что въ модусѣ AJJ частная посылка недоказуема.

⁴⁾ Такое полное обращеніе всеобще-утвердительнаго сужденія мы посподу допустили въ круговыхъ доказательствахъ,

⁵⁾ *A* это вѣдь и есть искомое въ круговомъ доказательствѣ заключеніе.

⁶⁾ То-есть доказуемое положеніе „нѣкоторыя *B* суть *C*“ получается здѣсь не какъ прямое заключеніе изъ вывода и одной изъ посылокъ примаго силлогизма, а черезъ обращеніе этого заключенія.

⁷⁾ Доказательство второй половины утвержденія, то-есть, что въ модусѣ JAJ частная посылка доказуема.

⁸⁾ Это опять полное обращеніе всеобще-утвердительнаго сужденія.

всякому B , и A — инымъ изъ B , необходимо A быть присущимъ инымъ изъ C ; средній терминъ здѣсь B . Если же одна изъ посылокъ утвердительная, а другая — отрицательная, и если утвердительная — всеобща, то другая [то-есть частная] посылка доказуема ¹⁾; пусть именно B присуще всякому C , и A не присуще инымъ изъ C ; заключеніе: A по присущи инымъ изъ B ; если же принять, что C присуще всякому B , слѣдуетъ ²⁾, что A не присуще инымъ изъ C ; средній терминъ здѣсь B . Если же ³⁾ отрицательная посылка всеобща, другая [частно-утвердительная] не доказуема иначе какъ указаннымъ выше способомъ, то-есть, принявъ, что тому, чему нѣчто не присуще, присуще другое ⁴⁾; если именно A не присуще ни одному C , и B присуще инымъ изъ C , заключеніе будетъ: A не присуще инымъ изъ B ; если же взять [посылкой]: „ C присуще тому, чему A не присуще“, необходимо C будетъ присуще инымъ изъ B ⁵⁾; доказывать инымъ образомъ эту посылку черезъ превращеніе большей посылки — невозможно, ибо никакимъ инымъ способомъ не получается вывода.

Итакъ, мы видимъ, что въ первой фигурѣ взаимное доказательство происходитъ и по третьей фигурѣ, и по первой, именно когда выводъ утвердительный — по первой, а когда отрицательный — по третьей, принимая, что тому, чему то-то не присуще, присуще другое ⁶⁾. Во второй фигурѣ, когда умозаключеніе общее, [взаимное] доказательство ведется по той же фигурѣ и по первой ⁷⁾, когда же частное — по той же и по третьей ⁸⁾. Въ третьей же фигурѣ всѣ доказатель-

¹⁾ Модусъ ОАО.

²⁾ Это опять полное обращеніе всеобще-утвердительнаго сужденія. На особенностъ этого обращенія и указываетъ слово „прибавить“.

³⁾ Модусъ ЕЮ.

⁴⁾ То-есть взявъ отрицательную по содержанію посылку въ утвердительной формѣ, о чемъ см. выше, гл. 5.

⁵⁾ а) Ни одно C не есть A , нѣкоторыя C суть B , слѣдовательно нѣкоторыя B не суть A . б) То, что не есть A , есть C ; то, что не есть A , есть B ; слѣдовательно нѣкоторыя B суть C .

⁶⁾ О такой замѣнѣ отрицательной посылки въ первой фигурѣ см. въ гл. 5, примѣчаніе къ модусамъ ЕАЕ и ЕЮ. Такая видоизмѣненная посылка имѣетъ, дѣйствительно, форму какъ-бы двухъ посылокъ третьей фигуры (напримѣръ: въ модусѣ ЕЮ: все то, что не есть A , есть B ; здѣсь A и B какъ будто большій и терминъ, а все то ихъ общій субъектъ); однако выводъ и здѣсь, въ противностъ мнѣнію Аристотеля, происходитъ все-таки по первой фигурѣ.

⁷⁾ См. выше, гл. 6, въ началѣ.

⁸⁾ См. тамъ же; модусъ АОО доказуется по второй фигурѣ, а въ модусѣ

ства ведутся по той же фигурѣ. Мы видимъ также, что всѣ [взаимныя] доказательства въ третьей и во второй фигурѣ, которыя не получаются [непосредственно] черезъ эти фигуры ¹⁾, не суть круговыя доказательства, или, вѣрнѣе, суть не совершенныя круговыя доказательства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

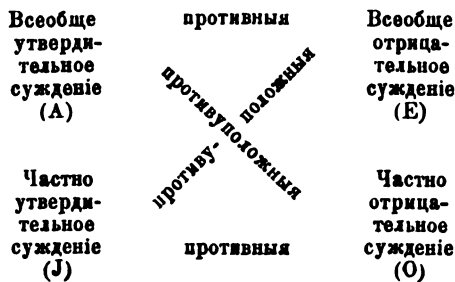
О превращеніи умозаключеній вообще, и въ частности въ первой фигурѣ.

Превратить [умозаключеніе] значитъ, превративъ выводъ ²⁾, построить умозаключеніе о томъ, что большій терминъ не присущъ среднему, или что средній—меньшему. Если выводъ именно превращенъ, и одна изъ посылокъ сохранена, то необходимо другая посылка отрицается; ибо если-бы она осталась, то и [прежннее] заключеніе сохранилось-бы. Различается превращеніе вывода противоположнымъ образомъ и противнымъ образомъ, ибо не одно и то же умозаключеніе получается въ обоихъ случаяхъ превращенія; это будетъ видно изъ слѣдующаго. Я называю противоположными сужденія, что нѣчто присуще всему и присуще не всему, и сужденія, что нѣчто присуще иному и не присуще ничему; а противными я называю сужденія, что нѣчто присуще всему и не присуще ничему, и

ЕЮ большая посылка такъ измѣняется, что имѣетъ форму посылокъ третьей фигуры, однако и здѣсь выводъ происходитъ въ дѣйствительности все-таки по второй же фигурѣ.

¹⁾ Аристотель имѣетъ въ виду тѣ доказательства, въ которыхъ заключеніе еще необходимо обращать; см. гл. 6, модусъ ЕАЕ и гл. 7, въ началѣ, модусъ АЈЈ.

²⁾ Превращать сужденіе есть нѣчто иное, чѣмъ его обращать; въ послѣднемъ случаѣ субъектъ становится предикатомъ и наоборотъ; при превращеніи же сужденіе измѣняется въ противоположное или въ противное. Эти послѣднія отношенія ясно выражаются въ такъ называемомъ логическомъ квадратѣ:

сужденія, что нѣчто присуще тому-то, и не присуще тому-то ¹⁾. И такъ ²⁾, пусть доказано, черезъ средній терминъ *B*, что *A* присуще [всѣмъ] *C*. Если принять, что *A* не присуще ни одному *C*, но присуще всѣмъ *B*, *B* не будетъ присуще; если же принять, что *A* не присуще ни одному *C*, и *B* присуще всѣмъ *C*, то *A* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*, но мы не получимъ вывода, что *A* не присуще ни одному *B*, ибо по третьей фигурѣ невозможно доказать общаго положенія. Вообще, черезъ превращеніе умозаключенія нельзя всецѣло опровергнуть большую посылку, ибо это опроверженіе всегда ведется черезъ третью фигуру, такъ какъ [въ превращенномъ умозаключеніи] приходится брать за меньшую посылку каждую изъ [прежнихъ] посылокъ ³⁾. И если умозаключеніе отрицательно, то же самое ⁴⁾; пусть именно доказано черезъ *B*, что *A* не присуще ни одному изъ *C*; если принять, что *A* присуще всякому *C*, и *C* не присуще ни одному *B*, *B* не будетъ присуще ни одному изъ *C*; а если *A* и *B* присущи всякому *C*, *A* будетъ присуще инымъ изъ *B*; [въ основномъ же силлогизмѣ] утверждалось, что *A* не присуще ни одному изъ *B*.

Если-же выводъ превращенъ въ противоположный, и умозаключенія получатся противоположныя ⁵⁾ и не общія, ибо одна изъ посылокъ оказывается частной ⁶⁾, и слѣдовательно и выводъ долженъ

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Аристотель начинаетъ съ анализа превращенія общаго заключенія (утвердительнаго и отрицательнаго) въ противное; затѣмъ говоритъ о превращенія его же въ противоположное; далѣе изслѣдуетъ превращеніе частнаго заключенія въ противоположное, и наконецъ, частнаго же—въ противное.

³⁾ Основной силлогизмъ: всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣд. всѣ *C* суть *A*. Противное этому выводу сужденіе: ни одно *C* не есть *A*. Соединяя это сужденіе съ большей посылкой основнаго силлогизма, опровергаемъ вполнѣ меньшую посылку того же силлогизма; соединяя же его съ меньшей посылкой — опровергаемъ *отчасти* большую. Дѣйствительно, если ни одно *C* не есть *A*, и всѣ *B* суть *A*, то (по модусу АЕЕ второй фигуры) ни одно *C* не *B*. Если-же ни одно *C* не *A*, и всѣ *C* суть *B*, то (по модусу ЕАО третьей фигуры) только *нѣкоторые B* не суть *A*.

⁴⁾ То-есть, взявъ сужденіе противное выводу, мы получимъ, при помощи бывшей большей посылки, заключеніе *противное* бывшей меньшей посылкѣ; при помощи-же бывшей меньшей посылки—заключеніе *противуположное* бывшей большей и лишь *отчасти* ее опровергающее.

⁵⁾ То-есть, выводъ такого силлогизма будетъ не противнымъ, а противуположнымъ одной изъ посылокъ основнаго силлогизма.

⁶⁾ Одна изъ посылокъ, именно та, которая взята противоположной посылкѣ

получиться частный. Пусть именно дано утвердительное умозаключение ¹⁾, и превратимъ его указаннымъ способомъ; если *A* присуще не всякому *C*, и присуще всякому *B*, *B* будетъ присуще не всякому *C*; и если *A*—не всякому *C*, а *B*—всякому, *A* будетъ присуще не всякому *B* ²⁾. То же самое, если умозаключение отрицательно; если именно *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C* и не присуще ни одному *B*, *B* не будетъ присуще инымъ изъ *C*, но не вообще ни одному *C*; и если *A* присуще инымъ изъ *C*, а *B*, какъ сначала [въ основномъ силлогизмѣ], присуще всякому *C*, *A* будетъ присуще инымъ изъ *B* ³⁾.

При частныхъ умозаключеніяхъ, когда выводъ превращается въ противоположный, каждая изъ посылокъ отрицается, а когда въ противный,—ни одна, ибо по превращеніи вывода онъ [по объему] оказывается недостаточнымъ ⁴⁾, и отрицаніе [посылокъ] болѣе не удается такъ, какъ при общихъ умозаключеніяхъ, и даже вообще не удается. Пусть именно доказано, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*; если принять, что *A* не присуще ни одному *C*, и *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, *A* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*; и если принять, что *A* не присуще ни одному *C* и присуще всякому *B*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*; слѣдовательно, каждая изъ посы-

---

основнаго силлогизма, будетъ непремѣнно частной, такъ какъ посылка основнаго силлогизма въ разбираемыхъ модусахъ всеобща, а по опредѣленію, обще-утвердительному сужденію противоположно частно-отрицательное, и обще-отрицательному—часто утвердительное.

¹⁾ Всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно всѣ *C* суть *A*.

²⁾ Въ обоихъ случаяхъ взято посылкой сужденіе противоположное заключенію основнаго силлогизма; второю же посылкой служитъ въ одномъ случаѣ большая, а въ другомъ—меньшая посылка основнаго силлогизма; и выводъ въ обоихъ случаяхъ получается частный и противоположный, въ первомъ случаѣ меньшей, а во второмъ—большой посылки основнаго силлогизма, ч. и т. д.

³⁾ Основной силлогизмъ: ни одно *B* не *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣд. ни одно (*C*) не *A*. Беремъ посылкой сужденіе противоположное этому выводу, то-есть, нѣкоторые *C* суть *A*; другою же посылкой выбираемъ въ одномъ случаѣ большую посылку основнаго силлогизма, а въ другомъ—меньшую; заключеніе въ обоихъ случаяхъ получается частное и противоположное, въ первомъ случаѣ меньшей посылкѣ основнаго силлогизма, а во второмъ—большой, ч. и т. д.

⁴⁾ Превращая частный выводъ въ противоположный, мы получаемъ общее сужденіе; превращая же его въ противный—опять-таки частное. Этотъ недостаточный объемъ и есть причина, почему превращенный силлогизмъ не даетъ въ этомъ случаѣ искомага вывода, то-есть, не можетъ служить къ опроверженію посылки основнаго силлогизма.

локъ отрицается ¹⁾). Если-же заключение превращается въ противное, ни одна из посылок не отрицается; ибо если *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *C* и присуще всякому *B*. *B* не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *C*; но [этими] не отрицается данное сначала, ибо *B* можетъ быть нѣкоторымъ изъ *C* присуще, а нѣкоторымъ не присуще; о большей же посылкѣ, *AB*, вообще не получается заключенія, ибо если *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *C*, и *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, ни одна из посылок не всеобща ²⁾). То же самое, если умозаключение отрицательно, именно если будетъ принято, что *A* присуще всякому *C*, каждая посылка отрицается, а если будетъ принято, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *C*, — ни одна; доказательство то же ³⁾).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О превращеніи заключеній во второй фигурѣ.

Во второй фигурѣ большую посылку нельзя отрицать противнымъ образомъ ⁴⁾), какъ бы превращеніе [заключенія] ни дѣлалось, ибо

¹⁾ Основной силлогизмъ: всѣ *B* суть *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*, слѣдовательно нѣкоторыя *C* суть *A*. Сужденіе противоположное этому выводу: ни одно *C* не есть *A*; соединяя его съ меньшей посылкой основнаго силлогизма, получаемъ, что нѣкоторыя *B* не суть *A*, выводъ, отрицающій большую посылку основнаго силлогизма; соединяя же его съ меньшей посылкой основнаго силлогизма, получаемъ выводъ, что ни одно *C* не есть *B*, выводъ, отрицающій меньшую посылку основнаго силлогизма.

²⁾ Основой силлогизмъ тотъ же, что выше. Сужденіе противное его заключенію: нѣкоторыя *C* не суть *A*. Соединяя это сужденіе съ большей посылкой основнаго силлогизма, получаемъ, что нѣкоторыя *C* не суть *B*, а это не противорѣчитъ меньшей посылкѣ основнаго силлогизма; соединяя же это сужденіе съ меньшей посылкой основнаго силлогизма, не получаемъ никакого вывода, такъ какъ двѣ частныхъ посылки вообще не составляютъ силлогизма.

³⁾ Основной силлогизмъ: ни одно *B* не *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*. слѣдовательно нѣкоторыя *C* не суть *A*. Сужденіе противоположное этому выводу (всѣ *C* суть *A*) вмѣстѣ съ большой посылкой даетъ заключеніе (ни одно *C* не *B*), отрицающее меньшую посылку, вмѣстѣ же съ меньшей посылкой, — заключеніе (нѣкоторыя *B* суть *A*), отрицающее большую посылку. Сужденіе противное заключенію (нѣкоторыя *C* суть *A*), вмѣстѣ съ большой посылкой, даетъ заключеніе (нѣкоторыя *C* не суть *B*) не противорѣчающее меньшей посылкѣ; вмѣстѣ же съ меньшей посылкой, не даетъ никакого заключенія, ибо обѣ посылки оказываются частными.

⁴⁾ Отрицать посылку противнымъ образомъ значитъ вывести заключеніе ей противное.

всегда выводъ будетъ получаться по третьей фигурѣ, а общихъ заключеній въ этой фигурѣ не имѣется; меньшую же посылку мы будемъ такъ же отрицать, какъ превращаемъ [заключение]; я говорю такъ же, то-есть, если заключеніе превращено противнымъ образомъ, и посылка отрицается противнымъ образомъ, а если противоположнымъ, то и посылка притивоположнымъ образомъ. Пусть именно A присуще всякому B и не присуще ни одному C ; заключеніе будетъ BC ¹⁾; если же принять, что B присуще всякому C ²⁾, и оставить [посылку] AB , A будетъ присуще всякому C ³⁾; получается именно первая фигура; если же B присуще всякому C , и A не присуще ни одному C ⁴⁾ A будетъ присуще не всѣмъ B ⁵⁾; это — третья фигура. Если превратить BC по противоположности, сужденіе AB будетъ доказано такимъ же образомъ, а сужденіе AC окажется противоположнымъ; если именно B присуще нѣкоторымъ изъ C ⁶⁾, и A не присуще ни одному C , A не будетъ присуще нѣкоторымъ изъ B ; и ввторыхъ, если B присуще нѣкоторымъ изъ C , и A присуще всякому B , A будетъ присуще нѣкоторымъ изъ C , такъ что заключеніе будетъ противоположнымъ [въ обоихъ случаяхъ]. Такъ же ведется доказательство и тогда, когда посылки взяты наоборотъ ⁷⁾.

Если же силлогизмъ частный, то черезъ превращеніе заключенія въ противное не отрицается ни одна изъ посылокъ, какъ и въ первой фигурѣ; а черезъ превращеніе его въ противоположное отрицается каждая изъ посылокъ. Положимъ именно, что A не присуще ни одному B и присуще нѣкоторымъ изъ C ; заключеніе будетъ BC ⁸⁾;

¹⁾ Модусъ второй фигуры АЕЕ.

²⁾ То-есть, взять сужденіе противное заключенію.

³⁾ То-есть, получается выводъ противный меньшей посылкѣ и его отрицающій.

⁴⁾ То-есть, сохраняется меньшая посылка.

⁵⁾ То-есть, получается выводъ противоположный большей посылкѣ и ее не исполнѣ отрицающій.

⁶⁾ То-есть, выводъ AB окажется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, отчасти отрицающимъ посылку основнаго силлогизма, выводъ же AC , который былъ въ предыдущемъ случаѣ исполнѣ отрицающимъ соответственную посылку основнаго силлогизма, здѣсь будетъ только отчасти ее отрицать.

⁷⁾ Это и есть сужденіе противоположное выводу основнаго силлогизма.

⁸⁾ Основной силлогизмъ: ни одно B не A , всѣ C суть A , слѣдовательно ни одно C не B . Сужденіе *противное* заключенію (всѣ C суть B), вмѣстѣ съ большей посылкой, даетъ выводъ (ни одно C не A) *противный* меньшей посылкѣ основнаго силлогизма и ее опровергающій; а вмѣстѣ съ меньшей посылкой — выводъ (нѣкоторые B суть A) *противоположный* большей посылкѣ и ее опровер-

если же принять, что B присуще некоторымъ изъ C ¹⁾, и сохранить [посылку] AB , получится заключеніе: A не присуще некоторымъ изъ C ; но этимъ не отрицается данное сначала, ибо A можетъ быть некоторымъ изъ C присуще, а некоторымъ нѣтъ; далѣе, если B присуще некоторымъ изъ C , и A присуще некоторымъ изъ C ²⁾, заключенія не получится, такъ какъ ни одна изъ посылокъ не общая, и слѣдовательно [прежняя посылка] AB не отрицается. Если же заключеніе превращено въ противоположное, каждая изъ посылокъ отрицается; именно если B присуще всемъ C ³⁾, и A не присуще ни одному B , A не будетъ присуще ни одному C , а оно было присуще некоторымъ C ; и далѣе, если B присуще всемъ C , и A присуще некоторымъ изъ C , A будетъ присуще некоторымъ изъ B ⁴⁾. Таково же доказательство, если общая посылка взята утвердительной ⁵⁾.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О превращеніи заключеній въ третьей фигурѣ.

Въ третьей фигурѣ, когда заключеніе превращается въ противное, ни одна изъ посылокъ не отрицается; если же оно прекращается въ противоположное, то отрицается каждая изъ посылокъ и во всехъ умозаключеніяхъ. Пусть именно доказано, что A присуще некоторымъ изъ B , среднимъ терминомъ пусть будетъ принято C , и пусть [обѣ] посылки взяты всеобщими; если принять, что A некоторымъ изъ B не присуще ⁶⁾, и B присуще всемъ C , заключенія обѣ A и C не получается; и если A не присуще некоторымъ изъ B , но присуще всемъ C , тоже не получается заключенія обѣ B и C ⁷⁾. Такъ же доказывается это, когда посылки не всеобщы, ибо послѣ пре-

---

гающей. Сужденіе же *противуположное* заключенію (некоторые C суть B), вмѣстѣ съ большей посылкой, даетъ выводъ (некоторые C не суть B) *противуположный* меньшей посылкѣ; а вмѣстѣ съ меньшей—такой же выводъ, какъ при сужденіи *противномъ* заключенію.

¹⁾ Основной силлогизмъ. Модусъ EJO.

²⁾ То-есть, взявъ сужденіе противное заключенію основнаго силлогизма.

³⁾ То-есть, сохранивъ меньшую посылку основнаго силлогизма.

⁴⁾ Это сужденіе *противуположно* частно-отрицательному заключенію основнаго силлогизма.

⁵⁾ Дано же было, что A не присуще ни одному изъ B .

⁶⁾ То-есть, въ модусѣ AOO.

⁷⁾ То-есть, взято сужденіе противное основному силлогизму.

вращенія или объ послыки будутъ частными, или меньшая изъ нихъ будетъ общей, а при этомъ не получается заключенія ни по первой фигурѣ, ни по второй ¹⁾). Если же умозаключенія превращаются противуположнымъ образомъ, и та, и другая послыка отрицается; если именно *A* не присуще ни одному *B* ²⁾, и *B* присуще всякому *C*, *A* не будетъ присуще ни одному *C* ³⁾; и вовторыхъ, если *A* не присуще ни одному *B* и присуще всякому *C*, *B* не будетъ присуще ни одному *C* ⁴⁾. То же самое, если одна изъ посылокъ частная ⁵⁾, ибо если *A* не присуще ни одному изъ *B*, и *B* присуще нѣкоторымъ *C*, *A* будетъ не присуще нѣкоторымъ *C*; если же *A* не присуще ни одному *B*, но присуще каждому *C*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*.

То же самое, если умозаключеніе отрицательно; пусть именно доказано, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и пусть [посылка]

¹⁾ Точнѣе сказать, не получается заключенія объ отношеніи *B* къ *C*, а только объ отношеніи *C* къ *B* (нѣкоторыя *B* не суть *C*).

²⁾ Аристотель говоритъ здѣсь о частно утвердительныхъ модусахъ третьей фигуры, то-есть, объ JAJ и AJJ. Превративъ частно утвердительное заключеніе въ сужденіе ему противное, мы получаемъ частно-же отрицательное, которое и будетъ теперь большей посылкой. Итакъ, большая посылка здѣсь всегда частная, а меньшая будетъ или общей (именно когда мы возьмемъ за меньшую посылку сужденіе *CB* въ первомъ изъ этихъ модусовъ, и сужденіе *AC* — во второмъ), или частной (именно если мы возьмемъ за меньшую посылку сужденіе *CA* въ первомъ модусѣ, и *CB*—во второмъ). Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ мы получаемъ или первую фигуру (если меньшая посылка *CB*), или вторую (если меньшая посылка *CA*) и именно въ обѣихъ фигурахъ модусы OJ и OA; а эти модусы въ этихъ фигурахъ, какъ извѣстно, не даютъ заключеній.

³⁾ Это сужденіе противуположно частно утвердительному выводу главнаго силлогизма.

⁴⁾ Большая же посылка основнаго силлогизма гласила, что *A* присуще всѣмъ *C*.

⁵⁾ Меньшая же посылка главнаго силлогизма: *B* присуще всѣмъ *C*. Дѣло идетъ о модусѣ AAJ.

⁶⁾ Модусы JAJ и AJJ. Дѣйствительно, 1) модусъ JAJ: нѣкоторыя *C* суть *A* всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно, нѣкоторыя *B* суть *A*; превратимъ заключеніе въ противуположное — всѣ *C* не суть *A*; съ большей посылкой это даетъ выводъ: нѣкоторыя *C* не суть *B*, съ меньшей же — всѣ *C* не суть *A*; первый выводъ противорѣчитъ меньшей посылкѣ, второй—большей; 2) модусъ AJJ: всѣ *C* суть *A*, нѣкоторыя *C* суть *B*, слѣдовательно, нѣкоторыя *B* суть *A*; превратимъ заключеніе въ противуположное—всѣ *B* не суть *A*; съ большей посылкой это даетъ — всѣ *C* не суть *B*, съ меньшей-же — нѣкоторыя *C* не суть *A*; первый выводъ противорѣчитъ меньшей посылкѣ, второй—большей.

BC утвердительная, и *AC*—отрицательная: такимъ образомъ получалось заключеніе ¹⁾); если взять сужденіе противное выводу, умозаключенія не получится; ибо если *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и *B*—всякому *C*, то нѣтъ заключенія объ *A* и *C* ²⁾); и когда *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* и не присуще ни одному *C*, нѣтъ заключенія о *B* и *C*, такъ что и посылки [основного силлогизма] не отрицаются; если же взято сужденіе противоположное заключенію, каждая изъ посылокъ отрицается, ибо когда *A* присуще всякому *B*, и *B*—всякому *C*, *A* будетъ присуще всякому *C*, а [въ основномъ силлогизмѣ] оно не было присуще ни одному *C*; и ввторыхъ, если *A* присуще всякому *B* и не присуще ни одному *C*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*, а оно было присуще всякому *C*. Такъ же доказывается это, если посылки не всеобщи; посылка *AC* бываетъ [при этомъ] всеобщей и отрицательной ³⁾); когда *A* присуще всякому *B*, и *B*—нѣкоторымъ изъ *C*, *A* оказывается присущимъ нѣкоторымъ изъ *C*, а оно не было присуще ни одному *C*; и ввторыхъ, когда *A* присуще всякому *B* и не присуще ни одному *C*, *B* не будетъ присуще ни одному *C*; если же *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и *B*—нѣкоторымъ изъ *C*, умозаключенія не получается; не бываетъ его и тогда, если *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B* и не присуще ни одному *C* ⁴⁾); такъ что въ первомъ случаѣ [прежнія] посылки отрицаются, а во второмъ—нѣтъ ⁵⁾).

Изъ сказаннаго видно, какимъ образомъ при превращеніи вывода получается заключеніе въ каждой фигурѣ, и когда получается оно противнымъ посылкѣ, а когда — противоположнымъ; видно также, что въ первой фигурѣ эти заключенія получаютъ черезъ вторую

¹⁾ Въ модусѣ ЕАО.

²⁾ Точнѣе: нѣтъ *нужнаго* заключенія объ отношеніи *B* къ *C*, а лишь заключеніе объ отношеніи *C* къ *B* (нѣкоторыя *B* суть *C*).

³⁾ Модусъ ЕЮ.

⁴⁾ Или, точнѣе, не получается *нужнаго* заключенія, а только обратное, и притомъ не обратимое (частно-отрицательное).

⁵⁾ Превращеніе модуса ОАО, о которомъ Аристотель отдѣльно не говоритъ, подобно предыдущему. Основной силлогизмъ: нѣкоторыя *C* не суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно, нѣкоторыя *B* не суть *A*; превратимъ заключеніе въ *противное* ему сужденіе—нѣкоторыя *B* суть *A*; съ большой посылкой это сужденіе вовсе не даетъ заключенія, а съ меньшей—нѣкоторыя *C* суть *B*, что не противорѣчитъ данному. Превратимъ заключеніе въ *противоположное* ему сужденіе—всѣ *B* суть *A*; съ большой посылкой это сужденіе даетъ выводъ—нѣкоторыя *C* не суть *B*, а съ меньшей—всѣ *C* суть *A*; оба вывода не противорѣчатъ даннымъ.

и третью фигуру, именно меньшая посылка всегда отрицается через вторую фигуру, а большая—через третью; что во второй фигурѣ эти заключения получаются через первую и третью фигуру, а именно меньшая посылка отрицается всегда через первую, а большая—через третью фигуру; [и наконецъ] что въ третьей фигурѣ они получаются через первую и вторую фигуру, а именно большая посылка отрицается всегда через первую, а меньшая—через вторую.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сведеніе къ невозможному и его отношеніе къ превращенію умозаключеній вообще, и въ частности, въ первой фигурѣ,

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ превращеніе умозаключеній, какъ оно происходитъ въ каждой фигурѣ, и какое [при этомъ] получается заключеніе. Умозаключеніе же черезъ невозможное доказывается тѣмъ, что берется сужденіе противорѣчащее заключенію и прибавляется еще другая посылка; примѣнимо же оно во всѣхъ фигурахъ. Оно подобно превращенію, но отличается тѣмъ, что превращаемъ мы, когда умозаключеніе уже дано, и обѣ посылки приняты, а сводимъ къ невозможному безъ предварительнаго доказательства противоположнаго [истиннѣ] положенія, но [условно] беремъ его за очевидно истинное ¹⁾; однако термины въ обоихъ доказательствахъ имѣютъ тѣ же соотношенія и берутся одинаково въ обѣихъ посылкахъ; на примѣръ, [если въ дѣйствительности] *A* присуще всякому *B*, а сред-

¹⁾ Въ превращеніи умозаключенія ложность одной изъ посылокъ доказывалась слѣдующимъ образомъ: во первыхъ, брался нѣкоторый силлогизмъ, въ которомъ эта посылка входитъ; затѣмъ признавалось, что полученный въ этомъ основномъ силлогизмѣ выводъ ложенъ, а что, слѣдовательно, истинно сужденіе ему противоположное или противное; наконецъ, изъ этого сужденія и изъ другой посылки дѣлалось заключеніе противоположное или противное той посылкѣ, ложность которой должна быть доказана. Иначе ведется умозаключеніе отъ невозможнаго: здѣсь заранѣе не берется никакого основнаго силлогизма, но выставляется положеніе противорѣчащее доказуемому, и изъ этого положенія силлогистически выводится недѣльное заключеніе; недѣльность же заключенія и показываетъ, что положеніе, противорѣчащее доказуемому ложно, а доказуемое истинно. Такимъ образомъ, при превращеніи мы имѣемъ уже нѣкоторое основное умозаключеніе и притомъ признается, что выводъ этого основнаго силлогизма ложенъ; при доказательствѣ же черезъ невозможное такое предварительное доказательство не нужно; мы только условно, на время, предполагаемъ, что доказуемое положеніе ложно, а ему противорѣчащее—истинно.

ній терминъ C , и если предположить, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B или ни одному B , и что оно присуще всякому C (это послѣднее истинно), то необходимо C не будетъ присуще нѣкоторымъ или ни одному B ; но это невозможно; а слѣдовательно, наше предположеніе ложно; итакъ истинное ему противоположное; такъ же и относительно прочихъ фигуръ, гдѣ именно допустимо превращеніе, тамъ возможно и доказательство отъ невозможнаго ¹⁾).

Обще-утвердительное положеніе доказуемо черезъ невозможное лишь по второй и третьей фигурѣ, а не по первой; всѣ же прочія положенія—по всѣмъ фигурамъ ²⁾. Примемъ, что A не присуще или нѣкоторымъ или ни одному изъ B ³⁾, и присоединимъ еще одну изъ двухъ посылокъ, именно или „ C присуще всякому A “, или „ B присуще всякому D “, ибо именно такимъ образомъ можетъ получиться

¹⁾ *Доказательство отъ невозможнаго.* Давъ основной силлогизмъ: всѣ C суть A , всѣ B суть C , слѣдовательно всѣ B суть A ; это заключеніе признается ложнымъ, слѣдовательно истинно то, что нѣкоторые или всѣ B не суть A ; но всѣ C суть A (несомнѣнно истинная посылка основнаго силлогизма), слѣдовательно нѣкоторые или всѣ B не суть C , а слѣдовательно посылка „всѣ B суть C “ ложна, и т. д. *Доказательство черезъ невозможное;* доказать, что всѣ B суть A ; если это ложно, то нѣкоторые или всѣ B не суть C ; но всѣ B суть A ; слѣдовательно въ такомъ случаѣ нѣкоторые B не были-бы C , что невозможно, слѣдовательно и наше предположеніе ложно, слѣдовательно всѣ B суть A . Такимъ образомъ, дѣйствительно, въ обоихъ доказательствахъ берутся тѣ же термины и въ одинаковыхъ сужденіяхъ. Замѣтимъ однако, что Аристотель не упомянулъ того рѣзкаго различія, которое раздѣляетъ оба доказательства: въ доказательствѣ черезъ превращеніе выводъ основнаго силлогизма оказывается ложнымъ, въ доказательствѣ же черезъ невозможное онъ доказывается какъ истинный, и соотвѣтственно тому въ первомъ сужденіи „нѣкоторые или всѣ B суть A “ признается за истинное, также какъ сужденіе „нѣкоторые B суть C “, въ доказательствѣ же черезъ невозможное они признаются ложными.

²⁾ Методъ слѣдующаго изслѣдованія таковъ: доказуемыя черезъ невозможныя сужденія могутъ быть или всеобще, или частно утвердительными, или всеобще, или частно отрицательными; Аристотель беретъ послѣдовательно положенія имъ противоположныя, предлагаетъ ихъ истинными и ищетъ такихъ истинныхъ посылокъ, чтобы выстѣ съ ними они давали заключенія по каждой изъ фигуръ; это заключеніе затѣмъ признается ложнымъ, и выводится, что, слѣдовательно, и сдѣланное предположеніе ложно, слѣдовательно противорѣчающее ему доказуемое положеніе истинно.

³⁾ Аристотель хочетъ доказать, что по первой фигурѣ нельзя доказать, черезъ невозможное, всеобще утвердительно сужденія (всѣ B суть A). Если всеобще утвердительно сужденіе ложно, то истинно отрицательное, то-есть или ни одно, или нѣкоторые B не суть A .

первая фигура ¹⁾). Однако [во-первыхъ] если мы предполагаемъ, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B*, не получается заключенія, какую бы мы ни взяли [другую] посылку ²⁾). Если же [во-вторыхъ] предполагаемъ, что *A* не присуще ни одному *B*, заключеніе о ложномъ получится, если мы прибавимъ [посылку] *BD*, но основное положеніе [все-таки] остается недоказаннымъ: когда *A* не присуще ни одному *B*, и *B* присуще всякому *D*, *A* не будетъ присуще ни одному *D*; пусть это невозможно, слѣдовательно, предположеніе, что *A* не присуще ни одному *B*, ложно; однако изъ того, что положеніе „*A* не присуще ни одному *B*“ ложно, не слѣдуетъ, что *A* присуще всякому *D*. Если же мы прибавимъ [посылку] *CA*, заключенія тоже не получается ³⁾; не получается его и тогда, когда мы предполагаемъ, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B* ⁴⁾). Итакъ, мы видимъ, что по первой фигурѣ доказать всеобщее утвердительное положеніе черезъ невозможное нельзя. Положеніе же частно утвердительное и обще—и частно отрицательныя [такимъ образомъ] доказуемы; предположимъ, что *A* не присуще ни одному изъ *B* ⁵⁾, и возьмемъ [посылку]: *B* присуще всѣмъ или нѣкоторымъ *C*; слѣдовательно, *A* не будетъ присуще ни одному или нѣкоторымъ *C*; это невозможно — пусть именно истинно и очевидно, что *A* присуще всякому *C*—, если же это невозможно, то необходимо *A* присуще инымъ изъ *B*. Взявъ же иную посылку съ *A*, мы не получимъ заключенія ⁶⁾). Не получается доказательства и тогда, когда предполагается сужденіе противное ⁷⁾ заключенію, то-есть частно

¹⁾ Если одна изъ посылокъ есть *BA*, то другая, необходимо имѣя съ первой одинъ изъ терминовъ общимъ, а другой—различнымъ, можетъ быть или *AC*, или *DB*; такъ какъ *A* и *B* взяты въ первой послылкѣ логическими сказуемымъ и подлежащимъ, то во второй они должны быть, наоборотъ, подлежащимъ и сказуемымъ, безъ чего не выйдетъ первой фигуры; эти двѣ возможныя вторыя посылки должны быть утвердительными, ибо первая посылка отрицательная, и притомъ общими, ибо иначе заключеніе не могло бы быть общимъ. Соединяя всѣ эти условія, мы видимъ, что меньшей посылкой можетъ быть или „*C* присуще всякому *A*“ или „*B* присуще всякому *D*“.

²⁾ Ибо модусы *AO* и *OA* въ первой фигурѣ не даютъ заключенія.

³⁾ Ибо модусъ *AE* въ первой фигурѣ не даетъ заключенія.

⁴⁾ Эта послѣдняя прибавка излишня, ибо этотъ случай уже былъ рассмотрѣнъ выше.

⁵⁾ Доказывается, отъ невозможнаго, частію утвердительное положеніе „*A* присуще инымъ изъ *B*“.

⁶⁾ То-есть принявъ за средній терминъ не *B*, но *A*. Напримѣръ, всѣ *A* суть *C*, ни одно *B* не *A*—заключенія нѣтъ (модусъ *AE*).

⁷⁾ Но не противоположное, какъ выше. Дѣйствительно, изъ посылокъ „нѣ-

отрицательное; следовательно, должно дѣлать противоположное [заключенію] предположеніе. Далѣе, предположимъ, что *A* присуще инымъ изъ *B* ¹⁾, и возьмемъ [посылкой]: *C* присуще всякому *A* необходимо, следовательно, *C* будетъ присуще инымъ изъ *B*; это пусть невозможно, следовательно, наше предположеніе ложно; а если это такъ, то истинно, что *A* не присуще ни одному *B*: то же, если взять [посылку] *CA* отрицательной ²⁾. Если же взята посылка съ *B*. заключенія не будетъ ³⁾. Сдѣлавъ же предположеніе противное [доказуемому положенію], мы получимъ заключеніе и невозможный выводъ, но заданное не будетъ доказано; предположимъ именно, что *A* присуще всѣмъ *B* ⁴⁾, и возьмемъ [за посылку]—*C* присуще всѣмъ *A*; следовательно, необходимо *C* быть присущимъ всѣмъ *B*; это невозможно, и [предположеніе, что] *A* присуще всѣмъ *B*, ложно; но если оно и не присуще всѣмъ *B*, то вовсе не слѣдуетъ, что оно не присуще ни одному *B*; то же, если взять другую посылку съ *B*, умозаключеніе и невозможный выводъ получается, но предположеніе не отрицается ⁵⁾; итакъ, должно дѣлать [не противное, но] противоположное предположеніе. — Для того, чтобы доказать, что *A* присуще не всему *B*, должно предположить, что оно присуще всему; если именно *A* присуще всему *B*, и *C* — всему *A*, *C* будетъ присуще всему *B*; такъ что, если это не вѣрно, предположеніе наше ложно ⁶⁾; то же, если другая посылка взята съ *B* ⁷⁾. И если посылка *CA*

которые *B* суть *A* и „всѣ *C* суть *B*“, равно какъ изъ посылокъ „нѣкоторые *B* не суть *A*“ и „всѣ *A* суть *C*“ не слѣдуетъ никакихъ заключеній (модусы *OA* и *AO* первой фигуры).

¹⁾ То-есть докажемъ отъ невозможнаго обще отрицательное положеніе „ни одно *B* не *A*“.

²⁾ Нѣкоторые *B* суть *A*, ни одно *A* не *C*, следовательно нѣкоторые *C* не *B*; это пусть ложно; слѣд. наше предположеніе, что нѣкоторые *B* суть *A*, тоже ложно, слѣд. и т. д.

³⁾ Нѣкоторые *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*—или нѣкоторые *B* суть *A*, ни одно *C* не *B*: въ обоихъ случаяхъ заключеній нѣтъ.

⁴⁾ Обще отрицательному сужденію противно обще утвердительное.

⁵⁾ Точнѣе было бы сказать „предположеніе отрицается, но основное положеніе тѣмъ не доказывается“: всѣ *B* суть *A*, и всѣ *C* суть *B*, слѣд. всѣ *C* суть *A*; если же это ложно, то предположеніе (всѣ *B* суть *A*) тоже ложно; но отсюда не слѣдуетъ, что ни одно *B* не *A*.

⁶⁾ И если, ложно, что *A* присуще всему *B*, то истинно, что *A* присуще не всему *B*, ч. т. д.

⁷⁾ Всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣд. всѣ *C* суть *A*; это ложно, следовательно ложно и то, что всѣ *B* суть *A*; слѣд. не всѣ *B* суть *A*, ч. т. д.

была отрицательной, — то же, то-есть, такимъ же образомъ получается умозаключение ¹⁾); если же посылка съ *B* отрицательна, никакого доказательства не выходитъ ²⁾). Если же мы предположимъ не всеобщее утвердительное, а частно утвердительное сужденіе ³⁾), то докажемъ не частно, а обще отрицательное положеніе; если именно *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и *C* присуще всѣмъ *A*, *C* будетъ присуще нѣкоторымъ изъ *B*; если же это невозможно, то ложно, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, а слѣдовательно истинно, что оно не присуще ни одному *B*; но черезъ доказательство такого положенія отрицается вмѣстѣ съ тѣмъ и истинное ⁴⁾), ибо *A* было инымъ изъ *B* присуще, а инымъ нѣтъ. Да и притомъ изъ нашего предположенія и не вытекаетъ ничего невозможнаго: [для этого] оно должно бы быть ложнымъ, такъ какъ изъ истинныхъ посылокъ нельзя получить ложнаго заключенія, а между тѣмъ оно истинно: *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*. Итакъ, мы должны [для доказательства] предполагать не то, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, а то, что оно присуще имъ всѣмъ. То же самое и въ томъ случаѣ, когда намъ предстоитъ доказать, что *A* не присуще нѣкоторымъ изъ *B*: если выраженія „не всему быть присущимъ“ и „нѣкоторымъ быть не присущимъ“ тождественны, то и доказательства въ обоихъ случаяхъ тѣ же.

Итакъ мы видимъ, что во всѣхъ умозаключеніяхъ должно дѣлать не противное, но противоположное [основному положенію] предположеніе; ибо такимъ именно образомъ получается нѣкоторый выводъ, и [черезъ него] основное положеніе становится очевиднымъ. Такъ какъ о всемъ вѣрно или утвержденіе или отрицаніе, то если доказано, что отрицаніе невѣрно, необходимо слѣдуетъ, что истинно утвержденіе; и далѣе, если отвергается истинность утвержденія, то очевидно, должно признать отрицаніе. Но отношеніе по противоположному не подходитъ ни къ одному изъ этихъ случаевъ, ибо ни всеобщее утвердительное положеніе необходимо истинно, если всеобщее отрицательное ложно, ни если первое ложно, не очевидно, что второе истинно.

¹⁾ Всѣ *B* суть *A*, ни одно *A* не *C*, слѣд. ни одно *C* не *B*; если это ложно, то ложно и предположеніе, что всѣ *B* суть *A*; слѣд. истинно, что не всѣ *B* суть *A*, ч. т. д.

²⁾ Получается именно модусъ АЕ первой фигуръ.

³⁾ То-есть сдѣлаемъ предположеніе не противоположное, но противное доказываемому.

⁴⁾ То-есть если мы возьмемъ предположеніе не противоположное, но противное доказываемому, то получимъ, что ни одно *B* не *A*, тогда какъ должно было доказать, что нѣкоторыя *B* не суть *A* (и нѣкоторыя *B* суть *A*).

Мы видѣли, что всякія положенія, кромѣ всеобще утвердительнаго, доказуемы отъ невозможнаго по первой фигурѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Доказательство отъ невозможнаго по второй фигурѣ.

По второй же и по послѣдней фигурамъ доказуемы отъ невозможнаго и положенія всеобще утвердительныя. Пусть именно A присуще не всему B , и примемъ, что A присуще всѣмъ C ; если оно присуще не всему B и всему C , то C присуще не всему B ; но это оказывается невозможнымъ; ибо пусть очевидно, что C присуще всему B ; слѣдовательно, наше предположеніе ложно, и слѣдовательно, A присуще всѣмъ B . Если же мы сдѣлаемъ предположеніе противное [доказываемому], умозаключеніе и ложный выводъ получится, но требуемое доказано не будетъ. Если именно A не присуще ни одному B и присуще всякому C , C не присуще ни одному B ; но это невозможно; слѣдовательно, ложно, что A не присуще ни одному B ; однако изъ того, что это ложно, еще не слѣдуетъ, что A присуще всѣмъ B . Если далѣе, [должно доказать, что] A присуще нѣкоторымъ изъ B , и предположимъ, что оно не присуще ни одному B , и пусть оно присуще всѣмъ C ; слѣдовательно, C не присуще ни одному B ; если же это невозможно, необходимо, чтобы A было присуще нѣкоторымъ изъ B . Если же мы сдѣлаемъ предположеніе, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B ¹⁾, получится то же, что и въ первой фигурѣ²⁾. Далѣе, предположимъ, что A присуще нѣкоторымъ изъ B ³⁾, и пусть оно не присуще ни одному C ; слѣдовательно, C не присуще ни одному изъ B ; но оно было присуще всѣмъ имъ, поэтому наше предположеніе ложно, а слѣдовательно, A не будетъ присуще ни одному B . Если же доказывается, что A присуще не всѣмъ B ⁴⁾, предположимъ, что оно присуще всѣмъ имъ, и пусть A

¹⁾ То-есть возьмемъ предположеніе не противоположное доказываемому, но противное ему.

²⁾ То-есть докажемъ не то, что требуется: не частно, а обще утвердительное положеніе. Именно, если нѣкоторыя B не суть A , и всѣ C суть A , то нѣкоторыя C не суть B ; если же это ложно, то ложно и то, что нѣкоторыя B не суть A ; а слѣдовательно всѣ B суть A .

³⁾ Доказывается обще отрицательное сужденіе отъ противоположнаго ему частно утвердительнаго.

⁴⁾ То-есть сужденіе частно отрицательное.

неприсуще ни одному C ; C не будетъ, слѣдовательно, присуще ни одному изъ B ; но это невозможно; слѣдовательно, истинно, что A присуще не всѣмъ B .

Итакъ, мы видимъ, что по второй фигурѣ доказуемы [отъ невозможнаго] всѣ положенія.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Доказательство отъ невозможнаго по третьей фигурѣ.

Подобнымъ же образомъ ведутся доказательства отъ невозможнаго и по третьей фигурѣ. Положимъ, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B ¹⁾, и пусть C присуще всѣмъ B ; A , слѣдовательно, не присуще нѣкоторымъ изъ C ; если же это невозможно, то ложно, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B , и слѣдовательно, истинно, что оно присуще всѣмъ имъ. Если же предположить, что оно не присуще ни одному B , и умозаключеніе и невозможное получается, но требуемое доказано не будетъ, то-есть предположивъ противное [доказываемому], мы получимъ то же, что выше ²⁾. Но такое ³⁾ предположеніе должно дѣлать, когда доказывается частное [утвердительное] положеніе; если именно A не присуще ни одному B , и C присуще нѣкоторымъ изъ B , A будетъ присуще не всѣмъ C ; если же это ложно, то истинно, что A присуще нѣкоторымъ изъ B . Если же A не присуще ни одному изъ B , предположимъ, что оно присуще инымъ изъ нихъ, и возьмемъ, что C присуще всѣмъ B ; слѣдовательно, A присуще инымъ изъ C ; но [въ дѣйствительности] оно не присуще ни одному C ; слѣдовательно, ложно, что A присуще нѣкоторымъ изъ B . Если же предположить, что A присуще всѣмъ B ⁴⁾, требуемое будетъ доказано, но такое предположеніе должно сдѣлать для доказательства того, что A присуще не всѣмъ B ; ибо если A присуще всѣмъ B , и C — нѣкоторымъ изъ B , то A присуще нѣкоторымъ изъ C ; но въ дѣйствительности это иначе; слѣдовательно, ложно, что A присуще всѣмъ B ; если же это такъ, то истинно, что оно присуще не всѣмъ

¹⁾ Доказывается всеобщее утвердительное сужденіе черезъ противоположное ему частно отрицательное.

²⁾ Именно доказывается частно (а не обще) утвердительное сужденіе. См. предыдущую главу.

³⁾ Подразумѣвается: (не противное, а) обще отрицательное.

⁴⁾ То-есть сдѣлать противное, а не противоположное предположеніе.

Если же предположить, что A присуще некоторымъ изъ B ¹⁾, получится то же, что въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ ²⁾.

Итакъ, мы видимъ, что во всѣхъ умозаключеніяхъ отъ невозможнаго должно дѣлать предположенія противоположныя. Мы видимъ также, что по второй фигурѣ можно такимъ же способомъ доказывать утвердительныя положенія, а по третьей—общія ³⁾.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Различіе прямого доказательства отъ доказательства черезъ сведеніе къ невозможному.

Доказательство черезъ сведеніе къ невозможному отличается отъ прямого тѣмъ, что оно полагаетъ то, что хочеть отрицать, и сводить его къ признаваемому за ложное, а доказательство прямое выходитъ изъ признаваемыхъ за истину положеній. Правда, оба доказательства берутъ двѣ признанныя посылки, но прямое беретъ такія, изъ которыхъ получается умозаключеніе, а доказательство отъ невозможнаго беретъ лишь одну изъ такихъ посылокъ, а за другую принимается положеніе противорѣчивое [искомому] выводу, и [притомъ] въ первомъ случаѣ не необходимо, чтобы выводъ былъ уже извѣстенъ, и нѣтъ нужды заранѣе знать, будетъ ли онъ истинной или нѣтъ, а во второмъ должно заранѣе знать, что онъ не будетъ истинной. Будетъ ли выводъ утвердительнымъ или отрицательнымъ, это безразлично: въ обоихъ случаяхъ доказательство одинаково. То, что доказывается прямо, доказуемо и отъ невозможнаго, и то, что отъ невозможнаго—доказуемо и прямо черезъ тѣ же понятія, однако не по тѣмъ фигурамъ; именно если умозаключеніе отъ невозможнаго получается по первой фигурѣ, то истинный выводъ ⁴⁾ будетъ по второй или по третьей фигурѣ: именно утвердительный по второй, а отрицательный по третьей; если умозаключеніе отъ невозможнаго получается по второй фигурѣ, истинный выводъ при всѣхъ задачахъ будетъ по первой фигурѣ; если же умозаключеніе отъ невозможнаго—

¹⁾ То-есть сдѣлать предположеніе не противоположное, но противное доказуемому.

²⁾ Будетъ доказано не частно, но обще отрицательное положеніе. См. предыдущую главу.

³⁾ Тогда какъ при прямыхъ доказательствахъ по второй фигурѣ можно доказать только отрицательныя положенія, а по третьей—только частныя.

⁴⁾ То-есть доказательство прямое.

по третьей фигурѣ, истинный выводъ — по первой или по второй, именно утвердительный — по первой, а отрицательный — по второй. Пусть именно доказано [отъ невозможнаго] по первой фигурѣ, что *A* не присуще ни одному или присуще не всему *B*; предположеніемъ было, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*, и мы знали, что *C* присуще всѣмъ *A*, и не присуще ни одному *B*: такъ именно получилось умозаключение отъ невозможнаго ¹⁾; но это и составитъ вторую фигуру, если *C* присуще всѣмъ *A* и не присуще ни одному *B*, и изъ такихъ посылокъ очевидно, что *A* не присуще ни одному *B*. То же самое надо сказать и относительно доказательства [отъ невозможнаго] частно отрицательнаго сужденія: предположеніе состоитъ въ томъ, что *A* присуще всѣмъ *B*, и признано, что *C* присуще всѣмъ *A* и не всѣмъ *B* ²⁾. И то же, если посылка *CA* была бы взята отрицательной: и при этомъ получается вторая фигура ³⁾. Вовторыхъ, пусть должно доказать, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*; предположеніе было—*A* не присуще ни одному изъ *B*; но *B* признавалось присущимъ всякому *C*, и *A* присуще или всѣмъ, или нѣкоторымъ изъ *C*: таково доказательство отъ невозможнаго; но если *A* и *B* присуще всякому *C*, это будетъ третьей фигурой, и изъ такихъ посылокъ явствуетъ, что *A* присуще нѣкоторымъ изъ *B*. То же самое, если признавалось, что *B* присуще нѣкоторымъ изъ *C*.

Далѣе, пусть было доказано по второй фигурѣ, что *A* присуще всѣмъ *B*. Предполагаемо было: *A* присуще не всѣмъ *B*; но признано, что *A* присуще всѣмъ *C*, и *C*—всѣмъ *B*: такимъ именно образомъ

¹⁾ Доказать, что ни одно *B* не есть *A*; предположить, что нѣкоторые изъ *B* суть *A*, но такъ какъ всѣ *A* суть *C*, то въ такомъ случаѣ и нѣкоторые *B* были бы *C*, что невозможно, ибо ни одно *B* не *C*. Въ такомъ же порядкѣ выставляетъ Аристотель положенія и въ слѣдующихъ ниже случаяхъ: первое есть положеніе доказуемое, второе—противорѣчащее ему предположеніе, третье—присоединяемая со стороны посылка, четвертое—положеніе, изъ котораго явствуетъ, что заключеніе ложно. Въмѣсто съ тѣмъ второе и послѣднее изъ этихъ положеній составляютъ посылки при прямомъ доказательствѣ.

²⁾ Доказать отъ невозможнаго, что нѣкоторые *B* не суть *A*; предполагаемо, что всѣ *B* суть *A*, но такъ какъ всѣ *A* суть *C*, то слѣдовало бы, по первой фигурѣ, что всѣ *B* суть *C*, что невозможно, такъ какъ нѣкоторые *B* не суть *C*. То же доказывается прямо по второй фигурѣ: всѣ *A* суть *C*, нѣкоторые *B* не суть *C*, слѣд. нѣкоторые *B* не суть *A*.

³⁾ Доказательство отъ невозможнаго: если бы нѣкоторые *B* были *A*, то, такъ какъ ни одно *A* не *C*, нѣкоторые *B* не были бы *C*, что ложно, ибо всѣ *B* суть *C*. Доказательство прямое: ни одно *A* не *C*, всѣ *B* суть *C*, слѣдовательно ни одно *B* не *A*.

мы приходимъ къ невозможному; но это составляетъ [также] первую фигуру: A присуще всѣмъ C , и C —всѣмъ B ¹⁾. То же самое и въ томъ случаѣ, когда было доказываемо [отъ невозможнаго] частно утвердительное сужденіе; предполагаемо было, что A не присуще ни одному изъ B , и признавалось, что A присуще всѣмъ C , и C —иннымъ изъ B ²⁾. При отрицательномъ же умозаключеніи: предполагалось, что A присуще инымъ изъ B , но признавалось, что A не присуще ни одному изъ C , и C присуще ³⁾ всѣмъ B ; такъ что [опять] получается первая фигура. То же самое и тогда, когда умозаключеніе не было всеобщее, но доказывалось только, что A не присуще нѣкоторымъ изъ B : предположено было, что A присуще всѣмъ B , но признавалось, что A не присуще ни одному C , и что C присуще нѣкоторымъ изъ B ; а такимъ образомъ и получается первая фигура.

Далѣе, пусть было доказано по третьей фигурѣ, что A присуще всѣмъ B ; предполагалось именно, что A присуще не всѣмъ B , и признавалось, что C присуще всѣмъ B и A —всѣмъ C : такъ именно обнаружится невозможность [предположенія]; но это и составляетъ первую фигуру [при прямомъ доказательствѣ] ⁴⁾. Также и при доказательствѣ частно утвердительнаго сужденія: предполагалось, что A не присуще ни одному B , признавалось же, что C присуще нѣкто-

¹⁾ Доказать отъ невозможнаго, что всѣ B суть A ; предположимъ противоположное, то-есть что нѣкоторые B не суть A ; известно, что всѣ C суть A , слѣд. по *второй фигурѣ* нѣкоторые B не суть C , что невозможно, такъ какъ известно, что всѣ B суть C , слѣд. и т. д. То же доказывается *прямымъ* образомъ по *первой фигурѣ*: всѣ C суть A , всѣ B суть C , слѣдовательно всѣ B суть A .

²⁾ Доказывается отъ невозможнаго, что нѣкоторые B суть A ; предположимъ противоположное, именно, что ни одно B не A ; такъ какъ известно, что всѣ C суть A , то слѣдовательно, по *второй фигурѣ*, ни одно B не C , что ложно, такъ какъ признано, что нѣкоторые B суть C ; слѣдовательно и т. д. Прямое же доказательство изъ несомнѣнныхъ посылокъ опять происходитъ по *первой фигурѣ*: всѣ C суть A , нѣкоторые B суть C , слѣдовательно и т. д.

³⁾ Доказать отъ невозможнаго, что ни одно B не A ; предположимъ, что нѣкоторые B суть A , такъ какъ ни одно C не A , то отсюда слѣдовало бы, по *второй фигурѣ*, что нѣкоторые B не суть C , что ложно, такъ какъ всѣ B суть C . То же доказывается *прямымъ* образомъ по *первой фигурѣ*: ни одно C не A , всѣ B суть C , слѣдовательно и т. д.

⁴⁾ Доказать отъ невозможнаго, что всѣ B суть A ; предположимъ, что нѣкоторые B не суть A , но такъ какъ известно, что всѣ B суть C , то, по *третьей фигурѣ*, слѣвало бы въ такомъ случаѣ, что нѣкоторые C не суть A , что ложно, такъ какъ всѣ C суть A . Это же доказывается по *первой фигурѣ* *прямымъ* образомъ: всѣ B суть C , всѣ C суть A , слѣдовательно и т. д.

рымъ изъ B , и что A присуще всѣмъ C . Если же умозаключеніе отрицательно, предположеніе было, что A присуще нѣкоторымъ изъ B , признавалось же, что C не присуще ни одному A , и что оно присуще всѣмъ B ; а это составляетъ вторую фигуру [при прямомъ доказательствѣ] ¹⁾. Подобнымъ же образомъ и при доказательствѣ частно отрицательнаго сужденія: предположено будетъ, что A присуще всѣмъ B , признается же, что C не присуще ни одному A , и что оно присуще нѣкоторымъ изъ B ; а это составляетъ вторую фигуру [при прямомъ доказательствѣ].

Итакъ, мы видимъ, что прямое доказательство всякаго рода сужденій совершается черезъ тѣ же термины [какъ и въ доказательствахъ отъ невозможнаго]. Такимъ же образомъ возможно, если даны прямая умозаключенія, сводить ихъ, сохраняя тѣ же термины, къ доказательствамъ отъ невозможнаго, именно беря [какъ предположеніе] то, что противоположно заключенію [прямаго доказательства]: ибо при этомъ получаютъ тѣ же заключенія, какъ и при превращеніи [умозаключеній] ²⁾, такъ что мы прямо получаемъ и тѣ же фигуры, которыя даютъ [невозможный] выводъ. Итакъ, очевидно, что всякое сужденіе можетъ быть доказываемо двоякимъ образомъ, отъ невозможнаго и прямо, и что нельзя ихъ раздѣлять ³⁾.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Объ умозаключеніяхъ изъ противорѣчащихъ посылокъ.

Слѣдующее [разсужденіе] покажетъ, въ какой фигурѣ можно получить заключеніе изъ противорѣчащихъ ⁴⁾ [другъ другу] посылокъ, а въ какой нельзя. Противорѣчащихъ, *по выраженію*, посылокъ бываетъ четыре вида, именно всеобщее утвердительная посылка проти-

¹⁾ Доказать отъ невозможнаго, что ни одно B не A ; предположимъ, что нѣкоторыя B суть A ; такъ какъ всѣ B суть C , то отсюда слѣдовало бы, по *третьей* фигурѣ, что нѣкоторыя A суть C , что ложно, такъ какъ ни одно A не C . Это же доказывается прямымъ образомъ по *второй* фигурѣ: всѣ B суть C , ни одно A не есть C , слѣдовательно и т. д.

²⁾ О превращеніи умозаключеній см. выше. гл. 8—10; объ отношеніи же его къ доказательству отъ невозможнаго гл. II, въ началѣ.

³⁾ То-есть оба ведутся черезъ тѣ же термины.

⁴⁾ Въ подлинникѣ сказано „противуположныхъ“, но для избѣжанія смѣшенія этой противуположности съ той, о которой сказано ниже, а также говорилось и выше (гл. 8), мы употребляемъ здѣсь и въ другихъ соотвѣтственныхъ мѣстахъ терминъ „противорѣчіе“.

ворѣчить всеобще отрицательной, всеобще утвердительная — частно отрицательной, частно утвердительная — всеобще отрицательной, и частно утвердительная — частно отрицательной; но *въ действительности* ихъ только три вида, такъ какъ частно утвердительная противорѣчить частно отрицательной только по выраженію. Изъ нихъ противными я называю всеобще утвердительную и всеобще отрицательную, какъ напримѣръ сужденія, что всякая наука хороша, и что никакая наука не хороша; остальные же виды называю противоположными.

Въ первой фигурѣ не получается силлогизма изъ противорѣчащихъ посылокъ, ни утвердительнаго, ни отрицательнаго; утвердительнаго не получается, потому что для того нужны двѣ утвердительныя посылки, а противоположныя посылки суть утверждение и отрицаніе; отрицательнаго же не получается потому, что противоположныя посылки одно и то же объ одномъ и томъ же утверждаютъ и отрицаютъ, а въ первой фигурѣ средній терминъ не приписывается двумъ другимъ, но отъ средняго термина отрицается одинъ терминъ, а за другимъ средній терминъ утверждается ¹⁾.

Во второй фигурѣ можетъ получиться силлогизмъ какъ изъ противоположныхъ, такъ и изъ противныхъ посылокъ. Пусть *A*—благое, *B* и *C*—наука; если именно принято, что всякая наука хороша и никакая наука не хороша, то *A* присуще всякому *B*, и *A* не присуще ни одному *C*, такъ что *B* не присуще ни одному *C*: никакая наука не есть наука ²⁾. Также получается силлогизмъ, если принять, что всякая наука хороша, медицина же не хороша; тогда *A* присуще всякому *B*, но *A* не присуще ни одному *C*, такъ что такая-то изъ наукъ не будетъ наука. Получается силлогизмъ, и если *A* присуще всѣмъ *C*, но не присуще ни одному *B*; напримѣръ *B*—наука, *C*—медицина, *A*—предположеніе, то-есть признавъ, что никакая наука не есть предположеніе, утверждаютъ, что такая-то наука есть предположеніе ³⁾; отличается этотъ случай отъ предыдущаго перестановкой терминовъ: раньше утвердительной была посылка съ *B*, а теперь посылка съ *C*. Получается силлогизмъ, и если одна изъ посылокъ не общая, а другая, какъ выше, общая: вездѣ [и въ этихъ

¹⁾ То-есть въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ мы имѣемъ общіе субъекты и общіе предикаты, а для первой фигуры необходимо, чтобы общимъ терминомъ былъ субъектъ одной посылки и предикатъ другой.

²⁾ Модусъ АЕЕ.

³⁾ Модусъ ЕАЕ.

случаяхъ] средній терминъ есть то, что объ одномъ утверждается, а о другомъ отрицается ¹⁾. Итакъ [въ первой фигурѣ] можно получить заключеніе изъ противорѣчащихъ посылокъ, однако не всегда и не вообще, а лишь тогда, когда или то, что содержится подъ среднимъ терминомъ [въ обѣихъ посылкахъ] тождественно ²⁾, или когда то, что содержится подъ среднимъ терминомъ [одной посылки], относится [къ тому, что содержится подъ среднимъ терминомъ другой], какъ цѣлое къ части ³⁾; иначе не получается заключенія изъ противорѣчащихъ посылокъ, ибо посылки не будутъ ни противными, ни противоположными.

Въ третьей фигурѣ утвердительнаго силлогизма никогда не происходитъ изъ противорѣчащихъ посылокъ, по той же причинѣ, которая указана относительно первой фигуры ⁴⁾; отрицательный силлогизмъ получается, какъ при общихъ терминахъ, такъ и при не общихъ. Пусть именно *B* и *C*—наука, *A*—же медицина; если принять, что всякая медицина наука, и никакая медицина не наука, то *B* будетъ присуще всякому *A*, а *C* не присуще ни одному *A*; значитъ, такая-то наука не есть наука ⁵⁾. Подобнымъ же образомъ [получается заключеніе], когда посылка *BA* взята не общей; если именно такая-то медицина—наука, и никакая медицина—не наука, то выходитъ, что такая-то наука—не наука ⁶⁾. Когда термины взяты общие, посылки бываютъ противными [другъ другу], когда же частные, противоположными ⁷⁾.

Должно замѣтить, что можно брать противорѣчащія посылки такъ, какъ мы дѣлали, то-есть наприимѣръ, что всякая наука хороша, а затѣмъ, что никакая или такая-то наука не хороша; при этомъ противорѣчивость обыкновенно очевидна. Но можно получить другую [противорѣчивую первой] посылку помощью вывода изъ вопросовъ ⁸⁾

¹⁾ Модусы АОО и ЕЮ второй фигуры.

²⁾ Тогда посылки противны одна другой.

³⁾ Тогда посылки противоположны одна другой.

⁴⁾ То-есть, потому что утвердительный выводъ всегда предполагаетъ обѣ посылки утвердительныя, при посылкахъ же противорѣчащихъ одна непременно бываетъ отрицательной.

⁵⁾ Модусъ ЕАО.

⁶⁾ Модусъ ЕЮ. Третій отрицательный модусъ третьей фигуры, ОАО, Аристотель оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

⁷⁾ Это общее замѣчаніе относится, конечно, какъ ко второй фигурѣ, такъ и къ третьей.

⁸⁾ То-есть понуждая противника послѣдовательными вопросами признать противорѣчащую посылку.

или брать ее такимъ способомъ, о которомъ сказано въ „Топикъ“¹⁾. Такъ какъ для утвердительныхъ сужденій существуетъ три противоположности²⁾, то можетъ быть шесть противорѣчащихъ сужденій: всеобщее утвердительное и всеобщее отрицательное, всеобщее утвердительное и частно отрицательное, частно утвердительное и общеприцательное; эти противорѣчащія сужденія можно различно переименовать относительно терминовъ, именно³⁾ *A* присуще всякому *B* и одному *C* или [наоборотъ] всякому *C* и ни одному *B*, и *A* присуще всякому *B* и не всякому *C* или наоборотъ, переставивъ термины⁴⁾; то же самое можно дѣлать и въ третьей фигурѣ; отсюда видно въ сколькихъ случаяхъ и въ какихъ фигурахъ можно строить силлогизмы ихъ противорѣчащихъ посылокъ.

Далѣе, хотя изъ ложныхъ посылокъ и можно получать истинное заключеніе, какъ о томъ сказано было выше⁵⁾, однако изъ противорѣчащихъ—нельзя; такъ какъ [при этомъ] заключеніе всегда бываетъ противно дѣйствительности, на примѣръ если то-то хорошо, доказывається, что оно и не хорошо, или если то-то животное, доказывається, что оно и не животное; потому именно, что заключеніе получается [здѣсь] изъ противорѣчія, и составляющіе его термины или одинаковы, или относятся какъ цѣлое къ части. Ясно, что въ ошибочныхъ силлогизмахъ можетъ получаться и то, что противорѣчить предположенному, какъ на примѣръ если то-то есть кривое, что оно не криво; ибо изъ противорѣчащихъ посылокъ получается противорѣчивый выводъ, и слѣдовательно, если взять таковыя, то получимъ противорѣчащее предположенному⁶⁾. Должно однако замѣтить, что изъ *одной* силлогизма такимъ образомъ нельзя получить противорѣчиваго вывода—на примѣръ заключенія, что то-то хорошее не хорошо, или какого-нибудь подобнаго,—если не взять и одну таковую же [то-есть противорѣчащую себѣ самой] посылку; то-есть на примѣръ должно взять посылками *всякое животное было и не было и чело-*

¹⁾ *Топика*, книга 8. Въ этой книгѣ Аристотель излагаетъ правила спора.

²⁾ Сужденію *A* противорѣчатъ сужденію *E* и *O*, а сужденію *I*—только сужденіе *O*.

³⁾ Во второй фигурѣ (въ первой, какъ показано выше, противорѣчащія посылки не составляютъ умозаключенія).

⁴⁾ Слѣдовательно, возможныя перестановки противорѣчащихъ посылокъ суть слѣдующія: *AE*, *EA*, *OA*, *AO*, *IE*, *EI*.

⁵⁾ См. выше, глава 2—4.

⁶⁾ Примѣръ этого см. въ главѣ 4 (въ концѣ), гдѣ выводится, что *B* велико, если оно не велико.

откъ—животное ¹⁾). Впрочемъ ²⁾, можно для получения такого вывода и придать противорѣчіе [въ другой посылкѣ], напимѣрь принять, что всякая наука—предположеніе, а затѣмъ взять, что медицина, хотя и наука, не есть предположеніе ³⁾, какъ то дѣлается при опроверженіяхъ ⁴⁾). Иначе же ⁵⁾ приходится выводить [противорѣчивыя заключенія] изъ двухъ силлогизмовъ ⁶⁾). Показать же, что взятая посылка по истинѣ противорѣчатъ [одна другой] нельзя инымъ способомъ, кромѣ указаннаго ⁷⁾).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О постулированіи основы ⁸⁾).

Постулированіе основы [силлогизма] и ея признаніе составляетъ одинъ изъ видовъ тѣхъ доказательствъ, въ которыхъ не доказывається предположеннаго; происходятъ же эти послѣднія различнымъ образомъ: или вовсе не строятъ силлогизма, или доказываютъ [тезисъ] черезъ менѣе извѣстное [чѣмъ самъ тезисъ], или доказываютъ пре-

¹⁾ Тогда дѣйствительно получится заключеніе противорѣчивое: человекъ бѣлъ и не бѣлъ.

²⁾ Аристотель ограничиваетъ вышесказанное.

³⁾ И въ такомъ случаѣ получится выводъ противорѣчивый: нѣкоторыя изъ наукъ суть предположенія (простыя мнѣнія) и не суть предположенія.

⁴⁾ Когда сводить извѣстное предположеніе къ неистинности (*reductio ad absurdum*).

⁵⁾ То-есть не беря посылку указанной формы.

⁶⁾ Изъ этихъ двухъ силлогизмовъ одинъ доказать, что А есть В, а другой, что А не есть В.

⁷⁾ То-есть вывода изъ нихъ противорѣчащее самому себѣ заключеніе: А не есть А.

⁸⁾ Такъ называемая *petitio principii*. Подъ *основой* разумѣется здѣсь основа для вывода, то-есть посылка. *Постулированіе* же Аристотель опредѣляетъ во „Второй Аналитикѣ“ (кн. I, гл. 10, стр. 76 в 23—35) слѣдующимъ образомъ: то, что необходимо существуетъ само по себѣ и необходимымъ являється [то-есть аксіомы], не есть ни гипотеза [предположеніе], ни постулатъ; а то, что доказуемо, но принимается безъ доказательства, есть гипотеза, когда оно правдоподобно для изучаемаго (и притомъ не гипотеза вообще, а только для него); когда-же оно не представляеть ничего правдоподобнаго или даже противно правдоподобию, это—постулатъ...; постулатъ есть то, что противно мнѣнію изучаемаго или то, что будучи доказуемымъ, утверждается и употребляется безъ доказательства. Наконецъ, *постулировать основу* значитъ ошибочно принимать за доказуемый тезисъ то, что должно служить основой доказательства (посылкой) и наоборотъ, брать посылкой въ доказательствахъ то, что есть слѣдствіе тезиса.

дыдущее изъ слѣдующаго, между тѣмъ какъ доказательство всегда должно идти отъ болѣе вѣрнаго и предыдущаго. Но все это не постулированіе основы. [Это послѣднее происходитъ слѣдующимъ образомъ: иному свойственно быть познаваемымъ черезъ себя ¹⁾, иному же—черезъ другое (основы именно познаются черезъ себя, а то, что имъ подчинено—черезъ [нихъ, то-есть черезъ] другое); если же кто-нибудь предпринимаетъ иѣчто познаваемое не черезъ самое себя, доказать черезъ него самого, тогда основа постулируется. Дѣлать это можно слѣдующимъ образомъ: или прямо принять доказуемое за вещь доказанную, или перейдя къ тому, чему свойственно быть доказаннымъ черезъ первое, черезъ него доказывать искомое; напримѣръ, если доказываютъ A черезъ B , B —черезъ C , между тѣмъ какъ C должно было бы быть доказуемо черезъ A ; тѣмъ, кто такъ силлогизируетъ, приходится слѣдовательно доказывать A черезъ него самого. Такъ поступаютъ напримѣръ тѣ, кто думаетъ проводить [извѣстнымъ способомъ] параллельныя линіи ²⁾: они забываютъ, что [въ основу доказательствъ] они берутъ то, что само не можетъ быть доказано безъ предположенія параллельныхъ линій ³⁾. Такимъ образомъ тѣмъ, кто такъ силлогизируетъ, приходится утверждать, что каждое [положеніе] существуетъ, потому что оно существуетъ; но такимъ образомъ все становится само черезъ себя познаваемымъ, что негѣпо.

Если ⁴⁾ неизвѣстно, что A присуще [всякому] C , а равнымъ

¹⁾ Самоочевидныя аксіомы.

²⁾ Подразумѣвается задача: черезъ данную точку провести прямую, параллельную данной прямой (*Элементы* Евклида, кн. I, предл. XXXI).

³⁾ Равенство соотвѣтственныхъ угловъ Аристотель считаетъ слѣдствіемъ параллельности линій, а не наоборотъ. Напримѣръ этотъ не можетъ быть названъ удачнымъ, ибо теорема о томъ, что линіи, образующія съ сѣкущей равные соотвѣтственные углы, параллельны, вовсе не есть слѣдствіе теоремы, что линіи параллельны образуютъ съ сѣкущей соотвѣтственные углы равные (см. *Элементы*, кн. I, предл. XXVII), а напротивъ, эта послѣдняя теорема, которую Аристотель считаетъ основной, требуетъ для своего доказательства особаго предположенія, извѣстнаго подъ именемъ двѣнадцатой аксіомы Евклида (см. тамъ-же, кн. I, предл. XXIX).

⁴⁾ Слѣдующее разсужденіе касается *retitio principii* въ первой фигурѣ. Смыслъ этого разсужденія таковъ: пусть мы доказываемъ тезисъ *есть C суть A* черезъ посылки: *всѣ B суть A* и *всѣ C суть B*. Если доказуемый тезисъ *CA* столь же неизвѣстенъ, какъ *BA*, то очевидно, это не есть правильное доказательство, ибо правильное доказательство всегда идетъ отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, а мы за основу приняли то, что ею быть не можетъ, то-есть постулатъ. Но, замѣчаетъ Аристотель, это неправильное доказательство еще не

образомъ неизвѣстно, что A присуще [всякому] B , и [тѣмъ не менѣе] мы станемъ постулировать, что A присуще [всякому] B , то еще не очевидно, что мы постулируемъ основу, хотя и очевидно, что мы [ничего] не доказываемъ, такъ какъ основа доказательства не можетъ быть столь же неизвѣстна [какъ доказуемый тезисъ]. Но если отношеніе B къ C таково, что оба одно и то же, въ томъ смыслѣ, что ихъ можно перестановлять, или въ томъ, что каждый содержится въ другомъ ¹⁾, то тогда мы постулируемъ основу; ибо въ такомъ случаѣ [посылка] „ A присуще всѣмъ B “ доказывается черезъ два другихъ сужденія, когда мы обратимъ [сужденіе BC]. Итакъ, только это обстоятельство ²⁾ можетъ мѣшать [тому, чтобы доказательство было постулированіемъ основы], а не образъ [доказательства]. Если слѣдовательно, это допустить ³⁾, допускается указанная [неправильность доказательства] ⁴⁾ и послѣднее дѣлается обратимымъ черезъ перестановку трехъ [сужденій] ⁵⁾.—Равнымъ образомъ, если постулировать, что B присуще всѣмъ C , хотя это столь же неизвѣстно, какъ то, что A присуще [всѣмъ] C , то это еще не будетъ постулированіемъ основы, но только отсутствіемъ доказательности ⁶⁾; если же A

есть тѣмъ самымъ *petitio principii*, то-есть еще не извѣстно, можетъ ли то, что мы приняли за основу, само быть слѣдствіемъ, а то, что приняли за слѣдствіе, основой; для того, чтобы явилась *petitio principii*, надо, чтобы посылка BA , извѣстная не болѣе тезиса CA , могла быть доказана черезъ эготъ тезисъ и другую посылку, а это, по правиламъ первой фигуры, можно лишь тогда, когда посылка CA *вполнѣ* обратима (то-есть остается общей и послѣ обращенія), ибо только тогда мы будемъ имѣть силлогизмъ: всѣ C суть A (прежній тезисъ), всѣ B суть C (обращенная прежняя посылка), слѣдовательно всѣ B суть A .

¹⁾ Аристотель указываетъ въ этихъ словахъ условіе полученія *petitio principii*. Это условіе есть *полная* обратимость всеобще утвердительной посылки CB . Это очевидно возможно тогда, когда термны C и B тождественны въ своихъ объемахъ, то-есть какъ C , такъ и B свойственны только одной и той же группѣ предметовъ. Это бываетъ, замѣчаетъ Аристотель, или тогда, когда C и B суть одно и то же по содержанію, или когда, хотя и будучи различны по содержанію, одинаково могутъ быть утверждаемы одно о другомъ.

²⁾ То-есть неполная обратимость посылки CB .

³⁾ То-есть не полное обращеніе CB .

⁴⁾ То-есть *petitio principii*.

⁵⁾ „Дѣлается обратимымъ черезъ перестановку трехъ сужденій“, то-есть перестановивъ сужденія мы можемъ принять выводъ за посылку и наоборотъ: прежде черезъ BA и CB доказывалось AC , а теперь черезъ CA и CB мы доказываемъ BA . Это и есть очевидная *petitio principii*.

⁶⁾ Разсужденіе вполнѣ подобное предыдущему, только неизвѣстной берется посылка CB , а обратной посылка BA .

и *B* суть то же самое, такъ что они или могутъ быть перестановляемы или [одинаково] присущи другъ другу, то, по той же причинѣ [что указана выше] постулируется основа. Ибо постулировать основу значить, какъ сказано выше, доказывать нѣчто не самоочевидное черезъ него самого.

Если ¹⁾ постулировать основу значить доказывать нѣчто не самоочевидное черезъ него же самого,—то-есть, очевидно, не доказать,—при чемъ какъ доказуемое, такъ и то, черезъ что доказываютъ, одинаково неизвѣстно, то такое постулирование основы можетъ имѣть мѣсто какъ во второй, такъ и въ третьей фигурѣ, смотря по тому, приписываются ли [оба] тождественныхъ термина одному, или одинъ терминъ приписывается [обоимъ] тождественнымъ ²⁾. [Что касается качества вывода,] постулировать основу въ утвердительномъ силлогизмѣ можно по первой и по третьей фигурѣ ³⁾; въ отрицательномъ же

¹⁾ Аристотель переходитъ въ анализу *petitio principii* во 2 и 3 фигурахъ.

²⁾ Весьма краткое замѣчаніе Аристотеля имѣетъ слѣдующее значеніе. Мы видѣли выше, что въ первой фигурѣ *petitio principii* можетъ имѣть два вида, смотря по тому, большая ли посылка (*BA*) или меньшая (*CB*) предполагается столь же неизвѣстной, какъ заключеніе; въ первомъ случаѣ эта неизвѣстная посылка *AB* доказывалась подъ условіемъ, что *B* тождественно съ *C*, во второмъ же посылка *CB* доказывалась подъ условіемъ, что *A* тождественно съ *B*; такъ какъ въ основномъ силлогизмѣ *CA* доказывалось черезъ *BA* и *CB*, то ясно въ первой *petitio principii* *однимъ и тотъ же терминъ (A) присущъ обоимъ тождественнымъ (B и C)*, а во второй — *одному и тому же термину (C) присущи оба тождественныхъ (A и B)*. То же самое, говорятъ теперь Аристотель, имѣетъ мѣсто и при *petitio principii* во II и III фигурахъ, именно при *petitio principii* во II фигурѣ одному и тому же термину присущи оба тождественныхъ, а въ третьей—обоимъ тождественнымъ присущъ одинъ и тотъ же терминъ. Возьмемъ вторую фигуру: *CA* доказывается черезъ *AB* и *CB*; *CB*, столь же неизвѣстное, какъ выводъ *CA*, можетъ быть доказано по второй же фигурѣ черезъ *CA* и другую изъ посылокъ, однако лишь тогда, когда посылка *AB* можетъ быть *вполнѣ* обратима (тогда дѣйствительно *CB* доказывается черезъ *BA* и *CA*), то-есть, слѣдовательно, она доказуема, когда *A* и *B* тождественны; итакъ при *petitio principii* во второй фигурѣ общему термину (*C*) дѣйствительно присущи оба тождественные (*A* и *B*).—Возьмемъ теперь третью фигуру: *CA* доказывается черезъ *AB* и *BC*; *AB*, столь же неизвѣстное какъ выводъ *CA*, можетъ быть доказано по той же третьей фигурѣ, черезъ *CA* и другую посылку, однако лишь тогда, когда посылка *BC* *вполнѣ* обратима (тогда дѣйствительно *BA* доказывается черезъ *CA* и *CB*), то-есть, слѣдовательно, она доказуема, когда *C* и *B* тождественны; итакъ при *petitio principii* въ третьей фигурѣ, дѣйствительно, одинъ и тотъ же терминъ (*A*) присущъ обоимъ тождественнымъ терминамъ (*B* и *C*).

³⁾ Ибо только въ нихъ бывають обѣ посылки утвердительными.

тогда, когда тождественные термины отрицаются у одного и того же термина ¹⁾, и притомъ не каждая посылка можетъ стать заключеніемъ въ *restitutio principii*, какъ во второй фигурѣ ²⁾, ибо въ отрицательномъ выводѣ термины не обратимы ³⁾. Постулированіе основы въ доказательствахъ относится къ тому, что дѣйствительно находится въ такомъ отношеніи, въ діалектическихъ же силлогизмахъ къ тому, что кажется находящимся въ такомъ отношеніи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О возраженіи противъ силлогизмовъ сводящихъ предположеніе къ нелѣпости.

Возраженіе „ложь вытекаетъ не изъ этого“ [нашего тезиса], которое мы привыкли часто дѣлать при спорахъ, употребляется, во-первыхъ, при силлогизмахъ сводящихъ къ невозможному и служить именно для возраженія противъ того, что доказывалось сведеніемъ къ невозможному ⁴⁾. Ибо тотъ, кто не возражаетъ противъ сведенія [къ невозможному], не скажетъ „[это ложное] не есть слѣдствіе даннаго [предположенія]“, но согласится, что въ предыдущемъ допу-

¹⁾ По первой и по второй фигурѣ. Что по второй фигурѣ *restitutio principii* происходитъ въ случаѣ, когда оба тождественныхъ термина (*A* и *B*) отрицаются отъ одного и того же, видно изъ примѣч. 2 на предыд. стр. А что въ первой фигурѣ отрицательная *restitutio principii* можетъ быть лишь при условіи, когда оба тождественныхъ термина отрицаются отъ одного и того же, видно изъ слѣдующаго: въ первой фигурѣ всеобщее отрицательный модусъ есть *EAE*, слѣдовательно посылка *AB* (см. предыд. стр. пр. 2) отрицательна, а *CB* утвердительна; слѣдовательно для полученія *restitutio principii* по первой фигурѣ приходится доказывать *AB* изъ *CA* и *BC*, при чемъ, какъ показано въ томъ же примѣчаніи, *B* должно быть = *C*; итакъ, и въ первой фигурѣ отрицательная *restitutio principii* происходитъ, когда оба тождественныхъ термина (*B* и *C*) отрицаются отъ одного и того же (*A*).

²⁾ Только посылка *BA* (въ первой фигурѣ), какъ и во второй фигурѣ только посылка *CB*.

³⁾ Условіемъ *restitutio principii* вездѣ была обратимость посылки, вслѣдствіе тождественности ея терминовъ. Такъ какъ въ отрицательномъ сужденіи термины не могутъ быть тождественны, то оно не соответствуетъ условію (замѣтимъ, однако, что за то такіа сужденія вполне обратимы по общимъ правиламъ обращенія).

⁴⁾ Когда противникъ въ спорѣ, доказывая свой тезисъ, утверждаетъ, что нашъ тезисъ приводитъ къ нелѣпости, мы, защищаясь, говоримъ: „эта нелѣпость выведена не изъ опровергаемаго вами тезиса; опровергаемый тезисъ не имѣетъ отношенія къ полученному невозможному выводу; иначе говоря, ваша *reductio ad absurdum* не верна“.

щено нѣчто ложное ¹⁾; не выставляется это возраженіе и противъ прямыхъ доказательствъ, ибо въ нихъ и не утверждается того, что отрицаетъ [это возраженіе] ²⁾; или если прямымъ доказательствомъ черезъ термины *ABC* и отрицается нѣчто ³⁾, все-таки здѣсь не приложимо возраженіе, что выводъ вытекаетъ не изъ первоначально принятаго; ибо мы въ томъ случаѣ говоримъ, что ложь вытекаетъ не изъ принятаго предположенія, когда силлогизмъ все-таки остается, хотя бы предположенія и не было; въ прямыхъ же доказательствахъ это не имѣетъ мѣста: въ нихъ, разъ посылки отрицаются, не получается и силлогизма ⁴⁾. Итакъ, очевидно, что возраженіе „[ложь] вытекаетъ не изъ этого“ дѣлается противъ силлогизмовъ, сводящихся [предположеніе] къ невозможному, и именно тогда, когда это невозможное находится къ основному предположенію въ такомъ отношеніи, что невозможное остается, все равно будетъ ли сдѣлано это предположеніе, или нѣтъ.

Наиболѣе очевидное примѣненіе возраженія „ложь вытекаетъ не изъ предположенія“ имѣетъ мѣсто, когда умозаключеніе отъ предположенія не даетъ связнаго перехода отъ среднихъ терминовъ къ

---

¹⁾ Когда мы защищаемся противъ сведенія нашего тезиса къ нелѣпости, мы можемъ отвергнуть правильность или самого силлогизма, или его посылку. Только въ первомъ случаѣ мы скажемъ: нелѣпость не есть слѣдствіе взятыхъ посылокъ; во второмъ же постараемся показать, что полученный нелѣпый выводъ есть слѣдствіе не нашего тезиса (взятаго противникомъ за одну изъ посылокъ въ его силлогизмѣ), а другой взятой противникомъ посылки, которую однако онъ считаетъ истинной.

²⁾ Въ прямыхъ доказательствахъ прямо доказывается терминъ, а о томъ, что противорѣчащее ему положеніе приводитъ къ нелѣпости, нѣтъ и рѣчи.

³⁾ Къ прямому доказательству рассматриваемое возраженіе не имѣетъ отношенія. Однако вѣдь и въ доказательствахъ черезъ *reductio ad absurdum* нѣкоторая часть доказательства есть силлогизмъ (именно та часть, въ которой изъ условно принятаго опровергаемаго предположенія выводится нелѣпое слѣдствіе; объ этомъ см. выше, книга I, гл. 44), и въ этой части доказательства утверждается то, что отрицаетъ наше возраженіе. Но и здѣсь, продолжаетъ Аристотель, возраженіе это не примѣнимо.

⁴⁾ Дѣлая наше, указанное выше возраженіе, мы не отвергаемъ посылку оппонента, а только утверждаемъ, что полученный нелѣпый выводъ обязанъ не нелѣпости нашего предположенія, а чему то иному. Иначе говоря, мы утверждаемъ, что полученный имъ нелѣпый выводъ одинаково сохранится, если и не дѣлать предположенія опровергаемаго оппонентомъ и защищаемаго нами. Въ прямыхъ же доказательствахъ отрицаніе посылки ведетъ къ устраненію самого силлогизма.

невозможному, какъ о томъ сказано въ *Топикъ* ¹⁾. Это бываетъ, когда принимаютъ за причину то, что не есть причина, какъ, напримеръ, поступаетъ тотъ, кто пожелалъ бы доказать, что диагональ [квадрата] несоизмѣрима [съ его стороною], выдвинулъ бы разсужденіе Зенона, что движеніе невозможно ²⁾, и къ этому свелъ бы невозможность [предположенія, что диагональ соизмѣрима со стороною]; ложность здѣсь никоимъ образомъ не связана ни съ однимъ изъ первоначальныхъ предположеній.—Другое примѣненіе [нашего возраженія] имѣетъ мѣсто, если невозможное связано съ предположеніемъ, однако происходитъ не вслѣдствіе его; это случается и тогда, когда берется связь [терминовъ] вверхъ, и когда—внизъ ³⁾. Напримеръ, если принято, что *A* присуще [всему] *B*, *B*—[всему] *C*, *C*—[всему] *D*, а то, что *B* присуще [всему] *D*, оказывается ложнымъ; оставивъ *A* въ сторонѣ, *B* все-таки будетъ присуще [всему] *C* и *C*—[всему] *D*, то-есть, ложность [вывода] не есть слѣдствіе перваго предположенія ⁴⁾. Или, наоборотъ, когда берется связь терминовъ внизъ, напримеръ, *A* присуще [всему] *B*, *E* присуще [всему] *A*, и *Z* присуще [всему] *E*, выводъ же, что *Z* присуще [всему] *A*—ложень: и

¹⁾ Въ *Топикъ*, кн. 9 (о софистическихъ доказательствахъ), гл. 5, стр. 167 b 21 и слѣд. Аристотель разсматриваетъ софизмы, основанные на томъ, что за причину принимаютъ то, что не есть причина. Это имѣетъ мѣсто въ софистическихъ *reductiones ad absurdum*; въ нихъ выводится нѣчто нелѣпое какъ слѣдствіе опровергаемаго тезиса, тогда какъ въ дѣйствительности эта нелѣпость съ тезисомъ не связана. Напримеръ, слѣдующимъ образомъ опровергають тезисъ о томъ, что душа и жизнь одно и то же; уничтоженіе противоположно происхожденію, жизнь противоположна смерти, смерть есть уничтоженіе, слѣдовательно жизнь есть происхожденіе, что нелѣпо, а слѣдовательно и предположеніе (тезисъ) что жизнь и душа одно и то же, невозможно. Здѣсь нелѣпый выводъ, что жизнь и происхожденіе одно и то же, софистически выдается за слѣдствіе опровергаемаго тезиса, тогда какъ онъ есть слѣдствіе не его, а другихъ посылкокъ.

²⁾ *Зенонъ* (род. около 490—485 г. до Р. Хр.), ученикъ Парменида, доказывалъ, что въ понятіи движенія заключены неразрѣшимыя противорѣчія, а потому движенія не существуютъ.

³⁾ То-есть когда переходимъ отъ частнаго къ общему, и когда отъ общаго къ частному.

⁴⁾ Примѣры: доказывається черезъ *reductio ad absurdum*, что нельзя считать всякое животное (*B*) существомъ одушевленнымъ (*A*); если всякое животное (*B*) есть существо одушевленное (*A*), и все бѣлое (*C*) есть животное, и всякій сиѣгъ (*D*)—бѣлъ (*C*), то получается нелѣпый выводъ, что всякій сиѣгъ (*D*) есть животное (*B*). Однако этотъ выводъ не есть слѣдствіе нашего тезиса, ибо одинаково получается и безъ него.—Въ этомъ примѣрѣ мы нисходимъ отъ наиболѣе общаго термина (*A*) къ наиболѣе частному (*D*).

здѣсь невозможный выводъ получается, если оставить въ сторонѣ основное предположеніе ¹⁾).

Слѣдуетъ же, напротивъ, невозможное ставить въ связь съ главнымъ предположеніемъ; ибо такимъ образомъ невозможное будетъ его слѣдствіемъ. Именно, когда берется связь терминовъ вверхъ, должно доходить до термина составляющаго предикатъ [главнаго предположенія]; ибо если невозможно, чтобы *A* было присуще [всѣмъ] *D*, то, оставивъ *A* въ сторонѣ, не получимъ никакого ложнаго вывода. Когда же берется связь терминовъ внизъ, должно доходить до того термина, который составляетъ субъектъ [главнаго предположенія]; ибо если *Z* не можетъ быть присуще ни [одному] *B*, то, оставивъ *B* въ сторонѣ, не получимъ невозможнаго.—Подобное должно сказать и объ отрицательныхъ силлогизмахъ.

Отсюда слѣдуетъ, что, когда невозможное не находится въ связи съ главными терминами, ложный выводъ вытекаетъ не изъ [главнаго] предположенія. Но и при этомъ условіи ²⁾ будетъ ли ложное всегда слѣдствіемъ [главнаго] предположенія? Вѣдь если принять, что *A* присуще не [всѣмъ] *B*, а [всѣмъ] *K*, и что *K* присуще [всѣмъ] *C*, а это—[всѣмъ] *D*. и при этомъ одинаково получится невозможный выводъ ³⁾; и то же самое, если брать термины вверхъ ⁴⁾; такъ что, ввиду того, что невозможное одинаково получается, все равно при-

¹⁾ Здѣсь ложно доказывається нелѣпость тезиса „*B* есть *A*“: если *B* есть *A*, и *A* есть *E*, и *E* есть *Z*, то получается выводъ „*A* есть *Z*“; такъ какъ этотъ выводъ признается нелѣпымъ, то, слѣдовательно, предположенный тезисъ невозможенъ. На это мы возражаемъ: выводъ полученъ не изъ тезиса, а изъ другихъ посылокъ, и сохраняется, хотя бы мы тезисъ и отбросили. Переходя отъ *Z* къ *B*, мы посходимъ отъ наиболѣе частнаго термина къ наиболѣе общему.

²⁾ То-есть, когда полученъ выводъ, мы не идемъ до терминовъ главнаго предположенія.

³⁾ Въ предыдущемъ невозможность предположенія, что *B* есть *A*, доказывалась слѣдующимъ образомъ: если *B* есть *A*, и *C* есть *B*, и *D* есть *C*, то *D* есть *A*, что признается за нелѣпость, слѣдовательно и предположеніе *B* есть *A* невозможно. Теперь же оказывается, что тотъ же нелѣпый выводъ получается и безъ предположенія „*B* есть *A*“, именно изъ слѣдующаго силлогизма: *K* есть *A*, *C* есть *K*, *D* есть *C*, слѣдовательно *D* есть *A*. Аристотель спрашиваетъ, нелѣпа ли и въ такомъ случаѣ выставить прежнее возраженіе, то-есть сказать, что нелѣпый выводъ есть слѣдствіе не тезиса (*B* есть *A*), такъ какъ опъ (выводъ) получается и безъ предположенія тезиса.

⁴⁾ То-есть, вмѣсто предыдущаго силлогизма (*B* есть *A*, *A* есть *E*, *E* есть *Z*, слѣдовательно *B* есть *Z*) можно взять силлогизмъ: *B* есть *K*, *K* есть *E*, *E* есть *Z*, слѣдовательно опять *B* есть *Z*.

нято ли [главное] предположеніе [объ AD], или пѣтъ; нельзя ли сказать и здѣсь, что невозможное не есть слѣдствіе этого предположенія? Однако не лучше ли будетъ выраженіе „ложный выводъ одинаково получается, примемъ ли мы данное предположеніе или нѣтъ“, не лучше ли будетъ это выраженіе понимать не въ томъ смыслѣ, что невозможное получимо и изъ какихъ нибудь иныхъ предположеній ¹⁾, а въ томъ, что тотъ же невозможный выводъ получается и изъ [однѣхъ] остальныхъ посылокъ, оставивъ въ сторонѣ [главное] предположеніе? [Такъ понимать вышеуказанное выраженіе будетъ лучше], ибо вѣдь въ томъ, что ложный выводъ получимъ изъ нѣсколькихъ предположеній, пѣтъ ничего нелѣзнаго ²⁾, напримѣръ, выводъ, что параллельныя линіи пересѣкаются, получается и изъ предположенія, что внутренній уголъ треугольника больше внѣшняго [ему противоположнаго] ³⁾, и изъ предположенія, что въ треугольникѣ [сумма внутреннихъ угловъ] больше двухъ прямыхъ ⁴⁾.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Ложность вывода въ связи съ ложностью посылокъ.

Ложный выводъ есть слѣдствіе ложности въ предположеніи. Всякій силлогизмъ именно происходитъ или изъ двухъ, или изъ большаго числа посылокъ. Если изъ двухъ, то одна изъ нихъ или обѣ должны быть ложны, такъ какъ изъ истинныхъ посылокъ не бываетъ ложнаго силлогизма. Если же силлогизмъ происходитъ черезъ большее число посылокъ, какъ напримѣръ, [сужденіе] C доказывается черезъ [посылки] A и B , а эти—черезъ [посылки] D , E , F , G , то что нибудь въ этихъ верхнихъ посылкахъ ложно, а отъ того ложенъ и

¹⁾ То-есть, какъ въ вышеуказанныхъ примѣрахъ, когда вмѣсто главнаго предположенія „ B есть A “ мы принимали, что K есть A , или что B есть K .

²⁾ И слѣдовательно, нельзя дѣлать то возраженіе, котораго приложимость неслѣдуется въ настоящей главѣ.

³⁾ Примѣръ Аристотеля нельзя назвать удачнымъ, ибо теорема, что внѣшній уголъ треугольника больше внутренняго, ему противоположнаго, доказывается помимо ссылки на параллельность линій (См. *Элементы* Евклида, кн. I, предположеніе XVI).

⁴⁾ Замѣтимъ однако, что эту теорему (сумма внутреннихъ угловъ треугольника = 2d) Евклидъ доказываетъ не черезъ *reductio ad absurdum*, а прямо (*Элементы*, кн. I, предл. XXXII).

выводъ. такъ какъ *A* и *B* получаются изъ этихъ верхнихъ посылокъ. И такъ выводъ и [его] ложность есть слѣдствіе [ложности] посылокъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Правила для спора.

Чтобы не быть приперту [въ спорѣ] силлогизмомъ, должно, когда [оппонентъ] задаетъ вопросы, но скрываетъ выводъ, остерегаться признавать дважды одинъ и тотъ же терминъ въ посылкахъ, такъ какъ мы знаемъ, что безъ средняго термина силлогизма не будетъ, а средній терминъ есть то, что нѣсколько разъ повторяется. Какого средняго термина должно относительно каждаго вывода остерегаться, указываетъ знаніе о томъ, какіе выводы доказуемы по какой фигурѣ. А это послѣднее отъ насъ не укроется, если мы знаемъ, какъ поддержать свой тезисъ.

То, чего мы отвѣчающимъ совѣтуемъ остерегаться, того же нападающимъ совѣтуемъ скрыто достигать. Это дѣлается впервыхъ тѣмъ, что [изъ посылокъ] не дѣлается [тотчасъ же] предварительныхъ выводовъ, но когда посылки уже взяты, предварительные выводы оставляются неизвѣстными; во вторыхъ же это достигается тѣмъ, что вопросы ставятся не въ послѣдовательности доказуемаго, а о предметахъ, между которыми наименѣе связи ¹⁾; на примѣръ, пусть должно доказать, что *A* присуще *Z*, черезъ средніе термины *B*, *C*, *D*, *E*; въ такомъ случаѣ должно поставить вопросъ, *A* присуще ли *B*, а затѣмъ спросить не о томъ, *B* не присуще ли *C*, но о томъ [на примѣръ], *D* не присуще ли *E*; а затѣмъ о томъ, *B* присуще ли *C*, и такъ далѣе въ остальномъ. Если же силлогизмъ имѣетъ только одинъ средній терминъ, нужно начинать со средняго термина, ибо такимъ образомъ [наша цѣль] наиболѣе скрыта [отъ противника] ²⁾.

¹⁾ Для того, чтобы до времени утаить отъ противника ходъ нашего доказательства.

²⁾ *Беконъ Веруламскій* въ своемъ „Новомъ Органѣ“ (1620 г.) слѣдующимъ образомъ говоритъ о силонности грековъ въ спорамъ: „Находящаяся въ нашемъ распоряженіи науки почти цѣлкомъ получены нами отъ грековъ.... Но эта греческая мудрость отзывалась учительскимъ тономъ и разводилась безконечными словопреніями, занятіемъ въ высшей степени предосудительнымъ для изслѣдованія истины“ (Сочин. Бэкона въ пер. Блбикола, т. II. Новый Органъ, кн. I, аф. I.XXI).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Отъ опроверженіи черезъ силлогизмъ.

Такъ какъ намъ уже извѣстно, когда является силлогизмъ и при какихъ отношеніяхъ между терминами, то мы знаемъ и то, когда можетъ явиться опроверженіе ¹⁾, и когда не можетъ. Оно можетъ явиться, если на все даются ²⁾ утвердительные отвѣты, или если отвѣты бываютъ попеременно, то утвердительными, то отрицательными. Ибо при первомъ и при второмъ отношеніи терминовъ являлся силлогизмъ, такъ что въ случаѣ, если признаваемое ³⁾ противно заключенію ⁴⁾, необходимо явится опроверженіе, ибо вѣдь опроверженіе есть силлогизмъ. Если же не дается утвердительнаго отвѣта ни о чемъ, опроверженія быть не можетъ, ибо когда всѣ термины отрицательны, не бываетъ силлогизма, а слѣдовательно, и опроверженія. Ибо опроверженіе есть необходимо силлогизмъ, хотя силлогизмъ не необходимо опроверженіе. Равнымъ образомъ [опроверженіе невозможно], если ничто въ отвѣтахъ не утверждается всецѣло; ибо [и въ томъ отношеніи] опроверженіе подчинено тому же ограниченію, какъ и силлогизмъ ⁵⁾.

Имъ. Ланге.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Опроверженіе есть силлогизмъ, доказывающій то, что противорѣчить опровергаемому тезису.

²⁾ Защитникомъ тезиса.

³⁾ То, что соглашается признать защитникъ тезиса, отвѣчая на вопросы оппонента.

⁴⁾ То-есть защищаемому тезису.

⁵⁾ То-есть изъ частныхъ посылокъ итѣ выводъ.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Изъ Африканскихъ надписей.

C. I. L. VIII 434: „litteris c. 3 nitide sculptis et ubique optime conservatis, ut lectio certissima sit“.—Такой премиссъ столь опытного эпиграфиста, какъ Вильмансъ, въ соединеніи съ помѣткой „descripsi et ecturum sumpsit“—исключаетъ, по видимому, возможность сомнѣнія въ правильности копіи. И все же въ 9-мъ стихѣ элогія есть маленькое недоразумѣніе чисто палеографическаго свойства. Африка, уже подарившая намъ однимъ изъ древнѣйшихъ, а можетъ быть и древнѣйшимъ образцомъ унциаловъ (VIII 11824), представляетъ вообще область весьма интересную въ эпиграфико-палеографическомъ отношеніи, и отсутствіе Эмиля Гюбнера среди издателей VIII тома иногда замѣтно. Въ нашей надписи овдовѣвшая Корнелія Галла, находящая хоть нѣкоторое утѣшеніе въ созерцаніи „maritimi voltus“ усопшаго супруга, заявляетъ, что образъ этотъ — только „solamen visus“, но что истинный образъ любимаго человѣка она будетъ хранить въ сердцѣ:

SETDVM VSTA MANET TOTO EST IN CORDE MARITVS;

къ этому стиху Вильмансъ замѣчаетъ въ аппаратѣ: „hiatus post dum admissus,—nisi *busta* vel *inusta* vel simile aliquid fuit“. Мы охотно допускаемъ, что копія Вильманса правильна, но тогда придется признать виновность квадратарія, смѣшавшаго двѣ литеры: въ данной ему сходѣ было вѣроятно I со скошенными ступней и накладкой, напоминающее слабоизогнутое S; для примѣра сошлемся на фотографію Тиссо въ vol XII Acad. des Inscr. (Comptes-Rendus) p. 65, или на Palaeograph. Soc. II Series p. III (1886), II 49 (характерно BISSENAS въ стихѣ 17-мъ, производящее платче пѣніе BIIENAS).

Итакъ въ нашей надписи слѣдуетъ возстановить довольно шаблонную форму DVM VITA MANET, ср. VIII 16463 и Verg. Aen.

VI 608. Упомянутую разновидность I, особенно для I—longa (VITA—вещь нерѣдкая), Губнеръ наблюдалъ между прочимъ именно въ Африкѣ, см. его *Exempla script. epigr.*: „formae litterarum“, p. LX.

VIII 16265—надпись списана *Espérandieu* и имъ же издана дважды (*vide ad tit.*); изъ обомхъ текстовъ безъ особеннаго труда извлекается слѣдующій сводный:

D · O
 TANAMORA
 TRAEIFRNVA
 SIOLINQVO
 5. TIBIMFAVIA
 DOLOREM
 SFDFORT//
 PRECOR HOC
 VSQVE F//
 10. RASANNI

Но *Espérandieu* не Вильмансъ, а потому весьма позволительно думать, что на камнѣ было что-то другое. Того же мнѣнія и Шмидтъ, возстановившій въ ст. 3 AETERNVM и въ ст. 5 колебательно („fortasse“) TIBI FAVSTA; остальной текстъ онъ оставилъ неприкосновеннымъ. Намъ однако думается, что и эта плохая копия поддается реставраціи.

D · O—несомнѣнно = D · M; Губнеромъ уже отмѣчено, что въ сравнительно позднихъ надписяхъ формулы, въ родѣ d. m., пишутся иногда унциаломъ или письмомъ близкимъ къ нему (*Exempla* p. LXII), тогда какъ остальной текстъ—обыкновеннымъ лапидарнымъ уставомъ; вторая полудуга унциального m, вѣроятно, на камнѣ сохранилась слабо; принимая въ данной надписи довольно обычную форму надгробія: d. m. + nomen defuncti + [elogium] + aetas (*Cagnat, Cours d'Épigraphie*, 1890. p. 246 sq.), мы въ строкахъ 2. 3 видимъ имя усопшаго, въ родѣ TANNIA MORATA (cf. VIII 8789). Далѣе слѣдуетъ „carmen“: строкъ 4 SIO (SIO въ первомъ изданіи *Espérandieu*, SDO—во второмъ) безъ труда даетъ SIC, а MFAVIA — конечно не что иное, какъ MEAVITA (ср. *Hübner, Exempla* p. LXI, 9); строкъ 7 SFD = SED; а для строкъ 10 смыслъ подсказываетъ реставрацію ANIM[o]; такимъ образомъ получается дистихъ:

aeternum sic linquo tibi, mea vita, dolorem:
 sed forti, precor, hoc usque feras animo!

VIII 1557. По копии Guérin (ср. Supplem. п. 15554) Вильмансъ и Штудемундъ возстановляютъ эту надпись слѣдующимъ образомъ:

d. m. s.
 Arinia Victoria | magnis moribus | femina,
 at cuius | sectam numquam accedi | potest.
 hic sepulta, set | domi es:
 de anemo cert[a] | es, quia numquam disced[es] meo.

По Штудемундъ, не совсемъ довольный этой реставраціей и считающій *es* въ началѣ 8-й строки диттографіей изъ *es* предыдущей строки, предлагаетъ:

hic sepulta, set domi es:
 de animo certe quia numquam discedes meo,

ставя такимъ образомъ оба стиха въ причинную связь (*quia*); намъ думается, что мѣсто это нуждается въ объясненіи, а не въ исправленіи: структура стиха, форма *anemo*, выраженіе: *hic sepulta, set domi's* — все это довольно очевидные слѣды *sermonis plebei*; а тогда конструкция нашего мѣста допускаетъ такую комбинацію: *certa es* (= *imperativ.*), *quia numquam discedes de animo meo* = *sols certaine, que etc.* Ср. напримѣръ, Draeger, *Hist. Synt.* II p. 232 § 380; 425 § 444.

VIII 5804. Послѣдній гексаметръ надписи:

OMNI[A] QVAE SVNT NO | QVO. V M QVAESITAI |

остается неразобраннымъ; приведенное нами чтеніе есть сводный текстъ Моммзена на основаніи двухъ посредственныхъ копій Costa и Cherbonneau. Вопросъ однако рѣшается довольно просто сопоставленіемъ этой надписи съ н. 5834 изъ той же мѣстности (*Sigus*); соответствующій стихъ второго элогія (по копии того же Cherbonneau):

OMNAQVHS//// | NOBIS TVOSVNTQ[VAE] | SITA LABORI;

обѣ надписи даютъ слѣдующій безъ труда *archetypum*:

omnia, quae (sunt) nobis, tuo sunt quaesita labore;

въ обѣихъ надписяхъ восхваляются матроны: *Iulia Spesina* и *Pomponia Fortunata*, — за приумноженіе общаго семейнаго имущества.

И. Холодильникъ.

КЪ ВОПРОСУ О НОВОНАЙДЕННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ МУЗЫКИ.

Около года тому назадъ, въ рефератахъ, читанныхъ въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ Неофилологическомъ Обществѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ о вновь открытыхъ памятникахъ греческой античной музыки, мною было высказано нѣкоторое недовѣріе къ результатамъ ритмизацій Сейкиловой пѣсни, предпринятыхъ К. Вессели и В. И. Петромъ, со статьей котораго (напечатанной въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, октябрь, ноябрь ч. 289 и 290) я имѣлъ возможность ознакомиться тогда еще въ рукописи. Я не могъ согласиться съ необходимостью такихъ многочисленныхъ паузъ, иктовъ и долготъ (*χρόνοι τρίσημος*), какія были ими допущены ¹⁾. Какъ бы ни былъ неточенъ снимокъ Рамзая, дополнить который своими конъектурами старались вышеназванные ученые ²⁾, все-таки онъ не могъ нуждаться въ такомъ количествѣ добавленій, какое было ими допущено. Противъ ихъ приѣма говорило уже и то обстоятельство, что ритмизаціи у нихъ получились совершенно не совпадающія одна съ другой. Между тѣмъ проф. Крузіусъ еще въ своей первой статьѣ (*Philologus*, 1891, т. L, стр. 163—172) обѣщавъ сообщить точное факсимиле съ надписи Рамзая, и до его появленія въ свѣтъ нельзя было не признать преждевременными всѣ попытки ритмизировать найденную мелодію. Обѣщанная статья Крузіуса появилась наконецъ въ одной

¹⁾ Ср., что говоритъ по поводу паузъ Вессели проф. Крузіусъ въ цитуемой ниже статьѣ (стр. 187).

²⁾ Статья Вессели и Рюэля помѣщена въ *Revue des études grecques* (V, 1892, стр. 265 и слѣд.).

изъ послѣднихъ книжекъ журнала *Philologus* за прошлый годъ (т. LII, тетр. 1, 1893, стр. 160—209) съ приложеніемъ факсимиле, болѣе точнаго, чѣмъ обнародованный первично снимокъ. Факсимиле разрѣшаетъ многія недоумѣнія и сомнѣнія, возникавшія у всѣхъ имѣвшихъ дѣло съ этимъ новонайденнымъ памятникомъ греческой музыки. Какъ говорилъ Крузіусъ уже въ первой своей статьѣ, въ подлинной надписи есть несомнѣнные знаки трехморной долготы (*χρονοι τρισημοι*). Въ обнародованномъ теперь факсимиле мы находимъ эти знаки въ нѣсколькихъ мѣстахъ: ζῆς, φαίνου, λοποῦ, ζῆν, ἀπατεῖ. Изъ всѣхъ пяти случаевъ трисима только одинъ совпадаетъ съ конъектурой В. И. Петра (на ζῆς). Точно также въ факсимиле находятся и знаки иктовъ или акцентовъ, позволяющіе теперь точнѣе ритмизировать данную мелодію. Нѣкоторые изъ нихъ совпадаютъ также съ конъектуральными иктами В. И. Петра, но зато прочіе стоятъ на другихъ мѣстахъ, указывая тѣмъ самымъ на необходимость совсѣмъ иной ритмизаціи, чѣмъ предложенная В. И. Петромъ. На основаніи факсимиле, Крузіусъ даетъ и свою ритмизацію, которая должна быть признана наиболѣе удовлетворительной изъ всѣхъ до сихъ поръ предложенныхъ.

Слабая сторона конъектуральныхъ ритмизацій Вессели и В. И. Петра заключалась не столько въ допущеніи гипотетическимъ долготъ и иктовъ, сколько въ томъ, что названные ученые дали при этомъ свободу своему (воспитанному на современной европейской музыкальной системѣ) гармоническому чувству, бессознательно и инстинктивно подкладываящему гармонію подъ всякую одnogолосную мелодію. Это современное гармоническое чувство и оказало имъ плохую услугу, заставивъ ихъ ставить долготы и икты тамъ, гдѣ имъ вовсе не приходилось быть, только для того, чтобы при ритмизаціи мелодіи придать извѣстнымъ мелодическимъ ходамъ гармоническое значеніе, согласное съ подложенной бессознательно гармонизаціей по европейскому образцу. Справедливость требуетъ сказать, что Крузіусъ самъ въ соображаемой имъ первой своей ритмизаціи, сдѣланной очевидно еще до полученія имъ отъ Гамзая точныхъ кальковъ съ надписи, впадаетъ въ совершенно такую же невольную ошибку, какъ и названные его ученые коллеги. Ритмизація эта очень близка къ ритмизаціи В. И. Петра и отличается отъ послѣдней главнымъ образомъ выборомъ сложнаго такта въ $\frac{6}{8}$, вмѣсто $\frac{3}{8}$ русскаго ученаго, началомъ съ ана-

крузы (затакта) *a*, вмѣсто болѣе длиннаго затакта

правильнѣе переданнаго В. И. Петромъ, и нѣсколько иной ритмиров-
кой характерныхъ мелодическихъ ходовъ *a h g* на облеченныхъ сло-
гахъ (λῶ)-ποῦ и ζῆν. Икты въ этой первой ритмизаціи Крузіуса раз-
мѣщены точно такъ же, какъ у В. И. Петра, подъ влияніемъ совре-
меннаго чутья естественной гармонизаціи. Зато вторая ритмизація
Тюбингенскаго ученаго, сдѣланная имъ уже на основаніи факсимиле,
даетъ совсѣмъ иную ритмическо-мелодическую картину, въ которой
кое что чуждо нашему современному гармоническому чувству: такова,
напримѣръ, нота *d* на первой восьмой пятого и седьмаго тактовъ, ко-
торой первая ритмизація Крузіуса и редація В. И. Петра прида-
ютъ значеніе проходящей ноты отъ секунды *e* къ терціи доминантак-
корда *cis* ¹⁾). Это обстоятельство не должно смущать насъ и напро-
тивъ скорѣе говорить въ пользу правильности втораго чтенія Крузіу-
са, основаннаго на данныхъ факсимиле. Если даже допустить у гре-
ковъ существованіе гармоніи, предполагаемое Вестфалемъ и Говар-
томъ и отрицаемое другими теоретиками, то и тогда все-таки необ-
ходимо будетъ признать, что подлинная греческая гармонизація должна
была имѣть совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ наша европейская, и до-
пускала многое такое, что кажется неестественнымъ или натянутымъ
европейскому гармоническому слуху. (Ср., что говорить по этому по-
воду Крузіусъ въ цит. статьѣ, стр. 171 и слѣд.). Въ ритмическомъ
отношеніи также можно указать на нѣкоторыя особенности. Такъ,
Крузіусъ обращаетъ вниманіе (стр. 164 и 167) на своеобразную му-
зыкальную акцентуацію на такихъ мѣстахъ, какъ $\overset{z}{\delta}\lambda\omega\varsigma$ и $(\delta\lambda\acute{\iota})-\gamma\omicron\nu$
 $\acute{\kappa}\acute{\iota}$
ἔστι, свидѣтельствующую, что долгая нота, которой предшествуетъ
акцентуированная краткая, разлагается на двѣ краткихъ, при чемъ
первая изъ этихъ послѣднихъ получаетъ также акцентъ. Въ совре-
менныхъ музыкальныхъ знакахъ подобная акцентуація можетъ быть вы-
ражена такъ: $\frac{6}{8}$ ²⁾).

Современной музыкальной теоріи ритма такая акцентуація чужда,
хотя а ргіогі допустима въ цѣляхъ извѣстной характеристики. Въ

¹⁾ При неправильномъ отождествленіи тональности данной мелодіи съ тональ-
ностью D дуръ, навязываемомъ намъ нашими ново-европейскими музыкальными
привычками.

²⁾ Знакъ > обозначаетъ здѣсь главный, самый сильный акцентъ такта, а
знакъ / — побочный, находящійся въ сложномъ тактѣ 6/8 на четвертой восьмой.

своей ритмизации Крузиусъ однако не подчеркиваетъ этой особенности, хотя обычная современная музыкальная акцентуация, определяемая тактовыми чертами, совсѣмъ не можетъ навести на указанный выше способъ исполненія.

На основаніи нотации Крузиуса соотвѣтствующія мѣста могутъ быть исполнены только такъ: $\frac{6}{8}$. Какъ бы ни были

остроумны догадки Крузиуса относительно указаннаго имъ передвиженія тактовыхъ акцентовъ (Anaklasis), все-таки правильное исполненіе мѣстъ въ родѣ βλαξ и (ὀλί)-ρον ἐστὶ остается загадочнымъ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ я позволяю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе вообще въ возможности ритмизировать античную музыку въ современныхъ музыкально-ритмическихъ схемахъ. Аналогія западнаго амброзіанскаго и грегорианскаго (до XII вѣка) пѣнія и нашего православнаго разныхъ древнихъ распѣвовъ, находящихся въ генетической связи съ греческимъ церковнымъ пѣніемъ (если не во всемъ своемъ объемѣ, то несомнѣнно въ извѣстной долѣ), заставляетъ предполагать, что и греческая свѣтская музыка могла представлять такой же несимметричный, свободный ритмъ, какой мы находимъ въ указанныхъ родахъ церковной мелодіи. Если мы вспомнимъ, что дифференціация церковнаго и свѣтскаго музыкальныхъ стилей принадлежитъ собственно позднѣйшимъ эпохамъ высшаго культурнаго развитія, первично же между ними не было рѣзкой разницы, такъ что народная пѣсня имѣла свободный доступъ въ церковь, а композиціи свѣтскихъ текстовъ носили такой же характеръ, какъ и церковныя пѣснопѣнія, то намъ не покажется слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что греческіе павѣны, давниіе начало нашему церковному пѣнію, а на западѣ амброзіанскому и грегорианскому ¹⁾, должны были найдтись хотя бы въ нѣкоторой связи съ народной или свѣтской музыкой, а потому и нѣкоторыя ихъ особенности, какъ, напримѣръ, свободный, несимметричный ритмъ могли принадлежать и свѣтской музыкѣ.

Подобное предположеніе, какъ мнѣ кажется, не лишено вѣроятности и во всякомъ случаѣ должно приниматься въ расчетъ при попыткахъ ритмизировать античныя мелодіи. Иное дѣло ритмизация свободныхъ въ ритмическомъ отношеніи мелодій съ извѣстными художе-

¹⁾ См. о нихъ у П. Riemann'a въ любомъ изданіи его Musik-Lexicon (1-е изд. Лейпц. 1882) подъ соотвѣтствующими заглавіями.

ственными цѣлями ¹⁾); выполненіе ея подлежитъ одному эстетическому суду, но при ритмизаціи научной нельзя не рекомендовать крайней осторожности, которая все-таки не будетъ въ состояніи устранить скептическое отношеніе къ ея результатамъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется совершенно произвольной и ничѣмъ не мотивированной передача во второй ритмизаціи Крузіуса ноты *h* въ началѣ четвертаго и шестаго тактовъ и ноты *a* въ началѣ послѣднiго такта въ видѣ апподжіатуръ, а не самостоятельныхъ ритмическихъ единицъ. Факсимиле не даетъ на это никакого права. Если иктъ стоитъ не на этихъ нотахъ, а на слѣдующихъ за ними, то это еще не даетъ права редуцировать ихъ количество до ирраціональнаго минимума апподжіатуры. То же факсимиле ставить рядомъ два музыкальныхъ акцента или икта, какъ это указано выше—фактъ совершенно чуждый современной музыкальной ритмикѣ. Какъ согласить эти рѣзкія различія въ отношеніи обозначенія и можно ли при такой неточной системѣ нотации дѣйствовать очень смѣло и увѣренно, транскрибируя ее въ европейскихъ знакахъ? Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну особенность музыкальной акцентуаціи факсимиле, указывающую на довольно тѣсную, по видимому, связь между акцентами текста и мелодіи, а именно акценты словъ и акценты музыкальные довольно часто совпадаютъ: ζῆς, ὄλας, λοκοῦ, ζῆν, τό, χρόνος, ἀπαταῖ. Если мы обратимся къ ритмизаціи Крузіуса, то найдемъ у него совпаденіе акцента словеснаго съ побочнымъ музыкальнымъ (на четвертой восьмой такта) еще въ слѣдующихъ случаяхъ: ὄσον, φαίνοῦ, οῦ, πρὸς, ἐστί. Не совпадаютъ акценты только въ трехъ случаяхъ: μῆδεν (музыкальный акцентъ μῆδεν), ὀλίγον (музык. ὀλίγον), τέλος (музык. акценты совсѣмъ отсутствуютъ). Эта особенность просодіи, не указанная Крузіусомъ, представляетъ замѣчательное сходство съ современной музыкальной просодіей, требующей строгаго взаимнаго соотвѣтствія акцентовъ рѣчи и мелодіи. Случайны совпаденія этихъ акцентовъ въ Сейкиловой пѣснѣ или нѣтъ? Отсутствие совпаденія находитъ себѣ аналогію въ русской народной пѣснѣ, напримѣръ *молодка* (муз. акцентъ вмѣсто правильнаго *молѳдка*: Мельгуновъ, Русскія пѣсни непосредственно съ голосовъ народа записанныя и т. д. Выпускъ I. Москва 1879. Пѣсня 1-я, предпослѣдній тактъ), *молоденькам* (муз. акцентъ вмѣсто правильнаго *молѳденькам*, тамъ же послѣдній тактъ), *по рѣкѣ* вмѣсто *рѣкѣ* (тамъ же, пѣсня 2-я, такты 1, 2, 3), *зеленый* вмѣсто *зелѳ-*

¹⁾ Какъ, напримѣръ, въ художественныхъ обработкахъ церковныхъ свободныхъ въ ритмическомъ отношеніи мелодей въ вокальной или даже инструментальной музыкѣ.

нии (там же, послѣдній тактъ) и т. д. Въ заключеніе замѣтимъ еще, что предположеніе Вессели и В. И. Петра о постановкѣ только одной разъ одной и той же ноты, приходящейся на два слога (см. цит. статью В. И. Петра *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* октябрь, стр. 15). уничтожается показаніями факсимиле. Начало Сейкиловой пѣсни читается не такъ, какъ предполагали на основаніи перваго снимка Рамзая:

с $\bar{z}$
 ὄσον ζῆς...

а иначе, и именно:

с $\bar{z}$ $\bar{z}$
 ὄσον ζῆς...

Факсимиле ясно показываетъ, что и при повтореніи одной и той же ноты на двухъ сосѣднихъ слогахъ и болѣе знакъ этой ноты все-таки выписывался каждый разъ. Какъ иллюстрацію ко всему вышесказанному, приводимъ всѣ четыре ритмизаціи Вессели, В. И. Петра и Крузіуса:

К. Вессели.

ὄ-σον ζῆς φαί - νου. Μη-δὲν ὀ - λως σὺ λυ - ποῦ. Πρὸς ὀ - λί
 γον ἴσ - τι τὸ ζῆν. Τὸ τέ-λος ὁ χρό - νος ἀ - παι - τεῖ.

В. И. Петръ.

ὄ-σον ζῆς φαί - νου. Μηδὲν ὀ - λως σὺ λυ - ποῦ. Πρὸς ὀ-λί-γον
 ἴσ - τι τὸ ζῆν. Τὸ τέ-λος ὁ χρόνος ἀ - παι - τεῖ

Крузіусъ. № 1.

Крузіусъ. № 2.

ὄσον ζῆς φαί - νοι. Μηδὲν ὀ - λως αὐ - λυ - ποῦ. Προσὀλι - γον ἔσ - τι τὸ

ζῆν. Τὸ τέ - λος ὁ χρόνος ἀπαι - τεῖ.

Факсимиле уничтожаетъ также всякія сомнѣнія относительно существованія у грековъ анакрузы или затакта, которая высказываетъ В. И. Петръ (цит. статья *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь, стр. 20). Начало мелодіи на слонѣ: ὄσον представляетъ собой настоящій затакътъ въ современномъ смыслѣ слова.

Что касается отрывка изъ Еврипидова „Ореста“, то и въ этомъ отношеніи статья Крузіуса представляетъ нѣкоторыя дополненія къ чтенію Вессели, которому строго слѣдуетъ и редакція В. И. Петра. Тюбингенскому ученому удалось прочесть на папирусь еще небольшое количество нотныхъ знаковъ, которые дополняютъ пробѣлы Вессели и В. И. Петра. Иные изъ этихъ знаковъ, быть можетъ, всегда останутся подъ сомнѣніемъ, другіе же подтверждаются аналогіей ясно читаемыхъ мѣстъ. Но въ общемъ дополненія эти незначительны, и данный фрагментъ остается по прежнему загадочнымъ обрывкомъ.

Конъектуральныя дополненія утраченных мѣстъ хоровой мелодіи у Крузіуса, а равнымъ образомъ и его ритмизація, иныя, чѣмъ у В. И. Петра. Кто можетъ рѣшить, которой редакціи слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ этомъ отношеніи? Только дальнѣйшія паходки новыхъ памятниковъ античной греческой музыки могутъ пролить какой-нибудь свѣтъ на эти темныя и загадочныя вопросы; покуда же всѣ догадки будутъ лишь *micare in tenebris*.

С. Буличъ.

1980. Альбомъ, изданный *К. Далматовымъ*, подъ заглавіемъ „Русскія вышивки“.—Рец. 1891, ч. 273, январь, отд. III, стр. 35—38.
1981. Мотивы орнаментовъ, снятые со старинныхъ русскихъ произведений. 1 и 2 выпуски, каждый по 20 листовъ. Изданіе Строгановскаго центральнаго училища технического рисованія, при сотрудничествѣ ученаго рисовальщика *И. В. Заикина*. 1898.—Рец. 1890, ч. 268, апрѣль, отд. III, стр. 65—66.
1982. *А. Заруцкій* и *К. Тадеръ*. Практическое общепонятное руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ. М. 1876.—Рец. 1880, ч. 210, августъ, отд. III, стр. 30—32.
1983. Общедоступный систематическій курсъ рисованія. Изданіе 2-е Составлено и издано *С. Зотовымъ*. Сиб. 1881. (5 тетрадей).—Рец. 1881, ч. 234, августъ, отд. III, стр. 58—61.
1984. Пособіе для рисованія въ школѣ и дома. Этюды русскаго пейзажа. *И. А. Мартынова*. Выпускъ 1. М. 1884.—Рец. 1884, ч. 235, сентябрь, отд. III, стр. 12—13.
1985. Перспективное рисованіе геометрическихъ формъ. Составилъ *Яр. Нимецъ*. Съ полтинажами. Одесса. 1876.—Рец. 1876, ч. 188, декабрь, отд. III, стр. 47—50.
1986. Руководство для преподаванія элементарнаго рисованія, составленное *О. Гудковскою*. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. III, стр. 77—80.
1987. Популярное руководство къ изученію перспективы и теоріи тѣней по курсу рисованія д'Андріе, съ 95 рисунками и чертежами въ текстѣ. Изданіе *В. С. и Н. Д. С.*-116. 1887.—Рец. 1888, ч. 259, сентябрь, отд. III, стр. 12—15.
1988. Курсъ рисованія для не имѣющихъ учителя рисованія; 5 тетрадей по 30 листовъ. Составилъ *Д. М. Струковский*. М. 1888.—Рец. 1890, ч. 271, октябрь, отд. III, стр. 75—77.
1989. Школа рисованія карандашомъ, тушью и акварелью, на 31 таблицахъ съ приложеніемъ объяснительнаго текста, въ которомъ кратко изложено и методъ самаго обученія. Составилъ *А. Федоровъ*. М. 1889.—Рец. 1890, ч. 268, апрѣль, отд. III, стр. 71—72.
1990. Методика рисованія красками съ натуры (съ раскрашенныхъ геометрическихъ тѣлъ). 41 страница съ 9 полтинажами и таблицей. Составилъ художникъ *Д. И. Хмельниковій*. 3-е изданіе. М. 1888.—Рец. 1890, ч. 263, апрѣль, отд. III, стр. 70—71.
1991. Элементарный курсъ рисованія геометрическихъ формъ, составленный *Шайкевичемъ*. Отд. I. Одесса. 1883.—Рец. 1885, ч. 238, апрѣль, отд. III, стр. 76—78.
1992. Рисунки для элементарнаго обученія рисованію, составл. *Элизой фонъ-Юнг-Шпиллингъ*. Изд. II. Кинмеля въ Ригѣ.—Рец. 1886, ч. 213, январь, отд. III, стр. 44—46.

х) Техника.

В. Рецензіи.

1993. Новый курсъ французской кройки бѣллы дамскаго и мужскаго и дѣтскаго, усовершенствованный, *Анжелики Аджиновичъ*. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 257, май, отд. III, стр. 23—24.

1994. Руководство къ самоучебнѣю французской кройки и шитья дамскихъ нарядовъ; новая метода выдательницы и учительницы *Анжелики Адамовичъ*. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 257, май, отд. III, стр. 23—24.
1995. Дополненіе къ руководству кройки Глодзинскаго, по объясненіямъ учительницы кройки *Стефановичъ* составленное *М. И. Гриневой*. Кіевъ. 1884.—Рец. 1886, ч. 243, январь, отд. III, стр. 46—48.
1996. Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ, *С. А. Давыдовой*, съ приложеніемъ пяти рисунковъ. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 256, апрѣль, отд. III, стр. 36.
1997. Курсъ женскихъ рукодѣлій, съ 1007 рисунками въ текстѣ, изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ моды“. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 257, май, отд. III, стр. 21—23.
1998. Курсъ кройки, примѣрки и шитья дѣтскихъ нарядовъ, съ 620 рисунками въ текстѣ; изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Моды“. С.-Пб. 1886.—Рец. 1888, ч. 259, сентябрь, отд. III, стр. 15—16.
1999. Курсъ кройки, примѣрки и шитья дѣтскихъ нарядовъ; съ 381 рисунками въ текстѣ, изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Моды“. С.-Пб. 1887.—Рец. 1888, ч. 259, сентябрь, отд. III, стр. 15—16.
2000. Сборникъ рисунковъ токарныхъ надѣлій по дереву и кости. *С. и М. Немыка*. Изданіе 2-е дополненное и исправленное. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. III, стр. 46—48.
2001. Курсъ кройки; повѣйшее практическое руководство къ изученію кройки бѣлья, дамскихъ, дѣтскихъ верхнихъ платьевъ и другихъ нарядовъ безъ посторонней помощи, со многими чертежами и выкройками составлено по французскому покрою *Второй Васильевны Шимаровой*. С.-Пб., изданіе 2-е исправленное и дополненное. 1889.—Рец. 1891, ч. 273, январь, отд. III, стр. 33—35.

ц) Сельское хозяйство. Пчеловодство. Садоводство.

Рецензіи.

2002. Пчела и пчеловодство, составилъ *А. А. Голубевъ*. М. 1874.—Рец. 1875, ч. 179, май, отд. III, стр. 18—19.
2003. Естественная исторія пчелы и главные правила пчеловодства, *В. Л. Карасевича*. С.-Пб. 1867.—Рец. 1869, ч. 144, августъ, отд. III, стр. 94—95.
2004. Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразованія и женскихъ учебныхъ заведеній. *И. Клима*. Перевелъ съ 5-го нѣмецкаго изданія съ иамѣненіями и дополненіями баронъ *И. А. Корфа*. С.-Пб. 1883.—Рец. 1884, ч. 234, июль, отд. III, стр. 24—27.
2005. *И. Костичевъ*. Общедоступное руководство къ земледѣію. С.-Пб. 1884.—Рец. 1885, ч. 239, июнь, отд. III, стр. 104—108.
2006. Бесѣды объ огородничествѣ *Э. Лукаса* (Unterhaltungen über Gemüsegarten, von D-r. E. Lucas), съ 19-ю рисунками въ текстѣ. Перождѣлано со 2-го нѣмецкаго изданія *В. Весселовскихъ*. 1889.—Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. III, стр. 28—29.
2007. *Н. В. Ломомаревъ*. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. С.-Пб. 1890.—Рец. 1891, ч. 275, май, отд. III, стр. 18—20.

2008. Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія для учителей сельскихъ училищъ. *Н. А. Соколова*. 3-е изданіе. М. 1884. — Рец. 1884, ч. 234, августъ, отд. III, стр. 53—58.
2009. Пчеловодство. Самоучитель. Священника *А. И. Успенскаго*. Изданіе 2-е. — См. девятое присужденіе промія императора Петра Великаго.
2010. О шелководствѣ, съ практическимъ руководствомъ разведеніи шелковицы, выкормки шелковищаго червя и размотки шелка, составлено *Н. Ф. Федоровскимъ*. 3-е изданіе, пересмотрѣнное и дополненное, съ рисунками. Кіевъ. 1889. — Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. III, стр. 29—31.
2011. *И. Р. Цицинскій*. Русское практическое садоводство и лѣсоводство, съ 6-ю рисунками. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Мценскъ. 1887. — Рец. 1888, ч. 260, декабрь, отд. III, стр. 85—88.

4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1. РУССКАЯ.

А. Отчеты г. министра народнаго просвѣщенія. Учебные округа. Общія свѣдѣнія.

2012. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1866 годъ. — 1868, ч. 137, январь, отд. I, стр. 10—82.
2013. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1867 г. — 1869, ч. 142, мартъ, отд. I, стр. 1—105.
2014. Приложенія ко Всеподданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1867 г. — 1869, ч. 143, июнь, отд. I, стр. 33—77.
2015. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1869 г. — 1870, ч. 147, январь, отд. I, стр. 1—79.
2016. Приложенія къ Всеподданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1868 г. — 1870, ч. 147, февраль, отд. I, стр. 105—203.
2017. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1869 г. — 1871, ч. 151, мартъ, отд. I, стр. 1—95.
2018. Приложенія ко Всеподданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1869 г. — 1871, ч. 154, апрѣль, отд. I, стр. 117—200, май, стр. 1—75.
2019. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1870 г. — 1872, ч. 160, мартъ, отд. I, стр. 1—97.
2020. Приложенія ко Всеподданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1870 г. — 1872, ч. 160, апрѣль, отд. I, стр. 115—154, май, стр. 1—80.
2021. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1871 г. — 1873, ч. 165, февраль, отд. I, стр. 1—155, ч. 166, мартъ, стр. 1—46.
2022. Приложенія къ Всеподданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1871.—1873, ч. 166, мартъ, отд. I, стр. 47—81; апрѣль, стр. 97—153.
2023. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія.—1874, ч. 173, июнь, отд. I, стр. 1—112.

- 2024.** Отчетъ г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 г. — 1874, ч. 174, июль, отд. I, стр. 1—54, августъ, стр. 173—182.
- 2025.** Приложенія ко Всенодданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія. — 1874, ч. 174, августъ, отд. I, стр. 183—217, ч. 175, сентябрь, отд. I, стр. 1—66.
- 2026.** Извлеченіе изъ Всенодданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1873 годъ. — 1875, ч. 180, июль, отд. I, стр. 1—65, августъ, стр. 135—210.
- 2027.** Приложенія ко Всенодданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1873 г. — 1875, ч. 181, сентябрь, отд. I, стр. 1—68, октябрь, стр. 137—154; ч. 182, ноябрь, стр. 1—31.
- 2028.** Извлеченіе изъ Всенодданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 г. — 1876, ч. 185, июнь, отд. I, стр. 43—67, ч. 186, июль, стр. 1—19, августъ, стр. 107—163, ч. 187, сентябрь, стр. 1—22.
- 2029.** Приложенія ко Всенодданнѣйшему отчету г. министра народнаго просвѣщенія—1876, ч. 187, октябрь, отд. I, стр. 49—82, ч. 188, ноябрь, стр. 1—48.
- 2030.** Извлеченіе изъ Всенодданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1875 г. — 1877, ч. 192, августъ, отд. I, стр. 1—252, ч. 193, сентябрь, стр. 1—29, октябрь, стр. 49—93.
- 2031.** Приложенія ко Всенодданнѣйшему отчету министра народнаго просвѣщенія за 1875 г. — 1877, ч. 193, октябрь, отд. I, стр. 93—105; ч. 194, ноябрь, стр. 1—68.
- 2032.** Извлеченіе изъ Всенодданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 г. — 1878, ч. 198, августъ, отд. I, стр. 31—104, ч. 199, сентябрь, стр. 1—53.
- 2033.** Приложенія ко Всенодданнѣйшему отчету г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 г. — 1878, ч. 199, сентябрь, отд. I, стр. 54—83, октябрь, стр. 107—170.
- 2034.** Извлеченіе изъ Всенодданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1877 г.—1879, ч. 206, отд. I, сентябрь, стр. 1—61; октябрь, стр. 95—156; ч. 206, ноябрь, стр. 1—46; декабрь, стр. 77—138.
- 2035.** Обзорніе дѣяній министерства народнаго просвѣщенія за 1869 годъ. — 1870, ч. 147, январь, отд. IV, стр. 1—16.
- 2036.** Обзорніе дѣяній министерства народнаго просвѣщенія за 1870 годъ. (I. Ученныя учрежденія и общества. II. Учебныя заведенія).— 1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 1—20.
- 2037.** Обзорніе дѣяній министерства народнаго просвѣщенія за 1871 годъ. — 1872, ч. 159, февраль, отд. IV, стр. 141—155.
- 2038.** Обзорніе дѣяній министерства народнаго просвѣщенія за 1872 годъ. — 1873, ч. 165, январь, отд. IV, стр. 1—28.
- 2039.** Обзорніе дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1873 годъ. — 1874, ч. 171, февраль, отд. IV, стр. 57—107.
- 2040.** Обзорніе дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1874 г.—1875, ч. 177, февраль, отд. IV, стр. 25—57.
- 2041.** Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1879, 1880 и 1881 годъ. (Извлеченіе изъ всенодданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія). — 1887, ч. 253, октябрь, стр. 1—43; ч. 254, ноябрь, стр. 45—156.
- 2042.** По дѣламъ центральнаго управленія министерства народнаго про-

- свѣщенія. — 1868, ч. 137, февраль, отд. III, стр. 123—140.
2043. По дѣламъ центрального управленія министерства народнаго просвѣщенія.—1868, ч. 138, июнь, отд. III, стр. 253—277.
2044. По дѣламъ центрального управленія министерства народнаго просвѣщенія.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 3—21.
2045. Интересы народнаго просвѣщенія въ Россіи и русская журналистика.—1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 299—318.
2046. О специальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія.—1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 319—333.
2047. Вѣдомость стипендіямъ и проміямъ, учрежденнымъ при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія съ 14-го апрѣля 1866 года.—1870, ч. 149, май, отд. IV, стр. 85—122.
2048. В. Я. Вунаковскій. О пописяхъ и единовременныхъ пособіяхъ домашнимъ наставникамъ, учителямъ и учительницамъ.—1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 331—345.
2049. А. Н. Тихомяндріевъ. Вспомогательныя таблицы для вычисленія пожизненныхъ эморитальныхъ пенсій.—1873, ч. 170, ноябрь, стр. 1—39 (въ приложеніи).
2050. Списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ существовавшихъ до 1866 г. такъ и учрежденныхъ въ теченіе 1866—1876 гг., съ показаніемъ, на какія изъ этихъ учебныхъ заведеній и въ какомъ размѣрѣ отпускаются суммы изъ городскихъ доходовъ и земскихъ сборовъ.—1876, ч. 185, май, отд. IV, стр. 1—23.
2051. Объ участіи городскихъ обществъ въ пожертвованіяхъ на дѣло образованія.—1878, ч. 196, апрѣль, отд. IV, стр. 190—262.
2052. О распредѣленіи учащихся по классамъ и курсамъ, въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.—1877, ч. 190, апрѣль, отд. IV, стр. 63—101.
2053. Циркуляры по учебнымъ округамъ за 1868 г. I. Методика предметовъ гимназическаго курса. — 1869, ч. 142, апрѣль, отд. III, стр. 131—151.
2054. Паша педагогическая литература. Циркуляры по учебнымъ округамъ за 1868 и 1869 гг. I. Методика предметовъ гимназическаго курса.—1869, ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 83—107.
2055. Объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній. I. (Русской учительской семинаріи въ Ригѣ, Екатеринбургскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, Осодосійскаго татарскаго училища. Открытіе Демидовскаго юридическаго лицея въ Ярославлѣ, Царскосельской Николаевской гимназіи. Открытіе гимназіи при Императорскомъ Историко-Филологическомъ институтѣ). — 1870, ч. 151, сентябрь, отд. IV, стр. 1—23.—II. (Открытіе Вилонскаго женскаго 6-класснаго училища и др.).—1870, ч. 151, октябрь, стр. 267—268.
2056. Извѣстія и замѣтки, (изъ педагогической хроники). — 1871, ч. 158, декабрь, отд. IV, стр. 151—161.
2057. Извѣстія и замѣтки (Изъ педагогическаго міра: Избраніе П. М. Леонтьева членомъ общества чешскихъ филологовъ въ Прагѣ. Учительская семинарія и дѣтскій садъ въ Иркутскѣ). — 1873, ч. 167, май, отд. IV, стр. 53—56.
2058. Разныя извѣстія (изъ педагогической хроники). — 1869, ч. 146, декабрь, отд. IV, стр. 226.
2059. Открытіе новыхъ училищъ и

- пожертвованія на школы.—1871, ч. 155, май, отд. IV, стр. 127—129.
2060. Объя открытіи новыхъ учебныхъ заведеній. — 1870, ч. 151, октябрь, отд. IV, стр. 267—268; ч. 152, ноябрь, отд. IV, стр. 102.
2061. Рѣчь, произнесенная гр. Д. А. Толстымъ въ Варшавѣ. 12-го сентября, 1868 г. — 1868, ч. 139, сентябрь, отд. III, стр. 383—386.
2062. А. Салтановскій. Объя осмотрѣ учебныхъ заведеній Сувалкской дирекціи за июль, августъ, сентябрь, и октябрь мѣсяцы 1869 г. — 1869, ч. 146, декабрь, отд. IV, стр. 222—225.
2063. О русскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Варшавѣ. — 1867, ч. 135, августъ, отд. III, стр. 139—144.
2064. Интересы народнаго просвѣщенія въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.—1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 1—23.
2065. О результатахъ ревизіи, учебныхъ заведеній Варшавскаго округа въ 1869 г.—1870, ч. 147, февраль, отд. IV, стр. 126—145.
2066. Отчетъ г. почитателя Варшавскаго учебнаго округа объ осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ.—1876, ч. 183, февраль, отд. IV, стр. 45—87.
2067. И. П. Корниловъ. Общія замѣчанія о положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1867 г. — 1868, ч. 139, июль, отд. III, стр. 1—27.
2068. О празднованіи въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа дня двухсотлѣтней годовщины рожденія Императора Петра Великаго, 30-го мая 1872 г.—1872, ч. 163, октябрь, отд. IV, стр. 197—204.
2069. Учебныя заведенія Дерптскаго округа.—1872, ч. 162, августъ, отд. IV, стр. 73—78.
2070. Е. В. Ч. Грамотность въ Ригѣ. — 1881, ч. 233, июнь, отд. IV, стр. 99—110.
2071. Извлеченіе изъ отчета почитателя Кавказскаго учебнаго округа за 1867 г.—1869, ч. 143, июнь, отд. IV, стр. 159—203.
2072. Извлеченіе изъ отчета почитателя Кавказскаго учебнаго округа за 1868 г. — 1870, ч. 148, апрѣль, отд. IV, стр. 127—151.
2073. Извлеченіе изъ отчета почитателя Кавказскаго учебнаго округа за 1869 г.—1870, ч. 150, июль, отд. IV, стр. 1—43.
2074. Отчетъ по Кавказскому учебному округу, представленный Его Императорскому Высочеству намѣстнику Кавказскому, г. почитателемъ округа за 1870 г.—1871, ч. 157, сентябрь, отд. IV, стр. 1—29.
2075. Состояніе учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ (изъ отчета г. почитателя Кавказскаго округа въ 1871 г.)—1872, ч. 163, октябрь, отд. IV, стр. 175—196.
2076. Учебная часть на Кавказѣ въ 1874 г. — 1875, ч. 181, октябрь, отд. IV, стр. 49—66.
2077. Статистическія свѣдѣнія о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа за 1875 г.—1876, ч. 187, октябрь, отд. IV, стр. 196—199.
2078. Списокъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Кавказскаго учебнаго округа. — 1877, ч. 190, мартъ, отд. IV, стр. 35—37.
2079. О состояніи мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1876 г.—1877, ч. 192, августъ, отд. IV, стр. 62—65.
2080. Учебныя заведенія Кавказскаго учебнаго округа въ 1876 г.—1877, ч. 193, октябрь, отд. IV, стр. 147—157.
2081. Извлеченіе изъ отчета поне-

- чителя Кавказскаго учебнаго округа за 1877 г. — 1878, ч. 198, августъ, отд. IV, стр. 81—101.
2082. Учебная часть на Кавказѣ въ 1885 году.—1887, ч. 251, май, отд. IV, стр. 27—38, июнь, стр. 88—103; ч. 252, июль, стр. 30—45; августъ, стр. 85—113; ч. 254, декабрь, стр. 98—115; 1888, ч. 255, январь, стр. 13—31.
2083. Кавказскій учебный округъ въ 1886 г. — 1889, ч. 265, сентябрь, отд. IV, стр. 15—61; октябрь, стр. 91—117; ч. 266, декабрь, стр. 59—94.
2084. Кавказскій учебный округъ въ 1887 и 1888 гг.—1890, ч. 268, апрѣль, отд. IV, стр. 59—90; ч. 269, май, стр. 48—70, июль, стр. 159—180; ч. 270, июль, стр. 10—35, августъ, стр. 57—98; ч. 271, сентябрь, стр. 8—43.
2085. Кавказскій учебный округъ въ 1889 г.—1891, ч. 273, февраль, отд. IV, стр. 23—52, ч. 274, мартъ, стр. 45—88.
2086. Рѣчь, произнесенная почетелемъ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ 19-го февраля 1880 г. въ залѣ Императорскаго Казанскаго университета. — 1880, ч. 208, апрѣль, отд. IV, стр. 93—96.
2087. Обѣдъ, данный Кіевскимъ городскимъ обществомъ г. министру народнаго просвѣщенія. — 1873, ч. 170, декабрь, отд. IV, стр. 65—72.
2088. Рѣчь, гр. Д. А. Толстого въ Москвѣ, 21-го августа 1869 г. на обѣдѣ по случаю 2-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей. — 1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 1—2.
2089. Рѣчь, произнесенная гр. Д. А. Толстымъ во время посѣщенія имъ Одесскаго учебнаго округа въ августъ и сентябрь 1867 года.—1867, ч. 136, октябрь, отд. III, стр. 1—9.
2090. Посѣщеніе г. министромъ народнаго просвѣщенія Ростова на Дону. — 1875, ч. 181, октябрь, отд. IV, стр. 91—98. (Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“).
2091. Посѣщеніе министромъ народнаго просвѣщенія Одесскаго учебнаго округа.—1875, ч. 182, декабрь, отд. IV, стр. 125—162.
2092. Поѣздка г. министра народнаго просвѣщенія по Одесскому учебному округу.—1875, ч. 182, ноябрь, отд. IV, стр. 58—68.
2093. Открытіе Оренбургскаго учебнаго округа. — 1875, ч. 179, май, отд. IV, стр. 30—37.
2094. По поводу женскаго адреса, поданнаго (въ Харьковѣ) г. министру народнаго просвѣщенія.—1870, ч. 151, октябрь, отд. IV, стр. 269—274.
2095. С. Чудновскій. Школы въ Сибири.—1888, ч. 260, ноябрь, отд. IV, стр. 20—41; декабрь, стр. 56—88.

В. Высшія учебныя заведенія.

2096. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній. Университеты.—1867, ч. 133, январь, отд. III, стр. 63—80; февраль, стр. 160—165; ч. 134, апрѣль, стр. 111—135; июнь, стр. 329—341; ч. 135, июль, стр. 31—45; августъ, стр. 188—197; сентябрь, стр. 311—317; ч. 136, октябрь, стр. 48—52; ноябрь, стр. 163—166; декабрь, стр. 253—268.
2097. Списокъ лицамъ, отправленнымъ отъ министерства народнаго просвѣщенія за границу для приго-

- товловія къ профессорскому званію.—1867, ч. 131, май, отд. III, стр. 283—292.
2098. Университеты.—1868, ч. 137, январь, отд. III, стр. 21—33; февраль, стр. 141 — 168, мартъ, стр. 282—313; ч. 138, апрѣль, стр. 67—85; май, стр. 153—168; июнь, стр. 288—310; ч. 139, июль, стр. 28—57, августъ, стр. 295 — 313, сентябрь, стр. 387—413; ч. 140, октябрь, стр. 82—106, ноябрь, стр. 163—169; декабрь, стр. 298—314.
2099. Университеты. — 1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 27—45. февраль, стр. 218—238; ч. 142, мартъ, отд. IV, стр. 6—27; апрѣль, стр. 106—123; ч. 143, май, стр. 72—96; июнь, стр. 204 — 224; ч. 144, июль, стр. 13—41; августъ, стр. 160—185; ч. 145, сентябрь, стр. 52—67; октябрь, стр. 212—226; ч. 146, ноябрь, стр. 9—24; декабрь, стр. 156—163.
2100. Университеты. — 1870, ч. 147, январь, отд. IV, стр. 34—52; февраль, стр. 146—159; ч. 148, мартъ, стр. 21—43, апрѣль, стр. 166—184; ч. 149, май, стр. 5—33, июнь, стр. 177—200; ч. 150, июль, стр. 68—91; августъ, стр. 151—176; ч. 151, сентябрь, стр. 24 — 51; октябрь, стр. 136—146; ч. 152, ноябрь, стр. 16—29, декабрь, стр. 122—136.
2101. Университеты. — 1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 27 — 42, февраль, стр. 184—206; ч. 154, мартъ, стр. 20—41, апрѣль, стр. 93—113; ч. 155, май, стр. 62—83, июнь, стр. 166—180; ч. 156, июль, стр. 58—64; августъ, стр. 121—140; ч. 157, сентябрь, стр. 30 — 53; октябрь, стр. 164 — 179; ч. 158, ноябрь, стр. 1—22, декабрь, стр. 87—106.
2102. Вѣдомость о студентахъ окончившихъ въ 1871 г. курсъ наукъ по историко-филологическому факультету Императорскихъ российскихъ университетовъ.—1872, ч. 161 июль, отд. IV, стр. 179—192.
2103. Университеты. — 1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 1—17; февраль, стр. 156 — 171; ч. 160, мартъ, стр. 6—25; апрѣль, стр. 95—109; ч. 161, май, стр. 11—35; ч. 162, июль, стр. 1—19; августъ, стр. 55—73; ч. 163, сентябрь, стр. 74—99; октябрь, стр. 205—218; ч. 164, ноябрь, стр. 44—67; декабрь, стр. 115—135.
2104. Университеты. — 1873, ч. 165, январь, отд. IV, стр. 29 — 45; февраль, стр. 157—178; ч. 166, апрѣль, стр. 117—144; ч. 167, май, стр. 1—16; июнь, стр. 63—84; ч. 168, июль, стр. 1 — 21; августъ, стр. 49 — 87; ч. 169, сентябрь, стр. 1 — 29; октябрь, стр. 111—123; ч. 170, ноябрь, стр. 1—20; декабрь, стр. 87—104.
2105. Университеты. — 1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. стр. 10 — 16; февраль, стр. 112—113; ч. 172, мартъ, стр. 1—6; апрѣль, стр. 39—50; ч. 173, июль, стр. 89—102; ч. 174, июль, стр. 1—26; ч. 175, сентябрь, стр. 41—56; октябрь, стр. 71—89; ч. 176, ноябрь, стр. 35—58; декабрь, стр. 195—204.
2106. Университеты.—1875, ч. 178, апрѣль, стр. 103 — 122; ч. 179, май, стр. 1—13; июнь, стр. 60—72; ч. 180, июль, стр. 97—114; ч. 181, сентябрь, стр. 15—33; ч. 182, ноябрь, стр. 17—36; декабрь, стр. 79—95.
2107. Пѣсколько свѣдѣній объ окончательныхъ университетскихъ испытаніяхъ въ комиссіяхъ въ 1889 и 1890 годахъ. — 1891, ч. 276, июль, отд. IV, стр. 23—45.
2108. Свѣдѣнія о состояніи въ 1-му февраля 1891 года каеодръ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго, Кіевскаго, Харьковскаго и Новороссійскаго.—1891, ч. 274, апрѣль, отд. IV, стр. 89—141.

2109. В. Ассомовъ. Очеркъ дѣятельности Императорскаго Александровскаго университета (въ г. Гельсингфорсѣ) за 1875 — 1878 годы.— 1880, ч. 211, октябрь, отд. IV, стр. 53—68.
2110. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавской главной школы въ 1866 году.— 1868, ч. 139, июль, отд. IV, стр. 50—54.
2111. Открытіе Императорскаго Варшавскаго университета — 1869, ч. 145, октябрь, отд. IV, стр. 279—290.
2112. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1871 году.— 1872, ч. 164, декабрь, отд. IV, стр. 115—135.
2113. Обзоръ состоянія и дѣйствій Варшавскаго университета въ 1872 году.— 1873, ч. 166, апрѣль, отд. IV, стр. 117—139.
2114. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1873 году. — 1874, ч. 174, июль, отд. IV, стр. 1—26.
2115. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1874 году.— 1875, ч. 182, ноябрь, отд. IV, стр. 17—32.
2116. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1875 году.— 1876, ч. 187, сентябрь, отд. IV, стр. 43—64.
2117. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1876 г.— 1877, ч. 192, июль, отд. IV, стр. 1—22.
2118. О состояніи и дѣятельности Варшавскаго университета въ 1877 г.— 1878, ч. 197, июнь, отд. IV, стр. 69—89.
2119. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1880 году.— 1881, ч. 217, сентябрь, отд. IV, стр. 1—20.
2120. О состояніи и дѣйствіяхъ Варшавскаго университета въ 1881 году.— 1883, ч. 225, январь, отд. IV, стр. 31—58.
2121. О состояніи и дѣятельности Варшавскаго университета за 1882 годъ.— 1884, ч. 231, январь, отд. IV, стр. 1—17.
2122. О состояніи и дѣятельности Варшавскаго университета въ 1883 году.— 1884, ч. 234, июль, отд. IV, стр. 31—47.
2123. Варшавскій университетъ въ 1883 — 1884 учебномъ году. — 1885, ч. 239, июнь, отд. IV, стр. 47—57.
2124. Варшавскій университетъ въ 1885 году.— 1886, ч. 246, июль, отд. IV, стр. 15—31.
2125. Варшавскій университетъ въ 1885 году. — 1887, ч. 251, май, отд. IV, стр. 21—27.
2126. Варшавскій университетъ въ 1886 году. — 1887, ч. 254, ноябрь, отд. IV, стр. 1—11.
2127. Варшавскій университетъ въ 1887 году.— 1889, ч. 263, июнь, отд. IV, стр. 61—67.
2128. Варшавскій университетъ въ 1888 году. — 1890, ч. 268, мартъ, отд. IV, стр. 1—11.
2129. О безпорядкахъ, произведенныхъ нѣкоторыми студентами Дерптскаго университета передъ квартирою приватъ-доцента Валькера.— 1869, ч. 145, октябрь, отд. IV, стр. 261—262.
2130. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1871 году.— 1872, ч. 164, ноябрь, отд. IV, стр. 58—67.
2131. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1872 году.— 1873, ч. 170, декабрь, отд. IV, стр. 87—97.
2132. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1873 году.— 1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 195—201.
2133. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерпт-

- скаго университета въ 1874 году.— 1876, ч. 183, январь, отд. IV, стр. 18—29.
2134. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1875 году.— 1876, ч. 188, декабрь, отд. IV, стр. 76—89.
2135. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1876 году.— 1877, ч. 193, сентябрь, отд. IV, стр. 119—131.
2136. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1877 году.— 1878, ч. 199, октябрь, отд. IV, стр. 43—57.
2137. О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета за 1878 годъ.— 1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 66—79.
2138. О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета въ 1879 году.— 1880, ч. 209, май, отд. IV, стр. 76—89.
2139. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1880 году.— 1881, ч. 216, июль, отд. IV, стр. 15—27.
2140. О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1881 году.— 1882, ч. 223, октябрь, отд. IV, стр. 86—101.
2141. О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета за 1882 годъ.— 1884, ч. 231, февраль, отд. IV, стр. 57—69.
2142. О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета въ 1883 году.— 1884, ч. 234, августъ, отд. IV, стр. 82—91.
2143. Дерптскій университетъ въ 1884 году.— 1885, ч. 240, августъ, отд. IV, стр. 43—52.
2144. Дерптскій университетъ въ 1885 году.— 1887, ч. 250, мартъ, отд. IV, стр. 21—30.
2145. Дерптскій университетъ въ 1886 году.— 1888, ч. 255, февраль, отд. IV, стр. 71—79.
2146. Дерптскій университетъ въ 1887 году.— 1889, ч. 263, май, отд. IV, стр. 14—20.
2147. Дерптскій университетъ въ 1888 году.— 1889, ч. 266, декабрь, отд. IV, стр. 49—57.
2148. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1871 году.— 1872, ч. 162, августъ, отд. IV, стр. 55—69.
2149. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1872 году.— 1873, ч. 170, ноябрь, отд. IV, стр. 1—17.
2150. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1874 году.— 1875, ч. 182, декабрь, отд. IV, стр. 79—90.
2151. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1875 году.— 1876, ч. 188, отд. IV, декабрь, стр. 62—75.
2152. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1876 г.— 1877, ч. 193, октябрь, отд. IV, стр. 133—146.
2153. О состояніи и дѣятельности Казанскаго университета въ 1877 году.— 1878, ч. 198, июль, отд. IV, стр. 17—32.
2154. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1878 г.— 1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 38—54.
2155. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1879 г.— 1880, ч. 210, августъ, отд. IV, стр. 61—77.
2156. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1880 г.— 1881, ч. 216, августъ, отд. IV, стр. 61—78.
2157. О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1881 го-

- ду.—1882, ч. 222, августъ, отд. IV, стр. 27—49.
- 2158.** О составѣ и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1882 г.—1883, ч. 229, октябрь, отд. IV, стр. 83—99.
- 2159.** Императорскій Казанскій университетъ въ 1883 году. — 1885, ч. 237, январь, отд. IV, стр. 27—39.
- 2160.** Казанскій университетъ въ 1884 году. — 1886, ч. 243, февраль, отд. IV, стр. 78—91.
- 2161.** Казанскій университетъ въ 1885 году.—1886, ч. 248, ноябрь, отд. IV, стр. 1—15.
- 2162.** Казанскій университетъ въ 1886 году. — 1887, ч. 253, октябрь, отд. IV, стр. 38—50.
- 2163.** Казанскій университетъ въ 1887 году.—1889, ч. 261, январь, отд. IV, стр. 38—48.
- 2164.** Казанскій университетъ въ 1888 году.—1889, ч. 265, октябрь, отд. IV, стр. 79—90.
- 2165.** Казанскій университетъ въ 1889 году.—1890, ч. 272, ноябрь, отд. IV, стр. 32—40.
- 2166.** По поводу назначенія отъ министерства нѣкоторыхъ профессоровъ въ университетъ св. Владиміра. — 1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 24—26.
- 2167.** Въ дополненіе къ замѣткѣ о назначеніи отъ министерства нѣкоторыхъ профессоровъ въ университетъ св. Владиміра.—1869, ч. 142, мартъ, отд. IV, стр. 1—5.
- 2168.** Диспутъ приватъ-доцента Драгоманова въ засѣданіи историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра.—1870, ч. 148, мартъ, отд. IV, стр. 3—20.
- 2169.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1871 году.—1872, ч. 163, сентябрь, отд. IV, стр. 75—97.
- 2170.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1872 году. — 1873, ч. 167, июнь, отд. IV, стр. 63—82.
- 2171.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1873 году. — 1874, ч. 173, июнь, отд. IV, стр. 89—98.
- 2172.** О состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1874 году. — 1875, ч. 179, июнь, отд. IV, стр. 60—70.
- 2173.** Свѣдѣнія о числѣ профессоровъ и преподавателей въ университетѣ св. Владиміра за 1865—1875 годы.—1875, ч. 182, декабрь, отд. IV, стр. 90—95.
- 2174.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1875 году. — 1876, ч. 185, июнь, отд. IV, стр. 43—76.
- 2175.** О состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1876 году. — 1877, ч. 191, май, отд. IV, стр. 35—51.
- 2176.** О состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1877 году. — 1878, ч. 197, май, отд. IV, стр. 1—20.
- 2177.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1878 г.—1879, ч. 203, июнь, отд. IV, стр. 230—243.
- 2178.** О состояніи и дѣятельности университета св. Владиміра въ 1879 году.—1880, ч. 209, июнь, отд. IV, стр. 152—171.
- 2179.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1880 году. — 1881, ч. 217, октябрь, отд. IV, стр. 60—67.
- 2180.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1881 году — 1882, ч. 221, июнь, отд. IV, стр. 114—126.
- 2181.** О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1882 го-

- ду.—1883, ч. 228, августъ, отд. IV, стр. 87—100.
2182. О состояніи и дѣятельности университета св. Владимира въ 1883 году.—1884, ч. 233, июнь, отд. IV, стр. 111—123.
2183. Пятидесятилѣтній юбилей Императорскаго университета св. Владимира.—1884, ч. 235, октябрь, отд. IV, стр. 23—31.
2184. Университетъ св. Владимира въ 1884 году. — 1885, ч. 240, июль, отд. IV, стр. 11—23.
2185. Университетъ св. Владимира въ 1885 году. — 1886, ч. 246, августъ, отд. IV, стр. 94—105.
2186. Университетъ св. Владимира въ 1886 году.—1888, ч. 256, апрѣль, отд. IV, стр. 105—114.
2187. Университетъ св. Владимира въ 1887 году.—1889, ч. 263, июнь, отд. IV, стр. 56—61.
2188. Университетъ св. Владимира въ 1888 году. — 1890, ч. 267, январь, отд. IV, стр. 5—12.
2189. О безпорядкахъ, произведенныхъ студентами IV курса медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета.—1869, ч. 146, ноябрь, отд. IV, стр. 111—121.
2190. Д. Гр—въ. Диспутъ г. Струве въ Московскомъ университетѣ. — 1870, ч. 148, мартъ, отд. IV, стр. 95—98.
2191. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1871 году.—1872, ч. 164, ноябрь, отд. IV, стр. 44—58.
2192. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1872 году. — 1873, ч. 169, октябрь, отд. IV, стр. 111—120.
2193. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1873 году.—1874, ч. 175, октябрь, отд. IV, стр. 71—82.
2194. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1874 году.—1875, ч. 180, июль, отд. IV, стр. 97—111.
2195. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1875 году. — 1876, ч. 186, июль, отд. IV, стр. 1—17.
2196. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1876 г. —1877, ч. 191, июнь, отд. IV, стр. 114—131.
2197. О состояніи и дѣятельности Московскаго университета въ 1877 году.—1878, ч. 196, мартъ, отд. IV, стр. 144—164.
2198. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1878 г.—1879, ч. 202, мартъ, отд. IV, стр. 28—57.
2199. О состояніи и дѣятельности Московскаго университета въ 1879 году.—1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 36—59.
2200. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1880 г.—1881, ч. 214, мартъ, отд. IV, стр. 62—87.
2201. О состояніи и дѣятельности Московскаго университета въ 1881 г.—1882, ч. 221, май, отд. IV, стр. 81—104.
2202. О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1882 г.—1883, ч. 228, июль, отд. IV, стр. 34—54.
2203. О состояніи и дѣятельности Московскаго университета въ 1883 году.—1884, ч. 232, апрѣль, отд. IV, стр. 47—67.
2204. Московскій университетъ въ 1884 г.—1885, ч. 238, апрѣль, отд. IV, стр. 115—130.
2205. Московскій университетъ въ 1885 г.—1886, ч. 244, апрѣль, отд. IV, стр. 41—53.
2206. Московскій университетъ въ

- 1886 г.—1887, ч. 251, июнь, отд. IV, стр. 75—88.
- 2207.** Московскій университетъ въ 1887 г.—1888, ч. 259, сентябрь, отд. IV, стр. 10—22.
- 2208.** Московскій университетъ въ 1888 г.—1889, ч. 264, июль, отд. IV, стр. 1—11.
- 2209.** Московскій университетъ въ 1889 г.—1890, ч. 269, июнь, отд. IV, стр. 147—159.
- 2210.** О посѣщеніи Императорскаго Повороссійскаго университета Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и его супругою.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 31—32.
- 2211.** Отчетъ о дѣятельности попечительства о недостаточныхъ студентахъ при Императорскомъ Повороссійскомъ университетѣ.—1871, ч. 154, мартъ, отд. IV, стр. 17—19.
- 2212.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1871 году.—1872, ч. 163, октябрь, отд. IV, стр. 205—216.
- 2213.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1872 году.—1873, ч. 167, май, отд. IV, стр. 1—13, ч. 169, сентябрь, стр. 19—29.
- 2214.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1873 году.—1874, ч. 172, апрѣль, отд. IV, стр. 39—48.
- 2215.** О состояніи и дѣятельности Повороссійскаго университета въ 1874 году.—1875, ч. 179, май, отд. IV, стр. 1—8.
- 2216.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1875 году.—1877, ч. 189, январь, отд. IV, стр. 26—34.
- 2217.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1876 году.—1877, ч. 192, августъ, отд. IV, стр. 54—61.
- 2218.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1877 году.—1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, стр. 30—39.
- 2219.** О состояніи и дѣятельности Повороссійскаго университета въ 1878 году.—1880, ч. 207, январь, отд. IV, стр. 17—29.
- 2220.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1879 году.—1880, ч. 211, октябрь, отд. IV, стр. 90—96.
- 2221.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1880 году.—1881, ч. 218, декабрь, отд. IV, стр. 68—75.
- 2222.** О состояніи и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1881 году.—1882, ч. 222, июль, отд. IV, стр. 7—17.
- 2223.** О составѣ и дѣйствіяхъ Повороссійскаго университета въ 1882 году.—1883, ч. 230, ноябрь, отд. IV, стр. 40—49.
- 2224.** Повороссійскій университетъ въ 1884 году.—1886, ч. 244, мартъ, отд. IV, стр. 16—23.
- 2225.** Повороссійскій университетъ въ 1886 году.—1888, ч. 257, май, отд. IV, стр. 1—10.
- 2226.** Повороссійскій университетъ въ 1887 году.—1889, ч. 263, май, отд. IV, стр. 20—24.
- 2227.** Повороссійскій университетъ въ 1888 году.—1890, ч. 268, апрѣль, отд. IV, стр. 54—58.
- 2228.** Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго С.-Петербургскаго университета.—1869, ч. 141, февраль, отд. IV, стр. 189—217.
- 2229.** О безпорядкахъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. IV, стр. 93—105.
- 2230.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1871 году.—1872, ч. 161, май, отд. IV, стр. 11—35.

- 2231.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1872 году.—1873, ч. 163, августъ, отд. IV, стр. 49—71, ч. 169, сентябрь, стр. 17—19.
- 2232.** О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1873 году.—1874, ч. 175, сентябрь, отд. IV, стр. 41—56.
- 2233.** О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1874 году. — 1875, ч. 178, апрѣль, отд. IV, стр. 103—122.
- 2234.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1875 году. — 1876, ч. 185, май, отд. IV, стр. 24—43.
- 2235.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1876 году.—1877, ч. 190, апрѣль, отд. IV, стр. 116—135.
- 2236.** О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1877 году. — 1878, ч. 196, апрѣль, отд. IV, стр. 263—283.
- 2237.** О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1878 году. — 1879, ч. 202, апрѣль, отд. IV, стр. 69—89.
- 2238.** О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1879 году. — 1880, ч. 208, апрѣль, отд. IV, стр. 118—140.
- 2239.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1880 году.—1881, ч. 214, апрѣль, отд. IV, стр. 205—227.
- 2240.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1881 году.—1882, ч. 220, апрѣль, отд. IV, стр. 126—146.
- 2241.** Коллегія Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденная С. С. Поляковымъ.—1882, ч. 224, ноябрь, отд. IV, стр. 41—51.
- 2242.** О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета за 1882 годъ. — 1883, ч. 227, май, отд. IV, стр. 23—41.
- 2243.** О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1883 году.—1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 48—66.
- 2244.** С.-Петербургскій университетъ въ 1884 году. — 1885, ч. 239, май, отд. IV, стр. 17—32.
- 2245.** С.-Петербургскій университетъ въ 1885 году. — 1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 40—57.
- 2246.** С.-Петербургскій университетъ въ 1886 году. — 1887, ч. 252, июль, отд. IV, стр. 16—30.
- 2247.** С.-Петербургскій университетъ въ 1887 году.—1888, ч. 259, октябрь, отд. IV, стр. 57—66.
- 2248.** С.-Петербургскій университетъ въ 1888 году. — 1889, ч. 265, сентябрь, отд. IV, стр. 5—15.
- 2249.** С.-Петербургскій университетъ въ 1889 году.—1890, ч. 270, августъ, отд. IV, стр. 47—57.
- 2250.** Императорскій Томскій университетъ въ 1889 году. — 1890, ч. 271, сентябрь, отд. IV, стр. 1—8.
- 2251.** Пріемъ г. министромъ народнаго просвѣщенія гг. профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета. — 1870, ч. 151, октябрь, отд. IV, стр. 135.
- 2252.** О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1871 г.—1872, ч. 162, июль, отд. IV, стр. 1—19, августъ, стр. 69—72.
- 2253.** О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1872 г.—1873, ч. 169, сентябрь, отд. IV, стр. 1—17.
- 2254.** О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1873 г.—1874, ч. 176, ноябрь, отд. IV, стр. 35—52.
- 2255.** О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1874 г.—

- 1875, ч. 181, сентябрь, отд. IV, стр. 15—33.
2256. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1875 г.—1876, ч. 187, октябрь, отд. IV, стр. 179—196.
2257. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1876 г.—1877, ч. 194, ноябрь, отд. IV, стр. 23—41.
2258. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1877 г.—1878, ч. 199, сентябрь, отд. IV, стр. 1—28.
2259. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1878 г.—1879, ч. 206, декабрь, отд. IV, стр. 55—99.
2260. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1879 г.—1880, ч. 211, сентябрь, отд. IV, стр. 26—52.
2261. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1880 г.—1881, ч. 217, октябрь, отд. IV, стр. 37—59.
2262. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1881 г.—1882, ч. 224, ноябрь, отд. IV, стр. 19—40.
2263. О составѣ и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета за 1882 г.—1883, ч. 230, декабрь, отд. IV, стр. 66—80.
2264. О состояніи и дѣятельности Харьковскаго университета въ 1883 году.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 109—120.
2265. Харьковскій университетъ въ 1884 году. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 139—153.
2266. Харьковскій университетъ въ 1885 году. — 1886, ч. 248, декабрь, отд. IV, стр. 57—70.
2267. Харьковскій университетъ въ 1886 году. — 1888, ч. 255, январь, отд. IV, стр. 1—13.
2268. Харьковскій университетъ въ 1887 году. — 1889, ч. 269, апрѣль, отд. IV, стр. 20—30.
2269. Предположеніе относительно учрежденія Филологическаго института въ С.-Петербургѣ.—1867, ч. 134, апрѣль, отд. III, стр. 61—74.
2270. Открытіе Императорскаго Историко-филологическаго института.—1867, ч. 136, ноябрь, отд. III, стр. 216—251.
2271. Императорскій Историко-филологическій институтъ.—1868, ч. 139, июль, отд. II, стр. 51—57.
2272. О состояніи и дѣйствіяхъ Историко-филологическаго института въ 1868—1869 учебномъ году.—1869, ч. 146, ноябрь, отд. IV, стр. 19—22.
2273. Празднованіе перваго выпуска студентовъ Императорскаго Историко-филологическаго института.—1871, ч. 155, июнь, отд. IV, стр. 135—165.
2274. Второй выпускъ окончившихъ курсъ въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ.—1872, ч. 162, августъ, отд. IV, стр. 37—54.
2275. Императорскій Историко-филологическій институтъ въ 1872—1873 учебномъ году. — 1873, ч. 168, августъ, отд. IV, стр. 71—87.
2276. Адресъ Императорскаго Историко-филологическаго института И. Д. Делянову.—1874, ч. 172, мартъ, отд. IV, стр. 24—26.
2277. О состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Историко-филологическаго института въ 1873—1874 г.—1874, ч. 174, августъ, отд. IV, стр. 41—53.
2278. О состояніи и дѣйствіяхъ Историко-филологическаго института въ 1874—1875 учебномъ году.—1875, ч. 180, августъ, отд. IV, стр. 141—162.
2279. А. Знаменскій. Рѣчь на актѣ

- Императорскаго Историко-филологическаго института 6-го июня 1875 года.—1875, ч. 180, августъ, отд. IV, стр. 153—157.
2280. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ.—1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 91—93.
2281. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1876 году.—1878, ч. 195, январь, отд. IV, стр. 58—62.
2282. Протоіерей Знаменскій. Рѣчь произнесенная студентамъ 8-го выпуска Императорскаго Историко-филологическаго института на выпускномъ актѣ 3-го июня 1878 г.—1878, ч. 198, июль, отд. IV, стр. 1—4.
2283. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1877—1878 учебномъ году.—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 195—207.
2284. О состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института въ 1878—1879 учебномъ году.—1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 132—141.
2285. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1879 году.—1880, ч. 212, декабрь, отд. IV, стр. 66—76.
2286. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1881 году.—1882, ч. 223, сентябрь, отд. IV, стр. 22—30.
2287. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1882—1883 учебномъ году.—1883, ч. 229, сентябрь, отд. IV, стр. 24—36.
2288. Императорскій Историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ въ 1883—1884 учебномъ году.—1884, ч. 234, августъ, отд. IV, стр. 92—104.
2289. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1884—1885 учебномъ году.—1885, ч. 240, июль, отд. IV, стр. 1—11.
2290. С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1885—1886 учебномъ году.—1886, ч. 246, июль, отд. IV, стр. 31—38.
2291. С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1887—1888 учебномъ году.—1888, ч. 258, августъ, отд. IV, стр. 70—78.
2292. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году.—1889, ч. 264, августъ, отд. IV, стр. 41—53.
2293. Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1890—1891 г.—1891, ч. 277, сентябрь, отд. IV, стр. 1—12.
2294. Лицей князя Безбородко въ Пѣжинѣ въ 1872 году.—1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 4—6.
2295. Открытіе Историко-филологическаго института князя Безбородко.—1875, ч. 182, ноябрь, отд. IV, стр. 1—16.
2296. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Пѣжинѣ.—1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 93—95.
2297. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Пѣжинѣ въ 1876 г.—1878, ч. 195, январь, отд. IV, стр. 63—67.
2298. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Пѣжинѣ въ 1872 г.—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 207—212.
2299. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Пѣжинѣ въ 1879 г.—1880, ч. 212, декабрь, отд. IV, стр. 76—80.
2300. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Пѣ-

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ОБЩЕСТВО АККЛИМАТИЗАЦІИ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

Флористическое общество.

Императорское Русское Общество Акклиматизации Животныхъ и Растеній, преслѣдуя намѣченныя имъ цѣли по акклиматизации растеній, учредило флористическое отдѣленіе.

Причины, побудившія Общество къ учрежденію вышеупомянутаго Отдѣленія, слѣдующія:

1) Знаніе отечественной флоры, которое представляетъ серьезное пособие для разрѣшенія многихъ акклиматизаціонныхъ вопросовъ растительной культуры.

2) Отсутствие органа, который объединялъ-бы флористическія изслѣдованія, сводилъ-бы во едино добытыя путемъ мѣстныхъ наблюденій данныя и былъ бы руководительнымъ и провѣрочнымъ авторитетомъ въ обширной области практической ботаники.

3) Весьма ощутительный недостатокъ въ изданіи русской флоры—*Flora Rossica*, къ чему отдѣленіе приступить, конечно, только тогда, когда его силы окрѣпнуть и когда разовьются его средства.

4) Накопецъ, прикладная ботаника, которая получить, благодаря такому учрежденію, твердую почву для разработки и разрѣшенія массы вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе для нашего сельскаго хозяйства, нашей промышленности, садоводства и плодоводства, часто не двигающихся впередъ только потому, что не достаетъ у насъ такой научной почвы.

Надо надѣяться, что эти задачи какъ нельзя болѣе будутъ отвѣчать цѣлямъ и назначенію Общества Акклиматизации.

Изученіе отечественной природы, составляющее безспорно самую первоначальную потребность каждой образованной страны, далеко не доведено еще въ Россіи до удовлетворительнаго состоянія, и русской наукѣ предстоитъ въ этомъ отношеніи еще много труда и заботъ. Между другими задачами, ожидающими рѣшенія, особое вниманіе обращаетъ на себя отсутствіе въ нашей ученой литературѣ удовлетворительныхъ свѣдѣній о растительности Россіи, флора которой, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, очень мало и даже вовсе не изучена. Главнымъ препятствіемъ къ пополненію этихъ свѣдѣній служитъ недостатокъ въ матеріалѣ, то-есть коллекціяхъ высушенныхъ растеній, собранныхъ по возможности на всемъ протяженіи не изслѣдованныхъ губерній. Само собою разумѣется, что этотъ недостатокъ не можетъ быть скоро устраненъ, если весь трудъ будетъ представленъ нашимъ немногочисленнымъ специалистамъ-ботаникамъ. Но собраніе матеріала есть дѣло общедоступное и не требующее специальныхъ познаній, такъ что каждый желающій можетъ принять въ немъ дѣятельное участіе и принести существенную пользу; поэтому успѣхъ

изслѣдованія зависить отъ сочувствія къ этому дѣлу и отъ доброй воли всего образованнаго населенія изучаемой области. Если даже въ западной Европѣ, гдѣ ученыхъ несравненно больше, а изслѣдуемая пространства меньше, чѣмъ у насъ, обстоятельная разработка мѣстныхъ флоръ возможна не иначе, какъ при помощи всѣхъ сословіи и классовъ населенія, то у насъ подобное содѣйствіе общества является еще болѣе необходимымъ.

Успѣхъ предпріятія будетъ вполне зависѣть отъ тѣхъ, кто отзовется на настоящее приглашеніе и пожелаетъ взять на себя наиболѣе существенную часть труда, именно собираніе коллекцій мѣстныхъ растений. Собираніе растений,—дѣло самое важное для предполагаемой цѣли, такъ какъ имъ обезпечивается при большомъ числѣ сотрудниковъ пріобрѣтеніе существенно необходимаго научнаго матеріала,—естъ въ тоже время дѣло самое простое общедоступное; оно не требуетъ ни какихъ либо затратъ, ни особаго искусства или опытности; этимъ дѣломъ могутъ съ полнымъ успѣхомъ заниматься даже дѣти и вообще всѣ лица, имѣющія въ лѣтнее время нѣкоторый досугъ. Желаящимъ предлагаются замѣтки о собираніи и сохраненіи растений, какъ руководство для лицъ, которыя никогда не занимались гербаризированіемъ, и которыя пожелали бы собрать полную коллекцію мѣстныхъ растений. Этимъ замѣткамъ не должно, впрочемъ, придавать какого либо обязательнаго значенія: не бѣда, если указанныя правила не будутъ строго соблюдаемы, если, на примѣръ, растеніе будетъ не совсѣмъ полное, или будетъ засушено невяжацио и т. п. Для предполагаемыхъ изслѣдованій всего важнѣе обиліе матеріала, и потому, безъ сомнѣнія, особенно желательны полныя гербаріи, но и небольшія коллекціи, даже немногія отдѣльныя растенія, почему либо обратившія на себя вниманіе наблюдателя, могутъ имѣть весьма важное значеніе.

У многихъ любителей могутъ оказаться уже готовые, прежде собранныя гербаріи, которые болѣею частью пропадаютъ безъ всякой пользы. Всѣхъ, имѣющихъ такія коллекціи, покорнѣйше просятъ высылать ихъ на короткое время для просмотра съ рачительствомъ за полную сохранность и съ обязательствомъ (по желанію владѣльцевъ) сдѣлать тщательныя опредѣленія растений.

Лица, не имѣющія возможности или желанія заняться собираніемъ растений, могутъ оказать существенное содѣйствіе изслѣдованію русской флоры, распространяя между своими знакомыми мысль о пользѣ и общедоступности предлагаемаго дѣла. Такимъ образомъ, впродолженіе немногихъ лѣтъ, безъ особыхъ усилій, часто не безъ удовольствія и не безъ пользы для трудящихся, можетъ быть приведено къ концу весьма важное и полезное научное предпріятіе.

Собранные въ теченіе лѣта матеріалы покорнѣйше просятъ переслать осенью въ Москву по слѣдующему адресу:

Политехническій музей. Въ ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Общество Акклиматизаціи Животныхъ и Растеній, секретарю флористическаго отдѣленія.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книги посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. 1893 г. Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ въ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и выѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и выѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

•ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ•.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 35 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогиче- и науки, критики и библиографіи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ спосредствѣ съ Редакціею, приобретать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прешіе годы по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

18,

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІІІ.

1894.

І Ю Н Ъ .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	37
С. О. Ольденбургъ. Очерки преподаванія восточныхъ языковъ во Франціи, Англіи и Германіи	255
В. И. Курдиновскій. Профессоръ Пунштартъ и наука гражданского права въ Германіи	276
В. П. Вузоскулъ. Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля, какъ источникъ для исторіи афинской демократіи до конца V вѣка до Р. Хр.	329
Д. М. Позднѣевъ. Вопросы древней исторіи Китая	374
С. Богоявленскій. Къ вопросу о столахъ Разряднаго приказа	401

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Д. Путья. С. И. Шохоръ-Троикій. Цѣль и средства преподаванія высшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. С.-Пб. 1892.	414
А. И. Соболевскій. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893.	425
А. Г. Гусаковъ. П. Е. Соколовскій. Исслѣдованія въ области права товарищества. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. Кіевъ. 1893	435
— Книжныя новости	452
А. Д. Вейсманъ. По поводу вопроса о приготовленіи учителей гимназій	11

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1893 году	47
А. И. Залѣвскій. Географическая секція IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ	74
Л. Д—ръ. Письмо изъ Парнжа	91

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Латышевъ. Къ исторіи Восторскаго царства	81
Н. Н. Ланге. „Первая Аналитика“ Аристотеля (окончаніе)	88
П. И. Холодникъ. Эпиграфическія замѣтки	109
И. И. Х—къ. Пустозвонъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта	113

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ	146
--	-----

За редактора С. Платоновъ.

(Вышла 1-го іюня).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІІІ.

1894.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (10-го марта 1894 года). *Объ опредѣленіи врача при Гольдингенскомъ еврейскомъ казенномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 10-й день марта 1894 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе при Гольдингенскомъ еврейскомъ казенномъ училищѣ врача безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

7. (14-го марта 1894 года). *Объ учрежденіи въ г. Москвѣ промышленнаго училища и объ утвержденіи штата означеннаго училища.*

Его Императорское Величество вослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Москвѣ промышленнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Москвѣ промышленнаго училища, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить въ городѣ Москвѣ среднее техническое училище съ механическою и химическою спеціальностями и въ соединеніи съ пятью классами реальнаго училища, съ тѣмъ, чтобы открытіе означеннаго училища послѣдовало послѣ устройства Московскою городскою думою необходимаго для него помѣщенія, а также мастерскихъ и оборудованія оныхъ.

II. Проектъ штата Московскаго промышленнаго училища (отд. I) представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. Предоставить Московской городской думѣ право содержать въ Московскомъ промышленномъ училищѣ сто бесплатныхъ учениковъ.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, испрашивать въ первые годы существованія Московскаго промышленнаго училища, впредь до сформированія его въ полномъ составѣ классовъ и мастерскихъ, отпускъ изъ государственнаго казначейства необходимыхъ на содержаніе онаго кредитовъ, сообразно дѣйствительной надобности, а затѣмъ вносить въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія всю сумму, исчисленную въ штатѣ училища (отд. II).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукой написано:
 Въ С.-Петербургѣ. *„Быть по сему“.*

14-го марта 1894 года.

Ш Т А Т Ъ

Московского промышленнаго училища.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у .			Всего.	По должно-сти.	По шитью на мундирѣ.	По пенсим.
		Мало-ванья.	Столо-выхъ.	Квартер-ныхъ.				
Директору	1	2160	1440	Натурою.	3600	V	V	По учебной службѣ.
Инспектору	1	720	480	Натурою.	1200	VI	VI	
Одному изъ преподавателей добавочнаго содержанія за исполненіе обязанностей инспектора	—	—	—	Натурою.	750			
Завѣдывающему учебною частью одного изъ техническихъ отдѣленій	—	—	—	—	600			
Законоучителю	1	—	—	—	1390	VIII	VIII	
Учителямъ за уроки: техническихъ отдѣленій.	—	—	—	—	17310			
реального училища	—	—	—	—	8808			
Руководителямъ практическихъ работъ техническихъ классовъ	—	—	—	—	4878			
За приготовленіе опытовъ по естественной исторіи и физикѣ	—	—	—	—	960			
Преподавателю чистописанія	—	—	—	—	240	IX	IX	VII
За преподаваніе гимнастики и пѣнія	—	—	—	—	500			

Класснымъ наставникамъ	3	—	—	—	480			
Ихъ помощникамъ . . .	2	300	—	натурою.	600	X	X	} По учеб- ной службѣ.
Надзирателю техниче- скихъ классовъ . . .	1	480	240	натурою.	720	VIII	VIII	
Секретарю совѣта и биб- ліотекарю общеобра- зовательныхъ классовъ	—	—	—	—	240			
Секретарю совѣта и биб- ліотекарю техниче- скихъ классовъ . . .	—	—	—	—	720			
Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ)	1	540	360	натурою.	900	IX	IX	VII
Его помощнику	1	240	160	—	400	X	X	VIII
Врачу	1	—	—	—	700	VIII	VIII	По меди- цинской службѣ.
На учебныя пособія . .	—	—	—	—	2140			
На матеріалы и инстру- менты	—	—	—	—	2100			
На наемъ машиниста, кузнеца, подмастерь- евъ и на лѣтнія занятія учениковъ	—	—	—	—	5400			
На канцелярскіе рас- ходы	—	—	—	—	525			
На наемъ прислуги . . .	—	—	—	—	2100			
На содержаніе дома . .	—	—	—	—	6500			
Итого	—	—	—	—	63761			

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(1-го мая 1894 года). *Утверждены* почетными попечителями на три года: гимназій: Аренбургской—эзельскій ландратъ фонъ-*Цюръ-Мюленъ* и Пензенской первой—мокшанскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассессоръ князь *Друцкой-Соколинскій*, реальныхъ училищъ: Калужскаго—калужскій губернскій предводитель дворянства, тайный совѣтникъ *Яновскій* и Воронежскаго—воронежскій губернскій предводитель дворянства, въ должности гофмейстера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Веневаитиновъ*.

Зачтенъ въ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью приватъ-доценту Императорскаго Харьковскаго университета, надворному совѣтнику *Земацкому*—разрѣшенный ему заграничный отпускъ на два мѣсяца.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью, приватъ-доценту Императорскаго университета св. Владимира, *Челанову*—по 20-е августа 1894 года.

Командированы съ ученою цѣлью: а) въ Россіи и за границу: помощникъ директора Варшавскаго ветеринарнаго института *Захаровъ*—съ 1-го іюня по 15-е августа 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Коротневъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Любовичъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и десять дней, и исправляющій должность ординарнаго профессора того же университета *Вяховъ*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1894 года, и б) за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Лазорю*—съ 20-го іюля по 15-е сентября 1894 года; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бейльштейнъ*—на іюль и августъ мѣсяцы 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бьялевъ*—съ 1-го іюня по 15-е августа 1894 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Курловъ*—съ 1-го іюля по 15-е сентября 1894 года; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Павинскій* и св. Владимира, статскіе совѣтники: *Шиллеръ*, *Сусловъ* и

Букрневъ, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, протоіерей *Дьячанъ*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, коллежскій совѣтникъ *Введенскій*, Варшавскаго—*Новосадскій* и коллежскій ассессоръ *Щербакъ* и св. Владимира, коллежскіе совѣтники: *Покровскій* и *де-Метцъ*, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ *Васильевъ*, привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Стрѣльцовъ* и сверхштатный ординаторъ при госпитальной хирургической клиникѣ того же университета, лекарь *Ликовскій*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. дѣйствительный статскій совѣтникъ *Струевъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 года и десять дней; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, заслуженный, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Герье* и Варшавскаго *Вержбовскій*—съ 20-го мая по 20-е августа 1894 года; привать-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: *Форстенъ* и *Ланге*—съ 1-го іюня по 1-е сентября и св. Владимира, *Воскресенскій*—съ 1-го іюля по 1-е октября 1894 года, привать-доценты Императорскихъ университетовъ С.-Петербургскаго *Гревсъ* и Харьковскаго *Чуевскій*—съ 15-го мая по 1-е сентября 1894 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій ассессоръ *Поповскій*—съ 10-го мая по 1-е сентября 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Гротъ*—по 20-е августа 1894 г.; попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ графъ *Капнистъ* (Выс. пов. 28-го апрѣля 1894 г.) и директоръ Московской пятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шварцъ*—на четыре мѣсяца; привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины *Богдановъ* и доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Малышевъ*—съ 1-го мая по 1-е сентября 1894 года; ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, надворный совѣтникъ *Репревъ*—съ 10-го мая по 10-е сентября и исправляющій должность прозектора сего университета *Кулябко*—съ 15-го мая по 15-е сентября 1894 г.; сверхштатный ординаторъ при госпитальной хирургической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, лекарь *Вильма*—по 1-е сентября 1894 г., съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяць; привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Габричевскій*—по 20-е октября

1894 г., съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяць; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миллеръ*—съ 1-го іюня 1894 г. по 1-е января 1895 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, инженеръ-технологъ *Россикинъ*—на одинъ годъ, съ 1-го мая 1894 г.; магистръ Императорскаго Юрьевскаго университета *Придикъ* и кандидатъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Стамеровъ*—на два года, первый—съ 1-го іюля 1894 г.

Продолженъ срокъ отпуска за границу, оставленному за штатомъ, бывшему доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, титулярному совѣтнику *Ростовцеву*—по 17-е апрѣля 1895 г.

Уволенъ въ отпускъ за границу приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ славянской филологіи *Лавровъ*—по 1-е сентября 1894 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (19-го февраля 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени Ивана Ларіонова при Рижскомъ реальномъ училищѣ Императора Петра I.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго врачомъ Рижскаго военнаго госпиталя Михаиломъ Ивановичемъ Ларіоновымъ, учреждается при Рижскомъ реальномъ училищѣ Императора Петра I стипендія имени сына жертвователя, Ивана Ларіонова, бывшаго ученика этого училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пятипроцентныхъ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка составляетъ собственность Рижскаго реального училища Императора Петра I и хранится въ числѣ его специальныхъ средствъ въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ закладныхъ листовъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, хозяйственный комитетъ училища пріобрѣтаетъ вмѣсто нихъ немедленно новыя соотвѣтствующія

щей цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5%, сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются стипендіату директоромъ училища по полугодно впередъ въ январѣ и августѣ.

§ 5. Если вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, или по какой-либо другой причинѣ проценты останутся невыданными, то они присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по мѣрѣ возможности, немедленно обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 6. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища изъ недостаточныхъ по матеріальнымъ средствамъ учениковъ вышеозначеннаго училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ преимущество предъ всѣми другими отдается прежде всего сыну русскаго врача православнаго вѣроисповѣданія, а затѣмъ, въ случаѣ неимѣнія такового въ училищѣ, ученику православнаго вѣроисповѣданія.

§ 7. Выдача стипендіи прекращается, во первыхъ, при оставленіи стипендіатомъ училища, и во вторыхъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта за плохое поведеніе, а также за малоуспѣшность; если же послѣдняя произошла отъ продолжительной болѣзни или по другимъ какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, то отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ сохранить за нимъ право на полученіе стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія училища стипендія передается въ одно изъ русскихъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго учебнаго округа типа реальныхъ училищъ по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, съ сохраненіемъ въ положеніи ея пункта 6 настоящаго положенія.

11. (11-го марта 1894 года). *Положеніе о денежныхъ пособіяхъ имени бывшаго Московскаго юродскаго юлова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергія Михайловича Третьякова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ рублей, за вѣщаннаго Императорскому Московскому университету бывшимъ Мос-

ковскимъ городскимъ головою дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Третьяковымъ, учреждаются при названномъ университетѣ единовременныя денежныя пособія имени завѣщателя.

§ 2. Учрежденіе таковыхъ пособій имѣетъ въ виду освобожденіе студентовъ недостаточнаго состоянія и православнаго вѣроисповѣданія отъ взноса платы за слушаніе лекцій въ университетѣ.

§ 3. Размѣръ пособій опредѣляется размѣромъ платы, вносимой студентами за слушаніе лекцій въ доходъ казны и въ гонораръ профессорамъ.

§ 4. Число студентовъ, могущихъ пользоваться пособіями, зависитъ отъ количества процентныхъ денегъ съ вышеназваннаго капитала.

§ 5. Назначеніе пособій и избраніе кандидатовъ на эти пособія производится въ правленіи университета, во всемъ согласно съ общими правилами назначенія стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки процентныхъ денегъ должны быть причисляемы къ основному капиталу, для увеличенія, съ теченіемъ времени, числа пособій.

§ 7. Пользованіе пособіями не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

12. (12-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имени Пензенскаго уѣзднаго гласнаго Льва Васильевича Послова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 14.300 рублей, пожертвованнаго Пензенскому уѣздному земству покойнымъ уѣзднымъ гласнымъ Л. В. Пословымъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи по 300 рублей въ годъ каждая.

§ 2. Стипендіи эти именуется стипендіями имени Пензенскаго уѣднаго гласнаго Льва Васильевича Послова.

§ 3. Стипендіи выдаются бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ по успѣхамъ студентамъ изъ окончившихъ курсъ въ Пензенскихъ гимназіяхъ, безъ различія сословій, поступающимъ или состоящимъ на медицинскомъ факультетѣ и естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета.

§ 4. Выборъ стипендіата принадлежитъ Пензенскому уѣздному земскому собранію, посредствомъ закрытой баллотировки шарами.

§ 5. Стипендіать, по одобренію университетскаго начальства, пользуется стипендіею до окончанія курса въ университетѣ.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности, засвидѣтельствованной университетскимъ начальствомъ, и если стипендіать остается на повторительный курсъ болѣе одного раза въ теченіи университетскаго курса безъ особо-уважительныхъ причинъ, онъ можетъ быть лишенъ стипендіи постановленіемъ того же земскаго собранія.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ неизмѣнія достойныхъ кандидатовъ на стипендіи въ Московскомъ университетѣ, по ходатайству Пензенскаго уѣзднаго земскаго собранія, стипендіи могутъ быть переведены въ другой университетъ, а равно и въ другія высшія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

13. (16-го марта 1894 года). *Положеніе о преміи имени бывшаго заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Юлія Эдуардовича Янсона для студентовъ того же университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 840 рублей 48 коп., представленнаго ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета П. И. Георгіевскимъ, учреждается при семъ университетѣ для студентовъ университета денежная премія имени бывшаго заслуженнаго профессора университета Юлія Эдуардовича Янсона.

§ 2. Темы на преміи избираются каждый разъ юридическимъ факультетомъ университета изъ трехъ темъ по статистикѣ Россіи, представляемыхъ профессоромъ, занимающимъ въ университетѣ кафедру политической экономіи и статистики, при чемъ профессоромъ Георгіевскимъ сохраняется пожизненное право предложенія темъ факультету.

§ 3. Объявленіе темъ и присужденіе премій производятся чрезъ каждые три года на торжественномъ актовомъ собраніи профессоровъ университета въ годовщину дня основанія университета.

§ 4. Размѣръ преміи опредѣляется въ сто рублей.

§ 5. Могущіе по какимъ либо причинамъ оказаться остатки отъ процентовъ съ основнаго фонда, равно какъ не присужденныя въ какія либо трехлѣтія преміи должны быть присоединяемы къ основному капиталу, для увеличенія, съ теченіемъ времени, размѣра преміи на счетъ процентовъ съ увеличившагося капитала.

14. (27-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Ѳедоровича Агаркова при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго Новороссійскому университету потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Агарковымъ и заключающагося въ билетѣ Одесской конторы государственнаго банка отъ 8-го марта 1894 года за № 4147, учреждается при названномъ университетѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендія должна быть предоставляема одному изъ студентовъ Новороссійскаго университета изъ числа бѣднѣйшихъ родственниковъ жертвователя, по указанію жертвователя и съ согласія правленія университета. Въ случаѣ отсутствія въ университетѣ студентовъ-родственниковъ жертвователя, стипендія назначается правленіемъ университета, по соглашенію съ жертвователемъ, одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ университета, по происхожденію принадлежащихъ къ личнымъ или потомственнымъ почетнымъ гражданамъ, къ числу лицъ изъ духовнаго званія, крестьянамъ или мѣщанамъ.

§ 3. Болѣзнь или малоуспѣшность стипендіата, воспрепятствовавшая ему перейти въ число студентовъ старшихъ семестровъ, не должны служить поводами къ лишенію его стипендіи, если только по своимъ нравственнымъ качествамъ и поведенію стипендіатъ будетъ заслуживать поддержки.

§ 4. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала.

§ 5. Могущіе по какимъ либо причинамъ образоваться остатки отъ стипендіи должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи на счетъ процентовъ съ увеличившагося такимъ образомъ капитала.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (28-го марта 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени титулярнаго совѣтника Петра Яковлевича Улановскаго при Гродненской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Петромъ Яковлевичемъ Улановскимъ капитала, составившаго, по обращеніи его въ процентныя бумаги, семь тысячъ семьсотъ рублей, учреждается при Гродненской мужской гимназій одна стипендія имени завѣщателя, размѣромъ въ двѣсти пятьдесятъ рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ, хранится въ специальныхъ средствахъ Гродненской гимназій и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ закрытія Гродненской мужской гимназій, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Гродненской губерніи, по усмотрѣнію попечителя округа.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 г., назначаются стипендіату со дня его избранія и выдаются по полугодно на руки родителямъ его, или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 5. Стипендія предоставляется ученику Гродненской мужской гимназій бѣднаго состоянія, изъ уроженцевъ Гродненской губерніи, римско-католическаго исповѣданія. Первенство въ пользованіи стипендіею предоставляется родственникамъ завѣщателя.

§ 6. Выборъ и назначеніе стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій, который, въ случаѣ появленія нѣсколькихъ кандидатовъ, назначаетъ стипендію лучшему изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію.

§ 7. Стипендіатъ малоуспѣвающій или неодобрительнаго поведенія лишается стипендіи.

§ 8. Если малоуспѣшность стипендіата произошла отъ болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ сохранить за нимъ право полученія стипендіи и въ томъ случаѣ, если стипендіатъ будетъ оставленъ на второй годъ въ томъ же классѣ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 10. Оставшіяся отъ покупки процентныхъ бумагъ наличныя деньги—шестьдесятъ шесть рублей двадцать восемь копѣекъ, а равно могуція образоваться почему-либо сбереженія отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу для образованія новой стипендіи въ размѣрѣ ста руб., выдаваемой на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первая стипендія.

§ 11. Объ открывшейся стипендіатской вакансіи дѣлается публикація посредствомъ объявленія въ мѣстныхъ газетахъ, на счетъ стипендіальной суммы.

§ 12. Всѣ недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть при примѣненіи §§ 5, 6 и 7 настоящаго положенія, разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

16. (3-го апрѣля 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго советника Альфонса Фомича Поклевскаго-Козелля, при одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, Петербурскаго, Московскаго, Харьковскаго или Варшавскаго учебныхъ округовъ, вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія, а также при медицинскомъ факультетѣ одного изъ университетовъ или при Императорской военно-медицинской академіи вѣдомства военнаго министерства.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, собраннаго служащими по дѣламъ Поклевскаго-Козелля и заключающагося въ 5% банковомъ билетѣ за № 4632 въ пять тысячъ рублей, въ двухъ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа за №№ 13556 и 140167 по тысячѣ рублей каждая и въ одной облигаціи 3-го восточнаго займа за № 73160 въ тысячу рублей, на нарицательную сумму восемь тысячъ рублей, учреждается при министерствѣ народнаго просвѣщенія стипендія для лица, обучающагося въ одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній Петербурскаго, Московскаго, Харьковскаго или Варшавскаго учебныхъ округовъ вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія, и для обучающагося на медицинскомъ факультетѣ одного изъ университетовъ или для обучающагося на первыхъ двухъ курсахъ Императорской военно-медицинской академіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, переданный въ вѣдѣніе министер-

ства народнаго просвѣщенія, хранится въ главномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммъ: 1) казначействомъ: подлежащей поступленію въ казну, согласно закону 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, и 2) высшимъ учебнымъ заведеніемъ платы за слушаніе лекцій, выдаются помѣсячно стипендіату.

Примѣчаніе. Размѣръ стипендій, въ виду различія существующей въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи платы, а также въ виду возможности быть конверсїи тѣхъ бумагъ, на счетъ которыхъ учреждается нынѣ стипендія, положеніемъ не опредѣляется.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ сыновей или родственниковъ лицъ, служащихъ или служившихъ по дѣламъ Поклевскихъ. По прекращеніи дѣлъ Поклевскихъ и при неимѣніи лицъ изъ сыновей и родственниковъ служащихъ или служившихъ по дѣламъ Поклевскихъ, въ стипендіаты должны быть избираемы уроженцы послѣдовательно слѣдующихъ губерній: Пермской, Тобольской и Вятской.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ, до тѣхъ поръ, пока существуютъ дѣла Поклевскихъ, распорядителю дѣлами Поклевскаго-Козелля и тремъ лицамъ, избраннымъ изъ служащихъ по дѣламъ Поклевскаго-Козелля, по соглашенію съ начальствомъ того высшаго учебнаго заведенія, въ которое поступить стипендіатъ, а въ случаѣ прекращенія дѣлъ Поклевскихъ, самому учебному начальству высшаго учебнаго заведенія, согласно дѣйствующимъ въ томъ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи правиламъ, но по предварительномъ сношеніи, въ случаѣ надобности, съ начальствомъ подлежащей гимназїи или реальнаго училища.

§ 6. Начальство подлежащаго учебнаго заведенія, въ которомъ состоитъ стипендіатъ имени А. Ф. Поклевскаго-Козелля, о всѣхъ отмѣткахъ (баллахъ), получаемыхъ стипендіатомъ на экзаменахъ, а также о выbitии изъ высшаго учебнаго заведенія до окончанія курса, своевременно сообщаетъ распорядителю дѣлами Поклевскихъ, который при усмотрѣніи малоуспѣшности стипендіата, а равно и при выbitии его изъ высшаго учебнаго заведенія до окончанія курса или вслѣдствіе лишенія его стипендіи по опредѣленію начальства заведенія входитъ съ заявленіемъ къ начальству того учебнаго заведенія, въ которомъ учился стипендіатъ, о предоставленіи права пользоваться стипендіею другому студенту того же или иного учебнаго заведенія, но удовлетворяющему условіямъ § 4 сего положенія.

§ 7. Въ случаѣ образованія отъ незамѣщенія стипендіи, или, по какимъ либо другимъ причинамъ денежныхъ остатковъ отъ стипендіальнаго капитала, — таковой долженъ быть сохраненъ для образованія втораго стипендіальнаго капитала имени А. Ѳ. Поклевскаго-Козельскаго.

§ 8. Стипендія никакихъ обязательствъ не налагаетъ на пользовавшихся ею лицъ.

17. (28-го апрѣля 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Фердинандовича Кельха при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ рублей (10.000 руб.), пожертвованныхъ вдовою дворянина Варварою Петровною Кельхъ, урожденной Базановой, учреждается при юридическомъ факультетѣ Московскаго университета одна стипендія имени дворянина Николая Фердинандовича Кельха.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ четырехпроцентныхъ облигаціяхъ Московско-Казанской желѣзной дороги, составляетъ неотъемлемую собственность Императорскаго московскаго университета и хранится въ московскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ юридическаго факультета христіанскихъ исповѣданій, по выбору комитета общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета, послѣдовавшему по соглашенію съ правленіемъ университета; въ случаѣ закрытія того общества выборъ стипендіата представляется правленію университета.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ студентовъ перваго курса юридическаго факультета и сохраняется за нимъ въ продолженіи всего университетскаго курса и далѣе вплоть до окончательной сдачи имъ государственнаго экзамена въ первый ближайшій срокъ за окончаніемъ курса. Если же стипендіатъ не приступитъ къ сдачѣ государственнаго экзамена въ первый срокъ по причинѣ, которая будетъ найдена правленіемъ университета и комитетомъ общества исполнѣнъ уважительно, то срокъ выдачи стипендіи можетъ быть продолженъ до втораго срока экзамена.

§ 5. Неисполненіе правилъ, установленныхъ для выдачи стипендій и пособій студентами университетовъ, какъ по отношенію успѣ-

ховъ, такъ и поведенія стипендіата, можетъ повести къ лишенію его стипендіи и ранѣе срока, на какой она назначена, по усмотрѣнію и постановленію правленія университета, а также по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ комитетомъ общества, но во всякомъ случаѣ по постановленію правленія.

§ 6. Свободныя отъ процентовъ остатки, могущіе произойти отъ временнаго незаимѣненія стипендіи или по какимъ-либо другимъ причинамъ, должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (28-го апрѣля 1894 года). *Положеніе о стипендіи жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кетеваны Автандиловны Меликъ-Агамаловой при Эриванской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Эриванской женской прогимназіи учреждается стипендія имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кетеваны Автандиловны Меликъ-Агамаловой на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлію сыномъ ея, дворяниномъ Ивановъ Карамаловичемъ Меликъ-Агамаловымъ.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ названной прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за обученіе одной приходящей воспитанницы прогимназіи, — армянки по происхожденію и армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія, изъ дочерей недостаточныхъ жителей города Эривани.

§ 4. Право назначенія стипендіатки принадлежитъ пожизненно дворянину Ивану Карамаловичу Меликъ-Агамалову, а по смерти его — Эриванскому правленію женскаго благотворительнаго общества св. Нины.

§ 5. Проценты, остающіеся почему-либо неизрасходованными, при соединяются къ капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 6. Если внослѣдствіи, по причинѣ увеличенія учебной платы въ

Эриванской женской прогимназіи или по какимъ либо инымъ причинамъ, процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для полной оплаты стипендіи, то таковая остается временно незамѣщенной, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ капиталу, пока годовой доходъ съ оного не будетъ достаточенъ для оплаты стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіату никакихъ обязательствъ.

§ 19. (1-го мая 1894 года). *Положеніе о стипендіи при Рославльскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ имени надворнаго советника Карла Давидовича Гейнце.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ сто пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго надворнымъ советникомъ Карломъ Давидовичемъ Гейнце, учреждается при Рославльскомъ городскомъ училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, составляя собственность Рославльскаго городского училища, хранится въ рославльскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ городского училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе за одного ученика Рославльскаго городского училища, преимущественно изъ дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ, и на пріобрѣтеніе для того же ученика учебныхъ руководствъ и пособій.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту городского училища.

§ 5. Если въ теченіе учебнаго курса стипендіатъ по своему поведенію или успѣхамъ въ наукахъ окажется незаслуживающимъ дальнѣйшаго пользованія стипендіею, то онъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, лишается таковой и на его мѣсто избирается новый стипендіатъ.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными, обращаются въ пособіе вновь избранному стипендіату.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Рославльскаго городского училища, стипендіальный капиталъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ городѣ Рославлѣ взамѣнъ существующаго городского училища.

IV. ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го апрѣля 1894 года). *Утверждены:* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, надворный совѣтникъ *Осиповъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ химіи, съ 27-го марта 1894 г.; инспекторъ Евпаторійской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Шрамковъ*—директоромъ гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ, съ съ 19-го февраля 1894 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Терской области, статскій совѣтникъ *Мохиръ*—директоромъ Кутаисской учительской семинаріи, съ 5-го марта 1894 г.; генераль-маіоръ графъ *Толстой*, коллежскій регистраторъ *Францовъ*, потомственный почетный гражданинъ *Анатра* и владивостокскій 1-й гильдіи купецъ *Датманъ*—вновь почетными попечителями мужскихъ прогимназій на три года: первый—Лебедянской, второй—Одесской 1-й, третій—Одесской 2-й, и четвертый—Владивостокской; надворный совѣтникъ *Ралли*—вновь почетнымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи на три года: иркутскіе 2-й гильдіи купцы *Новиковъ* и *Замятинъ* и иркутскій цеховой *Коротасовъ*—членами отъ правительства попечительства при Иркутскомъ промышленномъ училищѣ, на три года.

Назначены: ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Пусторослевъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, съ 4-го марта 1894 г., на три года; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Яковлевъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ русскаго языка и русской литературы, съ 31-го марта 1894 г.; исполняющій обязанности инспектора Одесской 3-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Муретовъ*—исправляющимъ должность директора Бердянской гимназіи, съ 3-го марта 1894 г.

Переведенъ, старшій врачъ Измаильскаго резервнаго батальона и привать-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Лворскій*—на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета по каедрѣ географіи, съ 23-го марта 1894 г.

Опредѣлены: изъ отставныхъ: дѣйствительные статскіе совѣтники *Станишевъ*,—съ 6-го и *Кривоносовъ*,—съ 26 го и коллежскій совѣтникъ *Краузо*—съ 26-го и коллежскій совѣтникъ *Поливиновъ*—съ 31-го марта 1894 г., вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному, съ откомандированіемъ первыхъ двухъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Самойловъ*—исправляющимъ должность дѣлопроизводителя VIII класса того же департамента, съ 29-го марта 1894 г.; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, губернской секретарь *Образцовъ*—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го марта 1894 г.

Оставлены на службѣ: директоры: С.-Петербургской седьмой гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гюфманъ*—на два года, съ 28-го марта 1894 г., народныхъ училищъ Вологодской губерніи, статскій совѣтникъ *Котляровъ*—по 8-е июля 1896 г., Омской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Водяниковъ*—на четыре года, съ 4-го марта 1894 г. и частныхъ гимназій и реальнаго училища въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гуревичъ*—на пять лѣтъ, съ 3-го марта 1894 г., и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Яцукевичъ*—по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, съ 31-го января 1894 г.

Командированы, съ ученою цѣлью: помощникъ директора химической лабораторіи Императорскаго Юрьевскаго университета *Шнонцольцъ*, привать-доценты Императорскихъ университетовъ: св. Владимира *Гренъ*, Казанскаго *Будде*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 г., первый и третій—во внутреннія губерніи Имперіи и второй—на Кавказъ, привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Сениновъ*, въ Москву, на три мѣсяца, съ 1-го марта 1894 г., и ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Висковатовъ*, во внутреннія губерніи имперіи, со 2-го марта по 10-е июня 1894 г.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Варшавской пятой

мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Канскій* и инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ *Картовъ*—до конца праздниковъ Св. Пасхи, первый — съ 6-го марта 1894 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, надворный совѣтникъ *Ластинъ*, съ 10-го апрѣля по 10-е іюня 1894 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета *Вернеръ*, съ 20-го марта по 1-е іюня 1894 г.; директоры: Ворненской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вахрушевъ* и реальныхъ училищъ: Ливенскаго—статскій совѣтникъ *Марковъ* и Александровскаго Тюменскаго—статскій совѣтникъ *Словцовъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1894 г., ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій ассессоръ *Ауфимовъ*—съ 9-го апрѣля и на время лѣтнихъ вакацій 1894 г., и ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Эльтековъ* — на четыре мѣсяца, съ 5-го марта 1894 г.; б) въ Россіи и за границу: канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія *Яковлевъ*, на четыре мѣсяца, съ 1-го апрѣля 1894 г.; и в) за границу: ректоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Алексѣенко*—съ 9-го по 27-е апрѣля 1894 г., ординаторы акушерской клиники Императорскаго университета св. Владиміра *Редлихъ* и *Левицкій* на 28 дней; почетный попечитель С.-Петербургскихъ К. Мал гимназіи и реального училища, статскій совѣтникъ *Май*—съ 10-го апрѣля 1894 г., на шесть недѣль; директоръ С.-Петербургскаго втораго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Раевскій*—съ 13-го марта по 23-е апрѣля 1894 г., завѣдывающій факультетскою терапевтическою клинкою Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Лямбль*—съ 6-го марта по 24-е апрѣля 1894 г., ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гоіеръ*—съ 24-го марта по 7-е мая 1894 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Оеодоссійской гимназіи, надворный совѣтникъ *Чернобаевъ* — съ 15-го апрѣля по 15-е мая 1894 г., учителя реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго *Никиль*—съ 7-го іюня по 7-е августа 1894 г. и Ливенскаго, коллежскій секретарь *Петрунинъ*—съ 20-го мая по 16-е августа 1894 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Замостской прогимназіи *Исинскій* и учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Бодаревскій*—на два мѣсяца; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго — статскій совѣтникъ

Стороженко и Юрьевскаго—статскій совѣтникъ *Кохъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Шерцль*, лекторъ того же университета, коллежскій совѣтникъ *Ирмеръ*, приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Ротертъ*, директоры: Егорьевской 6-ти классной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Должель* и Казанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Бобровниковъ*, исполняющій обязанности инспектора Московской 6-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Баталингъ*, учителя гимназій: С.-Петербургской третьей—статскій совѣтникъ *Райманъ*, Московской шестой—статскій совѣтникъ *Фаминскій*, Бѣлгородской—*Гнатевичъ*, Рязанской—*Клоде*, Воронежской—*Вальтеръ* и Муромской женской—*Веденисовъ* и Изюмскаго реальнаго училища, титулярный совѣтникъ *Степанекъ*—всѣ пятнадцать — на лѣтнее вакаціонное время 1894 г., директоръ Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ *Зборилъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1894 г. и 28 дней, начальница Московской частной женской гимназіи *Бессъ* и врачъ Екатерининскаго городского училища *Рохлинъ*—на три мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Сokolovъ* и врачъ Кипшинскаго 1-го уѣзднаго училища *Мучниковъ*—оба, на четыре мѣсяца, первый съ 1-го мая 1894 г.

Уволены: отъ службы: а) за выслугою срока: директоры: Кутаисской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сokolovъ*—съ 5-го марта и народныхъ училищъ Забайкальской области, статскій совѣтникъ *Сниткинъ*—съ 17-го февраля 1894 года, съ дозволеніемъ первому носить въ отставку мундирный полукафтагъ, послѣдней должности присвоенный, и б) согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Тома*—съ 1-го апрѣля 1894 года, старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи статскій совѣтникъ *Ромбергъ*—съ 1-го марта 1894 года и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Гертинъ*—съ 21-го февраля 1894 года.

Объявлены признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Таганрогской гимназіи, губернскому секретарю *Зарудному*—за пожертвованіе его въ пользу сей гимназіи и учениковъ оной; попечительницѣ Вельеговской женской прогимназіи *Шварцъ*—за ея заботы и пожертвованія въ пользу прогимназіи; начальнику Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, статскому совѣтнику *Кедрову*—за его заботы о начальныхъ училищахъ въ уѣздѣ;

почетному блюстителю Холуйскаго двухкласснаго училища, Владимірской губерніи, *Шахову*—за пожертвованіе его въ пользу названнаго училища; предсѣдателю правленія общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ уѣзднаго и приходскихъ училищъ гор. Борисоглѣбска, борисоглѣбскому 2-й гильдіи купцу *Гаериллову*—за его полезную дѣятельность по обществу; члену комитета общества попечительства о женскомъ образованіи въ гор. Екатеринославѣ, *Грековой*—за ея заботы объ устройствѣ и благосостояніи женской школы, содержимой названнымъ обществомъ.

Исключены: изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Надлеръ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Нерсесовъ* и св. Владиміра статскій совѣтникъ *Шмамаузенъ* и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Дранницинъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*К. Петеръ*. Хронологическія таблицы греческой исторіи. Справочная книга и пособіе при преподаваніи въ низшихъ классахъ гимназій, съ постояннымъ указаніемъ на источники и выдержками изъ нихъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *В. В. Смирновъ*. Москва. 1893. Цѣна 1 р. 75 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библиотекъ гимназій.

— Книгу: „Моисеево вѣроученіе для еврейскаго юношества. Въ двухъ частяхъ и IV отдѣлахъ. Составилъ *С. А. Канценелленбогенъ*, преподаватель еврейскаго вѣроученія въ С.-Петербургскихъ II, VI и VII гимназіяхъ. Часть I. Для учениковъ первыхъ четырехъ классовъ гимназій. С.-Пб. 1894. Стр. VII+265+VIII+64. Цѣна 1 руб. 85 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для учениковъ еврейскаго вѣроисповѣданія четырехъ низшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „Первая и вторая рѣчи *Цицерона* противъ Катилины. Объяснилъ *А. Гобманъ*, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназій. Часть I: Текстъ. Часть II: Комментарій. С.-Пб. 1894. Стр. IV+

21+90. Цѣна за обѣ части 80 коп.“—рекомендовать какъ учебное пособие въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— Книги, составленныя *Я. Морозъ*: 1) „Краткая этимологія греческаго языка. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1894. Стр. XII+215.“—2) „Книга упражненій по греческой этимологіи. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1894. Стр. X+173+56“—рекомендовать первую какъ весьма полезное руководство, а вторую какъ весьма пригодное учебное пособие по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ статей русскихъ авторовъ для перевода на нѣмецкій языкъ въ IV, V, VI и VII классахъ средне-учебныхъ заведеній. Съ примѣчаніями и словаремъ. Составилъ *И. Гростичъ*. Москва. 1894. Стр. VII+169. Цѣна 60 коп.“—одобрить для употребленія при преподаваніи нѣмецкаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Сборникъ методически распредѣленныхъ ариометическихъ задачъ. Составилъ *Фридрихъ Доне*. Часть I. Изд. 2-е, передѣланное. Рига 1893. Въ 8-ю д. л., 72 стр. Цѣна въ папкѣ 20 коп.—Часть II. Изд. 2-е, исправленное. Рига 1893. Въ 8-ю д. л., 152 стр. Цѣна въ папкѣ 50 коп.“ (обѣ части напечатаны съ удареніями надъ словами)—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Изданныя *А. М. Калмыковой* брошюры (С.-Пб. 1893. Въ 16-ю д. л.): 1) „Какъ борются люди съ страшными врагами своими — чумой, оспой и холерой. Стр. 36“, 2) „Подъ волнами морскими. Стр. 50“, 3) „Уральцы рыболовы. Стр. 40“ и 4) „Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человѣку. Стр. 32“ — допустить въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткое руководство для сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и волостныхъ правленій. Составилъ земскій начальникъ *В. Чижовъ*. Изд. 3-е. М. 1893. Въ 12-ю д. л., 58 стр. Цѣна 20 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „*Дмитріевъ*, агрономъ. Причины нашихъ пожаровъ

противопожарныя средства (съ приложеніемъ статьи „Пожары отъ керосина и чѣмъ ихъ предупредить“). М. 1891. Въ 12-ю д. л., 26 стр. Цѣна 10 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Методика ариметики. Руководство для народныхъ учителей и учительницъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій. Составилъ С. Житковъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1890. Въ 8-ю д. л., 137 стр. Цѣна 75 коп.“—одобрить для употребленія въ начальныхъ училищахъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Оренбургскаго учебнаго округа, въ г. Стерлитамакъ 21-го минувшаго февраля открыто 3-е городское начальное училище, при 97 учащихся (26 дѣвочекъ и 71 мальчикъ).

— По донесенію начальства Одесскаго учебнаго округа, Фараоновское общественное училище, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, 6-го апрѣля сего года преобразовано въ одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 66-ти учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ дер. Буздяковой, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ., 3-го марта сего года, открыто русско-башкирское начальное для дѣвочекъ училище, на мѣстныя средства.

— По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, имъ разрѣшено открыть въ Эдваленской волости, Виндавскаго уѣзда, Курляндской губерніи, вѣсто мѣстной волостной евангелическо-лютеранской школы—сельское одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ Тургайской области открыты слѣдующія аульныя школы: 1) Борисовская въ пос. Борисовскомъ 10-го февраля сего года, при 30-ти учащихся; 2) Степановская въ пос. Степановскомъ 11-го того же февраля, при 33-хъ учащихся; 3) Жаугаштинская въ аулѣ № 1, Дамбарской волости 12-го того же февраля, при 13-ти учащихся; 4) Кокъ-Аральская въ домѣ Арунгаліева 13-го того же февраля, при 12-ти учащихся; 5) Михайловская въ поселкѣ Михайловскомъ, Актюбинскаго уѣзда, 13-го марта сего года, при 28-ми учащими, и 6) Канымжолская въ домѣ Куттуходжина 10-го того же марта.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

I.

Для соисканія учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія премій Императора Петра Великаго на 1894 годъ назначена была, по разряду гимназій, группа „исторія и географія, всеобщая и русская“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ примѣнительно къ потребностямъ русской школы („Славяне и Византія“).

Такъ какъ въ настоящемъ году означенныя преміи остались невыданными, то, въ виду § 3 Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, его сіятельство г. министр народнаго просвѣщенія изволилъ отложить до мая мѣсяца 1895 года присужденіе невыданныхъ нынѣ премій за сочиненія, соответствующія программѣ настоящаго конкурса, буде таковыя появятся въ свѣтъ или будутъ въ рукописи доставлены въ ученый комитетъ въ теченіе сего (1894) года и окажутся достойными награжденія.

II.

Для сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, съ разрѣшенія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, назначена на премію 1895 года—группа „математика и математическая географія и физика съ предпочтительнымъ правомъ на премію по математической географіи“.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го ноября текущаго 1894 года. Учебныя руководства и пособия принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ окажутся написанными опрятно и разборчиво.

Сочиненія рукописныя, а также и печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

ОЧЕРКИ ПРЕПОДАВАНІЯ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ВО ФРАНЦІИ, АНГЛІИ И ГЕРМАНИИ.

I.

Франція.

Искреннее желаніе серьезныхъ и значительныхъ реформъ въ постановкѣ изученія Востока въ Россіи побудили насъ заняться изслѣдованіемъ положенія этого вопроса въ трехъ странахъ Западной Европы, которыя удѣляли ориентализму видное мѣсто въ преподаваніи. Содѣйствіе администраціи соответствующихъ учебныхъ заведеній и многихъ изъ профессоровъ дали намъ возможность произвести это изслѣдованіе съ нѣкоторою тщательностью: мы пользовались небольшою, но прекрасною литературой, касавшеюся интересовавшей насъ области. Имѣли въ рукахъ отчеты, ежегодники, программы учебныхъ заведеній, бесѣдовали съ администраторами специальныхъ школъ и профессорами, посѣщали лекціи. Не скроемъ, что сравненія съ положеніемъ дѣла на родинѣ, которыя постоянно и невольно приходилось дѣлать, были почти всегда не въ пользу Россіи, которая, при постоянныхъ связяхъ съ Востокомъ и крупныхъ и важныхъ задачахъ въ Азіи, дѣлаетъ для изученія Востока несравненно меньше не только, чѣмъ Англія и Франція, но даже чѣмъ Германія!

Надѣмся, что, быть можетъ, наше впечатлѣніе раздѣлятъ и тѣ, которые прочтутъ эти краткіе очерки; лучшаго результата отъ нашей работы мы бы и не желали.

Высшее образованіе во Франціи переживаетъ переходное время; замѣтно сильное теченіе противъ существующей системы факультетовъ, и первый шагъ къ образованію университетовъ, созданіе общефакультетскихъ совѣтовъ (Conseil général des Facultés), уже сдѣланъ;

кромѣ того, все больше и больше проникаетъ въ преподаваніе система семинарій въ противоположность почти исключительно царствовавшей лекціонной системѣ.

Задачей нашей было только сообщить свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ, посвященныхъ изученію Востока, и потому мы не можемъ остановиться здѣсь подробнѣе на этихъ важныхъ вопросахъ общей постановки высшаго образованія, вопросахъ, которые имѣютъ такое громадное значеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія; мы позволимъ себѣ указать однако на тѣ сочиненія, которыя, какъ намъ кажется, даютъ ясное представленіе о положеніи этого вопроса въ современной Франціи. Прежде всего надо указать, конечно, на большое сочиненіе настоящаго директора высшаго образованія г. Ліара: *Liard L. L'enseignement supérieur en France 1789—1893. 2 тома. Paris 1893—1894.* Здѣсь, кромѣ фактическаго изложенія исторіи высшаго образованія, можно найти и рядъ цѣнныхъ документовъ. Строгую, но почти всегда справедливую, критику дѣйствующей системы можно найти въ книгѣ г. Лота: *Lot F. L'enseignement supérieur en France. Ce qu'il est—ce qu'il devrait être. Paris 1892.* Интересныя дополненія и поправки къ ней помѣщены въ брошюрѣ знаменитаго романиста и академика Гастона Париса: *Paris G. Le haut enseignement historique et philologique en France. Paris 1894.*

ФРАНЦУЗСКАЯ КОЛЛЕГІЯ (COLLÈGE DE FRANCE) ¹⁾

Въ первой половинѣ XVI вѣка, въ 1530 г., король Францискъ I послѣ долгихъ колебаній учредилъ нѣсколько кафедръ для „королевскихъ лекторовъ“ (*lecteurs royaux*), задачей которыхъ было представлять свободную, вольную науку внѣ узкихъ, условныхъ рамокъ теологической Сорбонны. Эти кафедры, первыми изъ которыхъ были двѣ греческія, двѣ еврейскія и одна математики, и послужили основой для „королевской“, впоследствии „французской коллегіи“. Замѣчательная мысль безусловно свободнаго, то-есть, истинно научнаго высшаго учебнаго заведенія возбудила восторгъ всего тогдашняго ученаго міра,

¹⁾ Главнымъ нашимъ источникомъ, кромѣ личныхъ посѣщеній и бесѣдъ съ профессорами, послужила намъ превосходная книга г. Лефранс: *Lefranc A. Histoire du Collège de France depuis ses origines jusqu'à la fin du premier Empire. Paris 1893.* Въ приложеніи авторъ доводитъ исторію коллегіи до новѣйшаго времени и даетъ списокъ вновь учрежденныхъ кафедръ и полный списокъ профессоровъ съ основанія коллегіи и до нашихъ дней.

и Эразмъ писалъ послѣ учрежденія королевскихъ кафедръ, что онъ считаетъ вслѣдствіе этого „Францію несравненно болѣе счастливой, чѣмъ еслибы вся Италия была подчинена ея владычеству“¹⁾). Восточные языки занимали всегда видное мѣсто въ этомъ преподаваніи: съ самаго начала было уже двѣ кафедры еврейскаго языка, къ нимъ въ 1531 году прибавилась третья, а въ 1538 году профессоръ „восточныхъ языковъ“ Постэлъ уже читалъ и арабскій языкъ. Вліяніе Школы было громадное, все, что искало знанія, стремилось на лекціи независимыхъ профессоровъ; отъ страницъ книги г. Лефранцъ, гдѣ онъ говоритъ объ этихъ первыхъ временахъ коллегіи, вѣтъ какимъ то особеннымъ духомъ свѣжести, бодрости, восторговъ знанія; онъ приводитъ любопытнѣйшее письмо молодого студента отъ 28-го мая 1533 года, гдѣ передъ нами живо воскресаютъ эти картины научнаго возрожденія. Сколько людей и какіе разные люди стекались сюда слушать живое слово знаменитыхъ учителей: тутъ и Кальвинъ, и Раблз, и Игнатій Лойола, и Францискъ-Ксаверій! И что за удивительные люди были и профессора! Остановимся на минуту на одномъ изъ нихъ, на Постэлѣ—первомъ профессорѣ „восточныхъ языковъ“²⁾). Проведя дѣтство и юношество въ крайнихъ лишеніяхъ, онъ, наконецъ, поступилъ прислужникомъ въ коллегію Святой Варвары, гдѣ съ поразительной быстротой выучившись латинскому, греческому, итальянскому, испанскому, португальскому языкамъ, принялся за еврейскій, и сталъ еще заниматься и другими восточными языками. Въ 1535 г. двадцати пяти лѣтъ отъ роду онъ отправился на Востокъ и посѣтилъ Турцію, Сирію, Палестину. Когда онъ вернулся на родину, молва о необыкновенныхъ его знаніяхъ распространилась всюду, и въ 1538 г. король назначилъ его своимъ лекторомъ въ коллегіи, поручивъ ему сразу чтеніе лекцій по греческому, еврейскому и арабскому языкамъ. Человѣкъ непокладливый—онъ недолго пользовался королевской милостью и долженъ былъ покинуть коллегію и Францію. Въ Италиіи его оригинальныя религіозныя воззрѣнія обратили на него вниманіе инквизиціи. Всѣ эти несчастія не мѣшали ему работать и издавать разные свои работы; онъ питалъ особенный интересъ къ исламу и всегда восхищался Мухаммедомъ. Мечтою его было единеніе человечества, и однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія этой цѣли было отысканіе родоначальника всѣхъ языковъ земли—съ этою цѣлью

¹⁾ *Lefranc*, стр. 119.

²⁾ *Lefranc*, стр. 186 сл.

онъ и изучалъ языки и странствовалъ по Востоку, куда онъ отправился во второй разъ изъ Италіи. На обратномъ пути онъ занялся изданіемъ Понаго Завѣта на сирійскомъ языкѣ; узнавъ, что въ Павіи есть хорошій сирійскій шрифтъ, онъ идетъ туда и по дорогѣ, встрѣтивъ искуснаго мастера, запасается у него арабскимъ шрифтомъ, чтобы напечатать Новый Завѣтъ по-арабски и распространять его среди мусульманъ. Конецъ своей удивительной и безпокойной жизни онъ провелъ въ приоратѣ Saint-Martin-des-Champs, гдѣ онъ былъ заключенъ за странность своихъ поступковъ, которые свидѣтельствовали о нѣкоторомъ разстройствѣ его ума. Эти годы были счастливые, и заключеніе, крайне снисходительное, не тяготило его; многочисленныя посѣтители являлись къ нему, и самъ онъ выходилъ и даже бывалъ при дворѣ. Когда Карль IX однажды послалъ ему для перевода какую-то персидскую грамоту, онъ перевелъ ее и съ гордостью сказалъ королю, что онъ безъ переводчика беретъ пройти отъ Франціи до Китая! Никто, конечно, изъ современныхъ ориенталистовъ не упадетъ въ сумасбродства этого перваго „профессора восточныхъ языковъ“, но врядъ ли кто изъ нихъ рѣшился бы соперничать съ нимъ въ разнообразіи и, быть можетъ, даже въ глубинѣ знаній.

Какое видное мѣсто Востокъ занималъ всегда во французской коллегіи можно видѣть изъ числа профессоровъ: *еврейскій* языкъ имѣлъ ихъ съ 1530 года *тридцать пять*; *арабскій* съ 1538 года *двадцать одинъ*¹⁾; *сирійскій* съ 1670 года *десять* (первый профессоръ читалъ сирійскій вмѣстѣ съ арабскимъ, сирійскій сталъ читаться отдѣльно съ 1692 года д'Эрбло, съ 1862 года соединенъ съ еврейскимъ); *турецкій* съ 1768 года *семь* (первые три профессора читали и персидскій, съ 1822 года турецкій читался отдѣльно, въ 1889 со смертью Павэ де-Куртейля турецкая кафедра уничтожена); *персидскій* съ 1768 года *восемь* (отдѣльно съ 1806 года); *китайскій* и *татаро-маньчжурскіе языки* съ 1814 года *четыре*; *санскритскій* съ 1814 года *три*; *египтологія* съ 1860 года *два*; *ассиріологія* съ 1874 года *одинъ*; *семитическая эпиграфика и древности* съ 1890 года *одинъ*; всего *восемьдесятъ пять* профессоровъ восточныхъ языковъ и древностей. Изъ этого голаго перечня уже видно, какъ вѣрная духу своихъ основателей французская коллегія съ расширеніемъ области знаній всегда

¹⁾ Можетъ быть, *двадцать три*, но относительно двухъ, Мартена и Ле Ра въ первой половинѣ XVII столѣтія нѣтъ положительныхъ указаній на то, что они читали лекціи (*Le franc*, стр. 383).

расширила кругъ своего преподаванія; единственный случай прямою замѣною одной каведры другою ¹⁾ былъ вызванъ отсутствіемъ соответствующаго специалиста во Франціи.

Въ настоящее время востокъ во французской коллегіи представленъ слѣдующимъ образомъ.

1) Семитическая эпиграфія и древности—Клермонъ Ганно (Clermont-Ganncan).

2) Египетская филологія и археологія—Маспэро (Maspéro).

3) Ассирійская филологія и археологія—Оппэръ (J. Oppert).

4) Еврейскій, халдейскій, сирійскій языкъ и литературы—Бержэ (Ph. Berger).

5) Арабскій языкъ и литература — Барбье де-Мэнаръ (Barbier de Meynard).

6) Персидскій языкъ и литература — Дарместетеръ (James Darmesteter).

7) Китайскій и татаро-маньчжурскій языки и литературы — Шаваншъ (Chavannes).

8) Санскритскій языкъ и литература—Фуко (Foucaux).

Изъ этого списка видно, что всѣ главнѣйшія отрасли востоковѣдѣнія представлены во французской коллегіи; такимъ образомъ и до настоящаго времени это ученое учрежденіе, какъ и въ старину, является однимъ изъ главныхъ очаговъ ориентализма во Франціи.

Въ послѣднее время стали раздаваться во французской печати голоса противъ коллегіи; нападки эти на столько рѣзки и на столько касаются самой сути этого замѣчательнаго учено-учебнаго заведенія, что мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ.

Первое возраженіе то, что французская коллегія не имѣетъ постояннаго состава слушателей съ опредѣленной и равной подготовкой, что туда является всякій съ улицы, что каждый день слушатели мѣняются и что профессоръ такимъ образомъ никогда хорошенько не знаетъ, кому онъ читаетъ лекціи, отчего его преподаваніе не носитъ строго научнаго характера. Возраженіе это, съ перваго взгляда кажущееся очень существеннымъ и вполне вѣрнымъ, падаетъ при ближайшемъ разсмотрѣніи: оно собственно направлено не противъ системы, а противъ ея исполнителей — хорошихъ ученыхъ и добросовѣстныхъ преподавателей всегда знаетъ, какого рода курсы

¹⁾ Въ 1889 году турецкая каведра замѣнена каведрою семитической эпиграфіи и древностей.

онъ долженъ читать въ высшемъ учебномъ заведеніи и какія требованія онъ можетъ и долженъ предъявлять къ своимъ слушателямъ. Французская коллегія требуетъ отъ своихъ профессоровъ минимальнаго количества сорока лекцій въ годъ, что даетъ возможность всегда такъ обработать свой курсъ, чтобы онъ, при полной научности, былъ вполне доступенъ всякому образованному чловѣку; примымъ слѣдствіемъ этого является полная возможность удовлетворить всѣхъ искренно желающихъ пройти рядъ научныхъ курсовъ внѣ университетовъ, которые по самому устройству своему предъявляютъ къ своимъ слушателямъ гораздо большія дисциплинарныя требованія. Безъ всякаго, конечно, сомнѣнія, какъ это замѣчаютъ совершенно справедливо противники французской коллегіи, многіе изъ профессоровъ не отвѣчаютъ высокимъ требованіямъ этого учрежденія; одни, увлекаясь дешевой популярностью, читаютъ легкіе, но изящные курсы, гдѣ форма замѣняетъ содержаніе, другіе, ставящіе выше всего свой покой, смотрятъ на свое мѣсто какъ на синекуру и отвадивъ всѣхъ слушателей небрежнымъ отношеніемъ своимъ къ лекціямъ, читаютъ отъ времени до времени какіе то обрывки случайнымъ заходимъ туристамъ. По этому легко помочь: стоитъ только сдѣлать выборъ въ профессора не на всю жизнь, а на опредѣленное количество лѣтъ, по истеченіи которыхъ новые выборы могли бы всегда удалять элементы недобросовѣстные и небрежные; къ чести французской коллегіи слѣдуетъ однако замѣтить, что подобные элементы составляютъ въ ней исключеніе.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ. ОТДѢЛЕНІЕ НАУКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ И ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИИ РЕЛИГІИ. (ÉCOLE PRATIQUE DES HAUTES ÉTUDES, SECTION DES SCIENCES HISTORIQUES ET PHILOLOGIQUES; SECTION DES SCIENCES RELIGIEUSES) ¹⁾.

Давно уже, со времени реставраціи, раздавались жалобы на плачевное положеніе высшаго образованія во Франціи. но только въ

¹⁾ Кромѣ вышеупомянутыхъ книгъ Ліяра, Лота, Гастонъ Париса, мы пользовались еще *Ежегодникомъ* (Annuaire) школы за 1894 г. и послѣднимъ отчетомъ (1892) отдѣленія исторіи религіи. Профессоръ санскрита въ школѣ г. С. Леви снабдилъ насъ кромѣ того программами и многочисленными указаніями. Въ этомъ еще году, вѣроятно, появится интересный обзоръ 25 лѣтъ существованія школы: „l'École pratique des hautes études (1868 — 1893). Documents pour l'histoire de la Section des sciences historiques et philologiques pendant les vingt-cinq premières années de son existence“.

1865 году со вступленіемъ Дюрюи въ министерство народнаго просвѣщенія была сдѣлана серьезная попытка реформъ. Исслѣдованіе преподаванія, учебныхъ и ученыхъ пособій и помѣщеній факультетовъ показали, что внѣ Парижа, въ провинціи, за рѣдкими исключеніями, настоящаго, научнаго преподаванія почти не существуетъ, и что въ самомъ даже Парижѣ положеніе факультетовъ плачевное. Дюрюи, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ министровъ народнаго просвѣщенія во Франціи, рѣшилъ энергично приняться за полное преобразование системы высшаго образованія, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ него школу истинно научныхъ методовъ, вмѣсто школы риторики, въ которую оно превратилось, онъ хотѣлъ дать возможность наукѣ развиваться широко и плодотворно, обезпечивъ лабораторіи, семинаріи, музеи, библіотеки. Но приведеніе въ исполненіе этихъ замѣчательныхъ плановъ встрѣтило двойное препятствіе, которое совершенно съузило и измѣнило характеръ реформъ. Прежде всего не оказалось достаточнаго количества подходящихъ людей, факультеты предпочитали свое жалкое прозябаніе, которое позволяло имъ бездѣйствовать и превращало каедры въ синекуры. Затѣмъ не оказалось денегъ. Дюрюи, не будучи въ состояніи одолѣть тупаго сопротивленія учебной рутинѣ, рѣшилъ тогда основать отдѣльное, независимое учебное заведеніе.

31-го іюня 1868 года былъ подписанъ императоромъ декретъ объ основаніи „Практической школы высшаго образованія“, задачей которой было, согласно пункту первому декрета, „устроить на ряду съ теоретическимъ преподаваніемъ, практическія занятія, которыя могли бы укрѣпить и расширить его“. Прежде всего предстояло поставить школу независимо отъ факультетовъ, и потому мы видимъ, что согласно § 7 правилъ „отъ поступающихъ въ школу не требуется никакихъ особыхъ условій возраста, ученой степени или національности“¹⁾. Обезпечивъ такимъ образомъ всякому дѣльному и работящему человѣку доступъ въ школу, надо было, конечно, позаботиться о томъ, чтобы она не переполнилась бесполезнымъ контингентомъ ничего не дѣлающихъ слушателей: экзамены, необъидительный и обыкновенно совершенно ненадежный способъ провѣрки знаній, были,

¹⁾ Мы цитируемъ нынѣ дѣйствующія правила; въ первоначальныхъ правилахъ не сочли даже нужнымъ упоминать объ этомъ обстоятельствѣ, за то въ декретѣ говорилось, что по особому рѣшенію совѣта школы особенно выдающиеся слушатели могли быть избавлены для докторства отъ предварительнаго лиценціатскаго испытанія.

конечно, устранены, — истинно научная постановка занятій, въ которыхъ слушатель принималъ непосредственное участіе съ самаго же начала, позволяли преподавателю ознакомиться весьма основательно съ качествами и достоинствами своей аудиторіи въ теченіе перваго года, назначеннаго для испытанія. По истеченіи года преподаватель представлялъ отчетъ о ходѣ занятій по его предмету, и отчетъ этотъ съ приложеніемъ отзыва попечительнаго совѣта въ свою очередь представлялся на утвержденіе министра. По утвержденіи министра слушатель считался окончательно принятымъ, и курсъ для него долженъ былъ длиться не менѣе трехъ лѣтъ. Выборомъ хорошихъ преподавателей закончилось созданіе новаго высшаго учебнаго заведенія, которому предстояло сдѣлать для французской науки высшаго образованія то, чего не захотѣли сдѣлать факультеты.

Мы коснемся въ нашемъ обзорѣ преподаванія школы только историко-филологическаго отдѣленія и отдѣленія исторій религій, какъ относящихся непосредственно къ востоку ¹⁾.

Въ историко-филологическомъ отдѣленіи востокъ въ настоящее время представленъ слѣдующимъ образомъ: санскритъ, ведъ, семитическіе языки, эоіонскій языкъ и туранскіе языки, восточная археологія, египтологія. Мы остановимся немного долѣе, какъ на примѣрѣ, на преподаваніи санскрита, гдѣ мы близко и лично знакомы съ преподавателями и слушателями. Въ прошломъ году велось три параллельныхъ курса: объяснялась и переводилась драма *Uttaragatasarita*; переводился и объяснялся одинъ изъ древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ памятниковъ философской индійской литературы *Bṛhadāraṇyakopaniṣat* по петербургскому изданію академика Бетлинга; результатомъ этихъ чтеній явилось изданіе перевода однимъ изъ слушателей, г. Герольдомъ ²⁾, при ближайшемъ участіи другаго слушателя, г. Фушэ; переводъ этотъ отличается большимъ изяществомъ и тонкостью въ передачѣ труднаго текста. Предметомъ третьяго курса, который велся подъ двойнымъ наблюденіемъ преподавателя санскрита г. Леви и преподавателя китайскаго языка г. Шнехта, было изученіе китайскаго текста седьмаго вѣка, свода китайскихъ свѣдѣній объ Индіи въ VII

¹⁾ Первоначально было открыто 4 отдѣленія: математическое, физико-химическое, естественно-историческое, историко-филологическое, но первыя три соединились вскорѣ съ факультетомъ естественно-историческихъ наукъ. Отдѣленіе исторій религій учреждено въ 1886 году.

²⁾ *L'Upanishad du Grand Aranyaka (Bṛhadāraṇyakopaniṣad) traduite pour la première fois du sanskrit en français par A. Ferdinand Herold. Paris 1894.*

вѣкъ. Слушатели разбирали текстъ, сравнивая его съ извѣстными уже путешествіями китайскихъ паломниковъ въ Индію и отождествляли санскритскія названія и слова въ ихъ китайской транскрипціи. Для начинающихъ были устроены занятія санскритской грамматикой и упражненія надъ легкими текстами; преподаваніе вели, подъ руководствомъ г. Леви, двое изъ старшихъ слушателей, гг. Фино и Фушэ. На ряду съ этими вполне совмѣстными занятіями каждый изъ старшихъ слушателей имѣлъ свою специальную работу, мысль или часто даже начало которой относились къ курсу одного изъ предыдущихъ годовъ. Такъ изъ занятія надъ парижскими буддійскими рукописями въ одинъ изъ предыдущихъ годовъ возникла работа г. Фино: изданіе текста, съ объяснительными примѣчаніями, трактата о драгоценныхъ камняхъ „Ratnaparīkṣā“, сочиненіе буддійскаго автора Buddhahatṭa; работа г. де Блонэ возникла изъ тѣхъ же занятій; она касается культа Tāgā въ сѣверномъ буддизмѣ и будетъ сопровождаться изданіемъ нѣкоторыхъ текстовъ. Изъ занятій надъ буддизмомъ возникла мысль двухъ переводовъ, сдѣланныхъ г. Фушэ и лейтенантомъ французскаго флота г. Ассье де Помпіньяномъ (и нынѣ числящимся въ школѣ): первый перевелъ съ нѣмецкаго книгу проф. Ольденберга „Buddha“, второй перевелъ съ русскаго сочиненіе покойнаго И. П. Минаева „Буддизмъ“; книга Ольденберга уже вышла, „Буддизмъ“ оканчивается печатаніемъ.

Г. Ассье де Помпіньянъ кромѣ того сталъ заниматься индійской астрономіей, важность изученія которой для запутанныхъ вопросовъ индійской хронологіи выяснилась для него во время занятій въ школѣ. Г. Фушэ предпринялъ работу о VII вѣкѣ по Р. Хр. въ Индіи, времени, для котораго у насъ есть обильныя свѣдѣнія въ надписяхъ, литературѣ и въ китайскихъ источникахъ.

Всѣ эти работы, предпріятыя слушателями, обсуждаются ими съ профессоромъ и часто и съ другими слушателями. Миѣ кажется, что изъ сказаннаго видно, какъ интенсивно ведется работа и какъ плодотворны должны быть такого рода занятія; и дѣйствительно мы видимъ, какъ уже изъ этой группы школы образуется солидное ядро специалистовъ: г. Фино уже получилъ приглашеніе участвовать въ изданіи серіи индійскихъ словарей, предпріятой, подъ редакціей профессора Бюлера, вѣнской академіей; г. Фушэ долженъ быть вскорѣ посланъ отъ французской школы въ Канрѣ для научныхъ изслѣдованій въ Индію. При этомъ мы считаемъ долгомъ отмѣтить разнообразіе въ подготовкѣ различныхъ слушателей: г. Фушэ—бывшій препода-

даватель средне-учебнаго заведенія, окончившій курсъ въ высшей нормальной школѣ, г. Финно—архивистъ-палеографъ, окончившій курсъ въ *École des Chartes*, нынѣ библіотекаръ въ національной библіотекѣ, г. Ассье де Помпьянъ—морякъ, г. де Блонз получилъ образованіе въ Швейцаріи; среди новыхъ слушателей есть одна дама шведка, нѣсколько слушателей высшей нормальной школы, аббаты, студенты филологическаго факультета и т. п.; если упомянуть о прежнихъ слушателяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже извѣстны печатными трудами, то разнообразіе будетъ еще значительнѣе.

На курсахъ зенда читалось подъ руководствомъ проф. Дарместетера, кромѣ зендскихъ текстовъ, еще и Шахнамэ. Одинъ изъ слушателей приготовилъ зендско-пехлевійскій словарь къ текстамъ, напечатаннымъ въ третьемъ томѣ перевода Авесты Дарместетера.

Въ лекціяхъ по семитическимъ языкамъ занимались подъ руководствомъ профессоровъ Каррьера и Гартвига Деренбурга (старшій руководитель г. Ж. Деренбургъ не читалъ лекцій въ истекшемъ году) объясненіемъ еврейскихъ, сарійскихъ, арабскихъ текстовъ, съ комментаріями филологическаго, литературнаго и историческаго характера.

Профессоръ Галеви, представитель эіопскаго и туранскихъ языковъ, читалъ со слушателями эіопскіе тексты и изучалъ сабейскія надписи.

На лекціяхъ по восточной археологіи профессоръ Клермонъ-Ганно разбиралъ топографію Палестины по даннымъ Ономастикона Евсевія и св. Иеронима, при чемъ одинъ изъ слушателей взялся извлечь изъ Ономастикона всѣ истинно-цѣнныя указанія топографическаго и археологическаго характера, которыя дали бы картину Палестины въ IV вѣкѣ. Кромѣ того обсуждался рядъ вопросовъ по археологіи и пумизматикѣ. Одинъ изъ слушателей приготовилъ указатель къ двумъ томамъ исторіи Мамелюковъ Катрмера, въ примѣчаніяхъ къ которой скрыты сокровища удивительныхъ познаній автора.

На лекціяхъ по египтологіи подъ руководствомъ профессоровъ Масперо и Гюесса объяснялись нѣкоторые изъ гіератическихъ и гіероглифическихъ текстовъ. Часть слушателей могла уже принять участіе въ изданіяхъ профессоровъ; нѣкоторые напечатали и самостоятельныя монографіи.

Отдѣленіе исторіи религій отводитъ востоку слѣдующіе курсы: религій дальняго востока, религій Индіи, религій Египта, религій евреевъ и западныхъ семитовъ, исламъ и религій Аравіи и кромѣ того вольшій курсъ по религій ассиро-вавилонянъ.

Планъ занятій тотъ же, что въ историко-филологическомъ отдѣленіи, правила для слушателей тѣ же самыя, а потому мы не остановимся подробнѣе на этомъ отдѣленіи; вышеуказанные курсы читаются профессорами: де Рони, Леви, Амелино, Морисомъ Вернь, Гартвигомъ Деренбургъ и вольный курсъ г. Кентеномъ.

По истеченіи трехъ лѣтъ занятій, слушатель школы имѣетъ право представить для полученія званія *élève diplômé* сочиненіе, которое разсматривается двумя преподавателями по выбору совѣта преподавателей школы; по одобреніи, сочиненіе печатается въ изданіи школы *Bibliothèque de l'École des Hautes Études* и слушателю выдается дипломъ. Слушатель, получившій такой дипломъ, можетъ по приглашенію попечительнаго совѣта (изъ профессоровъ и ученыхъ) читать лекціи въ школѣ и участвовать съ правомъ совѣщательнаго голоса въ засѣданіяхъ совѣта преподавателей.

Въ школѣ допускаются и вольно-слушатели, а слушателямъ школы, по представленію попечительнаго совѣта и съ утвержденія министра, разрѣшается работать часть времени въ какомъ-либо иностранномъ университетѣ, съ обязательствомъ представлять трехмѣсячные отчеты.

Если мы прибавимъ, что школа пользуется отличной библіотекой Сорбонны, имѣетъ рядъ стипендій для слушателей, работающихъ въ Парижѣ или командируемыхъ за границу, то мы послѣ вышеуказаннаго не можемъ, имѣя кажется, не сказать, что практическая школа высшаго образованія принадлежитъ къ числу образцовыхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

СОРБОННА

(Историко-филологическій факультетъ).

Сорбонна почти ничего не удѣляетъ востоку: въ ней читается санскритъ вмѣстѣ съ сравнительной грамматикой и теперь совершенно случайно, вслѣдствіе симпатіи преподавателей, гг. Генри и Леви, въ большемъ объемѣ, чѣмъ обыкновенно читаютъ филологамъ-лингвистамъ. Кромѣ того читается вольный курсъ г. Каеюмъ (Caumont) исторіи и географіи Средней Азій; программа этого курса слѣдующая: образованіе государствъ въ Средней Азій съ XIII—XVI вѣкъ, изслѣдованіе Азій съ XIV вѣка до русскаго завоеванія; движеніе Россіи въ Азій до постройки Закаспійской желѣзной дороги.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ШКОЛА ЖИВЫХЪ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ (ÉCOLE SPÉCIALE DES LANGUES ORIENTALES VIVANTES) ¹⁾.

Десятаго жерминаля III года (30-го марта 1795 г.) національный конвентъ слушалъ докладъ своего члена, извѣстнаго Лаканала, о необходимости учредить въ Парижѣ практическую школу живыхъ восточныхъ языковъ. „У наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ Европы“, такъ начинается этотъ докладъ, „восточные языки занимаютъ выдающееся мѣсто во всѣхъ заведеніяхъ, посвященныхъ просвѣщенію. Языки эти, находившіеся въ пренебреженіи во Франціи съ начала этого столѣтія, почти совсѣмъ были оставлены во время революціи“. Языки эти, по мнѣнію докладчика, дѣлятся на языки живые и языки ученые или мертвые. „Изученіе различныхъ этихъ (то-есть, мертвыхъ) языковъ необходимо для основательнаго изученія древностей Азіи; но подоблаго рода работы могутъ быть успѣшны лишь въ томъ полномъ спокойствіи, которое немислимо среди волненій, неизбѣжно сопровождающихъ великія революціи; каждый гражданинъ въ эти дни обязанъ отдавать все свое время родинѣ, и онъ можетъ предаться изслѣдованіямъ, удовлетворяющимъ одной любознательности. только тогда, когда страна его наслаждается среди прочнаго мира плодами поздней свободы“... Если такимъ образомъ въ данное время

¹⁾ Мы пользовались кромѣ указаній профессоровъ, правилъ и программы слѣдующими источниками и пособіями: *Convention Nationale. Rapport sur les langues orientales, commerciales et diplomatiques, fait au nom des comités d'instruction publique et des finances, par Lakanal, député du département de l'Ariège. Imprimé par l'ordre de la Convention Nationale. Silence ou Vérité. A Paris de l'Imprimerie Nationale. Germinal, an III (8 pp. in 8°).—Documents relatifs à la constitution et à l'histoire de l'École Spéciale des langues orientales vivantes. Paris 1872.—Notice historique sur l'École Spéciale des langues orientales vivantes. Paris 1883. (Extrait des Mélanges Orientaux).—Vaisé L. Essai sur l'histoire de la philologie orientale en France. Paris 1844. (Extr. du Dict. Encycl. de l'histoire de France).—Masson F. Les jeunes de langues, notes sur l'éducation dans un établissement des jésuites au XVIII siècle. (Correspondant, 10 septembre 1881).—Omont H. Documents sur les jeunes de langues et l'Imprimerie Orientale à Paris en 1719. (Extr. Bull. Soc. d'Hist. de Paris et de France juillet-août 1890, pp. 16 in 8°). Этими книгами и другими изданіями, относящимися къ исторіи преподаванія и изученія восточныхъ языковъ, мы могли пользоваться въ чрезвычайно богатой и благоустроенной библіотекѣ самой школы, библіотекаръ которой, г. Ламбретъ, хорошо извѣстенъ всѣмъ ориенталистамъ своей необыкновенной любезностью.*

изученіе мертвыхъ языковъ востока было немислимо, то чувствовалась, по мнѣнію докладчика, настоятельная необходимость въ правильномъ устройствѣ преподаванія живыхъ восточныхъ языковъ. Дѣйствительно, изученіе и преподаваніе восточныхъ языковъ во Франціи совсѣмъ пало съ конца XVII вѣка, и правительство не имѣло даже достаточнаго числа надежныхъ переводчиковъ. Конвентъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ для блага государства, и въ данномъ случаѣ немедленно рѣшилъ открыть школу для преподаванія восточныхъ языковъ. Декретъ конвента, которымъ полагалось основаніе школы живыхъ восточныхъ языковъ, такъ выразителенъ и простъ въ своемъ лаконизмѣ, что мы считаемъ нужнымъ привести его цѣликомъ.

Национальный конвентъ, выслушавъ отчетъ своихъ комитетовъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, постановляетъ:

I. Въ помѣщеніи національной бібліотеки учреждается публичная школа, предназначенная для преподаванія живыхъ восточныхъ языковъ; она признается полезной для государства въ отношеніи политики и торговли.

II. Школа восточныхъ языковъ будетъ состоять изъ: 1) профессора арабскаго литературнаго и народнаго языка; 2) профессора турецкаго и крымскотатарскаго; 3) профессора персидскаго и малайскаго.

III. Профессора будутъ объяснять своимъ ученикамъ политическія и торговыя сношенія, въ которыхъ состоятъ съ французской республикой народы, говорящіе на языкахъ, ими преподаваемыхъ.

IV. Упомянутые профессора составятъ по-французски грамматики языковъ, ими преподаваемыхъ; сочиненія эти будутъ переданы комитету народнаго просвѣщенія.

V. Способы назначенія и вознагражденія профессоровъ школы восточныхъ языковъ будутъ тѣ-же, что для профессоровъ центральныхъ школъ, учрежденныхъ закономъ 7-го минувшаго вентоза.

VI. Комитету народнаго просвѣщенія предстоитъ распорядиться устройствомъ внутренняго управленія школы восточныхъ языковъ.

Лекціи начались 4-го мессидора IV года (22-го іюня 1796); первыми профессорами были: для персидскаго Ланглэсъ, для арабскаго Сильвестръ де Саси; первый объяснялъ: „Военные институты Тимура“ и „Сношенія Шахъ Соха, царя Персіи, съ Дай-миномъ, императоромъ Китая, для установленія политическихъ и торговыхъ сношеній между двумя этими странами“. Саси объяснялъ Коранъ и басни въ Калила ве Димна.

Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за развитіемъ школы, и потому мы сейчасъ переходимъ къ современному ея положенію.

Школа имѣетъ теперь свое собственное зданіе на углу rue des

Saints Pères и rue de Lille. Директоромъ ея состоитъ извѣстный ориенталистъ Шеферъ. Преподаваніе слѣдующее:

Арабскій литературный	профессоръ	Гартвигъ Деренбургъ (Degenbourg).
Арабскій народный	"	Удасъ (Houdas) и туземный лекторъ Махмудъ-абудъ Насръ.
Персидскій	"	Шеферъ (Schefer).
Турецкій	"	Барбье де Менаръ (Barbier de Meunard), туземный лекторъ Мухраъ Калпакьянъ.
Малайскій и яванскій	"	А. Марръ (Marre).
Армянскій	"	Каррьеръ (Carrière).
Пологреческій	"	Легранъ (Legrand).
Китайскій	"	Девериа (Déveria), туземный лекторъ Ше-цень.
Японскій	"	де Рони (de Rosny).
Аннамскій	"	Бонэ (Bonet).
Индустана и Тамиль	"	Венсонъ (Vinson).
Русскій	"	Буае (Boyer), лекторъ Владиміровъ.
Румынскій	"	Пико (Picot).
Географія, исторія и законодательство странъ крайняго востока	"	Кордые (Cordier).
Добавочный курсъ: Географія, исторія и законодательство мусульманскихъ странъ	"	Равэсъ (Ravaisse).

Курсъ трехгодичный; бесплатный; чтобы поступить слушателемъ въ школу, надо представить дипломъ бакалавра наукъ филологическихъ или естественныхъ. По истеченіи каждаго года происходятъ экзамены; не явившіеся безъ уважительной причины на экзамены слушатели могутъ продолжать занятія уже только какъ вольнослушатели. Слушатель, пробывшій три года въ школѣ и успѣшно выдержавшій всѣ испытанія, получаетъ дипломъ школы. Списокъ окончившихъ курсъ съ дипломомъ сообщается министерствамъ: иностранныхъ дѣлъ, военному, морскому и торговли. Слушатели, особенно отличившіеся, могутъ быть посланы для дальнѣйшаго усовершенствованія на востокъ.

Лица, не имѣющія диплома бакалавра, могутъ записываться слушателями коммерческаго отдѣленія и по окончаніи курса получаютъ особые дипломы.

Начиная со второго года занятій, слушатели могутъ получать пособія, не превышающія, однако, сумму тысячи пятисотъ франковъ; кромѣ этихъ пособій существуютъ еще различныя стипендіи. Необходимо также указать на то, что школа имѣетъ превосходную бібліотеку, содержимую въ истинно-образцовомъ порядкѣ.

Изъ указанного перечня предметовъ видно, что школа продолжаетъ сохранять свой практическій характеръ, и потому слушатели, желающіе ознакомиться немного и съ древнимъ востокомъ, посѣщаютъ лекціи французской коллегіи и иногда записываются и въ практическую школу высшаго образованія; эти дополнительные занятія сильно поощряются начальствомъ школы.

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть о томъ, что въ текущемъ году замѣчается сильный наплывъ слушателей на лекціи по русскому языку: ихъ записалось, какъ мнѣ сообщали, до пятидесяти человекъ.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ШКОЛА (ÉCOLE COLONIALE) ¹⁾.

Колониальная школа основана декретомъ 23-го ноября 1889 г. и состоитъ въ вѣдѣніи министерства торговли, промышленности и колоній; она имѣла въ виду съ одной стороны давать извѣстное спеціальное образованіе французамъ, желавшимъ служить или вообще искать себѣ занятій въ колоніяхъ, и съ другой—образовывать туземцевъ. О второй цѣли распространяться не стоитъ, потому что администрація, видимо, сама уже недовольна полученными результатами, и туземное отдѣленіе обречено на закрытіе; преслѣдовать двѣ разныя цѣли въ одномъ учебномъ заведеніи оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, неудобнымъ. Мы видѣли еще, при обходѣ школы, въ одной изъ залъ двухъ маленькихъ учениковъ этого отдѣленія, которые, не смотря на свой европейскій костюмъ, казались какъ-то совсѣмъ потерянными и несчастными.

Французское отдѣленіе школы даетъ возможность молодымъ людямъ приготовиться къ занятію мѣстъ въ слѣдующихъ частяхъ администраціи: 1) центральное управленіе колоній, 2) колониальныя судебныя учрежденія, 3) колониальный комиссаріатъ (интендантство), 4) канцелярія главнаго управленія дѣлами Кохинхины, 5) администрація туземныхъ дѣлъ въ Кохинхинѣ, 6) персоналъ резидентствъ

¹⁾ Свѣдѣніями относительно этой школы мы обязаны любезности ея директора, извѣстнаго знатока Индо-Китая, г. Эмонье (Aumonier), который показалъ намъ всю школу и снабдилъ программой и планами.

ль Камбоджѣ, Аннамѣ и Тонкинѣ, 7) колоніальная администрація, 8) администрація колоній преступниковъ въ Гвіанѣ и Новой Каледоніи. Кроме того школа готовитъ къ успѣшнымъ занятіямъ торговлей и земледѣліемъ въ колоніяхъ, давая рядъ соотвѣствующихъ практическихъ курсовъ.

Отъ всякаго молодаго человѣка при поступленіи требуется, чтобы 1) онъ былъ французъ по рожденію или натурализованъ во Франціи и 2) чтобы онъ имѣлъ дипломъ бакалавра или дипломъ высшаго курса наукъ школы высшихъ коммерческихъ наукъ, коммерческаго института въ Парижѣ или какой-нибудь изъ высшихъ коммерческихъ школъ, признанныхъ правительствомъ. Въ школѣ курсъ длится *три года* и только для тѣхъ изъ слушателей, которые имѣютъ дипломъ лиценціата правъ, курсъ сокращается до *двухъ лѣтъ*. Для тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые желаютъ только получить рядъ практическихъ свѣдѣній, имѣя въ виду поселиться въ колоніяхъ, курсъ длится всего *одинъ годъ* въ особомъ „коммерческомъ“ отдѣленіи; отъ такихъ слушателей при поступленіи требуется дипломъ одной изъ высшихъ коммерческихъ школъ.

Предметы преподаванія дѣлятся на общіе и спеціальныя; лекціи устроены такъ, чтобы слушатели могли слѣдить за лекціями юридическаго факультета, въ виду требуемаго при окончаніи курса диплома лиценціата правъ. Кроме наукъ слушатели обучаются строю, фехтованію и верховой ѣздѣ; отъ этихъ занятій освобождены только слушатели „коммерческаго отдѣленія“.

Предметы преподаванія въ настоящее время слѣдующіе (школа имѣетъ въ виду нѣсколько расширить преподаваніе въ сторону теоретическую—знакомства съ исторіей и древностями колоній, особенно Индо-Китая):

Курсы общіе:

1) Исторія французской колонизаціи (1492—1815), 2) современная французская колонизація, 3) иностранныя колонизаціонныя системы (въ этомъ году курсъ: сравненіе русской колонизаціи (Туркестанъ) и французской—(Алжиръ), 4) общая организація колоній.

Курсы вспомогательныхъ наукъ:

1) Акклиматизація и практическая медицина (гигіена, борьба съ эпидеміями и т. п.), 2) практическая топографія, 3) счетоводство, 4) этнографія, 5) элементы строительнаго искусства, 6) колоніальное производство, 7) языки: англійскій, нѣмецкій, испанскій.

Спеціальныя курсы по группамъ.

I. Колоніальный комиссаріатъ (интендантство): II. 1) исторія, нравы и вѣрованія Индо-Китая, 2) законодательство и администрація Индо-Китая, 3) аннамитскій языкъ и элементы китайской письменности, 4) камбоджскій языкъ; III. 1) разговорный арабскій языкъ, 2) мусульманское право, 3) законодательство и администрація французскихъ владѣній въ Африкѣ; IV. 1) уголовное законодательство, 2) сравнительный обзоръ пенитенціарныхъ системъ.

Лекціи читаются по преимуществу лицами, имѣющими большую опытность въ колоніальныхъ дѣлахъ, и носятъ, почти всѣ, строго-практическій характеръ.

Взносъ слушателей—150 франковъ въ годъ за лекціи по наукамъ и 152 франка за строй, фехтованіе и верховую ѣзду. Недостаточные слушатели, предназначающіе себя къ службѣ въ комиссаріатѣ, могутъ быть освобождены отъ взноса платы черезъ годъ по поступленіи въ школу, если они бакалавры и немедленно, если они лиценціаты. Кромѣ того въ школахъ есть 12 стипендій по 600 франковъ для слушателей послѣдняго года, готовящихся къ комиссаріату, и шесть такихъ же стипендій для слушателей, предназначающихъ себя къ службѣ по администраціи колоній преступниковъ. Для окончившихъ курсъ имѣется еще 12 единовременныхъ пособій въ 600 франковъ каждое, выдаваемыхъ лицамъ, уже поступившимъ на службу по комиссаріату.

Продолжительность учебнаго года и способъ занятій въ школахъ тѣ же, что во всѣхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; экзамены ежегодные, и для перехода съ одного курса на другой требуется въ среднемъ отмѣтка 13 (на 20).

Кромѣ постоянныхъ слушателей, допускаются и вольнослушатели.

Завѣдуетъ школой директоръ, который есть членъ администратіоннаго совѣта школы, состоящаго подъ предсѣдательствомъ товарища государственнаго секретаря по колоніямъ.

Колоніальная школа существуетъ еще столь недавно, что трудно, конечно, высказаться вполне опредѣленно относительно значенія, которое она будетъ имѣть; но тотъ фактъ, что не смотря на значительное число оканчивающихъ курсъ, они не только всѣ получаютъ назначенія, но даже оказывается много мѣстъ, на которыхъ не хватаетъ кандидатовъ, указываетъ на то, что довѣріе заинтересованныхъ вѣдомствъ къ школахъ уже и теперь велико. Правда, среди старыхъ колоніальныхъ администраторовъ раздаются жалобы на неопыт-

ность питомцевъ школы, но жалобы эти врядъ ли заслуживаютъ вниманія, такъ какъ самое лучшее учебное заведеніе не можетъ дать жизненной опытности, которая пріобрѣтается годами работы на мѣстѣ. Учебное заведеніе даетъ человѣку тѣ теоретическія основы, безъ которыхъ немислимо серьезно и плодотворно пользоваться жизненнымъ опытомъ. Каждый годъ жизни колониальной школы далъ уже рядъ улучшеній; надо полагать, что созданіе министерства колоній, только что рѣшенное палатами, отзовется особенно благопріятно на школы, которая при энергіи ея теперешняго директора можетъ скоро стать образцовой.

КАТОЛИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ (INSTITUT CATHOLIQUE DE PARIS) ¹⁾.

Католическій институтъ въ Парижѣ былъ основанъ вскорѣ послѣ изданія закона 12-го іюля 1875 года, которымъ разрѣшалось открытіе вольныхъ, не государственныхъ университетовъ, и назывался тогда „Католическимъ Парижскимъ университетомъ“ (Université Catholique de Paris). Послѣ закона 18-го марта 1880 года, которымъ у вольныхъ высшихъ учебныхъ заведеній отнималось право названія университета и право экзаменовъ на степени, онъ сталъ называться католическимъ институтомъ, состоящимъ изъ богословскаго и юридическаго факультетовъ и вольной высшей школы гуманитарныхъ и точныхъ наукъ (École libre de hautes études littéraires et scientifiques).

Преподаваніе восточныхъ языковъ слѣдующее: *еврейскій языкъ*: профессоръ аббатъ *Луази* (Loisy); *ассирійскій языкъ*: онъ же; *сирійскій языкъ*: аббатъ *Граффенъ* (Graffin); *арабскій языкъ*: баронъ *Карра де-Во* (Carra de Vaux); *китайскій языкъ и литература*: г. *Антонини* (Antonini); *санскритскій языкъ*: въ настоящее время уѣхавшій профессоръ аббатъ *Ван-ден-Гейнъ* (Van den Gheyn) еще не замѣщенъ. Занятія ведутся, какъ обыкновенно, въ видѣ практическихъ занятій, число слушателей довольно ограниченное, но на курсахъ сирійскаго языка уже достигнуты довольно значительные успѣхи, такъ что аббатъ Граффенъ уже изъ своихъ учениковъ имѣетъ себѣ помощниковъ въ своемъ монументальномъ предпріятіи Patrologia Sy-

¹⁾ Мы пользовались Ежегодникомъ института: Annuaire de l'Institut Catholique (1883 — 1894) и послѣдними отчетами въ декабрьскомъ номерѣ Bulletin de l'Institut Catholique. Обильными свѣдѣніями снабдили насъ съ величайшей любезностью профессора аббаты *Руссло*, *Граффенъ* и *Берль*. Мы намѣрены въ другомъ мѣстѣ подробнѣе коснуться католическаго института.

гіаса, которое въ текстахъ и переводахъ на подобіе патрологіи Миня, должно объять всю сирійскую духовную литературу. Разовьется ли еще больше преподаваніе восточныхъ языковъ въ институтѣ сказать трудно, такъ какъ у него много конкурентовъ въ прекрасно обставленныхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; несомнѣнно одно, что какъ частная попытка въ области высшаго образованія католической институтъ заслуживаетъ живѣйшаго сочувствія и пожеланій дальнѣйшаго, успѣшнаго развитія.

ЛУВРСКАЯ ШКОЛА (ÉCOLE DU LOUVRE).

Чувствуя потребность связать великолѣпные музеи Лувра съ преподаваніемъ и позаботиться о художественно-научномъ образованіи народа, правительство открыло рядъ соотвѣтствующихъ публичныхъ курсовъ, назвавъ ихъ Луврской школой. Когда школа основывалась и до сихъ поръ еще противъ нея слышатся многія возраженія, изъ которыхъ самое существенное, на нашъ взглядъ то, что этою школою дробится еще больше, и такъ уже сильно раздробленное въ Парижѣ, преподаваніе. Дѣйствительно не вполне ясно, почему курсы, читаемые въ Луврской школѣ, не могли бы читаться съ полнымъ успѣхомъ въ Сорбоннѣ или въ школѣ высшихъ наукъ или во французской коллегіи.

Востока въ преподаваніи школы касаются слѣдующіе курсы: *Восточная археологія и древняя керамика* профессора Гёзе (Heuzey) и Потье (Pottier); *египетская археологія* профессора Пьерэ (Pierret); *демотическіе тексты, коптскій языкъ и египетское право* профессора Ревилью (Reville); *восточная эпиграфика* профессора Ледрена (Ledrain).

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ¹⁾.

Внѣ Парижа преподаваніе восточныхъ языковъ сводится къ немногимъ кафедрамъ въ Алжирѣ и отдѣльнымъ болѣе или менѣе слу-

¹⁾ Кромѣ отчетовъ высшихъ школъ въ Алжирѣ мы пользовались, на ряду съ личными указаніями нѣкоторыхъ профессоровъ, еще: *Annuaire de l'instruction publique des beaux arts et des cultes pour l'année 1894 rédigé et publié par M. M. Delalain*. Paris. 1894 (доведено до 3-го февраля 1894 года) и превосходнѣйшею *Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt*. Herausgegeben von Dr. R. Kuhlke und K. Trübner. Dritter Jahrgang 1893—1894. Strassburg. 1894.

чайнымъ курсамъ въ провинціальныхъ факультетахъ. Еще въ 1790 г. Лангласъ въ своемъ адресѣ національному собранію говорилъ о необходимости восточныхъ кафедръ кромѣ Париза и въ Марселѣ; желаніе его не исполнено и понынѣ, и только въ Марсельскомъ музеѣ среди новыхъ языковъ, нѣмецкаго, италіанскаго, англійскаго и новогреческаго, мы находимъ и арабскій языкъ.

Въ высшихъ школахъ города Алжира, историко-филологической и правъ, читаются слѣдующіе курсы; въ первой: *географія Африки*, профессоръ *Ка* (Cat); *исторія и древности Африки*, профессоръ *Маскэ* (Mazquegaу); *арабскій языкъ*, профессоръ *Бассэ*; дополнительные курсы (cours complémentaires): *разговорный арабскій языкъ*, г. *Белькасемъ бенъ Седира* (Belkasem ben Sedira); *арабская и персидская литературы*, г. *Фаньянъ* (Fagnan); *египтологія*, г. *Лефобюръ* (Lefébure); *археологія*, г. *Гселль* (Gsell); въ школахъ правъ: *мусульманское законодательство и туземное обычное право*, профессоръ *Эстублонъ* (Estoublon). Кромѣ того изъ отчетовъ школъ видно, что по временамъ читаются и другіе курсы, такъ, напримѣръ, эѳіопскаго языка, берберскихъ нарѣчій, кабилскаго языка; за текущій годъ ихъ нѣтъ въ Ежегодникѣ. Въ высшемъ образованіи кромѣ Алжира есть еще публичные курсы *арабскаго языка* въ Константинѣ (г. Мотылинскій—Motylinski) и Оранѣ (г. Дельфэнъ—Delphin и Мульэра—Mouliéras). Въ среднемъ образованіи *арабскій языкъ* входитъ въ преподаваніе всѣхъ лицеевъ въ отдѣленіяхъ Enseignement moderne (отдѣленіе безъ древнихъ языковъ) и всѣхъ учительскихъ семинарій, мужскихъ и женскихъ; въ одной изъ семинарій преподается кромѣ того и кабилскій языкъ.

На историко-филологическомъ факультетѣ въ *Лионѣ* читаются курсы *санскритскаго языка* (профессоръ Реньо—Regnaud) и *египтологія* (профессоръ Лорэ—Loget); одно время здѣсь преподавался еще и японскій языкъ.

Лилль имѣетъ на вольномъ теологическомъ факультетѣ кафедры: *еврейскаго языка* (аббатъ Флорансъ—Florencé) и *восточной археологіи* (аббатъ Панные—Pannier).

Въ *Анжэ* на вольномъ историко-филологическомъ факультетѣ есть кафедра *восточныхъ литературъ*, занятая старымъ ученикомъ Бурпуфа, *Пави* (Pavie).

Въ *Тулузѣ* въ вольной высшей теологической школахъ читаются языки *еврейскій* и *арамейскій* (г. Ампуланжъ—Amroulange).

Историко-филологическій факультетъ въ *Эксѣ* имѣетъ привать-до-

центскій курсъ (сопгs libre) еврейскаго языка; онъ читается г. де-Дюранти ла Каладъ (de Duranti la Calade).

Въ Тунисѣ на подобіе Алжира есть высшій публичный курсъ арабскаго языка (читаетъ г. Дельма—Delmas) и кромѣ того арабскій языкъ введенъ и въ среднее образованіе.

Съ уничтоженіемъ въ серединѣ восьмидесятихъ годовъ правительственныхъ теологическихъ факультетовъ, которые, не признаваемые Римомъ, почти не имѣли слушателей, уничтоженъ былъ цѣлый рядъ кафедръ еврейскаго языка; уничтожены также курсы: семитическихъ языковъ въ Лионѣ и арабскаго языка въ Монпелье.

Скудость преподаванія восточныхъ языковъ въ провинціи объясняется общимъ характеромъ французскаго высшаго образованія, крайней централизаціей, и отсутствіемъ во Франціи университетовъ. Движеніе въ пользу образованія университетовъ несомнѣнно отзовется благотворнѣйшимъ образомъ и на преподаваніи восточныхъ языковъ въ провинціи.

Сергій Ольденбургъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОФЕССОРЪ ПУНТШАРТЪ И НАУКА ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА ВЪ ГЕРМАНИИ.

„Les principes et les motifs des principes:
c'est le droit“. (Laurent).

Наука гражданского права представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ человѣческаго знанія. Сколько силъ, сколько труда было потрачено въ этой области въ поискахъ за истиной! И нужно замѣтить, что эти траты не были напрасны. Въ древнемъ Римѣ наука гражданского права была юриспруденціей: она обнимала въ себѣ все тогдашнее правовѣдѣніе. Съ той поры и по настоящее время наука гражданского права стоитъ во главѣ юридическихъ наукъ; она — тотъ центръ, то ядро, около котораго группируются остальные отдѣлы современнаго правовѣдѣнія.

Нужно, однако, замѣтить, что въ настоящее время наука гражданского права занимаетъ такое высокое положеніе лишь въ одной странѣ цивилизованнаго міра. И этой страной является Германія. Конечно, и другія страны отдають свои силы на уясненіе принциповъ науки гражданского права. Но тамъ, въ этихъ другихъ странахъ (напримѣръ, во Франціи), гражданское право изучается главнымъ образомъ съ точки зрѣнія его практическаго примѣненія. Въ Германіи же, напротивъ, практическое примѣненіе гражданского права отступаетъ на задній планъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Германскіе ученые стараются проникнуть въ душу гражданского права, въ то святая святыхъ этой области, которое закрыто непроницаемой завѣсой для практиковъ, отыскать *Eckstein* гражданского права, который лежитъ въ основаніи всѣхъ его *Grundelemente*.

Я не буду здѣсь указывать на тѣ приемы, которыми руководство-

вались ученые разныхъ временъ и народовъ при изученіи вопросовъ гражданскаго права: они слишкомъ извѣстны, эти приемы глоссаторовъ, комментаторовъ, школы изящной юриспруденціи, школы философской, исторической и историко-философской. Я остановлюсь здѣсь лишь на разсмотрѣніи тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришла наука гражданскаго права при помощи названныхъ приемовъ, при чемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи буду пользоваться данными, заключающимися въ книгѣ г. Пунтшарта, которая носитъ заглавіе: „Die moderne Theorie des Privatrechts und ihre grundbegrifflichen Mängel, Leipzig, 1893“. Я позволю себѣ изложить здѣсь господствующее въ настоящее время въ германской литературѣ гражданскаго права ученіе и укажу его достоинства и недостатки; затѣмъ, очерчу возможно кратче характерныя черты и особенности того новаго ученія въ этой области, которое зародилось еще въ ученіяхъ Савиньи, Игеринга и Беккера и развито въ подробностяхъ и ясной формѣ профессоромъ Инсбрукскаго университета, докторомъ римскаго права—Пунтшартомъ.

Извѣстно, что господствующимъ въ настоящее время въ германской литературѣ гражданскаго права направленіемъ является направленіе субъективнаго права. Это направленіе зародилось еще у глоссаторовъ, было поддержано философій естественнаго права и развито въ стройныхъ системахъ гражданскаго права современными германистами и романистами среди нѣмецкихъ ученыхъ. Въ общихъ чертахъ это ученіе можетъ быть характеризовано такимъ образомъ. Краеугольнымъ камнемъ въ зданіи науки гражданскаго права является понятіе субъективнаго права. Субъективное право, представляющееся господствомъ воли лица управомоченнаго: dürfen, können. Willensmacht, — есть коренное понятіе, лежащее въ основѣ всѣхъ институтовъ гражданскаго права, понятіе, объясняющее строй и развитіе этихъ институтовъ. Нужно при этомъ замѣтить, что и германисты, и романисты, строя институты гражданскаго права на почвѣ права субъективнаго, полагаютъ, что они держатся въ этомъ случаѣ точки зрѣнія великихъ римскихъ юристовъ, и что выставленный ими Eckstein есть дѣйствительно коренное понятіе науки гражданскаго права.!

Однако, кто мало мальски знакомъ съ ученіями римскихъ юристовъ, тотъ знаетъ, что имъ чуждо было понятіе субъективнаго права въ смыслѣ основнаго понятія науки гражданскаго права. Кто, далѣе, хотя отчасти знакомъ съ германской литературой по гражданскому праву, тотъ смѣло можетъ утверждать, что сами нѣмецкіе ученые цивилисты

не могли создать стройныхъ системъ гражданского права на почвѣ права субъективнаго и уяснить посредствомъ этого понятія природу институтовъ частнаго права. Стоитъ только всмотрѣться въ то разнообразіе и противорѣчіе во мнѣніяхъ, которое имѣется въ современной германской литературѣ по кардинальнымъ вопросамъ гражданского права, чтобы убѣдиться во всей справедливости сдѣланнаго мною замѣчанія. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу здѣсь ученія германскихъ юристовъ о правѣ собственности, сервитутахъ, объ обязательствахъ и залогѣ.

Собственность... Ни одинъ вопросъ среди вопросовъ гражданского права не представляетъ такого интереса, какъ вопросъ о правѣ собственности. У кого нѣтъ права собственности? Кому чуждо это юридическое учрежденіе?! Понятно, что съ давнишнихъ временъ пытались разрѣшить вопросъ о природѣ этого всѣмъ близкаго права. Понятно, что въ этихъ попыткахъ установилось множество точекъ зрѣнія на этотъ институтъ, и что германскіе цивилисты, увлеченные принципомъ субъективнаго права, взглянули на институтъ собственности съ ихъ своеобразной точки зрѣнія. Савиньи, Пухта, Арндсъ, Бёккингъ, Вагнеръ, Вѣхтеръ, Беттманъ-Гольвегъ, Брунсъ, Гаррманъ, Вангеровъ, Ранде, Данъ, Кунце, Дернбургъ, Штоббъ, Гейслеръ и др. видятъ въ правѣ собственности субъективное право, юридическое господство лица надъ тѣлесной вещью. Но если названные ученые сходятся въ опредѣленіи основнаго характера права собственности, они расходятся въ опредѣленіи объема и границъ этого права. Такъ, Кунце полагаетъ, что право собственности состоитъ во власти лица опредѣлять юридическую судьбу вещи. По мнѣнію Дернбурга, это право состоитъ въ такомъ господствѣ лица надъ тѣлесной вещью, которому поставлены границы лишь законами права и природы. Штоббъ видитъ въ правѣ собственности — *die oberste Herrschaft über eine Sache, aus welcher alle anderen Rechte an ihr abgeleitet sind*, а Гейслеръ—такое право, которое способно—*seine volle Ausübung in allseitiger Beherrschung des Gegenstandes, an dem es besthet, sowohl in Bezug auf Nutzung als Verfügung zu finden*. Такимъ образомъ, право собственности есть юридическое господство лица надъ тѣлесной вещью. Нѣкоторые изъ приверженцевъ этого ученія (напр., Гиртанеръ, Лейстъ, Пагенштехеръ) доходятъ въ своихъ представленіяхъ о господствѣ индивидуальной воли до такихъ преувеличеній, что видятъ въ правѣ собственности *die den Körper einer Sache erfüllende Macht der Person*.

Таково ученіе большинства нѣмецкихъ цивилистовъ о правѣ собственности. Право собственности—это юридическое господство лица надъ тѣлесной вещью. Но—такъ ли? Дѣйствительно ли „господство“ составляетъ характерную черту института собственности? Если право собственности представляетъ собой юридическое господство воли лица (*Willensmacht*) надъ тѣлесной вещью, то какъ объяснить существованіе права собственности тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для осуществленія этого господства, на примѣръ, когда право собственности ограничено узупруктомъ, эмфитевзисомъ, суперфициесомъ, или когда собственникъ потерялъ владѣніе? Какъ объяснить существованіе права собственности у такихъ лицъ, у которыхъ нѣтъ способности къ волеопредѣленію, какъ, на примѣръ, у лицъ юридическихъ, или у такихъ, которые не могутъ имѣть достаточной съ юридической точки зрѣнія воли, какъ, на примѣръ, у малолѣтнихъ, безумныхъ, сумасшедшихъ? Если душу (*das Wesen*) собственности составляетъ юридическое господство воли лица управомоченнаго, то невозможно ни дѣленіе, ни ограниченіе собственности, ибо въ первомъ случаѣ собственность прекратилась бы, а во второмъ вошелъ бы въ нее элементъ стѣсненія и подчиненія: „eine Beschränkung dasselbe (Eigenthum) verkümmern müsste“. Словомъ, имѣется много данныхъ противъ того, чтобы *Willensmacht* считать характернымъ признакомъ права собственности. Вотъ почему и среди послѣдователей школы субъективнаго права въ Германіи выдѣлилась группа ученыхъ цивилистовъ, которые *das Wesen des Eigenthums* видятъ не въ юридическомъ господствѣ лица надъ тѣлесной вещью, а въ принадлежности вещи опредѣленному лицу. Такъ, Нейнеръ, Виртъ, Пфаффъ и Гофманъ опредѣляютъ собственность, какъ отношеніе принадлежности (*ein Zugehörigkeitsverhältniss*). Цзилярцъ (*Czyhlarz*) и Виндшейдъ подъ собственностью разумѣютъ такого рода право лица на вещь, въ силу котораго вещь принадлежитъ опредѣленному лицу, уполномоченному, во первыхъ, распорядиться фактически и юридически этой вещью по своему произволу (*nach Seiner Willkür*), а во вторыхъ, устранять всякое воздѣйствіе третьяго лица на вещь. Ученія названныхъ юристовъ ближе затрогиваютъ истинную природу института собственности, чѣмъ ученія приведенныхъ выше писателей. Однако, и по поводу этихъ ученій нужно замѣтить, во первыхъ, что *Zugehörigkeit einer Sache* не представляетъ собой субъективнаго права, какимъ должно быть право собственности съ точки зрѣнія ученыхъ этой группы; во вторыхъ, *Zugehörigkeit einer Sache* не исчерпываетъ всего

содержанія института собственности, а представляет собой лишь одну изъ его юридическихъ особенностей.

Кромѣ приведенныхъ двухъ группъ мнѣній по вопросу о природѣ института собственности, среди нѣмецкихъ послѣдователей школы субъективнаго права образовалось еще нѣсколько группъ, давшихъ особыя опредѣленія института собственности. Такъ, Тонъ, Ленель и Шей видятъ юридическую особенность права собственности въ томъ соотношеніи, въ которомъ воля собственника находится съ волей лицъ, ему противопоставленныхъ. Поэтому, Тону право собственности представляется состоящимъ изъ однихъ воспрещеній' (aus Verboten). Поэтому Ленель видитъ въ правѣ собственности такого рода право, носитель котораго можетъ требовать отъ безграничнаго числа лицъ прекращенія всякаго нарушенія его правомочій относительно вещи и для осуществленія этого требованія имѣетъ соответствующее Zwangsbefugniss. Поэтому Шей опредѣляетъ собственность, какъ *Inbegriff einer unendlichen Menge negativer Ansprüche*. Нельзя не замѣтить по поводу приведенныхъ опредѣленій, что они построены на такомъ раздѣленіи субъективныхъ правъ, которое совершенно было чуждо римскимъ юристамъ (а и Тонъ, и Ленель, и Шей въ своихъ изслѣдованіяхъ стоятъ на почвѣ римскаго права). Это именно то дѣленіе, по которому одну группу составляютъ права, направляющіяся противъ всѣхъ лицъ; а другую—такія права, которыя направляются лишь противъ опредѣленныхъ лицъ. Но и помимо этого, указанныя опредѣленія института собственности не представляются удовлетворительными уже потому, что въ нихъ собственность характеризуется такими чертами, которыя свойственны всякому институту гражданскаго права. Въ самомъ дѣлѣ, если собственность состоитъ изъ однихъ воспрещеній, въ такомъ случаѣ ея характерною особенностью будетъ обращенное къ третьимъ лицамъ требованіе, чтобы никто не противорѣчилъ *Eigentumswillen* собственника, не вредилъ ему. А это послѣднее требованіе представляетъ собой лишь примѣненіе къ институту собственности общей максимы: „*alterum non laedere*“, то-есть, того общаго правила, по которому обладатель всякаго права можетъ требовать отъ третьихъ лицъ уваженія къ своему праву.

Таковы попытки послѣдователей школы субъективнаго права опредѣлять природу института собственности. Мы видѣли, какъ неудачны эти попытки. Мы видѣли также, что вся неудачность этихъ попытокъ объясняется стремленіемъ ученыхъ опредѣлить собственность съ точки зрѣнія субъективнаго права. На это обстоятельство обра-

тили вниманіе Бринцъ и Игерингъ и въ своихъ ученіяхъ о собственности сошли съ почвы субъективнаго права. Именно: Бринцъ опредѣляетъ собственность, какъ юридическую связь (*die rechtliche Verbindung*) опредѣленной вещи съ даннымъ лицомъ; а Игерингъ—какъ *das primäre Bestimmungsverhältniss der Sache für das menschliche Bedürfniss*.

Такимъ образомъ, современная теорія гражданскаго права встрѣтила большія затрудненія при опредѣленіи основной идеи института собственности. Еще большія затрудненія должна была встрѣтить эта теорія при опредѣленіи характерныхъ чертъ и особенностей сервитутовъ, такъ какъ пониманіе истинной природы послѣднихъ возможно лишь при пониманіи собственности, являющейся кореннымъ понятіемъ въ системѣ вещныхъ правъ.

Послѣдователи теоріи субъективнаго права согласны въ томъ, что древнѣйшими *iura in re* у римлянъ были предіальные сервитуты (*Servitutes praediorum, Praedialservituten*). Но что представляли собой эти древнѣйшія *iura in re* римлянъ, эти предіальные сервитуты? Послѣдователи теоріи субъективнаго права, вѣрные основной идеѣ своихъ ученій, должны были увидѣть и въ предіальномъ сервитутѣ субъективное право, которому соотвѣтствуетъ извѣстная обязанность, субъективное право, при томъ, согласно взглядамъ римскихъ юристовъ, ингерентное той вещи, которая является его объектомъ. Но подобный взглядъ на природу предіальныхъ сервитутовъ представляется въ высшей степени нелѣпнымъ и ведетъ къ абсурднымъ заключеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если предіальный сервитутъ есть субъективное право (*Willensmacht*), ингерентное тому объекту (недвижимому имуществу), который оно охватываетъ, то самъ этотъ объектъ, само недвижимое имущество является носителемъ этого права, его субъектомъ. Къ такому выводу пришелъ дѣйствительно Юкингъ. Бринцъ и Арндтъ удержались отъ подобнаго заключенія, но они вдалились въ другую крайность. По ихъ мнѣнію, предіальный сервитутъ, какъ объективное право, принадлежитъ не недвижимому имуществу, какъ его субъекту, а собственнику господствующаго имѣнія (*praedium dominans*), присоединяясь къ его праву собственности въ качествѣ его аксессуара. Но, еслибы такъ было въ дѣйствительности, еслибы предіальный сервитутъ былъ составной частью права собственности (хотя и вошедшей въ его содержаніе лишь въ послѣдствіи), онъ подлежалъ бы защитѣ посредствомъ тѣхъ исковъ, которыми защищается и право собственности. Но этому нѣтъ подтвер-

жденій ни въ древнихъ, ни въ новыхъ источникахъ гражданскаго права. Мало этого. Еслибы предіальный сервитутъ былъ аксессуаромъ собственности, въ такомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Виядшейдъ, самое существованіе предіального сервитута, какъ особаго института, оказалось бы излишнимъ, а между тѣмъ уже римскіе юристы говорятъ о немъ, какъ о совершенно самостоятельномъ и независимомъ въ своемъ существованіи отъ права собственности юридическомъ учрежденіи.

Не уяснивъ основной идеи предіального сервитута, послѣдователи теории субъективнаго права не могли опредѣлить и характерныхъ чертъ и особенностей этого института. Если предіальный сервитутъ есть субъективное право, то что же это за право? Къ какой категоріи правъ оно должно быть отнесено? Нѣкоторые видятъ въ предіальномъ сервитутѣ право собственности на безтѣлесную вещь. Римскіе источники, — говоритъ, на примѣръ, г. Дюруа, — смотрятъ на сервитутъ, какъ на вещь — *res incorporealis*, служащую предметомъ права собственности и подлежащую защитѣ чрезъ *actio in rem* точно также, какъ, на примѣръ, домъ подлежитъ защитѣ чрезъ *rei vindicatio* въ рукахъ его собственника. Другіе, исходя въ своихъ опредѣленіяхъ предіального сервитута изъ юридическихъ особенностей служащей вещи, считаютъ сервитутъ такимъ правомъ, объектомъ котораго являются эти особенности. Такъ, на примѣръ, Эльверсъ опредѣляетъ сервитутъ какъ *die rechtliche Herrschaft über eine einzelne als selbstständige Sache fingirte Eigenschaft einer fremden Sache*. Того же взгляда держится и Зибенгаръ, по мнѣнію котораго въ предіальномъ сервитутѣ отъ служащей вещи отдѣляется естественная особенность, обеспечивающая выгоды пользованія ею, и переходитъ къ господствующей вещи. Того же взгляда держится и Нейнеръ, по ученію котораго въ предіальномъ сервитутѣ *dient.... dem Berechtigten ein fremdes, sachliches Gut in einer bestimmten Richtung seiner ökonomischer Brauchlichkeit*.

Прямую противоположность этимъ воззрѣніямъ на природу предіальныхъ сервитутовъ составляютъ ученія, исходящія изъ той черты сервитутнаго права, которая характеризуется именемъ ингерентности. Если по ученію Эльверса, Зибенгара, Нейнера объектомъ предіального сервитута является лишь одна особенность *praedii servientis*, то съ точки зрѣнія Пухты, Вангерова, Арядтса, Шёнемана, Кунтце и Дербурга въ предіальномъ сервитутѣ объектомъ субъективнаго права служить не отдѣльная особенность вещи, а употребленіе или пользова-

ніе всей чужой вещи, установленное исключительно въ интересахъ опредѣленнаго недвижимаго имѣнія; по ученію Випдшойда и Вехтера, предіальный сервитутъ, какъ вещное право, представляетъ собой такое юридическое господство надъ тѣлесной вещью, которое охватываетъ вещь не во всей совокупности ея отношеній, а только въ одномъ или въ нѣсколькихъ отношеніяхъ.

Таково то разнообразіе взглядовъ на природу предіальныхъ сервитутовъ, которое создала теорія субъективнаго права въ германской литературѣ. Это разнообразіе взглядовъ показываетъ, какъ трудно понять юридическій строй предіальныхъ сервитутовъ, стоя на почвѣ субъективнаго права. Поэтому, уже нѣкоторые изъ послѣдователей этого направленія, оставаясь ему вѣрными въ другихъ случаяхъ, отступаютъ отъ него въ ученіи о сервитутахъ. Такъ, на примѣръ, Игерингъ объясняетъ индивидуальныя особенности сервитутнаго права отношеніями сосѣдства, вызывающими къ жизни это учрежденіе; а Цилярцъ смотритъ на предіальный сервитутъ, какъ на такого рода отношеніе между опредѣленными недвижимыми имѣніями, въ силу котораго *das eine Grundstück dem anderen diene, gleichgültig, wer immer Eigenthümer des einen oder anderen sein mag.*

Таковы воззрѣнія германскихъ ученыхъ цивилистовъ на природу главнѣйшихъ институтовъ вещнаго права. Мы видѣли, съ какимъ интересомъ отнеслись эти ученые къ уясненію существенныхъ чертъ и характерныхъ особенностей институтовъ собственности и сервитутовъ. Мы видѣли, далѣе, что германскіе ученые положили въ основаніе своихъ теорій субъективное право, которое они считаютъ истиннымъ „Eckstein“ науки гражданскаго права, и что, благодаря именно этому „Eckstein“, создалось въ германской литературѣ поразительное разнообразіе и противорѣчіе во взглядахъ на кардинальные вопросы вещнаго права. Но ни въ одномъ отдѣлѣ вещнаго права не возможно найти такихъ громадныхъ заблужденій, такихъ безконечныхъ споровъ, какіе вызваны теоріей субъективнаго права въ области права обязательственнаго съ давнишнихъ временъ и существуютъ по настоящее время. Эти заблужденія и споры имѣютъ свою очень длинную и поучительную исторію.

Извѣстно, что въ источникахъ римскаго права имѣются два мѣста, опредѣляющія сущность обязательства: это—классическія мѣста Дигестъ и Институцій Юстиніана. На основаніи этихъ-то мѣстъ римскихъ источниковъ и пытались издавна европейскіе ученые опредѣлить сущность обязательственнаго права, при чемъ одни пользовались

преимущественно фрагментомъ изъ Дигестъ, другіе—фрагментомъ изъ Институцій Юстиніана. Но, такъ какъ эти фрагменты различны по своему содержанію, ибо они опредѣляютъ обязательство съ различныхъ сторонъ, то естественно, что въ самыхъ ученіяхъ новыхъ юристовъ о природѣ обязательства должно было появиться различіе, повлекшее за собой лишь затемненіе простыхъ по своей конструкціи опредѣленій обязательства у римскихъ юристовъ.

Самыя ученія германскихъ цивилистовъ о природѣ обязательственного права могутъ быть раздѣлены на три группы. Первую группу составляютъ ученія, коренящіяся еще въ глоссы,—ученія, которыя характерную особенность обязательства видятъ въ правѣ кредитора потребовать исполненія обязательства со стороны должника. Нужно при этомъ замѣтить, что древнѣйшая доктрина взяла для уясненія понятія обязательства легальную дефиницію Институцій Юстиніана: *obligatio est iuris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus rei solvendae secundum nostrae civitatis iura*. Но уже глоссаторы не считали приведеннаго опредѣленія юридическимъ. Въ *iuris vinculum* Институцій Юстиніана они увидѣли лишь образъ (*Bild*), посредствомъ котораго весьма удачно могутъ быть объяснены характерныя особенности обязательства. *Ut enim boves funibus visualiter ligantur*,—говорятъ глоссы,—*sic homines verbis ligantur intellectualibus*. Подобнаго же взгляда на *iuris vinculum* держался и юристъ Danellus. Но, увидѣвъ въ *iuris vinculum* лишь образное сравненіе, глоссаторы должны были искать сущность обязательства въ иныхъ признакахъ и нашли ее въ правѣ кредитора требовать *solutio* отъ должника и въ *necessitas dandi* со стороны послѣдняго. А подобный взглядъ на природу обязательства долженъ былъ повлечь за собою расширеніе обязательства за его юридическія границы и появленіе рядомъ съ ученіемъ о юридической необходимости (*necessitas iuris*) совершить известное дѣйствіе—ученія о необходимости моральной, выражающей въ *obligationes erga deum*, *obligationes erga patriam* и т. д.

Какъ ни неудовлетворительно толкованіе, которое глоссаторы дали легальному опредѣленію въ институціяхъ Юстиніана, но это толкованіе имѣло очень серьезныя послѣдствія. Увидѣвъ въ *iuris vinculum* образное сравненіе, глоссаторы лишили легальную дефиницію ея дѣйствительнаго содержанія. Отсюда понятно, что, когда философія стала разсуждать о юридическихъ вопросахъ, она постаралась на мѣсто образа отыскать дѣйствительное понятіе обязательства и оставила въ сторонѣ легальную дефиницію. Съ той поры эта дефиниція уже

не встрѣчается въ трактатахъ объ обязательствахъ. О ней (и то вскользь) упоминаетъ лишь Пухта въ своихъ Институціяхъ, да Унгеръ—въ системѣ гражданскаго права.

На ученія современныхъ германскихъ юристовъ относительно природы обязательства имѣли громадное вліяніе философскія ученія Канта и Цейллера. Философъ Кантъ въ своемъ опредѣленіи обязательства исходитъ изъ того различія, которое существуетъ между закономъ юридическимъ и закономъ нравственнымъ—этическимъ. Законъ, — говоритъ Кантъ,—имѣетъ своей задачей нормировать поступки людей. Подобное нормированіе производится двоякимъ путемъ: или законъ признаетъ обязательными только опредѣленные дѣйствія людей; или же онъ, признавъ данное дѣйствіе обязательнымъ, указываетъ и самый мотивъ этого дѣйствія въ идеѣ его обязательности. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ закономъ этическимъ. Обязательство представляется институтомъ, подлежащимъ нормированію закона юридическаго. Если говорить, что кредиторъ имѣетъ право потребовать уплаты по обязательству отъ должника, это не значитъ, что кредиторъ имѣетъ право вызвать въ душѣ должника идею необходимости совершить уплату; это значитъ, что у кредитора есть власть принудить должника сдѣлать то, къ чему онъ обязался. Но если обязательство представляется институтомъ юридическимъ, то каково же его содержаніе? На этотъ вопросъ Кантъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Изъ обязательства, — говоритъ онъ,—не возникаетъ для кредитора права непосредственнаго господства надъ вещью. Кредиторъ приобретаетъ лишь право на дѣйствіе должника, которое можетъ перенести извѣстную вещь въ сферу юридическаго господства его, кредитора. А, имѣя право на дѣйствіе должника, кредиторъ имѣетъ право вторгаться не только въ сферу имущественной жизни должника, но и въ сферу его личной жизни, его индивидуальной свободы. Отсюда и самое обязательство представляется Канту такого рода юридическимъ учрежденіемъ, которое охватываетъ свободу и имущество другаго: *Obligation auf die Freiheit und das Vermögen des Anderen*.

Подобнымъ же образомъ смотритъ на обязательство и натуралистъ Цейллеръ. По его мнѣнію, обязательство есть личное право, а личнымъ правомъ онъ называетъ такое, непосредственнымъ объектомъ котораго служатъ опредѣленные дѣйствія другаго. Въ обязательствѣ управомоченному принадлежитъ лишь право потребовать отъ опредѣленнаго лица, чтобы оно предприняло извѣстныя дѣйствія въ цѣляхъ управомоченнаго, или же ограничило свою юридическую свободу.

Этому праву соотвѣтствуетъ не общая, а индивидуально-опредѣленная обязанность лица обязавшагося, въ чемъ также отпечатлѣвается личный (спеціальный?) характеръ обязательства. Такимъ образомъ, — говорить Цейллеръ, — обязательство — всегда личное право.

Нельзя не замѣтить въ этомъ разсужденіи Цейллера, что онъ смотритъ на обязательство, какъ на учрежденіе, охватывающее личность должника и, слѣдовательно, ограничивающее сферу его индивидуальной свободы.

Воззрѣнія Канта и Цейллера послужили тѣмъ базисомъ, на которомъ построилъ свою теорію обязательства знаменитый нѣмецкій ученый Савиньи. По ученію Савиньи, обязательство есть *die Herrschaft über eine Person, jedoch nicht über diese Person im Ganzen (wodurch deren Persönlichkeit aufgehoben würde), sondern über einzelne Handlungen derselben, die aus ihrer Freiheit ausscheidend und unserem Willen unterworfen gemacht werden müssen*. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Савиньи, обязательство представляется господствомъ надъ опредѣленными дѣйствіями даннаго лица, которыя исключаются изъ сферы его свободнаго распоряженія и подчиняются волѣ лица управомоченнаго. Но если такова природа обязательства, то въ немъ необходимо выступаютъ два лица, юридическое положеніе которыхъ различно: на сторонѣ одного — расширение личной свободы свыше ея границъ, какъ состояніе господства надъ лицомъ, на сторонѣ другого — ограниченіе естественной свободы, какъ состояніе несвободы и необходимости.

Эти два противоположныя состоянія возможно представить, какъ двоякаго рода дѣятельность: дѣятельность должника состоитъ въ исполненіи обязательства; дѣятельность кредитора — въ осуществленіи принадлежащаго ему права принужденія, *in dem Zwange — der Klage*, то-есть, въ предьявленіи иска и ходженіи по нему. При этомъ нужно замѣтить, — говорить Савиньи, — что дѣятельности должника принадлежить главенствующая роль въ обязательствѣ, ибо эта дѣятельность есть именно то, что составляетъ *das eigentliche Wesen der Obligation*, тогда какъ дѣятельность кредитора является второстепеннымъ элементомъ въ обязательствѣ. Въ здоровомъ состояніи обязательства, которому сопутствуетъ добровольное признаніе со стороны должника правъ кредитора, нѣтъ мѣста для дѣятельности послѣдняго. Дѣятельность кредитора возможна лишь въ болѣзненномъ состояніи обязательства, гдѣ она представляется борьбой съ неправомъ и имѣетъ своей задачей устранить это противное природѣ состояніе. Объектомъ

обязательства, какъ указано было выше, являются отдѣльными дѣйствіями лица, которыя исключаются изъ сферы его свободнаго распоряженія. Но если это такъ, то сущность обязательства заключается именно въ этомъ ограниченіи индивидуальной свободы, въ преобразованіи извѣстныхъ дѣйствій, которыя до сихъ поръ были случайными и неопредѣленными, въ дѣйствія необходимыя и опредѣленные. А отсюда цѣль обязательства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить лицу управомоченному такое положеніе, при которомъ оно могло бы навѣрно (mit Sicherheit) рассчитывать на совершеніе даннымъ лицомъ опредѣленнаго дѣйствія. Таково ученіе Савиньи о природѣ обязательства. Блестящаго критика нашло это ученіе въ лицѣ Алоиза Бринца. Замѣтивъ, что обязательство Савиньи—не римское обязательство, Алоизъ Бринцъ останавливается на детальномъ разсмотрѣніи дефиниціи знаменитаго пѣмецкаго ученаго. „Обязательство есть господство надъ отдѣльными дѣйствіями лица“. Отдѣльные дѣйствія лица представляются такимъ образомъ съ точки зрѣнія Савиньи вещью, надъ которой господствуютъ; обязательство, слѣдовательно, есть господство, а дѣйствіе его предметъ. Но,—спрашиваетъ Бринцъ,—неужели возможно господствовать надъ дѣйствіемъ? Прежде чѣмъ дѣйствіе совершилось, господство надъ нимъ невозможно; до этого момента господство можетъ быть лишь мыслью, намѣреніемъ, рѣшеніемъ, волей, наконецъ, но не проявленіемъ ея въ опредѣленномъ актѣ (Handlung). Но господство надъ опредѣленнымъ дѣйствіемъ не мыслимо и послѣ того, какъ дѣйствіе совершилось: до этого момента дѣйствія еще нѣтъ, послѣ этого момента оно уже не существуетъ. Если и возможно господство надъ опредѣленнымъ дѣйствіемъ, то лишь въ тотъ моментъ, когда это дѣйствіе совершается. Но какимъ же знакомъ возможно обозначить это господство? Конечно, такого знака нѣтъ и быть не можетъ, а поэтому на сторонѣ должника выступаетъ лишь свобода въ совершеніи тѣхъ или иныхъ дѣйствій, исключая возможность какого либо господства, такъ какъ всякаго рода дѣйствія могутъ быть вызваны лишь актомъ воли лица, ихъ совершающаго: они wesentlich freiwillig sind.

Такъ какъ Савиньи поставилъ слово „господство“ въ свое опредѣленіе обязательства, не объяснивъ, въ какомъ значеніи онъ его употребляетъ, то, конечно, это слово можно понимать и въ томъ смыслѣ, какой придалъ ему Бринцъ. Однако, изъ дальнѣйшаго изложенія ученія Савиньи выясняется, что онъ слово „господство“ употребляетъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ власть побу-

дѣть другое лицо къ рѣшимости совершить извѣстныя дѣйствія. А эта власть выражается въ правѣ принужденія, вызывающемъ опредѣленныя дѣйствія и тѣмъ обращающемъ случайное и неопредѣленное въ необходимое и напередъ извѣстное. Но если таково „господство“ въ обязательствѣ, то невольно возникаетъ вопросъ: неужели это „господство“ составляетъ специфическую особенность обязательства? Вѣдь и собственнику принадлежитъ такое же „господство“. Онъ имѣетъ власть понудить владѣльца его вещи къ реституціи этой вещи, то-есть, къ совершенію опредѣленнаго дѣйствія. Неволю, далѣе, возникаетъ попросъ: неужели это „господство“ составляетъ такую ужъ существенную черту обязательства (*Hauptsache der Obligation*), что безъ него немисливо и самое понятіе обязательства? Если подъ „господствомъ“ въ обязательствѣ разумѣть власть понуждать лицо къ совершенію опредѣленныхъ дѣйствій, то, очевидно, такое понятіе „господства“ поглощается понятіемъ принужденія. А принужденіе въ обязательствѣ переходитъ въ понужденіе къ исполненію обязательства. Но очевидно, что подобное вынуждаемое исполненіе входитъ въ понятіе обязательства, лишь какъ случайный моментъ, что обязательство, такимъ образомъ, лишь соединяется съ понудительнымъ исполненіемъ и, слѣдовательно, этимъ своеобразнымъ „господствомъ“, но не представляетъ собой этого „господства“. Что понудительное исполненіе обязательства не составляетъ его существенной черты, это видно уже изъ того, что существуютъ, съ одной стороны, обязательства, которыя не допускаютъ такого исполненія: это именно *obligationes naturales*; что возможно добровольное исполненіе обязательства, съ другой стороны. Наконецъ, понудительное исполненіе не исчерпываетъ содержанія обязательства. Цессія, делегація, новація, ронунація, компенсація, полномочіе совершить уплату третьему лицу входятъ, какъ существенныя моменты въ понятіе обязательства. Таковы — тѣ возраженія, которыя представилъ Алоизъ Бриницъ противъ ученія Савинья о природѣ обязательства. Эти возраженія подорвали въ корнѣ, что называется, ученіе Савинья и сдѣлали его, какъ говоритъ проф. Пунтшартъ, *für wissenschaftlich beseitigt*. Не смотря, однако, на это, воззрѣніе Савинья на обязательство, благодаря главнымъ образомъ Пухтѣ, преемнику Савинья по кафедрѣ римскаго права, стало общераспространеннымъ и вошло въ весьма многіе учебники и римскаго и національнаго гражданскаго права. Извѣстно, что Пухта въ своемъ опредѣленіи обязательства стоитъ на точкѣ зрѣнія Савинья. Онъ опредѣляетъ обязательство, какъ та-

кого рода юридическое отношеніе, въ силу котораго одно лицо имѣетъ право на дѣйствіе другаго, при чемъ это право состоитъ не въ произвольномъ распоряженіи дѣйствіемъ, составляющимъ объектъ обязательства, а лишь въ возможности требовать его совершенія въ интересахъ лица управомоченнаго.

Однако, нужно замѣтить, что распространеніе изложенныхъ воззрѣній на обязательство, неудовлетворительныхъ по указаннымъ выше соображеніямъ и идущихъ въ разрѣзъ съ стремь весьма многихъ правовыхъ институтовъ, вызванныхъ къ жизни современнымъ экономическимъ оборотомъ, послужило основаніемъ справедливыхъ жалобъ, и прежде всего со стороны практиковъ. Такъ какъ и Савиньи, и Пухта, и ихъ послѣдователи стоятъ на почвѣ римскаго права, то ихъ опредѣленіе обязательства было сочтено опредѣленіемъ римскаго обязательства, и самыя жалобы направлялись противъ „римскаго обязательства“. Такъ, уже докторъ Эмиль Штейнбахъ указываетъ на тѣ непреодолимыя затрудненія, которыя встрѣчаются при освѣщеніи созданныхъ современнымъ оборотомъ правовыхъ институтовъ съ точки зрѣнія теоріи пандектнаго права. Этотъ же практикъ указываетъ и на усиливающуюся съ каждымъ годомъ рознь между теоріей, построенной на почвѣ римскаго права, и практикой, черпающей свое содержаніе въ поступательно развивающемся экономическомъ оборотѣ. Особенно замѣтна эта рознь въ сферѣ обязательственнаго права. Римское понятіе обязательства представляется совершенно недостаточнымъ для объясненія многихъ явленій современной юридической жизни. Въ самомъ дѣлѣ Савиньи, а за нимъ Пухта, Арндтсъ и др. смотрятъ на обязательство съ точки зрѣнія римскаго права. По ихъ мнѣнію, обязательство есть не что иное, какъ право на лицо или же на волю даннаго лица, и представляется нѣкоторымъ образомъ господствомъ кредитора надъ должникомъ. Но если такова природа обязательства, то оно, конечно, мыслимо, лишь какъ юридическое отношеніе между двумя точно опредѣленными лицами: кредиторъ, и только онъ одинъ, имѣетъ право на извѣстное дѣйствіе должника, ему только подчиняется воля должника; а по самой природѣ вещей подобное состояніе подчиненія возможно лишь въ томъ случаѣ, если личности управомоченнаго и обязаннаго точно опредѣлены. Такимъ образомъ, обязательство есть отношеніе строго личное и при томъ отношеніе замкнутое. Само собой разумѣется, что подобный взглядъ оказался непригоднымъ для юридической жизни новаго міра. Уже при рецензи римскаго права въ Германіи ученые цивилисты не могли

отыскать въ системѣ римскаго права мѣста для нѣмецкихъ *Realrechte* и *Reallasten*. Далѣе, при взглядѣ на обязательство, какъ на отношеніе строго личное, представляется невозможной сингулярная его сукцессія, а также представительство въ его заключеніи; немислимо, далѣе, продолженіе существованія обязательства, запесеннаго въ книги (*die bŭcherlich einverleibten Forderungen*), послѣ его исполненія (слѣдовательно, до погашенія въ книгахъ), ибо, по мнѣнію романистовъ, обязательство прекращается съ его исполненіемъ. Очевидно, что подобное раздвоеніе между теоріей и жизнью не могло долго продолжаться, и что сами ученые обратились къ установленію согласованія въ юридической области. Эту роль взяли на себя германисты. Но уже на первыхъ порахъ они потрясли въ основѣ ученіе общей теоріи права объ обязательствахъ и завоевали для себя почву, главнымъ образомъ, въ области торговыхъ бумагъ, созданныхъ современнымъ оборотомъ. Такъ, *Creationstheorie* Кунтце стала въ прямое противорѣчіе съ римскимъ понятіемъ обязательства, такъ какъ Кунтце противопоставилъ двухстороннему договору, какъ источнику обязательства, односторонній актъ креациі. Далѣе, смертельный ударъ нанесъ римскому понятію обязательства Зигель, который въ цѣломъ рядѣ случаевъ показалъ, что обязательство можетъ возникнуть и изъ односторонняго еще не принятаго обѣщанія, то-есть, въ то время, когда будущій кредиторъ еще не извѣстенъ. А вмѣстѣ съ этимъ было подорвано въ корнѣ и ученіе объ обязательствахъ, какъ о господствѣ кредитора надъ волей должника. Въ самомъ дѣлѣ, если возможно установленіе обязательства въ то время, когда еще нѣтъ кредитора, то, конечно, въ возникшемъ такимъ образомъ обязательствѣ нѣтъ мѣста для господства кредитора, который еще чуждъ обязательству, а, слѣдовательно, и самое это господство теряетъ характеръ существенной особенности обязательства. Практика пошла еще далѣе. Оставивъ субъективную сторону обязательства, она обратила вниманіе на другой моментъ въ обязательствахъ, именно—на объективную сторону. Послѣдствіемъ этого взгляда является то возрѣніе австрійскаго гражданскаго кодекса, по которому обязательство можетъ быть объектомъ собственности и владѣнія, а также можетъ быть обращено чрезъ занесеніе въ книги (*durch Verbuchung*) въ абсолютное право, исключющее всякаго рода личныя отношенія между кредиторомъ и должникомъ. А торговое право постаралось совершенно объективировать обязательство, идентифицируя его съ его объектомъ. Оно лишило обязательство характера личнаго отношенія, заключило

его въ клочекъ бумаги, ставшій фактическимъ носителемъ обязательственнаго отношенія и, по воззрѣнiямъ Вольмара и Лэви, его дѣйствительнымъ кредиторомъ. Этотъ объективный взглядъ на обязательство распространился на практикѣ и проникъ въ законодательство. Теперь возможно свободно говорить о собственности, *uzufructi*, даже залогѣ *der Satzforderungen*. Но выѣстъ съ этимъ нанесено, такъ сказать, послѣднее пораженіе, *Stoss in's Herz*, теорiи общаго права и ея ученію объ обязательствахъ.

Таковы тѣ послѣдствiя, которыя были вызваны ученіемъ Савиньи и его послѣдователей о природѣ обязательства. Попятное дѣло, что сами романисты обратили вниманіе на эти послѣдствiя и, оставивъ взглядъ на обязательство, какъ на господство кредитора надъ должникомъ, обратились къ изученію обязательства съ другихъ точекъ зрѣнiя, не теряя надежды отыскать начало, способное устранивъ противорѣчіе между теорiей и практикой. Одни изъ этихъ ученыхъ увидѣли существенный элементъ обязательства въ обязанности должника исполнить обязательство; другіе — въ той гарантiи (*Sicherung der Leistung*), которую представляетъ обязательственное отношеніе. Представителями перваго направленiя являются Зомъ, Риккъ, Дерибургъ, Бирлишъ, Рюмелинъ, Вицдшейдъ; представителями втораго — Беккеръ, Бринцъ и Гартманъ.

По ученію Зома, обязательство есть право на чужое дѣйствіе, имѣющее опредѣленный имущественный интересъ. Этимъ обязательство отличается существенно отъ вещнаго права. Въ то время какъ вещное право предоставляетъ управомоченному возможность лично дѣйствовать—*ein Recht selbst zu handeln*, обязательственное право даетъ кредитору лишь полномочіе требовать, чтобы другой дѣйствовалъ, то-есть, очевидно, обязательственное право состоитъ лишь въ обязанности этого послѣдняго. Строго говоря, слѣдовательно, въ обязательствахъ нѣтъ права кредитора, а существуетъ лишь обязанность должника. Право кредитора поглощается обязанностью должника, которая составляетъ исключительное содержаніе обязательственнаго отношенія. Такимъ образомъ, обязательство есть дѣятельность должника. Кредиторъ здѣсь играетъ чисто пассивную роль. Онъ лишь можетъ принять исполненіе по обязательству, можетъ допустить, чтобы должникъ совершилъ въ его пользу опредѣленное дѣйствіе. У кредитора нѣтъ даже права потребовать *solutio* обязательства отъ должника, нѣтъ права и принудить послѣдняго къ доставленію предмета обязательства. Конечно, когда должникъ не исполняетъ обязательства,

кредиторъ можетъ обратиться въ судъ и путемъ иска преслѣдовать нарушителя. Но это право не вытекаетъ изъ обязательственнаго отношенія. Искъ кредитора покоится на публичныхъ основаніяхъ и поражаетъ должника, какъ подданнаго государства: не исполняя обязательства, должникъ создаетъ въ государствѣ состояніе противное праву и подлежащее устраненію въ видахъ водворенія правоваго порядка. Такимъ образомъ, право иска, которымъ охраняется обязательство, лежитъ за его естественными границами. Изъ изложеннаго видна вся разница, которая существуетъ между вещнымъ и обязательственнымъ правомъ. Въ то время, — говоритъ Зомъ, — какъ существо перваго состоитъ во власти — господствѣ, безвластіе — *Ohnmacht* составляетъ характерную особенность послѣдняго. Но такъ какъ обязательственное право имѣетъ своимъ объектомъ чужое будущее дѣйствіе, то въ указанномъ выше смыслѣ оно и представляется, какъ *ein Recht auf eine fremde, freie, künftige Handlung von Vermögenswerth*.

Риккъ и Дернбургъ почти дословно повторяютъ дефиницію обязательства, выставленную Зомомъ. Такъ, по ученію Рикка, обязательство есть *Leistungspflicht, nichts als die Verpflichtung zur Leistung*, то-есть, сущность обязательства состоитъ въ обязанности должника совершить извѣстное дѣйствіе, въ *adstrictio ad dandam aliquam rem*, какъ сказалъ бы римскій юристъ.

Дернбургъ разумѣетъ подъ обязательствомъ такое юридическое отношеніе, которое состоитъ *in der Pflicht des Schuldners zu einer vermögenswerthigen Leistung*, то-есть, въ обязанности должника совершить опредѣленное дѣйствіе, имѣющее имущественный интересъ.

Бирлингъ, Рюмелинъ и Виндшейдъ пытаются ближе опредѣлить ту обязанность, которая составляетъ характерную и существенную черту обязательства. Нужно при этомъ замѣтить, что и Бирлингъ, и Рюмелинъ, и Виндшейдъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о природѣ обязательства исходятъ изъ того различія (*Gegensatz*) между абсолютными и относительными правами, которое создано было еще школой естественнаго права и отсюда уже заимствовано современной теоріей гражданскаго права. Извѣстно, что еще Кантъ раздѣлялъ всѣ права на двѣ категоріи: абсолютныя права и права относительныя. Подъ абсолютными правами онъ разумѣлъ права, направляющіяся противъ той моральной *persona*, которая представляется не чѣмъ инымъ, какъ идеей а *priori* объединенной воли всѣхъ. Въ виду этого обладателю абсолютнаго права принадлежитъ право противъ всякаго владѣльца

его вещи, ибо въ его правѣ заключается идея абсолютности и исключительности, то-есть, всякое право. Подобнымъ же образомъ опредѣляетъ абсолютное право и Цейллеръ. По его учению, абсолютное право есть такое, которому противопоставляется *die allgemeine (negative) Verbindlichkeit, dem Berechtigten die Sache zu seiner beliebigen Verfügung zu überlassen*. Сообразно этому, относительное право, по мнѣнію Канта и Цейллера, уже по объему его примѣненія, чѣмъ право абсолютное: оно направляется лишь противъ нѣкоторыхъ лицъ.

Стоя на точкѣ зрѣнія Канта и Цейллера, Бирлингъ относитъ къ абсолютнымъ правамъ права вещныя. Вещное же право представляется ему такого рода юридическимъ отношеніемъ, которое способно раздѣляться *in so viele Theilverhältnisse, als ihm Privatgenossen gegenüber stehen*. Относительное право, напротивъ, есть единое отношеніе между двумя или нѣсколькими опредѣленными лицами. Къ относительнымъ правамъ Бирлингъ относитъ семейныя права и права обязательственныя, при чемъ послѣднія представляются ему такого рода *Rechtsansprüche gegen einen oder mehrere Rechtsgenossen, welche einen Schätzungswerth haben*.

Рюмелинъ видитъ характерную особенность вещнаго права также въ соответствующей ему обязанности всѣхъ, а характерную особенность обязательственнаго права въ соответствующей ему обязанности лишь отдѣльныхъ и опредѣленныхъ лицъ.

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Виндшейдъ. Въ обязательственномъ правѣ онъ видитъ подвидъ (*Unterart*) личнаго права. Личное же право, по его мнѣнію, есть такое, въ силу котораго воля управомоченнаго *massgebend ist für das Verhalten eines dem Berechtigten gegenüber stehenden Einzelnen (oder einer Mehrheit von Einzelnen)*, то-есть, личному праву, очевидно, соответствуетъ обязанность лишь опредѣленныхъ лицъ. Этой чертой и отличается личное право отъ вещнаго, въ силу котораго воля управомоченнаго *massgebend ist für das Verhalten der Menschen in Betreff einer Sache*.

Что касается другаго направленія въ ученіи о сущности обязательства, его представителями, какъ и сказалъ уже раньше, могутъ быть названы Беккеръ, Бринцъ и Гартманъ. Эти ученые, въ противоположность приведеннымъ выше, видятъ характерную особенность обязательства не въ господствѣ кредитора надъ должникомъ, хотя бы и въ одномъ какомъ либо отношеніи; не въ обязанности, далѣе, должника совершить въ пользу кредитора то или иное дѣйствіе, а въ гарантіи совершенія этого дѣйствія. По учению Беккера, обязательство

есть der Zustand des Gebundenseins, то-есть, такого рода состояніе связанности, которое возникаетъ изъ наличности иска противъ должника. Такимъ образомъ, искъ есть то связующее — das bindende Etwas, благодаря которому обязательство приобретаетъ характеръ особаго юридическаго института. Благодаря именно иску, обязательство охватываетъ всю имущественную сферу должника. Мало этого. Искъ вводитъ въ обязательство тотъ специфическій моментъ, который можетъ быть охарактеризованъ выраженіемъ das Gezwungenwerdenkönnen, das Müssen, то-есть, возможность понудительнаго исполненія обязательства, независимо отъ воли и тѣхъ или иныхъ особенностей въ личномъ положеніи должника.

Согласно съ Беккеромъ и Бринцъ видятъ сущность обязательства въ гарантіи исполненія, въ Sicherung der Leistung. Однако, Бринцъ иначе опредѣляетъ самый характеръ гарантіи. По его мнѣнію, Sicherung der Leistung въ обязательствѣ заключается не въ искѣ, а въ Haftung, то-есть, въ состояніи связанности, которое, по мнѣнію Беккера, есть лишь слѣдствіе присутствія въ обязательствѣ исковаго права. Но Haftung Бринца есть особаго рода ручательство должника за исполнимость обязательства. Если должникъ принялъ на себя обязанность что либо передать кредитору или сдѣлать въ его пользу, онъ принялъ на себя вмѣстѣ съ тѣмъ ручательство за исполненіе обязательства, а, слѣдовательно, и дополнительную обязанность отвѣчать за вредъ и убытки (praestatio) отъ неисполненія обязательства.

Этотъ взглядъ Бринца на обязательство раздѣляетъ и Гартманъ. Онъ также видитъ существенный моментъ обязательства въ гарантіи исполненія, ибо считаетъ необходимымъ предположеніемъ примѣненія юридической нормы въ обязательствѣ то обстоятельство, dass ihre (Rechtsnorm) Durchführung gegen widerstrebenden Willen irgendwie gesichert sei.

Таковы тѣ два направленія, которыя появились въ германской литературѣ среди ученій школы субъективнаго права и которыя были вызваны къ жизни, главнымъ образомъ, стремленіемъ юристовъ отыскать тотъ „Eckstein“ въ обязательственномъ правѣ, при посредствѣ котораго возможно было бы примирить теорію и практику и примѣнить понятія римскаго права къ юридическимъ явленіямъ современной жизни. Нельзя не замѣтить, что указанныя два направленія болѣе отвѣчаютъ запросамъ экономическаго оборота, чѣмъ ученіе объ обязательствѣ Савиньи и его послѣдователей. Тогда какъ школа Савиньи смотрѣла на обязательство съ субъективной точки зрѣнія, Зомъ

и его послѣдователи, а также Беккеръ, Бринцъ и Гартманъ, объективировали понятіе обязательства и обязательство теоріи сблизили, такимъ образомъ, съ обязательствомъ дѣйствительной жизни. Однако, пужно сказать, что изложенныя мною ученія двухъ послѣднихъ направлений далеко не исчерпали предмета, не уяснили вполнѣ юридической природы обязательства. Обязанность совершить извѣстное дѣйствіе не можетъ характеризовать обязательство съ юридической стороны, потому что сама эта обязанность представляется лишь хозяйственной функцией обязательства. Что же касается *Sicherung der Leistung* Беккера, Бринца и Гартмана, то это *Sicherung*, эта гарантія исполненія извѣстнаго дѣйствія, конечно, является существеннымъ юридическимъ моментомъ въ обязательствѣ, но моментомъ, на столько неразвитымъ въ названныхъ ученіяхъ, что оны представляется едва понятнымъ.

Переходя къ изложенію взглядовъ послѣдователей школы субъективнаго права на институтъ залога, я долженъ сказать здѣсь то же, что уже сказалъ раньше по поводу ученій о сервитутахъ. Подобно тому, какъ для пониманія юридической природы сервитутовъ необходимо пониманіе института собственности, такъ и для пониманія закладнаго права необходимо знакомство съ юридическимъ строемъ обязательственнаго отношенія, обезпеченіемъ котораго служить закладное право. Разница въ соотношеніи названныхъ институтовъ состоитъ лишь въ томъ, что превратное пониманіе обязательства влечетъ за собой гораздо болѣе ошибокъ въ ученіи о закладномъ правѣ, чѣмъ превратное пониманіе института собственности въ ученіи о сервитутахъ, ибо и обязательство, и закладное право представляются по своему юридическому строенію институтами гораздо болѣе сложными, чѣмъ собственность и сервитуты.

Дѣйствительно, отсутствіе ясныхъ представленій относительно характерныхъ чертъ и существенныхъ особенностей обязательства у послѣдователей школы субъективнаго права имѣло столь печальныя послѣдствія для ученія о закладномъ правѣ, что и представить трудно.

Послѣдователи школы субъективнаго права не могли даже опредѣлить, къ какой категоріи правъ должно быть отнесено закладное право: вещное ли это право, или право обязательственное, или же, наконецъ, можетъ быть, какое либо особое закладное право? Дѣло въ томъ, что въ источникахъ римскаго права при изложеніи ученій о закладномъ правѣ употребляются тѣ же выраженія, что и въ ученіяхъ о правѣ обязательственномъ. Тамъ постоянно можно встрѣтить

выраженія: „*rem, pignus, hypothecam obligare; rem pignori, hypothecae obligari; rem ex causa pignoris obligare; rem pignoris vel hypothecae iure obligare; rem in obligationem deducere; rem, pignus vel hypothecam obstringere, nectere; pignoris obligatio* или *nexus; rei obligationem acquirere, quaerere, contrahere, solvere, dissolvere, exsequi; res in obligationem revertitur, pignoris iure tenetur; res obligata, nexa, obnoxia, obstricta*“. Когда послѣдователи школы субъективнаго права стали объяснять эти выраженія, они постарались понять ихъ прежде всего въ буквальномъ смыслѣ и увидѣть въ институтѣ залога обязательственное право, но обязательственное право особаго рода. Такъ, Бюхель выраженіе „*rei obligatio*“ перевелъ черезъ „*Realobligation*“ — реальное обязательство, и въ залогѣ увидѣлъ такое обязательство, объектомъ котораго служить тѣлесная вещь. Другіе (напримѣръ, Синтенисъ), однако, удержались отъ такого слишкомъ ужъ буквальнаго пониманія источниковъ римскаго права и подъ закладнымъ правомъ разумѣли хотя и обязательство (*Forderung*, требованіе), но особаго рода: *eine Forderung gegen den jeweiligen Eigenthümer der Pfandsache*. Но такая поправка мало чѣмъ отличила взглядъ Синтениса отъ взгляда Бюхеля. Это дѣйствіе залога противъ всякаго владѣльца заложенной вещи сообщаетъ залогу вещный характеръ и, слѣдовательно, обращаетъ его въ реальное право. Такимъ образомъ, если залогъ, съ точки зрѣнія Синтениса, есть обязательство, то, конечно, какъ замѣтилъ Бюхель, реальное обязательство.

Однако, еслибы это „реальное обязательство“ было принято теоріей, оно потрясло бы въ основѣ все зданіе науки гражданскаго права и разрушило бы ту вѣковую преграду, которая раздѣляла издавна вещное и обязательственное право. Помимо этого, самое „реальное обязательство“, какъ особый институтъ, представляется нелѣпостью. Дѣйствительно, если залогъ есть обязательство, то въ немъ должно быть на сторонѣ кредитора опредѣленное право, на сторонѣ должника — опредѣленная обязанность, допускающая понудительное осуществленіе (*Zwangspflicht*). Если, далѣе, залогъ есть реальное (вещное) обязательство, то подобная обязанность, какъ это замѣтилъ Синтенисъ, должна лежать на всякомъ собственникѣ заложенной вещи. Но, конечно, никакой собственникъ не можетъ быть принужденъ исполнить это пресловутое обязательство, ибо онъ (какъ собственникъ) не вошелъ въ качествѣ субъекта въ реальное обязательство. Какъ собственникъ, онъ можетъ по своему усмотрѣнію совершить то дѣйствіе, которое составляетъ предметъ обязательства, но примѣнить

къ нему *Zwangrecht* невозможно. Таковы результаты буквального пониманія выраженій источниковъ римскаго права.

Нужно, однако, замѣтить, что большинство германскихъ цивилистовъ, основываясь на источникахъ, видятъ въ институтѣ залога не обязательственное, а вещное право. Дѣйствительно, въ источникахъ римскаго права имѣется множество свидѣтельствъ въ пользу ученыхъ этой категоріи. Они подчиняютъ закладное право опредѣленіямъ вещнаго права. Мало этого. Источники римскаго права даютъ залогопринимателю еще до реализаціи залога иски, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы защищать свое право: *actio confessoria*, *actio negatoria*, *actio finium regundorum*, *actio legis Aquiliae*, *actio furti* и *furtiva*, *operis novi nuntiatio* и *cautio damni infecti*; а если закладное право соединяется съ владѣніемъ объектомъ залога, то и *interdicta refinendae* и *recuperandae possessionis*. Въ источникахъ римскаго права, кромѣ этого, искъ изъ закладнаго права подчиняется дѣйствию *longi temporis praescriptio*, тогда какъ эта давность не имѣетъ примѣненія въ обязательственномъ правѣ. Въ виду этого большинство германскихъ ученыхъ склоняется къ тому, чтобы признать закладное право принадлежащимъ къ категоріи правъ вещныхъ. Однако, сходясь въ опредѣленіи основнаго характера закладнаго права, нѣмецкіе цивилисты расходятся въ ученіи о единствѣ природы этого института. Дѣло въ томъ, что римскіе юристы говорятъ не только о залогѣ тѣлесныхъ вещей, но и о залогѣ такихъ цѣнностей, какъ *nuda proprietas*, *ususfructus* (институтъ), *potest.* Римскимъ юристамъ, имѣвшимъ ясное представленіе о залогѣ, было легко распространить нормы этого института, образовавшіяся еще въ то время, когда объектомъ залога были лишь тѣлесныя вещи, на случаи залога вещей безтѣлесныхъ. Но подобная операція представляется въ высшей степени трудной для современныхъ юристовъ, стоящихъ на почвѣ субъективнаго права. А отсюда споры о томъ: *ist das Pfandrecht überhaupt eine einheitliche Rechtsfigur oder vielmehr eine durch gemeinsame ökonomische Zwecke verbundene Gruppe von innerlich verschiedenem Wesen*, то-есть, представляется ли институтъ залога единой правовой фигурой, или цѣлой группой такихъ фигуръ, различныхъ при томъ по своей природѣ? Съ точки зрѣнія Зома, закладное право едино по своему содержанію: оно даетъ кредитору право употребить цѣну чужаго имущественнаго объекта на удовлетвореніе принадлежащаго ему требованія. Но, представляясь единымъ по содержанію, закладное право,—говоритъ Зомъ,—различается по формѣ, выступая то въ видѣ вещ-

наго права, если его объектомъ служить тѣлесная вещь, то въ видѣ *Recht am Rechte* въ остальныхъ случаяхъ. Другіе склонны считать закладное право единымъ не только по содержанию, но и по формѣ, при чемъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Бремеръ и Виндшейдъ, видятъ въ институтѣ залога вещное право, иные же, какъ, напримѣръ, Пафферъ—особаго рода абсолютное право (*ein absolutes Recht*). Въ высшей степени интереснымъ представляется взглядъ Экснера на природу закладнаго права. По мнѣнію этого ученаго, характерную черту закладнаго права (*Kern des Pfandrechts*) составляетъ *das Recht auf Verwerthung des Gegenstandes und so hin auf Aneignung des Erlöses*, то-есть, право продать объектъ залога и воспользоваться его цѣной для удовлетворенія по обязательству. Но если такова характерная черта всякаго закладнаго права, то очевидно, что закладное право представляется правомъ на вещь, вещнымъ правомъ, хотя и различнымъ, смотря по объекту, въ своей интенсивности и въ своемъ развитіи. Такимъ образомъ, *die Einheit des Pfandrechtsbegriffes beruht auf der Basis des Sachenpfandrechts*. Дѣйствительно,—говорить Экснеръ,—закладное право въ своемъ, такъ сказать, чистомъ видѣ (*Normalfall*) выступаетъ въ томъ случаѣ, ежели его объектомъ служить тѣлесная вещь. Но такой случай залога—спеціальныи случай, ибо здѣсь закладное право простирается на существующій уже въ данный моментъ (*gegenwärtige Sache*) имущественный объектъ, который при томъ подчиняется праву собственности залогодателя. Рядомъ съ этимъ случаемъ существуютъ двѣ группы отношеній по залогу позднѣйшаго происхожденія и болѣе сложной структуры (*feiner Structur*). Съ одной стороны имѣются случаи, гдѣ закладное право представляется менѣе интенсивнымъ, чѣмъ въ указанномъ выше случаѣ, охватывая объектъ лишь въ тѣхъ границахъ, которыя поставлены вещному праву залогодателемъ, какъ, напримѣръ, при залогѣ эмфитеузиса, суперфициеса, узуфрукта и закладнаго права. Съ другой стороны есть такого рода случаи, гдѣ закладное право выступаетъ еще неразвитымъ, когда оно, возникая въ данный моментъ, можетъ быть осуществлено лишь впоследствии, словомъ, когда дѣйствіе залога суспендируется, какъ, напримѣръ, при залогѣ будущихъ вещей, урожая или вещей, слѣдующихъ въ уплату по обязательству. Но и въ приведенныхъ двухъ группахъ случаевъ закладное право представляется вещнымъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если при залогѣ вещи, принадлежащей залогодателю на правѣ собственности, закладное право выступаетъ въ своемъ чистомъ видѣ, охватывая, такъ ска-

затѣ, со всѣхъ сторонъ объектъ залога, при залогѣ *iura in re aliena* закладное право представляется также вещнымъ правомъ, но ограниченнымъ въ своей интензивности, а въ случаѣ залога вещей не существующихъ—вещнымъ правомъ, еще не развившимся, находящимся еще въ періодѣ формаци. Имѣя, однако, указанные отбѣнки, закладное право есть единое вещное право, представляющееся господствомъ надъ объектомъ залога *im ihres (Sache) Werthes willen*, которое въ границахъ этой цѣли служить средствомъ *für ein ausserhalb liegendes iuristisches Ziel, die Deckung und seinerzeitige Tilgung der Pfandschuld*.

Въ высшей степени остроумной критикѣ подвергъ ученіе Экснера проф. Пунтшартъ. Разбирая это ученіе въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ, Пунтшартъ показалъ внутреннее его противорѣчіе и ту путаницу понятій, которой оно проникнуто. Г. Экснеръ,—говоритъ проф. Пунтшартъ,—считаетъ институтъ залога вещнымъ правомъ. Но если залогъ есть вещное право, въ такомъ случаѣ онъ непосредственно охватываетъ вещь; онъ представляется правомъ, ипгерептнымъ самой вещи, ея юридической особенностью. Но дать такую особенность вещи можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ право распоряжаться ея юридической судьбой, то-есть, собственникъ. А если это вѣрно, то, очевидно, только собственникъ можетъ быть залогодателемъ и, слѣдовательно, невозможно установленіе залога со стороны эмфитевмы, суперфициарія, узуфруктуарія или обладателя закладнаго права. Вотъ къ чему ведетъ взглядъ Экснера на закладное право! Но этого мало. По ученію Экснера, закладное право можетъ существовать въ видѣ права, еще не созрѣвшаго, и именно въ томъ случаѣ, когда его непосредственнымъ объектомъ служитъ *res incognita*. Но въ этомъ случаѣ закладное право представляется, очевидно—правомъ на право, *Recht am Rechte*. Господинъ же Экснеръ, стоящій въ своихъ изслѣдованіяхъ на почвѣ субъективнаго права, понимаетъ подъ правомъ *Willensmacht*—господство воли лица управомоченнаго. Но, при такомъ пониманіи права, залогъ, какъ *Recht am Rechte*, будетъ господствомъ воли одного лица надъ волей другаго, то-есть, во всякомъ случаѣ не вещнымъ правомъ, не *ius in re*, а *ius in homine*. По ученію Экснера, залогъ состоитъ въ правѣ залогопринимателя продать заложенную вещь и изъ ея цѣны получить удовлетвореніе въ томъ случаѣ, когда должникъ не исполняетъ въ срокъ обязательства. Въ этомъ правѣ, по мнѣнію Экснера, заключается та существенная и характерная особенность закладнаго права, которая обращаетъ его

въ право вещное. Но такъ ли? Дѣйствительно ли въ этомъ правѣ кредитора лежитъ „вещный“ элементъ закладнаго права? Вѣдь, имѣя право продать заложенную вещь, кредиторъ въ сущности имѣетъ право совершить лишь опредѣленное дѣйствіе и вовсе не стоитъ въ томъ непосредственномъ отношеніи къ вещи, которое составляетъ душу вещнаго права и характеризуется именемъ владѣнія. Да и это самое право кредитора, не заключаая въ себѣ никакихъ признаковъ вещнаго права, не составляетъ и существеннаго момента въ самомъ закладномъ правѣ. Дѣйствительно, кредиторъ можетъ продать заложенную вещь и изъ ея цѣны получить удовлетвореніе лишь по наступленіи того предположенія закладнаго права, которое ставитъ *in suspensis* реализацію залога, то-есть, только въ томъ случаѣ, когда должникъ по тѣмъ или инымъ основаніямъ откажется исполнить обязательство. Такимъ образомъ, если это предположеніе не осуществится, то закладное право, съ точки зрѣнія Экснера, теряетъ свой *raison d'être* и представляется никогда не существовавшимъ; если предположеніе осуществится, закладное право существуетъ лишь съ этого момента, то-есть, съ момента реализаціи залога. А между тѣмъ, какъ указано было выше, залогоприниматель уже съ момента установленія залога имѣетъ извѣстныя полномочія для охраны принадлежащаго ему права, какъ-то: *actio confessoria*, *negatoria*, *actio furti* и *furtiva*, *actio ex lege Aquilia*, *novi operis nunciatio* и пр.

Вотъ тѣ возраженія, которыя представлены проф. Пунтшартомъ противъ ученія Экснера. Не смотря, однако, на свои недостатки, теорія Экснера принимается многими цивилистами Германіи, среди которыхъ я здѣсь назову Дернбурга и Виндшейда. Дернбургъ въ своемъ ученіи о залогѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія Экснера. Онъ различаетъ залогъ въ узкомъ и болѣе широкомъ смыслѣ, смотря по тому, служить ли объектомъ залога тѣлесная вещь, или же *Vermögensobject*, то-есть, вообще какая либо имущественная цѣнность. Но и залогъ въ узкомъ, и залогъ въ болѣе широкомъ смыслѣ характеризуется однимъ и тѣмъ же признакомъ. Онъ состоитъ въ правѣ кредитора продать объектъ залога и получить удовлетвореніе изъ его цѣны въ томъ случаѣ, если должникъ не произведетъ своевременной уплаты.

Что касается Виндшейда, онъ занимается опредѣленіемъ не закладнаго права, а его объекта. Съ точки зрѣнія Виндшейда, объектъ залога есть та вещь, которая обезпечиваетъ уплату по обязательству, *welche die Bestimmung hat, einem Gläubiger Sicherheit für die Befriedigung seiner Forderung zu gewähren*. Но, очевидно, если таково

назначеніе объекта залога, то и съ точки зрѣнія Виндшейда, какъ съ точки зрѣнія Экснера, закладное право состоитъ въ правѣ кредитора продать заложенную вещь и изъ ея цѣны получить удовлетвореніе, если кредиторъ не произведетъ своевременно уплаты.

Таковы ученія послѣдователей школы субъективнаго права по кардинальнымъ вопросамъ теоріи гражданскаго права. Мы видѣли, какъ разнообразны эти ученія, и какую путаницу понятій внесли они въ науку гражданскаго права. Мы видѣли, далѣе, что эти ученія, не смотря на свое разнообразіе, имѣютъ одинъ общій исходный моментъ въ понятіи субъективнаго права, которое представляется, по мѣткому замѣчанію Беккера, Eckstein'омъ зданія современной науки гражданскаго права. Мы видѣли, далѣе, что разнообразіе мнѣній по основнымъ вопросамъ теоріи гражданскаго права въ германской литературѣ объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что эта теорія въ своихъ ученіяхъ вышла изъ понятія субъективнаго права, которое ею было совершенно ошибочно сочтено кореннымъ понятіемъ науки гражданскаго права. На это обстоятельство обратили вниманіе уже сами послѣдователи школы субъективнаго права. Они увидѣли, что субъективное право не есть истинный Eckstein науки гражданскаго права, что оно—after Eckstein этого зданія, грозящій совершеннымъ его разрушеніемъ, и попытались отыскать другое понятіе, которое дало бы дѣйствительную возможность объяснить смыслъ и строеніе институтовъ гражданскаго права. Я уже говорилъ раньше, что такіа попытки были сдѣланы со стороны Савиньи, Игеринга, Беккера и Пунтшарта ¹⁾.

По ученію Савиньи, право есть власть, принадлежащая отдѣльному лицу, та область, въ которой господствуетъ его воля и господствуетъ, конечно, съ общаго согласія. Эта власть отдѣльнаго лица можетъ быть охарактеризована точнѣе, какъ правомочіе. Присутствіе у даннаго лица подобнаго правомочія и его объемъ видимымъ образомъ проявляются въ декретъ судьи, разрѣшающемъ сомнѣнія или споры относительно гражданскаго права. Но, служа лишь признакомъ существованія гражданскаго права, судебный декретъ не служитъ его основаніемъ. Онъ самъ нуждается въ болѣе глубокомъ основаніи. И такое основаніе Савиньи находитъ въ юридическомъ отношеніи—*Rechtsverhältniss*, одной стороной лишь котораго является

---

¹⁾ Я не буду касаться въ настоящемъ очеркѣ ученій Кбиена и Карловы, не имѣющихъ особаго значенія.

гражданское право. Съ точки зрѣнія только этого отношенія и можетъ судебный приговоръ разрѣшить тѣ или иные споры и сомнѣнія относительно отдѣльнаго гражданского права. Само юридическое отношеніе представляется Савиньи правовымъ институтомъ, имѣющимъ органическую природу. А эта органическая природа юридическаго отношенія выражается въ томъ, что оно возникаетъ, прекращается и постепенно развивается, подобно всякому организму. Что касается затѣмъ содержанія юридическаго отношенія, то оно выражается въ отношеніи одного лица къ другому—in der Beziehung einer Person zu einer anderen Person.

Несомнѣнно, что Савиньи въ этомъ ученіи объ юридическомъ отношеніи стоитъ на почвѣ субъективнаго права, ибо онъ достигаетъ понятія юридическаго отношенія, лишь исходя изъ понятія субъективнаго права. Но если Савиньи смотритъ на юридическое отношеніе съ точки зрѣнія субъективнаго права, онъ, очевидно, само юридическое отношеніе понимаетъ, такъ сказать, въ субъективно-правовомъ смыслѣ, указывая одну его сторону въ Willensmacht опредѣленнаго лица. А при такомъ взглядѣ на юридическое отношеніе моментомъ, создающимъ его, должна быть дѣятельность субъекта, актъ его воли, то-есть, та Willensmacht (ея проявленіе), которая и есть не что иное, какъ субъективное право. Но если субъективное право есть элементъ, основывающій юридическое отношеніе, въ такомъ случаѣ это право есть prius, а юридическое отношеніе лишь posterius. А въ такомъ случаѣ не возможна ни органическая природа юридическаго отношенія, ни постепенность его образованія, ибо въ тотъ моментъ, въ которой существуетъ субъективное право, юридическое отношеніе, лишь отдѣльную сторону котораго составляетъ это право, существуетъ уже въ готовомъ видѣ: въ этотъ моментъ оно слагается со всѣхъ сторонъ.

Таково ученіе Савиньи о юридическомъ отношеніи. Какъ ни неудачно это ученіе, оно представляетъ громадный интересъ въ наукѣ гражданского права, какъ первая попытка сойти съ почвы субъективнаго права и отыскать такое понятіе, съ точки зрѣнія котораго само субъективное право было бы лишь Folgebegriff.

По слѣдамъ Савиньи пошли Игерингъ и Беккеръ. Свое ученіе о гражданскомъ правѣ Игерингъ изложилъ въ книгѣ, носящей заглавіе: „Passive Wirkungen der Rechte“. По его мнѣнію, всякое гражданское право (Privatrecht) обосновываетъ юридическое отношеніе лица, управомоченнаго къ чему либо, лежащему внѣ его, будетъ ли

то лицо, какъ въ семейномъ или обязательственномъ правѣ, или вещь, какъ въ правѣ вещномъ или наследственномъ. Но, обоснованная юридическое отношеніе, всякое гражданское право по своей основной идеѣ представляется также юридическимъ отношеніемъ. Понимаемое въ этомъ смыслѣ гражданское право имѣетъ двѣ стороны—активную и пассивную. Активная сторона гражданскаго права состоитъ въ томъ юридическомъ положеніи лица управомоченнаго, вслѣдствіе котораго ему принадлежитъ извѣстная власть (*ein Recht*); пассивная же сторона права есть не что иное, какъ состояніе несвободы, связности (*Gebundenheit*) лица или вещи, на которыя распространяется дѣйствіе гражданскаго права. Обыкновенно пассивная и активная стороны существуютъ вмѣстѣ, входя, какъ два признака, въ единое понятіе гражданскаго права. Но возможны случаи, когда существуетъ одна пассивная сторона гражданскаго права—*Gebundenheit*, выжидая какъ бы присоединенія къ ней активной стороны. Подобное состояніе гражданскаго права Игерингъ обозначаетъ именемъ объективнаго состоянія права—*der objective Bestand des Rechtes*, такъ какъ оно бываетъ въ большинствѣ случаевъ тамъ, гдѣ субъектъ гражданскаго права, такъ сказать, временно отсутствуетъ. Хотя, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Эппексерусъ (*Eppeserugus*), съ логической точки зрѣнія право въ подобномъ состояніи не можетъ имѣть никакого дѣйствія, ибо дѣйствіе пассивной стороны права безъ активной было бы проявленіемъ силы безъ силы, дѣйствіемъ безъ причины, однако въ юридической жизни гражданскихъ обществъ существуетъ *der objective Bestand des Rechtes* и имѣетъ опредѣленное юридическое дѣйствіе. Именно это дѣйствіе объективнаго состоянія права выражается въ такъ называемомъ пассивномъ дѣйствіи права—*eine passive Wirkung des Rechts*. Игерингъ различаетъ въ упомянутомъ выше сочиненіи двѣ главныя категоріи пассивныхъ дѣйствій гражданскаго права. Первая категорія дѣйствій *der passiven Gebundenheit* можетъ быть охарактеризована именемъ *Zwischenstadium des Rechts*, то есть, такого промежуточнаго состоянія права, которое существуетъ по выпаденіи (*Wegfall*) субъекта изъ юридическаго отношенія и до вступленія въ это отношеніе новаго субъекта (напримѣръ, при наследованіи). Вторую категорію пассивныхъ дѣйствій права составляютъ случаи, объединяемые въ понятіи *Vorstadium* или *Schutzform des künftigen Rechtes*, когда осуществленіе права не возможно до поры до времени, вслѣдствіе, напримѣръ, того, что его дѣйствіе обусловлено наступленіемъ срока или условія.

Въ этомъ ученіи Игеринга о пассивномъ дѣйствии права видна попытка сойдти съ почвы субъективнаго права. Разъ возможны такіа состоянія права, не лишеныя юридическаго значенія, когда у права нѣтъ субъекта, или когда оно не дѣйствуетъ до поры до времени по тѣмъ или инымъ основаніямъ. то, конечно, едва ли возможно въ гражданскомъ правѣ видѣть Willensmacht, извѣстный актъ воли лица управомоченнаго. Нужно, однако, замѣтить, что Игерингъ не дѣлаетъ подобнаго заключенія. Правда, онъ уже не опредѣляетъ право, какъ Willensmacht; онъ видитъ въ правѣ—*rechtlich geschützte Interesse*, то-есть, юридически охраненный интересъ, но и это опредѣленіе онъ даетъ тому же субъективному праву, которое представляется ему кореннымъ понятіемъ науки гражданскаго права. А стоя на точкѣ зрѣнія субъективнаго права, Игерингъ не могъ дать надлежащаго объясненія тѣмъ юридическимъ явленіямъ, которыя были имъ замѣчены внѣ сферы дѣйствія воли челоуѣка и окрещены именами—*der objective Bestand* и *passive Wirkung des Rechtes*.

Что касается Беккера, то этотъ ученый усомнился въ основательности того ученія современнаго направленія въ наукѣ гражданскаго права, съ точки зрѣнія котораго субъективное право есть коренное понятіе, объясняющее строй институтовъ гражданскаго права. Въ своемъ ученіи о субъективномъ правѣ Беккеръ говоритъ: „всякое право есть юридическое отношеніе, есть нѣчто (*ein Etwas*) такое, что не можетъ существовать безъ признанія его со стороны объективнаго права. Всякое право сообщаетъ тому, въ пользу котораго установлено, *ein Dürfen, Können, eine Fähigkeit*, то-есть, извѣстнаго рода правомочіе. Ежели не всякое право допускаетъ понудительное осуществленіе (*erzwingbar ist*), то во всякомъ случаѣ всѣ права имѣютъ склонность къ подобному осуществленію (*die Tendenz der Erzwingbarkeit*)“⁴. По ученію Беккера, такимъ образомъ, всякое право есть юридическое отношеніе, но само юридическое отношеніе есть что-то неизвѣстное, что можетъ существовать лишь вслѣдствіе признанія со стороны объективнаго права. Но что же представляетъ собой это что-то неизвѣстное, это—*ein unbekanntes Etwas*, дающее смыслъ и содержаніе юридическому отношенію? На этотъ вопросъ Беккеръ не далъ отвѣта и не далъ потому, что онъ былъ послѣдователемъ школы субъективнаго права.

На этотъ вопросъ мы находимъ впервые отвѣтъ у проф. Пунтшарта, который, отрѣшившись отъ заблужденій школы субъективнаго права, взглянулъ на гражданское право съ той точки зрѣнія рим-

скихъ юристовъ, которая до послѣдняго времени ускользала отъ вниманія и романистовъ и германистовъ. Профессоръ Пунтшартъ вытщился изъ-подъ слуда мириады всякаго рода ученій римскую теорію правовыхъ союзовъ (*iuris vinculum*) и на ней построилъ зданіе науки гражданскаго права. Римскимъ юристамъ,—говоритъ Пунтшартъ,—не было чуждо ученіе о правѣ въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ. Но въ построеніи юридическихъ институтовъ римскіе юристы исходили не изъ идеи субъективнаго права, а изъ понятія того правового союза (*iuris vinculum*), который возникаетъ въ дѣйствительной жизни вслѣдствіе примѣненія нормы объективнаго права къ той или иной категоріи фактовъ. По возрѣнію римскихъ юристовъ,—говоритъ Пунтшартъ,—вслѣдствіе примѣненія юридическаго правила къ опредѣленнымъ лицамъ или вещамъ, юридически связываются данныя лица какъ съ другими лицами, такъ и съ извѣстными вещами. Такимъ образомъ, вслѣдствіе примѣненія объективнаго права возникаютъ союзы, охватывающіе опредѣленные группы лицъ и вещей и существующіе въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ, почему и самые эти союзы могутъ быть названы *Rechtsverbände* или *Zweckverbände*. Римскіе юристы обозначали такіе правовые союзы именами: *iuris vinculum*, *pexum*, наконецъ, именемъ *ius*, какъ нормы въ ея примѣненіи. Проф. Пунтшартъ находитъ въ источникахъ римскаго права многочисленныя доказательства тому, что римскимъ юристамъ было извѣстно понятіе подобнаго союза. Я приведу здѣсь лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, юристъ *Marcellus* въ своихъ институціяхъ гражданскаго права говоритъ о союзѣ (*Rechtsverband*) родства и свойства, юридическая особенность котораго выражается въ томъ, что онъ проникнутъ характеромъ необходимости: *nonnunquam ius etiam pro necessitudine dicimus, veluti est mihi ius cognationis vel affinitatis*. Тацитъ, Цицеронъ, юристъ Гай также говорятъ о родственномъ союзѣ, охватывающемъ *maximis vinculis* цѣлую группу людей разнаго возраста и пола. Кромѣ юридическаго союза между извѣстными лицами, римскіе юристы знали правовые союзы между опредѣленными лицами и вещами, а также между опредѣленными имуществами. Поэтому римскіе юристы говорятъ о *nudum ius Quiritium*, какъ о такомъ союзѣ собственности между опредѣленнымъ лицомъ и извѣстнымъ имущественнымъ объектомъ, который лишень своего хозяйственнаго содержанія. Такого же рода имущественный союзъ слѣдуетъ видѣть и въ *ius sepulchri*, въ *iura sepulchrorum*. Здѣсь *locus sepulchri* является въ качествѣ объекта *iuris vinculi*, доказательствомъ чему служатъ слѣдующія

слова Цицерона: „*locum publicum non potuisse privata religione obligari*“, то-есть, что объектомъ правового союза, преслѣдующаго цѣль семейнаго или родоваго культа, не можетъ быть *locus publicus*—земля, предназначенная служить удовлетворенію потребностей цѣлаго общественнаго союза; что, слѣдовательно, только частныя имущества могутъ быть связаны (*obligari*) съ данными лицами въ цѣляхъ погребенія. Римскіе юристы говорятъ, далѣе, о предѣльныхъ сервитутахъ, какъ о такого рода правовыхъ союзахъ, которые существуютъ не между опредѣленными лицами и имуществами, а лишь между послѣдними, охватывая непосредственно только земли и строенія и представляясь ихъ качествомъ, *ius non hominis seu praedii. Servitus praedii magis quam personae esse videtur; hauriendi ius non hominis, sed praedii est*, и т. д. говорятъ источники римскаго права. Такимъ образомъ, римскимъ юристамъ не было чуждо понятіе правового союза, какъ такого состоянія необходимости (*Gebundenheit*), которое возникаетъ именно вслѣдствіе примѣненія въ жизни правовой нормы. Но этого мало. Римскіе юристы видѣли въ этомъ правовомъ союзѣ, въ этомъ *iuris vinculum*, то основное понятіе, которое можетъ быть названо *Grundelement* науки гражданскаго права. Они разсуждали такимъ образомъ. И отдѣльныя лица (физическія и юридическія), и извѣстные имущественные индивиды—*Sachindividuum* (какъ, напримѣръ, при сервитутахъ) имѣютъ извѣстныя потребности, которыя должны или могутъ быть удовлетворены тѣмъ или инымъ образомъ. Удовлетвореніе потребностей можетъ быть удовлетвореніемъ немедленнымъ—въ томъ случаѣ, когда между возникновеніемъ потребности и ея удовлетвореніемъ проходитъ столь незначительный промежутокъ времени, что его можно свободно не принимать въ расчетъ. Но удовлетвореніе потребностей можетъ носить также характеръ будущаго удовлетворенія, когда между моментами возникновенія потребности и ея удовлетворенія проходитъ извѣстный довольно значительный промежутокъ времени. Въ первомъ и во второмъ случаѣ удовлетвореніе можетъ совершаться собственными силами и средствами имѣющаго потребность, или же при помощи средствъ, доставленныхъ другими лицами и имущественными индивидами. На первыхъ ступеняхъ культуры всякій обыкновенно удовлетворяетъ свои потребности собственными силами и средствами. Но съ развитіемъ экономической жизни и имущественнаго оборота, съ появленіемъ обмѣна, представляется уже возможность удовлетворять тѣ или ныя потребности не только собственными средствами, но и на счетъ силъ и средствъ другихъ

лицъ и имущественныхъ индивидовъ. Конечно, имѣющій потребность можетъ достигнуть ея удовлетворенія на счетъ средствъ другихъ и внѣ правовой области. Но такой путь представляется въ высшей степени опаснымъ, и многія потребности, особенно допускающія будущее удовлетвореніе, могли бы оказаться неудовлетворенными. Поэтому является необходимость отыскать такіе пути къ удовлетворенію потребностей, которые были бы свободны, такъ сказать, отъ бурь и невзгодъ случайностей, были бы путями прочными и безъ всякихъ уклоненій ведущими къ разъ намѣченной цѣли. Словомъ, является необходимость отыскать обезпеченіе удовлетворенія потребностей. И такое обезпеченіе человѣкъ находитъ, призывая къ себѣ на помощь объективное право. Вступая по поводу удовлетворенія потребностей въ извѣстныя отношенія къ другимъ людямъ, а также къ моральнымъ или имущественнымъ индивидамъ, человѣкъ стремится придать этимъ отношеніямъ характеръ прочности и ставить ихъ подъ покровъ нормъ объективнаго права; онъ беретъ извѣстное правило, примѣняетъ его къ данному случаю и его юридическою силой связываетъ себя съ опредѣленными лицами. Такъ возникаетъ правовой союзъ—*juris vinculum*, *Rechtsverband*. Этотъ союзъ есть то *Sicherungsmittel*, которое придаетъ прочность и незыблемость отношеніямъ людей, возникающимъ въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей. Но если такова цѣль того юридическаго союза, который возникаетъ вслѣдствіе примѣненія извѣстной правовой нормы въ дѣйствительной жизни, то, очевидно, этотъ союзъ не можетъ вести къ непосредственному приобрѣтенію объектовъ, способныхъ удовлетворить тѣ или иныя потребности. Чтобы приобрѣсти такіе объекты отъ другихъ лицъ или имущественныхъ индивидовъ, необходимо, чтобы вступившій въ правовой союзъ самъ дѣйствовалъ и другихъ заставилъ дѣйствовать, чтобы въ предѣлахъ правоваго союза проявилась воля его субъектовъ, чтобы этотъ союзъ былъ наполненъ извѣстнымъ содержаніемъ, извѣстными правами (въ субъективномъ смыслѣ) и обязанностями. Такимъ образомъ, цѣль правоваго союза двояка: со стороны виѣшней правовой союзъ служитъ гарантіей (*Sicherungsmittel*) будущаго удовлетворенія потребностей; со стороны внутренней, то-есть, съ точки зрѣнія созерцанія, онъ представляется тѣмъ путемъ (*via juris*), который можетъ привести къ удовлетворенію потребностей. Нужно при этомъ замѣтить, что между виѣшней стороной и стороной внутренней правоваго союза существуетъ извѣстнаго рода соотношеніе. Внутренняя сторона опредѣляется виѣшней. Если внутренняя сторона указываетъ, что можно дѣлать, изъ

внѣшней стороны правового союза видно, почему то, а не другое, можно дѣлать. А видно потому, что это указываетъ та норма объективнаго права, которую примѣнили въ данномъ случаѣ, и вслѣдствіе примѣненія которой возникъ извѣстный правовой союзъ. Но если таково соотношеніе между внѣшней и внутренней сторонами правового союза, то очевидно, что въ самомъ развитіи правового союза нужно различать нѣсколько моментовъ. Сперва, вслѣдствіе примѣненія къ извѣстному случаю юридической нормы, возникаетъ правовой союзъ, и затѣмъ уже этотъ правовой союзъ наполняется извѣстнымъ содержаніемъ. Въ исторіи развитія правового союза возможны, слѣдовательно, такіе моменты, когда существуетъ лишь одна внѣшняя сторона правового союза, выступающаго въ такомъ случаѣ въ видѣ *nudum ius*, лишенаго его дѣйствительнаго содержанія. А если это такъ, то право въ субъективномъ смыслѣ и соответствующая ему обязанность суть лишь производныя понятія, приводящія въ другое болѣе общее понятіе правового союза. Такимъ образомъ, правовой союзъ есть то элементарное понятіе, которое должно заключать въ себѣ понятіе субъективнаго права и соответствующей ему обязанности и логически предшествовать этому послѣднему, есть исходный моментъ въ юридическихъ построеніяхъ.

Таковы взгляды римскихъ юристовъ на природу и логическое развитіе правовыхъ союзовъ. Проф. Пунтшартъ находитъ въ источникахъ римскаго права многочисленныя доказательства тому, что именно этихъ (а не другихъ) взглядовъ держались римскіе юристы въ теоретическомъ построеніи институтовъ гражданскаго права. Я приведу здѣсь лишь нѣкоторыя изъ этихъ доказательствъ. Такъ, въ Ватиканскихъ фрагментахъ, между прочимъ, говорится: „*usus fructus sine persona esse non potest, it ideo servus hereditarius inutiliter usum fructum stipulatur. Legari autem ei posse usum fructum dicitur, quia dies ejus non cedit statim: stipulatio autem pura suspendi non potest. Quid ergo, si sub conditione stipuletur, videamus ne nec hoc casu valeat stipulatio, quia ex praesenti vires accipit stipulatio, quamvis petitio ex ea suspensa sit*“⁴. Содержаніе приведеннаго отрывка таково. Такъ какъ рабъ не лицо, а вещь, то онъ не можетъ стипулировать узупфруктъ потому, что послѣдній возникъ бы въ такомъ случаѣ безъ субъекта, а *ususfructus sine persona esse non potest*. Это положеніе проводится на столько строго и послѣдовательно, что возможность стипулировать узупфруктъ отнята даже у раба, входящаго въ составъ непринятаго наслѣдства, то-есть. у такого раба, который, какъ состав-

ная часть *hereditas jacens*, слѣдовательно, имущественной персона лица умершаго, не лишена нѣкоторой юридической самостоятельности. Но если рабъ не можетъ заключить сдѣлку объ узуфруктѣ, то этимъ самымъ не отнимается возможность стипулировать узуфруктъ въ пользу раба, ибо въ этомъ случаѣ возможно обусловить осуществленіе стипуляціоннаго договора освобожденіемъ раба на волю. А въ такомъ случаѣ, говоритъ юристъ, стипуляція будетъ вполнѣ дѣйствительной. Она существуетъ съ момента заключенія: *ex praesenti vires accipit stipulatio*, хотя и суспендируется ея осуществленіе: *quamvis petitio ex ea suspensa sit*.

Изъ приведеннаго отрывка видно, что, по взгляду римскаго юриста, въ случаѣ условной (*sub condicione suspensiva*) стипуляціи въ пользу раба возникаетъ правовой союзъ—*iuris vinculum*, существующій уже съ момента примѣненія въ жизни правовой нормы, то-есть, съ момента заключенія стипуляціонной сдѣлки, и воспринимающій въ себя извѣстное содержаніе— субъективное право (*petitio*), лишь по осуществленіи того событія, которое указано было въ суспензивномъ условіи.

Подобный же взглядъ проводится римскими юристами и въ другомъ отрывкѣ изъ классическихъ сочиненій. „*Si filius familias,—говорится въ 45 книгѣ Дигестъ, т. I, фр. 78,—sub condicione stipulatus emancipatus fuerit, deinde exstiterit conditio, patri actio competit, quia in stipulationibus id tempus spectatur, quo contrahimus*“, то-есть, если подвластный заключитъ сдѣлку подъ суспензивнымъ условіемъ, которое наступитъ лишь послѣ его эманципаціи, въ такомъ случаѣ право иска принадлежитъ не эманципированному *filius familias*, а его отцу, и на томъ основаніи, что юридическое значеніе стипуляціоннаго договора обсуждается по моменту его заключенія. Но почему же именно такъ? А потому, что, когда подвластный заключаетъ обязательство, хотя бы и кондицірованное суспензивнымъ условіемъ, субъектомъ этого обязательства будетъ не подвластный, служащій лишь орудіемъ въ рукахъ семейладыки, а *paterfamilias*, который и входитъ въ правовой союзъ, созданный стипуляціоннымъ договоромъ уже съ момента заключенія договора и остается въ этомъ союзѣ и по наступленіи суспензивнаго условія, то-есть, когда правовой союзъ наполняется извѣстнымъ содержаніемъ; *filius* же *familias* чуждъ заключенному имъ обязательству какъ до эманципаціи, такъ и послѣ нея. Но если изъ заключеннаго подвластнымъ договоромъ возникаетъ для его *paterfamilias* правовой союзъ уже въ моментъ совершенія дого-

вора, то очевидно, что этотъ правовой союзъ до наступленія суспензивнаго условія существуетъ, какъ *nudum ius*, и лишь по наступленіи условія приобретаетъ извѣстное содержаніе.

Подобныя же воззрѣнія на правовой союзъ высказываются римскими юристами во многихъ мѣстахъ ихъ сочиненій, помѣщенныхъ отрывками въ Дигестахъ, гдѣ говорится о юридической силѣ и значеніи сдѣлокъ, заключенныхъ *sub conditione* или съ прибавленіемъ срока *in diem*. И при срокѣ *in diem*, и при *conditio suspensiva* сдѣлка переживаетъ періодъ пенденціи, когда не извѣстно, наступитъ ли срокъ, или: осуществится ли условіе. Въ этотъ періодъ пенденціи правовой союзъ, возникшій вслѣдствіе примѣненія извѣстной юридической нормы въ заключенной сдѣлкѣ, существуетъ безъ своего содержанія, которое приводитъ въ него лишь тогда, когда, говоря языкомъ древнихъ юристовъ, *conditio* или *dies extat*.

Мнѣ кажется, и приведенныхъ примѣровъ достаточно для иллюстраціи воззрѣній римскихъ юристовъ на *iuris vinculum* и его логическое развитіе. Очевидно, съ ихъ точки зрѣнія, это *iuris vinculum* есть коренное понятіе науки права; примѣняется норма, возникаетъ правовой союзъ, какъ *Sicherungsmittel* удовлетворенія потребностей; этотъ союзъ, затѣмъ, наполняется извѣстнымъ содержаніемъ, состоящимъ въ правахъ и обязанностяхъ.

Подобный взглядъ римскихъ юристовъ не представляется взглядомъ случайнымъ, который они высказывали по тому или иному поводу. Римскіе юристы развили свое ученіе о правѣ, какъ о нормѣ въ ея примѣненіи въ цѣльныхъ системахъ гражданскаго права, лучшія изъ которыхъ принадлежатъ перу такихъ классиковъ древности, какими были *Juvenicius Celsus*, *Paulus* и *Ulpianus*. Отрывки этихъ системъ сохранились въ Дигестахъ, и по нимъ-то проф. Пунтшартъ постарался возстановить затерявшееся было въ морѣ юридической науки воззрѣніе римскихъ писателей.

Я приведу здѣсь ученія римскихъ юристовъ по вопросамъ: права собственности, сервитутовъ, обязательства и залога, чтобы показать, какъ просто и понятно строятся эти институты на почвѣ идей, созданныхъ римскими юристами, какъ легко разрѣшаются съ точки зрѣнія этихъ идей всѣ безконечные споры и пререканія современной науки по указаннымъ вопросамъ,—споры и пререканія, образцы которыхъ были приведены мною раньше.

Съ точки зрѣнія римскихъ юристовъ, собственность есть юридическій союзъ между опредѣленнымъ лицомъ и даннымъ имуществомъ.

нымъ объектомъ, имѣющій извѣстное хозяйственное содержаніе. Такимъ образомъ, въ институтѣ собственности двѣ стороны: внѣшняя и внутренняя. Для обозначенія этихъ различныхъ сторонъ у римскихъ юристовъ были различныя названія. Внѣшнюю сторону института собственности они обозначали словомъ „*proprietas*“, внутреннюю—словомъ „*dominium*“. *Proprietas* было именно тѣмъ терминомъ, которымъ римскіе юристы отличали собственность отъ сходныхъ съ нимъ институтовъ. Такъ, желая указать на ту глубокую разницу, которая существуетъ между собственностью и владѣніемъ, римскіе юристы говорятъ: „ *nihil commune habet proprietas (a ne dominium, ибо само possessio есть также dominium) cum possessione. Или: permisceri causas possessionis et ususfructus non oportet, quem ad modum nec possessio et proprietas misceri debet. Или еще: Hujus autem interdicti proponendi causa haec fuit, quod separata esse debet possessio a proprietate и т. д.*

Что касается термина „*dominium*“, онъ употребляется юристами древности для обозначенія хозяйственной стороны института собственности, содержаніе которой выражается въ господствѣ (*dominium*) лица надъ опредѣленной вещью. Конечно, въ институтѣ собственности это господство имѣетъ свои специфическія особенности; но общія черты его не чужды и другимъ институтамъ. На это обратили вниманіе и римскіе юристы, которые господство воли лица управомоченнаго во всякомъ институтѣ обозначали именемъ *dominium*, указывая его особенности въ томъ или иномъ предикатѣ. А отсюда выраженія древнихъ источниковъ: *dominium ususfructus, dominium servitutis, dominium possessionis, dominium contractus, dominus hereditatis, dominus litis, dominium и dominus proprietatis.*

Собственность, такимъ образомъ, есть правовой союзъ. Какъ правовой союзъ особаго рода (*proprietas*), собственность соединяетъ извѣстное лицо съ опредѣленною вещью, распространяя свою юридическую силу непосредственно какъ на лицо, выступающее въ качествѣ субъекта союза собственности, такъ и на вещь, служащую его объектомъ. А распространяя свою силу на вещь, союзъ собственности охватываетъ непосредственно самую вещь и вслѣдствіе этого самъ приобретаетъ вещный характеръ. Такова внѣшняя сторона института собственности. Что касается внутренней стороны, хозяйственнаго содержанія собственности, оно выражается въ тѣхъ выгодахъ, которыя можетъ дать вещь именно вслѣдствіе того, что она выступаетъ въ союзѣ собственности въ качествѣ его объекта. Дѣло въ томъ, что

собственность представляется не только правовымъ союзомъ, но и Zweckverband, какъ говорятъ нѣмцы, то-есть, союзомъ, существующимъ въ определенныхъ цѣляхъ: чтобы содѣйствовать на счетъ силъ и средствъ его объекта осуществленію всѣхъ тѣхъ цѣлей, zu deren Verwirklichung die Sache tauglich ist, содѣйствовать осуществленію которыхъ можетъ самъ объектъ собственности по своимъ свойствамъ и особенностямъ. Между этими разнообразными цѣлями одна выступаетъ, какъ главная цѣль — Hauptzweck, по отношенію къ которой другія цѣли представляются лишь цѣлями второстепенными — Nebenzwecke. Главная цѣль есть та именно, которая опредѣляетъ хозяйственную и мѣновую цѣнность вещи (ihren Gebrauchs — und Tauschwerth); въ виду главной цѣли сообщается вещи та ея характерная особенность, которая обозначается въ источникахъ именемъ „substantia rei“ и которая можетъ быть сообщена вещи какъ природою (Grundstoff), такъ и ея собственникомъ. Самъ собственникъ (его потребности) опредѣляетъ, достиженію какихъ цѣлей должна служить вещь, принадлежащая ему на правѣ собственности: онъ можетъ пользоваться вещью для той или иной цѣли, и потому er kann die Sache nur zur Einem, er kann sie zum mehrgen Zwecken verwenden. Въ этомъ употребленіи вещи для достиженія той или иной цѣли, достиженію которой она можетъ содѣйствовать по своей природѣ (tauglich ist), состоитъ хозяйственное пользованіе вещью. Такое пользованіе можетъ быть непосредственнымъ или посредственнымъ. Последнее устанавливается юридическими сдѣлками. При посредственномъ пользованіи объектомъ собственности непосредственное пользованіе вещью можетъ совершенно прекратиться на извѣстное время въ томъ случаѣ, если вещь переходитъ изъ рукъ собственника въ руки другого лица. Но если возможно такое посредственное пользованіе объектомъ собственности, то, очевидно, возможно также отдѣленіе внутренней стороны собственности отъ стороны внѣшней, при чемъ субъектомъ proprietatis будетъ одно лицо, именно собственникъ, субъектомъ же dominii будетъ другое лицо. Возможны, далѣе, случаи, когда внутренняя сторона собственности ускользнетъ, такъ сказать, изъ рукъ собственника, и онъ останется обладателемъ лишь внѣшней стороной этого института. Словомъ, вполне возможно и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія существованіе собственности какъ въ полномъ ея составѣ, такъ и въ составѣ одной внѣшней стороны, безъ хозяйственного содержанія. Уже римскіе юристы говорятъ о нѣсколькихъ случаяхъ подобнаго рода. Въ древнемъ Римѣ, какъ извѣстно, было

огромное количество государственной земли. Собственникомъ этой земли, то-есть, субъектомъ союза собственности, было само римское государство; *dominium* же, то-есть, осуществленіе хозяйственнаго содержанія собственности, отдавалось обыкновенно въ руки частныхъ лицъ, которыя за опредѣленную плату (*vestigal*) могли пользоваться государственной землей и извлекать изъ нея тѣ или иные продукты. Но и помимо этихъ отношеній, проникнутыхъ отчасти публичнымъ началомъ, въ частной жизни римскаго народа мы встрѣчаемся съ тѣми же явлениями, объясненіе которымъ мы дали выше. Такъ, въ древнемъ Римѣ выработалась особая форма залога, *fiducia cum creditore*, при которой у собственника заложенной вещи оставалась лишь внѣшняя сторона собственности, одна юридическая связь съ объектомъ—*iuris vinculum*, все же хозяйственное содержаніе собственности переходило въ руки кредитора. Не рѣдки были, далѣе, въ римской юридической жизни случаи такъ называемой *proprietas nuda, nudum ius Quiritium*, когда по отношенію къ чужому объекту собственности устанавливались такія права, какъ *emphyteusis, superficies* или *usus-fructus*, при которыхъ не было мѣста для непосредственнаго пользованія со стороны собственника объектомъ собственности. Извѣстенъ, наконецъ, и римскому праву случай давностнаго владѣнія, въ которомъ за дѣйствительнымъ собственникомъ объекта давностнаго владѣнія до истечения срока давности признавалось *nudum ius Quiritium, nuda proprietas*. Таково юридическое построеніе института собственности. Собственность (*proprietas*), слѣдовательно, есть такое юридическое соединеніе даннаго лица и извѣстной вещи, въ силу котораго опредѣляется назначеніе вещи: служить всѣми ея хозяйственными силами и въ ихъ предѣлахъ цѣлямъ и интересамъ лица управомоченнаго, или, говоря словами проф. Пунтшарта, собственность есть „*jener Rechtsverband einer Sache mit einer Person durch welchen die Sache bestimmt ist, allen Zwecken der Person zu dienen, zu deren Verwirklichung sie tauglich ist*“. Изъ этого *iuris vinculum* возникаетъ для его субъекта право собственности (*dominium*), которое есть не что иное, какъ власть (*Machtfülle*) пользоваться вещью для достиженія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты на счетъ хозяйственныхъ силъ вещи. При такомъ пониманіи института собственности не представляетъ никакихъ затрудненій пониманіе ограниченій собственности и владѣнія, вызывавшаго съ давнишнихъ временъ безконечные споры.

Собственность существуетъ въ интересахъ и цѣляхъ частнаго

лица. Но такъ какъ всякое частное лицо есть членъ общественнаго союза, есть подданный извѣстнаго государства, то, само собой разумѣется, интересы и цѣли перваго должны стоять въ извѣстномъ соотношеніи съ интересами и цѣлями послѣдняго и подчиняться имъ. Это соотношеніе и подчиненіе выражается въ томъ, что собственность, какъ правовой частный союзъ, существуетъ лишь въ силу признанія его со стороны объективнаго права, въ которомъ выражается воля государства, и въ тѣхъ границахъ, которыя поставлены государствомъ господству воли частныхъ лицъ. Если, поэтому, объективное право ставить извѣстныя границы праву собственности, въ такомъ случаѣ послѣднее выступаетъ уже не въ качествѣ правоваго союза, имѣющаго своей задачей служить достиженію всѣхъ цѣлей даннаго лица въ указанномъ мною выше смыслѣ, а въ качествѣ союза, нѣкоторыя изъ цѣлей котораго уже напередъ (*vorgeliegt*) исключаются или подчиняются цѣлямъ цѣлаго общественнаго союза. Такимъ образомъ, въ случаѣ ограниченій собственность теряетъ въ полнотѣ содержанія какъ внутренней ея стороны, такъ и стороны внѣшней. А это отличаетъ собственность отъ *in re aliena*, которыя, какъ увидимъ ниже, представляются лишь однимъ изъ способовъ осуществленія *dominii* собственника.

Что касается владѣнія, оно есть не что иное, какъ внутренняя сторона собственности, то-есть, *dominium* безъ *proprietas*. Владѣніе есть чисто фактическое употребленіе вещи для достиженія всѣхъ тѣхъ цѣлей, достигнуть которыя возможно въ силу хозяйственныхъ особенностей данной вещи, то-есть, чисто фактическое пользованіе вещью—*der bloss thatsächliche Genuss der Sache*.

Столь же простымъ представляется и юридическое построеніе сервитутовъ. Древнѣйшими сервитутами считаются сервитуты предѣльные. Предѣльный сервитутъ, какъ институтъ гражданскаго права, имѣетъ большое сходство съ тѣмъ юридическимъ учрежденіемъ древности, которое охватывало личность рабовъ и обозначалось даже аналогичнымъ именемъ—*servilitas*. Дѣйствительно, въ положеніи рабовъ и въ положеніи имуществъ, подлежащихъ дѣйствию сервитутнаго права, есть много общаго. По возрѣніямъ римскаго народа, рабомъ былъ такой человѣкъ, который съ точки зрѣнія права разсматривался, какъ хозяйственное средство, опредѣленное служить тѣмъ или инымъ цѣлямъ и интересамъ другаго чужаго ему человѣка. Мало этого: если рабъ былъ хозяйственное средство, то-есть, просто говоря, вещь, если, далѣе, онъ въ такомъ качествѣ прикрѣплялся къ опре-

дѣленному лицу, это прикрѣпленіе было роковымъ для раба. Оно налагало на него печать неволи, такого рода клеймо, съ которымъ рабъ ходилъ всю жизнь, хотя бы онъ въ тотъ или иной моментъ фактически былъ безхозяйнымъ (*herrenlos*): рабство было ингерентно личности раба. Подобными чертами можетъ быть охарактеризовано и юридическое положеніе *fundus serviens*. Подъ *fundus serviens* разумѣется такая недвижимость, которая предназначена служить средствомъ къ удовлетворенію опредѣленныхъ интересовъ другаго недвижимаго имѣнія. Это „предназначеніе“ проявляется въ прикрѣпленіи, а прикрѣпленіе налагаетъ печать сервитута на *fundus serviens*, ингерентируетъ послѣднему качеству служебности.

Эта аналогія между институтами рабства и сервитута объяснить содержаніе послѣдняго. Дѣствительно, въ предѣльномъ сервитутѣ необходимо выступаютъ два недвижимыя имѣнія, какъ два лица въ институтѣ рабства, при чемъ каждое изъ этихъ имѣній разсматривается, какъ *Sachindividuum*. Каждый такой *Sachindividuum* имѣетъ свои опредѣленныя, можно сказать, естественныя потребности, безъ удовлетворенія которыхъ онъ не можетъ выполнить свое назначеніе. Эти потребности могутъ быть удовлетворены имуществомъ индивидомъ на его собственный счетъ и его собственными силами и средствами, или же съ помощью силъ и средствъ сосѣдняго недвижимаго имущества. Если такое удовлетвореніе не состоится, тогда *Sachindividuum* естественно терпитъ нужду и, конечно, теряетъ въ своей цѣль, ибо въ такомъ случаѣ онъ не можетъ вполне удовлетворить своему назначенію. Чтобы выйти изъ такого положенія, необходимо, — говоритъ проф. Пунтшартъ, — оказать помощь хозяйственному индивиду и при томъ помощь на все время его существованія. Съ этой цѣлью призывается сосѣднее недвижимое имущество содѣйствовать удовлетворенію потребностей терпящаго нужду *Sachindividuum*'а, конечно, по столько, по скольку это не вредитъ его собственнымъ интересамъ. А чтобы это содѣйствіе было продолжительнымъ и надежнымъ (*dauernd und sicher*), оно ставится подъ покровъ права; ему сообщается характеръ юридической необходимости. Это же происходитъ такимъ образомъ. Недвижимыя имущества различныхъ собственниковъ надолго соединяются юридически другъ съ другомъ и для опредѣленной цѣли, вслѣдствіе чего возникаетъ юридическій союзъ, охватывающій непосредственно эти имущества, ингерентный имъ и приобретающій чрезъ то вещный характеръ. У римскихъ юристовъ такой союзъ носилъ названіе *vinculum servitutis*.

Такимъ образомъ, сервитутъ есть прежде всего юридическій союзъ. Множество мѣстъ въ источникахъ римскаго права служатъ доказательствомъ тому, что римскіе юристы такъ смотрѣли на сервитутъ. Римскіе юристы видѣли въ сервитутѣ прежде всего *iuris vinculum* и потому считали совершенно возможнымъ подчинить этому *vinculum* еще несуществующія (не выстроенныя) зданія. Такъ, по замѣчанію Помпонія, *futuro quoque aedificio, quod nondum est, vel imponi vel adquiri servitus potest* (D. 8. 2. 23. 1). Тѣмъ же взглядомъ юристовъ объясняется и такое положеніе римскаго права: „*interpositis quoque alienis aedibus servitus imponi potest, vel ut altius tollere vel non tollere liceat, vel etiam sit iter debeatur, ut ita convalescat, si medietas quoque aedibus servitus postea imposita fuerit*“ (D. 8. 4. 7. 1), то-есть, возможно установленіе сервитутнаго отношенія между двумя зданіями (конечно, какъ *Sachindividuum*'ами) даже въ томъ случаѣ, если осуществленію сервитута будетъ мѣшать третье зданіе, находящееся между зданіями, вошедшими въ сервитутный союзъ; въ такомъ случаѣ установленный сервитутъ на время замираетъ и возрождается съ прежней силой лишь по вовлеченіи въ тотъ же союзъ промежуточнаго строенія. Если предіальный сервитутъ есть юридическій союзъ между двумя или нѣсколькими недвижимыми имуществоми, въ такомъ случаѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Папиніанъ, возможно установленіе сервитута съ прибавленіемъ срока или условія. Конечно, въ такомъ случаѣ до наступленія срока или условія сервитутъ будетъ бездѣйствовать, но и до указаннаго момента онъ не лишень юридическаго значенія, которое выражается въ состояніи связности (*Gebundenheit*), несвободы (*Servitus*), охватывающемъ *Sachindividuum*'ы сервитутнаго союза.

Взглядомъ римскихъ юристовъ на сервитутъ, какъ на *iuris vinculum*, объясняется и ихъ ученіе о недѣлимости сервитутовъ. Дѣйствительно, если сервитутъ есть юридическій союзъ, то, конечно, невозможно допустить раздѣленіе сервитутовъ, ибо немисливо представить себѣ одну треть или половину этого союза. Совершенно справедливо, поэтому, замѣчаютъ юристы *Savolenus* (D. 8. 6. 15) и *Ulpianus* (D. 8. 3. 18), что, если, напримѣръ, дорожный сервитутъ распространяется на нѣсколько недвижимыхъ имѣній и теряется въ отношеніи одного изъ нихъ (напримѣръ, вслѣдствіе *confusio* или давностнаго *pop usus*), это обстоятельство нисколько не препятствуетъ сохраненію сервитута въ нетронутомъ видѣ по отношенію къ остальнымъ имѣніямъ: „*una est via etsi per plures fundos imponatur, cum*

una sit servitus“. Такимъ образомъ, уже съ точки зрѣнія римскихъ юристовъ предіальный сервитутъ представляется, — говоритъ проф. Пунтшартъ, — какъ „ein unübertragbarer Rechtsverband von Grundstücken verschiedener Eigenthümer zu dem Zwecke, dass das eine oder die einen der Befriedigung eines bestimmten dauernden wirthschaftlichen Bedürfnisses des anderen dienen“ (стр. 106). Но, если предіальный сервитутъ есть юридическая связь, установленная между двумя или нѣсколькими недвижимыми имѣніями, то, очевидно, сервитутъ совершенно независимъ отъ личности собственниковъ этихъ имѣній, то-есть, имѣетъ силу для всякаго собственника какъ *praedium dominans*, такъ и *praedium serviens*. А соединяя юридически лишь опредѣленные недвижимыя имущества, сервитутъ сообщаетъ имъ извѣстное юридическое качество и самъ представляется не чѣмъ инымъ, какъ *praedia qualiter se habentia*, какъ *qualitas fundo imposita* (D. 50. 16. 86. 1). Этимъ воззрѣніемъ римскихъ юристовъ на сервитутъ объясняются и слѣдующія выраженія источниковъ: *servitus praedio debetur*, *fundus fundo servit*, *servitus fundo acquiritur* и пр. Само собою разумѣется, далѣе, что, если сервитутъ есть юридическая связь, существующая между извѣстными недвижимыми имѣніями, то въ случаѣ спора о сервитутѣ *sententia praedio datur*.

Это ученіе о предіальныхъ сервитутахъ римскіе юристы распространили впоследствии и на сервитуты личные. Изъ послѣднихъ особый интересъ представляетъ *ususfructus*. *Ususfructus*, какъ и предіальный сервитутъ, по своей основной идеѣ служить для опредѣленнаго лица обезпеченіемъ отъ тяжелыхъ послѣдствій хозяйственной нужды — *die gesicherte Versorgung einer Person*, какъ говоритъ проф. Пунтшартъ. Такую именно цѣль преслѣдуетъ *ususfructus*, возникающій въ сферѣ семейнаго союза, гдѣ, напримѣръ, мужъ оставляетъ въ завѣщаніи пожизненное пользованіе имуществомъ въ пользу жены, право собственности на которое переходитъ къ дѣтямъ, и т. д. Но ежели такова цѣль *узуфрукта*, очевидно, онъ долженъ носить строго индивидуальный характеръ, обнимать лишь опредѣленное лицо и опредѣленное имущество и представляться съ одной стороны союзомъ строго личнымъ, не подлежащимъ перенесенію съ одного лица на другое; съ другой стороны — союзомъ вещнымъ, сообщающимъ его объекту извѣстное юридическое качество. Понятное дѣло, что съ указанныхъ точекъ зрѣнія *ususfructus* можетъ быть опредѣленъ, какъ „*der unübertragbare Rechtsverband einer Person mit einer fremden Sache zu dem Zwecke, dass die Person aus der Sache alle wirthschaftlichen Vor-*

theille ziehe, welche sich aus ihr ohne Eingriff in ihre Substanz ziehen lassen“ (стр. 109).

Объединяя опредѣленія предѣльнаго и личнаго сервитутовъ, можно сказать, что сервитутъ есть „der unübertragbare Rechtsverband von Grundstücken verschiedener Eigenthümer, oder einer Person mit einer fremden Sache zu einem bestimmten einzelnen, wirthschaftlichen Zwecke“ (стр. 109).

Что касается, далѣе, отношенія сервитута къ собственности, то, очевидно, что сервитутъ представляетъ собой лишь посредственное осуществленіе хозяйственнаго содержанія послѣдней. Дѣйствительно, и при сервитутѣ собственность остается въ нетронutomъ видѣ; союзъ собственности существуетъ въ своей первоначальной конструкціи; измѣняется лишь характеръ пользованія вещью, которое вполнѣ, или отчасти (въ одномъ опредѣленномъ направленіи) преобразуется изъ непосредственнаго въ посредственное. Я говорю „вполнѣ“ потому, что возможны случаи, когда непосредственное осуществленіе права собственности совершенно прекращается на время, какъ, напримѣръ, при *ususfructus*, и возобновляется лишь послѣ того, какъ *ususfructus ad proprietatem revertitur*.

Переходя къ изложенію ученія римскихъ юристовъ о сущности и характерныхъ особенностяхъ обязательственнаго права, я долженъ повторить здѣсь то, что сказано было мною раньше. Я говорилъ, что въ источникахъ римскаго права имѣются два мѣста, трактующія о юридической природѣ обязательства. Это — отрывокъ изъ сочиненія Павла, помѣщенный въ 44 (ч. 3.) книгѣ Дигестъ, и легальная дефиниція обязательства въ институціяхъ императора Юстиніана. Я говорилъ также уже раньше, что современные цивилисты увидѣли въ указанныхъ мною фрагментахъ два опредѣленія одной и той же юридической природы обязательства, и опредѣленія при томъ различныя. А это обстоятельство естественно повлекло за собою исключеніе одного изъ опредѣленій изъ науки гражданскаго права. Такая судьба, мы видѣли, постигла легальную дефиницію обязательства въ институціяхъ Юстиніана, въ которой еще глоссаторы усматривали лишь образное описаніе обязательства. Подобный взглядъ на ученіе источниковъ римскаго права объ обязательствѣ представляется въ высшей степени страннымъ уже съ чисто внѣшней, такъ сказать, стороны. Въ самомъ дѣлѣ, законодательныя работы Юстиніана, извѣстно, были предприняты съ цѣлью объединить объективное право, свести его въ такую систему, въ которой можно было бы обозрѣть его, какъ нѣчто

единое цѣлое. Невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ было императору Юстиніану, преслѣдовавшему подобную цѣль, зачѣмъ было ему помѣщать въ своихъ сборникахъ права—два, да при томъ еще различныя опредѣленія обязательства? Неужели онъ, трудамъ котораго сотни лѣтъ потомъ удивлялось человѣчество, не понималъ, какую смуту внесетъ онъ подобной непослѣдовательностью и въ ученіе объ обязательствахъ, и въ судебную практику, ежедневно наталкивающуюся на вопросы подобнаго рода?! Трудно допустить подобное предположеніе. Но тогда какъ же объяснить существованіе двухъ дефиницій обязательства? Представляется ли оно случайностью, или, можетъ быть, лишь простымъ послѣдствіемъ ошибочности взглядовъ современныхъ цивилистовъ на источники римскаго права и ихъ ученіе объ обязательствахъ? И не правильнѣе ли допустить послѣднее предположеніе? Мы видѣли уже раньше, какъ просто было ученіе римскихъ юристовъ о правѣ собственности и сервитутахъ, и сколько ошибокъ и заблужденій внесла въ это ученіе современная теорія гражданскаго права. Уже а priori можно предположить, что такой же простотой должно отличаться и ученіе римскихъ юристовъ объ обязательствахъ, и что всѣ недоразумѣнія въ этой области должны быть отнесены на счетъ теоретиковъ новаго времени. Но и помимо априористическихъ предположеній источники римскаго права даютъ массу матеріала, опираясь на который можно утверждать, что въ ученіи римскихъ юристовъ объ обязательствахъ не было непослѣдовательности и противорѣчій. Дѣйствительно, если въ своихъ построеніяхъ институтовъ гражданскаго права римскіе юристы исходили изъ идеи правового союза, въ такомъ случаѣ они должны были взглянуть и на обязательство, какъ на правовой союзъ, имѣющій, конечно, свои особенности. А если мы допустимъ послѣднее, тогда мы потеряемъ основаніе видѣть юридическую дефиницію обязательства, данную римскими цивилистами, въ томъ отрывкѣ изъ Дигестъ, который принадлежитъ юристу Павлу и гласитъ слѣдующее: „obligationum substantia non in eo consistit, ut aliquid corpus nostrum vel aliquam servitutem nostram faciat, sed ut alium nobis obstringat ad dandum aliquid vel faciendum vel praestandum“. Очевидно, если римскіе юристы въ обязательствахъ видѣли правовой союзъ, они должны были идею этого союза внести и въ опредѣленіе обязательства. Но тогда, конечно, только легальная дефиниція Институцій Юстиніана, этого трактата о принципахъ гражданскаго права, можетъ быть признана содержащей опредѣленіе юридической сущности обязательства. Дѣй-

ствительно, Институція Юстиніана опредѣляютъ обязательство, какъ *iuris vinculum, quo necessitate adstringimur alicuius rei solvendae secundum nostrae civitatis iura*, то-есть, очевидно, какъ такого рода *iuris vinculum, quo secundum nostrae civitatis iura ad solvendam aliquam rem ita adstringimur, ut nobis necesse sit eam rem solvere*. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Институцій Юстиніана, обязательство представляется правовымъ союзомъ, имѣющимъ свои характерныя черты и особенности. Въ самой дефиниціи обязательства нужно различать три элемента: а) *iuris vinculum*, б) *adstrictio ad solvendam aliquam rem* и в) *necessitas solutionis*. Не одна легальная дефиниція служитъ доказательствомъ тому, что римскіе юристы видѣли въ обязательствѣ *iuris vinculum*. Во многихъ мѣстахъ Дигестъ, Кодекса и Ватиканскихъ фрагментовъ говорится объ обязательствѣ, какъ о правовомъ союзѣ. Я сдѣлаю здѣсь два-три указанія. *Contractus imaginarii etiam in emptionibus iuris vinculum non continent* (D. 44. 7. 54); *vinculum obligationis* (Fr. Vat. 332); *vinculum obligationis solvitur* (D. 41. 2. 46); *cum prior solutio, quae irrita fuit, naturale vinculum non solvet, nec civile* (D. 12. 6. 59); *vinculum stipulationis* (C. 4. 2. 6.); *vinculum cautionis* (D. 28. 6. 40); *vinculum locutionis* (D. 46. 1. 52)—вотъ обычныя термины и выраженія источниковъ римскаго права. Обязательство есть, такимъ образомъ, правовой союзъ и съ этой стороны сходно съ другими институтами гражданскаго права; отъ послѣднихъ оно отличается лишь своимъ содержаниемъ, придающимъ ему характеръ особаго юридическаго учрежденія. Это содержание обязательственнаго союза заключается въ *adstrictio ad solvendam aliquam rem* и въ *necessitas solutionis*. Приведенныя выраженія обнимаютъ тотъ матеріалъ, который содержится въ Павловой дефиниціи хозяйственной сущности обязательства. Извѣстна эта дефиниція: *obligationum substantia non in eo consistit, ut aliquod corpus nostrum aut aliquam servitatem nostram faciat, sed ut alium vobis obstringat ad dandum aliquid vel ad faciendum vel ad praestandum*. Правда, современные юристы въ дефиниціи Павла увидѣли опредѣленіе не хозяйственной сущности обязательства, а его философской субстанціи. Но такое пониманіе дефиниціи Павла было лишь слѣдствіемъ непониманія языка этого цивилиста, стоявшаго въ своихъ опредѣленіяхъ юридическихъ учрежденій на почвѣ экономическихъ понятій. Дѣйствительно, выраженіе „*substantia obligationum*“ у юриста Павла было терминомъ, обозначавшимъ хозяйственную сущность обязательства. Это доказывается

многими мѣстами изъ сочиненій того же юриста. Такъ, говоря о юридической природѣ узуфрукта, Павелъ употребляетъ слово „субстанція“ въ смыслѣ не философской, а экономической сущности: „*usus-fructus est ius alienis rebus utendi fruendi salva rerum substantia*“ (D. 7. 1, 3). Въ подобномъ же значеніи употребляется слово *substantia* и въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ сочиненія того же автора: „*Solutionis verbum pertinet liberationem quoquo modo factam magisque ad substantiam obligationis refertur, quam ad nummorum solutionem*“ (D. 46. 3. 54.). Но если въ такомъ смыслѣ должно быть понимаемо выраженіе „*substantia obligationum*“ Павловой дефиниціи, то хозяйственное содержаніе обязательственнаго союза, по воззрѣніямъ римскихъ цивилистовъ, должно было состоять въ *adstrictio ad solvendam aliquam rem*, а также въ *praestatio*, какъ особаго рода гарантіи указаннаго *adstrictio*. *Adstrictio ad solvendam aliquam rem* представляетъ собой первое послѣдствіе обязательственнаго союза. Вступивъ въ обязательственный союзъ, лицо принимаетъ на себя обязанность (*adstrictio*) совершить (*solvere*) опредѣленное дѣйствіе, имѣющее хозяйственное значеніе: *dare vel facere aliquid*. Но, еслибы только этимъ ограничивалось содержаніе обязательственнаго союза, еслибы въ силу заключеннаго обязательства у кредитора было только право потребовать отъ должника совершенія того или иного напередъ обусловленнаго дѣйствія, въ такомъ случаѣ самое обязательство не достигло бы своей цѣли и было бы плохой гарантіей, обезпечивающей кредитору возможность будущаго удовлетворенія потребностей. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы у кредитора было лишь право требовать отъ должника совершенія дѣйствія, составляющаго объектъ обязательства, въ такомъ случаѣ кредиторъ лишенъ былъ бы возможности получить удовлетвореніе по обязательству: должникъ могъ отказаться исполнить обѣщаніе (*stipulatio*) и тѣмъ показать кредитору всю эфемерность обязательственнаго союза. Однако, мы видимъ, что въ дѣйствительной жизни подобныхъ исторій почти не бываетъ. Мы видимъ, что въ дѣйствительной жизни каждое обязательство заключаетъ въ себѣ возможность, такъ сказать, послѣдовательной альтернативы: кредиторъ можетъ потребовать отъ должника совершенія того дѣйствія, которое составляетъ объектъ обязательства, и, если должникъ отказывается удовлетворить требованію кредитора, въ такомъ случаѣ послѣдній обращаетъ взысканіе на имущество должника, какъ обращаетъ взысканіе на имущество поручителя въ томъ случаѣ, если главный должникъ не исполнялъ обязательства. Очевидно, такимъ

образомъ, что изъ самого обязательственнаго союза возникаетъ для кредитора двоякаго рода власть, двоякаго рода право, которому соотвѣтствуетъ двоякаго рода обязанность для должника: онъ не только обязанъ совершить опредѣленное дѣйствіе; онъ ручается своими хозяйственными силами за совершение этого дѣйствія, такъ что для него возникаетъ *necessitas solutionis*. *Necessitas solutionis* есть гарантія (*Haftung*) совершения дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства. Въ силу *necessitas solutionis* обязательственный союзъ охватываетъ (*haftet*) самую личность должника въ ея хозяйственномъ смыслѣ, то-есть, въ смыслѣ ея *facultates*, тѣхъ силъ и способностей, которыя приводятъ или могутъ привести къ приобрѣтенію имущества. Вотъ почему, когда должникъ отказывается добровольно исполнить обязательство, возможно понудительное исполненіе на основаніи того же *vinculum obligationis*. Въ *necessitas solutionis* выражается, такимъ образомъ, ручательство должника за совершение тѣхъ или иныхъ обѣщанныхъ (*stipulatio*) имъ дѣйствій, разрѣшающееся въ *praestatio*, то-есть, въ вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные неисполненіемъ обязательства.

Таково юридическое построеніе обязательства, заключающаго въ себѣ всѣ элементы *die vollkommene Obligation*. Но возможны случаи существованія неполнаго обязательства—*die unvollkommene Obligation*, носившаго на языкѣ римскихъ юристовъ названіе—*obligatio naturalis*. *Obligatio naturalis* есть именно неполное обязательство, въ которомъ отсутствуетъ одинъ изъ его хозяйственныхъ элементовъ. Въ *obligatio naturalis* нѣтъ *necessitas solutionis*, нѣтъ *Haftenmüssen*, въ которомъ заключается характеристическая особенность нормальнаго обязательства. *Naturalis obligatio* представляется, такимъ образомъ, учрежденіемъ гражданскаго права, имѣющимъ опредѣленную *causa obligandi*, но не подлежащимъ понудительному осуществленію на счетъ силъ и средствъ лица обязавшагося. Этой природой *naturalis obligatio* можно объяснить то обстоятельство, что первоначально это обязательство возникло въ сферѣ семейнаго союза, въ отношеніи лицъ подвластныхъ (дѣтей и рабовъ) къ постороннимъ лицамъ, то-есть, тамъ, гдѣ невозможно было примѣненіе *necessitas solutionis*. Впослѣдствіи категорія неполныхъ обязательствъ расширилась. Сюда были причислены, кромѣ обязательствъ, принятыхъ на себя лицами, состоявшими подъ *patria potestas*, и обязательства съ искомъ, погашеннымъ дѣйствіемъ давности; далѣе, такого рода обязательства, противъ искоторыхъ возможно было предъявить *exceptio rei iudicatae*; обяза-

тельства, обращенныя изъ полныхъ въ неполныя вслѣдствіе *agrogatio*, *in manum conventio* или *capitis deminutio*; обязательства, изъ которыхъ выпало *necessitas solutionis* вслѣдствіе *confusio* и послѣдующаго затѣмъ *restitutio in integrum ex edicto Trebelliano*, и нѣкоторые другіе случаи. Впрочемъ, рядомъ съ этой категоріей *obligationes naturales* въ римскомъ правѣ существовали еще такъ называемыя *obligationes naturales* въ переносномъ смыслѣ или такого рода *vincula*, въ которыхъ не было даже *causa obligandi*, а существовала лишь *religionis*, *beneficii* или *fidel adstrictio*.

Таково ученіе римскаго права о полномъ и неполномъ обязательственномъ союзѣ. Съ точки зрѣнія этого ученія въ высшей степени просто разрѣшаются многіе спорные вопросы теоріи обязательственного права, а также вопросъ о закладномъ правѣ, представлявшій столько затрудненій, какъ мы видѣли это раньше, для современной теоріи. Многіе спорили, напримѣръ, о томъ, влечетъ ли за собой *rescriptum arbitrii* цивильное обязательство, или нѣтъ? можно ли отыскать элементъ обязательственного права въ институтѣ опеки, въ обязанности дать приданое, уплачивать *alimenta* и т. д. Съ точки зрѣнія развитой мною теоріи разрѣшеніе этихъ вопросовъ не должно и не можетъ представлять никакихъ затрудненій. Такъ, *rescriptum arbitrii*, очевидно, не влечетъ за собой никакого цивильнаго обязательства для арбитражнаго судьи, ибо онъ не принимаетъ на себя ручательства за матеріальную справедливость рѣшенія и не обязывается вознаграждать вредъ и убытки той или иной стороны; въ *rescriptum arbitrii*, словомъ, нѣтъ *necessitas solutionis*, нѣтъ даже основанія обязательства; если возможно здѣсь говорить объ обязательствѣ, то лишь какъ объ *obligatio naturalis* въ переносномъ смыслѣ. Точно также нѣтъ элементовъ цивильнаго обязательства ни въ обязанности дать приданое, ни въ обязанности выдавать *alimenta*, ибо основаніемъ здѣсь служитъ *pietas*, а не *causa obligandi* гражданскаго права. Но такіе элементы имѣются въ институтѣ опеки, ибо для опекуна, по принятіи имъ на себя опекунскихъ обязанностей, возникаетъ необходимость отвѣчать за *gestio tutelae*, *necessitas solutionis*; такимъ образомъ, опека, съ момента ея принятія, входитъ въ сферу обязательственного права. Съ указанной мною точки зрѣнія не представляетъ никакихъ затрудненій и разрѣшеніе вопроса о природѣ и характерныхъ особенностяхъ закладнаго права. Закладное право есть не что иное, какъ особая форма обязательственного права. Въ закладномъ правѣ обязательственный союзъ выступаетъ въ болѣе сложномъ видѣ.

Здѣсь онъ соединяется съ другимъ (вещнымъ, обязательственнымъ и закладнымъ) юридическимъ союзомъ, усиливающимъ *das Haftensmüssen* обязательства, тотъ элементъ, въ которомъ заключается гарантія *adstrictionis ad solvendam aliquam rem*. Закладное право, такимъ образомъ, какъ *iuris vinculum*, объединяетъ въ себѣ два или нѣсколько (какъ при залогѣ *pignoris*) правовыхъ союзовъ, съ цѣлью придать прочность и неизблемость обязательственному отношенію. Сообразно этому и само закладное право представляется проникнутымъ то вещнымъ характеромъ, если заложено вещное право (*iuris vinculum*), то характеромъ исключительно обязательственнымъ, если объектомъ залога служитъ пошен (*iuris vinculum*).

Таково ученіе римскихъ цивилистовъ о природѣ и юридическомъ построеніи имущественныхъ правъ. Имущественныя права составляютъ главнымъ образомъ содержаніе науки гражданского права. Но въ эту науку вносится еще ученіе о наследственномъ и семейномъ правѣ. Эти права, вмѣстѣ съ указанными выше, образуютъ сферу частной жизни и дѣятельности лица въ государственномъ организмѣ. Ученіе о семейномъ и наследственномъ правѣ вносили въ науку гражданского права и римскіе юристы и освѣщали его съ ихъ обычной точки зрѣнія. Дѣйствительно, въ сферѣ семейнаго права римскіе юристы говорили: о *vinculum familiae* или *status familiae*, какъ о союзѣ лицъ и имуществъ, объединенныхъ властью *patris familias*; о *vinculum matrimonii*, какъ о *conjunctio maris et feminae*, преслѣдовавшей *consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio*; о *vinculum patriae potestatis* или о юридическомъ союзѣ между главаремъ семьи и людьми, ему подчиненными. Въ сферѣ наследственнаго права римскіе юристы говорятъ объ *universum ius*, то-есть, какъ замѣчаетъ профессоръ Пунтшартъ, объ *ein universalen Rechtsverband*, о такомъ союзѣ, который устанавливался между наследникомъ съ одной стороны и имущественной сферой умершаго лица съ другой стороны.

Такова теорія правовыхъ союзовъ, созданная римскими юристами, и такъ просто построеніе институтовъ гражданского права съ точки зрѣнія этой теоріи. Самъ профессоръ Пунтшартъ, открывшій теорію правовыхъ союзовъ, удивился ея простотѣ и пригодности въ объясненіи институтовъ гражданского права, удивился до того, что невольно задалъ себѣ вопросъ: отчего это именно онъ, профессоръ Пунтшартъ, а не кто либо другой изъ романистовъ или германистовъ, открылъ теорію правовыхъ союзовъ? На этотъ вопросъ профессоръ Пунтшартъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Правовой

союзъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ своей задачей служить въ качествѣ *Sicherungsmittel* при достиженіи людьми тѣхъ цѣлей, ради которыхъ они юридически соединяются другъ съ другомъ и съ опредѣленными вещами. Эти цѣли состоятъ обыкновенно въ удовлетвореніи разнообразныхъ интересовъ жизни (*Lebensinteressen*). Такъ какъ, далѣе, удовлетвореніе этихъ интересовъ совершается путемъ субъективныхъ правъ (*durch die subjectiven Rechte*), которыя возникаютъ изъ правовыхъ союзовъ, то субъективныя права стоятъ въ неразрывной связи (*Zusammenhang*) съ интересами жизни. Понять свои жизненные интересы могутъ даже люди, стоящіе на низкой ступени умственнаго развитія, и потому даже такіе люди способны выработать извѣстную систему субъективныхъ правъ. Но для уразумѣнія правовыхъ союзовъ, *iuris vincula*, требуется философское изученіе права, которое одно можетъ охватить *so kunstvolle Rechtsgebilde*. Во время рецепціи римскаго права на западѣ Европы современные народы не были способны понять основы римскаго права и его правовые союзы. Реципируя римское право, эти народы имѣли въ виду исключительно удовлетвореніе ихъ насущныхъ интересовъ жизни и потому взяли у римлянъ только систему субъективныхъ правъ. Римское право не было такимъ образомъ реципировано цѣликомъ; западно-европейскіе народы реципировали лишь одну внутреннюю сторону римскаго права, лишь его систему субъективныхъ правъ. Эта система субъективныхъ правъ—пандектное право—и подвергалась до послѣдняго времени изученію; на ней современные юристы строили свои теоріи гражданскаго права. Понятное дѣло, что ученые, занимавшіеся исключительно объективными правами, не знали правовыхъ союзовъ, ибо они не представляютъ собой какое либо субъективное право. Понятное дѣло, далѣе, что современные ученые объясняли выраженія источниковъ римскаго права: *iuris vinculum*, *iuris nexum*, въ смыслѣ фигуральныхъ выраженій (*als Bilder*), или же просто оставляли въ сторонѣ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію профессора Пунтшарта, теорія правовыхъ союзовъ не была извѣстна на западѣ Европы, лишь благодаря особенностямъ въ юридическомъ развитіи ея народовъ и особому характеру научныхъ изслѣдованій въ области гражданскаго права. Но, если дѣйствительно таковы тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ теорія правовыхъ союзовъ оставалась неизвѣстной на западѣ Европы до послѣдняго времени, въ такомъ случаѣ можно думать, воиервыхъ, что, еслибы указанныхъ причинъ не было, западно-европейскіе ученые, особенно германскіе, съ такимъ рвеніемъ изучаю-

ціе право, конечно, натолкнулись бы на теорію правовыхъ союзовъ, ибо они, эти союзы, составляютъ душу всякаго права, слѣдовательно, не только римскаго, но германскаго, французскаго и т. д.; эти союзы суть не что иное, какъ само право въ его примѣненіи; можно думать. впрочемъ, что въ тѣхъ государствахъ міра, которыя не были затронуты рецепціей римскаго права, и гдѣ наука права занималась лишь своимъ національнымъ правомъ въ его нетронutomъ видѣ, гдѣ наука права изучала это право не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны, то-есть, какъ *iuris vinculum*,—въ такихъ государствахъ ученые могли прійти къ теоріи правовыхъ союзовъ, разъ у нихъ была *elegantia*, способность проникать въ суть права, присущая великимъ римскимъ юристамъ. Дѣйствительно, напримѣръ, въ Россіи теорія правовыхъ союзовъ могла и должна была быть знакома ученымъ юристамъ. Въ самомъ дѣлѣ, рецепція римскаго права минула Россію, а потому у насъ не могла образоваться цѣльная система субъективныхъ правъ, извѣстная на западѣ Европы подъ именемъ пандектнаго права. У насъ, далѣе, съ начала настоящаго столѣтія появляется цѣлый рядъ ученыхъ, изучающихъ право и съ практической, и съ теоретической стороны. Словомъ, у насъ въ этомъ столѣтіи были тѣ условія, при наличности которыхъ возможно было бы, съ точки зрѣнія профессора Пунтшарта, уразумѣніе правовыхъ союзовъ. И мы можемъ утверждать, что наши юристы воспользовались этими условіями какъ нельзя лучше, и что имъ была извѣстна теорія правовыхъ союзовъ. Конечно, съ этой теоріей не знакомы у насъ юристы второй половины настоящаго столѣтія и нѣкоторые изъ юристовъ, жившихъ ранѣе, но не знакомы потому, что они въ своихъ изслѣдованіяхъ по гражданскому праву стоятъ на точкѣ зрѣнія иностранныхъ цивилистовъ, или же просто изучаютъ иностранное право. Однако, кромѣ этихъ ученыхъ юристовъ, подчинившихся вліянію западно-европейской науки и права, у насъ были великіе люди, съумѣвшіе взглянуть на область права вполне самостоятельно и изучать эту сторону жизни русскаго народа какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, то-есть, объять право во всемъ его юридическомъ и экономическомъ содержаніи. Я говорю здѣсь о графѣ Сперанскомъ. Графу Сперанскому дѣйствительно была извѣстна теорія правовыхъ союзовъ; на ней онъ построилъ и систему первой части нашего десятаго тома свода законовъ. Вотъ какъ развиваетъ графъ Сперанскій свою теорію въ „Руководствѣ къ познанію законовъ“. „Три рода силъ,—говоритъ графъ,—дѣйствуютъ во вселенной: силы физическія,

силы умственныя и силы нравственныя. Общее начало ихъ въ Богѣ. Отъ силъ физическихъ, отъ дѣйствія ихъ и противодѣйствія, происходятъ всѣ вещественныя явленія: міръ физическій. Силы умственныя суть силы разума: образованіе понятій, ихъ сложеніе и разложеніе памятью, воображеніемъ и пр.: міръ умственный. Силы нравственныя суть: 1) силы воли и 2) силы совѣсти. Отъ нихъ происходятъ и ими образуются всѣ движенія воли, всѣ желанія, намѣренія, произведенныя дѣянія: міръ нравственный. Дабы познать съ точностью существо силъ нравственныхъ, должно прежде всего опредѣлить настоящее положеніе человѣка на землѣ. Человѣкъ живетъ здѣсь тройкою жизнью: физической, умственною и нравственною. Каждая жизнь имѣетъ свой кругъ дѣйствія, свои потребности, свое добро и свое зло. Въ бытіи нравственномъ есть двѣ разныя области: область бытія отдѣльнаго, одинокаго, личнаго, и область бытія союзнаго. Въ первомъ движущее начало есть самолюбіе и личность; во второмъ—союзы любви и общенія. Есть союзы любви и общенія; ихъ признаетъ разумъ и чувствуетъ совѣсть. Разумъ признаетъ и чувствуетъ совѣсть: 1) что личное отдѣльное бытіе человѣка не имѣетъ никакой соразмѣрности съ его природою, съ его желаніями безконечными, съ высотой его умственныхъ способностей,—что посему полное его бытіе не можетъ состоять въ раздробительныхъ и преходящихъ мгновеніяхъ настоящей жизни, но объемлетъ цѣлый ея составъ безпредѣльный. Отсюда союзъ настоящаго съ будущимъ, временнаго съ вѣчнымъ, союзъ человѣка съ самимъ собою; 2) что человѣкъ самъ по себѣ не есть нѣчто отдѣльное, но составная часть человѣчества, и что силы, каждому отъ Бога данныя, не суть силы его исключительно, но общія силы человѣчества: союзъ съ другими; 3) наконецъ, что воля Божія есть единая воля верховная, съ коюю всѣ другія воли должны быть сообразны: союзъ съ Богомъ. Сіи первообразные союзы, начало и источникъ всѣхъ другихъ союзовъ, разумъ признаетъ, какъ истину, намъ врожденную, совѣсть чувствуетъ ихъ, какъ добро, человѣку сродное, предметъ его желаній, родовое его достоиніе. Гдѣ союзъ, тамъ обязанность. Отсюда три коренныя обязанности человѣка: къ самому себѣ, къ другимъ, къ Богу. Исполнять свои обязанности, охранять и укрѣплять сіи союзы, проводить ихъ къ совершенію даже до единства, есть непрерывный, первообразный, нравственный долгъ человѣка, высшее его предустановленіе“ (стр. 1—5). Развивая, далѣе, свою теорію союзовъ, графъ Сперанскій даетъ слѣдующія опредѣленія семьи, рода, гражданства, государства. „Семей-

ство. Состояніе лицъ. Два состоянія лицъ,—говоритъ графъ Сперанскій,—состояніе отца и матери, и состояніе дѣтей. Отсюда два союза, два рода отношеній: отношеніе дѣтей къ родителямъ—союзъ власти и повиновенія; и отношеніе дѣтей, какъ членовъ семейства между собою, — союзъ равенства и взаимности“. „Родъ есть нѣсколько семействъ, соединенныхъ отношеніями сожитія подъ одною главою“. „Гражданство есть соединеніе родовъ въ одинъ составъ съ перемѣною образа жизни большею частью кочеваго въ осѣдлый“. „Изъ соединенія городовъ прежде независимыхъ составляется государство“. „Въ государствѣ есть два союза: одинъ изъ нихъ именуется государственнымъ, другой — гражданскимъ“. „Права и обязанности возникаютъ изъ союзовъ“. „Гдѣ есть союзъ, тамъ есть права и обязанности; посему въ государствѣ есть права и обязанности государственныя и права и обязанности гражданскія“ (стр. 32—41).

Такова теорія права, легшая въ основу первой части X т. Свода Законовъ. Изъ нея видно, что еще въ началѣ настоящаго столѣтія великому юристу земли Русской была извѣстна та теорія, которую открылъ профессоръ Пунтшартъ у римскихъ цивилистовъ.

В. Курдюмовскій.

ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΙΑ, ΚΑΚΉ ΙΣΤΟΡΙΚΉ ΠΗΓΗ ΓΙΑ ΤΗΝ ΙΣΤΟΡΙΑΝ ΤΗΣ ΑΘΗΝΑΙΣΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ ΕΩΣ ΤΟ ΤΕΛΟΣ ΤΗΣ V ΑΙΩΝΑΚΗΣ Π. Χ.

Въ предыдущихъ статьяхъ ¹⁾, посвященныхъ новооткрытому трактату 'Αθηναίων Πολιτεία, мы останавливались преимущественно на вопросѣ о принадлежности этого трактата Аристотелю. Вопросъ этотъ представляетъ интересъ главнымъ образомъ для историка греческой философіи и литературы. Его рѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ въ особенности важно для характеристики Аристотеля: оно необходимо для того, чтобы имѣть вѣрное представленіе о великомъ стагиритѣ, о его ученой и авторской дѣятельности, о кругѣ его интересовъ и т. под. Не совсемъ безразличенъ этотъ вопросъ и для того, кто интересуется исторіей государственныхъ формъ и учреждений Греціи, въ частности Афинъ. До сихъ поръ историки смѣло опирались на свидѣтельства лексикографовъ и другихъ авторовъ, разъ они сопровождались ссылкой или цитатой изъ „Аристотеля“, равно какъ и на свидѣтельства послѣдняго въ „Политикѣ“, и рѣшеніе упомянутого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ можетъ нѣсколько повліять на наше отношеніе къ авторитету Аристотеля ²⁾. Но все-таки для историка вообще несравненно важнѣе и интереснѣе другіе вопросы относительно новооткрытаго трактата, а именно: каково значеніе этого памятника, какъ источникъ? какова его *достоинство*? что изъ его извѣстій можетъ быть принято и что должно быть отвергнуто? въ какомъ видѣ представляется въ немъ исторія афинскаго государствен-

---

¹⁾ См. „Вопросъ о новооткрытой 'Αθηναίων Πολιτεία“, въ Ж. М. Н. Пр., 1892 г., июль; 1893 г., май, октябрь.

²⁾ Ср. Rahl, D. Sehr. v. St. d. Ath., S. 696; Fr. Cauer, Arist. als Hist., S. 12; P. Cauer, въ N. Jahrb., 1892, Sa. 592—593.

наго строя, и въ какой степени наше прежнее представленіе о ней теперь измѣняется и т. д.?

Вотъ вопросы, которыхъ мы и предполагаемъ коснуться въ настоящей статьѣ.

Для выясненія значенія нашего новаго источника необходимо прежде всего установить надлежащую точку зрѣнія на его общій характеръ и цѣль. Дѣло въ томъ, что какъ мы видѣли ¹⁾, есть изслѣдователи, которые считаютъ 'Αθηναίων Πολιτεία произведеніемъ тенденціознама. Такъ, по *Ад. Бауэру*, это—сочиненіе политическое ²⁾ и имѣетъ въ виду примирить аѳинягъ съ настоящими—съ владычествомъ македонскаго царя; по *Касселю*, цѣль трактата—предостережъ отъ республики, показать, что въ ней нѣтъ спасенія, что только монархія можетъ быть прочна и могущественна; а по *Ниссену*, Аристотелю „*Политія*“—собраніе „политическихъ рецептовъ“, стоявшее въ непосредственной связи съ дѣятельностью Александра и имѣвшее своимъ назначеніемъ удовлетворить запросамъ и практическимъ потребностямъ времени,—произведеніе не историка, а скорѣе придворнаго, льстившаго Александру и относившагося къ аѳинскому демосу какъ-то двойственно, измѣнчиво, подъ влияніемъ соображеній высшей политики. Такую точку зрѣнія Ниссенъ отстаиваетъ и въ своей послѣдней статьѣ („*Die Münzreform Solons*“ въ *Rh. Mus.*, 1894, Н. I), причемъ, ссылаясь на Филодема (отрывки котораго приводитъ *Sudhaus*, „*Aristoteles in der Beurtheilung des Epikur und Philodem*“ въ *Rh. Mus.*, 1893, стр. 552 сл.) и комбинируя свидѣтельство Тимея и *Vita Arist. Marc.*, утверждаетъ, что „*Политія*“ написаны по порученію царя и что Аристотель вызванъ былъ въ лагерь для важныхъ совѣщаній, и проч.

Едва ли нужно долго останавливаться на подобныхъ взглядахъ. Для всякаго безпристрастнаго читателя 'Αθηναίων Πολιτεία очевидно, какъ они произвольны и фантастичны ³⁾, и надо обладать большою смѣлостью и сильнымъ воображеніемъ, чтобы доходить до тѣхъ утверждений, до какихъ доходитъ Кассель или Ниссенъ, или чтобы, напримѣръ, подобно послѣднему, въ характеристикѣ демагоговъ—Клеона, Клеофона, Калликрата—видѣть намеки на Демосоева, Демада, вообще

¹⁾ См. преимущественно итальяскую книгу *Ж. М. Н. Пр.* за 1892 г.

²⁾ Кроме „*Lit.-hist. Forsch.*“, см. еще его отзывъ о книгѣ *Kiel's*, *Die Sol. Verf.*, въ „*B. Ph. W.*“, 1893, № 16.

³⁾ Ср. *Fr. Camer*, *Ar. als Hist.*, Nachtrag, S. 146.

на событія времѣнь Гарпалова процесса. Во всемъ трактатѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на преимущества монархіи, нѣтъ и слѣда симпатіи къ Македоніи и ея царямъ, подобно тому, какъ незамѣтно такой симпатіи и въ „Политикѣ“ ¹⁾. Да и самъ Ниссенъ, напримѣръ, сознается, что онъ „не можетъ доказать“ своего предположенія, будто Аристотель обнаруживалъ презрительное отношеніе къ демосу въ угоду Александру. А Бауэръ самъ себѣ противорѣчитъ, съ одной стороны утверждая, что Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля—произведеніе тенденціозное, имѣющее цѣлью примирить аѳинянь съ настоящимъ, а съ другой—говоря о ея чисто объективномъ, научномъ изложеніи.

Смотрѣть на Ἀθηναίων Πολιτεία, какъ на произведеніе тенденціозное, значитъ вырывать ее изъ ряда другихъ „Политій“, забывать, что она составляетъ лишь часть, отрывокъ громаднаго собранія. Какую, спрашивается, тенденцію могъ преслѣдовать Аристотель въ остальныхъ „Политіяхъ“ ²⁾? Если Ἀθηναίων Πολιτεία — произведеніе тенденціозное, то какой смыслъ имѣть чисто фактическое изображеніе современнаго Аристотелю строя, съ подробнѣйшимъ перечисленіемъ должностныхъ лицъ, съ описаніемъ судебныхъ порядковъ и проч.? ³⁾. И можно ли говорить о тенденціи Аристотеля — примирить аѳинянь съ потерей ихъ внѣшняго могущества и склонить къ признанію македонской гегемоніи, когда именно о внѣшней политикѣ и стремленіи аѳинянь къ внѣшнему могуществу въ трактатѣ говорится лишь мелькомъ ⁴⁾?

Такимъ образомъ, гипотезы о тенденціозномъ характерѣ Аристотелева трактата лишены основанія. Аристотель вовсе не имѣлъ въ виду служить орудіемъ македонской политики.

Имъ руководили инныя побужденія—интересы знанія ⁵⁾. Его „Политіи“, хотя написаны и послѣ „Политики“, по самой своей сущности, по своей темѣ примыкаютъ къ послѣдней и стоятъ въ связи съ нею. Въ своихъ „Политіяхъ“ Аристотель просто хотѣлъ показать,

¹⁾ Ср. 1310 b 39, 1311 b 2; *Susemihl*, Pol. Einl., Sa. 42—43; *R. Eucken*, Die Lebensansch.; *Rühl*, *Wochenschr. f. klass. Philol.*, 1892, № 1; *Keil*, Die Sol. Verf., 237—241; *Wilamowitz-Moellendorff*, Aristoteles und Athen, Berlin, 1893, I, 336 сл.

²⁾ Ср. *Niess*, *Hist. Zeitschr.*, N. F., 33 Bd. (1892), S. 38, n. 1; *Rühl*, *Wochenschr. f. klass. Philol.*, 1892, № 1; *Swoboda*, *N. Phil. Rundschau*, 1892, № 4.

³⁾ *B. A. Illeff* въ „*Jahresbericht f. Alterthumswissenschaft*“, hrsg. v. *Iw. Müller*, LXXV Bd. (1893, I), S. 34.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Bruck*, въ отзывѣ о книгѣ *A. Bauer's* (*Deutsche Lit.*, 1891, № 47).

какъ выражается одинъ изъ его старинныхъ комментаторовъ; πῶς ἐπολιτεύοντο οἱ ἀρχαῖοι, или, какъ говорить другой, ἐν...ταῖς πολιταίαις οὐ διδάσκει πῶς δεῖ πολιτεύεσθαι, ἀλλὰ πῶς οἱ πρὸ αὐτοῦ ἐπολιτεύσαντο ἄνθρωποι (*Rose, Arist. Fragm.*, p. 259). Правда, составляя свои „Полити́и“, предназначая ихъ для широкаго круга читателей, Аристотель могъ преслѣдовать при этомъ и цѣль практическую, но вовсе не ту, которую указываетъ Ниссенъ: онъ имѣлъ въ виду не удовлетворить потребности завоевателя Азии, а научить современниковъ „политикѣ“, способствовать политическому образованію общества, распространить въ немъ здравые, съ точки зрѣнія Аристотеля, политическіе взгляды и сознательное отношеніе къ существующему строю, какъ естественному результату предшествовавшаго развитія ¹⁾.

Мы не можемъ также смотрѣть на Аристотелевъ трактатъ, какъ на произведеніе *полемическаго* характера. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ Аристотель вступаетъ въ прямую или косвенную полемику, опровергаетъ то или другое извѣстіе или мнѣніе, и въ трактатѣ имѣются очевидные примѣры этого—возраженія по поводу нападокъ на Солона (гл. 6 и 9), опроверженіе свидѣтельства, принадлежащаго Фукидиду, по поводу Панаэинейской процессіи (гл. 18), защита Оерамена (гл. 28) и т. д.; но не слѣдуетъ этого преувеличивать и вдаваться въ крайность, видѣть въ трактатѣ всюду полемику, хотя бы и косвенную, объяснять чуть не каждое его извѣстіе желаніемъ опровергнуть показаніе, напримѣръ, то Андротіона или Исократы, какъ думаетъ *Кейль* ²⁾, то Критіи, какъ полагаетъ *М. М. Покровский* ³⁾.

Что касается *пристрастія* Аристотеля, его политическихъ симпатій и антипатій, то на этомъ мы уже останавливались въ предыдущихъ статьяхъ, говоря, напримѣръ, объ отношеніи Ἀθηναίων Πολιτεία къ „Политикѣ“ или отмѣчая ея достоинства. Здѣсь намъ остается лишь напомнить объ отвращеніи Аристотеля къ морскому могуществу Аѣинъ, о его симпатіи къ γυναικῶν и ἐπιστηαῖς, объ его отзывѣхъ о Солонѣ, Писистратѣ, Аристидѣ, о демагогахъ, подобныхъ Клеону и Клеофону, о Оераменѣ, Архинѣ, о времени преобладанія ареопага и о демократіи пяти тысячъ. Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы ви-

¹⁾ Ср. *Keil, Die Solon. Verf.*, 237—241; *Strehl, Kurzgefasstes Handbuch d. Gesch.*, Breslau, 1892, I, 191, прим.; *Holzinger, Aristot. u. Heraclid. lakon. und kret. Pol. (Philol., LIИ Bd., Ss. 116—117)* и особенно *Wilamowitz-Moellendorf, Arist. und Athen*, послѣдняя глава I-го тома, напримѣръ, стр. 310, 361, 370.

²⁾ *Die Sol. Verf.*

³⁾ „Этюды по Аѣинской Политіи Аристотеля“.

дѣли, проявляется у него любовь къ серединѣ, сочувствіе къ умѣренной демократіи и несочувствіе къ крайностямъ. Мы видѣли также, что политическія симпатіи Аристотеля не помѣшали ему высказаться объ „обычной кротости и мягкости демоса“, признать, что при Периклѣ, которому онъ не сочувствуетъ, дѣла шли хорошо; что Эфіальтъ, реформа котораго въ его глазахъ, конечно, не была благотворною, слылъ за человѣка неподкупнѣйшаго и справедливаго въ политическомъ отношеніи ¹⁾; не помѣшали онѣ ему описать злодѣянія тридцати, упомянуть о благородномъ образѣ дѣйствій побѣдителей-демократовъ, высказать замѣчаніе, что демосъ по праву получилъ преобладаніе, такъ какъ только себѣ обязанъ былъ возвращеніемъ значенія, и подчасъ дать понять, что къ развитію демократіи вела сама сила вещей.

Словомъ, мы находимъ у Аристотеля значительную долю безпристрастія. Другой вопросъ, конечно, на сколько все-таки мы можемъ полагаться на его свидѣтельства, и на сколько его 'Αθηναίων Πολιτεία достоверна. Такія извѣстія, какъ—находящійся, по крайней мѣрѣ, въ дошедшемъ до насъ текстѣ—анекдотъ о Оемистоклѣ и Эфіальтѣ или сообщеніе о смертномъ приговорѣ, постигшемъ всѣхъ 10 стратеговъ, побѣдителей при Аргиусахъ, возбуждаютъ понятное недоверіе къ нашему новому источнику, не позволяютъ безусловно полагаться на него, и нужно сознаться, что противники трактата не безъ основанія говорятъ (какъ мы видѣли), что разъ мы встрѣчаемъ въ немъ такія крупныя и вопіющія ошибки, то гдѣ же ручательство, что и въ остальныхъ его свидѣтельствахъ нѣтъ большихъ промаховъ и искаженій ²⁾? Очевидно, слѣдовательно, что необходимо съ большою осмотрительностью относиться къ показаніямъ 'Αθηναίων Πολιτεία и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подвергать ихъ тщательной провѣркѣ и критикѣ ³⁾.

Само собою понятно, что достоверность Аристотелева трактата находится въ зависимости отъ его источниковъ. Необходимо поэтому по возможности опредѣлить послѣдніе и выяснить самыя приемы Ари-

¹⁾ Едва ли можно согласиться съ замѣчаніемъ Кейля, Die Sol. Verf., 214, будто Аристотель, употребляя выраженіе δοκῶν, имѣлъ въ виду опровергнуть мнѣніе аэнианъ объ Эфіальтѣ, а, сообщая о насильственной смерти послѣдняго, желалъ показать, что дурное дѣло (реформа ареопага) нашло себѣ надлежащее возмездіе.

²⁾ The Athen., № 3910, p. 435.

³⁾ Ср. мою ст. „Оем. и Эф., реф. ареопага“, Журн. Мин. Нар. Пр., 1891, июль.

стотеля, его способъ обращенія съ находившимся въ его распоряженіи матеріаломъ. Въ особенности это важно по отношенію къ первой части *'Αθηναίων Πολιτεία*, такъ какъ здѣсь Аристотель писалъ не какъ современникъ-очевидецъ. Относительно же второй части едва ли могутъ быть значительныя разногласія и сомнѣнія. Хотя и въ ней встрѣчаются неясности, противорѣчія и ошибки ¹⁾, но все-таки Аристотель здѣсь описываетъ строй, современный ему, слѣдовательно—какъ очевидецъ, и если и пользуется литературными произведеніями ²⁾, то все же главнымъ источникомъ для него тутъ являются въ концѣ концовъ данныя документальныя ³⁾ и личныя наблюденія. И вообще мы оставляемъ въ сторонѣ вторую часть трактата и не имѣемъ въ виду разбирать тѣ данныя, которыя находятся въ ней, а ограничиваемся разборомъ первой части и начнемъ съ ея *источниковъ*.

I. Источники Аристотеля въ *'Αθηναίων Πολιτεία* и его отношеніе къ нимъ ⁴⁾.

Ссылки Аристотеля на источники большею частью довольно неопредѣленны: οἱ πλείους (гл. 3), ἔνιοι (гл. 3, 7, 14, 18), τινές (гл. 6, 27), οἱ ἄλλοι πάντες (гл. 6, 12), πάντες οὐχδὲν (гл. 28), οἱ δημοτικοί (гл. 6, 18), ὁ τῶν δημοτικῶν λόγος (гл. 6), οἱ βουλόμενοι βλασφημεῖν (гл. 6), οἱ μὲν—οἱ δὲ (гл. 17), οἱ φάσκοντες (гл. 17), φαῖν (гл. 9, 16), οἴονται (гл. 9), λέγεται (гл. 14), ὁ λεγόμενος λόγος (гл. 18),—вотъ его бо-

¹⁾ См., напримѣръ, относительно 45 и 48 главы и δίκαι ἐμπορικαί у *Keil*'а, *Die Sol. Verf.*, 231—232.—Иначе—*Gilbert*²⁾, S. XII, прим.

²⁾ *Wilamowitz-Moellendorff*, *Arist. u. Athen*, I, 256 сл., 216; *Keil*, I, с.

³⁾ *Wilamowitz-Moellendorff*, I, 258.

⁴⁾ Сообщение, читанное въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества 27-го января 1894 г. Относительно источниковъ Аристотеля въ *'Αθ. Π.*: ср. *Weil, Journ. d. Sav.*, 1891, авг., 202 сл.; *Fr. Cauet, Nat. Arist. etc.*, 22, 37 сл. *Macan, Journ. of. Hell. St.*, XII, 34 сл.; *Niese, Hist. Z.*, 1892, стр. 39 сл.; *Keil, Die Sol. Verf.*, разсм., преимущественно стр. 202 сл.; *Sandys*, стр. LIV сл. и особенно *Gilbert*²⁾, стр. XII сл.; *М. М. Покровский*, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892 г., окт., и „Этюды“; *Heller, Quibus auctoribus Aristoteles in republica Athen. conscribenda et qua ratione usus sit*, Berl., 1893; *Wilamowitz, Ar. und Athen*, I Bd. Относительно Геродота факты столь очевидны, что разногласія не можетъ быть, по крайней мѣрѣ, въ главномъ, и мои наблюденія совершенно совпадаютъ съ наблюденіями *т. Покровскаго* (въ его статьѣ, помѣщ. въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*), а также *Heller*'а и *Wilamowitz*'а. Замѣчу кстати, что съ дѣльною диссертациею *Heller*'а и съ обширнымъ трудомъ *Виламовича* я познакомился уже послѣ того, какъ настоящая статья была набросана.

лѣе или менѣе обычныя выраженія въ 'Αθηναίων Πολιτεία. Тѣмъ не менѣе его источники могутъ быть обнаружены иногда безъ особаго труда, особенно когда ими служатъ произведенія древности, дошедшія и до насъ. Подробное сличеніе 'Αθηναίων Πολιτεία съ такими источниками, при всей своей кропотливости и монотонности, для насъ важно и интересно въ томъ отношеніи, что этимъ путемъ мы наглядно знакомимся съ приемами Аристотеля: имѣя передъ собою оба текста, мы имѣемъ полную возможность наблюдать, какъ Аристотель обращается съ своимъ источникомъ и въ какой степени онъ зависитъ отъ него: рабски ли подчиняется ему, или относится свободно? чтò беретъ изъ него и чтò опускаетъ? какія вноситъ добавленія, въ чемъ слѣдуетъ за нимъ и въ чемъ отстываетъ? пользуется ли онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ однимъ источникомъ, или одновременно нѣсколькими, комбинируя ихъ? и т. д. А отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ и относительно того, какъ обращается Аристотель съ источниками, до насъ не дошедшими, ибо мы должны предположить, что и тутъ его приемы были тѣ же; другими словами, мы можемъ составить себѣ представленіе объ общихъ приемахъ Аристотеля при пользованіи источниками ¹⁾. Это же дастъ намъ возможность рѣшить, на какомъ объясненіи слѣдуетъ остановиться въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда въ текстѣ нашей 'Αθηναίων Πολιτεία есть очевидная нелѣпность, и возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ простою опискою, или же съ такимъ промахомъ, который долженъ быть поставленъ въ вину самому автору, не сумѣвшему справиться съ своими источниками и ихъ противорѣчіями. Такимъ образомъ, до извѣстной степени отъ этого зависитъ и общая оцѣнка новооткрытаго трактата.

Вотъ почему мы рѣшаемся остановиться подробнѣе на сличеніи 'Αθηναίων Πολιτεία съ ея источниками, на сколько они намъ извѣстны ²⁾.

§ 1

§ Аристотель и Геродотъ.

Аристотель несомнѣнно пользовался трудами предшествовавшихъ ему историковъ, и тутъ, въ числѣ тѣхъ источниковъ, которые дошли и до насъ, первое мѣсто занимаетъ *Геродотъ*.

¹⁾ Ср. вѣрныя замѣчанія *М. М. Покровскаго* въ статьѣ, помѣщенной въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892 г., окт., стр. 48—49 (Отд. класс. фил.).

²⁾ Въ настоящей главѣ я ограничусь простымъ сопоставленіемъ, не касаясь вопроса, чье свидѣтельство заслуживаетъ предпочтенія, какъ болѣе достовѣрное. На этомъ предполагаю остановиться далѣе во II главѣ.

Его имя цитируетъ самъ Аристотель въ 14-й гл. по поводу разказа о той женщинѣ, которая, переодѣтая богиней Аенной, ввела Писистрата въ городъ. Вообще, какъ увидимъ далѣе, Аристотель пользуется Геродотомъ преимущественно въ отдѣлѣ о Писистратѣ и о Клизменѣ. Изъ предшествующихъ отдѣловъ трактата только дватри мѣста могутъ быть сопоставлены съ извѣстіями Геродота, но тутъ непосредственная зависимость Аристотеля отъ „отца исторіи“ не можетъ быть прочно установлена.

Такъ и въ Аристотелевомъ фрагментѣ—381, относящемся къ недошедшему до насъ началу трактата, и у Геродота (VIII, 44) говорится, что аоніянцы стали называться іонянами по имени Іона. Но тутъ могъ быть общій источникъ—традиція. Затѣмъ есть несомнѣнное сходство въ нѣкоторыхъ сообщеніяхъ Аристотеля и Геродота относительно Солона: оба говорятъ о десятилѣтнемъ отсутствіи и путешествіи Солона въ *Египетъ* послѣ изданія законовъ; оба выставляютъ одинъ и тотъ же мотивъ и одинъ и тотъ же предлогъ для этого путешествія. Сходство обнаруживается даже въ выраженіяхъ ¹⁾. Но не говоря уже о разницѣ въ подробностяхъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи (Аристотель, напримѣръ, упоминаетъ только о путешествіи въ Египетъ, тогда какъ Геродотъ разказываетъ и о посѣщеніи Солономъ Сарды; Аристотель вставляетъ [въ 12 гл.] обширныя выдержки изъ стихотвореній Солона, которыхъ вовсе нѣтъ у Геродота), есть и явное разногласіе: Солоны обязываетъ аоніянцъ клятвою соблюдать его законы по Геродоту въ теченіе десяти лѣтъ, а по Аристотелю—въ теченіе ста лѣтъ ²⁾, при чемъ Геродотъ говоритъ объ этомъ здѣсь же, въ связи съ путешествіями Солона, а Аристотель сообщаетъ объ этомъ нѣсколько раньше, въ гл. 7, передъ описаніемъ Солоновой конституціи.

Очевидно, что у Аристотеля подъ рукою былъ и другой источ-

¹⁾ Herod., I, 29—30:

ἀπεδήμησε ἔτσα δέκα κατὰ θεωρίας
πρόφασιν ἐκπλάσας..... αὐτῶν δὲ ὦν τούτων
καὶ τῆς θεωρίας ἐκδημήσας ὁ Σόλων
εἴνεχεν εἰς Αἴγυπτον ἀπίετο.

²⁾ Herod., I, 29:

ὄρκοισι γὰρ μεγάλοις καταίχοντο δέκα ἔτσα
χρησέσθαι νομοῖσι....

¹⁾ АѢ. Пол., 11:

ἀποδημίαν ἐποίησато κατ' ἐμπορίαν ἄρα
καὶ θεωρίαν εἰς Αἴγυπτον εἰπὼν ὡς
οὐχ ἦξει δέκα ἐτῶν.... Ср. и начало 13
гл.: τὴν μὲν οὖν ἀποδημίαν ἐποίησато
διὰ ταύτας γὰρ αἰτίας. Σόλωνος δ' ἀποδη-
μήσαντος.....

²⁾ АѢ. Пол., 7:

κατεκύρωσεν δὲ τοὺς νόμους εἰς ἑκατὸν
ἔτη.

никъ, и что въ послѣднемъ случаѣ онъ слѣдовалъ этому источнику, а не Геродоту. И *Виламовицъ*, напримѣръ, полагаетъ, что такимъ источникомъ, и при томъ общимъ какъ для Геродота, такъ и для Аристотеля, было стихотвореніе Солона, что оба они черпали изъ него и лишь перефразировали его (I, 15—16 и прим. 22). Дѣйствительно, въ числѣ источниковъ Аристотеля въ 'Αθηναίων Πολιτεία мы встрѣчаемъ и стихотворенія Солона, на которыя онъ самъ ссылается и изъ которыхъ приводитъ болѣе или менѣе обширныя выдержки. Но положительно утверждать, что въ отдѣлѣ о Солонѣ Аристотель „совершенно оставилъ въ сторонѣ Геродота“ и имъ не пользовался, какъ утверждаетъ это Кейль (стр. 200), мы едва ли имѣемъ основаніе ¹⁾.

За то тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Писистратѣ и о Клисеемѣ, зависимость Аристотеля отъ Геродота вполнѣ очевидна. Но эта зависимость, какъ она ни тѣсна, также не переходитъ въ рабское подчиненіе источнику, въ механическое и дословное, простое списываніе его.

Прежде всего у Аристотеля нѣтъ и помину о чудѣ, случившемся будто бы при совершеніи жертвы Гиппократомъ, Писистратовымъ отцомъ, съ чего собственно и начинается разказъ Геродота о Писистратѣ (I, 59). Затѣмъ и у Геродота, и у Аристотеля говорится о трехъ партіяхъ и ихъ вождяхъ ²⁾. Но есть разница въ отбѣнкахъ и въ подробностяхъ: Аристотель поясняетъ, откуда произошли названія партій, и къ чему стремилась каждая изъ этихъ партій; онъ отмѣчаетъ, кто примыкалъ къ партіи Писистрата и по какимъ побужденіямъ, при чемъ упоминаетъ о произведенномъ послѣ низверженія тираниіи

¹⁾ Ср. *Heller*, p. 55—56.

²⁾ *Herod.*, I, 59:

γενέσθαι μετὰ ταῦτα τὸν Πεισίστρατον τοῦτον, ὃς στασιαζόντων τῶν παράλων καὶ τῶν ἐκ τοῦ πεδίου Ἀθηναίων, καὶ τῶν μὲν προσεστώτος Μεγακλῆος τοῦ Ἀλκμέωνος, τῶν δὲ ἐκ τοῦ πεδίου Λυκούργου Ἀριστολαΐδω, καταφρονήσας τὴν τυραννίδα ἤγειρε τρίτην στάσιν, συλλέξας δὲ στασιώτας καὶ τῶ λόγῳ τῶν ὑπερακρίων προτὰς μηχανάται τοιαῦδε.....

'Αθ. Πολ., 13:

ἦσαν δ' αἱ στάσεις τρεῖς, μία μὲν τῶν παρாலίων, ὧν προσιότημαι Μεγακλῆς ὁ Ἀλκμέωνος, οἵπερ ἐδόκουν μάλιστα διακείν τὴν μέσσην πολιτείαν· ἄλλη δὲ τῶν πεδιακῶν, οἵ τιν ὀλιγαρχίαν ἐζήτουν, ἠγεῖτο δ' αὐτῶν Λυκούργος τρίτη δ' ἡ τῶν διακρίων, ἐφ' ἣ τεταγμένος ἦν Πεισίστρατος, δημοτικώτατος εἶναι δοκῶν.... (Далѣе говорится о томъ, что къ нему примкнули тѣ, у коихъ отняты были долги, и нечистокровные аегиане, потому—о διασεφизμῶ по низверженіи тираниіи). Εἶχον δ' ἕκαστοι τὰς ἐπωνυμίας ἀπὸ τῶν τόπων ἐν οἷς ἐγεώργουν.

діансефизмѣ. У Геродота ничего этого нѣтъ. Такимъ образомъ, здѣсь Аристотель пользовался еще и другими источниками. 'Αθηναίων Πολιτικά говоритъ, что „было три партіи“; изъ нихъ третья—діакріевъ, во главѣ которой находился Писистратъ; по Геродоту же, въ то время какъ двѣ партіи уже существовали и боролись между собою, Писистратъ, замысливъ сдѣлаться тираномъ, организуетъ съ этою цѣлью третью партію и на словахъ становится за гиперакріевъ (діакріевъ): καὶ τῆ λόγῳ τῶν ὑπερακρίων προτάς (I, 59) и т. д. Вообще лицемѣріе и обманъ въ дѣйствіяхъ Писистрата гораздо рѣзче отгѣняется у Геродота (см., напримѣръ, и далѣе: ὁ δὲ δῆμος... ἐξακατηθαίς, I, 59), нежели у Аристотеля ¹⁾. Самый разказъ Аристотеля (гл. 14) о той хитрости, посредствомъ которой Писистратъ захватилъ акрополь и власть въ свои руки, очень сходенъ съ разказомъ Геродота, даже по выраженіямъ ²⁾. Но изложеніе перваго болѣе кратко и сжато, нѣкоторыя подробности имъ опускаются. Напримѣръ, въ 'Αθ. Пол. сказано только о пораненіи Писистратомъ самого себя, но о пораненіи имъ муловъ и о его появленіи въ повозкѣ на площади не говорится; сказано о томъ, что Писистратъ отличился въ Мегарской войнѣ, но о взятіи имъ Писен и о „другихъ великихъ дѣяніяхъ“ его, упоминаемыхъ Геродотомъ, въ 'Αθ. Пол. не говорится. Иля, напримѣръ, по поводу дубиноносцевъ, которыми окружилъ себя Писистратъ, Геродотъ пускается въ нѣсколько многословныя объясненія: ἔδωκέ οἱ τῶν ἀστῶν καταλέξας ἀνδρας τούτους οἱ δορυφόροι μὲν οὐκ ἐγένοντο Πεισιστράτου, κορυνηφόροι δὲ· ἐύλων γὰρ κορύνας ἔχοντες εἶποντο οἱ δριπίθα (I, 59), тогда какъ Аристотель говоритъ кратко: Δαβῶν δὲ τοὺς κορυνηφόρους καλουμένους (гл. 14), при чемъ Геродотъ выражается, что „эти дубиноносцы вмѣстѣ съ Писистратомъ заняли акрополь“, συνεπαναστάντες δὲ οὗτοι ἅμα Πεισιστράτῳ ἔσχον τὴν ἀκρόπολιν, а Аристотель выражается болѣе точно и болѣе правильно, именно, что Писистратъ, возставъ съ ними противъ демоса, занялъ акрополь ³⁾, ἐπαναστάς μετὰ τούτων τῆ δῆμῳ κατέσχε τὴν ἀκρόπολιν (гл. 14). Зато Аристотель вноситъ и нѣко-

¹⁾ Ср. М. М. Покровский, въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1892, окт., стр. 40—41.

²⁾ Напр., Herod., I, 59: 'Αθ. Пол., 13 и 14:

τραυματίας εἰωτόν τε καὶ ἡμίονους.....
πρότερον εὐδοκίμησας ἐν τῇ πρὸς Με-
γαρίας γενομένη στρατηγίᾳ.....
συνεπαναστάντες δὲ οὗτοι ἅμα Πεισι-
στράτῳ ἔσχον τὴν ἀκρόπολιν.

καὶ σφοδρ' εὐδοκίμησας ἐν τῇ πρὸς
Μεγαρίας πολέμῳ, κατατραυματίας
ἑαυτόν.....
ἐπαναστάς μετὰ τούτων τῆ δῆμῳ κα-
τέσχε τὴν ἀκρόπολιν.

³⁾ Ср. М. М. Покровский, въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1892, окт., стр. 40—41.

слѣдовало изгнаніе Писистрата, тогда какъ Геродотъ ограничивается неопредѣленнымъ выраженіемъ: *μετά δὲ οὐ πολλὸν χρόνον* (I, 60).

Разказывая о послѣдовавшемъ затѣмъ соглашеніи Мегакла съ Писистратомъ и о той уловкѣ, которая употреблена была для возвращенія Писистрата въ Аѳины, Аристотель пользуется Геродотомъ, чтò доказывается не только сходствомъ въ изложеніи и словахъ ¹⁾, но и прямою ссылкой: именно тутъ, по поводу мѣста происхожденія Фін, Аристотель цитируетъ имя Геродота, *ὡς μὲν Ἡρόδοτος φησιν*, противопоставляя ему свидѣтельство другихъ, *ὡς δ' ἕτεροι λέγουσι*. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ источникомъ для Аристотеля служить не одинъ Геродотъ. Самый разказъ его сокращеніемъ: вмѣсто довольно подробнаго разсужденія, находящагося у Геродота, по поводу негѣности пущенной въ ходъ уловки (*μηχανέονται δὴ ἐπὶ τῇ καθόδῳ κρήγμα εὐηθέστατον ὡς ἐγὼ εὐρίσκω μακρῶ, ἐπεὶ γε ἀπεκρίθη ἐκ καλαιτέρου τοῦ βαρβάρου ἔθους τὸ Ἑλληνικὸν εἶναι καὶ δεξιώτερον καὶ εὐηθείης ἡλιθίου ἀκηλαγμένον μᾶλλον, εἰ καὶ τότε γε οὗτοι ἐν Ἀθηναίοισι τοῖσι πρώτοισι λεγόμενοι εἶναι Ἑλλήνων σοφίην μηχανέονται τοιαῦτα... I, 60*), Аристотель довольствуется краткимъ замѣчаніемъ: *κατήγαγεν αὐτὸν ἀρχαϊκῶς καὶ λίαν ἀκλῶς* (гл. 14); вмѣсто точнаго обозначенія роста Фін (*μέγας ἄπο τεσσέρων κηχέων ἀκολαίπουσα τρεῖς δακτύλους καὶ ἄλλως εὐειδής*, Herod., I, 60) говоритъ просто: *γυναῖκα μεγάλην καὶ καλὴν ἐξαιρωῶν*; опускаетъ воззваніе шедшихъ впереди герольдовъ и вообще о вѣздѣ Писистрата въ городъ говорить кратче, нежели Геродотъ. За то и здѣсь Аристотель прибавляетъ хронологическое опредѣленіе: черезъ сколько лѣтъ послѣ изгнанія произошло возвращеніе Писистрата (хотя правильность этого опредѣленія, по крайней мѣрѣ того, которое находится въ нашей рукописи, сомнительна). То же мы видимъ и въ разказѣ Аристотеля (гл. 15) о вторичномъ изгнаніи и новомъ—на этотъ разъ прочномъ—возстановленіи владычества Писистрата: источникомъ тутъ является для него, между прочимъ, и Геродотъ (I, 61—64); но объ отношеніяхъ Писистрата къ своей женѣ, дочери Мегакла, какъ о поводѣ къ разрыву съ послѣднимъ, 'Аѳ. Пол. говоритъ вскользь, какъ бы въ скобкахъ, тогда какъ Геродотъ подробно распространяется

¹⁾ Ср. Herod., I, 60.

περιλαυνόμενος δὲ τῇ στάσει ὁ Μεγακλῆς ἐπεκηρυκεύετο Πεισιστράτῃ, εἰ βούλοιτο οἱ τὴν θυγατέρα ἔχειν γυναῖκα ἐπὶ τῇ τυραννίδι.

'Аѳ.] Пол., 14:

περιλαυνόμενος ὁ Μεγακλῆς τῇ στάσει, καὶν ἐπικηρυκευάμενος πρὸς τὸν Πεισιστράτῃ ἐφ' ᾧ τε τὴν θυγατέρα αὐτοῦ λήφεται...

объ этомъ ¹⁾; за то въ трактатѣ имѣется почерпнутое изъ другого источника (если держаться нашей рукописи, опять, быть можетъ, невѣрное) указаніе, черезъ сколько лѣтъ послѣ возвращенія Писистрата произошло это вторичное изгнаніе.

Затѣмъ 'АѠ. Пол. сообщаетъ о пребываніи Писистрата у Фермейскаго залива и Пангел, „гдѣ онъ добылъ средства и нанялъ войско“, о чемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у Геродота ничего не говорится, и только далѣе—въ 64 гл.—есть нѣкоторое указаніе на это (по поводу доходовъ Писистрата τῶν μὲν αὐτόθεν, τῶν δὲ ἀπὸ Στρώμονος ποταμοῦ συνιόντων).

О пребываніи Писистрата въ Эретріи, о помощи, оказанной ему Эвиами, о союзѣ съ Лигдамидомъ, о возвращеніи его на „одинадцатый юдъ“ и о битвѣ при Палленскомъ святилищѣ говорятъ оба—и Аристотель, и Геродотъ, но послѣдній вдается въ большія подробности, посвящая, напримѣръ, описанію битвы цѣлыхъ двѣ главы (I, 62—63), сообщая при этомъ о предсказаніи прорицателя Амфилита и т. п.; Аристотель же ограничивается нѣсколькими словами: *νικήσας δὲ τὴν ἐκὶ Παλληνίδι μάχην καὶ λαβὼν τὴν ἀρχήν* (гл. 15). Но этимъ различіе не исчерпывается. Изъ 'АѠ. Пол. узнаемъ, что въ Эретріи „власть принадлежала тогда еще всадникамъ“, о чемъ Геродотъ не говоритъ; наоборотъ, Геродотъ упоминаетъ о прибытіи „аргосскихъ наемниковъ изъ Пелопоннеса“, тогда какъ 'АѠ. Пол. тутъ ничего не говоритъ объ этомъ, а сообщаетъ значительно далѣе (въ концѣ 17 гл.) и мимоходомъ, касаясь женъ Писистрата и объясняя его союзъ съ Аргосомъ тѣмъ, что Писистратъ былъ женатъ на аргивянкѣ, между тѣмъ какъ по Геродоту аргосцы явились въ качествѣ просто „наемниковъ“ (*μισθοτοί*); кромѣ того, Аристотель опредѣляетъ численность этого отряда и упоминаетъ, кто привелъ его, а у Геродота этого нѣтъ. Такимъ образомъ, Аристотель здѣсь довольно широко восполь-

¹⁾ Ср. *Herod.*, I, 61:

οἷα δὲ καίμων τέ οἱ ὑπαρχόντων νεηρίων καὶ λεγομένων ἀναγέων εἶναι τῶν Ἀλκμεωνιδέων, οὐ βουλόμενός οἱ γενέσθαι ἐκ τῆς νεογάμου γυναικὸς τέκνα ἐμισγετό οἱ οὐ κατὰ νόμον. τὰ μὲν νυν πρῶτα ἔκρυπτε ταῦτα ἢ γυνή, μετὰ δὲ εἴτε ἱστορεῖσθαι εἴτε καὶ οὐ φράζει τῇ ἑωυτῆς μητρὶ, ἢ δὲ τῷ ἀνδρὶ. τὸν δὲ δεινὸν τι ἔσχε ἀτιμάζεσθαι πρὸς Πεισιστράτου...

'АѠ. Пол., 15:

διὰ τὸ μὴ βούλεσθαι τῇ τοῦ Μεγακλείους θυγατρὶ συγγίγνεσθαι.

зовался другими источниками. Извѣющагося въ концѣ 15 гл. 'Аѳ. Пол. разказа о томъ, какъ Писистратъ обезоружилъ населеніе, у Геродота нѣтъ, по конецъ этого разказа у Аристотеля, какъ справедливо замѣчаетъ *М. М. Покровский*, совпадаетъ съ концомъ разказа Геродота о сраженіи при Палленскомъ святилищѣ ¹⁾). Наконецъ, находящееся у Геродота сообщеніе относительно очищенія Делоса у Аристотеля опущено.

Для 16 главы трактата, представляющей характеристику правленія Писистрата, Геродотъ не служилъ источникомъ. Не пользовался имъ Аристотель и въ 17—18 главахъ, гдѣ рѣчь идетъ о сыновьяхъ Писистрата и о заговорѣ Гармодія и Аристогитона: изложеніе трактата здѣсь не имѣетъ ничего общаго съ изложеніемъ Геродота ²⁾ (V, 55 сл.); о сновидѣніи Гиппарха и о родѣ Гефиреевъ (чему Геродотъ посвящаетъ нѣсколько главъ) у Аристотеля нѣтъ ни слова, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ его разказъ несравненно подробнѣе: однимъ изъ его источниковъ былъ тутъ, какъ увидимъ, Фукидидъ.

Но въ 19 главѣ Аристотель опять возвращается къ Геродоту (V, 62 сл.; ср. VI, 123), который и служить ему основой для исторіи паденія тиранніи въ Афинахъ. Мѣстами изложеніе 'Аѳ. Пол. на столько близко къ изложенію Геродота, что замѣчаются даже буквальные

¹⁾ *Herod.*, I, 63:
 φαραίτιν τε χαλεπόντες καὶ ἀπίναί ἔχαστον
 ἐπὶ τὰ ἑσπότη.

'Аѳ. Пол., гл. 15 въ концѣ:
 οὐ χρὴ θαυμάζειν οὐδ' ἀδομαίην, ἀλλ' ἀπελ-
 θόντας ἐπὶ τὸν ἰδίων εἴνα...

„Можетъ быть, это и случайность,—говоритъ г. Покровский,—но, можетъ быть, и то, что авторъ, имѣя передъ собой два факта изъ двухъ различныхъ источниковъ, сккомбинировалъ ихъ въ одинъ“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892, октябрь, стр. 41—42).

²⁾ Правда, и у Геродота (V, 55 сл.; VI, 123) мы находимъ извѣстіе, что Гиппархъ былъ убитъ Гармодіемъ и Аристогитономъ; но изъ этого, конечно, ничего не слѣдуетъ. Затѣмъ и у Геродота, и у Аристотеля встрѣчаемъ упоминаніе о Писистратовомъ сынѣ, Гегесистратѣ, рожденномъ отъ аргивянки (*Herod.*, V, 94: παῖδα τὸν ἑσπότη νόθον Ἠγήσιστρατον, γυγούστα ἐξ Ἀργείης γυναικός; 'А. П., 17: δύο δ' ἐκ τῆς Ἀργίας, Ἰοφῶν καὶ Ἠγήσιστρατος); но у Геродота объ этомъ говорится въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу, и при томъ очевидно, что Аристотель заимствовалъ свѣдѣнія о Гегесистратѣ изъ другаго источника, такъ какъ онъ приводитъ прозваніе Гегесистрата „Ѳессалъ“, котораго нѣтъ у Геродота, и имя другаго сына Писистрата отъ аргивянки—Иофонта, чего тоже нѣтъ у Геродота. Кромѣ того, по Геродоту, Гегесистратъ находился въ Сигеѣ, а по 'Аѳ. Пол.—въ Афинахъ, какъ видно изъ хода дѣла (если придерживаться ближайшаго смысла нашего текста и оскорбителемъ Гармодія считать Гегесистрата, о чемъ см. ниже).

совпадения ¹⁾). Но даже и придерживаясь выражений Геродота, Аристотель большею частью сокращает или опускает подробности, избѣгаетъ излишняго многословія и вообще свободно относится къ своему источнику. Въ этомъ легко убѣдиться, стоитъ лишь сопоста-

¹⁾ Herod., 62 — 65:

Ἰππίεω τυραννεύοντος..... καὶ ἑμπακραινομένου Ἀθηναίοισι διὰ τὸν Ἰππάρχου θάνατον, Ἀλκμεωνίδαί γένος ἑόντες Ἀθηναίοι καὶ φεύγοντες Πεισιστρατίδας, ἐπειτέ σφι ἅμα τοῖσι ἄλλοισι Ἀθηναίων φυγάσι πειρομένοιαι κατὰ τὸ ἰσχυρόν οὐ προεχώρει ἢ κάτοδος, ἀλλὰ προσέπταιον μεγάλως πειρομένοι κατιέναι τε καὶ ἐλευθεροῦν τὰς Ἀθήνας Λειψύδριον τὸ ὑπὲρ Παιονίης τειχίσαντες, ἐνθάυτα οἱ Ἀλκμεωνίδαί πᾶν ἐπὶ τοῖσι Πεισιστρατίδῃσι μηχανούμενοι παρ' Ἀμφικτυόνων τὸν νῆον μισθοῦνται τὸν ἐν Δελφοῖσι..... ἐξοικοδομησάσι..... ἀνέπειθον τὴν Πυθίην χρήμασι, ὅπως ἔλθοιεν Σπαρτιγέτων ἄνδρες εἴτε ἰδίῳ στόλῳ εἴτε δημοσίῳ χρησόμενοι, προφέρειν σφι τὰς Ἀθήνας ἐλευθεροῦν (ср. ж VI, 123: τὴν Πυθίην ἀναπεισαντες προσημαίνειν Λακεδαιμονίοισι ἐλευθεροῦν τὰς Ἀθήνας). Λακεδαιμόνιοι δὲ.... πέμπουσι Ἀγχιμόλιον..... σὺν στρατῷ ἐξελῶντα Πεισιστρατίδας ἐξ Ἀθηνῶν, ὅμως καὶ ἐξόνους σφίσι ἑόντας τὰ μάλιστα... πέμπουσι δὲ τοῦτους κατὰ θάλασσαν πλοῖοισι..... Θεσσαλοὶ δὲ σφι θεωμένοιαι (разумются Писистратиды) ἀπέπεμψαν κοινῇ γνώμῃ χρεόμενοι χιλίην τε ἵπποῦν καὶ τὸν βασιλέα τὸν σφέτερον Κινέην ἄνδρα Κοναῖον..... (Слѣдуютъ подробности о поражении Анхимолія)... μετὰ δὲ Λακεδαιμόνιοι μὲζω στόλον στείλαντες ἀπέπεμψαν ἐπὶ τὰς Ἀθήνας, στρατηγὸν τῆς στρατῆς ἀποδέξαντες βασιλέα Κλεομένηα τὸν Ἀναξανδρίδω, οὐκέτι κατὰ θάλασσαν στείλαντες ἀλλὰ κατ' ἡπειρον. τοῖσι ἐσβαλοῦσι ἐς τὴν Ἀττικὴν χώραν ἢ τῶν Θεσσαλῶν ἵππος πρώτη προσέμιξε καὶ οὐ μετὰ πολλὸν ἐτρέπετο.... Κλεομένης δὲ ἀπικόμενος ἐς τὸ ἄστυ ἅμα Ἀθηναίων τοῖσι βουλο-

Ἀθ. Πολ., 19:

μετὰ δὲ ταῦτα συνέβαιεν πολλῶ τραυτέραν εἶναι τὴν τυραννίδα· καὶ γὰρ διὰ τὸ τιμωρεῖν τῷ ἀδελφῷ καὶ διὰ τὸ πολλοὺς ἀνηρηκέναι καὶ ἐκβεβληκέναι πᾶσιν ἦν ἄπιστος καὶ πικρός..... οἱ φυγάδες, ὧν οἱ Ἀλκμεωνίδαί προεστήχεσαν, αὐτοὶ μὲν δι' αὐτῶν οὐκ ἐδύναντο ποιήσασθαι τὴν καθοδὸν, ἀλλ' αἰεὶ προσέπταιον ἐν τε γὰρ τοῖσι ἄλλοις οἷς ἐπραττον διεσφάλλοντο, καὶ τειχίσαντες ἐν τῇ χώρᾳ Λειψύδριον τὸ ὑπὲρ Πάρνηθος, εἰς δὲ συνεζηθῶν τινες τῶν ἐκ τοῦ ἄσπεως, ἐξεπολιορκήθησαν ὑπὸ τῶν τυράννων (слѣдуетъ цитата изъ схолиі по поводу Лиссандріона)..... ἐμισθώσαντο τὸν ἐν Δελφοῖσι νεῶν οἰκοδομεῖν..... ἢ δὲ Πυθία προῦφεραν αἰεὶ τοῖσι Λακεδαιμονίοισι χρηστηριαζόμενοι ἐλευθεροῦν τὰς Ἀθήνας, εἰς τοῦθ' ἕως προὔτραψε τοὺς Σπαρτιάτας, καίπερ ὄντων ξένων αὐτοῖς τῶν Πεισιστρατιδῶν (добавлено о союзѣ аθηскихъ тиранновъ съ Аргосомъ, какъ побужденіи для спартианцевъ выступити противъ Писистратидовъ)..... τὸ μὲν οὖν πρῶτον Ἀγχιμόλον ἀπέστειλαν κατὰ θάλατταν ἔχοντα στρατιάν. ἠττηθέντος δ' αὐτοῦ καὶ τελευτήσαντος, διὰ τὸ Κινέαν βοηθῆσαι τὸν Θετταλὸν ἔχοντα χιλίουσι ἵπποις, προσοργισθέντες τῷ γενομένῳ, Κλεομένην ἐξέπεμψαν τὸν βασιλέα στόλον ἔχοντα μείζω κατὰ γῆν, ὃς ἐπει τοὺς τῶν Θετταλῶν ἵπποις ἐνίκησεν καλύοντας αὐτὸν εἰς τὴν Ἀττικὴν παρίαινα, κατακλείσας τὸν Ἰππίαν εἰς τὸ καλούμενον Πελαργικὸν τεῖχος ἐπολιόρκει μετὰ τῶν Ἀθηναίων. προσκαθημένου δ' αὐτοῦ συνέπεσεν ὑπεξιόντας ἄλῳναι τοὺς τῶν Πεισιστρατιδῶν υἱεῖς· ὧν ληφθέντων ὁμολογίαν ἐπὶ τῇ τῶν παίδων σωτηρίᾳ ποιησάμενοι, καὶ τὰ ἑαυτῶν

вять оба текста ¹⁾). Сравнимъ, напримѣръ, подробный и многословный разказъ объ экспедиціяхъ Анхимологія (или Анхимоло) и Клеомена у Геродота съ тѣми сжатыми выраженіями, которыя находимъ въ замѣнъ того у Аристотеля ²⁾). Въмѣсто цѣлой фразы: οὐκέτι κατὰ θάλασσαν στελλαντες ἀλλὰ κατ' ἡπειρον у Геродота, Аристотель ставитъ только два слова: κατὰ γῆν. Онъ не сообщаетъ также, куда удалились Писистратиды послѣ своего изгнанія изъ Аѳинъ, и считаетъ лишнимъ говорить о происхожденіи этой фамилии (ср. Herod., V, 65). Мѣстами же Аристотель отстываетъ отъ Геродота или добавляетъ къ его сообщеніямъ новыя данныя. Такъ, онъ сообщаетъ объ укрѣпленіи Гнипіемъ Мунихіа, между тѣмъ какъ Геродотъ объ этомъ не говоритъ; по поводу Липендрія вставляетъ застольную пѣсню; образъ дѣйствій

μένοιαι εἶναι ἐλευθέροιαι ἐπολιόρχεα τοὺς τυράννοους ἀπερμημένους ἐν τῷ Πελαστικῷ τείχῃ..... ὑπεκτιθέμενοι γάρ ἐξω τῆς χώρας οἱ παῖδες τῶν Πισιστρατιδῶν ἦλθον. τοῦτο δὲ ὡς ἐγένετο, πάντα αὐτῶν τὰ πράγματα συντετάρακτο, παρέστησαν δὲ ἐπὶ μισθῷ τοῖσι τέκνοισι, ἐπ' οἷσι ἐβούλοντο οἱ Ἀθηναῖοι, ὥστε ἐν πέντε ἡμέρηαι ἐκχωρῆσαι ἐκ τῆς Ἀττικῆς..... ἀρξάντες μὲν Ἀθηναίων ἐπ' ἕτεα ἕξ τε καὶ τριήκοντα.....

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Herod., V, 63:

ὁ μὲν δὲ προσῶν ἐς Φάληρον τὴν στρατιὴν ἀπέβηκε, οἱ δὲ Πισιστρατιδαὶ προκυνθάνομενοι ταῦτα ἐπεκαλέοντο ἐκ Θεσσαλίας ἐπικουρίην· ἐπεκρίθητο γάρ σφι συμμαχίη πρὸς αὐτοὺς. Θεσσαλοὶ δὲ σφι δεομένοιαι ἀπέπεμφαν κοινῇ γνώμῃ χρεόμενοι χιλίην τε ἵππον καὶ τὸν βασιλέα τὸν σφέτερον Κινέην ἄνδρα Κονιαῖον τοὺς ἐπέιτε ἔσχον συμμαχούς οἱ Πισιστρατιδαὶ, ἐμυχανέοντο τοιαύτε καίραντες τῶν Φαληρέων τὸ πεδίον καὶ ἱπάσιμον ποιήσαντες τοῦτον τὸν χώρον ἐπήκαν τῷ στρατοπέδῳ τὴν ἵππον ἐμπεσοῦσα δὲ διέφθειρε ἄλλους τε πολλοὺς τῶν Λακεδαιμονίων καὶ δὴ καὶ τὸν Ἀγχιμολίον τοὺς δὲ περιγενομένους αὐτῶν ἐς τὰς νέας κάτερξαν. ὁ μὲν δὲ πρῶτος στόλος ἐκ Λακεδαιμόνος αὐτῷ ἀπήλλαξε, καὶ Ἀγχιμολίου εἰσι ταφαὶ τῆς Ἀττικῆς Ἀλωπεκῆσαι, ἀγχοῦ τοῦ Ἡρακλείου τοῦ ἐν Κυνοσάργεϊ.....

ἐν πένθ' ἡμέραις ἐκχωρούμενοι, παρέδωκαν τὴν ἀκρόπολιν τοῖς Ἀθηναίοις ἐπὶ Ἀρρακτίδου ἄρχοντος, κατασχόντες τὴν τωραννίδα μετὰ τὴν τοῦ πατρὸς τελευταίην ἐτη μάλιστα ἐπτακαίδεκα, τὰ δὲ σύμπαντα οὖν οἷς ὁ πατὴρ ἤρξεν ἐνὸς δεῖν πεντήκοντα.

Ἀθ. Πολ., 19:

ἠττηθέντος δ' αὐτοῦ καὶ τελευταίως, διὰ τὸ Κινέαν βοηθῆσαι τὸν Θετταλὸν ἔχοντα χιλίους ἱππεῖς...

Алкмеонидовъ въ дѣлѣ постройки Дельфійскаго храма представляетъ въ иномъ свѣтѣ: по Геродоту Алкмеониды обнаруживаютъ щедрость и этимъ приобретаютъ поддержку оракула; по Аристотелю же постройка храма дала имъ денежные средства для получения помощи отъ Спарты. Мотивомъ, побудившимъ спартянцевъ дѣйствовать противъ Писистратидовъ, у Аристотеля выступаютъ не только внушенія Писии, но и божества, какъ у Геродота (τὰ γὰρ τοῦ θεοῦ πρᾶξις τῆρα ἐποικίδυτο ἢ τὰ τῶν ἀνδρῶν,—говоритъ послѣдній, V, 63), но и дружба аонскихъ тиранновъ съ Аргосомъ. Аристотель сообщаетъ, въ чье архонтство изгнанъ былъ Гиппій; и, наконецъ, показанія Геродота и Аристотеля расходятся въ опредѣленіи продолжительности тиранніи Писистратидовъ.

Въ 20 гл., въ коей рѣчь идетъ о борьбѣ Клизеена съ Исагоромъ и Клеоменомъ, Аристотель тоже придерживается Геродота. Но у послѣдняго разказъ объ этой борьбѣ (V, 66, 70, 72) прерывается болѣе или менѣе обширными отступленіями—о дѣленіи Аттики на филы и демы (конецъ 66 и 69 гл.), о дѣдѣ Клизеена, сикіонскомъ тираннѣ (гл. 67—68), о попыткѣ Килона (гл. 71). Такихъ отступленій въ 'Αθ. Пол. нѣтъ: о Клизеенѣ Сикіонскомъ совсѣмъ не говорится, о Килоновой попыткѣ рѣчь шла въ началѣ трактата, о раздѣленіи Аттики на филы и демы говорится въ слѣдующей 21 главѣ, въ связи съ другими реформами Клизеена, и при томъ нѣсколько иначе и подробнѣе, чѣмъ у Геродота. О фамиліи Исагора (Herod., V, 66) у Аристотеля ничего не сказано; не упоминаетъ онъ и о той молвѣ, которую передаетъ Геродотъ касательно отношеній Клеомена къ женѣ Исагора (V, 70). Объ изгнаніи Клизеена Аристотель передаетъ кратко и не совсѣмъ такъ, какъ Геродотъ ¹⁾. Разказъ о томъ, какъ жрица не пускала Клеомена въ святилище (V, 72), у него опущенъ; не говорится также о посольствѣ аонянъ въ Сарды, о послѣдующихъ попыткахъ Клеомена, направленныхъ противъ аонской демократіи, и о борьбѣ Аоніи съ коалиціей. Но Аристотель вставляетъ, что Исагоръ былъ „другомъ тиранновъ“, и упоминаетъ о попыткѣ Кедона—еще раньше Алкмеонидовъ—изгнать Писистратидовъ, въ доказательство чего цитируетъ застольную пѣсню въ честь Кедона. Въ остальномъ между

¹⁾ У Геродота Клеоменъ, по настоянію Исагора, требуетъ черезъ герольда изгнания Клизеена и многихъ другихъ, занятыхъ святотатствомъ (по этому поводу и разказывается о Килонѣ), удаляется одинъ Клизеенъ, тѣмъ не менѣе Клеоменъ является въ Аоніи. По Аристотелю же, Исагоръ, призвавъ Клеомена, убѣждаетъ его изгнать „скверну“, и Клизеенъ удаляется съ „немногими“.

'Αθ. Πολ. и Геродотомъ замѣчается тутъ полное сходство, иногда даже буквальное ¹⁾).

Что касается Клеисееновыхъ реформъ, которымъ посвящена 21 гл. 'Αθ. Πολ., то изложение Аристотеля, какъ было выше уномянуто, гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, нежели изложение Геродота (V. 66, 69; VI. 131); напริมѣръ. у него говорится не только о раздѣленіи Аттики на филы и демы (чѣмъ Геродотъ и ограничивается), но и о другихъ реформахъ Клеисеена; но о раздѣленіи филъ на 10 демовъ.

¹⁾ Такъ, ср. *Herod.*, V, 66:

δύο ἄνδρες ἐδυνάστευον, Κλεισθένης τε ἄνθρωπος Ἀλκμεωνίδης,..... καὶ Ἰσαγόρης ὁ Τισάνδρου..... οὗτοι οἱ ἄνδρες ἐστάσισαν περὶ δυνάμει, ἐσσοῦμενος δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσαταίριζέται.

V, 70: ἐν τῷ μέρει δὲ ἐσσοῦμενος ὁ Ἰσαγόρης ἀντιτεχνᾷται ταῦτα· ἐπικαλέεται Κλεομένεα τὸν Λακεδαιμόνιον γενόμενον ἐσωτῶ ξεῖνον..... ὁ Κλεομένης.... ἐξέβαλλε Κλεισθέnea καὶ μετ' αὐτοῦ ἄλλους πολλοὺς Ἀθηναίων. τοὺς ἐναγέας ἐπιλέγων.

V, 72: ἀγγελτάει ἐπτακασία ἐπίστια Ἀθηναίων, τὰ οὐ ὑπέθετο ὁ Ἰσαγόρης. ταῦτα δὲ ποιήσας δευτέρα τὴν βουλήν καταλύειν ἐπειράτο, τριηκοσίοισι δὲ τοῖσι Ἰσαγόρειω στασιώτῃσι τὰς ἀρχὰς ἐνεχειρίζε. ἀντισταθείσης δὲ τῆς βουλῆς καὶ οὐ βουλομένης πείθεσθαι ὁ τε Κλεομένης καὶ ὁ Ἰσαγόρης καὶ οἱ στασιῶται αὐτοῦ καταλαμβάνουσι τὴν ἀκρόπολιν. Ἀθηναίων δὲ οἱ λοιποὶ τὰ αὐτὰ φρονήσαντες ἐπολιόρκειον αὐτοὺς ἡμέρας δύο· τῇ δὲ τρίτῃ ὑπόσπονδοι ἐξέρχονται ἐκ τῆς χώρας ὅσοι ἦσαν αὐτῶν Λακεδαιμόνιοι... (Слѣдуетъ разказать о Клеοменѣ и жрицѣ)...

V, 7: Ἀθηναῖοι δὲ μετὰ ταῦτα Κλεισθέnea καὶ τὰ ἐπτακασία ἐπίστια τὰ διωχθέντα ὑπὸ Κλεομένεος μεταπεμφάμενοι πέμπουσι ἀγγέλους ἐς Σάρδις.....

Ср. еще отъзвъ обѣ Алкмеонидѣхъ: *Herod.*, VI, 128: οἱ Ἀλκμεωνίδαι... ἦσαν μοσοτύραννοι.... καὶ οὕτω τὰς Ἀθῆνας οὗτοι ἦσαν οἱ ἐλευθερώσαντες πολλῶ μᾶλλον ἢ περ Ἀρμόδιός τε καὶ Ἀριστογείτων; 'Αθ. Πολ., 20: αἰτιώτατοι γὰρ σχεδὸν ἐγένοντο τῆς ἐξβολῆς τῶν τυράννων οἱ Ἀλκμεωνίδαι, καὶ στασιάζοντες τὰ πολλὰ διετέλεσαν.

'Αθ. Πολ., 20:

ἐστασίαζον πρὸς ἀλλήλους Ἰσαγόρας ὁ Τισάνδρου.... καὶ Κλεισθένης τοῦ γένους ὧν τῶν Ἀλκμεωνιδῶν. ἡττώμενος δὲ ταῖς ἐταιρείαις ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον..... ὁ δὲ Ἰσαγόρας ἐπιλεπόμενος τῇ δυνάμει πάλιν ἐπικαλεσάμενος τὸν Κλεομένην, ὄντα ἐσωτῶ ξένον, συνέπεισεν ἐλαύνειν τὸ ἄγος, διὰ τὸ τοὺς Ἀλκμεωνίδας δοκεῖν εἶναι τῶν ἐναγῶν. ὑπεξελθόντος δὲ τοῦ Κλεισθέους μετ' ὀλίγων, ἡγγλάται τῶν Ἀθηναίων ἐπτακασίας οἰκίας· ταῦτα δὲ διαπραξάμενος, τὴν μὲν βουλήν ἐπειράτο καταλύειν, Ἰσαγόραν δὲ καὶ τριακοσίους τῶν φίλων μετ' αὐτοῦ κυρίως καθιστάει τῆς πόλεως. τῆς δὲ βουλῆς ἀντιστάσης καὶ συναθροισθέντος τοῦ πλήθους, οἱ μὲν περὶ τὸν Κλεομένην καὶ Ἰσαγόραν κατέφυγον εἰς τὴν ἀκρόπολιν· ὁ δὲ δῆμος δύο μὲν ἡμέρας προσκαθεζόμενος ἐπολιόρκει, τῇ δὲ τρίτῃ Κλεομένην μὲν καὶ τοὺς μετ' αὐτοῦ πάντας ἀφείσαν ὑποσπόνδους, Κλεισθένην δὲ καὶ τοὺς ἄλλους φυγάδας μετεπέμψαντο.

равно какъ и о томъ, будто бы Клисѣенъ руководился при этомъ презрѣніемъ къ іонянамъ, въ 'АѲ. Пол. нѣтъ рѣчи. Вообще здѣсь изложеніе Аристотеля совершенно отличается отъ изложенія Геродота, котораго поэтому и нельзя считать источникомъ для 21 главы 'АѲ. Пол.

Въ дальнѣйшихъ главахъ трактата тоже не видно слѣдовъ пользования Геродотомъ. Аристотель и Геродотъ говорятъ, правда, иногда объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, на примѣръ, о созданіи аѳинскаго флота Ѳемистокломъ (Herod., VII, 144, и 'АѲ. Пол., 22) и о возвращеніи Аристида изъ изгнанія (Herod., VIII, 79, и 'АѲ. Пол., 22); но никакой тутъ зависимости нѣтъ: такъ, въ первомъ случаѣ разказъ Аристотеля нисколько не походитъ на разказъ Геродота, а во второмъ—есть даже между ними противорѣчіе: по Геродоту, Аристидъ возвращается непосредственно передъ самымъ Саламинскимъ сраженіемъ, по Аристотелю—въ архонтство Гипсихида, въ виду нашествія Ксеркса.

Итакъ, отдѣлъ, для котораго главнымъ, хотя и не единственнымъ источникомъ служилъ Аристотелю Геродотъ, заканчивается 20 главою—торжествомъ Клисѣена надъ Исагоромъ и Клеоменомъ.

Мы подробно остановились на сличеніи 'АѲ. Пол. съ Геродотомъ для того, чтобы опредѣлить степень зависимости Аристотеля отъ его источника. Сличеніе это приводитъ къ убѣжденію, что Аристотель придерживался Геродота нерѣдко очень близко, но онъ нигдѣ не придерживался его рабски, не списывалъ его дословно или механически, не слѣдовалъ исключительно ему одному; рядомъ съ словами и фразами, взятыми у Геродота, стоятъ такія, которыя нисколько не напоминаютъ послѣдніе; Аристотель выражается обыкновенно не такъ многословно, болѣе сжато; онъ опускаетъ многія частности, маловажныя, эпизодическія или анекдотическія подробности, иногда слухи, отзывавшіяся слетней (на примѣръ, относительно Клеомена и жены Исагора); онъ устраняетъ тотъ элементъ чудеснаго, который у Геродота занимаетъ такое видное мѣсто,—предсказанія, сновидѣнія. Съ другой стороны, Аристотель пополняетъ свидѣтельства Геродота и комбинируетъ ихъ съ данными, взятыми изъ другихъ источниковъ, и особенно тогда, когда дѣло идетъ о подробностяхъ, касающихся государственнаго строя, реформъ и т. п., или когда считаетъ нужнымъ дать хронологическія опредѣленія, а къ такимъ опредѣленіямъ у него замѣтно стремленіе. Словомъ, мы видимъ *вполнѣ свободное отношеніе Аристотеля къ его источнику.*

Къ такому же заключенію приводитъ и сличеніе Аристотеля съ

Фукидидомъ; разница только та, что отъ Фукидида Аристотель отступаетъ еще чаще, нежели отъ Геродота ¹⁾).

Аристотель и Фукидидъ.

Съ трудомъ Фукидида Аристотель, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ. Правда, онъ не цитируетъ имени великаго историка Пелопоннеской войны, какъ онъ цитируетъ Геродота; но, говоря о заговорѣ Гармодія и Аристогитона и умерщвленія Гиппарха, онъ опровергаетъ „передаваемый разказъ“, ὁ λεγόμενος λόγος, будто Гиппій приказалъ участвовавшимъ въ процессіи положить оружіе и отойти въ сторону и такимъ образомъ открылъ тѣхъ, кто былъ съ кинжалами (гл. 18), то-есть, заговорщиковъ, а этотъ ὁ λεγόμενος λόγος находимъ именно у Фукидида ²⁾). Такимъ образомъ, не называя Фукидида, Аристотель, однако, съ нимъ полемизируетъ и исправляетъ его.

Въ другихъ случаяхъ очевидно, что Аристотель пользуется Фукидидомъ: у нихъ встрѣчается не мало сходныхъ мѣстъ, близкихъ частью по содержанію, частью даже и по формѣ, и въ томъ же отдѣлѣ о Писистратидахъ и заговорѣ Гармодія и Аристогитона, гдѣ мы встрѣчаемъ косвенную полемику Аристотеля противъ Фукидида, послѣдній служить однимъ изъ основныхъ источниковъ для перваго. Оба говорятъ о смерти Писистрата среди полного обладанія властью ³⁾).

¹⁾ Уже Гамперъ (*Deutsche Rundschau*, 1891, Mai, S. 220) отмѣтилъ снисхожденіе Аристотеля, какъ автора 'Аθ. Пол., къ Геродоту, а не къ Фукидиду, хотя какъ онъ замѣчаетъ, скорѣе можно было бы предполагать противное.

²⁾ 'Аθ. Пол., 18:

ἀλλ' ὁ λεγόμενος λόγος ὡς ὁ Ἰππίας ἀποστήσας ἀπὸ τῶν ὀπλῶν τοὺς κομπέουοντας ἐφώρασεν τοὺς τὰ ἐγχειρίδια ἔχοντας οὐκ ἀληθῆς ἐστίν· οὐ γὰρ ἐπεμπον τότε μεθ' ὀπλῶν, ἀλλ' ὕστερον τοῦτο κατεσκεύασεν ὁ δῆμος.

Thuc., VI, 56:

περίμενον δὲ Παναθήναια τὰ μεγάλα, ἐν ἧ μόνον ἡμέρᾳ οὐχ ὑποκτον ἐγίνετο ἐν ὀπλοῖς τῶν πολιτῶν τοὺς τὴν κομπὴν πέμψοντας ἀθρόους γενέσθαι.

VI, 58: ἐκέλευσεν αὐτοὺς, δεῖξας τι χωρίον, ἀπελθεῖν ἐς αὐτὸ ἄνευ τῶν ὀπλῶν. καὶ οἱ μὲν ἀνεχώρησαν οἰόμενοι τι εἶναι αὐτόν, ὁ δὲ τοῖς ἐπικούροις φράσας τὰ ὄπλα ὑπολαβεῖν ἐξελέγετο εὐθὺς οὐς ἐκητιᾶτο καὶ εἴ τις εὐρέθη ἐγχειρίδιον ἔχον· μετὰ γὰρ ἀσπίδος καὶ δόρατος εἰώθεσαν τὰς κομπὰς ποιεῖν.

³⁾ *Thuc.*, VI, 54:

Πεισιστράτου γὰρ γηραιοῦ τελευτήσαντος ἐν τῇ τυραννίδι.....

'Аθ. Пол., 17:

Πεισιστράτος μὲν οὖν ἐγκατεγήρασε ἐν τῇ ἀρχῇ (такъ *Blass* и *Kaibel-Wilamowitz*; *Kenyon* — ἐν ἀρχῇ, *Sandys* — τῇ ἀρχῇ) καὶ ἀπέθανε νοσήσας.....

ο старшинствѣ Гиппія ¹⁾), что особенно важно въ виду того, что на этотъ счетъ въ Аѳинахъ существовало другое мнѣніе, которое Фукидидъ и старался опровергнуть (I, 20; VI, 54, 55); о мягкости правленія Писистратовыхъ сыновей до умерщвленія Гиппарха ²⁾); о любовной страсти, какъ причинѣ, вызвавшей заговоръ ³⁾), о недопущеніи сестры Гармодія къ участию въ процессіи ⁴⁾), о судьбѣ Гармодія, который былъ на мѣстѣ убитъ, и Аристогитона, который былъ схваченъ послѣ и подвергнутъ пыткѣ ⁵⁾), наконецъ — о перемѣнѣ, произошедшей въ Гиппії послѣ гибели его брата ⁶⁾). Въ особенности же сходенъ разказъ объ убіеніи Гиппарха ⁷⁾), если сравнивать съ 'Αθ. Пол. 20-ю главу I кн. Фукидида.

¹⁾ *Thuc.*, I, 20:

καὶ οὐκ ἴσασιν ὅτι Ἰππίας μὲν πρεσβύτατος ὢν ἤρχε..... κ VI, 54: οὐχ Ἰππαρχος, ὡσπερ οἱ πολλοὶ οἴονται, ἀλλ' Ἰππίας πρεσβύτατος ὢν ἔσχε τὴν ἀρχήν.

²⁾ Ср. *Thuc.*, VI, 54 κ 'Αθ. Пол., 17 (προάγοντες τὰ πράγματα τὸν αὐτὸν τρόπον τοῦτο, какъ κ Писистратъ; см., однако, гл. 16: συνέβη γὰρ ὕστερον διαδεξαμένων τῶν υἱῶν πολλῶ γενέσθαι τραχυτέραν τὴν ἀρχήν).

³⁾ *Thuc.*, VI, 54:

δι' ἐρωτικὴν ζυτυχίαν. Ср. VI, 59: δι' ἐρωτικὴν λυπὴν ἢ τε ἀρχὴ τῆς ἐπιβουλῆς καὶ ἢ ἀλόγητος τόλμα.....

⁴⁾ *Thuc.*, VI, 56, κ 'Αθ. Пол., 18.

⁵⁾ *Thuc.*, VI, 57:

καὶ ὁ μὲν τοὺς δορυφόρους τὸ αὐτίκα διαφύγει, ὁ 'Αριστογείτων, ξυνδραμόντος τοῦ ὄγλου καὶ ὕστερον ληφθεὶς οὐ βλάβως διετίθη. 'Αρμόδιος δὲ αὐτοῦ παραχρῆμα ἀπόλλυται.....

⁶⁾ *Thuc.*, VI, 59:

χαλεπωτέρα μετὰ τοῦτο ἢ τυραννίς κατέστη, καὶ ὁ Ἰππίας διὰ φόβου ἤδη μᾶλλον ὢν τῶν τε πολιτῶν πολλοὺς ἔκτεινε καὶ πρὸς τὰ ἔξω ἅμα διεσκοπεῖτο...

Ср. κ *Herod.*, V, 62; *Heller*, p. 22.

⁷⁾ *Thuc.*, I, 20:

καὶ παραχρῆμα 'Αρμόδιος καὶ 'Αριστογείτων ἐκ τῶν ξυνειδῶτων σφισιν Ἰππία μεμνηνῦσθαι τοῦ μὲν ἀπέσχεοντο ὡς προειδῶτες, βουλόμενοι δὲ πρὶν ξυλληφθῆναι δρά-

'Αθ. Пол., 18:

ἦσαν δὲ κύριοι μὲν τῶν πραγμάτων... Ἰππαρχος καὶ Ἰππίας, πρεσβύτερος δ' ὢν ὁ Ἰππίας καὶ τῇ φύσει πολιτικός καὶ ἔμφρων ἐπεστάται τῆς ἀρχῆς.

'Αθ. Пол., 18:

ἀφ' οὗ καὶ συνέβη τὴν ἀρχὴν αὐτοῖς γενέσθαι πάντων τῶν κακῶν. ἐρασθεὶς γὰρ τοῦ 'Αρμόδιου.....

'Αθ. Пол., 18:

αὐτῶν δ' ὁ μὲν 'Αρμόδιος εὐθέως ἐτελεύτησεν ὑπὸ τῶν δορυφόρων, ὁ δ' 'Αριστογείτων ὕστερον συλληφθεὶς καὶ πολὺν χρόνον αἰχίσθεϊς.

'Αθ. Пол., 19:

μετὰ δὲ ταῦτα συνέβαινε πολλῶ τραχυτέραν εἶναι τὴν τυραννίδα· καὶ γὰρ διὰ τὸ τιμωρεῖν τῶ ἀδελφῶ καὶ διὰ τὸ πολλοὺς ἀνηρηκεῖν καὶ ἐκβεβληκεῖν πᾶσιν ἦν ἄπιστος καὶ πικρὸς.

'Αθ. Пол., 18:

ιδόντες τινὰ τῶν κοινωνούντων τῆς πράξεως φιλανθρώπως ἐντυγχάνοντα τῶ Ἰππίᾳ, καὶ νομίσαντες μὴ γνῦσιν, βουλόμενοί τι δρᾶσαι πρὸ τῆς συλληψεως, κα-

И тѣмъ не менѣе Аристотель во многомъ расходится съ Оукидидомъ. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, ктѣ по Аристотелю является виновникомъ оскорбленія, нанесеннаго Гармодію, — Гиппархъ или Θεσσαλ¹⁾, и къ кому относятся слова ἀφ' οὗ (въ фразѣ: ἀφ' οὗ καὶ συνέβη τὴν ἀρχὴν αὐτοῖς γενέσθαι πάντων τῶν κακῶν, гл. 18), такъ какъ это вопросъ спорный, вызывающій разные объясненія, и на немъ лучше остановиться впоследствии при разборѣ извѣстій 'Αθ. Пол. съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности. Замѣтимъ только, что если держаться ближайшаго смысла и относить ἀφ' οὗ къ Θεσσαлу, то тогда у Аристотеля окажется крупное разногласіе съ Оукидидомъ: тогда выходить, что по 'Αθ. Пол. не Гиппархъ подалъ поводъ къ заговору, а Θεσσαλ. Но есть и другія отличія²⁾. Одною изъ нихъ мы уже касались: вспомнимъ полемику Аристотеля, направленную противъ извѣстія Оукидида относительно участія въ Панаѳинейской процессіи гражданъ *вооруженныхъ*. Затѣмъ, по Оукидиду Писистратъ обложилъ население податью въ размѣрѣ одной *двадцатой* съ дохода (εἰκοστὴν μόνον πρᾶσσόμενοι τῶν γιγνομένων, VI, 54), а по 'Αθ. Пол. — одной *десятой* (ἐπράττετο γὰρ ἀπὸ τῶν γιγνομένων δεκάτην, гл. 16). Оукидидъ говоритъ о неоднократныхъ попыткахъ Гиппарха приобрести любовь Гармодія (πειραθεὶς δὲ ὁ Ἀρμόδιος ὑπὸ Ἰππάρχου... καὶ οὐ πειραθεὶς....., ὁ Ἰππάρχος ὡς αὐθις πειράσας οὐδὲν μᾶλλον ἔπειθε τὸν Ἀρμόδιον, VI, 54); Аристотель же довольствуется краткимъ выраженіемъ: διαμαρτάνων πρὸς αὐτὸν φιλίας. По Оукидиду, Гиппархъ старался не подать вида, что оскорбленъ, не желалъ прибѣгать къ насилію, а хотѣлъ отмстить какимъ либо неявнымъ образомъ; по Аристотелю же, сынъ Писистрата, влюбленный въ Гармодія и потерявшій не-

σαντές τι καὶ κινδυνεύσαι τῷ Ἰππάρχῳ περιτοχόντες περὶ (въ IV, 57 Krüger принимаетъ чтеніе παρὰ τὸ Λεωκόρειον χαλοόμενον τὴν Παναθηναϊκὴν πομπὴν διακοσμοῦντι ἀπέχτειναν. Ср. VI, 57.

ταβάντες καὶ προεξαναστάντες τῶν λοιπῶν, τὸν μὲν Ἰππάρχον διακοσμοῦντα τὴν πομπὴν παρὰ τὸ Λεωκόρειον ἀπέχτειναν.

¹⁾ Въ характеристикѣ Θεσσαλα въ 'Αθ. Пол. (Θετταλὸς δὲ νεώτερος πολὺ καὶ τῷ βίῳ θρασὺς καὶ ὑβριστής) Heller, p. 18, усматриваетъ намѣреніе Аристотеля опровергнуть Оукидида, который называетъ Θεσσαла рядомъ съ Гиппиемъ и Гиппархомъ: Аристотель, по мнѣнію Heller'a, желаетъ отмѣтить, что Θεσσαλъ не можетъ быть поставленъ наравнѣ съ старшими братьями ни по возрасту (какъ νεώτερος πολὺ), ни по авторитету (какъ τῷ βίῳ θρασὺς καὶ ὑβριστής, „quia audax erat et superbus“). По такое толкованіе слишкомъ искусственно.

²⁾ Ср. Wilamowitz-Moellendorff, Arist. u. Athen, I, 109 сл.; Hude, Zur Ermord. d. Hipparchos (N. I. f. kl. Phil., 1892, 145 Bd., S. 170 ff.).

удачу, не сдержалъ гнѣва и при всякомъ удобномъ случаѣ выказывалъ свое неудовольствіе ¹⁾. По Фукидиду, у Гармодія и Аристокитона соучастниковъ было не много (ἦσαν δὲ οὐ πολλοὶ οἱ συνωμοσκότες, VI, 56), по 'Αθ. Пол.—наоборотъ много: μεταχόντων πολλῶν (Blass, Sandys) или μετὰ πολιτῶν πολλῶν (Κερυον) ²⁾. У Фукидида сестра Гармодія устранена была отъ участія въ одной изъ процессій, ἐν πεμπῇ τινι (VI, 56), при чемъ она сама объявлена была недостойною, и Гармодій и Аристокитонъ для осуществленія плана мести ждуть великихъ Панаэиней, когда только и можно было явиться съ оружіемъ. Слѣдовательно, между оскорбленіемъ сестры Гармодія и умерщвленіемъ Гиппарха предполагается какъ бы значительный промежутокъ времени. По Аристотелю же, упрекъ въ безнравственности относится къ Гармодію, а не къ его сестрѣ, и послѣдняя устранена была отъ участія именно въ Панаэинейской процессіи, во время которой и произошло умерщвленіе Гиппарха. Такимъ образомъ, по изложенію Аристотеля, за оскорбленіемъ быстро слѣдуетъ и месть ³⁾. Если держаться разказа Фукидида въ VI кн. (гл. 57), то выходитъ, что Гиппій, а слѣдовательно, и Гармодій съ Аристокитономъ, видѣвшіе, какъ одинъ изъ ихъ соучастниковъ разговаривалъ съ Гиппиемъ, находились сначала въ Керамикѣ; отсюда заговорщики устремляются „черезъ ворота въ городъ“. По Аристотелю же, они находятся въ акрополѣ и, спустившись отсюда, убиваютъ Гиппарха ⁴⁾. Впрочемъ, у самого Фукидида замѣчается противорѣчіе между I, 20 и VI, 57; во второмъ случаѣ Гиппій является устраивающимъ процессію, а въ первомъ—Гиппархъ, котораго (какъ и въ 'Αθ. Пол.) заговорщики встрѣчаютъ у Леокорія ⁵⁾. Аристотель говоритъ о старшинствѣ Гиппія, но доказательствъ этому не приводитъ; между тѣмъ какъ Фукидидъ особенно останавливается на этомъ пунктѣ, посвя-

¹⁾ Hude, N. I., 1892, S. 173.

²⁾ Нѣкоторые предлагали измѣнить рукописное чтеніе, и, напримѣръ, Kaibel и Wilamowitz въ своемъ изданіи вставили οὐ (μετὰ συνειδότων οὐ πολλῶν, слѣдую поправкѣ I. В. Mayor'a). Но, по словамъ Blass'a, первое изъ приведенныхъ выше чтеній „vatis clare legitur“, и теперь самъ Kaibel („Stil und Text der Πολιτεία 'Αθηναίων des Aristoteles“, Berlin, 1893, S. 167) считаетъ чтеніе Бласса „несомнѣнно правильнымъ“.

³⁾ Wilamowitz, I, 110. Ср. I. Miller, Die Erzählung von den Tyrannenmördern (Philologus, 1893, LII Bd., Ss. 574—575).

⁴⁾ Ср. Heller, 20.

⁵⁾ Weil (Journ. des Sav., 1891, avr., p. 208—204) полагаетъ, что самъ Фукидидъ въ I, 20 исправляетъ свое изложеніе въ VI, 57.

щаетъ ему цѣлую главу (VI, 55) и не разъ возвращается къ нему. 'Аѳ. Пол. даетъ характеристику сыновей Писистрата, какой нѣтъ у Фукидида, упоминаетъ объ Іофонтѣ, о которомъ умалчиваетъ Фукидидъ, и сообщаетъ, кто изъ Писистратовыхъ сыновей происходилъ отъ „законнаго“ брака и кто отъ „незаконнаго“—съ аргивянкой, при чемъ, по Аристотелю, Фессаль происходилъ отъ послѣдняго; тогда какъ Фукидидъ, повидимому, считаетъ его единоутробнымъ братомъ старшихъ Гиппія и Гиппарха ¹⁾). Аристотель сообщаетъ анекдотическія подробности о смерти Аристогитона, у Фукидида не имѣющіяся; отмѣчаетъ, въ чье архонтство умеръ Писистратъ, сколько лѣтъ онъ былъ тиранномъ и т. д., и на основаніи хронологіи доказываетъ невѣроятность разказа о любовныхъ отношеніяхъ между Солономъ и Писистратомъ и мнѣнія, что Писистратъ былъ полководцемъ въ войнѣ съ Мегарой изъ-за Саламина. Ничего этого нѣтъ у Фукидида.

Итакъ, въ этихъ главахъ (17 — 18) Аристотель пользовался не однимъ Фукидидомъ, но и другими источниками.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Аристотеля (до 32 гл.) замѣтно лишь отрывочное пользованіе Фукидидомъ; сходство ограничивается отдѣльными мѣстами и фразами; въ основу же положены другіе источники. Пожалуй, можно сопоставить, напримѣръ, выраженіе относительно постройки аѣнскаго флота въ 22 гл. 'Аѳ. Пол. (ἐναυπηγήσατο τριήρεις ἑκατόν..., αἷς ἐναυμάχησαν ἐν Σαλαμῖνι πρὸς τοὺς βαρβάρους) съ подобнымъ же выраженіемъ у Фукидида, I, 14 ('Αθηναῖους Θεμιστοκλῆς ἔπεισεν Αἰγινήταις πολεμοῦντας καὶ ἄμα τοῦ βαρβάρου προσδοκίμου ὄντος τὰς νῆς ποιῆσθαι, αἷσπερ καὶ ἐναυμάχησαν) ²⁾; но не у Фукидида заимствованы тѣ анекдотическія подробности, которыми украшенъ разказъ Аристотеля о созданіи флота Θεμιστοκломъ. Въ общемъ вся 22 глава, за исключеніемъ развѣ этихъ подробностей, служитъ самымъ яркимъ и нагляднымъ образцомъ изложенія, основаннаго на Аттидахъ. Въ 24 гл. 'Аѳ. Пол. число стрѣлковъ и всадниковъ приводится то же самое, что и въ рѣчи Перикла у Фукидида ³⁾; но, помимо того, что такое сходство ничего не доказываетъ, Аристотель говоритъ объ этомъ въ связи съ сообщеніемъ о томъ, что Ари-

¹⁾ *Heller*, p. 17.

²⁾ *Heller*, p. 31.

³⁾ Ср. *Thuc.*, II, 13:

ἰππεὺς δ' ἀπέφαινε διακοσίους καὶ χίλιους ξὺν ἰπποτοξόταις, ἑξακοσίους δὲ καὶ χίλιους τοξότας.

'Аѳ. Пол., 24:

τοξόται δ' ἑξακόσιοι καὶ χίλιοι καὶ πρὸς ταῦτοις ἰππεῖς χίλιοι καὶ διακόσιοι.

стидъ будто бы побуждалъ жителей оставить поля и переселиться въ городъ, а послѣднее сообщеніе стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ свидѣтельствомъ Фукидида, по которому еще передъ самымъ началомъ Пелопоннесской войны большинство аѳинянъ жило на своихъ поляхъ и нелегко покидало ихъ (II, 14, 16).

Не будемъ говорить о томъ, какъ противорѣчить Фукидидовой хронологіи анекдотъ о Оемистоклѣ и Эфіальтѣ въ 25 гл. трактата и выраженіе о Ксимонѣ, какъ еще человѣкѣ „молодомъ“ во время Эфіальтовой реформы, въ 26 гл., такъ какъ упомянутый анекдотъ можно считать за интерполяцію, а во второмъ случаѣ вмѣсто рукописнаго чтенія *καὶ τῶν ἄλλων* бѣтъ предлагаются поправки, напримѣръ, *καὶ τῶν ἄλλων* и *καὶ τῶν ἄλλων*. Самый взглядъ Аристотеля на періодъ „пятидесятилѣтія“, его отношеніе къ морскому могуществу Аѳинъ совершенно противоположны взгляду и отношенію историка Пелопоннесской войны, а холодный и сдержанный отзывъ 'Αθ. Пол. о Периклѣ тоже составляетъ контрастъ съ извѣстной характеристикой послѣдняго у Фукидида (II, 65), хотя замѣчаніе Аристотеля, что пока былъ живъ Периклѣ, дѣла шли хорошо, и его отзывъ о Перикловыхъ преемникахъ соотвѣтствуютъ тому, что говорить и Фукидидъ ¹⁾. Отношеніе Аристотеля и Фукидида къ Клеону въ сущности одинаково, хотя это можно объяснить не замѣтваніемъ одного у другаго, а согласіемъ мнѣній.

Особенно замѣтно различіе между Фукидидомъ и Аристотелемъ въ ихъ разказѣ о переворотѣ 411 года ²⁾. Здѣсь самыя ихъ точки зрѣнія иныя: Фукидидъ разказываетъ объ этомъ переворотѣ въ связи съ другими событіями того времени и подробно и живо излагаетъ, какъ олигархи путемъ интригъ и террора подготовили *coup d'état* (VIII, 47 сл., 53 сл.); Аристотель же интересуется только тѣмъ, какъ и какіе конституціонные проекты были тогда выработаны; остальные онъ игнорируетъ, если не считать имѣющагося и у него указанія, что успѣху замысла олигарховъ содѣйствовала болѣе всего надежда аѳинянъ на союзъ съ персидскимъ царемъ. Но въ то время, какъ Фу-

¹⁾ *Thuc.*, II, 65:

θεον τε γὰρ χρόνον προῦσθη τῆς πόλεως, ἐν τῇ εἰρήνῃ μετρίως ἐξηγεῖτο καὶ ἀσφαλῶς διαφύλαξεν αὐτήν, καὶ ἐγένετο ἐκ' αἰετίνου μεγίστη κτλ.

'Αθ. Пол., 28:

ἕως μὲν οὖν Περικλῆς προεστῆκει τοῦ δήμου βελτίως τὰ κατὰ τὴν πολιτείαν ἦν, τελευτήσαντος δὲ Περικλέους πολλὴ χεῖρω κτλ.

²⁾ Ср. *Bauer*, *Lit.-hist. Forsch.*, 150 сл.; *Wilamowitz-Moellendorf*, *Ar. und Athen*, I, 101 сл.

кидидъ въ 53 гл. VIII кн. эту мысль повторяетъ не разъ ¹⁾ устами олигарховъ (μὴ τὸν αὐτὸν τρόπον δημοκρατούμενοι βασιλέα τε σύμμαχον ἔχειν....; εἰ μὴ τις, πείσει βασιλέα μεταστῆναι παρὰ σφᾶς....; ...ἵνα πιστεύῃ ἡμῖν βασιλεύς...; ср. и гл. 48),—Аристотель выражается кратко и безъ повтореній: μάλιστα δὲ συμπαισθέντων τῶν πολιτῶν διὰ τὸ νομίζειν βασιλέα μᾶλλον ἑαυτοῖς συμπολεμήσαι ἂν δι' ὀλίγων ποιήσονται τὴν πολιτείαν (глава 29).

Говоря о самой сущности переворота, Аристотель (гл. 29—31) во многомъ расходится съ Фукидидомъ. Онъ сообщаетъ, напимѣръ, кто внесъ псефизму объ учрежденіи комиссіи συγγραφεῖς, должноствовавшей представить проектъ „спасенія“ государства („περὶ τῆς σωτηρίας“, гл. 29), и кто выступилъ съ рѣчью передъ этимъ, и упоминаетъ о поправкѣ Клитофона, чего у Фукидида нѣтъ. По Аристотелю, къ существующимъ 10 пробуламъ прибавлено было еще 20, такъ что всѣхъ συγγραφεῖς было 30; по Фукидиду же, ихъ было только 10, при чемъ онъ ихъ называетъ „αὐτοκράτορας“ (VIII, 67), смѣшивая, по всей вѣроятности, съ тѣми 10 αὐτοκράτορας, о которыхъ говоритъ Аристотель въ 31 и 32 гл. ²⁾ Фукидидъ говоритъ, что упомянутые συγγραφεῖς должны были представить свое мнѣніе къ назначенному дню, и когда день этотъ наступилъ, собраніе созвано было въ Колонѣ; Аристотель же объ этомъ не упоминаетъ. По словамъ Фукидида, συγγραφεῖς внесли только одно предложеніе, именно: предоставить каждому афиняину право предлагать чтò угодно и запретить γραφή παρανόμων подъ страхомъ строгихъ наказаній,—и „ничего больше“ (ἄλλο μὲν οὐδέν). У Аристотеля же проектъ ихъ передаѣтъ гораздо полнѣе и точнѣе: у него онъ не ограничивается одною отмѣною γραφή παρανόμων, а касается и многого другаго. По Фукидиду, вслѣдъ затѣмъ уже открыто предложено было упразднить существующія должности, отмѣнить жалованье, избрать 400, которые были бы облечены неограниченными полномочіями (αὐτοκράτορας) и созывали бы по своему усмотрѣнію 5.000, и это предложеніе, по его словамъ, внесъ Писандръ. По Аристотелю же, отмѣна жалованья должностнымъ лицамъ, за исключеніемъ архонтовъ и притановъ, предоставленіе политическихъ правъ наиболѣе достаточнымъ афинянамъ, которыхъ должно быть не менѣе 5.000, при чемъ списокъ ихъ долженъ быть составленъ избранными по 10 отъ каждой филы лицами,—все это, между прочимъ, входитъ

¹⁾ Ср. *Holler*, p. 88.

²⁾ См. *Weil*, 204; *Wilamowitz*, *Ar. u. Athen*, I, 103.

въ составъ предложенія 30 συγγραφείς. Собственно же конституціонный проектъ выработанъ былъ 100 выборными, при чемъ Аристотель различаетъ конституцію, составленную на будущее время (εις τὸν μέλλοντα χρόνον), и конституцію провизорную, составленную для даннаго момента (ἐν δὲ τῷ παρόντι καιρῷ). Какъ не разъ мы отмѣчали, онъ чрезвычайно подробно передаетъ содержаніе обонхъ проектовъ (гл. 30—31); у Фукидида же объ этомъ нѣтъ ни слова. Самый способъ избранія 400, которые, по 'Αθ. Πολ., не являются αὐτοκράτορας, у Аристотеля иной, нежели у Фукидида.

Словомъ, разница между послѣднимъ и 'Αθ. Πολ.—огромная, ясно свидѣтельствующая, что не Фукидидъ служилъ тутъ источникомъ для Аристотеля. Въ нѣсколькихъ отдѣльно взятыхъ мѣстахъ есть, правда, и здѣсь между ними нѣкоторое сходство ¹⁾, но оно объясняется не заимствованіемъ, а самымъ существомъ извѣстій,—общностью первоначальнаго источника, каковымъ въ концѣ концовъ являлись самыя псефизмы и проекты 411 г.

¹⁾ *Thuc.*, VIII, 67:

τούτους δὲ συγγράφοντας γνώμην ἐσενεγκεῖν.... καθ' ὃ τι ἄριστα ἡ πόλις οἰκίησεται.

Ibid.

καὶ ἐσήνεγκαν οἱ συγγραφῆς.... ἐξεῖναι μὲν Ἀθηναίων ἀνεπιεῖν γνώμην ἣν ἂν τις βούληται· ἣν δὲ τις τὸν εἰπόντα ἢ γράψῃται παρανόμων ἢ ἄλλω τῷ τρόπῳ βλάβῃ, μεγάλας ζημίας ἐπέθεσαν.

Thuc., VIII, 65:

ὥς οὔτε μισθοφορητέον εἴη ἄλλους ἢ τοὺς στρατευομένους, οὔτε μεθεκτέον τῶν πραγμάτων κλείουσιν ἢ πεντακισχίλιος, καὶ τούτοις οἱ ἂν μάλιστα τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν ὠφελεῖν οἴοι τε ὦσιν.

Ср. VIII, 68: μήτε μισθοφορεῖν.... καὶ τοὺς πεντακισχίλιος δὲ ξυλλέγειν.....

'Αθ. Πολ., 29:

οἵτινες, ὁμόσαντες ἢ μὴν συγγράφειν ἢ ἂν ἡγῶνται βέλτεστα εἶναι τῇ πόλει, συγγραφῶσι περὶ τῆς σωτηρίας.

Ibid.

τὰς τῶν παρανόμων γραφὰς καὶ τὰς εἰσαγγελίας καὶ τὰς προσκλήσεις ἀνεῖλον, ὅπως ἂν οἱ ἐθέλοντες Ἀθηναίων συμβουλευώσι περὶ τῶν προκειμένων ἐὰν δὲ τις τούτων χάριν ἢ ζημοῖ ἢ προσκαλῆται ἢ εἰσάγῃ εἰς δικαστήριον, ἐνδειξιν αὐτοῦ εἶναι καὶ ἀπαγωγὴν πρὸς τοὺς στρατηγούς, τοὺς δὲ στρατηγούς παραδοῦναι τοῖς ἐνδεκα θανάτῳ ζημῶσαι.

'Αθ. Πολ., 29:

τὰ μὲν χρήματα τὰ προσόντα μὴ ἐξεῖναι ἄλλοις δαπανῆσαι ἢ εἰς τὸν πόλεμον, τὰς δ' ἀρχὰς ἀμισθοὺς ἄρχειν ἀπάσας ἕως ἂν ὁ πόλεμος ᾗ, πλὴν τῶν ἐννέα ἀρχόντων καὶ τῶν πρυτανέων οἱ ἂν ὦσιν..... τὴν δ' ἄλλην πολιτείαν ἐπιτρέψαι πᾶσαν Ἀθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητουργεῖν μὴ ἔλαττον ἢ πεντακισχίλιος.

Въ слѣдующихъ 32 и 33 гл., гдѣ рѣчь идетъ о началѣ правленія 400 и ихъ паденіи, Аристотель, на ряду съ другими источниками, пользуется и Фукидидомъ. Но подобно тому, какъ по отношенію къ Геродоту, онъ и тутъ сохраняетъ извѣстную самостоятельность: комбинируетъ свидѣтельства и выраженія Фукидида съ свидѣтельствами другихъ своихъ источниковъ, отчасти опускаетъ подробности, отчасти дополняетъ и т. д. Напримѣръ, у Аристотеля не только упомянуто имя архонта, при которомъ совершился переворотъ, но и имя предсѣдателя народнаго собранія, который пускалъ проектъ на голоса, и самымъ точнымъ образомъ, съ обозначеніемъ мѣсяца и числа, опредѣляется, когда распущенъ былъ прежній совѣтъ, и когда вступили въ должность 400. Такихъ точныхъ указаній у Фукидида мы не найдемъ. Есть даже разногласіе ¹⁾: по изложенію Фукидида (см., напримѣръ, VIII, 63: ὑπὸ γὰρ τοῦτον τὸν χρόνον καὶ ἔτι πρότερον ἢ ἐν ταῖς Ἀθήναις δημοκρατία καταλύετο, а передъ этимъ въ началѣ 61 гл.: τοῦ δ' ἐπιγυρομένου θεροῦς ἅμα τῷ ἤρῃ εὐθὺς ἀρχομένῃ, и въ началѣ 63 гл.: ἐν τούτῳ δὲ...) выходить, что демократія отмѣнена была раннею весною 411 г., а по Аристотелю—14 Фаргеліона. Фукидидъ подробно описываетъ (VIII, 69) тѣ мѣры предосторожности, которыя приняты были олигархами при вступленіи въ управление и смѣнѣ прежняго совѣта; у него 400 являются въ булевтерій каждый съ скрытымъ кинжаломъ, въ сопровожденіи отряда юношей, заставляють удалиться прежній совѣтъ, уплативъ его членамъ жалованье за все остальное время, и тотчасъ вступаютъ въ должность. У Аристотеля же ходъ дѣла представленъ иначе: по его словамъ, прежній совѣтъ былъ распущенъ за недѣлю до вступленія въ должность новаго; о мѣрахъ предосторожности у него нѣтъ ни слова; кромѣ 400, онъ упоминаетъ еще о 10 „автократорахъ“ (μετὰ τῶν δέκα αὐτοκρατόρων), которыхъ Фукидидъ не знаетъ. Но оба противопологаютъ совѣтъ, „избранный посредствомъ жребія“, совѣту 400, революціонному ²⁾. Оба отмѣчаютъ нѣ сходныхъ выраженійхъ, черезъ сколько лѣтъ по изгнаніи тирановъ установлена была олигархія. Аристотель называетъ главными виновниками переворота тѣхъ же олигарховъ (за исключеніемъ только

¹⁾ *Wilamowitz-Moellendorff*, I, 105.

²⁾ *Thuc.*, VIII, 66:

δῆμος μέντοι ὅμως ἔτι καὶ βουλὴ ἢ ἀπὸ τοῦ κυάμου ἐναλλάττετο.

VIII, 69: οἱ τετρακώσιοι..... ἐπέστρεψαν τοῖς ἀπὸ τοῦ κυάμου βουλευταῖς.

'Αθ. Πολ., 32:

ἔδει δὲ τὴν εἰληχυσίαν τῷ κυάμῳ βουλήν εἰσιέναι.....

Фринниха) и въ томъ даже порядкѣ ¹⁾, что и Фукидидъ. Подробной характеристики ихъ, имѣющейя у послѣдняго, Аристотель здѣсь не даетъ, хотя его отзывъ о дарованіяхъ ихъ соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ отзыву Фукидида ²⁾. Но въ мнѣніи о Θераменѣ они все-таки расходятся, такъ какъ съ точки зрѣнія Фукидида Θераменъ былъ двуличный, вѣроломный эгоистъ, руководившійся лишь честолюбіемъ ³⁾. Сходно съ Фукидидомъ говорить въ этомъ мѣстѣ Аристотель и о *лишь номинальномъ* избраніи 5.000 ⁴⁾. Есть совпаденія даже между краткимъ, сухимъ сообщеніемъ Аристотеля о вступленіи 400 въ бу-

¹⁾ *Wilamowitz-Moellendorf*, *Ag. und Athen*, I, 100.

²⁾ *Thuc.*, VIII, 68:

ἦν δὲ ὁ μὲν τὴν γνώμην ταύτην εἰπὼν Πείσανδρος... ὁ μὲντοι ἅπαν τὸ πρᾶγμα ζυνηθείς ἔτι τρώπῳ κατέστη ἐς τοῦτο καὶ ἐκ πλείστου ἐπιμεληθείς Ἀντιφῶν ἦν, ἀνὴρ Ἀθηναίων τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀρετῇ τε οὐδενὸς ὑστερος καὶ κράτιστος ἐνθυμηθῆναι γενόμενος καὶ ἂν γνοίη εἰπεῖν... παρέσχε δὲ καὶ Φρύνηχος ἑαυτὸν πάντων διαφερόντως προθυμότατον ἐς τὴν ὀλιγαρχίαν... καὶ Θηραμένης ὁ τοῦ Ἄγνωτος ἐν τοῖς συγκαταλύουσι τὸν δῆμον πρῶτος ἦν, ἀνὴρ οὐτ' εἰπεῖν οὔτε γινῶναι ἀδύνατος. ὥστε ἀπ' ἀνδρῶν πολλῶν καὶ ξυνεθῶν πραχθὲν τὸ ἔργον οὐκ ἀπεικότως, καίπερ μέγα ὄν, προχώρησεν· χαλεπὸν γὰρ ἦν τὸν Ἀθηναίων δῆμον ἐπ' ἔτει ἑκατοστῶν μάλιστα ἐπειδὴ οἱ τύραννοι καταλύθησαν ἐλευθερίας παῦσαι.

³⁾ Ср. Ἀθ Πολ., 28, в *Thuc.*; VIII, 89 сл.; *Heller*, p. 44.

⁴⁾ *Thuc.*, VIII, 89:

ἀλλὰ τοὺς πεντακισχίλιους ἔργῳ καὶ μὴ ὀνόματι χρῆναι...

Ср. VIII, 92: ἐπεκρύπτοντο γὰρ ἕως ἐτι τῶν πεντακισχιλίων τῷ ὀνόματι... καὶ οἱ τετρακόσιοι... οὐκ ἤθελον τοὺς πεντακισχίλιους οὐτ' εἶναι οὔτε μὴ ὄντας δῆλους εἶναι...

¹⁾ *Аθ. Пол.*, 32:

ἔτερον δ' ὑστερον τῆς τῶν τυράνων ἐκβολῆς μάλιστα ἑκατόν, αἰτίων μάλιστα γενομένων Πείσανδρου καὶ Ἀντιφῶντος καὶ Θηραμένου, ἀνδρῶν καὶ γεγενημένων εὐ καὶ συνέσει καὶ γνώμῃ δοκούντων διαφέρειν.

¹⁾ *Аθ. Пол.*, 32:

οἱ μὲν πεντακισχίλιοι λόγῳ μόνον ἤρέθησαν.

У Аристотеля есть, впрочемъ, нѣкоторая путаница и противорѣчіе: въ другомъ мѣстѣ (гл. 32 въ самомъ началѣ) онъ говоритъ такъ, какъ будто эти 5.000 дѣйствительно существовали. Намъ придется этого еще касаться; пока же замѣтимъ, что, быть можетъ, нѣкоторое объясненіе намъ дадутъ слова Фукидида въ концѣ 92 гл. (VIII кн.), напримѣръ, цитированныя выше: οὐκ ἤθελον τοὺς πεντακισχίλιους οὐτ' εἶναι οὔτε μὴ ὄντας δῆλους εἶναι, изъ коихъ видно, въ какой неизвѣстности находились аѳяне относительно 5.000.

левтерій и подробнымъ разказомъ Фукидида, при всемъ ихъ отличіи, о которомъ мы выше говорили ¹⁾. О мирныхъ переговорахъ со спартанцами, о которыхъ Фукидидъ говоритъ не разъ и съ немалыми подробностями, упоминаетъ и Аристотель, хотя вкратцѣ ²⁾; но за то онъ сообщаетъ при этомъ объ условіяхъ обѣихъ сторонъ, тогда какъ Фукидидъ говоритъ о нѣсколькихъ посольствахъ, но требованій ихъ не обозначаетъ ³⁾. О переговорахъ олигарховъ съ войскомъ, стоявшимъ у Самоса, и съ Алкивіадомъ, чему у Фукидида отведено видное мѣсто. Аристотель совсѣмъ не говоритъ.

33 глава 'Аθ. Пол. составлена преимущественно по Фукидиду. Правда, Аристотель изъ другаго источника заимствуетъ имя архонта олигарховъ и его преемника, архонта возстановленной демократіи, равно какъ и показанія относительно продолжительности архонтства того и другаго и владычества четырехсотъ вообще; онъ опускаетъ подробности, касающіяся паденія олигархіи, напримѣръ, разказъ Фукидида о волненіи противъ олигарховъ, о срытіи Эгетіонійской стѣны; но по существу его сообщенія о паденіи 400 соотвѣтствуютъ изложенію Фукидида; онъ также упоминаетъ, хотя и очень кратко, о битвѣ при Эретріи, о чемъ у Фукидида разказывается такъ подробно ⁴⁾. и объ отпаденіи Евбен ⁵⁾; а замѣчаніе Фукидида о значеніи потери

¹⁾ *Thuc.*, VIII, 70:

οἱ δὲ τετρακόσιοι ἐσελθόντες εἰς τὸ βουλευτήριον..... ἔνεμον κατὰ κράτος τὴν πόλιν.....

²⁾ *Ibid.*; но, по всей вѣроятности, съ извѣстіемъ 'Аθ. Пол. слѣдуетъ сопоставить скорѣе — VIII, 90 (πρέσβεις τε ἀπέσταλλον σφῶν εἰς τὸν Λακεδαιμόνα καὶ τὴν ὁμολογίαν προὔθυμοῦντο..... καὶ ἀπέσταλαν μὲν Ἀντιφῶντα καὶ Φρόνιχον καὶ ἄλλους δέκα κατὰ τάχος..... ἐπεστείλαντες παντὶ τρόπῳ, ὅστις καὶ ὁποσοῦν ἀνεκτός, ἐναλλαγῆναι πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους....) и 91 (ἐκ τῆς Λακεδαιμόνος πρέσβεις οὐδὲν πράξαντες ἀνεχώρησαν.....).

³⁾ *Wilamowitz-Moellendorf*, *Arist. und Athen*, I, 101.

⁴⁾ Описанію битвы Фукидидъ посвящаетъ цѣлую главу (VIII, 95), Аристотель же ограничивается одною фразою (гл. 33): ἡττηθέντες δὲ τῇ περὶ Ἐρετρίαν ναυμαχίᾳ...

⁵⁾ *Thuc.*, *ibid.*:

καὶ ὕστερον οὐ πολλῶν Εὐβοιᾶν τε ἀπασαν ἀποστήσαντας πλὴν Ὀρεοῦ.

'Аθ. Пол., 32:

οἱ δὲ τετρακόσιοι μετὰ τῶν δέκα αὐτοκρατόρων εἰσελθόντες εἰς τὸ βουλευτήριον ἤρχον τῆς πόλεως, καὶ πρὸς Λακεδαιμονίους πρεσβευσάμενοι καταλύοντο τὸν πόλεμον ἐφ' οἷς ἐκότεροι τυγχάνουσι ἔχοντες. οὐχ ὑπακουσάντων δ' ἐκείνων εἰ μὴ καὶ τὴν ἀρχὴν τῆς θαλάττης ἀφήσοιεν, οὕτως ἀπέστησαν.

'Аθ. Пол., 33:

καὶ τῆς Εὐβοίας ἀποστάσης ὅλης πλὴ Ὀρεοῦ.

последней для Атики и его отзвѣвъ объ умѣренной демократіи 5.000, установленной по низверженіи 400, Аристотель повторяетъ дословно, или, по крайней мѣрѣ, въ сходныхъ выраженіяхъ ¹⁾.

Наконецъ, напомнимъ, что Аристотелево выраженіе *σημαῖον δὲ* вполне находить себѣ соотвѣтствіе въ выраженіи Фукидида *τακμήριον δὲ*, и что самые приемы историка аѳинской политіи аналогичны съ приемами историка Пелопоннесской войны ²⁾.

Аристотель и Ксенофонтъ.

Если пользованіе Геродотомъ и Фукидидомъ со стороны Аристотеля въ 'Αθ. Пол. является фактомъ очевиднымъ и безспорнымъ, то далеко не такъ ясно отношеніе Аристотеля къ третьему историку, къ *Ксенофонту*. Здѣсь возможны сомнѣнія и разногласія. И дѣйствительно, по мнѣнію однихъ, напримѣръ, Виламовица ³⁾ и Гильберта ⁴⁾, Аристотель не пользовался „*Hellenica*“; по мнѣнію другихъ ⁵⁾, онъ „навѣрное“ имѣлъ въ виду Ксенофонта и у него заимствовалъ нѣкоторыя извѣстія. Дѣло въ томъ, что между изложеніемъ Аристотеля и изложеніемъ Ксенофонта обнаруживается большая разница и разно-

¹⁾ *Thuc.*, VIII, 96:

τοῖς δ' Ἀθηναίοις ὡς ἦλθε τὰ περὶ τὴν Εὐβοίαν γεννημένα, ἐκκλησίᾳ μεγίστῃ δὴ τῶν πρὶν παρίστη..... τοσαύτῃ ἢ συμφορᾷ ἐπεγεγένητο, ἐν ᾗ αὐτὸς τε καὶ τὸ μέγιστον Εὐβοίαν ἀπολωλέκεσαν, ἐξ ἧς πλείω ἢ τῆς Ἀττικῆς ὠφελούντο..... Ο Θεραμενῆς ἢ Αριστοκράτῃς см. VIII, 92, о паденіи 400—гл. 89—97, въ особенноти 97: τοὺς τετρακοσίους καταπαύσαντες τοῖς πεντακισχίλοις ἐψηφίσαντο τὰ πράγματα παραδοῦναι—εἶναι δὲ αὐτῶν ὅποσοι καὶ δπλα παρίχονται—καὶ μισθὸν μηδένα φέρειν μηδεμίαν ἀρχὴν..... καὶ οὐχ ἤμιστα δὴ πρῶτον χρόνον ἐπὶ γέμου Ἀθηναῖοι φαίνονται εὐ πολιτεύσαντες....

'Αθ. Пол., 33:

χαλεπῶς ἐνεγκόντες ἐπὶ τῇ συμφορᾷ μέγιστα τῶν προγεγενημένων (πλείω γάρ ἐκ τῆς Εὐβοίας ἢ τῆς Ἀττικῆς ἐτύγχανον ὠφελούμενοι) κατέλυσαν τοὺς τετρακοσίους καὶ τὰ πράγματα παρέδωκαν τοῖς πεντακισχίλοις τοῖς ἐκ τῶν δπλων, ψηφισάμενοι μηδεμίαν ἀρχὴν εἶναι μισθοφόρον. αἰτιώτατοι δ' ἐγένοντο τῆς καταλύσεως Ἀριστοκράτης καὶ Θεραμενῆς, οὐ συναρεσκόμενοι τοῖς ὑπὸ τῶν τετρακοσίων γιγνομένοις· ἅπαντα γάρ δι' αὐτῶν ἐπραττον, οὐδὲν ἐπαναφέροντες τοῖς πεντακισχίλοις. δοκοῦσι δὲ καλῶς πολιτευθῆναι κατὰ τοῦτους τοὺς καιροὺς, πολέμου τε καθεστῶτος καὶ ἐκ τῶν δπλων τῆς πολιτείας οὔσης.

²⁾ См. предыдущія статьи: „Вопросъ о новооткрытой 'Αθην. Πολιτεία“.

³⁾ *Arist. und Athen* (напр., I, 166).

⁴⁾ *Handbuch d. griech. Staatsalterthümer*², Einleitung, S. XXII.

⁵⁾ *Bauer*, *Lit. u. hist. Forsch.*, 151 ca.; *Heller*, p. 44 sq.; *Keil*, 200 (считаетъ „возможнымъ“).

гласіе, а если мѣстами и замѣчается сходство, то оно или слишкомъ отрывочно, или объясняется тѣмъ, что у того и другаго былъ общій источникъ ¹⁾).

Такъ, въ своемъ краткомъ сообщеніи о процессѣ стратеговъ послѣ битвы при Аргинусахъ, Аристотель совершенно отступаетъ отъ подробнаго разказа Ксенофонта въ томъ, что, по его словамъ, „всѣ 10 стратеговъ“ были осуждены (гл. 34), по Ксенофону же—только 8, изъ коихъ въ дѣйствительности подверглись казни только 6, находившіеся въ то время въ Аѳинахъ (I, 7, 34). Если же и попадаются здѣсь сходныя слова, то лишь отдѣльныя, ничего поэтому не доказывающія, и при томъ въ частностяхъ обнаруживается все-таки разногласіе. Напримѣръ, выраженіе 'Аѳ. Пол., 34: κριθῆναι μὲν χειροτονίᾳ πάντας, до нѣкоторой степени напоминаетъ намъ слова Hellen. (I, 7, 34): μὲν ψήφῳ ἅπαντας κρίνειν; но въ первомъ случаѣ говорится о хейротоніи, во второмъ—о баллотировкѣ; по Аристотелю выходитъ, какъ будто смертный приговоръ надъ стратегами произнесенъ былъ голосованіемъ; по Ксенофону же, голосованіемъ рѣшенъ былъ только вопросъ, принять ли предложеніе Евриптолема (о томъ, чтобы судить каждаго отдѣльно): τούτων δὲ διαχειροτονοῦμένων τὸ μὲν πρῶτον ἔχραν τὴν Εὐριπτολέμου (ibid.), а смертный приговоръ произнесенъ былъ посредствомъ баллотировки. Выраженіе 'Аѳ. Пол. (ibid): τοὺς δ' ἐπ' ἄλλοτρίας νεὸς σφθέντας, можетъ напомнить слова въ рѣчи Евриптолема, приводимой Ксенофонтомъ (I, 7, 32): „αἷς τῶν ἡμετέρων στρατηγῶν ἐπὶ καταδόσης νεὸς σφθείς“, но у Ксенофонта говорится объ одномъ стратегѣ, а у Аристотеля о нѣсколькихъ. И въ 'Аѳ. Пол. (34 гл.) и въ Hellenica (I, 6, 1) упоминается „архонтство Каллія“, во время котораго произошла битва при Аргинусахъ; но у Аристотеля при имени Каллія прибавлено: τοῦ 'Αγγεληθεῶν, для отличія этого Каллія отъ архонта 412—411 г., носившаго то же имя, и это показываетъ, что тутъ Аристотель заимствуетъ не у Ксенофонта, у котораго таковой прибавки нѣтъ, а изъ другаго источника.

Вообще, въ этой части Hellenica лишь одно мѣсто, именно конецъ I книги, обнаруживаетъ несомнѣнное, хотя по формѣ и довольно отдаленное, сходство съ 'Аѳ. Пол., гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніи демоса къ тѣмъ демагогамъ, которые его обманываютъ и наводятъ на

¹⁾ Сравненіе 'Аѳ. Пол. съ Hellen. см. также у *Бауера* (151 сл.) и *Heller'a* (44 сл.).

другое ¹⁾). Но и тутъ трудно сказать, подь вліяніемъ ли Ксенофонта написаны эти строки Аристотелемъ, или же взяты имъ изъ какого либо тенденціознаго источника (о которомъ см. далѣе), или, наконецъ, представляютъ его собственный выводъ изъ извѣстныхъ ему фактовъ.

О мирныхъ предложеніяхъ спартанцевъ и о непомѣрныхъ требованіяхъ аѳинянъ, о которыхъ передаетъ Аристотель въ 34 гл., о противодѣйстви Клеοφона, являющагося „пьянымъ“ въ народное собраніе, у Ксенофонта ничего нѣтъ, а въ разказѣ объ установленіи олигархіи тридцати хотя и можно найдти нѣкоторое сходство ²⁾, но сходство это объясняется самымъ характеромъ извѣстій, передающихъ содержаніе псефизмы, и едва ли Аристотель тутъ что либо заимствовалъ у Ксенофонта: его изложеніе полнѣе; онъ упоминаетъ о партіяхъ и ихъ стремленіяхъ, отмѣчаетъ участіе Лисандра въ дѣлѣ установленія олигархіи (о чемъ Ксенофонтъ прямо не говоритъ), сообщаетъ, кто внесъ псефизму объ установленіи 30-ти, хотя послѣднихъ и не поименовываетъ, какъ Ксенофонтъ (II, 3, 2).

То же можно сказать и относительно характеристики пражленія тридцати у Аристотеля и Ксенофонта. Въ общемъ оба согласны: Аристотель говоритъ, что въ началѣ тридцать преслѣдовали только сикофантовъ и людей дурныхъ, къ удовольствію населенія, а потомъ, когда власть ихъ упрочилась, стали казнить безъ разбора и выдаю-

¹⁾ Ср. *Hell.*, I, 7, 35:

καὶ οὐ πολλῷ χρόνῳ ὕστερον μετέμελε τοῖς Ἀθηναίοις, καὶ ἐψηφίσαντο, οἵτινες τὸν δῆμον ἐξηπάτησαν, προβολὰς αὐτῶν εἶναι, καὶ ἐγγυητὰς καταστῆσαι, ἕως ἂν κριθῶσιν, εἶναι δὲ καὶ Καλλιξενὸν τούτων. προὐβλήθησαν δὲ καὶ ἄλλοι τέτταρες, καὶ ἐδέθησαν ὑπὸ τῶν ἐγγυασαμένων ὕστερον δὲ στάσεώς τινος γενομένης, ἐν ἧ Κλεοφῶν ἀπέθανεν, ἀπέδρασαν οὗτοι, πρὶν κριθῆναι· Καλλιξενὸς δὲ κατελθὼν ὅτε καὶ οἱ ἐκ Πειραιῶος εἰς τὸ ἄστυ, μισοῦμενος ὑπὸ πάντων λιμῶ ἀπέθανεν.

²⁾ *Hell.*, II, 8, 2:

ἔδοξε τῷ δήμῳ τριάκοντα ἄνδρας εἰσεῖναι, οἱ τοὺς πατρίους νόμους ἔγγράφουσι, καθ' οὓς πολιτεύσουσι. Ср. II, 8, 11: αἰρεθέντες δὲ ἐφ' ᾧ τε ἔγγράφαι νόμους, καθ' οὓσιν πολιτεύουσιντο...

II, 8, 1:

Πυθοδώρου δ' ἐν Ἀθῆναις ἀρχοντος...

¹ *Аθ. Пол.*, 34:

ἐξαπατηθέντος τοῦ δήμου διὰ τοὺς παροργίσαντας..... τὸ δὲ πλῆθος οὐχ ὑπήκουσεν ἐξαπατηθέντος ὑπὸ Κλεοφῶντος....., и раньше, гл. 28, по поводу Клеοφона и Каликрата: τούτων μὲν οὖν ἀμφοτέρων θάνατον κατέγνωσαν ὕστερον· εἰθὲν γάρ, κἂν ἐξαπατηθῆ τὸ πλῆθος, ὕστερον μισεῖν τοὺς τε προσαγομένους καὶ αὐτοὺς τῶν μὴ καλῶς ἐχόντων.

¹ *Аθ. Пол.*, 34:

ἐφ' ᾧ τε πολιτεύονται τὴν πατριὸν πολιτείαν.

¹ *Аθ. Пол.*, 35:

Πυθοδώρου ἀρχοντος.

щихся по своему состоянію и положенію гражданъ, отчасти изъ опасенія, отчасти по корыстнымъ побужденіямъ. То же въ сущности находимъ мы и у Ксенофонта ¹⁾. Но, во первыхъ, и тутъ сходство касается больше общаго содержанія и не на столько близко и характерно, чтобы служить доказательствомъ заимствованія однимъ у другаго. А, восторыхъ, изложеніе 'АѠ. Пол. не такъ общо,—подробнѣе и, такъ сказать, опредѣленнѣе. Такъ, у Ксенофонта сказано, что тридцать „установили совѣтъ и прочія власти, по своему усмотрѣнію“; Аристотель же указываетъ, изъ кого были избраны эти „власти“, и перечисляетъ должностныхъ лицъ, служившихъ опорой и орудіемъ тридцати ²⁾. Аристотель сообщаетъ (чего совѣтъ нѣтъ у Ксенофонта) о

¹⁾ *Hell.*, II, 3, 12:

ἔπειτα πρῶτον μὲν οὐς πάντες ἦδεσαν ἐν τῇ δημοκρατίᾳ ἀπὸ συκοφαντίας ζῶντας καὶ τοῖς καλοῖς καὶ ἀγαθοῖς βραβεῖς ὄντας, συλλαμβάνοντες ὑπῆγον θανάτου· καὶ ἦ τε βουλή ἠδέεσεν αὐτῶν κατεψήφιστο οἳ τε ἄλλοι ὅσοι ἐξηγήδεσαν ἑαυτοῖς μὴ ὄντας τοιοῦτοι οὐδὲν ἤχθοντο.....

§ 14: οἳ δ' ἐπεὶ τὴν φρουρὰν ἔλαβον, τὸν μὲν Καλλίβιον ἐθεράπευον πάσῃ θεραπείᾳ, ὡς πάντα ἐπανοίῃ ἃ πράττειν, τῶν δὲ φρουρῶν τούτου ἐμπέμποντος αὐτοῖς οὐς ἐβούλοντο ἐνελάμβανον αὐκέτι τοὺς πονηροὺς τε καὶ ὀλίγους ἀξίους, ἀλλ' ἦδη οὐς ἐνόμιζον ἤκιστα μὲν παρωθουμένους ἀνέχεσθαι, ἀντιπραττεῖν δὲ τι ἐπιχειροῦντας πλείστους ἂν τοὺς ἐνεθέλοντας λαμβάνειν.....

Ср. § 15: ἐπὶ τὸ πολλοὺς ἀποκτείνειν....; § 17: ἐπεὶ δὲ ἀποθνησκόντων πολλῶν καὶ ἀδίκως....; § 21: ὡς ἐξὸν ἦδη ποιεῖν, αὐτοῖς ὅτι βούλοντο, πολλοὺς μὲν ἔχθρας ἕνεκα ἀπέκτεινον, πολλοὺς δὲ χρημάτων.

²⁾ *Hellen.*, II, 3, 11.

τούτους μὲν (то-есть, νόμους, καθ' οὐσιν-нас πολιτεύσειν) δεῖ ἐμελλον συγγράφειν τε καὶ ἀποδεικνύειν, βουλὴν δὲ καὶ τὰς ἄλλας ἀρχὰς κατέστησαν ὡς ἐδῶκε αὐτοῖς.

'АѠ. Пол., 35:

τὸ μὲν οὖν πρῶτον μέτριοι τοῖς πολιταῖς ἦσαν καὶ προσεποιοῦντο διώκειν τὴν πάτριον πολιτείαν..... καὶ τοὺς συκοφάντας καὶ τοὺς τῷ δήμῳ πρὸς χάριν ὀμλοῦντας παρὰ τὸ βέλτιστον καὶ κακοπράγμονας ὄντας καὶ πονηροὺς ἀνθρώπων, ἐφ' οἷς ἔχαιρεν ἡ πόλις γιγνομένοις, ἠγοῦμενοι τοῦ βελτίστου χάριν ποιεῖν αὐτούς. ἐπεὶ δὲ τὴν πόλιν ἐγχεράτεστον ἔσχον, οὐδενὸς ἀπέκτεινον τῶν πολιτῶν, ἀλλ' ἀπέκτεινον τοὺς καὶ ταῖς οὐσίαις καὶ τῷ γένει καὶ τοῖς ἀξιώμασιν προέχοντας, ὑπεξαιρούμενοι τε τὸν φόβον καὶ βουλόμενοι τὰς οὐσίας διαρπαζέειν καὶ χρόνου διαπεσόντος βραχέος, οὐκ ἐλάττους ἀνηρήκεσαν ἢ χιλίους πεντακοσίους.

'АѠ. Пол., 35:

τὰ μὲν ἄλλα τὰ δόξαντα περὶ τῆς πολιτείας παρειῶρων, πεντακοσίους δὲ βουλευτὰς καὶ τὰς ἄλλας ἀρχὰς καταστήσαντες ἐκ προκρίτων ἐκ τῶν χιλίων (по К.-В. ἐκ προκρίτων πεντακισχιλίων), καὶ προελόμενοι σφίσιν αὐτοῖς τοῦ Πειραιεῖος ἀρχοντας δέκα καὶ τοῦ δεσποτηρίου φύλακας ἕνδεκα καὶ μαστιγοφοροὺς τριακοσίους ὑπῆρτας, κατεῖχον τὴν πόλιν δι' ἑαυτῶν.

перемиѣнѣ въ законодательствѣ, о вынесеніи изъ ареопага Эфіальтовъ и Архестратовыхъ законовъ, касавшихся ареопагитовъ, объ отмѣнѣ оговорокъ къ Солоновымъ законамъ, дававшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ, и объ уничтоженіи компетенціи суда дикастовъ по такимъ дѣламъ; Аристотель приводитъ и самыя эти оговорки ('Αθην. Πολ., 35). У него показано число казненныхъ при тридцати (гл. 35 въ концѣ), между тѣмъ какъ Ксенофонтъ говоритъ неопредѣленно— πολλοί (II, 3, 15, 17). Есть и прямое отступленіе. Ксенофонтъ, сказавъ о преслѣдованіи сикофантовъ тридцатью, сообщаетъ затѣмъ о прибытіи изъ Спарты, по просьбѣ олигарховъ, отряда подъ начальствомъ Каллибія и въ связь съ этимъ ставитъ самую перемиѣну въ образѣ дѣйствій тридцати. Аристотель же эту перемиѣну объясняетъ вообще усиленіемъ олигарховъ (ἐπεὶ δὲ τὴν πόλιν ἐχράτεστορον ἔσχον), о прибытіи же Каллибія въ нашей 'Αθ. Πολ. говорится гораздо дальше, уже послѣ казни Θерамена, и если даже согласиться съ предположеніемъ ¹⁾, что извѣстіе это въ дошедшей до насъ рукописи стоитъ не на надлежащемъ мѣстѣ, то все-таки нѣкоторое разногласіе съ Ксенофонтомъ остается, какъ справедливо замѣчаетъ *Heller* (р. 47): по Ксенофону тридцать обращаются въ Спарту за помощью еще тогда, когда Θерамень былъ съ ними въ полномъ согласіи, и терроръ не начинался; по Аристотелю же, разрывъ съ Θераменомъ во всякомъ случаѣ тогда уже совершился, ибо, по его словамъ, олигархи отправляютъ посольство въ Спарту не только съ просьбою о помощи, но и съ *обвиненіями противъ Θерамена*.

Очевидно, слѣдовательно, что не Ксенофонтъ лежитъ въ основаніи 35 гл. 'Αθ. Πολιτεία.

Въ сущности во всемъ трактатѣ есть только одна глава, гдѣ близость къ Ксенофону бросается въ глаза. Это—гл. 36, въ которой рѣчь идетъ о „трехъ тысячахъ“ и объ оппозиціи Θерамена ²⁾.

¹⁾ Объ этомъ см. предыдущую статью („Вопр. о новооткрытой 'Αθ. Πολ.“), а также и впереди.

²⁾ Ср. *Hell.* II, 3, 17—19:
ἐπεὶ δὲ ἀποθνησχόντων πολλῶν καὶ ἀδικῶς πολλοὶ δῆλοι ἦσαν ἐπιστάμενοί τε καὶ θαυμάζοντες τί ἔσοιτο ἢ πολιτεία, πάλιν ἔλεγεν ὁ Θηραμένης ὅτι εἰ μὴ τις κοινωνοῦς ἰκανοῦς λήψοιτο τῶν πραγμάτων, ἄδύνατον ἔσοιτο τὴν ὀλιγαρχίαν διαμένειν. ἐκ τούτου μέντοι Κριτίας καὶ οἱ ἄλλοι τριάκοντα, ἦδη

'Αθ. Πολ., 36:
οὕτως δὲ τῆς πόλεως ὑποφερομένης, Θηραμένης ἀγανακτῶν ἐπὶ τοῖς γιγνομένοις τῆς μὲν ἀσελγείας αὐτοῖς παρῆναι παύσασθαι, μεταδοῦναι δὲ τῶν πραγμάτων τοῖς βελτίστοις. οἱ δὲ πρῶτον ἐναντιωθέντες, ἐπεὶ διεσπάρησαν οἱ λόγοι πρὸς τὸ πλῆθος καὶ πρὸς τὸν Θηραμένην οἰκείως εἶχον οἱ πολλοί,

Именно это мѣсто дало поводъ *Heller*'у (р. 45) утверждать, что Аристотель „навѣрное“ пользовался *Hellenica* ¹⁾. И дѣйствительно, сходство между ними здѣсь значительное и очевидное. Тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ оно ничего не доказываетъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, что Аристотель (какъ справедливо отмѣтилъ и *Heller*) употребляетъ свои любимыя слова (напримѣръ, μεταδούναί τοῖς ἐπιεικέσι тамъ, гдѣ у Ксенофонта говорится τοὺς βελτίστους); что у него меньше подробностей, что нѣтъ у него тѣхъ прямыхъ рѣчей, съ которыми, по Ксенофону, Θерамень еще раньше обращался къ Критію; что выражается онъ болѣе сжато ²⁾,—все это вполне согласуется съ обычными его приемами, которые намъ уже хорошо знакомы изъ предшествующаго сличенія 'АѠ. Пол. съ Геродотомъ и Фукидидомъ,—а дѣло въ томъ, что наиболѣе яркое и характерное сходство между Аристотелемъ и Ксенофонтомъ обнаруживается тамъ, гдѣ они приводятъ *собственные слова Θерамени*. Эти же слова могли быть дѣйствительно произнесены послѣднимъ и многими услышаны, а затѣмъ они легко могли сдѣлаться достояніемъ преданія, переходя изъ устъ въ уста или изъ одного сочиненія въ другое, и такимъ образомъ Аристотель могъ ихъ взять и не у Ксенофонта, а у кого либо другаго ³⁾.

φοβοῦμενοι καὶ οὐκ ἤμισα τὸν Θηραμένην, μὴ συρρεῖνσαν πρὸς αὐτὸν οἱ πολῖται, καταλέγουσι τρισχιλίους τοὺς μετέξοντας δη τῶν πραγμάτων. ὁ δ' αὖ Θηραμένης καὶ πρὸς ταῦτα ἔλεγεν ὅτι ἀτοπον δοκοῖη ἑαυτῷ γε εἶναι τὸ πρῶτον μὲν βουλομένους τοὺς βελτίστους τῶν πολιτῶν κοινωνοὺς ποιήσασθαι τρισχιλίους, ὥσπερ τὸν ἀριθμὸν τοῦτον ἔχοντά τινα ἀνάγκην καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς εἶναι, καὶ οὐτ' ἔξω τούτων σπουδαίους οὐτ' ἐντὸς τούτων πονηροὺς οἷόν τε εἶη γενέσθαι· ἔπειτα δ', ἔφη, ὄρω ἔγωγε δύο ἡμᾶς τὰ ἐναντιώτατα πρᾶττοντας, βίαιαν τε τὴν ἀρχὴν καὶ ἥττονα τῶν ἀρχομένων κατασκευαζομένων.

φοβηθέντες μὴ προστάτης γενόμενος τοῦ δήμου καταλύσῃ τὴν δυναστείαν καταλέγουσιν τῶν πολιτῶν τρισχιλίους ὡς μεταδώσοντες τῆς πολιτείας. Θηραμένης δὲ πάλιν ἐπιτιμᾷ καὶ τούτους, πρῶτον μὲν ὅτι, βουλομένοι μεταδούναί τοῖς ἐπιεικέσι, τρισχιλίους μόνοις μεταδίδασσι, ὡς ἐν τούτῳ τῷ πλήθει τῆς ἀρετῆς ὠρισμένης, ἔπειθ' ὅτι δύο τὰ ἐναντιώτατα ποιοῦσιν, βίαιόν τε τὴν ἀρχὴν καὶ τῶν ἀρχομένων ἥττω κατασκευάζοντες.

¹⁾ Ср. *Keil*, Die Sol. Verf., 200, прим.

²⁾ Сравн. ὥσπερ τὸν ἀριθμὸν τοῦτον ἔχοντά τινα ἀνάγκην καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς εἶναι, καὶ οὐτ' ἔξω τούτων σπουδαίους οὐτ' ἐντὸς τούτων πονηροὺς οἷόν τε εἶη γενέσθαι — у Ксенофонта и соответствующее этому краткое выраженіе у Аристотеля: ὡς ἐν τούτῳ τῷ πλήθει τῆς ἀρετῆς ὠρισμένης.

³⁾ Ср. *Gilbert*¹, I, стр. XXII; *Wilamowitz-Moellendorff*, I, 166; *Ed. Meyer*, въ рецензіи на трудъ Вилламовица (*Lit. Centralbl.*, 1894, № 3).

Если же исключить слова Оерамена, то во всей рассматриваемой главѣ 'Αθ. Πολ. останется лишь двѣ-три отдѣльныхъ и не особенно характерныхъ фразы, напоминающія Ксенофонта (φοβούμενοι въ Hell. и φοβηθέντες въ 'Αθην. Πολ., καταλέγουσι τρισχιλίους въ Hell. и καταλέγουσιν τῶν πολιτῶν τρισχιλίους въ 'Αθην. Πολ.; ὁ δ' αὖ Θηραμένης въ Hell. и Θηραμένης δὲ κάλιν въ 'Αθην. Πολ.).

Въ слѣдующей 37 гл. трактата мы видимъ опять разницу по сравненію съ изложеніемъ Hellenica. Правда, слова Аристотеля объ отнятіи оружія у всѣхъ аѳинянъ, за исключеніемъ 3.000, совпадаютъ съ словами Ксенофонта ¹⁾. Но это тождественное по содержанію и по формѣ извѣстіе приурочено къ разнымъ моментамъ: по Ксенофонту, обезоруженіе гражданъ предшествуетъ казни Оерамена; по Аристотелю же, до этой казни тридцать лишь *рѣшаются* отнять оружіе у населенія, приводятъ же въ исполненіе свое рѣшеніе уже послѣ гибели Оерамена (ἀναρεθίνος δὲ Θηραμένου), при чемъ только послѣ этого наша 'Αθ. Πολ. говоритъ о посольствѣ олигарховъ въ Спарту и о прибытіи Каалибія съ отрядомъ, что, какъ мы видѣли, противорѣчитъ Hellenica. А замѣчанія Аристотеля и Ксенофонта объ усиленіи произвола и жестокости тридцати сходны лишь по общему смыслу. Затѣмъ, по Аристотелю, занятіе Филы Θрасибуломъ и побѣда надъ отрядомъ олигарховъ предшествуютъ казни Оерамена и даже какъ бы служатъ однимъ изъ поводовъ къ ней, по Ксенофонту же—наоборотъ (II, 4, 2—7); и при томъ у него стычка у Филы описывается очень подробно, а Аристотель передаетъ лишь суть дѣла въ нѣсколькихъ словахъ: κατὰ τὴν στρατιάν ἣν ἐξήγαγον οἱ τριάκοντα κακῶς ἀποχωρήσαντες.... Но наиболѣе рѣзкая разница обнаруживается между ними въ разказѣ о гибели Оерамена: Аристотель излагаетъ этотъ эпизодъ совершенно иначе, гораздо проще и, такъ сказать, прозаичнѣе; о тѣхъ рѣчахъ, которыя приводитъ Ксенофонтъ, о той эффектной драматической сценѣ, которая такъ извѣстна по „Hellenica“, у него нѣтъ и помину. Онъ говоритъ о двухъ внесенныхъ въ совѣтъ законахъ, которые направлены были противъ Оерамена; у Ксенофонта же на первый изъ этихъ

¹⁾ Hell., II, 3, 20:

τὰ δπλα πάντων πλην τῶν τρισχιλίων παρείλοντο.

II, 4, 1: Θηραμένης μὲν δὴ οὕτως ἀπέθανεν οἱ δὲ τριάκοντα, ὡς ἐξὸν ἦδη αὐτοῖς τυραννεῖν ἀδεῶς κτλ.

'Αθ. Πολ., 37:

ἀναρεθίνος δὲ Θηραμένου τὰ τε δπλα παρείλοντο πάντων πλην τῶν τρισχιλίων, καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις πολὺ πρὸς ὁμοτητα καὶ πονηρίαν ἐπέθεσαν....

законовъ есть указаніе лишь въ приводимой имъ рѣчи Критія ¹⁾, а о второмъ совѣмъ не упоминается, при чемъ замѣтное совпаденіе выраженій у Аристотеля и Ксенофонта въ первомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что оба воспроизводятъ слова самого закона.

Сравнивая далѣе 38—40 гл. 'АѠ. Пол. съ соответствующею частью *Hellenica*, мы не находимъ ничего такого, что указывало бы на зависимость Аристотеля отъ Ксенофонта. У нихъ есть, правда, сходныя извѣстія, напримѣръ, и въ 'АѠ. Пол. и въ *Hellen.* упоминается, что всадники держали сторону олигарховъ ('АѠην. Пол., 38, и *Hell.*, II, 4, 2, 24 сл.), сообщается о сраженіи въ Мунихіи, объ учрежденіи коллегіи 10, о новомъ посольствѣ олигарховъ въ Спарту и займѣ денегъ, объ условіяхъ мирнаго договора и проч. Но даже и въ такихъ случаяхъ сходство не идетъ далѣе общаго содержанія—передачи однихъ и тѣхъ же фактовъ. У Аристотеля военныя дѣйствія, напримѣръ, изложены несравненно кратче; вмѣсто подробностей о битвѣ въ Мунихіи и тѣхъ рѣчей, которыя приводитъ Ксенофонтъ, мы находимъ у него лишь одну фразу: *νικησάντων μάχη τοὺς μετὰ τῶν τριάκοντα βοηθήσαντας*. Ксенофонтъ говоритъ, что заемъ совершился при содѣйствіи Лисандра, и сообщаетъ сумму его (II, 4, 28); Аристотель выражается болѣе неопредѣленно: *χρήματα δανεῖσόμενοι*, а о нѣкоторыхъ фактахъ, о которыхъ говорится у Ксенофонта, совѣмъ не упоминаетъ, напримѣръ, объ участіи Лисандра въ борьбѣ между олигархами и демократами, о дѣйствіяхъ тиранновъ въ Елевсигѣ (*Hell.*, 18). Съ другой стороны, есть у него здѣсь сообщенія, которыхъ вовсе нѣтъ у Ксенофонта, и даже прямое разногласіе съ послѣднимъ. Ксенофонтъ не упоминаетъ, напримѣръ, объ умерщвленіи Демарета и

¹⁾ Ср. *Hell.*, II, 3, 51:

ἔστι δὲ ἐν τοῖς καινοῖς νόμοις τῶν μὲν ἐν τοῖς τρισχιλίοις ὄντων μὴδένα ἀποθνήσκειν ἄνευ τῆς ὑμετέρας ψήφου, τῶν δ' ἔξω τοῦ καταλόγου κυρίους εἶναι τοὺς τριάκοντα θανατοῦν. ἐγὼ οὖν, ἔφη, Θηραμένην τουτοῖ ἐξαλείψω ἐκ τοῦ καταλόγου, ξυνοδοῦν ἅπανι ἡμῖν. καὶ τοῦτον, ἔφη, ἡμεῖς θανατοῦμεν.

Ср. и § 54: Παραδίδομεν ὑμῖν, ἔφη, Θηραμένην τουτοῖ κατακεκρυμένον κατὰ τὸν νόμον....

Ср. и замѣчаніе *Bauer's* (*Lit.-hist. Forsch.*, S. 164) и *Busolt's* (*Die gr. St. u. Rechtsalterthümer*¹, S. 182, n. 1).

'АѠ. Пол., 37:

νόμους εἰσήνεγκαν εἰς τὴν βουλὴν δύο καλεῦντες ἐπιχειροτονεῖν, ὧν ὁ μὲν εἰς αὐτοκράτορας ἐποίησε τοὺς τριάκοντα τῶν πολιτῶν ἀποκτεῖναι τοὺς μὴ τοῦ καταλόγου μετέχοντας τῶν τρισχιλίων..... ὥστε συνέβαιναν ἐπικυρωθέντων τῶν νόμων ἔξω τε γίνεσθαι τῆς πολιτείας αὐτὸν καὶ τοὺς τριάκοντα κυρίους εἶναι θανατοῦντας.

знаеть одну только коллегію 10, Аристотель же знаеть двѣ. Ксенофонть приписываетъ Павсанію главную роль въ дѣлѣ примиренія демократовъ и олигарховъ, выставляетъ его тутъ иниціаторомъ¹⁾; Аристотель же категорически заявляетъ, что переговоры начались еще до прибытія Павсанія, который лишь привелъ ихъ къ концу²⁾; по Ксенофону, посредниковъ при заключеніи мира со стороны Спарты было 15. по Аристотелю—10. О Рипонѣ у Ксенофонта нѣтъ ни слова. Условія мирнаго договора у Аристотеля изложены обстоятельнѣе и документальнѣе, хотя иполнѣ естественно, что въ этомъ случаѣ въ 'Αθην. Πολ. и въ Hell. попадаются сходныя выраженія, такъ какъ тутъ болѣе или менѣе воспроизводятся слова самаго договора. Подробности о строгомъ соблюденіи договора демократами, о примирительной дѣятельности Архина, чему у Аристотеля посвящена вся 40 глава, у Ксенофонта мы не встрѣчаемъ.

Итакъ, во всей 'Αθ. Πολ. мы находимъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ или фразъ, напоминающихъ Hellenica и какъ бы служащихъ ихъ слабымъ отголоскомъ. Можетъ быть, Аристотель читалъ Ксенофонта, кое-что могъ удержать въ памяти; но не его онъ полагалъ въ основу той части своего трактата, которая посвящена 411—403 годамъ³⁾.

Аристотель и Эфоръ.

Не безспорнымъ является и вопросъ объ отношеніи Аристотеля къ Эфору. Возникъ онъ еще раньше открытія 'Αθ. Πολ., по поводу

¹⁾ Bauer, 158; Heller, 48.

²⁾ гл. 38: οὗτοι γὰρ πρὶν <τε> [ἤ] Παισανίαν [τ'] ἀφικέσθαι διεπέμποντο πρὸς τοὺς ἐν Πειραιεῖ, καὶ ἀφικομένου συναποῦδαςαν τὴν κάθοδον. ἐπὶ πέρας γὰρ ἤγαγε τὴν εἰρήνην καὶ τὰς διαλύσεις Παισανίας ὁ τῶν Λακκεδαίμονίων βασιλεὺς.... (Sandys). Heller усматриваетъ въ этихъ словахъ намѣреніе опровергнуть свидѣтельство Ксенофонта (р. 48).

³⁾ Hell., II, 4, 43: καὶ ὁμοσάντες ὄρκους ἢ μὴν μὴ μνησικαχεῖν..... 'Αθ. Πολ., 39: τῶν δὲ παρεληλυθότων μῆνενι πρὸς μῆδενά μνησικαχεῖν ἐξείναι, πλὴν πρὸς τοὺς τριάκοντα καὶ τοὺς δέκα καὶ τοὺς ἐνδεκα καὶ τοὺς τοῦ Πειραιεῖος ἀρξάντας, μῆδὲ πρὸς τοὺτους ἐὰν διδῶσιν εὐθύνας.....

II, 4, 38: εἰρήνην μὲν ἔχειν ὡς πρὸς ἀλλήλους, ἀπίεναί δὲ ἐπὶ τὰ ἑαυτῶν ἕκαστον πλὴν τῶν τριάκοντα καὶ τῶν ἐνδεκα καὶ τῶν ἐν τῷ Πειραιεῖ ἀρξάντων δέκα.

Замѣтимъ, что Ксенофонть пропускаеть въ своемъ перечисленіи коллегію 10 (первую), тоже, по словамъ Аристотеля, исключенную изъ амнистіи. Бауеръ видитъ въ этомъ преднамѣренную тенденцію и объясняетъ тѣмъ, что Ксенофонть при этихъ десяти служилъ въ отрядѣ всадниковъ (стр. 159).

не только „Политій“, но и „Политики“, именно въ виду сходства нѣкоторыхъ извѣстій, находящихся какъ у Аристотеля, такъ и у Эфора, напримѣръ, касательно Крита (*Ерѣ. fr. 64*), и пока дата 'АѠ. Пол. намъ была неизвѣстна, пока думали, что составленіе „Политій“ предшествовало составленію „Политики“, возможно было предположеніе, не Эфоръ ли черпалъ у Аристотеля¹⁾. Теперь, со времени открытія 'АѠ. Пол., подобное предположеніе, конечно, уже немислимо: если первая (или одна изъ первыхъ) Политія составлена только въ 20-хъ годахъ IV вѣка, то Эфоръ никоимъ образомъ не могъ пользоваться Аристотелевымъ собраніемъ: для него оно появилось слишкомъ поздно. Такимъ образомъ, если признавать извѣстную долю сходства между Аристотелемъ и Эфоромъ и не считать такого сходства простою случайностью, то остается объяснить его или тѣмъ, что Аристотель пользовался Эфоромъ, или тѣмъ, что оба они черпали изъ общаго источника. Бауеръ доказываетъ первое: разногласіе между Аристотелемъ и Ксенофонтомъ онъ тѣмъ и объясняетъ, что Аристотель отдавалъ предпочтенію другому источнику, которому онъ преимущественно и слѣдовалъ въ исторіи 411—403 гг., и такимъ источникомъ, по утверженію Бауера, былъ именно Эфоръ²⁾. Гильбертъ же считаетъ его доводы неубѣдительными (XXII, прим.); а Виламовицъ говоритъ, что въ „Лонинской Политіи“ Аристотель Эфоромъ „конечно“ (*freilich*) не пользовался. Правда, онъ не отрицаетъ, что „Аристотель могъ заглядывать въ толстую книгу Эфора для какой нибудь своей „Политіи“ или для лекцій“, но все-таки „лично онъ скорѣе думаетъ, что Аристотель Эфора не читалъ“, и считаетъ немислимымъ видѣть въ Эфорѣ изслѣдователя, а въ Аристотелѣ—переписчика (I, 305—306). Но допускать, что Аристотель, наряду съ другими источниками, пользовался и Эфоромъ, еще не значитъ низводить его до уровня переписчика: онъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше примѣровъ, никогда механически не списываетъ своего источника. Вообще доводы Виламовица въ сущности чисто апіорные: „здѣсь (то-есть, у Аристотеля),—говоритъ онъ,—Политія—сумма отдѣльныхъ подробностей; тамъ (то-есть, у Эфора) — универсальная исторія; чтó прежде—не по времени, а *πρότερον φύσει*?“ Но, вѣдь, пользовался же

¹⁾ Напримѣръ, см. *Ferd. Dümmler*, *Zu den histor. Arbeiten der ältesten Peripatetiker* (*Rh. Mus.*, 1867, 42 Bd., 187—188, прим.; 193, прим.).

²⁾ *Lit.-hist Forsch.*, 161 сл., 155; ср. *Rühl* въ отзывѣ о книгѣ Bauer'a въ *Woch. f. kl. Phil.*, 1892, № 1; *Э. Р. Шмидтъ*, 39; *Sandys*, p. LV; *Strohl*, 159, 191 прим.

Αριστοτέλης Геродотомъ, трудъ котораго отличался тоже общимъ, до известной степени универсальнымъ характеромъ; почему же онъ не могъ пользоваться Эфоромъ? При томъ, нельзя сказать, чтобы историческая часть Аристотелевой „Полити“ отличалась особенною детальною. Скорѣе можно было бы сослаться на то, что Эфоръ дожилъ до похода Александра въ Азію, что труда своего онъ не окончилъ, такъ какъ послѣднее изъ упоминаемыхъ имъ событій—осада Периннеа, 340 г. (*Diod.*, XIV, 76), а оно не настолько важно, чтобы служить конечною гранью; что, слѣдовательно, „Исторія“ Эфора въ свою очередь появилась слишкомъ поздно для того, чтобы Аристотель могъ ею воспользоваться. Но весьма вѣроятно, что обширный трудъ Эфора выходилъ въ свѣтъ по частямъ ¹⁾, и первыя книги его могли появиться значительно раньше Аристотелевыхъ „Полити“, а если такъ, то вполне естественно, что Аристотель долженъ былъ пользоваться имъ, какъ произведеніемъ известнымъ, составлявшимъ тогда новость и дававшимъ въ обработанномъ видѣ обширный историческій матеріалъ ²⁾.

Какъ бы то ни было, но нѣкотораго сходства между Аристотелемъ и Эфоромъ отрицать нельзя ³⁾, хотя оно и не такъ велико, какъ думаетъ Бауеръ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе 'Αθ. Πολ. съ *Діодоромъ*, излагавшимъ исторію Греціи по Эфору (если держаться болѣе распространеннаго мнѣнія) ⁴⁾.

Такъ, у *Діодора* мы встрѣчаемъ аналогичный разказъ о томъ, какъ Солонъ взывалъ къ противодѣйствию Писистрату ⁵⁾, и анекдотъ о

¹⁾ *Ed. Meyer*, Forschungen zur alten Geschichte, Halle a. S., 1892, стр. 215, прим. 2; *Busolt*, Griech. Gesch.², Gotha, 1893, I, 156.

²⁾ *Ed. Meyer*, стр. 214—215.

³⁾ Ср. *Ed. Meyer*, въ отъѣзѣ о трудѣ *Wilamowitz's*, *Lit. Centralbl.*, 1894, № 3, S. 76.

⁴⁾ Есть, впрочемъ, мнѣніе (менѣе основательное), что главнымъ источникомъ *Діодора* былъ тутъ не Эфоръ, а *Θεопомпъ*. См., напримѣръ, *W. Stern*, *Theopompus, eine Hauptquelle des Diodors* (ср. *Berl. Phil. Woch.*, 1890, № 52, S. 1645 ff.); *Gilbert*, XL, прим. 1.

⁵⁾ Ср. *Diod.*, IX, 8:

ἔρων Πεισιστράτον πρὸς χάριν λόγοις τὰ πλήθη δαμαγῶντα καὶ πρὸς τυραννίδα παρορμῶντα, τὸ μὲν πρῶτον λόγοις ἐπεχείρησεν ἀποτρέπειν ταύτης τῆς ἐπιβολῆς, οὐ προσέχοντος δὲ αὐτοῦ προῆλθεν εἰς τὴν ἀγορὰν μετὰ τῆς πανοπλίας πανταλῶς ἦθη γεγυρα-

'Αθ. Πολ., 14:
λέγεται δὲ Σόλωνα, Πεισιστράτου τὴν φυλακὴν αἰτούντος, ἀντιλέξει καὶ εἰπεῖν ὅτι τῶν μὲν εἶη σοφώτερος, τῶν δ' ἀνδρείωτερος· ἔσοι μὲν γὰρ ἀγνοοῦσι Πεισιστράτον ἐπιτιθέμενον τυραννίδι, σοφώτερος εἶναι τούτων, ἔσοι δ' εἰδότες κατασιωπῶσιν, ἀνδρείωτερος.

Писистратѣ и крестьяннѣ, обработывавшемъ скалы ¹⁾), хотя въ частностяхъ есть тутъ разница. Въ числѣ сыновей Писистрата у Діодора упоминается и Θεσσαλ, но говорится о немъ совсѣмъ не то, что въ 'Αθ. Πολ. ²⁾). Какъ у Аристотеля, такъ и у Діодора, первымъ подкупившимъ дикастовъ, является Аниѣ, хотя въ самыхъ словахъ нѣтъ сходства ³⁾), и, по всей вѣроятности, Аристотель въ данномъ случаѣ замѣтновалъ не у Эфора: у обоихъ былъ лишь общій источникъ. Затѣмъ, замѣчанія Діодора по поводу казни Сократа—о раскаяніи демоса—напоминаютъ сопоставленные нами выше слова Аристотеля въ 28 гл. объ отношеніи демоса къ тѣмъ вождямъ, которые наводятъ его на дурное, и слова Ксенофонта въ концѣ I кн. „Hel-

κός. συνδραμόντος δὲ τοῦ πλήθους πρὸς αὐτὸν διὰ τὸ παράδοξον, παρεκάλει τοὺς πολίτας ἀναλαβεῖν τὰ ὄπλα καὶ παραχρῆμα καταλύειν τὸν τυραννῶν οὐδενὸς δὲ αὐτῶν προσέχοντος, καὶ πάντων αὐτοῦ μανίαν καταγινωσκόντων, τινῶν δὲ παραγγρῶν αὐτὸν ἀποφανομένων, ὁ μὲν Πεισιστράτος ἤδη τινὰς δορυφόρους περιηγόμενος προσῆλθε τῷ Σόλωνι καὶ ἐπέθετο τίνι θαρρῶν τὴν τυραννίδα καταλύειν αὐτοῦ βούλεται, τοῦ δὲ εἰπόντος ὅτι τῷ γῆραι, θαυμάσας τὴν φρόνησιν αὐτοῦ οὐδὲν αὐτὸν ἠδίκησεν.

Ср. 29—30.

¹⁾ *Diod.*, IX, 57:

ὅτι ὁ αὐτὸς διαπορευόμενός ποτε διὰ τῆς χώρας κατενόησεν ἄνθρωπον κατὰ τὸν Ἵμηρτὸν ἐργαζόμενον ἐν χωρίοις λεπτοῖς καὶ ὑπερβολῇ καὶ τραχέσι, θαυμάσας δὲ τὴν φιλεργίαν ἐπεμψε τοὺς ἐρωτήσοντας τί λαμβάνοι τοιαύτην χώραν ἐργαζόμενος. ὧν ποιησάντων τὸ προσταχθέν, ὁ ἐργάτης ἔφησε λαμβάνειν ἐκ τοῦ χωρίου κακὰ ὀδύνας, ἀλλ' οὐθὲν αὐτῷ μέλειν· τούτων γὰρ τὸ μέρος Πεισιστράτῳ δίδονται. ὁ δὲ δυναστής ἀκούσας τὸν λόγον καὶ γελάσας ἐποίησε τὸ χωρίον ἀτελές, καὶ ἐντεῦθεν ἡ παροιμία „καὶ σφάλαι ποιοῦσιν ἀτέλειαν“.

²⁾ *Diod.*, X, 39: ὅτι Θεσσαλὸς ὁ Πεισιστράτου υἱὸς σοφὸς ὑπάρχων ἀπέπειτο τὴν τυραννίδα, καὶ τὴν ἰσότητά ζηλώσας μεγάλης ἀποδοχῆς ἤξιουτο παρὰ τοῖς πολίταις οἱ δὲ ἄλλοι, Ἰππάρχος καὶ Ἰππίας, βίαιοι καὶ χαλεποὶ καθιστώτες ἐτυράνουνον τῆς πόλεως.

³⁾ *Diod.*, XIII, 64:

Ἄνοτος..... πρῶτος Ἀθηναίων δοκεῖ δικαστήριον ἠεροδοκῆσαι....

ἐκεῖ δὲ λέγων οὐκ ἐπειθεν, ἐξαράμενος τὰ ὄπλα πρὸ τῶν θυρῶν αὐτὸς μὲν ἔφη βεβοηθημένα τῇ πατρίδι καθ' ὅσον ἦν δυνατός (ἦδη γὰρ σφόδρα πρεσβύτης ἦν), αἰετοῦν δὲ καὶ τοὺς ἄλλους ταῦτο τοῦτο ποιεῖν. Σόλων μὲν οὖν οὐδὲν ἤνυσεν τότε παρακαλῶν....

'Αθ. Πολ., 16:

τοιαύτης γὰρ τινος ἐξόδου τῷ Πεισιστράτῳ γιγνομένης συμβῆναι φασὶ τὰ περὶ τὸν ἐν τῷ Ἵμηρτῷ γεωροῦντα τὸ κληθὲν ὑστερον χωρίον ἀτελές. ἰδὼν γὰρ τινα καταλλῶ πέτρας σκάπτοντα καὶ ἐργαζόμενον, διὰ τὸ θαυμάζει τὸν παῖδα ἐκέλευεν ἐρέσθαι τί γίγνεται ἐκ τοῦ χωρίου· ὁ δ', ὅσα κακὰ καὶ ὀδύνας, ἔφη, καὶ τούτων τῶν κακῶν καὶ τῶν ὀδυνῶν Πεισιστράτον δεῖ λαβεῖν τὴν δεκάτην. ὁ μὲν οὖν ἄνθρωπος ἀπεκρίνατο ἀγνοῶν, ὁ δὲ Πεισιστράτος ἤσθεις διὰ τὴν παρρησίαν καὶ τὴν φιλεργίαν ἀτελῆ ἀπάντων ἐποίησεν αὐτόν.

'Αθ. Πολ., 17:

πρῶτον καταδειξάντος Ἀνότου.... δεκάσας τὸ δικαστήριον ἀπέφυγεν....

len.“¹⁾ У Аристотеля и Діодора попадаются и отдѣльные сходныя выраженія, напримѣръ, относительно Писистрата ср. *Diod.*, XIII, 95: ἐαυτὸν κατατραυματίσαντα и 'Αθ. Πολ., 14: κατατραυματίσας ἐαυτὸν (ср. *Herod.*, I, 59); о смерти Эфиальта—ср. *Diod.*, XI, 77: ἀναιρεθείς, и 'Αθ. Πολ., 25: ἀνηρέθη; о низложеніи 400 ср. *Diod.*, XIII, 88: τὴν ἐκ τῶν τετρακοσίων ὀλιγαρχίαν κατέλυσαν, и 'Αθ. Πολ., 33: κατέλυσαν τετρακοσίους. Но не останавливаясь на подобныхъ совпаденияхъ, какъ недостаточно характерныхъ и ничего еще не доказывающихъ, и на томъ различіи, которое обнаруживается и въ хронологіи, и въ самомъ изложеніи Аристотеля и Діодора²⁾, мы коснемся подробнѣе лишь ихъ свидѣтельствъ относительно тридцати и событій 404—403 г., такъ какъ здѣсь между ними замѣчается болѣе значительное сходство. Напримѣръ, и у Діодора отзывъ о Оераменѣ—благоприятный и сочувственный³⁾; и Діодоръ упоминаетъ о различныхъ партіяхъ и ихъ стремленіяхъ въ моментъ окончанія Пелопоннеской войны; и у него, какъ и у Аристотеля, Оерамень стоитъ за πάτριος πολιτεία⁴⁾, и онъ говоритъ объ участіи Лисандра въ дѣлѣ

¹⁾ *Diod.*, XIV, 37:
ἀδίκου δὲ τῆς κατηγορίας γεννημένης ὁ δῆμος μετεμелήθη, τῆλικούτον ἀνδρα θεωρῶν ἀνηρημένον διόπερ τοὺς κατηγορήσαντας δι' ὀργῆς εἶχε, καὶ τέλος ἀκρίτους ἀπέκτεινε.

Hellen., I, 7, 35:

καὶ οὐ πολλῷ χρόνῳ ὕστερον μετέμελε τοῖς Ἀθηναίοις, καὶ ἐψηφίσαντο κτλ. (ср. выше).

'Αθ. Πολ., 28:

τούτων μὲν οὖν ἀμφοτέρων θάνατον κατέγνωσαν ὕστερον εἶωθεν γάρ... ὕστερον μισεῖν τοὺς τι προαγαγόντας ποιεῖν αὐτοὺς τῶν μὴ καλῶς ἐχόντων. Ср. гл. 84 (см. выше).

²⁾ Напримѣръ, реформу Эфиальтову Діодоръ относитъ къ архонтству Фракиида, то-есть, къ 460—459 (XI, 77), а Аристотель—къ архонтству Конона, то-есть, къ 462—461 г. ('Αθ. Πολ., 25); о процессѣ стратеговъ послѣ Аргинусской битвы говорится иначе и т. под.

³⁾ *Diod.*, XIII, 88:
...Θηραμένης, ἀνήρ και τῷ βίῳ κόσμιος και τῇ φρονήσει δοκῶν διαφέρειν τῶν ἄλλων.... και πολλῶν ἄλλων εἰσηγητής γενόμενος ἐπ' ἀγαθῇ τῆς πατρίδος οὐ μετρίας ἀποδοχῆς ἐτόγγανεν. Ср. XIV, 3—5.

'Αθ. Πολ., 28:

δοκεῖ μέντοι τοῖς μὴ παρέργως ἀποφαινομένοις οὐχ ὥσπερ αὐτὸν διαβάλλουσι πάσας τὰς πολιτείας καταλύειν, ἀλλὰ πάσας προάγειν ἕως μὴδὲν παρανομοῖεν, ὡς δυνάμενος πολιτεύεσθαι κατὰ πάσας, ὅπερ ἐστὶν ἀγαθοῦ πολίτου ἔργον, παρανομοῦσας δὲ οὐ συγχωρῶν ἀλλ' ἀπεχθανόμενος.

См. по этому поводу замѣчанія *Ad. Bauer's* (*Lit.-hist. Forsch.*, 156), по которому такой отзывъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о политическхъ воззрѣніяхъ Эфора.

⁴⁾ См. *Diod.*, XIV, 3 (напр., ἀντειπόντος δὲ τοῦ Θηραμένου και τὰς συνθήκας ἀναγνώσκοντος, ὅτι τῇ πατρίφ συνεφώνησε χρῆσασθαι πολιτεία)....

установленія олигархін ¹⁾, о чемъ сообщаетъ и Аристотель, но о чемъ умалчиваетъ Ксенофонтъ, при чемъ, однако, у него находятся подробности, которыхъ нѣтъ въ 'Аѳ. Пол., а въ послѣдней упомянуто имя лица, внесшаго псефизму, чего нѣтъ у Діодора. Характеристика образа дѣйствій тридцати у Діодора сходна съ характеристикой у Аристотеля и Ксенофонта въ томъ отношеніи, что у всѣхъ говорится, что олигархи о составленіи законовъ не думали, но преслѣдованіемъ сначала лишь людей дурныхъ вызвали сочувствіе лучшей части населенія. Но здѣсь уже особенной близости Аристотеля къ источнику Діодора не замѣтно. При томъ, Діодоръ, подобно Ксенофону, сообщаетъ о посольствѣ въ Спарту и о прибытіи Каллибія съ отрядомъ раньше казни Θерамена (XIV, 4). Правда, въ 32 главѣ той же книги, уже при изложеніи борьбы тридцати съ Θрасибуломъ, Діодоръ опять сообщаетъ объ отправленіи посольства въ Спарту за помощью: οἱ δὲ τριάκοντα.... ἀπέστειλαν εἰς Σπάρτην κρίσας περὶ βοήθειας; но, быть можетъ, это слѣдуетъ сопоставить не съ концемъ 37 гл. 'Аѳ. Пол., а съ находящимся въ гл. 38 извѣстіемъ объ обращеніи Десяти за помощью къ спартанцамъ: οἱ δὲ (δέκα)... ἐπέστειλλον δ' εἰς Λακεδαιμόνα βοήθειαν μεταπετόμενοι..., нѣсколько сходнымъ даже по выраженіямъ, хотя Аристотель упоминаетъ при этомъ и о займѣ денегъ (καὶ χρήματα δανειζόμενοι), о чемъ у Діодора въ данномъ случаѣ не говорится, и хотя въ 33 главѣ Діодоръ въ свою очередь сообщаетъ о посольствѣ, отправленномъ Десятью въ Спарту. О разрывѣ Θерамена съ крайними олигархами и о его гибели Діодоръ разказываетъ иначе, чѣмъ Аристотель, хотя нѣкоторыя выраженія ихъ совпадаютъ ²⁾. Подобное совпаденіе выраженій встрѣчается и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ убійствахъ, совершенныхъ тридцатью съ цѣлью овладѣть имуществомъ казненныхъ ³⁾; только у Аристотеля выраженія эти употребляются при описаніи произвола и жестокости тридцати до казни Θерамена, а у Діодора—послѣ казни послѣдняго.

¹⁾ *Diod.*, XIV, 8:
διόπερ (вслѣдствіе угрозъ Александра) ὅ τε Θηραμένης καὶ ὁ δῆμος καταπλαγεῖς ἠναγκάσθη χειροτονεῖν τὴν δημοκρατίαν.

²⁾ *Diod.*, XIV, 4:
φοβούμενοι τὸν ἄνδρα μὴ ποτε καταλύσῃ τὴν ὀλιγαρχίαν (ср. *Hellen.*, II, 3, 18).

³⁾ *Diod.*, XIV, 5:
φονεύοντες τὰς οὐσίας διηρπαζόν.

'Аѳ. Пол., 34:
Λυσάνδρου δὲ προσθεμένου τοῖς ὀλιγαρχικοῖς καταπλαγεῖς ὁ δῆμος ἠναγκάσθη χειροτονεῖν τὴν ὀλιγαρχίαν.

'Аѳ. Пол., 36:
φοβηθέντες μὴ προστάτης γενόμενος τοῦ δήμου καταλύσῃ τὴν δυναστείαν.

'Аѳ. Пол., 35:
ἀπέχτεινον.... βουλόμενοι τὰς οὐσίας διηρπαζόν.

Значительнѣе сходство тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Десяти ¹⁾. Но Діодоръ, подобно Ксенофонту, знаетъ только одну коллегію Десяти, о борьбѣ демократовъ съ олигархами говоритъ подробнѣе и не подъ 403 г., а подъ 401 г., о мирѣ же сообщаетъ очень кратко.

Такимъ образомъ, допуская, что Аристотель былъ знакомъ съ трудомъ Эфора, мы не видимъ, однако, чтобы онъ пользовался имъ въ широкихъ размѣрахъ. Нельзя, впрочемъ, забывать того, что мы имѣемъ изложение Эфора не въ подлинномъ видѣ, а въ передачѣ и передѣлкѣ Діодора, который, конечно, его сокращалъ и измѣнялъ. Что касается *Θεοπομπη*, котораго *Reinach* считаетъ тоже источникомъ Аристотеля ²⁾, то можно было бы сопоставить его разказъ о щедрости Кимона (fg. 94) съ свидѣтельствомъ 'Αθ. Пол. (гл. 27), въ деталяхъ, впрочемъ, нѣсколько отличающимся, и въ особенности его характеристику Клеона, дословно совпадающую съ характеристикой этого демагога въ 'Αθ. Пол. ³⁾, еслибы не было вѣ всякаго сомнѣнія, что Θεοπομπη не могъ служить источникомъ для Аристотеля, такъ какъ „Исторія Филиппа“ появилась, какъ это видно изъ fg. 334, послѣ похода Александра въ Индію, то-есть, послѣ 324 года ⁴⁾.

В. Бузесмуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Diod.*, XIV, 33:

δέξα δ' ἄνδρας κατέστησαν αὐτοκράτορας, εἰ δύναντο, μάλιστα φιλικῶς διαλύεσθαι τὸν πόλεμον. οὗτοι δὲ παραλαβόντες τὴν ἀρχὴν τούτου μὲν ἠμίλησαν, ἑαυτοὺς δὲ τυράννους ἀποδείξαντες....

²⁾ *Aristotele. La répub. athén.*, préface, p. XXIV.

³⁾ *Theop.*, fr. 99 (Schol. *Lucian.* Tim., c. 29):

ὁ δὲ Κλέων δημαγωγὸς ἦν Ἀθηναίων προσητάς αὐτῶν ἐπτά ἔτη, ὃς πρῶτος δημηγορῶν ἀνέκραγεν ἐπὶ βήματος, καὶ ἔλοιδορήσατο, θρασὺς ὣν οὕτως, ὥστε, καθὼς Θεόπομπος ἱστορεῖ.....

'Αθ. Пол., 38:

αἰρούνται δὲ δέκα τῶν πολιτῶν αὐτοκράτορας ἐπὶ τὴν τοῦ πολέμου κατάλυσιν. οἱ δὲ παραλαβόντες τὴν ἀρχὴν ἐφ' οἷς μὲν ἤρέθησαν οὐκ ἔπραττον.....

'Αθ. Пол., 28:

τοῦ δὲ δήμου (подразум. проεστῆκει) Κλέων ὁ Κλειανίτου, ὃς δοκεῖ μάλιστα διαφθεῖραι τὸν δῆμον ὀρμαῖς, καὶ πρῶτος ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέκραγε καὶ ἔλοιδορήσατο καὶ περιζωσάμενος ἐδημηγόρησε.

⁴⁾ Ср. *Bauer*, Lit.-hist. Forsch., 155, прим. Упомянутое совпадение въ характеристикѣ Клеона Бауеръ объясняетъ тѣмъ, что въ схолиі цитата собственно изъ Θεοπομπη начинается со словъ: καθὼς Θεόπομπος ἱστορεῖ, предшествующія же слова составляютъ цитату изъ Аристотеля.

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ.

(По поводу „A short History of China“, by D. C. Boulger. London 1898).

Имя Д. Ч. Бульжера мало известно русской публикѣ. Въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ вырабатывающагося въ настоящее время въ Западной Европѣ типа ученаго публициста, посвятившаго себя всецѣло ознакомленію съ Востокомъ. Бульжеръ поставилъ задачею своей жизни изученіе для самого себя и уясненіе современному англійскому обществу важнѣйшихъ событій азіатской жизни. Все, что интересно и важно въ ней съ той или другой стороны для англійской публики, для классовъ торговаго и дипломатическаго, для церкви и науки, все это находитъ мѣсто подъ его перомъ и появляется въ свѣтъ въ изящной привлекательной формѣ. Плодовитость и трудолюбіе его поразительны, а дальновидность и преданность своему отечеству вызываютъ уваженіе даже у противниковъ по взглядамъ. Журнальную дѣятельность свою Бульжеръ началъ въ 70-хъ годахъ, и въ 1879 г. онъ издалъ „England and Russia in Central Asia“, сборникъ статей въ двухъ большихъ томахъ. Весь центръ тяжести этихъ работъ лежитъ, соотвѣтственно интересамъ того времени, на Передней Азій. Но условія жизни передвинули главный ходъ исторіи дальше на востокъ, а за нимъ устремилъ свое вниманіе на Китай и Бульжеръ, и съ 1880 г. его работы носятъ на себѣ уже исключительную печать китаевѣдѣнія въ самомъ широкомъ смыслѣ. Чувствуя однако невозможность уяснить себѣ явленія современной китайской жизни безъ знанія исторіи страны, онъ предпринимаетъ грандіозный и капитальнѣйшій трудъ изученія китайской исторіи. Вся „Histoire générale de la Chine“, de Mailla, отъ строки до строки проходитъ черезъ его руки, получаетъ освѣщеніе, блестя-

щее изложение и является совершенно въ новомъ видѣ предъ лицомъ міра въ трехтомной „History of China“, законченной въ 1884 г. Но напрасно было бы говорить, что только Маилла былъ источникомъ для нашего автора. Сообразно своимъ цѣлямъ Бульжеръ обращаетъ главнѣйшее вниманіе на событія настоящаго столѣтія, и весь третій томъ его исторіи обнимаетъ эти послѣднія, начиная съ царствованія китайскаго императора Цзя-цина (1796—1826). Въ распоряженіи автора была масса архивныхъ данныхъ, дипломатическія бумаги; онъ пользовался руководствомъ лучшихъ европейскихъ синологовъ и дипломатовъ. Понятно поэтому, что работа Бульжера во многихъ своихъ частяхъ носитъ характеръ строгій и выдержанный.

Длинная исторія собственнаго Китая не утомила предприимчиваго ученаго. Стремясь улснить себѣ жизнь Средней Азіи, Бульжеръ параллельно съ исторіею Китая обращаетъ вниманіе также на нагорье, результатомъ чего является статья *The Mongols* (*The Edinburgh Review*, 1880, X). На основаніи существующихъ въ Западной Европѣ источниковъ, а главнымъ образомъ по многотомному сочиненію *History of Mongols*, Н. Howorth'a, онъ штудируетъ судьбы знаменитаго народа, выясняя ихъ исторію и причины нежданнаго успѣха. Увлеченіе общепринятыми теоріями часто оказывается чуждымъ трезвому взгляду Бульжера. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ вопросѣ объ обратномъ движеніи Батыя послѣ битвы при Лигницѣ онъ совершенно уклоняется отъ общеусвоеннаго западными учеными взгляда, объясняя это движеніе смертью Угэдея.

Дѣльнѣйшія судьбы Средней Азіи, начиная со временъ Канч-си, Бульжеръ излагаетъ въ статьѣ „*The Chinese in Central Asia*“ (*The Quarterly Review*, 1880, IV), названной такъ потому, что этотъ послѣдній періодъ жизни средне-азиатскаго нагорья есть дѣйствительно время движенія сюда китайцевъ при пассивномъ только участіи мѣстныхъ обитателей. Работа посвящена главнымъ образомъ судьбамъ Средней Азіи за послѣднее 50-ти лѣтіе, то-есть, шестистию сюда населенія собственнаго Китая во время магометанскаго возстанія. Эти двѣ работы вмѣстѣ съ третьею, написанною раньше— „*The life of Jakkob Beg*“, London, 1878,—даютъ автору право называться знатокомъ Средней Азіи, понимающимъ строй и условія ея жизни.

Курсъ исторіи Китая вмѣстѣ съ названными работами далъ совершенно иной складъ мыслямъ Бульжера, и въ своихъ „*Central Asian Questions. Essay on Afganistan, China and Central Asia*, London, 1885“, онъ является уже въ новомъ свѣтѣ, съ богатою школою,

логикой и эрудиціей, готовымъ всегда дать отвѣтъ на возникающій вопросъ или охарактеризовать новое явленіе. Это ставитъ его послѣдній сборникъ статей неизмѣримо выше перваго, ибо, сохраняя за собою тотъ-же всецѣло публицистическій характеръ, онъ отличается научною постановкою данныхъ исторіи и политики.

Послѣ цѣлаго ряда статей, разсыпанныхъ тамъ и здѣсь по англійскимъ, индійскимъ и американскимъ изданіямъ, Бульжеръ въ 1893 г. выпустилъ въ свѣтъ „A short history of China“. Raison d'être этой краткой исторіи Китая самъ авторъ объясняетъ во введеніи слѣдующимъ образомъ. „Мы (то-есть, англичане) не можемъ больше оставаться равнодушными къ исторіи Китая, потому что обстоятельства съ каждымъ днемъ больше и больше показываютъ, какую важную роль долженъ играть Китай во всѣхъ перемѣнахъ, которыя становятся неизбежными въ Азіи и которыя будутъ имѣть вліяніе на безопасность нашего положенія и имперіи на этомъ материкѣ. Знаніе и пониманіе Китая должно быть первымъ условіемъ нашей восточной политики, ибо не только въ Центральной Азіи, но также и въ Индо-Китаѣ, гдѣ французское честолюбіе угрожаетъ создать новый Египетъ, интересы Средней имперіи совпадаютъ съ нашими и полагаютъ твердое основаніе для плодотворнаго союза“ (Preface). Эта краткая исторія является не простымъ сокращеніемъ ранѣе написанной „History of China“, но совершенно переработаннымъ трудомъ, гдѣ главное вниманіе обращено на новую исторію Китая и назначается она для обширнаго круга англійскихъ читателей, отъ мнѣнія и усилій которыхъ зависитъ развитіе политическихъ и торговыхъ сношеній съ величайшимъ изъ восточныхъ государствъ. Бульжеръ поставилъ себя до извѣстной степени внѣ отвѣтственности за строго научное изложеніе своей Short history of China оговоркою, что она предназначается для „обыкновеннаго читателя“, интересующагося судьбами древнѣйшаго народа. Популярное изложеніе всегда очень трудно согласовать съ вполне точнымъ, методическимъ усвоеніемъ предмета, запечатлѣннымъ характеромъ научности, хотя нашъ авторъ и пытался это сдѣлать. Въ этомъ краткомъ томѣ, еще больше чѣмъ въ первомъ обширномъ сочиненіи, сухіе факты, почерпнутые изъ китайскихъ лѣтописей, являются у него живыми, съ плотью и кровью. Читаніе ихъ оставляетъ одно гармоническое впечатлѣніе. Исторія китайскаго народа рисуется послѣдовательнымъ рядомъ картинъ, между которыми, кажется, нѣтъ промежутковъ, нѣтъ спаекъ. Но такое положеніе дѣла достигается игнорированіемъ тѣхъ недочетовъ въ из-

слѣдованіяхъ судебъ китайскаго народа, которые живо всплываютъ на память у всякаго, болѣе или менѣе знакомаго съ исторіею Средней имперіи. Указанію, напоминанію (но никакъ не разрѣшенію) важнѣйшихъ изъ этихъ недочетовъ и вопросовъ мы и намѣрены посвятить нашу работу.

Помѣщенная въ концѣ книги Бульжера хронологическая таблица существованія Китайской имперіи начинается съ императора Хуань-ди въ 2637 г. до Р. Х. Такъ ли это, безспоренъ ли фактъ и точно ли опредѣлена дата названнаго правителя? Какъ стоитъ въ наукѣ пре-словутый вопросъ о китайской хронологіи?

Намъ неизвѣстно, чью хронологіею пользовался Бульжеръ, помѣщая въ своихъ таблицахъ для Хуань-ди указанную дату (2637 г. до Р. Х.). Геродотъ китайской исторіи Сы-ма-цянъ начинаетъ свои „Историческія записки“ (Ши-цзи) съ Хуань-ди, что, согласно общепринятому счету, совпадаетъ съ 2697 г. до Р. Х. Но самъ Сы-ма-цянъ не отважился однако опредѣлить эту дату, какъ исходный пунктъ для своей исторіи. Въ бывшихъ у него подъ руками документахъ, очевидно, не указывалось никакой древней эры, отъ которой лѣтописцы вели счетъ лѣтъ національной исторіи. Перечень правителей и продолжительность ихъ царствованій оказывались для него единственнымъ методомъ для опредѣленія хронологіи прошлаго. И это былъ бы, конечно, вполне удовлетворительный методъ, еслибы перечень правителей и годовъ ихъ правленія былъ полонъ и заслуживалъ совершеннаго довѣрія. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Первый годъ, къ которому Сы-ма-цянъ отважился приурочить циклическое обозначеніе, есть Кань-шенъ, 38-й годъ правленія Ли-вана, 10-го князя чжоуской династіи, по нашему счисленію 842 г. до Р. Х., первый изъ годовъ правленія (нянь-хао) Кунъ-хэ. Лѣтопись разказываетъ подъ этимъ годомъ, что въ предшествующій годъ, когда Ли-ванъ убѣжалъ, или былъ прогнанъ изъ столицы, правленіе было захвачено вельможами Шао и Чжоу, которые въ теченіе 14-ти лѣтъ состояли регентами до смерти Ли-вана въ 827 г. и до восшествія на тронъ Сюань-вана, сына Ли-ванова. Можно сказать поэтому, что 842 г. до Р. Х. является первою эрою китайской хронологіи, о правильности которой едва ли могутъ быть различныя мнѣнія. Съ этого времени впередъ до нашихъ дней китайскіе историки и анналисты всѣ согласны въ опредѣленіи времени возникновенія различныхъ династій, въ смѣнѣ многочисленныхъ правителей Китая и въ продолжительности ихъ пребыванія на тропѣ.

Кромѣ этого указанія существуютъ другія соображенія, въ силу которыхъ приведенная дата и другія послѣдующія оказываются достоверными. Сюань-ванъ, какъ мы сказали, наслѣдовалъ своему отцу въ 827 году; онъ имѣлъ своимъ преемникомъ сына Ю-вана въ 781, и въ Ши-цзинѣ упоминается о солнечномъ затменіи въ 6-й годъ правленія этого Ю-вана.

„Солнце и луна встрѣтились въ высшихъ сферахъ
 „Въ день Сянь-мао, въ 10-й мѣсяцъ года.
 „Луна была нова, когда она должна была опять явиться,
 „А солнце, затмившись, указывало, что бѣдствія близки.
 „Луна затмилась прежде, а теперь солнцемъ
 „Увы, мы люди внизу должны погибнуть!

Путемъ вычисленій найдено, что затменіе въ день синь-мао имѣло мѣсто въ 776 г. до Р. X. Князь Ю-ванъ восшелъ, слѣдовательно, на тронъ въ 781 г.; отецъ его Сюань-ванъ, царствовавшій по китайскимъ лѣтописямъ 46 лѣтъ, началъ правленіе въ 827 г. до Р. X. Пятнадцатилѣтнее низложеніе Ли-вана возводитъ насъ къ 842 г. до Р. X., къ эрѣ Кунь-хэ. Ю-ванъ имѣлъ преемникомъ Пинъ-вана и съ конца царствованія этого князя съ 722 г. до 481 г. до Р. X. тянется періодъ Чунь-цю, названный такъ по имени конфуціевой лѣтописи. Последняя содержитъ воспоминанія о 36 солнечныхъ затменіяхъ, происшедшихъ въ данный періодъ, и изъ нихъ справедливость 32-хъ подтверждена астрономическими вычисленіями примѣнительно къ годамъ и днямъ, въ которые они произошли. Такимъ образомъ о 32-хъ датахъ на протяженіи 242 лѣтъ не можетъ быть никакого спора, и можно посему положительно утверждать, что ни одна изъ древнихъ исторій различныхъ народовъ не имѣетъ хронологіи такъ точно и строго обоснованной, какъ китайская со времени 842 г. до Р. X.

Относительно возведенія хронологіи отъ даннаго пункта въ глубь вѣковъ дѣло стоитъ уже не такъ прочно, но можетъ быть еще сдѣлана попытка и указаны слѣды у китайскихъ ученыхъ идти по этой дорогѣ. Сы-ма-гуанъ свое „Тунъ-цзянь-ганъ-му“ начинаетъ съ 23-го года чжоускаго Вэй-лѣ-вана, то-есть, съ 425 г. до Р. X. Знаменитый китайскій философъ Чжу-си, написавшій введеніе и оглавленіе къ „Тунъ-цзянь-ганъ-му“, пишетъ въ нихъ, что „позднѣе Сы-ма-гуанъ продолжилъ свою дату до періода Кунь-хэ (842 г. до Р. X.); вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ свои „Исслѣдованія древности“ (цзи-гу-лу), но не могъ найти даты древнѣе этой эры. Только философъ Шао-цзы (умеръ въ 1078) продолжилъ свои вычисленія до перваго года им-

ператора Яо". Эта замѣтка Чжу-си уполномочиваетъ насъ заключить, что циклическія даты раньше 842 г. до Р. Х. представляютъ собою только результатъ вычислений новѣйшихъ философовъ и не имѣютъ такого права на наше довѣріе, какъ еслибы онѣ были извлечены изъ древнихъ документовъ.

Время возвышенія и періодъ чжоуской династіи находитъ себѣ мѣсто еще въ неизвѣстной Сы-ма-цзян'ю Бамбуковой книгѣ (Чжу-шу-цзи-нянь). Не смотря на то, что мнѣнія ученыхъ по вопросу о подлинности этого источника большею частью неблагоприятны для него, можно принять годы Бамбуковой лѣтописи только какъ схему хронологіи и сравнить ее съ таблицею Сы-ма-цзяня. Перечисленіе 10 чжоускихъ князей до Сюань-вана совершенно согласно въ порядкѣ и именахъ съ Ши-цзи и Чжу-шу. Пять царствованій имѣютъ по обомъ источникамъ то же самое протяженіе 36, 26, 55, 12 и 35 лѣтъ; другія пять по Бамбуковой лѣтописи оказываются короче: 6, 19, 9, 8 и 26 лѣтъ вмѣсто 7, 51, 15, 16 и 51. Десять царствованій по длинной таблицѣ обнимаютъ 295 лѣтъ, по короткой 223 года. Прибавивши эти двѣ суммы къ 827 г., получимъ 1122 и 1050 годы для начала чжоуской династіи. Разница между обоими источниками оказывается только въ 72 года.

Равнымъ образомъ Мэнъ-цзы въ послѣдней главѣ своей книги, пишетъ: „Отъ Вэнь-вана до Конфуція было 500 слишкомъ лѣтъ“. Онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, намѣревался сказать фразою „отъ Вэнь-вана“ мысль „отъ начала чжоуской династіи“, а выраженіе „500 слишкомъ лѣтъ“ значить—больше 500 и меньше 600. Посему мы можемъ заключить, что чжоуская эра падаетъ между 1051 г. и 1151 г. до Р. Х. Дата 1122 г. до Р. Х., слѣдовательно, не далека отъ правды.

Чжоуской династіи предшествовала Шанъ или Инь. Принятая хронологія помѣщаетъ въ ней 28 князей и 644-лѣтній періодъ. Бамбуковая лѣтопись даетъ 30 князей и 508 лѣтъ. Династія началась согласно первой въ 1766 г. до Р. Х., согласно второй въ 1558 г.

Различіе въ числѣ царствованій само по себѣ не важно, и еслибы схемы сошлись въ другомъ отношеніи, то оно могло бы удлинить періодъ династіи только на шесть лѣтъ. Въ 15-й изъ книгъ Чжоу въ Шу-цзинѣ даны имена трехъ шанскихъ правителей и время ихъ пребыванія на тронѣ: 75, 59 и 33 года—чтобы показать какъ небо вѣнчало мудрыхъ князей долгою жизнью и правленіемъ. Двѣ схемы согласны въ указаніи продолжительности этихъ царствованій и пяти другихъ. Вань-гу, историкъ 1-й ханьской династіи, указы-

наетъ продолжительность Шань въ 526 лѣтъ, а въ Цзо-чжуани утверждаетъ, что она тянулась 600 лѣтъ. На упомянутой страницѣ Мэнъ-цзы говоритъ, что отъ Чэнъ-тана, основателя шанской династїи, до Чжоускаго Вэнь-вана прошло „500 слишкомъ лѣтъ“. Отсюда можно заключить, что 644 года общепринятой хронологїи для шанскаго періода очень много, а 508 лѣтъ Бамбуковой лѣтописи очень мало, и различіе между двумя схемами доходитъ до 208 лѣтъ. Какъ разобратъ въ этихъ разнорѣчивыхъ показанїяхъ первоисточниковъ, — не извѣстно.

Для Ся, первой изъ трехъ феодальныхъ династїи, общая схема хронологїи даетъ 489 и Бамбуковая лѣтопись 403 года; первая начинается ея съ 2205 г., вторая съ 1961 до Р. X. Различіе обѣихъ таблицъ въ опредѣленїи всего періода невелико, хотя они согласны въ указанїи продолжительности только трехъ изъ семнадцати царствованїи, о которыхъ каждая упоминаетъ. Мэнъ-цзы пишетъ, что отъ Яо и Шуня до Чэнъ-тана „было 500 лѣтъ и больше“. Если мы согласимся, какъ то дѣлаютъ и обѣ схемы, на 150 лѣтъ для періода Яо и Шуня и прибавимъ это число къ 489 и 403, то сумма въ обѣихъ случаяхъ окажется около 600 лѣтъ. Перїодъ, обыкновенно усвоенный для династїи Ся, долженъ быть приблизительно вѣрнымъ. Въ 4-й изъ книгъ Ся въ Шу-цзинѣ говорится, что въ правленїе Чунъ-кана, четвертаго изъ князей, было затменїе солнца въ знакѣ Скорпіона. Точный годъ не указанъ, но упомянуты мѣсяць и день. Общепринятая хронологїя относитъ это событіе къ первому году его царствованїя, къ 2159 г. до Р. X. Но оказывается, по астрономическимъ даннымъ, что затменїя въ этотъ годъ не было. Патеръ Гобиль вычислилъ, что подобное явленїе произошло дѣйствительно въ указанный день и мѣсяць, но въ 5 году Чунъ-кана. Однако дальнѣйшія работы выяснили, что это затменїе произошло ночью и не могло быть видимо въ Китаѣ. Китайскїе астрономы танской династїи силились доказать, что событіе, описанное въ Шу-цзинѣ, падаетъ на 2127 г. до Р. X., то-есть, уже на царствованїе сына Чунъ-кана. Леггѣ отдаетъ предпочтенїе заключенїю Гобилья, а послѣднія совмѣстныя работы Густава Шлегеля, профессора китайскаго языка въ Лейденскомъ университетѣ, и Франца Кюхнерта, вѣнскаго астронома, относятъ данное затменїе къ 7-му мая 2165 г. до Р. X. Очевидно, что пока подобная нерѣшительность и неопредѣленность въ заключенїяхъ окружаетъ данный фактъ, имъ нельзя пользоваться для опредѣленїя хронологїи. Но еслибы ученымъ удалось согласиться и

опредѣлить явленіе незыблемо, то мы не только получили бы новую эру для достовѣрной китайской хронологіи, но и имѣли бы въ рукахъ серьезную опору для доказательствъ подлинности Шу-цзина.

Далѣе время Юя, основателя династіи Ся, мы восходимъ уже къ древнѣйшему періоду китайской исторіи, по отношенію къ которому документальныя показанія позднѣйшихъ источниковъ могутъ быть примѣнены только силою соображенія; прямыхъ же хронологическихъ данныхъ не имѣется. Согласно общей китайской таблицѣ, царствованіе Юя началось въ 2205 г.; правленіе Шуня—въ 2255 г. и Яо въ 2357 г. до Р. Х. Бамбуковая лѣтопись, конечно, сокращаетъ эти цифры, и циклическій годъ восшествія Яо падаетъ по ней на 2145 г. до Р. Х.

Въ первой книгѣ Шу-цзина императоръ Яо научаетъ своихъ астрономовъ опредѣлять солнцестоянія и равноднѣйствія путемъ установленія кульминаціонной точки извѣстныхъ звѣздъ. Профессоръ астрономіи въ Оксфордѣ Dr. Pritchard, по просьбѣ профессора Леггэ, составилъ таблицу звѣздъ, которыя были видимы въ Китаѣ въ 2300 г. до Р. Х. Она издана въ третьемъ томѣ *The sacred Books of the East*, и внимательное разсмотрѣніе ея показываетъ, что всѣ упомянутыя Яо явленія дѣйствительно могли быть наблюдаемы въ Китаѣ въ данное время. Это, конечно, не опредѣляетъ времени правленія Яо, еще того менѣе это указываетъ на годъ, въ который началось его царствованіе, но тѣмъ не менѣе даетъ право утверждать, что дата, усвояемая въ общемъ смыслѣ, и вообще показанія Шу-цзина не могутъ быть отвергаемы безъ строгихъ и достаточныхъ основаній.

Можемъ ли мы теперь идти дальше, до Хуань-ди, съ котораго Бульжеръ начинаетъ свою хронологическую таблицу? Можемъ ли найти въ древнихъ книгахъ пункты и строки, достойныя названія исторически-достовѣрныхъ? Въ Шу-цзинѣ Шунь говоритъ „объ эмблематическихъ фигурахъ, начертанныхъ древними“. Имѣются ли современные показанія объ этихъ „древнихъ“? Это остается вопросомъ. Сы-ма-цянъ начинаетъ свою исторію, какъ мы уже сказали, съ Хуань-ди. Ему наследовалъ внукъ его Чжуань-сюй, за симъ правилъ другой внукъ Хуань-ди, Ди-ку, послѣ котораго преемственно занимали престолъ два сына его, Ши и знаменитый Яо. Сы-ма-цянъ не указываетъ въ Ши-цзи протяженности ихъ царствованій вовсе.

Бамбуковая лѣтопись говоритъ, что Хуань-ди правилъ 100 лѣтъ; о сынѣ его упоминается вскользь безъ опредѣленія лѣтъ царствованія; Чжуань-сюй'ю усвояется 78 лѣтъ и Ди-ку 63 г. Замѣчено также,

что сынъ послѣдняго Ши былъ устраненъ отъ трона послѣ короткаго срока, 9 лѣтъ.

Въ обычной хронологической таблицѣ, 6 лѣтъ отдаются Ши, брату Ю. Первый годъ Ю'я—2357 до Р. Х.; Ди-ку—2435; Чжуань-сюй'я—2513; Хуань-дї'ева сына Шао-хао—2597 и Хуань-ди—2697 г. до Р. Х.

Если мы сравнимъ разказъ Ши-цзи съ тѣмъ, что находится въ другихъ книгахъ относительно Хуань-ди, то легко увидимъ, что языкъ Сы-ма-цян'я въ данномъ случаѣ крайне сдержанъ и остороженъ. Бамбуковая лѣтопись, напимѣръ, сообщаетъ, что въ 59-й годъ Хуань-ди начальники племенъ „Просверленныхъ грудей“ и „Длинноногихъ“ пришли къ Хуань-ди съ просьбою о подданствѣ. Въ Шаньхай-цзин'ѣ ¹⁾ разказывается о странѣ, гдѣ люди имѣютъ одну дыру въ груди и посятъ одинъ другаго на шесть, который продѣвается сквозь тѣло, а въ другой странѣ населеніе владѣетъ ногами длиною въ 30 футъ. Всѣ эти замѣтки о чудесахъ не вошли однако въ „Записки“ Сы-ма-цян'я; его историческое чутье отбросило подобные вымыслы и онъ не нашелъ основанія возводить свою исторію дальше времени Шу-цзана.

Однако китайцы помѣщаютъ въ другихъ сочиненіяхъ раньше Хуань-ди еще Шэнь-нуна и Фу-си, а раньше этихъ еще періоды „Трехъ Хуановъ“ и „Пяти Ди“. Кто были эти три Хуана и 5 Ди—неизвѣстно, и изъ всѣхъ китайскихъ археологовъ едва-ли двое дадутъ согласный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Названіе Хуань и Ди были позднѣе соединены вмѣстѣ Цинь Ши-хуань-ди, основателемъ циньской династіи, для обозначенія императорскаго достоинства. Мг. Мауегз означаетъ начало Шэнь-нуна въ 2739 г., а Фу-си въ 2852 г. до Р. Х. Раньше этихъ правителей уже даосскія писатели помѣщаютъ неизмѣримыя числа лѣтъ, параллель, можетъ быть, буддійскимъ калпамъ. Имѣютъ ли они какое историческое значеніе, доселѣ не выяснено.

Такимъ образомъ вопросъ о китайской хронологіи стоитъ въ современной наукѣ приблизительно въ такомъ видѣ: о датѣ 842 г. не можетъ быть сомнѣнія. Далѣе въ глубь вѣковъ мы можемъ прослѣдить ходъ исторіи за 2000 л. до Р. Х. и, можетъ быть, нѣсколькими

¹⁾ Относительно ея Мг. *Wylie* въ *Notes on Chinese Literature* склоненъ думать, что она существовала при чжоуской династіи, а части ея даже можетъ быть раньше, и даже самый крайній скептикъ проф. В. П. Васильевъ пишетъ, что „она дошла до насъ отъ глубокой древности, и можетъ быть не позднѣе классическихъ книгъ.“

столѣтіями больше. За эпохою Кунъ-хэ у насъ нѣтъ строго опредѣленныхъ точекъ опоры, но это не снимаетъ съ историковъ права и долга подвергать китайскіе первоисточники дальнѣйшему анализу. Какъ мы уже видѣли, много пунктовъ въ данномъ случаѣ остается сомнительныхъ и невыясненныхъ, и не только дата, указанная Бульжеромъ для Хуанъ-ди, но и весь этотъ періодъ представляется въ значительной степени загадочнымъ и темнымъ.

Обращаемся теперь къ тексту *A short history of China* и укажемъ постепенно на наиболѣе крупныя, не разрѣшенные доселѣ синологіею вопросы, которые неотступно возникаютъ въ памяти при чтеніи популярнаго труда Бульжера.

Легко сказать: „Предполагаютъ, что первые китайцы были кочевымъ племенемъ провинціи Шэнь-си и между ними, наконецъ, явился правитель Фу-си“ (р. 2). Написать эту фразу значитъ игнорировать весь тотъ предшествующій періодъ китайской исторіи, о которомъ сохранились свѣдѣнія въ литературѣ Средняго имперіи. Однако, здѣсь, въ этомъ не только доисторическомъ, но даже предшествующемъ миическому періодѣ, по меньшей мѣрѣ, лежитъ разъясненіе вопроса о китайской космогоніи. Бездушныя, безстрастныя созданія народной фантазіи Панъ-гу, Нью-гуа, небесный, земной и человѣчскій повелители, ни единою чертою не напоминающіе намъ мины классической европейской древности, представляютъ собою не разъясненные вопросы исторіи. Когда, кѣмъ, подъ какимъ вліяніемъ создались эти образы въ народѣ,—не извѣстно.

Кто можетъ сказать, равнымъ образомъ, что „китайцы были кочевымъ племенемъ провинціи Шэнь-си?“ Вопросъ о происхожденіи китайцевъ сложенъ и теменъ до ценимовѣрности. Не преувеличимъ, сказавши, что почти каждый ученый, занимавшійся древнею исторіею Китая, строилъ свою гипотезу, различающуюся отъ другихъ. Такъ:

1) Амю утверждаетъ, что китайцы должны считаться не аборигенами территоріи нынѣшняго Китая, а переселившимися на востокъ прямыми потомками Ноя, и что 100 китайскихъ семействъ были выведены отъ Арарата къ Желтой рѣкѣ государемъ Фу-си ¹⁾.

2) По мнѣнію Эдкинса, китайскій народъ въ періодъ времени отъ всемірнаго потопа до столпотворенія вавилонскаго оставилъ ту терри-

¹⁾ L'antiquité des Chinois prouvéé par les monuments. Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois; par les Missionnaires de Pekin, t. II.

торію, которая служила колыбелью человѣческаго рода; направился на востокъ, прошелъ до сѣверной Персіи, по юго-восточному Туркестану и Кашгарской дорогѣ достигъ (около 2000 л. до Р. Х.) рѣки Хуанъ-хэ и утвердился здѣсь для постоянного осѣдлаго жительства ¹⁾.

3) Клапротъ ведетъ китайцевъ отъ Куень-луня ²⁾.

4) Рихтгофенъ—изъ окрестностей Хотана ³⁾.

5) Леггъ считаетъ ихъ колыбелью земли между Чернымъ и Каспійскимъ морями и приводитъ ихъ къ Хуанъ-хэ, какъ и Эдкинсъ, не раньше 2000 л. до Р. Х. ⁴⁾.

6) Проф. В. П. Васильевъ предполагаетъ, что ядро китайскаго государства около юго-восточнаго изгиба Хуанъ-хэ образовалось постепенно изъ жившаго здѣсь же населенія: Жуновъ и Ди, но мы не можемъ опредѣлить ни точныхъ границъ, ни существеннаго различія между Жунами и Ди, не можемъ также сказать, въ чемъ состояло различіе собственно китайскихъ подданныхъ отъ этихъ Жуновъ и Ди ⁵⁾.

7) Покойный С. М. Георгіевскій былъ склоненъ видѣть въ первобытномъ китайскомъ народѣ часть, выдѣлившуюся изъ общечеловѣческой семьи ранѣе выдѣленія изъ послѣдней предковъ индо-европейцевъ. Общюю родиною индо-европейцевъ и древнихъ китайцевъ служила, по его мнѣнію, центральная Азія, хотя трудно сказать, какая часть ея. Китайскіе колонисты пришли изъ западныхъ странъ въ нѣсколько пріемовъ и застали здѣсь уже многочисленное инородческое населеніе, о происхожденіи котораго сказать ничего невозможно ⁶⁾.

Вотъ въ какомъ положеніи стоитъ вопросъ, разрѣшаемый такъ легко популярнымъ писателемъ; десятки ученыхъ отдали много лѣтъ труда и не пришли къ положительнымъ результатамъ въ разрѣшеніи его.

Но такъ или иначе, китайское государство образовалось и, по сообщеніямъ китайскихъ писателей, въ періодъ „Пяти повелителей“ развивалось и развивалось. Царствованія Фу-си, Шэнь-нуна и Хуанъ-ди характеризуются изобрѣтеніями и усовершенствованіями со стороны матеріальной культуры; Ло и Шунь улучшали моральную сто-

¹⁾ I. *Edkins* China's place in philology: an attempt to show that the languages of Europe and Asia have a common origin.

²⁾ *Asia Polyglotta*. Zweite Auflage, pp. 356—357.

³⁾ *China* B. 1, p. 428.

⁴⁾ *The Chinese classics*, vol. III, p. 1, prolegomena, p. 189.

⁵⁾ Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ среднеазиатскимъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CLXIII, отд. 2.

⁶⁾ О корневомъ составѣ китайскаго языка. С.-Пб. 1868, гл. IV.

рону человечества и являются вѣчными идеалами нравственности Китая. Совершенно не разрѣшеннымъ въ синологіи остается вопросъ о потопѣ, происшедшемъ во времена Ю. Въ свое время, по словамъ Шу-цзиня, онъ задалъ немовѣрно трудную работу Шуню и особенно Юю, которымъ удалось осушить Китай, углубивъ русла рѣкъ и проложивъ каналы; въ настоящее время тотъ же потопъ доставляетъ много хлопотъ европейскимъ ученымъ, усиливающимся примирить сказаніе о немъ съ библейскимъ повѣствованіемъ о всемірномъ потопѣ. Въ теченіе 200 почти лѣтъ, начиная съ древнѣйшихъ ученыхъ іезуитовъ, жившихъ въ Китаѣ, и до W. Williams'a и Леггэ включительно, синологи напрасно пытаются пролить свѣтъ на загадку. Разработка клинообразныхъ ассирійскихъ письменъ съ новооткрытыми именами Газизадры, Ксизоструса и др., давъ въ руки ученымъ новую редакцію разказа о событіи, еще болѣе запутала и усложнила вопросъ. Въ виду всего этого, едва-ли не къ чести популярнаго труда Бульжера, можно сказать, что въ немъ опущенъ вовсе разказъ о потопѣ, хотя тѣмъ нѣсколько уменьшено значеніе выдвигаемой китайцами на пьедесталъ личности Юя, основателя первой китайской династіи Ся (2205 г. до Р. X.).

Однимъ изъ воспоминаній о царствованіи Юя служитъ надпись его на скалѣ въ провинціи Хэ-нань о потопѣ. Подлинность ея признавалась учеными прошлаго столѣтія, но безусловно отвергнута теперь В. П. Васильевымъ и Леггэ, которые признаютъ ее поддѣлкою, созданною въ ханскія времена, если не позднѣе. Однако и теперь еще раздаются слабые голоса лицъ, которымъ не хочется разстаться съ аналогіями Библии и китайской исторіи, какъ бы въ пользу подлинности надписи (W. Williams).

Смѣна и періодъ трехъ династій: Ся (2205—1176), Шанъ (1176—1122) и Чжоу (1122—255) представляютъ собою краеугольный камень для отрицательной критики китайской исторіи. Въ послѣдовательномъ рядѣ картинъ этихъ династій наблюдается замѣчательный параллелизмъ. Ся началась Юемъ (2205—2197), блестящимъ и даровитѣйшимъ правителемъ, и послѣ ряда безцвѣтныхъ правителей и государей окончилась Цзѣ-гуемъ (1818—1766), воплощеніемъ бездарности и порока. Добродѣтельный и мудрый Чэнъ-танъ (1766—1653) возсталъ при немъ на защиту угнетеннаго народа, свергъ Цзѣ-гуя и положилъ начало возрожденію славныхъ временъ и династіи Шанъ; потомки его однако не поддерживали великихъ стремленій основателя династіи, и длинный рядъ ихъ завершился, наконецъ, въ идеалѣ по-

рока—Чжоу-синь (1154—1122), являющемся вмѣстѣ съ Цзѣ-гуемъ нарицательнымъ именемъ для обозначенія высшей степени развращенности въ устахъ всякаго китайца. На смѣну послѣдняго изъ династїи Шанъ приходитъ великій Вэнь-ванъ, родоначальникъ чжоуской династїи, которая послѣ почти тысячелѣтняго существованія приходитъ къ упадку и умираетъ въ лицѣ слабаго Дунъ-чжоу-цзюн'я (255—249).

Въ этотъ періодъ своей жизни Китай сформировался и вошелъ въ опредѣленные рамки. Время чжоуской династїи богато всевозможными событіями первостепенной величины и важности, которыя являются корнемъ и основой для всей дальнѣйшей исторїи Китая. Образование удѣловъ и постепенное объединеніе ихъ во внѣшней жизни, возникновеніе конфуціанства и даосизма и развитіе ихъ во внутренней жизни китайскаго народа—эти двѣ стороны исторїи занимали, занимаютъ и будутъ всегда занимать историковъ Китая. Руководясь отмѣченнымъ параллелизмомъ явленій, отрицательная критика (представителями которой являются В. П. Васильевъ, Т. W. Kingemill и Н. Allen) находятъ возможнымъ отрицать или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣвать дѣйствительное бытіе династїи Ся и Шанъ. Но существуетъ и другая школа историковъ, представители которой говорятъ: „Существованіе Яо, Шуня и Юя не подлежитъ сомнѣнію. Я могъ бы скорѣе сомнѣваться въ Авраамѣ и другихъ еврейскихъ патриархахъ нашихъ священныхъ книгъ. Вопросъ не въ ихъ существованїи, а только во времени и мѣстѣ, которое имъ должно быть отведено въ хронологической таблицѣ“¹⁾.

Анализъ китайскихъ первоисточниковъ даетъ синологамъ перваго направленія основанія отодвигать созданіе всей китайской культуры, выработку письменности и памятниковъ ея въ позднѣйшіе вѣка. Личности основателей двухъ доктринъ, Конфуція и Лао-цзы, подвергаются подробнѣйшему изслѣдованію, и всевозможныя варіаціи оцѣнки ихъ, начиная съ крайняго возвеличенія ихъ значенія и оканчивая полнѣйшимъ скептицизмомъ, заподозрѣвающимъ, напримѣръ, самое существованіе Конфуція (Is Confucius a myth?), наполняютъ цѣлыя статьи и диссертациі. Сонмъ легендъ, окружающихъ жизнь Конфуція, мало по малу разсѣвается и падаетъ подъ соединенными ударами критики, и предъ міромъ возстаетъ образъ этого гиганта китайской мысли, моралиста-философа. Но напрасно было бы искать един-

¹⁾ J. Legge. On Chinese chronology. Authors' copy, p. 66.

ства въ оцѣнкѣ значенія Конфуція и его доктрины. *Nemo virtuti simillimus* по мнѣнію Sibot ¹⁾, мировой философъ у Гюцлафа ²⁾, избранныкъ Божій изъ толпы людей, просвѣщавшій, направлявшій толпу и преподававшій ей истины, необходимыя къ ея сохраненію и благополучію (Rauthier) ³⁾, Конфуцій вызывалъ не менѣе скепсиса, чѣмъ положительной оцѣнки своихъ заслугъ. „Можно сказать, что Кхунъ-цзы открылъ своимъ соотечественникамъ истинный путь къ просвѣщенію, но не менѣе того онъ повредилъ исторіи міра“ (Іакинозъ) ⁴⁾; „Еслибы Конфуцій оставилъ потомству такія книги какъ *Iliada*, *De officiis*, или *Диалоги Платона*, то онъ безъ сомнѣнія занялъ бы высокое мѣсто между руководителями человѣчества, но основательно можно колебаться въ приговорѣ, было ли его влияніе на соотечественниковъ полезнымъ или вреднымъ“ (W. Williams) ⁵⁾. „Послѣ долговременнаго изученія Конфуція со стороны его характера и мнѣній, я не могу смотрѣть на него какъ на великаго человѣка. Онъ не опередилъ своего вѣка, хотя и стоялъ выше массы чиновниковъ и ученыхъ своего времени. Онъ не пролилъ новаго свѣта ни на одинъ изъ вопросовъ новаго времени. Онъ не далъ импульса религіи. Онъ не симпатизировалъ прогрессу. Его влияніе было достойно удивленія, но отселъ впредь оно будетъ блекнуть. Я убѣжденъ, что довѣріе къ нему націи быстро и повсемѣстно будетъ исчезать“ (Леггъ) ⁶⁾. „Конфуцій былъ первымъ китайцемъ, извлечшимъ изъ рукъ и архивовъ администраціи умѣнье писать, усовершенствовавшимъ это умѣнье и передавшимъ все это въ народъ“ (Проф. В. П. Васильевъ) ⁷⁾.

Сколько нужно силы, времени и труда историкамъ Китая, чтобы уяснить, примирить эти положенія и придти къ какому-либо точному положительному выводу? Всякое изъ указанныхъ мнѣній стоило своему автору многолѣтнихъ усилій и обосновано болѣе или менѣе прочно. Бульжеръ въ своихъ краткихъ строкахъ о Конфуціѣ (р. 4) не обмолвивается, конечно, ни словомъ обо всѣхъ этихъ недоумѣнныхъ вопросахъ.

Еще болѣе туманнымъ и невыясненнымъ является предъ нами

¹⁾ *Mémoires concernant les chinois* t. I, p. 349.

²⁾ *Geschichte des chinesischen Reich's*, p. 70.

³⁾ *Chine* 1837, p. I, p. 121.

⁴⁾ Статистическое описаніе китайской имперіи. С.-Ииб. 1842, ч. 1, стр. 88.

⁵⁾ *The Middle Kingdom*. 1861. v. 1, p. 530.

⁶⁾ *The Chin. clas.* Vol. 1, Prolegom. p. 113.

⁷⁾ Очеркъ исторіи китаяской литературы, стр. 32.

образъ другаго мудреца китайской древности—Лао-цзы съ его доктриною. Къ какой сторонѣ мыслителей должны мы примкнуть, если миссіонеры видѣли въ Дао-дэ-цзинѣ точныя указанія на Тринностнаго Бога, если В. П. Васильевъ, признавая неразработанность вопроса о даосизмѣ, говорить, что „хотя съ одной стороны и очень желательно, чтобы кто нибудь серьезно и исключительно занялся ознакомленіемъ со всей даосской литературой; но съ другой—совѣстно, если окажется, что тамъ дѣйствительно только одна чушь, какъ мы предполагаемъ“¹⁾, и если Н. de Harlez даритъ насъ статьею „Lao-tze, le premier philosophe chinois, ou un prédécesseur de Schelling au VI siècle avant notre ère. 1884“, а С. М. Георгіевскій утверждаетъ, что Лао-цзы первый изъ китайцевъ возвысился до метафизической абстракціи и, идя въ разрѣзъ съ понятіями вѣка, довольно опредѣленно высказалъ свои воззрѣнія на все то, что составляетъ коренной интересъ вообще философіи—многообразіе видимаго міра онъ свелъ къ абсолютно единому, которое, какъ таковое, не можетъ уже быть ни опредѣляемо, ни анализировано человѣческимъ мышленіемъ“? Дальнѣйшія подраздѣленія въ развитіи даосизма (taoszéisme и taollisme у Ё. de Rosny)²⁾, равнымъ образомъ слияніе философской системы Лао-цзы съ коренными народными вѣрованіями и образованіе „даосской религіи“,—все это остается не выясненнымъ.

Не меньше разницы, противорѣчій и догадокъ встрѣчается у ученыхъ синологовъ, когда мы оглянемся на вопросъ о китайской письменности и древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ. Чжу-шу-цзинянь или Бамбуковая книга, весь канонъ классическихъ книгъ, Сы-шу и У-цзинъ, смотря по общимъ воззрѣніямъ историка, отодвигается каждымъ ученымъ въ болѣе или менѣе отдаленный періодъ, признается подлиннымъ или подложнымъ, усвоится тому или другому лицу, какъ автору. Справедливо можно сказать, что ни одному періоду китайской исторіи, за исключеніемъ развѣ послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка, не удѣляли европейскіе ученые такой доли вниманія, какъ чжоуской династіи. Въ анализѣ постепеннаго возникновенія и развитія конфуціанства и даосизма они изучали внутреннюю жизнь народа того времени. Слѣдя за постепеннымъ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ, поглощеніемъ маленькихъ государствъ болѣе сильными, созданіемъ болѣе сильныхъ по власти правителей на сѣверѣ

¹⁾ Очеркъ кит. яз., стр. 116.

²⁾ Les religions de l'Extrême Orient. p. 27.

Китая, они раскрываютъ намъ внѣшнюю исторію Средняго государства, которая послѣ періода Чжань-го приводитъ насъ къ державному Цинь Ши-хуань-ди (221—209), объединителю Китая и создателю единой Срединной монархіи. Этому императору усволяютъ обыкновенно имя китайскаго Наполеона, чѣмъ хотятъ выразить мысль, что это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя даютъ или стараются дать новое направленіе народной жизни и оставляютъ послѣ себя слѣдъ въ исторіи на цѣлый рядъ вѣковъ; о нихъ всегда спорить и ихъ приводятъ въ примѣры при разрѣшеніи философско-историческаго вопроса о роли личности въ исторіи. Клапротъ и В. П. Васильевъ усволяютъ ему характеръ энергичнаго и умнаго правителя, но китайскіе историки ненавидятъ его всею душой воспитанныхъ на традиціяхъ своей родины патриотовъ ¹⁾, какъ мы ненавидимъ гонителей христіанъ или Ирода Великаго. Бульжеръ примыкаетъ въ оцѣнкѣ его къ показаніямъ китайскихъ хроникъ, хотя и не отрицаетъ способностей и подвиговъ Цинь Ши-хуань-ди во внѣшней политикѣ (р. 5—6).

Недоумѣннымъ и невыясненнымъ вопросомъ царствованія Цинь Ши-хуань-ди является прежде всего постройка имъ Великой стѣны. Въ какой мѣрѣ заслуга эта принадлежитъ лично императору? Извѣстно, что сѣверные удѣлы Китая имѣли свои стѣны, меньшихъ размѣровъ и протяженій, построенныя въ защиту отъ набѣговъ кочевниковъ. Объединеніе ли, спайки ли ихъ только принадлежать циньскому правителю? На сколько намъ извѣстно, направленіе меньшихъ стѣнъ, древнѣйшихъ, указываемое китайскимъ географическимъ сочиненіемъ Жэ-хэ-чжи, не совпадаетъ даже съ извѣстнымъ древнимъ же направленіемъ великой стѣны ²⁾. — Здѣсь же на сѣверѣ хранится завязка другаго великаго историческаго вопроса. Армія Цинь Ши-хуань-ди прогнала надѣдавшихъ Срединной имперіи кочевниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сюнь-ну, и едва ли не положила тѣмъ начало движенію кочевыхъ племенъ, завершившемуся много вѣковъ поздиѣ великимъ переселеніемъ народовъ въ Европѣ. Походъ Мэнъ-дин'я на сѣверо-западъ, самая обстановка его и значеніе, равно какъ и отношеніе прогнанныхъ Сюнь-ну къ европейскимъ хуннамъ, — остаются темными.

¹⁾ Китайскія мысли переведъ съ маньчжурскаго на російскій языкъ *Алексей Леонтьевъ*. С.-Пб. 1772 г. стр. 52 и сл.

²⁾ Жэ-хэ-чжи, Цзянь 56, л. 4—10.

Но, конечно, самымъ важнымъ пунктомъ періода циньскаго Ши-хуань-ди должно считать его отношеніе къ конфуціанству и конфуціанцамъ. Здѣсь на ряду съ императоромъ возстаетъ безсмертный, подобный Герострату, образъ министра Ли-сы, филиппика котораго противъ конфуціанства по своему краснорѣчію и софизму заслуживала лучшаго предмета и назначенія, чѣмъ быть предшественницей извѣстнаго изреченія:

Нѣтъ, а по моему, ужъ коли зло пресѣчь,
Собрать бы книги всѣ, да сжечь.

Вопросъ о сожженіи книгъ и даже ученыхъ конфуціанцевъ представляется совсѣмъ не такимъ простымъ и легкимъ, какъ его рисуютъ китайскія лѣтописи. Какіе историческіе факторы вынудили Цинь Ши-хуань-ди къ борьбѣ съ конфуціанствомъ? В. П. Васильевъ видитъ здѣсь борьбу сектъ и, признавая весь разказъ о сожженіи ученыхъ пооднѣйшимъ вымысломъ совершенно легендарнаго характера, характеризуетъ весь періодъ циньской династіи какъ время борьбы ослабѣвшаго конфуціанства съ усилившимся даосизмомъ. Но покойный С. М. Георгіевскій, преждевременная смерть котораго лишила насъ труда о даосизмѣ, потому что именно имъ въ послѣдніе годы занимался покойный, всегда говорилъ намъ на лекціяхъ, что исторія не знаетъ борьбы конфуціанства и даосизма, что эти двѣ доктрины искони вѣковъ жили и развивались на почвѣ Средней имперіи совершенно мирно, не иѣшая одна другой въ силу своего различнаго въ основѣ характера: одна изъ нихъ чистая мораль, другая теоретическій пантеизмъ, смѣшавшійся съ народнымъ культомъ шаманизма.

Какъ, когда и въ чью пользу разрѣшить историческая наука данный вопросъ, отвѣтитъ будущее. Ему же принадлежитъ уясненіе причинъ усиленія и паденія циньскаго удѣла. Принадлежало ли все созданіе этого прежде незначительнаго княжества единственно силѣ генія Цинь Ши-хуань-ди, или онъ, какъ и множество личностей, исполнялъ только волю судьбы, подготовившей историческими условіями все кратковременное существованіе циньской династіи, точнога отвѣта на это мы не находимъ въ исторіи, хотя гипотетическій, въ пользу послѣдняго мнѣнія, и предложенъ С. М. Георгіевскимъ.

Да будетъ намъ позволено теперь нѣсколько отдохнуть отъ вопросовъ на заключительной страницѣ первой главы исторіи Бульжера, гдѣ онъ высказываетъ общую характеристику періода.

„(Оглядываясь назадъ на длинный періодъ, связующій мнѣческую эпоху съ временемъ, которое можетъ быть названо строго историче-

скимъ вѣкомъ циньской династіи, мы находимъ, что въ концѣ третьяго вѣка до Р. Х. Китай владѣлъ опредѣленными институтами, значительною частью своей, доселѣ существующей литературы и могущественными правителями. Едва ли возможно сомнѣваться, что китаецъ-анналистъ находить въ этихъ отдаленныхъ вѣкахъ столько же интереса и поучительности, сколько мы въ исторіи новѣйшихъ событій; доказательствомъ тому служить фактъ, что исторія первыхъ четырехъ династій, которую мы могли пробѣжать на этихъ немногихъ страницахъ, занимаетъ столько же мѣста въ національной исторіи, сколько хроника событій отъ Цинь Ши-хуанъ-ди до конца Минской династіи въ 1644 году. Мы не должны удивляться этой несоразмѣрности, потому что уроки человѣческой опытности такъ же хорошо давались въ тѣ отдаленныя времена, какъ это происходитъ и теперь, и китайскіе историки стремятся столько же къ обоснованію и утверженію нравственныхъ и философскихъ истинъ, сколько къ сообщенію полного отчета о событіяхъ. Слѣдствія человѣческой глупости и несовершенства были также очевидны въ тѣ дни, какъ они проявляются и нынѣ. Державная власть утрачивалась одною фамиліей и переходила къ другой въ силу того, что князья не радѣли о своихъ обязанностяхъ, предавались излишествамъ въ удовольствіяхъ, или не умѣли угадывать и оцѣнивать знаменій временъ. Трусость и развратъ получаютъ свое надлежащее и неизбѣжное наказаніе. Основатели династій всѣ были храбрыми и успѣшными воинами, которые видѣли, что пока существуютъ человѣческія страсти, они могутъ быть и укрощены гениемъ и употреблены на возведеніе зданія автократіи. Ошибки императора чувствуются въ каждой части общества и наносятъ оскорбленія государству. Нерадѣніе и тупоуміе въ столицѣ отзываются слабостью на границѣ и въ провинціальныхъ городахъ. Варвары становятся дерзкими и активными и наносятъ пораженія императорскимъ арміямъ. Провинціальные и областные правители упорочиваютъ свою независимость и основываютъ правящія династіи. Имперія раздирается нападеніями извнѣ и раздѣленіями внутрѣ. Но, по выраженію китайскихъ историковъ, „послѣ продолжительнаго разъединенія возрождается единство“. Сильный и способный человѣкъ всегда являлся такимъ или инымъ образомъ, и китайскій народъ, воодушевленный вѣрою въ божественность миссіи ихъ императора и въ силу единства, привѣтствовалъ появленіе князя, желавшаго возстановить ихъ любимую и идеальную систему единодержавнаго управленія. Еще скрыто въ отдаленномъ и неизвѣстномъ будущемъ то время, когда будетъ

что либо другое; когда китайскій народъ отторгнется отъ своей постоянной и древней практики, чтобы преслѣдовать ignis fatuus европейской политики, которая пытается объединить человѣческую равноправность съ хорошимъ практичнымъ управленіемъ и національной безопасностью. Китайцы имѣютъ другой и болѣе достижимый идеалъ, и теперь нѣтъ никакого признака перемѣны его. Паденіе династій можетъ и, вѣроятно, должно продолжаться своимъ путемъ, но въ Китаѣ оно не пролагаетъ дороги къ республикѣ. Императорскій авторитетъ возстаетъ торжествующимъ надъ бурей послѣ каждой борьбы“ (р. 8—9).

Мы дошли теперь до конца первой главы исторіи Бульжера. Если въ наукѣ существуетъ такая масса неразрѣшенныхъ вопросовъ, проблемъ и теорій относительно древнѣйшаго періода китайской исторіи, то какъ же нашъ авторъ сумѣлъ передать въ короткихъ словахъ всю эту длинную эпопею? Мы сказали уже, что Бульжеръ—популяризаторъ, а не ученый изслѣдователь. Устранивъ изъ разказа хронологію, сводъ которой онъ представилъ въ концѣ книги, онъ легко переходитъ отъ одного крупнаго факта къ другому, минуя часто столѣтія, и старается лишь дать читателю краткое понятіе о судьбахъ Китая, познакомить его съ главнѣйшими героями, память которыхъ живетъ доселѣ въ литературѣ и умахъ Срединной имперіи. У насъ есть другая, также очень краткая исторія Китая: Fries. Abriss der Geschichte China's. Wien. 1884, составленная всецѣло по китайскимъ источникамъ. Въ ней догматически сообщаются исключительно даты и имена, изъ которыхъ неподготовленный читатель ничего не вынесетъ и читать ихъ въ состояніи не будетъ. Бульжеръ доступенъ всякому. Онъ знаетъ факты, но приспособляется въ передачѣ ихъ къ уровню свѣдѣній публики и тѣмъ дѣлаетъ свою книгу интересною для массы.

Послѣднія строки приведенной выдержки показываютъ намъ ясно, что мы имѣемъ дѣло въ авторѣ съ сторонникомъ европеизма, и это необходимо имѣть въ виду при всѣхъ его сужденіяхъ не только вообще о государственномъ строѣ, но и объ отдѣльныхъ явленіяхъ и событіяхъ въ исторіи Срединной имперіи.

Вторую главу Бульжеръ посвящаетъ краткому обзорѣ исторіи двухъ ханьскихъ династій (206 до Р. X. по 220 по Р. X.), справедливо замѣчалъ: „если китайцы доселѣ гордятся именемъ сыновей Ханей (хань-жень), то уже отсюда можно понять, что періодъ ханьскихъ правителей долженъ быть важною эпохою ихъ исторіи и больше

чѣмъ въ одномъ отношеніи Хапи были первою національною династіей Китая“ (р. 10). Но почему же дѣйствительно такое огромное значеніе придается названнымъ правителямъ? Китай, какъ объединенное политически государство, существовалъ уже при Цинь Ши-хуанъ-ди. Его сношенія съ сѣверными инородцами уже тогда характеризовались полною побѣдоносностью надъ кочевниками; его матеріальное благосостояніе, на сколько оно выразилось въ правительственныхъ сооруженіяхъ, должно было быть высоко. За что же въ противовѣсъ проклинаемой циньской династіи китайскіе историки восхваляютъ ханьскій періодъ? Громадное большинство анналистовъ Средняго государства—конфуціанцы, а данная эпоха представляетъ собою не только возрожденіе доктрины Конфуція, распространеніе ея въ народѣ, развитіе ея въ деталяхъ и примѣненіе ея къ жизни, но и возведеніе конфуціанства на степень господствующей государственной доктрины, принципы которой отселѣ становятся руководителями всей жизни и исторіи Китая. Много разъ потомъ Китай падалъ и возставалъ, подчинялся инородцамъ и освобождался отъ ихъ ига, поглощалъ и ассимилировалъ ихъ, или прогонялъ вонъ изъ своихъ предѣловъ, распадался на части и объединялся снова, но никогда во всѣхъ этихъ превратностяхъ судьбы не измѣнялъ онъ системъ государственнаго управленія, усвоенной ханьской династіей, никогда не низвергалъ разъ воздвигнутаго знамени¹⁾. Въ этомъ именно установленіи принципа внутренней жизни государства заключается величіе ханьской династіи, здѣсь же лежитъ причина восхваленія ея конфуціанцами писателями. Мы не боимся сказать, что здѣсь же лежитъ и наибольшая трудность для непредубѣжденнаго изслѣдованія ханьской исторіи. Орелъ, окружающій всѣхъ дѣятелей даннаго періода, препятствуетъ видѣть ихъ дѣйствительныя фізіономіи и показываетъ, можетъ быть, многое въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Посмотрите, какими героями оказываются въ изложеніи Бульжера, то-есть, иначе сказать въ изложеніи „Тунъ-цзинъ-ганъ-му“, одинъ за другимъ царствовавшіе ханьскіе правители, какъ побѣдоносно они ведутъ борьбу съ Сюнь-ну. Но если мы вспомнимъ, какъ сюннускій Мо-дэ распоряжался и хозяйничалъ въ предѣлахъ собственнаго Китая, какія контрибуціи онъ бралъ, какъ онъ установилъ позорную для Средняго имперіи выдачу изъ замужество кочевникамъ

¹⁾ Что значить попытка Ванъ-анъ-ши при Сунцахъ? Это только исключеніе, подтверждающее общее правило.

царевенъ и систему обиха подарковъ, при чемъ номады всегда получали „за лычко ремешекъ“, то мы едва ли можемъ придти къ заключенію, что жизнь Китая съ этой стороны стояла въ лучшихъ условіяхъ при Ханяхъ, нежели она была при Цинь Ши-хуанъ-ди.

Послѣ Лю-баня или Гао-цзю (206—194), безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ въ ряду ханьскихъ правителей императору У-ди (140—86), время котораго ознаменовано дѣйствительно крупнѣйшими событіями, еще не выясненными вполне въ исторіи.

Таковыхъ главнѣйшихъ вопросовъ мы можемъ указать пять: три изъ жизни внѣшне-политической и два изъ внутренней.

1) Въ царствованіе императора У-ди совершилось раздѣленіе Сюнну или Хунновъ на двѣ орды, при чемъ южные Хунны поддались Китаю, а сѣверные ушли на сѣверъ. Блестящіе полководцы У-ди впервые нанесли кочевникамъ страшныя пораженія и съ этого момента опредѣляется внѣшняя политика Китая по отношенію къ инородцамъ нагорья, при чемъ правительство пользуется услугами южныхъ Сюнь-ну противъ сѣверныхъ. Система эта продолжается и въ послѣдующій рядъ вѣковъ, но завязка ея, равно какъ и разрѣшеніе вопроса о причинахъ раздѣленія кочевниковъ на два улуса, наблюдаемаго и позднѣе у пріемниковъ Сюнь-ну на степномъ нагорьи, кроются въ періодѣ правленія У-ди, и выясненіе ихъ должно быть начато отсюда.

2) Открытіе запада. Выпужденные искать союзниковъ противъ хунновъ, китайцы обратили свои взоры на западъ, и знаменитый Чжанъ-цзянь своими путешествіями произвелъ эпоху въ исторіи западнаго края. Въ 122 году до Р. Х. У-ди отправилъ его посланникомъ на западъ изслѣдовать тамошнія страны. Чжанъ-цзянь прошелъ черезъ земли Сюнь-ну, гдѣ его держали долго въ плѣну, побѣтилъ Да-вань (Фергану), Юэ-ши (Согдіану), Да-ся (Бактрію) и Ань-си (Парсію) и вернулся черезъ 10 лѣтъ къ императору. Вмѣстѣ съ тѣмъ полководецъ Хо-цзюй-бинъ въ большой экспедиціи 119 года противъ Сюнь-ну, побѣдоносно прошелъ черезъ страны степи до хребта Ланъ-цзюй-сю, въ 2000 ли внѣ великой стѣны, по направленію къ западу. Въ 102 году китайцы, идя по стопамъ Чжанъ-цзяня завоевали восточный Туркестанъ и всѣ страны западнаго края. Послѣ много разъ Китай терялъ эти страны и вновь пріобрѣталъ ихъ, но впервые онъ пришелъ сюда при У-ди и позднѣйшіе походы являются только подражаніемъ и повтореніемъ разъ сдѣланнаго. Нужно помнить, что западный край представлялъ собою въ тѣ времена со-

всѣмъ не то, что онъ теперь. Онъ зналъ двѣ цивилизаціи: персидскую и греческую, разсадникомъ которыхъ служило на данномъ пространствѣ Греко-Бактрійское царство. Произошло такимъ образомъ столкновение трехъ культуръ, и если трудно говорить о вліяніи китайской культуры на мѣстныя, то по вопросу о слѣдахъ западной культуры въ Китаѣ говорится и пишется очень много. Этотъ вопросъ подлежитъ изслѣдованію. Можетъ быть, всѣ доводы Teggien de Lasouregie, производящаго древнихъ китайцевъ изъ Вавилона, можно объяснить воздѣйствіемъ запада на Китай при и послѣ ханьской династіи. Еще менѣе того разрѣшенъ вопросъ о вліяніи Китая на западъ, хотя при взаимныхъ отношеніяхъ и это не могло пройти безслѣдно.

Завоевательная дѣятельность У-ди распростерлась и на востокъ нагорья въ Корею и южную часть Манчжуріи, и едва ли не здѣсь лежитъ основа для разрѣшенія вопроса о вліяніи китайской культуры на Корею.

3) Совершается усиленіе императорской власти на югѣ Китая, за Янъ-цзы-цзяномъ, и здѣсь происходитъ событіе очень важное— уничтоженіе прерогативъ отдѣльныхъ княжескихъ домовъ, уничтоженіе удѣловъ.

При циньской династіи мѣстности около Цзяна и особенно къ югу отъ него были заселены инородцами. Вліяніе же собственно китайской культуры было здѣсь незначительно. Для поддержанія свой власти по паденіи циньской династіи ханьскіе императоры усвоили себѣ пріемы и политику двоякаго рода. Къ различному до противоположности населенію невозможно было примѣнить единыя нормы, и потому было усвоено, во первыхъ, раздѣленіе на провинціи, вовторыхъ, раздѣленіе на удѣлы. Послѣдніе особенно имѣли въ основѣ своей этнографическую подкладку, на которой они только и могли держаться. Какъ у насъ на Руси раздѣленію на удѣлы могло существовать только до обрусенія инородческихъ племенъ, и какъ нынѣ даже насильственнымъ образомъ немисливо выдѣлить въ особое государство Ярославскую или Тамбовскую губерніи, такъ и въ Китаѣ удѣлы держались на этнографической разницѣ, на отсутствіи единства въ этомъ отношеніи. Выдѣленіе обособленныхъ этнографически мѣстностей въ удѣлы было самымъ удобнымъ пріемомъ для императора. Князь сживался съ инородцами, зналъ ихъ интересы, возникала династическая связь, укрѣплялась любовь подданныхъ къ своему государю, и племя жило, не доставляя хлопотъ государю,

но являясь даже часто его помощникомъ. При У-ди, послѣ походовъ въ Фу-цзянь и Сы-чуань, удѣлы были уничтожены, и государство стало единымъ цѣлымъ. Почему произошло это? Очевидно, китаизмъ въ формѣ культуры проникъ на югъ далеко, парализовалъ сторонніе факторы, объединилъ разноплеменное население и сдѣлалъ возможнымъ въ собственномъ смыслѣ единодержавное управленіе, безъ посредничества удѣльныхъ князей. Только на этой почвѣ могло произойти объединеніе государства и отмена прерогативъ княжескихъ. Но уничтожились-ли инородцы? Нѣтъ. Еще и теперь не только въ Сычуани, а и въ Гуй-чжоу живетъ множество инородческихъ племенъ, и мы видимъ послѣ ханьской династіи постоянное возникновеніе отдѣльныхъ княжескихъ домовъ на югѣ Китая. Они существовали, враждовали, боролись, обнаруживали извѣстную силу и устойчивость. На какомъ основаніи? Очевидно, на томъ же этнографическомъ разногласіи и разъединеніи; иной почвы быть не можетъ. Инородцы такимъ образомъ сохранились, но удѣлы пали, и вотъ этотъ-то поворотный пунктъ подлежитъ выясненію и разгадкѣ. Въ какой мѣрѣ распространился китаизмъ, на сколько племенное разнообразіе требовало отдѣльной власти и самоуправленія—этотъ-то вопросъ административной этнографіи и остается открытымъ, а между тѣмъ онъ имѣетъ первостепенное значеніе хотя бы для уясненія возникновенія Сань-го, то-есть, трехъ государствъ въ періодъ послѣ ханьской династіи.

Внутренняя жизнь китая при У-ди ставитъ изслѣдователю слѣдующія задачи:

4) а) При циньской династіи конфуціанцы подвергались гоненію. Справедлива или нѣтъ легенда о томъ, что Цинь Ши-хуань-ди сжегъ конфуціанскія книги и самихъ ученыхъ—это другой вопросъ, но что ученіе Конфуція въ то время не находило себѣ поддержки, а скорѣе вражду, это безпорно. Ханьская династія относится покровительственно къ этой доктринѣ. Гао-ди совершаетъ поклоненіе на могилѣ Конфуція, его преемники также поддерживаютъ подобныя отношенія къ послѣдователямъ Ни. При У-ди конфуціанцы начинаютъ предпочтительно предъ всѣми другими мыслителями приниматься на государственную службу, и скоро вся администрація оказывается въ рукахъ конфуціанства. И доселѣ въ Китаѣ существуетъ система государственныхъ экзаменовъ, дающихъ право на занятіе государственныхъ должностей. Исходнымъ пунктомъ ея является царствованіе У-ди. Чѣмъ вызвана подобная перемѣна, каковы условія ея и слѣдствія,—является вопросомъ.

Но этого мало. Известно, что конфуцианство называется религией, а между тѣмъ и Конфуцій и Мэнъ-цзы безусловно избѣгали и уклонялись отъ всякихъ вопросовъ о богѣ, безсмертіи, загробной жизни и пр. Какъ же это религія оказалась безъ бога? Какъ произошло это обстоятельство? Религія существовала раньше Конфуція, и въ тѣ времена каждый начальникъ, какъ и каждый отецъ, былъ и жрецомъ, на обязанности котораго лежало отправленіе всѣхъ религиозныхъ обязанностей. Когда во главѣ администраціи стали конфуціанцы, они, сами по себѣ не причастные къ религіи мыслители-моралисты, оказались прикосновенными къ дѣлу религіи, стали жрецами. Такимъ образомъ смѣшеніе обязанностей лицъ породило смѣшеніе понятій уже въ области ученія, и конфуцианство стали называть религіей. Начало этого смятія относится именно ко временамъ У-ди, гдѣ нужно искать разгадки даннаго вопроса.

б) Въ этотъ же періодъ произошло открытіе книгъ конфуціанскаго канона лусскимъ княземъ при расширеніи его дворца. Были найдены Шу-цинъ, Луи-юй и Сю-цинъ, и съ этого времени началась исторія конфуціанскаго канона. Если мы вспомнимъ, что существуетъ цѣлая школа отрицательной критики по вопросу о подлинности конфуціанскихъ книгъ, во главѣ которой стоитъ В. П. Васильевъ, то ясенъ станетъ интересъ даннаго факта. Отрицательная критика не хочетъ признать достовѣрнымъ этотъ фактъ, но существуетъ множество синологовъ, относящихся съ полнымъ довѣріемъ къ показаніямъ ханьской исторіи.

Наконецъ, во внутренней же жизни Китая мы видимъ удивительное соединеніе разнородностей; какъ это ни представляется страннымъ, но правленіе У-ди было періодомъ процвѣтанія и конфуціанства и даосизма. Императоръ основываетъ да-сѣ-юань, „академію великаго обученія“, куда приглашаетъ 136 у-цинъ-бо-ши, „профессоровъ У-цина“, учреждаетъ минъ-танъ, то-есть, „славный залъ“, гдѣ онъ ведетъ диспуты съ учеными и высшими сановниками о принципахъ морали и о научныхъ вопросахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ братъ императора Хуай-нань-цзы является завзятымъ даосомъ, самъ пишетъ сочиненія по даосизму и содѣйствуетъ всякими мѣрами его развитію и упроченію въ умахъ соотечественниковъ. Какъ же могли существовать столь близко не только въ одной имперіи, но и въ одной царской семьѣ два столь различныхъ направленія? Почему У-ди, не стѣснявшійся въ другихъ случаяхъ употреблять мѣры строгости и казни, не примѣнилъ ихъ къ брату и его приверженцамъ? Явленіе поразительное.

тельное, если признать фактомъ борьбу на жизнь и смерть между конфуціанствомъ и даосизмомъ во всё предшествующіе вѣка. Причинъ ему доселѣ никакихъ не указано.

На дѣятельность „академіи великаго обученія“ отрицательная критика указываетъ какъ на источникъ, откуда произошелъ весь почти канонъ китайскихъ классическихъ книгъ и гдѣ выработалось конфуціанство, какъ философская система. Если этотъ взглядъ критики подлежитъ провѣркѣ и оцѣнкѣ, то естественно прежде всего посмотрѣть на данный институтъ и оцѣнить его значеніе для конфуціанства. При изученіи эпохи У-ди необходимо также постоянно имѣть въ виду разницу въ характерѣ ея первоисточниковъ. Ханьская исторія написана конфуціанцемъ Бань-гу и пропитана вся духомъ доктрины Конфуція; другой источникъ для одной части періода У-ди Ши-цзи, „Историческія записки“, составленъ даосомъ Сы-мя-цянемъ и носитъ на себѣ печать взглядовъ послѣдователей Лао-цзы. Такое принципиальное различіе не могло остаться безъ послѣдствій при оцѣнкѣ различныхъ событій эпохи авторами названныхъ сочиненій, и дѣйствительно, Ши-цзи относится хладнокровнѣе къ успѣхамъ и поведенію У-ди, содержитъ меньше панегириковъ по его адресу; они одобряютъ даже иногда лицъ, измѣнявшихъ императору, какъ, напримѣръ, въ оцѣнкѣ поведенія полководцевъ Ли-гуанъ-ли и Ли-лина, которые, покоряясь силѣ обстоятельствъ, перешли на сторону Сюнь-ну и служили у нихъ.

Преемники У-ди, не имѣя ума и характера послѣдняго, старались поддерживать установленное У-ди положеніе, но государство слабѣло и слабѣло, пока, наконецъ, въ исходѣ прошлой эры тронъ не перешелъ къ узурпатору Ванъ-ману, основавшему на 17 лѣтъ династію Синь. Но младшая линія ханьскаго дома въ лицѣ Гуанъ У-ди скоро возвратила свои права, свергнувъ Ванъ-мана съ трона. Изъ времени царствованія этого временщика китайскія лѣтописи отмѣчаютъ намъ одинъ очень интересный, но доселѣ не разгаданный фактъ. Преслѣдуя побѣдоносно Гунновъ, Ванъ-манъ съ своею арміею прошелъ на сѣверъ степи до страны Динъ-линовъ. Что это за народъ, гдѣ и до какого времени они жили и чьими предками были? Въ Шанъ-хай-цзинѣ разказывается, что они были чудеснымъ народомъ, имѣли лошадиныя ноги и пробѣгали въ день по 300 ли, сами себя подгоняя ¹⁾. Позд-

¹⁾ Шанъ-хай-цзинъ. Глава Хай-пай-цзинъ.

нѣйшіе источники усвояютъ уже имъ болѣе опредѣленное мѣсто ¹⁾. а данное показаніе о походѣ Ванъ-Мана уже совершенно не позволяетъ считать ихъ какимъ-либо мифомъ. Вопросъ этотъ, кромѣ общаго интереса, привлекаетъ наше вниманіе потому еще, что всѣ китайскіе писатели о Россіи, начиная, кажется, съ Тулишена въ „И-юй-лу“, ставятъ этихъ Динъ-линовъ въ числѣ нашихъ предковъ.

Преемникъ Гуанъ-у-ди сынъ его Минъ-ди (58—76) вводитъ насъ въ новую область догадокъ и вопросовъ и на совершенно незатронутой еще почвѣ. Ему усвояютъ введеніе въ Китай буддизма, которое представляется не менѣе загадочнымъ, чѣмъ первоначальная исторія другихъ религій въ Китаѣ. Фо-го-цзи передаетъ намъ разказъ о знакомствѣ китайцевъ съ буддизмомъ въ Восточномъ Туркестанѣ еще во время похода туда Хо-цой-бина при У-ди, но В. П. Васильевъ не придаетъ этому вѣры. Повѣствованіе о снѣ Минъ-ди, передаваемое буддійскими писателями, само по себѣ невѣроятно, и по высказаннымъ отрицательной критикой доводамъ набрасываетъ подозрѣніе на весь фактъ посольства Цанъ-нина и Цинъ-цзиша въ Индію. В. П. Васильевъ полагаетъ возможнымъ допустить настоящее, историческое введеніе буддизма въ Китаѣ только со времени основанія въ Сѣверномъ Китаѣ инородческихъ владѣній пришедшими изъ Монголіи и Тибета племенами, то-есть, съ IV-го вѣка ²⁾. Какъ, когда и кто разрѣшить эти вопросы?

Послѣдующіе императоры ханьской династіи не привлекали доселѣ вниманія европейскіхъ изслѣдователей, хотя въ данный періодъ происходило усиленное сближеніе Китая съ Западомъ. При Хо-ди (89—106) Средишняя имперія достигла широчайшихъ размѣровъ на сѣверо-западѣ, гдѣ едва-ли не нынѣшняя Хива была пограничнымъ съ Китаемъ владѣніемъ. Съ господствовавшею въ то время на западѣ Римскою имперіей завязались и установились прочныя отношенія. торговля и дипломатическія, поддерживавшіяся во все продолженіе хоу-ханьской династіи. Но, не смотря на такую связь съ отдаленными государствами, періодъ послѣ Хо-ди можетъ быть названъ временемъ упадка Ханей. Полководецъ Банъ-чжао являлся однимъ изъ послѣднихъ могиканъ въ борьбѣ съ Сянь-бійцами. Далѣе начинается частая

¹⁾ Гу-цзинъ-ту-шу-цзи-чэнъ. Бянь-и-данъ. Цз. 139. Бэй-фанъ-вэй-сянь-чжу-го-бу-као-и № 15. Ср. Тай-пинъ-хуай-юй-цзи, цз. 185, л. 14.

²⁾ В. П. Васильевъ. Исторія буддизма. Приложение къ „Исторіи китайской литературы“. Литографическое изданіе, стр. 54—77.

сиѣна императоровъ, періодъ придворныхъ интригъ, временщиковъ и внутреннихъ раздоровъ. Въ 220 г. послѣдній ханьскій императоръ Сянь-ди удалился въ частную жизнь, уступивъ тронъ и поле битвы новымъ народнымъ героямъ.

„Между управлявшими Китаемъ фамиліями,—заключаетъ Бульжеръ свой разказъ объ этой національной династіи,—ни одна не занимаетъ столь высокаго мѣста въ народномъ уваженіи, какъ ханьская. Ея императоры выполнили вполне успѣшно трудную работу упроченія имперіи и привели къ осуществленію то, что можетъ быть названо императорскою миссіей Китая. Юнь-нань и Ляо-дунъ сдѣланы провинціями впервые. Кохинхина составила вассальное государство. Императорскіе указы имѣли силу на всемъ протяженіи до Памира включительно. Благосостояніе и торговля въ странѣ возрастали прогрессивно съ ея арміями. Нѣкоторыя изъ грандіознѣйшихъ публичныхъ работъ, въ родѣ дорогъ, мостовъ, каналовъ и водопроводовъ, построенныхъ въ этотъ періодъ, доселѣ свидѣтельствуютъ о минувшей славѣ ханьской династіи. Какъ мы видѣли, Хани дали Китаю нѣсколько великихъ правителей. Ихъ слава не была созданіемъ одного человѣка; династія отличалась продолжительнымъ существованіемъ, совершенно равнымъ по достоинству при цѣломъ рядѣ ея представителей на тронѣ. Никогда правящая фамилія не пользовалась въ Китаѣ большею популярностію, и это обстоятельство удерживало за Ханями тронъ даже тогда, когда оказывалось необходимымъ искупать ошибки и непродолжительныя неудачныя царствованія менѣе даровитыхъ монарховъ цѣною потери частей имперіи. Съ прочною поддержкою народа Хани преодолѣвали безчисленныя трудности и даже естественный процессъ упадка. Ихъ окончательное исчезновеніе со страницъ исторіи носитъ мягкій характеръ и, противъ обыкновенія, не сопровождается проклятіями народныхъ массъ, которыя всегда сопутствуютъ паденіямъ династій и потерѣ верховной власти. Это же самое чувство сохраняетъ свою силу доселѣ, находя себѣ выраженіе въ гордости, съ которою современные китайцы удерживаютъ за собою имя дѣтей ханьской династіи“ (р. 19—20).

Дмитрій Позднѣвъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О СТОЛАХЪ РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА.

Изученіе внутренней исторіи Разряднаго приказа получило особенный интересъ послѣ статьи г. Голомбѣвскаго „Столы Разряднаго приказа въ 1668—1670 годахъ“¹⁾. Г. Голомбѣвскій доказалъ произвольность архивнаго дѣленія документовъ Разряднаго приказа на 9 столовъ и поставилъ на очередь вопросъ о времени существованія каждаго стола и о болѣе точномъ опредѣленіи круга дѣятельности столовъ. Настоящая статья имѣетъ цѣлью дать нѣкоторыя дальнѣйшія свѣдѣнія по этому вопросу.

Самымъ обширнымъ изъ столовъ былъ Московскій столъ; несомнѣнно, онъ существовалъ при первомъ дѣленіи на столы. Дѣятельность Московскаго стола можно раздѣлить на два отдѣла: дѣла придворныя и военныя. Послѣднія представляютъ болѣе большой интересъ, и потому къ нимъ и обратимся.

Московскій столъ вѣдалъ военныя силы городовъ: Замосковныхъ, Украинныхъ, Рязанскихъ, Заозерныхъ, Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ. Вновь построенные города на югѣ Россіи входили въ вѣдомство Московскаго стола. Такимъ образомъ, число городовъ не было постояннымъ, тѣмъ болѣе, что Московскій столъ выдѣлялъ изъ себя другіе территориальные столы: Сѣвскій, Бѣлгородскій и др. Выстѣ съ ратными людьми Московскій столъ долженъ былъ вѣдать городскія укрѣпленія и засѣчное дѣло. Такъ, отписка о капитанѣ засѣчнаго дѣла Б. Апушкинѣ отдана въ Московскій столъ: „Такова отписка отдана подъячему Ѳедору Посникову, потому что засѣчное дѣло у него“²⁾. Однако этого нельзя принять общимъ правиломъ. То и

---

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1890 г., июль.

²⁾ Зап. книга Моск. стола № 14. Русск. Истор. Вѣст., т. XI, 151, 7173 г. Посниковъ въ Московскомъ столѣ—см. тамъ же, стр. 2.

другое относительно нѣкоторыхъ городовъ вѣдалось въ Пушкарскомъ приказѣ. Напримѣръ, на отпискѣ изъ Серпухова находимъ такую дьячью приписъ: „Городовое всякое строеніе вѣдомо въ Пушкарскомъ приказѣ, а дворцовыя волости въ приказѣ Большого Дворца“¹⁾. Точно также на жалобѣ изъ Веневы на засѣчнаго голову находится такая дьячья приписъ: „Отпускъ ему (то-есть, засѣчному головѣ) изъ Пушкарскаго приказа, а кружечныхъ дворовъ головы вѣдомы въ приказѣ Большіе Казны“²⁾.

Московскій столъ раздѣлялся на нѣсколько повытій; число ихъ измѣнялось. Распредѣленіе городовъ по повытіямъ можно прослѣдить: 1) по списку подъячихъ Московскаго стола, помѣщенному въ Записной книгѣ Московскаго стола 1634 года; 2) по такому же списку 1664 года, помѣщенному у Лихачева въ его „Разрядныхъ дьякахъ“; 3) по списку 1668 года въ книгѣ Московскаго стола № 61; 4) по Башмаковской описи 1668 года.

Въ 1634 году столъ дѣлился на 4 повытья³⁾:

I. Ивана Сѣверова; города: Владиміръ, Суздаль, Коломна, Кашира, Арзамасъ⁴⁾. Сѣверскіе съ людьми: Брянскъ, Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ.

II. Семена Мальцова: Рязань всѣхъ становъ, Тула, Одоевъ, Алексинъ, Серпуховъ, Можайскъ, Звенигородъ, Верей. Сѣверскіе съ людьми: Новгородокъ, Стародубъ, Рославль, Трубчевскъ.

¹⁾ Кн. Бѣлгород. стола № 122, л. 112, 7192 года: „книга отпискамъ“. Могутъ дополнить списокъ книгъ этого рода, составленный Голомбьевскимъ, такими книгами: 1) Приказнаго стола № 22, 1672 г., 2) Московскаго стола № 180, 1686 г., 3) Бѣлгородскаго стола № 122, 1684 г., 4) Разрядная вязка № 6, 7, 1677 г. (у Оглобина эта книга названа „Записной книгой Московскаго стола“: *Оглобинъ*, Опис. докум. Арх. Мин. Юст. IV. 415), 5) Разрядная вязка № 20, 52, 1697 г.

²⁾ Кн. Москов. ст. № 180, л. 207, 7194 года.

³⁾ Русская Истор. Библиотека, томъ IX, стр. 546.

⁴⁾ Арзамасъ вѣдомъ и въ Разрядѣ, и Новгородской чети. Въ книгѣ Московскаго стола № 62, л. 26, 177 года читаемъ: „Въ Арзамасѣ жилецъ кн. Ст. Ст. Шелеспальскій, отпускъ ему изъ Новгородскіе чети. А каковъ городъ въ Арзамасѣ и что людей и наряду и зелья и свищу, и то все вѣдомо въ Новгородской чети. А годовыхъ смѣтныхъ книгъ въ Разрядѣ не присылаетъ“. Арзамасъ въ Новгородской чети въ 192 году: Зап. кн. Москов. ст. № 18, л. 17, и въ 195 году: Зап. кн. Москов. ст. № 23, л. 20. См. также у *Ланно-Данилевскаго* „Организація прямого обложенія“, стр. 543. Однако Арзамасъ всегда встрѣчается въ спискѣ городовъ Московскаго стола. Въ какихъ же отношеніяхъ столъ вѣдалъ Арзамасъ? Военное дѣло, вѣроятно, вѣдается въ томъ приказѣ, куда посылается смѣтный списокъ.

III. Пятого Спиридонова: Калуга, Воротыньскъ, Мещовскъ, Серпейскъ, Козельскъ, Лихвинъ, Перемышль, Бѣлевъ, Карачевъ, Мценскъ, Орелъ, Новосиль, Чернь, Бѣлгородъ, Курскъ, Воронежъ, Осколь, Волуйка.

IV. Петра Обрабова: Нижній, Муромъ, Юрьевъ, Рязскій, Лухъ, Лебединъ, Данковъ, Переяславль Залѣскій, Волокъ, Руза, Боровскъ, Ярославецъ Малый, Епифанъ, Ливны, Елецъ.

Трудно подмѣтити принципъ дѣленія городовъ на повытья. Если принять территоріальный принципъ дѣленія, то онъ весьма слабо выдержанъ. Напримѣръ, въ двухъ первыхъ повытьяхъ сочетание замосковныхъ городовъ съ сѣверскими.

Число повытій постепенно увеличивалось и въ 1664 году достигло цифры 7 ¹⁾:

I. Повытье В. Семенова—то же, что и повытье Сѣверова, кромѣ Сѣверскихъ городовъ.

II. Семень Домашневъ вѣдаетъ города Рязанскіе. Коломна, впрочемъ, осталась въ первомъ повытьи. Образование этого повытья, можетъ быть, вызвало присоединеніе къ вѣдомству Московскаго стола городовъ: Михайлова, Пронска, Ефремова, Сапожка, Зарайска, Гремячаго, Печерниковъ, Веневы. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что въ росписи 1634 года подъ названіемъ „Рязань всѣхъ становъ“, вѣроятно, подразумѣваются нѣкоторые изъ этихъ городовъ ²⁾. Кромѣ того, Епифанъ и Рязскій взяты въ это повытье изъ повытья Петра Обрабова. Такимъ образомъ повытье Домашнева представляетъ территоріально объединенный округъ въ предѣлахъ теперешней Рязанской и восточной части Тульской губерніи. Оно впоследствии носило названіе Рязанскаго: „Отписать въ Московскій столъ къ Рязанскому повытью изъ Приказнаго стола“ ³⁾.

III. Иванъ Малышевъ ⁴⁾ сталъ во главѣ новаго повытья, выдѣленнаго изъ повытья Пятого Спиридонова; именно, выдѣлены города: Бѣлгородъ, Курскъ, Осколь и Волуйка. Къ нимъ присоединены 27 южныхъ городовъ, не упомянутыхъ въ росписи 1634 года. Это по-

¹⁾ *Личаевъ*, „Разрядные дьяки“, приложение.

²⁾ См. у *Лавпо-Данилевскаго* „Организація пр. обл.“, стр. 545.

³⁾ Разрядная вѣзка № 50, 1, 1709 года.

⁴⁾ Иванъ Малышевъ представляетъ случай временнаго перехода въ другой столъ. Въ книгѣ описи 178 года, помѣщенной въ XI томѣ Русск. Ист. Библиотеки на стр. 76 онъ—подъячій Московскаго стола; на стр. 173—Приказнаго; на стр. 236 снова Московскаго стола.

вытье представляет изъ себя нѣчто цѣльное: оно обнимаетъ собою весь югъ Россіи, кромѣ Сѣверскихъ городовъ.

IV. Повытье Ѳедора Посникова ¹⁾ соотвѣтствуетъ повытью Петра Обрабова, кромѣ Рязскаго и Епифани; прибавлены города Шуя и Чернавскій, не упомянутые въ 1634 году.

V. Сѣверскіе города Ивана Сѣверова съ новыми городами Недрыгайловъ, Каменное, Суминъ, Лебединъ образовали отдѣльное повытье Ѳедора Оловеникова. Западные Сѣверскіе города повытья Семена Мальцова не упоминаются въ росписи 172 года.

VI. Повытье Ѳедора Бахтеярова составлено изъ сѣверной части территоріи повытья Пятого Спиридонова; прибавлены не упоминавшіеся раньше города: Мосальскъ и Медынь. Образовалась сплоченная территорія въ предѣлахъ большей части теперешней Калужской губерніи и сѣверной части Орловской.

VII. Города Перфилія Ляпина тѣ же, какіе были въ вѣдомствѣ Семена Мальцова, кромѣ Рязани и Сѣверскихъ. Прибавлены новые, не упомянутые въ росписи 1634 года: Дѣдиловъ, Солова, Таруса. Кромѣ. Это повытье также представляетъ нѣкоторую цѣльность; оно образуетъ широкую полосу на югъ отъ Звенигорода и Можайска. Города этого повытья по Башмаковской описи составляютъ „Тульскій списокъ“.

Какъ видно изъ этого обзора, дѣленіе городовъ по повытьямъ составлено гораздо систематичнѣе. Тутъ уже намѣчены главныя основанія устроенныхъ впоследствии территоріальныхъ столовъ.

По росписи 176 года ²⁾ повытье Оловеникова уже носитъ названіе Хлѣбнаго стола, другія повытья остались при томъ же распределеніи городовъ: измѣнился нѣсколько составъ подъячихъ. Василій Семеновъ назначенъ дьякомъ ³⁾, Иванъ Малышевъ переведенъ въ его повытье ⁴⁾, на мѣсто Малышева назначенъ Алексѣй Яцкой изъ молодыхъ подъячихъ, получавшій въ 172 году только 9 рублей ⁵⁾. Эти перемѣщенія показываютъ, что повытья имѣли свою градацію; одно считалось выше, другое ниже. Судя по росписи 176 года, Москов-

¹⁾ Одинъ изъ городовъ этого повытья Нижній впоследствии отпущкомъ воеводы вѣдомъ Новгородскому приказу: въ 182 году—см. Зап. вѣд. Моск. ст. № 18, л. 17; въ 195 году см. Зап. вѣд. Моск. ст. № 23, л. 21.

²⁾ Кн. Москов. ст. № 61.

³⁾ Рус. Истор. Библиотека, т. XI, стр. 1.

⁴⁾ Кн. Москов. ст. № 61.

⁵⁾ *Лысачевъ*, „Разрядные дьяки“, приложение 4.

скій столъ лишился городовъ: Звенигорода, Вереи, Рузы, но вошли новые: Салтовъ, Мояцкой, Валки, Шацкой, Талецкой, Боровня.

Въ послѣдней четверти вѣка два послѣднія повытья (VI и VII) потеряли много городовъ и, вѣроятно, слились съ другими повытьями. Дѣйствительно, послѣ уничтоженія Хлѣбнаго стола (см. ниже) Сѣверскіе города не одни уже составляли повытье, какъ въ 172 году. Къ нимъ присоединились города Сѣвскаго полка и Заоцкіе. Въ 192 году Судейкинъ вмѣстѣ съ городами Сѣверскими вѣдаетъ Болховъ, Орель, Бѣлевъ, Карачевъ, Кромы, Воротынскъ ¹⁾. Составъ этого повытья указывается въ смѣтныхъ книгахъ 186 года, гдѣ послѣ смѣты Сѣверскихъ городовъ находится такая припись: „Заоцкіе семь городовъ да Сѣвскаго полку шесть, Сѣверскихъ съ пригороды пять городовъ годовыя смѣтныя росписи справилъ Юшко Охотницкій“ ²⁾. Дѣйствительно, въ 185 году подъячій Юрій Охотницкій вмѣстѣ съ Сѣверскими городами вѣдаетъ Болховъ, Кромы, Калугу, Мосальскъ, Орель и пр. ³⁾. Такимъ образомъ надо признать, что повытье Заоцкихъ и Сѣвскаго полка городовъ, которымъ по росписи 172 года управлялъ подъячій Федоръ Бахтеяровъ, покончило свое самостоятельное существованіе и слилось съ повытьемъ Сѣверскихъ городовъ.

Съ другой стороны Тула и Мценскъ отошли къ подъячему Ивану Паукову ⁴⁾, бывшему у „Бѣлгородскихъ дѣлъ“ ⁵⁾; Вереи и Звенигородъ вышли изъ вѣдомства Разряда, какъ видѣли выше; Алексинъ находимъ въ повытьи Ивана Максимова вмѣстѣ съ городами Бѣлгородскаго полка ⁶⁾. Такимъ образомъ главнѣйшіе города вышли изъ повытья, вѣдавшаго „Тульскій списокъ“; оно также не могло продолжать самостоятельнаго существованія и, вѣроятно, слилось съ Бѣлгородскимъ повытьемъ.

Значеніе Бѣлгорода и Сѣвска, какъ центровъ военныхъ округовъ, достаточно уже выяснено. Интересно бы также опредѣлить сферу дѣятельности Воронежскаго мѣстнаго управленія. Воронежскій воевода близко стоитъ къ „донскому отпуску“. Въ книгѣ Московскаго стола № 130 читаемъ: „Великіе государи указали послать грамоту

¹⁾ Кн. Бѣлгородскаго стола. № 122, листы 95, 144, 136, 226, 297, 195 и пр.

²⁾ Кн. Московскаго стола № 93. Юрій Охотницкій въ Московскомъ столѣ см. кн. Привазнаго стола № 22.

³⁾ Разрядная визка № 6, дѣло 7, листы 166, 342, 392, 409 и пр.

⁴⁾ Кн. Бѣлгород. ст. № 122, л. 94, 110.

⁵⁾ Записная кн. Москов. ст. № 23, л. 212.

⁶⁾ Разрядная визка № 6, 7, л. 373.

къ нему-жь Василью (Лаговчину, воронежскому воеводѣ) за то строгое скорое дѣло съ похвалою, а въ города къ воеводамъ писать о томъ съ великимъ подкрѣплениемъ, и у кого что сдѣлано, о томъ для вѣдома писать на Воронежъ, потому что донской отпускъ онъ нѣдастъ¹⁾.

Списокъ городовъ Новгородскаго стола приведенъ у Загоскина въ его брошюрѣ „Столы Разряднаго приказа“. О нѣкоторыхъ городахъ надо замѣтить отдѣльно. Въ 176 году Бѣлоозеро, Дмитровъ и Угличъ „вѣдомы въ приказѣ Большаго Дворца“²⁾, но тѣмъ не менѣе упоминаются въ общемъ списокѣ городовъ Разряда. Въ томъ же приказѣ эти города въ 177 и 182 годахъ³⁾. Романовъ въ 177 году въ Посольскомъ приказѣ: „На Романовѣ воевода князь Гр. Вас. Пестряковъ, отпускъ и смѣта въ Посольскомъ приказѣ“⁴⁾. Въ 182 г. Романовъ въ приказѣ Большаго Дворца⁵⁾. Въ списокѣ воеводъ 195 года оставлены пробѣлы для городовъ: Романова, Вологды, Бѣлоозера, Дмитрова, Кашина, Углича, Бѣжецкаго Верха⁶⁾, вѣроятно, вѣдомыхъ отпускомъ воеводъ не въ Разрядѣ. Кромѣ того въ этомъ же году отпускъ воеводы въ Ярославль былъ изъ Костромской чети⁷⁾.

Новгородскій столъ пользовался полной самостоятельностью, мало входилъ въ сношенія съ другими столами. Судя по описи дѣлъ Новгородской приказной избы⁸⁾, въ столѣ сосредоточивались военныя, судныя и депежныя дѣла городовъ Новгородскаго разряда. Ихъ не касались ни Приказный, ни Денежный столы Разряда. Сочетаніе Новгородскаго стола съ другими встрѣчается очень рѣдко. Но Московскій столъ составлялъ годовые смѣтные списки также городовъ Новгородскаго стола. Напримѣръ, годовой смѣтный списокъ, присланный изъ Торжка, подъячимъ Новгородскаго стола переданъ въ Московскій столъ⁹⁾. Среди книгъ Московскаго стола находятся годовые смѣтные списки всѣхъ городовъ Разряда, включая и Новгородскіе

¹⁾ Кн. Москов. ст. № 180, л. 301.

²⁾ Кн. Москов. ст. № 61, л. 54, 57.

³⁾ Кн. Москов. ст. л. 62, № 53, 54, 58; Зап. кн. Москов. ст. № 18, л. 19, 20.

⁴⁾ Кн. Москов. ст. № 62, л. 46. См. также у Миллюкова „Государственное хозяйство Россіи“, стр. 87.

⁵⁾ Зап. кн. Москов. ст. № 18, л. 19.

⁶⁾ Зап. кн. Москов. ст. № 23.

⁷⁾ Тамъ же, листъ 24.

⁸⁾ Рус. Ист. Библиотека, т. X, стр. 570 и слѣд.

⁹⁾ Рус. Ист. Библ., т. XI, стр. 2.

города ¹⁾). Даже „книги отпискамъ“ были свои у Новгородскаго стола: „Взято въ Разрядъ къ двумъ записнымъ книгамъ отписокъ нынѣшняго 185 года сентябрьскіе и мартовскіе половинъ на переплеть“... ²⁾). Интересно было бы опредѣлить, что такое была „книга приходная и расходная и отпускъ золотымъ Московскаго и Новгородскаго стола съ 121 по 127 годъ“, помѣщенная среди книгъ Приказнаго стола въ описи 1626 года ³⁾, и на сколько титулъ книги согласуется съ мнѣніемъ, что первыми столами были Московскій и Новгородскій, а прочіе столы выдѣлились изъ Московскаго ⁴⁾).

Не смотря на разнохарактерность дѣлъ Новгородскаго стола, дѣленіе на повѣтыя было территориальное, и при томъ ни въ одной извѣстной росписи городовъ по подъячимъ не упоминается о специальныхъ занятіяхъ повѣтчиковъ. Столъ дѣлился на три повѣтыя ⁵⁾:

I. Города Новгородскаго разряда. Сравнительно съ описью 172 года въ описи 176 года значатся лишніе города: Луки, Невль, Порховъ, Гдовъ, Опочка, Островъ, Изборскъ, Печерскій монастырь. Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ городовъ въ описи 172 года не упомянуты, какъ пригороды.

II. Города Смоленскаго разряда и изъ Замосковныхъ: Ярославль, Кострома, Галичъ, Вязьма, Клинь. Въ 176 году не упоминаются: Полоцкъ, Витебскъ, Велижъ, Рославль.

III. Прочіе Замосковные города, вѣдомые Новгородскому столу.

Новгородскіе стрѣльцы подчинялись Новгородскому столу даже тогда, когда находились въ городахъ другихъ столовъ. Напримѣръ, разрядный подъячій Ядинъ посланъ въ Путивль по письму Новгородскаго стола ⁶⁾). Оказывается, что въ Путивлѣ стояли новгород-

¹⁾ Кн. Москов. ст. № 93—186 года; № 103—187 г.; № 126—189 г. и пр.

²⁾ Книга Денежнаго стола № 180, л. 168. Требуютъ объясненія такіа сочетанія столовъ, встрѣчающіяся въ этой книгѣ. На листѣ 106 говорится, что по письму изъ Московскаго стола уплачено „за переплеть и за прикладъ Новгородскаго полка смотрѣйнаго списка 184 года и нынѣшняго 185 года да отъ починки подлинныхъ списковъ Новгородскаго полка городовъ тверичъ, новоторжцевъ, старичанъ, лучанъ, горожанъ, ржевичъ 16 алтынъ 4 деньга“. По письму изъ Московскаго же стола платится „за переплеть Рязанскаго разбойнаго подлиннаго списка“ (Ibidem, л. 105).

³⁾ Лизачевъ, „Разрядные дьяки“, приложение, стр. 46.

⁴⁾ Миллюковъ, „Государственное хозяйство Россіи“, стр. 298 прим.

⁵⁾ Московскаго стола книга № 61. Опись Башмакова, книга III. Лизачевъ, приложение, стр. 6, 7.

⁶⁾ Книга Денежнаго стола, № 2, л. 226.

скіе стрѣльцы ¹⁾). На томъ же основаніи по письму Новгородскаго стола отправленъ Разрядный сынъ боярскій въ Тамбовъ ²⁾).

Обратимся теперь къ Хлѣбному столу. По Башмаковской описи дѣла Хлѣбнаго стола опредѣляются такимъ образомъ ³⁾): „По указу великаго государя Алексѣя Михайловича города и тѣхъ городовъ списки и всякія дѣла вѣдаетъ подъячій Федоръ Оловениковъ: Брянскъ, Сѣвскъ. Рыльскъ, Путивль, Недрыгайловъ, Каменное, Сумино, Лебединъ; донской отпускъ и всѣхъ городовъ опричь Новгородскаго разряда хлѣбные запасы“. Упомянутые города въ спискѣ городовъ 172 года (см. у г. Лихачева) составляютъ отдѣльное повѣтье Московскаго стола, которое трудно считать за выдѣлившійся уже Хлѣбный столъ, такъ какъ въ спискѣ и до городовъ Сѣверскихъ и послѣ нихъ помѣщены повѣтья Московскаго стола. При этомъ не упомянуто о специальной дѣятельности Хлѣбнаго стола—завѣдываніи хлѣбными запасами всѣхъ городовъ. Для болѣе раннихъ годовъ мы имѣемъ положительныя указанія, что Хлѣбнаго стола еще не существовало. Напримѣръ, въ Записной книгѣ Московскаго стола 170 года записаны дѣла, которыя согласно съ опредѣленіемъ Башмаковской описи должны бы принадлежать Хлѣбному столу. Въ упомянутой книгѣ находимъ такіе приказы: сѣвскимъ уѣзднымъ людямъ везти въ Сѣвскъ хлѣбные запасы для осаднаго времени; стольнику Зиновьеву везти въ Брянскъ изъ Бѣлева собранный хлѣбъ; дѣло объ устройствѣ въ Сѣвскѣ хлѣбныхъ житницъ и пр. ⁴⁾). Первое, найденное мною, упоминаніе о Хлѣбномъ столѣ принадлежитъ 173 году ⁵⁾). Принимая, что въ 172 году Сѣверскіе города еще входили въ составъ Московскаго стола, можно съ увѣренностью сказать, что учрежденіе Хлѣбнаго стола относится къ концу 172 или къ началу 173 года.

Однако Хлѣбный столъ просуществовалъ недолго. Его уже нѣтъ въ книгахъ 185 и 186 годовъ. Въ 185 году по письму Московскаго стола выдавались прогонныя деньги въ Сѣвскъ, Рыльскъ, Брянскъ ⁶⁾). Въ 186 году по письму Московскаго стола выданы прогонныя разрядному подъячему, посланному по дѣлу о сборѣ четвериковаго хлѣба въ Заоцкихъ городахъ и о посылкѣ въ Сѣвскъ наличнаго хлѣба го-

¹⁾ Ibidem, л. 231.

²⁾ Ibidem, л. 156, 169.

³⁾ Башмаковская опись, книга III, л. 71.

⁴⁾ Зап. книга Московскаго стола № 12, л. 52, 205, 232.

⁵⁾ Русск. Истор. Библ., т. XI, стр. 144.

⁶⁾ Книга Денежнаго стола, № 130, л. 93, 96, 123, 130 и пр.

родовъ Бѣлгородскаго полка ¹⁾). Такимъ образомъ можно сказать, что въ 185 и 186 годахъ дѣла Сѣверскихъ городовъ и о хлѣбныхъ запасахъ перешли въ Московскій столъ.

Слѣдующіе документы наводятъ на мысль, что дѣла о хлѣбныхъ запасахъ на время выходили изъ круга дѣятельности Разряда. Можетъ быть, такое уменьшеніе сферы дѣятельности приказа и послужило причиною упраздненія Хлѣбнаго стола. Въ Записной книгѣ Московскаго стола 182 года находится „Запись о хлѣбныхъ и винныхъ запасахъ, которые по памяти изъ приказа в. г. тайныхъ дѣлъ велѣно выдать въ Разрядѣ“ ²⁾). Память изъ приказа тайныхъ дѣлъ помѣщена при записи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ плѣсени разобрать совершенно невозможно. Память начинается такъ: „Лѣта 7182 марта въ 20-й день по г. и в. к.... указу запасы, которые по наряду изъ приказа его государевыхъ тайныхъ дѣлъ строили въ Сѣвску и въ Путивлѣ стольникъ Ѳеодоръ Хрущевъ да приказа его государевыхъ тайныхъ дѣлъ подъячій Перфілій Оловениковъ, вѣдать въ Разрядѣ, и дворянъ и цѣловальниковъ, которые нынѣ у тѣхъ запасовъ, перемѣнить и т. д.“. Подобную же память изъ приказа Тайныхъ дѣлъ находимъ въ 184 году ³⁾: „Велѣно при в. г. Алексѣѣ Михайловичѣ для крымскаго промыслу отпустить въ Бѣлгородъ ратнымъ людямъ на жалованье хлѣбныхъ запасовъ изъ городовъ: Бѣлева, Болохова, Орла, Кромъ, Карачева, Брянска, Сѣвска, Рыльска. Путивля... и нынѣ в. г. Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ отпустить тѣмъ хлѣбнымъ запасамъ вѣдать въ Разрядѣ... роспись и выписки и всякія дѣла и отпуски въ столпу посланы къ тебѣ (разрядному дьяку Титову) съ сею памятью. Помѣта на памяти дьяка Василя Семенова: Учинить по сему в. г. указу, а столпъ принять осмотра и вѣдать то дѣло подъячю Ивану Максимову съ своими товарищи“. Иванъ Максимовъ въ 176 и 185 годахъ былъ въ Московскомъ столѣ и, судя по именамъ городовъ, принадлежалъ къ Бѣлгородскому повѣтью ⁴⁾). Хлѣбъ, вѣроятно, какъ платежное средство, вѣдался также въ Денежномъ столѣ. Напримѣръ, въ 194 году отписки объ елецкомъ и данковскомъ хлѣбѣ отданы подъячю Замятнину ⁵⁾, бывшему въ

¹⁾ Книга Денежнаго стола, № 2, л. 85.

²⁾ Зап. кн. Москов. ст. № 18, л. 361.

³⁾ Разрядная вязка № 6, дѣло 7, л. 674.

⁴⁾ Книга Московскаго стола № 180, л. 88, 167.

⁵⁾ Книга Приказнаго стола № 19; книга Московскаго стола № 78.

въ Денежномъ столѣ ¹⁾). Въ третьей книгѣ Башмаковской описи есть указаніе, что при Хлѣбномъ столѣ существовало Кіевское повѣтье, хотя оно и не имѣло особаго подъячаго: „Да подъячій же Ѳеодоръ Оловениковъ вѣдалъ города: Кіевъ, Переяславъ, Нѣжинъ, Черниговъ и тѣхъ городовъ книгъ и всякихъ дѣлъ“. Раннія книги по Кіеву относятся къ 162 году.

Однимъ изъ древнѣйшихъ столовъ былъ столъ Денежный. По Башмаковской описи въ Денежномъ столѣ „города вѣдомы таможеннымъ и кабацкимъ сборомъ и всякими доходами“ ²⁾). Руководствуясь этимъ указаніемъ, можно въ описи 1626 года выдѣлить города Денежнаго стола. Оброки, таможенные и кабацкіе сборы брались съ „польскихъ“ городовъ: Воронежа (съ 104 года), Курска (съ 120 г.), Волукъ (съ 124 г.), Бѣлгорода (съ 126 г.), Оскола (съ 128 г.), Ельца (съ 107 г.), Ливень (съ 122 г.), Лебедяни (съ 132 г.) ³⁾). Въ 1635 году число городовъ Денежнаго стола увеличилось пятью, присоединились: Карачевъ, Кромы, Мосальскъ Мещовскъ, Серпейскъ, но не упоминается Лебедянь ⁴⁾). Въ 1652 году мы видимъ еще цѣлый рядъ городовъ, присоединенныхъ къ вѣдомству Разряда: Хотмышскъ, Козловъ, Яблоновъ, Короча, Чернавскъ, Сѣвскъ, Комарицкая волость, Ольшанскъ, Коротоякъ, Новый Царевъ Алексѣевъ, Карповъ, Сокольскій, Доброе городище, Валки, Недрыгайловъ, Крупецкая волость ⁵⁾). Далѣе, указомъ 1665 года Разряду велѣно вѣдать доходы городовъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ ⁶⁾). Такимъ образомъ число городовъ увеличилось до той значительной цифры, которую даетъ намъ Башмаковская опись (около 70 городовъ).

Однако не всѣ эти города въ денежномъ отношеніи были вполнѣ подчинены Разряду. Сборами съ денежнаго ряда городовъ онъ долженъ былъ подѣлиться съ приказомъ Большаго Прихода. Сохранилась „Роспись городовъ, которые вѣдомы въ приказѣ Большаго Приходу всякими денежными доходами, а таможными по указу великаго государя вѣдомы въ Разрядѣ“ ⁷⁾). Города эти слѣдующіе: Мценскъ,

¹⁾ Ibidem, л. 207.

²⁾ Башмаковская опись, т. IV, л. 357.

³⁾ *Лизачевъ*, приложение, стр. 68—67.

⁴⁾ *Милюковъ*, „Государственное хозяйство“, стр. 308.

⁵⁾ *Милюковъ*, „Государственное хозяйство“, стр. 309.

⁶⁾ Полное Собраніе Законовъ № 870.

⁷⁾ Разрядная вязка № 3, д. 2, 176 года.

Новосиль, Чернь, Лихвинъ, Бѣлевъ, Орелъ, Болховъ, Карачевъ, Брянскъ, Рыльскъ, Путивль, Мещовскъ, Мосальскъ.

Бѣлгородъ и Сѣвскъ были центрами, куда стекались денежные доходы изъ округовъ. Это неоднократно подтверждалось указами изъ Разряда. Въ 1676 году было сдѣлано распоряженіе посылать въ Бѣлгородъ денежные доходы изъ подвѣдомственныхъ ему городовъ ¹⁾. Точно также видимъ, что сѣвскому воеводѣ велѣно Сѣвскаго полку во всѣ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, опричь Путивля и Брянска, отъ себя писать и для записи сбору таможенныхъ пошлинъ и кабацкіе и питейные прибыли послать тетрадь дяку Борису Остолопову и т. д. ²⁾. Итакъ Путивль и Брянскъ въ финансовомъ отношеніи не подчинены Сѣвску. Можетъ быть, на Путивль также смотрѣли, какъ на финансовый центръ. Въ приходо-расходныхъ книгахъ по Путивлю за 1634 годъ, то-есть, когда Путивль еще не былъ подчиненъ Разряду ³⁾, читаемъ: „да въ остаткѣ отъ Рыльскіе присылки привозу новгородца Ѳ. Волкова 163 руб. 25 ал. 2 ден., да въ остаткѣ же казацкихъ откупныхъ денегъ сбору нынѣшняго 142 года 65 руб. 29 ал. $\frac{1}{2}$ ден. ⁴⁾. Можетъ быть, Рыльскъ былъ приписанъ къ Путивлю, какъ въ 1665 году къ Путивлю были приписаны Недрыгайловъ и Каменное ⁵⁾.

Города Разряда доставляли значительную сумму, но ея не доставало для покрытія обширныхъ расходовъ на военное дѣло; дополнителныя суммы доставлялись изъ другихъ приказовъ, особенно изъ четвертей ⁶⁾. Однако и Разрядъ покрывалъ издержки нѣкоторыхъ приказовъ. Въ 1677 году были отпущены суммы въ приказы: въ Каменный—на палатное строеніе, въ Новгородскій—на покупку бумаги, въ Мастерскую палату, въ Посольскій—на окупъ, въ Большой Дюрець—на воскъ и свѣчи въ дворцовую церковь ⁷⁾.

Приказный столъ имѣлъ вѣдомство не менѣе обширное, чѣмъ Денежный столъ. Ему принадлежала судебная и полицейская власть въ городахъ Разряднаго приказа, кромѣ городовъ Новгородскаго разряда.

¹⁾ Разрядная вязка № 6, д. 7, л. 177.

²⁾ Разрядная вязка № 6, д. 6, 186 года.

³⁾ Въ 1645 году Путивль въ Владимірской четверти. *Ляпко-Данилевскій* „Организація прямаго обложенія“ стр. 545.

⁴⁾ Кн. Денежнаго стола № 90.

⁵⁾ *Милуковъ* „Гос. хоз.“ стр. 313, прим. 2.

⁶⁾ *Ляпко-Данилевскій*, „Орг. пр. обл.“, стр. 461 и слѣд.

⁷⁾ Кн. Денежнаго стола № 180, л. 210—217.

Кромѣ того онъ завѣдуетъ группой городовъ ¹⁾ по всѣмъ дѣламъ кромѣ денежныхъ и хлѣбныхъ. Въ этихъ городахъ Приказный столъ помимо Московскаго стола назначалъ воеводу и приказныхъ людей. Въ 175 году въ столѣ находились списки воеводъ городовъ: Козлова, Добраго, Сокольска, Чернавскаго, Бѣлоколодскаго, Бѣльскаго ²⁾. Почему въ этомъ спискѣ не упомянуты воеводы городовъ: Тамбова, Воронежа и Усмани, которые въ этотъ годъ вѣдались въ Приказномъ столѣ ³⁾, опредѣлить трудно.

Съ теченіемъ времени Приказный столъ, повидимому, теряетъ свой специальный судебный и полицейскій характеръ и становится территоріальнымъ. Въ Московскій столъ шли дѣла чисто судебного характера. Напримѣръ, Иванъ Максимовъ взялъ такія отписки: изъ Лебедина—о людяхъ на поимку воровъ; изъ Верхососенска—о разбойникахъ; изъ Коротояка—объ извѣстномъ челобитѣ; изъ Курска—о воровскомъ письмѣ и пр. ⁴⁾. Иванъ Пауковъ беретъ отписки изъ Коротояка—о заплечномъ мастерѣ, изъ Тулы—о колодникѣ, посланномъ въ Мценскъ, и пр. ⁵⁾. Такимъ образомъ Приказный столъ отдалъ дань стремленію правительства провести территоріальный принципъ, стремленію, которое преобразовало повытья Московскаго стола и изъ Хлѣбнаго стола образовало Сѣвскій.

Приказный столъ имѣлъ также нѣкоторое финансовое значеніе для городовъ Разряда. Въ 1651 году царскимъ указомъ было предписано пошлины отъ судныхъ дѣлъ изъ замосковныхъ и украинскихъ городовъ посылать въ Разрядъ ⁶⁾. Поэтому въ Приказномъ столѣ велись книги, въ которыхъ занисывалось, сколько взято пошлинъ съ челобитчиковъ ⁷⁾.

Однимъ изъ позднѣйшихъ столовъ былъ Бѣлгородскій. Первое упоминаніе объ этомъ столѣ, найденное г. Голомбѣвскимъ, относится къ 1688 году ⁸⁾. Въ 1687 году Бѣлгородское повытье, повидимому, еще не выдѣлилось изъ Московскаго стола. На памяти изъ приказа Малой Россіи о сторожахъ на почтовыхъ дворахъ въ Китай-городѣ и

¹⁾ Голомбѣвскій „Столы Разрядн. приказа“, стр. 15.

²⁾ Кн. Приказнаго стола, № 30.

³⁾ Голомбѣвскій, стр. 15.

⁴⁾ Разрядная визка № 6, д. 7, л. 270, 273, 186, 251. 184 года.

⁵⁾ Кн. Бѣлгор. ст. № 122, л. 78, 94. 192 года.

⁶⁾ П. С. З. № 66.

⁷⁾ Образецъ такой книги—книга Приказнаго стола № 42, 1700 г.

⁸⁾ Миллюковъ, „Гос. хов.“, стр. 338, прим.

въ Полтавѣ находится такая припись: „Подлинная память отдана къ Бѣлгородскимъ дѣламъ подъячему Ивану Поукову“ ¹⁾). Изъ того обстоятельства, что память записана въ книгѣ Московскаго стола и что Паукову дѣло отдано не „въ Бѣлгородскій столъ“, какъ навѣрное написали бы, еслибы онъ существовалъ, а „къ бѣлгородскимъ дѣламъ“ (слово „повытье“ употребляется рѣдко), можно заключить, что эти бѣлгородскія дѣла вѣдались въ Московскомъ столѣ. Такимъ образомъ есть основаніе заключить, что Бѣлгородскій столъ основанъ въ 1687 или 1688 году. Обширная территорія Бѣлгородскаго стола побудила раздѣлить новый столъ на нѣсколько повытій. Въ 1708 г. упоминается повытье Савостьяна Германова ²⁾).

С. Богомысленскій.

---

¹⁾ Зап. ин. Москов. ст. № 23, л. 212.

²⁾ Км. Денеж. ст. № 151, л. 178.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. И. Шохоръ-Троцкий. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. С.-Пб. 1892. Стр. 116. Цѣна 60 к.

Названная книга заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по важности вопросовъ, обсужденіе которыхъ составляетъ ея содержаніе, такъ и по воззрѣніямъ автора.

Въ „введеніи“, указывающемъ предназначеніе книги и содержаніе ея главъ, авторъ говоритъ о невозможности общаго опредѣленія математики, такъ какъ единой „науки-математики“ (*la mathématique*) не существуетъ, а существуютъ „математическія науки“ (*les mathématiques*). Онъ говоритъ также объ условности подраздѣленія математики на высшую и низшую, такъ какъ та пограничная черта между этими двумя отдѣлами, которая считалась весьма рѣзкою лѣтъ 50 тому назадъ, въ настоящее время почти совершенно исчезла.

Въ 1-ой главѣ разсматриваются цѣли преподаванія каждаго изъ отдѣловъ низшей математики и рѣшаются вопросы: что на самомъ дѣлѣ остается изъ всего курса низшей математики въ распоряженіи окончившаго курсъ средняго учебнаго заведенія—на всю жизнь? и что изъ этого курса должно было бы оставаться у него на всю жизнь? Отвѣтъ данъ такой (стр. 18):

Большинство окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ бываетъ поставлено въ условія „наиболѣе благоприятныя для полнаго забвенія ученій математики“; у нихъ „изъ ариметики остается въ распоряженіи ученіе о всѣхъ четырехъ дѣйствіяхъ надъ цѣлыми и о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ надъ дробными числами,

изъ алгебры—умѣнье прочесть формулу и болѣе или менѣе вѣрно понять смыслъ ея, обо всемъ же остальномъ, за исключеніемъ, можетъ быть, ученія объ уравненіи первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ, у нихъ остаются только болѣе или менѣе смутныя воспоминанія; изъ геометріи же остаются почти только одни воспоминанія, при томъ воспоминанія туманныя, о какой то безконечной цѣпи доказательствъ, а изъ тригонометріи чаще всего только одни названія тригонометрическихъ функцій“. По мнѣнію автора, практическая жизнь предъявляетъ большинству образованныхъ людей такъ мало требованій относительно вопросовъ математическаго характера, что усвоившій на всю жизнь упомянутыя незначительныя по своему количеству математическія знанія можетъ считать, съ точки зрѣнія зако-утилитарной, свое математическое образованіе „не только достаточнымъ, но даже прямо роскошнымъ“.

Но, говорить онъ на стр. 20, не количествомъ фактическихъ знаній, усвоенныхъ на всю жизнь изъ курса математики, должны оцѣниваться достигнутые результаты и роль низшей математики въ дѣлѣ общаго образованія. Фактическое содержаніе учебнаго предмета часто служитъ лишь матеріаломъ, надъ которымъ учащійся долженъ былъ поработать для достиженія какихъ либо *идеальныхъ* результатовъ въ направленіи образованія ума и воспитанія сужденія. „Весь вопросъ въ томъ—пріучилось ли данное лицо вѣрно оцѣнивать демонстративную силу доказательства, научилось ли оно пониманію методовъ отвлеченія и обобщенія, развило ли въ себѣ вкусъ къ болѣе или менѣе точному мышленію или сужденію?... Все дѣло стало быть, только въ томъ, что каждый *средній* человекъ, который заявляетъ притязаніе на званіе человека сколько нибудь образованнаго, долженъ былъ въ отрочествѣ и юности заниматься математикою; важно чтобы учащійся хорошо учился, а учащій хорошо училъ этому предмету... Но много ли послѣ такого курса осталось въ памяти учащагося *фактически* знаній, при томъ *навсегда, на всю жизнь*—это уже вопросъ второстепенный и даже прямо праздный“.

Во 2-ой главѣ разсматриваются „отдѣльныя статьи курса низшей математики съ общеобразовательной точки зрѣнія“. Ариметику авторъ подраздѣляетъ на три существенно различныхъ курса: 1) ариметику первоначальную, дѣтскаго возраста, она же входитъ въ курсъ приготовительнаго класса средняго учебнаго заведенія; 2) ариметику практическую, изучаемую въ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ низшихъ классахъ, и 3) ариметику теоретическую, доступную лишь

для обладающаго довольно значительнымъ навыкомъ въ приемахъ математическаго мышленія и изслѣдованія, а потому умѣстную только въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Авторъ хотя и признаетъ современное состояніе этихъ трехъ курсовъ вообще соответствующимъ болѣе или менѣе своему предназначенію, но относительно выполненія многихъ частныхъ дѣлаетъ рядъ замѣчаній весьма мѣткихъ. Нельзя, напримѣръ, не согласиться съ слѣдующимъ:

(Стр. 28). „Курсъ ариметики приготовительнаго класса часто основанъ, съ одной стороны, на такъ называемомъ монографическомъ, ни къ чему не ведущемъ, изученіи числа (благодаря распространенности у насъ задачника и методы Евтушевскаго), а съ другой слишкомъ обремененъ рѣшеніемъ задачъ, совсѣмъ не отвѣчающихъ основнымъ требованіямъ курса и вовсе не приуроченныхъ къ выработкѣ въ умѣ учащагося основныхъ ариметическихъ представленій;... таблицы четырехъ дѣйствій усваиваются дѣтми не твердо, что оказываетъ крайне вредное вліяніе на всемъ протяженіи остальнаго курса ариметики и алгебры“...

„Въ курсѣ практической ариметики... встрѣчаемся съ пристрастіемъ къ задачамъ сложнымъ, запутаннымъ, къ задачамъ чисто алгебраическаго характера, какъ будто цѣль обученія практической ариметикѣ, между прочимъ, состоитъ также въ усвоеніи дѣтми способа распутыванія задачъ... Что-же касается мнимаго, будто бы особенно развивательнаго, а потому будто бы и весьма образовательнаго значенія задачъ этого рода; то, во первыхъ, не для чего искать развивательныхъ элементовъ непремѣнно въ задачахъ, когда они имѣются въ великомъ изобиліи и въ самомъ курсѣ...; во вторыхъ, именно образовательное значеніе этихъ задачъ, благодаря слишкомъ узкой спеціальной и, при томъ, недоступной большинству учащихся сферѣ умственныхъ интересовъ, возбуждаемыхъ рѣшеніемъ ихъ, оказывается ничтожнымъ; третьихъ, наконецъ, задачи запутанныя и алгебраическаго характера на громадное большинство учащихся оказываютъ даже прямо вредное вліяніе, отбивая у нихъ охоту заниматься арифметикою, неправильно отождествляемою ими, по примѣру, впрочемъ, большинства учителей, съ этими задачами, и наводя на учениковъ только великое уныніе и даже тоску, столь вредно отзывающіяся на всей умственной дѣятельности учащагося. Далѣе, въ курсѣ практической ариметики встрѣчаемся со статьею объ обращеніи періодическихъ дробей въ обыкновенныя, которая не можетъ быть съ доста-

точною научною строгостью обоснована въ этомъ курсѣ; съ ученіемъ о пропорціяхъ, которое по самому духу своему принадлежитъ низшей алгебрѣ; со включеніемъ ученія объ ариметическихъ пропорціяхъ, абсолютно ни для чего въ настоящее время не пужнымъ... Несомнѣнно, что умѣніе рѣшать задачи на нѣкоторыя тройныя правила необходимо и съ практической и съ образовательной точки зрѣнія, но задачи этого рода должны быть отнесены, въ большинствѣ случаевъ, къ числу упражненій на нахожденіе части цѣлаго и цѣлаго по частямъ и, кромѣ того, задачи этого рода легко могутъ быть рѣшаемы и безъ пропорцій". Нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ тройныхъ правилъ (учетъ векселей, смѣшеніе 2-го рода) совсѣмъ должны быть исключены изъ курса ариметики. Рѣшеніе задачъ на тройныя правила съ помощью пропорцій умѣстно въ алгебрѣ, въ ученіи о составленіи уравненій съ однимъ и со многими неизвѣстными.

Авторъ указываетъ также какія добавленія слѣдуетъ сдѣлать къ курсу практической ариметики, и указанія эти вполне соотвѣтствуютъ предназначенію курса, „пріучить дѣтей къ вѣрному, быстрому и болѣе или менѣе изящному производству дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами". Въ особенности заслуживаетъ вниманія указываемая имъ необходимость научить производству умноженія десятичныхъ дробей по тому простому способу, на которомъ настаивалъ Лагранжъ въ своихъ лекціяхъ въ нормальной школѣ. (Способъ этотъ отличается отъ обыкновеннаго—или, какъ говоритъ С. И. Шохоръ-Троцкій, отъ „традиціоннаго"—тѣмъ, что порядокъ полученія частныхъ произведеній обратный, то-есть, умноженіе начинаютъ съ высшихъ разрядовъ множителя; множителя подписываютъ подъ множимымъ такъ, чтобы цифра единицъ множителя была въ одномъ вертикальномъ столбцѣ съ цифрою послѣдняго младшаго разряда множимаго; частныя произведенія получаютъ традиціоннымъ способомъ и также подписываютъ, то-есть, отъ правой руки къ лѣвой и чтобы цифра младшаго разряда была въ одномъ вертикальномъ столбцѣ съ соотвѣтствующею цифрою множителя). Способъ этотъ, ни въ чемъ не уступая традиціонному, имѣетъ надъ нимъ несомнѣнныя преимущества и съ удобствомъ можетъ быть примененъ не только къ умноженію десятичныхъ дробей, но и къ умноженію цѣлыхъ чиселъ: при производствѣ вычисленій по приближенію, онъ, такъ сказать, непосредственно указываетъ какіе разряды въ частныхъ произведеніяхъ должны быть удержаны и какіе излишни для требуемой точности; въ случаѣ точнаго умноженія, онъ имѣетъ пре-

нмущество надъ традиціоннымъ способомъ, какъ болѣе естественный, ибо произведенія на старшіе разряды множителя получаются прежде произведеній на младшіе, и какъ предохраняющій отъ ошибки относительно мѣста запятой въ произведеніи. Слѣдовало бы даже высказаться съ болшею категоричностью, чѣмъ это сдѣлалъ С. И. Шохорь-Троцкій и рекомендовать этотъ способъ взамѣнъ традиціоннаго во всевозможныхъ случаяхъ.

Курсъ ариметики въ одномъ изъ высшихъ классовъ долженъ состоять—какъ весьма основательно говоритъ авторъ—не въ повтореніи практической ариметики, а въ изученіи ариметики теоретической (стр. 33): „на первомъ планѣ должна стоять теорія дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами, теорія общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго двухъ и нѣсколькихъ чиселъ; кромѣ того, долженъ быть пройденъ болѣе или менѣе закругленный курсъ приближенныхъ вычисленій“.

Замѣчанія С. И. Шохорь-Троцкаго, относящіяся до другихъ отдѣловъ курса низшей математики—алгебры, геометріи и тригонометріи (со включеніемъ даже тѣхъ, съ которыми нельзя согласиться) свидѣтельствуютъ о его педагогической опытности и вѣрномъ пониманіи общеобразовательнаго значенія, такъ сказать, почти каждой главы, почти cadaго отдѣла математики. Безъ всякаго колебанія можно присоединиться, напимѣръ, къ слѣдующимъ его мнѣніямъ:

Ученія объ извлеченіи корней и даже о возвышеніи въ степень—въ виду необходимости, для истолкованія дробныхъ показателей, обращаться къ радикаламъ—,страдаютъ не только неполнотою содержанія, но (что еще хуже) крайней нематематичностью изложенія“ (стр. 37)... „полезно изъ курса такъ называемой низшей алгебры пройти только то, что можетъ быть пройдено вполне основательно и многосторонне и что можетъ быть вполне научно обосновано“ (стр. 38)... „не должно терпѣть въ курсѣ средняго учебнаго заведенія ничего незаконченнаго, несовершеннаго въ логическомъ отношеніи, ничего такого, что могло бы ученику внушить хотя бы малѣйшую тѣнь неуваженія къ наукѣ, къ знанію, къ силѣ ума человѣческаго... Учащійся долженъ твердо знать—что онъ знаетъ и чего не знаетъ: полузнаніе не должно быть терпимо ни въ какомъ случаѣ“ (стр. 40).

Заслуживаетъ также вниманія предлагаемое имъ добавленіе къ курсу алгебры: „желательно внесеніе въ алгебру термина *функция* и идеи, связанной съ этимъ терминомъ, а равно первоначальное уче-

ние о декартовых координатах, даже (*horribile dictum!*) о кривой, в которой координаты связаны данным уравнением. Эта последняя идея особенно важна в образовательном отношении, и в настоящее время идея кривой, олицетворяющей ходъ измененія какой-либо функции, можно сказать, сдѣлалась идеею, безъ которой почти невозможно обойтись образованному человѣку вообще и ни въ одной отрасли знанія въ частности. Кроме того, въ курсъ пизшей алгебры должны быть внесены идеи научной теоріи предѣловъ, въ связи съ теоріею бесконечно малыхъ величинъ“ (стр. 43).

Но съ его мнѣніемъ относительно сокращеній программы алгебры (исключеніе статьи о биномѣ Ньютона, непрерывныхъ дробей, прогрессій...) едва ли можно согласиться; въ особенности не выдерживаетъ критики его взглядъ на ученіе о логарифмахъ, которое онъ предлагаетъ всецѣло исключать изъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, равно какъ и упражненія въ рѣшеніи треугольниковъ. Мнѣніе это онъ мотивируетъ тѣмъ, что, во первыхъ, элементарная теорія логарифмовъ „неверна отъ начала до конца“ (стр. 42), такъ какъ логарифмъ всякаго числа имѣетъ безчисленное множество значеній, во вторыхъ — „степень достовѣрности вычисленныхъ, съ помощью логарифмовъ, цифръ результата учащемуся остается совершенно неизвѣстною“ (стр. 37), наконецъ, третьихъ, упражненія въ логарифмическихъ вычисленіяхъ и въ рѣшеніи треугольниковъ бесполезны и съ практической и съ общеобразовательной точки зрѣнія, а между тѣмъ на нихъ тратится чрезвычайно много времени. Но эти доводы не имѣютъ той силы, какую въ нихъ предполагаетъ авторъ, а именно:

1) Научная строгость ни малѣйше не будетъ нарушена условіемъ подразумѣвать подъ терминомъ „логарифмъ числа N “ не всѣ возможные значенія соотвѣтствующаго этому N показателя основанія, а только вещественныя значенія, то-есть—не $\log((N))$, по обозначенію Коши, а только $\log N$; этимъ самымъ многозначность логарифма устраняется вполне и на строгонаучныхъ основаніяхъ. Авторъ упускаетъ изъ вида, что логарифмы были открыты болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до того времени, когда была высказана (Иваномъ Бернулди и Моавромъ) впервые явственно идея о ихъ многозначности, а однако незнаніе этой многозначности нисколько не препятствовало ни составленію логарифмическихъ таблицъ, ни правильному пользованію ими.

Авторъ не только не отрицаетъ необходимости основательнаго ознакомленія съ иррациональными числами, но даже (какъ было выше упомянуто), говорить о „внесеніи въ курсъ низшей алгебры идеи

научной теоріи предѣловъ, въ связи съ теоріею безконечно малыхъ величинъ“; но вѣдь если ученикъ усвоилъ себѣ эти идеи на столько, что понимаетъ смыслъ выраженій: *корень изъ неполнаго квадрата*, $\sqrt{a}$ *умноженный на* $\sqrt{b}$, и равенства $\sqrt{a} \cdot \sqrt{b} = \sqrt{ab}$, то не затруднится уже пониманіемъ смысла несоизмѣряемаго показателя и даже возможности рѣшенія уравненія $a^x = N$, при данныхъ численныхъ значеніяхъ a и N ;—въ понятіяхъ такого рода затруднительно только восхожденіе на первую ступень.

2) Замѣчаніе относительно неизвѣстности ученику степени достоверности вычисленныхъ, съ помощью логарифмовъ, цифръ результата не соответствуетъ сказанному выше (стр. 33) о необходимости пройти въ одномъ изъ высшихъ классовъ болѣе или менѣе закруженный курсъ приближенныхъ вычисленій. Логарифмы доставятъ для такого курса готовый матеріалъ. При этихъ упражненіяхъ, вниманіе учителя должно быть обращено, главнымъ образомъ, не на то, чтобы ученики получали результатъ съ наибольшимъ числомъ цифръ, допускаемыхъ степенью точности таблицъ; напротивъ того, необходимо приучать къ вычисленіямъ лишь съ такимъ приближеніемъ, какое требуется условіями вопроса и къ *непользованію* излишними цифрами таблицъ, а въ заданіяхъ слѣдуетъ ограничиваться самыми умѣренными степенями приближенія.

3) Авторъ совѣтуетъ (стр. 52) обратить болѣе вниманія на „тѣ ученія о тригонометрическихъ функціяхъ, которыя могутъ сослужить великую службу алгебрѣ (напримѣръ, формула Моавра) и такимъ образомъ внести въ познаніе учащагося нѣсколько новыхъ идей высокой математической цѣнности“; но почему же онъ, справедливо указывая на высокую математическую цѣнность формулы Моавра, не признаетъ цѣнности формулы $\text{Log } a^n = n \text{Log } a$, и неужели онъ считаетъ понятіе о логарифмѣ лишеннымъ всякаго образовательнаго значенія или—менѣе доступнымъ уму ученика, чѣмъ понятіе о комплексныхъ выраженіяхъ и о дѣйствіяхъ надъ ними?

Что касается мнѣнія автора относительно громадной затраты времени на упражненія въ логарифмическихъ вычисленіяхъ и въ рѣшеніи треугольниковъ, то оно вполне справедливо. Упражненіямъ этимъ придано такое значеніе, какого они не должны имѣть въ курсѣ математики въ среднемъ учебномъ заведеніи, и они ведутся не въ надлежащемъ направленіи, а почти такъ, какъ еслибы имѣли въ виду приготовить специалистовъ-вычислителей. Роль этихъ упражненій должна быть ограничена крайне необходимымъ для уясненія учени-

камъ значенія логарифмовъ (десятичной системы) и для ознакомленія съ главнѣйшими элементарными свойствами логарифмовъ. Поэтому, хотя и нельзя согласиться съ мнѣніемъ С. И. Шохоръ-Троцкого объ изъятіи ученія о логарифмахъ изъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать этого мнѣнія, равно какъ и его мнѣнія о рѣшеніи треугольниковъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія уже потому, что оно вызвано ненормальною постановкою этихъ частей курса.

Было выше сказано о замѣчаніяхъ С. И. Шохоръ-Троцкого, что они свидѣтельствуютъ о вѣрномъ пониманіи общеобразовательнаго значенія, такъ сказать, *почти* каждой главы, *почти* каждого отдѣла математики. Приставка „почти“ къ слову „каждый“ сдѣлана главнымъ образомъ по поводу даннаго С. И. Шохоръ-Троцкимъ истолкованія общеобразовательной роли геометріи, которое нельзя оставить безъ возраженія, такъ какъ оно помѣщено въ книгу, содержащей рядъ вѣскихъ и цѣпкихъ мнѣній.—На стр. 8-й читаемъ: „геометрія должна на вопросахъ геометрическихъ учить приемамъ доказательства, опредѣленія, классификаціи и изслѣдованія. то-есть должна учить нѣкоторымъ приложеніямъ формальной и практической логики“, и на стр. 17: „геометрія учить преимущественно *доказательству*, какъ таковому, то-есть учить одному изъ важнѣйшихъ приложеній практической логики“. Но развѣ геометрія важна, въ общеобразовательномъ отношеніи, не сама по себѣ, не по сущности своего содержанія, а лишь какъ приложеніе формальной и практической логики? Вѣдь именно съ этой точки зрѣнія на геометрію, то-есть, со стороны ея служебной или *логической* роли, она вызвала рѣзкія нападки и осужденіе метода ея преподаванія такими, напримѣръ, авторитетными мыслителями какъ Шопенгауеръ. Конечно, геометрія Евклида представляетъ образецъ строго выдержанной системы, но и аналитическая геометрія Декарта можетъ служить образцомъ другаго рода строго выдержанной системы, и аналитическая механика Лагранжа заслуживаетъ быть названной образцомъ строго выдержанной системы; не въ этой, однако, строгой выдержанности системы главнѣйшія достоинства этихъ наукъ, а въ самомъ ихъ содержаніи — въ объектѣ изслѣдованія и въ глубинѣ изслѣдованія. Упомянутое истолкованіе роли геометріи не соответствуетъ сказанному въ другихъ главахъ той же книги и несомнѣнно, что авторъ знаетъ другую, болѣе важную образовательную роль этой науки, состоящую въ развитіи геометрическихъ соображеній, въ сообщеніи уму запаса геометрическихъ

представленій и понятій; онъ знаетъ, конечно, что идеи равенства, симметріи, подобія и вообще пропорціональности, правильности фигуръ и ихъ многообразія—развитіе способности понимать различныя соотношенія линій, плоскостей и т. п. по ихъ взаимнымъ положеніямъ, наклонамъ и пр. — имѣютъ несравненно большую важность въ смыслѣ образовательномъ и даже философскомъ, чѣмъ навыкъ къ силлогизмамъ, который можетъ быть приобрѣтенъ и безъ занятій геометрию. Упомянутое воззрѣніе С. И. Шохоръ-Троцкаго на геометрію исходитъ изъ предвзятой идеи и составляетъ слабый пунктъ его книги и какъ бы невольную дань автора нѣкоторымъ... научнымъ вѣяніямъ.

Остальныя двѣ главы (3-я: „Роль учебниковъ и задачниковъ при преподаваніи низшей математики“ и 4-я: „О средствахъ преподаванія вообще и живомъ словѣ преподавателя въ частности“) и „заключение“ составляютъ лучшую часть книги. Очевидно, автору дороги интересы учениковъ и при томъ равно дороги какъ интересы большинства, которому не придется по окончаніи курса средняго учебнаго заведенія примѣнять къ практикѣ свои математическія знанія, такъ и интересы того меньшинства, которому эти знанія понадобятся для продолженія своего математическаго образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи или для какихъ либо другихъ цѣлей; очевидно также, что онъ приложилъ много труда къ изученію вопроса, поставленнаго имъ въ заглавіи разсматриваемой книги, и литературы этого вопроса.

Глава 3-я не вызываетъ возраженій и со всѣми содержащимися въ ней указаніями и выводами нельзя не согласиться и не признать ихъ важности. Съ еще большею увѣренностью можно сказать то же о главѣ 4-й, начиная со страницы 89-й и до конца книги, за исключеніемъ лишь одной строки на стр. 95-й, гдѣ сказано, что „отрицательныхъ количествъ и несоизмѣримыхъ величинъ не существуетъ въ дѣйствительности“. На послѣднихъ страницахъ книги (111—116) авторъ говоритъ объ ошибочности распространеннаго въ средѣ преподавателей средне-учебныхъ заведеній „презрительнаго и высокомѣрнаго отношенія къ сочиненіямъ по предмету методики математики“, объясняетъ причину такого отношенія и указываетъ слѣдствія—грустныя недоразумѣнія и неудобства для самихъ же преподавателей; онъ заканчиваетъ словами: „О томъ что большую пользу дѣлу принесло бы внесеніе въ число необязательныхъ предметовъ физико-математическаго факультета болѣе или менѣе полныхъ курсовъ педагогики, психологіи и логики—здѣсь подробно говорить, конечно, не мѣсто.

Но на первых порахъ для студентовъ физико-математическаго факультета, отдѣленія математическихъ наукъ, было бы полезно введеніе въ число предметовъ методологіи математическихъ наукъ и методики обученія ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, физикѣ и космографіи; эти педагогическія дисциплины могли бы оказать громадное, и при томъ, весьма полезное вліяніе на постановку дѣла преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Что касается той части 4-й главы, которая предшествуетъ страницѣ 89-й, то, при ея вѣскихъ достоинствахъ, въ ней есть одно мнѣніе, не выдерживающее критики и которое нельзя пройти молчаніемъ. Авторъ весьма обстоятельно говоритъ о необходимости преподавательскаго курса геометріи, приводитъ поразительные примѣры печальныхъ послѣдствій неподготовки учениковъ къ пониманію геометріи и приходитъ къ вполне вѣрному заключенію, что такую предварительную подготовкою долженъ служить *элементарный курсъ геометрическаго черченія*, но „конечно, черченія не эллипсовъ, параболъ и архимедовыхъ спиралей, а черченія тѣснѣйше примыкающаго къ курсу евклидовой геометріи“ (стр. 80), и для того, чтобы такой курсъ былъ дѣйствительно полезенъ, онъ долженъ находиться въ рукахъ того-же лица, которое будетъ обучать данный классъ геометріи. Затѣмъ онъ говоритъ (стр. 86), что для преодоленія трудностей стереометріи для учениковъ необходимы „хотя бы самыя примитивныя умѣнія по рисованію“ (подразумѣвается, и весьма основательно, нѣкоторый навыкъ къ перспективнымъ изображеніямъ простѣйшихъ тѣлъ). Все это вполне справедливо и въ крайней необходимости упомянутой подготовки едва-ли можетъ быть сомнѣніе; но невозможно согласиться съ тѣми измѣненіями, которыя авторъ предлагаетъ ввести въ стереометрическое черченіе. А именно, онъ говоритъ (стр. 86): „въ учебникахъ геометріи безраздѣльно, можно сказать, практикуется *крайне невѣрный способъ* изображенія большинства пространственныхъ фигуръ, такъ что, напримѣръ, кубъ всегда изображается такъ какъ никогда глазу онъ не представляется.... Крайне полезно стереометрическимъ чертежамъ удѣлять больше вниманія, чѣмъ какое имъ обыкновенно удѣляется, и выполнять ихъ согласно тому *условному принципу*, по которому болѣе удаленныя отъ глаза линіи представляются ему тоньше мало удаленныхъ“. Способъ, который авторъ называетъ „крайне невѣрнымъ“, состоящій въ изображеніи тѣлъ въ косоугольной проекціи, повсемѣстно принятъ для стереометрическихъ чертежей, какъ наиболѣе удобный и вполне соотвѣтствующій предназначенію такого чер-

тежа; перспективные чертежи въ учебникахъ геометріи могутъ встрѣтяться только по недоразумѣніямъ авторовъ или другимъ подобнаго рода причинамъ. Обычный стереометрическій чертежъ не затруднить ученика достаточно подготовленнаго, то-есть, пріобрѣтшаго нѣкоторый навыкъ въ элементарномъ черченіи и въ перспективномъ изображеніи простѣйшихъ тѣлъ: такому ученику будетъ понятно, что несходство между проеціоннымъ и перспективнымъ изображеніемъ предмета уменьшается по мѣрѣ отдаленія этого предмета отъ глаза наблюдателя. Перспективное изображеніе геометрическихъ тѣлъ, хотя бы грубое, несравненно труднѣе общепринятаго для стереометрическихъ чертежей; невѣрное перспективное изображеніе геометрическаго тѣла искажаетъ его на столько, что лишаетъ чертежъ всякаго смысла; даже правильный перспективный чертежъ представляетъ то важное неудобство въ учебномъ отношеніи, что равные параллельные отрѣзки, изображены неравными и не параллельными, за исключеніемъ лишь того случая, когда они лежатъ въ плоскости параллельной плоскости чертежа; преподаватель, даже обладающій до нѣкоторой умѣренной степени искусствами черченія и рисованія, былъ бы крайне затрудненъ затратою времени, потребнаго для сколько-нибудь удовлетворительнаго исполненія перспективнаго чертежа, — если же онъ не обладаетъ этими искусствами, то ни циркуль, ни линейка и никакія другія чертежныя принадлежности классной доски не окажутся достаточными, чтобы вывести его изъ неловкаго положенія передъ учениками.

Предлагаемый авторомъ „условный принципъ“ — изображать ближайшія линіи болѣе толстою чертою, чѣмъ болѣе удаленныя отъ глаза, — не можетъ быть принятъ и главнымъ образомъ потому, что это сообщало бы ученикамъ дурной навыкъ, не соответствующій укоренившимся издавно во всѣхъ отрасляхъ линейнаго черченія и вполне основательнымъ обычаямъ.

Авторъ нерѣдко впадаетъ въ докторальный тонъ, пріобрѣтаетъ къ преувеличеніямъ; но всѣ недостатки книги искупаются ея достоинствами, заставляющими желать, чтобы педагоги, и въ особенности учителя математики, обратили на нее должное вниманіе.

А. Шугата.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893.

Трудъ П. А. Лаврова даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Онъ содержитъ въ себѣ: 1) матеріалы для грамматики (фонетики и морфологіи) средне- и ново-болгарскаго языка, 2) рядъ отрывковъ изъ средне-болгарскихъ памятниковъ (Хлудовскаго Паремейника, хронографа Манассіи 1345 года и Сборника 1348 года) и изъ ново-болгарскихъ (вновь найденныхъ) текстовъ XVII и XVIII вѣковъ, 3) маленькій сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ изъ Пирдопа и 4) небольшой словарь къ бывшимъ въ рукахъ автора текстамъ. Отличное знакомство автора съ ново-болгарскимъ языкомъ не подлежитъ сомнѣнію; но читатель долженъ имѣть въ виду, что авторъ не принадлежитъ къ числу лингвистовъ и что онъ не даетъ ни сравнительнаго освѣщенія данныхъ, ни объясненій труднымъ явленіямъ болгарской грамматики.

Источники для исторіи болгарскаго языка довольно многочисленны, но не приведены въ извѣстность, не только не разработаны. П. А. Лавровъ воспользовался изъ нихъ сравнительно немногими. Онъ извлекъ матеріалъ изъ оригиналовъ: Евангелія Григоровича XII вѣка № 1690, Охридскаго Апостола, отрывка Слѣпченскаго Апостола, находящагося въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (остальная часть этого памятника, хранящаяся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, ему осталась неизвѣстна), Паремейника Григоровича, Паремейника Хлудова до 1320 года, Сборника Севастьянова XIV вѣка, Сборника 1345 года (съ хронографомъ Манассіи), Сборника 1348 года, Хлудовской Псалтыри XV вѣка, Синодальнаго Шестоднева Іоанна Экзарха XV вѣка; далѣе, изъ грамотъ болгарскихъ и влахо-молдавскихъ, отчасти по оригиналамъ, отчасти по снимкамъ и печатнымъ изданіямъ; наконецъ, изъ изданныхъ текстовъ разнаго времени. Сверхъ того, онъ приводитъ данныя изъ нѣсколькихъ текстовъ русскаго и сербскаго происхожденія (эти тексты онъ—по непонятной для насъ причинѣ—считаетъ относящимися къ болгарскому изводу): изъ русскаго Богословія Іоанна Дамаскина XII вѣка, изданнаго Бодянскимъ, изъ сербскаго Шестоднева Іоанна Экзарха 1263 года, изданнаго тѣмъ же Бодянскимъ, изъ сербскаго толкованія на книгу Іова Синодальной Библиотеки 1412 года, изъ сербскихъ же библейскихъ книгъ Григоровича первой половины XVI вѣка.

Всѣ памятники, собственно-болгарскіе, бывшіе у автора въ рукахъ, оставлены имъ безъ описанія. Онъ не сдѣлалъ ничего для ихъ груп-

пировки и для опредѣленія достоинства ихъ какъ источниковъ по исторіи языка, хотя это было необходимо. Вѣдь есть разница между текстомъ, писаннымъ въ Болгаріи, отражающимъ живой болгарскій языкъ своего времени, и между текстомъ, писаннымъ въ Валахіи, Молдавіи, Буковинѣ, писцомъ котораго могъ быть румынъ, не знавшій живаго болгарскаго языка и мало понимавшій по церковно-славянски¹⁾; также есть разница между текстами, писанными въ Болгаріи, однимъ до конца XIV вѣка, когда еще не было установившагося средне-болгарскаго правописанія, и другимъ самаго конца XIV вѣка и позже, имѣющимъ опредѣленное, строго выдержанное правописание; наконецъ, есть разница между древнѣйшими болгарскими текстами, однимъ, различающимъ ѣ и я, и другимъ, смѣшивающимъ эти буквы или имѣющимъ лишь одну изъ нихъ, такъ какъ они, очевидно, написаны въ разныхъ мѣстахъ старой болгарской территоріи, людьми, значительно отличавшимися другъ отъ друга по говору. Вѣдь читатель долженъ знать, съ какимъ источникомъ онъ имѣетъ дѣло: съ собственно болгарскимъ ли, или съ молдавскимъ, и т. д. А г. Лавровъ умалчиваетъ даже о томъ, что Хлудовская Псалтырь XV вѣка²⁾ имѣетъ румынскія приписки и что слово *рокъ*—годъ въ ея записи (а также имя ея писца *Юнъ*) прямо указываетъ на ея молдавское происхожденіе; что Тихонравовская Псалтырь того же времени писана въ румынскомъ Хоморскомъ монастырѣ; что огромное большинство дошедшихъ до насъ болгарскихъ книгъ XV—XVI вѣковъ также написаны въ Молдавіи и Буковинѣ; что въ молдавскихъ грамотахъ XV—XVI вѣковъ есть руссизмы, а въ валашскихъ—сербизмы; что поздніе болгарскіе тексты, XVII—XVIII вѣковъ, имѣютъ орфографическія особенности русскихъ печатныхъ книгъ...

П. А. Лавровъ, какъ мы уже сказали, воспользовался немногими

¹⁾ Дьяконъ Кореси, издавшій въ 1577 году Псалтырь въ церковно-славянскомъ оригиналѣ и румынскомъ переводѣ, заявляетъ, что церковно-славянскій языкъ румыны его времени съ трудомъ понимали, и то не всѣ (*Караманъ*, Описание славяно-русскихъ книгъ, стр. 199).

²⁾ Г. Лавровъ говоритъ объ этой Псалтыри: „Соболевскій относитъ эту рукопись къ XV вѣку, но намъ кажется, уже потому, что она пергаменная, можно было бы ее отнести ко второй половинѣ XIV вѣка по крайней мѣрѣ“ (стр. 2). Этотъ памятникъ, написанный обычнымъ молдавскимъ уставомъ XV—XVI вѣковъ, съ обычнымъ правописаниемъ того же времени, имѣетъ опредѣленную дату. Она написана дважды: „проку ꙗѣк“ и „сіе писаніе іонъ діякъ ꙗѣкꙗ года“, съ ошибкою во второй цифрѣ—съ ѣ вмѣсто ц; слѣдовательно, передъ нами 1412—1413 годы.

средне-болгарскими памятниками. Ему совсѣмъ или почти совсѣмъ остались неизвѣстны, напримѣръ, Карпинскіе Евангеліе и Апостолъ XIII вѣка (Хлудова), богатые важными данными; Дечанская Псалтырь XIV вѣка (Гильфердинга, № 17); Минея 1530 года, написанная въ буковинскомъ монастырѣ Путна (Ундольскаго, № 79); Служебникъ 1532 года, описанный Плотниковымъ въ *Филологическихъ Запискахъ* 1880 года; кое-какіе печатные матеріалы (между прочимъ, предисловія и послѣловія печатныхъ книгъ, изданныя Каратаевымъ). Да сверхъ того, онъ далеко не исчерпалъ звуковыхъ и формальныхъ данныхъ бывшихъ у него текстовъ.

Авторъ начинаетъ, конечно, съ обзора звуковъ болгарскаго языка и прежде всего—съ носовыхъ гласныхъ. По его мнѣнію, „носовое произношеніе юсовъ въ періодъ средне-болгарскій уже исчезло“ (стр. 15). Приведенныя имъ въ доказательство данныя показываютъ, что его мнѣніе (отнюдь, впрочемъ, не новое)—плодъ недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что данныя, дѣйствительно имѣющія отношеніе къ судьбѣ церковно-славянскихъ носовыхъ гласныхъ, — очень немногочисленны. Случаи употребленія ж вмѣсто ѡ, ѡ и наоборотъ, находящіяся въ сравнительно большомъ количествѣ въ Евангеліи Григоровича XII вѣка № 1690, и въ небольшомъ — въ Евангеліи XII — XIII вѣка, описанномъ Ламанскимъ („О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ...“), совсѣмъ или почти совсѣмъ неизвѣстны другимъ средне-болгарскимъ текстамъ XII—XIV вѣковъ (мадрѣ въ Троицкой Притчѣ, съѡ=сѡтъ въ грамотѣ 1348 года—скорѣе всего описки обычнаго типа; сѡмнѣти и т. п.—не происходятъ изъ сѡмнѣти); послѣдніе употребляютъ юсы съ *замѣчательною послѣдовательностію*, отличая ихъ отъ другихъ гласныхъ. Такъ, Троянская Притча XIV вѣка, имѣющая въ своемъ языкѣ очень много живыхъ элементовъ и потому принадлежащая къ числу цѣннѣйшихъ средне-болгарскихъ текстовъ, имѣетъ юсы въ корняхъ словъ и въ окончаніяхъ глагольныхъ формъ лишь тамъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ были носовые гласные. Случаи употребленія а, я вмѣсто ж и наоборотъ, которые въ Хлудовскомъ Паремейникѣ и въ Октоихѣ Михановича XIII — XIV вѣка довольно многочисленны и которые другимъ средне-болгарскимъ текстамъ XII—XIV вѣковъ также не чужды, почти *все безъ исключенія* ¹⁾

¹⁾ Г. Лавровъ приводит ятробж изъ румицеской рукописи № 210; но она—русскій списокъ съ средне-болгарскаго оригинала. Онъ указываетъ на многащи (стр. 47), но это—особое образованіе, отличное отъ многащи.

находятся въ окончаніяхъ *падежныхъ* формъ и совершенно отсутствують въ корняхъ и суффиксахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ замѣною ж черезъ а, а съ особыми падежными окончаніями, болѣе или менѣе отличными отъ церковно-славянскихъ. отчасти (въ формахъ творительнаго падежа яростія, душа, живоя и т. п.), вѣроятно, искусственными, получившимися вслѣдствіе того смѣшенія падежныхъ формъ единственнаго числа, которое постепенно привело болгарскій языкъ къ почти полной потерѣ склоненія. Какъ бы то ни было, случаи употребленія а, я вмѣсто ж, а и наоборотъ, въ родѣ приведенныхъ авторомъ или въ родѣ находящихся въ Орбелльской Тріоди Верковича (нынѣ Публичной Библиотеки) XIII вѣка: на Лазарева сж^р, разумѣши правда и сждъ, увѣдѣ Адамъ Ева жена своа, положить вселенжа вса пуста, вса братія створихъ ему раби; зема колъбашеса, зема дасть жита, Марина нареченж звѣзда, отъ усть еж исходитъ правдъ, змя бѣ мждрѣшиж въ звѣрехъ, выидеши въ ковчегъ ты и женѣ твоѣ, не могутъ быть отдѣляемы отъ разнообразныхъ случаевъ употребленія одной буквы или буквъ вмѣсто ожидаемой другой въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ, напримѣръ: отъ сунагога, Евангеліе Григоровича XII вѣка 10; о Иродиадѣ жена брата своего, Карпинское Евангеліе 64; въ хлѣвинѣ не живѣше нъ гробѣхъ, Евангеліе Верковича XIII — XIV вѣковъ, Q. I. 43, л. 49; на рѣкѣ Шимошеви (мѣстный падежъ), тыж ноцъ. за оны кошуты (винительный падежъ ед. ч.)¹⁾, за своѣ дѣщеръ Цвѣтаны господѣ, Троянская Притча; въ Сионѣ въ горѣ сватжж моеа, Хлудовскій Паремейникъ 16; обходящи всеж земля, прѣмждреть луче бо тож куповати нежели скровища, женѣ еѣ же ми дасть, Орбелльская Тріодъ 38, 38 об., 41; отъ Лукж, господинъ храминж, Евангеліе Григоровича XII вѣка 6 об., 15 об.; до сжботж, Орбелльская Тріодъ 182; отъ Чръногорж, до Хтѣтовскж браздъ, грамота Константина Асѣня; не ищѣ волж мож, славж свож ищеть, достоинъ мзды свож, Карпинское Евангеліе 6 об., 12 об., 31 об.; отъ выж свож, отъ зема нашж, съ свѣщж велиа, с темияницж, Орбелльская Тріодъ 144 об., 169 об.; 219 об., 220; отъ царствие чтов(ие), Хлудовскій Паремейникъ 13 об.: пострада своимъ ество, Сборникъ 1348 года 98 об.; испусти голѣбѣ ис ковчегъ, кровь козла не хоцж, вѣсть на немъ часть цѣлы, Орбелльская Тріодъ 78 об..

¹⁾ Авторъ приводитъ эти формы, какъ формы множественнаго числа на стр. 167.

28; при цари Костандинѣ и царицы его Марии и отрасль ея Михаилѣ, Апостолъ 1277 года, запись. Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ авторомъ примѣровъ съ *a* вмѣсто *ж* можно говорить не о замѣнѣ *ж* черезъ *a*, а объ употребленіи формы именительнаго падежа единственнаго числа въ значеніи формы падежа винительнаго ¹⁾).

Что до случаевъ употребленія *ъ* (*я*) и *e* вмѣсто *a*, *л* и наоборотъ, то они въ средне-болгарскихъ памятникахъ (къ числу которыхъ не принадлежитъ *сербскій* Берлинскій сборникъ) слишкомъ малочисленны, чтобы можно было имъ придавать большое значеніе; можно сказать, они не многочисленнѣе случаевъ употребленія *a* вмѣсто *ѧ* и наоборотъ въ старо-польскихъ текстахъ. Итакъ, на основаніи данныхъ памятниковъ XII—XIV вѣковъ мы можемъ говорить лишь о томъ, что въ это время носовые гласные *спорадически* переходили въ чистые, то-есть, теряли свой носовой элементъ.

Г. Лавровъ посвящаетъ лишь три страницы взаимной мѣнѣ юсовъ въ средне-болгарскихъ текстахъ и ея отраженіямъ въ ново-болгарскихъ говорахъ и здѣсь не даетъ даже цѣнныхъ данныхъ для освѣщенія этого любопытнаго явленія. Между прочимъ онъ напрасно говоритъ о смѣшеніи юсовъ въ твердыхъ слогахъ (стр. 33) и придаетъ значеніе такимъ памятникамъ, какъ Охридскій Апостолъ (часть), которыхъ писцы не умѣли справиться съ употребленіемъ *ж* и *л* (какъ у насъ въ XIII—XIV вѣкахъ нѣкоторые писцы не умѣли справиться съ *з* и *о*, *ъ* и *e*) и въ которыхъ мы находимъ полное смѣшеніе юсовъ, безъ всякой послѣдовательности. Кажется, всѣ случаи употребленія *a* вмѣсто *ж* и наоборотъ послѣ твердыхъ согласныхъ могутъ быть объяснены помимо обычной мѣны юсовъ. Напримѣръ, воплнѣ норѣдка въ средне-болгарскихъ текстахъ форма 3-го лица *сатъ* = *сжтъ* (откуда ново-болгарская форма *сет*) можетъ быть древнею формою, независимою отъ *сжтъ*: сравни русскія *дадять* и *дадутъ*, *ѣдять* и *ѣдутъ*. Или, формы 3-го лица аориста и имперфекта на *ха* (откуда ново-болгарскія формы на *хе*, *e*: *паднахе*, *земае*) могутъ имѣть *a* изъ формъ аориста на *ша*. Что до вѣнать Карпинскаго Евангелія и другихъ памятниковъ, то *a* этого слова и родственныхъ восходитъ не къ *ж*, а къ *нъ*.

Онъ упоминаетъ о неорганическихъ носовыхъ гласныхъ въ ново-

¹⁾ О смѣшеніи падежныхъ формъ въ средне-болгарскихъ текстахъ мы говоримъ десять лѣтъ назадъ. Смотри нашу статью въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884 года № 9, оставшюся г. Лаврову неизвѣстною.

болгарскихъ говорахъ (стр. 14), но приведенный имъ списокъ современныхъ словъ съ неорганическимъ носовымъ (какъ и съ органическимъ) далеко отъ полноты, такъ какъ ему осталась неизвѣстна богатая данными статья г. Драганова въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* 1888 года № 1, старыя данныя совершенно отсутствуютъ, и читатель не имѣетъ передъ собою никакихъ объясненій. Между тѣмъ такое явленіе, какъ неорганическіе носовые гласные, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Въ виду этого мы позволяемъ себѣ указать въ средне-болгарскомъ Евангеліи XII—XIII вѣка, описанномъ Ламанскимъ, — патель (стр. 3) и въ русскихъ текстахъ, списанныхъ съ средне-болгарскихъ оригиналовъ: въ Тактиконѣ 1397 года — до патлоглашения 19, въ кіевскомъ Евангеліи 1411 года — патель 82, патлоглашеніе 135 об., въ румянцевскомъ Евангеліи XV вѣка № 122 — патлоглашеніе 108 об., при ново-болгарскомъ пѣнтель (статья Драганова, стр. 24). По нашему мнѣнію, неорганическіе носовые могли явиться лишь тогда, когда уже существовали рядомъ и древніе носовые гласные, и новые, происшедшіе изъ нихъ чистые; они должны были возникнуть вслѣдствіе чередованія носовыхъ и чистыхъ (пѣнтель явилось при пѣтель, когда было и вслѣдствіе того, что было пент = пать при пет и т. п.).

Авторъ приводитъ нѣсколько данныхъ средне-болгарскихъ текстовъ, свидѣтельствующихъ, что „въ отдѣльныхъ случаяхъ носовые гласные сохранились въ непрерывной традиціи въ различныхъ мѣстностяхъ Болгаріи“ (стр. 15). Ихъ (если откинуть румынскія слова, взятыя изъ грамотъ румынскаго происхожденія) очень немного, но достоинство ихъ неясно.

Тексты даютъ девандесать и пандесать (русскій Тактиконъ 1397 года, списанный съ средне-болгарскаго оригинала: пандесятница 12; болгарскій Сборникъ Гильфердинга № 34 XIV—XV вѣковъ: о пандесатомъ псалмѣ 2), то-есть, мы имѣемъ въ нихъ вмѣстѣ и носовой гласный, и носовой согласный; ново-болгарскіе говоры имѣютъ девандесет, пандесет, съ *e* изъ *a* и съ согласнымъ *n*. Какъ образовался этотъ согласный *n*, занимающій мѣсто древняго зубнаго?

Но у автора не приведено болѣе важныхъ, на нашъ взглядъ, данныхъ, свидѣтельствующихъ о носовомъ произношеніи юсовъ въ средне-болгарскій періодъ, — данныхъ греческихъ текстовъ, хотя нѣкоторое ихъ количество собрано К. Иречкомъ въ его статьѣ „Starobulharské nosovku“ (въ *Časopisъ* Чешскаго Музея 1875 года). Между ними особенно цѣнны имя болгарскаго царя 1295—1322 годовъ, Ὀσφρευτισθλαζος по

Пахимеру, *Σφουδίσταρος* въ Кантакузену, и македонское мѣстное названіе *Προτοκίνης* по греческой грамотѣ Душана 1345 года.

Отъ носовыхъ гласныхъ авторъ переходитъ къ глухимъ. Онъ вѣритъ, что *э* въ *врэхъ*, трѣгъ средне-болгарскихъ памятниковъ — „глухой звукъ“, стоящій послѣ плавныхъ согласныхъ; онъ отмѣчаетъ, что кромѣ нѣкоторыхъ описокъ, *э* въ словахъ въ родѣ приведенныхъ стоитъ „обычно“ носалъ плавныхъ; наконецъ, онъ приводитъ ново-болгарскія данныя, изъ которыхъ въ однихъ глухой находится послѣ плавныхъ, въ другихъ — передъ плавными. Мы напрасно стали бы искать у него какихъ-либо объясненій относительно несоотвѣтствія новыхъ данныхъ старымъ, хотя ихъ нетрудно дать. Вѣдь у автора приведенъ цѣлый рядъ ново-болгарскихъ словъ въ родѣ *сѣлза*, *дѣрво*, *яблка*, которыя несомнѣнно произошли изъ *слза*, *дрво*, *яблка*, съ плавными гласными. Очевидно, и *врэхъ*, *гѣрло* и т. п. могутъ восходить къ *врх*, *грло*, съ плавными же гласными, а вмѣстѣ съ ними и *врэхъ*, *грло*.

Затѣмъ авторъ довольно много говоритъ о судьбѣ звуковъ *е* и *о* въ болгарскомъ языкѣ и между прочимъ о переходѣ *е* въ *о*. Онъ указываетъ любопытный фактъ, что въ болгарскихъ памятникахъ нѣтъ случаевъ перехода *е* въ *о* въ корняхъ словъ и что главная масса данныхъ имѣетъ *о* изъ *е* въ падежныхъ окончаніяхъ послѣ шипящихъ, *шт* и *ј* (стр. 55—56). Дѣйствительно, ничего похожего на жона, чоло въ средне-болгарскихъ памятникахъ неизвѣстно, и мы имѣемъ въ нихъ, начиная съ древнѣйшихъ, лишь случаи въ родѣ бывшему, стригжшому, на фарижохъ. Если такъ, имѣемъ ли мы право говорить о переходѣ *е* въ *о*? Не слѣдуетъ ли говорить о заимствованіи словами съ нѣкогда мягкими, но въ XII—XIV вѣкахъ уже отвердѣвшими шипящими и *шт* или съ *ј*—падежныхъ окончаній такъ называемаго твердаго склоненія? Сравни съ бывшему и т. п., упущенные авторомъ изъ виду случаи соединенія шипящихъ, *шт* и *ц* съ *и* въ памятникахъ XII—XIII вѣковъ, не смѣшивающихъ *и* съ *и*: *живеть*, *носиши* (2-е лицо), *сръдци* (творит. падежъ), Слѣпченскій Апостолъ 14, 16 об., 1.

То, что авторъ говоритъ о *ѣ* и его судьбахъ въ болгарскомъ языкѣ, слишкомъ недостаточно для выясненія дѣла. Онъ вовсе не упоминаетъ о средне-болгарскихъ памятникахъ XII—XIII вѣковъ, употребляющихъ одинъ *ѣ*, безъ *я* (это—Слѣпченскій Апостолъ, Македонскій Апостолъ, Парижскій Стихирарь, Норовскій Стихирарь). У него не собрано почти ничего для опредѣленія отношенія *ѣ* къ *е*

въ болгарскихъ памятникахъ (то, что помѣщено на стр. 65 — 66, не болѣе какъ сербизмы, взятые изъ сербскихъ текстовъ, которые авторомъ часто выдаются за болгарскіе), хотя кое-какія данныя имѣются: бе сумъненія, не бе свѣдѣтельства = бѣ, въ земли иудеистев, Охридскій Апостоль 5 об., 6, 7; еко = ѣко, яко, Слѣпченскій Апостоль; недра, Дечанская Псалтырь (у Срезневскаго); равнымъ образомъ данныхъ для опредѣленія отношенія *ъ* къ *а* слишкомъ мало, хотя и они имѣются: само ¹⁾ = сѣмо, Слѣпченскій Апостоль (Публичной Библиотеки) 5; Евангеліе Григоровича XII вѣка 8 об., 16; Орбелльская Тріодь 115 об.; Паремейникъ Григоровича 64 об.; Сборникъ 1348 года 73 об., 76 об., 81 об.; о свѣтл, бя, сербское Мирославово Евангеліе XII вѣка, списанное съ средне-болгарскаго оригинала; повясти, извястованныхъ, чловякъ, няроу, дяду, сянокось, посрядя, на брязя, въ миря, к тебя, мяя (дат.), въсхотя (аористъ), всляи, сербскій хрисовуль Уроша 1254—1264 г. (*Стояновичъ*, Стари српски хрисовули, 1890 г.); яко же повеля ему аггель, довляеть, ицѣляеть отрокъ и т. п., сербское Евангеліе Гильфердинга XIII—XIV вѣка № 3, списанное съ средне-болгарскаго оригинала; о друзамъ, не пцате се, исцалити, на мноза, въ пророцахъ, сербское Евангеліе XIV—XV вѣка (*Воскресенскій*, Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ, 47), и друг. Вопросъ о значеніи *ъ* въ средне-болгарскихъ земляхъ, являти, наплъняти и т. п. въ трудѣ г. Лаврова даже не затронуть.

Далѣе мы ожидали отъ автора свѣдѣній о судьбахъ звуковъ *и* и *ы* въ болгарскомъ языкѣ; но онъ забылъ сказать о нихъ что бы то ни было. Въ виду этого мы ограничимся указаніемъ, что Орбелльская Тріодь имѣетъ множество разнообразныхъ случаевъ употребленія *и* вмѣсто *ы* и наоборотъ.

На случаяхъ отпаденія и выпаденія гласныхъ, очень разнообразныхъ и могущихъ имѣть различныя объясненія, мы не будемъ останавливаться и ограничимся указаніемъ на двѣ интересныя формы: мѣстнаго падежа единственнаго числа—прилежи мѣ (= емѣ), Евангеліе Григоровича XII вѣка 12 об., и повелительнаго наклоненія—*удри* ма мечемъ, Сборникъ 1345 года 67 об.

Равнымъ образомъ и о случаяхъ измѣненія и выпаденія соглас-

¹⁾ Прозвище болгарскихъ царей Асанъ въ нашемъ Хронографѣ постоянно пишется Асанъ (смотри, напримѣръ, Толстовскій хронографъ XVI вѣка, F. IV. 143, л. 223).

ныхъ мы не будемъ особенно распространяться. Авторъ очень слабо освѣтилъ и разгруппировалъ самыя разнообразныя данныя изъ исторіи болгарскихъ согласныхъ; мы находимъ у него и многочисленныя ошибки и описки памятниковъ, и грецизмы, и сербизмы, и обычныя явленія ассимиляціи, и даже древнѣйшія, обще-славянскія явленія (бес печѣли, и другія). Мы опять ограничимся немногими дополненіями. Орбелльская Трѣодъ имѣеть: *ташко* 58, *ѣторѣи* 29 об., 38, 55 об., *ѣтораа* 47 об., *ѣтораго* 75 об. и друг., *що*—што 25 об.; изъ *успу*—*устну* 53, в нозрехъ 86; *Паѣоміе* 21; въ Карпинскомъ Евангеліи находится: *ѣторицеж* 104 об., форма 1-го лица единственнаго лица *сжда* 13 и рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о полномъ отвердѣніи *з* и *з*: *кназы* (именит. пад. множественнаго числа) 2, 12 об., 44 об., *мнозы* 15 об., 21 об., 27 об., *вразы* 32 об., о *кназы бѣсцѣ изгонить бѣсы* 41, *връзаса* (повелит. накл.) 64 об. и т. п. (рядомъ: *зало* = *зѣло*). Употребленіе *ц* вмѣсто *з*, *з*, старшій случай котораго намъ извѣстный—*кладацъ* въ Евангеліи Григоровича XII вѣка 18, по автору—простая замѣна конечнаго согласнаго звонкаго глухимъ; но онъ самъ приводитъ *кнаци*, *стыца*, а у Востокова изъ ватиканскаго списка хронографа Манассіи XIV вѣка (по румянцевской копіи) приведено: *цицда*ль, *въцимати*, *праидноваж* (съ *ц* вмѣсто *з*), *зарь*, *деснизеа*, *зѣнизамъ* (съ *з* вмѣсто *ц*); послѣднія данныя указываютъ на существовавшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ старой Болгаріи употребленіе буквы *ц* для изображенія дифтонга *дз*, постепенно приведшее къ полному смѣшенію буквъ *з* и *ц*. Употребленіе группы *лю* вмѣсто древней *лу*: *луче* = *луче* (рядомъ съ употребленіемъ группы *лу* вмѣсто древней *лю*), столь обычное въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ, по автору, свидѣлствуетъ о смягченіи *л* (стр. 103). Но безразличіе, съ какимъ писцы пользуются группами *лу* и *лю*, показываетъ, что послѣднія въ большинствѣ случаевъ произносились ими одинаково, съ однимъ и тѣмъ же среднимъ *л* (сравни современныя македонскія *лути*, *луба*, этропольское *луди* и т. п.).

Объ обзорѣ склоненія можно сказать, что онъ представляетъ слабѣйшую часть труда г. Лаврова. Данныя памятниковъ здѣсь скудны болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ книги, не смотря на то, что памятники имѣютъ большое количество разнообразнаго матеріала. Мы въ нихъ находимъ рядъ любопытныхъ новообразованій, не упомянутыхъ авторомъ, напримѣръ, формы именительнаго падежа множественнаго числа именъ существительныхъ па *ие*: *юдие*, *архиереие*, *Евангеліе* Григоровича XII вѣка 38, 39; *архиереие*, *иудие*, *мытарие*.

Карпинское Евангеліе 2, 20 об., 14 об., 29; *іудеи, халдеи, євреи*, Сборникъ 1345 года 31, 35, 47 об., 65; формы именительнаго падежа множественнаго числа на *оми, єми*: *днеси* опрѣсночн, Македонскій Апостолъ, *кназєси*, грамота до 1278 года; формы числительныхъ *пачиъ, пачиъ, пачиъ, шестиъ* и т. п., Сборникъ 1345 года и друг.; формы дательнаго падежа двойственнаго и множественнаго чиселъ прилагательныхъ мужескаго рода при существительныхъ женскаго рода: *ногама іусова*, Карпинское Евангеліе 40 об.; *язвамъ наводимомъ*, Сборникъ 1345 года и друг.; формы родительнаго и мѣстнаго падежей двойственнаго числа прилагательныхъ на *ою* (сходныя съ древне-русскими); форма дательнаго падежа двойственнаго числа личнаго мѣстоименія *ва*: то *ва* бѣдетъ въ снѣдъ, Орбелльская Тріодъ 35; *дажъ вама имѣние еже ва бѣхъ прѣжде далъ*, Сборникъ 1348 года 70 об. (сравни въ древне-русскихъ памятникахъ: въ Патерикѣ Синайскомъ XII вѣка: *имѣникъ еже ва бѣхъ далъ* 19 об., въ Прологѣ XIV вѣка Синодальной Библіотеки № 247: *даю ва* и свою часть 268 об., въ Прологѣ 1262 года: *аще ма* не даси сести 88). Затѣмъ мы имѣемъ въ памятникахъ больше новообразованій, упомянутыхъ авторомъ, и эти новообразованія болѣе древни, чѣмъ можно судить по его указаніямъ. Формы множественнаго числа дательнаго на *оомъ*, винительнаго и творительнаго на *оми*, мѣстнаго на *ооохъ* и *оотъхъ* (о нихъ у г. Лаврова на стр. 178) — вполнѣ обычны не только въ болгарскихъ книгахъ XIII — XIV вѣковъ, но и въ грамотахъ того же времени: по *градостъхъ*, грамота послѣ 1218 года; *градоомъ*, надпись 1280 года; *въздвигошъ домоомъ*, въ *домоохъ*, грамота 1342 года. Формы творительнаго падежа единственнаго числа, дательнаго — творительнаго двойственнаго числа, дательнаго, творительнаго и мѣстнаго множественнаго числа прилагательныхъ съ мѣстоименнымъ окончаніемъ (о нихъ у г. Лаврова на стр. 179) встрѣчаются уже въ памятникахъ XII — XIII вѣковъ: *отврьстѣма очима*, Охридскій Апостолъ; *злѣмъ мужемъ* (дат.), Орбелльская Тріодъ 41 об. (*мнозѣмъ* и т. д. — даже въ собственно-церковно-славянскихъ текстахъ). Форма именительнаго падежа личнаго мѣстоименія *мы* извѣстна не только въ памятникахъ XIV вѣка, на которые указываетъ авторъ (стр. 170), но и въ Слѣпченскомъ Апостолѣ (указано Миклошичемъ въ III томѣ «Сравнительной Грамматики»). Формы именительнаго падежа множественнаго числа *мыи, єми* не такъ рѣдки въ болгарскихъ текстахъ, какъ можно судить по даннымъ автора (стр. 170), но остается вопросомъ ихъ про-

изношеніе: въ южно-славянскомъ письмѣ употребленіе буквъ *и*, *и* для обозначенія *одного* звука *ы*, *и* — явленіе вполне обычное.

Обзоръ спряженія также оставляетъ желать лучшаго. Въ немъ мы напрасно стали бы искать свѣдѣній о судьбѣ въ болгарскомъ языкѣ формъ сильного аориста и аориста сигматического типа *въсь*, *ась*, формъ 2-го и 3-го лицъ аориста типа *пимъ*, *амъ*, формъ повелительнаго наклоненія типа *ицате*, *билте*; о формахъ 3-го лица аориста и имперфекта на *а* (они уже въ Евангеліи Григоровича XII вѣка); о причастіяхъ настоящаго времени на *ж*: *живж*. Онъ не говоритъ о важныхъ формахъ неопредѣленнаго наклоненія на *тъ* или *тѣ*: лице небу умѣете *искушати* а врѣмени сего..., Карпинское Евангеліе 81; всѣкъ убивыи вы мнитса *службж* *приноситъ* богу, аще же и о цркви не радить *вчнеть*, Евангеліе Верковича XIII—XIV вѣка 15, 20 об., Онъ не упоминаетъ ни о формахъ имперфекта въ родѣ *състрадауаше*, *милуаше*, Сборникъ 1345 года 67, ни о формѣ 1-го лица *вѣда*, замѣнившей церковно-славянскую форму *вѣдѣ* (напримѣръ, Орбелльская Тріюдь 202). Сверхъ того, ему слѣдовало бы привести болѣе данныхъ относительно важныхъ формъ 2-го лица на *шь*: *видишь*, Сборникъ 1345 года 136 об.; *пиѣшь*, Евангеліе Верковича XIII—XIV вѣковъ 60; относительно формъ 1-го лица множественнаго числа на *ме*: *да яме* вси, *яме* яко ще кто, Орбелльская Тріюдь 6, 215 об.; относительно сложнаго будущаго: кто *ще взати*, вкладная XIV вѣка (*Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1890 года, № 3, стр. 152).

Наконецъ, авторъ сообщаетъ нѣкоторое количество матеріала для знакомства съ болгарскимъ удареніемъ и этимъ заканчиваетъ свой полезный трудъ.

А. Соболевскій.

П. Е. Соколовскій. Исслѣдованія въ области права товарищества. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. Кіевъ. 1893. Стр. X+304.

При настоящемъ состояніи русской ученой литературы по предмету римскаго права, которому посвящено и исслѣдованіе г. Соколовскаго, критикѣ не приходится быть очень требовательной. Римское право все еще продолжаетъ оставаться у насъ исключительно предметомъ университетскаго преподаванія. Оно не вошло въ кругъ самостоятельныхъ занятій русскихъ ученыхъ и привлекаетъ ихъ вниманіе къ себѣ далеко не въ надлежащей степени. Впрочемъ, за послѣд-

нее время въ русской романистической литературѣ начинается, повидному, обнаруживаться нѣкоторое оживленіе, — къ сожалѣнію, однако, до сихъ поръ это оживленіе представляется случайнымъ и внѣшнимъ.

Въ виду этого, намъ думается, изслѣдованіе г. Соколовскаго можно было бы назвать отраднымъ явленіемъ даже и тогда, еслибы оно содержало въ себѣ только изложеніе критически разобранныхъ фактовъ и сведеніе итоговъ европейской науки.

I.

По мысли автора „Договора товарищества по римскому праву“ изслѣдованіе его должно быть историческимъ. Г. Соколовскій „задался цѣлью выяснить происхожденіе и постепенное развитіе товарищества, какъ института римскаго права“, и пополнить пробѣлъ, образовавшійся въ литературѣ вопроса вслѣдствіе того, что до сихъ поръ мало обращали вниманія на „раскрытіе самаго зародыша и, такъ сказать, психологію этого договора“ (IX).

Оставляя пока въ сторонѣ „основные тезисы“ и „психологію договора“, ознакомимся прежде всего съ приемами историческаго изученія римскаго товарищества, усвоенными авторомъ. О нихъ, правда, во всей книгѣ ни слова не сказано, но уяснить ихъ себѣ не трудно и на основаніи самой книги. Почти каждая страница настоящаго труда служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ особенностей методологическихъ приемовъ.

Что свидѣтельства и факты имѣютъ силу только по отношенію къ тому періоду, къ которому они относятся, это—элементарное требованіе всякаго научнаго изслѣдованія. Но г. Соколовскій не слѣдуетъ ему и нерѣдко нарушаетъ его самымъ очевиднымъ образомъ. Такъ, на страницѣ 3-й находится довольно странное указаніе на Полибія, какъ на историка, который даетъ „прекрасное изложеніе“ многообразныхъ и сложныхъ экономическихъ учрежденій и системы откуповъ въ императорскій періодъ. Очевидно, Полибій, по убѣжденію нашего автора, обладалъ пророческимъ даромъ, если онъ могъ „прекрасно“ описать „частную и общественную жизнь римлянъ въ это время“, то-есть, въ то время, которое наступило много лѣтъ послѣ его смерти.

Описывая внутреннюю организацію *societates publicanorum*, г. Соколовскій утверждаетъ, что „все участники въ *societates vectigalium* считались, въ качествѣ публикановъ, непосредственными контрагентами казны“, и что „все они дѣйствовали, при совершеніи сдѣлки,

коллективно" (стр. 165). Это утверждение подкрѣпляется ссылкой на „древнихъ авторовъ“, въ числѣ которыхъ являются Гай и Ульпіанъ,— послѣдній, впрочемъ, попадаетъ ровно чрезъ одну страницу на свое настоящее мѣсто, въ группу „позднѣйшихъ юристовъ“ (стр. 166). Суть, однако, не въ этомъ—болѣе, чѣмъ свободномъ—хронологическомъ сближеніи Гая и Ульпіана въ качествѣ одинаково „древнихъ авторовъ“ и даже не въ томъ, что „обычай“, ими описанный и въ ихъ время существовавшій, „подтверждается повѣствованіями Тита Ливія“ (стр. 165). Допустимъ, что повѣствованія Тита Ливія могутъ подтверждать Гая и Ульпіана, и что у Тита Ливія „всѣ члены товариществъ являются непосредственными контрагентами фиска“. Но „подобныя коллективныя дѣйствія всѣхъ участниковъ ассоціацій“ представляются и г. Соколовскому „нѣсколько первобытными“ (стр. 166). Между тѣмъ, по его же собственнымъ словамъ, „societates vestigalium получаютъ весьма прочную организацію, постепенно превращаясь въ корпоративные союзы“, и „все это было результатомъ продолжительнаго процесса, который закончился во всякомъ случаѣ раньше Цицерона“ (стр. 167).

Итакъ, г. Соколовскій изображаетъ нѣчто совершенно невѣроятное: во время Гая и Ульпіана соблюдались, при заключеніи договоровъ между публиканами и казною, тѣ порядки, которые даже въ описаніи Тита Ливія, будто бы ихъ подтверждающемъ, оказываются нѣсколько первобытными, а существовать перестали „во всякомъ случаѣ раньше Цицерона“.

На страницѣ 138-й г. Соколовскій отмѣчаетъ тотъ фактъ, что „кодексъ Юстиніана не обращаетъ никакого вниманія на откупа и казенные подряды“, и „удивляется, что законодательство, своей полнотой и предусмотрительностью стяжавшее себѣ славу во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, обошло институтъ, получившій въ Римскомъ государствѣ такое широкое распространеніе“. По немедленно за выраженіемъ удивленія слѣдуетъ и признаніе его неосновательности, такъ какъ указанный „пропускъ Юстиніанова кодекса“ находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе, именно въ томъ, „что римскіе юристы не считали этихъ договоровъ (то-есть, договоровъ публикановъ съ казною) частнопреданными“.

На нашъ взглядъ то, что возбудило удивленіе г. Соколовскаго, вовсе не заслуживаетъ удивленія и не нуждается въ объясненіи. Авторъ, избравшій своей спеціальностью римское право, вѣроятно, согласится съ нами, что кодексъ Юстиніана содержалъ въ себѣ не

одно частное право, а также и публичное право. Слѣдовательно, если „кодексъ Юстиніана не обращаетъ никакого вниманія на откупа“, то едва ли потому, что „римскіе цивилисты“ причисляли договоры публикановъ съ казною къ разряду договоровъ публичнаго права и „не считали ихъ частноправными“. Что договоры эти не были частноправными,—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, какъ равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что они не стали бы иными, еслибы даже не было смутившаго нашего автора „пропуска Юстиніанова кодекса“. „Пропускъ“ не можетъ „объяснить взгляда римскихъ цивилистовъ на отношенія публикановъ къ казнѣ“ вслѣдствіе того, что „кодексъ Юстиніана“ былъ составленъ гораздо позднѣе, чѣмъ жили „римскіе цивилисты“, да и съ взглядами послѣднихъ слѣдовало бы знакомиться не по кодексу, а по дигестамъ. Прибавимъ, наконецъ, что „кодексу Юстиніана“ не представлялось и необходимости заниматься товариществами публикановъ, потому что ихъ тогда уже и не существовало, о чемъ, впрочемъ, и г. Соколовскій говоритъ, но только въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 172).

Стараясь отыскать „зародыши“ и изслѣдовать постепенное развитіе договора товарищества, нашъ авторъ, повидимому, и не подозреваетъ, что для его цѣли совсѣмъ не пригодны догматическіе аргументы. Онъ сплошь и рядомъ подкрѣпляетъ свои историческія реконструкціи доводами, извлеченными изъ рѣшеній, высказанныхъ позднѣйшими римскими юристами по поводу отдѣльныхъ конкретныхъ казусовъ, и совершенно произвольно втискиваетъ въ ряды своихъ умозаключеній тексты, не стоящіе съ ними ни въ какой связи. Что сказалъ бы г. Соколовскій объ изслѣдователѣ, который вздумалъ бы на основаніи кассационныхъ рѣшеній сената возстановить исторію или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя звенья въ исторіи того или другаго института? А между тѣмъ онъ самъ недалеко ушелъ отъ такого изслѣдователя и переносится съ необычайной легкостью и быстротой отъ Ульпіана къ XII таблицамъ, точно ихъ раздѣляетъ не семь вѣковъ, а семь десятковъ лѣтъ. Для него нѣтъ разницы между догматическимъ опредѣленіемъ Лабеопа, Ульпіана, Папиньяна, съ одной стороны, и чисто историческими свидѣтельствами, съ другой,—все это стоитъ рядомъ въ качествѣ однородныхъ источниковъ изученія исторіи договора товарищества. Благодаря такому приему, всякая теорія оказывается сведенной на тексты, и книга испещряется подавляющимъ числомъ цитатъ, отчего она, безспорно, возрастаетъ въ объемъ, но распадается на двѣ механически соединенныя части: одну

часть образуют догадки и гипотетическія утверждения, другую и сравнительно большую часть составляют тексты, къ сожалѣнію, не относящіеся къ дѣлу, такъ какъ они не говорятъ, да и не могутъ говорить о томъ, что интересуется автора. Автору хочется, напримеръ, опровергнуть теорію, считающую *societas omnium bonorum* первоначальнымъ типомъ товарищества, — и вотъ начинается допросъ Сабина, Прокула, Папиньяна, Ульпіана и другихъ о томъ, изъ чего возникло римское товарищество — изъ *societas omnium bonorum*, какъ думаетъ нѣмецкій ученый Лейстъ, или изъ *societas unius negotii*, какъ предполагаетъ г. Соколовскій. Допросъ ведется строго и не безъ пристрастія, — тѣмъ не менѣе римскіе юристы хранятъ глубокое молчаніе, весьма, конечно, смущенные, что ихъ донимаютъ вопросами, никогда не интересовавшими ихъ кліентовъ... Нерѣдко г. Соколовскій толкуетъ молчаніе римскихъ юристовъ въ смыслѣ для себя благоприятномъ (молчаніе есть знакъ согласія), но чаще онъ подсказываетъ имъ отвѣты. Такъ, юристъ Павелъ говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда *socii*, заключая договоръ, не опредѣляютъ съ надлежащей точностью характера товарищества, слѣдуетъ всегда предполагать наличность договора съ цѣлями ограниченными опредѣленнымъ предпріятіемъ — *quod ex quaestu venit*. Для нашего автора этого мало, и потому онъ продолжаетъ рѣчь вмѣсто Павла: „нужно ли болѣе убѣдительное доказательство, что позднѣйшіе юристы не смотрѣли на *societas omnium bonorum*, какъ на первоначальную типическую форму товарищества“ (стр. 17).

Безъ сомнѣнія, „нужно“! Нѣтъ надобности въ особенномъ знакомствѣ съ содержаніемъ дигестъ, чтобы признать всю тщетность ожиданій найти въ житейскихъ казусахъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію классическихъ юристовъ, „воспоминанія о первоначальномъ типѣ товарищества“ (стр. 15).

Для правильной оцѣнки методологическихъ приѣмовъ автора и его способовъ пользованія текстами, достаточно обратить вниманіе на тѣ хитросплетенія, съ помощью которыхъ доказывается, что „постепенно и мало-по-малу совершается превращеніе *societas unius negotii* въ широкій торгово-промышленный институтъ — *societas unius negotiationis*“ (стр. 110). Этотъ процессъ доказывается сопоставленіемъ „взглядовъ юристовъ-классиковъ на отдѣльные виды товарищества съ тѣми, которые встрѣчаются у Юстиніана“. Въ числѣ классиковъ фигурируетъ одинъ лишь Гай, въ институціяхъ котораго есть, между прочимъ, параграфъ (III, § 148) слѣдующаго содержанія: „*societatem coire so-*

lemus aut totorum bonorum aut unius alicujus negotii, veluti mancipiorum emendorum aut vendendorum". Слова Гая воспроизведены почти съ буквальной точностью въ институціяхъ Юстиніана, гдѣ также сказано: „societatem coire solemus aut totorum bonorum, quam Graeci specialiter κοινωπραξίαν appellant, aut unius alicujus negotiationis, veluti mancipiorum emendorum vendendorumque" (III, 25 pr.).

Можетъ показаться, что въ вышеприведенныхъ текстахъ нечего сопоставлять, и что слова Юстиніана ничѣмъ не отличаются отъ словъ Гая, но, по увѣренію г. Соколовскаго, такъ можетъ показаться только невнимательнымъ читателямъ. „Отъ внимательнаго читателя не ускользнуть нѣкоторыя, и при томъ весьма существенныя, различія между обоими текстами. Въ самомъ дѣлѣ: Гай говоритъ о *societas totorum bonorum et unius alicujus negotii*, тогда какъ Юстиніанъ упоминаетъ о *societas totorum bonorum et unius alicujus negotiationis*. Въ словахъ Гая еще слышатся старыя понятія о переходномъ, ограниченномъ характерѣ товарищества, направленнаго на какую нибудь одну, точно опредѣленную сдѣлку—*unum negotium*, Юстиніанъ же имѣетъ въ виду цѣлый промыселъ, широкое промышленное предпріятіе—*una negotiatio*".

Увѣренный въ томъ, что далеко не всякій обладаетъ такой исключительной способностью, чтобы услышать „въ словахъ Гая старыя понятія“, авторъ снисходитъ къ менѣе „внимательному читателю“ и иллюстрируетъ открытое имъ различіе на „примѣрахъ, приводимыхъ Гаемъ и Юстиніаномъ для разъясненія цѣлей *societas unius negotii* и *negotiationis*". Это, дѣйствительно, необходимо было сдѣлать, потому что обыкновенному читателю могутъ показаться тождественными и примѣры, какъ и самый текстъ, но „отъ внимательнаго читателя не ускользнетъ различіе и между ними“. Такъ, „Гай указываетъ на *mancipia emenda aut vendenda*, очевидно различая двѣ точно разграниченныя сдѣлки, изъ которыхъ та или другая составляетъ *negotium* товарищества. Юстиніанъ, напротивъ, говоритъ о *mancipia emenda vendendaque*, какъ объ одномъ болѣе широкомъ предпріятіи“ (стр. 112).

Авторъ увѣренъ, что „составители Институцій Юстиніана должны были имѣть вѣскія основанія, если они, повторяя почти буквально текстъ Гая, „допустили въ частности подобныя измѣненія“, то-есть, поставили „*negotiatio*“ вмѣсто „*negotium*“, „*que*“ вмѣсто „*aut*“...

Не споримъ. Можетъ быть, у составителей Институцій Юстиніана и были вѣскія основанія для замѣны „*negotium*“ словомъ „*negotiatio*“, а „*aut*“ частицей „*que*“, но какія основанія были у г. Соколов-

скаго усматривать въ этой замѣнѣ однихъ словъ другими, при томъ почти равнозначащими, завершеніе „цѣлаго длиннаго періода исторіи римскаго товарищества“!

Съ такими приѣмами—названіе имъ „Spitzfindigkeit“—можно преодолѣть какія угодно препятствія. Однако, позволительно выразить сомнѣніе въ пригодности ихъ для тѣхъ „микроскопическихъ изслѣдованій“, которыя авторъ задумалъ произвести съ цѣлью „открыть въ наскоро сметанномъ ворохѣ отрывковъ классической юриспруденціи исходныя точки“ договора товарищества и „стадіи его развитія“ (стр. 2). Такіе приѣмы,—воспользуемся сравненіемъ, приведеннымъ у г. Соколовскаго,—сопровождаются тѣми же послѣдствіями, чтò и „прогулка по густому лѣсу съ шестомъ въ зубахъ“ (стр. 248).

Не выходя изъ предѣловъ рецензій, нѣтъ возможности подробно говорить о всѣхъ допущенныхъ авторомъ нарушеніяхъ элементарныхъ требованій научнаго изслѣдованія, и потому ограничимся лишь нѣсколькими краткими указаніями:

Вопервыхъ, авторъ иногда доказываетъ въ одномъ мѣстѣ то, что опровергаетъ въ другомъ (ср. стр. 120 и 138).

Вовторыхъ, авторъ иногда доказываетъ два діаметрально-противоположныя утвержденія ссылкой на одинъ и тотъ же текстъ (ср., напримѣръ, 103 и 284).

Втретьихъ, авторъ не стѣсняется пользоваться писателемъ, которому не довѣряетъ. Такъ, на стр. 12—13 Цицеронъ трактуется, какъ „словоохотливый болтунъ“, а его, „краснорѣчивыя фразы“ уподобляются „ораторскимъ изліяніямъ яраго обвинителя“—тѣ именно фразы, которыя на стр. 75—77 фигурируютъ въ качествѣ аргументовъ, доказывающихъ сакральный характеръ договора товарищества.

Наконецъ, вчетвертыхъ, авторъ не всегда справляется съ хронологическими датами памятниковъ, на которые ссылается, и тѣмъ вводитъ въ заблужденіе и себя, и другихъ. Для примѣра укажемъ на стр. 96. Здѣсь приведенъ „древній образецъ римскихъ договоровъ“, о которомъ, между прочимъ, сказано: „этотъ случай относится за сто лѣтъ до Р. Хр., то-есть, къ тому времени, когда *actio pro socio* не была еще внесена въ преторскій эдиктъ“. Если г. Соколовскій справится съ сборникомъ Брунса, то безъ особеннаго труда убѣдится, что онъ допустилъ ошибку почти въ 300 лѣтъ, такъ какъ древній „образецъ“ былъ оставленъ не „за сто лѣтъ до Р. Хр., а 167 лѣтъ спустя послѣ Р. Хр. Не имѣемъ основаній сомнѣваться, что онъ впалъ въ заблужденіе *bona fide*, но добросовѣстность не

спасаетъ тѣхъ довольно важныхъ и многочисленныхъ его выводовъ, которые съ исправленіемъ отиѣченной ошибки дѣйствительно становятся „фразами безъ серьезной научной подкладки“...

Теперь перейдемъ къ обзорѣню содержания главныхъ частей изслѣдованія г. Соколовскаго.

II. Основныя тезисы и разработки автора.

Основные тезисы высказаны и разработаны авторомъ, согласно его собственному заявленію, въ первой части книги (1—183), трактующей о происхожденіи и объ отдѣльныхъ видахъ римской *societas*; остальная часть книги (184—292) „содержитъ въ себѣ лишь примѣненіе этихъ основныхъ началъ къ различнымъ юридическимъ сторонамъ договора товарищества“ (IX).

Первую главу составляютъ „предварительныя замѣчанія“ (1—22), изъ которыхъ многія отличаются элементарностью и къ дѣлу никакого отношенія не имѣютъ. Таковы разсужденія объ „общемъ характерѣ римскихъ источниковъ“, о „творческой смѣлѣ правовѣдѣнія среднихъ вѣковъ“, о томъ, что „торговля обнимаетъ собою огромныя пространства“, и пр. Другія „замѣчанія“, прямо относящіяся къ дѣлу, оказываются, къ сожалѣнію, неполными и недостаточно мотивированными.

Характеризуя „направленіе современной литературы“, авторъ полагаетъ и не разъ повторяетъ, будто господствующей и чрезвычайно распространенной теоріей нужно признать ту, которая утверждаетъ, что „*societas omnium bonorum* не только старѣйшій и первоначальный видъ римской *societas*, но и та почва, на которой постепенно выросли всѣ остальные типы товарищества“. Эта теорія не удовлетворяетъ г. Соколовскаго, что и не удивительно, такъ какъ въ томъ видѣ, какъ ее формулировалъ нашъ авторъ, она никого и не можетъ удовлетворить; но и въ своемъ настоящемъ и неискаженномъ видѣ она удовлетворяетъ очень и очень немногихъ.

Нужно обладать слишкомъ пылкимъ воображеніемъ и непреодолимымъ стремленіемъ къ обобщеніямъ, чтобы назвать распространеннымъ и господствующимъ тотъ взглядъ на происхожденіе товарищества, который даже въ учебникахъ признается утвержденіемъ, ни на чемъ не основаннымъ и ничѣмъ недоказаннымъ (ср., напримѣръ, *Schulin, Geschichte d. römischen Rechts*, стр. 416). Авторъ нимало не погрѣшилъ бы противъ истины, еслибы число сторонни-

ковъ „общепринятой теоріи“ и „господствующаго воззрѣнія“, считавшагося будто бы „до извѣстной степени аксіомой“, ограничилъ двумя-тремя писателями и даже прямо Лейстомъ и Ленелемъ... Съ другой стороны, характеристика „современнаго направленія литературы“ была бы болѣе современной и соотвѣтствующей дѣйствительности, еслибы въ числѣ лицъ, выразившихъ „сомнѣнія въ непогрѣшимости господствующаго ученія“, были указаны не только Пернисъ и Гольдшмидтъ, но также и другіе изслѣдователи, напримѣръ, *Cyhlars*, *Lehrbuch der Institutionen des röm. Rechts*, § 88; *Cuyq*, *Les institutions juridiques des romains*, стр. 661; *Schulin*, loc. cit.; *Karlowa*, *Römische Rechtsgeschichte*, II, стр. 652; *Ferrini*, *Archivio Giuridico*, XXXVIII (Le origini del contratto di società in Roma, стр. 15—16); *Endemann*, *Die Societät (Studien in der Romanisch-kanonischen Wirthschafts-und Rechtslehre*, стр. 341—420).

Какъ видно, современное направленіе литературы по вопросу о происхожденіи товарищества представляется въ изложеніи г. Соколовскаго нѣсколько видоизмѣненнымъ: мнѣніе двухъ-трехъ писателей оказывается „общепринятымъ“, мнѣніе же большинства низводится на степень теоріи, робко выражающей „сомнѣнія въ непогрѣшимости господствующаго ученія“ (22). Мало того: самое мнѣніе „общепринятое“ изложено въ замѣтно упрощенномъ и даже карикатурномъ видѣ. Нельзя не согласиться съ мыслью автора, что *societas omnium bonorum* не была „почвой“, на которой выросли остальные типы товарищества, и не можетъ считаться „единственнымъ основаніемъ римскаго товарищества вообще“ (24), но при этомъ необходимо прибавить, что никто и не называлъ *societas omnium bonorum* „единственнымъ“ основаніемъ, и тѣмъ болѣе „почвой“ римскаго товарищества. И Лейстъ, и Ленель, и Сальковскій единогласно утверждаютъ именно то, что утверждаетъ и г. Соколовскій, то-есть, что „*societas omnium bonorum* не заключаетъ въ себѣ такихъ характерныхъ чертъ, изъ которыхъ дальнѣйшимъ процессомъ могло бы развиваться товарищество, какъ учрежденіе, по преимуществу торговое“ (стр. 10). Сальковскій признаетъ одинаково древними *societas omnium bonorum* и *societas unius rei* (*Bemerkungen zur Lehre von der juristischen Personen*, стр. 34), а Лейстъ много разъ повторяетъ и усиленно настаиваетъ на томъ, что чрезвычайно важнымъ факторомъ въ развитіи римскаго товарищества были также и товарищества публикановъ, на столько важнымъ, что именно „*an sie knüpft sich die Entwicklung der freien Privatgesellschaft, welche dann von den Pandektenjuristen die*

sorgfältigste theoretische Durchbildung erhalten hat (Zur Geschichte der Römischen Societas, стр. 46). Гдѣ же тутъ „единственное“ основаніе и „единственный корень“ товарищества, о которыхъ такъ упорно твердить г. Соколовскій!

Въ началѣ второй главы (23—51) авторъ высказываетъ „въ противоположность господствующему ученію“ свой взглядъ на происхожденіе товарищества и формулируетъ его такъ: „не приписывая societas omnium bonorum значенія, придаваемого ей господствующимъ воззрѣніемъ, мы все-таки полагаемъ, что она была сильнымъ двигателемъ общаго прогрессивнаго развитія товарищества и вторымъ существеннымъ его элементомъ послѣ societas unius negotii“ (стр. 24). Это такого рода противоположность, что для открытія ея необходимы большія усилія. Противоположность сводится лишь къ слѣдующему: г. Соколовскій считаетъ „вторымъ“ то, что Лейбъ, Ленеель и Сальковскій признаютъ „первымъ“, а „первымъ“ то, что они называютъ „вторымъ“... Не въ этомъ ли измѣненіи нумераціи и заключается „психологія договора“ товарищества, которая такъ занимаетъ нашего автора?...

На дальнѣйшихъ страницахъ второй главы авторъ старается „убѣдиться въ семейственно-нравственномъ характерѣ societas omnium bonorum“—въ томъ, въ чемъ, откровенно говоря, никто серьезно и не сомнѣвался. Г. Соколовскій, повидимому, не особенно боится отклоненій и распространеній и потому, доказывая болѣе или менѣе безспорную мысль, попутно останавливается и на „процессѣ постепеннаго освобожденія дѣтей изъ-подъ отеческой власти“ (25—30, 39—40), и на „вѣкахъ сѣдой германской старины“ (31—33), и на „задругѣ южныхъ славянъ“ (33—35), и даже на „большой семьѣ великорусскаго племени“ (36—38). Въ результатѣ этого не вполне умѣстнаго экскурса въ область сравнительнаго правовѣдѣнія получается, однако, довольно неожиданный выводъ, что „societas omnium bonorum, имѣя свои корни въ семейной жизни, отячается“ не только „общечеловѣческимъ“, но и „международнымъ характеромъ“ (стр. 38), даже „международнымъ характеромъ“!... Авторъ оказалъ бы важную услугу наукъ, еслибы описалъ свою *международную societas omnium bonorum* и сказалъ, гдѣ онъ нашелъ ее. Что касается другихъ заключеній, съ ними нельзя не согласиться. Все это совершенно вѣрно—и то, что „при дальнѣйшемъ развитіи societas omnium bonorum не могло сохранить свое первоначальное значеніе“ (39), и то, что „безъ договора нѣтъ никакой actio pro socio“ (49). Таково именно общепринятое мнѣніе, и, излагая его нѣсколько короче, авторъ лишь ис-

полнилъ бы свое похвальное обѣщаніе: „не повторять положеній, ставшихъ уже достояніемъ науки, оставлять безъ вниманія вопросы, которые раньше насъ были обстоятельно разработаны другими“ (IX).

Глава третья посвящена „отысканію первичныхъ зародышей“ договора товарищества (52—97), глава четвертая трактуетъ объ юридическомъ значеніи отдѣльныхъ видовъ товарищества (98—118). Эти главы составляютъ, или, по крайней мѣрѣ, должны составлять, самый важный отдѣлъ всего изслѣдованія, такъ какъ здѣсь именно авторъ, если вѣрить его словамъ, „шагъ за шагомъ прослѣдилъ постепенное развитіе *contractus societatis*“ (98). Любопытно ознакомиться, къ какимъ онъ пришелъ выводамъ.

Прежде всего, естественно, возникаетъ вопросъ относительно перваго „шага“ договора товарищества. На этотъ вопросъ г. Соколовскій, не задумываясь надъ его трудностью, даетъ отвѣтъ прямой, категорическій и даже не подлежащій сомнѣнію: „не подлежитъ сомнѣнію, что пріобрѣтеніе одной и той же вещи въ общую собственность нѣсколькихъ лицъ служило первоначальнымъ поводомъ къ соединенію ихъ средствъ и къ учрежденію товариществъ“ (54). Такой отвѣтъ долженъ смутить не только того, кто знакомъ съ литературой *societas*, но и самого, намъ думается, г. Соколовскаго: сомнѣнію не можетъ не подлежать то, въ чемъ всѣ сомнѣваются... Очевидно, авторъ, дойдя до 55-й страницы своей книги, успѣлъ забыть содержаніе предшествующихъ страницъ, отнюдь не оправдывающее его „не подлежитъ сомнѣнію“. Читатель въ правѣ ожидать, что будутъ представлены вѣскія доказательства въ пользу новаго взгляда, существенно отличающагося отъ всѣхъ другихъ взглядовъ, а вмѣсто того онъ наталкивается на голое, ничѣмъ не обоснованное утверженіе. Чтобы наставить на томъ, что „пачальнымъ поводомъ къ образованію товарищества служила купля одной и той же вещи въ складчину“ (55), для этого требуется нѣчто большее, чѣмъ указаніе на слишкомъ частое упоминаніе юристами купли въ ученіи о товариществѣ: „намъ кажется не простою случайностью, что большинство практическихъ случаевъ, которые мы встрѣчаемъ въ источникахъ, относится именно къ актамъ купли-продажи“ (54). Вотъ и все, что сказано авторомъ. Но, можетъ быть, и нечего больше сказать? Лично намъ кажется, что даже и этого не слѣдовало бы говорить (ср. *Karlawa, Röm. Rechtsgeschichte*, II, 652)...

... Ставши на скользкій путь произвольныхъ гаданій и не мотивиро-

ванныхъ утвержденій, авторъ не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній, а *ars nesciendi* для него совсѣмъ не существуетъ. Ему кажется также не подлежащимъ сомнѣнію и то, что „первое основаніе для устройства правильныхъ договорныхъ отношеній между товарищами было положено религіей“ (стр. 58, ср. стр. 71). А такъ какъ „точными свѣдѣніями объ общемъ значеніи сакральнаго права мы обязаны главнымъ образомъ изслѣдованіямъ Данца“ (62), то къ соучаствію въ составленіи двадцати четырехъ страницъ (58—82) привлеченъ и Данць съ Пернисомъ. Но это соучаствіе не принесло пользы г. Соколовскому, въ чемъ, впрочемъ, неповинны ни Данць, ни Пернисъ, изучавшіе, къ слову сказать, исторію культа *Fides* вообще, а не влияние его на договоръ товарищества въ частности.

Въ итогѣ пространно изложенныхъ соображеній о „сакральномъ характерѣ организаціи государства и общины въ Римѣ“, объ утратѣ вѣры въ священные обряды во времена Цицерона и о „грозномъ значеніи цензорскихъ каръ въ лучшія времена Римской республики“, — въ итогѣ всего этого получается слѣдующая схема: „договоръ товарищества, въ началѣ носившій строго сакральный характеръ, впоследствии весьма долго опирался на цензорскую власть. Затѣмъ, преторская практика стала придавать этимъ чисто нравственнымъ отношеніямъ между товарищами юридическое значеніе, присоединивъ къ натуральнымъ обязательствамъ искъ—*actio*“ (стр. 80).

Въ этой схемѣ много новаго. Ново, во первыхъ, вполне пренебрежительное отношеніе къ юридической терминологіи, выразившееся въ искаженіи термина „натуральное обязательство“. Новымъ и оригинальнымъ слѣдуетъ, далѣе, признать неопредѣленность схемы въ хронологическомъ отношеніи: г. Соколовскій дѣйствительно не привелъ и не пытался привести въ извѣстность время тѣхъ періодовъ въ исторіи товарищества, которые обозначены у него словами „началѣ“, „впоследствии“ и „затѣмъ“... Наконецъ, нельзя не отмѣтить, какъ новость, и ту роль, которая указана схемой цензорской власти, будто бы весьма долго служившей „единственнымъ средствомъ, обеспечивавшимъ исполненіе договора товарищества“. Къ сожалѣнію, однако, эта роль цензорской власти недостаточно выяснена, да, по видимому, авторъ и не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на „орлиный взоръ блюстителей гражданской честности“ (то-есть, цензоровъ). Такъ, на стр. 78-й оказывается: „одного страха цензорской власти вполне достаточно, чтобы обуздать безнравственные инстинкты лицъ безчестныхъ или неисправныхъ въ своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ“.

Но уже на 79 страницъ авторъ повѣствуетъ, что „власть цензора оказывалась бессильною, гдѣ чувство гражданской чести отсутствовало“. А если прочитать 80 страницу, то можно прийти къ убѣжденію, что цензоръ съ его „страшными карами“ совсѣмъ не игралъ роли въ исторіи договора товарищества, такъ какъ „кто не сознавалъ въ себѣ гражданской чести, того не страшили ignominia и ея послѣдствія“...

Само собой разумѣется, что г. Соколовскій не могъ оставить безъ разрѣшенія вопросъ о времени возникновенія actio pro socio, и онъ разрѣшаетъ его даже не разъ, но всегда неодинаково. На страницѣ 82 узнаемъ, что „во времена Плавта этотъ искъ уже практиковался“. Однако, на 93 стр. авторъ увѣряетъ, что „actio pro socio возникло, вѣроятно, лишь въ концѣ республиканскаго періода“, а на стр. 96 приводится даже образецъ древнихъ договоровъ, „относящійся за сто лѣтъ до Р. Х., то-есть, къ тому времени, когда actio pro socio „не была еще внесена въ преторскій эдиктъ“. Тѣмъ не менѣе, на стр. 272 авторъ успѣваетъ открыть въ этомъ самомъ „образцѣ“ всѣ элементы формулы actio pro socio... Странный „образецъ“! Не напрасно онъ названъ авторомъ „характернымъ примѣромъ“, если можетъ относиться къ тому времени, когда еще не было actio pro socio, и содержать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ формулу этого иска.

Этотъ „образецъ древнихъ договоровъ“ оказался роковымъ и еще для нѣкоторыхъ заключеній г. Соколовскаго. По мнѣнію послѣдняго, „ответственность товарищей не только за dolus, но и за culpa принципиально была признана со временъ Цельза“ (стр. 232), до тѣхъ же поръ и особенно „на первыхъ ступеняхъ развитія договора товарищи обезпечивали себя лишь отъ взаимнаго обмана — dolus“ (стр. 226). Въ доказательство справедливости этого заключенія опять дѣлается ссылка на вышеуказанный „образецъ“, который, какъ было замѣчено въ другомъ мѣстѣ, относится не „за сто лѣтъ до Р. Х.“, а къ 167 г. послѣ Р. Х., и, слѣдовательно, былъ составленъ не до Цельза, а послѣ него...

Разсужденія автора объ „юридическомъ значеніи“ отдѣльныхъ видовъ товарищества и ихъ исторической послѣдовательности (98—118) рѣшительно не поддаются проверкѣ и анализу. О нихъ можно сказать не болѣе того, что сказалъ г. Соколовскій о выводахъ Ластига: „всѣ эти выводы основаны на однихъ только фантастическихъ догадкахъ, не имѣющихъ съ научной точки зрѣнія особаго значенія“ (стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ, утверждение, что societas unius negotii является первоначальнымъ типомъ товарищества, ничѣмъ не доказано.

Не доказано также и то, что *societas unius rei* представляется самостоятельнымъ типомъ товарищества. Этого, впрочемъ, и доказать нельзя, такъ какъ термины *societas unius negotii* и *societas unius rei* употребляются римскими юристами безразлично одинъ вмѣсто другаго: чтобы установить различіе между ними, г. Соколовскому необходимо было стать въ прямое противорѣчіе съ источниками и возвести на римскихъ юристовъ обвиненіе въ смѣшеніи понятій (стр. 100). Больше того: источники вообще не даютъ основанія усматривать въ *societas unius negotii*, *societas unius rei* и *societas alicujus negotiationis* трехъ различныхъ типовъ товарищества. Болѣе внимательное чтеніе источниковъ убѣдило бы автора въ томъ, что всѣ эти товарищества принадлежатъ къ одному и тому же типу, что „*res*“ означаетъ „*negotium*“, и что римскіе юристы не проводятъ строгаго и точнаго разграниченія даже между „*negotium*“ и „*negotiatio*“ (Ср. *Javol.* l. 10 D. 18. 4; *Scacv.* l. 47, § 6. D. 26, 7; *Ulp.* l. 3 D. 14. 3; l. 5, § 15, D. 14, 4; l. 19, § 2, 3, D. 14, 3).

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣню содержанія слѣдующей главы, отмѣтимъ, что въ созданной г. Соколовскимъ исторіи договора товарищества совсѣмъ отсутствуетъ *societas omnium bonorum*, которая въ началѣ книги (стр. 24) была признана „сильнымъ двигателемъ общаго прогрессивнаго развитія товарищества и вторымъ существеннымъ его элементомъ“. Вѣроятно, во время писанія и печатанія этихъ строкъ авторъ еще не зпалъ, что впоследствии онъ убѣдится въ томъ, что „*societas omnium bonorum* не играетъ рѣшительно никакой роли въ развитіи *contractus societatis*“ (стр. 117)... Точно такъ же, очевидно, нужно объяснить и то, что на стр. 103 „*actio pro socio* неизбѣжно влечетъ за собой прекращеніе *contractus societatis*“, а на стр. 284 указанной неизбѣжности нѣтъ и даже допускается „*actio pro socio* и безъ разрушенія самой *societas*“...

Глава пятая и шестая (119—183 стр.) посвящены товариществамъ публикановъ, вопросу о происхожденіи, развитіи и юридическомъ значеніи *societas vectigallium*. Эти главы не стоятъ въ связи ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими, и съ прямой выгодой для автора могли бы отсутствовать, въ особенности при его взглядѣ на *societas publicanorum*. Если „*societates vectigallium* съ самаго начала не имѣли частнопредназначеннаго значенія“ (стр. 121) и всегда „разсматривались, какъ союзы публичнаго права“ (183 стр.), то дѣйствительно трудно отгадать, что побудило г. Соколовскаго ввести ихъ въ кругъ своего изслѣдованія, посвященнаго исключительно вопросамъ римскаго

гражданскаго права. Сверхъ того, если допустить, что „societas publicanorum представляет собой вполне самостоятельный типъ товарищества, рѣзко отличающійся отъ обыкновеннаго contractus societatis какъ по своему первоначальному происхожденію, такъ и по своей юридической конструкціи“ (стр. 120), то едва ли можно воздержаться отъ выраженія недоумѣнія и удивленія по поводу такого ненаучнаго, чисто механическаго соединенія въ книгѣ разнородныхъ вопросовъ. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться, что наше недоумѣніе можетъ показаться и не вполне основательнымъ, такъ какъ у автора имѣется въ запасѣ и другое діаметрально-противоположное мнѣніе именно на стр. 138, гдѣ сказано: „societas vectigalis въ юридической конструкціи обнаруживали нѣкоторыя черты, родственныя съ contractus societatis“. Итакъ, товарищества публикановъ являются институтомъ то родственнымъ съ contractus societatis, то рѣзко отличающимся отъ него. Можно подумать, что авторъ взялъ за правило — высказывать по каждому вопросу непременно два мнѣнія...

Вопросъ о товариществахъ публикановъ—очень важный, на столько важный, что онъ одинъ могъ бы составить содержаніе цѣлой книги. Онъ имѣетъ обширную литературу. Пользовался ли ею г. Соколовскій? въ частности, пользовался ли онъ работами *Belot, Ledrain, Dietrich, Xenopoulos, Saint-Giron, Prax, Castier, Ollivier, Menessier, Deloume* и пр.? Думаемъ, что нѣтъ. Судя по результатамъ, достигнутымъ нашимъ авторомъ, можно положительно утверждать, что знакомство его съ литературою вопроса не простирается дальше знакомства съ двумя небольшими и довольно старыми работами Сальковскаго, журнальной статьей Ресслера и нѣсколькими страницами въ извѣстномъ трактатѣ Перниса. Главнымъ, однако, источникомъ, откуда черпаетъ свои познанія г. Соколовскій, остается трудъ Сальковскаго (*Quaestiones de jure societatis publicanorum*, 1859), котораго онъ тѣмъ не менѣе судить строго, и при томъ совершенно несправедливо. Онъ упрекаетъ Сальковскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и „многихъ другихъ“ (кого именно?), слѣдующимъ образомъ: „авторъ (то-есть, Сальковскій) не отбѣиваетъ съ надлежащей опредѣленностью той коренной разницы, которая существовала между обыкновеннымъ contractus societatis римскаго гражданскаго права и societas vectigalium, какъ института публичнаго права“ (стр. 120). На сколько добросовѣстнымъ судьей оказывается въ данномъ случаѣ г. Соколовскій,—это не трудно рѣшить на основаніи слѣдующихъ словъ обвиненнаго имъ автора: „Die societates vectigalium hatten einen grundverschiedenen Character, und

es wäre eine schroffe Auflehnung gegen die Verhältnisse des wirklichen Lebens und die klare voluntas contrahentium gewesen, hätte man jene Gesellschaften in dieselben herkömmlichen Normen einzwängen wollen, welche bei den Privatsocietäten dem realen Leben und Verkehre vollkommen genügten" (*Salkowski*, Bemerkungen, 34).

Въ оправданіе своего отношенія къ Сальковскому г. Соколовскій можетъ привести лишь одно соображеніе, именно, что онъ не лучше относится и къ тѣмъ немногимъ другимъ авторамъ, на которыхъ имѣются ссылки въ его книгѣ. Дѣйствительно онъ совершенно такъ же обошелся, между прочимъ, и съ Критцомъ, комментарий котораго оказалъ, однако, немаловажную услугу ему, особенно при составленіи восьмой и девятой главъ. Говоря объ „отношеніи товарищества къ постороннимъ лицамъ“, нашъ авторъ признаетъ, что этотъ вопросъ „въ литературѣ разработанъ болѣе или менѣе обстоятельно“, но прибавляетъ, что всѣ прежнія изслѣдованія, а въ числѣ ихъ и изслѣдованіе Критца, „имѣютъ одинъ общій недостатокъ: они не обращаютъ вниманія на особенности, свойственныя отдѣльнымъ видамъ римской societates“ (стр. 203). Нужно быть справедливымъ и не слѣдуетъ приписывать себѣ тѣхъ заслугъ, которыя, по всѣмъ правамъ, принадлежатъ другимъ. Особенность комментарія Критца составляетъ отсутствіе именно того недостатка, который открытъ въ немъ г. Соколовскимъ. Изучая договоръ товарищества, Критцъ неустанно напоминаетъ и повторяетъ: „bei Erörterung dieser Lehre ist abermals genau zwischen den verschiedenen Gattungen der Societät zu unterscheiden,— ausserdem gelangt man zu keinem sicheren Resultate“ (Pandektenrecht, I, II, стр. 55, 66, 67).

На этомъ можно и прекратить разсмотрѣніе книги г. Соколовскаго. Нѣтъ необходимости входить въ оцѣнку пространно изложенныхъ размышленій автора объ „общественно-государственномъ значеніи публикановъ“ и провѣрять нарисованную имъ „безотрадную картину полного господства богатой буржуазіи“, „плутократіи“, „алчной haute finance“, „кровопійца“, — все это фразы, къ дѣлу не относящіяся, неизвѣстно на кого разчитанныя и ни мало не прикрывающія той путаницы, которую вноситъ авторъ въ понятіе товарищества публикановъ и въ описаніе внутренней ихъ организаціи. Объ этомъ было уже говорено выше.

Думаемъ, что не представляется необходимости слѣдить также и за „примѣненіемъ основныхъ тезисовъ“ (что составляетъ содержаніе второй части книги), по той простой причинѣ, что эти самые тезисы,

нами рассмотрѣнные на предшествующихъ страницахъ, не отличаются основательностью и не выдерживаютъ критики. Въмѣсто того отмѣтимъ, что книга г. Соколовскаго изобилуетъ грубыми погрѣшностями элементарнаго свойства. Такъ, авторъ постоянно называетъ опеку (*tutela*) контрактомъ (стр. 79, 84, 86, 92), подъ „*personae sui juris*“ разумѣетъ свободныхъ лицъ (стр. 99), натурального обязательства не отличаетъ отъ бытовой, не-юридической сдѣлки (стр. 80, 82, 96), римскій *testamentum* называетъ „духовнымъ завѣщаніемъ“ (стр. 87) и даже создаетъ группу какихъ-то никому неизвѣстныхъ „неформальныхъ исковъ“ (стр. 101).

III.

Подробное рассмотрѣніе всѣхъ частей „Договора товарищества“ не можетъ входить въ задачу журнальной реценціи, — да въ немъ нѣтъ и нужды, такъ какъ и вышеизложенное ясно показываетъ, что изслѣдованіе г. Соколовскаго не удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ современной науки. Сочиненіе г. Соколовскаго свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи научнаго метода и страдаетъ недостатками юридическаго анализа и нарушеніемъ юридической терминологіи, нетерпимыми въ ученой работѣ. Въ немъ нѣтъ результатовъ ни самостоятельнаго изученія источниковъ, ни даже большой начитанности. Самое изложеніе отличается неряшливостью и неправильностью, подвергающими сомнѣнію знаніе авторомъ русскаго языка.

Повидимому, г. Соколовскій заботился не о дѣйствительной работѣ вопроса и даже не о внѣшней полнотѣ и обиліи фактовъ, а просто объ обиліи страницъ. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе его книги съ *Кіевскими Университетскими Извѣстіями*, гдѣ было напечатано изслѣдованіе г. Соколовскаго. Книга имѣетъ на сто страницъ больше, сравнительно съ *Университетскими Извѣстіями*, не заключая въ себѣ ни одной новой фразы, — разница лишь въ томъ, что въ книгѣ стоятъ дальше другъ отъ друга буквы и слова... Стремленію къ увеличенію числа страницъ нужно приписать и то, что по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ книги заполнены латинскими цитатами и переводами самыхъ простыхъ и общезвѣстныхъ текстовъ, при чемъ многіе изъ нихъ повторены по нѣскольку разъ.

А. Гусаконъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Скупленіи грамматички и полемички списи *Вука Стеф. Караџића*. Книга прва. Државно издање. Београд, 1894.—Значеніе Караџића въ исторіи сербской науки и литературы такъ велико, что сербамъ давно уже пора подумать о собраніи его сочиненій, тѣмъ болѣе, что они разбросаны на протяженіи пятидесяти лѣтъ въ видѣ брошюръ, представляющихъ въ настоящее время большую или меньшую библиографическую рѣдкость, или въ видѣ статей въ такихъ журналахъ и альманахахъ, которыхъ самыя названія извѣстны лишь немногимъ специалистамъ. Теперь передъ нами первый томъ трудовъ Караџића по языку и орфографіи, именно—его грамматика сербскаго языка 1814 года, встрѣченная какъ извѣстно, горячими похвалами Копитара, два „объявленія“ объ изданіи сербскаго словаря, нѣсколько рецензій и полемическихъ статей 1815—1818 годовъ. Такъ какъ брошюры и статьи противниковъ Караџића, необходимыя для пониманія статей послѣдняго,—также библиографическія рѣдкости, то редакторъ лежащаго передъ нами тома, проф. Джорджевичъ, нашелъ полезнымъ издать вновь и ихъ. Всѣ статьи, находящіяся въ этомъ томѣ перепечатаны съ сохраненіемъ особенностей ихъ языка и орфографіи, но, къ сожалѣнію, съ замѣною церковно-славянскаго шрифта, на которомъ нѣкоторые изъ нихъ увидѣли свѣтъ, обыкновеннымъ сербскимъ. Собраніе сочиненій Караџића печатается на средства сербскаго правительства.

Въ теченіе мая въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

- Налогъ съ наследствъ. Изслѣдованіе *Д. Лвова*. Часть I. Базань 1893.
- Очеркъ исторіи физики. *Фердинанда Розенбергера*. Часть III, вып. II. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *И. М. Сиченова*. Изд. *К. Л. Риккера*. С.-Пб.
- Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вѣковъ. Изслѣдованіе *И. А. Лимниченка*. Москва.
- *М. Халанскій*. Южно-славянскія сказанія о кракевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго вылевого эпоса. II. Варшава.
- Новыя данныя къ исторіи Охридской архіепископіи XVI, XVII и XVIII вѣковъ. *И. С. Пальмова*. С.-Пб.
- Отчетъ о дѣятельности Киевскаго Отдѣленія Общества Классической Филологіи и Педагогикѣ, съ 13-го сентября 1885 г. по 15-о февраля 1890 г., составленный секретаремъ Отдѣленія *Я. Г. Мищенко*. Киевъ. 1890.
- Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV вѣка по *Р. Х.* Составилъ *Я. Г. Мищенко*. Киевъ.

— Титъ Ливій. Історія Рима за 187—183 годы до Р. Х. Вакханаліи.—
Цензорство Катона. XXXIX книга. Перевелъ съ латинскаго Я. Г. Мищенко.
Кіевъ.

— Проф. И. П. Филевичъ. Угорская Русь и связанные съ нею вопросы
и задачи русской исторической науки. Памяти Юрія Венюкина. Варшава.

— М. Е. Соколовъ. Введение въ философію. Петровскъ Саратов. губ.

— Владѣнная выпись съ суднаго дѣла 1672—1674, данная чувшамъ де-
ревень Бурдудуковы и Чавыр-Горы Сибирскаго уѣзда. Издана подъ редак-
ціей В. В. Майкова. С.-Пб.

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О ПРИГОТОВЛЕНІИ УЧИТЕЛЕЙ ГИМНАЗІИ.

Вопросъ о приготовленіи учителей гимназій какъ-то особенно выдвинулся за послѣднее время. Его обсуждали въ педагогическихъ журналахъ, ему посвящено было нѣсколько засѣданій въ педагогическомъ отдѣлѣ музея военно-учебныхъ заведеній; словомъ, вопросъ этотъ возбудилъ къ себѣ живѣйшій интересъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія, который тому уже два года назадъ, по инициативѣ своего предсѣдателя, выработалъ подробный проектъ о лучшемъ приготовленіи учителей гимназій. Хотя этотъ проектъ не былъ опубликованъ, однако онъ не составлялъ секрета, какъ это явствуетъ изъ того, что онъ сдѣлался, такъ сказать, родоначальникомъ всѣхъ другихъ проектовъ, какіе возникли по этому вопросу. Въ интересахъ дѣла мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній по поводу этого проекта. Замѣчанія наши будутъ имѣть въ виду главнымъ образомъ разъясненіе дѣла, особенно того, въ какомъ смыслѣ и почему желательна и необходима реформа въ способѣ приготовленія учителей гимназій, и въ какой мѣрѣ она осуществима по проекту.

Прежде всего замѣтимъ, что вопросъ о приготовленіи учителей для гимназій, какъ онъ нынѣ ставится, есть вопросъ новый.

Прежде, когда шла рѣчь о приготовленіи гимназическихъ учителей, то имѣлось въ виду главнымъ образомъ приготовленіе ихъ въ научномъ отношеніи; о педагогической же подготовкѣ мало заботились. Такъ было въ главномъ педагогическомъ институтѣ, особенно во второй періодъ его существованія, въ директорство Ивана Ивановича Давыдова. Главное вниманіе было обращено на то, чтобы на-

учная сторона была обставлена хорошо или же, какъ выражался покойный Давыдовъ, чтобы институтъ былъ разсадникомъ профессоровъ. Собственно же педагогическая подготовка оставалась на второмъ планѣ: она ограничивалась лекціями по общей педагогикѣ и по исторіи ея. Лекціи эти, читанныя Н. А. Вышнеградскимъ, были весьма интересны, но не будучи связаны ни съ какими практическими упражненіями, онѣ теряли свое значеніе. (Какъ разъ наоборотъ, говорятъ, было при первомъ директорѣ института Миддендорфѣ, который заставлялъ студентовъ старшаго отдѣленія преподавать въ младшемъ отдѣленіи, но за то не считалъ нужнымъ знакомить ихъ съ теоріей и исторіей дидактики). Что вопросъ о приготовленіи гимназическихъ учителей еще не такъ давно понимался иначе, чѣмъ теперь, это высказалось также и при учрежденіи нынѣ существующихъ историко-филологическихъ институтовъ. При учрежденіи этихъ институтовъ главная забота была опять о томъ, чтобы приготовить учителей, способныхъ преподавать древніе языки; такъ какъ университеты въ шестидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе крайняго упадка историко-филологическихъ факультетовъ, совсѣмъ перестали готовить филологовъ-классиковъ. Правда, вначалѣ какъ будто былъ намекъ на то, что на педагогическую подготовку будетъ обращено вниманіе. Такъ въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ была учреждена каедрa педагогики, и предполагались довольно серьезныя практическія занятія, но послѣдствіи (послѣ смерти Штейнмана) каедрa педагогики была упразднена, и практическія занятія приняли весьма скромные размѣры. Если же въ заведеніяхъ, спеціально учрежденныхъ для приготовленія учителей, педагогическая подготовка мало выдвигалась впередъ, то понятно, что въ университетахъ, преслѣдующихъ главнымъ образомъ научныя цѣли, о такой и рѣчи не могло быть. Когда послѣ закрытія главнаго педагогическаго института заведены были такъ называемыя педагогическіе курсы при университетахъ, то они владели самое жалкое существованіе. Въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ намъ пришлось быть въ то время, курсъ педагогики существовалъ почти только номинально: лекціи посѣщались двумя-тремя кандидатами, и то по ихъ усмотрѣнію. То обстоятельство, что тогда при устройствѣ педагогическихъ курсовъ теоретическая часть поставлена была внѣ всякой связи съ практикой, и оба вида подготовки какъ при университетѣ, такъ и при гимназіи организованы были неумѣло,—это обстоятельство показываетъ, что вопросъ о томъ, въ чемъ должна состоять пе-

дагогическая подготовка, не былъ даже и понятъ. Какія-то смутныя идеи бродили въ умахъ на этотъ счетъ; но то, что было сдѣлано, ясно доказывало, что на педагогическое дѣло смотрѣли слегка. Такъ практическое руководство въ гимназіяхъ не считали такимъ дѣломъ, для котораго тоже нужно быть подготовленнымъ, а предоставляли его, такъ сказать, всякому преподавателю во всякой гимназіи.

Такимъ образомъ до настоящаго времени, если ставился вопросъ о приготовленіи гимназическихъ учителей, то при этомъ имѣлось больше въ виду приготовленіе ихъ въ научномъ отношеніи, а не приготовленіе специально педагогическое. Последнее всегда оказывалось на второмъ планѣ, и если устраивалось, то устраивалось либо односторонне (теорія безъ практики, практика безъ теоріи), либо нерѣшительно и неумѣло (теорія сама по себѣ, практика опять сама по себѣ и т. п.).

Теперь вопросъ этотъ вступилъ, такъ сказать, въ новый фазисъ. Теперь идетъ рѣчь не просто о приготовленіи учителей гимназій по тѣмъ или другимъ предметамъ съ нѣкоторою пробою въ преподаваніи, а о специально педагогической подготовкѣ или, вѣрнѣе сказать, о педагогическомъ образованіи всѣхъ учителей. Въ запискѣ ученаго комитета о приготовленіи преподавателей гимназій и ихъ экзаменѣ прежде всего педагогическая подготовка совершенно отдѣляется отъ научной (последняя предоставляется университету и предшествуетъ педагогической); затѣмъ для педагогической подготовки предполагается открыть особый институтъ при одной какой либо наиболѣе удовлетворительной гимназіи, гдѣ будущіе учителя по всѣмъ предметамъ гимназическаго ученія получали бы какъ теоретическую, такъ и практическую подготовку, при томъ такъ, чтобы оба эти вида подготовки были тѣсно связаны между собою. Словомъ, вопросъ ставится широко, и при томъ ясно сознается вся трудность его рѣшенія. На первое время предполагается открыть одинъ только такой институтъ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что вопросъ о приготовленіи гимназическихъ учителей, какъ онъ нынѣ ставится, есть вопросъ новый. Такимъ новымъ онъ является, впрочемъ, не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Въ Германіи, напримѣръ, гдѣ этотъ вопросъ возникъ раньше и для его разрѣшенія учреждены уже разныя педагогическія семинаріи частью при гимназіяхъ, частью при университетахъ, онъ далеко еще не рѣшенъ.

Но спрашивается, какія обстоятельства дали этому вопросу такое важное значеніе? Не слишкомъ ли преувеличивается вся эта пе-

дагогическая подготовка и не слишкомъ ли много приписывается значенія теоріи въ дѣлѣ, повидимому, чисто практическомъ?

На этотъ вопросъ самый лучшій отвѣтъ даетъ та школа, ради которой возбужденъ вопросъ о приготовленіи учителей, а именно гимназія и вообще средняя школа. Всѣ недостатки ея главнымъ образомъ зависятъ отъ недостатка у насъ въ людяхъ съ истинно педагогическимъ образованіемъ. Наши программы, учебники, экзамены, весь ходъ преподаванія въ цѣломъ и въ частности, представляющій такъ много труда и такъ мало результатовъ,—все это краснорѣчивѣе всего говоритъ о томъ, что намъ нужны учителя и руководители съ болѣе широкой и глубокой подготовкой, чѣмъ та, которая дается теперь. Если серьезно вдуматься въ дѣло, то вопросъ о педагогическомъ образованіи учителей является вопросомъ первостепеннымъ и неотложнымъ. Онъ вызванъ не какими нибудь внѣшними обстоятельствами, а положеніемъ самой гимназіи и, скажемъ, вообще средней школы.

Въ прежнія времена задача средней школы была проще, а потому и настоятельность въ какомъ-то особомъ приготовленіи учителей не ощущалась такъ сильно. Требования были меньше; то, чему учили, не подвергалось критикѣ и сомнѣнію; извѣстные предметы преобладали, но не особенно сильно, такъ что и по нимъ программы не вѣсть были какія, а о второстепенныхъ предметахъ и говорить печего.

Все шло традиционнымъ путемъ, мирно и спокойно. Такъ какъ эти школы не требовали многого, то и отъ учителей не требовалось много.

Нынѣ же средняя школа и особенно гимназія очутилась въ совершенно другомъ положеніи. Задача ея сдѣлалась гораздо сложнѣе и труднѣе и не можетъ быть рѣшена прежнимъ традиционнымъ способомъ. А сдѣлалась эта задача труднѣе вслѣдствіе той перемѣны, которая произошла въ области наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самихъ воззрѣніяхъ общества. Старыя науки разрослись и видоизмѣнились, новыя прибавились; особенно важное значеніе получили естественныя науки и методъ этихъ наукъ. Припомнимъ только, какъ видоизмѣнилось, напримѣръ, изученіе языковъ подъ влияніемъ историческаго и сравнительнаго метода, какъ расширилось изученіе исторіи вслѣдствіе включенія въ нее почти всѣхъ сторонъ общественной жизни, какъ разрослась географія, какіе огромные успѣхи сдѣлали науки естественныя и т. д. Средняя школа или гимназія не

могла совершенно замкнуться въ самой себѣ и идти своимъ прежнимъ путемъ. Она должна была хотя въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворить новымъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляла и наука и жизнь, измѣнившаяся подъ вліяніемъ наукъ. Поэтому она стала принимать въ себя все новое, но какъ принимать? — въ сыромъ и неводѣланномъ видѣ, не отказываясь при томъ отъ стараго. Въ пятидесятихъ годахъ приняты были въ гимназію науки естественныя, но въ такомъ видѣ, что онѣ вскорѣ были оставлены. Затѣмъ гимназія опять какъ бы вернулась къ прежнему режиму, но это было только повидимому; на самомъ же дѣлѣ этотъ режимъ былъ новый. Классическіе языки были приподняты такъ, что они являлись элементомъ не преобладающимъ, а подавляющимъ въ гимназическомъ ученіи. Рядомъ съ ними программы по другимъ предметамъ сравнительно съ прежними не только не уменьшились, но даже нѣсколько увеличились. Это разширеніе ученія не прекращается и понынѣ. Разширяются требованія по русскому языку и литературѣ, расширяются по исторіи, по географіи и т. д. и т. д. Но въ то время, какъ наука растетъ и вмѣстѣ съ нею растутъ требованія, предъявляемыя къ школѣ, — не растутъ силы тѣхъ, для которыхъ всѣ эти разширенія предназначаются.

Юная природа остается все та же, какъ и прежде, силы ея не увеличились и условія развитія ея не измѣнились. Отсюда эта несообразность между ученіемъ и силами учащихся, отсюда жалобы на обремененіе, на несоотвѣтствіе труда учащихся съ результатами; отсюда, скажемъ, и колебаніе въ школьномъ дѣлѣ. Вездѣ видно, что гимназія, эта по преимуществу общеобразовательная средняя школа, вышла изъ своей колени и не можетъ справиться со своей задачей. А задача эта состоитъ въ томъ, чтобы весь этотъ новый матеріалъ, который просится въ школу вслѣдствіе особаго развитія наукъ, былъ переработанъ и приспособленъ къ силамъ учащихся и къ задачамъ школы и въ то же время чтобы онъ согласованъ былъ съ тѣми старыми элементами школы, которыя въ ней утвердились исторически. Требуется всю эту сложную машину упростить и привести въ стройный порядокъ, удержавъ изъ стараго то, что въ этомъ старомъ есть хорошаго, и прибавивъ изъ новаго, что существенно и полезно. Требуется создать какъ бы новую школу, которая удовлетворяла бы нынѣшнимъ требованіямъ науки и жизни и въ то же время сообразовалась съ условіями здороваго и солиднаго развитія, какъ духовнаго, такъ и физическаго. Таковую задачу, конечно, не въ со-

стояніи выполнить ни практики, ни администраторы школьнаго дѣла, ни даже специалисты по наукамъ. Послѣдніе, пожалуй, болѣе всего виновны въ томъ, что программы школьныя превышаютъ всякую мѣру. Эту задачу могутъ выполнить только люди глубоко изучившіе педагогическое дѣло во всѣхъ отношеніяхъ, въ теоріи и на практикѣ, въ нынѣшнемъ его состояніи и въ историческомъ его развитіи.

Вотъ та причина, которая, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ выдвигаетъ вопросъ о педагогическомъ образованіи учителей и руководителей гимназій и вообще средней школы.

Но и помимо этой главной задачи (задачи приспособленія нашей средней школы къ новымъ требованіямъ) педагогическое образованіе для нашихъ гимназическихъ учителей и руководителей необходимо еще и для того, чтобы, такъ сказать, ежедневная школьная работа исполнялась лучше.

Всѣмъ извѣстно, какъ важенъ методъ въ дѣлѣ преподаванія. Какъ въ музыкѣ можно самому хорошо играть, но совсѣмъ не умѣть преподавать, такъ точно и въ школьномъ дѣлѣ: можно хорошо знать предметъ, но не умѣть преподавать его. Только методъ дѣлаетъ учителя хорошимъ. Мы, конечно, не сомнѣваемся въ томъ, что есть такіе преподаватели, которые безъ чужаго руководства сами вырабатываютъ хорошій методъ преподаванія. Но много ли такихъ, способныхъ къ собственному созиданію? Для массы требуются указанія и руководства, да и для тѣхъ, которые способны къ созиданію, подобныя указанія и руководства могутъ быть только полезны, хотя бы въ томъ смыслѣ, что они избавятъ его отъ исканія того, что уже найдено.

Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія педагогическое образованіе является необходимымъ для нашихъ учителей и гимназій.

Безъ сомнѣнія, педагогическое образованіе, какъ и всякое другое образованіе, не вдругъ можетъ сложиться. Для этого требуется и время и постоянная упорная работа. Для этого требуется своего рода штудіи, требуется своего рода изученіе и наблюденіе. Но, чтобы это изученіе и наблюденіе было возможно, для этого необходимо создать такія учрежденія, въ которыхъ практиковалось бы такое изученіе и наблюденіе. И вотъ является самъ собою вопросъ о педагогическихъ институтахъ, какъ разсадникахъ педагогическаго образованія.

Въ западной Европѣ, особенно въ Германіи и Австріи, начинается уже высказываться то мнѣніе, что для утвержденія и распространенія

нїя педагогическаго образованїя необходимо было бы учредить нѣчто въ родѣ педагого-дидактическаго факультета, который, находясь въ связи съ университетомъ, имѣлъ бы при себѣ школу элементарную и среднюю. Этотъ факультетъ имѣлъ бы задачей своею — разработать педагогику и дидактику научнымъ образомъ, на основахъ и данныхъ психологін (а отчасти и физиологін), разработать ее въ теоретическомъ и историческомъ отношеніи, чтобы вывести ее изъ области случайной практики и рутины и дать ей рациональное направленіе. Это научное изученіе примѣнялось бы и провѣрялось въ школахъ элементарной и средней. Всякій будущій учитель гимназїи долженъ былъ бы пройти этотъ факультетъ, чтобы достойнымъ образомъ подготовиться къ своей педагогической дѣятельности.

Конечно, до подобныхъ педагого-дидактическихъ факультетовъ далеко, и въ Германїи пока устроены только такъ называемыя педагогическія семинаріи: однѣ при университетахъ, другія при гимназіяхъ, третьи представляютъ соединенію университетской семинаріи съ гимназической или, по крайней мѣрѣ, находятся въ связи съ университетомъ. По количеству преобладаютъ семинаріи при гимназіяхъ, не такъ давно устроенныя въ Пруссїи по инициативѣ министра Госслера. Пока опредѣленнаго типа еще нѣтъ. Но повсюду чувствуется потребность въ такихъ учрежденїяхъ, съ помощью которыхъ можно было бы поднять педагогическое образованіе учителей гимназїи и вообще средней школы.

Послѣ всего вышесказаннаго обратимся теперь къ проекту предполагаемаго педагогическаго института при гимназїи.

Въ проектѣ этомъ педагогическая подготовка учителей задумана широко: какъ теоретическіе курсы, такъ и практическія занятїя исчерпываютъ все, что можно требовать въ этомъ отношеніи; между теорїей и практикой установлена необходимая связь; все веденіе дѣла сосредочено въ однихъ рукахъ. Словомъ, положены такія основанїя, въ вѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться. Точно также нельзя не согласиться съ тѣмъ, что для правильнаго устройства практическихъ занятїй кандидатовъ необходимо имѣть одну какую нибудь гимназію, конечно, наилучшимъ образомъ обставленную.

Но спрашивается, въ какой мѣрѣ институтъ при гимназїи въ состоянїи будетъ выполнять свою столь широкую программу?

Прежде всего, въ состоянїи ли будутъ справиться со своей задачей директоръ, инспекторъ и учителя гимназїи, которымъ главнымъ образомъ поручена какъ теоретическая, такъ и практическая

подготовка кандидатовъ? ¹⁾ Положимъ, что все это будутъ не только хорошіе практики, но и хорошіе теоретики. Все же дѣло у нихъ будетъ двойное. Намъ кажется, что во всякомъ случаѣ главный руководитель, то-есть, директоръ, долженъ быть свободенъ отъ разныхъ хлопотъ по завѣдыванію гимназіей, по крайней мѣрѣ, на столько свободенъ, чтобы имѣть достаточно времени для своихъ студій по педагогикѣ и дидактикѣ и для руководства кандидатами. Для этой цѣли лучше было бы предоставить завѣдываніе специально гимназіей помощнику его инспектору, освободивъ послѣдняго, взаменъ этого, отъ всякихъ занятій съ кандидатами.

Затѣмъ въ такомъ институтѣ при гимназіи теоретическій курсъ представляется намъ трудно выполнимымъ. Къ теоретическому курсу относятся по проекту слѣдующіе предметы: психологія, логика, исторія педагогика, школьная гигиена, общая педагогика, психологія и этика примѣнительно къ педагогикѣ, дидактика съ методикой, наконецъ, училищевѣдѣніе. Все это, безспорно, предметы необходимые для полного педагогическаго образованія, хотя, конечно, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Но спрашивается, можно ли будетъ пройти ихъ въ теченіе того времени, какое проектируется. Проектируется же два года вмѣстѣ съ практическими занятіями: разработкой частной методики по отдѣльнымъ предметамъ гимназическаго ученія, съ софщеніемъ уроковъ руководителей, съ даваніемъ уроковъ, съ конференціями и пр. Мыслимо ли въ теченіе этого срока и пройти основательно всю эту массу теоретическихъ курсовъ, и поупражняться, какъ слѣдуетъ, въ практическихъ занятіяхъ? Продолжить же срокъ педагогической подготовки невозможно: онъ и безъ того является долгимъ и требуетъ скорѣе сокращенія.

Но нашему мнѣнію, чтобы не было надобности нагромождать педагогическій институтъ при гимназіи разными курсами и вообще, чтобы поставить теоретическую часть въ болѣе выгодныя условія, необходимо привлечь къ дѣлу и университетъ; а иначе этотъ институтъ не въ силахъ будетъ выполнить своей задачи. Если мы говоримъ о привлеченіи университета, то мы имѣемъ въ виду только такое участіе его въ дѣлѣ педагогической подготовки, которое ни-

¹⁾ По проекту вся теоретическая и практическая подготовка кандидатовъ должна совершаться подъ главнымъ наблюденіемъ и руководствомъ директора педагогической гимназіи при постоянномъ содѣйствіи инспектора и подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателей этой гимназіи, съ привлеченіемъ къ дѣлу, въ случаяхъ надобности, и нѣкоторыхъ профессоровъ университета.

сколько не противорѣчить характеру университетскаго ученія, а между тѣмъ могло бы принести величайшую пользу нашему гимназическому дѣлу. Такъ, напримѣръ, курсы по логикѣ, психологiи и этикѣ должны быть отнесены къ университету (они, впрочемъ, и такъ читаются въ университетѣ); точно также разные дополнительные курсы по другимъ наукамъ. Какъ первые, такъ и послѣдніе курсы должны быть обязательны для тѣхъ изъ студентовъ, которые готовятъ себя въ учителя или желаютъ поступить въ педагогическій институтъ при гимназiи. Что касается до психологiи и этики въ примѣненіи къ педагогикѣ, то нѣтъ необходимости изъ нихъ дѣлать особые курсы въ педагогическомъ институтѣ, такъ какъ цѣлесообразнѣе показать подобное примѣненіе на конкретныхъ случаяхъ; а, еслибы была необходимость въ особыхъ курсахъ по этимъ предметамъ, то и ихъ лучше было бы приурочить къ университету. Такимъ образомъ для института при гимназiи останутся теорiя и исторiя педагогики и спеціально дидактика съ методикой, для прохожденія которыхъ, выѣстъ съ практическими занятіями, вполне достаточно будетъ двухъ лѣтъ. Срокъ этотъ значительно можно укоротить, если, вопервыхъ, теоретическій курсъ въ институтѣ при гимназiи сосредоточить главнымъ образомъ на дидактикѣ и спеціальной методикѣ, и вовторыхъ, если вести дѣло не шаблоннымъ, а болѣе продуктивнымъ способомъ, тѣмъ способомъ, который практикуется въ лучшихъ педагогическихъ семинаріяхъ Германiи и состоитъ не столько въ чтеніи разныхъ курсовъ, сколько въ болѣе активномъ привлеченіи кандидатовъ къ изученію и изслѣдованію основныхъ положеній, задачъ и методовъ дидактики. (Объ этомъ болѣе раціональномъ способѣ веденія дѣла была уже рѣчь на страницахъ этого журнала въ статьѣ *Н. Е. Скворцова* „Современное образованіе учителей нѣмецкихъ гимназiй“: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894 г., мартъ).

Такъ какъ, можетъ быть, покажется страннымъ предложеніе наше привлечь университеты къ участію въ дѣлѣ приготовленія гимназическихъ учителей, то мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя данныя, изъ которыхъ будетъ видно, какъ относятся къ этому дѣлу въ Германiи и Австрiи не только выдающіеся педагоги, но и сами университеты и ихъ дѣятели.

Вопервыхъ, въ Германiи и Австрiи нѣкоторые университеты фактически принимаютъ участіе въ дѣлѣ приготовленія гимназическихъ учителей, какъ, напримѣръ, университеты Іенскій, Гисенскій, Гей-

дельбергскій, Лейпцигскій, Пражскій, Буда-Пештскій, гдѣ имѣются кафедръ по педагогикѣ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ Йенскомъ, Пражскомъ и др., такъ называемыя педагогическія семинаріи. Затѣмъ, послѣ учрежденія педагогическихъ семинарій при гимназіяхъ въ Пруссіи (послужившихъ образцомъ для проектируемыхъ у насъ институтовъ при гимназіяхъ), стали все болѣе и болѣе раздаваться голоса съ весьма компетентной стороны противъ обремененія семинарскихъ гимназій многообразными занятіями и въ тоже время высказываться желаніе, чтобы нѣкоторое бремя снято было съ этихъ гимназій и передано университету. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ одного австрійскаго педагога (*Die pädagogische Vorbildung für das Lehramt an der Mittelschule von Dr Otto Adamek. Graz. 1892*), прямо выражается желаніе, чтобы кандидаты на учительскую должность до поступленія въ семинарію при гимназіи прослушали въ университетѣ не только курсы по логикѣ, психологіи, этикѣ и физиологіи, но даже и *по общей педагогикѣ*, для каковой цѣли онъ предлагаетъ учредить кафедру по общей педагогикѣ во всѣхъ университетахъ и вообще ввести нѣкоторые курсы въ виду болѣе солидной подготовки будущихъ учителей средней школы. Затѣмъ на 42-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ Вѣнѣ высказано было желаніе, чтобы кандидаты на учительскія должности получали достаточную подготовку въ университетѣ не только въ научномъ, но и *философскомъ и теоретико-педагогическомъ отношеніи*, дабы школа (въ данномъ случаѣ гимназія) безъ дальнихъ околичностей могла присоединить въ продолженіе къ нимъ свои практическія наставленія. (*Das humanistische Gymnasium, 1893, Heft IV, p. 162*).

Наконецъ, самый выдающійся педагогъ нашего времени, профессоръ Пражскаго университета Вильманъ (*Willmann*) прямо относить *теорію и исторію педагогики* къ университетскимъ студіямъ будущихъ учителей, и при этомъ условіи для дальнѣйшихъ теоретическихъ занятій ихъ въ педагогической семинаріи онъ считаетъ достаточнымъ одинъ годъ (*Скворцовъ, „Педагогическое образованіе“ и пр.*).

Спрашивается, отчего бы и у насъ не расширить и не дополнить университетское ученіе такими курсами, которые были бы полезны для будущихъ учителей? Мы не думаемъ, чтобы университеты отказались отъ устройства подобныхъ курсовъ (если не всѣхъ вышеупомянутыхъ, то, по крайней мѣрѣ, основныхъ), потому что отказъ ихъ былъ бы равносильнъ равнодушію къ интересамъ нашего просвѣщенія, да и къ собственнымъ, такъ какъ они получаютъ своихъ

слушателей отъ той именно школы, ради которой и возбужденъ вопросъ о пригволеніи учителей. Связь между университетскими курсами и курсами при гимназіи всегда можно было бы установить, хотя бы, напр., привлеченіемъ профессора, читающаго подобные университетскіе курсы, къ участию въ руководствѣ кандидатами при гимназіи.

Во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что безъ помощи университета трудно будетъ институту при гимназіи выполнить свою задачу вполне удовлетворительно, то-есть, и дать хорошую педагогическую подготовку будущему учителю, и не слишкомъ затянуть эту подготовку. Въ противномъ случаѣ, придется устроить не институтъ при гимназіи, а институтъ съ гимназіей при немъ. то-есть, такой институтъ, который не былъ бы втиснуть въ рамки гимназіи, а былъ бы поставленъ самостоятельно и только пользовался бы гимназіей для своихъ цѣлей. Такой институтъ, конечно, могъ бы выполнить требуемую задачу, но онъ потребовалъ бы больше средствъ и больше времени.

А. Вейсманъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ 1893 г.

18-го марта текущаго года состоялось годовичное засѣданіе Общества, въ коемъ секретаремъ его Е. В. Барсовымъ былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности общества въ 1893 году:

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день января 1893 года Высочайше соизволилъ предоставить г. министру народнаго просвѣщенія право утвердить въ измѣненномъ видѣ уставъ Общества, удостоенный 21-го января 1811 года Высочайшаго одобренія въ Бозѣ почившаго Императора Александра I. 19-го того же января 1893 года означенный новый уставъ Общества былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе сего временно исполнявшій обязанности предсѣдателя Общества дѣйствительный членъ Ю. Д. Филимоновъ, избранный на сію должность до утвержденія новаго устава, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя, и предсѣдателемъ Общества въ засѣданіи 21-го февраля былъ избранъ дѣйствительный членъ проф. В. О. Ключевскій, который 12-го марта утвержденъ въ семъ званіи г. министромъ народнаго просвѣщенія. Въ виду же отъѣзда В. О. Ключевского на Кавказъ временнымъ предсѣдателемъ Общества (до возвращенія въ Москву В. О. Ключевского), по силѣ § 27 устава Общества, состоитъ дѣйствительный членъ А. А. Майковъ. Такимъ образомъ Общество, вступая въ 90-ю годовину своего существованія, начало свою дѣятельность при новомъ уставѣ и новомъ предсѣдателѣ. Остальныя должностныя лица Общества въ 1893 году были тѣ же.

что и въ минувшемъ году: секретаремъ—*Е. В. Барсовъ*, казначеемъ—*С. А. Блокуровъ*, бібліотекаремъ—*Ю. Д. Филимоновъ* и помощникомъ бібліотекаря—*Е. И. Соколовъ*.

Изъ состава Общества за смертью выбыли: а) дѣйствительные члены— епископъ Амфилохій, Я. К. Гротъ, И. А. Чистовичъ и П. С. Тихонравовъ и б) членъ-соревнователь—А. С. Гадисскій. Вновь избраны: а) въ почетные члены—дѣйствительные члены: О. И. Буслаевъ, А. О. Бычковъ, И. Е. Забѣлинъ, Е. О. Коршъ и Ю. Д. Филимоновъ; б) въ дѣйствительные члены—члены соревнователи: проф. Г. А. Воскресенскій, Н. О. Каптеревъ и М. И. Соколовъ и в) въ члены-соревнователи: преподаватель 2-й женской гимназіи М. К. Любавскій, преподаватель 1-й мужской гимназіи В. О. Эйнгорнъ и приватъ-доцентъ университета въ Прагѣ д-ръ Юрій Поливка; а членъ-корреспондентъ діаконъ М. Кудрявцевъ переименованъ въ членъ-соревнователи въ виду отсутствія въ новомъ уставѣ Общества званія корреспондентовъ. Всего въ настоящее время въ Обществѣ состоитъ: 18 почетныхъ членовъ, 100 дѣйствительныхъ членовъ и 37 членовъ-соревнователей.

Общество имѣло одно годичное засѣданіе, 6 обыкновенныхъ и 4 чрезвычайныхъ, изъ коихъ одно для выбора предѣдателя, другое для объявленія о присужденіи состоящей при Обществѣ преміи Г. О. Карпова, третье для сужденія о дѣлахъ Общества и четвертое для рѣшенія вопроса о формѣ участія Общества въ предстоящемъ чествованіи 50-лѣтней служебной дѣятельности дѣйствительнаго члена Общества барона О. А. Бюлера. На каждомъ обыкновенномъ и годичномъ засѣданіяхъ Общества были дѣлаемы научныя сообщенія. Такъ, были прочитаны рефераты дѣйствительными членами: *С. А. Блокуровымъ*—„О новыхъ найденныхъ имъ документахъ, касающихся Юрія Крижанича“; *Е. В. Барсовымъ*—„Петръ Первый въ его отношеніи къ Поморскому расколу“ и „Что значить у Константина Багрянороднаго русское названіе Дибровскаго порога *дѣвѣр*“; *В. А. Уляницкимъ*—„Междукняжескія отношенія въ Владиміро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вѣковъ (къ вопросу о двуименныхъ или „союзныхъ“ деньгахъ); б) членами-соревнователями: *Н. И. Аммономъ*—„Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вѣкахъ“; *А. В. Башкировымъ*—„О краткомъ созерцаніи 7190—7192 лѣтъ, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ“, составленномъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, и *М. Н. Степанскимъ*—„Объ италіанскомъ сборникѣ изреченій въ Славянскихъ

переводахъ“ и „Югославянскій хронографъ по сравненію съ первой редакціей русскаго“.

Кромѣ того, были сдѣланы сообщенія объ ученой дѣятельности умершихъ въ текущемъ году членовъ Общества: митрополита Леонтія—*Е. В. Барсовымъ*, епископа Амфилохія—*Г. А. Воскресенскимъ*, Я. К. Грота—*А. В. Башкировымъ*, И. А. Чистовича—*Е. В. Барсовымъ* и „По поводу 50-лѣтія со дня кончины почетнаго члена А. Олевина“—предсѣдателемъ Общества *В. О. Ключевскимъ*.

Въ свою очередь Общество, удовлетворяя обращенныя къ нему просьбы, препровождало въ даръ свои изданія и въ томъ числѣ выслало недостававшія изданія въ Собственную Его Императорскаго Величества Государя Императора Библиотеку.

Въ текущемъ году состоялось первое присужденіе учрежденной при Обществѣ съ Высочайшаго соизволенія ежегодной премии въ 500 рублей имени Г. Ѳ. Карпова. На соисканіе означенной премии было представлено изслѣдованіе *В. О. Эйнгорна* „О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Избранная Обществомъ коммиссія по присужденію сей премии постановила поручить профессору Кіевской духовной академіи С. Т. Голубеву сдѣлать разборъ его сочиненія, а по полученіи его постановила признать сочиненіе В. О. Эйнгорна вполне заслуживающимъ премии Г. Ѳ. Карпова и выдать проф. С. Т. Голубеву золотую медаль за разборъ сего сочиненія. Въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества, 24-го апрѣля, согласно § 16 правилъ о порядкѣ присужденія сей премии, предсѣдатель Общества В. О. Ключевскій объявилъ изслѣдованіе В. О. Эйнгорна увѣчаннымъ преміей Г. Ѳ. Карпова, а проф. С. Т. Голубева удостоеннымъ золотой медали.

Въ представленномъ отзывѣ проф. С. Т. Голубевъ пишетъ между прочимъ: „Возсоединеніе Малой Россіи съ Великою составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ отечественной исторіи за XVII столѣтіе. Представленное на конкурсъ сочиненіе г. Эйнгорна относится къ этому изобильному крупными событиями періоду и имѣетъ своимъ предметомъ сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Сношенія эти, вызываемыя съ той и съ другой стороны многоразличными побужденіями, сопровождались „самыми разнообразными послѣдствіями“. Однимъ изъ такихъ крупныхъ послѣдствій было ознакомленіе Московскаго государства съ южно-русскимъ просвѣщеніемъ,—ознакомленіе, начавшееся еще ранѣе, но теперь при непосредственныхъ и болѣе

частыхъ сношеніяхъ съ Москвою духовныхъ лицъ, какъ представителей тогдашней образованности, принявшее болѣе широкіе размѣры. „Но, какъ заявляетъ авторъ (стр. 40, прим. 51),—этой стороны сношеній Москвы съ южно-русскимъ духовенствомъ мало касается настоящая работа, имѣющая въ виду сношенія политическія преимущественно“.

„Г. Эйнгорнъ имѣлъ предшественниковъ по изслѣдуемому имъ вопросу: сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ и ранѣе обращали на себя серьезное вниманіе нашихъ ученыхъ, такъ что почти о всѣхъ важнѣйшихъ фактахъ, касающихся этихъ сношеній, можно находить свѣдѣнія у многихъ изслѣдователей. преимущественно въ „Исторіи“ С. М. Соловьева, въ „Исторіи Русской церкви“ преосв. Макарія (до 1666 г.), въ монографіяхъ, относящихся до исторіи Малороссіи, Н. И. Костомарова. Но въ этихъ трудахъ, какъ не специально посвященныхъ изучаемому нашимъ авторомъ вопросу, фактическая сторона не всегда отличается полнотою и обстоятельностью и заключаетъ иногда существенныя пробѣлы. Имѣется и специальная работа по данному вопросу: прекрасная, составленная преимущественно по неизданнымъ въ то время первоисточникамъ изслѣдованія Г. О. Карпова, помѣщавшіяся въ *Православномъ Обзорникѣ* за 1870-е годы и вышедшіе подъ общимъ заглавіемъ: „Кіевская митрополія и московское правительство во время соединенія Малороссіи съ Великою Россіей“. Эта работа, какъ пособіе, была наиболѣе полезною г. Эйнгорну; но она не охватываетъ всего изслѣдуемаго нашимъ авторомъ періода и при томъ сосредоточена на дѣятельности только наиболѣе выдающихся представителей малороссійскаго духовенства (С. Коссовъ, Д. Балабанъ, М. Филимоновичъ); о другихъ же лицахъ этого сословія, поддерживавшихъ оживленныя сношенія съ московскимъ правительствомъ, говорится въ ней мало, мимоходомъ. Разумѣется, и фактическая полнота изслѣдованій г. Карпова—полнота относительная, такъ какъ, не смотря на обширное знакомство автора съ архивнымъ матеріаломъ, не малое число документовъ, непосредственно относящихся къ предмету его работъ, оставалось ему неизвѣстнымъ“.

„Главная и безспорная заслуга г. Эйнгорна состоитъ въ весьма тщательномъ изученіи первоисточниковъ, изъ коихъ многіе еще не обнародованы, и привнесеніи, на основаніи ихъ новыхъ, доселѣ не бывшихъ извѣстными, данныхъ“.

„Главные источники по вопросу о сношеніяхъ малороссійскаго

духовенства съ московскимъ правительствомъ находятся въ московскихъ архивахъ. Множество документовъ, касающихся этихъ сношеній, напечатано въ многотомномъ изданіи актовъ Южной и Западной Россіи. Однако, по справедливому замѣчанію автора, самое тщательное изученіе напечатанныхъ здѣсь памятниковъ не освобождаетъ занимающагося означеннымъ вопросомъ отъ весьма трудной обязанности прочитать въ самыхъ архивахъ всю громадную массу подлинныхъ малороссійскихъ дѣлъ, даже тѣхъ, которыя напечатаны въ „Актахъ Южной и Западной Россіи“. Это оказывается необходимымъ въ виду того, что первые издатели означенныхъ актовъ вели свои работы довольно небрежно: не досмотрѣли весьма многихъ существенно важныхъ документовъ, а нѣкоторыя дѣла, предназначенныя для обнаруженія, напечатали съ существенными пропусками. Правда, этотъ дефектъ съ успѣхомъ началъ восполнять неутомимый труженикъ науки Г. О. Карповъ, но преждевременная кончина его приостановила эту работу, доведенную только по 1659 г., и потому нашему автору для своихъ изслѣдованій предстояло прочесть всѣ относящіяся къ разсматриваемому имъ періоду подлинныя малороссійскія дѣла архива министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Кромѣ того, онъ работалъ въ Государственномъ архивѣ, Московскомъ отдѣлѣ общаго архива министерства Императорскаго двора, въ Московской синодальной библиотекѣ, въ архивѣ Московской синодальной типографіи, въ библиотекѣ Московскаго общества истории и древностей российскихъ“.

„Чтобы оцѣнить значеніе архивныхъ изысканій автора, нужно имѣть въ виду, что иногда (въ архивѣ министерства юстиціи) малороссійскія дѣла не только не имѣютъ описей, но заключаются въ громадныхъ связкахъ, разбитыхъ, перемѣшанныхъ, при чемъ начало дѣла часто отдѣляется отъ середины и конца сотнями листовъ, относящихся къ другимъ тоже разбитымъ и перемѣшаннымъ. Безспорно, что такая многотрудная работа съ самой похвальной стороны рекомендуетъ нашего автора, какъ энергичнаго труженика науки“.

„Въ изобиліи собранный г. Эйнгорномъ матеріалъ далъ ему возможность исправить множество деталей погрѣшностей и неточностей у прежнихъ изслѣдователей, дополнить прежде извѣстныя свѣдѣнія, внести въ изложеніе новые эпизоды, освѣтить нѣкоторые факты съ новыхъ сторонъ. Трудъ автора, въ рамкахъ имъ намѣченныхъ, безъ сомнѣнія, трудъ цѣнный въ научномъ отношеніи, хотя и не во всѣхъ своихъ частяхъ съ одинаковою тщательностью обработанный и же закрытый для возраженій съ нѣкоторыхъ сторонъ“.

Срокъ представленія сочиненій на второе соисканіе преміи Г. Э. Карпова истекъ 1-го ноября 1892 года, и по присужденію сей преміи Обществомъ избрана особая коммиссія въ составѣ дѣйствительныхъ членовъ: Е. В. Барсова, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, П. М. Милюкова и А. С. Павлова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общество открыло третій конкурсъ, назначивъ срокомъ представленія сочиненій 1-е ноября 1894 г.

На вторую находящуюся въ распоряженіи Общества премію въ 2.200 рублей за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына къ назначенному сроку сочиненія представлено не было, вслѣдствіе чего Общество вновь объявило о ней, назначивъ срокомъ для представленія сочиненій 1-е сентября 1894 г.

Въ текущемъ году Обществомъ были изданы 4 тома его *Чтеній*: 164, 165, 166 и 167 (книги 1, 2, 3 и 4 за 1893 годъ), кои всѣ въ совокупности заключаютъ въ себѣ 210 печатныхъ листовъ.

Что приносятъ изданныя книги *Чтеній* за минувшій годъ новаго и цѣннаго въ историческую науку?

Въ отдѣлѣ „*Историческіе матеріалы*“ напечатаны донинѣ не извѣстныя данныя, относящіяся къ исторіи Московскаго государства вообще, а также къ исторіи Грузіи, къ исторіи самой Москвы, какъ города, и, наконецъ, къ исторіи Общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Къ перваго рода актамъ относятся слѣдующіе:

1) *Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 годъ*. Сообщилъ дѣйствительный членъ А. Н. Зерцаловъ. Этотъ очень цѣнный финансовый документъ XVII вѣка, найденный въ Московскомъ архивѣ юстиціи, представляетъ сводъ данныхъ, заимствованныхъ изъ смѣтныхъ списковъ, доставленныхъ Приказами для составленія *общей юсударственной сметы 1681 года*. Въ рукописи же, заявляетъ А. Н. Зерцаловъ, сохранились свѣдѣнія по приказамъ: Большому Дворцу, Стрѣлецкому, Посольскому, Разрядному, Большой Казнѣ, Новгородскому, Большому Приходу, Казанскому Дворцу и Сибирскому. На перечнѣ городовъ, вѣдавшихся въ Сибирскомъ приказѣ, документъ, къ сожалѣнію, обрывается. Подлинникъ представляетъ книгу въ 32 тетради по новой перемѣнѣ форматомъ въ шесть безъ скрѣпы и переплета на 228 л. Документъ этотъ служитъ весьма важнымъ дополненіемъ къ государственной росписи за 1680 годъ, напечатанной въ изслѣдованіи П. Н. Милюкова, но не имѣющей тѣхъ подробностей, какія показаны въ настоящей окладной росписи, выясняющей то, что представлялось невозможнымъ сдѣлать.

2) *Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ.* Сообщилъ дѣйствительный членъ А. Н. Зерцаловъ. Найденные и изданные въ *Чтеніяхъ* документы „О русскомъ посольствѣ въ Царьградъ въ 1634 году“ рисуютъ нѣкоторыя подробности этого посольства. Они открываютъ, что въ составѣ посольства, отправленнаго въ 1634 году въ Константинополь, кромѣ пословъ, находились переводчики Посольскаго приказа — грекъ Мануилъ Филаденской, татаринъ Уразмаметъ Башмаковъ, умершій на возвратномъ пути, и толмачи Федотъ Елчинъ, Алмакай Алышевъ и Андрей Раковъ, умершій въ 1635 году въ Константинополѣ. Царскіе послы совершили путь изъ Москвы до Азова, включая остановку въ послѣднемъ въ 17 недѣль. Въ Константинополѣ они пребыли у султана 2 мѣсяца и выѣхали въ Крымъ, гдѣ терпѣли тяжкія оскорбленія за то, что государь помирился съ литовскимъ королемъ. Подробности пребыванія пословъ въ Крыму вскрываются изъ челобитныхъ, съ которыми обращался, по возвращеніи въ Москву, въ Посольскій приказъ переводчикъ Мануль Филаденской. Его показанія весьма интересны. Въ нихъ живо рисуется тяжелое положеніе русскихъ дипломатовъ XVII вѣка, которые рисковали жизнью среди дикихъ ордъ, не признававшихъ никакихъ международныхъ отношеній, знавшихъ одно только право сильнаго. Мы видимъ у этихъ дипломатовъ необыкновенную стойкость, преданность государю и отечеству, стремленіе во что бы то ни стало исполнить порученное имъ дѣло. Заслуживаетъ также вниманія и фактъ признанія княжескаго достоинства Филаденскаго московскимъ правительствомъ.

3) *Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ. 1326—1690 и.* Сообщилъ членъ соревнователь Ю. П. Щербачевъ. Въ этомъ трудѣ обстоятельно описаны акты, хранящіеся въ Копенгагенѣ, въ Государствениомъ архивѣ (ранѣе носившемъ названіе Тайнаго Королевскаго) и въ бібліотекахъ Большой Королевской и Университетской. Копіи самыхъ актовъ переданы г. Щербачевымъ для напечатанія въ Археографическую комиссію, которая и приступила къ ихъ печатанію въ одномъ изъ томовъ *Русской Исторической Библіотеки*. Но такъ какъ Археографическая Комиссія, на сколько намъ извѣстно, намѣрена печатать не всѣ акты, а лишь по выбору, и писанные только на русскомъ языкѣ, то обстоятельное описаніе ихъ въ цѣломъ, явившееся въ *Чтеніяхъ*, не лишено существеннаго значенія для русскаго историка. Описаніе обнимаетъ акты, касающіеся: а) Ливоніи; б) Польши и Литвы; в) Лапландіи; г) Швеціи; д) Тур-

ци; е) свадебныхъ дѣлъ между дворами московскимъ и датскимъ; ж) вопросы торговыхъ и промышленныхъ; з) каперства и морскаго разбоя; при этомъ всѣ акты, не имѣющіе прямого отношенія къ Россіи, исключены изъ обзора. Описаны также русскія государственныя печати, какъ-то: великаго князя Василя Ивановича; царей Ивана IV Васильевича, Осодора Ивановича, Бориса Феодоровича Годунова; царевича Феодора Борисовича; царя Василя Ивановича Шуйскаго; царя Михаила Феодоровича; патриарха Филарета Никитича; царя Алексѣя Михайловича; царя Феодора Алексѣевича, царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, а также частныя печати нѣкоторыхъ русскихъ бояръ и приказныхъ. Въ концѣ книги приложенъ указатель именъ личныхъ и географическихъ.

4) *Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи.* Матеріалы для исторіи Грузіи съ предисловіемъ и примѣчаніями члена соревнователя А. С. Хаханова. Акты эти извлечены изъ архива тифлискаго дворянскаго депутатскаго собранія и сохранились въ большой своей части лишь на грузинскомъ языкѣ. Нѣтъ необходимости,—говорить авторъ,—распространяться о важности этихъ актовъ для изученія прошлой судьбы Грузіи. Исторія ея до присоединенія ея въ 1801 г. къ Россіи до послѣдняго времени основывалась на изложеніи лѣтописныхъ извѣстій и толкованіи житій святыхъ, изрѣдка обращаясь къ церковнымъ, дворянскимъ и крестьянскимъ актамъ, вносящимъ наиболѣе яркій свѣтъ въ строй государственной и общественной жизни Грузинскаго царства. Лѣтопись „Картлисъ-Цховреба“ умалчиваетъ о положеніи церкви и ея отношеніи къ государству, о постепенномъ закрѣпощеніи народа и его повинностяхъ, о происхожденіи дворянскаго сословія и его компетенціи, о предѣлахъ царской власти и ея значеніи въ хаотически раздробившемся феодальномъ строѣ, о финансовыхъ ресурсахъ царства и его административной организаціи. Этотъ рядъ вопросовъ выяснить тѣ устои, на которыхъ держалась Грузія болѣе 20 вѣковъ и лишь наканунѣ XIX столѣтія вынуждена была, волею судьбы, протянуть руку сѣверной державѣ. Церковныя, дворянскіе и крестьянскіе акты, дошедшіе до насъ въ громадномъ количествѣ, являются прекраснымъ дополненіемъ къ грузинской лѣтописи.

5) *Московскій Китай-городъ въ XVII в. (по описи 1695 г.).* Сообщилъ дѣйствительный членъ А. Н. Зерцаловъ. Найденная имъ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи эта переписная книга московскаго Китай-города составлена въ 1695 г. по наказу изъ Раз-

ряда дьякомъ Игнатіемъ Аникіевымъ Лукинымъ, завѣдывавшимъ Китайскимъ Сѣзжимъ дворомъ; она имѣетъ весьма большое значеніе для исторіи Москвы, какъ города: шагъ за шагомъ перечисляетъ она намъ всѣхъ домовладѣльцевъ данной мѣстности, даже ихъ жильцовъ, и даетъ намъ наглядное и точное представленіе о населеніи Китай-города въ концѣ XVII столѣтія. Дворы бояръ, окольныхъ думныхъ и ближнихъ людей, дьяковъ, подьячихъ, священно-церковно-служителей и разнаго чина людей описаны въ ней въ порядкѣ бывшихъ улицъ.

б) а) *Письма О. М. Бодянскаго къ отцу 1821—1846 и. и б) Письма Н. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому 1846—1848 и.* Съ предисловіемъ дѣйствительнаго члена А. А. Титова. Имя О. М. Бодянскаго такъ внутренне связано съ исторіею нашего Общества, что одно изъ этихъ именъ невольно воспроизводитъ другое; вотъ почему всѣ біографическія данныя Бодянскаго служатъ такимъ же украшеніемъ „*Ученій*“, какъ имя его есть символъ исторической славы Общества. Въ особенности драгоцѣнны изданныя письма Сахарова къ Бодянскому: они рисуютъ взглядъ Бодянскаго на задачу и положеніе самаго Общества и знакомятъ съ внутренними интересами, волновавшими его душу въ извѣстный періодъ времени.

Въ отдѣлѣ историко-литературныхъ матеріаловъ напечатаны между прочимъ:

а) *Обличеніе на Соловецкую челобитную Юрія Крыжанича.* Съ предисловіемъ члена-соревнователя А. В. Башкирова, въ коемъ онъ весьма подробно остановился на правописаніи синодальнаго списка, на вопросѣ о времени написанія самаго сочиненія, относя его къ началу 1675 года, и, наконецъ, на сличеніи синодальнаго списка съ Полякарповскимъ переводомъ. Безспорно, сочиненіе это имѣетъ важное значеніе для исторіи православной церкви и въ частности для исторіи русскаго раскола, но весьма сомнительно, чтобы оно было распространено между старообрядцами. Не смотря на наши многократныя розысканія его въ старообрядческомъ мірѣ, до сихъ поръ намъ не удалось встрѣтить ни одного списка „Обличенія Соловецкой челобитной Юрія Крыжанича“.

б) *Житіе св. Леонтія, епископа Ростовскаго.* Съ предисловіемъ дѣйствительнаго члена А. А. Титова. Житіе это относится къ 4-й редакціи, отличается наибольшою полнотою и обнимаетъ слѣдующія сказанія: 1) самое житіе, то-есть, сказаніе о рожденіи, жизни, хиротоніи и успеніи святителя; 2) сказаніе объ обрѣтеніи мощей святителя при постройкѣ новой соборной церкви въ Ростовѣ; 3) сказа-

ніе о внесеніи мощей въ новую церковь; 4) сказаніе о чудесномъ видѣніи пономаря и клирикѣ, пораженномъ и исцѣлѣвшемъ у гроба святителя; 5) молитвенное обращеніе къ святителю, которымъ заключается слово, и 6) сказаніе о чудесахъ св. Леонтія. Нанечатано оно съ соблюденіемъ всѣхъ ореографическихъ и стилистическихъ особенностей текста.

в) *Сказаніе о построеніи обиденнаго храма въ Вологдѣ во избавленіе отъ смертоносная язвы.* Кромѣ общахъ историческихъ указаній на древнее происхожденіе обычая построенія обиденныхъ церквей и на ихъ нравственное и общественное значеніе, въ предисловіи разказаны обстоятельства возникновенія подобнаго же храма въ Вологдѣ.

Въ 1654 году моровая язва, опустошавшая Московское государство, достигла и города Вологды: ходилъ ли кто, или стоялъ, или сидѣлъ, „и тако, забывся вмагѣ, вскорѣ умираху“; ложившіеся вечеромъ спать „заутра мертвимъ являхуся“. А умиравшихъ было такъ много, что священники едва успѣвали погребать ихъ. „На сердце гражданомъ възде еже создати олтарь имени Господню“, создать его днемъ и ночью неотступно, „во еже бы Господь Богъ утолилъ праведный Свой гнѣвъ и помиловалъ люди свои отъ смертоносная язвы“. По назначеніи заранѣе дня и по полученіи благословенія отъ архіерея вологодскаго Маркелла, 18-го октября, вечеромъ, въ первомъ часу ночи совершена была закладка храма. Въ постройкѣ его приняло участіе „множество народа: ови дровіе употребляху и назыдаху, иніи на основаніе полагаху, а иніи изъ разныхъ мѣсть дровіе везяху: не быша бо тогда на сооруженіе храма въ готовности ничтоже, но все изъ разныхъ мѣсть приношахуся; а иніи мнози ради ночнаго мрака береста зажигаху и въ рукахъ своихъ на древесѣхъ ношаху“. „На утрешній день“ храмъ былъ готовъ, „точію стѣнъ не отесаху; послѣди же вскорѣ исправиша“, при чемъ образа были взяты изъ другихъ церквей. Тотчасъ же было совершено освященіе храма, и къ вечеру отслужена первая литургія. „Умилостивися благоутробный Господь, измѣни смерть на животъ: преста бо отъ того дни въ людехъ смертоносная язва“... Мѣстный лѣтописецъ такъ занесъ о семъ въ свои записки: „лѣта 7163 октября 18-го дня, належашу мору, на память св. апостола и евангелиста Луки, поставили единокровный храмъ во имя Семилостиваго Спаса Смоленскаго на Вологдѣ, на старой площади, начали рубить противъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали свѣточы и зажигаги скалы на батогахъ, свѣтили свѣтло, а срубили за два часа во дни; а святить начали въ 5 часу дни. И видѣ Господь въру и

моленіе рабовъ и покаяніе слезное о своихъ согрѣшеніяхъ, той великій гнѣвъ Свой на милость преложи и моровую язву утоли: и отъ того дне моръ на Вологдѣ преста". (См. Описаніе Вологодскаго Спасокаменскаго Духова монастыря, составл. П. Саввантовымъ, С.-Пб., 1860 г., стр. 47). Въ увѣковѣченіе памяти объ этомъ чудесномъ событіи вологжане постановили ежегодно праздновать этотъ день. За недѣлю до 18-го октября доселѣ между гражданами соблюдается постъ, а наканунѣ послѣ всенощнаго бдѣнія вся ночь проводится ими безъ сна въ обыденной церкви, въ которой и читается печатанное сказаніе. (См. *Москвитянинъ* за 1842 г., № 4, стр. 547—554, сообщеніе П. Саввантова).

Въ книгопечатныхъ хранилищахъ всего извѣстно два списка этого сказанія, изъ коихъ одинъ находится въ библіотекѣ Вологодской обыденной церкви, а другой принадлежитъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При изданіи его въ *Чтеніяхъ* приняты во вниманіе тотъ и другой изъ нихъ.

1) *Украинскія народныя преданія, собранныя П. Кульшамъ*. Трудъ этотъ былъ напечатанъ еще О. М. Бодянскимъ и былъ отысканъ въ листахъ при разборѣ склада Общества, болѣе 50-ти лѣтъ оставшагося неприкосновеннымъ въ университетскомъ сараѣ. Внесеніемъ этого изданія въ одну изъ книгъ *Чтеній* за минувшій годъ навсегда сохраненъ и трудъ Кульша и издательская работа О. М. Бодянского. Трудъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ и обнимаетъ преданія: 1) историческія; 2) фантастическія и 3) смѣсь. Само собою разумѣется, что наиболѣе цѣнный отдѣлъ представляютъ преданія историческія. Собиратель записывалъ ихъ стенографически.

III.

Изъ матеріаловъ иностранныхъ въ книгахъ *Чтеній* за минувшій годъ изданы:

1) *Новый источникъ для исторіи Московскихъ волненій 1648 года*, подъ заглавіемъ: „Краткое и правдивое описаніе опаснаго мятежа, происшедшаго среди простаго народа въ городѣ Москвѣ 2-го іюня 1648 года“.

Этотъ документъ заимствованъ изъ Стокгольмскаго архива и изданъ въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ С. Ѳ. Платоновымъ и исправленномъ г. Форстенемъ, который впервые и заявилъ въ русской печати о существованіи этого документа. Доку-

ментъ этотъ,—говорить въ предисловіи проф. Платоновъ,—содержитъ довольно обстоятельное описаніе Московскаго бунта 1648 года. Главное значеніе этого описанія—въ томъ, „что онъ обставляетъ совершенно новыми подробностями начальный моментъ волненій: не 2-го іюня началось „въ міру великое смятеніе“, а 1-го іюня, въ самый день возвращенія государя отъ Троицы. Событія 2-го числа, какъ оказывается, были продолженіемъ и послѣдствіемъ того, что произошло наканунѣ при самой встрѣчѣ царя Алексѣя Михайловича московскимъ населеніемъ. Описаніе этой встрѣчи въ издаваемомъ памятникѣ представляется намъ полною и значительною новостью; но и прочія части повѣствованія не лишены значенія и интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ Лейденскою брошюрою, русскимъ лѣтописцемъ и извѣстнымъ разказомъ Олеарія издаваемое описаніе должно считаться важнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о ходѣ бунта 1648 года“.

Происхожденіе описанія нельзя опредѣлить точно. Находится описаніе въ Собраніи Оксенширмы въ Стокгольмскомъ архивѣ и, какъ явствуетъ изъ всего его содержанія, составлено современникомъ, даже, можетъ быть, очевидцемъ событій. Сравненіе издаваемаго описанія съ донесеніемъ о бунтѣ 1648 года шведскаго резидента въ Москвѣ Поммеренинга обнаруживаетъ въ этихъ документахъ сходство извѣстій и сообщеній. Естественно поэтому предположить, что описаніе вышло оттуда же, откуда и донесеніе, то-есть, изъ канцеляріи Поммеренинга, и что принадлежитъ оно кому либо изъ служившихъ въ штатѣ шведскаго резидента.

2) *Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи.*
Здѣсь помѣщены.

1) 1715 года, іюня 5-го. Король Фредерикъ IV Копенгагенскому Совѣту—о приѣмѣ Петра I въ случаѣ его приѣзда въ Копенгагенъ.

2) Памятная записка (Promemoria) касательно приѣзда царя:

а) Въ какомъ мѣстѣ встрѣтить царя его величество.

б) Сколь многочисленъ долженъ быть конный караулъ отъ гвардіи.

в) Кто изъ министровъ и кавалеровъ имѣетъ сопровождать короля.

г) Не поѣдетъ ли его величество на встрѣчу царя верхомъ и (если да—то) сколь далеко.

д) При приѣздѣ, (музыканты) должны играть въ трубы и въ литавры.

е) Не проѣдетъ ли король вмѣстѣ съ царемъ въ каретѣ до его помѣщенія.

ж) Касательно вѣзда, въ какомъ именно порядкѣ онъ могъ бы произойти, и т. п.

3) 1716 года, іюля 16-го. Донесеніе Люцова королю о пребываніи Петра I въ Нюнзбингѣ.

4) 1716 года, іюля 18-го. Циркулярное извѣщеніе о прибытіи Петра I въ Копенгагенъ.

5) 1716 годъ. Касательно пріѣзда въ Копенгагенъ его царскаго величества.

6) 1716 года, іюля 28-го. О посѣщеніи королевою датскою царицы Екатерины и объ отвѣтномъ визитѣ послѣдней королевѣ.

Нѣкоторые изъ этихъ документовъ представляютъ переводъ съ нѣмецкаго, другіе же съ датскаго языка.

IV.

Въ книгахъ *Чтеній* за минувшій годъ преобладалъ отдѣлъ изслѣдованій; такъ, въ нихъ напечатаны:

1) *Московский Благовѣщенскій свящ. Сильвестръ, какъ государственн. дѣятель.* Епископа Сергія (Соколова).

2) *Исторія экономической бѣды Великаго Новгорода.* Изслѣдованіе проф. А. И. Никитскаго.

3) *Неканонизованные святые в. Шуи (Владимірской губ.).* Священ. Н. М. Миловскаго.

4) *О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.* Изслѣдованіе В. О. Эйнгорна.

5) *Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ.* Изслѣдованіе Василя Васильева.

6) *Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго статута.* М. К. Любавскаго.

7) *Междукняжескія отношенія во Владиміро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вѣкахъ.* (Къ вопросу о „двуименныхъ“ или „союзныхъ“ деньгахъ). Дѣйствительнаго члена В. А. Уляницкаго.

О нѣкоторыхъ изъ указанныхъ изслѣдованій я уже имѣлъ честь говорить въ предыдущемъ отчетѣ, за 1892 годъ, когда они были начаты печатаніемъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ Общество знакомо по докладамъ самихъ авторовъ; нныя изъ нихъ удостоены ученыхъ степеней, и нныя увѣнчаны преміей; а потому считаю излишнимъ распространяться предъ вами о томъ, какіе драгоцѣнные вклады вносятъ они собою въ русскую историческую науку.

Мнѣ остается только исчислить предъ вами мелкіе, но очень любопытные и въ большинствѣ очень важные документы, вошедшіе въ отдѣлъ „Смѣси“ *Чтеній* за минувшій годъ; такъ, между прочимъ напечатаны:

1) Къ исторіи московскаго мятежа 1648 года. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ.

2) Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы г. Можайска П. Т. Савелова. Сообщилъ Л. М. Савеловъ.

3) О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 года. Сообщилъ онъ же.

4) Старинные стихи по поводу смерти. Сообщилъ М. Г. Поповъ.

5) О доходахъ подьячихъ, служившихъ въ московскихъ приказахъ. (О томъ, какъ „подьячіе, будучи въ приказахъ, отъ челобитчиковъ дѣлъ сыти бывали“). Сообщилъ В. О. Эйнгорнъ.

6) Нѣкоторыя свѣдѣнія о трехъ изъ числа прикосновенныхъ къ дѣлу патріарха Никона лицъ. Сообщилъ онъ же.

7) „Описаніе, чего ради невозможно отъ Архангельскаго города моремъ проходить въ Китайское государство и оттоле къ восточной Индіи“. Сообщилъ Сергій Бѣлокуровъ.

8) О возвращеніи въ 1689 году въ патріаршее вѣдомство подмосковнаго сельца Кунцова съ пустошми. Сообщилъ Л. М. Савеловъ.

9) Московская Тихвинская, что въ Малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ, церковь. Составлено священникомъ П. А. Скворцовымъ.

10) Донесеніе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ Рижскому магистрату о ссорѣ русскихъ съ нѣмецкими гостями и послѣдовавшемъ за ней соглашеніи между ними 10-го ноября 1331 года. Сообщилъ дѣйствительный членъ А. А. Чуниковъ.

11) Роспись святымъ иконамъ, разнымъ явленіямъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ разныхъ градахъ и мѣстехъ и въ разныхъ годѣхъ...

12) О присылкѣ въ Москву изъ Кириллова монастыря ссыльнаго старца Алексѣя Корватова. Сообщилъ Л. М. Савеловъ.

13) О записи во всѣ церковные и монастырскіе синодики и о „годовой памяти“ по всему Московскому государству убитыхъ подъ Псковомъ въ 1649 году.

Помощникомъ бібліотекаря Общества Е. И. Соколовымъ былъ представленъ слѣдующій отчетъ о состояніи бібліотеки Общества.

Въ теченіе отчетнаго года (съ 18-го марта 1893 по 18-ое марта 1894 г.) въ бібліотеку Общества поступило книгъ, брошюръ и картъ— всего 152 названія въ 395 томахъ и 40 тетрадяхъ. Изъ нихъ продолженій получавшихся изданій 79 названій въ 203 томахъ и 38 тетрадяхъ; новыхъ книгъ 73 названія въ 192 томахъ и 2 тетрадяхъ. Кромѣ этого, принесены въ даръ три рукописи, одна копія съ грамоты и пять подорожныхъ. Изъ книжныхъ приращеній первое мѣсто занимаютъ поступившіе путемъ обмѣна „Памятники Общества любителей древностей письменности“, въ числѣ 96 книгъ. Этими же путемъ разными учеными учрежденіями, обществами и редакціями высылались различныя повременныя изданія. Сверхъ книжныхъ пожертвованій, поступили рукописи:

Отъ члена-соревнователя Александра Ивановича Миловидова:

Сборникъ аскетическій, содержащій въ себѣ нѣсколько словъ изъ святоотеческихъ твореній и изреченія различныхъ аввъ изъ патериковъ, малороссійскою скорописью XVIII вѣка, въ 8-ку, на 148 листахъ.

На листѣ 12-мъ подпись прежняго владѣльца рукописи: Книжица повѣстей святыхъ отцевъ благонкусныхъ къ наставленію всякаго, хотящаго съ прилежаніемъ и разсужденіемъ оную прочести, есть собственная монаха Инокентія Свято Онуфрѣвскаго Корсунскаго Гуляницкаго монастыря, купленная въ Антонія Рымаревскаго жителя мѣстечка Таганчи, за двадцать копѣекъ, № 20, 1794 г., мая 26-го дня. Монахъ Инокентій.

На оборотѣ 28 листа приписка, имѣющая отношеніе къ рукописи:

Сие збранье отъ святыхъ отецъ многихъ и въ сей книжици составленное, которую книжицу чтущи, пользы духовнии изучаемся, которою даруй Господы Ісусе Христе Боже мой всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ ихъ изучитися и въ разумъ истинній принты, Господу всегда молимся. Затѣмъ, другою рукою: Оле окаянная душе, кій отвѣтъ имаша рещи Судіи во онъ часъ, егда престолы поставятся на судѣ.

Болѣ крупныя статьи въ этомъ сборникѣ такія:

Л. 1. Святаго отца нашего Максима Исповѣдника Слово постническо по вопросу и отвѣту. Нач. Братъ вопроси старца: молются, отче, рещи ми, что смотреніе Господня вочеловѣченія. Въ подлинникѣ слово постническо (ἀσκητικός) въ *Patrol. Migne, ser. gr., t. XC, p. 911.*

Въ первый разъ переведено на славянскій языкъ на Авоиѣ Іако-вомъ Доброписцемъ (Историческое ученіе объ отцахъ церкви, архіепископа Филарета, изд. 2, т. III, стр. 172, прим. 9).

Л. 29. Слово препод. Исаія. Нач. Рече святій Исаія, яко сѣ-дящу ми нѣкогда близь святаго Макарія, и прійдоша 7 братій отъ Александрія, и искушающе его рекоша: рци намъ, отче, слово на пользу. Слово, часто встрѣчаемое въ аскетическихъ сборникахъ, направлено противъ нарушителей обѣта нестяжательности. Въ извѣст-ныхъ твореніяхъ препод. Макарія не находится.

Л. 36. Выборка или краткія выписки изъ патериковъ, касаю-щіяся разныхъ иноческихъ добродѣтелей и препятствующихъ нрав-ственному усовершенствованію иноческой жизни пороковъ.

Л. 85 об. Святаго Пахомія уставъ ангеломъ преданній въ чинъ иноческой. Нач. Ангелъ Господень явился сѣдящему с: Пахомію. Ср. рукоп. Синод. библ. № 406, л. 9 (Горск. и Невостр.), рукоп. Казан-ской Духовной Академіи, № 363, л. 765.

Л. 91 об., 92 об., 95 об. и др. Нѣсколько бесѣдъ св. Іоанна, Кассіана Римлянина—Врачество на гнѣвъ. Нач. Тѣмже слуга и воинъ Ісѣ Хрѣвъ. Вопросъ с: Кассіана, како на пустыни живущи, кто мо-жетъ злоби позпати, или страсти въ себѣ изгнати. Вопросъ его же, како исцѣлится можетъ, иже кромѣ очищенія злоби, сѣричь, еже имущи коренія злоби въ сердцу своемъ, а во пустыню отидеть без-молствовати, како тамо можетъ изгнати отъ сердца, и исторгнувшѣ очиститись.

Приведенныя въ рукописи мѣста изъ Твореній Кассіана по переводу далеко отступаютъ отъ подлинника—*Patrol. c. s., ser. latina, t. 49, 50.*

Л. 98 об. Исправленіе святыхъ отецъ. Слово лѣ Патерикъ Скит-скій. Нач. Отшелници иногда мудріи и святіи духовніи вѣ числомъ, собравшеса вкупѣ и испросивше себѣ рещи. См. синод. рукопись, № 153, л. 245 об., также Древній Патерикъ, перев. съ греч., изд. *Душеполезная Чтенія*, стр. 469 и слѣд.

Л. 111 об. Блаженнаго инока Анастасія Синайскія горы—Слово въ четвертокъ сирнія недѣли о шестомъ псалмѣ, реченное бистъ во входѣ святій постъ. Нач. Подобающее начало прилежнаго покаянія обдержитъ. На греч. яз. у *Migne, Patrol., gr., s. t. LXXXIX col. 1077*; на славянскомъ въ *Сборникъ 1647 г., л. 203* и слѣд.

Л. 127 об. Иже во святыхъ отца Василія великаго архѣпка Ка-падокій: Слово постническо. Нач. Прійдѣте ко мнѣ вси труждаю-щіяся и обремененіи, и азъ упокою вы. На греческомъ языкѣ у

Migne, Patrol., s. graeca, t. XXXI, col. 625, русск. перев. при Московской Духовной Академіи, т. V, стр. 45.

Л. 141. Въ недѣлю 5-ю поста, Слово Іоанна Златоустаго, како съ разумомъ искати спасенія. Нач. Пріймемъ братіе отъ хранилища сея пѣкое чувство ползи духовнія. Слово это очень близко къ наказанью съ именемъ Кирилла Туровскаго. См. рукопись графа Уварова, II, № XII.

Л. 145. Слово Іоанна Златоуста поучительно. Начало: Се убо азъ любиміи, часто ученіе творя, надѣялся возбранити пьянства наукъ злій. См. рукоп. Казанск. Духов. Академ., № 359, л. 119; о Словѣ см. въ *Православ. Собесѣдн.*, 1862, I, стр. 276.

Отъ члена владимірской земской управы Н. С. Строилова, чрезъ дѣйствительнаго члена С. А. Бѣлокурова:

а) *Памятная книга второкласснаго Онежскаго Крестнаго монастыря, составленная по указу архангельской духовной консисторіи въ 1824 году, съ прибавочными свѣдѣніями послѣ составленія Памятной книги. Подлинникъ, со скрѣпою по листамъ второкласснаго Крестнаго монастыря настоятеля, архангельской духовной семинаріи ректора архимандрита Антонія ¹⁾. Въ листъ, на 91 листъ, листы 45—74 об., 76—91 блыме.*

Въ началѣ Памятной книги помѣщена копія съ указа архангельской духовной консисторіи, касательно составленія памятныхъ книгъ настоятелямъ всѣхъ монастырей Архангельской епархіи.

Въ Памятной книгѣ сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія о мѣстоположеніи и происхожденіи монастыря, о церквахъ и придѣлахъ, о строеніяхъ, о монастырскихъ владѣніяхъ и угодьяхъ, о вотчинныхъ крестьянахъ и проч. Оканчивается Памятная книга спискомъ архимандритовъ, управлявшихъ монастыремъ.

Печатныя свѣдѣнія о Крестномъ монастырѣ находятся: въ Актахъ Историческихъ, IV, 102 и 816, въ Исторіи російской іерархіи, архимандрита Амвросія, IV, стр. 816—864, также у Ратшина—Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи, Москва, 1852.

Изъ отдѣльныхъ напечатанныхъ изданій о Крестномъ Онежскомъ монастырѣ извѣстны:

¹⁾ Антоній Доминскій, 1821—1827. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей, II. *Строева*, стр. 819.

1) Краткое извѣстіе о Крестномъ Онежскомъ Архангельской епархіи монастырѣ, онагожь монастыря архимандритомъ Лаврентіемъ изданное, въ Москвѣ, въ Синодальной типографіи 1805 г.

Изданіе посвящено преосвященному Евлампію, епископу архангельскому и холмогорскому.

Въ этомъ „Іраткомъ извѣстіи“ помѣщены только грамоты патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича объ устроении монастыря и о учинении чертежа о. Кію. Послѣ грамотъ помѣщено краткое описаніе святыхъ мощей и иныхъ святынь, собранныхъ и водруженныхъ въ святомъ крестѣ, иже есть въ Крестномъ монастырѣ, тщаніемъ и трудами святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Россіи, въ лѣто отъ сотворенія міра 7164, отъ рождества Господа нашего Иисуса Христа 1636, августа въ 1 день. Этимъ краткимъ описаніемъ заканчивается трудъ архимандрита Лаврентія.

2) Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ, Макарія, епископа архангельскаго, напеч. въ *Чтеніяхъ* Общества, 1880, III, 10—18. Въ этой Запискѣ помѣщены свѣдѣнія, подобныя съ находящимися въ Памятной книгѣ. Преосвященный Макарій доводитъ свѣдѣнія до 1874 г.

Въ Памятной книгѣ находятся такія свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ у преосвященнаго Макарія, напримѣръ, о крестьянахъ вотчинныхъ и жалованѣ царскомъ, о монастырскихъ земляхъ и пожняхъ, съ копіями съ специальныхъ плановъ на владѣемые монастыремъ земли (л. 34 и слѣд.).

Нѣкоторыя свѣдѣнія разнорѣчивы; такъ, путешествіе іеромонаха Анзерскаго скита Никона, будущаго патріарха, по Бѣлому морю и водруженіе Никономъ на островѣ Кіѣ креста по Памятной книгѣ происходило въ 1635 г., по Макарію въ 1639 г. Такимъ образомъ вторичное посѣщеніе патріархомъ Никономъ острова Кіа въ 1652 г. со св. мощами митрополита Филиппа по Памятной книгѣ выходитъ чрезъ 17, а по Макарію чрезъ 13 лѣтъ.

Такое же разнорѣчіе находимъ въ свѣдѣніи о построеніи придѣла во имя св. Филиппа, митрополита московскаго. У преосвященнаго Макарія говорится о построеніи этого придѣла при патріархѣ Никонѣ, въ Памятной книгѣ пишется, что этотъ придѣлъ построенъ при державѣ Петра Алексѣевича, а не былъ построенъ при патріархѣ Никонѣ, какъ значитъ о семъ въ благословенной грамотѣ Іова, митрополита новгородскаго, по которой придѣлъ освященъ 1710 г., августа 22-го дня.

Списокъ архимандритовъ, помѣщенный въ Памятной книгѣ. съ основанія монастыря до 1813 г. заимствованъ изъ „Іерархіа“ архимандрита Амвросія. Этотъ списокъ оказывается далеко не полнымъ и не точнымъ. Болѣе обстоятельный списокъ архимандритовъ находится у *Строева*: Списки іерарховъ и настоятелей монастырей російскія церкви, С.-Пб., 1887, стр. 818—819.

Въ Памятной книгѣ послѣднимъ архимандритомъ показанъ Августинъ, бывший настоятелемъ съ 1832 по 1838 годъ.

в) *Опись Онежскаго второкласнаго Крестнаго монастыря святыхъ Божіихъ церквей, въ немъ находящихся, и всею церковнаго и различнаго имущества, учиненная по присланному изъ архангельской духовной консисторіи преосвященнаго Аарона, епископа архангельскаго. указу 1829 года января 16 дня. Подлинникъ, за печатью консисторскою и скрѣпою по листамъ секретаря Егора Гусева и подписями въ концѣ описи архимандрита Неофита, казначея священника Стефана Мысова и другихъ лицъ, въ листъ, на 75 листахъ.*

Къ достопримѣчательнымъ предметамъ по этой описи должно отнести: а) Крестъ, сооруженный патріархомъ Никономъ, подробно описанный преосвященнымъ Макаріемъ въ его Запискѣ о Крестномъ монастырѣ. Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ находится икона съ изображеніемъ этого креста, писанная въ 1748 году и поступившая отъ члена-основателя Общества древне-русскаго искусства, Н. М. Аласина. (Писан. проток. Общ. др. р. иск., 6 засѣд., 7-го марта 1865). в) Три колокола—вклады патріарха Никона и Императрицы Екатерины. с) Крестъ серебряный напестольный, съ надписью: Лѣта 7164 (1656) іюня въ 25 день великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, далъ сій крестъ въ монастырь Ставрокъ, вѣсомъ одинъ фунтъ съ половиною. d) Изъ напестольныхъ евангелій старшее 7152 (1644) и одно. показанное подъ № 11, безъ означенія года. Можетъ быть, это до-Никоновское весьма древнее евангеліе, о которомъ упоминается у преосвященнаго Макарія (Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ). е) Дискосъ—вкладъ патріарха Никона. f) Чаша водосвятная серебряная, съ надписью: Лѣта 1665, маія въ 5 день, въ царство благовѣрнаго и христіюлюбиваго царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. при пастырствѣ великомъ государѣ святѣйшемъ Никонѣ, архіепископѣ великаго града Москвы и всея северныя страны и поморія и многихъ государствъ патріархѣ. Сдѣлалъ сію чашу въ его государство

патріарше строеніе въ Каргополскій уѣздъ, въ монастырь Ставрость, еже есть Крестъ, что на морѣ, на Киѣ островѣ, противъ Онежскаго устья, бояринъ Василій Ивановичъ Стрешневъ по своей души и по своимъ родителѣхъ въ вѣчной поминокъ, вѣсомъ 14-ть фунтовъ, и др. предметы церковной утвари, пожертвованные патріархомъ Никономъ.

g) Въ монастырской бібліотекѣ значится 516 №№ печатныхъ изданій, изъ нихъ четыре изданія XVI вѣка: 1) Апостолъ 1548 г., 2) Библія Острожская 1581, 3) Бесѣды Василя Великаго 1594 г. (вѣроятно, Книга о постничествѣ) и 4) Маргарить 1595 г.; XVII вѣка 71 изданіе; XVIII вѣка 119 изданій, остальные безъ выхода и XIX вѣка.

Рукописи поименованы такія:

Въ листъ:

Житіе Никона патріарха.

Книга правилъ Никона, игумена Черныя горы.

Уставъ старинный.

Житія святыхъ, выписанныя изъ прологовъ.

Лѣтописецъ.

Служба, житія и чудеса преподобнаго Зосимы и Савватія Соловецкихъ.

Лѣтописецъ Крестнаго монастыря.

Шестодневъ на пергаментѣ.

Въ четверть:

Два списка Псалтири.

Книга Прошеніе патріарха Іоасафа на вопросы датскаго королевича Вольдемара.

Чинъ на постриженіе въ монахи.

Послѣдованіе, какъ положить антиминсъ въ новосозданнымъ храмѣ.

Житіе Александра Свирскаго.

Канонникъ, въ началѣ коего положена полуощница, въ концѣ канонъ преподобнымъ Зосимѣ и Савватію.

Святцы съ тропарями святыхъ.

О свиткахъ и 45 ставленныхъ грамотахъ епископскихъ и архіепископскихъ, о которыхъ говорятъ преосвященный Макарій въ своей запискѣ о Крестномъ монастырѣ, въ описи не упоминается.

Опись оканчивается перечисленіемъ книгъ, находящихся въ церковномъ и обще-братскомъ употребленіи, каковыхъ показано 44.

с) Копія съ грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Крестному Онежскому монастырю на владѣніе вмѣстѣ съ Воскресенскимъ монастыремъ рыбными ловлями, оброчными поюстами и урочищами, четкою, прямою и красивою скорописью XVIII вѣка, въ листѣ, на 5 листахъ.

Подлинная грамота хранится въ Крестной обители.

Объ этой грамотѣ въ запискѣ объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ, Макарія, епископа архангельскаго, читаемъ: Грамота Императрицы Елисаветы Петровны 1746 года, писанная на пергаментѣ. На первомъ листѣ оной двуглавый черный орелъ на золотомъ щитѣ, подъ золотою же короною, надъ орломъ вензель Императрицы (I. E.), а по сторонамъ орла шесть гербовъ губерній. Грамота сія въ бумажномъ, покрытомъ цвѣтнымъ штофомъ, футлярѣ, корешокъ коего перевязанъ золотымъ шнуромъ, на концѣ коего государственная печать, помѣщающаяся въ круглой сребропозлаченной коробочкѣ съ двухглавымъ орломъ на крышкѣ оной и съ двумя золотыми кистями, пропущенными чрезъ коробочку, въ коей помѣщается самая печать, выляталъ изъ розовой мастики.

(Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1880, кн. III, стр. 16—17).

д) Подорожная, числомъ пять, смотрителю полтавскихъ духовныхъ училищъ іеромонаху, а потомъ настоятелю Онежскаго Крестнаго монастыря архимандриту Августину, 1-я отъ 29-го декабря 1829 г., 2-я отъ 25-го августа 1832 г., 3-я отъ 31-го іюля 1833 г., 4-я отъ 21-го іюля 1834 г. и 5-я отъ 24-го августа 1838 г.

Архимандритъ Августинъ былъ настоятелемъ Крестнаго монастыря съ 1832 — 1838 (Списки іерарховъ и настоятелей монастырей, П. Строева, Спб., 1877, стр. 819).

Съ октября прошлаго года начато переустройство библиотеки.

Неотложная нужда побудила къ этому. Шкафы до того были переполнены книгами, что некуда было приставлять продолженій. Для переустройства необходимо было снимать книги и устанавливать ихъ по новому порядку. Этотъ порядокъ размѣщенія книгъ состоялъ въ установкѣ ихъ по форматной системѣ. Благодаря этой постановкѣ, нѣкоторые шкафы остались свободными, и такимъ образомъ получился довольный запасъ для будущихъ книжныхъ приращеній. По настоящее время поставлено по форматной системѣ 1.656 названій, а томовъ и брошюръ 3.158.

Изъ библиографическихъ работъ было продолжено описаніе рукописей, начатое въ прошломъ году. Было описано до 40 рукописей.

Нахожу небезынтереснымъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Два Бюсловскихъ трактата Бонавентуры и Герарда Цютфенскаго, на латинскомъ языкѣ, XV вѣка, скорописью очень близкою къ ютической, разными почерковъ, заглавія писаны киноварью, на пергаментѣ, въ 16 долю листа, на 69 и 48 листахъ. Даръ купца А. Кочуева. На оборотѣ 1-го и послѣдняго листовъ одинаковыя подписи, показывающія прежнюю принадлежность рукописи Рубельвальскому монастырю: Liber Monasterii Rubelvallis in Zonia juxta Bruxellam (Rubea Vallis, Rougeval, commune de Belgique, Brabant: Dictionnaire de géographie ancienne et moderne, Paris, 1870).

На листѣ 69 пишутся киноварью слѣдующія философскія сентенціи въ формѣ стиховъ:

Si quis nesciret quod tendit et nude veniret,
Nunquam gauderet sed omne tempore fletet.

(Еслибы кто нибудь не зналъ, куда онъ стремится и откуда приходитъ, то никогда бы не радовался, а постоянно плакалъ).

Sunt tria quae vere faciant me saepe dolere:
Est primum durum, agnosco me moriturum,
Secundum, timeo quod tempus nescio quando,
Inde, magis flebo, quod nescio quo remanebo.

(Есть три мысли, которыя заставляютъ меня, поистинѣ, часто плакать: первая, тяжелая мысль; я сознаю, что я умру; вторая, боюсь, такъ какъ не знаю, когда придетъ время смерти; потомъ, еще больше начну плакать, такъ какъ не знаю, гдѣ я буду пребывать).

Трактатъ Джовани Фиданцы, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Бонавентуры, съ такимъ надписаніемъ: *Tractatus de quatuor exercitiis qui dicitur imago vitae*. Въ общемъ содержаніе трактата такое: душа возвышается посредствомъ внутренняго присутствія Благости Божіей до наслажденія небесною радостью, тогда какъ прежде она была отягчена грѣхомъ,—этимъ тяжелымъ камнемъ. Трактатъ написанъ въ формѣ разговора человѣка съ душою. Въ печатныхъ изданіяхъ сочиненій Бонавентуры трактатъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ: *Soliloquium*. (Печатныя творенія Бонавентуры, равно сочиненія, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о его жизни и произведеніяхъ, указаны въ нашемъ описаніи).

Трактатъ, или точнѣе трактатецъ, Tractatulus Герарда Цютфенскаго (Gerardi de Zutphania), носитъ такое названіе: De reformatione vitium animae; раздѣляется на 60 небольшихъ главокъ. Въ этомъ сочиненіи Герардъ является учителемъ христіанской нравственности. Душевные наши силы должны сообразоваться съ нашимъ высшимъ нравственнымъ назначеніемъ. Путемъ нравственнаго самоусовершенствованія и христіанскаго размышленія, человѣкъ долженъ всячески бороться и избѣгать разныхъ, препятствующихъ нравственному его преуспѣванію пороковъ. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе трактатца. Послѣдній былъ напечатанъ въ 1493 г. въ Парижѣ. (Биографическія и библиографическія свѣдѣнія о Герардѣ и его трудахъ приведены въ описаніи).

Визителіе, Апракосъ, полууставомъ начала XVI вѣка, на двухъ столбцахъ, въ листъ, на 116 листахъ. Подарено купцомъ А. Кочуевымъ.

Впизу по листамъ подпись скорописью XVII вѣка: Я Оедосья, Сергіева дочь, Ивановская жена, с своимъ сыномъ Васильемъ Исавиномъ се евангиліе приложили есмь Николе чудотворцу въ селѣ Филимоновѣ, а купили есмь то евангиліе у священника Оулипа, Минина сына, в селѣ в скънетинове; а хто в сию книгу иметь вступаться, и мнѣ та книга очищать.

Инициальныя узловатыя буквы, а равно означеніе евангельскихъ чтеній писаны киноварью.

Надъ чтеніями зачала не означены.

Составныя части Евангелія:

Л. 1 — 26. Чтенія отъ Іоанна — отъ Пасхи до понедѣльника по пятидесятницѣ, или Духова дни, также какъ и въ Остромировомъ евангеліи.

Л. 26 — 67. Чтенія отъ Матоея начинаются съ Духова дня (въ Остромировомъ евангеліи отъ субботы по пятидесятницѣ) до недѣли 17-й включительно, то-есть, до недѣли предъ Воздвиженіемъ.

Воскресное чтеніе 2-й недѣли больше положеннаго, къ обыкновенному чтенію — отъ Матоея зачало 9-е прибавлены стихи изъ гл. 10, 5—8—зачало 34 и изъ зачала 79 стихи 23—26.

Л. 68—122 об. Чтенія отъ Луки съ понедѣльника 17-й недѣли, или недѣли предъ Воздвиженіемъ до недѣли мясопустной.

Затѣмъ чтенія отъ Марка.

Въ великій четвертокъ послѣ евангелія на утрени пишутся евангельскія чтенія на умовеніе и по умовеніи ногъ и потомъ на ли-

тургія Евангеліе святыхъ страстей съ надписаніемъ: Чїи ноци стго пѣка верз стрѣнма нѣи.

Въ мѣсяцесловѣ встрѣчается одна русская память — Борисъ и Глѣбъ, 24-го іюля.

Послѣ мѣсяцеслова пишутся евангельскія чтенія на нѣкоторые недѣльные дни, Господскіе и Богородичные праздники и на памяти нѣкоторыхъ нарочитыхъ святыхъ.

Евангелія воскресны.

Указы евангеліамъ воскреснымъ на заутрени и затѣмъ указаніе гласовъ и недѣльныхъ евангелій, начиная съ недѣли всѣхъ святыхъ. Правописаніе южно-русское, съ употребленіемъ во второй половинѣ рукописи юсовъ.

Службы съ житіями св. благовѣрнаго князя Михаила и св. епископа Арсенія, тверскихъ чудотворцевъ, полуустав. XVII вѣка, въ 4-ку, на 249 листахъ.

Служба св. Михаилу Ярославовичу Тверскому почти та же, какая и въ печатной минеѣ, въ рукописной службѣ положенъ одинъ канонъ: Пѣснь възслемъ людіе.

Житіе св. Михаила нач. Ничтоже тѣпльшїа дїи блажїнше зрѣти ко всѣмъ добродѣтелн.

По составу статей житіе относится къ третьей редакціи (*Ключевскій*, стр. 354). Недостаетъ сказанія объ обрѣтеніи мощей св. князя Михаила. Въ сказаніи о переложеніи св. мощей годъ показанъ 1655 а не 1654, какъ у Ключевского (стр. 354). Св. Арсенію двѣ службы: первая на день его преставленія, 2-го марта, вторая на перенесеніе мощей, 2-го іюля.

Служба на преставленіе св. Арсенія составлена въ 1483 г. при державѣ благовѣрнаго князя тверскаго Михаила Борисовича, по благословенію епископа тверскаго Вассіана, въ Желтиковѣ монастырѣ, при игуменѣ Геронтіѣ, инокомъ Феодосіемъ.

Касательно составленія службы на преставленіе св. Арсенія въ спискѣ Общества читается слѣдующее примѣчаніе, помѣщенное въ концѣ похвальнаго слова епископу Арсенію: Подобаѣтъ оубв намъ ѿ ш сѣ вѣдѣти вратїе ѿкв по преставленїи прѣбнаго оца нашего Арсенїа мнѣвшимъ оубв лѣтомъ седмидесѣтимъ четыремъ составлено вѣсть празднованїе ѿ служба емъ в лѣто шѣсть тысячъ девѣть сотъ девѣтьдесѣтъ перваго по совѣтѣ ѿ по блгословенїю прѣшщѣннаго Вассїана епїка Тверскагш ѿ егш чѣнагш собора.

Эта служба вошла въ печатную mineю.

Вторая служба на перенесеніе мощей святителя Арсенія составлена при патриархѣ Никонѣ и при архіепископѣ Тверскомъ Лаврентіѣ въ 1655 году и существуетъ только въ спискахъ. Въ нынѣшнемъ году, 15-го августа, по случаю наступающаго 500-лѣтняго юбилея Успенскаго Желтикова монастыря, основаннаго св. Арсеніемъ въ 1394 году, въ Твери предположено издать какъ эту, такъ и службу на 2-е марта виѣстѣ съ житіемъ св. Арсенія по спискамъ, находящимся въ Тверскомъ музеѣ.

Съ какого времени оставлено празднованіе перенесенія мощей св. Арсенія и въ какой періодъ времени была въ употребленіи написанная на этотъ праздникъ служба, неизвѣстно.

Перенесеніе мощей ¹⁾ издавна празднуется не въ числахъ, а въ первое воскресенье послѣ праздника апп. Петра и Павла, и обычно называется „крестнымъ ходомъ къ святителю Арсенію“; ни о какомъ перенесеніи мощей съ этимъ торжествомъ у теперешнихъ тверитянъ не соединяется понятія.

Редакція житія та же, какая показана у *Ключевскаго*, стр. 181—182.

Всѣхъ чудесъ 27. Первое 1566 года—воскресеніе мертваго, именемъ Терентія и послѣднее 1664 года—о бѣснующемся мужѣ.

Житіе оканчивается похвальнымъ словомъ св. Арсенію.

Два краткія учебныя руководства къ поэзіи на латинскомъ языкѣ: 1) *Liber tripartitus celeberrimae artis poëticae ex variis libris collectus et perscriptus atque ad usum Rossicae juventuti in Alma Academia Moschoviensi traditus anno Domini 1727.* 2) *Brevis Poëtica cum Prosodiu conscripta sub auri clypeo Alexandri Lwoiciz Naryszkinі, per Gregorium Skybinski, последнее писано самимъ авторомъ, относится ко времени патриарха Адриана, что видно изъ слѣдующей пріписки, сдѣланной авторомъ же въ концѣ своего труда: Omnia quae scripsi sint subiecta orthodoxae catholicae graecae Ecclesiae et sanctissimo Kyr Adriano Archiepiscopo Moschoviae et Patriarchae totius Rossiae, Pastori animarum, cujus sum subditus in spirituali ad nutum.* Въ 8-ку, на 50 листахъ.

Первое изъ этихъ руководствъ—*Liber tripartitus artis poëticae*, какъ видно, было предназначено для юношества, обучавшагося въ

¹⁾ По словамъ тверскаго кафедральнаго протоіерея Григорія Петровича Первухина.

Славяно-греко-латинской Академіи. Авторъ этого руководства не извѣстенъ. Никакого свѣдѣнія объ этомъ руководствѣ къ стихотворству нѣ извѣстномъ сочиненіи: „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи“, С. Смирнова, не встрѣчается.

Въ предисловіи, приводимомъ нами въ русскомъ переводѣ, авторъ, между прочимъ, такъ говоритъ о значеніи поэтическаго искусства: „Отъ поэтическаго искусства получается величайшее наслажденіе. Стихами возносится слава Богу, прославляется добродѣтель, воспѣваются заслуги знаменитыхъ мужей. Вождь поэтовъ, Овидій сказалъ:

Стихами оживляется доблесть изъ могилы,
Позднее потомство узнаетъ ее.

Работайте и вы, подобно пчеламъ, собирайте сладкій медъ изъ этихъ наставленій трудолюбиво, подобно пчеламъ.

„Трудъ нашъ,—говоритъ авторъ,—мы раздѣлили на три части. Въ 1-й говорится объ основахъ поэтики, о тропахъ и фигурахъ, о періодахъ, во 2-й о различныхъ родахъ стихотвореній, въ 3-й о посланіяхъ и похвалахъ“.

Труду Григорія Скибинскаго: *Brevis Poëtica cum Prosodia*, предшествуетъ письмо, писанное авторомъ названнаго труда къ Александру Львовичу Нарышкину; приводимъ это письмо въ извлеченіи, въ русскомъ переводѣ.

„Именитѣйшій, сіятельнѣйшій господинъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, покровитель величайшей моей скудости и моего несчастія при теперешнемъ моемъ гоненіи!

Прежде чѣмъ писать моимъ скромнымъ перомъ вашему сіятельному превосходительству о многихъ и важнѣйшихъ вещахъ въ честь вашу, прошу васъ, примите отъ меня благосклонно, раба своего, эту книгу, содержащую правила поэзіи съ метрикой, и не отвратите взора вашего отъ моей скудости и моего униженія; такъ угодно было моему творцу, который создалъ меня по своему образу и подобию, чтобы я терпѣлъ нѣкоторыя гоненія, ибо всѣ, желающіе жить во Христѣ, терпятъ гоненіе“.

Говоря о томъ, что его какой нибудь папистъ упрекнетъ за заимствованія у другихъ авторовъ, Скибинскій, между прочимъ, на это отвѣчаетъ: „нѣтъ ни одной зарождающейся мысли въ мірѣ, которая ранѣе не нашлась бы въ книгахъ: все уже мы имѣемъ у священныхъ греческихъ писателей и у тѣхъ латинскихъ, которые заимствовали у грековъ“.

Въ концѣ письма авторъ указываетъ на іезуитовъ, хвалящихся

своими знаніями, и съ такимъ укоромъ говоритъ о нихъ: „О, жалкіе люди, все имѣете вы отъ грековъ, въ чужія перья вы одѣты, а не въ свои“.

Наконецъ, сообщу объ одной поддѣльной рукописи, содержащей сказаніе о чудесномъ созданіи или основаніи великой Кіево-Печерской церкви; взятое изъ извѣстнаго посланія св. Симона, епископа владимірскаго, къ Поликарпу.

Списокъ подложный, работы бывшаго поддѣлывателя рукописей, московскаго мѣщанина А. И. Бардина.

На первомъ бумажномъ листѣ написано: № 52. Изъ книгъ И. Ц. (то-есть, Ивана Царскаго). Затѣмъ рукою П. В. Хавскаго: „Труды Антонія Бардина, новая“. Эта рукопись была также въ рукахъ М. П. Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ его собственноручная подпись на листѣ 3-мъ: „М. Погодинъ“.

Текстъ писанъ на пергаментѣ въ два столбца, въ 4-ку, на 35 листахъ. Пергаментъ красноватый, пропитанный какимъ-то составомъ, очень высохшій и весь покоробленный, по мѣстамъ попадаются бѣлесоватые пятна, среднія части листовъ 23—29 утратились и обсыпались, вѣроятно, отъ ѣдкой жидкости, которою былъ пропитанъ пергаментъ.

Чернила употреблены чернилы, для заглавій и инициальныхъ буквъ оставлены свободныя мѣста, изъ знаковъ препинанія встрѣчаются одиѣ только точки, и тѣ очень рѣдко.

Письмо поддѣлано подъ почеркъ, встрѣчающійся въ древне-русскихъ рукописяхъ XIII—XIV вѣка.

Передъ текстомъ помѣщена довольно искусной работы раскрашенная по золотому фону миниатюра, изображающая видъ Кіево-Печерской церкви. Поверхъ кровли храма шесть главъ съ восьми-конечными крестами... Надъ главнымъ входомъ поясное изображеніе Божіей Матери, по обѣимъ сторонамъ храма предстоятъ Антоній и Теодосій Печерскіе. Для предохраненія миниатюры отъ тренія и другихъ случайностей передъ нею сдѣлана зеленая шелковая прокладка.

Въ видѣнномъ нами пергаменномъ спискѣ „Слова о полку Игоревѣ“, хранящемся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, работы, по всей вѣроятности, того же Бардина, поддѣлка чище и лучше, чѣмъ въ рукописи Общества (Отчетъ Музеевъ, 1870—1872, стр. 66).

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦІЯ ІХ СЪЪЗДА РУССКИХЪ ЕСТЕ- СТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВЪ.

Безспорно, въ послѣднее время географія, какъ наука и какъ предметъ учебный, возбуждаетъ значительный интересъ въ обществѣ.

Доказательства на лицо. Съ одной стороны, географія, какъ наука, привлекаетъ къ себѣ многихъ выдающихся русскихъ ученыхъ, успѣшно разрабатывающихъ эту „новъ“ русской науки; съ другой, какъ предметъ учебный, она приобретаетъ все болѣе и болѣе симпатій среди русскихъ педагоговъ, и ежегодно въ журналахъ появляются статьи и замѣтки, какъ слѣдуетъ вести дѣло, чтобъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ; издаются очень хорошія пособія въ видѣ карты, атласовъ и т. п.

То же слѣдуетъ сказать, обративъ вниманіе на географическую секцію девятаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, открытаго 4-го января и продолжавшагося до 11-го января текущаго года.

Изъ общаго числа членовъ ІХ-го съѣзда (болѣе 2.000 человекъ) на секцію географіи записалось свыше 200 человекъ, то-есть, около 10%, — число значительное. Правда, слѣдуетъ принять во вниманіе, что многіе записывались и на другія секціи, а такъ какъ засѣданія секцій происходили одновременно, то въ большой словесной аудиторіи Московскаго университета, въ которой происходили засѣданія секціи географіи, ни на одномъ засѣданіи не присутствовало 200 человекъ (maximum 100, minimum 20).

Считаемъ не лишнимъ упомянуть, что среди записавшихся находилось значительное число учащихся, вообще лицъ, соприкосновенныхъ учебному дѣлу. Профессоры университетовъ: Московскаго (Д. Н. Анучинъ), Казанскаго (П. И. Кротовъ), Одесскаго (А. В. Клоссов-

скій и М. Р. Рудскій), Харьковского (А. Н. Красновъ), Петербургскаго (А. И. Воейковъ); преподаватели мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, духовныхъ, военныхъ, техническихъ и коммерческихъ училищъ, даже русской киргизской школы въ Оренбургѣ (г. Галановъ); кромѣ того, среди записавшихся находимъ преподавателей и преподавательницъ географіи безъ означенія учебнаго заведенія. Всего—болѣе 40 человекъ, не считая профессоровъ и преподавателей специальныхъ учебныхъ заведеній (напримѣръ, Константиновскаго межеваго института и др.). Засѣданіями секціи по географіи (куда отнесены антропология и этнографія) руководилъ проф. Д. П. Анучинъ при секретаряхъ гг. Гильченкѣ и Ивановскомъ.

Всѣхъ засѣданій было пять, на которыхъ прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) В. М. Михайловскій. Древне-египетскіе памятники и начало землѣдѣнія. 2) П. И. Кротовъ. Вятскій увалъ. 3) К. И. Богдановичъ. Приложение гипотезы скольженія къ объясненію дислокацій въ Закаспійскомъ краѣ. 4) Н. И. Даниловъ. О населеніи Персіи въ антропологическомъ отношеніи. 5) А. Д. Элькиндъ. Нѣкоторыя данныя къ характеристикѣ антропологическаго типа поляковъ. 6) М. П. Рудскій. О періодическихъ измѣненіяхъ уровня лимановъ. 7) Н. И. Раевскій. О большей точности въ географической терминологіи. 8) П. Г. Поповъ. Объ образованіи на будущихъ съѣздахъ естествоиспытателей педагогической подсекціи при секціи географіи. 9) А. Г. Рождественскій. Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. 10) Д. Н. Анучинъ. Объ области истоковъ Волги, Днѣпра и Западной Двины. 11) Д. Н. Анучинъ. О муміяхъ вообще и объ египетскихъ муміяхъ Антропологическаго музея Московскаго университета въ особенности. 12) Д. Н. Анучинъ. Демонстрація двухъ древнихъ череповъ, найденныхъ въ Россіи со слѣдами трепанации. 13) А. А. Ивановскій. Къ антропологін монголовъ. 14) Д. П. Рашковъ. О колебаніяхъ склоненія магнитной стрѣлки въ окрестностяхъ Москвы. 15) И. О. Вильбушевичъ. О солонцахъ. 16) И. Т. Савенковъ. О соленыхъ озерахъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи. 17) С. П. Бѣликовъ. Демонстрированіе рельефнаго плана части Ходынскаго поля. 18) К. Н. Россиковъ. Перикительскій хребетъ, ледники его сѣвернаго склона и періодичность ихъ измѣненія. 19) Н. В. Гильченко. Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ. 20) А. Г. Рождественскій. Къ вопросу о древнемъ населеніи Рязанской губерніи. 21) Г. К. Деккеръ.

Къ антропологической характеристикѣ зырянъ. 22) Н. И. Андрусовъ. О нѣкоторыхъ результатахъ глубоководныхъ изслѣдованій Чернаго моря. 23) В. М. Михайловскій. Шаманство у меланезійцевъ. 24) А. С. Хахановъ. Переселенческій вопросъ на Кавказѣ. 25) О. К. Гинкуловъ. По поводу вопроса объ антропологическомъ изслѣдованіи крымскихъ каранмовъ. 26) И. Я. Акинфѣвъ. О ледникахъ Балкаріи. 27) В. Г. Михайловскій. Къ вопросу о географическомъ распространеніи горныхъ ледниковъ. 28) П. И. Воскресенскій. Пещеры-ледники въ Гисарскомъ хребтѣ (Тянь-Шань). На соединенныхъ засѣданіяхъ секціи географіи и общихъ засѣданіяхъ прочитаны были рефераты: 29) С. А. Щепотьевъ. Зауральскія степи, преимущественно въ отношеніи къ ихъ производительности и обмѣна. 30) А. И. Воейковъ. Колебанія и измѣненія климата. 31) А. П. Карпинскій. Объ общемъ характерѣ колебаній земной коры въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Сверхъ этихъ сообщеній, было демонстрировано много приборовъ для антропологическихъ измѣреній, съемоковъ, для школьно-гигиеническихъ цѣлей и пр.,—всего 44 сообщенія, что составитъ значительное число изъ общей суммы сообщеній и прочитанныхъ рефератовъ на съѣздѣ: по физикѣ и метеорологіи 61, агрономіи 48, зоологіи 34, геологіи 27, ботаникѣ 25, по математикѣ 21, по химіи 21, по анатоміи съ физиологіей, научной медицинѣ и гигиенѣ 51, статистикѣ 21 и на общихъ собраніяхъ 10.

Очевидно, что и на IX съѣздѣ географія занимала видное мѣсто и у нея на этомъ праздникѣ русской науки было не мало адептовъ, какъ то показываетъ число рефератовъ, прочитанныхъ на засѣданіяхъ географической секціи.

Обратимся теперь къ обзору рефератовъ секціи и отмѣтимъ все существенное въ нихъ ¹⁾. При общемъ обзорѣ однихъ лишь заглавій научныхъ рефератовъ, видимъ, что здѣсь затронуты весьма многіе и важныя вопросы нашей науки, но болѣе всего вопросы, касающіеся, какъ и слѣдуетъ быть, географіи нашего отечества. Конечно, этому никто не станетъ удивляться, уже и потому, что для изслѣдованій географическихъ наше отечество — необъятное поле. Достаточно припомнить, напримѣръ, гипсометрическія измѣренія, произведенныя генераломъ Тилло, чтобъ не быть въ данномъ случаѣ голо-

¹⁾ Дѣлать это мы будемъ по отчетамъ, напечатаннымъ въ дневникѣ съѣзда, а также и по тѣмъ замѣткамъ, которыя удалось намъ занести въ записную книжку.

словнымъ. Нельзя поэтому не считать весьма умѣстнымъ воззваніе проф. Кротова на IX съѣздѣ къ русскимъ географамъ дружно работать для разъясненія и приведенія въ извѣстность рельефа Россіи. Рефератомъ проф. Кротова мы и начнемъ обзоръ сообщеній, относящихся къ географіи, антропологіи и этнографіи, выслушанныхъ на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. Проф. Кротовъ произвелъ въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи до 1400 барометрическихъ опредѣленій высоты различныхъ пунктовъ и на основаніи ихъ составилъ орографическую карту изслѣдованной территоріи. Оказывается, что отъ г. Вятки въ меридіальномъ направленіи тянется на протяженіи болѣе 200 верстъ къ югу, между $18^{\circ} 30'$ и $19^{\circ} 30'$ в. д. отъ Пулкова, значительно приподнятый и расчлененный поясъ высотъ, въ сѣверной части котораго абсолютная высота надъ моремъ достигаетъ 262 м., а на югѣ 284 м. Этому поясу высотъ проф. Кротовъ даетъ названіе *Вятскаго увала*. На физической картѣ Европейской Россіи въ учебномъ атласѣ Ильина, изд. 1892 г., мѣсто, занимаемое Вятскимъ уваломъ, показано до 230 м., какъ плоскогоріе; на картѣ же Линберга (учебная карта Европейской Россіи А. Линберга въ масштабѣ 1 : 2.500.000) территорія, на которой находится Вятскій уваль, изображена въ видѣ низменности (отъ 100 до 200 м. надъ уровнемъ моря), и лишь по притоку Вятки, Чепца, показанъ поясъ отъ истоковъ Чепцы примѣрно до 18° в. д. отъ Пулкова возвышенностей отъ 200 до 300 м. надъ уровнемъ моря, но въ широтномъ направленіи. Очевидно, рельефъ Вятской губерніи будетъ нѣсколько инымъ послѣ измѣреній проф. Кротова и придется на картахъ сдѣлать поправку ¹⁾).

Придется сдѣлать, и уже значительныя поправки, послѣ чрезвычайно интереснаго доклада, на послѣднемъ засѣданіи секціи, проф. Д. Н. Анучина: „Объ области истоковъ Волги, Днѣпра и Западной Двины“. Прежде всего проф. Д. Н. Анучинъ сообщилъ историческія извѣстія о мѣстности, откуда берутъ начало главнѣйшія рѣки Европейской Россіи. Объ истокахъ важнѣйшей изъ рѣкъ, Волги, очень долго не было никакихъ извѣстій, и лишь у Птолемея есть указанія на истоки Волги (Ра), при чемъ имъ были высказаны предположенія, что Волга беретъ начало съ какихъ-то горъ, тянущихся по широтѣ. Въ средніе вѣка, когда географическія свѣдѣнія черпались по преимуществу изъ разказовъ арабскихъ путешественниковъ, преобладало

¹⁾ Въ учебникѣ Лебедева мѣстность, въ которой находится Вятскій уваль, названа низменной (стр. 87, изд. 1892 г.).

мнѣніе, что горь въ истокѣ Волги нѣтъ, а есть озера, изъ которыхъ и берутъ начало вообще рѣки Россіи. Только у Герберштейна (XVI столѣтіе) есть болѣе или менѣе правильныя понятія о началѣ главнѣйшихъ русскихъ рѣкъ. Въ теченіе послѣдующаго времени понятія Герберштейна скорѣе искажались фантастическими, чѣмъ замѣнялись истинными взглядами на орографію Европейской Россіи, и лишь Ал. Гумбольдтъ въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія сообщилъ болѣе точныя наблюденія надъ возвышенностями истоковъ рѣки Волги, Валдайскими горами. Здѣсь между прочимъ интересна справка насчетъ не существующей и долгое время поминаемой въ учебникахъ Урало-балтійской холмистой гряды. Оказывается, что Сидовъ соединилъ Валдайскую возвышенность съ увалами, идущими къ Уралу и Балтійскою возвышенностью, и такимъ образомъ появилась пресловутая гряда. Но Сидовъ уже въ 60-хъ годахъ отказался отъ своихъ воззрѣній, и уже тогда у лучшихъ географовъ (Петерманъ) дѣланы были указанія на существованіе Волжской и Днѣпровской возвышенностей ¹⁾. Такъ какъ Валдайскія горы и до сихъ поръ точно не изслѣдованы, а во всѣхъ научныхъ сочиненіяхъ, а равно и учебникахъ ²⁾, имѣются разныя свѣдѣнія о высотѣ горъ (Попова гора—высшая точка, отъ 1050 до 1200 ф. надъ уровнемъ моря), то проф. Д. Н. Анучинъ предпринялъ поѣздку къ Поповой горѣ, съ цѣлью опредѣлить высоту Валдайскихъ горъ, истока рѣкъ Волги, Днѣпра и Западной Двины. Оказалось слѣдующее. Самая высокая точка, по Гумбольдту, Попова гора, далеко не высшая точка Валдайскихъ горъ. Она возвышается надъ уровнемъ моря всего лишь до 70 сажень, то-есть, до 500 ф.; между тѣмъ какъ самая высокая точка Валдайскихъ горъ имѣетъ высоту до 150 сажень, то-есть, около 1050 ф., и находится близъ деревни Полицы Мѣстность эта вообще гористая, отличается изобиліемъ валуновъ, озеръ, лѣсиста; озера отличаются извилистостью и закругленностью, при чемъ у нихъ преобладаетъ одно и то же направленіе, направленіе, свойственное озернымъ бассейнамъ Финляндіи. Что же касается собственно истоковъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Западной Двины, то они

¹⁾ Какъ извѣстно, у насъ мнѣній Сидова придерживались до гипсометрическихъ измѣреній генерала Тилло, которыя обнаружены на VIII съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

²⁾ У Лебедева Валдайскія горы имѣютъ среднюю высоту до 800 ф.; высшею точкою ихъ считается Попова гора 1,040 ф. высоты; въ Настоящемъ Энциклопедическомъ Словарѣ—851 м.

не всѣ находятся на одной и той же высотѣ. Выше другихъ расположенъ истокъ Днѣпра. Онъ беретъ начало изъ колодца, находящагося на высотѣ 117 сажень надъ уровнемъ моря ¹⁾. Изъ этого колодца Днѣпръ течетъ въ видѣ канавки, и только версты черезъ полторы эта канавка превращается въ замѣтное ложе рѣки. Истокъ рѣки Волги на 10 сажень ниже Днѣпра, а среднее между истоками Днѣпра и Волги занимаетъ истокъ Западной Двины. Она беретъ начало изъ болотъ, прорѣзываетъ нѣсколько холмовъ и впадаетъ въ озеро Двинецъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго доклада проф. Д. Н. Анучина.

Далѣе укажемъ на важное сообщеніе академика А. П. Карпинскаго: „Объ общемъ характерѣ колебаній земной коры въ предѣлахъ Европейской Россіи“. Хотя это сообщеніе не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ географіи, но въ высокой степени важно, какъ указывающее, почему равнина Европейской Россіи окаймлена съ востока, юга и юго-востока горными хребтами, почему въ ней существуютъ низменности и т. п. Къ сожалѣнію, сообщеніе академика А. П. Карпинскаго не напечатано по невозможности, какъ заявилъ авторъ, передать его безъ картъ и рисунковъ, которые были продемонстрированы академикомъ во время его доклада въ общемъ собраніи 7-го января.

Въ отдаленнѣйшія геологическія времена наша страна представляла относительно низменную равнину, на которой никогда не было высокихъ горныхъ хребтовъ. Однако же, толщи ея, вслѣдствіе передвиженія, образуютъ пологія выпуклости, вогнутости, складки и проч. Вслѣдствіе колебанія суши, страна наша должна была подвергаться наступленію сосѣднихъ морскихъ бассейновъ и такъ какъ эти колебанія продолжались, то бывшая суша постепенно становилась моремъ, а на мѣстѣ моря подымалась суша. Процессъ, вызывавшій колебаніе суши, образуя выпуклости, вогнутости и складки, происходилъ, повидимому, вслѣдствіе постепеннаго охлажденія земнаго ядра. На основаніи геологическихъ изслѣдованій можно убѣдиться, что на пространствѣ, занятомъ теперь Европейскою Россіей, распространялось то въ широтномъ, то въ меридіанальномъ направленіяхъ море, при чемъ въ первомъ случаѣ оно распространялось по широтѣ средней или южной Россіи съ запада на востокъ, во второмъ—въ восточной и съ сѣвера на югъ. Теперь, если обратить вниманіе на

¹⁾ Въ учебникѣ Лебедева—700 футовъ.

то обстоятельство, что море занимало пространства пониженій суши, мы увидимъ, что пониженія эти происходили то въ широтномъ, то въ меридіанальномъ направленіи; иначе говоря, эти пониженія соответствуютъ протяженію ограничивающихъ Европейскую Россію Кавказскихъ и Уральскихъ горъ. Такія колебанія уровня Европейской Россіи, вѣроятно, находились въ связи съ колебаніями уровня странъ, находящихся въ другихъ областяхъ земной поверхности.

Отмѣчая особенности рѣчи академика А. П. Карпинскаго, считаемъ уместнымъ указать и на докладъ А. П. Павлова, прочитанный въ соединенномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго общества испытателей природы и IX съѣзда 8-го января, подъ заглавіемъ: „Геологическія причины, обусловливающія рельефъ равнинныхъ мѣстностей и различія въ формѣ склоновъ рѣчныхъ долинъ“.

„Изучая основные типы рельефа земной поверхности, географы рѣзко различаютъ между ними два типа: *горная цѣпь* съ ихъ островерхими гребнями, съ ихъ продольными и поперечными долинами и *равнины*—широко разстилающіяся, ровныя или холмистыя, пересѣченныя невысокими увалами, области. Различіе между ними стоитъ въ связи съ геологическими причинами: горныя цѣпи суть области нарушеннаго, возмущеннаго напластованія: пласты земной коры вздымаются здѣсь вверхъ, перегнуты, переломаны, смяты въ складки. Геологическія напластованія, слагающія равнины, лежатъ горизонтально или почти горизонтально, случаи нарушеннаго напластованія составляютъ здѣсь рѣдкое явленіе и не обусловливаютъ собою общій характеръ рельефа. Кромѣ этихъ двухъ орографическихъ типовъ различаютъ еще *горныя массивы* и *высокія плато*. Первые представляютъ собою страны съ горнымъ характеромъ, но не такъ рѣзко выраженнымъ, какъ въ горныхъ цѣпяхъ: горные гребни и гряды здѣсь невысоки, ихъ вершины округлы и не имѣютъ рѣзкихъ очертаній, самое направленіе ихъ не рѣзко обозначается. Это области съ нарушеннымъ напластованіемъ, какъ и горныя цѣпи, но послѣдовавшая за эпохой ихъ возникновенія многовѣковая разрушительная работа атмосферы изваяла изъ нѣкогда высоко приподнятой, смятой и разломанной системы наслоеній болѣе мягкія формы рельефа. Если сравнить горныя цѣпи съ высоко воздымающимъ свои верхушки лѣсомъ, то горныя массивы это будутъ шиш и корни уже срубаннаго лѣса. Въ высокіхъ плато напластованія разбиты трещинами на участки, и эти участки перемѣщены на различные уровни, при чемъ сохранили

почти горизонтальное положеніе; рельефъ обусловленъ отчасти этимъ перемѣщеніемъ отдѣльныхъ участковъ страны и, едва ли не въ большей степени, процессами размыванія. Горныя цѣпи и массивы не подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію. Высокія плато имѣютъ съ равнинами больше общаго, и къ отдѣльнымъ частямъ ихъ могутъ быть примѣнены нѣкоторые изъ выводовъ, полученные при изученіи равнинъ.

Обращая вниманіе на топографическія особенности русской равнины, можно замѣтить, что простѣйшія и болѣе постоянныя формы ея рельефа наблюдаются въ области, лишенной мореннаго покрова; небольшія впадины поверхности, балки, овраги и главнымъ образомъ долины рѣкъ и рѣчекъ съ неодинаковыми склонами опредѣляютъ топографическій характеръ страны. Происхожденіе всѣхъ этихъ формъ рельефа не можетъ быть объяснено однимъ размываніемъ текучими водами нѣкоторой первоначальной болѣе или менѣе простой формы поверхности вновь возникшаго материка. Не касаясь здѣсь мѣстныхъ дислокацій и общихъ пониженій и поднятій суши, а также нѣкоторыхъ древнихъ и очень сложныхъ въ генетическомъ отношеніи долинъ, мы остановимъ наше вниманіе на нѣкоторыхъ геологическихъ дѣятеляхъ, работавшихъ и нынѣ работающихъ надъ формированіемъ рельефа равнинныхъ странъ. Однимъ изъ такихъ дѣятелей, и весьма важнымъ, являются подземныя воды. Онѣ растворяютъ на своемъ пути и уносятъ минеральныя частицы и тѣмъ вызываютъ осѣданіе вышележащихъ минеральныхъ массъ и образованіе поверхностныхъ впадинъ, ложбинъ и овраговъ, слѣдующихъ въ своемъ направленіи направленію подземныхъ теченій. Въ мѣстахъ пересѣченія такихъ ложбинъ рѣчными долинами можно наблюдать выходы обильныхъ ключей, на болѣе низкихъ, чѣмъ устье ложбины, горизонтахъ.

Типичная форма водораздѣльной возвышенности съ однимъ пологимъ и другимъ крутымъ склономъ представляетъ собою результатъ совокупной работы атмосферныхъ и подземныхъ водъ. Крутые склоны возвышенностей (крутые берега долинъ) обыкновенно осложнены оползнями, а образованію этихъ послѣднихъ содѣйствуютъ многочисленные ключи, здѣсь выходящіе. Слабый наклонъ слоевъ къ долинѣ, незамѣтный на глазъ и неопредѣлимый горнымъ компасомъ, содѣйствуетъ развитію ключей и оползней, а слѣдовательно и крутизнѣ склона. На противоположной сторонѣ водораздѣльной возвышенности, а равно и на противоположномъ склонѣ данной долины слои наклонены, въ такомъ случаѣ, внутрь возвышенности или *отъ* долины; вслѣдствіе

чего атмосферныя воды, стекая по склону возвышенности, въ большей массѣ поглощаются грунтомъ, насыщаютъ водоносныя прослойки и идутъ на питаніе ключей противоположнаго склона возвышенности (если, на примѣръ, это былъ южный пологій склонъ нѣкоторой текущей въ широтномъ направленіи рѣчки, то эти воды идутъ на питаніе ключей сѣвернаго крутаго склона сосѣдней, южнѣе расположенной рѣчки), а данный склонъ, лишенный или почти лишенный ключей, не осложняется оползнями, наоборотъ, онъ выравнивается атмосферными водами; при этомъ минеральныя частицы, смываемыя съ вершины возвышенности, перемѣщаются по склону, пока воды, ихъ перемѣшавшія, не поглощаются грунтомъ. Результатъ этого процесса и выражается въ образованіи намывнаго пологого склона, въ образованіи того плаща изъ делювія, который одѣваетъ нижнюю часть склона возвышенности и разстилается у ея подошвы; составъ этого делювія долженъ, конечно, опредѣляться составомъ породъ, образующихъ возвышенность.

Итакъ, если рѣчная долина прорѣзываетъ слабо наклонные слои (по простиранію или подъ нѣкоторымъ угломъ къ нему), то крутымъ ея склономъ будетъ тотъ, въ которомъ слои слабо наклонены отъ долины. Первый, то-есть, крутой склонъ будетъ осложненъ оползнями, второй, то-есть, пологій склонъ будетъ покрытъ плащомъ делювія и будетъ представлять наиболѣе удобныя условія для земледѣлія. И обратно, преобладаніе крутаго берега все на одной и той же сторонѣ (на примѣръ, сѣверной или западной) параллельно текущихъ рѣчекъ даетъ указаніе на направленіе слабого наклона слоевъ (на примѣръ, если сѣверные берега широтно текущихъ рѣчекъ крутые, то слои слабо падаютъ къ югу).

Сходныя условія представляютъ слоистыя ледниковыя отложенія, съ тѣмъ однако отличіемъ, что, въ силу непостоянства петрографическаго характера осадковъ, вышеуказанныя вліянія сказываются лишь на небольшихъ площадяхъ, и явленіе имѣетъ мѣстный характеръ.

Неслоистыя моренныя отложенія, если они тонки, если они прорѣзаны долинами такъ, что сохранились только на водораздѣлахъ, не оказываютъ существеннаго вліянія на процессъ образованія указанныхъ формъ рельефа. При значительной мощности мореннаго покрова, его первоначальный рельефъ въ значительной степени отражается на современномъ рельефѣ страны (моренный ландшафтъ): мѣстами размываніе усилило и осложнило первоначальный рельефъ, мѣ-

стами процессъ намыванія сдѣлалъ склоны болѣе пологими, и въ результатѣ мы имѣемъ холмистую страну съ прихотливо расположенными холмами. Но и въ этомъ случаѣ дѣятельности подземныхъ водъ принадлежитъ значительная роль. Направленіе древнихъ, замаскированныхъ мореннымъ покровомъ долинъ не остается безъ вліянія на направленіе современныхъ долинъ: древнія долины съ ихъ гравіемъ и пескомъ, засыпанныя мореной надвинувшагося на страну и вновь исчезнуваго ледниковаго покрова, представляютъ собою какъ бы систему дренажныхъ трубъ, по которымъ перемѣщаются подземныя воды. Въ этомъ сложномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя различными рельефами, одновременно вліяющими на направленіе атмосферныхъ водъ. Поверхностные потоки подчиняются современному рельефу, направленіе подземныхъ потоковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется древнимъ рельефомъ, но работа этихъ подземныхъ потоковъ, дѣйствующая въ одномъ и томъ же направленіи, мало-помалу отражается и на современномъ рельефѣ и дренажѣ и мало-помалу подчиняетъ ихъ себѣ.

Здѣсь однако еще не кончаются всѣ осложняющія явленіе обстоятельства. Древній рельефъ вѣдь тоже имѣлъ свои, обусловившія его, причины, освѣтить которыя при современномъ развитіи науки почти невозможно. Такимъ образомъ явленіе, нами разсмотрѣнное, казавшееся сначала очень простымъ, оказывается на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе сложнымъ, и цѣль обусловившихъ его причинъ уходитъ далеко въ глубь прошедшаго ¹⁾).

Такія „историческія справки“ насчетъ прошлаго территоріи нашего отечества безспорно въ высшей степени интересны и глубоко поучительны; входя въ качествѣ составной части въ курсъ учебной географіи, онѣ значительно оживили бы, не говоримъ, родиновѣдѣніе, а землевѣдѣніе.

Тѣми же „историческими справками“ могутъ быть разяснены многія современныя, существующія на земной поверхности, явленія, какъ то показываетъ, между прочимъ, докладъ проф. М. П. Рудскаго „О періодическихъ измѣненіяхъ уровня лимановъ“. Лиманы—это не что иное, какъ продолговатыя прибрежныя озера въ устьяхъ рѣкъ, отдѣляющіяся отъ морей пересыпями. Происхожденіе лимановъ таково. Если обратить вниманіе на лиманы, то можно замѣтить сход-

¹⁾ „Дневникъ съѣзда“, № 10, стр. 12—14.

ство ихъ съ рѣчными долинами. Вслѣдствіе поднятія моря рѣчныя долины были заняты водой послѣдняго; но съ теченіемъ времени обособились отъ него. Что дѣйствительно это такъ, показываетъ и то обстоятельство, что нѣкоторые лиманы на 20 ш. ниже средняго уровня моря. Хотя поднятіе моря относительное: оно могло подниматься, какъ, напримѣръ, на сѣверномъ побережьи Чернаго моря; но могла подниматься и суша, какъ, напримѣръ, на южномъ берегу Крыма, Кавказа и Малой Азіи. Къ этому пужно прибавить, что подобное наступленіе моря съ одной и отступленіе его съ другой стороны вѣроятно тектоническаго происхожденія. Продолжая дальнѣйшее обозрѣніе лимановъ Чернаго моря, увидимъ, что на берегахъ его, омывающихъ Кавказскій перешеекъ, лимановъ совсѣмъ нѣтъ, а у береговъ Азіи они есть, но въ виду неизслѣдованности южнаго берега Чернаго моря о нихъ ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Такъ какъ лиманы—озера, не имѣющія истека, слѣдовательно они чрезвычайно чутки къ измѣненіямъ климатическихъ факторовъ и къ измѣненіямъ въ количествѣ осадковъ и пр. А такъ какъ область ихъ—область засухъ на югѣ, является слѣдовательно предположеніе, что они могутъ усыхать. Но этого нельзя сказать на основаніи тридцатилѣтнихъ наблюденій надъ Куяльницкимъ лиманомъ близъ Одессы. Оказывается, что въ теченіе наблюдаемаго времени уровень лимана сильно измѣнялся: въ 1889 г. онъ стоялъ на $3\frac{1}{2}$ ш. выше шпітшута въ 1869 году. До состоянія самосадочности (выдѣленіе поваренной соли) онъ доходилъ въ 1774, 1824, 1826, 1828, 1830, 1834 и 1835 годахъ, потомъ въ 1847, 1850, 1853, 1867, 1868 и 1869. Хаджибейскій лиманъ болѣе прѣсенъ; онъ находится рядомъ съ Куяльницкимъ. Выходить, что уровни лимановъ подвергаются періодическимъ колебаніямъ; но не взирая на то, что они отдѣлены отъ моря пересыпью (Куяльницкій длиною въ $1\frac{1}{2}$ версты), что вода съ моря въ нихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ переливается, а вообще переходитъ только просачиваніемъ, они тѣмъ не менѣе не усыхаютъ. Гибель лимановъ произойдетъ отъ занесенія ихъ пескомъ, вообще наносами. Здѣсь кстати нельзя не упомянуть, затронувъ дѣятельность водъ Чернаго моря, о рефератѣ Н. И. Андрусова „О нѣкоторыхъ результатахъ глубоководныхъ изслѣдованій Чернаго моря“. На основаніи геологическихъ результатовъ экспедицій „Черноморца“ докладчикъ подтверждалъ гипотезу древнихъ, что Черное море въ сравнительно недалекую отъ насъ эпоху было крупнымъ слабо-солевымъ озеромъ.

Нѣсколько рефератовъ было посвящено Азіатской Россіи. Отмѣтимъ здѣсь лишь докладъ г. Савенкова „О соленыхъ озерахъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи“. Пространство, на которомъ находимъ соленныя озера въ Енисейской губ., ограничено Енисеемъ, его притокомъ Абаканомъ и Алатау. Занимая площадь прѣмѣрно въ 40—50 в. въ ширину и до 300 въ длину отъ 900 до 1500 ф. надъ уровнемъ моря, мѣстность эта имѣетъ характеръ холмистой степи, такъ какъ изрѣзана поперечными возвышенностями отроговъ Алатау и Саянскихъ горъ. Рѣки здѣсь отодвинуты къ востоку; между тѣмъ какъ къ западу отступаютъ озера. Озера образуютъ берега изъ крупнозернистаго песку, подъ вліяніемъ надвигающихся весной юго-западнымъ вѣтромъ льдовъ. Докладчику пришлось наблюдать крайне любопытное явленіе. На берегахъ озеръ лѣтомъ въ знойную погоду находятся подъ торфомъ на 50 сантиметровъ отъ поверхности мерзлоты, при чемъ докладчикъ извлекалъ оттуда большіе куски льда. Каменной соли въ описываемой мѣстности нѣтъ. Не касаясь остальныхъ докладовъ, въ которыхъ затронуты были тѣ или инныя части географіи Кавказа, Сибири, средне-азіатскихъ владѣній, обратимъ вниманіе интересующихся нашей наукой на докладъ проф. А. И. Воейкова „Колебанія и измѣненія климата“ и докладъ В. М. Михайловскаго „Древне-египетскіе памятники и начало землевѣдѣнія.“

Вслѣдствіе того, что общія условія (одинаковая солнечная радіакція), вліяющія на измѣненіе климата въ историческое время, не измѣнились, и климатъ остается тотъ же. Однако съ теченіемъ времени измѣняются мѣстныя условія, очень часто вслѣдствіе нерадѣнія самого человѣка, которыя вызываютъ измѣненія климата. Таковы, напримѣръ, уничтоженія лѣсовъ, болотъ, вообще мѣсть, которыя вызываютъ лѣтомъ пониженіе температуры и увеличеніе влаги. Вслѣдствіе этого можно сказать, что климатъ сталъ суше. Но по изслѣдованіямъ геологовъ оказывается, что въ геологически-недавнее время климатъ былъ иной. Въ Гренландіи, полагаютъ, флора была та же, что теперь въ среднихъ широтахъ.

Въ это геологически-недавнее время солнце давало тепла болѣе, чѣмъ теперь; лучи его были бѣлые, а не желтые. Бѣлые лучи солнца заключали много фіолетовыхъ и синнихъ лучей, которые въ болѣе мѣрѣ поглощались воздухомъ, чѣмъ теперешніе красные. Вслѣдствіе этого тогда воздухъ былъ нагрѣтъ болѣе, чѣмъ теперь, что и вызывало живой обмѣнъ тепла тропиковъ и высшихъ широтъ.

Этого тепла было достаточно, чтобы согрѣть высшія широты, по крайней мѣрѣ, по берегамъ морей. Хотя тепло на высшихъ широтахъ было лишь лѣтомъ. Зимой тамъ, какъ и теперь, было несомнѣнно высокое давленіе.

Докладъ В. М. Михайловскаго трактуеть о тѣхъ первыхъ шагахъ географіи, которые ей приходилось дѣлать въ далекомъ прошломъ и которыми приходится интересоваться, какъ и вообще всякимъ историческимъ развитіемъ любой науки. Свѣдѣнія по географіи существуютъ и у некультурныхъ народовъ: правитель негровъ знаетъ про существованіе странъ за горизонтомъ. У культурныхъ народовъ свѣдѣнія по землевѣдѣнію мы находимъ у грековъ, которые собственно положили начало землевѣдѣнію, здѣсь и началась исторія землевѣдѣнія. Однако раньше, чѣмъ у грековъ, свѣдѣнія по географіи мы находимъ у египтянъ; эти свѣдѣнія могутъ быть почерпнуты при изученіи памятниковъ прошлаго Египта. Такъ какъ долина р. Нила играла существенную роль въ жизни Египта, то и по отношенію землевѣдѣнія она имѣетъ то же значеніе. Для опредѣленія, на примѣръ, странъ свѣта Нильская долина являлась исходною точкою; при этомъ Ниль считался рѣкою, образующею Средиземное море. Далѣе, у египтянъ было понятіе о рѣкахъ Азіи: Тигръ и Евфратъ у нихъ одна и та же рѣка съ круговращательнымъ движеніемъ; она же образуетъ въ устьѣ Южное море, о Сомали—Рогъ міра; о 4-хъ расахъ: красной (египтяне), черной (африканцы), бѣлой (народы къ западу отъ египтянъ) и желтой (азіаты). Болѣе всего были извѣстны египтянамъ страны Азіи, куда, на примѣръ, страна Бога (Аравія), египтяне путешествовали, привозили бальзамъ и пр. Имъ была извѣстна Сирія, Тавръ, Киликія, островъ Кипръ.

Такимъ образомъ исторія землевѣдѣнія можетъ быть отодвинута на 1000 лѣтъ назадъ, и она должна начинаться на основаніи труда В. В. Миллера „Азія и Европа по древне-египетскимъ памятникамъ“ въ Египтѣ.

Укажемъ теперь на нѣкоторые изъ рефератовъ чисто антропологическаго характера. Здѣсь придется прежде всего отмѣтить докладъ Н. В. Гильченка „Объ антропологическомъ типѣ малороссовъ.“

Малорусское племя въ значительной мѣрѣ сохранило древній типъ славянъ, хотя инородческій элементъ имѣлъ вліяніе на типъ современнаго малоросса. На это указывали историки и этнографы. Антропометрическія данныя подтверждаютъ эти указанія. Г. Гильченко

произвелъ антропометрическія изслѣдованія надъ малороссами Кубанской области и нашелъ ростъ по преимуществу высокой и выше-средній. Варіаціи отъ 1640 мм. до 1700 мм. Свѣтлорозовый цвѣтъ кожи, темные волосы, цвѣтные глаза. На основаніи давнихъ г. Гильченко приходитъ къ заключенію, что преобладающимъ типомъ является свѣтлый, болѣе жизнеспособный, поглощающій темный типъ (темные волосы и темные глаза). Докладчикъ, далѣе, полагаетъ, что элементъ чернаго пигмента, окрашивающій кожу, волосы, радужную оболочку наводитъ на мысль о привнесеніи его чуждыми племенами. Сходство малороссовъ болѣе близко съ иранскими и турецкими племенами (татарами Крыма, горскими племенами Кавказа и др.), чѣмъ съ финскими. Г. Гильченко думаетъ, что среди малороссовъ преобладаетъ свѣтлый, блѣлокурый типъ. Проф. Д. Н. Анучинъ съ мнѣніемъ докладчика на этотъ счетъ не согласился ¹⁾. Намъ кажется, г. Гильченко не правъ въ томъ, что, защищая преобладаніе свѣтлаго, блѣлокураго типа среди малороссовъ, считаетъ возможнымъ распространеніе этого типа при посредствѣ колонизаціи съ сѣвера на югъ великороссами. На сколько извѣстно, о такой колонизаціи не можетъ быть и рѣчи. Предѣлы нынѣшней лѣвобережной Малороссіи колонизировались неоднократно, но лишь съ запада на востокъ; очень часто даже обратно. Что же касается предполагаемаго движенія съ сѣвера на югъ, то массоваго движенія, конечно, не существовало. Единичные же случаи едва ли имѣли значеніе въ указанномъ г. Гильченкомъ смыслѣ, такъ какъ великороссъ, осѣвшій въ чертѣ осѣдлости малоросса, обнаруживаетъ тяготѣніе къ обособленію.

А. Г. Рождественскій сдѣлалъ сообщеніе „О древнемъ населеніи Рязанской губерніи“, основываясь на краниометрическомъ изслѣдованіи череповъ, добытыхъ при раскопкахъ могилъ и кургановъ въ различныхъ уѣздахъ губерніи. Измѣрено было 113 череповъ. Оказывается, что основное населеніе Рязанской губерніи было долихокефалическое племя (сходное съ тогдашними обитателями сосѣднихъ губерній средней Россіи); къ этому основному населенію примѣшивались различныя народности, съ которыми оно приходило въ столкновеніе. Впослѣдствіи присоеди-

¹⁾ Проф. Д. Н. Анучинъ не согласился и съ мнѣніемъ г. Элькинда („Нѣкоторыя данныя по характеристикѣ антропологическаго типа поляковъ“), обнаружившаго среди полячекъ значительное преобладаніе темноволосаго типа (см. нашу замѣтку по поводу реферата г. Элькинда: *Радомскія Губернскія Видомости* за 1894 годъ, № 6).

нлось короткоголовое племя, въ результатѣ метисаціи съ которыми явился переходный мезатикефалическій типъ.

Заканчивая обзоръ важнѣйшихъ рефератовъ по географіи ¹⁾, мы не можемъ не остановиться на крайне важныхъ, по нашему мнѣнію, сообщеніяхъ Н. И. Раевского, С. П. Бѣликова и П. Г. Попова.

Н. И. Раевскій внесъ предложеніе о введеніи большей точности въ географической терминологіи, особенно въ области орографіи. Существующіе нынѣ географическіе термины отличаются неопредѣленностью и сбивчивостью. Достаточно указать на то, что доселѣ не установлено точно, что такое низменность. Въ то время какъ одни за низменности принимаютъ пространства надъ уровнемъ моря въ 70 сажень, другіе въ 200 метровъ, третьи предлагаютъ считать за предѣлъ среднюю высоту всей суши на земной поверхности или отдѣльно для каждой страны ея среднюю высоту. Точно также весьма неопредѣленны плато, столовая страна, плоскогоріе, сплошная возвышенность. Далѣе, весьма неточны термины: горы, горные хребты, горные кряжи, горныя цѣпи. Поэтому крайне важны пожеланія Н. И. Раевского, чтобы географическая секція къ будущему съѣзду выработала болѣе точную и однообразную географическую номенклатуру. Не менѣе важны и весьма желательны изысканія такого рода, какія были исполнены юнкерами Александровскаго военнаго училища лѣтомъ минувшаго года. Изысканія эти—рельефный планъ части Ходынскаго поля—были демонстрированы полковникомъ С. П. Бѣликовымъ. Такія работы, между прочимъ, имѣютъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что могли бы имѣть чрезвычайно интересное подспорье и при преподаваніи географіи, какъ дающія наглядное понятіе о рельефѣ земной поверхности, даже данной мѣстности.

Этимъ мы и заканчиваемъ обзоръ всего того, что, по нашему мнѣнію, представляло тотъ или другой интересъ въ рефератахъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ географической секціи IX Съѣзда Русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ.

Но только сказать про занятія секціи, значитъ не высказать профессиональнаго желанія педагога-географа насчетъ желательнаго улучшенія и болѣе правильной постановки преподаванія географіи въ

---

¹⁾ Въ виду важности нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ нашей наукѣ, рассмотрѣнныхъ въ общихъ собраніяхъ и соединенныхъ засѣданіяхъ, мы позволили себѣ отмѣтить и такіе рефераты.

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта мысль была выражена въ мотивированномъ предложеніи члена съезда П. Г. Попова, при чемъ указано было г. Поповымъ и на средство къ поднятію и улучшенію преподаванія географіи. Это средство — учрежденіе на будущихъ съездахъ естественныхъ испытателей при секціи географіи подсекціи методики и методологіи преподаванія географіи въ различныхъ заведеніяхъ, преимущественное же среднихъ. По мнѣнію г. Попова, польза отъ подобнаго учрежденія несомнѣнна: „вопервыхъ потому, что гг. педагоги могли бы періодически обсуждать свое живое дѣло съ участіемъ и подъ руководствомъ гг. университетскихъ преподавателей и др. ученыхъ, что, конечно, повліяло бы въ полезномъ смыслѣ и на самыя методическія сообщенія; во вторыхъ, для самой географіи, какъ науки, это принесло бы неоцѣнимую услугу, возбудивъ всеобщій интересъ къ ней рациональною постановкою преподаванія ея въ учебныхъ заведеніяхъ и, вслѣдствіе этого, привлеки къ занятію этою наукою массу лицъ, что и необходимо въ виду разнообразія и, такъ сказать, разбросанности матеріала географіи, и въ третьихъ, наконецъ, работы такой подсекціи и ея постановленія обладали бы большимъ научнымъ авторитетомъ и имѣли бы большій вѣсъ и значеніе, чѣмъ обычныя, непериодическія, —разныя „собранія и коммисіи“ преподавателей географіи“¹⁾).

Нельзя не пожелать полного успѣха предложенію г. Попова, какъ весьма желательному во многихъ отношеніяхъ. Учрежденіе подсекціи методики и методологіи преподаванія географіи при секціи географіи на будущихъ съездахъ для преподавателей географіи—сущій кладъ. „Мы находимся въ безпомощномъ состояніи“, восклицалъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи секціи при обсужденіи предложенія г. Попова, и, намъ сдается, что многіе педагоги очень хорошо понимаютъ эту фразу. Тогда, пожалуй исчезли бы подобныя рѣчи.

Наконецъ, при подобныхъ условіяхъ такіе доклады, какъ, напримеръ, докладъ г. Раевского, прочитанный имъ въ засѣданіи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 8-го января въ залѣ Политехническаго музея: „О показаніи географическихъ контрастовъ при преподаваніи географіи, какъ особый педагогическій приемъ“, имѣли бы, дѣйствительно, значеніе той важности, какое они должны имѣть. Что это такъ, убѣждаемся, прочитавъ отчетъ

¹⁾ Дневникъ съезда, № 7.

весьма распространенной московской газеты о засѣданіи учебнаго отдѣла Общества распространія техническихъ знаній. „Затѣмъ, пишетъ репортеръ, петербургскій педагогъ г. Раевскій доложилъ „о показаніи географическихъ контрастовъ и пр.“, при чемъ для иллюстраціи своего метода представилъ интересный очень живо изложенный очеркъ Пиренейскаго полуострова“. И только. Секція постановила внести предложеніе г. Попова на разсмотрѣніе распорядительнаго комитета съѣзда. Не было бы съ предложеніемъ г. Попова того же, что было по тому же вопросу и на VII съѣздѣ: не кануло бы оно въ Лету.

Ан. Залѣскій.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Апрѣль 1894 года.

I.

Общій совѣтъ Парижскихъ факультетовъ только что отпечаталъ свой годовой отчетъ. Въ немъ выражается сожалѣнiе, что обстоятельства все еще препятствуютъ учрежденiю университетовъ. За то въ отчетѣ говорится о дѣятельности отдѣльныхъ факультетовъ. При Парижскомъ факультетѣ основано нѣсколько новыхъ кафедръ, именно кафедра по географiи колонiй и кафедра по исторiи искусства. Число студентовъ увеличилось во всѣхъ факультетахъ; прибавилось: 273 человѣка на медицинскомъ факультетѣ, 107 — на фармацевтическомъ, 68 — на физико-математическомъ и 178 — на словесномъ. Въ общемъ число студентовъ на различныхъ факультетахъ увеличилось на 1.166 человѣкъ. Такое значительное увеличенiе объясняется отчасти причинами практическаго свойства: по нашему военному закону молодымъ людямъ, прослушавшимъ курсъ на факультетахъ, предоставлена привилегiя служить только одинъ годъ; ею-то теперь всѣ и желаютъ пользоваться. Съ другой стороны, иностранцы продолжаютъ стекаться все въ большемъ числѣ. Число ихъ въ отчетномъ году простиралось до 1350 человѣкъ, на 107 болѣе противъ прошлаго года. Само собою разумѣется, что медицинскiй факультетъ привлекъ къ себѣ наибольшее число слушателей — 924 человѣка. Число слушательницъ на немъ возросло до 343, на 49 болѣе минувшаго года. Иностранки преобладаютъ на медицинскомъ факультетѣ, а француженки — на словесномъ. Физико-математическiй и словесный факультеты продолжаютъ сѣтовать на все увеличивающееся число экзаменующихся на степень бакалавра. На физико-математическомъ факультетѣ было 10.682 экзаменующихся,

а на словесномъ 10.054. Чтобъ удалить изъ Парижа иностранцевъ, стремящихся завладѣть этими факультетами, министръ порѣшилъ быть болѣе строгимъ въ дѣлѣ оцѣнки иностранныхъ дипломовъ. Дипломы, признанные недостаточными въ Парижѣ, пользуются болѣе снисходительною оцѣнкою въ Нанси, куда желательно было бы направить излишекъ школьнаго населенія, переполняющаго парижскія аудиторіи и лабораторіи.

Въ 1885 году нѣсколько ученыхъ и любителей основали въ Парижѣ Общество для изученія народныхъ преданій. Это общество издаетъ со времени своего основанія *Revue des traditions populaires*, вступившее теперь въ девятый годъ своего существованія и заключающее въ себѣ любопытные матеріалы по изученію народности. Кромѣ того, это общество напечатало пять ежегодниковъ. Теперь вышелъ въ свѣтъ шестой его ежегодникъ, подъ редакціей страстнаго фольклориста Поля Себилю, автора многихъ сочиненій о народныхъ преданіяхъ во Франціи, преимущественно въ Бретани. Этотъ послѣдній ежегодникъ объемистѣе всѣхъ прежнихъ и заслуживаетъ вниманія иностранцевъ, интересующихся фольклоромъ. Онъ даетъ цѣлую серію свѣдѣній о различныхъ обществахъ, занимающихся изученіемъ народнаго быта въ старомъ и новомъ свѣтѣ, перечень издаваемыхъ ими журналовъ, описаніе этнографическихъ музеевъ и собраній, любопытные для фольклористовъ списки именъ и адресовъ и, наконецъ, цѣлую серію изображеній, извлеченныхъ изъ разныхъ народныхъ книгъ.

Официальныя собранія общества происходятъ во дворцѣ Трокадеро (этнографическій музей). Извѣстное число членовъ собирается ежемѣсячно на обѣдъ, подъ названіемъ *diner de ma mère l'oie*; президентомъ общества считается въ настоящее время Шарль Плуа, а главнымъ секретаремъ — Поль Себилю.

Въ Парижѣ только что основалось еще одно ученое общество, обѣщающее имѣть хорошую будущность; это — Общество для изученія исторіи французской литературы. Цѣль его понятна изъ самого его названія. Общество основало свой печатный органъ подъ названіемъ *Revue d'histoire littéraire*, издаваемый Арманомъ Колленомъ въ видѣ тетрадей, которыя выходятъ три раза въ мѣсяцъ. Президентъ этого общества — Гастонъ Буассье, вице-президенты — Пети де-Жюльвилль и Дезеймери, а секретарь — Брюно, доцентъ Парижскаго словеснаго факультета. Оно уже насчитываетъ около ста членовъ, большею частью изъ числа академикомъ и профессоромъ. Общество желаетъ организовать отдѣленія въ провинціальныхъ городахъ. Первый ну-

меръ его журнала вышелъ въ свѣтъ и заключаетъ въ себѣ любопытныя этюды по французской литературѣ XV—XVIII вѣковъ. Годовая цѣна журнала для заграничныхъ подписчиковъ 25 франковъ въ годъ.

Одновременно съ этимъ спеціальнымъ изданіемъ основался въ Парижѣ большой энциклопедическій журналъ, повидимому, общающій составить опасную конкуренцію *Revue des Deux Mondes*; это—*Revue de Paris*. Этотъ журналъ, выходящій по два раза въ мѣсяцъ, издается богатою книжною фирмою Кальмана Леви. Редакторы его—извѣстный литераторъ Гандеракъ и ученый ориенталистъ Джемсъ Дарместеттеръ, переводчикъ „Зѣнца-Вѣсти“ и секретарь Азіятскаго Общества. Наконецъ, основалось въ Парижѣ Общество для изученія италянскаго литературѣ. Задача его способствовать политическому сближенію Франціи и Италіи путемъ распространенія знакомства съ италянскою литературою и наукою. Въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ знакомство съ Италіей было очень сильно во Франціи. Выдающіяся женщины владѣли всѣ италянскимъ языкомъ, даже писали на немъ; въ бібліотекахъ находились всѣ печатавшіяся въ Италіи книги. Теперь нашъ литературный горизонтъ расширился, интересуются Англійей, Германіей, Россіей, Славянскими землями, Скандинавіей, а Италіей пренебрегаютъ. Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ профессоровъ, г. Дежобъ, задался цѣлью оживить интересъ французовъ къ Италіи; по его идеѣ и образовалось новое общество. Президентомъ его избранъ Жюль Симошъ. Оно насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ представителей различныхъ высшихъ учебныхъ учреждений—Буассье, Сореля, Бреая, Гастона Париса, Лежера, Мюнтца, А. Леруа-Болье. Общество отличается тѣмъ, что члены его не дѣлаютъ взносовъ и ничего не печатаютъ, а ограничиваются лишь сообщеніями на своихъ собраніяхъ. До сихъ поръ сдѣланы были сообщенія Нолакомъ, де-Молдомъ, Дюраномъ-Гревилломъ и Гастономъ Буассье.

II.

Книжная фирма Армана Коллена начала печатаніе 4-го тома „Всеобщей Исторіи“, издаваемой подъ редакціей Лависса и Рамбо. Въ немъ изображается періодъ возрожденія, реформаціи и открытія Новаго Свѣта. Третій томъ, недавно оконченный, заключаетъ въ себѣ исторію образованія большихъ государствъ Европы. Какъ я уже вамъ сообщалъ, каждый отдѣлъ этого обширнаго изданія составляется особымъ сотрудникомъ. Эта „Всеобщая Исторія“ есть дѣйствительно исторія

всемирная; въ ней отведено мѣсто и такимъ народамъ, о которыхъ обыкновенно вовсе не упоминается во французскихъ сочиненіяхъ такого рода, предназначенныхъ для большой публики. Такъ, въ третьемъ томѣ есть глава о Монголіи XIII—XV вѣковъ—Леона Кагена, глава о румынахъ того же времени—Ксенополя, профессора Яскаго университета, наконецъ, глава о славянахъ Балканскаго полуострова—Стояна Новаковича, извѣстнаго сербскаго историка. Это нововведеніе очень понравилось читателямъ, и изданіе насчитываетъ уже болѣе пяти тысячъ подписчиковъ.

Вдова Тэна собрала, подъ заглавіемъ: „Послѣдніе опыты по критикѣ и исторіи“ (*Derniers essais de critique et d'histoire*), нѣсколько статей своего мужа, разсѣянныхъ въ *Journal des Débats*. Эти статьи вообще небольшого объема, но очень любопытны, напримѣръ, статья о де-Саси, Сентъ-Бѣвѣ, Рибо (философѣ), Жоржѣ Зандѣ, Малле дю-Панѣ и Эдуардѣ Бертенѣ, основателѣ *Journal des Débats*. Въ книгѣ, кромѣ того, помѣщена рѣчь, произнесенная Тэномъ во Французской академіи, при замѣщеніи имъ кресла Ломени. Этотъ сборникъ (1 томъ въ 12 д. л. Гашеттъ) можетъ считаться послѣднимъ сочиненіемъ Тэна, не оставившаго послѣ себя рукописей и строго запретившаго издавать въ свѣтъ его переписку.

Прошло уже болѣе года со смерти Тэна, и никто еще не замѣтилъ его во Французской академіи; не вышло въ свѣтъ еще сколько-нибудь полной его біографіи, и лишь на дняхъ изданъ этюдъ о немъ, написанный Маржери, деканомъ католическаго словеснаго факультета въ Лионѣ. Тэнь былъ свободный мыслитель, но изъ уваженія къ религиозной идеѣ онъ пожелалъ, чтобъ его похоронили по церковному обряду. Книга Маржери о Тэнѣ не есть, конечно, апологія ему, но критическая оцѣнка его дѣятельности. Въ своемъ объемистомъ томѣ въ 500 страницъ Маржери борется почти безошадно съ писателемъ, котораго изучаетъ, но въ то же время излагаетъ весь строй его ученія относительно литературы, искусства и исторіи.

Имя Тэна вызываетъ всегда воспоминаніе о его товарищахъ по Нормальной школѣ—Эдмонѣ Абу и Прево-Парадолѣ; Абу, бывший такимъ блестящимъ полемистомъ и романистомъ, ждетъ еще своего біографа. Прево-Парадолъ оказался болѣе счастливъ: Греаръ только что посвящалъ ему цѣлую книгу: „Прево-Парадолъ, этюдъ съ приложеніемъ избранныхъ его писемъ“ (*Prevost Paradol, étude suivie d'un choix de lettres, un vol. in 16, librairie Hachette*). Это сочиненіе Греара частью уже было помѣщено въ не поступавшей въ продажу

книгѣ: „Le livre du Centenaire du *Journal des Débats*“. Теперь Греаръ передѣлалъ и дополнялъ его. Онъ также былъ товарищемъ Прево-Парадоля въ Нормальной школѣ; онъ видѣлъ, какъ развивался этотъ талантъ, который долженъ былъ блистать такъ ярко во время имперіи, и слава котораго теперь нѣсколько померкла. Прево-Парадолъ былъ прежде всего политическимъ полемистомъ, а память о полемической борьбѣ недолго переживаетъ память о событіяхъ, ее породившихъ. Греаръ съ большимъ умѣньемъ и сочувствіемъ говорить о подробностяхъ, мало извѣстныхъ теперешнему поколѣнію. Письма, приложенныя къ его этюду, очень любопытны. Лица, переписывавшіяся съ Прево-Парадолемъ, имѣли большое значеніе въ исторіи умственного развитія или въ политикѣ XIX вѣка; это были Тэнъ, Людовикъ Галевн, Греаръ, Вильменъ, Эрнестъ Гаве, Монталанберъ, Тьеръ, Сентъ-Бѣвъ, Дюпанлу, Луи Вельо, Викторъ Гюго.

Брюнетьеръ предпринялъ большой трудъ: „Эволюція поэтическихъ родовъ въ исторіи литературы“ (*L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature*). Въ первомъ томѣ, о которомъ я вамъ говорилъ года два тому назадъ, онъ изображалъ эволюцію критики съ эпохи возрожденія до нашихъ дней. Теперь онъ изучаетъ эволюцію лирической поэзіи во Франціи XIX вѣка (*L'Evolution de la poésie lyrique en France au XIX siècle*). Этотъ новый томъ заключаетъ въ себѣ курсъ, читанный имъ въ Сорбоннѣ въ 1893 году. Книга вполне сохраняетъ свободную форму лекцій. Авторъ разсматриваетъ постепенно происхожденіе современнаго лиризма во Франціи: сперва говорится о Бернардешѣ де-Сенъ-Пьерѣ, Шатобрианѣ, Андреѣ Шенье, Ламартинѣ, затѣмъ о Викторѣ Гюго, Сентъ-Бѣвъ, Альфредѣ де-Мюссе и Жоржѣ Зандѣ. Но пока трудъ его еще не оконченъ,—будетъ и второй томъ. Брюнетьеръ выказалъ въ немъ большую оригинальность сужденій, основанныхъ на замѣчательной эрудиціи. Изъ всѣхъ нашихъ современныхъ критиковъ онъ несомнѣнно пользуется наибольшимъ авторитетомъ. Успѣхъ, впрочемъ, вознаградилъ его трудъ и талантъ. Въ послѣднее время онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ *Revue des Deux Mondes* и членомъ Французской академіи. Кромѣ того, онъ состоитъ профессоромъ Нормальной школы.

Въ той же коллекціи („Bibliothèque variée“) талантливая женщина, извѣстная подъ псевдонимомъ Арведа Барина, издала новый свой опытъ, подъ заглавіемъ „Буржуа и мелкіе люди“ (*Bourgeois et gens de peu*). Эта писательница пишетъ преимущественно журнальныя статьи, искусно излагая на какихъ-нибудь 40 страницахъ содержа-

ніе толстой книги; зная почти всѣ иностранные языки, она легко затрогиваетъ самые разнообразныя предметы. Изъ этюдовъ, заключающихся въ этомъ сборникѣ, по моему мнѣнію, особенно любопытнѣе этюдъ о еврейѣ Маймонѣ, о матери Гёте и объ испанскомъ романиѣ „Лазарильо Торрескій“.

Большой интересъ къ Россіи поощряетъ издателей предпринимать печатаніе сочиненій, передъ которыми въ былое время они бы не преминяно отступили. Такъ, книгопродавецъ Плонъ издалъ два огромныя тома объ Екатеринѣ II. Это сочиненіе написано не французомъ, а полякомъ Валишевскимъ, впрочемъ талантливо пишущимъ на французскомъ языкѣ. Воспользовавшись обширною литературой объ Екатеринѣ II, онъ постарался изобразить ее довольно безпристрастно; его книга заслужила даже награду отъ Французской академіи. Тотъ же издатель Плонъ только что напечаталъ біографію челоуѣка, весьма интереснаго для исторіи Россіи, принца Нассау-Зигена, составленную по его не изданной перепискѣ съ 1784 по 1790 годъ маркизомъ д'Арагономъ. Этотъ странный кондотьеръ XVIII вѣка, ведшій жизнь, полную приключеній, женатый на княжнѣ Сангушко, владѣлъ землями въ Украинѣ, служилъ въ Крыму при Потемкинѣ, ѣздилъ по порученію французскаго правительства къ Екатеринѣ II и былъ ею весьма хорошо принятъ; онъ сдѣлался вице-адмираломъ русскаго черноморскаго флота, служилъ затѣмъ въ Кобленцѣ вмѣстѣ съ французскими эмигрантами и послѣ столь разнообразной жизни умеръ въ 1809 году въ Подольской губерніи. Онъ заслуживалъ полной біографіи, и русскіе читатели будутъ признательны д'Арагону за то, что онъ ее составилъ.

Все болѣе развивающееся у насъ изученіе русскаго языка вызываетъ изданіе разнаго рода сочиненій болѣе или менѣе научнаго характера. Только что вышла въ свѣтъ книга „Корнесловіе русскаго языка“ Л. Лежера и Бардоно (*Les racines de la langue russe*). Лежеръ преподаетъ славянскую филологію во Французской коллегіи и состоитъ профессоромъ въ Высшей военной школѣ. Офицеры живо интересуются изученіемъ русскаго языка. Одинъ изъ учениковъ Лежера задумалъ издать лекціи своего учителя объ этимологіи русскаго языка, и трудъ этотъ, просмотрѣнный профессоромъ, вышелъ въ свѣтъ въ видѣ книги, названной выше. Въ ней собраны производныя слова отъ 500 корней; въ то же время эта книга есть учебная тетрадь для ученика; противъ cadaго корня оставлено мѣсто, гдѣ ученикъ можетъ записывать всѣ подысканныя имъ слова. Сохранено также мѣсто и для корней, не вошедшихъ въ книгу. Въ ней помѣщены на-

иболѣе важныя корни русскаго языка и наиболѣе употребляемыя производныя слова.

Альфредъ Франкленъ продолжаетъ серію своихъ любопытныхъ этюдовъ о частной жизни былаго времени; онъ издалъ еще два томика: одинъ — „Variétés chirurgicales“, въ которомъ говорится о кровопусканіи, игравшемъ такую роль въ медицинѣ нашихъ отцевъ, о госпиталяхъ, акушерахъ и повивальныхъ бабкахъ былаго времени, и другой — „Magasins de nouveautés“, въ которомъ идетъ рѣчь о модныхъ магазинахъ, получившихъ начало, по мнѣнію автора, еще въ XIII вѣкѣ. Это настоящая исторія французской моды и вмѣстѣ съ тѣмъ этюдъ о ремесленномъ сословіи во Франціи. Оба томика по обыкновенію украшены любопытными гравюрами. Франкленъ неумимъ въ своихъ изысканіяхъ.

Книжная фирма Гашетта уже нѣсколько лѣтъ печатаетъ серію книгъ объ учрежденіяхъ разныхъ странъ. Вышло уже въ свѣтъ „Руководство къ римскимъ древностямъ“ — Бушэ Ле-Клерка и „Руководство къ французскимъ древностямъ періода Капетинговъ“ — Люшера. Въ той же серіи Жири выпустилъ „Руководство къ дипломатикѣ“ (Manuel de diplomatique) въ 940 страницъ. Жири состоитъ профессоромъ въ Школѣ хартій и признается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей средневѣковой исторіи. Онъ основательно изучалъ наши архивы. Въ книгѣ его говорится о задачахъ дипломатики, о хронологіи и различныхъ видахъ документовъ, о порядкѣ стариннаго канцелярскаго производства, объ актахъ частнаго характера и о документахъ подложныхъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько снимковъ и тщательно составленная библиографія съ хорошимъ указателемъ. Она принесетъ большую пользу.

Л. Л.—рѣ.

КЪ ИСТОРИИ ВОСПОРСКАГО ЦАРСТВА.

Выходящее въ настоящее время новое издание „Исторической библиотеки“ Діодора въ рецензій Фр. Фогеля ¹⁾ принесло съ собою весьма важную новость для исторіи Воспорскаго царства или, говоря точнѣе, для хронологіи и генеалогіи первыхъ Спартокидовъ, заимствованную изъ Патмійской рукописи (P). Этотъ кодексъ, хранящійся въ библиотекѣ монастыря св. Іоанна Богослова на о. Патмѣ, относится къ X или XI вѣку и заключаетъ въ себѣ 6 книгъ „Библиотеки“ Діодора, именно XI — XVI. Онъ извѣстенъ въ наукѣ со времени Л. Росса, но подробно описанъ и тщательно сличенъ только въ 1866 г. Рихардомъ Бергманомъ, который сообщилъ описаніе рукописи и часть текста (lib. XI сс. 1—12) въ отчетѣ Бранденбургской гимназіи за 1867 годъ ²⁾. Люд. Диндорфъ, какъ разъ въ то время выпускавшій свое изданіе Діодора въ Тейбнеровской коллекціи ³⁾, отнесся къ Патмійскому кодексу съ пренебреженіемъ ⁴⁾, которое впо-

¹⁾ *Diodori Bibliotheca historica... recogn. Fridericus Vogel* (Lips. in aed. Teubneri), v. I—1888, v. II—1890, v. III—1893.

²⁾ *Diodori Sic. Bibl. hist. lib. XI cap. 1—12 e cod. Patmio edid. Rich. Bergmann.* Berol. 1867 (прилож. къ отч. Бранденбургской гимназіи за 1866—1867 гг). Описаніе Бергмана повторено Фогелемъ въ vol. II praef. pp. XI—XIV.

³⁾ *Diodori Bibl. hist. ex recens. et cum annot. Lud. Dindorfii* (Lips. in aed. Teubneri), 5 voll. 1866—1868.

⁴⁾ См. vol. III praef. p. III: „Spem certe quam propter versus nonnullos ab eo uno servatos... excitaverat codex librorum undecimi usque ad sextum decimum nunc in iusulae Patmi monasterii S. Ioannis bibliotheca servatus... fore ut et plura de hoc genere praeberet et gravioribus vitiis mederetur, ita destituit ut non solum nihil amplius eiusmodi suppeditet, sed etiam integris saepe membris, quae in ceteris sunt servata, propter homoeoteleuta omissis sit defectus aliisque quibus illi caret vitiis in nominibus maxime deformatus“... Cf. v. V praef. p. VII.

слѣдствіи оказалось совершенно незаслуженнымъ. Л. О. Брѣкеръ въ 1879 г. ¹⁾ призналъ этотъ кодексъ „весьма важнымъ“ и указалъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ онъ даетъ болѣе вѣрныя чтенія, нежели другіе, а Фогель рѣшительно отдаетъ ему пальму первенства предъ всеми прочими рукописями, содержащими XI—XVI книги ²⁾, и называетъ Диндорфа „неблагодарнымъ“ за его суровый отзывъ о рукописи и о заслугахъ Бергмана.

Извѣстно, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ 12 — 20 книгъ Діодоръ даетъ краткія извѣстія о смерти Воспорскихъ царей изъ дома Спартокидовъ и вступленіи на престолъ ихъ преемниковъ, съ указаніемъ, сколько лѣтъ царствовалъ каждый изъ послѣднихъ ³⁾. Въ XII, 31, 1 сказано, что въ годъ архонта Θεοδώρα въ Аѣйнахъ (Ол. 85,4=438,7 до Р. Хр.) исполнилось 42 года царствованія на Воспорѣ Археанактидовъ и что царскую власть получилъ Спартакъ ⁴⁾, царствовавшій 7 лѣтъ ⁵⁾; въ XII, 36,1 по обычному чтенію сообщается, что при архонтѣ Апсевдѣ (Ол. 86,4=433/2 до Р. Хр.) умеръ Спартокъ и ему наслѣдовалъ Селевкъ, царствовавшій 4 года; въ XIV, 93,1—что при архонтѣ Димостратѣ въ Аѣйнахъ (Ол. 96,4=393/2 до Р. Хр.) умеръ воспорскій царь Сатиръ, сынъ Спартока, царствовавшій 14 лѣтъ, и ему наслѣдовалъ Левконъ, царствованіе котораго продолжалось 40 лѣтъ.

На основаніи этихъ сообщеній принимается, что царствованіе Селевка продолжалось съ 433 до 429 г., а царствованіе Сатира — съ 407 до 393 или, когда найденный въ 1877 г. въ Пирзѣ декретъ въ

¹⁾ L. O. Bröcker, Untersuchungen über Diodor, Gütersloh 1879. Изъ примѣчанія на стр. 9 можно заключить, что полное сличеніе кодекса Р, сдѣланное Бергманомъ, уже тогда находилось въ рукахъ Теббнеровской фирмы. Затѣмъ въ 1886 г. оно было передано Фогелю. См. Diod. ed. Vogel vol. I p. III. Ср. Негм. *Bessel*, Coniecturae Diodoreae (Dissert. Erlang. 1888), p. 6.

²⁾ Vol. II praef. p. XV: „Praestat ergo singulari virtute codex P omnibus ceteris libris ab editoribus adhibitis“. Cf. v. III praef. p. V sq.

³⁾ Согласно съ манерой Діодора мы называемъ здѣсь Спартокидовъ царями, хотя извѣстно, что въ греческихъ городахъ Воспора они считались только архонтами.

⁴⁾ Надписи, въ которыхъ упоминаются позднѣйшіе Спартокиды, носившіе то же имя, даютъ его въ формѣ Σπάρτοκος; эту форму мы и будемъ употреблять въ дальнѣйшемъ изложеніи.

⁵⁾ Это показаніе ошибочно: между Θεοδωромъ и Апсевдомъ было только 4 архонта, стало быть отъ начала архонтства Θεοδώρα до конца архонтства Апсевда прошло 6 лѣтъ и Спартокъ царствовалъ 5 лѣтъ слишкомъ, а не 7.

честь сыновей Левкона ¹⁾ показали, что годы царствованія Левкона надо передвинуть на 5 лѣтъ ниже, — съ 407 до 388. Стало быть между царствованіемъ Селевка и Сатира остается свободный промежутокъ въ 22 года (429 — 407); онъ обыкновенно предоставляется царствованію Спартока II, котораго считаютъ отцомъ Сатира, но безъ всякаго прочнаго основанія, такъ какъ его имя рѣшительно нигдѣ не встрѣчается.

Патмійская рукопись въ XII, 36,1 вмѣсто *τῆσαρα* даетъ чтеніе *τῆσαραχοντα*, а въ XIV, 93,1 вмѣсто *δωκατῆσαρα* (или *τῆσαρακαίδεκα*)—*τῆτταράχοντα* *τῆτταρα*. Второе чтеніе невѣрно, такъ какъ отъ года смерти Спартока до смерти Сатира по счету Діодора прошло ровно 40 лѣтъ; потому Фогель исключаетъ *τῆτταра* изъ текста. Такимъ образомъ, если принять чтеніе *τῆτταράχοντα* въ обоихъ мѣстахъ, то выйдетъ, что по XII, 36 Селевкъ царствовалъ 40 лѣтъ съ 433 г., а по XIV, 98—Сатиръ правилъ 40 лѣтъ до 393. Такъ какъ эти годы совпадаютъ, то очевидно, что или Селевкъ и Сатиръ царствовали одновременно, или одно изъ именъ невѣрно; отсутствіе у Діодора всякой оговорки объ одновременномъ царствованіи заставляетъ склониться въ пользу второго вывода и признать вмѣстѣ съ Фогелемъ, что въ XII, 36 имя *Σάλεωκ*; по ошибкѣ поставлено вмѣсто *Σάτωρ* (а не на оборотъ, такъ какъ имя Сатира извѣстно изъ многихъ источниковъ, а имя Селевка нигдѣ не встрѣчается кромѣ этого мѣста Діодора). По исправленіи такимъ образомъ очевидныхъ погрѣшностей Патмійскаго кодекса получается выводъ, что *весь 40-лѣтній періодъ времени отъ смерти Спартока (I) до вступленія на престолъ Левкона I (433—393) занятъ былъ царствованіемъ Сатира (I), сына Спартока и отца Левкона, и что, стало быть, въ числѣ первыхъ Спартокидовъ не было ни Селевка, ни Спартока II*. Если же согласно требованію декрета въ честь сыновей Левкона отодвинуть начало царствованія Левкона на 5 лѣтъ ниже, то окажется, что *Сатиръ I царствовалъ на самомъ дѣлѣ 45 лѣтъ (433/2 — 388/7)*. Читатели согласятся, что эта новость съ полнымъ правомъ можетъ быть названа весьма важною.

Невольно возникаетъ теперь вопросъ, слѣдуетъ ли принять въ указанныхъ двухъ мѣстахъ чтеніе Патмійской рукописи *τῆτταράχοντα*, или держаться стараго счета? Трудно дать рѣшительный отвѣтъ на

¹⁾ Изд. *Куманудисъ*, 'Αθήν. VI стр. 152 сл. = *A. Schäfer*, Rhein. Mus. т. 88 стр. 418 сл. = *Dittendberger*, Syll. inscr. Gr. n. 104. Ср. *Latyshev*, Inscr. P. т. II, праef. p. XXII.

этотъ вопросъ; однако мы позволимъ себѣ привести нѣсколько соображеній, побуждающихъ насъ лично склоняться въ пользу кодекса Р. Не говоря о томъ, что принятіемъ чтенія *tattarakhonta* заполняется неприяный и надѣлавшій не мало хлопотъ ученымъ пробѣлъ въ ряду Спартокидовъ и мы получаемъ непрерывную ихъ генеалогію и хронологію отъ основателя династіи Спартока I вплоть до Парисада II, вступившаго на престолъ въ 284/3 г. до Р. Хр., — это принятіе устраняетъ и недоумѣніе о причинахъ молчанія Діодора о началѣ и концѣ царствованія предполагаемаго Спартока II или вообще лицъ, бывшихъ правителями Воспора съ 429 по 407 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что во второй декадѣ (начиная съ 480 г.) Діодоръ излагаетъ исторію въ строго хронологическомъ порядкѣ, обозначая каждый годъ именами аѳинскаго архонта-эпонима и римскихъ консуловъ, и неукоснительно сообщаетъ подъ требуемыми годами о переѣздахъ царей на Воспорѣ, при томъ въ всякой связи съ описываемыми историческими событіями; поэтому отсутствіе упоминаній о переѣздахъ царей подъ 429 и 407 годами можно было объяснять только предположеніемъ о забывчивости историка или о неимѣніи у него подъ руками данныхъ о происшедшихъ въ эти годы переѣздахъ, — но эти предположенія ни на чемъ не основаны и трудно объяснимы; теперь же дѣло объясняется очень просто: нѣтъ упоминаній о переѣздахъ потому, что не было переѣздовъ. Затѣмъ можно указать на нѣкоторыя мѣста въ рѣчахъ современнѣйшихъ Сатиру аттическихъ ораторовъ Лисія и Исократъ. Первый въ рѣчи за Мантисея § 4 говоритъ отъ лица своего кліента: ἡμᾶς ὁ πατήρ πρό τῆς ἐν Ἑλλησπόντῃ συμφορᾶς ὡς Σάτιρον τὸν ἐν τῇ Πόντῃ διατηρομένον; ἐξέκαψε κτλ. Здѣсь подъ именемъ „пораженія на Геллеспонтѣ“ разумѣется битва при Эгост-потамахъ, происшедшая приблизительно въ августѣ 405 г. Если бы Сатиръ сдѣлался царемъ въ 407/6 г., то отъ начала его царствованія до битвы прошло бы всего года полтора или два, — срокъ слишкомъ короткий для того, чтобы аѳиняне могли хорошо узнать новаго царя и его расположеніе къ нимъ; между тѣмъ въ приведенныхъ словахъ онъ представляется всякому извѣстнымъ и дружески расположеннымъ къ Аѳинянамъ, что и заставляетъ предполагать объ его вступленіи на престолъ ранѣе 407 года ¹⁾. Изъ многихъ мѣстъ „Башкирской рѣчи“

¹⁾ Здѣсь вѣстятъ будетъ отмѣтить странную ошибку Бузоляма въ его *Griech. Geschichte* т. II (1888), стр. 541: по его словамъ Сатиръ правилъ отъ 401 до 387 г. Происхожденіе ошибки очевидно: историкъ помнилъ, что по Діодору Сатиръ царствовалъ 14 лѣтъ и что по расчету Шефера годомъ его смерти слѣдуетъ признать 387-й, но забылъ приведенное нами свидѣтельство Лисія.

Исократъ, составленной около 393 г., особенно же изъ § 57 (а также изъ вышеупомянутаго декрета въ честь сыновей Левкона), также видно, что Сатиръ находился въ давнишней и тѣсной дружбѣ съ аеинянами, а § 11 той же рѣчи свидѣтельствуетъ, что передъ 393 годомъ Сатиръ имѣлъ женатаго сына, стало быть самъ былъ уже весьма пожилымъ человѣкомъ; все это вполне согласуется съ предположеніемъ о долговременномъ царствованіи. А что оно могло продолжаться 45 лѣтъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если предположить, что послѣ короткаго царствованія своего отца Спартока Сатиръ принялъ бразды правленія въ юномъ возрастѣ. Мы знаемъ, что сынъ его Левконъ I царствовалъ 40 лѣтъ, а внукъ Пэрисадъ I—38; значитъ можно думать, что Спартокиды были, такъ сказать, наследственно долговѣчны. Изъ другихъ упоминаній о Сатирѣ у древнихъ авторовъ ¹⁾ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о продолжительности его царствованія; но нѣкоторые изъ нихъ ясно свидѣтельствуютъ, что его имя пользовалось такою же извѣстностью въ Элладѣ, какъ и имена Левкона I и Пэрисада I, а для пріобрѣтенія этой извѣстности потребно было не малое время.

В. Латышскъ.

¹⁾ Свидѣтельства указаны нами въ Извѣст. Р. II, граф. р. XVIII sq.

„ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА“ АРИСТОТЕЛЯ¹⁾).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Объ ошибкахъ въ умозаключеніяхъ.

Подобно тому, какъ намъ случается ошибаться въ выборѣ терминовъ, бываетъ, что мы впадаемъ въ ошибку и въ [самыхъ] предположеніяхъ²⁾. Можетъ именно случиться, что одно и то же свойство присуще многomu, но нѣкоторая часть [изъ этого многаго] отъ насъ укрылась, и мы думаемъ, что ей [это свойство] вовсе не присуще, а о прочемъ знаемъ, что оно ему присуще. Пусть³⁾ [во-первыхъ] *A* истиннымъ образомъ присуще и всѣмъ *B* и всѣмъ *C*, а *B* и *C* также присуще всему *D*; если теперъ мы предполагаемъ, что *A* присуще

---

¹⁾ *Окончаніе*. См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 годъ.

²⁾ То-есть выбираемъ посылки невозможныя, противорѣчащія другъ другу.

³⁾ Аристотель указываетъ первый случай такихъ несоединимыхъ посылокъ. Если въ дѣйствительности всѣ *B* и всѣ *C* суть *A*, всѣ *D* суть *B* и всѣ *D* суть *C*, мы же ошибочно предполагаемъ, что *C* не суть *A*, а относительно прочаго имѣемъ правильное знаніе, то въ нашемъ знаніи возникаетъ внутреннее противорѣчіе, ибо, съ одной стороны, всѣ *B* суть *A* и всѣ *D* суть *B*, а слѣдовательно, всѣ *D* суть *A*; а съ другой, — ни одно *C* не есть *A*, всѣ *D* суть *C*, слѣдовательно ни одно *D* ни есть *A*. Это показываетъ уже, что въ трехъ посылкахъ истинныхъ (*B* есть *A*, *D* есть *B* и *D* есть *C*) внутреннимъ образомъ заключено нѣкоторое знаніе объ отношеніи *C* къ *A*, но мы, предположивъ, что ни одно *C* не *A*, этого скрытаго знанія не замѣтили, то-есть, слѣдовательно, о *C* въ его отношеніи къ *A* идѣтъ существовать и знаніе, и незнаніе.

всему *B*, а *B* — всему *D*, но что *A* не присуще ни одному *C* и *C* присуще всему *D*, то объ одномъ и томъ же и въ одномъ и томъ-же отношеніи будетъ существовать и знаніе, и незнаніе. Во-вторыхъ¹⁾, если мы ошибаемся относительно того, что принадлежить къ одному ряду понятій, напримѣръ если *A* присуще всему *B*, *B* — всему *C* и *C* — всему *D*, а мы предполагаемъ, что *A* присуще всему *B* и не присуще ни одному *C*, — и въ такомъ случаѣ мы будемъ знать, что то-то присуще тому-то, и вмѣстѣ предполагать, что оно второму не присуще²⁾. Но вѣдь это значитъ предполагать иное, чѣмъ то, что намъ уже извѣстно³⁾. Ибо вѣдь [во второмъ случаѣ] мы знаемъ, что *A* присуще всѣмъ *C*, знаемъ мы это черезъ [средній терминъ] *B*, знаемъ такъ же, какъ знаемъ частное, разъ намъ извѣстно общее; слѣдовательно, [въ этомъ случаѣ] то, что намъ нѣкоторымъ образомъ извѣстно, мы вообще отказываемся предположить; а вѣдь это невозможно. Въ первомъ же изъ приведенныхъ случаевъ, гдѣ средній терминъ не принадлежитъ [вмѣстѣ съ другими] къ одному и тому же общему ряду понятій, невозможно принять каждую изъ обѣихъ посылокъ въ отношеніи къ каждому изъ обѣихъ среднихъ терминовъ, то-есть принять, что *A* присуще всему *B*, но не присуще ни одному *C*, и что *B* и *C* присуще всему *D*; ибо [при этомъ] оказывается, что первая посылка взята вполнѣ или отчасти противорѣчащей [дру-

¹⁾ Второй случай несоединимыхъ посылокъ отличается отъ перваго тѣмъ, что здѣсь всѣ терминъ составляютъ рядъ послѣдовательныхъ субъектовъ и предикатовъ („вполнѣ принадлежать одному ряду понятій“), тогда какъ въ первомъ случаѣ этого не было (тамъ было два ряда понятій: *B* и *C* были субъектами *A*, а *D* былъ субъектомъ для *B* и *C*).

²⁾ Пусть данъ рядъ терминовъ:

B есть *A*,
C есть *B*,
D есть *C*,

а мы ошибочно предполагаемъ сверхъ того, что ни одно *C* не есть *A*. Очевидно, въ такомъ случаѣ мы впадаемъ во внутреннее противорѣчіе, ибо если всѣ *B* суть *A* и ни одно *C* не *A*, то ни одно *C* не *B*. Такимъ образомъ, дѣлая подобныя предположенія, мы и знаемъ, что *C* есть *B*, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагая, что *C* не есть *A*, скрыто утверждаемъ тѣмъ самымъ, что *C* не есть *B*.

³⁾ Какъ возможно однако, продолжаетъ Аристотель, впадать въ такіе противорѣчивыя предположенія? Вѣдь это значитъ дѣлать предположеніе, зная, на основаніи другихъ посылокъ, что это предположеніе ложно? Объясненіе такой возможности и ея условій Аристотель даетъ ниже, сначала же показываетъ, что дѣйствительно допущенныя предположенія вели къ противорѣчіямъ.

гимъ]: ибо если *A* предполагается присущимъ всему тому, что есть *B*, и мы знаемъ, что *B* присуще [всѣмъ] *D*, то знаемъ, что *A* присуще [всѣмъ] *D*; если же, съ другой стороны, предполагается, что *A* не присуще ничему изъ того, что есть *C*, то мы должны думать, что иному, изъ того, чему присуще *B* [то-есть инымъ изъ *D*] не присуще *A*; а думать, что всему тому, чему присуще *B* [то-есть всѣмъ *D*] присуще *A*, съ другой же стороны, полагать, что иному изъ того, чему присуще *B*, *A* не присуще,—значить брать сужденія или вполнѣ, или отчасти противорѣчащія другъ другу. Итакъ [очевидно, что] дѣлать такіа предположенія невозможно; но ничто не мѣшаетъ [брать такъ предположенія], чтобы или относительно каждаго изъ обоихъ [среднихъ терминовъ] было по одной посылкѣ, или чтобы относительно одного изъ нихъ были обѣ [относительно же другаго—только одна] ¹⁾, какъ на примѣръ *A* присуще всѣмъ *B*, и *B*—всѣмъ *D*, а съ другой стороны, *A* не присуще ни одному *C*. Эта ошибка подобна той, въ которую мы впадаемъ относительно частнаго ²⁾; если на примѣръ *A* присуще всему *B*, и *B*—всему *C*, *A* будетъ присуще всему *C*; [поэтому] когда мы знаемъ, что *A* присуще всему, что есть *B*, мы знаемъ и то, что *A* присуще всему *C*; но вполнѣ возможно не знать [о нѣкоторой вещи], что она есть *C*; на примѣръ если *A*—два прямыхъ угла, *B*—треугольникъ, *C*—чувственный треугольникъ; мы можемъ предполагать, что [эта чувственная вещь] не есть *C*, хотя знаемъ, что во всякомъ треугольникѣ внутренніе углы равны двумъ прямымъ, и такимъ образомъ обѣ одномъ и томъ же будемъ и знать, и не знать; ибо имѣть знаніе о томъ, что треугольникъ имѣетъ два прямыхъ угла, не есть нѣчто простое, но это значить, во-первыхъ, имѣть знаніе обѣ общемъ, а во-вторыхъ, о частномъ; такимъ образомъ, мы вообще можемъ знать, что *C* имѣетъ два прямыхъ угла, въ частности же не знать этого, и оба предпо-

¹⁾ Показавъ воочію, что сдѣланныя предположенія въ обоихъ случаяхъ противорѣчатъ допущеннымъ нами же посылкамъ, Аристотель говоритъ, что если всѣ эти посылки налицо, то, очевидно, мы не впадемъ въ такое явное противорѣчіе съ ними; но за то вполнѣ возможно впасть въ такое противорѣчивое предположеніе, если не всѣ посылки (обнаруживающія это противорѣчіе) налицо, а именно или въ обоихъ (противорѣчащихъ другъ другу) силлогизмахъ меньшія посылки опущены, или, по крайней мѣрѣ, въ одномъ (примѣръ такого случая и даетъ Аристотель).

²⁾ На примѣръ объясняется, какъ возможно, зная нѣчто вообще, не узнать его въ частномъ.

ложения не противорѣчатъ [прямо] другъ другу. Подобнымъ же образомъ доказывается въ „Менонѣ“, что ученіе есть воспоминаніе ¹⁾. Но ни въ какомъ случаѣ не бываетъ, чтобы частное было извѣстно заранее; знаніе о частномъ мы получаемъ одновременно съ индукціей, какъ бы воспринимая [въ частномъ общее]; такъ мы немедленно узнаемъ, что [данная фигура] имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ равную двумъ прямымъ, когда мы знаемъ, что это треугольникъ; и подобнымъ же образомъ относительно остальнаго.

[Такимъ то образомъ] ²⁾ мы знаемъ частное въ общемъ, частнымъ же образомъ не имѣемъ о немъ знанія; поэтому то и возможно ошибаться [относительно частнаго], при чемъ эта ошибка не есть противорѣчіе, ибо мы имѣемъ [въ такомъ случаѣ] знаніе объ общемъ, ошибку же дѣлаемъ относительно частнаго ³⁾. Подобное же должно сказать и относительно вышесказанныхъ случаевъ [ошибочныхъ предположеній]; и тамъ ошибка въ среднемъ терминѣ, такъ же какъ и относящееся къ среднимъ терминамъ [ошибочное] предположеніе, не находится въ противорѣчьи съ [общимъ] касающимся силлогизма знаніемъ. Впрочемъ даже возможно, зная, что *A* присуще всему *B*, а также, что *B* присуще всему *C*, тѣмъ не менѣе думать, что *A* не присуще *C*; на примѣръ, зная, что ни одинъ мулъ не имѣетъ потомства, и что *это* животное есть мулъ, думать, что это животное начало; въ этомъ случаѣ мы, не соединяя знаній въ одно, не знаемъ, что *A* присуще *C*. Отсюда ясно ⁴⁾, что, зная одно [общее], а не зная другаго [частнаго], мы впадаемъ въ ошибку относительно того, какъ относится знаніе общаго къ знанію частнаго. Ибо о чувственныхъ [предметахъ] мы, помимо ощущенія, не имѣемъ дѣйствительнаго знанія, даже если намъ уже случалось раньше осущать [этотъ чувственный предметъ]; о чувственномъ предметѣ мы, помимо ощущенія, знаемъ

¹⁾ „Менон“—діалогъ Платона.

²⁾ Аристотель возвращается къ прежнему вопросу о возможности предположеній противорѣчивыхъ.

³⁾ Такимъ образомъ (объясняетъ это мѣсто *Г. Гротъ*) мы при помощи общаго приобретаемъ теоретическое знаніе о частностяхъ, но мы можемъ не знать ихъ по специальнымъ наблюденіямъ, касающимся каждаго отдѣльнаго случая; поэтому мы можемъ ошибаться относительно каждаго изъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ, безъ того, чтобы явилось прямое противорѣчіе между нашимъ знаніемъ и нашей ошибкой, ибо то, что мы знаемъ, есть общее, а то, относительно чего ошибаемся, частное (*G. Grote, Aristotle, Third edition, p. 183*).

⁴⁾ *A fortiori*.

только вообще и по специальной наукѣ объ этомъ предметѣ ¹⁾. Ибо *знать* можно тройко: или вообще, или въ частности, или дѣйствительно; такъ что и ошибаться можно тройко. Поэтому возможно относительно одно и того же и знать, и ошибаться, однако не противнымъ образомъ ²⁾. Это случается, когда мы объ послыки въ отдѣльности знаемъ, но прежде въ нихъ не вникали ³⁾; напримѣръ предполагая, что [этотъ] мулъ зачалъ, мы не имѣемъ дѣйствительнаго знанія, но однако, съ другой стороны, и не дѣлаемъ этимъ предположеніемъ ошибки противной [общему] знанію, ибо ошибка противная общему знанію должна имѣть форму силлогизма ⁴⁾.

Тотъ же, кто предполагаетъ, что сущее хорошее есть сущее дурное, будетъ, очевидно, предполагать, что понятія хорошаго и дурнаго тождественны ⁵⁾. Пусть именно *A*—хорошее, *B*—дурное и *C*—хорошее. Такъ какъ предполагается, что *B* и *C* тождественны, то должно предположить, что *C* есть *B*; далѣе, *B* такъ же есть *A*; а слѣдовательно, *C* есть *A*. Ибо какъ въ томъ случаѣ, когда было истиной, что *B* присуще *C*, и *A* присуще *B*, было истинной и что

¹⁾ Знаніе по специальной наукѣ о данномъ чувственномъ предметѣ есть тоже лишь общее знаніе. *Дѣйствительное* же знаніе, какъ видно изъ слѣдующаго, складывается, по Аристотелю, изъ трехъ моментовъ: общаго знанія, чувственного ощущенія и ихъ объединенія. Послѣдній моментъ предполагаетъ два первыхъ, но оба первые независимы, хотя тотъ, кто обладаетъ общимъ знаніемъ, въ *некоторомъ отношеніи* знаетъ и частное. Такъ тотъ, кто знаетъ онтологию (то-есть науку о существующемъ вообще, какъ существующемъ) знаетъ *въ некоторомъ отношеніи* все познаваемое (*Grote, Aristotle, p. 184*).

²⁾ То-есть можно знать, напримѣръ, о данной вещи вообще, ошибаться же въ частности. Знаніе не совмѣстимо съ ошибкой только тогда, когда они относятся къ одному моменту познавательнаго процесса (см. примѣчаніе предыдущее), то-есть, прямо противны другъ другу.

³⁾ Не соединяя идеи въ сознаніи.

⁴⁾ О такихъ силлогизмахъ см. *Вторую Аналитику*, книга I, гл. 16 (стр. 79 b 23).

⁵⁾ Второй родъ ошибочныхъ предположеній, состоящій въ томъ, что ошибочно считаютъ тождественнымъ то, что реально противоположно; напримѣръ худое ошибочно принимаютъ за хорошее. Такого рода ошибки исправляются тѣмъ, что въ силлогизмѣ, основанномъ на такомъ предположеніи, производятся всевозможныя обращенія сужденій и рассматриваются различнѣйшія перестановки терминовъ, и такимъ образомъ обнаруживаютъ противорѣчіе тамъ, гдѣ простое мнѣніе его не замѣчаетъ. Поэтому то въ слѣдующей главѣ Аристотель и изслѣдуетъ вопросъ о перестановкѣ терминовъ въ силлогизмахъ (*Prantl, Geschichte der Logik, I, стр. 314*).

A присуще *C*, также должно быть это и относительно предположений, и как относительно бытія было истиной, что если *C* и *B* тождественны, и далѣе, *B* и *A* тождественны, то *C* и *A* должны быть тождественны, также должно быть это и относительно предположительныхъ утверждений. Неужели, слѣдовательно, это необходимо, если признать первое? Можетъ быть, ложно самое предположеніе, что сущее хорошее есть сущее дурное, истиннымъ же оно является только случайнымъ образомъ? Ибо вѣдь это предположеніе можетъ имѣть разнообразный смыслъ. Это надо изслѣдовать основательнѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О перестановкѣ терминовъ въ силлогизмѣ.

Когда крайніе термины могутъ быть перестановлены [одинъ на мѣсто другаго], можетъ быть перестановленъ и средній терминъ съ каждымъ изъ крайнихъ ¹⁾. Если именно *A* присуще [всему] *C*, черезъ [средній терминъ] *B* ²⁾, и если *A* и *C* взаимно перестановимы, то-есть *C* присуще всему *A*, то *B* перестановимо съ *A*, то-есть *B* присуще всему *A* [черезъ средній терминъ *C*]; и *C* перестановимо съ *B* [черезъ средній терминъ *A*] ³⁾. Такъ же и при отрицательномъ заключеніи, когда напримѣръ *B* присуще всему *C*, *A* не присуще ни одному *B*, и слѣдовательно *A* не присуще ни одному *C* ⁴⁾. Если именно *B* перестановимо съ *A*, то *C* перестановимо съ *A*: пусть именно *B* не присуще ни одному *A*, тогда и *C* не будетъ присуще ни одному *A*,

¹⁾ Иначе говоря, если заключеніе можетъ быть исполнѣ обращено, то обратимъ исполнѣ и посылку.

²⁾ Аристотель разбираетъ сначала утвердительный силлогизмъ: всѣ *B* суть *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно всѣ *C* суть *A*.

³⁾ Если заключеніе исполнѣ обратимо, то-есть если всѣ *C* суть *A* = всѣ *A* суть *C*, то во первыхъ всѣ *B* суть *A* = всѣ *A* суть *B* (ибо всѣ *C* суть *B* и всѣ *A* суть *C*), и во вторыхъ, всѣ *C* суть *B* = всѣ *B* суть *C* (ибо всѣ *A* суть *C* и всѣ *B* суть *A*).

⁴⁾ Не совсѣмъ такъ же, какъ это видно изъ слѣдующаго. Въ отрицательномъ силлогизмѣ, во первыхъ, если большая посылка обратима, обратимо и заключеніе; во вторыхъ, если меньшая посылка обратима, обратима и большая; и въ третьихъ, если обратимъ заключеніе и меньшая посылка, обратима и большая.

ибо въдъ *B* присуще всему *C* ¹⁾. И если *C* перестановимо съ *B*, то *A* перестановимо [съ *B*], ибо всему тому, чему присуще *B*, присуще и *C* ²⁾. И если *C* перестановимо съ *A*, *B* перестановимо [съ *A*], ибо то, что есть *B*, есть *C*, а тому, что есть *A*, *C* не присуще ³⁾. [Въ отрицательномъ силлогизмѣ] только въ томъ послѣднемъ случаѣ мы начинаемъ съ обращенія вывода [какъ то дѣлали въ силлогизмѣ утвердительномъ], въ остальныхъ же [двухъ случаяхъ] мы начинаемъ [здѣсь] иначе, чѣмъ въ утвердительномъ силлогизмѣ ⁴⁾.—Далѣе, если *A* и *B* взаимно обратимы, а также *C* и *D*, и если каждой вещи необходимо присуще или *A*, или *C*, то и отношеніе *B* къ *D* будетъ таково, что каждой вещи одно изъ нихъ будетъ присуще. Ибо тому, что есть *A*, присуще *B*, и тому, что есть *C*, присуще *D*; каждой же вещи присуще *A* или *C*, но не оба вмѣстѣ; слѣдовательно каждой вещи присуще *B* или *D*, но не оба вмѣстѣ. Напримѣръ, если все не рождающееся безсмертно, и все безсмертное не рождается, то слѣдовательно все рождающееся смертно, и все смертное рождается; это вытекаетъ изъ двухъ соединенныхъ силлогизмовъ ⁵⁾.—Далѣе, если

¹⁾ Первый изъ указанныхъ случаевъ: если въ отрицательномъ силлогизмѣ (ни одно *B* не *A*, всѣ *C* суть *B*, слѣдовательно ни одно *C* не *A*) большая посылка ни одно *B* не *A*—ни одно *A* не *B*, то и заключеніе ни одно *C* не *A*—ни одно *A* не *C* (ибо ни одно *A* не *B* и всѣ *C* суть *B*).

²⁾ Второй изъ указанныхъ случаевъ: если всѣ *C* суть *B*—всѣ *B* суть *C*, то ни одно *B* не *A*—ни одно *A* не *B*. Объясненіе этого случая породило разные толкованія. Дѣло въ томъ, что изъ посылокъ: ни одно *C* не *A* и всѣ *B* суть *C* не слѣдуетъ *обращенной* большой посылки (ни одно *A* не *B*), а сама большая посылка (ни одно *B* не *A*), такъ что доказательство не достигается цѣли. Въ виду этого комментаторъ *Rasius* предлагаетъ доказывать эту обращенную посылку отъ невозможнаго (если-бы хотя нѣкоторые изъ *A* было *B*, то, такъ какъ всѣ *B* суть *C*, эти *A* были-бы *C*, что невозможно). *Вайтцъ*, не находя въ текстѣ Аристотеля указаній на такое доказательство, считаетъ весь этотъ второй случай посторонней вставкой (то-есть, слова *перестановимо* [съ *B*], *ибо всему тому, чему присуще B, присуще и C. И если C перестановимо съ A*).

³⁾ Третій изъ указанныхъ случаевъ: если ни одно *C* не есть *A*—ни одно *A* не *C*, и если всѣ *C* суть *B*—всѣ *B* суть *C*, то ни одно *A* не *B*—ни одно *B* не *A*.

⁴⁾ Именно начинаемъ съ обращенія посылокъ.

⁵⁾ Примѣръ этотъ подходит болѣе къ слѣдующему за нимъ разсужденію Аристотеля. Для даннаго же онъ долженъ быть нѣсколько измѣненъ: если все нерожденное (*A*) безсмертно (*B*), и все рожденное (*C*) смертно (*D*)—и все рождено или не рождено,—то все или смертно, или безсмертно. *Соединенный силлогизмъ*, на который намекаетъ Аристотель, будетъ таковъ: все сущее или рождено, или не рождено; то, что рождено смертно; слѣдовательно все сущее или смертно

всему присуще *A* или *B*, но не оба вмѣстѣ, и если *A* и *C* взаимно перестановимы, то *B* и *D* взаимно перестановимы; ибо если нѣкоторымъ изъ *D* не было бы присуще *B*, то ясно, что имъ было бы присуще *A*; если же имъ присуще *A*, то присуще и *C*, ибо *A* и *C* взаимно перестановимы; слѣдовательно [въ такомъ случаѣ] нѣчто было бы и *C*, и *D* вмѣстѣ, а это невозможно ¹⁾.—Если же *A* присуще всѣмъ *B* и всѣмъ *C*, и ничему другому не присуще, и если *B* присуще всѣмъ *C*, то необходимо *A* и *B* будутъ взаимно перемѣстимы; ибо, такъ какъ *A* утверждается лишь о *B* и *C*, а *B* утверждается и о себѣ самомъ, и о *C*, ясно, что обо всемъ томъ, что есть *A*, будетъ утверждаться *B*, хотя само *A* есть нѣчто иное, чѣмъ *B* ²⁾.—Далѣе, когда *A* и *B* присущи всѣмъ *C*, а *C* и *B* взаимно перемѣстимы, *A* необходимо присуще всѣмъ *B*; такъ какъ именно *A* присуще всѣмъ *C*, а *C*—всѣмъ *B* (черезъ перемѣщеніе), то и *A* будетъ присуще всѣмъ *B* ³⁾.—Когда изъ двухъ противоположностей *A* желательнѣе, чѣмъ *B*, и изъ двухъ [другихъ] противоположностей, *D* и *C*, одна желательнѣе другой, и если *A* + *C* желательнѣе, чѣмъ *B* + *D*, то *A* предпочтительнѣе, чѣмъ *D*; ибо *A* столь же желательно, какъ *B*—не желательно, такъ какъ они противоположны; и *C* находится въ такомъ же отношеніи къ *D*, ибо и они противоположны; если, слѣдовательно, [во-первыхъ] *A* было-бы столь-же желательно, какъ *D*, то *B* было бы столь же желательно, какъ *C*, ибо каждое равно каждому, желательное—не желательному; такъ что и оба, *A* + *C* были бы равны съ *B* + *D*; но *A* + *C* [по условію] болѣе желательны, чѣмъ *B* + *D*; слѣдовательно *A* не можетъ быть столь же нежелательнымъ, какъ *D*; иначе *B* + *D* было бы столь же желательно, какъ *A* + *C*. Если [во-вторыхъ] *D* было-бы желательнѣе, чѣмъ *A*, то *B* было бы менѣе нежелательно, чѣмъ *C*, ибо меньшее противоположно меньшему; а большее

или не рождено; но все не рожденное безсмертно; слѣдовательно все сущее или смертно, или безсмертно.

¹⁾ *A*—не рожденное, *B*—рожденное, *C*—безсмертное, *D*—смертное.

²⁾ *A*—способный смѣяться, *B*—разумный, *C*—человѣкъ. Если всѣ разумныя существа и всѣ люди способны къ смѣху, и смѣхъ свойственъ лишь имъ, и если человѣкъ есть существо разумное, то способность къ смѣху и разумность суть понятія взаимныя. Дѣйствительно, такъ какъ способность смѣха приписывается лишь существамъ разумнымъ и людямъ, а разумъ есть свойство существъ разумныхъ и людей, то всѣмъ существамъ, считаемымъ за людей, должно приписать разумность, хотя разумность и человѣчность суть всетаки понятія различныя.

³⁾ Напримѣръ, *A*—животное, *B*—существо разумное, *C*—человѣкъ.

благо и меньшее зло предпочтительнѣе, чѣмъ меньшее благо и большее зло; слѣдовательно цѣлое, $B + D$, было-бы предпочтительнѣе, чѣмъ $A + C$; но оно [по условію] не таково. Итакъ, [если D не можетъ быть ни столь-же желательнымъ, какъ A , ни болѣе его желательнымъ,] A желательнѣе, чѣмъ D , и C менѣе желательно, чѣмъ B ¹⁾.—Если

¹⁾ Это мѣсто Вайтцъ и Прантль объясняютъ различно. Вайтцъ, основываясь на первой изъ курсивомъ набранной въ нашемъ переводѣ фразъ, полагаетъ, что A обозначаетъ большое благо, B —большое зло, C —*малое зло*, D —*малое благо*; затѣмъ онъ разъясняетъ наше мѣсто слѣдующимъ образомъ. „Если оба блага равны (по желательности), то и противоположные имъ два зла тоже равны (по нежелательности), ибо каждое благо столь же желательно, сколь нежелательно противоположное ему зло. Итакъ, предположивъ, что $A = D$, мы найдемъ, что и $B = C$; слѣдовательно и $A + C$ будетъ равно $B + D$; но мы ранѣе признали, что $A + C >$ (то-есть желательнѣе, чѣмъ) $B + D$, слѣдовательно $A = D$ не можетъ быть истиннымъ, ибо изъ этого равенства слѣдуетъ, что $A + C = B + D$. Далѣе, если мы предположимъ, что $D > A$, то B будетъ $>$ (то-есть менѣе нежелательнымъ), чѣмъ C ; ибо большему благу противоположно большее зло (D противоположно C), а меньшему—меньшее ($A - C$); а такъ какъ большее благо предпочтительнѣе меньшаго, а меньшее зло—большаго, то и $B + D >$ (предпочтительнѣе, чѣмъ) $A + C$; но это противорѣчитъ ранѣе признанному. Итакъ, если A не можетъ быть ни одинаково желательнымъ съ D , ни менѣе его, остается утверждать, что оно болѣе желательно, чѣмъ D “ (Waitz, I, стр. 531). Прантль, основываясь болѣе на второй изъ подчеркнутыхъ нами фразъ, полагаетъ, что A означаетъ большое благо, B —большое зло, но C —*малое благо* и D —*малое зло*. Онъ начинаетъ свое разъясненіе съ указанія общаго значенія нашего мѣста для ученія о раскрытіи ошибокъ въ предположеніяхъ. „Въ случаяхъ, когда мы имѣемъ пару противоположностей, являющуюся въ двухъ различныхъ видахъ, легко можетъ возникнуть смѣшеніе противоположныхъ понятій, разъ мы стоимъ на точкѣ зрѣнія лишь простыхъ мнѣній и предположеній. Однако, если мы будемъ строго сохранять, хотя бы въ одномъ отношеніи, различіе этихъ противоположностей, то логическое изслѣдованіе можетъ показать, какъ избѣжать ихъ смѣшенія и тамъ, гдѣ оно угрожаетъ, такимъ образомъ исправить простое мнѣніе и предположеніе. Положимъ напримѣръ, что A —большое благо, B —большое зло, C —малое благо и D —малое зло; въ такомъ случаѣ извѣстная поговорка, что изъ двухъ золъ должно желать меньшаго, легко можетъ повести къ „предположенію“ или „мнѣнію“, что малое зло есть благо (желательно) или что малость зла есть великое благо; это предположеніе, полагающее тождественными противоположности, исправляется слѣдующимъ образомъ: A и B суть противоположности, и A всегда желательнѣе, чѣмъ B , равнымъ образомъ C и D противоположности, и C желательнѣе, чѣмъ D *); такимъ образомъ степень желательности для обомъ утверждена и при-

*) У Прантля на оборотъ: „ D wünschenswerter, als C “; но это очевидная опечатка.

напримѣръ каждый любящій предпочиталъ бы имѣть, въ отношеніи къ любимому, свойства заслуживающія любовь (*A*), хотя бы и не нравиться (*C*), чѣмъ нравиться (*D*), но не быть достойнымъ любви (*B*), то ясно, что *A* (быть достойнымъ любви) предпочтительнѣе, чѣмъ нравиться. Слѣдовательно дружба предпочтительнѣе, въ отношеніи любимаго, чѣмъ [физическая] связь, и любовь болѣе осуществляется въ дружбѣ, чѣмъ въ связи. А если она болѣе всего осуществляется въ дружбѣ, то она и есть цѣль въ дружбѣ, связь же или вовсе не имѣетъ значенія, или только ради любви; ибо такія же отношенія имѣемъ мы и въ остальныхъ желаніяхъ и въ искусствахъ ¹⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Объ индукціи.

Какъ относятся терминны при обращеніи и какихъ изъ нихъ должно избѣгать, а какіе принимать, показано [въ предыдущемъ]. Теперь же слѣдуетъ показать, что черезъ разсмотрѣнныя выше фигуры [силлогизма] происходятъ не только діалектическія и аподиктическія

звано, что благо, все равно большое, или малое, или оба имѣтъ желательнѣе, чѣмъ зло, все равно большое, или малое, или оба имѣтъ, то-есть утверждено, что соединеніе *A* и *C* желательнѣе, чѣмъ соединеніе *B* и *D*; здѣсь мы имѣемъ положеніе, исходя изъ котораго, мы въ состояніи устранить смѣшеніе возникшее между *A* и *D*, поскольку оба они оказались желательными. Именно, если-бы *A* и *D* были бы равны (по желательности), то и *B* и *C* оказались бы тоже равными, а слѣдовательно и соединеніе *A* съ *C* было бы равно соединенію *B* съ *D* (что невозможно); если же *D* было бы даже желательнѣе, чѣмъ *A*, то-есть, малое зло было бы въ большей степени благомъ, чѣмъ большое благо, то и *B* было бы меньше зломъ, чѣмъ малое благо *C*; а такъ какъ степень желательности благо и зла по величинѣ обратная (то-есть большее благо желательнѣе, чѣмъ меньшее, а меньшее зло желательнѣе, чѣмъ большее), то въ такомъ случаѣ соединеніе этого (мнимо) большаго блага *D* съ (мнимо) меньшимъ зломъ *B* было бы желательнѣе, чѣмъ соединеніе (мнимо) меньшаго блага *A* съ (мнимо) большимъ зломъ *C*; между тѣмъ какъ выше было признано и показано, что соединеніе *A* съ *C* желательнѣе, чѣмъ соединеніе *B* съ *D*; итакъ *D* не можетъ быть ни въ равной степени благомъ съ *A*, ни въ большей; слѣдовательно *D* въ меньшей степени благо, чѣмъ *A*, и такимъ образомъ существенное различіе по желательности между благомъ и зломъ сохраняетъ свое значеніе и при маломъ злѣ, въ какомъ случаѣ оно „мнѣнемъ легко смѣшивалось“ (*Prantl, Gesch. d. Logik, I, стр. 316*).

¹⁾ То-есть и въ прочихъ желаніяхъ, какъ и въ искусствахъ, сущность составляетъ цѣль желанія или искусства.

умозаключенія ¹⁾, но и риторическія ²⁾, и вообще всякая увѣренность, какимъ бы путемъ она ни получалась. Всякая именно наша увѣренность является или черезъ силлогизмъ или изъ индукціи ³⁾.

Индукція и выводъ черезъ индукцію умозаключаетъ, черезъ одинъ изъ крайнихъ терминовъ, о томъ, что другой крайній терминъ присущъ среднему; на примѣръ, если для *AC* средней терминъ *B*, то доказывая черезъ *C*, что *A* присуще [всѣмъ] *B*, мы дѣлаемъ индукцію ⁴⁾. Пусть на примѣръ *A*—животныя долговѣчныя, *B* животныя не-

¹⁾ *Аподиктическимъ* умозаключеніемъ Аристотель называетъ то, что выходитъ изъ необходимыхъ принциповъ (*Вторая Аналитика*, кн. I, гл. 6, стр. 74 b11), *диалектическимъ* же то, которое выходитъ изъ правдоподобныхъ посылокъ (*То. ника*, кн. I, гл. I, стр. 100 а 80).

²⁾ *Риторическими* умозаключеніями Аристотель называетъ тѣ доказательства, въ которыхъ принимаются въ соображеніе нравы и страсти слушателей (*Риторика*, кн. I, гл. 2, стр. 1356 a1 и слѣд.). Сюда онъ причисляетъ *примѣры* и *эпителиму* (*Вторая Аналитика*, кн. I, гл. 1, стр. 71 а 9), о которыхъ см. ниже, гл. 24 и 27.

³⁾ Въ научномъ мышленіи (говоритъ *Целлеръ*, излагая теорію познанія Аристотеля) должно различать два направленія: одно восходящее къ принципамъ, другое нисходящее отъ принциповъ; второе есть переходъ отъ общаго къ частному, отъ того, что *само по себѣ* очевидно, къ тому, что таково *для насъ*; первое же идетъ отъ частнаго и намъ болѣе знакомаго къ тому, что само по себѣ очевидно, къ общему. Въ первомъ направленіи движется силлогизмъ, во второмъ—индукція (*Zeller, Philosophie der Griechen, II, 2, стр. 241* третьего изданія).

⁴⁾ Силлогизмъ, переходя отъ общаго къ частному, заключаетъ, черезъ средней терминъ, о томъ, что большій терминъ присущъ меньшему. Индукція же, переходя отъ частнаго къ общему, заключаетъ (черезъ тотъ терминъ, который былъ въ силлогизмѣ меньшимъ) о принадлежности большаго термина тому, что былъ въ силлогизмѣ среднимъ. На примѣръ, ходъ индуктивнаго вывода таковъ:

Кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть кривыя втораго порядка;

Кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть коническія сѣченія;

Слѣдовательно, всѣ коническія сѣченія суть кривыя втораго порядка.

Если же этотъ общій выводъ мы приняли бы за большую посылку силлогизма, то получимъ слѣдующее умозаключеніе:

Всѣ коническія сѣченія суть кривыя втораго порядка;

Кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть коническія сѣченія;

Слѣдовательно, кругъ, эллипсъ, парабола и гипербола суть кривыя втораго порядка.

Иначе говоря, схема индукціи такова:

C_1, C_2, C_3 суть *A*

C_1, C_2, C_3 суть *B*

Слѣдовательно, всѣ *B* суть *A*;

желчныя и C —отдѣльныя [нежелчныя] животныя ¹⁾, какъ то человекъ, лошадь, мулъ; [при этомъ] ²⁾. А будетъ присуще всѣмъ C , ибо каждое нежелчное животное [B] долговѣчно [A], и вмѣстѣ съ тѣмъ C [человекъ, лошадь, мулъ] суть B , то-есть суть животныя нежелчныя; если же ³⁾ обратить [посылку] CB и если [при этомъ] средній терминъ [B] не превышаетъ [объема термина] C , то A необходимо будетъ присущимъ [всѣмъ] B ⁴⁾; ибо уже выше было доказано, что когда оба термина [A и B] присущи тому же [C], и при томъ одно изъ этихъ сужде-

тогда какъ схема соответствующая силлогизму слѣдующая:

Всѣ B суть A ,
 C_1, C_2, C_3 суть B

Слѣдовательно C_1, C_2, C_3 суть A

Итакъ очевидно, что въ индукціи среднимъ терминомъ служитъ меньшій терминъ силлогизма (C_1, C_2, C_3), и что въ ней доказывается, что большій терминъ (A) присущъ тому, который былъ въ силлогизмѣ среднимъ (B).

¹⁾ Мы принимаемъ здѣсь конъектуру Грога (*Grote, Aristotle*) и *М. Кумсбрука* (*Archiv f. Gesch. d. Philosophie, V, 3*), то-есть считаемъ слово μακρόβιον за глоссу.

²⁾ Аристотель строитъ изъ этихъ терминовъ силлогизмъ.

³⁾ Аристотель показываетъ, какъ изъ этихъ же терминовъ стронтся индукція. Ея условіемъ, очевидно, является полное превращеніе меньшей посылки (силлогизма), то-есть утвержденіе, что если всѣ C_1, C_2, C_3 суть B , то и всѣ B суть C_1, C_2, C_3 . Выѣ этого условія индукція представляетъ третью фигуру силлогизма, дающую только частный выводъ, а не общій. При принятіи же этого условія она имѣетъ видъ модуса ААА первой фигуры съ общимъ заключеніемъ а именно:

всѣ C_1, C_2, C_3 суть A ,
 всѣ B суть C_1, C_2, C_3 .

Слѣдовательно всѣ B суть A .

⁴⁾ Такимъ образомъ, индукція у Аристотеля оказывается, въ сущности, силлогизмомъ третьей фигуры, съ исполнѣн обратной меньшей посылкой. Чтобы нѣсколько уяснить этотъ странный результатъ, должно обратить вниманіе на слѣдующія два обстоятельства: а) Индукція у Аристотеля не есть то, что извѣстно подъ этимъ именемъ въ новой философіи; его индукція есть приемъ полученія общаго черезъ полное перечисленіе всего, что входитъ въ это общее (такъ называемая полная индукція); мы должны были перечислить *всѣ* коническія сѣченія, въ вышеприведенномъ примѣрѣ, чтобы заключеніе было доказаннымъ, безъ того же условія оно, очевидно, не будетъ общимъ. б) Сводя индукцію къ силлогизму Аристотель не устраняетъ своеобразія, а только *доказываетъ* тѣмъ ея правильность, такъ же какъ въ книгѣ первой онъ доказывалъ правильность второй и третьей фигуръ силлогизма, сводя ихъ первой, истинность которой очевидна изъ опредѣленія общихъ сужденій.

ній [напримѣръ BC] вполне обратимо, то A присуще всѣмъ B ¹⁾. Должно однако [въ томъ индуктивномъ выводѣ] мыслить C сложнымъ изъ всѣхъ частныхъ предметовъ, ибо индукція происходитъ именно черезъ всѣ ²⁾.

Таково [индуктивное] умозаключение къ первой непосредственной посылкѣ ³⁾. Ибо умозаключение къ тому, что имѣеть посредствующій терминъ, происходитъ черезъ силлогизмъ съ посредствующимъ терминомъ, а заключение къ тому, что посредствующаго термина не имѣеть, происходитъ черезъ индукцію. Индукція противоположна силлогизму и по формѣ, ибо этотъ послѣдній доказываетъ, черезъ средній терминъ, что большій терминъ присущъ меньшему; индукція же доказываетъ, черезъ меньшій терминъ, что большій терминъ присущъ среднему, [Замѣтимъ еще, что,] по существу, умозаключение черезъ средній терминъ есть нѣчто болѣе первичное, болѣе знакомое; для насъ же умозаключение черезъ индукцію является болѣе очевиднымъ ⁴⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Доказательство черезъ примѣръ.

[Доказательство черезъ] примѣръ бываетъ, когда доказано, черезъ терминъ подобный [меньшему] крайнему, что [большій] крайній терминъ присущъ среднему ⁵⁾. Для этого должно быть извѣстнымъ, и

¹⁾ Эта фраза въ переводѣ нѣсколько упрощена, въ подлинникѣ же сказано: „ибо выше уже доказано, что когда два какіе-нибудь термина присущи одному и тому же, и крайній перестановимъ съ однимъ изъ нихъ, то перестановимому присущъ и другой изъ присущихъ“.

²⁾ Указывается именно то условіе полноты индукціи, о которомъ сказано выше въ примѣчаніи 1: $C_1 + C_2 + C_3$ должны быть $= B$, безъ чего полное обращеніе этого сужденія невозможно.

³⁾ Большая посылка силлогизма, которая въ немъ берется недоказанной, то есть въ которой между A и B нѣтъ средняго термина, въ индукціи доказывается.

⁴⁾ Какъ показавалъ съ особенной настойчивостью Прантъ, силлогизмъ въ системѣ Аристотеля имѣеть не только логическое, но и своеобразное метафизическое значеніе.

⁵⁾ Силлогизмъ есть доказательство частнаго изъ общаго, индукція—общаго изъ частнаго, примѣръ же—доказательство частнаго изъ частнаго, на основаніи аналогіи или неполнаго сходства. Напримѣръ, желая доказать, что война, предпринятая ассирианами противъ египтянъ (C) гибельна (A), мы ищемъ, какъ доказательнаго примѣра, такую войну, которая, будучи сходной съ этой, оказалась гибельной, и находимъ этотъ примѣръ въ войнѣ египтянъ съ фокейцами (D): эта война

что средний терминъ присущъ меньшему, и что большій—подобному ¹⁾. Пусть, напริมѣръ, *A*—зло, *B*—начинать войну съ сосѣдями; *C*—война

сходна съ первой, ибо обѣ они суть войны противъ сосѣдей (*B*), и она оказалась гибельной, слѣдовательно и т. д. Очевидно, что такое доказательство слагается изъ двухъ половинокъ, а именно сначала доказывается, изъ частнаго примѣра войны евянъ, гибельность вообще войнъ съ сосѣдями, а затѣмъ изъ этой общей истины выводится, какъ ея частный случай, гибельность войны аевянъ. Такимъ образомъ схема доказательства отъ примѣра такова: надо доказать, что *C* есть *A*; ищемъ такое *D*, которое сходно съ *C* (именно оба суть *B*) и видѣтъ съ *A*—есть *A*; и такъ

D есть *A*,
D есть *B*,

слѣдовательно всѣ *B* суть *A*
но *C* есть *B*

слѣдовательно *C* есть *A*, и т. д.

Итакъ, вторая половина доказательства отъ примѣра есть обыкновенный силлогизмъ, первая же половина, дающая общее заключеніе, когда при такихъ условіяхъ силлогизмъ даетъ заключеніе частное (по третьей фигурѣ), своеобразна для нашего доказательства. Чтобы понять ея отличительныя черты, сопоставимъ ее съ соответственными ей формами силлогизма:

а) доказательство отъ примѣра

D (подобное *C*) есть *A*,
D есть *B*,

всѣ *B* есть *A*;

б) доказательство черезъ индукцію (см. гл. 23):

*C*₁, *C*₂, *C*₃ суть *A*,
*C*₁, *C*₂, *C*₃ суть *B*,

всѣ *B* суть *A*;

в) и, наконецъ, соответственная схема силлогизма:

B есть *A*,
C есть *B*,

C есть *A*.

Итакъ, дѣйствительно, мы видимъ, что доказательство отъ примѣра (если сравнить его съ силлогизмомъ) доказываетъ, черезъ терминъ (*D*) подобный меньшему термину силлогизма (*C*), что большій терминъ (*A*) присущъ среднему (*B*). Отличіе же этого доказательства отъ индукціи сводится къ двумъ признакамъ: 1) въ примѣрѣ вторую часть доказательства составляетъ силлогизмъ о меньшемъ терминѣ (*C*), чего въ индукціи нѣтъ, 2) въ индукціи выводъ совершается (какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ) черезъ всѣ частные случаи, ибо $C_1 + C_2 + C_3 = B$, въ примѣрѣ же взять одинъ частный случай (война евянъ). Изъ этого видно, что примѣръ не есть строгое, съ формальной стороны, доказательство, но принадлежитъ къ риторическимъ умозаключеніямъ (ср. гл. 28, въ началѣ).

¹⁾ Дѣйствительно, какъ видно изъ приведенной въ предыдущемъ примѣчаніи

начатая аэинянами противъ Θ ивъ, D —война, начатая эивянами противъ фокейцевъ. Если мы желаемъ доказать, что воевать съ эивянами есть зло, должно взять [посылкой], что воевать съ сосѣдями есть зло; достовѣрность же это положеніе получаетъ изъ подобнаго; именно изъ того, что война эивянъ противъ фокейцевъ есть зло; итакъ, очевидно, что B присуще и C , и D (ибо обѣ войны суть войны съ сосѣдями), и что A присуще D (ибо эивянамъ не была полезна война противъ фокейцевъ), а что A присуще D , будетъ доказано черезъ D . Такимъ же образомъ ведется доказательство и тогда, когда увѣренность въ томъ, что крайній терминъ [A] присущъ среднему [B], получается изъ многихъ подобныхъ терминовъ ¹⁾. Итакъ, ясно, что примѣръ не есть [переходъ] отъ общаго къ частному, ни отъ частнаго къ общему, но отъ частнаго къ частному же, при чемъ оба частные [термина] заключены подъ однимъ [общимъ], и одинъ изъ нихъ извѣстиѣ другаго ²⁾. Отъ индукціи примѣръ отличается тѣмъ, что индукція доказываетъ черезъ всѣ частные [случай], что [большій] крайній терминъ [то-есть A] присущъ среднему [то-есть B], и относительно меньшаго крайняго термина [то-есть C] не присоединяетъ силлогизма; примѣръ и присоединяетъ этотъ силлогизмъ, и доказываетъ не черезъ всѣ [частные случаи].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Доказательство черезъ редукцію.

Редукція ³⁾ имѣетъ мѣсто тогда, когда [вопервыхъ] ясно, что большій терминъ присущъ среднему, а что средній присущъ меньшему, хотя и неясно, но столь же или болѣе вѣроятно, тѣмъ и

схемы, для доказательства отъ примѣра необходимо, чтобы было извѣстно, что C есть B , и что D есть A (третья необходимая посылка— D есть B —есть простое выраженіе сходства D съ C).

¹⁾ Въ приведенномъ примѣрѣ сужденіе, что всякая война съ сосѣдями гибельна, было слѣдствіемъ одною частнаго случая (войны эивянъ); но очевидно, что въ подтвержденіе этого сужденія можно привести и еще нѣсколько примѣровъ, отчего, однако, общій способъ доказательства не измѣнится.

²⁾ Исходъ войны эивянъ былъ извѣстиѣ исхода войны аэинянъ, но обѣ войны суть частные случаи войнъ съ сосѣдями.

³⁾ Редукціей, то-есть отведеніемъ (въ противоположность индукціи, наведенію) называется такое доказательство, въ которомъ мы сводимъ доказуемое положеніе къ другому, болѣе легкому или легче доказуемому.

заключение ¹⁾; и, восторыхъ, когда посредствующихъ [членовъ] между среднимъ и меньшимъ терминомъ немного ²⁾: при всѣхъ этихъ условіяхъ мы [черезъ редукцію] короче достигнемъ знанія. Пусть, напри- мѣръ, *A*—изучимый, *B*—наука, *C*—справедливость; что наука изучима, ясно, но что добродѣтель изучима, неясно; если же *BC* столь же или болѣе вѣроятно, чѣмъ *AC*, имѣеть мѣсто редукція ³⁾. Или, во второмъ случаѣ, когда немного посредствующихъ членовъ между *B* и *C*, мы тоже [редукціей] короче достигаемъ знанія; пусть, напри- мѣръ, *D*—обращать въ [равновеликій] квадратъ, *E*—прямолинейная фигура и *F*—кругъ; если бы *E* и *F* можно было соединить черезъ одинъ только средній терминъ (напримѣръ, черезъ луночки кругъ обращается въ равновеликую прямолинейную фигуру), то [такимъ способомъ] скоро достигалось бы знаніе ⁴⁾. Если же и *BC* не вѣроятнѣе, чѣмъ *AC*, и нѣтъ немногихъ посредствующихъ членовъ, я не называю [доказательство] редукціей. Не называю его такъ и тогда, когда [посылка] *BC* непосредственная: тогда это [не доказательство, а] знаніе.

¹⁾ Въ такомъ случаѣ выгодно взять меньшую посылкою такое болѣе вѣроятное положеніе, то-есть редуцировать къ нему нашъ тезисъ.

²⁾ Немного, то-есть число среднихъ терминовъ въ редуцируемомъ больше, чѣмъ въ томъ, къ которому мы его редуцируемъ.

³⁾ Доказывая положеніе, что справедливость изучима, выгодно свести его къ болѣе ясному положенію, что справедливость есть наука (а, слѣдовательно, какъ всякая наука, изучима).

⁴⁾ Доказывая положеніе, что кругъ можно обратить въ равновеликій квадратъ (всякая прямолинейная фигура обратима въ равновеликій квадратъ, кругъ—обратимъ въ равновеликую прямолинейную фигуру, слѣдовательно и т. д.) выгодно вставить, между терминами меньшей посылки, посредствующій членъ „луночка“, ибо всякое другое доказательство потребуетъ большаго числа среднихъ терминовъ. Подъ „луночками“ здѣсь разумѣются луночки Иппократа Хиоскаго, математика V вѣка, который показалъ, что фигура образуемая пересѣченіемъ двухъ дугъ, изъ которыхъ одна проведена изъ середины стороны квадрата, какъ центра, радіусомъ равнымъ половинѣ его стороны, а другая—изъ пересѣченія діагонали квадрата, какъ центра, радіусомъ равнымъ половинѣ его діагонали,— что эта фигура (похожая на четверть луны) равновелика четверти квадрата. Замѣтимъ однако, что отъ луночекъ до геометрическаго построенія квадратуры круга, которое имѣеть здѣсь въ виду Аристотель, еще очень далеко, ибо для этого надо было бы показать, какъ можно построить луночку равновеликую четверти круга, что средствами геометріи невозможно. Такимъ образомъ, и этотъ примѣръ у Аристотеля, какъ и большинство другихъ математическихъ примѣровъ, находящихся у него, основанъ на недоразумѣніи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О возраженіи.

Возраженіе есть посылка противная посылкѣ [отвергаемаго силлогизма] ¹⁾; отличается же оно отъ [этой послѣдней] посылки тѣмъ, что возраженіе можетъ быть и частнымъ ²⁾, посылка же вообще не можетъ быть частной, или [по крайней мѣрѣ] не въ общихъ силлогизмахъ. Возраженіе бываетъ двояко и употребляется по двумъ фигурамъ: двояко—потому, что оно всегда бываетъ или общимъ, или частнымъ,—по двумъ же фигурамъ потому, что возраженіе противоположно посылкѣ [отвергаемаго силлогизма], а противоположные выводы получимы только по первой и по третьей фигурѣ ³⁾. Когда выставляется [какъ посылка] всеобщее утвердительное положеніе, мы возражаемъ на него обще или частно отрицательнымъ сужденіемъ; первое доказывается по первой фигурѣ, второе—по третьей ⁴⁾. Напримѣръ, пусть *A*—быть [предметомъ изученія] одной и той же науки, *B*—противныя [другъ другъ вещи]; если защищается [положеніе], что противныя другъ другу суть предметы изученія одной и той же науки ⁵⁾, мы дѣлаемъ возраженіе, или, что вообще противоположныя вещи не суть предметъ изученія одной науки, а противныя другъ другу вещи противоположныя, такъ что является первая фигура; или дѣлаемъ возраженіе, что извѣстное и неизвѣстное не есть предметъ изученія одной науки, и такимъ образомъ получается третья фигура: о *C*, то-есть извѣстномъ и неизвѣстномъ, утверждается что они суть вещи другъ

¹⁾ Возраженіе, если придать ему доказательную форму, состоитъ въ томъ, что мы выставляемъ противъ извѣстной посылки нашего противника такую посылку, изъ которой можетъ быть доказано положеніе, разрушающее его, то-есть противника, посылку. Для пониманія слѣдующаго должно твердо помнить, что противоположными Аристотель называетъ здѣсь всякія противорѣчащія сужденія, то-есть, слѣдовательно, какъ *A* и *E*, такъ и *A* и *O*; противными же только *A* и *E*; такъ что противность есть одинъ изъ видовъ противоположности.

²⁾ Частное возраженіе уже разрушаетъ общее положеніе.

³⁾ Въ первой и третьей фигурѣ заключенія бываютъ и утвердительными, и отрицательными; слѣдовательно, какова бы ни была опровергаемая посылка, то-есть будетъ-ли она утвердительной или отрицательной, по этимъ фигурамъ можно доказать противорѣчащее ей отрицательное или утвердительное возраженіе. Во второй же фигурѣ, гдѣ всѣ заключенія отрицательны, это невозможно.

⁴⁾ Ибо третья фигура даетъ только частныя заключенія.

⁵⁾ Объ этомъ см. кн. I, гл. I.

другу противныя, и отрицается, что они составляютъ предметъ изученія одной и той же науки ¹⁾. Далѣе, если [отвергаемая] посылка отрицательная, опроверженіе ведется такимъ же образомъ; ибо если утверждается, что [всѣ] противныя другъ другу вещи не суть предметъ изученія одной науки, мы возражаемъ, или, что противоположныя вещи суть предметъ изученія одной науки ²⁾, или, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то здоровье и болѣзнь, суть предметъ изученія одной науки ³⁾; такимъ образомъ, [возраженіе] о всѣхъ [противныхъ другъ другу] вещахъ получается [опять] по первой фигурѣ, а о нѣкоторыхъ—по третьей. Вообще ⁴⁾, во всѣхъ случаяхъ, дѣлая общее возраженіе, мы должны высказать положеніе, противорѣчащее общей изъ выставленныхъ [противникомъ] посылокъ, и болѣе общей, чѣмъ эта послѣдняя]; напримѣръ, если [противникъ] утверждаетъ, что противныя [другъ другу вещи] не составляютъ предмета изученія одной науки, должно возразить, что противоположныя вещи изучаются одною и тою же наукой ⁵⁾; а такимъ образомъ необходимо является первая фигура, въ которой среднимъ терминомъ будетъ то, что болѣе обще, чѣмъ основное [то-есть опровергаемое] положеніе ⁶⁾. Въ частномъ же возраженіи мы говоримъ о томъ, относительно чего

¹⁾ Опровергаемая посылка: „противныя другъ другу вещи изучаются одною и тою же наукой“. Опроверженіе по *первой* фигурѣ.

Противоположаемыя другъ другу вещи не изучаются одною и тою же наукой; противныя другъ другу вещи противоположны; слѣдовательно, противныя другъ другу вещи не изучаются одною и тою же наукой.

Опроверженіе по *третьей* фигурѣ:

Извѣстное и неизвѣстное не изучаются одною и тою же наукой; извѣстное и неизвѣстное противны другъ другу;

слѣдовательно, *нѣкоторыя* изъ противныхъ другъ другу вещей не изучаются одною и тою же наукой.

²⁾ А противоположное противно другъ другу.

³⁾ А здоровье и болѣзнь суть противныя другъ другу вещи.

⁴⁾ Показавъ въ предыдущемъ на примѣрахъ, какъ развиваются возраженія общія (по первой фигурѣ) и частныя (по третьей), Аристотель теперь доказываетъ, что въ первыхъ средній терминъ долженъ быть болѣе общимъ, чѣмъ субъектъ опровергаемаго положенія, а во вторыхъ онъ долженъ быть болѣе частнымъ, чѣмъ этотъ послѣдній.

⁵⁾ Противоположность же заключаетъ подъ собою противность.

⁶⁾ Илм, лучше сказать, средній терминъ въ опроверженіи [противоположныя вещи] болѣе общъ, чѣмъ субъектъ опровергаемаго положенія [противныя другъ другу вещи].

субъектъ [опровергаемой] посылки является [болѣе] общимъ [понятіемъ], напримѣръ „извѣстное и неизвѣстное изучаются одной и тою же наукой“: [здѣсь] противныя другъ другу вещи есть общее [понятіе] для „извѣстнаго и неизвѣстнаго“; такимъ образомъ происходитъ третья фигура, въ которой среднимъ терминномъ взято частное понятіе, напримѣръ „извѣстное и неизвѣстное“. Тѣ фигуры, по которымъ можно доказывать противныя [другъ другу положенія], употребляются нами для доказательныхъ возраженій; поэтому возраженія дѣлаются только по указаннымъ двумъ фигурамъ, ибо только въ нихъ имѣютъ мѣсто противоположныя силлогизмы ¹⁾; по второй же фигурѣ нельзя получать утвердительныхъ заключеній. Притомъ возраженіе по второй фигурѣ требовало бы болѣе долгаго разсужденія. напримѣръ если бы отрицалось, что *A* присуще *B*, на основаніи того, что *C* не присуще *A*; это послѣднее потребовало бы доказательства черезъ новую посылку. Возраженіе же не должно отклоняться въ сторону, но иная [чѣмъ опровергаемая] посылка должна быть самоочевидной ²⁾. Поэтому-то признакъ [возраженія] и не подходитъ только къ этой [второй] фигурѣ.

Должно еще разсмотрѣть и другія возраженія, какъ-то возраженія отъ противнаго, отъ сходнаго, отъ правдоподобнаго ³⁾; слѣдуетъ

¹⁾ Въ частномъ возраженіи, говоритъ Аристотель, субъектъ возраженія есть болѣе частное понятіе, чѣмъ субъектъ опровергаемаго положенія. Напримѣръ, если опровергается положеніе, что противныя другъ другу вещи изучаются одной наукой, то мы возражаемъ, что извѣстныя и неизвѣстныя вещи изучаются не одною наукой, извѣстныя же и неизвѣстныя вещи противны другъ другу, слѣдовательно (по крайней мѣрѣ) не всѣ противныя другъ другу вещи изучаются одною наукой. Субъектъ возраженія (извѣстныя и неизвѣстныя вещи) есть частное понятіе сравнительно съ субъектомъ опровергаемаго положенія (противныя другъ другу вещи).

²⁾ То-есть, только въ 1 и 3 фигурахъ есть модусы съ противорѣчащими заключеніями.

³⁾ Возраженіе по второй фигурѣ не дѣлается, потому что она не заключаетъ модусовъ съ противорѣчащими заключеніями. Но если бы мы, говоритъ Аристотель, и воспользовались этой фигурою для доказательства только отрицательнаго возраженія (что возможно), то и тогда это было бы неудобно, ибо такое доказательство потребовало бы нѣкотораго дополнительнаго приѣма, именно обращенія большей посылки. Пусть именно опровергаемое положеніе будетъ: всѣ *B* суть *A* або *C* есть *A* и *B* есть *C*. Доказать по второй фигурѣ противорѣчащее ему возраженіе, именно, что ни одно *B* не *A*, возможно черезъ посылку *A* не *C* (и *B* есть *C*). Доказать же по первой фигурѣ это возраженіе можно черезъ посылку *C* не *A* (и *B* не *C*). Слѣдовательно опроверженіе по первой фигурѣ имѣетъ

также изслѣдовать, возможно ли частное возраженіе вести по первой фигурѣ, и отрицательное—по второй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Объ энтимемѣ.

Сужденіе вѣроятное и сужденіе на основаніи признака не одно и тоже. Сужденіе вѣроятное есть лишь посылка согласная съ ходячимъ мнѣніемъ: то, о чемъ люди думаютъ, что оно *обыкновенно* такимъ-то образомъ происходитъ (или не происходитъ) или *обыкновенно* такимъ-то образомъ существуетъ (или не существуетъ)—то и есть вѣроятное; такъ напримѣръ вѣроятно, что завистливые [люди] ненавидятъ [другихъ], или, что [люди] любимые любятъ [любящихъ]. Сужденіе же по признакамъ стремится стать посылкой доказательной, или необходимой, или [по крайней мѣрѣ] правдоподобной: то именно, при существованіи или происхожденіи чего [другая вещь] существуетъ, [все равно] раньше или позже первой, есть признакъ происхожденія или существованія [этой вещи] ¹⁾. Энтимема же есть умозаключеніе отъ вѣроятнаго или отъ признака ²⁾. Признакъ [въ энтимемѣ] имѣетъ тройное значеніе, также какъ средній терминъ въ фигурахъ [силлогизма]: именно или такое значеніе, какое [имѣетъ средній терминъ] въ первой фигурѣ, или такое, какъ во второй, или такое, какъ въ третьей. Такъ напримѣръ доказательство [по энтимемѣ]: [эта] женщина беременна, ибо имѣетъ молоко ³⁾—принадлежитъ къ первой фигурѣ; здѣсь *A*—быть беременной, *B* имѣть мо-

противопологаемъ утвержденію противника что *O* есть *A*, наше прямое отрицаніе: *O* не есть *A* или, иначе говоря, только не признаемъ его посылки. Въ опроверженіи же по второй посылкѣ мы не только не признаемъ его посылки (*C* есть *A*), но и противопологаемъ ей свою (*A* не *C*), которая, очевидно, требуетъ въ свою очередь доказательства.

¹⁾ Объ этомъ говорится въ *Риторикѣ* Аристотеля, кн. II, гл. 25.

²⁾ Итакъ, вѣроятное есть воляѣ не мотивированное мнѣніе, признакъ же придаетъ ему извѣстное обоснованіе.

³⁾ Аристотелевское опредѣленіе энтимемы отличается, слѣдовательно, отъ общепринятаго въ формальныхъ логикахъ, въ которыхъ энтимемой называются силлогизмы съ опущенной большей посылкой. Это опущеніе, какъ видно изъ слѣдующаго, Аристотель не считаетъ существеннымъ признакомъ (Ср. *W. Hamilton, Discoursions on philosophy etc.*, стр. 152 и слѣд.).

⁴⁾ Имѣть молоко—признакъ беременности. *B* есть *A*, *C* есть *B*, слѣдовательно, *C* есть *A*.

локо, *C*—женщина. Доказательство же [по энтимемѣ]: мудрецы добры, ибо Питтакъ добръ ¹⁾—къ третьей фигурѣ; здѣсь *A*—быть добрымъ. *B*—мудрецъ, *C*—Питтакъ, при чемъ привильно о *C* утверждать и *B*, и *A*, но первое (то-есть *C* есть *B*) мы не высказываемъ, ибо предполагаемъ извѣстнымъ, второе же утверждаемъ. [Наконецъ,] доказательство: [эта] женщина беременна, ибо желтовато-блѣдна, принадлежитъ ко второй фигурѣ; такъ какъ желтоватая блѣдность свойственна беременнымъ, а эта женщина желтовато-блѣдна, слѣдовательно она беременна; здѣсь *A*—быть желтовато-блѣднымъ, *B*—быть беременной, *C*—эта женщина ²⁾. Если взята [только] одна посылка, является лишь признакъ; если же присоединена и другая посылка, то силлогизмъ [отъ признака], напримѣръ силлогизмъ, что Питтакъ щедръ, ибо всѣ великодушные щедры, а Питтакъ великодушень,—или силлогизмъ, что мудрецы добры, ибо Питтакъ добръ и вмѣстѣ съ тѣмъ мудръ. Такимъ образомъ получаютъ силлогизмы отъ [признака], но съ тѣмъ [между собою] различіемъ, что силлогизмъ [отъ признака] по первой фигурѣ неопровержимъ, если онъ истиненъ (ибо онъ всеобщъ), а силлогизмъ [отъ признака] по третьей фигурѣ можетъ быть опровергаемъ, хотя бы заключеніе и было истинной, ибо этотъ силлогизмъ и не всеобщъ, и не даетъ искомага, ибо если Питтакъ и добръ, изъ этого не слѣдуетъ необходимо, что таковы же и прочіе мудрецы; [наконецъ,] силлогизмъ [отъ признака] по второй фигурѣ всегда и во всѣхъ случаяхъ опровержимъ, ибо при такомъ отношеніи терминовъ никогда не получается вывода ³⁾: если беременныя желтовато-блѣдны, и если эта женщина желтовато-блѣдна, не необходимо чтобы она была беременной. Итакъ во всѣхъ заключеніяхъ отъ признака можетъ быть нѣчто истинное, но они различаются сказаннымъ образомъ.

Должно, слѣдовательно, или различать, согласно сказанному, между [различными] признаками и называть знаменіемъ тотъ признакъ, который бываетъ [истиннымъ] среднимъ терминомъ ⁴⁾, ибо знаменіемъ называется то, что даетъ [постоящее] знаніе, а таковъ средній терминъ [первой фигуры],—или можно называть признаками средніе термины [исключительно] во второй и третьей фигурахъ, а знаме-

¹⁾ Питтакъ есть тотъ признакъ, по которому мы судимъ о добротѣ мудрецовъ.

²⁾ *B* есть *A*; *C* есть *A*, слѣдовательно *C* есть *B*.

³⁾ Вторая фигура съ обѣими утвердительными послылками не даетъ заключенія.

⁴⁾ Только въ первой фигурѣ средній терминъ дѣйствительно занимаетъ среднее мѣсто: *B* присуще *A*, *A* присуще *C*.

нiемъ. [но не признакомъ] среднiй терминъ въ первой, ибо то, что получается по первой фигурѣ имѣеть наиболѣе вѣса и наиболѣе истинно ¹⁾.

Заниматься физиогномикой (то-есть узнавать душевныя качества [по внѣшнимъ признакамъ] возможно ²⁾, если признать, что природныя аффекты измѣняютъ тѣло вмѣстѣ съ душою; (изучавшiй, напримѣръ, музыку хотя измѣнилъ въ извѣстномъ отношенiи душу, но это состоянiе въ насъ не отъ природы; состоянiе же въ родѣ гнѣва и и пожеланiй принадлежать къ волненiямъ природнымъ); если признать это, а также и то, что каждое состоянiе имѣеть свой [особый] внѣшнiй признакъ, и далѣе, если мы въ состоянiи указать отличительный аффектъ для каждаго рода [животныхъ] и соотвѣтственный ему внѣшнiй признакъ, то физиогномика возможна. Ибо если для какого-нибудь нераздѣльнаго [на виды] рода отличителенъ извѣстный аффектъ, напримѣръ для львовъ храбрость, то долженъ существовать и [соотвѣтственный] внѣшнiй признакъ (такъ какъ [мы согласились, что] тѣло и душа испытываютъ вмѣстѣ извѣстныя состоянiя); пусть этотъ внѣшнiй признакъ будетъ длиннаго конечности: этотъ признакъ можетъ быть свойственъ и [животнымъ] другихъ родовъ, однако не цѣлымъ другимъ родамъ; въ томъ именно смыслѣ: этотъ внѣшнiй признакъ и отличителенъ [для львовъ], что—употребляя обычное наше возраженiе—аффектъ [ему соотвѣтствующiй] отличителенъ для всего рода [львовъ], а не только для отдѣльныхъ [львовъ]; по этотъ же аффектъ будетъ присущъ и [отдѣльнымъ] существамъ другихъ родовъ, такъ напримѣръ будетъ храбръ человекъ и какое-нибудь другое животное; слѣдовательно, этимъ существамъ будетъ присущъ и внѣшнiй признакъ [храбрости], ибо у каждаго природнаго состоянiя есть, какъ сказано, свой внѣшнiй признакъ. Если же это такъ, и если мы по тѣмъ животнымъ, которымъ свойственъ *одинъ* только отличительный аффектъ, будемъ въ состоянiи собрать такiе внѣшнiе признаки (а каждый аффектъ имѣеть свой внѣшнiй признакъ, ибо хотя *одинъ* таковой онъ долженъ имѣть), то физиогномика для насъ доступна. Если же цѣлый родъ имѣеть *два* отличительныхъ аффекта, какъ напримѣръ львы и храбры, и великодушны,

¹⁾ Греческiе гермины *σημαίον* (признакъ) и *σημαίνον* (знаменiе) рѣзче отличаютъ разницу между случайнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ нашъ переводъ.

²⁾ На примѣрѣ физиогномики Аристотель выясняетъ значенiе заключенiй по признакамъ.

то какъ узнать, который изъ отличительнымъ образомъ присущихъ имъ внѣшнихъ признаковъ есть знакъ какого аффекта? Мы узнаемъ это, если оба эти аффекта присущи еще какому-нибудь другому роду [животныхъ], но не въ цѣломъ его объемѣ, и если среди тѣхъ изъ нихъ, которымъ не всѣмъ присущи оба признака, нѣкоторые имѣютъ одинъ изъ нихъ, другаго же не имѣютъ; ибо если они, на примѣръ, храбры, но не великодушны и имѣютъ *такой-то* изъ двухъ внѣшнихъ признаковъ, то ясно, что и для львовъ этотъ же внѣшній признакъ есть знакъ храбрости.

Физиогномическія заключенія возможны по первой фигурѣ, когда средній терминъ обратимъ съ большимъ, но превосходить [по объему] меньшій; на примѣръ, если *A*—храбрость, *B*—длинныя конечности и *C*—левъ; всему тому, что есть *C*, присуще *B*, но послѣднее присуще и иному [кромя *C*]; и всему тому, чему свойственно *B*, присуще *A*, и не присуще ничему иному, такъ что это сужденіе обратимо: если же это иначе, данному [внѣшнему признаку] не будетъ [исключительно] соответствовать какого-нибудь одного аффекта ¹⁾.

Нинн. Ламге.

¹⁾ Для того, чтобы физиогномическое заключеніе было возможно, необходимы два условія: во первыхъ извѣстный внѣшній признакъ долженъ всегда сопутствовать извѣстному психическому свойству (*B* и *A* должны имѣть одинаковый объемъ), и во вторыхъ, должны быть еще иныя, кромя *C*, существа, которымъ свойственъ внѣшній признакъ *B*, ибо иначе не будетъ объекта для физиогномическаго заключенія.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(Miscellanea).

С. III 4.346. „Мать съ дочерью, да мать съ дочерью, да бабка съ внучкой, а всего—трое“. Въ такомъ же родѣ, только гораздо сложнѣе, генеалогическая загадка въ этой надписи:

heu, simul hic nata et genetrix functaeque sitaeque,
ac tris pro multis orbant: matremque virumque,
et soceros et avos, patresque duos patruumque:
germanis quoniam materque et filia nuptae,
verum filia cum parva praerepta puella,
functa die, quo nupta, sed annis nupta duobus.

Вполнѣ вѣрно поняли Моммзенъ, что „вмѣсто большаго числа“ (pro multis; ихъ выходитъ цѣлыхъ 9) осиротѣлыхъ надпись велитъ угадать всего троихъ; но только опъ заставляеть (vide ad titul.) сначала мать выйти за одного брата, произвести на свѣтъ дочь, выдать ее за брата своего мужа, т. е. за ея дядю (въ родѣ Агриппины и Клавдія), дождаться внучки (parva puella)—и только потомъ лишиться обѣихъ. Комбинація, конечно, возможная, но тогда составитель загадки имѣлъ бы полную возможность сказать въ ст. 3 patruosque, потому что дядей было бы двое; значить, дѣло было проще и, вѣроятно, такъ, что мать со взрослой (nubilis) дочерью вышли одновременно (текстъ надписи ничего не говоритъ противъ этого) за двухъ братьевъ А и В, а черезъ два года умерла дочь со внучкой. Такимъ образомъ:

mater — А

В — filia

|
parva puella

mater, vir—суть *mater* и *V* относительно *filia*; *patrius* — *A* относительно *puella*; одинъ *pater*, конечно, *V* относительно *puella*, другой— *A* относительно *filia*, какъ мужъ ея матери; вслѣдствіе этого чета *mater*+*A* будетъ *avi* относительно *puella*, а относительно четы *V*+*filia*—первая чета будетъ *soseri*, такъ какъ вторая чета—ихъ „дѣти“ по свойству: дочь и ея мужъ, „зять“.

С. III 10.501. Вліяніе слога съ удареніемъ на непосредственно предшествующій или слѣдующій слогъ сказывается въ латинскомъ языкѣ между прочимъ въ томъ, что оба эти слога могутъ выпадать, особенно если они начинаются звукомъ *t*, и тѣмъ же звукомъ начинается слогъ, несущій удареніе (довольно богатую литературу вопроса см. напримѣръ у *Stolz'a*, *Lat. Sprachwissensch.* въ *Мюллеровомъ Handbuch*, II 1 p. 314 sq. изданіе 2-е), напримѣръ *calamitātōsus*=*calamitōsus*; или *quōtī-tus*=*quōtus* и т. п. Этой своего рода диссимиляціей вызванъ къ жизни довольно употребительный вариантъ имени *Restitutus*—*RESTVTVS* съ его производными: *Restutius*, *Restutianus*, напримѣръ С. III 3.309 4.963 *sett.*; (объ этомъ вариантѣ см. замѣтку *F. Skutsch'a* въ *Archiv für lat. Lexicogr.* 1893, VIII, p. 368, 589; ср. *Schuchardt, Vokalismus.* II 436).

Наша надпись даетъ другой, тоже любопытный примѣръ того же явленія. Лѣта усопшей *Сабинны* вычисляются въ ней слѣдующимъ образомъ:

ter denos duxerat annos
heu! male quinque minus, set plus tres meses habebat,
bis septemque dies vixit hec ipsa superstes.
(скрѣпа Домашевскаго „*Descriptsi*“).

Ея издатель, Домашевскій интерпунгируетъ:

bis septemque dies: vixit h(a)ec ipsa superstes,

совершенно разрушая ясный и простой смыслъ предложенія. *Superstes* здѣсь, очевидно, *acc. plur.*=*superstites* и относится къ *bis septem dies*, то-есть играетъ ту же роль, что *plus* при *tres meses* и *minus* при *quinque (annis)*: она жила сверхъ 3-хъ мѣсяцевъ еще „лишнихъ“ *bis septem dies*. — Что такая диссимиляція была принадлежностью живаго проноса, видно изъ такого пентаметра, С. III 3.572:

quae post sex partus || uni superstite obit,

гдѣ произносилось, конечно, *superste* ¹⁾). Обѣ надписи отмѣчены ясными слѣдами народной латыни.

С. III 2.083. Въ этомъ прекрасномъ надгробіи, по палеографіи („*litteris bonis*“) и по языку относящемуся къ хорошей порѣ (вѣроятно, къ II вѣку по Р. X.), еще не дополненъ первый стихъ:

Papiria Rhome v(iva) f(ecit) sibi et | Papiriae Cladillae ann(or)um
XIX | et P. Papirio Proculo ann(or)um XI // [fi]l[is] /

condidit hic miser[is] mater duo funera pa ///

ossaque non iustis intulit exequits:

tegula nam Romae Proculum prolapsa peremit,

pressit Sipunti pressa Cladilla rogum.

5. vota, parens, nocuere tibi, qui (=cui) numina saeva,
ut plura eriperent, plura dedere bona!

Въ первомъ стихѣ Штейнбюхель и Моммзенъ дополняютъ (последній колебательно: „*crediderim recte ita suppletam esse*“) *pa*[tris], при чемъ Моммзену представляется возможность и дополненія *pa*[rva]; но о горѣ отца въ надписи не говорится ни слова: *parens* (ст. 5) никто, конечно, къ отцу не отнесетъ; а *funera parva* о 19-лѣтней дочери и болѣе чѣмъ 11-лѣтнемъ (послѣ XI въ прескриптѣ надписи не хватаетъ 2-хъ знаковъ) сынѣ—сказать не удобно; всего вѣроятнѣе, здѣсь содержится довольно шаблонная жалоба, сѣтованіе матери именно на свое материнство, какъ причину горя, сравни на примѣръ С. III 3.196:

h(a)ec docuit matres miser[is] non tollere natos;

эта *haec* — такая же несчастная мать, потерявшая дѣтей; или С. III 3.063:

miseros] parentes, qui in spem tollunt filias,

tum spes] decerit, cum viderunt mortuas! и др.

Слѣдовательно, въ концѣ перваго стиха (пропало по Моммзену „*con-*
tuli“—4 буквы) стояло *pa*[rtus]: *duo funera miser[is] partus* == дважды схороненное несчастное материнство.

С. V 4.108. Ареалы римскихъ *monumenta* были, особенно въ Италіи, вообще не велики; помятки *in fronte* (то-есть параллельно

¹⁾ Для *Restitutus* Skutsch нашелъ прекрасный примѣръ въ Помпейскихъ *grafiti* (Notiz. d. Sc. 1891 p. 262): *Restitutus multas decerit sepe puellas, g[ra]f[itu]s метръ требуетъ скандовки Restutus.*

via) и *in agro* (*in agrum*, то-есть перпендикулярно *via*) больших цифръ не представляют, ср. Em. Hübneg, Röm. Epigraph. въ Hahnbusch'ѣ Ив. Мюллера, р. 687. Если Гораций даетъ (Sat. I, 8, 12) ареалъ „mille pedes in fronte, trecentos in agrum“, то здѣсь дѣло идетъ о цѣломъ кладбищѣ, (*sepulcretum*), а не объ отдѣльномъ *sepulcrum*, ср. Орелли (edit 4-ta maior, Berl. 1889) ad loc. Орелли совершенно вѣрно опредѣляетъ ареалъ этого *sepulcretum* въ 300.000 кв. ф.—Поэтому ареалъ въ 810.000 кв. ф. для частнаго *sepulcrum* въ Кремонѣ, куда относится наша надпись, былъ бы своего рода *unicum*. Но въ комментарий Моммзена къ этой надписи вкралось маленькое недоразумѣнiе. Ареалъ опредѣленъ текстомъ надписи такъ: *loc(us) patet agrei sescunciam quadratus*, то-есть $1\frac{1}{2}$ кв. унцiа югера, или $28.800 \times \frac{3}{24} = 3.600$ кв. ф., какъ вѣрно опредѣлилъ Бианки (ad tit.), съ которымъ согласенъ и Моммзенъ. Но имѣя квадратъ въ 3.600 кв. ф., почтенный ученый опредѣляетъ его сторону не совсемъ точно: „*sescunciam iugeri id est pedes quadratos 3.600, ut locus sepulcri fuerit pedum quaquaaversum DCCCC*“; но площадь квадрата равна не суммѣ сторонъ, а квадрату стороны, слѣдовательно сторона=корню квадратному изъ площади, а слѣдовательно въ данномъ случаѣ сторона ареала равна не $3.600 : 4$, то-есть, 900 ф., а $\sqrt{3.600}$ то-есть 60 ф. Еслибы сторона равнялась 900 ф., то площадь была бы= 810.000 кв. ф., то-есть около 28 югеровъ!

И. Холоднiнъ.

ПУСТОЗВОНЪ

(Miles Gloriosus)

комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ

съ прологомъ

ТИТА МАКЦІЯ ПЛАВТА

поставлена на сцену въ Римѣ около 200 г. до Р. Хр.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пустозвонъ (Pygopolintces), воевода на службѣ у Селевка I, царя Сирійскаго.

Филокома, его подруга, молодая аенциянка.

Хлѣбоѣдъ (Artotrogus), его паразитъ.

Палэстріонъ

Скеледръ

Лукріонъ

} рабы воеводы.

Плевзиклъ, молодой аенянинъ, другъ Филокомы.

Хитроумъ (Pegipiescomenus), старикъ, гражданинъ Эфесскій.

Каріонъ, его поваръ.

Акротелія, эфесская гетера.

Мильфидинна, ея служанка.

Солдаты и рабы.

Дѣйствіе происходитъ въ Эфесѣ, въ III вѣкѣ до Р. Хр. Сцена представляетъ улицу передъ домами Пустозвона и Хитроума; у входа въ послѣдній стоитъ жертвенникъ Діаны Эфесской.

АКРОСТИХЪ.

Поѣхалъ нашъ герой въ Аены на побывку,
 Увидѣлъ тамъ красотку, и, плѣнившись ею,
 Съ собой увезъ въ Эфесъ, а у нея дружockъ
 Томиться горестью на родинѣ остался.
 Однажды вѣрный рабъ его, Палестрионъ,
 Захваченный пиратами, былъ проданъ ими
 Въ домъ Пустозвона, гдѣ живетъ и та красотка.
 Отсюда вызволить подружку господина
 Надѣется тотъ рабъ уловкой хитроумной.

ПРОЛОГЪ

(первый актъ въ вульгатѣ комедіи).

Пустозвонъ. Хлѣбоводъ и солдаты

(Изъ нихъ нѣкоторые заняты чисткой щита воеводи).

Пустозвонъ (къ солдатамъ).

Смотрите же! Мой щитъ горѣлъ чтобъ ярче солнца,
 Когда оно блеснетъ на тверди голубой:
 Пускай при случаѣ онъ въ свалкѣ рукопашной
 Своимъ отсвѣтомъ тьму въ глаза врагамъ нагонитъ.
 Натѣшится мой мечъ! Задамъ ему работу!
 Не станеть ни грустить, ни унывать онъ болѣ,
 Что празднымъ я его ношу уже давно,
 Хоть жаждетъ онъ въ строю враговъ кровавой жатвы!
 А гдѣ-жъ мой Хлѣбоводъ?

Хлѣвоводъ.

Онъ здѣсь, онъ близъ героя,
 Что славенъ удалю и царственной красой.
 Самъ Марсъ передъ тобой—мальчишка и щенокъ,
 И не дерзнетъ тебѣ равняться онъ отвагой!

Пустозвонъ (съ важнымъ видомъ).

Какой тамъ Марсъ? Не тотъ ли, что спасенъ былъ мной
Отъ смерти въ грозной сѣчѣ на поляхъ Тьфуславскихъ?
Тамъ былъ вождемъ Трахтарарахъ, сынъ Цапцарапа,
Нептуна внукъ? ¹⁾.

Хлѣбовдъ.

Онъ самый,—въ золотыхъ доспѣхахъ;
Ты дунулъ—и его полки вмгъ разлетѣлись,
Что листья на вѣтру, или солома съ крыши.

Пустозвонъ.

Тѣ для меня—пустякъ!

Хлѣбовдъ.

Клянусь Иракломъ, такъ!
Есть выше подвиги! (Въ сторону) — положимъ не твои! (Къ зрителямъ)
Тому изъ васъ, кто сыщеть пущаго врага,
Чѣмъ этотъ господинъ, нль хвастуна такого-жъ,—
Себя отдамъ и самъ пойду къ нему въ неволю!
Однѣ,—что за столомъ здѣсь—просто объяденье!

Пустозвонъ.

Эй, гдѣ ты?

Хлѣбовдъ.

Здѣсь.—Да вотъ къ примѣру: кулакомъ
Ты въ Инди слону отшибъ однажды руку.

Пустозвонъ.

Какъ, руку?!

Хлѣбовдъ.

Тѣ-бишь: ногу, я хотѣлъ сказать!

¹⁾ Въ подлинникѣ драстическія имена: Circulionis, Bumbomachides, Clyto-
mestoridyarchides.

Пустозвонъ.

Пустозвонъ.

Лишь невзначай его задѣлъ я!

Хлѣвондъ.

Ну, еще бы?

Коли-бъ чуть-чуть сильнѣй ты приналегъ,—божуся,
И отъ всего слона лишь стало бы мокро.....

Пустозвонъ.

О томъ я умолчу.

Хлѣвондъ.

И впрямь: къ чему тебѣ
Разказывать трудиться? Вѣдомо мнѣ все! (Въ сторону)
Поди-жь ты! Брюхо тутъ виной, а уши слушать
Должны, не то придется зубы класть на полку.
И вотъ изволь къ его вранью ты примѣняться!

Пустозвонъ.

Что-бышь хотѣлъ сказать я?

Хлѣвондъ.

Что?—Да я ужъ знаю:

Былое дѣло! Самъ видалъ я!

Пустозвонъ.

Что?

Хлѣвондъ.

Да все!

Пустозвонъ.

А ну-ка, вспомни!

Хлѣвондъ.

Вотъ и вспомнилъ: Кликийцевъ
Душъ полтора, Скиновъ—цѣлую ты сотню,

Сардійцевъ—тридцать, Македонцевъ—шестьдесять
Въ единый день рукой своею уложили!

Пустозвонъ.

Ну, сколько-жь тутъ всего побито?

Хлѣвондъ.

Милліонъ!

Пустозвонъ.

Счетъ вѣренъ! Столько ихъ и вправду быть должно.

Хлѣвондъ.

А я вѣдь не писалъ: на память сосчиталъ.

Пустозвонъ.

Н-да, память крѣпкая!

Хлѣвондъ.

Вѣдь голодь-то не тетка!

Пустозвонъ.

Держись и впредь того-жь: не будешь голодать,
Всегда кусокъ получишь съ моего стола.

Хлѣвондъ.

А помнишь: въ Каппадокии—пятьсотъ ты разомъ,—
Не притупися мечъ—на мѣстѣ бы пришибъ?

Пустозвонъ.

То пѣхтура была: не стоило мараться!

Хлѣвондъ.

Что-жь мнѣ еще сказать? Всѣмъ людямъ то извѣстно:
Единый на землѣ герой—ты, Пустозвонъ,
Въ отвагѣ, въ красотѣ, въ дѣлахъ—непобѣдимый!

Весь женскій полъ съ ума ты свель: и вѣдь не даромъ!
 Чтò за краса! Да вотъ: вчера меня за плащъ
 Поймали бабы двѣ....

Пустозвонъ.

И что-жъ тебѣ сказали?

Хлѣбовдъ.

Спросили у меня: „вѣдь это—самъ Ахиллъ?“
 „Нѣтъ, братъ его родной“,—отвѣтилъ я; другая
 Вскричала тутъ: „мой богъ, какой красавецъ!
 Какъ величавъ! Смотри, какая куафюра!
 Счастливицы всѣ тѣ, кого онъ приласкаетъ!“

Пустозвонъ (съ довольной усмѣшкой).

Ужъ будто такъ?

Хлѣбовдъ.

Помилуй! Обѣ умоляли,
 Чтòбъ мимо нихъ тебя помедленнѣй провестъ.

Пустозвонъ.

Уж-жасно хлопотно красавцемъ быть!

Хлѣбовдъ.

Насилу

Отъ нихъ урвался я: съ ножомъ пристаи къ горлу:
 „Да познакомъ!“—„Да въ домъ его къ намъ зазови!“
 Вѣдь этакъ на тебя мнѣ времени не хватитъ!

Пустозвонъ.

Съ тобой таблички?

Хлѣбовдъ.

Здѣсь! Ихъ нужно? Вотъ я стѣль.

Пустозвонъ.

Недурно ты ко мнѣ, я вижу, примѣнился!

Хлѣвощъ.

А какъ же? Изучить тебя—мой первый долгъ;
Стараться вмигъ смекнуть, чего ты ни захочешь.

Пустозвонъ.

А вотъ и время намъ съ тобой идти на форумъ:
Вотъ списокъ рекрутовъ, что здѣсь вчера я набралъ;
Сегодня-жъ всѣмъ придется плату отсчитать.
Вѣдь царь Селевкъ ¹⁾ меня покорнѣйше просилъ
Навербовать ему наемничью дружину:
Вотъ и рѣшилъ сегодня этимъ я заняться!

Хлѣвощъ.

Такъ что-жъ? Коли идти—идемъ!

Пустозвонъ.

За мною, люди! (Уходятъ).

Конецъ пролога.

И. X—къ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Вѣроятно, Селевкъ I, 312—281 до Р. Хр.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ о новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ, напечатанной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1894 г. (февральская книжка), была издана мною надпись на надгробномъ памятникѣ. Къ сожалѣнію эстампажъ надписи былъ мною утерянъ, благодаря чему въ надписи вкрались нѣкоторыя неточности. Получивши изъ Италіи болѣе точный списокъ надписи и сверивши его съ надписью, изданной въ августовской книжкѣ N. d. Sc. за 1893 г. (книжка получена въ Петербургѣ только въ маѣ 1894 г.), считаю себя обязаннымъ восстановить правильный текстъ надписи:

M. PETACIVSMLD(asius)

M. PETACIO M. F. ME(n)////

M. PETACIO M. MENSEVE(vo. fil.)

PETACIAE. ML. VITALI(e)X T(estamento) ¹⁾.

На другой сторонѣ (оборотной) та же надпись за исключеніемъ второй строки; очевидно, когда прибавился новый покойникъ, плита была перевернута и прибавлено имя Петація.

М. Ростовцевъ.

---

¹⁾ Дополненія Sogliano.

- живъ въ 1884 г.—1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 35—45.
2301. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ въ 1885 г.—1886, ч. 247, сентябрь, отд. IV, стр. 8—16.
2302. Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ 1886—1887 учебномъ году.—1887, ч. 253, октябрь, отд. IV, стр. 51—54.
2303. Русская филологическая семинарія при Лейпцигскомъ университетѣ съ 1873 по 1877 годъ. — 1877, ч. 191, июнь, отд. IV, стр. 95—113.
2304. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.—1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 95—98.
2305. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ 1876 г.—1878, ч. 195, февраль, отд. IV, стр. 143—146.
2306. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ въ 1877 г.—1879, ч. 201, январь, отд. IV, стр. 71—76.
2307. Предположенія о преобразованіи Ярославскаго Демидовскаго лицея. — 1867, ч. 135, июль, отд. III, стр. 1—18.
2308. М. Капустинъ. Лѣтопись Демидовскаго юридическаго лицея съ 15-го августа 1871 по 15-е августа 1872 года.—1872, ч. 163, сентябрь, отд. IV, стр. 49—73.
2309. Демидовскій юридическій лицей въ Ярославѣ въ 1872 г.—1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 1—4.
2310. Демидовскій юридическій лицей въ Ярославѣ. — 1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 90—91.
2311. Демидовскій юридическій лицей (за истекшее десятилѣтіе).— 1880, ч. 212, ноябрь, отд. IV, стр. 27—31.
2312. Демидовскій юридическій лицей въ Ярославѣ въ 1877 г.— 1879, ч. 201, январь, отд. IV, стр. 68—71.
2313. Демидовскій юридическій лицей въ 1881 г. — 1882, ч. 224, декабрь, отд. IV, стр. 89—94.
2314. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1881 году.—1882, ч. 222, июль, отд. IV, стр. 17—25.
2315. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1883 году. — 1884, ч. 235, сентябрь, отд. IV, стр. 10—22.
2316. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1884 году.—1885, ч. 241, сентябрь, отд. IV, стр. 1—12.
2317. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1885 году. — 1886, ч. 247, октябрь, отд. IV, стр. 48—58.
2318. Открытіе института лѣсного хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.—1869, ч. 146, ноябрь, отд. IV, стр. 1—8.
2319. Краткій отчетъ (директора И. А. Тютчева) о дѣятельности института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи за 1870 г.—1870, ч. 152, декабрь, отд. IV, стр. 103—114.
2320. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. — 1871, ч. 158, декабрь, отд. IV, стр. 155—158 (Извѣстія и замѣтки).
2321. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1872 г. — 1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 6—10.
2322. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1873 г. — 1875, ч. 177, февраль, отд. IV, стр. 58—62.
2323. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1874 г. — 1876, ч. 183, февраль, отд. IV, стр. 100—102.
2324. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи

- дрия въ 1876 году.—1878, ч. 195, февраль, отд. IV, стр. 135—143.
- 2324.** Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1877 г. — 1879, ч. 201, январь, отд. IV, стр. 51—68.
- 2425.** Состояніе и дѣятельность института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1878 г.—1880, ч. 207, февраль, отд. IV, стр. 82—97.
- 2326.** О состояніи и дѣятельности института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1879 г. — 1880, ч. 212, ноябрь, отд. IV, стр. 32—47.
- 2327.** Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1880 г. — 1881, ч. 218, ноябрь, отд. IV, стр. 33—52.
- 2328.** Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1881 г. — 1883, ч. 225, февраль, отд. IV, стр. 101—113.
- 2329.** Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1883 г. — 1884, ч. 235, октябрь, отд. IV, стр. 32—42.
- 2330.** Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1884 г. — 1885, ч. 241, октябрь, отд. IV, стр. 52—63.
- 2331.** Программа конкурса для занятія при Императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи должности прозектора зоологіи и сравнительной анатоміи. — 1867, ч. 134, апрѣль, отд. III, стр. 178.
- 2332.** О преобразованіи ветеринарныхъ училищъ Харьковскаго, Дерптскаго и Варшавскаго въ ветеринарные институты. — 1873, ч. 166, мартъ, отд. IV, стр. 1—22.
- 2333.** Ветеринарные институты въ Казани и Дерптѣ въ 1874 г.—1876, ч. 183, февраль, отд. IV, стр. 94—99.
- 2334.** Ветеринарные институты Харьковскій, Дерптскій и Казанскій въ 1875 г.—1877, ч. 189, январь, отд. IV, стр. 34—42.
- 2335.** Ветеринарные институты (Харьковскій, Дерптскій, Казанскій). — 1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 120—131.
- 2336.** Ветеринарные институты (Харьковскій, Казанскій, Дерптскій). — 1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, стр. 39—52.
- 2337.** Казанскій и Харьковскій ветеринарные институты въ 1880 г. — 1881, ч. 218, декабрь, отд. IV, стр. 75—82.
- 2338.** Дерптское ветеринарное училище въ 1872 г.—1874, ч. 171, февраль, отд. IV, стр. 110—112.
- 2339.** Дерптскій ветеринарный институтъ въ 1873 г. — 1875, ч. 177, февраль, отд. IV, стр. 64—66.
- 2340.** Дерптскій ветеринарный институтъ въ 1878 г. — 1880, ч. 207, январь, отд. IV, стр. 29—32.
- 2341.** Дерптскій ветеринарный институтъ въ 1879 г. — 1880, ч. 211, октябрь, отд. IV, стр. 102—105.
- 2342.** Дерптскій ветеринарный институтъ въ 1881 г. — 1882, ч. 224, декабрь, отд. IV, стр. 94—97.
- 2343.** Дерптскій ветеринарный институтъ въ 1888 г. — 1889, ч. 266, декабрь, отд. IV, стр. 57—59.
- 2344.** Казанскій ветеринарный институтъ съ состоящею при немъ фельдшерскою школою въ 1878 г.—1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 54—59.
- 2345.** Казанскій ветеринарный институтъ въ 1879 г. — 1880, ч. 211, октябрь, отд. IV, стр. 96—102.
- 2346.** Казанскій ветеринарный институтъ въ 1881 г. — 1882, ч. 223, сентябрь, отд. IV, стр. 30—36.
- 2347.** Харьковское ветеринарное училище въ 1872 г.—1874, ч. 171, февраль, отд. IV, стр. 108—110.

2348. Харьковскій ветеринарный институтъ въ 1873 г. — 1875, ч. 177, февраль, отд. IV, стр. 61—64.
2349. О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго ветеринарнаго института въ 1874 г. — 1876, ч. 183, январь, отд. IV, стр. 29—33.
2350. Первое засѣданіе совѣта Цесаревича Николая. — 1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 22—27.
2351. Годичный актъ въ лицей Цесаревича Николая. — 1870, ч. 148, апрѣль, отд. IV, стр. 152—166 (изъ № 80 Московскихъ Вѣдомостей).
2352. Z. Лицей Цесаревича Николая (по поводу „Календаря лицея Цесаревича Николая на 1869—1870 учебный годъ“. М. 1869).—1870, ч. 152, декабрь, отд. III, стр. 181—205.
2353. Z. Лицей Цесаревича Николая (по поводу „Календаря его на 1870—1871 учебный годъ“). — 1871, ч. 158, ноябрь, отд. III, стр. 1—59.
2354. Различные учебные курсы для женщинъ.—1873, ч. 168, іюль, отд. IV, стр. 22—37.
2355. О дѣятельности высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани за 1877—1878 учебный годъ. — 1878, ч. 198, августъ, отд. IV, стр. 102—107.
2356. Публичные высшіе женскіе курсы въ Москвѣ.—1873, ч. 165, февраль, отд. IV, стр. 112—122.
2357. Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1889 — 1890 учебный годъ. (В. П. Кужина).—1890, ч. 272, декабрь, отд. IV, стр. 71—81.

В. Среднія учебныя заведенія.

2358. Свѣдѣнія о числѣ учившихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857—1866 г.—1868, ч. 139, августъ, отд. III, стр. 123—294; ч. 140, октябрь, отд. III, стр. 1—81.
2359. Дополнительные свѣдѣнія о числѣ учившихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857—1866 г.—1869, ч. 143, май, отд. IV, стр. 48—59.
2360. Вѣдомость о числѣ вновь поступившихъ учениковъ въ мужскія гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія къ началу 1872—73 учебнаго года.—1872, ч. 164, декабрь, отд. IV, стр. 186—190.
2361. Вѣдомость объ учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ 1872—73 учебномъ году —1873, ч. 166, апрѣль, отд. IV, стр. 149—163.
2362. Объ ученикахъ, перешедшихъ въ реальное училище изъ гимназій и прогимназій въ началѣ 1873—74 учебнаго года. — 1874, ч. 172, апрѣль, отд. IV, стр. 67—82.
2363. Статистическія свѣдѣнія о числѣ гимназій и прогимназій въ 1873—74 учебномъ году.—1874, ч. 175, сентябрь, отд. IV, таблицы послѣ 71 страницы.
2364. О числѣ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и о числѣ поступившихъ въ университеты въ 1875 г., сравнительно съ 1874 г.—1876, ч. 183, февраль, отд. IV, стр. 88—93.
2365. Статистическія свѣдѣнія о числѣ и приѣмѣ учениковъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія въ 1874—75 году.—1876, ч. 184, мартъ, отд. IV. (въ таблицахъ).
2366. Изъ статистики учебныхъ заведеній. Число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи и ихъ расиребленіе по классамъ. Соотвѣствующіи числа въ русскихъ гимназіяхъ и другихъ

- учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876, 1877 и 1878 годы. — 1880, ч. 209, май, отд. IV, стр. 1—71.
2367. О числѣ учащихся въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія по вѣронсповѣданіямъ. — 1883, ч. 230, ноябрь, отд. IV, стр. 11—22.
2368. О повѣрочныхъ испытаніяхъ въ университетахъ. — 1868, ч. 138, июнь, отд. III, стр. 278—287.
2369. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній при приѣмѣ въ высшія учебныя заведенія въ 1869 г. — 1869, ч. 146, ноябрь, отд. IV, стр. 78—87.
2370. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній при приѣмѣ въ высшія учебныя заведенія въ 1869 году. Въ университетѣ св. Владиміра. — 1870, ч. 147, январь, отд. IV, стр. 93—94.
2371. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній при приѣмѣ въ учебныя заведенія въ 1869 году. Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. — 1870, ч. 149, май, отд. IV, стр. 1—4.
2372. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ С.-Петербургскомъ университетѣ. — 1870, ч. 152, декабрь, отд. IV, стр. 115—121.
2373. Результаты повѣрочныхъ испытаній изъ гимназическихъ курсовъ математики и физики, при приѣмѣ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія въ 1870 году. — 1871 ч. 153, январь, отд. IV, стр. 21—26.
2374. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ университетахъ въ 1870 году. Въ Московскомъ университетѣ. — 1871, ч. 154, мартъ, отд. IV, стр. 1—16.
2375. По поводу отзывовъ, представленныхъ конференціей Императорской медико-хирургической академіи о состояніи преподаванія математики и физики въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. — 1871, ч. 154, апрѣль, отд. IV, стр. 181—185.
2376. О результатахъ повѣрочныхъ испытаній въ университетахъ въ 1871 году. — 1872, ч. 160, мартъ, отд. IV, стр. 1—5.
2377. Объ окончательныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ въ концѣ 1871—1872 учебнаго года. — 1872, ч. 163, октябрь, отд. IV, стр. 1—174.
2378. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ 1873 году. — 1874, ч. 173, май, отд. IV, стр. 1—54 (съ 2 таблиц.); июнь, стр. 103—127.
2379. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1874 году. — 1875, ч. 180, июль, отд. IV, стр. 1—96, августъ, стр. 158—181.
2380. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1875 г. — 1876, ч. 186, августъ, отд. IV, стр. 31—85; ч. 187, сентябрь, стр. 1—42 (и таблицы).
2381. По поводу повѣрочныхъ испытаній изъ математики въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. — 1877, ч. 191, май, отд. IV, стр. 1—15.
2382. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1876 году — 1877, ч. 192, августъ, отд. IV, стр. 31—53; ч. 193, сентябрь, стр. 1—117.
2383. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1877 году. — 1878, ч. 200, декабрь, отдѣлъ IV, стр. 83—181.
2384. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1878 г. — 1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 77—114; ч. 205, сентябрь, стр. 1—61.
2385. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1879 году — 1881, ч. 213, январь, отд. IV, стр. 1—75.
2386. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ

- 1880 году. — 1882, ч. 221, май, отд. IV, стр. 1—59.
2387. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1881 году. — 1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 45—93.
2388. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1882 году. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 153—205.
2389. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1883 году. — 1887, ч. 249, январь, отд. IV, стр. 41—89.
2390. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1884 году. — 1887, ч. 254, декабрь, отд. IV, стр. 39—97.
2391. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1885 году.—1888, ч. 256, мартъ, отд. IV, стр. 28—85.
2392. О письменныхъ работахъ на испытаніяхъ зрѣлости.—1888, ч. 257, июнь, отд. IV, стр. 60—95; ч. 258, июль, стр. 5—54.
2393. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1889 году. — 1891, ч. 275, июнь, отд. IV, стр. 87—148.
2394. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1890 г.—1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 60—111.
2395. Списокъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и частныхъ рисовальныхъ школъ, доставившихъ въ Императорскую академію художествъ на конкурсъ классныя работы по рисованію воспитанниковъ, которымъ за успѣхи въ рисованіи присуждены награды серебряными медалями и похвальные отзывы въ 1875 году. — 1875, ч. 181, сентябрь, отд. I, стр. 95—133.
2396. Работы нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній по рисованію, черченію и моделированію. Четвертый конкурсъ при Императорской академіи художествъ, состоявшійся въ 1882 году.—1883, ч. 226, апрѣль, отд. IV, стр. 64—75. (Съ приложеніемъ списка награды, присужденныхъ ученикамъ).
2397. Пятый очередной конкурсъ ученическихъ работъ по рисованію, черченію и моделированію при Императорской Академіи художествъ. — 1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 36—47. (Съ приложеніемъ условій для представленія на конкурсъ рисунковъ и пр. для учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ).
2398. Шестой очередной конкурсъ ученическихъ работъ по рисованію и черченію въ Императорской Академіи Художествъ.—1885, ч. 237, январь, отд. IV, стр. 39—50.
2399. О замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ 1871 по 1877 г. включительно.—1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 1—40; июнь, стр. 95—207.
2400. Каталогъ книгъ, предполагаемыхъ къ выпискѣ для гимназическихъ филологическихъ библіотекъ Одесскаго округа.—1871, ч. 158, декабрь, стр. 1—35 (въ прилож.).
2401. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній. Гимназіи.—1867, ч. 133, январь, отд. III, стр. 166—182; февраль, стр. 166—182; мартъ, стр. 354—367; ч. 134, апрѣль, стр. 135—157, июнь, стр. 341—356; ч. 135, августъ, стр. 197—209; сентябрь, стр. 317—334; ч. 136, октябрь, стр. 53—59; ноябрь, стр. 166—177; декабрь, стр. 268—275.
2402. Гимназіи и прогимназіи.—1868, ч. 137, январь, отд. III, стр. 33—48; февраль, стр. 168—179; мартъ, стр. 313—322; ч. 138, апрѣль, стр. 85—99; май, стр. 169—186; июнь, стр. 311—326; ч. 139, июль, стр. 58—68; августъ, стр. 313—323; сентябрь, стр. 413—425; ч. 140, октябрь, стр. 106—112; ноябрь, стр. 169—181; декабрь, стр. 314—323.
2403. Гимназіи.—1869, ч. 141, ян-

- варь, отд. IV, стр. 45—56; февраль, стр. 239—248; ч. 142, мартъ, стр. 27—39, апрѣль, стр. 129—142; ч. 143, май, стр. 97—115; июнь, стр. 224—236; ч. 144, июль, стр. 41—50; августъ, стр. 185—191; ч. 145, сентябрь, стр. 67—81; октябрь, стр. 227—243; ч. 146, ноябрь, стр. 24—36; декабрь, стр. 163—171.
2004. Женскія училища.—1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 56—72; февраль, стр. 249—260; ч. 143, май, стр. 115—125; ч. 144, июль, стр. 51—60; ч. 145, сентябрь, стр. 81—94; ч. 146, ноябрь, стр. 36—44.
2405. Гимназиі.—1870, ч. 147, январь, отд. IV, стр. 52—62, февраль, стр. 159—168; ч. 148, мартъ, стр. 43—54; апрѣль, стр. 184—191; ч. 149, май, стр. 33—41; июнь, стр. 200—203; ч. 150, июль, стр. 91—100; августъ, стр. 176—182; ч. 151, октябрь, стр. 146—163; ч. 152, ноябрь, стр. 29—40; декабрь, стр. 136—147.
2406. Женскія училища.—1870, ч. 148, мартъ, отд. III, стр. 54—71; ч. 149, май, стр. 41—51; ч. 150, августъ, стр. 182—197; ч. 151, октябрь, стр. 164—178; ч. 152, декабрь, стр. 147—169.
2407. Гимназиі и прогимназиі.—1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 42—56; февраль, стр. 208—223; ч. 154, мартъ, стр. 41—51; апрѣль, стр. 113—123; ч. 155, май, стр. 83—88; июнь, стр. 183—187; ч. 156, июль, стр. 49—58; августъ, стр. 140—152; ч. 157, октябрь, стр. 179—196; ч. 158, ноябрь, стр. 22—31; декабрь, стр. 105—111.
2408. Женскія училища.—1871, ч. 153, февраль, отд. IV, стр. 223—234; ч. 154, апрѣль, стр. 123—135; ч. 156, августъ, стр. 152—162; ч. 157, октябрь, стр. 196—212.
2409. Гимназиі и прогимназиі.—1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 17—28; февраль, стр. 171—183; ч. 160, мартъ, стр. 25—32; ч. 161, май, стр. 35—43.
2410. Гимназиі.—1873, ч. 169, октябрь, отд. IV, стр. 124—128; ч. 170, декабрь, стр. 104—162.
2411. Гимназиі.—1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 16—23; ч. 174, августъ, стр. 54—56; ч. 176, ноябрь, стр. 58—62; декабрь, стр. 204—208.
2412. Гимназиі.—1875, ч. 178, мартъ, отд. IV, стр. 50—64; ч. 182, ноябрь, стр. 37—40.
2413. Съездъ учителей географіи Московскаго учебнаго округа.—1868, ч. 138, апрѣль, отд. III, стр. 46—66.
2414. Н. А. Трескинъ. Записка о съездѣ учителей въ Москвѣ.—1868, ч. 138, июнь, отд. II, стр. 866—881.
2415. Учительскія школы. Свѣдѣнія объ Александровской учительской школѣ, Кубанской и Прибалтійской учительскихъ семинаріяхъ.—1873, ч. 170, декабрь, отд. IV, стр. 112—117.
2416. О состояніи и дѣятельности Архангельской мужской гимназиі въ 1873—74 учебномъ году.—1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 204—208.
2417. О ходатайствѣ Бердянской (Таврич. губ.) земской управы учредить въ гор. Бердянскѣ полную классическую гимназію.—1871, ч. 155, май, отд. IV, стр. 132—134.
2418. Пожертвованіе покойнаго К. С. Оберта (библиотеки въ Бердянскую гимназію).—1871, ч. 158, декабрь, отд. IV, стр. 158. (Извѣстія и замѣтки).
2419. С. Вобровскій. Бѣлгородская учительская семинарія.—1875, ч. 177, январь, отд. III, стр. 1—18.
2420. Объ открытіи учительскаго института въ Бѣлгородѣ.—1877, ч. 189, январь, отд. IV, стр. 65—67.
2421. Освященіе храма въ Вилен-

- скомъ высшемъ женскомъ училищѣ.
— 1871, ч. 158, ноябрь, отд. IV,
стр. 84—86.
- 2422.** Виленское Марининское женское
училище. — 1877, ч. 194, декабрь,
отд. IV, стр. 131—134.
- 2423.** О трудахъ преподавателей Ви-
ленскаго раввинскаго училища по
составленію руководствъ на рус-
скомъ языкѣ. — 1868, ч. 139, сен-
тябрь, отд. III, стр. 458—460.
- 2424.** Посѣщеніе Ею Император-
скимъ Высочествомъ Великимъ кня-
земъ Алексѣемъ Александровичемъ
Вологодской гимназіи. — 1870, ч. 150,
іюль, отд. IV, стр. 148—149.
- 2425.** Открытіе Виземской земской
гимназіи. (Изъ „Московскихъ вѣдо-
мостей“). — 1869, ч. 145, октябрь,
отд. IV, стр. 263—270.
- 2426.** Das Dorpater Gymnasium in
gesundheitlicher Beziehung. Ein Bei-
trag zur Schulhygiene für Lehrer und
Aerzte, von *Dr. Christian Strömberg*
Mit Tabellen, Plänen und Carten. Dor-
pat. 1888. — Рец. А. Вереніуса. 1889,
ч. 261, январь, отд. II, стр. 227—233,
- 2427.** Отчетъ о состояніи второй Ка-
занской гимназіи въ 1868—69 учеб-
номъ году. — 1869, ч. 145, октябрь,
отд. IV, стр. 144—162.
- 2428.** Донесеніе попечителя Казан-
скаго учебнаго округа П. Д. Ше-
стакова г. министру народнаго про-
свѣщенія отъ 27-го января за № 31
относительно самоубійства гото-
вившагося къ поступленію во 2-ю
Казанскую гимназію Платона Де-
мерта. — 1871, ч. 153, февраль, отд.
IV, стр. 178—183.
- 2429.** Калишская гимназія за послѣд-
ніе 15 лѣтъ. — 1875, ч. 178, мартъ,
отд. IV, стр. 50—61.
- 2430.** А. Апухтинъ. Очеркъ исторіи
Константиновскаго межеваго инсти-
тута съ 1779 по 1879. — Отдѣльное
приложеніе въ 1879 г.: ч. 206, сен-
тябрь, стр. 1—64; октябрь, стр.
65—128; ч. 206, ноябрь, стр. 129—224;
декабрь, стр. 225—350.
- 2431.** Объ открытіи Корочанской про-
гимназіи. — 1868, ч. 140, октябрь, отд.
III, стр. 156—157.
- 2432.** Александровская гимназія въ
Корочѣ. Открытіе ея новаго зданія
и освященіе Кирилло-Меѳодіевской
при немъ церкви. — 1885, ч. 241,
сентябрь, отд. IV, стр. 12—18.
- 2433.** Освященіе въ г. Красноярскѣ
дома женской гимназіи — 1868, ч.
139, августъ, отд. III, стр. 358. (Изъ
„Енисейскихъ губернскихъ вѣдомо-
стей“).
- 2434.** Открытіе въ г. Красноярскѣ
мужской гимназіи. — 1868, ч. 139, ав-
густъ, отд. III, стр. 351—358. (Изъ
„Енисейскихъ губернскихъ вѣдомо-
стей“).
- 2435.** О пожертвованіи Ив. Ар. Тол-
качева (дома для мужской гимназіи
въ Красноярскѣ). — 1888, ч. 140, де-
кабрь, отд. III, стр. 376.
- 2436.** Объ открытіи въ Кронштадтѣ
женской гимназіи. — 1868, ч. 139,
сентябрь, отд. III, стр. 457.
- 2437.** Свѣдѣнія о состояніи Кубанской
учительской семинаріи за 1872 г. —
1878, ч. 167, іюнь, отд. IV, стр.
111—117.
- 2438.** Объ открытіи Ломоносовской
женской гимназіи въ Ригѣ. — 1868,
ч. 140, октябрь, отд. III, стр. 158—
161.
- 2439.** А. И. Забѣлинъ. Опытъ учи-
тельской семинаріи въ сѣверо-за-
падной Россіи и ея указанія. (Мо-
лодечненская семинарія) — 1867, ч.
133, февраль, отд. II, стр. 394—432.
- 2440.** Священникъ Ивановскій.
По поводу статьи г. Забѣлина
„Опытъ учительской семинаріи въ
юго-западной Россіи“. — 1868, ч. 137,
январь, отд. II, стр. 143—170.
- 2441.** Курсы промышленнаго плодо-

- водства и огородничества при Молодечненской учительской семинарии.—1891, ч. 278, январь, отд. III, стр. 1—4.
2442. Мореходные классы и шкиперские курсы.—1886, ч. 248, ноябрь, отд. IV, стр. 15—31.
2443. О Московской третьей (реальной) гимназии.—1867, ч. 135, август, отд. III, стр. 131—138.
2444. Краткій очеркъ состоянія первой и пятой Московскихъ гимназій за 1867—68 учебный годъ.—1868, ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 352—359.
2445. Краткая историческая записка о Московской четвертой гимназии.—1873, ч. 166, мартъ, отд. IV, стр. 23—31.
2446. Учебныя прогулки и поѣздки для воспитанниковъ VI московской гимназии въ 1871 и 1872 г.—1873, ч. 169, октябрь, отд. IV, стр. 65—91.
2447. Открытіе женской учительской семинарии, учрежденной г-жей Чепелевской при братствѣ св. Маріи.—1874, ч. 176, ноябрь, отд. IV, стр. 62—68.
2448. И. И. Пискаревъ. Свѣдѣнія объ учрежденіи Николаевской Царскосельской гимназии.—1871, ч. 153, февраль, отд. IV, стр. 162—177.
2449. О состояніи и дѣятельности Николаевской царскосельской гимназии за 1874—75 учебный годъ.—1876, ч. 183, февраль, отд. IV, стр. 102—106.
2450. Десятилѣтіе Николаевской Царскосельской гимназии и свѣдѣнія о состояніи ея въ 1879—1880 учебномъ году.—1881, ч. 215, май, отд. IV, стр. 101—110.
2451. О посвѣщеніи Новочеркасской гимназии Государемъ Наслѣдникомъ и его супругою.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 28—30.
2452. Новочеркасская гимназія въ 1874—75 учебномъ году.—1875, ч. 182, ноябрь, отд. IV, стр. 37—40.
2453. Е. Петровъ. Олонецкая гимназія съ 1806 по 1831 г. (Матеріалъ для исторіи учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія).—1874, ч. 176, ноябрь, отд. III, стр. 1—32.
2454. Открытіе мужской гимназии въ Оренбургѣ.—1868, ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 360—363.
2455. Открытіе учительскаго института въ Оренбургѣ.—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 182—194.
2456. М. В. Родевичъ. Острожское женское училище графа Д. П. Блудова.—1877, ч. 189, февраль, отд. III, стр. 45—71.
2457. О посвѣщеніи Ею Императорскимъ Высочествомъ Великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Петрозаводской гимназии.—1870, ч. 149, июнь, отд. IV, стр. 244—246.
2458. Открытіе учительской семинарии въ г. Полоцкѣ.—1872, ч. 164, ноябрь, отд. IV, стр. 34—43.
2459. Полоцкая учительская семинарія въ 1878 году.—1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 142—158.
2460. Освященіе новаго зданія Поневѣжскаго реальнаго училища.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 120—124.
2461. А. Гуржадій. Порѣдка учительская семинарія.—1876, ч. 184, мартъ, отд. III, стр. 1—21.
2462. Открытіе учительской семинарии въ Псковѣ.—1874, ч. 176, ноябрь, отд. IV, стр. 78—83.
2463. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августѣйшими Дѣтьми въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ.—1890, ч. 272, ноябрь, отд. IV, стр. 1—2.
2464. Слово по освященіи храма при Рязанской гимназии (сказано Але-

- железъ, архієпископомъ Рязанскимъ).**—1868, ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 346—351.
- 2465.** *Caesari augustissimo, iustissimo clementissimo Alexandro Tertio, Russorum omnium imperatori, ad diem, quo sanctam majorum coronam capiti imposuit,—hoc carmen dedicavit Carolus Cossman, linguae latinae in gymnasio Saratoviensi magister.*—1883, ч. 228, июль, отд. V, стр. 1—2.
- 2466.** Пятидесятилѣтній юбилей С.-Петербургской третьей гимназій.—1873, ч. 165, февраль, отд. IV, стр. 124—156.
- 2467.** Организация библиотеки второй С.-Петербургской прогимназій.—1869, ч. 146, декабрь, отд. IV, стр. 202—221.
- 2468.** Открытіе четвертой С.-Петербургской прогимназій.—1873, ч. 170, декабрь, отд. IV, стр. 73—86.
- 2469.** Посѣщеніе пансіона А. А. Ставиской Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою княгинею Александрою Іосифовною.—1870, ч. 151, октябрь, отд. IV, стр. 266.
- 2470.** О ревизіи Тамбовской гимназій.—1868, ч. 139, августъ, отд. III, стр. 374—382.
- 2471.** О посѣщеніи Тверской гимназій Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ княземъ Александровичемъ.—1868, ч. 138, май, отд. III, стр. 216.
- 2472.** 2-го апрѣля 1879 г. Ода на чудесное избавленіе Императора Александра Николаевича отъ грозившей опасности. **Владиміръ Вахиревъ**, ученикъ Харьковской 3-й гимназій.—1879, ч. 204, июль, отд. IV, стр. 1—4.

Г. Низшія учебныя заведенія.

- 2473.** По вопросу объ обязательности начальнаго народнаго образованія.—1867, ч. 134, май, отд. III, стр. 179—199.
- 2474.** О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній.—1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 111—131.
- 2475.** О введеніи обязательнаго ученія въ С.-Петербургѣ.—1874, ч. 175, ноябрь, отд. IV, стр. 5—27.
- 2476.** Объ устройствѣ управленія начальными народными училищами.—1872, ч. 163, сентябрь, отд. IV, стр. 1—15.
- 2477.** Программы учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ, утвержденныя св. синодомъ. С.-Пб. 1886.—См. статью **К. Сентъ-Ижера**: Нѣсколько замѣтокъ о церковно-приходскихъ школахъ.
- 2478.** О мѣрахъ, принятыхъ уѣздными земскими собраніями для содѣйствія народному образованію.—1867, ч. 133, февраль, отд. III, стр. 224—239.
- 2479.** О происхожденіи остатковъ отъ суммъ, назначенныхъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ въ 1866—1869 годахъ.—1871, ч. 153, февраль, отд. IV, стр. 159—161.
- 2480.** По поводу суммъ, ассигнуемыхъ земскими собраніями на начальное народное образованіе.—1870, ч. 148, мартъ, отд. IV, стр. 1—2.
- 2481.** Вѣдомости двуклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ и иногородческихъ училищъ, открытыхъ съ 1866 г. по январь 1872.—1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 103—115.
- 2482.** Свѣдѣнія о расходахъ нѣкоторыхъ земствъ на народное образо-

- ваніе въ 1871 году. — 1872, ч. 159, февраль, отд. IV, стр. 230—231 (Извѣстія и замѣтки).
- 2483.** Замѣтка по поводу предыдущей статьи. — 1872, ч. 160, мартъ, отд. IV, стр. 93—94.
- 2484.** Свѣдѣнія о суммахъ, расходующихся на начальныя народныя училища земствами, сельскими обществами и частными лицами. — 1872, ч. 160, мартъ, отд. IV, стр. 63—78.
- 2485.** И. П. Коржиловъ. О суммахъ, ассигнованныхъ по смѣтамъ на 1868 г. земскими учрежденіями на народное образованіе. — 1873, ч. 165, январь, стр. 1—69 (Приложеніе).
- 2486.** Вѣдомость о начальныхъ училищахъ, разрѣшенныхъ къ открытію г. министромъ народнаго просвѣщенія. — 1873, ч. 165, февраль, отд. IV, стр. 193—199.
- 2487.** Свѣдѣнія о начальныхъ народныхъ училищахъ, содержащихъ отдѣльно земствами, городскими, сельскими обществами и частными лицами, а также разными учрежденіями, вѣдомствами и частными лицами совмѣстно. — 1873, ч. 167, май, отд. IV, стр. 56—61.
- 2488.** Вѣдомость о начальныхъ училищахъ, разрѣшенныхъ къ открытію министерствомъ народнаго просвѣщенія. — 1873, ч. 170, ноябрь, отд. IV, стр. 44—49.
- 2489.** О дѣйствіяхъ постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ 1-е марта 1879 г. по 1-е января 1880 г. — 1880, ч. 208, апрѣль, отд. IV, стр. 141—147.
- 2490.** О дѣятельности постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ 1-го января 1880 по по 1-е іюля 1883 года. — 1883, ч. 229, сентябрь, отд. IV, стр. 37—51.
- 2491.** Дѣятельность постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній съ іюля 1883 г. по іюль 1885 года. — 1886, ч. 243, январь, отд. IV, стр. 25—28.
- 2492.** Дѣятельность постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ 1-го іюля 1885 г. по 1887 г. — 1887, ч. 252, августъ, отд. IV, стр. 114—121.
- 2493.** Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній. Начальныя народныя училища. — 1867, ч. 133, январь, отд. III, стр. 182—223; февраль, стр. 182—223; мартъ, стр. 367—406; ч. 134, апрѣль, стр. 157—177; май, стр. 202—219; июнь, стр. 356—380; ч. 135, июль, стр. 45—66; августъ, стр. 209—229; сентябрь, стр. 336—350; ч. 136, октябрь, стр. 60—81; ноябрь, стр. 177—208; декабрь, стр. 275—298.
- 2494.** Двуклассныя сельскія училища. — 1867, ч. 134, май, отд. III, стр. 200—202; ч. 135, сентябрь, стр. 335—336.
- 2495.** Начальныя народныя училища. — 1868, ч. 137, январь, отд. III, стр. 48—68; февраль, стр. 179—204; мартъ, стр. 322—334; ч. 138, апрѣль, стр. 100—133; май, стр. 186—215; июнь, стр. 326—355; ч. 139, июль, стр. 68—94; августъ, стр. 323—350; сентябрь, стр. 425—456, ч. 140, октябрь, стр. 112—141; ноябрь, стр. 182—208; декабрь, стр. 323—348.
- 2496.** Начальныя народныя училища. 1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 72—100; февраль, стр. 260—291; ч. 142, мартъ, стр. 40—70; апрѣль, стр. 142—174; ч. 143, май, стр. 125—157; июнь, стр. 286—267; ч. 144, июль, стр. 60—89; августъ, стр. 191—222; ч. 145, сентябрь, стр. 96—117; октябрь, стр. 243—260; ч. 146, стр. 44—58; декабрь, стр. 171—201.

- 2497.** Низшія училища.—1870, ч. 147, январь, отд. IV, стр. 62—92; февраль, стр. 168—205; ч. 148, мартъ, стр. 71—94; апрѣль, стр. 191—230; ч. 149, май, стр. 51—84; июнь, стр. 203—244; ч. 150, июль, стр. 100—147; августъ, стр. 197—223; ч. 151, сентябрь, стр. 54—96; октябрь, стр. 178—211; ч. 152, ноябрь, стр. 41—87, декабрь, стр. 170—196.
- 2498.** Низшія училища.—1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 56—100; февраль, стр. 234—268; ч. 154, мартъ, стр. 51—91; апрѣль, стр. 135—169; ч. 155, май, стр. 88—127; июнь, стр. 187—221; ч. 156, июль, стр. 58—102; августъ, стр. 162—205; ч. 157, сентябрь, стр. 53—103; октябрь, стр. 212—243; ч. 158, ноябрь, стр. 31—63; декабрь, стр. 111—158.
- 2499.** Низшія училища.—1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 28—68; февраль, стр. 183—209; ч. 160, мартъ, стр. 32—62; апрѣль, стр. 109—155; ч. 161, май, стр. 43—62; июнь, стр. 120—178; ч. 162, июль, стр. 20—35; августъ, стр. 78—124; ч. 163, сентябрь, стр. 99—144; октябрь, стр. 219—241; ч. 164, ноябрь, стр. 67—113; декабрь, стр. 135—185.
- 2500.** Низшія училища.—1873, ч. 165; январь, отд. IV, стр. 45—72; февраль, стр. 178—192; ч. 166, мартъ, стр. 37—92; ч. 167, май, стр. 16—41; июнь, стр. 84—110; ч. 169, октябрь, стр. 128—160; ч. 170, ноябрь, стр. 21—43.
- 2501.** Низшія училища.—1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 23—34; февраль, стр. 114—131; ч. 172, мартъ, стр. 6—23; апрѣль, стр. 50—66; ч. 173, май, стр. 55—69; ч. 174, июль, стр. 26—39; ч. 175, сентябрь, стр. 57—70; октябрь, стр. 89—106; ч. 176; ноябрь, стр. 62—72; декабрь, стр. 208—219.
- 2502.** Низшія училища.—1875, ч. 177, январь, отд. IV, стр. 1—15; февраль, стр. 67—72; ч. 178, мартъ, стр. 64—72; апрѣль, стр. 122—136; ч. 179, май, стр. 13—29; июнь, стр. 72—87; ч. 181, сентябрь, стр. 33—45; октябрь, стр. 67—77; ч. 182, ноябрь, стр. 40—47; декабрь, стр. 95—115.
- 2503.** Низшія училища.—1876, ч. 184, мартъ, отд. IV, стр. 45—54; апрѣль, стр. 69—88; ч. 185, май, стр. 43—57, ч. 186; июль, стр. 17—29; августъ, стр. 86—99; ч. 187, сентябрь, стр. 64—77; октябрь, стр. 199—209; ч. 188, ноябрь, стр. 75—90.
- 2504.** Низшія училища.—1877, ч. 189, январь, отд. IV, стр. 42—65, февраль, стр. 98—114; ч. 190, мартъ, стр. 25—35; ч. 191, июнь, стр. 131—141; ч. 192, августъ, стр. 65—86; ч. 194, ноябрь, стр. 41—56; декабрь, стр. 134—147.
- 2505.** Лѣтніе учительскіе сѣзды и курсы.—1873, ч. 169, сентябрь, отд. IV, стр. 30—49.
- 2506.** Состояніе начальныхъ школь въ Тетюшскомъ уѣздѣ.—1874, ч. 174, июль, отд. IV, стр. 33—37.
- 2507.** Народное образование въ Новомосковскомъ уѣздѣ.—1868, ч. 138, май, отд. III, стр. 246—251.
- 2508.** Педагогическіе курсы въ гор. Новосилѣ.—1882, ч. 219, февраль, отд. IV, стр. 47—57.
- 2509.** I. Шаташовъ. Отчетъ Новосильковскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, за первый годъ его дѣятельности съ 1-го октября 1866 по 1-е ноября 1867 г. — 1868, ч. 137, февраль, отд. III, стр. 206—214.
- 2510.** Сѣздъ преподавателей начальныхъ народныхъ училищъ въ гор. Мещовскѣ. — 1883, ч. 227, июль, отд. IV, стр. 83—97.
- 2511.** Поднесеніе иконы св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго Ихъ Императорскимъ Ве-

- личествамъ отъ имени учащихся въ сельскихъ школахъ.—1889, ч. 266, декабрь, отд. IV, стр. 47—48.
2512. Извѣстія и замѣтки (по педагогической хроникѣ).—1872, ч. 159, февраль, отд. IV, стр. 230 — 233, ч. 161, май, стр. 83—85. (Начальныя училища Кіевскаго и С.-Петербургскаго учебн. окр. Новыя училища).
2513. Двуклассныя сельскія училища въ Кіевскомъ и Харьковскомъ округахъ. — 1867, ч. 134, апрѣль, отд. III, стр. 108—110.
2514. Съѣзды учителей начальныхъ училищъ въ различныхъ дирекціяхъ Варшавскаго округа.—1874, ч. 172, апрѣль, отд. IV, стр. 50—66.
2515. Съѣзды начальныхъ учителей при Варшавской и Сѣвницкой учительскихъ семинаріяхъ.—1874, ч. 174, июль, отд. IV, стр. 26—33.
2516. Низшія училища. Съѣзды народныхъ учителей вѣдомства дирекцій Радомской, Калишской и Кѣлецкой.— 1873, ч. 165; январь, отд. IV, стр. 45—72.
2517. Съѣзды народныхъ учителей вѣдомства учебныхъ дирекцій Варшавской и Сѣдлецкой.—1873, ч. 165, февраль, отд. IV, стр. 178—190.
2518. Свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ нѣкоторыхъ дирекцій Варшавскаго учебнаго округа.—1869, ч. 143, май, отд. IV, стр. 60—71.
2519. Съѣзды учителей начальныхъ школъ въ учебныхъ дирекціяхъ Варшавскаго округа.—1878, ч. 198, августъ, отд. IV, стр. 108—128.
2520. Съѣзды народныхъ учителей вѣдомства учебныхъ дирекцій Лодзинской, Ломжинской, Плоцкой, Холмской и Сувалской.—1872, ч. 164, декабрь, отд. IV, стр. 135—185.
2521. О представленіи училищныхъ хоровъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и Августѣйшему Семейству въ Слагѣ и Скерневичахъ.— 1891, ч. 273, январь, отд. IV, стр. 1—7.
2522. Низшія училища Виленской дирекціи народныхъ училищъ въ 1877 году. — 1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, стр. 52—81; декабрь, стр. 216—227.
2523. Низшія училища Виленскаго учебнаго округа въ 1879 г. — 1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 59—74; декабрь, стр. 99—112.
2524. А. Новоселовъ. Книжные склады въ народныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа.—1872, ч. 163, сентябрь, отд. IV, стр. 16—48.
2525. Открытіе Бѣловѣжскаго Александровскаго народнаго училища.—1888, ч. 257, май, отд. IV, стр. 17—21.
2526. А. Е. Серно-Соловьевичъ. Состояніе народныхъ училищъ въ Витебской губерніи съ 1865 по 1-е января 1868 г. — 1868, ч. 137, мартъ, отд. III, стр. 335—347.
2527. А. Историческій очеркъ народныхъ училищъ въ Ковенской губерніи.—1870, ч. 149, июнь, отд. IV, стр. 151 — 176; ч. 150, июль, отд. IV, стр. 44—67.
2528. Школы Минской дирекціи.— 1874, ч. 174, июль, отд. IV, стр. 37—39.
2529. Александровское училище для эстовъ.—1888. ч. 257, май, отд. IV, стр. 10—17.
2530. Низшія училища Кавказскаго учебнаго округа.—1874, ч. 175, октябрь, отд. IV, стр. 89—98.
2531. Начальныя училища Вятской губерніи.—1877, ч. 194, ноябрь, отд. IV, стр. 41—55.
2532. С. Нурминскій. Народныя училища Вятской губерніи (съ декабря 1869 г. по 1-е мая 1878 г.).—1878, ч. 198, июль, отд. IV, стр. 32—64.

- 2533.** Свящ. А. Варатыножіѣ. О народномъ образованіи въ Буинскомъ уѣздѣ и о мѣрахъ къ его улучшенію. — 1869, ч. 146, ноябрь, отд. IV, стр. 94—110.
- 2534.** Свящ. А. Варатыножіѣ. Отчетъ о состояніи сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда въ 1868 году. — 1869, ч. 145, октябрь, отд. IV, стр. 162—170.
- 2535.** А. Фролковъ. Учебныя заведенія станицы Ладожской, Кубанской области.—1879, ч. 202, мартъ, отд. IV, стр. 57—67.
- 2536.** Д. Островожіѣ. Начальныя училища Казанской губ.—1871, ч. 158, ноябрь, отд. IV, стр. 64—83; декабрь, стр. 162—190.
- 2537.** Объ освященіи домовыхъ церквей при Больше-аксинскомъ и Богданкинскомъ миродческихъ училищахъ (Симбирской губ.). — 1891, ч. 274, мартъ, отд. IV, стр. 44.
- 2538.** Начальныя училища Буинскаго (Симбирской губ.) уѣзда въ мартѣ 1879 года.—1879, ч. 205, сентябрь, отд. IV, стр. 90—112; октябрь, стр. 113—140.
- 2539.** Начальныя народныя училища въ Царево-Кокшайскомъ уѣздѣ Казанской губерніи,—1880, ч. 209, июнь, отд. IV, стр. 171—178.
- 2540.** Начальное народное образованіе Симбирской губерніи съ 1869 по 1879 годъ. — 1880, ч. 209, май, отд. IV, стр. 89—107.
- 2541.** Народныя училища въ Симбирской губ. (Изъ доклада Симбирскому земству Д. П. Осмобищина).—1868, ч. 140, октябрь, отд. III, стр. 142—155.
- 2542.** П. Д. Шестаковъ. О школахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губ. — 1867, ч. 131, апрѣль, отд. III, стр. 97—107.
- 2543.** Объ устройствѣ училищной части въ юго-западномъ краѣ Россіи.—1869, ч. 146, ноябрь, отд. IV, стр. 59—77.
- 2544.** Народное образованіе въ Полтавской губерніи.—1873, ч. 170, ноябрь, отд. IV, стр. 21—43.
- 2545.** Извлеченіе изъ постановленій Кролевецкаго уѣзднаго училищнаго совѣта и свѣдѣнія о народныхъ училищахъ Кролевецкаго уѣзда.—1869, ч. 145, октябрь, отд. IV, стр. 271—278.
- 2546.** Начальныя училища Полтавской губ. въ 1873 году. — 1875, ч. 177, январь, отд. IV, стр. 1—15.
- 2547.** Начальныя училища Подольской губ. 1-го района.—1873, ч. 165, февраль, отд. IV, стр. 190—192.
- 2548.** Начальныя училища Заславскаго, Острогскаго и Староконстантиновскаго уѣздовъ Волынской губ. въ ноябрѣ и декабрѣ 1878 года.—1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 158—180.
- 2549.** Одноклассныя и двухклассныя сельскія народныя училища Скирсакаго, Каневскаго, Черкаскаго и Чигиринскаго уѣздовъ въ періодъ съ 26-го марта 1877 г. по 30 мая 1878 г.—1879, январь, ч. 201, отд. IV, стр. 76—90; февраль, стр. 177—198.
- 2550.** Сельскія одноклассныя народныя училища 4-го района Волынской губерніи (уѣзды Владиміръ—Волинскій, Луцкій и Ковельскій) въ первой половинѣ 1878 года. — 1879, ч. 201, февраль, отд. IV, стр. 198—212.
- 2551.** Состояніе народныхъ училищъ, разныхъ наименованій, находящихся въ вѣдѣніи инспекціи народныхъ училищъ Подольской губ. 1-го района (Изъ отчета г. инспектора). — 1872, ч. 163, сентябрь, отд. IV, стр. 99—144.
- 2552.** Краткосрочныя педагогическія курсы для начальныхъ народныхъ учителей, бывшіе въ г. Лубнахъ Пол-

- тавской губ. съ 15 июля по 15 августа 1878 года.—1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 79—89.
- 2553.** Лѣтніе курсы церковнаго пѣнія учителей народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ Кіевского общества грамотности въ 1887 году.—1889, ч. 261, февраль, отд. IV, стр. 89—99.
- 2554.** Педагогическіе курсы учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ въ гг. Миргородѣ Гадачѣ и Кременчугѣ въ 1881 году.—1882, ч. 223, сентябрь, отд. IV, стр. 36—60.
- 2555.** Начальныя училища Московскаго учебнаго округа въ 1878 г.—1879, ч. 205, сентябрь, отд. IV, стр. 75—90.
- 2556.** Низшія училища Московскаго учебнаго округа въ 1877 году.—1878, ч. 199, сентябрь, отд. IV, стр. 29—38.
- 2557.** 3—нъ. Историческій очеркъ устройства народныхъ училищъ въ Муромскомъ уѣздѣ.—1869, ч. 144, августъ, отд. IV, стр. 223—233.
- 2558.** Народныя училища Нижегородской губ. въ 1876 году.—1877, ч. 192, августъ, отд. IV, стр. 65—86.
- 2559.** Народныя училища Нижегородскаго уѣзда.—1875, ч. 181, октябрь, отд. IV, стр. 67—77.
- 2560.** Школы Елецкаго уѣзда.—1874, ч. 171, февраль, отд. IV, стр. 127—131.
- 2561.** Начальныя народныя училища Костромской губерніи (образцовыя училища одноклассныя и двухклассныя)—1871, ч. 157, сентябрь, отд. IV, стр. 117—126.
- 2562.** А. И. Е. Двѣ поѣздки по училищамъ Тульской губерніи.—1870, ч. 151, октябрь, отд. IV, стр. 212—239.
- 2563.** Конопацкій. О нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ Тульской губерніи.—1871, ч. 153, февраль, отд. IV, стр. 306—309.
- 2564.** А. Красношѣиковъ. Обзоръ училищъ для народнаго образованія въ Москвѣ.—1871, ч. 154, апрѣль, отд. IV, стр. 170—180.
- 2565.** Начальныя училища Нижегородскаго, Ардатовскаго, Арзамаскаго уѣзда Нижегородской губ., въ сентябрѣ и октябрѣ 1878 года.—1879, ч. 202, апрѣль, отд. IV, стр. 89—107.
- 2566.** Н. Новиковъ. Начальныя народныя училища Владимирской губерніи.—1871, ч. 157, сентябрь, отд. IV, стр. 104—116; октябрь, стр. 293—318.
- 2567.** Н. Охонцовъ. Одноклассныя и двухклассныя начальныя народныя училища Смоленской губ.—1871, ч. 157, октябрь, отд. IV, стр. 280—292.
- 2568.** А. Раевскій. Начальныя народныя училища Нижегородской г. въ 1871 году.—1871, ч. 157, октябрь, отд. IV, стр. 244—279.
- 2569.** Свѣдѣнія о начальныхъ народныхъ училищахъ Владимирской губ. за 1878 году.—1879, ч. 203, май, отд. IV, 90—94.
- 2570.** М. Смирновъ. Начальныя училища Рязанской губерніи.—1871, ч. 156, августъ, отд. IV, стр. 235—244.
- 2571.** Съѣзды учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда въ 1881 году.—1882, ч. 223, октябрь, отд. IV, стр. 101—108.
- 2572.** Съѣздъ учителей начальныхъ народныхъ училищъ Весьегонскаго уѣзда Тверской губерніи.—1883, ч. 230, ноябрь, отд. IV, стр. 23—39.
- 2573.** Вугтажъ. Начальныя народныя училища Костромской губерніи (образцовыя училища одноклассныя и двухклассныя).—1871, ч. 157, сентябрь, отд. IV, стр. 117—126.
- 2574.** О ремесленныхъ школахъ при учебныхъ заведеніяхъ Одесскаго округа.—1867, ч. 135, августъ, отд. III, стр. 145—149.

2575. Низшія училища Одесскаго учебнаго округа въ 1877 г. — 1878, ч. 199, сентябрь, отд. IV, стр. 38—42.
2576. Вар. Н. А. Корфъ. Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ III-го училищнаго участка Александровскаго уѣзда за 1867—1868 учебный годъ. — 1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 101—160; февраль, отд. IV, стр. 292—314; ч. 142, апрѣль, отд. IV, стр. 175—238.
2577. Народное образование въ Херсонской губерніи. — 1873, ч. 169, октябрь, отд. IV, стр. 128—160.
2578. Н. А. Корфъ. Объ училищахъ Александровскаго уѣзда и Мариупольскаго округа. — 1867, ч. 135, августъ, отд. III, стр. 150—187; сентябрь, отд. III, стр. 279—310.
2579. Варонъ Н. А. Корфъ. Педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей Александровскаго уѣзда III-го участка въ 1869 году. — 1870, ч. 152, декабрь, отд. IV, стр. 201—209.
2580. Извлечение изъ отчета барона Н. А. Корфа о школахъ III-го участка Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи за 1869—1870 годъ. — 1870, ч. 152, декабрь, отд. IV, стр. 210—252.
2581. Варонъ Н. А. Корфъ. Инструкція для начальныхъ народныхъ училищъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. — 1870, ч. 152, ноябрь, отд. III, стр. 61—72.
2582. О состояніи народныхъ училищъ въ Бессарабіи (изъ отчета г. директора Бессарабской области Е. П. Яковлева) — 1868, ч. 139, августъ, отд. III, стр. 359—373.
2583. Народное образование въ Оренбургской губерніи. — 1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 23—35.
2584. Русско-киргизскія и русско-башкирскія школы Оренбургскаго учебнаго округа. — 1877, ч. 190, мартъ, отд. IV, стр. 26—35.
2585. Парамоновъ. Начальныя училища въ Пермской губерніи (изъ отчета инспектора народныхъ училищъ). — 1871, ч. 153, февраль, отд. IV, стр. 269—305.
2586. А. Новопашенный. Очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Осипскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. IV, стр. 142—151.
2587. В. Ижонниковъ. Ирбитское женское училище. — 1870, ч. 151, сентябрь, отд. IV, стр. 97—105.
2588. Столѣтній юбилей С.-Петербургской дирекціи училищъ. (Рѣчь С. Рождественскаго). — 1883, ч. 225, февраль, отд. IV, стр. 114—126.
2589. Низшія училища С.-Петербургской губерніи въ 1873 году. — 1875, ч. 177, февраль, отд. IV, стр. 67—72.
2590. Съѣздъ законоучителей Царскосельскаго уѣзда. — 1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 134—147.
2591. Ф. Слупскій. Начальныя народныя училища С.-Петербургской губерніи. — 1871, ч. 157, сентябрь, отд. IV, стр. 127—153.
2592. О состояніи и дѣятельности кабинета учебныхъ пособій при дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи. — 1879, ч. 201, январь, отд. IV, стр. 46—50.
2593. Начальныя школы Вологодской губерніи въ 1872 году. — 1874, ч. 172, мартъ, отд. IV, стр. 20—23.
2594. Съѣздъ учителей и учительницъ земскихъ сельскихъ школъ Олонеккой губерніи въ августъ и сентябрь 1873 года. — 1874, ч. 172, мартъ, отд. IV, стр. 6—20.
2595. В. А. Датышевъ. Ремесленная школа Балтійскаго завода. — 1889, ч. 265, сентябрь, отд. III, стр. 1—9.

2596. Открытіе дѣтской бібліотеки въ Кронштадтѣ, — 1870, ч. 148, мартъ, отд. IV, стр. 99—111.
2597. Открытіе новаго училища, (въ Горскомъ погостѣ Видлицкой волости Олоонецкаго уѣзда).—1871, ч. 154, мартъ, отд. IV, стр. 91.
2598. Н. П. Воскресная школа при Олоонецкой семинаріи за 1869 годъ. — 1870, ч. 150, августъ, отд. IV, стр. 254—258.
2599. Ч. Начальное обученіе въ Череповскомъ уѣздѣ со времени открытія училищнаго совѣта. — 1867, ч. 134, іюнь, отд. III, стр. 381—387.
2600. Н. Добромысловъ. Отчетъ о педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ лѣтомъ 1870 г. при Гостинопольскомъ училищѣ (Новоладожскаго уѣзда). — 1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 102—113.
2601. С. Ивановъ. Отчетъ о педагогическихъ курсахъ бывшихъ въ Гдовѣ лѣтомъ 1870 года. — 1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 114—123.
2602. Педагогическій сѣздъ сельскихъ учителей Архангельской губерніи въ 1870 г. — 1870, ч. 152, декабрь, отд. IV, стр. 197—200.
2603. Педагогическій сѣздъ сельскихъ учителей и учительницъ Лужскаго уѣзда въ 1881 году.—1881, ч. 218, ноябрь, отд. IV, стр. 18—32.
2604. Миропольскій. Воскресная школа и педагогическій курсъ при Харьковской семинаріи. — 1868, ч. 138, май, отд. III, стр. 217—245.
2605. С. Вобровскій. Обзорніе начальныхъ народныхъ училищъ Курской губерніи за 1870 годъ.—1871, ч. 156, іюль, отд. IV, стр. 10—57, августъ, отд. IV, стр. 206—234.
2606. Состояніе начальныхъ народныхъ школъ въ Курской губерніи за 1872 годъ. — 1874, ч. 171, февраль, отд. IV, стр. 114—127.
2607. Воскресная школа при Харьковской духовной семинаріи.—1868, ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 364—366.
2608. С. И. Миропольскій. Харьковская воскресная школа въ 1868—1869 году.—1870, ч. 150, августъ, отд. IV, стр. 224—253.
2609. Народное образованіе въ Воронежскомъ уѣздѣ. Воронежъ, 1885. —Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 257—258. (Книжныя новости).
2610. Педагогическіе курсы для преподавателей начальныхъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи въ 1882 году.—1884, ч. 234, іюль, отд. IV, стр. 17—30.
2611. Г. Ж. Замѣтки о народныхъ училищахъ Забайкальской области. —1881, ч. 214, апрѣль, отд. IV, стр. 151—192.
2612. Начальныя училища въ Сырь-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1878 г. —1879, ч. 204, іюль, отд. IV, стр. 54—76.
2613. Вечерніе курсы для туземцевъ въ Туркестанскомъ краѣ.—1886, ч. 243, январь, отд. IV, стр. 19—24.
2614. П. Щебальскій. О вѣроисповѣдныхъ еврейскихъ школахъ (хедерахъ) въ Сувалкской губерніи.—1874, ч. 175, сентябрь, отд. IV, стр. 1—40.
2615. И. Т. Мусульманскія училища Туркестанскаго края.—1874, ч. 176, декабрь, отд. III, стр. 23—34.
2616. Новыя учебныя руководства для татаръ-магометанъ (Биликъ.—Хисаблыкъ.—Грамматика русскаго языка для татаръ восточной Россіи. Тиликъ. Часть 1). з. Радлова. — Рец. Н. Ильминскаго, 1873, ч. 167, іюнь, отд. II, стр. 370—374.
2617. Выписка изъ письма начальника Алтайской миссіи, архимак-

- држта Владимира, къ гр. Д. А. Толстому изъ Томска, отъ 26-го марта 1871 г. (Объ обученіи инородцевъ алтайцевъ ихъ народному языку).—1871, ч. 155, май, отд. IV, стр. 130—131.
2618. Н. И. Золотницкій. Отчетъ за 1867 г. состоящаго при управленіи Казанскаго учебнаго округа инспектора чувашскихъ школъ. — 1868, ч. 138, апрѣль, отд. III, стр. 1—45.
2619. З — скій. О крещенныхъ татарахъ деревни „Большой Арияшъ“ Казанской губерніи Мамадышскаго уѣзда. — 1868, ч. 137, мартъ, отд. III, стр. 348—364.
2620. Н. И. Ильминскій. Школа для первоначальнаго обученія дѣтей крещенныхъ татаръ въ Казани. — 1867, ч. 134, июнь, отд. III, стр. 293—328.
2621. Н. И. Ильминскій. О пере-
- водѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ, при христіано-татарской школѣ въ Казани. — 1870, ч. 152, ноябрь, отд. IV, стр. 1—15.
2622. Н. П. Остроумовъ. Запѣтка объ отношеніи Мохаммеданства къ образованію татаръ.—1872, ч. 161, июнь, отд. IV, стр. 87—110.
2623. Р—къ. Взглядъ на бытовую и административную организацію русскихъ евреевъ.—1868, ч. 137, мартъ, отд. III, стр. 365—394.
2624. В. Т. Тимоеевъ. Миссіонерско-педагогическій дневникъ старо-крещеннаго татарина.—1867, ч. 140, ноябрь, стр. 209—240.
2625. Устройство и освященіе храма при Симбирской центральной чувашской школѣ.—1885, ч. 239, июнь, отд. IV, стр. 57—65. (Рѣчь законоучителя о. Медвѣдева).

II. ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

А. Статьи.

2626. П. П. Алексѣевъ. Высшая школа практическихъ занятій во Франціи (Ecole pratique des hautes études).—1886, ч. 247, октябрь, отд. III, стр. 33—45.
2627. П. П. Алексѣевъ. Химическая лабораторія въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. — 1870, ч. 152, ноябрь, отд. IV, стр. 83—100.
2628. Васовъ. Преподаваніе отечественнаго и классическаго языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. — 1870, ч. 150, июль, отд. III, стр. 36—88, августъ, стр. 125—183.
2629. О. Д. Ватюшковъ. Запѣтки о преподаваніи романской филологіи и французской литературы въ Парижѣ.—1889, ч. 264, августъ, отд. IV, стр. 17—33.
2630. И. И. Веллярминовъ. Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. — 1873, ч. 170, декабрь, отд. III, стр. 45—92.
2631. И. И. Веллярминовъ. Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ.—1874, ч. 171, январь, отд. III, стр. 1—31.
2632. Вергъ. Промышленныя и ремесленныя учебныя заведенія въ Пруссіи, Виртембергѣ, Баваріи, Саксоніи и Богеміи.—1869, ч. 143, май, отд. III, стр. 1—45; июнь, отд. III, стр. 131—153.
2633. Л. Верезинъ. О состояніи учебныхъ заведеній въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи.—1877, ч. 190, мартъ, отд. III, стр. 1—20.
2634. С. И. Вогдановъ. Сальско-

- хозяйственный институтъ при университетѣ въ Галле.—1889, ч. 266, ноябрь, отд. III, стр. 1—34.
2635. А. Г. Вриммеръ. О такъ называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ Германіи.—1870, ч. 152, декабрь, отд. III, стр. 147—180.
2636. П. И. Вроуновъ. Письма изъ за границы (I. Берлинъ).—1887, ч. 252, июль, отд. IV, стр. 46—61; (II. Гамбургъ. III. Брюссель) августъ, стр. 122—134; (IV. Парижъ. V. Люцеръ) ч. 253, сентябрь, стр. 9—22; (VI. Вѣна) ч. 254, ноябрь, стр. 14—29.
2637. Э. И. Вуслаевъ. Начальное обученіе въ швейцарской народной школѣ и отечественный языкъ въ гимназіяхъ.—1870, ч. 151, сентябрь, отд. IV, стр. 106—121.
2638. Н. X. Вессель. Ремесленные школы и промышленныя провинціальныя училища въ Пруссіи.—1867, ч. 134, май, отд. II, стр. 481—525.
2639. Н. В. Школы для взрослыхъ въ Бельгіи.—1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 421—430.
2640. А. С. Вороновъ. О содержаніи учителей и учительницъ народныхъ училищъ въ Пруссіи.—1875, ч. 179, июнь, отд. III, стр. 49—59.
2641. А. И. Воейковъ. Письма изъ за границы. (I. Лозанна. II. Вѣна).—1886, ч. 248, декабрь, отд. IV, стр. 71—84; (III. Берлинъ) 1887, ч. 249, январь, стр. 90—103; (IV. Вѣна. V. Прага), февраль, стр. 152—168; (VI. Геттингенъ), ч. 250, мартъ, отд. IV, стр. 31—41; (VII. Мюнхенъ. VIII. Парижъ), ч. 253, октябрь, стр. 55—87; (IX. Лионъ) ч. 254, декабрь, стр. 116—136; (X. Базель). 1888, ч. 255, февраль стр. 80—97; (XI. Римъ). 1888, ч. 257, май, отд. IV, стр. 22—40; июнь, стр. 96—109.
2642. Вопросъ о начальномъ народномъ образованіи въ англійскомъ парламентѣ и въ періодической литературѣ.—1867, ч. 135, июль, отд. III, стр. 75—97.
2643. Вопросы по народному просвѣщенію въ англійскомъ парламентѣ.—1868, ч. 137, январь, отд. III, стр. 69—88.
2644. Къ вопросу о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи.—1876, ч. 183, февраль, отд. III, стр. 24—36.
2645. Къ вопросу объ обремененіи учащихся въ Германіи. (По поводу книги: Verhandlungen der Commission zur Prüfung der Frage der Ueberbürdung der Schüler höherer Lehranstalten des Grossherzogthums. Bericht und Protokolle. Darmstadt. 1883).—1893, ч. 230, ноябрь, отд. III, стр. 1—26.
2646. А. М. Гезекъ. Техническія учебныя заведенія въ Европѣ.—1874, ч. 171, февраль, отд. II, стр. 43—101; ч. 172, мартъ, стр. 1—49; апрѣль, стр. 71—92 (съ чертежами), ч. 173, май, стр. 1—63 (съ планами); 1875, ч. 178, мартъ, стр. 1—62; 1877, ч. 191, май, отд. III, стр. 1—37; июнь, стр. 39—83.
2647. А. М. Гезекъ. Устройство заграничныхъ учебныхъ заведеній. I. Пруссія. II. Франція.—1879, ч. 202, апрѣль, отд. III, стр. 31—84.
2648. А. Георгіевскій. О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи.—1878, ч. 195, январь, отд. IV, стр. 1—57; ч. 196, мартъ, стр. 83—143.
2649. А. И. Георгіевскій. О реальномъ образованіи въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, Баваріи и Швейцаріи.—1871, ч. 158, декабрь, отд. III, стр. 97—237.
2650. Германскія семинаріи для приготовления учителей народныхъ

- школь.—1875, ч. 181, октябрь, отд. III, стр. 37—100.
- 2651.** В. В. Григорьевъ. Общество распространения полезныхъ знаний въ Лагорѣ и возникшій тамъ проектъ объ учрежденіи восточнаго университета. — 1867, ч. 133, февраль, отд. III, стр. 292—297.
- 2652.** В. Григмутъ. О значеніи и употребленіи латинскихъ и греческихъ вокабуляріевъ въ Германіи.— 1877, ч. 191, май, отд. V, стр. 1—15.
- 2653.** К. Я. Гротъ. Историческій институтъ при Вѣнскомъ университетѣ.—1884, ч. 232, апрѣль, отд. III, стр. 83—103.
- 2654.** Г. Гулевичъ. Гимназія и приготовительная школа въ Германіи.— 1870, ч. 152, ноябрь, отд. III, стр. 1—32; декабрь, отд. III, стр. 107—147.
- 2655.** Дополнительные свѣдѣнія объ арабо-французскихъ школахъ въ Алжирѣ. (Переводъ съ французскаго статей гг. Дастьюга и Дюга). —1869, ч. 143, июнь, отд. IV, стр. 268—281.
- 2656.** Н. В. Довнаръ. Школы для взрослыхъ во Франціи. — 1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 408—421.
- 2657.** Н. В. Довнаръ. Начальное и специальное образование въ Бельгіи.—1867, ч. 133, февраль, отд. III, стр. 251—291; ч. 134, июнь, стр. 388—440; ч. 136, октябрь, стр. 82—146.
- 2658.** И. Г. Дрожженъ. О научно-практическихъ занятіяхъ студентовъ въ германскихъ университетахъ, преимущественно по исторіи.—1869, ч. 145, октябрь, отд. III, стр. 79—92.
- 2659.** Дѣтскіе пріюты и народныя бібліотеки въ Италіи.—1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 431—442.
- 2660.** О женскомъ врачебномъ образованіи въ различныхъ государствахъ Европы и въ Сѣверной Америкѣ.—1884, ч. 236, ноябрь, отд. IV, стр. 24—56.
- 2661.** Законъ объ обязательномъ обученіи въ Италіи.—1878, ч. 195, январь, отд. IV, стр. 67—103.
- 2662.** С. Ивановъ. Учебныя заведенія во Франціи и въ Италіи.—1881, ч. 214, мартъ, отд. IV, стр. 1—35; апрѣль, стр. 89—150; ч. 215, май, стр. 1—70.
- 2663.** В. В. Игнатовичъ. Бельгійскіе университеты. — 1867, ч. 135, июль, отд. II, стр. 125—143; ч. 135, августъ, отд. II, стр. 414—460.
- 2664.** В. В. Игнатовичъ. Элементарное обученіе въ Пруссіи.—1869, ч. 142, мартъ, отд. III, стр. 1—19; апрѣль, стр. 98—130; ч. 143, май, стр. 46—64.
- 2665.** Извѣстія и замѣтки. (О гуманномъ элементѣ въ воспитаніи. Къ вопросу о домашнихъ занятіяхъ учениковъ нѣмецкихъ гимназій).— 1873, ч. 165, январь, отд. IV, стр. 91—97.
- 2666.** Иностранная педагогическая хроника. (Общее собраніе нѣмецкихъ учителей въ Гильдесгеймѣ. Первый общій съѣздъ австрійскихъ учителей въ Вѣнѣ. Общее собраніе общества Песталоцци. Съѣздъ веймарскихъ учителей. Съѣздъ ангалтскихъ учителей. Новыя школы въ Англіи. Митингъ учителей въ Абердинѣ). — 1868, ч. 137, январь, отд. III, стр. 89—116.
- 2667.** Иностранная педагогическая хроника. (Пруссія. Статья Фритце о реальныхъ училищахъ. Керъ объ учительскихъ семинаріяхъ. Вопросъ объ элементарной одноклассной школѣ. Планъ устройства среднихъ школъ. Дополнительные семинаріи). —1872, ч. 162, августъ, отд. IV, стр. 125—146.

- 2668.** Иностранная педагогическая хроника. (Двадцатый съезд нѣмецкихъ учителей въ Гамбургѣ).— 1872, ч. 163, октябрь, отд. IV, стр. 242—262.
- 2669.** Иностранная учебная хроника. (Бельгія: пренія о подчиненіи школъ для взрослыхъ духовной инспекціи. Австрія: проектъ закона объ изъятіи воспитанія отъ опеки церкви. Швейцарія: законъ объ удаленіи членовъ религіозныхъ конгрегацій отъ обученія).—1868, ч. 138, июнь, отд. III, стр. 356—373.
- 2670.** Иностранная учебная хроника. Франція. (Петиція противъ матеріалистическихъ ученій парижскихъ факультетовъ. Вопросъ о свободѣ высшаго обученія. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на 1869 годъ. Нормальная школа. Оппозиція духовенства. Народное образованіе въ Алжирѣ. Статья Фреми объ обеспеченіи ученихъ). Греція. (Ученіи народнаго образованія).—1868, ч. 139, сентябрь, отд. III, стр. 497—521.
- 2671.** Иностранная учебная хроника. Австрія. (Законъ объ ограниченіи школы отъ вліянія церкви. Pädagogium, частный педагогическій институтъ Диттеса въ Вѣнѣ).—Бельгія. (Обученіе взрослыхъ).—Баденъ. (Новый законъ о начальномъ обученіи. Состояніе просвѣщенія въ странѣ).—Франція. (Вопросъ о греческомъ языкѣ. Декретъ о лабораторіяхъ для обученія и изслѣдованій. Ecole pratique des hautes études).—1868, ч. 140, ноябрь, отд. III, стр. 271—292.
- 2672.** Иностранная учебная хроника: (Франція. Италия) 1869, ч. 142, апрѣль, отд. IV, стр. 236—258; (Франція) 1869, ч. 143, июнь, отд. IV, стр. 282—298; (Пруссія. Турція) 1869, ч. 144, июль, отд. IV, стр. 90—102.
- 2673.** Иностранная учебная хроника (Австрія, Пруссія, Италия). — 1870, ч. 147, январь, отд. IV, стр. 100 — 126.
- 2674.** Иностранная учебная хроника (Пруссія, Австрія, Швейцарія).— 1870, ч. 148, мартъ, отд. IV, стр. 112 — 125.—(Баденъ), ч. 149, май, стр. 123—141.
- 2675.** Иностранная учебная хроника. — 1870, ч. 150, августъ, отд. IV, стр. 275 — 309. (Франція. Комиссія Гизо о высшемъ образованіи. Англія. Билль Форстера о начальномъ народномъ образованіи въ Англіи и Уэльсѣ).
- 2676.** Иностранная учебная хроника.— (Франція, Англія, Австрія, Турція).— 1870, ч. 151, сентябрь, отд. IV, стр. 122—134. — (Италія. О преобразованіи астрономическихъ обсерваторій).—Октябрь, стр. 260—265.
- 2677.** Иностранная учебная хроника. Италия.—1870, ч. 152, ноябрь, отд. IV, стр. 100—101.
- 2678.** Иностранная учебная хроника. Австрія. — 1871, ч. 153, январь, отд. IV, стр. 124 — 158. — Италия. февраль, стр. 310—314.
- 2679.** К. О. Пренодаваніи русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Сербіи. — 1880, ч. 209, май, отд. IV, стр. 72—75.
- 2680.** И. А. Каблуковъ. Описаніе нѣкоторыхъ музеевъ и лабораторій въ Германіи и Франціи. — 1890, ч. 271, октябрь, отд. IV, стр. 83—106.
- 2681.** Ен. М. Канталузинъ. Педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ. — 1879, ч. 201, февраль, отд. IV, стр. 160—176.
- 2682.** Е. М. Канталузинъ графъ Сперанскій. Народное просвѣщеніе въ Японіи.—1879. ч. 204, июль, отд. IV, стр. 5—45.
- 2683.** А. Кирпичниковъ. Академія новѣйшей филологіи въ Берлинѣ.—

- 1878, ч. 198, августъ, отд. IV, стр. 65—80.
2684. А. Кирпичниковъ. О преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ нѣмецкихъ университетахъ.—1870, ч. 149, май, отд. III, стр. 66—80.
2685. А. И. Кирпичниковъ. Училищныя лѣтописи въ Германіи.—1879, ч. 204, июль, отд. III, стр. 1—11.
2686. А. Э. Кюстиковскій. Итальянскіе университеты. — 1874, ч. 173, июнь, отд. III, стр. 65—88; ч. 174, июль, стр. 1—29.
2687. А. Э. Кюстиковскій. О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи.—1874, ч. 171, февраль, отд. III, стр. 102—118.
2688. Колосовъ. Пражскія гимназіи и преподаваніе въ нихъ отечественнаго языка и словесности.—1871, ч. 156, августъ, отд. III, стр. 125—145.
2689. М. Костичъ. Современное состояніе школъ въ Черногоріи.—1873, ч. 169, сентябрь, отд. III, стр. 1—29.
2690. А. I. Кочетовъ. Городскія училища Берлина съ эконопической и административной стороны.—1872, ч. 159, январь, отд. III, стр. 1—21.
2691. А. Кочетовъ. Учебныя пособия для начальныхъ училищъ на всемірной выставкѣ. Корреспонденція изъ Парижа. — 1867, ч. 134, май, отд. III, стр. 256—265.
2692. С. Л. Заграничная корреспонденція. Парижъ. (Преобразование высшаго совѣта народнаго просвѣщенія и академическихъ совѣтовъ. Устройство женскихъ гимназій. Отчетъ объ успѣхахъ народнаго образованія во Франціи за 40 лѣтъ. Отчетъ Поля Беръ о первоначальномъ обученіи).—1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 60—76.
2693. Латинскій языкъ въ Саксонскихъ учительскихъ семинаріяхъ.—1874, ч. 178, июнь, отд. IV, стр. 128—132.
2694. В. И. Л. Распространеніе русскаго языка у западныхъ славянъ.—1867, ч. 134, июль, отд. III, стр. 441—447.
2695. Л. Л—ръ. Письма изъ Парижа. Октябрь 1869 года. (Экзамены на учительское званіе. Научныя новости).—1869, ч. 146, декабрь, отд. II, стр. 389—421. Съ замѣткой *отъ редакціи* о всеобщемъ библиографическомъ обществѣ (стр. 421—424).
2696. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1869. (Высшее филологическое образованіе. Сорбонна. Мишеле о женскомъ образованіи и университетѣ. Гишо (Hippau) объ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Женское образованіе во Франціи. Курсы для женщинъ при Сорбоннѣ. Литературныя и научныя новости).—1870, ч. 147, январь, отд. II, стр. 172—194.
2697. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. Январь 1870. (Бывшій министръ просвѣщенія Бурбо. Дѣятельность министровъ съ 1852 г. Статья Альберта Дюрюи о высшемъ преподаваніи. Отставка Леверрье, директора Парижской обсерваторіи. Изданія знаменитыхъ французскихъ писателей Гашетомъ. Новости литературныя).—1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 499—526.
2698. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Подѣльные документы Люкаса, проданные г. Шаль. Министръ Сегризь. Вопросъ о свободѣ преподаванія и даровомъ обязательномъ начальномъ обученіи. Новости ученой и педагогической литературы).—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 237—256.
2699. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. Мартъ и апрѣль 1870.—(Сорбонна и

- ея учрежденія. Воспитаніе женщнвъ. Мнѣніе о немъ Эжена Пеллетона и Дюпанлу. Мѣры министра Дюрюя. Курсы для дѣвиць въ Сорбоннѣ. Новости научныя).—1870, ч. 148, апрѣль, отд. II, стр. 477—493.
2700. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Май 1870. (Collège de France, ея исторія и состояніе. Научныя новости).—1870, ч. 149, май, отд. II, стр. 226—244.
2701. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Іюнь 1870 года. (Смѣна министерствъ просвѣщенія. Вопросъ о свободѣ преподаванія и первоначальномъ обученіи. Новости ученые).—1870, ч. 149, іюнь, отд. II, стр. 460—478.
2702. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Іюль 1870. (Коммиссія Гизо, по вопросу о высшемъ образованіи. Вопросъ о соединеніи факультетовъ. Мысли Бролья Лабуле, Дюрюя о высшемъ образованіи. Высшая нормальная школа въ Парижѣ. Новости научныя).—1870, ч. 150, іюль, отд. II, стр. 175—199.
2703. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Августъ 1870 года. (Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія. Пренія по поводу его въ палатѣ. Министерство изящныхъ искусствъ. вспомоательныя средства для учащихся. Война и патриотизмъ учащихся. Новости научныя). — 1870, ч. 150, августъ, отд. II, стр. 328—343.
2704. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Вопросъ объ обязательномъ обученіи, классическомъ образованіи и свободѣ высшаго преподаванія. Свободная школа политическихъ наукъ. Французская академія. Новости научныя).—1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 88—102.
2705. Л. Л.—рѣ. Письма изъ Парижа. (École de Chartes. École française d' Athènes. Академія надписей и словесности. Книга Бреала о народномъ образованіи во Франціи. Научныя новости). — 1872, ч. 160, мартъ, отд. IV, стр. 70—93.
2706. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Еще о книгѣ Бреала. Новости научныя).—1872, ч. 160, апрѣль, отд. IV, стр. 156—163.
2707. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія. Годичное собраніе ученыхъ обществъ въ Сорбоннѣ. Вопросъ о начальномъ обученіи. Научныя новости).—1872, ч. 161, май, отд. IV, стр. 63—82.
2708. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Преобразованія Жюль Симона въ народномъ образованіи. Полемика по поводу книги Бреала. Книга Лавеле о народномъ образованіи. Научныя новости). — 1873, ч. 165, январь, отд. IV, стр. 73—90.
2709. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Февраль 1873 года. (Совѣтъ министра просвѣщенія. Оппозиція реформамъ Ж. Симона. Декретъ объ администраціи Collège de France. Научныя новости). — 1873, ч. 166, мартъ, отд. IV, стр. 93—114.
2710. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Совѣтъ министра просвѣщенія. Инспекція учебныхъ заведеній. Декретъ объ афинской археологической школѣ. Диспуты въ Сорбоннѣ. Ученныя новости).—1873, ч. 167, май, отд. IV, стр. 42—52.
2711. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Годичное собраніе ученыхъ обществъ въ Парижѣ. Рѣчь Ж. Симона о недостаткахъ преподаванія въ словесныхъ факультетахъ. Состояніе Сорбонны. Новости ученые). — 1873, ч. 167, іюнь, отд. IV, стр. 118—130.
2712. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Іюнь 1873 года. (Ваддингтонъ, Батби и Бѣле—преемники Ж. Симона. Бюджетъ)

- жеть 1874 г. Ученныя новости). — 1873, ч. 168, июль, отд. IV, стр. 38—47.
2713. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Августъ 1873 года. (Общій конкурсъ парижскихъ и версальскихъ лицеевъ. Некрологъ профессора Филарета Шаль). — 1873, ч. 169, сентябрь, отд. IV, стр. 57—63.
2714. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Сентябрь 1873 года. (Коммиссія по поводу экзаменовъ на степень бакалавра. Педагогическій съездъ въ Лионѣ. Конгрессъ ориенталистовъ въ Парижѣ. Новости ученые и литературныя). — 1873, ч. 169, октябрь, отд. IV, стр. 98—110.
2715. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Ноябрь 1873 года. (Публичныя засѣданія академіи. Академическія преміи. Ученныя новости). — 1873, ч. 170, декабрь, отд. IV, стр. 118—129.
2716. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Докладъ Патена и циркуляръ Батби о реформѣ Ж. Симона. Народныя школы въ Алжирѣ. Научныя новости). — 1873, ч. 170, ноябрь, отд. IV, стр. 50—64.
2717. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1873 года. (Новый министръ Фурту. Дежарденъ—помощникъ статсъ-секретаря. Прешія по поводу бюджета министерства просвѣщенія. Правительственный надзоръ надъ преподаваніемъ. Вопросъ о частныхъ университетахъ. Ученныя новости). — 1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 35—49.
2718. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1873 года. (Реформы въ высшемъ образованіи. Collège de France. Школа восточныхъ нарѣчій. Литературныя новости). — 1874, ч. 171, февраль, отд. IV, стр. 132—140.
2719. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Февраль 1874 года. (Собраніе со- вѣта министерства народнаго просвѣщенія. Военныя прогулки. Некрологъ Мишле. Повости научныя). — 1874, ч. 172, мартъ, отд. IV, стр. 27—37.
2720. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Французская академія и академія надписей. Максимъ Дюкашъ о парижскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ученныя новости). — 1874, ч. 172, апрѣль, отд. IV, стр. 83—92.
2721. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Апрель 1874 года. (Рѣчи министра въ Сорбоннѣ. Конгрессъ ученыхъ обществъ. Общество для изученія романскихъ нарѣчій въ Монпелье. Политехническая ассоціація. Литературныя и научныя новости). — 1874, ч. 173, май, отд. IV, стр. 70—81.
2722. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Май 1874 года. (Испытанія на степень бакалавра. Повости ученые и литературныя). — 1874, ч. 173, июнь, отд. IV, стр. 133—140.
2723. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1874 года. (Программы лицеевъ и коллежей. Повости научныя). — 1874, ч. 176, ноябрь, отд. IV, стр. 84—93.
2724. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Ноябрь 1874 года. (Рѣчь министра Кюмона о состояніи просвѣщенія во Франціи. Повости научныя). — 1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 220—228.
2725. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Вопросъ о свободѣ преподаванія. Мишнн Бера, Боссира, Дюпанлу. Французская Ааинская школа. Повости научныя). — 1875, ч. 177, январь, отд. IV, стр. 16—23.
2726. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Министръ просвѣщенія Валлонъ. Повости научныя). — 1876, ч. 178, апрѣль, отд. IV, стр. 137—144.
2727. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Пари-

- жа. (Финансовое состояніе министерства просвѣщенія. Литературныя новости).—1875, ч. 179, июнь, отд. IV, стр. 88—94.
2728. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Утвержденіе закона о свободѣ преподаванія. Научныя новости).—1875, ч. 180, августъ, отд. IV, стр. 182—190.
2729. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1875 года. (Католическіе факультеты. Содержаніе учителей народныхъ школъ. Ученые конгрессы. Литературныя и научныя новости).—1875, ч. 182, ноябрь, отд. IV, стр. 48—57.
2730. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Ноябрь 1875 года. (Улучшенія въ организаціи правительственныхъ факультетовъ. Реформы Валлона. Научныя новости).—1875, ч. 182, декабрь, отд. IV, стр. 116—124.
2731. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1876 г. (Римская археологическая школа. Католическій факультетъ въ Парижѣ. Низшія училища въ Парижѣ. Ученныя новости).—1876, ч. 183, январь, отд. IV, стр. 34—41.
2732. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Январь. (Католическій университетъ въ Парижѣ. Содержаніе профессоровъ. Кляга Габріэля о реформѣ высшаго преподаванія. Мнѣнія Моно, о. Дидона. Новосты научныя).—1876, ч. 183, февраль, отд. IV, стр. 107—118.
2733. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Февраль 1876 г. (Свобода высшаго преподаванія и контроль правительства. Публичныя лекціи адъюнкты-профессоровъ. Французская Афинская школа. Школа восточныхъ языковъ. Повости ученые).—1876, ч. 184, мартъ, отд. IV, стр. 55—67.
2734. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Июнь-июль 1876. (Министръ про-
свѣщенія Ваддингтонъ. Его рѣчь въ Сорбоннѣ. Измѣненія въ законѣ о свободѣ высшаго преподаванія. Съѣздъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ. Національная бібліотека. Научныя новости).—1876, ч. 186, августъ, отд. IV, стр. 100—114.
2735. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Августъ 1876 г. (Пренія по поводу предложенныхъ Ваддингтономъ измѣненій въ законѣ о свободѣ высшаго преподаванія. Бюджетъ министерства народного просвѣщенія).—1876, ч. 187, сентябрь, отд. IV, стр. 78—85.
2736. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Клерикальныя высшія учебныя заведенія. Афинская археологическая школа. Научныя новости).—1877, ч. 189, январь, отд. IV, стр. 68—78.
2737. Л. Л.—рѣ. Изъ Парижа. (Вопросъ о даровомъ обученіи. Католическій университетъ въ Лионѣ. Книга Ке де-С. Амура: *Annaire des sciences historiques*. Новосты ученые).—1877, ч. 190, мартъ, отд. IV, стр. 16—24.
2738. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Новый министръ просвѣщенія Брюне. Научныя новости).—1877, ч. 194, ноябрь, отд. IV, стр. 56—64.
2739. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1877 года. (Участіе министерства просвѣщенія въ выставкѣ. Министръ Фе (Faue). Научныя новости).—1878, ч. 195, январь, отд. IV, стр. 104—111.
2740. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Февраль. (Пренія въ палатѣ депутатовъ по поводу бюджета министерства просвѣщенія. Новосты научныя).—1878, ч. 196, апрѣль, отд. IV, стр. 284—293.
2741. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Апрель. (Циркуляръ Барду о *maitres de conférence*, приватъ-до-

- центахъ. Общество для изученія вопросовъ высшаго преподаванія. Научныя новости). — 1878, ч. 197, май, отд. IV, стр. 21—29.
2742. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Июль. (Организація школъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Научныя новости). — 1878, ч. 198, августъ, отд. IV, стр. 129—315.
2743. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Участіе министерства просвѣщенія въ выставкѣ. Книга Греара объ училищахъ Парижа и департамента Сены. Состояніе среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи. Научныя новости).—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 228—243.
2744. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Статистика факультетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Сборникъ „Mélanges publiés par la section historique et philologique de l'école des hautes études pour le 10—ème anniversaire de sa fondation“.—Revue celtique).—1879, ч. 201, февраль, отд. IV, стр. 212—224.
2745. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Общество вопросовъ высшаго преподаванія. Учено-литературныя новости).—1879, ч. 202, апрѣль, отд. IV, стр. 108—116.
2746. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Проекты Ж. Ферри о верховномъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія и о свободѣ преподаванія.—Annales de la faculté de lettres de Bordeaux.—Трудъ Комшаре по исторіи педагогическихъ системъ во Франціи.—Педагогическія изданія.—Новости литературы.—„Les ennemis de Racine au XVIe s.“—Дельтура, „L'institut et les académies de province“—Булье, и др.)—1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 181—188.
2747. Л. Л.—рѣ. Заграничная корреспонденція. Парижъ. (Верховный совѣтъ народнаго просвѣщенія. Женскія гимназій. Доровое начальное обученіе. Каѳедра исторіи религій въ Collège de France. Ученныя новости).—1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 77—80.
2748. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Организація высшаго совѣта народнаго просвѣщенія. Ученый конгрессъ въ Сорбоннѣ и его труды. Труды Cougny, Valroger, Bulliot, Roidot, Cheruel по исторіи Галліи; „Nouvelles études Slaves“, par L. Leger. Славянская бібліотека Legoux. Другія ученныя извѣстія). — 1880, ч. 209, июнь, отд. IV, стр. 179—191.
2749. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Перемены въ программахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Научныя новости).—1880, ч. 212, ноябрь, отд. IV, стр. 48—56.
2750. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Закопъ объ обязательномъ и безплатномъ народномъ образованіи. Дѣятельность Société de l'enseignement supérieur. Литературныя и научныя новости). — 1881, ч. 213, февраль, отд. IV, стр. 172—179.
2751. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Revue internationale de l'enseignement public—органъ Общества сношенствования успѣхамъ высшаго образованія. Новости литературныя). — 1881, ч. 216, июль, отд. IV, стр. 28—35.
2752. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Рѣчь министра просвѣщенія о преобразованіи реальныхъ училищъ. Закопъ о нормальныхъ школахъ. Бюджетъ министерства просвѣщенія. — Новые труды Ж. Перро, Э. Рейе, Лонормана, Ш. Гро, Константа и другихъ по изученію классицизма.—Переписка Галіана, изданная гг. Пере и Могра. Мемуары Ламартина. Некрологъ: Шарль Жиро и Поль С. Викторъ). — 1881, ч. 218, ноябрь, отд. IV, стр. 53—59.

2753. Л. Л—ръ. Педагогическая корреспонденция. Письмо изъ Парижа. (Женскіе лица. Частное общество въ Парижѣ для поширенія успѣховъ женскаго образованія. Каедры кельтической филологіи въ Collège de France и исторіи и географіи Востока въ Ecole de langues orientales).—1882, ч. 220, мартъ, отд. III, стр. 37—43.
2754. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. Май 1882 года. (Рѣчь министра просвѣщенія въ Сорбоннѣ. „Народное образованіе и революція“—Альберта Дюрюи. „Педагогическія поѣздки“—Бреали. „Новое воспитаніе, изслѣдованіе сравнительной педагогики“—сочиненіе г. Дрейфусъ-Брисака“. „Нѣскольکو реформъ въ начальныхъ школахъ“—Алема.—Новости научныя).—1882, ч. 221, іюнь, отд. IV, стр. 127—137.
2755. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Министръ просвѣщенія Дюво. Образовательныя прогулки во время лѣтнихъ каникулъ. [Отношенія преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. „Историческое общество“ въ Парижѣ. Организациа конференцій факультетовъ.—Труды по исторіи искусствъ Перро и Шишье, Тэна. Фольклоръ. Труды по исторіи Россіи Леруа-Болье, Креанжа, по педагогикѣ Бюиссона и др.)—1882, ч. 224, ноябрь, отд. IV, стр. 58—68.
2756. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Реформы въ высшемъ преподаваніи. Ecole du Louvre. Французская Аѳинская школа. Среднее женское образованіе. — Новости ученыхъ и литературныя). — 1883, ч. 225, февраль, отд. IV, стр. 127—137.
2757. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Ж. Ферри—министръ просвѣщенія и его сотрудники. Общее собраніе ученыхъ обществъ. Педагогическій съѣздъ. Обмѣнъ академическими изданіями. Комиссія для описанія архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Новое историческое общество въ Парижѣ. Эм. Эгже о реформахъ въ среднемъ и высшемъ образованіи. Книга Кюшвала Клариньи о народномъ образованіи во Франціи. Новости научно-литературныя).—1883, ч. 227, май, отд. IV, стр. 45—52.
2758. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Вопросъ объ отбываніи воинской повинности учащимися. Интернаты. Недоступность для ученыхъ архивовъ военнаго и морскаго министерствъ. Брюшюра Фламмермона о кражѣ автографовъ изъ послѣдняго. Новости научно-литературныя).—1883, ч. 228, іюль, отд. IV, стр. 55—63.
2759. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Вопросъ о свободныхъ курсахъ при факультетахъ. Провинціальныя факультеты прежде и теперь. Шестой съѣздъ ориенталистовъ въ Лейденѣ. Славянскія рукописи въ Лейденѣ. Новости учено-литературныя). — 1883, ч. 230, ноябрь, отд. IV, стр. 50—61.
2760. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. („Ежегодникъ курсовъ высшаго преподаванія за 1882—1883 учебный годъ“. Новая каедры. Студенты словеснаго факультета. Свободныя лекціи лицъ не принадлежащихъ факультету. Жалованье профессоровъ. Ферри о факультетахъ и университетахъ. Женскія гимназіи. Новости учено-литературныя).—1884, ч. 232, мартъ, отд. IV, стр. 21—32.
2761. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Выборы въ совѣтъ министерства просвѣщенія. Новости научныя).—1884, ч. 233, іюнь, отд. IV, стр. 124—134.
2762. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа. (Женское образованіе. Образовательныя экскурсіи.—Новости науч-

- но-литературныя). — 1884, ч. 234, июль, отд. IV, стр. 48—59.
2763. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. (Исторія l'école Normale. Высшее и среднее преподаваніе во Франціи. Реальныя гимназіи. Статистика начального обученія. Некрологъ Альбера Дюмона и Станислава Гюара).— 1884, ч. 236, октябрь, отд. IV, стр. 43—49.
2764. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Февраль 1885 года. (Сокращеніе программъ среднихъ учебныхъ заведеній. Университетскій вопросъ. Студенческія общества. Студенты иностранцы въ Парижѣ. Измѣненія въ составѣ французской коллегіи. Кафедра славянскихъ языковъ. Распространеніе французскаго языка въ колоніяхъ и за границей. Союзъ распространенія французскаго языка. Новости учено-литературныя). — 1885, ч. 238, мартъ, отд. IV, стр. 82—92.
2765. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Май 1885. (Вопросъ объ экзаменѣ на степень бакалавра. Съѣздъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ въ Сорбоннѣ. Публичныя лекціи въ Сорбоннѣ. Профессоръ Каро. Славянская кафедра. Новости учено-литературныя).—1885, ч. 239, июнь, отд. IV, стр. 66—77.
2766. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Июль 1885. (Общество высшаго преподаванія. Университетскій вопросъ. Клубъ профессоровъ и ученыхъ. — Saint-Simon. Его изданія. Некрологъ Альберта Дюмона. Историко-литературныя новости). — 1885, ч. 240, августъ, отд. IV, стр. 53—63.
2767. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1885 года. (Женскій лицей въ Гаврѣ. Женское образованіе во Франціи. Съѣздъ учителей въ Гаврѣ. Закладка новой Сорбонны. Законъ о суммахъ, завѣщанныхъ факультетамъ. Новости учено-литературныя).—1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 111—121.
2768. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Январь 1886. (Реформы въ факультетахъ. Каталогъ диссертаций.— „La question du Satin“—Раули Фрари. Полемика, ею вызванная. Учено-литературныя новости).—1886, ч. 243, февраль, отд. IV, стр. 92—101.
2769. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Апрель 1886 г. (Хроника университетскихъ учреждений въ Revue internationale de l'enseignement. Студенческія корпораціи. Пожертвованія для частныхъ курсовъ. Новая кафедра. „Melusino“. Книга Бито: „Questions d'enseignement secondaire“. Повости научно-литературныя).—1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 58—66.
2770. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Июнь 1886 года. (Совѣтъ Парижскихъ факультетовъ. Военная повинность. Дисциплинарныя взысканія студентовъ. Необязательные курсы профессоровъ. „Сборникъ законовъ и постановленій по высшему образованію“ Бошана. Новости ученія). — 1886, ч. 246, июль, отд. IV, стр. 39—49.
2771. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1886 года. (Преобразование реальныхъ учебныхъ заведеній. Степень бакалавра. Кризисъ, переживаемый „свободными“ факультетами. Проектъ академіи въ Токио. Столѣтій юбилей Шевреля. Новости научныя). — 1886, ч. 248, ноябрь, отд. III, стр. 32—40.
2772. Л. Л.—рѣ. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1886 г. (Новый министръ просвѣщенія Бертело. Увеличеніе занятій въ школахъ. Новая женскія гимназіи. Общія совѣты провинціальныхъ факультетовъ. Новости на-

- учныя).—1887. ч. 249, январь, отд. IV, стр. 104—116.
2773. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Февраль, 1887 года. („Отчетъ“ Парижскаго общаго совѣта факультетовъ въ 1885—1886 учебномъ году. Единичные факультеты въ провинціальныхъ городахъ. Новости научныя).—1887, ч. 250, апрѣль, отд. IV, стр. 54—67.
2774. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Юль, 1887 г. (Бюджетъ министерства просвѣщенія. Распредѣленіе лекцій. Провинціальные факультеты. Общество дипломатической исторіи въ Парижѣ. Новости ученые и литературныя).—1887, ч. 252, юль, отд. IV, стр. 62—73.
2775. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. (Министръ просвѣщенія Спюллеръ о классическомъ образованіи. Студенческое общество въ Парижѣ. Медицинская академія объ умственномъ утомленіи учащихся. Книга Сикара о классической школѣ до революціи L'education nouvelle ст. Дрейфуса—Бризака. A travers nos écoles—воспоминанія Е. А. Антуаня. Новости научныя).—1887, ч. 253, октябрь, отд. IV, стр. 88—98.
2776. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1887 года. (Соединеніе факультетовъ въ университеты. „Livret de l'etudiant de Paris“. Исторія высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи Ліара. „Bibliographie des sociétés savantes de toute de la France“ — Лефевръ-Попталиса. Научныя новости).—1888, ч. 255, январь, отд. IV, стр. 35—44.
2777. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. (Отчетъ общаго совѣта факультетовъ въ Парижѣ за 1886—1887 г. Провинціальные факультеты. „Education et Instruction“—Греари. Новости научно-литературныя).—1888, ч. 256, апрѣль, отд. IV, стр. 115—125.
2778. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Юль, 1888. (Новые факультеты въ Бордо. Университетъ въ Тулузѣ. Парижскіе студенты. Развитие женскаго образованія. Книга министра Спюллера о воспитаніи. Научныя новости).—1888, ч. 258, юль, отд. IV, стр. 55—63.
2779. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1888. (Рѣчь министра Локруа о классическомъ образованіи. Труды Ліара по исторіи просвѣщенія Франціи. Книга Лагранжа о гѣлесныхъ упражненіяхъ. Новости научныя).—1888, ч. 260, ноябрь, отд. IV, стр. 42—48.
2780. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Январь 1889. (Національная лига французскаго воспитанія. Паскаль Груссе. Филологическое отдѣленіе школы высшихъ знаній. Общее зданіе для учебныхъ обществъ. Музей религіи Гило.—Научныя новости).—1889, ч. 261, февраль, отд. IV, стр. 99—111.
2781. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. (Отчетъ парижскихъ факультетовъ за 1888 годъ. Новости научныя).—1889, ч. 263, отд. IV, стр. 25—35.
2782. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. (Экзамены на степень бакалавра. Отчетъ министра за 1878—1889 г. Научныя новости).—1889, ч. 265, сентябрь, отд. IV, стр. 65—76.
2783. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1889 г. (Открытіе новаго зданія Сорбонны. Краткая исторія ея. Международный конгрессъ высшаго и средняго образованія въ Парижѣ. Статистическій отчетъ министра просвѣщенія за 1876—1889. Школы политическихъ знаній. Научныя новости).—1889, ч. 266, ноябрь, отд. IV, стр. 36—46.
2784. Л. Л.—рз. Письмо изъ Парижа. Декабрь 1889. (Вопросъ о военной повинности по отношенію къ кон-

- чившимъ высшія школы. Коммиссія по улучшенію средняго преподаванія. Общество l'Alliance française. Научныя новости). — 1890, ч. 267, январь, отд. IV, стр. 37—48.
2785. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. Февраль 1890. (Отчетъ общаго совѣта парижскихъ факультетовъ. Лекціи въ провинціальныхъ факультетахъ. Общество изученія вопросовъ по среднему образованію. Книга Рошара о воспитаніи. Научныя новости). — 1890, ч. 268, мартъ, отд. IV, стр. 12—21.
2786. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. Апрель 1890. (Статистическій отчетъ по высшему образованію за 1878—1888. „Cartularium Universitatis Parisiensis“ Дефилы и Шателена. Научныя новости). — 1890, ч. 269, май, отд. IV, стр. 71—82.
2787. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. Июнь 1890. (Шестисотлѣтній юбилей университета въ Монпелье. Лига физическаго воспитанія дѣтей. Ассоціація для преобразованія средняго образованія. Число студентовъ въ Парижѣ. Научныя новости). — 1890, ч. 270, августъ, отд. IV, стр. 99—109.
2788. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. Октябрь 1890 г. (Проектъ 22 іюля 1890 г. объ образованіи университетовъ. Вознагражденіе профессоровъ. Новыя программы среднихъ учебныхъ заведеній. Научныя новости). — 1890, ч. 272, ноябрь, отд. IV, стр. 41—51.
2789. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. Февраль 1891. (Отчетъ общаго совѣта парижскихъ факультетовъ. Студенты-иностранцы. Провинціальные университеты. Лига физическаго воспитанія. Повости научныя). — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. IV, стр. 152—161.
2790. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. Май 1891 года. (Памятная книжка Парижскаго словеснаго факультета за 1890 — 1891 г. Отчеты провинціальныхъ университетовъ. Труды студентовъ. Классицизмъ и среднее образованіе. Новости научныя). — 1891, ч. 276, іюль, отд. IV, стр. 46—54.
2791. Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парижа. (Курсъ средняго образованія безъ древнихъ языковъ. Бреаль о классическомъ образованіи. Научныя новости). — 1891, ч. 278, ноябрь, отд. IV, стр. 21—29.
2792. В. Н. Лемоніусъ. Общеобразовательныя и спеціальныя женскія учебныя заведенія въ Берлинѣ. — 1871, ч. 155, май, отд. III, стр. 34—70.
2793. И. И. Луньякъ. Реформа преподаванія древнихъ языковъ въ австрійскихъ гимназіяхъ. — 1885, ч. 238, мартъ, отд. III, стр. 1—22.
2794. С. Любимовъ. Преподаваніе закона Божія въ германскихъ школахъ. — 1881, ч. 218, декабрь, отд. III, стр. 15—33.
2795. Л. П. Малиновскій. Очеркъ устройства Австрійскихъ гимназій. — 1872, ч. 163, сентябрь, отд. III, стр. 1—28.
2796. С. П. Матвѣевъ. Вопросъ о преподаваніи статистики на Пештскомъ статистическомъ конгрессѣ. — 1877, ч. 192, іюль, отд. IV, стр. 23—30.
2797. Д. Михайловъ. Учительскія семинаріи въ Германіи. — 1873, ч. 167, май, отд. III, стр. 1—29.
2798. Гр. А. А. Мушкинъ-Пушкинъ. Полемика по вопросу о среднемъ образованіи во Франціи. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. III, стр. 49—88.
2799. Графъ А. А. Мушкинъ-Пушкинъ. Народное образованіе въ Италіи. — 1890, ч. 267, февраль, отд. III, стр. 33—99.

- 2800.** Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Высія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. — 1882, ч. 219, февраль, отд. III, стр. 19—53.
- 2801.** Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Забѣтки о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. — 1884, ч. 232, мартъ, отд. III, стр. 1—22; ч. 233, май, стр. 18—32.
- 2802.** Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. По поводу книги Дильмана о реальной школѣ (*Das Realgymnasium, von K. Dillmann*. 1883). — 1884, ч. 236, декабрь, отд. III, стр. 75—84.
- 2803.** Народное просвѣщеніе въ Италіи. — 1868, ч. 139, июль, отд. III, стр. 95—121.
- 2804.** О начальномъ народномъ образованіи въ XIX столѣтіи. — 1867, ч. 134, май, отд. III, стр. 220—255.
- 2805.** Н. Н. Новиковъ. Элементарная школа въ Германіи. — 1873, ч. 165, январь, отд. III, стр. 1—35.
- 2806.** Общій университетскій уставъ королевства Итальянскаго (утвержденный королемъ Викторомъ Эмануиломъ II въ Туринѣ 3 октября 1875 г.). — 1876, ч. 184, мартъ, отд. IV, стр. 14—44.
- 2807.** Общій уставъ Итальянскихъ университетовъ. — 1877, ч. 191, июнь, отд. III, стр. 53—94.
- 2808.** Очеркъ дѣятельности французскаго министерства народнаго просвѣщенія въ 1867 г. — 1868, ч. 140, ноябрь, отд. III, стр. 241—270.
- 2809.** И. И. Паллоновъ. Заведенія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. — 1869, ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 1—42; декабрь, отд. III, стр. 147—189.
- 2810.** И. Паллоновъ. Вѣнскій конгрессъ о воспитаніи слѣпыхъ. — 1874, ч. 175, сентябрь, отд. III, стр. 17—56.
- 2811.** Ив. Парандопуло. Халкійская Богородичная обитель, обращенная въ училище. — 1867, ч. 135, июль, отд. III, стр. 19—30.
- 1812.** А. Л. Петровъ. Женскія учебныя заведенія въ Австріи (Цислейтаніи). — 1890, ч. 270, июль, отд. III, стр. 1—62.
- 2813.** И. В. Помяловскій. Филологическая семинарія и занятія латинскою эпиграфикою проф. Ричля. — 1870, ч. 152, ноябрь, отд. III, стр. 33—60.
- 2814.** И. П. Филологическая семинарія проф. Гаупта въ Берлинѣ, въ зимній семестръ 1869—1870 года. — 1870, ч. 149, май, отд. III, стр. 18—38.
- 2815.** И. П. Съездъ германскихъ филологовъ и педагоговъ въ Карлсруэ въ 1882 году. — 1883, ч. 227, июнь, отд. IV, стр. 53—70.
- 2816.** И. В. Помяловскій. Преподаваніе классической филологіи въ германскихъ университетахъ. (По поводу книги: *Trois universités allemandes considérées au point de vue de l'enseignement de la philologie classique* (Strassbourg, Bonn et Leipzig) par F. Collard. 1879—1882). — 1883, ч. 229, сентябрь, отд. III, стр. 1—40.
- 2817.** Н. Пономаревъ. Учебныя заведенія въ Болгарскомъ княжествѣ. — 1882, ч. 220, апрѣль, отд. III, стр. 45—69.
- 2818.** Положеніе объ испытаніяхъ кандидатовъ на учительскія должности въ среднихъ школахъ Пруссіи. — 1867, ч. 135, августъ, отд. III, стр. 230—252. (Извлеченіе изъ 1 выпуска *Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen*, 1867).
- 2819.** Постановленія объ экзаменахъ въ Пруссіи. — 1876, ч. 187, сентябрь, отд. IV, стр. 86—129.
- 2820.** Пренія во французской законодательной палатѣ по поводу про-

- зета новаго закона о начальномъ обученіи.—1867, ч. 136, ноябрь, отд. III, стр. 204—245; декабрь, отд. III, стр. 315—366.
- 2821.** О преподаваніи стенографіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи.—1867, ч. 136, декабрь, отд. III, стр. 299—314. (Изъ „Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen, März's Heft 1867“).
- 2822.** Проектъ закона о надзорѣ за преподаваніемъ и воспитаніемъ въ Пруссіи.—1871, ч. 158, декабрь, отд. IV, стр. 154—155 (Извѣстія и замѣтки).
- 2823.** П. Пудовиковъ. Берлинская статистическая семинарія.—1874, ч. 174, августъ, отд. III, стр. 30—51.
- 2824.** П. А. Рогинскій. Дѣвичій институтъ императрицы Маріи въ Цетинѣ.—1890, ч. 271, октябрь, отд. IV, стр. 53—82.
- 2825.** Д-ръ Ровень-Чудковскій.— Историческій очеркъ элементарныхъ училищъ въ Сербіи.—1870, ч. 150, августъ, отд. IV, стр. 259—274, ч. 151, октябрь, стр. 240—259.
- 2826.** И. Сапожниковъ. Воспитательныя и благотворительныя учрежденія въ Аѳонахъ.—1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 115—125.
- 2827.** К. К. Сентъ-Илеръ. Педагогическій отдѣлъ Парижской всемірной выставки.—1879, ч. 201, январь, отд. IV, стр. 14—45.
- 2828.** Современное состояніе вопроса о народномъ образованіи въ Англіи.—1868, ч. 139, сентябрь, отд. III, стр. 461—496; ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 367—375.
- 2829.** X. Сольскій. О письменныхъ упражненіяхъ по отечественному языку въ высшихъ классахъ нѣкоторыхъ Вѣнскихъ гимназій.—1872, ч. 164, декабрь, отд. III, стр. 53—71.
- 2830.** Среднія учебныя заведенія для рабочаго населенія въ Нидерландахъ.—1870, ч. 149, май, отд. IV, стр. 142—150.
- 2831.** Статутъ Берлинскаго королевскаго Фридриха Вильгельма университета.—1876, ч. 184, апрѣль, отд. IV, стр. 89—195.
- 2832.** М. Л. Стефановичъ. Женскія гимназій въ Германіи.—1887, ч. 254, декабрь, отд. III, стр. 49—70.
- 2833.** М. Л. Стефановичъ. Берлинская конференція 1873 года и дѣятельность главнаго нѣмецкаго педагогическаго общества по женскому школьному образованію съ 1872 по 1886 годъ.—1888, ч. 259, октябрь, отд. III, стр. 17—43; ч. 260 ноябрь, стр. 1—48.
- 2834.** М. Л. Стефановичъ. Гимнастика въ нѣмецкихъ женскихъ училищахъ.—1890, ч. 272, ноябрь, отд. III, стр. 25—41.
- 2835.** М. Л. Стефановичъ. Женскія гимназій въ Германіи. (Die höhere Mädchen-Schule).—1887, ч. 250, мартъ, отд. III, стр. 1—24.
- 2836.** Стурцель. Королевская Прусская гимназія въ Бромбергѣ въ 1864 году.—1868, ч. 138, июнь, отд. II, стр. 787—837.
- 2837.** М. И. Сухомлиновъ. Отдѣлъ народнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1867 г.—1867 г., ч. 136, октябрь, отд. III, стр. 10—47.
- 2838.** П. А. Смирзу. Современное состояніе народнаго образованія у болгаръ.—1883, ч. 228; августъ, отд. IV, стр. 72—86; ч. 229, сентябрь, стр. 10—23; октябрь, стр. 73—82.
- 2839.** Упраженія въ Прусскихъ гимназіяхъ въ латинской разговорной рѣчи.—1872, ч. 164, ноябрь, отд. III, стр. 44—52.
- 2840.** Ф. Фортинскій. Изъ Геттин-

- гена. — 1875, ч. 181, октябрь, отд. IV, стр. 78—90.
- 2841. Ф. Фортинози.** Историческія занятія въ *École des Chartes* и въ *École des Hautes études* въ Парижѣ. — 1876, ч. 183, январь, отд. IV, стр. 1—17.
- 2842. М. В. Чистяковъ.** О высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Швейцаріи. — 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 178—195.
- 2843. М. В. Чистяковъ.** Фребель. Дѣтскіе сады за границей. — 1868, ч. 138, май, отд. II, стр. 525—533.
- 2844. А. Шавровъ.** О преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ въ Берлинѣ. — 1873, ч. 165, февраль, отд. III, стр. 37—64; ч. 166, мартъ, стр. 1—19.
- 2845. И. Л. Шаталовъ.** Нееская учительская семинарія и ея курсы ручного труда. — 1889, ч. 264, июль, отд. III, стр. 1—22.
- 2846. Г. Ш.** Педагогическая корреспонденція. Изъ Средней Германіи. 1877, ч. 190, мартъ, отд. IV, стр. 1—16.
- 2847. Г. Ш.** Педагогическая корреспонденція. Изъ Средней Германіи. — 1877, ч. 191, май, отд. IV, стр. 16—30.
- 2848. Г. Ш.** Педагогическая корреспонденція. Изъ Средней Германіи. — 1876, ч. 188, декабрь, отд. IV, стр. 40—62.
- 2849.** Педагогическая корреспонденція. Изъ Средней Германіи. — 1876, ч. 187, октябрь, отд. IV, стр. 210—229.
- 2850. В. П. III.** Высшее женское образованіе въ Англіи. — 1884, ч. 231, январь, отд. III, стр. 1—29.
- 2851. П. Шейнмихъ.** Очеркъ современнаго состоянія народныхъ школъ въ Пруссіи. — 1890, ч. 272, ноябрь, отд. III, стр. 1—24.
- 2852.** Изъ школьной и научной жизни за границей. — 1867, ч. 134, май, отд. III, стр. 266—282.
- 2853. Шмидтъ.** Одна изъ южно-германскихъ гимназій. — 1875, ч. 180, августъ, отд. III, стр. 1—27; ч. 181, сентябрь, отд. III, стр. 1—36.
- 2854. И. В. Штейнманъ.** Мгновіе иностраннаго педагоговъ въ Сѣверной Германіи, Баденѣ, Виртембергѣ и Бельгіи, о проектѣ устава реальныхъ училищъ въ Россіи. — 1872, ч. 159, январь, отд. III, стр. 95—115.
- 2855.** Французскія гимназіи (статья д-ра Э. Штреллина, перев. съ нѣмецкаго). — 1873, ч. 168, августъ, отд. III, стр. 78—99.
- 2856. В. Э. Эвальдъ.** Забѣтка по поводу отчета о педагогическомъ отдѣлѣ Парижской всемірной выставки г. Сентъ-Илера). — 1879, ч. 203, мартъ, отд. IV, стр. 13—22.
- 2857. А. Д. Юржевичъ.** Преподаваніе классическихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. — 1870, ч. 151, сентябрь, отд. III, стр. 43—58.
- 2858. Э. А. Эозимитовъ.** Очеркъ народнаго образованія въ Британской Индіи. — 1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 161—188.

Б. Рецензій.

- 2859. Das Realgymnasium, von K. Dillmann, Oberstudienrat, Rektor des K. Realgymnasium in Stuttgart.** 1883.—См. статью гр. А. Мусинъ-Пушкина: По поводу книги Дильмана о реальной школѣ.
- 2860. Trois universités allemandes considérées au point de vue de l'ensei-**

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
(май и іюнь 1894 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (25-го января 1894 года). Обь утвержденіи дополнительнаго штата клиникъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ . . .	3
2. (27-го декабря 1893 года). О распространеніи дѣятельности комисіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ на всю территорию С.-Петербургскаго учебнаго округа. . .	5
3. (28-го января 1894 года). Обь учрежденіи при Харьковскомъ обществѣ физико-химическихъ наукъ преміи имени академика П. П. Бекетова и обь утвержденіи положенія о сей преміи . . .	—
4. (10-го марта 1894 года). Обь установленіи форменной одежды для студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета . . .	—
5. (10-го марта 1894 года). Обь учрежденіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ денежной преміи имени заслуженнаго профессора Ю. Э. Лисона. . .	6
6. (10-го марта 1894 года). Обь опредѣленіи врача при Гольдингенскомъ еврейскомъ казенномъ училищѣ . . .	39
7. (14-го марта 1894 года). Обь учрежденіи въ г. Москвѣ промышленнаго училища и обь утвержденіи штата означеннаго училища .	—

**ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ. 6**

ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го марта 1894 года	18
1-го мая 1894 года	43

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го января 1894 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассессора Александра Михайловича Егорьева, при Ревельской гимназіи Императора Николая I.	21
2. (23-го января 1894 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Фердинандовича Кельха при Московской 2-й мужской гимназіи	22
3. (25-го февраля 1894 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Карла Давыдовича Гейнце при Нижегородской мужской гимназіи	23
4. (11-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Николая Сергѣевича Мазурина при Императорскомъ Московскомъ тохническомъ училищѣ.	24
5. (11-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи при Уржумской женской прогимназіи имени законоучителя сей прогимназіи, протоіеря Ипполита Мышкина	25
6. (19-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Ломоносова при С.-Петербургской шестой гимназіи	26
7. (21-го марта 1894 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. А. Вышнеградскаго при Вятской Маріинской женской гимназіи.	27
8. (31-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи при Омской женской гимназіи имени бывшей классной надзирательницы сей гимназіи Евлаіи Михайловны Киселевой	28
9. (31-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи имени барона Николая Васильевича Корфа при Валуйской Маріинской женской прогимназіи	29
10. (19-го февраля 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Ларионова при Рязскомъ реальномъ училищѣ Императора Петра I	45
11. (11-го марта 1894 года). Положеніе о денежныхъ пособіяхъ имени бывшаго Московскаго городского головы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Михайловича Третьякова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.	46
12. (12-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ при Импе-	

раторскомъ Московскомъ университетѣ, имени Пензенскаго уѣзднаго гласнаго Льва Васильевича Послова	47
13. (16-го марта 1894 года). Положеніе о преміи имени бывшаго заслуженнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Юлія Эдуардовича Япсона для студентовъ того же университета	48
14. (27-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Ѳедоровича Агаркова при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ	49
15. (28-го марта 1894 года). Положеніе о стипендіи имени титулярнаго совѣтника Петра Яковлевича Улаповскаго при Гродненской мужской гимназійи	50
16. (3-го апрѣля 1894 года). Положеніе о стипендіи имени дѣятельнаго статскаго совѣтника Альфонса Ѳомича Поклевскаго-Козель, при одномъ изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній: Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго или Варшавскаго учебныхъ округовъ, вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія, а также при медицинскомъ факультетѣ одного изъ университетовъ или при Императорской военно-медицинской академіи вѣдомства военнаго министерства	51
17. (28-го апрѣля 1894 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Фердинандовича Кельха при Императорскомъ московскомъ университетѣ	53
18. (28-го апрѣля 1894 года). Положеніе о стипендіи жены дѣятельнаго статскаго совѣтника Кетеваны Автанділовны Моликъ-Агамаловой при Эриванской женской прогимназійи	54
19. (1-го мая 1894 года). Положеніе о стипендіи при Рославльскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ имени надворнаго совѣтника Карла Давидовича Гейнце	55

ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

12-го апрѣля 1894 года	56
----------------------------------	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	30 и 60
---	---------

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	34 и 61
--	---------

Открытіе училищъ	62
----------------------------	----

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. И. Пападопуло-Керамевсъ. Теофанъ Карикъ, патріархъ константинопольскій	1
А. Н. Веселовскій. Изъ введенія въ историческую поэтику	21
В. О. Миллеръ. Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ	43
П. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе)	78
В. И. Модестовъ. Забѣтки по Тациту (окончаніе)	122
Э. Л. Радловъ. Принципы философіи Гюйо	163
И. Я. Сирогисъ. По поводу статьи „Народный судъ въ Западной Руси“	181
С. Ф. Ольденбургъ. Очерки преподаванія восточныхъ языковъ во Франціи, Англии и Германіи	255
В. И. Курдюновскій. Профессоръ Пушшартъ и наука гражданскаго права въ Германіи	276
В. П. Бузескулъ. Ἀθροισμὸν Πολιτείαῖν Аристотеля, какъ источникъ для исторіи афинской демократіи до конца V вѣка до Р. Х.	329
Д. М. Позднѣевъ. Вопросы древней исторіи Китая	374
С. Богоявленскій. Къ вопросу о столѣхъ Газряднаго приказа	401

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. М. Г. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. Одесса. 1894	200
А. А. Кочубинскій. М. Г. Попруженко. Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. Одесса. 1894	203
А. И. Соболевскій. С. Буличъ. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ языкѣ. Часть I. С.-Пб. 1893	215
В. М. Владиславлевъ. И. Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. Москва. 1894	221
В. Г. Аппельротъ. По поводу рецензій проф. Цвѣтаева	239
А. Д. Шутята. С. Н. Шохоръ-Троцкий. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. С.-Пб. 1892	414
А. И. Соболевскій. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лазоръ. М. 1893	425
А. Г. Гусаковъ. П. Е. Соколовскій. Исслѣдованія въ области права товарищества. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. Кіевъ. 1893	435
Книжныя новости	250 и 452

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

А. Д. Вейсманъ. По поводу вопроса о приготовленіи учителей гимназій.	11
Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1892 году.	1
В. П. Бузескулъ. В. К. Надлеръ (<i>некрологъ</i>).	40
Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1893 году	47
А. И. Залѣсскій. Географическая секція IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ.	91
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа	92

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Ш. П. Ланге. „Первая Аналитика“ Аристотеля (<i>окончаніе</i>).	33 и 86
И. И. Холодникъ. Эпиграфическія замѣтки	70 и 109
С. К. Буличъ. Къ вопросу о новонайденныхъ памятникахъ древне-греческой музыки	73
В. В. Лытышевъ. Къ исторіи веспорскаго царства	81
И. И. Х — къ. Пустозвонъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта	113

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ (<i>продолженіе</i>).	129 и 161
--	-----------

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Пасльдику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ специальныхъ женскихъ училищъ, съ качествомъ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется съ качествомъ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособие для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ качествомъ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ съ качествомъ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе третье, исправленное и дополненное. 1893 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качестве книги для класснаго и вѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЦЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе пятое дополненное, 1893 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. н. Просвѣщенія для класснаго и вѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Возѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

•ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ.

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

6020
14

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

